

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

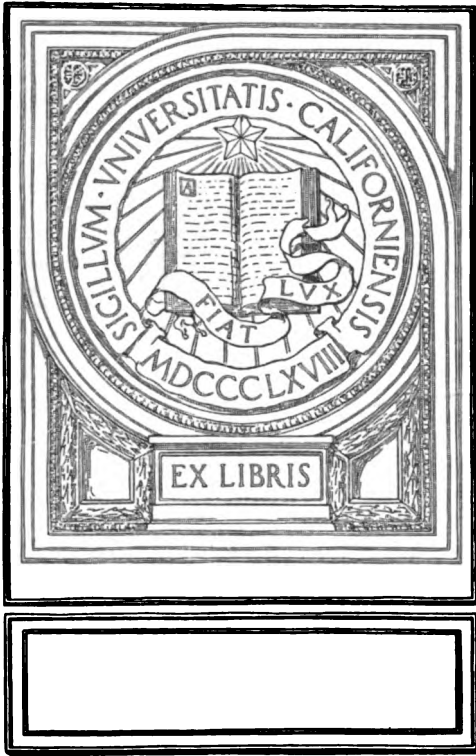
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 027 645

C. H. Brown

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛІВ.

3 - 4

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1871.

L951
A4
v. 157

TO THE
LIBRARY

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДННЪЙШАГО ОТЧЕТА МИНИСТРА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1869 ГОДЪ.****I. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.****1. Высшія учебныя заведенія.**

Къ числу высшихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ теченіе 1869 года присоединились: Императорскій Варшавскій университетъ, преобразованный изъ существовавшей въ Варшавѣ главной школы, и институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, учрежденный въ Новой Александріи въ Люблинской губерніи.

A. УНИВЕРСИТЕТЫ.

Открытіе Императорскаго Варшавскаго университета, на основаніи Высочайше утвержденнаго 8-го іюня 1869 г. особаго устава, совершилось 12-го октября 1869 года въ замѣнъ существовавшей въ Варшавѣ главной школы. На Варшавскій университетъ, состоящій изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго, распространяются, сообразно съ мѣстными условіями, всѣ существенныя законоположенія, на коихъ основано устройство прочихъ университетовъ Имперіи, вслѣдствіе чего университету этому дарованы новыя права и преимущества, которыхъ не имѣла бывшая главная школа, и штатъ содержанія его увеличенъ до 211.780 рублей, вмѣсто 132.100 рублей, составлявшихъ содержаніе главной школы. Доставляя средства высшаго научнаго образованія

многочисленному населенію Привислянскаго края Имперіи, Варшавскій университетъ приобрѣтаетъ еще особенное значеніе, какъ учрежденіе, долженствующее довершить систему объединенія населенія Привислянскихъ губерній съ населеніемъ остальныхъ губерній Имперіи посредствомъ общаго всѣмъ племенамъ Имперіи государственнаго языка. Поэтому преподаваніе всѣхъ предметовъ въ новомъ университетѣ постановлено производить на русскомъ языкѣ. При самомъ открытіи университета, изъ числа 56-и лицъ, опредѣленныхъ на должности профессоровъ, доцентовъ и лекторовъ, 34 начали уже чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ, остальнымъ же 22, избраннымъ преимущественно изъ профессоровъ бывшей главной школы, дана для изученія русскаго языка двухлѣтняя льгота, по истеченіи которой они обязаны начать преподаваніе также на русскомъ языкѣ. Затѣмъ университетъ пригласилъ еще нѣсколькихъ профессоровъ изъ русскихъ ученыхъ и принялъ мѣры къ приготовленію на профессорскія должности молодыхъ польскихъ ученыхъ въ университетахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ, такъ что къ 1-му января 1870 года до полнаго профессорскаго состава, заключающаго въ себѣ по уставу 52 профессоровъ, 24 доцентовъ и 5 лекторовъ, недоставало только 3 профессоровъ и 7 доцентовъ.

Ко времени открытія университета число студентовъ, поступившихъ преимущественно изъ воспитанниковъ бывшей главной школы и частью вновь принятыхъ, было уже весьма значительно: къ 1-му января 1870 года въ университетѣ состояло студентовъ 1.021 и вольнослушателей 99, слушающихъ лекціи большею частью на русскомъ языкѣ. Всѣ эти данныя показываютъ, что новый университетъ обладаетъ уже въ настоящее время въ значительной степени условіями, необходимыми для успѣшнаго выполненія какъ спеціальной задачи, указанной ему Высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества, такъ и общою со всѣми университетами задачи — служить къ продолженію и дальнѣйшему развитію истинъ науки и чрезъ то къ возвышенію и усиленію общественнаго благосостоянія.

Развитію ученой дѣятельности университетовъ до предѣловъ, указанныхъ имъ уставомъ 1863 года, и въ 1869 году, подобно предыдущимъ годамъ, препятствовали недостаткомъ въ профессорахъ, вслѣдствіе чего и по настоящее время нѣкоторыя каѳедры еще остаются не занятыми. Устраненіе этого недостатка съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ составляло предметъ моей особой заботливости. Принятая мною съ этою цѣлію мѣры, о которыхъ я имѣлъ уже счастье докладывать въ прежнихъ моихъ отчетахъ, какъ то: оставленіе при университетахъ способныхъ молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ подъ руководствомъ профессоровъ, отправленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ заграничныя университеты съ тою же цѣлію и поощреніе и развитіе учрежденія приватъ-доцентовъ или частныхъ преподавателей, состоящихъ теперь при всѣхъ университетахъ, всѣ эти мѣры вмѣстѣ взятыя дали возможность въ послѣднее время замѣстить многія каѳедры способными молодыми учеными. Такимъ образомъ въ 1869 году открыты положенныя по уставу 1863 г. новыя каѳедры: въ Казанскомъ университетѣ — каѳедра физиологической химіи, въ Харьковскомъ университетѣ — каѳедра сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ и церковной исторіи и въ университетахъ Новороссійскомъ и Кіевскомъ св. Владиміра — церковной исторіи. Сверхъ того, въ Харьковскомъ университетѣ, по примѣру университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго, введено преподаваніе въ юридическомъ факультетѣ судебной медицины, имѣющей важное практическое значеніе для будущихъ юристовъ. Увеличеніе преподавательскихъ силъ полекло за собою, независимо отъ пополненія каѳедръ, раздѣленіе нѣкоторыхъ сложныхъ каѳедръ и вообще большую спеціализацію занятій, имѣющую несомнѣнное вліяніе на соощеніе научному образованію большей основательности и зрѣлости. Въ Московскомъ университетѣ обширная каѳедра уголовного права и уголовного судопроизводства раздѣлена на двѣ каѳедры: уголовного права и уголовного судопроизводства;

также изъ кафедры хирургической госпитальной клиники образованы двѣ отдѣльныя кафедры: хирургической госпитальной клиники и оперативной хирургіи. Въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра общая патологія, преподававшаяся вмѣстѣ съ патологической анатомією, составила особую отдѣльную кафедру. Въ видахъ большей специализаціи занятій студентовъ, въ физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета учебный курсъ раздѣленъ на общій и спеціальный: первые два года назначаются на слушаніе предметовъ общаго курса; спеціальному курсу, подраздѣляющемуся на нѣсколько отдѣленій, посвящаются послѣдніе два года; при окончательныхъ испытаніяхъ требуется знаніе какъ предметовъ общаго курса, такъ и предметовъ избраннаго испытываемымъ спеціального отдѣленія. Въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ физико-математическомъ факультетѣ есть существующимъ двумъ разрядамъ: наукъ математическихъ и естественныхъ присоединенъ третій разрядъ наукъ физико-химическихъ, и для студентовъ всѣхъ этихъ разрядовъ установлены также курсы общіе въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ и спеціальныя въ послѣдніе два года на томъ же основаніи, какъ и въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ тою же цѣлю въ Новороссійскомъ университетѣ, по важному значенію сельско-хозяйственныхъ наукъ для южнаго края Имперіи, предположено образовать при математическомъ факультетѣ особое отдѣленіе агрономическихъ наукъ, съ выдѣленіемъ изъ него техническихъ наукъ, такъ какъ основательное изученіе агрономическихъ наукъ вмѣстѣ съ техническими признано весьма затруднительнымъ.

Придавая приготовленію профессоровъ важное значеніе относительно сохраненія личнаго ученаго состава въ университетахъ въ надлежащей полнотѣ, я обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на одно обстоятельство, нерѣдко лишавшее университеты вполне способныхъ ученыхъ дѣятелей. По § 78 университетскаго устава 1863 года профессеры, по выслугѣ 25-и лѣтъ, оставлялись на службѣ на каждое новое пятилѣтіе по избранію двумя третями голосовъ; въ силу такого требованія, дававшего возможность мень-

шинству располагать, по своему усмотрѣнію, составомъ университетской коллегіи, забаллотированіе профессоровъ, выслужившихъ 25 лѣтъ, во многихъ университетахъ сдѣлалось, къ сожалѣнію, явленіемъ весьма обыкновеннымъ и притомъ вреднымъ, такъ какъ въ наличности не оказывалось достаточныхъ ученыхъ силъ для замѣщенія вакантныхъ каедръ. Вслѣдствіе того, по представленію моему, Высочайше утвержденнымъ 31-го марта 1869 года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено требовать только простаго большинства голосовъ для избранія профессора, по выслугѣ 25-и лѣтъ, на каждое новое пятилѣтіе. Послѣдствія этой мѣры уже не замедлили обнаружиться: случаи забаллотированія значительно уменьшились и могутъ имѣть мѣсто на будущее время преимущественно тогда, когда они приносятъ дѣйствительную пользу, то-есть, при увольненіи отъ службы профессора, не сохранившаго достаточныхъ силъ или утратившаго силы, необходимыхъ для чтенія лекцій съ пользою для слушателей.

Оживленію ученой дѣятельности университетовъ значительно способствуютъ существующія при нихъ на основаніи устава разныя ученые общества. Въ 1869 году при четырехъ университетахъ: Казанскомъ, Харьвовскомъ, Кіевскомъ Св. Владимира и Новороссійскомъ учреждены *Общества Естествоиспытателей*, подобно существовавшимъ уже обществамъ любителей естествознанія при Московскомъ и С.-Петербургомъ университетахъ. Дѣятельность старѣйшаго изъ этихъ обществъ, существующаго при Московскомъ университетѣ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи обращена была въ 1869 году преимущественно на фаунистическое изученіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Россіи и на обогащеніе нашихъ музеевъ русскими естественно-историческими предметами. Съ этою цѣлію обществомъ снаряжены были экспедиціи въ Туркестанъ, къ морямъ Балтійскому, Черному, Бѣлому и къ Бѣлоозеру, для изученія преимущественно мѣстныхъ животныхъ. Плодами этихъ экспедицій были появленіе новыхъ замѣчательныхъ изслѣдованій, частію уже обнародованныхъ и частію приготовляемыхъ къ изданію, и коллекція болѣе чѣмъ въ 40 ты-

сячь экземпляровъ, обнимающая собою всё классы животнаго царства и собранная въ мало изслѣдованныхъ и мало извѣстныхъ мѣстностяхъ; въ томъ числѣ до 25-и тысячъ экземпляровъ доставлены изъ Туркестанской области и Самарканда. Изъ животныхъ Балтійскаго моря, не смотря на незначительное разнообразіе его фауны, составлена коллекція, заключающая въ себѣ 200 видовъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ.

Сверхъ того, по порученію этнографическаго отдѣла общества, совершена была экспедиція въ Латышскій край для собранія на мѣстѣ этнографическихъ матеріаловъ о латышскомъ племени, дающихъ понятіе о его внѣшней и духовной жизни.

Обществомъ естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ также снаряжена была экспедиція къ Бѣлому морю, представившая, кромѣ собранія богатыхъ коллекцій, много новыхъ данныхъ, относящихся къ зоологій, ботаникѣ, минералогіи и геологій Бѣломорскаго края. Съ будущаго года общество предположило издавать свои изслѣдованія въ особомъ журналѣ подъ названіемъ: «Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей».

Нѣкоторыми изъ членовъ общества естествоиспытателей при Харьковскомъ университетѣ произведены были по плану, предварительно одобренному обществомъ, экскурсіи въ окрестности Бѣлгорода для изслѣдованія мѣстной флоры, преимущественно водорослей, грибовъ и лишайниковъ, въ окрестности Зміева и Зміевскаго лимана, а также Славянскихъ озеръ, для изслѣдованія состава тамошнихъ водъ и изученія населяющихъ ихъ животныхъ и растений, а также насѣкомыхъ, причиняющихъ вредъ растительности края. Въ геогностическомъ отношеніи изслѣдованы членами общества малоизвѣстныя до того нѣкоторыя мѣстности въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. Представленные обществу отчеты по всѣмъ этимъ трудамъ напечатаны въ особомъ сборникѣ. Изслѣдованія членовъ общества естествоиспытателей при Кіевскомъ университетѣ касались преимущественно фауны Чернаго и Каспійскаго морей.

При С.-Петербургскомъ университетѣ, кромѣ общества естествоиспытателей, существуютъ еще два общества: Русское химическое и филологическое. Въ трудахъ химическаго общества принимали участіе не только лабораторія С.-Петербургскаго университета, но и лабораторіи университетовъ Кіевскаго, Казанскаго, С.-Петербургской Земледѣльческой Академіи и Технологическаго института, а также нѣкоторые ученые въ Тифлицѣ и Берлинѣ. Химическое общество, благодаря сочувствію, которымъ оно пользуется въ русскихъ научныхъ центрахъ, имѣетъ возможность издавать свой особый журналъ, могущій, по всей справедливости, служить выраженіемъ ученой дѣятельности по химіи въ Россіи; въ 1869 году вышло 9 выпусковъ этого журнала, заключающихъ въ себѣ около 20-и печатныхъ листовъ. Въ филологическомъ обществѣ обсужены были многіе вопросы, относящіеся къ языкамъ русскому, древне-греческому, санскритскому, китайскому и арабскому, а также касающіеся сравнительной народной словесности, исторіи литературы и науки древностей.

Дѣятельность ученыхъ обществъ естествоиспытателей при университетахъ, независимо отъ научнаго своего значенія, имѣетъ особенную важность для университетовъ въ томъ отношеніи, что при экспедиціяхъ и экскурсіяхъ, совершаемыхъ по порученію обществъ, собираются значительныя коллекціи естественно-историческихъ предметовъ, которыя передаются, на основаніи уставовъ обществъ, въ кабинеты и музеи университетовъ. Этимъ путемъ кабинеты и музеи университетовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Харьковскаго въ теченіе 1869 года сдѣлали значительныя приобрѣтенія, и есть основаніе надѣяться, что въ близкомъ будущемъ университетскіе музеи и кабинеты, благодаря новымъ экспедиціямъ, сдѣлаются возможно-полными собраніями русскихъ произведеній природы и дадутъ занимающимся естественными науками новыя средства къ изученію этихъ наукъ.

Независимо отъ вышеозначенныхъ приобрѣтеній отъ обществъ естествоиспытателей, а также и отъ обычнаго увеличенія на счетъ штатныхъ суммъ, собранія учебныхъ пособій и учебныя учреж-

денія при нѣкоторыхъ университетахъ усилены въ 1869 году на счетъ свободныхъ остатковъ: именно при Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра устроенъ патологическій кабинетъ съ лабораторією, при Новороссійскомъ университетѣ учрежденъ техническій кабинетъ и лабораторія, при Московскомъ университетѣ открыта клиника нервныхъ болѣзней и при Дерптскомъ университетѣ усилены клиническія учрежденія, анатомическій театръ, физическій кабинетъ, фармакологическій институтъ и бібліотека.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ учебныхъ силъ и учебныхъ средствъ университетовъ, въ теченіе 1869 года было обращено особенное вниманіе на развитіе между учащимися стремленія къ основательному труду и на доставленіе матеріальныхъ средствъ тамъ, гдѣ это оказывалось необходимымъ.

Съ первою цѣлю предложено мною совѣтамъ университетовъ войти въ обсужденіе мѣръ, какія слѣдовало бы принять для привлеченія студентовъ къ серіознымъ занятіямъ подѣ руководствомъ преподавателей, такъ какъ одно пассивное слушаніе лекцій не можетъ быть признано достаточнымъ для достиженія цѣлей университетскаго ученія. Въ Англіи принята система туторства, въ Германіи находятся при университетахъ многоразличныя семинаріи, во Франціи существуетъ *école pratique des hautes études*. Вслѣдствіе этого предложенія, университеты, какъ видно изъ представленныхъ отчетовъ, приняли мѣры къ усиленію практическихъ занятій студентовъ не только въ физико-математическихъ факультетахъ, гдѣ такія занятія почти неизбѣжны, но и, по возможности, во всѣхъ другихъ факультетахъ. Относительно средствъ для матеріальнаго пособія недостаточнымъ студентамъ въ 1869 году произошло значительное увеличеніе. Къ общему числу 920 стипендій въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ, Новороссійскомъ и Дерптскомъ присоединилось еще, не считая стипендій Кавказскихъ и Финляндскихъ воспитанниковъ, 100 Императорскихъ стипендій, дарованныхъ щедротою Вашего Императорскаго Величества С.-Петербургскому университету по случаю его 50-лѣт-

няго юбилея, и 17 стипендій въ разныхъ университетахъ, учрежденныхъ разными частными лицами. Какъ ни велика цифра стипендій, на дѣлѣ однако оказалось необходимымъ, по значительному числу недостаточныхъ студентовъ, прибѣгнуть къ изысканію другихъ средствъ для пособія имъ. Въ этихъ видахъ, съ Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества, разрѣшено учрежденіе въ С.-Петербургѣ особаго благотворительнаго комитета, состоящаго изъ нѣсколькихъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета и имѣющаго цѣлью оказаніе вспоможенія недостаточнымъ студентамъ по соглашенію съ начальствомъ С.-Петербургскаго университета. Съ тою же цѣлью въ Кіевѣ учреждено попечительство о недостаточныхъ студентахъ, подъ предѣдательствомъ попечителя, изъ ректора, проректора и нѣсколькихъ профессоровъ, а также постороннихъ лицъ, сочувствующихъ цѣли попечительства. Такое же попечительство и на тѣхъ же основаніяхъ открыто и въ Одессѣ. Исходя отъ той точки зрѣнія, что стипендіи и пособія даются для доставленія возможности заниматься науками, университеты держатся постоянно правила назначать стипендіи и пособія только студентамъ, отличающимся поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Такимъ образомъ стипендіи обращаются въ свою очередь въ важное поощрительное средство къ серіозному занятію науками, которое и должно составлять главную и исключительную обязанность молодыхъ людей, посѣщающихъ университетскія аудиторіи.

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ отчетномъ году уклоненіе отъ этой главной обязанности незначительнаго числа молодыхъ людей сопровождалось безпорядками въ С.-Петербургскомъ университетѣ, слѣдовавшими за безпорядками въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ, вслѣдствіе чего, и по вниманію къ тому, что дисциплинарныя правила, установленныя для учащихся въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были различны, по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, учрежденъ былъ особый комитетъ, составленный изъ министровъ, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ

высшія учебныя заведенія, для обсужденія мѣръ къ установленію одинаковыхъ дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правила эти, по порученію комитета, были составлены особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, одобрены комитетомъ и удостоены Высочайшаго утвержденія Вашего Величества, а вслѣдъ затѣмъ и предложены къ исполненію по принадлежности во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При составленіи дисциплинарныхъ правилъ принято за основаніе съ одной стороны устранить наплывъ въ высшія учебныя заведенія людей, подающихъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, а съ другой — предупредить, по возможности, нарушеніе порядка со стороны тѣхъ, которые уже приняты въ эти заведенія. Для достиженія первой цѣли предложено учебнымъ начальствамъ обратить особенное вниманіе на свидѣтельства о поведеніи лицъ, поступающихъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія изъ гимназій и духовныхъ семинарій, а равно переходящихъ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое, и усилить при приѣмѣ требованія повѣрочныхъ испытаній. Для второй цѣли постановлено, между прочимъ, производить съ должною строгостью переводныя и окончательныя испытанія, оставлять на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и притомъ такъ, чтобы двухлѣтнее пребываніе на одномъ курсѣ повторялось въ продолженіе всего учебнаго курса не болѣе двухъ разъ и примѣнять въ крайнихъ случаяхъ вездѣ одинаковыя правила высшихъ мѣръ взыскапія, установленныхъ комиссіею за проступки, влекущія за собою увольненіе или исключеніе изъ высшаго учебнаго заведенія.

Къ событіямъ, имѣвшимъ важное значеніе для всѣхъ университетовъ, въ 1869 году должны быть отнесены: второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей, происходившій въ Московскомъ университетѣ, и празднованіе 8-го февраля пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета. Какъ сѣздъ, такъ и юбилей привлекли въ обѣ столицы значительное число русскихъ

ученыхъ, съѣхавшихся сюда въ качествѣ депутатовъ отъ всѣхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи, и тѣмъ содѣйствовали личному сближенію представителей науки въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Второй съѣздъ русскихъ естествоиспытателей происходилъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, при Московскомъ университетѣ съ 20-го по 29-е августа и имѣлъ, кромѣ частныхъ засѣданій по секціямъ, три общихъ засѣданія. Предварительныя работы по устройству съѣзда поручены были мною особому комитету изъ членовъ физико-математическаго факультета Московскаго университета, депутатовъ отъ медицинскаго факультета, отъ Московскихъ ученыхъ естественно-историческихъ обществъ и отъ тѣхъ ученыхъ учрежденій, которыя по роду своей дѣятельности интересуются успѣхами естествознанія. Присутствовавъ лично при открытіи съѣзда и имѣвъ возможность близко слѣдить за ходомъ его занятій, считаю обязанностью высказать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мое глубокое убѣжденіе, что подобные съѣзды, правильно организованные, служатъ самымъ могущественнымъ средствомъ къ объединенію ученыхъ силъ, къ укрѣпленію самостоятельной жизни науки въ нашемъ отечествѣ, что этимъ путемъ въ области естественно-исторической вѣрнѣе и скорѣе всего можетъ быть создана русская наука, которой, посредствомъ точнаго изученія естественныхъ произведеній страны, предстоитъ важная задача усилить благосостояніе общества и открыть новые источники нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія нашего обширнаго отечества.

Труды втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей печатаются и составляютъ важное приобрѣтеніе для русской науки. Замѣчательно, что занятія съѣзда имѣли сильное вліяніе и на студентовъ Московскаго университета, возбудивъ въ нихъ стремленіе къ серіозной научной дѣятельности.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета, сопровождавшееся значительнымъ числомъ сочувственныхъ адресовъ дѣятельности университета отъ разныхъ учебныхъ

заведеній, ученыхъ обществъ и правительственныхъ и земскихъ учреждений и немаловажными пожертвованіями для обезпеченія въ будущемъ недостаточныхъ студентовъ, обнаружило, что въ средѣ нашего общества сложилось уже твердое убѣжденіе въ важности и необходимости науки какъ для матеріальнаго благосостоянія страны, такъ и для возвышенія нравственнаго ея уровня. Выраженіемъ этого убѣжденія служить девизъ на медали, выбитой въ память пятидесятилѣтія университета: «Гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ».

Всего же знаменательнѣе въ юбилей было то высокое вниманіе, которымъ Вашему Императорскому Величеству благоудно было почтить науку въ лицѣ С.-Петербургскаго университета. Милостивый рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, щедрыя награды профессорамъ университета, значительныя стипендіи и единовременное пособіе учащемуся юношеству останутся навсегда незабвенными въ лѣтописяхъ С.-Петербургскаго университета, который имѣлъ, сверхъ того, счастье, съ соизволенія Вашего Величества, украсить списокъ своихъ почетныхъ членовъ именами Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей. Въ теченіе же 1869 года Новороссійскій университетъ удостоился высокой чести посѣщенія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Б. Историко-филологическій институтъ.

Со вступленіемъ въ третій годъ существованія, въ историко-филологическомъ институтѣ открытъ въ 1869 году третій курсъ, который, на основаніи устава, составилъ три спеціальныя отдѣленія: 1) древнихъ языковъ, 2) русскаго языка и словесности и 3) исторіи. Изъ 26-и студентовъ третьяго курса поступили въ 1-е отдѣленіе — 9, во 2-е — 10 и въ 3-е — 7. Посвящая себя преимущественно занятію избранными предметами, студенты каждаго отдѣленія обязаны слушать и предметы прочихъ отдѣле-

ній и въ особенности знать основательно древніе языки, служащіе основаніемъ институтскаго ученія. Успѣхи въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно считать вполне удовлетворительными. Студенты 3-го курса на испытанія изъ латинскаго языка переводили и объясняли статьи, не читанныя въ теченіе года, въ отдѣленіи древнихъ языковъ безъ приготовленія, а въ прочихъ отдѣленіяхъ съ приготовленіемъ; сверхъ того, студенты отдѣленія древнихъ языковъ во время самаго испытанія писали на латинскомъ языкѣ статьи по предмету древностей. Въ низшихъ двухъ курсахъ состояло въ 1 января 1870 года студентовъ: во 2-мъ курсѣ 23 и въ 1-мъ курсѣ — 27; всего же во всѣхъ трехъ курсахъ 76.

По уставу института въ первыхъ двухъ курсахъ преподаются общіе предметы; послѣдніе же два курса: третій и четвертый назначаются для изученія специальныхъ предметовъ и для практическихъ занятій подъ руководствомъ особыхъ наставниковъ въ состоящей при институтѣ классической гимназіи. По этому съ предстоящимъ открытіемъ четвертаго курса оказалось необходимымъ учрежденіе при институтѣ такой гимназіи. Представленіе мое по этому предмету, внесенное въ государственный совѣтъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія уже въ апрѣлѣ 1870 года.

До сихъ поръ въ историко-филологическомъ институтѣ приготовлялись учителя для учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, считая въ томъ числѣ и Варшавскій округъ, и для Закавказскаго края. Въ 1869 году учреждено въ институтѣ 5 стипендій на счетъ духовно-учебнаго капитала для образованія учителей духовныхъ семинарій. Такимъ образомъ институтъ дѣлается постепенно рассадникомъ хорошо приготовленныхъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ.

Роль, выпадающая на долю института въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ полнаго вниманія. Наши среднія учебныя заведенія страдаютъ недостаткомъ въ хорошихъ учителяхъ. Гимназіи и ду-

ховныя семинаріи должны, по необходимости, довольствоваться нерѣдко посредственными учителями, недостаточно знакомыми съ методами преподаванія; да и въ такихъ учителяхъ, не смотря на усиленныя мѣры къ замѣщенію учительскихъ должностей, ощущается недостатокъ. Въ однихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія къ 1-му января 1870 года было 73 учительскія вакансіи и въ числѣ ихъ 37 вакансій по древнимъ языкамъ и 18 по русскому языку и исторіи. При такихъ условіяхъ приобретаетъ особую важность существованіе подобнаго институту спеціальнаго учебнаго заведенія, которое, вмѣстѣ съ доставленіемъ высшаго основательнаго образованія, даетъ своимъ воспитанникамъ и полное педагогическое образованіе, и въ которомъ вся обстановка, всѣ условія жизни и самый ходъ ученія примѣнены къ этой спеціальной цѣли. Долгомъ считаю при этомъ засвидѣтельствовать, что Императорскій историко-филологическій институтъ, какъ я могъ лично въ томъ убѣдиться, стремится выполнить свое назначеніе съ должнымъ рвеніемъ и полною добросовѣстностію какъ въ лицѣ начальства института и всей его ученой корпораціи, такъ и въ лицѣ руководимаго ими юношества.

В. Лицеи.

Въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состоятъ два лица: Демидовскій въ Ярославлѣ и Нѣжинскій князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Демидовскій лицей преобразованъ еще въ 1868 году въ Демидовскій юридическій лицей, на основаніи особаго временнаго устава съ увеличеніемъ содержанія его до 30.617 руб. 27 коп. Самое открытіе лица отложено было однако до 1870 года, дабы сдѣлать всѣ предварительныя распоряженія къ постепенному закрытію прежняго лица и къ лучшему устройству новаго, приспособить зданіе лица къ новымъ его потребностямъ, приготовить необходимыя учебныя пособія, а особенно бібліотеку юридическихъ наукъ, и замѣстить каѣдры приглашеніемъ необходимаго числа достойныхъ профессоровъ. Въ этихъ видахъ, по ходатайству моему, послѣдовало въ 1869 году разрѣше-

ніе Вашего Императорскаго Величества допустить на первое время къ исправленію должности экстраординарныхъ профессоровъ въ лицей и лицъ, имѣющихъ званіе магистровъ, прервать приѣмъ студентовъ въ первый курсъ нынѣшняго лицея и пансіонъ при немъ закрыть съ выдачею студентамъ, состоящимъ на изживеніи лицея, стипендій, и затѣмъ въ 1870 году открыть первый курсъ Демидовскаго юридическаго лицея уже по новому уставу.

Нѣжинскій лицей князя Безбородко продолжаетъ оставаться въ прежнемъ безвыходномъ положеніи, считаясь высшимъ учебнымъ заведеніемъ и существуя на средства почти вдвое меньшія, чѣмъ каждая гимназія.

Хотя комиссія, Высочайше учрежденная для разсмотрѣнія моихъ отчетовъ по министерству за послѣдніе два года, вполне согласилась со мной въ томъ, что дальнѣйшее оставленіе означеннаго лицея въ настоящемъ его видѣ невозможно, и Вашему Императорскому Величеству благоутодно было утвердить такое заключеніе комиссіи и разрѣшить мнѣ войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ изысканіи средствъ, необходимыхъ для преобразованія лицея, тѣмъ не менѣе сношенія мои съ министромъ финансовъ, по затруднительному положенію государственнаго казначейства, не могли увѣнчаться успѣхомъ. Между тѣмъ явилось новое обстоятельство, еще болѣе обязывающее министерство народнаго просвѣщенія ходатайствовать о дарованіи лицею средствъ подняться на степень высшаго учебнаго заведенія не по имени только, но и въ дѣйствительности. Княгиня Суворова (бывшая графиня Куселева-Безбородко), желая поддержать лицей, сдѣлала въ пользу его пожертвованіе въ 105.000 руб., которое она обязалась внести черезъ 10 лѣтъ, а до того времени вносить въ лицей, каждый годъ впередъ, по 5.250 рублей. Пожертвованіе это, увеличивающее средства лицея, принято съ соизволенія Вашего Величества, и затѣмъ на лицей требуется теперь дополнительной суммы не 34.000, а около 29.000. рублей.

Министръ финансовъ, съ которымъ я вновь сносился вслѣдствіе этого пожертвованія, не признаетъ возможнымъ въ насто-

ящее время принять на счетъ казны и эту уменьшенную сумму. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что совсѣмъ покинуть мысль объ усиленіи средствъ лица и оставить его въ настоящемъ жалкомъ положеніи, значило бы нарушить прямую волю учредителя, чтобы лицей существовалъ на вѣчныя времена на степени высшаго учебнаго заведенія, и такимъ нарушеніемъ поселить недовѣріе къ правительству со стороны будущихъ жертвователей на устройство учебныхъ заведеній.

Эта моя мысль удостоилась Высочайшаго одобренія Вашего Императорскаго Величества, и въ настоящемъ 1870 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сообщеніи министру финансовъ имѣть въ виду удовлетвореніе расходовъ по усиленію средствъ Нѣжинскаго лица при первой возможности.

Г. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи открытъ 19-го октября 1869 года на основаніи особаго устава, Высочайше утвержденного 8-го іюня того же года. Институтъ этотъ преобразованъ изъ бывшаго политехническаго и земледѣльческо-лѣснаго института, основаннаго въ 1862 году и закрытаго въ 1863 году по случаю беспорядковъ, происходившихъ въ то время въ Привислянскомъ краѣ. Вновь устроенный институтъ имѣетъ исключительною цѣлью приготовленіе научно-образованныхъ сельскихъ хозяевъ и лѣсничихъ и поэтому раздѣляется на два отдѣленія: сельско-хозяйственное и лѣсное. Привислянской край можетъ быть названъ преимущественно земледѣльческимъ. Исключеніе составляютъ только губерніи: Кѣлецкая, гдѣ преобладаютъ горныя промыслы, и Варшавская и Петроковская, гдѣ нѣмецкіе колонисты развили фабричную промышленность. Такъ какъ земля составляетъ главное богатство края, то необходимо было устроить здѣсь такое учебное заведеніе, изъ котораго выходили бы основательно приготовленные агрономы. Новая Александрія представляетъ особенно благопріятныя для этой цѣли условія: здѣсь на-

ходятся готовое обширное зданіе бывшаго политехническаго института, готовая библиотека, кабинеты и вообще учебныя пособія, обширный паркъ съ ботаническимъ и плодовымъ садами съ питомникомъ и оранжереей, вблизи обширный казенный лѣсъ и въ 7-и верстахъ двѣ мызы съ полнымъ хозяйствомъ и съ значительнымъ при нихъ пространствомъ рационально воздѣлываемыхъ полей. На первое время въ институтѣ открытъ одинъ первый курсъ, гдѣ преподаются общіе предметы; раздѣленіе же студентовъ на два отдѣленія послѣдуетъ съ открытіемъ въ будущемъ году втораго курса. Всѣ преподаватели института владѣютъ русскимъ языкомъ, на которомъ и происходитъ преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ. Сельское хозяйство еще не читается на первомъ курсѣ; тѣмъ не менѣе студенты уже теперь практически знакомятся съ порядкомъ управленія фермою подъ руководствомъ профессора агрономіи, чтобъ исподоволь освоиться съ занятіями сельскаго хозяйства, ожидающими ихъ послѣ выхода изъ института.

Д. Ветеринарныя училища.

Три ветеринарныя училища: въ Харьковѣ, Дерптѣ и Варшавѣ существуютъ на основаніи различныхъ уставовъ, изданныхъ уже давно и въ разное время. Необходимость согласить всѣ эти уставы, поднять учебную часть въ ветеринарныхъ училищахъ на уровень, соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ этой спеціальной отрасли медицины, и усилить матеріальныя средства ветеринарныхъ училищъ давно уже признана министерствомъ народнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе новый проектъ устава ветеринарныхъ институтовъ, выработанный въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, останаеся пока безъ движенія по невозможности разчитывать на усиленіе средствъ этихъ институтовъ на счетъ государственнаго казначейства. Независимо отъ того, ветеринарное училище въ Варшавѣ трсбуетъ преобразованія и по другимъ причинамъ: въ системѣ прочихъ учебныхъ заведеній округа оно стоитъ особнякомъ; русскій языкъ въ немъ вовсе не преподается; учебные предметы, хотя и излагаются на русскомъ языкѣ, но не

часть сllv, отд. 1.

на основаніи устава, а по частной инициативѣ директора и преподавателей училища. Окончательныя соображенія мои о мѣрахъ, какия представится возможнымъ принять относительно улучшенія ветеринарныхъ училищъ, я буду имѣть счастье представить Вашему Императорскому Величеству послѣ предполагаемаго мною въ скоромъ времени личнаго осмотра, между прочимъ, ветеринарнаго училища въ Харьковѣ.

2. Среднія учебныя заведенія.

Гимназии и прогимназии.

Къ концу 1869 года состояло въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, за исключеніемъ Варшавскаго округа, гимназій 96 (въ томъ числѣ 86 классическихъ и 10 реальныхъ) и прогимназій 11 (всѣ классическія). Въ Варшавскомъ округѣ считалось гимназій 21 (въ томъ числѣ 19 классическихъ и 2 реальныхъ) и прогимназій 9 (въ томъ числѣ 8 классическихъ и 1 реальная).

Въ теченіе 1869 года открыты: классическая гимназія въ Вязьмѣ, и двѣ классическія прогимназии: одна въ Якутскѣ и другая въ Варшавѣ. Вновь открытыя гимназія и прогимназии преобразованы изъ уѣздныхъ училищъ, съ дополненіемъ средствъ содержанія въ Якутскѣ и Варшавѣ — изъ государственнаго казначейства и въ Вязьмѣ — изъ суммъ земства Смоленской губерніи, назначившаго ежегодно на новую гимназію по 12.767 р. 63 к., и частью изъ суммы, собираемой за ученіе въ количествѣ 2.772 рублей 37 коп. ежегодно.

Въ Смоленской губерніи при народонаселеніи въ 1.130.000 находилась до сихъ поръ всего одна гимназія въ Смоленскѣ. Не говоря уже о томъ, что вслѣдствіе того Смоленская гимназія переполнена была учащимися, помѣщеніе дѣтей въ эту гимназію для жителей губерніи представляло большія затрудненія, такъ какъ Смоленскъ находится почти на границѣ губерніи и отстоитъ далеко отъ всѣхъ уѣздовъ. Вязьма же напротивъ расположена въ самомъ центрѣ губерніи, а потому гимназія Вяземская, удо-

сдѣлывавшаяся съ самаго начала открытія высокой чести принятія ея подъ покровительство Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и наименованія Александровской, несомнѣнно привлечетъ къ себѣ значительное число учащихся Вяземскаго и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ. Сверхъ того въ концѣ 1869 года разрѣшено открытіе на счетъ государственнаго казначейства классической прогимназіи въ Николаевскѣ (въ Приморской области Восточной Сибири). Жители города Николаевска, не имѣвшаго ни одного средняго учебнаго заведенія и отдаленнаго на нѣсколько тысячъ верстъ отъ другихъ мѣстъ съ подобными учебными заведеніями, лишены были всякой возможности дать приличное образованіе своимъ дѣтямъ; особенно страдали отъ этого мѣстные чиновники, которые, вслѣдствіе того, по достиженіи дѣтьми ихъ того возраста, когда воспитаніе и обученіе дѣлаются необходимыми, оставляли службу въ Приморскомъ краѣ въ ущербъ для мѣстной администраціи, терявшей въ такихъ случаяхъ лицъ, пріобрѣвшихъ уже служебную опытность и успѣвшихъ ознакомиться съ мѣстными условіями края.

Такимъ образомъ въ началу 1870 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, не считая Николаевской прогимназіи, открытой уже въ 1870 году, состояло гимназій 117 (изъ нихъ 105 классическихъ и 12 реальныхъ) и прогимназій 20 (изъ нихъ 19 классическихъ и 1 реальная). Къ общему числу гимназій и прогимназій въ настоящемъ отчетѣ присоединены гимназіи и прогимназіи Варшавскаго округа на томъ основаніи, что въ теченіе 1869 года эти учебныя заведенія вошли окончательно въ общій строй русскихъ гимназій и прогимназій. На основаніи положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго, Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1869 года, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, гдѣ на русскомъ языкѣ преподавались только предметы историческіе и физико-математическіе, введено съ августа 1869 года преподаваніе на русскомъ языкѣ и всѣхъ остальныхъ предметовъ, кромѣ закона Божія, обученіе которому оставлено на тѣхъ языкахъ, на коихъ оно произ-

водилось прежде. Въ связи съ этою мѣрою еще раньше отменено было существовавшее прежде въ этомъ округѣ наименованіе гимназій по народностямъ русскими, польскими, нѣмецкими и смѣшанными и постановлено называть эти учебныя заведенія просто гимназіями, классическими или реальными, смотря по ихъ учебному курсу. Приведеніе въ исполненіе означенныхъ мѣръ не встрѣтило никакого затрудненія, такъ какъ учащіеся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, даже въ низшихъ классахъ, достаточно владѣють русскимъ языкомъ; въ будущемъ же эти мѣры должны необходимо привести въ укрѣпленію и упроченію основательнаго знанія русскаго языка въ средѣ молодаго поколѣнія Привислянскаго края, тѣмъ болѣе, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ Варшавскомъ университетѣ и Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, какъ объяснено мною выше, болѣшая часть учебныхъ предметовъ преподается и теперь, а въ скоромъ времени и всѣ учебныя предметы будутъ преподаваться на русскомъ языкѣ.

Къ числу учебно-воспитательныхъ заведеній, удовлетворяющихъ потребностямъ гимназическаго образованія, въ 1869 г. присоединился еще *С.-Петербургскій домъ воспитанія бѣдныхъ* при Императорскомъ Человѣколюбивомъ обществѣ, преобразованный по новому его уставу, Высочайше утвержденному 3-го іюля, въ классическую гимназію съ однимъ латинскимъ языкомъ. Оставаясь въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго общества, и сохраняя за собою характеръ благотворительнаго заведенія, Домъ воспитанія бѣдныхъ въ учебномъ отношеніи подчиненъ непосредственно вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія.

Говоря о существующихъ уже гимназіяхъ и прогимназіяхъ, я не могу умолчать о томъ фактѣ, что потребность въ гимназическомъ образованіи все сильнѣе и сильнѣе развивается въ нашемъ обществѣ. Попечители учебныхъ округовъ указываютъ, какъ на неотложную необходимость, на увеличеніе числа существующихъ прогимназій; многія общества и земскія собранія вошли съ

ходатайствомъ въ томъ же смыслѣ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ въ теченіе 1869 года разсматривались представленія объ учрежденіи гимназій въ Царскомъ Селѣ и прогимназій въ Старобѣльскѣ, Сумахъ, Глуховѣ, Ростовѣ на Дону, Шуѣ и Уральскѣ. Въ то же время въ министерствѣ производилось дѣло объ учрежденіи четырнадцати новыхъ прогимназій на счетъ государственнаго казначейства; представленіе мое по этому послѣднему предмету находится нынѣ на разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ.

Матеріальныя средства существующихъ гимназій въ теченіе 1869 года значительно увеличились. Согласно съ принятою системою постепеннаго введенія новыхъ штатовъ по уставу 1864 г., ассигновано къ отпуску изъ государственнаго казначейства еще по 124.440 р. 65 к. въ годъ, съ назначеніемъ изъ этой суммы, начиная съ 1-го іюля 1869 года, дополнительнаго жалованья директорамъ, инспекторамъ и учителямъ тѣхъ гимназій, гдѣ не были еще введены новыя штаты. Въ настоящее время директоры, инспекторы и преподаватели во всѣхъ гимназіяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе устава 1864 года, получаютъ уже увеличенное содержаніе по новымъ штатамъ. Затѣмъ, для усиленія содержанія, по новымъ штатамъ, прочихъ служащихъ лицъ и увеличенія другихъ статей расходовъ, по моему ходатайству, вновь назначено изъ государственнаго казначейства ежегодно по 143.777 р., съ тѣмъ чтобы производство новаго усиленнаго содержанія началось съ 1-го іюля 1870 года. Въ настоящее время для полнаго введенія новыхъ штатовъ остается усилить суммы на жалованье врачамъ и учителямъ пѣнія и гимнастики и на содержаніе зданій гимназій и прогимназій.

Пансіоны, доставляющіе возможность дѣтямъ, обучающимся въ гимназіяхъ, за умѣренную сравнительно плату получать, вмѣстѣ съ приличнымъ содержаніемъ, и воспитаніе подъ руководствомъ опытныхъ и просвѣщенныхъ наставниковъ, существуютъ далеко не во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Всѣхъ пансіоновъ къ 1-му января 1869 года состояло 38 при гимназіяхъ

и 1 при прогимназіи. Къ числу этихъ весьма полезныхъ воспитательныхъ заведеній присоединился пансіонъ при Оренбургской гимназіи, открытый въ августѣ 1869 года. Пансіонъ этотъ помѣщенъ временно въ зданіи Киргизской школы до окончанія постройки предназначеннаго для него особаго дома. При открытіи въ пансіонъ поступило 30 стипендіатовъ изъ дѣтей бѣдныхъ Киргизовъ Зауральской и Внутренней орды; на содержаніе этихъ 30-и стипендіатовъ назначено ежегодно по 6.000 руб. Сверхъ того, по Высочайше утвержденному 15-го ноября 1869 года положенію военнаго совѣта, въ составъ пансіона при Оренбургской гимназіи должны войти: 20 стипендіатовъ изъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ и казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска на счетъ войсковаго капитала ежегодно по 4.000 руб., 12 стипендіатовъ дѣтей Башкирскихъ и 8 стипендіатовъ Оренбургской губерніи, съ назначеніемъ на ихъ содержаніе также по 200 руб. въ годъ на cadaго стипендіата. Имѣя такимъ образомъ 70 казенныхъ пансіонеровъ, пансіонъ при Оренбургской гимназіи можетъ считаться вполне обеспеченнымъ на будущее время въ матеріальномъ отношеніи.

Общія ученическія квартиры, замѣняющія въ нѣкоторой степени пансіоны, отличаются наиболѣе правильною организаціей въ Виленскомъ и Кіевскомъ учебныхъ округахъ. Въ Виленскомъ округѣ общія ученическія квартиры находятся при четырехъ гимназіяхъ: Виленской, Витебской, Пинской и Слуцкой, и заключаютъ въ себѣ 177 воспитанниковъ. Всѣ эти квартиры преобразованы изъ бывшихъ конвиктовъ и содержатся: первые три — на счетъ фундашей, пожертвованныхъ разными благотворительными лицами, и послѣдняя — на счетъ Виленскаго реформатскаго синагода.

Состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ особыхъ смотрителей, назначаемыхъ мѣстнымъ гимназическимъ начальствомъ, и подъ главнымъ вѣдѣніемъ директоровъ гимназій, означенныя общія ученическія квартиры находятся въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи въ удовлетворительномъ состояніи; въ хозяйствен-

номъ же отношеніи, по крайней скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, онѣ нуждаются въ значительныхъ улучшенияхъ. Такъ, напримѣръ, на содержаніе 75 воспитанниковъ общей ученической квартиры при Виленской 1-й гимназіи отпускается всего 6,863 р. 79 коп., то-есть, среднимъ числомъ около 91 рубля въ годъ на воспитанника. Въ Киевскомъ округѣ общія ученическая квартира находится только при 2-й Киевской гимназіи. Изъ числа 173 воспитанниковъ, помещающихся въ ней, 39 содержатся на счетъ процентовъ съ суммы, пожертвованной дворянствомъ Киевской губерніи, а остальные—своекоштные; плата съ тѣхъ и другихъ по 150 рублей въ годъ съ каждаго за полное содержаніе. Сказанное объ общихъ ученическихъ квартирахъ Виленскаго округа исполнѣе примѣняется и въ этой квартирѣ.

Независимо отъ вышеуказанныхъ общихъ ученическихъ квартиръ, имѣющихъ опредѣленные и постоянныя средства содержанія и находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи училищнаго начальства, въ Виленскомъ учебномъ округѣ при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и въ Киевскомъ при многихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, состоятъ, подѣ наблюденіемъ училищнаго начальства, такъ-называемыя частныя ученическія квартиры, содержащія большею частью на счетъ платы, вносимой самими учениками и простирающейся отъ 60 до 200 руб., и частью на счетъ пособія, выдаваемого изъ училищныхъ суммъ, какъ въ Ковенской гимназіи, гдѣ 10 бѣдныхъ учениковъ живутъ въ самомъ зданіи гимназіи и содержатся на счетъ суммы, собираемой за ученіе. Право на содержаніе частныхъ ученическихъ квартиръ дается училищнымъ начальствомъ только лицамъ благонадежнымъ, и самыя квартиры посѣщаются время отъ времени директоромъ, инспекторомъ, учителями и надзирателями гимназіи или прогимназіи, которые удостовѣряются, въ какой мѣрѣ содержатели квартиръ исполняютъ принятыя ими на себя обязательства относительно надзора за живущими у нихъ учениками, а также относительнаго ихъ помѣщенія и продовольствія. Частныя ученическія квартиры, облегчая для недостаточныхъ родителей средства воспитанія ихъ дѣтей,

представляютъ гимназическому начальству возможность имѣть правильный надзоръ за учащимися, живущими въ этихъ квартирахъ; и руководить учебными ихъ занятіями, вслѣдствіе чего и успѣхи живущихъ на такихъ квартирахъ, по удостовѣренію попечителей учебныхъ округовъ, вообще удовлетворительны. Что квартиры эти вызываются дѣйствительною потребностью, доказательствомъ тому служить значительное число живущихъ въ нихъ. Такъ изъ общаго числа учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Виленскаго округа (3.609) 1.048 учениковъ, то-есть, около трети, помѣщаются на частныхъ ученическихъ квартирахъ.

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ общія ученическія квартиры находятся при трехъ гимназіяхъ: Новочеркасской, Воронежской и Тамбовской. Квартиры эти содержатся: первая съ 12-ю учениками—на счетъ благотворителей, вторая съ 12-ю же учениками—на счетъ Воронежскаго попечительства о бѣдныхъ, и третья съ 60-ю воспитанниками, изъ коихъ 28 учащихся въ гимназіи,—на счетъ мѣстнаго земства. Имѣя особыхъ смотрителей, всѣ эти квартиры состоятъ подъ главнымъ наблюденіемъ гимназическаго начальства.

Въ Московскомъ учебномъ округѣ нѣсколько ученическихъ квартиръ открыто въ Твери, Костромѣ и Смоленскѣ; но квартиры эти заключаютъ въ себѣ весьма незначительное число учащихся (въ Смоленскѣ на трехъ квартирахъ 11), и дальнѣйшее развитіе ихъ затрудняется разными мѣстными обстоятельствами, въ числѣ коихъ главную роль играетъ относительная дороговизна правильно организованныхъ квартиръ, не соответствующая той незначительной платѣ, которая обыкновенно предлагается родителями.

Въ Казанскомъ округѣ общая ученическая квартира находится только при гимназіи въ городѣ Уфѣ; она устроена и поддерживается на добровольныя пожертвованія и на проценты отъ продажи картъ предсѣдателемъ комитета о бѣдныхъ Полежаевымъ; на квартирѣ помѣщается 18 воспитанниковъ большею частью бесплатно и только немногіе съ платою по 2 руб. въ мѣсяцъ и выше, смотря по ихъ средствамъ. Квартира эта состоитъ,

какъ и всѣ подобныя ей, подъ главнымъ наблюденіемъ гимназическаго начальства.

Вообще ученическія квартиры при гимназіяхъ, кромѣ округовъ Виленскаго и Кіевскаго, представляютъ еще въ настоящее время попытку, не вполне привившіяся, но не лишеныя будущности. Учебное начальство вездѣ заботится не о томъ, чтобы такихъ квартиръ было больше, но чтобы разрѣшаемыя къ открытію квартиры могли приносить дѣйствительную пользу и были учреждаемы, по возможности, на правильныхъ педагогическихъ основаніяхъ. Ручательствомъ въ лучшей будущности общихъ ученическихъ квартиръ служитъ тотъ фактъ, что надворъ за учениками, живущими не у родителей и родственниковъ, уже въ настоящее время распределенъ въ большей части гимназій между членами педагогическихъ совѣтовъ, что значительно содѣйствуетъ улучшенію нравственности учениковъ и ихъ матеріальной домашней обстановки; остается только желать, чтобы и общество наше болѣе прониклось сознаніемъ пользы и необходимости такого надзора для нравственнаго преуспѣянія и физическаго благосостоянія учащихся.

Пересмотръ гимназическаго устава, къ которому приступлено было, по моему распоряженію, съ самаго начала вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, продолжался въ теченіе 1869 года и оконченъ уже въ 1870 году. Не вдаваясь въ подробное изложеніе результатовъ этого пересмотра, которое войдетъ въ отчетъ за 1870 годъ, я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что тщательное обсужденіе основаній гимназическаго устава привело къ убѣжденію въ необходимости строгаго разграниченія собственно гимназическаго образованія, опирающагося на изученіе древнихъ классическихъ языковъ и математики, отъ такъ называемаго реальнаго образованія. Не только классическое, но и реальное образованіе должно быть серьезно, дабы предохранить молодыхъ людей отъ вредныхъ для нихъ самихъ и для всего общества увлеченій, такъ какъ лучшая охрана въ этомъ отношеніи есть основательное ученіе. Къ проведенію этого взгляда въ будущіе

уставы гимназій и реальныхъ училищъ уже приняты мною соотвѣтственными мѣры, какъ это будетъ подробно объяснено въ отчетѣ по министерству народнаго просвѣщенія за 1870 годъ. Въ данномъ случаѣ считаю уместнымъ упомянуть только, что, сообразно съ этимъ взглядомъ, въ 1869 году реальная гимназія въ Лодзи преобразована въ высшее ремесленное училище, дающее, вмѣстѣ съ общимъ, и специальное образование, а въ Одессѣ устроено на новыхъ основаніяхъ коммерческое училище, существующее съ 1861 года и содержимое на счетъ мѣстнаго купечества.

Между тѣмъ, въ теченіе 1869 года, кромѣ поддержанія и дальнѣйшаго развитія мѣръ, содѣйствующихъ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла, мною обращено было особенное вниманіе на пополненіе и улучшеніе состава учительской корпораціи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Съ первою цѣлью, независимо отъ усиленнаго приготовленія учителей въ историко-филологическомъ институтѣ и въ университетахъ, гдѣ увеличено число учительскихъ стипендій въ историко-филологическихъ факультетахъ, испрошено мною кредитъ въ 3.000 руб. на приготовленіе русскаго Галичанъ къ должности учителей древнихъ языковъ, въ которыхъ чувствуется особый недостатокъ. Для достиженія второй цѣли, по распоряженію моему, командированы были за границу въ Германію на счетъ специальныхъ средствъ гимназій изъ всѣхъ округовъ, кромѣ Дерптскаго, изъ каждаго округа по одному учителю древнихъ языковъ и по одному учителю русскаго языка для ознакомленія съ приемами преподаванія древнихъ языковъ и отечественнаго, и главное, для ближайшаго изученія, въ какомъ отношеніи касательно объема и способа преподаванія должны находиться между собою древніе языки и языкъ отечественный.

Въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, принадлежащихъ къ Виленскому и Кіевскому учебнымъ округамъ и заключающихъ въ себѣ смѣшанное населеніе: польское, литовское и русское, особенное вниманіе обращено было въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на усиленіе успѣховъ русскаго языка и на сообщеніе вѣрнаго взгляда относительно событій отечественной исторіи. Хотя во

всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ западныхъ губерній всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе преподаваніе на этомъ языкѣ закона Божія римско-католическаго исповѣданія встрѣчало до сихъ поръ нѣкоторыя затрудненія главнымъ образомъ по недостатку печатныхъ руководствъ по этому предмету на русскомъ языкѣ и отчасти по слабому знанію русскаго языка нѣкоторыми ксендзами-законоучителями. Для устраненія этого неудобства, на средства Виленскаго учебнаго округа въ теченіе 1869 года были напечатаны на русскомъ языкѣ и введены въ употребленіе, по одобреніи подлежащими духовными вѣдомствами и общею цензурою: 1) краткій римско-католическій вѣхивизисъ, составленный епископомъ Станевскимъ; 2) краткій молитвенникъ, замѣнившій молитвенники на польскомъ языкѣ, заграничной печати, проникнутые политическими тенденціями; 3) римско-католическій *алтарикъ*, молитвословъ, переведенный на русскій языкъ прелатомъ Немешкою; 4) воскресныя и праздничныя евангелія, переведенныя съ польскаго текста вульгаты, и 5) молитвенникъ собственно для учениковъ реформатскаго исповѣданія въ Слудской гимназіи, переведенный на русскій языкъ пасторомъ Бергелемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, въ началѣ 1869 года приняты новыя мѣры къ распространенію знанія русскаго языка въ средѣ римско-католическаго духовенства, которыми постановлено, при поступленіи въ римско-католическія семинаріи, при переводѣ въ нихъ изъ класса въ классъ и при окончаніи курса, испытывать всѣхъ семинаристовъ въ знаніи русскаго языка, русской исторіи и географіи, принимать въ семинаріи и удостоивать перевода и выдавать при окончаніи курса свидѣтельства, дающія право на званіе законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ только лицамъ, выдержавшимъ такое испытаніе. Всѣ эти испытанія должны производиться въ присутствіи депутатовъ мѣстныхъ гимназій; требованія отъ окончившихъ курсъ постановлены тѣ же, что и для домашнихъ учителей, то-есть, знаніе вышеуказанныхъ предметовъ въ объемѣ гимназическаго курса.

Для усиленія успѣховъ учащихся въ русскомъ языкѣ при гимназіяхъ Виленскаго и Кіевскаго округовъ учреждены ученическія бібліотеки, имѣющія важное мѣстное значеніе при слабомъ развитіи русской книжной торговли въ западномъ краѣ. Для лучшаго достиженія цѣли этихъ бібліотекъ — возбудить въ учащихся охоту къ чтенію русскихъ книгъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и любовь къ русскому языку, — внѣклассное чтеніе книгъ учащимися подчинено особому контролю преподавателей и сопровождается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ литературными бесѣдами, на которыхъ разбирается прочитанное въ присутствіи учителей.

При изложеніи отечественной исторіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ западныхъ губерній, постоянно имѣлось въ виду, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, установить въ учащемся молодомъ поколѣніи правильный взглядъ на минувшія судьбы западнаго края и на исконную его принадлежность Россіи, при чемъ классное преподаваніе дополнялось соответственнымъ чтеніемъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій.

Безъ сомнѣнія, успѣшный ходъ учебнаго дѣла въ указанномъ ему направленіи требуетъ постояннаго и неуклоннаго руководства со стороны учебнаго начальства.

Въ Виленскомъ округѣ задача эта для окружнаго начальства значительно облегчена состоявшимся въ настоящемъ отчетномъ году переводомъ въ Вильну изъ Витебска мѣстопробыванія помощника попечителя и изъ Ковно третьяго окружнаго инспектора, изъ которыхъ первый завѣдывалъ до сихъ поръ только учебными заведеніями Витебской и Могилевской губерній, а послѣдній наблюдалъ исключительно за учебною частью въ Ковенской губерніи. Означенная мѣра, устраняя двѣ лишнія инстанціи, бывшія полезными при исключительныхъ обстоятельствахъ, но въ послѣднее время замедлявшія производство дѣлъ и увеличивавшія переписку, даетъ управленію округа полную возможность располагать большими средствами инспекціи соответственно потребностямъ.

Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ преподаваніе всѣхъ предме-

товъ на русскомъ языкѣ производится только въ одной Александровской русской гимназіи въ Ригѣ, открытой въ январѣ 1868 года и состоящей въ настоящее время уже изъ 5-и классовъ, не считая приготовительнаго. Лучшимъ свидѣтельствомъ довѣрія къ этому учебному заведенію мѣстнаго и даже неправославнаго населенія служить тотъ фактъ, что на общее число учащихся (193) приходится болѣе трети иновѣрцевъ, именно 43 лютеранина, 19 католиковъ и 11 евреевъ. Указанное число учащихся было бы больше, если бы не тѣснота помѣщенія, препятствующая приему всѣхъ желающихъ поступить въ гимназію. Недостатокъ этотъ будетъ однако устраненъ въ непродолжительномъ времени. Высочайше утвержденнымъ 29-го декабря 1869 года мнѣніемъ государственнаго совѣта назначено уже на постройку собственнаго дома для Александровской русской гимназіи 117.000 рублей, съ отпускомъ этой суммы по частямъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Въ прочихъ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа, гдѣ преподаваніе почти всѣхъ предметовъ производится на нѣмецкомъ языкѣ, для усиленія изученія русскаго языка и вообще для доставленія должнаго значенія русскому элементу, въ теченіе 1869 года приняты были слѣдующія мѣры: въ каждомъ изъ четырехъ низшихъ классовъ гимназій учреждены параллельныя отдѣленія русскаго языка; содержаніе православныхъ законоучителей сравнено съ содержаніемъ лютеранскихъ законоучителей, и принято за правило опредѣлять на будущее время въ должности директоровъ и инспекторовъ гимназій, а также смотрителей уѣздныхъ училищъ, только такія лица, которыя, при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ основательно знать русскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго еще 16-го декабря 1836 года, вмѣнено въ обязанность всѣмъ учебнымъ заведеніямъ округа, содержимымъ вполнѣ или частью на счетъ казны, вести исключительно на русскомъ языкѣ переписку какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ, съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ

губернскими присутственными мѣстами. Вышеозначенныя распоряженія довершили собою рядъ мѣръ, приведенныхъ въ исполненіе министерствомъ народнаго просвѣщенія въ послѣдніе два года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го іюня 1867 года положенія комитета министровъ объ усиленіи изученія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа. Тѣмъ не менѣе, я считаю обязанностью своею доложить Вашему Императорскому Величеству, что успѣхи въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ Дерптскаго округа не могутъ быть признаны удовлетворительными, и въ настоящее время стоятъ даже на низшей степени противъ той, на которую они поставлены были лѣтъ двадцать тому назадъ, когда гимназисты, оканчивающіе курсъ, безъ затрудненія читали и понимали всѣ произведенія новѣйшей русской литературы въ прозѣ и въ стихахъ, писали грамматически большею частью вѣрно и отчетливо и изъяснялись устно безъ особыхъ усилій. Теперь же, состоящіе на выпускѣ воспитанники гимназій, только за немногими исключеніями, въ состояніи понять и передать по нѣмецки предлагаемый имъ русскій текстъ, хотя бы онъ былъ заимствованъ изъ обыкновенной повѣствовательной прозы, почти совсѣмъ незнакомы съ содержаніемъ даже извѣстнѣйшихъ произведеній русской словесности и пишутъ неправильно и съ грубыми ошибками.

Независимо отъ агитаціи противъ усиленія русскаго языка, несомнѣнно существующей въ средѣ нѣмецкаго общества Прибалтійскихъ губерній, главными причинами упадка русскаго языка въ гимназіяхъ были равнодушіе въ этому предмету директоровъ, изъ которыхъ большая часть сами плохо знаютъ русскій языкъ, и еще болѣе опредѣленіе на должности учителей русскаго языка лицъ нѣмецкаго происхожденія, недостаточно владѣющихъ русскимъ языкомъ. Первая изъ этихъ причинъ уже устранена Высочайше утвержденнымъ распоряженіемъ объ опредѣленіи на будущее время начальниками учебныхъ заведеній лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ и потому способныхъ слѣдить за его успѣхами. Для ослабленія вреднаго дѣйствія второй при-

чины, начальствомъ Дерптскаго округа въ теченіе 1869 года болѣе слабые учителя русскаго языка изъ Нѣмцевъ замѣнены лицами русскаго происхожденія, или же такими Нѣмцами, которые родомъ изъ внутреннихъ губерній и получили русское образованіе. Вслѣдствіе этого распоряженія, число преподавателей русскаго языка изъ природныхъ Русскихъ увеличилось и представляеть въ настоящее время количественное отношеніе 14 Русскихъ къ 11 Нѣмцамъ, тогда какъ въ началѣ 1869 года первыхъ было только 6, а вторыхъ 13. Означенныя распоряженія начальства Дерптскаго округа я признаю вполне основательными, такъ какъ, по моему убѣжденію, русскій языкъ и русское дѣло могутъ быть подвинуты въ Прибалтійскомъ краѣ единственно при пособіи коренныхъ русскихъ людей, сочувствующихъ общимъ интересамъ отечества.

Въ заключеніе отчета моего о состояніи гимназій вѣреннаго мнѣ министерства, долгомъ считаю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что общее направленіе гимназій какъ въ лицѣ начальства и преподавателей, такъ и въ лицѣ учащагося юношества, заслуживаетъ похвалы, что гимназій въ большинствѣ образованнаго общества пользуются довѣріемъ, и что эти скромныя учебныя заведенія съ гордостью внесли въ лѣтописи своей жизни за 1869 годъ высокое вниманіе къ нимъ Августѣйшаго Вашего Семейства, выразившееся въ посѣщеніи Новочеркасской гимназій Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Государынею Цесаревною Марією Феодоровною и Тверской гимназій—Его Императорскимъ Высочествомъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ.

3. Низшія училища.

Уѣздныя и начальныя народныя.

- *Уѣздныя училища*, предназначенныя для доставленія высшаго начальнаго образованія, примѣннаго къ практическимъ потреб-

ностямъ многочисленнаго класса городского населенія, не удовлетворяютъ этой цѣли, какъ упомянуто было уже мною въ отчетахъ моихъ по управленію министерствомъ за послѣдніе два года. Въ сожалѣнію, я не могъ и въ 1869 году приступить къ преобразованію ихъ, такъ какъ, по важности дѣла, требовались тщательное обсужденіе новыхъ основаній устройства уѣздныхъ училищъ и повѣрка ихъ специалистами учебнаго дѣла. Въ настоящее время проектъ новаго положенія объ уѣздныхъ училищахъ уже обработанъ окончательно и будетъ внесенъ мною въ непродолжительномъ времени на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Между тѣмъ, во вниманіе къ неотложнымъ потребностямъ городскихъ обществъ въ высшемъ начальномъ образованіи исходатайствовано министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на открытіе новаго уѣзднаго училища въ Верхнеуральскѣ (Оренбургской губерніи) на счетъ государственнаго казначейства, и разрѣшено самимъ министерствомъ открытіе уѣзднаго училища въ Анарьевѣ (Херсонской губерніи) на счетъ земства. Въ обоихъ этихъ городахъ не было до сихъ поръ уѣздныхъ училищъ. Съ другой стороны министерство оказывало возможное съ своей стороны содѣйствіе въ осуществленію стремленій нѣкоторыхъ городскихъ обществъ дать существующимъ уѣзднымъ училищамъ характеръ учебныхъ заведеній, непосредственно удовлетворяющихъ практическимъ потребностямъ жизни, или устроить рядомъ съ ними отдѣльныя учебныя заведенія, соотвѣтствующія этой цѣли. Такимъ образомъ въ настоящемъ отчетномъ году открыты: на счетъ земства — ремесленное отдѣленіе при Псковскомъ уѣздномъ училищѣ, на счетъ частныхъ пожертвованій и другихъ источниковъ; ремесленные классы при уѣздныхъ училищахъ: Тираспольскомъ (Херсонской губ.), Сарапульскомъ (Вятской губ.), Кунгурскомъ (Пермской губ.) и Бирскомъ (Уфимской губ.). Обученіе ремесламъ: слесарному, столярному, токарному, переплетному и другимъ, а въ Псковскомъ уѣздномъ училищѣ и техническому черченію, производится три раза въ недѣлю послѣ обѣда и въ лѣтніе каникулы утромъ. Подобные ремесленные классы, открытые еще

прежде, на счетъ земствъ, городскихъ обществъ или частныхъ пожертвованій, существуютъ, сверхъ того, при десяти уѣздныхъ училищахъ Одесскаго и двухъ Казанскаго округа. Для отдѣльныхъ учебныхъ заведеній съ ремесленнымъ и техническимъ характеромъ утверждены уставы: технического училища въ Череповцѣ, ремесленнаго училища въ Оренбургѣ, Кулибинскаго ремесленнаго училища въ Нижнемъ Новгородѣ и Александровскаго училища въ Саратовѣ. Цѣль всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ доставленіемъ общаго образованія, близкаго къ курсу уѣздныхъ училищъ, — распространеніе ремесленныхъ и техническихъ знаній; средства содержанія относятся въ Оренбургѣ на счетъ городского общества и добровольныхъ пожертвованій, въ Саратовѣ — на счетъ прибылей съ мѣстнаго банка, въ Нижнемъ Новгородѣ — на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала и частныхъ пожертвованій, и въ Череповцѣ — на счетъ купцовъ Милютиныхъ. Череповское училище должно готовить хорошихъ мастеровъ по машинно-судостроительному дѣлу и машинистовъ для управленія машинами. Съ этою цѣлью ученики, независимо отъ общаго образованія, занимаются въ учебныхъ мастерскихъ и работаютъ на заводѣ и судостроительной пристани, принадлежащихъ Милютинымъ. При Александровскомъ Саратовскомъ училищѣ бѣднѣйшіе ученики будутъ жить въ самомъ заведеніи и получать отъ него полное содержаніе.

Указанные факты служатъ далеко не полнымъ выраженіемъ общественнаго направленія къ соединенію общаго образованія съ ремесленнымъ. Обученіе ремесламъ, кромѣ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ, введено во всѣхъ двухъклассныхъ сельскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и во многихъ одноклассныхъ городскихъ начальныхъ училищахъ разныхъ учебныхъ округовъ. Дабы дать правильный и безпрепятственный ходъ этому направленію, обещающему плодотворные результаты, Высочайше утвержденнымъ 29-го августа 1869 года положеніемъ комитета министровъ постановлено: открытіе при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія дополнительныхъ кур-

совъ для изученія ремеслъ и техническихъ производствъ предоставить непосредственной власти попечителей учебныхъ округовъ; разрѣшеніе же на учрежденіе отдѣльныхъ ремесленныхъ или техническихъ училищъ на частныя общественныя или сословныя суммы, если не требуется при этомъ никакихъ особыхъ преимуществъ, могутъ давать: на учрежденіе училищъ, равняющихся по общему курсу уѣзднымъ или начальнымъ народнымъ училищамъ, попечители учебныхъ округовъ по соглашенію съ мѣстными губернаторами, а на открытіе училищъ, соотвѣствующихъ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія — министры тѣхъ вѣдомствъ, къ коимъ должны принадлежать открываемыя училища.

Начальныя народныя училища, составляющія первую степень низшихъ училищъ, получили въ теченіе 1869 года новыя и немаловажныя средства къ дальнѣйшему своему развитію и усовершенствованію какъ во внутреннихъ, такъ и въ западныхъ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Имперіи. По неодинаковости условій обстановки, училища эти въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, и относительно способовъ развитія, различаются значительно, представляя собою четыре главные категоріи: а) училища въ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ; б) училища въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія; в) училища въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ; г) училища въ Привислянскихъ губерніяхъ, и д) училища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

а) *Училища въ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.*

Высочайше утвержденнымъ 29-го мая 1869 года мнѣніемъ государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія назначено къ отпуску изъ государственнаго казначейства на разныя потребности по народному образованію въ 33-хъ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и въ Бессарабской

области ежегодно, начиная съ 1-го января 1870 года, по 306.000 рублей, съ ассигнованіемъ на 1869 годъ 202.000 рублей. Сумма эта должна распредѣляться на содержаніе сельскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, на снабженіе вообще народныхъ училищъ учебными пособиями, на вспоможеніе учителямъ и училищамъ, содержимымъ земствомъ, духовенствомъ, обществами и частными лицами, и наконецъ, на содержаніе вновь учрежденныхъ 34-хъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по одному для каждой изъ 33-хъ губерній, и одного для Бессарабской области. Вышеуказанныя законодательныя мѣры даютъ теперь министерству народнаго просвѣщенія возможность, *вопервыхъ*, устроить хотя и ограниченное число правильно организованныхъ начальныхъ училищъ, которыя могутъ служить образцами для прочихъ училищъ, учреждаемыхъ земствомъ, обществами и частными лицами; *во вторыхъ*, содѣйствовать непосредственно улучшенію прочихъ училищъ путемъ денежныхъ вспоможеній и снабженія училищъ учебными пособиями, и наконецъ, *въ третьихъ*, имѣть правильный и постоянный контроль надъ начальными народными училищами посредствомъ вновь учрежденныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ и чрезъ то давать направление дѣлу народнаго образованія по опредѣленной системѣ, основанной на педагогическихъ началахъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣръ самую важную по своимъ послѣдствіямъ является учрежденіе особыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Со времени введенія въ дѣйствіе положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 года, начальныя народныя училища, за исключеніемъ немногихъ училищъ, вновь учрежденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, находятся во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, въ вѣдѣніи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, подчиненныхъ въ каждой губерніи губернскому училищному совѣту. Состоя изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и выборныхъ членовъ отъ земства, уѣздные училищные совѣты прискиваютъ учителей, наблюдаютъ за преподаваніемъ въ училищахъ и съ этою цѣлію осматриваютъ училища и представляютъ ежегодно отчеты

о состояніи всѣхъ училищъ въ уѣздѣ губернскому училищному совѣту, который въ свою очередь отчеты всѣхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ губерніи сообщаетъ съ своими замѣчаніями попечителю учебнаго округа для свѣдѣнія. Въ дѣйствительности, однако, эти требованія закона большею частію училищныхъ совѣтовъ исполняются кое-какъ или и вовсе не исполняются. Есть уѣздные училищные совѣты (какъ Ядринскій, Казанской губ.), которые еще ни разу не собирались со времени своего учрежденія и даже не выбрали себѣ до сихъ поръ предсѣдателей; есть и такіе, которые не собирались по два года (какъ Лаишевскій, Казанской губерніи); число же такихъ совѣтовъ, члены которыхъ ни разу не осматривали начальныхъ училищъ уѣзда, довольно значительно. Естественно, что въ уѣздахъ, руководимыхъ такими училищными совѣтами, дѣло народнаго образованія предоставлено совершенно произволу и при полной безконтрольности не можетъ быть въ удовлетворительномъ состояніи. Но и тамъ, гдѣ члены училищныхъ совѣтовъ дѣйствительно осматриваютъ училища, не вездѣ эти осмотры приносятъ надлежащую пользу, потому что производятся нерѣдко лицами, хотя и вполнѣ благонамѣренными, но не имѣющими надлежащаго понятія объ учебномъ дѣлѣ и потому неспособными дать ему должное направленіе. Измѣнить такое положеніе административнымъ порядкомъ едва-ли возможно, такъ какъ члены училищныхъ совѣтовъ не получаютъ ни содержанія, ни разѣздныхъ денегъ для осмотровъ училищъ, а потому только тѣ изъ нихъ, которые преданы дѣлу народнаго образованія и имѣютъ собственныя достаточныя средства, исполняютъ свои обязанности. При такой обстановкѣ дѣла большинство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ вовсе не представляютъ никакихъ отчетовъ губернскимъ училищнымъ совѣтамъ, которые въ свою очередь также не сообщаютъ ихъ попечителямъ учебныхъ округовъ, и вслѣдствіе того въ настоящее время весьма трудно представить удовлетворительныя данныя не только о состояніи, но даже и о числѣ училищъ и учащихся въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Въ министерствѣ народнаго проsvѣщенія имѣются свѣ-

дѣнія, и то неполныя, о начальныхъ училищахъ только отъ 14-и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ: губерній С.-Петербургской, Московской, Тверской, Костромской, Ярославской, Харьковской, Тамбовской, Орловской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Полтавской, Таврической и Екатеринославской, остальные же училищные совѣты не представили ничего. По свѣдѣніямъ этимъ, которыя должно считать только приблизительно вѣрными, общее число училищъ въ 14-и вышеозначенныхъ губерніяхъ составляло къ 1-му января 1870 года 4.247, а число учащихся 143.385 (въ томъ числѣ 126.363 мужескаго пола и 17.022 женскаго пола), то-есть, среднимъ числомъ около 30-и человекъ на каждое училище. Число учащихся въ этихъ училищахъ — 4.982, считая въ томъ числѣ и законоучителей; изъ этого числа 3.516, то-есть, около двухъ третей, принадлежатъ къ духовному званію. Общая же стоимость содержанія всѣхъ училищъ составляла 479.886 руб. 41²/₄ коп., то-есть, среднимъ числомъ съ небольшимъ 100 рублей на каждое училище. Самые значительныя вклады въ этой суммѣ содержанія принадлежатъ сельскимъ обществамъ (189.441 руб. 28 коп.), земству (180.164 руб. 35 коп.) и городскимъ обществамъ (61.724 руб. 92 коп.). Затѣмъ изъ всей суммы падаетъ на всѣ другіе источники, какъ то: частныя пожертвованія и тому подобное, 44.185 руб. 56³/₄ коп. Подобное положеніе дѣла народнаго образованія въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, должно однако измѣниться въ лучшему съ учрежденіемъ особыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Будучи членами губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, инспекторы народныхъ училищъ обязаны осматривать ежегодно народныя училища въ губерніи, представлять отчеты о ихъ состояніи министерству народнаго просвѣщенія и направлять и руководить учебною частью въ училищахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ специалисты-педагоги, они могутъ, безъ сомнѣнія, принести больше пользы, чѣмъ лица, не посвященныя въ учебное дѣло. Притомъ же инспекторы должны дѣйствовать по одной общей инструкціи, составленной министерствомъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ духовнымъ вѣ-

дожествомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а потому развитіе народнаго образованія необходимо будетъ слѣдовать одной общей системѣ, основанной на соглашеніи здравыхъ педагогическихъ началъ съ дѣйствительными потребностями въ образованіи и мѣстными матеріальными средствами, что составляетъ несомнѣнную выгоду сравнительно съ нынѣшнимъ ходомъ народнаго образованія, не имѣющимъ твердой педагогической опоры и подверженнымъ непрерывнымъ колебаніямъ. Польза учрежденія инспекторовъ оказалась на дѣлѣ уже въ настоящемъ отчетномъ году, не смотря на то, что не всѣ еще инспекторы заняли свои мѣста и бѣльшая часть вступила въ отправленіе своихъ обязанностей только въ концѣ года. Вновь опредѣленные инспекторы успѣли осмотрѣть народныя училища, и то не всѣ, въ 16-и губерніяхъ: Московскоѣ, Тверскоѣ, Владимірскоѣ, Ярославскоѣ, Костромскоѣ, Рязанскоѣ, Тульскоѣ, Калужскоѣ, Смоленскоѣ, Казанскоѣ, Нижегородскоѣ, Симбирскоѣ, Олонецкоѣ, Вологодскоѣ, Новгородскоѣ и Псковскоѣ.

По отчетамъ, представленнымъ вслѣдствіе этихъ осмотровъ, можно привести нѣкоторыя данныя о внутреннемъ состояніи осматрѣнныхъ училищъ въ вышеозначенныхъ губерніяхъ, въ дополненіе къ тѣмъ статистическимъ даннымъ о числѣ училищъ и учащихся, которыя указаны выше на основаніи отчетовъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ по нѣкоторымъ изъ этихъ губерній. По отзывамъ инспекторовъ, число начальныхъ училищъ, хорошо устроенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и имѣющихъ способныхъ учителей, знакомыхъ съ современными методами обученія, весьма ограничено; къ нимъ принадлежатъ главнымъ образомъ училища, состоящія въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; значительная же часть прочихъ училищъ находится въ плачевномъ положеніи, помѣщается весьма дурно въ мрачныхъ, сырыхъ и душныхъ избушкахъ, нерѣдко въ сосѣдствѣ съ арестантскими комнатами при волостнымъ правленіямъ, или въ лужныхъ и переднихъ; содержаніе учителей въ большинствѣ случаевъ весьма скудно, выдается сверхъ того несвоевременно и часто мѣняется

по произволу тѣхъ лицъ и учреждений, на счетъ которыхъ содержатся училища; ученики поступаютъ въ училища несвоевременно и посѣщаютъ классы неисправно, приносятъ съ собою для чтенія разныя книги, или и вовсе не имѣютъ ни книгъ, ни другихъ учебныхъ пособій. Члены училищныхъ совѣтовъ посѣщаютъ училища рѣдко, осматриваютъ ихъ поверхностно, или и вовсе не посѣщаютъ ихъ. Поэтому уѣздные училищныя совѣты, за многими исключеніями, не пользуются, къ крайнему ущербу для народныхъ училищъ, довѣріемъ мѣстныхъ обществъ и земства. Отсюда однако, по донесеніямъ инспекторовъ народныхъ училищъ, нельзя вывести заключенія, что мѣстныя населенія не питаютъ сочувствія къ народному образованію; общества городскія и сельскія и земства желаютъ дѣйствительно учрежденія училищъ, но только благоустроенныхъ, и жертвуютъ на этотъ предметъ значительныя суммы. Для устраненія, по возможности, означенныхъ недостатковъ, по мнѣнію инспекторовъ народныхъ училищъ, необходимо обратить прежде всего вниманіе на снабженіе училищъ учебными пособиями въ достаточномъ количествѣ, на лучшее устройство училищныхъ помѣщеній и особенно на приготовленіе способныхъ учителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принять мѣры къ установленію училищнаго бюджета на твердыхъ, опредѣленныхъ основаніяхъ. Содержаніе учителей и вообще суммы, назначаемыя на училища, должны быть извѣстны и не могутъ подвергаться безпрерывнымъ сокращеніямъ и недодачамъ, какъ это нерѣдко случается въ настоящее время: иначе и приготовленіе учителей не достигнетъ своей цѣли, такъ какъ способные учителя могутъ быть привязаны къ училищамъ только достаточнымъ и твердо опредѣленнымъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе для успѣховъ народнаго образованія устраивать меньшее число училищъ, но хорошихъ и обеспеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ разводить множество плохихъ училищъ, приносящихъ мало пользы и даже нерѣдко вредныхъ въ томъ отношеніи, что они подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ образованію. Само собою разумѣется, что всѣ эти предположенія могутъ быть приведены

въ исполненіе только постепенно при разумномъ направленіи дѣла народнаго образованія и при постоянномъ непрерывномъ контролѣ за учебною частью, который оказывается теперь болѣе возможнымъ съ учрежденіемъ должности особыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Высказывая это убѣжденіе, я не могу однако скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что настоящее число инспекторовъ народныхъ училищъ, по одному на каждую губернію, далеко не достаточно. Въ иныхъ губерніяхъ инспектору предстоитъ осмотрѣть отъ 400 до 500 училищъ ежегодно, что оказывается рѣшительно невозможнымъ, если принять въ соображеніе, что въ сельскихъ училищахъ ученіе происходитъ ежегодно не болѣе какъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, что изъ этого времени слѣдуетъ исключить воскресные и праздничные дни, что училища находятся въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи и что приходится совершать поѣздки по дурнымъ дорогамъ, а иногда и при совершенномъ бездорожьѣ. Поэтому было бы крайне необходимо назначеніе инспекторамъ народныхъ училищъ помощниковъ, отъ трехъ до пяти человѣкъ на губернію, смотря по пространству и по числу училищъ.

б) Училища въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія.

Не болѣе удовлетворительно состояніе училищъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія. Если недостаточность контроля признана на дѣлѣ въ такихъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ для этой цѣли особые училищные совѣты въ каждомъ уѣздѣ, то еще болѣе слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что возложеніе контроля въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, единственно на директоровъ гимназій и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, дѣлаетъ самый контроль бессильнымъ и не достигаетъ цѣли. Директоры, занятые гимназіями, не имѣютъ времени для осмотра всѣхъ училищъ губерніи. Штатные смотрители, отвлекаемые дѣлами уѣздныхъ училищъ и по недостатку средствъ на разъѣзды, также могутъ обозрѣвать только

немногія училища въ своихъ уѣздахъ; поэтому всѣ невыгодныя послѣдствія безконтрольности, на которыя мною указано выше при изложеніи состоянія училищъ первой категоріи въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, ложатся съ тою же тяжестью и на рассматриваемыя мною училища 2-й категоріи въ такой степени, что учебное начальство лишено возможности опредѣлить въ точности даже число ихъ. Число извѣстныхъ учебному начальству народныхъ училищъ въ трехъ губерніяхъ: Архангельской, Уфимской и Астраханской, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, простирается до 136 съ 3.798 учащихся, хотя въ дѣйствительности числа эти должны быть гораздо выше. Большая часть этихъ училищъ находится въ плохомъ состояніи; но и здѣсь есть училища удовлетворительно устроенныя; въ числу ихъ относятся городскія училища и немногія изъ сельскихъ.

Все сказанное выше касается исключительно училищъ губерній Архангельской, Астраханской и Уфимской; въ училищахъ же прочихъ губерній, которыя находятся въ западной полосѣ Имперіи и въ которыхъ также не введены земскія учрежденія, дѣло народнаго образованія идетъ несравненно успѣшнѣе, какъ это объяснено будетъ ниже въ своемъ мѣстѣ. Единственное средство помочь этому злу, по моему убѣжденію, заключается въ учрежденіи особой должности инспекторовъ народныхъ училищъ въ вышеуказанныхъ трехъ губерніяхъ съ необходимымъ числомъ помощниковъ, что потребовало бы сравнительно незначительнаго расхода и притомъ вполне производительнаго и необходимаго.

Одною изъ причинъ, равно препятствующихъ успѣшному развитію народныхъ училищъ какъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія, такъ и въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ эти учрежденія, служитъ недостаточное и неопредѣленное положеніе ихъ матеріальныхъ средствъ, какъ это подробно объяснено было мною въ прежнихъ моихъ отчетахъ. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, земства, на которыя возложено содержаніе народныхъ училищъ, не имѣютъ достаточныхъ средствъ на покрытіе всѣхъ расходовъ по этому предмету; исполнить это

лишены возможности также и сельскія общества. Поэтому содержаніе многихъ училищъ недостаточно обезпечено, а многія изъ нихъ, особенно въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и удѣльнаго вѣдомства, и вовсе закрылись съ тѣхъ поръ, какъ прекращенъ былъ обязательный сборъ на нихъ, существовавшій прежде. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, народныя школы еще поддерживаются кое-какъ особымъ съ крестьянъ сборомъ, назначеннымъ въ 1868 году и продолжавшимся и въ 1869 году. При такой неопредѣленности матеріальнаго обезпеченія училищъ необходимо было принять мѣры къ болѣе прочному ихъ устройству въ этомъ отношеніи, послѣ того какъ многократныя сношенія министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ финансовъ о дарованіи хотя временной ссуды на поддержаніе училищъ въ бывшихъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и удѣльнаго вѣдомства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, остались безуспѣшными. Съ этою цѣлью для обсужденія мѣръ къ рѣшенію этого важнаго вопроса и вообще для разработки всѣхъ подробностей устройства сельскихъ училищъ въ матеріальномъ отношеніи, учреждена при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ концѣ 1869 г. особая коммиссія изъ членовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Предположенія этой коммиссіи, уже ованчивающей возложенное на нее порученіе, будутъ представлены, по надлежащемъ ихъ обсужденіи, на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Между тѣмъ въ томъ же 1869 году 19-го декабря удостоилось Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества мнѣніе соединеннаго присутствія главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта о продолженіи и на 1870 годъ взиманія особаго частнаго земскаго сбора съ крестьянъ на содержаніе училищъ и школъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Не могу при этомъ умолчать, что подобное назначеніе суммъ на одинъ годъ сопровождается значительными затрудненіями для учи-

лицъ. По установленному порядку, общественный сборъ, согласно росписаніямъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, поступаетъ въ уѣздныя казначейства и затѣмъ въ волостныя правленія, откуда уже суммы эти распредѣляются по училищамъ. Вслѣдствіе того деньги доходятъ до училищъ слишкомъ поздно, черезъ полгода и болѣе. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ учителя еще не получали вовсе жалованья за 1869 годъ, что вовлекаетъ ихъ въ обременительныя долги и доводитъ до крайней нищеты, а нерѣдко и вынуждаетъ къ оставленію учительскихъ мѣстъ. По всемъ этимъ причинамъ возможно-скорое рѣшеніе вопроса о болѣе прочномъ обезпеченіи матеріальнаго положенія училищъ является крайне желательнымъ.

в) *Училища въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ.*

Училища въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, принадлежащихъ къ Виленскому учебному округу, сравнительно поставлены въ условія наиболѣе благоприятныя. Въ шести губерніяхъ этого округа: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской къ 1-му января 1870 года состояло 1.851 народное училище съ 63.453 учащимися, въ числѣ коихъ православнаго исповѣданія было 46.707, то-есть, болѣе двухъ третей. Въ теченіе 1869 года вновь открыто 104 училища и число учащихся увеличилось на 5.973 человекъ. Главными причинами относительно-лучшаго состоянія училищъ въ сѣверо-западномъ краѣ служатъ болѣе обезпеченное состояніе училищъ, правильный и постоянный контроль за училищами и замѣщеніе учительскихъ мѣстъ лицами, способными вести дѣло обученія. Расходы по содержанію всѣхъ училищъ въ Виленскомъ округѣ составляли въ 1869 г. 368.542 р. 28¹/₄ коп., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства отпущено было 207.812 р. 33 в., и внесено сельскими обществами 108.438 руб. 85²/₄ коп., не считая здѣсь платы за наемъ помѣщеній и издержекъ по постройкѣ училищныхъ домовъ, которыя падали также на сельскія общества. Изъ общаго числа училищъ (1.851) 955 училищъ имѣютъ особые или свои собственные дома,

болѣе или менѣе удобные; и только 330 училищъ помѣщаются дурно. Для контроля за училищами и вообще для руководства дѣломъ народнаго образованія въ Виленскомъ округѣ существуютъ особыя шесть дирекцій народныхъ училищъ, по одной въ каждой губерніи. Сверхъ того, въ помощь директорамъ даны инспекторы народныхъ училищъ, которыхъ до 1869 года было 14, а въ 1869 годъ прибавлено еще 10, такъ что весь составъ руководителей дѣла народнаго образованія простирается до 30 лицъ, специально знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и посвящающихъ исключительно ему всю свою дѣятельность. При общемъ числѣ училищъ (1.851), на каждое лицо, инспектирующее училища, приходится около 60-и училищъ, что доставляетъ полную возможность обзрѣвать училища ежегодно и со всею подробностью. Каждая дирекція народныхъ училищъ имѣетъ при себѣ училищный совѣтъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспекторовъ народныхъ училищъ и членовъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ совѣтѣ этомъ обсуждаются всѣ дѣла, относящіяся къ училищамъ. Особенное вниманіе дирекцій обращено, между прочимъ, на развитіе въ училищахъ преподаванія, основаннаго на здоровыхъ педагогическихъ началахъ, на снабженіе училищъ въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями, на усовершенствованіе учителей, уже занимающихъ мѣста, и на педагогическое приготовленіе лицъ, ищущихъ учительскихъ должностей. При такой организаціи управленія, учебная часть, особенно въ училищахъ, обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, находится большею частью въ удовлетворительномъ состояніи: на общее число училищъ (1.851) приходится 856 такихъ училищъ, которыя и по составу учащихся и по успѣхамъ учащихся заслуживаютъ въ большей или меньшей степени одобренія. Усвоивъ болѣе или менѣе педагогическій характеръ, училища сѣверо-западныхъ губерній сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто русскими училищами, благодаря тому обстоятельству, что всѣ преподаватели въ нихъ, за исключеніемъ законоучителей римско-ка-

толическаго и реформатскаго исповѣданій, принадлежать къ кореннымъ Русскимъ. Успѣхи учащихся по русскому языку вообще удовлетворительны даже въ мѣстностяхъ съ литовскимъ населеніемъ. Русская исторія и русская географія, хотя и не входятъ въ учебный курсъ, но учащіеся знакомятся по книгѣ для чтенія съ важнѣйшими событіями и дѣятелями отечественной исторіи и узнаютъ существенно необходимое изъ географіи Россіи. Вообще русская школа установилась среди сельскаго населенія сѣверо-западнаго края болѣе или менѣе прочно и уже приноситъ добрые плоды; результаты полезной ея дѣятельности совершенно ясны и понятны для крестьянъ, распространяя между ними грамотность, улучшая нравственный ихъ бытъ и развивая въ молодомъ поколѣніи сознаніе о его русскомъ происхожденіи.

Вліяніе русской школы въ сѣверо-западномъ краѣ усиѣло отразиться и на реформатскихъ и лютеранскихъ школахъ, въ концѣ 1868 года подчиненныхъ управленію Виленскаго округа. Характеръ этихъ школъ, гдѣ все преподаваніе до того времени шло на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно измѣнился въ теченіе одного года; въ 12-и изъ нихъ назначены учителями природные Русскіе съ производствомъ жалованья частью отъ мѣстныхъ лютеранскихъ обществъ и частью изъ суммъ дирекцій народныхъ училищъ; преподаваніе идетъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ ученики сдѣлали замѣтные успѣхи, и самое число учащихся увеличилось.

Такое усиленное развитіе народнаго образованія въ Виленскомъ округѣ, начавшееся еще недавно и успѣвшее уже принести столь очевидные плоды, безъ сомнѣнія, вызвано было политическою необходимостью — доставить массѣ населенія средства противодѣйствовать давленію польскаго вліянія, враждебнаго русскимъ интересамъ. Но факты эти показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю важность постояннаго и правильнаго контроля за учебною частію со стороны специалистовъ этого дѣла, а потому я вполне убѣжденъ, что примѣненіе, по возможности, той же системы контроля и къ народнымъ училищамъ внутреннихъ губерній Импе-

ріи принесло бы въ скоромъ времени несомнѣнную и огромную пользу дѣлу развитія у насъ народнаго образованія.

Въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ Кіевскаго округа: Кіевской, Подольской и Волинской, не смотря на значительное число учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ, простирившееся къ 1-му января 1870 года до 10.350, дѣло народнаго образованія до 1869 года было организовано не вполне удовлетворительно. Главнымъ препятствіемъ тому служилъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, хотя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже выработаны были основы преобразованія народныхъ училищъ юго-западнаго края еще въ началѣ вступленія моего въ управленіе министерствомъ. Въ 1869 году и это важное дѣло получило наконецъ осуществленіе: Высочайше утвержденнымъ 26-го мая 1869 года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено на устройство училищной части въ означенныхъ губерніяхъ отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства по 263.980 руб. и въ томъ числѣ по 231.730 руб. собственно на народныя училища. На счетъ этой суммы предположено учредить шесть инспекторовъ народныхъ училищъ, открыть учительскую семинарію для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ и 32 двухклассныя городскія мужскія училища съ приготовительными при каждомъ изъ нихъ классами и смѣнами для обученія дѣвочекъ и столько же двухклассныхъ женскихъ училищъ; сверхъ того, на счетъ того же источника опредѣлено открывать одноклассныя сельскія училища тамъ, гдѣ состоялись приговоры сельскихъ обществъ относительно отвода помѣщеній подъ училища и принятія на свой счетъ ремонта, отопленія, освѣщенія, а также содержанія прислуги;—и назначать пособіе лучшимъ народнымъ училищамъ, а также учителямъ.

Изъ этихъ мѣръ всѣ относящіяся до открытія новыхъ училищъ приведены въ исполненіе въ томъ же 1869 году; кромѣ назначеннаго числа городскихъ народныхъ училищъ, было открыто еще 10 одноклассныхъ сельскихъ училищъ. Благодѣтельныя послѣдствія такого значительнаго усиленія средствъ народ-

наго образованія въ юго-западномъ краѣ, безъ сомнѣнія, не замедлятъ обнаружиться въ самомъ непродолжительномъ времени.

г) *Училища въ Привислянскихъ губерніяхъ.*

Наибольшее число начальныхъ народныхъ училищъ относительно народонаселенія находится въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, именно 2.135 съ 132.477 учащихся, не считая здѣсь еще 97 воскресныхъ школъ съ 6.108 учащимися. Въ 1869 году общему надзору дирекцій училищъ Варшавскаго округа подчинены и кантораты или народныя училища при евангелическо-лютеранскихъ и реформатскихъ приходахъ Привислянскаго края. Такихъ канторатовъ состояло къ 1-му января 1870 года 493. Изъ числа начальныхъ училищъ есть незначительное число православныхъ училищъ, гдѣ все обученіе совершается на русскомъ языкѣ; въ прочихъ же начальныхъ училищахъ русскій языкъ входитъ только въ число учебныхъ предметовъ и во многихъ изъ нихъ обученіе этому предмету идетъ довольно успѣшно. Въ числѣ причинъ, препятствующихъ вполнѣ успѣшному направленію народнаго образованія въ начальныхъ училищахъ, не малое значеніе имѣетъ нынѣшній порядокъ опредѣленія учителей начальныхъ училищъ; они избираются гминными сельскими сходами и такимъ образомъ находятся исключительно подъ ихъ вліяніемъ, крайне невыгоднымъ, потому что выборы падаютъ нерѣдко на людей неспособныхъ и не вполнѣ благонадежныхъ. Для устраненія этого зла, необходимо, по моему убѣжденію, при выборѣ учителей допустить участіе мѣстнаго учебнаго начальства, которое въ дѣлѣ этомъ можетъ служить лучшимъ и единственнымъ цѣнителемъ способностей избираемаго къ учительской должности. Безъ дарованія такого права учебному начальству, и самое приготовленіе народныхъ учителей, столь необходимое и въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, не будетъ достигать своей цѣли, потому что гминные сходы имѣютъ теперь полную возможность отвергать способнаго и хорошо приготовленнаго учителя по своимъ соображеніямъ вовсе непедагогическаго свойства.

д) *Училища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.*

Въ трехъ губерніяхъ Дерптскаго учебнаго округа: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, по отчету попечителя учебнаго округа, показано 106 низшихъ училищъ, считая въ томъ числѣ 19 уѣздныхъ училищъ, съ 6.287 учащимися. Изъ этого числа учебныхъ заведеній только въ восьми, содержимыхъ преимущественно на счетъ государственнаго казначейства, всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ, именно въ Рижскомъ русскомъ уѣздномъ училищѣ, въ двухклассныхъ русскихъ училищахъ въ Ригѣ, Дерптѣ, Митавѣ и Якобштадтѣ, въ двухъ русскихъ одноклассныхъ училищахъ въ Ревелѣ и въ русскомъ женскомъ одноклассномъ училищѣ въ Ригѣ. Во всѣхъ же остальныхъ 98 училищахъ ученіе идетъ на нѣмецкомъ языкѣ и русскій языкъ входитъ только въ число учебныхъ предметовъ. Успѣхи въ русскомъ языкѣ болѣе или менѣе удовлетворительны только въ начальныхъ училищахъ; въ уѣздныхъ же училищахъ большею частью русскій языкъ идетъ плохо, при учителяхъ нѣмцахъ, худо знающихъ русскій языкъ, вслѣдствіе чего начальникъ Дерптскаго учебнаго округа вынужденъ былъ въ теченіе 1869 года уволить нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учителей русскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ и замѣнить ихъ природными русскими.

Ошибочно было бы однако думать, что во всѣхъ Прибалтійскихъ губерніяхъ находится дѣйствительно вышеуказанное число училищъ. На самомъ дѣлѣ это число — несравненно значительнѣе. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ находятся еще сельскія начальныя училища, не состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: православныя и лютеранскія. Первыхъ считается 369 съ 9.000 учащимися и послѣднихъ до 1.500 съ 79.000 учащимися.

Православныя школы въ селеніяхъ Эстовъ и Латышей содержатся весьма скудно на счетъ мѣстныхъ обществъ, пользуясь съ 1868 года пособіемъ отъ правительства до 10.000 руб. въ годъ. Въ теченіе 1869 года для дальнѣйшаго развитія этихъ школъ,

по сношенію моему съ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края, предполагено учредить учительскую семинарію для приготовленія учителей, знающихъ русскій языкъ, назначить какъ на этотъ предметъ, такъ и вообще на вспоможеніе этимъ училищамъ ежегодно по 30.000 руб., и для завѣдыванія дѣлами училищъ учредить особый совѣтъ, подъ предѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ епархіальнаго архіерея, попечителя учебнаго округа или его помощника, директора Александровской Рижской гимназіи и ректора Рижской духовной семинаріи. Само собою разумѣется, что въ школахъ этихъ русскій языкъ долженъ входить въ число учебныхъ предметовъ. Всѣ эти предположенія удостоились уже Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества и вмѣстѣ съ тѣмъ назначено было одновременно на устройство православныхъ училищъ 20.000 руб.

Независимо отъ мѣръ, указанныхъ въ вышеизложенномъ обзорѣніи состоянія начальныхъ народныхъ училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, министерство народнаго просвѣщенія въ теченіе 1869 года принимало мѣры и къ возвышенію внутренняго благоустройства начальныхъ народныхъ училищъ. Съ этою цѣлію двухкласснымъ сельскимъ училищамъ даны подробныя программы съ указаніемъ объема и методовъ преподаванія; при учебномъ комитетѣ министерства образовано особое отдѣленіе для рассмотрѣнія книгъ и руководствъ, назначаемыхъ для народныхъ училищъ; при С.-Петербургскомъ Андреевскомъ приходскомъ училищѣ учрежденъ музей элементарныхъ учебныхъ пособій для нагляднаго ознакомленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ со всѣмъ, что появилось и можетъ появиться лучшаго по части учебныхъ пособій и принадлежностей, относящихся къ дѣлу народнаго образованія, и наконецъ сдѣланы различныя распоряженія къ поддержанію и дальнѣйшему развитію способовъ приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ.

Сознавая, что мѣры, относящіяся къ послѣднему предмету, имѣютъ особенную важность для развитія дѣла народнаго образованія, я считаю обязанностью представить въ возможно пол-

ношъ очеркъ состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время дѣло приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наилучшій способъ приготовленія учителей народныхъ училищъ заключается въ учрежденіи особыхъ учебныхъ заведеній, или такъ-называемыхъ учительскихъ семинарій, въ которыхъ все обученіе и воспитаніе исключительно примѣнены къ этой цѣли. Но какъ повсемѣстное устройство такихъ семинарій стоило бы чрезвычайно дорого, то министерство народнаго просвѣщенія, по необходимости, пользовалось и всѣми другими средствами, могущими болѣе или менѣе содѣйствовать рѣшенію этой задачи. Къ такимъ средствамъ относятся: устройство педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и дирекціяхъ народныхъ училищъ, приготовленіе учителей при уѣздныхъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ и учительницъ при нѣкоторыхъ женскихъ училищахъ, и наконецъ временныя собранія учителей, или лѣтніе учительскіе курсы и съѣзды.

а) Правильно организованныхъ учительскихъ семинарій къ началу 1869 года было всего только двѣ: Молодечнянская учительская семинарія въ мѣстечкѣ Молодечнѣ (Виленской губерніи), существующая съ 1864 года, и Дерптская учительская семинарія въ Дерптѣ, открытая еще въ 1828 году.

Семинаріи эти готовятъ учителей: первая—для народныхъ училищъ Виленскаго округа и послѣдняя—для городскихъ начальныхъ училищъ Дерптскаго округа. Къ 1-му января 1870 года въ Молодечнянской семинаріи было 66 воспитанниковъ, а въ Дерптской—30. Со времени основанія Молодечнянская семинарія доставила уже 90 учителей и всѣ они пользуются довѣріемъ мѣстныхъ обществъ и принадлежатъ къ числу способнѣйшихъ учителей. Въ Дерптской учительской семинаріи, въ видахъ распространенія русскаго языка въ начальныхъ городскихъ училищахъ, съ 1868 года находится особый учитель русскаго языка и въ числѣ приготовляющихся къ учительскимъ должностямъ состоятъ 4 стипендіата изъ русскихъ уроженцевъ.

Приготовленіе учителей въ учительскихъ семинаріяхъ заключается въ сообщеніи теоретическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для учителей, и въ практическомъ ознакомленіи съ методами преподаванія, для чего ученики старшаго отдѣленія семинарій упражняются въ преподаваніи, подъ руководствомъ наставниковъ семинарій, въ образцовыхъ народныхъ училищахъ, состоящихъ при семинаріяхъ. Въ настоящее время въ числу учительскихъ семинарій присоединились еще двѣ семинаріи, устроенныя также на счетъ государственнаго казначейства на одинаковомъ основаніи съ Молодечванскою: учительская семинарія въ Кіевѣ для приготовленія учителей народныхъ училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волинской, и учительская семинарія въ Ригѣ для образованія учителей народныхъ училищъ въ православныхъ селеніяхъ Прибалтійскаго края. Первая изъ этихъ семинарій уже открыта въ Кіевѣ 22-го октября 1869 г.; открытіе второй послѣдуетъ въ настоящемъ 1870 году. Важность этихъ мѣръ едва ли нуждается въ объясненіи, если принять въ соображеніе, что губерніи Кіевская, Волинская и Подольская, находящіяся въ одинаковыхъ условіяхъ съ губерніями Виленскаго округа, столько же нуждаются въ хорошо приготовленныхъ и притомъ русскихъ учителяхъ народныхъ училищъ, а между тѣмъ лишены были до сихъ поръ всякихъ средствъ къ удовлетворенію этой потребности, и что образованіе учителей, знающихъ русскій языкъ, изъ Эстовъ и Латышей Прибалтійскихъ губерній, должно оказать огромное вліяніе на распространеніе русскаго языка въ православныхъ Прибалтійскихъ народныхъ школахъ и чрезъ то между эсто-латышскимъ населеніемъ этихъ губерній.

Болѣе или менѣе правильно организованными учебными заведеніями для приготовленія учителей народныхъ училищъ слѣдуетъ считать также открытыя въ 1869 году на счетъ мѣстнаго земства: Александровское центральное училище въ Рязани и Колмовскую учительскую школу близъ Новгорода. На содержаніе Александровскаго училища Рязанское земство назначило ежегодно по 11.215 руб. Училище это — закрытое; полный комплектъ учени-

ковъ, по открытіи всѣхъ 3-хъ классовъ, долженъ составлять 100 человекъ. При открытіи училища поступило 36 учениковъ. Колмовская земская школа устроена въ такихъ же размѣрахъ; на содержаніе воспитанниковъ, которыхъ теперь 36 и которые живутъ въ самомъ помѣщеніи школы, ассигновано изъ суммъ Новгородскаго земства 4.822 рубля въ годъ и одновременно выдано на первоначальное обзаведеніе 7.000 рублей. Желаніе учредить особня учительскія школы для приготовленія учителей народныхъ училищъ выразили также земства губерній Московской, Тульской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Костромской, Черниговской и Вятской. Нѣкоторые изъ этихъ земствъ ассигнованы уже необходимыя на то суммы и уставы предполагаемыхъ къ открытію школъ находятся уже на разсмотрѣніи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Самостоятельными учебными заведеніями для приготовленія учителей народныхъ училищъ должны считаться и педагогическіе курсы, находящіеся въ Варшавскомъ учебномъ округѣ: въ городахъ Варшавѣ, Холмѣ, Сѣдлецѣ, въ посадахъ: Сѣнницѣ (Варшавской губерніи), Сольцѣ (Радомской губерніи) и въ деревняхъ: Вымыслинѣ (Плоцкой губерніи) и Вейверахъ (Сувалкской губерніи). Общее число приготовляющихся въ этихъ семи курсахъ къ должностямъ учителей народныхъ училищъ Варшавскаго округа было къ 1-му января 1870 г. 463 человекъ, въ томъ числѣ православныхъ и греко-уніатовъ 120. Содержаніе всѣхъ семи курсовъ стоитъ государственному казначейству ежегодно 70.179 руб. 20 коп. При всемъ томъ настоящее число педагогическихъ курсовъ признается недостаточнымъ по значительному числу народныхъ училищъ, находящихся въ округѣ, а потому необходимо учрежденіе еще двухъ новыхъ педагогическихъ курсовъ въ Кѣлецкой и Калишской учебныхъ дирекціяхъ, какъ я имѣлъ возможность лично удостовѣриться при посѣщеніи моемъ Варшавскаго округа въ 1868 году.

б) Замѣною въ извѣстной степени, хотя и весьма недостаточною, учительскихъ семинарій служатъ педагогическіе курсы, устроенные для приготовленія учителей народныхъ училищъ при

нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и при дирекціяхъ народныхъ училищъ. Въ пяти учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ находятся педагогическіе курсы, получающіе содержаніе изъ государственнаго казначейства и учрежденные при 12-и уѣздныхъ училищахъ: С.-Петербургскомъ, Андреевскомъ, Вологодскомъ, Владимірскомъ, Смоленскомъ, Казанскомъ, Пермскомъ, Саратовскомъ, Харьковскомъ, Курскомъ, Одесскомъ, Николаевскомъ (Херсонской губерніи) и Кишиневскомъ. Ученикамъ, поступающимъ въ педагогическіе курсы, выдаются стипендіи; теоретическое приготовленіе ихъ заключается въ основательномъ усвоеніи предметовъ учебнаго курса уѣздныхъ училищъ; практическія ихъ занятія состоятъ въ преподаваніи, подъ руководствомъ инспекторовъ педагогическихъ курсовъ и учителей, въ мѣстныхъ приходскихъ или начальныхъ народныхъ училищахъ, избранныхъ для этой цѣли учебнымъ начальствомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ педагогическихъ курсовъ находятся стипендіаты, на счетъ мѣстныхъ земствъ, именно 33 стипендіата при Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ съ отпускомъ на ихъ содержаніе 3.960 руб., 10 стипендіатовъ при Курскомъ уѣздномъ училищѣ на счетъ 1.000 руб., отпускаемыхъ Тимскимъ земствомъ (Курской губерніи).

Въ 1869 году учреждены педагогическіе курсы еще при Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ, на что земствомъ Симбирской губерніи назначено ежегодно по 2.426 руб. Земства Херсонской и Полтавской губерніи также постановили учредить педагогическіе курсы: первое при уѣздныхъ училищахъ Херсонскомъ и Елисаветградскомъ съ ежегоднымъ назначеніемъ на ихъ содержаніе по 4.000 руб.; послѣднее—при всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Полтавской губерніи; тѣ и другіе курсы еще не были открыты въ 1869 году.

Независимо отъ того, земства многихъ губерній, съ цѣлю приготовленія учителей содержать на свой счетъ стипендіатовъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при которыхъ и не существуетъ педагогическихъ курсовъ, но гдѣ руководятъ стипендіатовъ въ ихъ

занятіяхъ мѣстные учителя. Число такихъ стипендіатовъ и общая сумма ихъ содержанія видны изъ нижеслѣдующей таблицы:

НАЗВАНІЯ ЗЕМСТВЪ.	Число стипендіатовъ	При какихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Количество содержанія.
Псковской губерніи	18	Псковскомъ уѣздномъ училищѣ.	2.110 руб. —
Самарской губерніи	16	Самарской духовной семинаріи.	1.600 > —
Николаевское (Самарской губерніи)	20	Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ.	2.000 > —
Херсонскаго уѣзда	17	Херсонскомъ уѣздномъ училищѣ.	1.482 > 38 коп.
Тираспольское (Херсонской губерніи)	12	Тираспольскомъ уѣздномъ училищѣ.	1.400 > —
Бердянское (Таврической губерніи)	10	Бердянскомъ уѣздномъ училищѣ.	О количествѣ содержанія нѣтъ свѣдѣній.

Въ таблицѣ этой въ числѣ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ учителей, находится Самарская духовная семинарія. Педагогическія средства ея, какъ и многихъ другихъ духовныхъ семинарій, заключаются, независимо отъ общаго образованія, въ изложеніи учащимся курса педагогики и въ практическихъ занятіяхъ преподаваніемъ въ состоящей при ней воскресной шволѣ. Такія воскресныя школы находились при 34 духовныхъ семинаріяхъ и на поддержаніе ихъ выдано было въ 1869 году изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 6.800 рублей.

Приготовленіе учителей народныхъ училищъ въ 1869 году производимо было только при двухъ гимназіяхъ и одной прогимназіи. При Новочеркасской гимназіи существуетъ съ 1866 г. педагогическое отдѣленіе, которое успѣло приготовить съ того времени 115 учителей. Въ этомъ отдѣленіи учать учителя гимназіи безъ

платно. При Варшавской гимназiи находятся педагогическіе курсы съ 1868 года; земство даетъ на ихъ содержаніе 3.795 руб. ежегодно; въ числѣ 25 воспитанниковъ состоятъ 24 стипендіата земства. Въ Острогской прогимназiи (Волинской губерніи), на основаніи приговора крестьянъ-собственниковъ, состоявшагося въ 1867 году, обучается на крестьянскій счетъ нѣсколько мальчиковъ по одному отъ каждой волости, а отъ нѣкоторыхъ волостей и по два, съ тѣмъ, чтобы воспитанники эти по окончаніи курса прослужили не менѣе шести лѣтъ въ должности волостныхъ писарей или народныхъ учителей. Такихъ воспитанниковъ въ настоящее время въ Острогской прогимназiи 41, и первый ихъ выпускъ долженъ произойти въ 1872 году. Всѣ воспитанники живутъ вмѣстѣ въ особомъ домѣ, купленномъ на счетъ крестьянъ, и получаютъ на содержаніе каждый по 100 рублей. Послѣ перваго выпуска слѣдующіе выпуски ежегодно будутъ составлять по 5 человекъ, въ числѣ которыхъ также ежегодно будутъ поступать въ прогимназію по 5 крестьянскихъ мальчиковъ.

При дирекціяхъ народныхъ училищъ готовятъ учителя народныхъ училищъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, на чтѣ съ 1867 года ассигнуется ежегодно по 8.000 рублей. Въ каждой изъ шести дирекцій округа учреждаются ежегодно временные педагогическіе курсы, продолжающіеся въ теченіе августа и сентября. Кандидаты на учительскія мѣста, по приглашенію дирекціи, собираются къ этому времени въ губернскомъ городѣ, и по испытаніи въ знаніи учебнаго курса народныхъ училищъ, принимаются въ педагогическіе курсы на счетъ суммъ дирекціи. Затѣмъ начинаются съ ними по опредѣленному плану занятія теоретическія и практическія. Кандидатамъ учительскимъ сообщаются существенно необходимыя для нихъ правила по предметамъ дидактики и особенно методики, разъясняются обязанности наставниковъ, школьная дисциплина и вообще способы управленія школою. Послѣ того кандидаты посѣщаютъ мѣстныя приходскія училища для пракческаго ознакомленія съ лучшими приѣмами обученія и сами упражняются въ преподаваніи подъ руководствомъ директо-

ровъ и инспекторовъ. Оказавшіеся затѣмъ способными опредѣляются на учительскія мѣста. Въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ на педагогическіе курсы приглашаются и состоящіе уже на службѣ наставники народныхъ училищъ, признанные вельдствие ревизій мало подготовленными. Обыкновенно на такіе курсы поступаютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а потому для нихъ подобная педагогическая подготовка оказывается болѣе или менѣе достаточною. Въ теченіе 1869 года всѣхъ кандидатовъ, получившихъ подготовленіе на этихъ курсахъ, было 165 человекъ и, кромѣ того, 35 наставниковъ народныхъ училищъ.

Наконецъ, въ дѣлѣ пополненія недостатка учебныхъ силъ принимали участіе и нѣкоторыя женскія училища. Такимъ образомъ готовились учительницы народныхъ училищъ на счетъ мѣстныхъ земствъ при Вятской женской гимназій и при Бугульминскомъ женскомъ училищѣ и на суммы мѣстнаго уѣднаго училищнаго совѣта при Курмышскомъ женскомъ училищѣ. Вятское и Бугульминское земства отпускали на этотъ предметъ по 500 руб., а Курмышскій уѣдныи училищныи совѣтъ по 900 руб. Изъ женскихъ училищъ два училища занимались исключительно приготовленіемъ учительницъ: Саратовское женское училище при братствѣ св. Креста, существующее съ 1868 года на счетъ частныхъ пожертвованій, и Виленское руководѣльное училище. Первый выпускъ изъ Саратовскаго училища былъ въ 1869 году, и всѣ 6 дѣвицъ, окончившія курсъ, заняли мѣста учительницъ въ сельскихъ школахъ. Руководѣльное училище въ Вильнѣ, открытое въ 1867 году, состоитъ изъ двухъ классовъ. Ученицы, кромѣ закона Божія, русскаго и церковно-славянскаго языковъ, русской исторіи и географіи, ариметики, чистописанія, черченія и пѣнія, обучаются еще руководѣльямъ. Преподаваніемъ занимаются болѣею частію учителя мѣстныхъ гимназій, а для обученія руководѣльямъ имѣется особая учительница, она же и надзирательница, получающая изъ суммъ округа постоянное жалованье по 300 рублей въ годъ. Въ 1869 году былъ первый выпускъ, и окончили курсъ 16 дѣвицъ.

в) При невозможности, съ настоящими средствами приготовить достаточное число способныхъ учителей для народныхъ училищъ, въ теченіе 1869 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приняты были мѣры къ улучшенію наличнаго состава учителей путемъ ознакомленія ихъ съ лучшими методами преподаванія. Съ этою цѣлью устроены были временныя лѣтніе учительскіе курсы на счетъ мѣстныхъ земствъ въ Новгородѣ, Череповцѣ, въ Рязани, въ Новосилѣ (Тудьской губерніи), Подольскѣ (Московской губерніи), въ Симферополѣ и въ Щиграхъ (Курской губерніи). Къ слушанію этихъ курсовъ высылались находящіеся уже на службѣ учителя съ выдачею имъ денегъ на проѣздъ и содержаніе во время курсовъ. Но, вмѣстѣ учителей, допускались на курсы и постороннія лица, желающія занять мѣста учителей; курсы продолжались въ теченіе лѣтнихъ каникулъ и состояли подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, приглашенныхъ съ этою цѣлью. Въ Новгородѣ и Череповцѣ всѣхъ слушавшихъ курсы было 105 человекъ, въ томъ числѣ 13 учительницъ; на содержаніи земства было изъ нихъ 85; остальные 20 прибыли и содержались на свой счетъ; на расходы по обоимъ этимъ курсамъ назначено было земствомъ Новгородской губерніи 3.300 рублей. По курсамъ въ другихъ мѣстахъ расходы земства простирались: въ Рязани до 4.000 рублей, и въ Симферополѣ до 1.400 рублей. Объ издержкахъ земства въ Новосилѣ и Щиграхъ нѣтъ свѣдѣній. Къ числу мѣръ, могущихъ способствовать улучшенію учительскаго состава, должны быть отнесены также происходившіе лѣтомъ прошлаго года въ Кипиневѣ и Иркутскѣ учительскіе съѣзды, на которыхъ, подъ руководствомъ мѣстнаго учебнаго начальства, обсуждались, между прочимъ, программы и методы преподаванія въ народныхъ училищахъ.

Вышеизложенныя мѣры для приготовленія учителей народныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, далеко не удовлетворяютъ действительнымъ потребностямъ въ учителяхъ. Важно однако и то, что въ этомъ дѣлѣ сдѣланы уже нѣчто, что оно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, и что въ общество наше проникло

твердое убѣжденіе, что хорошая народная школа можетъ быть только тамъ, гдѣ есть хорошие учителя.

Недостатокъ въ учителяхъ ощущается не только для сельскихъ, но и для городскихъ училищъ; онъ будетъ еще чувствительнѣе, когда планъ преобразованія нѣмѣнннхъ уѣздныхъ училищъ осуществится. Поэтому вмѣстѣ съ проектами новаго устройства городскихъ училищъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія выработаны и проекты учительскихъ институтовъ, которые должны готовить учителей для этихъ училищъ и съ открытія историкъ и должно начаться самое преобразование уѣздныхъ училищъ.

Сверхъ того, на востокѣ и югѣ Россіи живутъ многочисленныя инородческія племена, объединеніе которыхъ съ массою русскаго населенія возможно только путемъ русской школы, а чтобы водворить между инородцами русскую школу, необходимо изъ среды же ихъ приготовить учителей, знающихъ русскій языкъ и способныхъ вести на немъ преподаваніе. Отсюда является необходимость учрежденія специальныхъ учительскихъ семинарій, направленныхъ къ этой цѣли въ Приволжскихъ губерніяхъ и на Таврическомъ полуостровѣ. Вопросъ этотъ, какъ и вообще лучшее устройство инородческаго образованія, по собраніи всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, уже обработанъ въ министерствѣ и былъ подвергнутъ окончательному обсужденію въ состоящемъ при мнѣ совѣтѣ, составъ котораго увеличенъ былъ на этотъ случай приглашеніемъ почетителей Одесскаго и Казанскаго округовъ и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ директора департамента иностранныхъ исповѣданій графа Сиверса. Затѣмъ предположенія мои касательно инородческаго образованія будутъ представлены въ теченіе 1870 года на разсмотрѣніе и утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Говоря объ инородческомъ образованіи, я долгомъ считаю въ заключеніе всего доложить Вашему Императорскому Величеству, что носѣщеніе, которымъ ошастливили Казанскую Крещено-Татарскую школу 18-го іюля 1869 года Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Цесаревна и Великій Князь Алексій Александровичъ и 19-го

мая Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и учрежденіе Ихъ Высочествами 20 стипендій для учащихся Имени Государя Цесаревича и Государыни Цесаревны произвели невыразимое впечатлѣніе на татарское населеніе, собравшееся по этому случаю въ Казани въ значительномъ числѣ изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое милостивое вниманіе Царственныхъ особъ къ татарской школѣ будетъ не только сильно способствовать дальнѣйшему ея развитію, но и облегчить для министерства народнаго просвѣщенія рѣшеніе трудной задачи о направленіи инородческаго образованія по пути, согласному съ общими интересами кореннаго русскаго населенія Имперіи.

4. Женскія училища.

Положеніе 10-го мая 1860 года, создавшее женскія училища 1-го и 2-го разряда, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія, составляетъ бесспорно важную эпоху въ исторіи образованія русской женщины.

До того времени всѣ средства высшаго женскаго образованія заключались въ женскихъ институтахъ вѣдомства Императрицы Маріи, въ частныхъ пансіонахъ и школахъ и въ домашнемъ ученіи; институты, принимающіе по баллотировкѣ, далеко не всѣмъ доступны, даже и для лицъ изъ привилегированныхъ сословій. Частныя пансіоны и содержаніе въ домѣ дорогихъ наставницъ были только по средствамъ людей богатыхъ. Затѣмъ масса женскаго городского населенія, признающаго потребность въ образованіи, по необходимости должна была довольствоваться приобрѣтеніемъ кое-какихъ элементарныхъ свѣдѣній въ городскихъ элементарныхъ училищахъ или дома у дешевыхъ и большею частью плохихъ учительницъ. По этимъ причинамъ учрежденіе женскихъ училищъ 1-го и 2-го разряда въ 1860 году встрѣчено было общимъ сочувствіемъ городского населенія на всемъ пространствѣ Имперіи, и на поддержаніе ихъ явились пособія со стороны городскихъ обществъ, земства и частныхъ лицъ. Благодаря этимъ пособіямъ, сравнительной дешевизнѣ ученія и устройству женскихъ училищъ,

допускающему участіе въ управленіи ими представителей городскихъ сословій, женскія училища въ теченіе 10-и лѣтъ выросли значительно въ качественномъ и количественномъ отношеніи, такъ что къ 1-му января 1870 года состояло въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Одесскомъ, губерніяхъ Полтавской и Черниговской Кіевского округа и въ Сибири, на вторыя распространяется положеніе о женскихъ училищахъ, уже 50 училищъ 1-го разряда и 109 2-го разряда, всего 159 училищъ съ 13.699 учащихся, что составляетъ среднимъ числомъ около 86 ученицъ на каждое училище. Въ дѣйствительности же нѣкоторыя училища, особенно 1-го разряда, включаютъ въ себѣ болѣе 200 ученицъ, какъ Казанское—278 и Вятское—212. Соразмѣрно съ тѣмъ, многія женскія училища преимущественно 2-го разряда имѣютъ гораздо меньшее число ученицъ.

Изъ означеннаго числа училищъ въ теченіе 1869 года открыты женскія училища 1-го разряда въ Пензѣ и женскія училища 2-го разряда въ Лебединѣ (Харьковской губерніи), Ливнахъ (Орловской губерніи), Бирючѣ (Воронежской губерніи), Кобелякахъ (Полтавской губерніи) и Лугѣ (С.-Петербургской губерніи).

На содержаніе женскаго училища въ Пензѣ земство ассигновало ежегодно по 4.500 рублей и, сверхъ того, обратило 6.003 руб. въ непривосновенный капиталъ, проценты съ котораго должны поступать на тотъ же предметъ. Училище помѣщено въ собственномъ домѣ, купленномъ на частныя пожертвованія, простиравшіяся до 10.200 рублей.

Содержаніе женскихъ училищъ 2-го разряда въ Кобелякахъ, Лебединѣ и Бирючѣ также падаетъ большею частію на средства земства, а въ Ливнахъ и Лугѣ на счетъ суммъ, отпускаемыхъ городскимъ обществомъ.

Изъ числа женскихъ училищъ 1-го разряда педагогическіе курсы, составляющіе 7-й высшій классъ и назначенные для довершенія общаго образованія педагогическимъ, находились при женскихъ училищахъ: Нижегородскомъ, Полтавскомъ и Ниволаев-

скомъ (Херсонской губерніи); въ 1869 году открыты педагогическіе курсы еще при трехъ женскихъ училищахъ: Казанскомъ, Харьковскомъ и Таганрогскомъ. Такимъ образомъ это въ высшей степени полезное учрежденіе, въ видахъ приготовленія образованныхъ русскихъ наставницъ для частныхъ домовъ, возникшее только въ 1868 году, продолжаетъ развиваться, благодаря постановленію 1868 года, дающему права домашнимъ наставницъ и учительницъ, оканчивающимъ педагогическій курсъ въ женскихъ училищахъ 1-го разряда.

Тѣмъ не менѣ десятилѣтній опытъ существованія женскихъ училищъ указалъ на нѣкоторыя слабыя ихъ стороны, требовавшія измѣненія и устраненія.

Женскія училища 1-го разряда, доставляя одинаковое образование съ женскими институтами и женскими гимназіями вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, давали однако меньшія права оканчивающимъ въ нихъ курсъ воспитанницамъ; въ самомъ устройствѣ управленія были ограниченія, бесполезно стѣснявшія административную ихъ дѣятельность, и наконецъ, многія изъ женскихъ училищъ, не смотря на значительныя пожертвованія обществомъ, земства и частныхъ лицъ, оказались несостоятельными для дальнѣйшаго поддержанія себя безъ помощи со стороны правительства. На устраненіе всѣхъ этихъ недостатковъ мною было обращено особенное вниманіе съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Считаю себя счастливымъ, что усилія мои въ этомъ отношеніи увѣнчались теперь успѣхомъ: въ 1870 году утвержденъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ новый уставъ женскихъ училищъ, присвояющій имъ названіе женскихъ гимназій и прогимназій и возвышающій права учащихся; вмѣстѣ съ тѣмъ, на пособіе женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, наиболѣе нуждающимся, назначена ежегодная опредѣленная сумма изъ средствъ государственнаго казначейства. Нѣтъ сомнѣнія, что женскія училища, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія, пойдутъ теперь еще успѣшнѣе на пути дальнѣйшаго своего развитія.

Изъ женскихъ училищъ въ теченіе 1869 года удостоились высокой чести посѣщенія членовъ Августѣйшаго Семейства Вашего Величества: Новочеркасская женская гимназія—Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны и Великаго Князя Алексія Александровича, и Казанская, Тверская, Харьковская и Курская—Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Дѣйствіе положенія о женскихъ училищахъ не распространяется на учебные округа: Виленскій, Варшавскій, Дерптскій и три юго-западныхъ губерніи Кіевскаго округа: Кіевскую, Подольскую и Волинскую, гдѣ женскія училища устроены на иныхъ основаніяхъ и находятся исключительно въ вѣдѣніи правительства, безъ участія въ управленіи ими представителей городскихъ сословій, или предоставлены преимущественно частной инициативѣ, какъ въ Дерптскомъ округѣ.

Средства женскаго образованія въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ Кіевскаго округа значительно увеличились въ настоящемъ отчетномъ году. На основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 26-го мая 1869 года, въ губерніяхъ этихъ вновь открыто на счетъ государственнаго казначейства, кромѣ 32 двухклассныхъ женскихъ училищъ въ разныхъ городахъ, женская гимназія въ Кіевѣ и три женскія прогимназіи въ Немировѣ (Подольской губерніи), въ Бѣлой Церевѣ и въ Златополѣ (Кіевской губерніи).

Вновь открытымъ гимназіи и прогимназіямъ дано особое положеніе, по которому онѣ находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ лицъ учебнаго вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а при Кіевской гимназіи, сверхъ 6-и классовъ, учрежденъ еще 7-й педагогическій классъ.

По Виленскому учебному округу средства министерства народнаго просвѣщенія для высшаго женскаго образованія до сихъ поръ были весьма незначительны. Двухклассныя женскія училища, находящіяся въ разныхъ городахъ въ числѣ 14, изъ которыхъ

Ѣ открыто въ 1869 году, даютъ образованіе меншого выше элементарнаго, а потому, хотя по русскому направленію въ нихъ ученія и приносятъ несомнѣнную пользу, не удовлетворяютъ, однако, потребностямъ въ высшемъ образованіи и не въ состояніи поднять русское женское образованіе въ край на ту высоту, при которой оно могло бы соперничать съ домашнимъ образованіемъ, получаемымъ въ польскихъ семействахъ. Частные пансіоны, изъ которыхъ только три состоятъ изъ 4-хъ классовъ, также не достигаютъ этой цѣли. Поэтому необходимо было учрежденіе здѣсь женскихъ училищъ съ высшимъ курсомъ. Начало этому дѣлу положено въ 1869 г. преобразованіемъ двухкласснаго женскаго училища въ Вильнѣ въ шестиклассное. Въ 1869 году открытъ на первый разъ 3-й классъ; слѣдующіе классы затѣмъ должны открываться постепенно, и на содержаніе училища, по достигеніи имъ полнаго состава, назначено изъ государственнаго казначейства до 11 тысячъ рублей. Въсѣтъ съ тѣмъ при Виленскомъ женскомъ училищѣ открытъ пансіонъ, дабы дѣтямъ, родители которыхъ живутъ не въ самой Вильнѣ, доставить средства воспитанія подѣ наблюденіемъ и руководствомъ русскихъ надзирательницъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи принято министерствомъ народнаго просвѣщенія за правило опредѣлять во всѣхъ женскія учебныя заведенія какъ сѣверо-западныхъ, такъ и юго-западныхъ губерній для обученія и воспитанія только лицъ православнаго исповѣданія и отчасти лютеранскаго при непремѣнномъ условіи полнаго знанія послѣдними русскаго языка.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ находятся для высшаго женскаго образованія 10 женскихъ гимназій, считая въ томъ числѣ шестиклассное женское училище въ Холмѣ, и 8 прогимназій. Общее число учащихся въ нихъ простирается до 1.443 (въ томъ числѣ православнаго и греко-уніатскаго исповѣданія 208). Всѣ женскія гимназій и прогимназій состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи учебнаго начальства. Важнѣйшею мѣрою относительно ихъ въ 1869 г. было введеніе преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ, какъ въ мужскихъ гимназійхъ и прогимназійхъ,

на русскомъ языкѣ, кромѣ закона Божія, преподаваніе всего оставлено на прежнемъ основаніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, для привлеченія въ женскія учебныя заведенія Варшавскаго округа русскихъ воспитательницъ, послѣдовало Вм сочашше утвержденное 4-го іюля 1869 года положеніе комитета по дѣламъ царства Польскаго о назначеніи лицамъ женскаго пола, русскимъ уроженкамъ, поступающимъ начальницами и классными домами въ женскія учебныя заведенія Варшавскаго округа, прогонныхъ денегъ на двѣ лошади и подъемныхъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, въ размѣрѣ не свыше 500 рублей.

Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ одна только женская гимназія Ломоносовская, открытая въ Ригѣ въ 1868 году и содержимая частью на счетъ городского общества и частью на счетъ государственнаго казначейства, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и въ ней одной всѣ учебные предметы преподаются на русскомъ языкѣ. Къ 1-му января 1870 года считалось въ этой гимназій 145 ученицъ, что сравнительно съ предыдущимъ годомъ представляетъ увеличеніе числа учащихся на 59. Затѣмъ высшее женское образованіе въ Дерптскомъ округѣ, съ нѣмецкимъ преподаваніемъ, доставляли частныя женскія училища, которыхъ состояло 15; изъ нихъ 7— съ гимназическимъ и 8 съ прогимназическимъ курсомъ; число учащихся въ тѣхъ и другихъ простиралось до 1.406.

Во всѣхъ этихъ частныхъ училищахъ русскій языкъ хотя и входитъ въ число учебныхъ предметовъ, но обученіе этому предмету не считается обязательнымъ и идетъ большею частью неудовлетворительно, по причинѣ слабаго знанія русскаго языка самими учителями и учительницами. Въ послѣднемъ отношеніи начальство Дерптскаго учебнаго округа приняло въ 1869 г. мѣры удаленіемъ отъ преподаванія наиболѣе слабыхъ учителей; но для доставленія русскому языку должнаго значенія было бы, по моему мнѣнію, необходимо ввести, согласно общепринятой системѣ въ другихъ округахъ относительно инородческаго населенія, обязательность обученія русскому языку во всѣхъ городскихъ женскихъ

училищахъ Дерптскаго округа, тѣмъ болѣе что уклоняющіяся отъ обученія русскому языку, по свидѣтельству начальства Дерптскаго округа, принадлежать главнымъ образомъ къ лучшему и весьма вліятельному классу городскаго населенія, отъ котораго зависитъ направленіе взглядовъ, господствующихъ въ странѣ.

5. Частныя училища,

Новое положеніе о частныхъ училищахъ, утвержденное въ 1868 году, даровало, между прочимъ, частнымъ училищамъ, приближающимся по учебному курсу къ классическимъ гимназіямъ, важное право на названіе, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, частными классическими гимназіями и на поступленіе воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ такихъ гимназіяхъ, въ университетъ. Правомъ этимъ воспользовались уже въ 1868 году четыре частныя училища въ С.-Петербургѣ; въ 1869 году такое право присвоено еще двумъ частнымъ училищамъ: одному въ С.-Петербургѣ и одному въ Одессѣ. По недостатку въ гимназіяхъ нельзя не пожелать, чтобъ и другія частныя училища развивали свою дѣятельность въ этомъ направленіи и такимъ образомъ содѣйствовали, на равнѣ съ казенными гимназіями, распространенію основательнаго образованія въ средѣ нашего юношества.

Самое важное приобрѣтеніе въ этомъ отношеніи составляетъ учрежденное въ Москвѣ издателями *Московскихъ Вѣдомостей* Катковымъ и Леонтьевымъ общественное училище подѣ именемъ Лицея Цесаревича Николая. Посвященное памяти въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича и состоя подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, это учебное заведеніе должно заключать въ себѣ, на основаніи особаго устава, кромѣ полнаго курса классическихъ гимназій, еще университетскій курсъ и такимъ образомъ совмѣщать въ себѣ средства для средняго и высшаго образованія. Въ 1869 году въ немъ состояло пять классовъ гимназическаго курса, въ коихъ обучалось до 80 воспитанниковъ.

Изъ числа частныхъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ въ 1869 году разрѣшено открытіе въ Елисаветградѣ (Херсонской губ.) частнаго земскаго реального училища съ полнымъ курсомъ реальныхъ гимназій; содержаніе его приняло на свой счетъ мѣстное земство.

Вообще же число частныхъ училищъ въ 1869 году увеличилось сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 111. Общее число ихъ во всѣхъ округахъ, кромѣ Варшавскаго, составляло къ 1-му января 1870 года 1.019 съ 40.315 учащихся; въ этомъ числѣ мужскихъ частныхъ училищъ всего 249; такихъ начальныхъ частныхъ училищъ, въ которыхъ обучаются дѣти обоюго пола, 319; за тѣмъ на долю женскихъ частныхъ училищъ приходится почти половина всего числа частныхъ училищъ. Въ числѣ частныхъ училищъ значительный процентъ составляютъ училища 1-го и 2-го разряда, которыхъ въ одномъ С.-Петербургскомъ округѣ было: училищъ 1-го разряда мужскихъ 11 и женскихъ 18 и училищъ 2-го разряда—мужскихъ 20 и женскихъ 21. По числу частныхъ училищъ богаче всѣхъ С.-Петербургскій округъ, гдѣ было 391 училище, и бѣднѣе всѣхъ Харьковскій, заключавшій въ себѣ только 33 частныхъ училища.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ состояло къ тому же времени 173 частныхъ училища съ 6.330 учащихся, въ числѣ которыхъ большая часть (4.612) принадлежать къ женскому полу и самая незначительная часть, именно 29, къ православному исповѣданію. До сихъ поръ преподаваніе учебныхъ предметовъ въ частныхъ женскихъ училищахъ Варшавскаго округа производилось на польскомъ языкѣ; оставить это дѣло въ такомъ положеніи значило бы стать въ противорѣчіе съ общою системой и парализовать дѣятельность женскихъ гимназій и прогимназій, гдѣ всѣ предметы преподаются уже на русскомъ языкѣ. Поэтому, вслѣдствіе представленія моего, по положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія Вашего Величества 1-го мая 1868 года, постановлено обязать содержателей и содержательницъ частныхъ учебныхъ заведеній въ

Варшавскомъ округѣ ввести съ 1870 года въ сихъ заведеніяхъ преподаваніе на русскомъ языкѣ физико-математическихъ и историческихъ предметовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ извѣстность, что русскій языкъ будетъ распространенъ въ послѣдствіи и на другіе предметы преподаванія.

6. Еврейскія училища.

Еврейское образованіе идетъ въ настоящее время тремя путями: а) въ особыхъ еврейскихъ казенныхъ училищахъ, существующихъ въ пяти учебныхъ округахъ: Дерптскомъ, Виленскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ и Варшавскомъ; б) въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, и наконецъ, въ частныхъ еврейскихъ школахъ, носящихъ разнаго рода названія пансіоновъ и школъ, ешиботовъ, талмудъ-торъ и хедеровъ. Казенныя еврейскія училища, учрежденныя вслѣдствіе того, что Евреи по религіознымъ причинамъ избѣгали общихъ христіанскихъ училищъ, принадлежатъ къ тремъ разрядамъ, соотвѣтствующимъ учебному курсу гимназій (раввинскія училища), уѣздныхъ училищъ (училища 2-го разряда) и начальныхъ народныхъ училищъ (училища 1-го разряда).

Раввинскихъ училищъ 2: одно въ Вильнѣ и другое—въ Житомирѣ. Цѣль ихъ,—вмѣстѣ съ доставленіемъ общаго образованія,—приготовленіе знающихъ русскій языкъ ученыхъ раввиновъ и учителей казенныхъ еврейскихъ училищъ. Поэтому въ составъ учебнаго курса входятъ предметы по еврейской религіи и педагогическія занятія. Оба раввинскія училища переполнены учащимися, число которыхъ простиралось къ 1-му января 1870 года въ Житомирскомъ училищѣ до 288, а въ Виленскомъ до 474. Всѣ предметы, какъ общіе, такъ и еврейскіе, въ раввинскихъ училищахъ преподаются на русскомъ языкѣ, успѣхи въ которомъ особенно замѣтны въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ, для котораго, по распоряженію попечителя учебнаго округа, переведены учителями училища многія учебныя книги по еврейскимъ предметамъ на русскій языкъ и гдѣ съ тою же цѣлью введено обученіе хоровому пѣнію псалмовъ на русскомъ языкѣ. Успѣшному раз-

вitiю раввинскихъ училищъ значительно препятствуютъ многочисленность учащихся (особенно въ низшихъ классахъ), недостаточное содержаніе учителей какъ общихъ, такъ и еврейскихъ предметовъ, и непрочность и малое обезпеченіе будущей карьеры воспитанниковъ по окончаніи ими курса. Особенно вредно вліяетъ въ этомъ отношеніи недостаточное содержаніе учителей, которые, хотя и пользуются служебными правами одинаковыми съ учителями гимназій, но получаютъ, при усиленныхъ трудахъ, вдвое меньшее содержаніе. Вслѣдствіе того въ раввинскихъ училищахъ прочны, и то въ извѣстной степени, только преподаватели еврейскихъ предметовъ, да и тѣ по невозможности служить въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ; даровитѣйшіе же и опытнѣйшіе преподаватели общихъ предметовъ остаются въ училищахъ только до пріисканія болѣе выгодныхъ мѣстъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; отъ того въ раввинскихъ училищахъ есть всегда свободныя учительскія вакансіи. Для устраненія этого вреднаго недостатка представляется единственное средство въ уравненіи штатовъ раввинскихъ училищъ съ штатами гимназическими, какъ для учителей общихъ, такъ и еврейскихъ предметовъ: иначе на будущее время можетъ прекратиться возможность имѣть въ раввинскихъ училищахъ учителей способныхъ и знающихъ основательно русскій языкъ, и училища эти лишены будутъ средствъ выполнять свое назначеніе, состоящее въ томъ, чтобы проводить въ массу еврейскаго населенія русское образованіе посредствомъ приготовленія раввиновъ и учителей для народныхъ еврейскихъ училищъ.

Казенныя еврейскія училища 1-го и 2-го разряда содержатся на счетъ свѣчнаго сбора въ учебныхъ округахъ Дерптскомъ, Виленскомъ, Кіевскомъ и Одесскомъ. Число этихъ училищъ весьма ограничено: именно, училищъ 1-го разряда, включая сюда и еврейскія школы русской грамотности въ Виленскомъ округѣ, считается всего 111 съ общимъ числомъ учащихся 6.407, а училищъ 2-го разряда всего 5 съ 233 учащимися. Такое незначительное число учащихся представляется особенно разительнымъ, если принять въ соображеніе огромное число учащихся въ частныхъ еврей-

скихъ училищахъ. Такъ, въ Кіевскомъ учебномъ округѣ на 40 казенныхъ училищъ съ 1.446 учащихся приходилось однихъ хедеровъ, не считая другихъ частныхъ училищъ, 1.017 съ 6.036 учащихся. Въ Виленскомъ округѣ на 49 еврейскихъ казенныхъ училищъ съ 3.547 учащихся было еще болѣе хедеровъ, именно 2.563 съ 13.377 учащихся. Факты эти ясно показываютъ, что Евреи избѣгаютъ казенныхъ училищъ, которыя посѣщаются только бѣднѣйшими классами еврейскаго населенія и притомъ весьма неисправно. Поступившіе рѣдко оканчиваютъ положенный курсъ ученія, и учителямъ почти постоянно приходится имѣть дѣло только съ начинающими. Вслѣдствіе того, за рѣдкими исключеніями, успѣхи учениковъ вообще неудовлетворительны. Обыкновенно ученики читаютъ по русски плохо, не понимая прочитаннаго, и произносятъ неправильно; успѣхи въ ариѳметикѣ, по слабому знанію русскаго языка, также неудовлетворительны, не смотря на природную способность Евреевъ къ математикѣ. Сравнительно болѣе достигаютъ цѣли еврейскія школы русской грамотности, существующія въ Виленскомъ учебномъ округѣ съ 1864 года; но и здѣсь большая часть учениковъ, выучившись читать по русски безъ складовъ и писать цифры до 100 или 1.000, оставляютъ школу, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ и одежду у купцовъ и ремесленниковъ.

Не въ лучшемъ состояніи находятся и еврейскія начальныя училища Варшавскаго округа, гдѣ такихъ училищъ находилось всего 25 при 650.000 еврейскомъ населеніи. Такое малое число училищъ слѣдуетъ объяснить вліяніемъ вредной еврейской секты Хассидовъ, стремящейся изъ фанатизма поддерживать невѣжество въ средѣ Евреевъ. Въ училищахъ этихъ, какъ и во всѣхъ начальныхъ, введено обученіе русскому языку; но необходимо было бы для распространенія знанія русскаго языка между Евреями сдѣлать для нихъ обязательнымъ посѣщеніе начальныхъ училищъ и слѣдовательно обученіе русскому языку, какъ я уже имѣлъ счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству въ отчетѣ по обзорнiю мною учебныхъ заведеній Варшавскаго округа:

иначе Евреи, подъ вліяніемъ Хассидовъ, будутъ постоянно избѣгать училищъ.

Такое положеніе казенныхъ еврейскихъ училищъ неоднократно уже наводило на мысль о совершенномъ ихъ упраздненіи и передачѣ средствъ, употребляемыхъ на еврейскія училища, въ общія учебныя заведенія, гдѣ Евреи могли бы получать образованіе наравнѣ со всѣми другими. Эта мысль дѣйствительно могла бы быть примѣнена съ надлежащею постепенностію въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ еврейское населеніе болѣе образовано и менѣе чуждается христіанскаго общества.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ и теперь Евреи въ значительномъ числѣ посѣщаютъ общія учебныя заведенія, именно: въ женскихъ училищахъ 1-го и 2-го разряда этого округа на 1.886 учащихся приходится лицъ еврейскаго исповѣданія 392, то - есть, 1 на 4, въ гимназіяхъ и Одесскомъ коммерческомъ училищѣ 1 на 5 (на 3.000—646), въ уѣздныхъ училищахъ 1 на 8 (на 1.670—206) и въ начальныхъ народныхъ училищахъ 1 на 20 (на 8.992—441). Въ Кіевскомъ и Виленскомъ округахъ отношеніе это уже гораздо неблагопріятнѣе, а въ Дерптскомъ въ гимназіяхъ оно представляется какъ 1: 33 (2001—60). Тѣмъ не менѣе совершенное и повсемѣстное упраздненіе отдѣльныхъ еврейскихъ училищъ было бы теперь еще едва-ли не преждевременно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать въ своей силѣ отдѣльное административное устройство еврейскихъ обществъ, пока дѣлами Евреевъ будутъ заправлять отдѣльные еврейскіе кагалы и еврейское населеніе не подчинится вѣдѣнію общихъ гражданскихъ учрежденій. Въ одномъ однако нельзя сомнѣваться, именно въ томъ, что еврейское образованіе, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ училищахъ, требуетъ коренной реформы, которая была бы способна дать ему направленіе болѣе согласное съ національными нашими интересами. Матеріалы, могущіе представить безошибочную основу для такого преобразованія, уже собраны въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

II. УЧЕНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

1. Академія Наукъ.

Ученые труды Академіи Наукъ, явившіеся въ разныхъ ея изданіяхъ и исчисленные въ приложеніи къ настоящему отчету, относятся къ весьма разнороднымъ отраслямъ физико-математическихъ и историко-филологическихъ наукъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ математикѣ. Ислѣдованія по этому предмету представляютъ собою особенное разнообразіе и относятся къ высшей алгебрѣ, къ высшей геометріи, къ интегральному исчисленію, теоріи чиселъ, механикѣ и къ антропологической статистикѣ.

Система метеорологическихъ наблюдений, принятая у насъ лѣтъ 30 тому назадъ, уже не вполне соотвѣтствовала современному положенію науки. Убѣжденная въ необходимости преобразованій въ этой системѣ, Академія составила для этого подробный планъ, отъ осуществленія котораго можно ожидать со временемъ самыхъ полезныхъ послѣдствій. Согласно съ этимъ планомъ составлена академикомъ Вильдомъ и введена въ дѣйствіе на нашихъ метеорологическихъ станціяхъ новая инструкция для производства наблюдений, долженствующая внести въ это дѣло болѣе полноты, точности и единства. Съ этою же цѣлью академикъ Вильдъ въ лѣтніе мѣсяцы 1869 года произвелъ осмотръ метеорологическихъ обсерваторій въ разныхъ мѣстахъ Россіи для того, чтобы личными указаніями направить ихъ дѣятельность въ осуществленію новаго плана. «Метеорологическій Сборникъ», который Академія положила издавать и котораго первая тетрадь уже вышла въ свѣтъ, будетъ служить главнымъ органомъ для ученыхъ работъ по метеорологіи въ Россіи. Мѣра эта была тѣмъ необходимѣе, что главная физическая обсерваторія Академіи Наукъ въ послѣднее время значительно расширила кругъ своихъ дѣйствій, получая метеорологическія наблюденія изъ всѣхъ концовъ Россіи; даже во вновь приобретенномъ Туркестанскомъ краѣ учреждено уже 16 метеорологическихъ станцій для изученія кли-

матическихъ и почвенныхъ условій этого края. Но дабы обезпечить успѣшную дѣятельность новыхъ метеорологическихъ станцій въ Туркестанѣ, признается необходимымъ, по отдаленности этого края, учредить въ Туркестанѣ отдѣльную физическую обсерваторію, которая могла бы руководить и направлять научную дѣятельность мѣстныхъ ученыхъ къ изслѣдованію края въ физическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, о чемъ я уже вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

Пекинская метеорологическая обсерваторія, получая весьма ограниченное содержаніе по штату 1862 года, не имѣла многихъ инструментовъ, необходимыхъ для успѣшныхъ наблюденій. Недостатокъ этотъ, вслѣдствіе представленія моего, теперь пополненъ отпускомъ изъ государственнаго казначейства 1.600 руб. на покупку наиболѣе необходимыхъ инструментовъ.

Въ числѣ ученыхъ командировокъ Академіи Наукъ въ 1869 году наиболѣе замѣчательны поѣздки съ ученою цѣлью академикомъ Гельмерсена, Струве, Якоби и Овсянникова.

Академикъ Гельмерсенъ, продолжая свои уже столько лѣтъ производимыя изслѣдованія о мѣсторожденіяхъ каменнаго угля въ Россіи, въ 1869 году осмотрѣлъ залежи бурога угля въ Кіевской и Херсонской губерніяхъ, и на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, пришелъ къ убѣжденію, что этотъ буро-угольный бассейнъ можетъ получить въ промышленномъ отношеніи почти такую же важность, какую уже приобрѣлъ каменно-угольный бассейнъ губерній Тульской, Калужской и Рязанской. Академикъ Струве, предсѣдательствуя въ 1869 году на съѣздѣ международнаго астрономическаго общества въ Вѣнѣ, участвовалъ въ окончательномъ составленіи программы для точнаго опредѣленія всѣхъ звѣздъ сѣвернаго полушарія до 9-й величины включительно. Этотъ обширный трудъ раздѣлили между собой 12 обсерваторій различныхъ странъ; основаніемъ же всей работы должны служить фундаментальныя опредѣленія нашей Пулковской обсерваторіи. Кромѣ того, г. Струве принималъ участіе въ совѣщаніяхъ коммисіи, назначенной отъ Сѣверо-Германскаго союза съ цѣлью составленія про-

екта экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры черезъ солнце въ 1874 году. Академикъ Якоби былъ командированъ за границу для осмотра магнито-электрическихъ машинъ въ Манчестерѣ и производства на нихъ опытовъ, для ознакомленія въ Лондонѣ у извѣстнаго химика Грегена съ явлениями, происходящими отъ соединенія водорода съ металлами, а также для присутствованія на сѣздѣ Британскаго общества преуспѣянія наукъ и совѣщанія съ нѣкоторыми учеными по вопросамъ, касающимся установленія общей мѣры для сопротивленія и гальванической силы и относящимся до изготовленія нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ. Академикъ Овсянниковъ путешествовалъ по Волгѣ и Камѣ для изслѣдованія мѣстъ и условій метанія икры стерлядьми, а также для изученія исторіи развитія этой рыбы.

Въ числѣ работъ, лежавшихъ съ давняго времени на Академіи Наукъ, было ежегодное изданіе «Календаря». Съ 1865 года исключительная привилегія Академіи въ этомъ отношеніи была уничтожена и право изданія календаря предоставлено всѣмъ желающимъ. Послѣдствіемъ этой мѣры было появленіе множества календарей, въ виду чего Академія Наукъ постепенно съ каждымъ годомъ уменьшала число издаваемыхъ ею экземпляровъ календаря, а въ 1869 году и вовсе прекратила его изданіе, освободивъ себя отъ работы, вовсе несвойственной высшему ученому учрежденію и лежавшей на ней столь долгое время вслѣдствіе лишь историческихъ причинъ. Изданіе такихъ популярныхъ книгъ, какъ календарь, не составляетъ задачи Академіи и должно принадлежать самому обществу.

Важнѣйшею изъ мѣръ по своимъ послѣдствіямъ для Академіи Наукъ въ настоящемъ отчетномъ году было увеличеніе окладовъ содержанія, послѣдовавшее на основаніи Высочайше утвержденного 31-го марта 1869 года мнѣнія государственнаго совѣта. Прѣжніе оклады академикомъ не соответствовали ни тому положенію, которое присвоено имъ уставомъ Академіи, ни современнымъ условіямъ жизни; по недостаточности окладовъ академики вынуждены были изыскивать для себя иныя средства къ жизни,

въ ущербъ для своихъ ученыхъ занятій, а съ другой стороны Академія встрѣчала большія затрудненія при замѣщеніи открывающихся въ ней вакансій достойными представителями науки. По новому штату оклады академикомъ сравнены съ окладами университетскихъ профессоровъ, прибавлено 5.000 руб. на вознагражденіе академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, и усилено содержаніе лицъ, служащихъ въ конференціи и комитетѣ правленія Академіи.

2. Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.

Ученая дѣятельность Николаевской Пулковской обсерваторіи и въ 1869 году была вполне успѣшна. Не смотря на весьма неблагоприятную погоду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, астрономами обсерваторіи произведено въ остальное благоприятное время такое количество наблюденій, что въ этомъ отношеніи послѣдній годъ не только не уступаетъ предыдущимъ, но даже превосходить ихъ.

Вычисленіе и обнародованіе старыхъ рядовъ наблюденій на счетъ особой суммы, отпущенной на этотъ предметъ, подвигается впередъ. Два первые тома наблюденій уже напечатаны и изданы; третій томъ почти готовъ къ появленію въ свѣтъ; наблюденія, входящія въ составъ четвертаго и пятаго томовъ, также окончены печатаніемъ и остается только написать къ нимъ введеніе.

Для усовершенствованія въ практической астрономіи и геодезиі къ Пулковской обсерваторіи прикомандированы были въ 1869 году 5 офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, которые, занимаясь подъ ближайшимъ руководствомъ подполковника Картаци, отличались любовью къ дѣлу и соперничали другъ передъ другомъ въ стараніи извлечь для себя наибольшую пользу изъ своихъ занятій при обсерваторіи. Предметомъ практическихъ ихъ работъ въ этомъ году избрано ближайшее изслѣдованіе мѣстнаго притяженія отвѣса между Главною обсерваторією и подошвою Дудергофскихъ гѣръ. Для достиженія этой цѣли требуется

точное изслѣдованіе рельефа не только мѣстности, лежащей между этими двумя точками, но и на довольно значительное разстояніе вокругъ нихъ, при чемъ предполагается испытать на практикѣ все способы точнаго нивелированія, предложенные въ послѣднее время.

Занятія этого рода тѣмъ болѣе важны, что приступленіе къ точному нивелированію всей Имперіи, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе населенныхъ и промышленныхъ частей ея можетъ быть только вопросомъ времени; оно необходимо какъ для развитія промышленности, такъ и для рѣшенія весьма многихъ научныхъ вопросовъ и вообще для картографіи, которая теряетъ много значенія, если въ ней не принято во вниманіе относительное возвышеніе разныхъ мѣстъ.

Со стороны гидрографическаго департамента морскаго министерства причислены были къ Пулковской обсерваторіи два морскіе офицера для занятій подъ руководствомъ астронома Деллена.

На будущее время плодотворная дѣятельность Главной Николаевской обсерваторіи можетъ считаться вполне обеспеченною, такъ какъ возобновлявшееся неоднократно ходатайство мое объ усиленіи окладовъ содержанія лицамъ, служащимъ при обсерваторіи, увѣнчалось, наконецъ, успѣхомъ. Высочайше утвержденнымъ 16-го марта 1870 года мнѣніемъ государственнаго совѣта уравниены оклады содержанія астрономовъ съ соответствующими учеными должностями при университетахъ, чрезъ что Пулковская обсерваторія приобрѣла теперь возможность замѣстить находящіяся въ ней вакантныя мѣста лицами, извѣстными въ ученomъ мірѣ.

3. Минераторская публичная бібліотека.

Собранія Императорской публичной бібліотеки увеличились въ 1869 году 12.326 сочиненіями въ 15.429 томахъ; въ томъ числѣ на собственныя средства бібліотеки куплено 4.118 сочиненій въ 5.771 томѣ; между которыми находится много рѣдкихъ и дорогихъ серій трудовъ академій и ученыхъ обществъ и разныхъ повременныхъ изданій.

Болѣ замѣчательныя приобрѣтенія бібліотеки были слѣдующія:

1) 22 рескрипта Императрицы Маріи Феодоровны въ почетному опеуну Московскаго опеунскаго совѣта графу Н. П. Толстому, нѣкоторые съ собственноручными поправками и приписками Государыни.

2) 87 масонскихъ рукописей, пожертвованныхъ вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. А. Прянишниковою.

3) Коллекція писанныхъ на переплетѣ латинскихъ рукописей, болшею частью богословскаго содержанія, важныхъ какъ образцы каллиграфіи въ западной Европѣ въ продолженіе XII—XVI столѣтій.

4) Собраніе рукописныхъ и печатныхъ географическихъ картъ, плановъ и проч. изъ военно-ученаго архива главнаго штаба.

5) Нѣсколько автографовъ нашихъ писателей, въ числѣ которыхъ заслуживаютъ быть упомянутыми: статья К. Н. Батюшкова, подъ заглавіемъ «Вечеръ у Кантемира»; комическая опера «Кофейница» И. А. Крылова — первый драматическій трудъ 16-лѣтняго юноши, и переводъ (не полный) В. А. Жуковскаго Орлеанской Дѣвы Шиллера.

6) Завѣщанная А. Θ. Сидонскимъ, бывшимъ нашимъ консуломъ въ Готсбургѣ, бібліотека, состоящая изъ 1.078 томовъ сочиненій на шведскомъ и датскомъ языкахъ.

7) Собраніе книгъ, пожертвованныхъ почетнымъ членомъ бібліотеки И. Е. Бецкимъ, въ числѣ которыхъ особенно важны книги по части археологіи, изящныхъ искусствъ и исторіи итальянскихъ городовъ.

8) Коллекція замѣчательныхъ и рѣдкихъ сочиненій по части медицины и естествознанія, купленная по выбору изъ бібліотеки, оставшейся послѣ умершаго нашего ученаго Ястребцова.

Всѣхъ читателей въ 1869 году было 67.431, которыми было вытребовано для чтенія 110.224 тома печатныхъ книгъ, 36.799 номеровъ повременныхъ изданій и 719 рукописей.

4. Московскій публичнѣй и Румянцевскій музеи.

Московскій публичнѣй и Румянцевскій музеи руководствовались доселѣ Высочайше утвержденнымъ 19-го іюня 1862 года, въ видѣ опыта, положеніемъ и дополнительными къ нему постановленіями. Семилѣтній опытъ указалъ на необходимость измѣнить нѣкоторыя статьи означеннаго положенія, дабы расширить кругъ дѣятельности музеевъ. Съ другой стороны значительно увеличившееся число приобрѣтеній музеевъ, а также возрастаніе числа посѣтителей, вслѣдствіе чего увеличились занятія бібліотекарей и хранителей отдѣленій, сдѣлали необходимымъ также увеличеніе средствъ музеевъ, тѣмъ болѣе, что они поддерживали себя преимущественно частными пожертвованіями и собственныя скудныя ихъ средства не давали имъ возможности къ приобрѣтенію книгъ и другихъ предметовъ и къ укомплектованію коллекцій. Потребности эти удовлетворены Высочайше утвержденнымъ 28-го мая 1869 года, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, новымъ уставомъ музеевъ и ассигнованіемъ къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства, сверхъ отпускавшейся до сихъ поръ суммы 16.845 руб. 12 коп., еще по 17.039 руб. Остается затѣмъ, для приведенія музеевъ въ состояніе исполнѣ благоустроенное, исправить зданіе музеевъ, находящееся въ большомъ упадѣ, на что, къ сожалѣнію, не представлялось въ 1869 году никакой возможности, по неимѣнію на то собственныхъ средствъ у музеевъ и по значительности суммы, требующейся для возобновленія зданія.

Важнѣйшія приобрѣтенія музеевъ въ теченіе 1869 года были:

1) *По публичной бібліотекѣ съ отдѣленіемъ рукописей.* Новыя приобрѣтенія бібліотеки за весь годъ составляли въ совокупности 12.791 томъ; двѣ трети всего этого количества занесены уже въ каталогъ и открыты для общаго пользованія. Между приобрѣтенными книгами особеннаго вниманія заслуживаютъ:

а) Собраніе книгъ князя В. Ѳ. Одоевскаго изъ 5.890 томовъ, поступившее, по желанію вдовы покойнаго, въ Московскій публич-

ный музей. Естественныя науки, медицина, въ особенности психіатрія и гигиена, технологія, исторія и преимущественно исторія музыкальнаго искусства, философія, богословіе и мистика имѣютъ въ этомъ собраніи болѣе или менѣе замѣчательныхъ, отчасти даже рѣдкихъ представителей, не говоря о множествѣ справочныхъ книгъ и систематически подобранныхъ брошюръ, которыя иногда такъ трудно достаются самому прилежному и добросовѣстному изыскателю.

б) Собраніе книгъ, пожертвованныхъ музею покойнымъ А. С. Норовымъ, состоящее изъ 2.910 томовъ, относящихся большею частію къ Палестинскому отдѣлу и представляющихъ отличный выборъ описательныхъ и историческихъ сочиненій о Святой землѣ, которому не много найдется подобныхъ по рѣдкости и богатству.

Отдѣленіе рукописей обогатилось, между прочимъ: а) коллекціею рукописей покойнаго А. С. Норова, въ числѣ которыхъ находятся рукописи IX, X и XI вѣка и единственный доселѣ извѣстный сборникъ не изданныхъ сочиненій Джіордано Бруно, заключающій въ себѣ 9 его ученыхъ трактатовъ, считавшихся потерянными, и б) собраніемъ нотныхъ крюковыхъ рукописей (въ числѣ 25-и), XVII и XVIII вѣка, завѣщанныхъ музею покойнымъ княземъ В. Ѡ. Одоевскимъ вмѣстѣ съ его библиотекой. Нѣкоторыя изъ этихъ рукописей составляютъ предметъ большой рѣдкости.

Ученое описаніе коллекцій рукописей подвинулось впередъ: въ 1869 году напечатанъ каталогъ рукописей Ундольскаго съ описаніемъ ихъ и приготовленъ къ печати каталогъ рукописей, приобретенныхъ музеями послѣ книгопродавца Пискарева въ 1868 году.

2) По отдѣленію древностей, изъ поступившихъ въ музей предметовъ принадлежатъ къ наиболѣе замѣчательнымъ: а) бронзовый сосудъ конусообразной формы изъ рода подвѣсныхъ, безъ поддона, найденный въ Алтайскихъ горахъ близъ Телецкого озера (сосудъ этотъ, относящійся къ доисторической эпохѣ, принесенъ въ даръ музею Его Императорскимъ Высочествомъ Ве-

ликимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ) и б) пять серебряныхъ вазъ на высокихъ поддонахъ. Онѣ найдены въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи и препровождены въ музей мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ.

8) По Дашковскому этнографическому музею важнѣйшія пріобрѣтенія составляли принесенные въ даръ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ: а) два полныхъ костюма, мужской и женскій, крестьянъ Алтайскаго горнаго округа Крутоберезовской волости; б) блюдо и солонка Тобольскаго производства изъ рѣзнаго дерева съ изображеніемъ животныхъ, водящихся въ Тобольской губерніи; в) блюдо изъ дерева Тюменской работы съ изображеніемъ Тюменскаго герба, и г) блюдо и солонка орѣховаго дерева, рѣзныя, Сибирскаго производства. Иностранное этнографическое отдѣленіе музея, заключавшее въ себѣ уже достаточное число предметовъ съ острова Явы, обогатилось новою коллекціею, присланною изъ Явы въ даръ музею докторомъ Винке, и состоящею изъ 64 номеровъ этнографическихъ предметовъ съ острова Явы и 23 номеровъ съ острова Борнео. Другое важное приношеніе сдѣлано было Смитсоновскимъ институтомъ въ Вашингтонѣ, доставившимъ въ музей 115 фотографическихъ портретовъ сѣвероамериканскихъ Индѣйцевъ разныхъ туземныхъ племенъ.

5. Виленская публичная бібліотека и музей.

Работы въ бібліотекѣ въ 1869 году продолжались, согласно прежде принятому плану. Каталогизовано русскихъ книгъ 2.798 названій, что вмѣстѣ съ прежде каталогизованными составляетъ 4.650 названій. При каталогизаціи отобрано много дублетовъ. Западно-русскій отдѣлъ пополнился новыми сочиненіями, которыя выбирались при дальнѣйшемъ разборѣ по-монастырскихъ бібліотекъ. Въ этомъ отдѣлѣ въ прошедшемъ году каталогизовано 670 названій, при чемъ тоже отобрано большое количество дублетовъ. По каталогизаціи рукописнаго отдѣла значительное собраніе писемъ, состоящее болѣе чѣмъ изъ 25.000 номеровъ, приведено въ алфа-

витный порядокъ, а каталогъ письмамъ доведенъ до буквы П. Кроме того, приступлено къ печатанію «Перечневаго каталога рукописнаго отдѣленія», котораго уже напечатано 10 листовъ.

Въ 1869 году бібліотека получила значительныя приращенія; именно въ составъ ея вошли:

1. По предложенію главнаго начальника края, бібліотека упраздненнаго Городищенскаго бенедиктинскаго монастыря (близъ Пинска), заключающая въ себѣ 3.860 томовъ.

2. По распоряженію бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа: а) бывшая фундаментальная бібліотека Минской гимназіи, б) бібліотеки, хранившіяся въ Рогачевскомъ и Климовичскомъ уѣздныхъ училищахъ, и в) бібліотека Оршанскаго уѣзднаго училища.

Всѣ эти бібліотеки, сколько можно судить по характеру заключающихся въ нихъ книгъ, первоначально принадлежали римско-католическимъ монастырямъ, учрежденнымъ въ разное время.

3. Весьма значительная бібліотека, оставшаяся по смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пророповича-Антонскаго, заключающая въ себѣ большое количество русскихъ книгъ конца прошедшаго и первой четверти нынѣшняго вѣка.

Въ теченіе 1869 года Виленская публичная бібліотека была открыта для чтенія 228 дней и для обзорѣнія, въ совокупности съ отдѣлами музея, 47 дней. Чтеніе производилось 5 дней и обзорѣніе разъ въ недѣлю. Читавшихъ въ теченіе года было 4.449 человекъ, посѣтителей для обзорѣнія 2.244. Читателями требовались почти исключительно русскіе книги и журналы.

6. Археографическая комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Археографическая комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ теченіе 1869 года издала въ свѣтъ: а) XI-й томъ дополненій къ актамъ историческимъ, заключающій въ себѣ акты 1684—1696 годовъ; б) VI-й томъ актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, который содержитъ въ себѣ доку-

менты изъ дѣлъ бывшаго Малороссійскаго приказа, обнимающіе время отъ конца 1665 до 1668 года, то-есть, періодъ гетманства Брюховецкаго на лѣвой и гетманства Опоры, а потомъ Дорощенки, на правой сторонѣ Днѣпра до измѣны Брюховецкаго; в) второй и четвертый выпуски Великихъ Миней-Четихъ, собранныхъ всероссійскимъ митрополитомъ Магаріемъ, въ которыхъ, кромѣ сказаній о нѣкоторыхъ русскихъ и славянскихъ святыхъ (о Людмилѣ, бабѣ Вячеслава князя Чешскаго, объ Аркадіѣ, епископѣ Новгородскомъ, о князѣ Ѳеодорѣ Смоленскомъ и его сыновьяхъ Давидѣ и Константинѣ, о великомъ князѣ Михаилѣ Черниговскомъ и бояринѣ его Ѳеодорѣ и о Саввѣ Вишерскомъ), въ первый разъ являются въ печати во всей полнотѣ: покаяніе Киріана, епископа Карфагенскаго, житіе св. Андрея Юродиваго и творенія Діонисія Ареопагита; г) второй выпускъ указателя къ восьми томамъ полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, и д) первый листъ матеріаловъ историко-географическаго атласа Россіи; на этомъ листѣ помѣщенъ снимокъ съ карты Европы, приложенной къ сочиненію Шеделя: «*Libeg chronicaum*», напечатанному въ Нюрнбергѣ, въ 1493 году.

Всѣ означенныя изданія, которыя я имѣлъ счастье представить Вашему Императорскому Величеству, удостоились Всемиловивѣйшаго Вашего одобренія.

Сверхъ того, въ продолженіе 1869 года Коммиссія приготовляла къ изданію: два новые тома актовъ, томъ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, новый выпускъ указателя къ лѣтописямъ; Сборникъ документовъ, извлеченныхъ изъ хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ рукописей на иностранныхъ языкахъ, въ составъ котораго, между прочимъ, войдутъ любопытныя матеріалы о первомъ и второмъ Самозванцахъ и вообще о смутномъ времени, и приступила къ перепечаткѣ новымъ изданіемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ Нестора и лѣтописей: Новгородскихъ, Кіевской, Волынской и Суздальской.

На мѣсто скончавшагося 23-го января 1869 года предсѣдателя Археографической коммиссіи А. С. Норова, стоявшаго въ часть слѣд., отд 1.

главѣ министерства народнаго просвѣщенія съ 1854 по 1858 годъ, Высочайше назначенъ членъ государственнаго совѣта дѣйстви- тельный тайный совѣтникъ П. А. Мухановъ, снискавшій почетную извѣстность изданными имъ любопытными и важными матеріалами по русской исторіи.

7. Виленская коммиссія для разбора древнихъ актовъ.

Виленская коммиссія для разбора древнихъ актовъ, начавшая свою дѣятельность съ 17-го апрѣля 1864 года, въ теченіе пер- выхъ четырехъ лѣтъ успѣла издать всего только два тома исто- рическихъ актовъ, и притомъ не вполне удовлетворительныхъ въ научномъ отношеніи. Причина таковой безуспѣшности дѣйствій коммиссіи заключалась не въ недостаткѣ матеріаловъ, пригодныхъ для изданія, и не въ отсутствіи ученыхъ силъ для разработки ихъ, но въ самомъ устройствѣ коммиссіи, по которому члены ея, обез- печенные постояннымъ жалованьемъ, не несли на себѣ опредѣ- ленной обязанности относительно срочнаго изданія актовъ; сверхъ того и самая сумма на изданіе актовъ была не вполне доста- точна. Для устраненія этихъ неудобствъ, препятствовавшихъ до- селѣ надлежащему развитію дѣятельности коммиссіи, которой предстоитъ еще разработка громаднаго количества историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ сѣверо-западнаго края, новое Положеніе коммиссіи, Высочайше утвержденное 17-го ноября 1869 г., прибавляетъ въ нынѣшнему ежегодному содержанію ея (6.000 руб.) еще 2.000 руб., и сохраняя постоян- ное жалованье за однимъ предсѣдателемъ, предоставляетъ опре- дѣленіе порядка занятій коммиссіи и способа вознагражденія чле- новъ министру народнаго просвѣщенія.

Занятія коммиссіи въ 1869 году состояли:

Вопервыхъ, въ повѣркѣ списанныхъ актовъ съ подлинниками и въ изложеніи ихъ содержанія, такъ какъ языки польскій и латинскій, на коихъ написаны акты, не всемъ могутъ быть до- ступны.

Вовторыхъ, въ списываніи отобранныхъ актовъ.

И втретихъ, въ приготовленіи къ изданію III тома актовъ Брестскаго гродскаго суда.

Всѣхъ актовъ отобрано и свѣрено 387. Изъ нихъ напечатано 154 акта.

Приготовленная къ изданію, съ переводомъ на русскій языкъ, такъ-называемая Ординація королевскихъ лѣсничествъ въ скоромъ времени поступить въ печать. Она списана была не съ подлинника, но съ копіи, находившейся при актахъ Скарбоваго Литовскаго трибунала. Въ 1868 году истребованъ былъ подлинникъ изъ Гродненской палаты государственныхъ имуществъ, и при повѣрѣ списанной Ординаціи, оказалось много вариантовъ и пропусковъ; а потому она списывается вновь съ подлинника, вмѣстѣ съ переводомъ.

8. Виленскій центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской.

Передача въ Виленскій центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ означенныхъ четырехъ губерній, по установленнымъ передаточнымъ описямъ, было окончено въ 1863 году; однако въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ оставались еще актывыя книги, инвентари, люстраціи и ревизіи, равно отдѣльныя королевскія грамоты и другіе документы, не вошедшіе въ составъ общихъ передаточныхъ описей. Въ 1869 году истребована изъ Гродненской палаты уголовнаго и гражданскаго суда одна актовая книга бывшаго главнаго литовскаго суда за 1798 годъ, которой существованіе было открыто случайно по документамъ, представленнымъ къ завѣренію частными лицами. Кромѣ того, по распоряженію главнаго начальника края, передано въ центральный архивъ значительное количество отдѣльныхъ королевскихъ грамотъ, относящихся къ городскимъ цѣхамъ, и отдѣльныхъ документовъ разнаго содержанія, числомъ до 49-и. Всего на лицо въ центральномъ архивѣ состоитъ теперъ 17.789 волюмовъ; подлинныхъ королевскихъ грамотъ находится 108.

При пріемѣ актовыхъ книгъ въ архивѣ не было возможности распредѣлить ихъ точно по роду ихъ и по судамъ. Это распредѣленіе производилось постепенно. Въ 1869 году окончены два полные каталога: въ одномъ книги отдѣлены подробно по родамъ ихъ и по судамъ, въ другомъ книги распредѣлены по родамъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены въ архивѣ.

При важности интереса, возбуждаемаго поземельною собственностію, обращено было особенное вниманіе на таковыя-называемыя подкоморскія книги, содержащія въ себѣ разныя опредѣленія относительно поземельной собственности и разныя разграниченія имѣній. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно подкоморско-ревизорскія, имѣютъ таковой же ученый и юридическій интересъ, какъ и писцовыя книги. Въ минувшемъ году подробно описаны 70 книгъ девяти подкоморскихъ судовъ.

Переданныя въ центральный архивъ изъ Виленскаго губернскаго правленія 145 связокъ полуистлѣвшихъ и перемѣшанныхъ документовъ Виленскаго градскаго суда были разсматриваемы подробно и отмѣчаемы тѣ изъ нихъ, которые заслуживаютъ вниманія въ ученое отношеніи, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ разсмотрѣно 8 связокъ, до 15.000 листовъ, и отобраано 105 документовъ, изъ которыхъ многіе очень важны для исторіи уніи.

Кромѣ того описано 103 документа актовой книги Виленскаго градскаго суда за 1593 годъ.

Вслѣдствіе указа правительствующаго сената департамента герольдіи, послѣдовавшаго 10-го апрѣля 1869 года, коимъ предписано дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ принимать къ разсмотрѣнію тѣ только документы въ выписяхъ, которые будутъ завѣрены центральными архивами, въ Виленскій центральный архивъ въ минувшемъ году поступило столько просьбъ отъ частныхъ лицъ о выдачѣ выписей и завѣреній документовъ, сколько ихъ никогда не поступало ни въ одномъ году въ теченіе 17-лѣтняго существованія центральнаго архива въ Вильнѣ. Именно, въ продолженіе года по дѣламъ частныхъ лицъ поступило къ завѣренію 320 докумен-

товъ. Изъ этого числа завѣрено 170; осталось въ 1870 году не завѣренныхъ 150. По дѣламъ казны выдано выписей 12. Актъ каждаго завѣренія составляемъ былъ на гербовой бумагѣ; въ немъ прописывалось все, что прописано было при выдачѣ выписи или завѣренія документа. Эти акты, за подписью уѣзднаго предводителя дворянства, губернскаго стряпчаго и архиваріуса центрального архива, хранятся при дѣлахъ канцеляріи центрального архива.

III. УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Къ 1-му января 1870 года въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія находилось 35 ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ 22, существующихъ отдѣльно и 13 состоящихъ при университетахъ и другихъ учрежденіяхъ.

Изъ отдѣльныхъ обществъ открыто въ 1869 году С.-Петербургское Педагогическое общество. Общество это возникло изъ частнаго педагогическаго собранія, собиравшагося два раза въ мѣсяцъ съ разрѣшенія учебнаго начальства, съ начала 1860 года, въ залѣ второй С.-Петербургской гимназіи и имѣвшаго цѣлью изслѣдованіе и обсужденіе учебно-воспитательныхъ вопросовъ, сближеніе между собою отечественныхъ педагоговъ и распространеніе въ обществѣ педагогическихъ знаній. Съ увеличеніемъ числа лицъ, посѣщавшихъ педагогическое собраніе, въ 1862 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на продолженіе педагогическаго собранія, и въ руководство ему дана была особая инструкція, утвержденная министромъ народнаго просвѣщенія. Съ этого времени началась правильная дѣятельность педагогическаго собранія, принесшая въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ посильную пользу дѣлу педагогическаго развитія въ нашемъ обществѣ. Вслѣдствіе того, я призналъ полезнымъ расширить дѣятельность педагогическаго собранія преобразованіемъ его въ С.-Петербургское педагогическое общество, и на представленіе мое по этому предмету послѣдовало 17-го января 1869 года Высочайшее разрѣшеніе съ предоставленіемъ утвержденія устава общества министру народнаго просвѣщенія. Новое общество открыло свою

дѣятельность на основаніи утвержденнаго мною устава 27-го января. Назначеніе его должно состоять въ содѣйствіи развитію и усовершенствованію нашей учебно-воспитательной праектики, для чего обществу разрѣшено учреждать въ своихъ собраніяхъ чтенія и бесѣды по педагогическимъ вопросамъ, издавать свои или одобренныя обществомъ труды, печатать годовые отчеты о своей дѣятельности, предлагать на конкурсы рѣшеніе педагогическихъ вопросовъ и отырывать образцовыя училища, съ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства.

При Московскомъ археологическомъ обществѣ, на основаніи Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго въ 1868 году, происходилъ первый съѣздъ русскихъ археологовъ, открытый 16-го мая 1869 года въ зданіи Голицынскаго музея, въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Съѣздъ этотъ, имѣвшій цѣлью изыскать способы къ сохраненію памятниковъ русской старины, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, распространять въ обществѣ уваженіе и интересъ къ остаткамъ прошедшаго и вызвать ихъ описанія, привлечь къ себѣ значительное число ученыхъ изъ разныхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также и разныхъ ученыхъ обществъ. При съѣздѣ въ залѣ Голицынскаго музея открыта была вмѣстѣ съ тѣмъ выставка древностей и относящихся къ археологій рисунковъ. Для лучшаго успѣха при обсужденіи разныхъ спеціальныхъ вопросовъ, относящихся къ археологій, съѣздъ раздѣленъ былъ на шесть отдѣленій, изъ которыхъ три посвящены были собственно русскимъ древностямъ, четвертое отдѣленіе — сѣвернымъ древностямъ Финновъ, Литовцевъ, Скандинавовъ, западныхъ Славянъ и неизвѣстныхъ племенъ, пятое отдѣленіе — восточнымъ древностямъ и шестое — классическимъ и византійскимъ древностямъ. На расходы по устройству съѣзда отпущено было изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, состоящихъ въ непосредственномъ моемъ распоряженіи, 4.000 рублей. На съѣздѣ выяснены были многіе вопросы, относящіеся къ археологій, и потому изданіе трудовъ съѣзда бу-

дѣть имѣть несомнѣнное и важное значеніе для ближайшаго изученія отечественной исторіи.

IV. ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія издавался въ теченіе 1869 года по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какъ и въ предшествовавшіе два года. Къ частнымъ улучшениямъ журнала, способствующимъ въ большей мѣрѣ къ ознакомленію читателей съ развитіемъ въ Россіи ученой, научно-литературной и учебной дѣятельности, относится включеніе въ журналъ ежемѣсячныхъ отчетовъ о дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ и учрежденій и ежемѣсячныхъ систематическихъ указателей всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгъ научнаго содержанія на русскомъ языкѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду поступленія значительнаго числа статей педагогическаго содержанія, для статей этихъ отведенъ особый отдѣлъ, тогда какъ прежде онѣ помѣщались вмѣстѣ съ статьями ученаго и критическаго содержанія.

Всѣхъ подписчиковъ на журналъ въ 1869 году было 1.175, сравнительно съ 1868 годомъ больше на 75, что, вмѣстѣ съ доходомъ отъ продажи отдѣльныхъ экземпляровъ и печатанія объявленій, доставило казнѣ чистаго годоваго дохода 12.159 руб. 15³/₄ коп. Расходы по изданію журнала простирались до 28.690 руб. 88 коп.; слѣдовательно, все изданіе журнала обошлось казнѣ въ 15.425 руб. 35¹/₂ коп.

V. УЧЕНЫЙ КОМИТЕТЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ теченіе 1869 года кругъ дѣятельности ученаго комитета расширился учрежденіемъ при немъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5-го мая 1869 года мнѣнія государственнаго совѣта, особаго отдѣла съ цѣлію разсмотрѣнія, *вопервыхъ*, всѣхъ учебныхъ книгъ и пособій, назначенныхъ къ употребленію въ начальныхъ народныхъ и другихъ подобнаго рода училищахъ, и

вооторыхъ, всѣхъ книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. При этомъ особому отдѣлу вмѣнено въ обязанность пересмотрѣть всѣ книги для народнаго чтенія, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія.

Первый главный отдѣлъ ученаго комитета имѣлъ въ 1869 г. 45 засѣданій, въ которыхъ разсматривались разнаго рода дѣла, проекты и вопросы, касающіеся разныхъ учебныхъ заведеній не только министерства народнаго просвѣщенія, но и постороннихъ вѣдомствъ, и подвергались оцѣнкѣ печатныя и рукописныя сочиненія, предназначаемыя къ употребленію въ среднихъ и низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія; впрочемъ учебники для начальныхъ народныхъ училищъ разсматривались въ этомъ отдѣлѣ ученаго комитета только за первое полугодіе; по открытіи же дѣйствию особаго отдѣла, обязанность эта возложена на сей послѣдній.

Всѣхъ дѣлъ и проектовъ разсмотрѣно было въ 1869 году въ главномъ отдѣлѣ ученаго комитета 49; изъ нихъ 7 касались высшихъ учебныхъ заведеній, 6 — гимназій, 7 — уѣздныхъ училищъ, 3 — женскихъ училищъ, 7 — приходскихъ и начальныхъ училищъ, 6 — техническихъ и ремесленныхъ школъ, 7 — ученыхъ обществъ и 7 — учебной части постороннихъ вѣдомствъ. Въ числѣ этихъ дѣлъ и проектовъ были: *по высшимъ учебнымъ заведеніямъ* — проектъ устава института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи и предположеніе относительно распредѣленія въ немъ преподаванія; *по гимназіямъ* — проектъ устава гимназіи при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, планы Царскосельской частной гимназіи и земской реальной гимназіи въ Елисаветградѣ; *по уѣзднымъ училищамъ* — дѣло о преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія съ проектомъ положеній о городскихъ училищахъ и объ учительскихъ институтахъ; *по женскимъ училищамъ* — проекты положенія о педагогическихъ курсахъ при Харьковской и Казанской женскихъ гимназіяхъ; *по начальнымъ народнымъ училищамъ* — проекты положеній о земскихъ учительскихъ школахъ въ Новгородѣ и Рязани, проектъ

правилъ для православныхъ народныхъ училищъ въ Лифляндской губерніи и дѣло о мѣрахъ къ распространенію русскаго языка въ начальныхъ и уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа.

Всѣхъ книгъ и рукописныхъ сочиненій, представленныхъ на разсмотрѣніе, было 121. Изъ нихъ одобрено было для употребленія въ видѣ руководствъ и учебныхъ пособій: въ гимназіяхъ—32, въ уѣздныхъ училищахъ—8, въ женскихъ училищахъ—3, и въ начальныхъ народныхъ училищахъ—12, всего 55, и признаны полезными для библіотекъ: гимназій—18, уѣздныхъ училищъ—9 и женскихъ училищъ—6, всего 33 книги; остальные 33 книги не удостоились одобренія.

Возложенный мною въ 1867 году на ученый комитетъ пересмотръ всѣхъ учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ уже въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, продолжался и въ 1869 году, въ теченіе котораго сдѣланъ былъ пересмотръ всѣхъ учебниковъ по русской исторіи. Такимъ образомъ, въ настоящее время пересмотрѣны уже всѣ учебники по русскому языку и словесности, по математикѣ, нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи и исторіи всеобщей и русской.

На главный отдѣлъ ученаго комитета, по моему распоряженію, возложена также обязанность разсматривать отчеты молодыхъ ученыхъ, командируемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Въ теченіе 1869 года разсмотрѣно было 17 такихъ отчетовъ, и всѣ они признаны удовлетворительными.

Особый отдѣлъ ученаго комитета открылъ свои засѣданія 3-го іюня и имѣлъ въ теченіе 1869 года 24 засѣданія, въ которыхъ разсмотрѣны были мнѣнія о 107 сочиненіяхъ (въ томъ числѣ трехъ рукописныхъ). Изъ нихъ одобрено или допущено къ употребленію въ видѣ руководствъ и учебныхъ пособій или признано полезнымъ для помѣщенія въ библіотекахъ начальныхъ народныхъ училищъ 76 и не одобрено 31. Изъ этого числа 107-и сочиненій только 14 изданы въ 1869 году, а 93 вышли въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Въ заключеніе настоящаго отчета долгомъ считаю, согласно съ удостоившимся одобренія Вашего Императорскаго Величества заключеніемъ комиссіи, разсматривавшей отчетъ по министерству народнаго просвѣщенія за 1868 годъ, представить краткій очеркъ дѣятельности попечителей учебныхъ округовъ, какъ главныхъ моихъ сотрудниковъ по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія. Не говоря о многочисленныхъ административныхъ обязанностяхъ, поглощающихъ въ значительной мѣрѣ дѣятельность попечителей и неизбѣжныхъ при сложномъ управленіи учебною, воспитательною и хозяйственною частию многихъ губерній, разсѣянныхъ притомъ на большомъ пространствѣ, я позволяю себѣ коснуться здѣсь той стороны дѣятельности попечителей, которая имѣла своимъ предметомъ правильное и согласное съ государственными и общественными нашими потребностями и педагогическими началами развитіе собственно учебно-воспитательной части. Различныя мѣры, ведущія къ достиженію этой цѣли, были большею частию результатами осмотровъ учебныхъ заведеній лично попечителями учебныхъ округовъ, или ближайшими ихъ сотрудниками, а потому всѣ попечители учебныхъ округовъ обращали особенное вниманіе, независимо отъ осмотра учебныхъ заведеній помощниками и окружными инспекторами, на личное обозрѣніе возможно большаго числа учебныхъ заведеній во ввѣренныхъ имъ округахъ, употребляя на эти обозрѣнія столько времени, чтобы можно было узнать состояніе учебныхъ заведеній, ими обозрѣваемыхъ, во всей подробности. Попечитель С.-Петербургскаго округа, тайный совѣтникъ князь Ливень, осмотрѣлъ такимъ образомъ всѣ С.-Петербургскія гимназіи и учебныя заведенія въ Кронштадтѣ; попечитель Московскаго округа, тайный совѣтникъ князь Ширинскій - Шихматовъ — всѣ Московскія гимназіи и гимназіи въ Рязани и Тулѣ, а также уѣздныя и многія частныя училища въ этихъ городахъ; попечитель Казанскаго округа, тайный совѣтникъ Шестаковъ — гимназіи въ Казани, Астрахани, гимназію и Александровскій институтъ въ Нижнемъ - Новгородѣ и всѣ учебныя заведенія какъ

въ этихъ городахъ, такъ и въ Сенгилеѣ, Царицынѣ и Камышинѣ; попечитель Харьковскаго округа, тайный совѣтникъ Воскресенскій — учебныя заведенія въ Харьковѣ, Курскѣ, Орлѣ, Воронежѣ, Новочеркасскѣ и Корочѣ; попечитель Кіевскаго округа, генераль-лейтенантъ Антоновичъ — учебныя заведенія въ Кіевѣ, Бѣлой Церкви, Новгородѣ-Сверскѣ, Черниговѣ, Житомирѣ, Кременчугѣ, Городнѣ, Стародубѣ, Кролевецѣ, Каневѣ, Черкассахъ и нѣкоторыя сельскія училища; попечитель Варшавскаго округа, тайный совѣтникъ Витте — учебныя заведенія въ Варшавѣ, Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, Лодзинское высшее ремесленное училище, гимназіи и прогимназіи мужскія и женскія въ Плоцѣ, Петровѣ, Ловичѣ, педагогическія курсы въ Вымыслинѣ и Сѣннахъ и 19 начальныхъ училищъ въ разныхъ городахъ. Попечители учебныхъ округовъ: Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жерве, и Виленскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергіевскій, вступившіе въ управленіе въ концѣ отчетнаго года, не успѣли еще въ сей годъ вполне ознакомиться лично съ учебными заведеніями, которыя однако были обозрѣваемы въ теченіе года помощниками ихъ и овружными инспекторами.

Сверхъ того, попечители учебныхъ округовъ, имѣющіе мѣстопробываніе въ университетскихъ городахъ, посѣщали возможно часто университетскія лекціи и присутствовали при переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ студентовъ.

Независимо отъ разнаго рода частныхъ улучшеній, бывшихъ слѣдствіемъ вышеозначенныхъ осмотровъ, по учебно-воспитательной части среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, предложены были попечителями учебныхъ округовъ къ исполненію слѣдующія мѣры:

1) *Относительно программъ и методовъ преподаванія.* Гимназическимъ уставомъ 1864 года опредѣленъ только объемъ преподаванія всѣхъ предметовъ, но не сдѣлано точное распредѣленіе каждаго предмета преподаванія по классамъ. Недостатокъ этотъ былъ замѣченъ мною въ свое время; но тѣмъ не менѣе, по случаю

пересмотра гимназическаго устава и предполагаемаго вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенія числа классовъ, составленіе въ министерствѣ общей для всѣхъ гимназій и прогимназій программы было приостановлено до изданія новаго гимназическаго устава. Во избѣжаніе неудобствъ, сопряженныхъ съ отсутствіемъ точно опредѣленныхъ программъ, попечители учебныхъ округовъ Московскаго и Кіевскаго сдѣлали съ разрѣшенія министерства, распоряженіе о составленіи временныхъ программъ, возложивъ этотъ трудъ на особые комитеты, состоящіе изъ специалистовъ по каждому предмету. Такимъ образомъ составлены были общія для гимназій программы въ Кіевскомъ округѣ по древнимъ языкамъ, по исторіи, по математикѣ и по новымъ языкамъ, а въ Московскомъ округѣ — по всѣмъ предметамъ, и предложены къ временному исполненію. Въ Кіевскомъ округѣ, сверхъ того, составлена особая программа для рисованія въ различномъ объемѣ для классическихъ и реальныхъ гимназій, и издано наставленіе для учителей о дидактическихъ правилахъ и приемахъ преподаванія съ болѣе подробнымъ указаніемъ метода преподаванія по русскому языку, древнимъ и новымъ языкамъ и естественной исторіи. Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, по распоряженію попечителя, для ознакомленія учителей народныхъ училищъ съ лучшими методами обученія чтенію, письму и ариметикѣ и для руководства инспекторовъ народныхъ училищъ при наблюденіи за ходомъ учебной части составлены программы преподаванія этихъ предметовъ съ указаніемъ современныхъ методовъ обученія и лучшихъ руководствъ и пособій по каждому предмету, а также времени распредѣленія учебныхъ занятій въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

2) *Относительно испытаній переводныхъ и окончательныхъ.*

При различіи взглядовъ на способы испытаній и на оцѣнку познаній учениковъ, подвергающихся испытанію, попечитель Кіевскаго учебнаго округа призналъ полезнымъ дать опредѣленные по этому предмету правила, выработанныя въ особомъ комитетѣ, составленномъ съ этою цѣлью. По этимъ правиламъ испытанія, какъ переводныя, такъ и окончательныя, раздѣлены по существу

предметовъ на письменныя: по математикѣ и языкамъ, и устные по остальнымъ предметамъ. На вопросъ этотъ, относительно оцѣнки испытаній, обратили вниманіе и попечители Казанскаго и С.-Петербургскаго округовъ. Въ Казанскомъ округѣ, для поднятія уровня успѣховъ учащихъ, подобно С.-Петербургскому, предложено педагогическимъ совѣтамъ гимназій принять на будущее время къ руководству, чтобъ удостоивались перевода въ слѣдующіе классы только такіе ученики, которые, при годовой отмѣткѣ не менѣе 3 въ каждомъ предметѣ, получили на испытаніи отмѣтку также не менѣе 3 изъ каждаго предмета. Въ Варшавскомъ округѣ, по случаю замѣченнаго при приѣмномъ испытаніи въ новооткрытый университетъ слабаго знанія русскаго языка воспитанниками нѣкоторыхъ гимназій, предложено попечителемъ учебнаго округа усилить требованія переводныхъ и окончательныхъ испытаній и не допускать ни въ какомъ случаѣ переэкзаменовокъ, происходившихъ до того времени въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

3) *Относительно возбужденія самостоятельности учащихъ* принимались въ разныхъ округахъ различныя мѣры, между которыми главное мѣсто занимаютъ: домашнее чтеніе и съ этою цѣлью учрежденіе ученическихъ библіотекъ, правильная организація письменныхъ упражненій и литературныя бесѣды. Ученическія библіотеки, доставляющія ученикамъ такой матеріалъ для чтенія, усвоеніе котораго было бы имъ по силамъ и служило бы по возможности дополненіемъ къ тому, что пріобрѣтается въ классахъ, находятся при большей части гимназій во всѣхъ округахъ. Въ Московскомъ учебномъ округѣ книги ученическихъ библіотекъ раздѣлены на 3 отдѣла: для старшаго возраста, средняго и младшаго. Въ домашнемъ чтеніи книгъ здѣсь, какъ и въ Харьковскомъ округѣ, постановлено требовать время отъ времени отчета, состоящаго въ изустномъ или письменномъ изложеніи прочитаннаго, дабы чтеніе это не оставалось празднымъ занятіемъ, а приносило дѣйствительную пользу.

Съ этою же цѣлью въ Казанскомъ округѣ устраивались въ гимназіяхъ литературныя бесѣды, на которыхъ читались учени-

вами подъ руководствомъ учителей образцовыя сочиненія нашихъ писателей или подвергались обсужденію сочиненія самихъ учениковъ. Вообще письменныя упражненія воспитанниковъ введены во всѣхъ гимназіяхъ; но дабы они могли принести пользу, не обременяя учащихся, въ округахъ Харьковскомъ, Кіевскомъ и особенно С.-Петербургскомъ даны въ 1869 году особыя правила, опредѣляющія ихъ порядковъ и относительное количество. Въ С.-Петербургскомъ округѣ педагогическія совѣты гимназій въ началѣ каждаго года должны дѣлать распредѣленіе письменныхъ упражненій, назначая для сего извѣстные дни недѣли и принимая другія соотвѣтствующія мѣры.

4) *Относительно начальнаго народнаго образованія* вниманіе всѣхъ попечителей обращено было главнымъ образомъ на народныя училища двуклассныя и одноклассныя, состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Устройство этихъ училищъ, согласное съ педагогическими требованіями, требовало особой заботливости, такъ какъ училища эти должны служить образцомъ для прочихъ народныхъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовать и практическимъ потребностямъ.

Въ числѣ мѣръ для улучшенія народныхъ училищъ особенно замѣчательны: учрежденіе въ С.-Петербургѣ при Андреевскомъ уѣздномъ училищѣ, по инициативѣ начальства учебнаго округа, музея элементарныхъ учебныхъ пособій для нагляднаго ознакомленія учителей со всѣми принадлежностями хорошей народной школы, и предпринимаемое попечителемъ Московскаго учебнаго округа устройство при народныхъ училищахъ книжныхъ складовъ, при посредствѣ которыхъ могли бы приобрѣтать удобно и дешево книги какъ училища, такъ и грамотное сельское населеніе. Подобныя книжные склады уже существуютъ въ Виленскомъ округѣ и принесли тамъ несомнѣнную пользу въ дѣлѣ развитія народнаго образованія.

Дѣятельность попечителей Виленскаго, Дерптскаго и Кіевскаго округовъ имѣла, сверхъ того, и государственную цѣль—развитіе и прочное водвореніе въ школахъ русскаго языка. Мѣры, которыя

принимаемы были съ этою цѣлію, изложены выше въ настоящемъ отчетѣ. Наибольшая доля занятій въ этомъ отношеніи падала на попечителя Варшавскаго учебнаго округа по устройству вновь открытых Варшавскаго университета и Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, и на попечителя Кіевскаго учебнаго округа, успѣвшаго въ теченіе втораго полугодія 1869 года привести въ исполненіе всѣ мѣры по открытію женскихъ прогимназій и гимназій и двухклассныхъ городскихъ училищъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ округа. Особенныя занятія возложены были и на попечителей учебныхъ округовъ Казанскаго и Одесскаго по устройству иноподданскаго образованія въ губерніяхъ Казанскаго округа и на Таврическомъ полуостровѣ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ дѣятельность попечителей учебныхъ округовъ, я вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ засвидѣтельствовать при этомъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что всѣ попечители учебныхъ округовъ исполняли свои обязанности съ знаніемъ дѣла и съ полною добросовѣстностію. Засвидѣтельствованіе это я могу высказать съ тѣмъ большею увѣренностію, что съ дѣятельностію нѣкоторыхъ изъ попечителей я успѣлъ ознакомиться лично на самомъ мѣстѣ во время прежнихъ моихъ осмотровъ учебныхъ заведеній Казанскаго, Одесскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ и послѣдняго осмотра училищъ Московскаго учебнаго округа, о послѣдствіяхъ котораго я имѣлъ счастье представить въ свое время Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшій отчетъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го января 1871 года). *О предоставленіи правъ служащимъ въ русскихъ народномъ училищѣ и классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ, а также воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ сихъ заведеніяхъ.*

Его Императорское Величество воспользовавшееся мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о предоставленіи правъ служащимъ въ русскихъ народномъ училищѣ и классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ, а также воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ сихъ заведеніяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта,
Константинъ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о предоставленіи правъ служащимъ въ русскихъ народномъ училищѣ и классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ, а также воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ сихъ заведеніяхъ, согласно въ существѣ съ заключеніемъ его, управляющаго министерствомъ, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Директору и учителямъ русской классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ предоставить тѣ же служебныя по чинамъ права, кои пользуются занимающіе соответствующія должности въ гимназіяхъ Имперіи, по уставу гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденному 19-го ноября 1864 года; учителя же учрежденнаго въ г. Гельсингфорсѣ русскаго народнаго училища сравнить въ тѣхъ же служебныхъ правахъ съ учителями наукъ уѣздныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Дѣйствующія нынѣ постановленія объ окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія распространить: первыя — на окончившихъ курсъ въ русской классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ, а вторыя — на окончившихъ курсъ въ тамошнемъ русскомъ народномъ училищѣ;

и 3) Пенсіи директору и учителямъ въ означенныхъ гимназіи и народномъ училищѣ производить по правиламъ; постановленнымъ для служащихъ по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и изъ суммъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ, определенномъ для занимающихъ таковыя же должности въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (3-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи въ Карасубазарскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ стипендіи Йордана Первани.*

Въ день открытія въ городѣ Карасубазарѣ двухкласснаго народнаго училища, Карасубазарскій мѣщанинъ Йорданъ Первани, сочувствуя цѣли правительства къ образованію его соотечественниковъ, представилъ инспектору народныхъ училищъ 500 руб., съ просьбою принять эти деньги въ пользу Карасубазарскаго двухкласснаго училища на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобъ изъ процентовъ съ этого капитала ежегодно уплачивать за право обучать снѣ, отд. 1.

ченія трехъ многородныхъ сиротъ, по его избранію, такъ какъ по приговору общества, въ связанномъ училищѣ положено взимать плату за ученіе; остальные же процентныя деньги, сколько будетъ причитаться, употребляютъ на покупку учебныхъ пособій для тѣхъ же сиротъ и чтобы сироты эти именовались стипендіатами Иордана Первани. По смерти же его, избраніе сиротъ оныя предоставляетъ городскому головѣ и почетному блюстителю связаннаго училища, а пожертвованныя имъ деньги просить раздать на проценты въ частныя руки, подъ вѣрное обезпеченіе, съ согласія, впрочемъ, городского головы и педагогическаго совѣта Карасубазарскаго двухкласснаго народнаго училища.

Государь Императоръ, по восподаннѣйшему о семъ министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго Иорданомъ Первани капитала, такъ равно и на дозволеніе именоваться тремъ сиротамъ, которыя будутъ обучаться въ Карасубазарскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ на пожертвованный капиталъ, стипендіатами Иордана Первани. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилоостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

3. (3-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Бобруйской прогимназіи бывшаго инспектора оной Нордкивиста.*

Братъ покойнаго инспектора Бобруйской прогимназіи, надворнаго совѣтника Нордкивиста, С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Карловичъ Нордкивистъ, сочувствуя отечественному просвѣщенію и дорожа памятью умершаго своего брата, пожертвовалъ въ пользу Бобруйской прогимназіи четыреста руб., доставивъ педагогическому совѣту прогимназіи распорядиться этими деньгами по его усмотрѣнію.

Вслѣдствіе сего и согласно постановленію педагогическаго совѣта Бобруйской прогимназіи, начальство Валенскаго учебнаго округа вошло съ ходатайствомъ о дозволеніи помянутый пожертвованный капиталъ, обращенный въ государственныя 5% ба-

новые билеты 150-рублеваго достоинства и одинъ 2-го государственнаго съ выигрышами займа, оставить на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и проценты съ него выдавать ежегодно, въ память умершаго инспектора Нордвиста, одному изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ учениковъ Бобруйской прогимназіи въ продолженіе всего курса ученія въ прогимназіи, если онъ будетъ постоянно того заслуживать, съ присвоеніемъ таковой стипендіи наименованія «стипендіи бывшаго инспектора Бобруйской прогимназіи Нордвиста».

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства.

4. (3-го февраля 1871 года). *О дозволеніи почетному смотрителю Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго училища Агамжанову содержать въ пансіонѣ Астраханской гимназіи одного воспитанника.*

Почетный смотритель Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго училища Агамжановъ, въ ознаменованіе посѣщенія, которымъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ удостоилъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1870 года Агабабовское училище, вопиель съ ходатайствомъ о дозволеніи ему содержать въ пансіонѣ Астраханской гимназіи одного воспитанника, съ присвоеніемъ таковому воспитаннику наименованія пансіонера Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

При этомъ Агамжановъ просилъ на первый разъ учредить стипендію на время полнаго семилѣтняго курса гимназіи, которую и обезпечивалъ на первый годъ внесенными директору Астраханской гимназіи 230 руб., а въ слѣдующія шесть лѣтъ залогомъ каменнаго дома, оцѣненнаго по купчей крѣпости въ 7.500 руб. и застрахованнаго имъ въ 4.000 руб.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ о тако-

вошь ходатайствѣ Агамжанова гофмейстеру двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича для доклада Его Высочеству.

Получивъ отзывъ отъ тайнаго совѣтника Тенгоборскаго, что Его Высочество съ величайшимъ удовольствіемъ принимаетъ означенное предложеніе Агамжанова, министръ народнаго просвѣщенія входилъ по сему предмету съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемиловитвѣйше соизволить на дозволеніе почетному смотрителю Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго училища Агамжанову содержать въ пансіонѣ Астраханской гимназіи одного воспитанника на изложенныхъ въ прошеніи его основаніяхъ, съ предоставленіемъ сему воспитаннику наименованія пансіонера Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

5. (3-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи стипендій статскаго совѣтника Иващенко при Новгородсѣверской гимназій.*

Отставной подполковникъ Василій Иващенко, въ исполненіе словесно выраженнаго ему роднымъ братомъ его, статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Даниловичемъ Иващенко (уже умершимъ), желанія, препроводилъ къ директору Новгородсѣверской гимназіи десять пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго банка за №№ 48.047 по 48.056 включительно, каждый по пятьсотъ руб., всего на сумму 5.000 руб., съ просьбою объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ этого капитала стипендій при названной гимназій имени статскаго совѣтника Николая Даниловича Иващенко.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Государю Императору благоугодно было Высочайше соизволить на учрежденіе при Новгородсѣверской гимназій стипендій на счетъ помянутаго капитала съ присвоеніемъ таковымъ стипендіямъ наименованія «стипендій статскаго совѣтника Николая Даниловича Иващенко» и на предоставленіе

министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для таковыхъ стипендій.

6. (3-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи стипендіи имени св. Кирилла и Меѳодія.*

Славянское благотворительное общество въ Одессѣ имени св. Кирилла и Меѳодія вошло къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору съ ходатайствомъ объ учрежденіи стипендіи въ 250 руб. въ годъ, назначенныхъ обществомъ къ ежегодному отпуску на этотъ предметъ для одного воспитанника изъ Славянъ при какой-либо гимназіи Одесскаго учебнаго округа, съ наименованіемъ оной «стипендіей имени св. Кирилла и Меѳодія, учрежденной Одесскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ». Избраніе стипендіата Славянское благотворительное общество предоставляетъ правленію общества изъ числа кандидатовъ представляемыхъ членами общества.

Вслѣдствіе отношенія объ этомъ генераль-адъютанта Коцебу и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Государю Императору благоугодно было Высочайше соизволить какъ на учрежденіе помянутой «стипендіи имени св. Кирилла и Меѳодія, учрежденной Одесскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

7. (3-го февраля 1871 года). *Объ отпускѣ на расходы педагогическаго съѣзда сельскихъ учителей Архангельской губерніи 2.542 рублей.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства бывшаго Архангельскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Качалова, объ устройствѣ въ Архангельскѣ, въ 1871 году, педагогическаго съѣзда сельскихъ учителей Архангельской губерніи, по примѣру прошлаго года, съ отпускомъ такой же суммы, какая

была ассигнована для этой цѣли въ 1870 г., Высочайше соизволилъ на отпускъ потребной на расходы по этому предмету суммы, въ количествѣ *двухъ тысячъ пятьсотъ сорока двухъ рублей*, изъ кредита, назначеннаго по ст. 2 § 10 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на сей 1871 годъ, на народныя училища.

8. (26-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ въ городъ Андреевъ (Кѣлецкой губерніи) и въ городъ Ленчицъ (Калишской губерніи).*

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго постановлено:

1) Въ гор. Андреевъ (Кѣлецкой губерніи) и въ гор. Ленчицъ (Калишской губерніи) учредить педагогическіе курсы, на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденныхъ ⁵/17-го января 1866 г. уставѣ и штатѣ педагогическихъ курсовъ для польскаго населенія въ губерніяхъ Царства, съ тѣмъ, чтобы педагогическіе курсы въ гор. Ленчицъ были открыты въ нынѣшнемъ 1871 году, а таковыя же курсы въ гор. Андреевъ въ будущемъ 1872 г. Къ симъ педагогическимъ курсамъ примѣнить Высочайше утвержденное 5-го февраля 1869 г. положеніе комитета по дѣламъ Царства Польскаго относительно наименованій учебныхъ заведеній Царства, съ тѣмъ, чтобы инспекторами и учителями сихъ курсовъ опредѣляемы были исключительно природные Русскіе, а преподаваніе производилось на русскомъ языкѣ.

2) Пинчовскую классическую гимназію преобразовать въ классическую же прогимназію, на основаніи уставовъ ⁵/17-го января 1866 г., а Прагскую классическую прогимназію упразднить, приведя мѣры сіи въ исполненіе съ истеченіемъ настоящаго учебнаго 18го/11 года. Учителей этихъ заведеній, которые не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

3) Остающіяся отъ преобразованія Пинчовской гимназій и упраздненія Прагской прогимназій суммы обратить на устройство помѣщенія для вновь открываемыхъ педагогическихъ курсовъ въ

гор. Ленчицѣ, на первоначальное обзаведеніе оныхъ и на содержаніе ихъ въ текущемъ году; суммы же, потребныя на дальнѣйшее содержаніе сихъ курсовъ, вносить въ ежегодныя смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія внести въ смѣту будущаго 1872 г. сумму, потребную на содержаніе имѣющихъ открыться въ томъ году педагогическихъ курсовъ въ гор. Андреевѣ, Кѣвельской губерніи, а также сумму, необходимую на перестройку и исправленіе зданія, предназначаемаго для помѣщенія сихъ курсовъ.

9. (8-го марта 1871 года). *О расходѣ на постепенное введеніе въ дѣйствіе новыхъ штатовъ гимназій и прогимназій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о расходѣ на постепенное введеніе въ дѣйствіе новыхъ штатовъ гимназій и прогимназій Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта
 Константинъ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходѣ на постепенное введеніе въ дѣйствіе новыхъ штатовъ гимназій и прогимназій и не встрѣтивъ препятствій къ ассигнованію испрашиваемой въ представленіи суммы для расходованія ея на предложенныхъ гофмейстеромъ графомъ Толстымъ основаніяхъ, *мнѣніемъ положила*: настоящее представленіе утвердить, и вслѣдствіе того:

1) Въ счетъ суммы, причитающейся на постепенное введеніе въ дѣйствіе устава и штатовъ гимназій и прогимназій въ додѣлства министерства народнаго просвѣщенія; Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 г., и въ дополненіе въ кредитамъ, ассиг-

нованнымъ на сей предметъ по Высочайше утвержденнымъ 26-го апрѣля 1865 г., 12-го декабря 1866 г., 29-го января и 18-го ноября 1868 г. и 5-го января 1870 г. мнѣніямъ государственнаго совѣта, разрѣшить къ отпуску изъ государственнаго казначейства, съ 1-го іюля 1871 г., по 150.000 руб. въ годъ, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія распределить эту сумму согласно составленному имъ разчету.

2) Причитающіеся изъ означенной суммы въ текущемъ году, по разчету съ 1-го іюля, 75.000 рублей отпустить изъ государственнаго казначейства, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, дополнительнымъ кредитомъ къ смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1871 г., съ причисленіемъ изъ этихъ денегъ 33.150 руб. къ ст. 1 § 7, 41.175 руб. къ ст. 6 того же параграфа и 675 руб. къ ст. 11 § 15 упомянутой смѣты. На будущее же время, разрѣшаемую въ 1-мъ пунктѣ къ ежегодному отпуску сумму, въ полномъ годовомъ размѣрѣ (по 150.000 руб.), вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія установленнымъ порядкомъ;

и 3) Могущіе оказаться отъ настоящаго кредита остатки обращаться, на основаніи п. б. ст. 33 дѣйствующихъ смѣтныхъ правилъ, въ государственное казначейство.

Подлинное мнѣніе подписано предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

29-го января 1871 года (№ 5). *Производится за отличіе:* главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, статскій совѣтникъ Иванъ Смольянъ — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

3-го марта 1871 года (№ 6). *Назначается:* правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Голубиновъ — оружанымъ инспекторомъ сего округа. *Продолжается срокъ отпуска за границу:* учителю Новгород-

сѣверской гимназіи, коллежскому ассессору *Хоняквичу* — до мая мѣсяца 1871 года и почетному смотрителю Ефремовскаго уѣзднаго училища *Бистрому* — по 15-е іюня 1871 года, обомъ по болѣзни. *Командируются за границу*: почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ *Карницкій* — на мѣсяць, экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Шкляревскій* — на пять мѣсяцевъ и первый прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Студа* — на шесть мѣсяцевъ, съ ученою цѣлю; послѣдніе двое — съ 1-го апрѣля 1871 года; причисленный въ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Немировской гимназіи, флигель-адъютантъ полковникъ графъ *Строгановъ* — на семь мѣсяцевъ. *Увольняется отъ службы, согласно прошенію*: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Траутфеттеръ* — съ 2-го марта 1871 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 12-й день марта, на награжденіе домашнихъ учителей, коллежскаго регистратора Евлампія *Шканскаго* и не имѣющаго чина Николая *Титова*, серебряными медалями, на Александровской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ, установленными для домашнихъ учителей.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 5-й день марта, на несчитаніе экзекутору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому ассессору Федору *Омельяновичу*, бытности подъ судомъ и оштрафованія препятствіемъ въ полученію наградъ и другихъ по службѣ преимуществъ, кромѣ знака отличія безпорочной службы и ордена св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (27-го февраля 1871 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ въ Архангельскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда, учрежденныхъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго чинами Архангельской казенной палаты, губернскаго казначейства и акцизнаго управленія въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ казенной палаты и губернскаго казначейства.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На пожертвованную чиновниками Архангельской казенной палаты, губернскаго казначейства и акцизнаго управленія сумму, состоящую изъ десяти 5% банковыхъ билетовъ на тысячу рублей, учреждаются въ Архангельскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 6-й день ноября 1870 года, двѣ стипендіи въ память посѣщенія Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, въ 29-й день іюня 1870 года, казенной палаты и губернскаго казначейства, съ наименованіемъ воспитанницъ стипендіатками Великаго Князя Алексѣя Александровича.

2) Сумма въ 1.000 руб., заключающаяся въ этихъ билетахъ, составляетъ неприкосновенную собственность Архангельскаго Маріинскаго женскаго училища; проценты съ нея назначаются для взноса платы за ученіе двухъ стипендіатокъ, а если затѣмъ окажется еще остатокъ, то онъ выдается имъ на покупку учебныхъ пособій.

3) Стипендіатки избираются педагогическимъ совѣтомъ Маріинскаго училища преимущественно изъ дочерей чиновниковъ казенной палаты, губернскаго казначейства и акцизнаго управленія, воспитывающихся въ этомъ заведеніи и отличающихся

успѣхами и поведеніемъ; за неизвѣстномъ же таковыхъ изъ учащихся дочерей сѣдлыхъ чиновниковъ вообще.

4) Означенные десять банковыхъ билетовъ хранятся вмѣстѣ съ другими билетами и денежными суммами Маріинскаго женскаго училища. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ, взносомъ изъ нихъ платы за ученіе, выдачи остатка стипендіаткамъ—поручается попечительному совѣту, на который возлагается также обязанность наблюдать за тиражемъ этихъ билетовъ и приобрѣтеніемъ новыхъ 5°/о билетовъ въ замѣнъ вышедшихъ въ тиражъ.

2. (6-го марта 1871 года). *О доставленіи и. м. почитателями учебнымъ округомъ азъ министерства въ домострой о дѣйствительномъ употребленіи суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе учебныхъ заведеній.*

Со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ счетоводства и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на содержаніе учебныхъ заведеній, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не получается свѣдѣній отъ подвѣдомственныхъ ему учреждений о дѣйствительномъ употребленіи кредитовъ, ассигнуемыхъ на содержаніе связанныхъ учреждений.

Между тѣмъ изъ отчетовъ государственнаго контроля по исполненію росписей государственнаго казначейства оказывается, что изъ кредитовъ, ассигнуемыхъ по финансовымъ смѣтамъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія, въ особенности по §§ 5, 7, 8, 9, 10 и 13-му, образуются ежегодно значительные остатки, которые, за неупотребленіемъ ихъ на предметы назначеній въ теченіе смѣтнаго періода, обращаются потомъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства.

Имѣя въ виду, что кредиты по вышеозначеннымъ §§ смѣты министерства народнаго просвѣщенія распределяются центральнымъ управленіемъ въ распоряженіе подлежащихъ начальствъ почти безъ остатка, и желая имѣть непосредственныя свѣдѣнія

о дѣйствительномъ употребленіи означенныхъ кредитовъ въ теченіе каждаго года, чтобы имѣть надлежащее понятіе о степени распорядительности начальствъ, въ вѣдѣніе коихъ они ассигнуются, и въ то же время имѣть непосредственныя данныя для сравненія съ ними свѣдѣній, заключающихся въ отчетахъ государственнаго контроля, г. министр народнаго просвѣщенія новорѣйше проситъ гг. попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать зависящее распоряженіе по подвѣдомственнымъ имъ начальствамъ учебныхъ заведеній, чтобы они на будущее время, начиная съ минувшаго 1870 года, по прошествіи каждаго смѣтнаго періода, со включеніемъ и льготнаго срока, доставляли въ министерство народнаго просвѣщенія, по прилагаемой при семъ формѣ и не позже какъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ льготнаго срока, то-есть, къ сти о дѣйствительныхъ остаткахъ, образовавшихся отъ кредитовъ 1-му іюля, вѣдомопредыдущаго года и обращенныхъ въ свободныя ресурсы государственнаго казначейства, съ объясненіемъ въ подлежащей графѣ причинъ, по которымъ образовались таковыя остатки.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о суммахъ, поступившихъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства изъ кредитовъ, ассигнованныхъ по финансовой сѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія по §§ 5, 7, 8, 9, 10 и 13 за 187... годъ.

<p>НАИМЕНОВАНИЕ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.</p>	<p>Ассигновано по расходному росписанію, отпущено дополнительными кредитомъ и перечислено изъ другихъ статей того же §.</p>	<p>Дѣйствительно употреблено въ расходъ и перечислено въ другія статьи того же §.</p>	<p>Подлежитъ отпуску въ теченіе 2-хъ сѣтныхъ періодовъ по именнымъ спискамъ кредиторовъ назв.</p>	<p>Затѣмъ осталось не израсходованныхъ и возвращенныхъ въ государствен. казначейство.</p>	<p>Объясненіе причинъ, по которымъ означенныя въ 4 графѣ суммы не были своевременно израсходованы на предметы назначеній.</p>
<p>§ 5. NN Университетъ: Ст. 1. Содержаніе личнаго состава ➤ 2. Учебныя пособия, хозяйственные и другіе расходы ➤ 3. Стипендіи и пособия студентамъ ➤ 4. Награды и пособия. <hr/>Итого</p>					
<p>§ 6. NN Лицей: Ст. 1. Содержаніе личнаго состава ➤ 2. Содержаніе воспитанниковъ и стипендіатовъ ➤ 3. Учебныя пособия и разные расходы <hr/>Итого</p>					
<p>§ 7. NN Гимназія или прогимназія: Ст. 1. Содержаніе личнаго состава ➤ 2. Параллельныя отдѣленія ➤ 3. Реальные и навигаціонныя классы</p>					

<p>НАИМЕНОВАНИЕ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.</p>	<p>Ассигновано по расходному росписанію, отпущено дополнительными кредитомъ и перечислено изъ другихъ статей того же §.</p>	<p>Дѣйствительно употреблено въ расходъ и перечислено въ другія статьи того же §.</p>	<p>Подлежитъ въ отпуску въ теченіе 2-хъ смѣтныхъ періодовъ по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны.</p>	<p>Затѣмъ осталось не израсходованныхъ и возвращенныхъ въ государство казначейство.</p>	<p>Объясненіе причинъ, по которымъ означенныя въ 4 графѣ суммы не были своевременно израсходованы на предметы назначеній.</p>
<p>Ст. 4. Содержаніе воспитанниковъ » 5. Содержаніе церкви » 6. Содержаніе домовъ, наемъ, ремонтъ и другіе хозяйственные расходы</p>					
<p>Итого</p>					
<p>§ 8.</p>					
<p>Уѣздныя училища:</p>					
<p>Ст. 1. Содержаніе личнаго состава » 2. Учебныя пособия, хозяйствен. расходы и пособия бѣднымъ ученикамъ</p>					
<p>Итого</p>					
<p>§ 9.</p>					
<p>Приходскія, или начальныя училища:</p>					
<p>Ст. 1. Содержаніе ихъ » 2. Пособіе имъ</p>					
<p>Итого</p>					
<p>§ 10.</p>					
<p>Народныя училища:</p>					
<p>Ст. 1. Содержаніе дирекцій или инспекцій. » 2. Устройство и содержаніе народныхъ училищъ</p>					
<p>Итого</p>					
<p>§ 13.</p>					
<p>На постройку и починку зданій</p>					

3. (6-го марта 1871 года). *О доставленіи и поимечителями округовъ свѣдѣній о причинахъ, по коимъ ассигнованныя на содержаніе училищъ суммы не были своевременно израсходованы на предметъ назначенія.*

Въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1869 года показано остатковъ, обращенныхъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства отъ кредитовъ, ассигнованныхъ по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1869 годъ по §§ 5, 7, 8 и 9, всего 173.247 руб. 7¹/₄ коп. ¹⁾.

Имѣя въ виду, что кредиты по означеннымъ §§ смѣты министерства народнаго просвѣщенія распредѣляются центральнымъ управленіемъ, въ распоряженіе подлежащихъ начальствъ, на опредѣленные предметы назначеній по содержанию учебныхъ заведеній, г. министръ народнаго просвѣщенія, для разъясненія обстоятельствъ, касающихся выше означенныхъ остатковъ, входитъ въ предварительное сношеніе съ государственнымъ контролеромъ о сообщеніи ему свѣдѣній, по какимъ именно казеннымъ палатамъ и въ какомъ количествѣ по каждой изъ нихъ образовались вышеприведенные остатки отъ кредитовъ по §§ 5, 7, 8 и 9.

Въ настоящее время государственный контролеръ сообщилъ министерству подробную вѣдомость, изъ которой видно, по казеннымъ палатамъ какихъ губерній значатся таковыя остатки. Препровождая извлеченіе изъ вышепомянутой вѣдомости къ гг. попечителямъ соответственныхъ учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія покорнѣйше проситъ, по истребованіи необходимыхъ объясненій отъ подлежащихъ училищныхъ начальствъ, сообщить ему, съ ихъ, попечителей, заключеніемъ, о причинахъ, по которымъ показанныя въ извлеченіи изъ вѣдомости государ-

¹⁾ Въ томъ числѣ: по университетамъ (§ 5) 21.628 руб. 66³/₄ коп., по гимназіямъ и прогимназіямъ (§ 7) 110.313 руб. 82 коп., по уезднымъ училищамъ (§ 8) 33.795 руб. 62³/₄ коп. и по приходскимъ и начальнымъ училищамъ (§ 9) 7.508 руб. 95³/₄ коп.

ственнаго контроля суммы, поступившія въ доходъ казны, не были своевременно израсходованы на предметъ назначенія.

4. (6-го марта 1871 года). *Объ утвержденіи въ завѣщаніи Карла Тышкевича записи въ 20.000 руб. въ пользу стипендіальнаго фонда высшаго учебнаго заведенія въ Варшавѣ.*

Владѣлецъ имѣнія Едльно (Новорадомскаго уѣзда Петровской губ.) Карлъ Тышкевичъ, духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ 2/14 іюля 1870 года, отказалъ 20.000 руб. въ пользу стипендіальнаго фонда, для несостоятельныхъ, но отличающихся успѣхами, поведеніемъ и прилежаніемъ воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія въ г. Варшавѣ, безъ различія вѣроисповѣданій.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ, съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ завѣщаніи Тышкевича запись въ 20.000 руб. для указанной завѣщателемъ цѣли.

5. (6-го марта 1871 года). *Объ утвержденіи въ завѣщаніи Адама Липинскаго записи въ 3.000 руб. на учрежденіе стипендіи для уроженцевъ г. Варшавы.*

Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ отъ 26-го іюля 1865 г., формально опубликованнымъ, Адамъ Липинскій отказалъ 3.000 р. на учрежденіе стипендіи для преуспѣвающаго въ наукахъ уроженца г. Варшавы, безъ различія вѣроисповѣданій.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ завѣщаніи Липинскаго запись въ 3.000 руб., для указанной завѣщателемъ цѣли.

6. (13-го марта 1871 года). *О разрѣшеніи устроить въ нынѣшнемъ году съѣзды учителей начальныхъ училищъ Варшавской, Радомской, Сувалкской и Сѣдлецкой учебныхъ дирекцій.*

Вслѣдствіе ходатайства начальства Варшавскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) устроить въ

вышшемъ году съѣзды учителей начальныхъ училищъ Варшавской, Радомской, Сувальской и Сѣдлецкой учебныхъ дирекцій, и 2) употребить, на покрытіе предстоящихъ по сему случаю расходовъ, 2.191 руб. изъ кредита, открытаго по ст. 2 § 9 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1871 года на пособія начальнымъ училищамъ Варшавскаго учебнаго округа.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го февраля 1871 года (№ 3). *Утверждаются:* экстраординарные профессора Императорскаго Харьковского университета: докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія *Шерцль*, докторъ физики *Шимковъ*, докторъ зоологіи *Степановъ* и доктора медицины *Вагнеръ* и *Кремянскій* — ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими кафедрамъ: Шерцль — сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, Шимковъ — физики, Степановъ — зоологіи, Вагнеръ — анатоміи здороваго человека и Кремянскій — специальной патологіи и терапіи: первые трое съ 26-го октября, а послѣдніе съ 9-го ноября 1870 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ уголовного права *Таганцевъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ уголовного права, съ 8-го февраля 1871 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Навроцкій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ физиологіи, съ 29-го ноября 1870 года; старшій учитель Аренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зембушъ* — директоромъ сей гимназіи, съ 20-го февраля 1871 года; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Новиковъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, съ 20-го февраля 1871 года; исправляющій должность по-

мощника бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь *Сысоевъ* — въ сей должности, съ 1-го февраля 1870 года. *Перемѣщается*: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ государственнаго права *Бялецкій* — съ тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ международнаго права въ означенномъ университетѣ, съ 30-го января 1871 года. *Увольняются: въ отпускъ внутри Россіи*: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульгинъ* — въ Варшаву и С.-Петербургъ, на пятнадцать дней; директоръ Виленской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Ланинъ* — въ С.-Петербургъ, на семь дней; *за границу*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Лесгафтъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1871 года; инспекторъ параллельныхъ классовъ Дерптской гимназіи, надворный совѣтникъ *Пауль*, и учитель тѣхъ же классовъ, надворный совѣтникъ *Брутманъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и четырнадцать дней, по болѣзни; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Бульмеринкъ*, и учитель приготовительнаго училища при Дерптской гимназіи *Гаакъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать девять дней; послѣдній по болѣзни. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: учителямъ гимназій: Рижельевской — *Смирнову*, *Пятницкому*, *Андріясъвичу* и *Галагану*, Одесской второй — *Кочубинскому*, *Ронталеру* и *Шапеллону*, Херсонской — *Чепурковскому*, *Руссо* и *Миллеру*, Екатеринославской — *Колковскому*, Таганрогской — *Якобу*, Симферопольской — *Хамарито* и *Радкевичу*, Керченской — *Христичу* и Кишиневской — *Маковскому*, *Мейеру* и *Попову* — за особую усердную службу; учителю Бѣлостовской талмудъ-торы *Каплану* — за отлично-успѣшное исполненіе имъ своихъ обязанностей; дѣйствительному статскому совѣтнику *Рейнботу* и Бѣлостокскому 1-й гильдіи купцу *Волковыскому* — за пожертвованія ихъ въ пользу народнаго образованія. *Увольняется отъ службы, согласно про-*

шенію: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ *Полевой*, съ 10-го февраля 1871 года. *Исключается изъ списковъ умершій*: помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Серно-Соловьевичъ*.

**ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВСЕПОДДАННѢЙШЕМУ ОТЧЕТУ МИНИСТРА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1869 ГОДЪ.**

Императорская Академія Наукъ.

Академія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: физико-математическаго, отдѣленія русскаго языка и словесности и историко-филологическаго.

По Высочайше утвержденному 8-го января 1836 года уставу и штату Академіи Наукъ и по особымъ постановленіямъ и назначеніямъ, въ послѣдствіи состоявшимся, ученый составъ Академіи слѣдующій.

А. По Академіи вообще.

	По штату и особымъ на- значеніямъ.	По личн. состоитъ.
Президентъ	1	1
Вице-президентъ (изъ академиковъ)	1	1
Непремѣнный секретарь (изъ академи- ковъ	1	1
Академиковъ ординарныхъ (въ томъ числѣ вице-президентъ и непремѣн- ный секретарь).	37	32
Экстраординарныхъ и адъюнктовъ	14	10

**Б. По главной физической и магнитной
ОБСЕРВАТОРИИ.**

Директоръ	1	1
Наблюдателей	3 ¹⁾	2 ¹⁾

**В. По Виленьской астрономической
ОБСЕРВАТОРИИ.**

Директоръ	1	1
Помощникъ его	1	1

¹⁾ Одинъ изъ нихъ исправляетъ должность смотрителя
часть слуг, отд. 1.

Г. По Певинской магнитной и метеоро-
логической обсерватории:

Директоръ 1 1

Въ отчетномъ году вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія Академіи Наукъ, заключающія въ себѣ ученые труды членовъ Академіи и другихъ лицъ:

1) *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*. Т. XIII № 4—5 и Т. XIV № 1—4 въ которыхъ помѣщены слѣдующіе ученые труды: г. *Линделева* — доказательство общаго всѣмъ выпуклымъ многогранникамъ свойства, что при одинаковой поверхности, наибольшій по объему своему выпуклый многогранникъ есть тотъ, который описанъ около шаровой поверхности, касающейся всѣхъ граней многогранника въ ихъ центрахъ тяжести; ординарнаго академика *Буняковского* — а) полное рѣшеніе двухчленныхъ показательныхъ сравненій при основаніи 3, б) нѣкоторыя новыя теоремы о вычетахъ и о первообразныхъ корняхъ, в) доказательство закона взаимности простыхъ чиселъ; академика *Сомова* — изслѣдованія, относящіяся къ предложенному знаменитымъ Коши выводу общихъ уравненій равновѣсія, независимо отъ начала возможныхъ скоростей; г. *Линссера* — вычисленіе эфемериды ожидавшейся періодической кометы Виннеке; г. *Струве* — сообщеніе о сдѣланномъ имъ открытіи восьми туманныхъ пятенъ, дотолѣ неизвѣстныхъ; г. *Гильдена* — новый способъ къ скорѣйшему и точному вычисленію орбитъ малыхъ планетъ и кометъ и претерпѣваемыхъ ими возмущеній вслѣдствіе притяженія большихъ планетъ; доктора *Розена* — наблюденія помощію фотометра Цельнера, съ цѣлю точнаго опредѣленія зависимости между яркостію слабыхъ звѣздъ различныхъ величинъ; г. *Ленца* — изслѣдованія о вліяніи температуры на теплопроводность металловъ и наблюденія о нѣкоторыхъ свойствахъ желѣза, осажденнаго помощію гальванизма; академика *Вильда* — а) о новомъ устройствѣ изобрѣтеннаго имъ полярнотрометра, б) описаніе двухъ сѣверныхъ сіяній, бывшихъ въ Петербургѣ; г. *Морица* — поправки къ извѣстнымъ таблицамъ Реньо объ упругости водяныхъ паровъ при различныхъ температурахъ; академика *Фришме* — изслѣдованія объ углеводородныхъ соединеніяхъ, находящихся въ продуктахъ каменнаго угля; гг. *Бейльштейна* и *Кульберга* — изслѣдованія о хлористыхъ производныхъ, получаемыхъ изъ толуоля; г. *Вородина* — изслѣдованія зависящихъ отъ свѣта измѣненій въ расположеніи хлоро-

филла у явнопчѣтнхъ; академика *Брандта* — а) о вымершемъ сибирскомъ носорогѣ и одиотеріи; б) описаніе европейско-азиатскихъ осетровыхъ породъ; академика *Овсянникова* — предварительное сообщеніе объ исторіи развитія рѣчной миноги; гг. *Овсянникова*, *Ковалевскаго* и *Ватнера* — предварительное сообщеніе о развитіи осетровыхъ породъ; г. *Кноха* — о развитіи широкой глисты; г. *Гримма* — анатомическо-физиологическія изслѣдованія: а) о слуховомъ органѣ кошки, б) о сязкахъ насѣкомыхъ, в) объ аппаратѣ, запирающемъ дышальце тарьявана; академика *Наука* — о возстановленіи болѣе правильнаго чтенія вѣвѣстныхъ изрѣченій Публилія Сира; академика *Дорна* — описаніе нѣкоторыхъ пехлевійскихъ и вуфическихъ монетъ, полученныхъ въ послѣднее время Азіатскимъ музеемъ Академіи; г. *Шифнера* — изслѣдованіе о трехъ восточныхъ вариантахъ разказа, сохраненнаго Геродотомъ, о дохитителяхъ сокровища Рамсина; профессора *Мерема* — описаніе находящагося на Керафатскомъ кладбищѣ въ Каирѣ купола султана Меликъ Эль-Ашрафъ-Бирсбай; г. *Минаева* — записка о пелійской метрикѣ Вуттодая; г. *Миндина* — записка объ упрощеніи въ способѣ составленія числителя и знаменателя непрерывной дроби, но приведеніи ея въ обыкновенную; академика *Броссе* — записка о сдѣланномъ имъ переводѣ армянскаго историка X вѣка — Оми Арзуны.

2) *Mélanges tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*: mathématiques et astronomiques. Томъ IV, выпускъ 3; biologiques. Томъ VII, выпускъ 1, physiques et chimiques. Томъ VIII, выпускъ 1, asiatiques. Томъ VI, выпускъ 1, greco-romains. Томъ III, выпускъ 1, russes. Томъ IV, выпускъ 5.

3) *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*, Т. XIII № 1—8, Т. XIV № 1—8 и Т. XV № 1—2, въ которыхъ помѣщены слѣдующіе ученые труды: *A. Brandt, jun.* Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Libelluliden und Hemipteren, mit besonderer Berücksichtigung der Embryonalhülle derselben; *W. Gruber* — Ueber die Halsrippen des Menschen mit vergleichend-anatomischen Bemerkungen; *N. Kokscharoff* — Ueber Linaritkrystalle; *M. Steinschneider* — A. Farabi (Alpharabius) des arabischen Philosophen Leben und Schriften, mit besonderer Rücksicht auf die Geschichte der griechischen Wissenschaft unter den Arabern; *M. Brosset* — Histoire chronologique par Mkhithar D'Airivank, XIII-e s., traduite de l'arménien; *G. Sperk* — Die Lehre von der Gymnospermie im Pflanzenreiche; Dr. *W. Gruber* — Beiträge zur Anatomie des Schädelgrundes. 1. Abthei-

lung; *C. Linsser* — Untersuchungen über die periodischen Lebenserscheinungen der Pflanzen. Zweite Abhandlung; *J. F. Brandt* — a) De dinotherium genere elephantidorum — familiae adjungendo nec non de elephantidorum generum craniologia comparata; 6) Untersuchungen über die Gattung der Klippschliefer (*Hyrak Herm*), besonders in anatomischer und verwandschaftlicher Beziehung, nebst Bemerkungen über ihre Verbreitung und Lebensweise; *T. Zowarykin* — Verlauf der Chilusbahnen im Dünndarme; *F. von der Osten-Sacken* und *F. I. Ruprecht* — Sertum Tianschanicum. Botanische Ergebnisse einer Reise im mittleren Tian-Schan; *M. Ganin* — Ueber die Embryonalhülle der Hymenopteren und Lepidopteren-Embryonen; Dr. *A. Strauch* — Synopsis der Viperiden, nebst Bemerkungen über die geographische Verbreitung dieser Giftschlangen-Familie; *G. v. Helmersen* — Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands; Dr. *E. Metschnikoff* — Studien über die Entwicklung der Echinodermen und Nematertinen; *A. Bunge* — Generis Astragali species gerontogae, Pars altera. Specierum enumeratio; *F. I. Ruprecht* — Flora Caucasi. Pars 1.

4) *Записки Императорской Академіи Наукъ*, Т. XIV, № 3 — 4, Т. XV, № 1 — 5 и Т. XVI, № 1 — 4, въ которыхъ заключаются статьи: *A. Бесселя* — объ инвариантахъ простѣйшихъ системъ совокупныхъ бинарныхъ формъ; *A. Шифнера* — Осетинскіе тексты, собраніе Д. Чонкадзе и В. Цораевымъ; *П. Пекарскаго* — Архивныя розысканія объ изображеніи не существующаго нынѣ животнаго *Rhytina borealis*; *И. Гамеля* — Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Часть вторая; *A. Виннеке* — Сѣверныя сіянія 1856 — 1864 годовъ; *В. Я. Буныковскаго* — Объ одномъ эмпирическомъ выраженіи закона смертности; *И. Минаева* — Пратимокша-Сутра. Буддѣйскій служебникъ; *Р. Ленца* — Ислѣдованіе о вліяніи температуры на теплопроводность металловъ; *A. И. Шренка* — Очеркъ физической географіи Сѣверо-Японскаго моря; *Амфилохія*, архимандрита — О греческомъ кондаварѣ XII — XIII вѣка Московской синодальной бібліотеки, сравнительно съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

5) *Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка въ словесности Императорской Академіи Наукъ*: Томъ VI. О Крыловѣ.

Кромѣ вышеприведенныхъ изданій были напечатаны на счетъ Академіи отдѣльно еще слѣдующія сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ томъ же отчетномъ году: *Миддендорфа* — Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Часть II, выпускъ 5; *Буткова, П. Г.* — Матеріалы для исторіи Кавказа съ 1722 по 1823 годъ (прежде подъ названіемъ

Русскій Архивъ). Часть I и II; *Böhlingsk, O. und R. Roth* — Sanskrit-Wörterbuch, Tome VI, Lieferungen 40, 41 und 42; *Winckelmann, E.* — Bibliotheca Livoniae historica. Systematisches Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel für die Geschichte Ehst., Liv.— und Kurlands. Выпускъ 1; *Wiedemann, F. J.* — Ehstnisch-Deutsches Wörterbuch; *Schiefner, A.* — Geschichte des Buddhismus in Indien; *Васильева* — а) Исторія буддизма въ Индіи. Сочиненіе Таранаты (переводъ), б) Vorrede zu seiner russischen Uebersetzung von Taranatha's Geschichte des Buddhismus in Indien, deutsch mitgetheilt von *A. Schiefner*. Nachtrag zu der deutschen Uebersetzung Taranatha's; *Рогова, Н.* — Пермско-русскій и русско-пермскій словарь; *Вильда* — Repertorium für Meteorologie. Tome I. Lieferung 1; *Грота, Я. К.* — а) Сочиненія Державина. Съ объяснительными примѣчаніями. Томъ V, б) Сочиненія Державина. Народное изданіе. Томъ II.

Въ 1869 году Академіей Наукъ былъ присужденъ слѣдующія преміи:

Ломоносовская премія въ 1000 рублей — дѣйствительному статскому совѣтнику *В. Далю*, за составленный имъ толковый словарь живаго великорусскаго языка.

Уваровскія преміи: I. Большая премія въ 1500 руб. — бакалавру Московской духовной Академіи *Е. Голубинскому*, за рукописное сочиненіе: „Святые Константинъ и Меодій, апостолы славянскіе“; II. Меньшія преміи (въ 500 руб.): 1) профессору Дерптскаго университета *И. Энгельману*, за изданное имъ сочиненіе: „О давности по русскому гражданскому праву“; 2) священнику при церкви Маріинскаго института въ С.-Петербургѣ *М. Горчакову*, за сочиненіе: „Монастырскій приказъ“ (1649 — 1725); 3) профессору Дерптскаго университета *А. Котляревскому*, за изданное имъ сочиненіе: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“; 4) дѣйствительному статскому совѣтнику *В. Стасову* за изданное имъ сочиненіе: „Происхожденіе русскихъ былинъ“; 5) магистру *В. Макушеву*, за сочиненіе: „Ислѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“, и 6) кандидату университета *И. Хрущеву*, за сочиненіе: „Ислѣдованіе о сочиненіяхъ Юсіфа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго“.

Сверхъ того Академіей присуждены золотыя Уваровскія медали: 1) тайному совѣтнику *Н. Калачову*, за составленную имъ рецензію помянутаго выше сочиненія г. Энгельмана; 2) статскому совѣтнику *И. Бяльеву* за разборъ сочиненія священника Горчакова; 3) дѣй-

ствительному статскому совѣтнику А. *Артемиеву*, за рецензію сочиненія В. Владимірова: „Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи“ и 4) члену-корреспонденту Академіи К. *Невостровецъ*, за рецензію сочиненія г. Хрущова.

Въ отчетномъ году при Академіи Наукъ находились слѣдующія ученныя учрежденія:

	Состояло къ 1869 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло къ 1870 г.
а) Библиотека.			
По 1-му (русскому) отдѣленію: книгъ и рукописей	59596	3787	63388
По 2-му (иностраннымъ) отдѣленію: число томовъ	101369	3451	104820
<i>Примѣчаніе.</i> Показанное здѣсь число томовъ иностраннаго отдѣленія составляетъ итогъ книгъ только Главной библиотеки, такъ какъ музеи Азіатскій, Зоологическій и Ботаническій имѣютъ каждый свое собраніе книгъ, отдѣляемыхъ ежегодно изъ Главной библиотеки. Общее же число томовъ въ иностранной библиотекѣ и отдѣленіяхъ ея по означеннымъ музеямъ			
	121688	4267	126155
б) Физическій кабинетъ:			
Предметовъ	795	25	820
в) Минералогическій музей:			
Предметовъ	48858	22	48875
г) Зоологическій и зоотомическій музей:			
Предметовъ: видовъ	43973	354	44327
экземпляровъ	107200	2871	110071
д) Ботаническій музей:			
Общій гербаріумъ, съ прибавленіями изъ гербаріума покойнаго академика Мейера	до 50000	опредѣл.	видовъ.

	Состояло къ 1869 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло къ 1870 г.
Карпологическое собраніе	8008	74	3082
Восковыя и гипсовыя модели цвѣтовъ, сѣ- мянъ, плодовъ и грибовъ,	799	—	799
Предметы въ спирту (плоды, цвѣты и пр.), банокъ	137	24	161
Дендрологическое собраніе (обрубки деревъ), видовъ	900	—	900
номеровъ	90	25	115
Окаменѣлыхъ рожденій	581	—	581
Предметовъ по фармакогнозіи и экономич. ботаникѣ	1407	84	1491
Микроскопическихъ препаратовъ	663	—	663
Микроскоповъ	3	—	3
Рукописей и собраній рисунковъ	66	—	66
е) <i>Анатомическій музей:</i>			
Череповъ новаго времени	462	2	464
Череповъ прежняго времени и мумій.	124	—	124
Гипсовыхъ и восковыхъ препаратовъ	66	21	87
Уродовъ	179	1	180
Человѣческихъ зародышей	6	—	6
Скелетовъ	3	—	3
ж) <i>Физиологическая лабораторія.</i>			
з) <i>Азіатскій музей, заключающій слѣдую- щіе отдѣлы:</i>			
1) Библіотека (печатныя книги)	11263	388	11651
2) Рукописи: Мухамеданскія	1286	1	1287
Китайскія	3954	1	3955

	Состояло въ 1868 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло въ 1870 г.	
2) Рукописи: Грузинскія	} 278	—	283	
Армянскія		—	45	
Санскритскія		193	—	193
Тибетскія		804	1	805
Монгольскія и калмыцкія		488	—	488
Сіамскія		1	—	1
Еврѣйскія		4	—	4
Сирийскія		2	1	3
3) Смѣсь (отрывки изъ рукописей, карты и проч.)	220	9	229	
4) Минцъ-кабинетъ:				
Монетъ: Мухамеданскихъ	19228	219	19447	
Древне-персидскихъ	392	19	411	
Индійскихъ	36	—	36	
Китайскихъ и японскихъ	2969	—	2969	
Туранскихъ	63	—	63	
Еврейскихъ	16	—	16	
Христіанскихъ, а именно:				
Испанскихъ	4	—	4	
Нормандскихъ	10	—	10	
Грузинскихъ	94	—	94	
Армянскихъ	12	—	12	
Индійскихъ	17	—	17	
5) Древности: предметовъ	279	8	287	
в) <i>Этнографическій музей:</i>				
Предметовъ	5052	10	5062	

	Состояло къ 1869 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло къ 1870 г.	
i) <i>Египетскій музей:</i>				
Мумій безъ саркофаговъ	3	—	3	
Мумій съ саркофагами	1	—	1	
Большой саркофагъ съ костями	1	—	1	
Ветхихъ саркофаговъ	2	—	2	
Дѣтскихъ мумій безъ саркофаговъ	2	—	2	
Головъ съ анатомированныхъ мумій	2	—	2	
Кошачьихъ мумій	2	—	2	
Мумія недородыша	1	—	1	
Ящиковъ подъ стекломъ съ разными остат- ками анатомированныхъ мумій	2	—	2	
Каменная статуя египетскаго божества . . .	1	—	1	
к) <i>Музей-кабинетъ:</i>				
1) Греческихъ монетъ: Золотыхъ	34	—	34	
Серебрянныхъ	829	18	847	
Мѣдныхъ	1738	—	1738	
2) Римскихъ: Золотыхъ	257	—	257	
Серебрянныхъ	5454	1	5455	
Мѣдныхъ	9285	—	9285	
3) Медалей и монетъ новыхъ временъ:				
Золотыхъ	388	—	388	
Серебрянныхъ	2086	—	2086	
Мѣдныхъ	60	2	62	
4) Монетъ разныхъ временъ и государствъ:				
Эти монеты пе- реданы изъ рус- скаго импе- риальнаго кабинета.	Золотыхъ	13	—	13
	Серебрянныхъ	215	—	215
	Мѣдныхъ	160	—	160

	Состояло въ 1869 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло въ 1870 г.
Кромѣ означенныхъ монетъ и медалей въ нумизматическомъ кабинетѣ хранятся: 1) коллекція греческихъ вазъ и глиняныхъ сосудовъ; 2) шесть различныхъ коллекцій гипсовыхъ оттисковъ съ рѣзныхъ камней и собраніе сѣрныхъ оттисковъ древнихъ монетъ	болѣе	10000	слѣпковъ.
3) Собраніе разныхъ старинныхъ предметовъ, какъ-то: изображеній древнихъ памятниковъ, статуетокъ, стальныхъ вещей и проч.; 4) собраніе книгъ и брошюръ нумизматическаго содержанія, и 5) собраніе русскихъ монетъ и медалей, въ томъ числѣ: золотыхъ 109, серебряныхъ 7.400 и неопредѣленное количество мѣдныхъ медалей.			
<i>л) Малая астрономическая обсерваторія:</i>			
Инструментовъ	90	—	90
Книгъ и брошюръ	689	—	689
Рукописей	58	—	58
<i>м) Главная физическая и магнитная обсерваторія:</i>			
1) <i>По главной физической обсерваторіи:</i> инструментовъ и приборовъ для разнаго употребленія	245	91	336
Книгъ и другихъ изданій	1858	589	2447
2) <i>По магнитной обсерваторіи:</i>			
Различныхъ инструментовъ	24	—	24
<i>н) Виленская астрономическая обсерваторія:</i>			
Инструментовъ астрономическихъ, физическихъ и геодезическихъ	68	1	69
Книгъ, журналовъ и диссертаций,— томовъ .	3205	45	3250
Фотографическихъ вещей	109	35	144

	Состояло въ 1869 г.	Поступило въ 1869 г.	Состояло въ 1870 г.
о) Пекинская магнитная и метеорологическая обсерваторія:			
Инструментовъ	88	9, а за ис- ключеніемъ убытка 8.	96
Книгъ	358		37
п) Лабораторія:			
Снарядовъ и аппаратовъ	77	6	83
Модель пламенной печи	1	—	1

По хозяйственной части при Академіи Наукъ состоятъ типографія и словолитня.

Университеты.

1. Императорскій С.-Петербургскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и факультета восточныхъ языковъ. Физико-математическій факультетъ подраздѣляется на два разряда: математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ; юридическій факультетъ также на два разряда: юридическихъ наукъ и административныхъ наукъ; факультетъ восточныхъ языковъ—на пять разрядовъ: арабско-персидско-турецко-татарскій, монголо-китайско-маньчжурскій, еврейско-арабскій, армяно-грузинскій и санскритско-персидскій.

Сверхъ предметовъ, положенныхъ по уставу университетовъ 1863 года, въ юридическомъ факультетѣ преподается судебная медицина.

Преподаваніе по вакантной кафедрѣ римскаго права поручено приватъ-доценту; кафедры финансоваго права и церковнаго законовѣдѣнія временно заняты доцентами.

Для приготовления къ профессорскому званію находились въ 1869 году за границею, на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, слѣдующія лица: кандидатъ Ламанскій — по физиологіи; магистръ Макушевъ — по славянской филологіи; магистръ Гаркави — по исторіи Востока; магистрантъ Тимирязевъ — по физиологіи и ана-

томъ растений; кандидатъ *Бакстъ* — по физиологіи; кандидатъ *Крупскій* — по химіи; магистръ *Люперольскій* — по всеобщей исторіи. Сверхъ того кандидаты *Федоровъ* и *Барсовъ* оставлены были при университетѣ съ стипендіей отъ министерства народнаго просвѣщенія, для приготовленія къ экзамену на степень магистра русской исторіи.

Кромѣ того, съ цѣлію приготовленія къ магистерскому экзамену, состояло въ 1869 году при С.-Петербургскомъ университетѣ 6 стипендіатовъ на счетъ суммы, жертвуемой ежегодно почетнымъ членомъ университета П. Демидовымъ, и 10 стипендіатовъ, по 600 рублей каждый, на счетъ суммы, назначенной по штату университета на стипендіи и пособія.

Въ командировки съ ученою цѣлію отправлены были въ теченіе 1869 года слѣдующія лица: заслуженный профессоръ *Кесслеръ* — на Волгу, отъ озера Селигера до г. Самары, для ознакомленія съ рыбами этой рѣки и для собранія точныхъ данныхъ относительно образа ихъ жизни и распространенія; заслуженный профессоръ *Срезневскій* — за границу, для археологическихъ изслѣдованій; профессоръ *Градовскій* — въ Москву, для собранія въ Московскихъ архивахъ матеріаловъ, необходимыхъ для издаваемаго имъ сочиненія „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“; консерваторъ минералогическаго кабинета *Иностранцевъ* — въ губерніи Олонецкую и Архангельскую, для геологическихъ розысканій; консерваторъ зоологическаго кабинета *Яржмскій* — на Бѣлое море, для собранія зоологическихъ коллекцій. Кромѣ того, были командированы за границу съ ученою цѣлію: заслуженные профессора *Ивановскій* и *Каземъ-Бекъ*; профессора *Чебышевъ-Дмитріевъ*, *Сухомлиновъ*, *Лютебель*, *Коркинъ* и *Навроцкій*, доценты *Мечниковъ* и *Мельниковъ* и приватъ-доцентъ *Цюнгъ*.

Въ теченіе 1869 года, нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей университета издали въ свѣтъ свои сочиненія и участвовали въ повременныхъ изданіяхъ заграничныхъ и русскихъ, а именно:

Профессоръ *Благовѣщенскій* напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* рецензію на сочиненіе г. Помяловскаго „Маркъ Теренцій Варронъ Катинскій“; профессоръ *Бауеръ* напечаталъ статью „Beiträge zu den Aufenthaltsorten Kaisers Maximilian, aus den russischen Archiven“ — въ *Forschungen zur deutschen Geschichte*; профессоръ *Лютебель* напечаталъ отзывъ о латинско-русскомъ словарѣ Шульца — въ журналѣ *Учитель*, профессоръ *Владиславлевъ* издалъ изслѣдованіе „Философія Плотина, основателя новоплатоновской школы“, и напечаталъ нѣсколько критическихъ статей въ *Журналѣ Министерства*

Народнаго Просвѣщенія объ изученіи отечественной литературы; доцентъ *Миллеръ* напечаталъ диссертацию „Сравнительно-критическія наблюденія надъ словнымъ составомъ народнаго русскаго эпоса: Илья Муромецъ и богатство Кіевское“; доцентъ *Ламанскій* напечаталъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* три статьи подъ заглавіемъ „Непорѣшенный вопросъ“, въ которыхъ изложилъ свое мнѣніе объ образованіи древне-славянскаго языка; профессоръ *Бекетовъ* издалъ послѣдній выпускъ учебника „Руководство къ систематическому изученію ботаники по Л. Любену“; профессоръ *Савичъ* напечаталъ въ *Бюллетень Академіи Наукъ Note relative à une démonstration donnée par Cauchy des équations générales de l'équilibre“*; профессоръ *Овсянниковъ* издалъ изслѣдованіе о развитіи миногъ и вмѣстѣ съ профессорами Ковалевскимъ и Вагнеромъ напечаталъ предварительныя свѣдѣнія о развитіи осетровыхъ рыбъ; профессоръ *Бутлеровъ* помѣстилъ въ *Журналъ Химическаго Общества* результаты своихъ изслѣдованій надъ хлористымъ метиленомъ и бутиленомъ; профессоръ *Менделѣевъ* напечаталъ статьи: 1) Обь опредѣленномъ составѣ предѣльныхъ растворовъ, 2) О соотношеніи свойствъ и атомнаго вѣса элементовъ, 3) Обь атомности элементовъ и о ихъ кислотахъ, 4) О теплоемкости газовъ въ связи съ теплоемкостію другихъ тѣлъ (навлеченіе изъ послѣдней статьи помѣщено въ *Berliner Berichte*), 5) Отчетъ о поѣздкѣ на артельныя сыроварни, 6) О соединеніи спирта съ водою (эта статья въ переводѣ г. Рихтера помѣщена въ *Roggen-dorf's Annalen*), сверхъ того, издалъ 2-й выпускъ сочиненія „Основы химіи“; профессоръ *Пузыревскій* редактировалъ 1-й томъ издаваемыхъ Императорскимъ минералогическимъ обществомъ матеріаловъ для геологін Россіи; профессоръ *Совьтовъ* редактировалъ *Труды* Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества; профессоръ *Петрушевскій* издалъ 4-й выпускъ университетскаго курса наблюдательной физики; профессоръ *Фаминцынъ* напечаталъ статью „Обь отложеніяхъ углекислой извести въ видѣ крахмальныхъ зеренъ“ — въ *Журналъ Гейдельбергскаго общества испытателей природы*; профессоръ *Коркинъ* напечаталъ статьи: 1) „Note sur des équations aux différences partielles du premier ordre“ — въ *Comptes Rendus des séances de l'Institut de France*, 2) Sur les intégrales des équations du mouvement d'un point matériel — въ *Mathematischen Annalen*; профессоръ *Окатовъ* напечаталъ: 1) статью о паровой машинѣ въ 4.000 силъ французскаго панцирнаго фрегата „Фридландъ“, построенной главнымъ инженеръ-механикомъ французскаго флота Дююи-де Ломомъ, 2) отдѣльную бро-

шюру о фабричныхъ паровыхъ машинахъ и управленіи ихъ ходомъ, съ предварительными свѣдѣніями ихъ динамики, 3) статью „Anwendung der allgemeinen Theorie der Bewegung eines elastischen Stabes auf die S.-Petersburger Experimente über Elasticitätsmodul der Metalle“ — въ *Poggendorf's Annalen der Physik der und Chemie*, 4) статью „Ueber das Gleichgewicht eines schweren elastischen Drahtes, dessen Axe eine Schraubenlinie bildet“ — въ *Mathematische Annalen* von Clebsch und Naumann; профессоръ *Меншуткинъ* напечаталъ въ *Журналъ Химическаго общества* нѣсколько своихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ „Синтезъ и свойства уреидовъ“ и редактировалъ 1-й томъ *Журнала* того же общества; доцентъ *Леницъ* напечаталъ: 1) „Ueber einige Eigenschaften des auf galvanischem Wege reducirten Eisens“, 2) „О вліяніи температуры на теплопроводность металловъ“; приватъ-доцентъ *Ционъ* напечаталъ статьи: 1) „Ueber die Brechungscoefficienten der flüssigen Augenmedien“ — въ *Мемуарахъ* Вѣнской академіи наукъ, 2) *Sur les réflexes des nerfs sensibles sur les nerfs vasomoteurs* — въ *Comptes Rendues* Парижской Академіи наукъ; приватъ-доцентъ *Воронинъ* напечаталъ статью „Beitrag zur Kenntniss der Waucherien“ — въ *Botanische Zeitung* и издалъ свои труды подъ заглавіемъ „Микологическія изслѣдованія“; профессоръ *Чебышевъ-Дмитріевъ* напечаталъ сочиненіе „Русское уголовное судопроизводство по судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года“ и редактировалъ газету *Судебный Вѣстникъ*; профессоръ *Градовскій* напечаталъ статьи: 1) „Историческій очеркъ генераль-губернаторствъ въ Россіи“ — въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 2) „Бенжаменъ-Констанъ“ — въ *Журналъ Заря*; доцентъ *Ясонъ* напечаталъ 1-й томъ отчета о своей ученой поѣздкѣ, произведенной для изслѣдованія хлѣбной торговли на югѣ Россіи, подъ заглавіемъ „Пинскъ и его районъ“, и помѣстилъ въ *Журналъ сельскаго хозяйства* хозяйственно-статистическое изслѣдованіе о положеніи свеклосахарнаго производства въ юго-западныхъ губерніяхъ; доцентъ *Тамичевъ* напечаталъ 1-й томъ сочиненія „О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву“ и помѣстилъ нѣсколько главъ изъ втораго тома того же сочиненія въ *Судебной газетѣ*; профессоръ *Каземъ-Бекъ* издалъ въ свѣтъ переводъ на татарскій языкъ псалтыри; профессоръ *Березинъ* издалъ третью часть сочиненія (въ переводѣ съ тибетскаго) „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература“; профессоръ *Григорьевъ* напечаталъ 1-й выпускъ сочиненія (въ переводѣ изъ *Ritter's „Erdkunde Asien's“*) „О китайскомъ Туркестанѣ“; доцентъ *Будаговъ* издалъ въ свѣтъ 2-й выпускъ словаря татарскихъ нарѣчій; доцентъ

Паткановъ издалъ переводъ хронологической исторіи Мхитера Айриванскаго и изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка; лекторъ *Мирза - Шафи* издалъ въ свѣтъ хрестоматію персидскаго языка съ словаремъ; лекторъ *Тернеръ* помѣстилъ въ *British Quarterly Review* двѣ статьи: 1) „The novels of Tourgeneff“, 2) „The novels of Gontscharoff“.

2. *Императорскій Московскій университетъ* состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Физико-математическій факультетъ подраздѣляется на два разряда: математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ.

Чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрамъ было поручено: по кафедрѣ энциклопедіи права — ординарному профессору международнаго права *Капустину* и по кафедрѣ римскаго права — стороннему преподавателю, профессору *Крылову*.

Въ 1869 году были командированы за границу для приготовленія къ профессорскому званію: кандидатъ *Садлеръ* — по кафедрѣ уголовного права и докторъ медицины *Богословскій* — по кафедрѣ патологіи и терапіи съ терапевтической клинкою. Командированнымъ въ 1868 году за границу для усовершенствованія въ наукахъ, доценту токсикологіи *Сушинскому* и исправляющему должность адъюнкта по кафедрѣ химіи *Кириллову*, срокъ командировки былъ продолженъ до 1-го сентября 1869 года.

Изъ окончившихъ въ 1869 году курсъ ученія оставлены при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ: по историко-филологическому факультету — кандидаты *Грудининъ* и *Пьоницкій*; по физико-математическому факультету — кандидаты *Преображенскій*, *Сонинъ* и *Длатовскій*; по юридическому факультету — кандидаты *Рудановскій*, *Левбергъ-Ляпидевскій*, *Комаровскій*, *Боголюбовъ*, *Постниковъ* и *Янжуль*.

Въ командировки съ ученою цѣлю были отправлены: ординарный профессоръ *Захарьинъ* и доценты *Найденовъ* и *Зерновъ* — за границу; ординарный профессоръ *Соколовскій* къ Липецкимъ и Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ.

Въ теченіе 1869 года нѣкоторые изъ преподавателей университета напечатали отдѣльно и помѣстили въ періодическихъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарный профессоръ *Петровъ* напечаталъ въ университетскихъ извѣстіяхъ статью „О главныхъ нарѣчіяхъ сѣверной Индіи“; ординарный профессоръ *Соловьевъ*

издалъ: 1) XIX-й томъ исторіи Россіи, 2) 1-ю часть курса Всеобщей исторіи и 3) напечаталъ въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* продолженіе труда „Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ“; ординарный профессоръ *Полунинъ* напечаталъ рѣчь „О воззрѣніяхъ врачей на болѣзни и на лѣченіе ихъ“; ординарный профессоръ *Буслаевъ* напечаталъ учебникъ русской грамматики и отзывъ о сочиненіи Стасова „О происхожденіи русскихъ былинъ“; ординарный профессоръ *Капустинъ* напечаталъ книгу „Юридическая догматика“, выпускъ 2-й, № 1; ординарный профессоръ *Соколовскій* напечаталъ Курсъ органической фармакологіи; ординарный профессоръ *Браунъ* издалъ 1-й выпускъ руководства въ глазнымъ болѣзнямъ; ординарный профессоръ *Слудскій* помѣстилъ въ математическомъ сборникѣ статьи: 1) „Замѣтка о началѣ наименьшаго дѣйствія“, 2) „Очеркъ теоріи вѣсовъ и взвѣшиванія“; ординарный профессоръ *Кауфманъ* напечаталъ: а) въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* — отчетъ о дѣятельности общества испытателей природы за 1868 годъ, б) *Бюллетень общества испытателей природы* — „О мужскомъ цвѣткѣ *Sonchus*“; ординарный профессоръ *Бунаевъ* напечаталъ въ *Математическомъ Сборникѣ* статьи: 1) „Интегрируемыя формы дифференціальныхъ уравненій перваго порядка“, 2) „Математика, какъ орудіе научное и педагогическое“; ординарный профессоръ *Бабухинъ* напечаталъ: а) въ *Centralblatt für die medicinische Wissenschaft*, статью „Ueber den feineren Bau und Ursprung des Axencylinders“, б) въ *Протоколахъ* 2-го съѣзда естествоиспытателей — краткій отчетъ объ изслѣдованіяхъ развитія нервныхъ элементовъ и электрическихъ органовъ у электрическаго ската; ординарный профессоръ *Соколовъ* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* статью „Средневѣковыя ученія объ отношеніяхъ церкви къ государству“; экстраординарный профессоръ *Поповъ* напечаталъ сочиненіе — „Россія и Сербія, историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ“, въ двухъ томахъ; доцентъ *Борзенковъ* напечаталъ диссертацию „Изъ исторіи развитія яйца и яичника у курицы“; доцентъ *Медведевъ* напечаталъ статью „Значеніе гигиены въ медицинѣ и въ народной жизни“; доцентъ *Толстомятовъ* напечаталъ диссертацию: „Общая задача ученія о кристаллогенезисѣ“; доцентъ *Герцъ* издалъ 1-й выпускъ 2-го тома *Трудовъ* Московскаго Археологическаго общества; лекторъ *Гемиліанъ* напечаталъ 2-ю и 5-ю часть полнаго учебника французскаго языка; астрономъ-наблюдатель *Хандриковъ* напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Общая теорія возмущеній“; приватъ-доцентъ *фонъ-деръ-Брюненъ* напечаталъ

въ *Zeitschrift für Chemie* статью „Ueber die Synthese der wasserfreien Milchsäure“; приватъ-доцентъ *Мансуровъ* издалъ 6-й выпускъ „Навожныхъ болѣзней“, и напечаталъ въ *Московской медицинской газетѣ* практическія замѣчанія „О меркуриализмѣ“; сторонній преподаватель *Лебедевъ* напечаталъ въ *Математическомъ сборникѣ* „Введеніе въ практическую механику“; прозекторъ *Нейдингъ* напечаталъ въ *Horn's Vierteljahresschrift für gerichtliche Medicin* „Beitrag zur pathologischen Anatomie der Pustula maligna beim Menschen“; доцентъ *Черимовъ* напечаталъ въ *Virchow's Archiv* „Zur Lehre von dem diabetes mellitus“.

3. *Императорскій Харьковскій университетъ* состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическій факультетъ подраздѣляется на три разряда: историческихъ наукъ, древнихъ классическихъ языковъ и литературъ, и разрядъ русско-славянскихъ языковъ и литературъ; физико-математическій факультетъ также на три разряда: математическихъ наукъ, физико-химическихъ наукъ и естественныхъ наукъ.

Преподаваніе по вакантнымъ въ 1869 году каѳедрамъ было возложено: по каѳедрамъ энциклопедіи права и римскаго права — на заслуженнаго профессора въ отставкѣ *Станиславскаго*; по каѳедрѣ финансоваго права — на исправляющаго должность профессора политической экономіи и статистики *Сокальскаго*; по каѳедрѣ греческой словесности и древностей — на заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности *Деллена*; по каѳедрѣ политическаго права — на приватъ-доцента *Гаттенбергера*; по каѳедрѣ гражданскаго права — на приватъ-доцента *Цитовича*; по каѳедрѣ терапевтической клиники — на заслуженнаго профессора по каѳедрѣ хирургической клиники *Грубе*. Преподаваніе аналитической механики было поручено приватъ-доценту *Алексѣеву*.

Для замѣщенія каѳедръ славянской филологіи, энциклопедіи права и римскаго права объявлены были конкурсы на апрѣль 1870 года.

Въ 1869 году при университетѣ состояло 7 стипендіатовъ, приготавливавшихся къ профессорскому званію по разнымъ каѳедрамъ.

Съ ученою цѣлію были командированы: ординарный профессоръ *Станкевичъ*, доцентъ *Ковальскій* и ординарный профессоръ *Лазаревичъ* — за границу, послѣдній для принятія участія въ международномъ съѣздѣ врачей во Флоренціи; ординарный профессоръ *Питра 2-й* — въ С.-Петербургъ, для присутствованія на международной выставкѣ садоводства и на съѣздѣ ботаниковъ; ординарный профессоръ

Лавровскій 2-й — въ Москву, для присутствованія на археологическомъ съѣздѣ.

Въ 1869 году были напечатаны слѣдующіе учено-литературные труды преподавателей и другихъ лицъ, состоящихъ при Харьковскомъ университетѣ: ординарнаго профессора *Рославскаго-Петровскаго* — „Исторія древнѣйшаго Халдейскаго царства“; экстраординарнаго профессора *Надлера* — „Культурная жизнь Арабовъ въ первые вѣка геджирь и ея выраженіе въ поэзи и искусствѣ“; ординарнаго профессора *Леваковскаго* — „Способъ и время образованія долинъ на югѣ Россіи“; экстраординарнаго профессора *Степанова* — „Основанія гистологіи животныхъ“, выпуски 1-й и 2-й; доцента *Алекстеева* — 1) „Монографія ученія о притяженіи“, 2) „Теорія потенциаловъ“; доцента *Морозова* — „Матеріалы для объясненія образованія градинъ“; доцента *Шперка* — „О распредѣленіи половъ у растений и о законѣ Дарвина: природа не терпитъ постояннаго оплодотворенія, въ приложеніи къ растительному царству“; экстраординарнаго профессора *Стоянова* — „Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ“; ординарнаго профессора *Лямбли* — „Три случая опухолей яичниковъ, полученныхъ при операціяхъ оваріотоміи, произведенныхъ въ Харьковѣ профессорами Грубе и Лазаревскимъ“; ординарнаго профессора *Лавровскаго* — „Очерки изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета“ — въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*; экстраординарнаго профессора *Лебедева* — 1) „Наша церковно-историческая литература“ — въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 2) въ *Православномъ Обзорѣннѣ* — „Нѣсколько словъ о религиозномъ движеніи въ Чехіи“, 3) „Замѣтка объ“ Очеркѣ исторіи церкви „Михайловскаго“, 4) „Замѣчательныя иностранныя сочиненія по исторіи славянства и его церковной жизни“; ординарнаго профессора *Бекетова* — 1) „Замѣчанія объ атомности элементовъ“, 2) „О новомъ случаѣ образованія оксамида“; ординарнаго профессора *Киченовскаго* — „Флоренція и ея старыя мастера“ — въ *Вѣстникѣ Европы*; ординарнаго профессора *Лазаревича* — 1) „Объ эмбриологіи“, 2) „О нѣкоторыхъ причинахъ смертности дѣтей“, 3) „О постукиваніи“, 4) „Объ акушерскихъ операціяхъ“; всѣ эти статьи были помѣщены въ италіанскихъ газетахъ; доцента *Смицкико* — 1) „О скорости гальваническаго тока въ нервахъ и другихъ неметаллическихъ проводникахъ“, 2) „Случай изъ электротерапевтической практики“ — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*.

4. *Императорскій Казанскій университетъ* состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-матема-

тическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ физико-математическій и юридическій факультеты подраздѣляются на разряды: первый — математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ, а второй — юридическихъ наукъ и государственныхъ наукъ.

Преподаваніе по вакантной кафедрѣ римской словесности было поручено профессору греческой словесности *Улянскому*. Кромѣ того, чтеніе лекцій по вакантнымъ доцентурамъ было возложено: по предмету оперативной хирургіи — на ординарнаго профессора хирургической клиники *Сутковского* и приватъ-доцента *Высоцкого*, по предмету хирургической анатоміи — на ординарнаго профессора физиологической анатоміи *Лесафта*.

Въ 1869 году оставались при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію: лѣкаръ *Розенштейнъ* — по кафедрѣ судебной медицины; кандидатъ *Виноградскій* — по кафедрѣ уголовного судопроизводства и энциклопедіи правовѣдѣнія; кандидатъ *Богдановъ* — по кафедрѣ зоологіи; кандидатъ *Синцовъ* — по геологіи; кандидатъ *Зеленогорскій* — по философіи; лѣкаръ *Несчастливцевъ* — по частной патологіи и терапіи. Сверхъ того, съ тою же цѣлю, были командированы за границу: докторъ медицины *Адамюкъ* — по офтальмологіи; докторъ медицины *Кучинъ* — по экспериментальной физиологіи и докторъ медицины *Левитскій* — по терапіи.

Въ 1869 году были командированы съ ученою цѣлю: ординарные профессора *Вагнеръ*, *Ковалевскій*, *Данилевскій*, *Розенъ*, *Якобій* и *Большани*, экстраординарные профессора: *Гвоздевъ*, *Морковниковъ* и *Головкинскій*, доцентъ *Зайцевъ*, помощникъ прозектора *Богдановъ* и лаборантъ *Леманъ* — всѣ въ Москву, для принятія участія во второмъ съѣздѣ естествоиспытателей; доцентъ *Аристовъ* тоже въ Москву, для присутствованія на археологическомъ съѣздѣ.

Въ теченіе 1869 года нѣкоторые изъ преподавателей Казанскаго университета напечатали отдѣльно и помѣстили въ поврежденныхъ изданіяхъ иностранныхъ и русскихъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарный профессоръ *Добротворскій* — рецензію исторіи греческой церкви Газеманна — въ *Христіанскомъ Читаніи*; доцентъ *Ширсовъ* — сочиненіе „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель въ это время“; доцентъ *Осокинъ* — 1-й томъ сочиненія „Исторія Альбигойцевъ и ихъ временъ“; ординарный профессоръ *Большани* — описаніе инструментовъ, изобрѣтенныхъ имъ для измѣренія температуры при помощи аэростатовъ; ординарный профессоръ *Чу-*

гунговъ — издавалъ *Биржевой Листокъ*; экстраординарный профессоръ *Морковниковъ* — 1) „Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ“ — въ *Журналъ Химическаго общества*, 2) „Превращеніе изобутильнаго спирта въ третичный псевдобутильный алкоголь“, 3) „Ueber die verschiedenen mit der Oxybuttersäure isomeren Säuren“, 4) „Haloidhydrine der Propylens“; экстраординарный профессоръ *Головкинскій* — „О пермской формации въ центральной части Камско-Волжскаго бассейна“; экстраординарный профессоръ *Павловъ* — изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ“; доцентъ *Степановъ* — изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Первые два періода самостоятельнаго существованія науки о полици въ Германіи“; доцентъ *Штилевскій* — изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Семейная власть у древнихъ Германцевъ и Славянъ“; ординарный профессоръ *Владиславлевъ* — 1) „Наблюденія изъ терапевтической факультетской клиники“, 2) „Тромбозъ легочной артерій“ — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*; ординарный профессоръ *Данилевскій* — изслѣдованіе состава продуктовъ распадѣнія и генетическаго сродства между различными бѣлковыми веществами — въ *Zeitschrift für Chemie*; ординарный профессоръ *Ковалевскій* — 1-й выпускъ сборника работъ физиологической лабораторіи Казанскаго университета, гдѣ помѣщено сдѣланное имъ вмѣстѣ съ докторомъ Навалихинымъ изслѣдованіе: о вліяніи измѣненія газоваго объема въ легкихъ на давленіе въ сосудахъ; экстраординарный профессоръ *Лесгафтъ* — 1) „О заглочной сумкѣ у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ“ — въ *Протоколахъ Общества Естествоиспытателей*, 2) „О продольныхъ мышечныхъ волокнахъ прямой кишки“ — въ *Военно-Медицинскомъ Журналѣ*; экстраординарный профессоръ *Гвоздевъ* — „Судебно-медицинскія данныя въ рукахъ адвокатовъ“; доцентъ *Левитскій* — „О вліяніи сѣрнокислаго хинина на температуру и кровообращеніе“ — въ *Centralblatt für die medicinische Wissenschaften*; доцентъ *Щербаковъ* — 1) „Случай анализа спинномозговой жидкости человѣка“ — въ *Военно-Медицинскомъ журналѣ*, 2) „Матеріалы для изученія каменной болѣзни въ Казанской губерніи“ — въ *Архивъ Судебной Медицины*; доцентъ *Догуль* — 1) „О теченіи крови въ сосудахъ нижней конечности“ — въ *Протоколахъ 2-го съезда русскихъ естествоиспытателей*, 2) „Ueber den Musculus Dilator Pupillae bei Säugethieren und Vögeln“ — въ *Archiv für mikropische Anatomie von Max Schultz*; доцентъ *Голубевъ* — 1) „О волосныхъ сосудахъ лягушки“ — тамъ же, 2) „О развитіи нервныхъ полостей въ яйцѣ батрахіи“ — въ *Протоколахъ 2-го съезда*

русскихъ естествоиспытателей; прозекторъ *Арнштейнъ*. — „О катаральномъ воспаленіи легкихъ“ — тамъ же; приватъ-доцентъ *Высокій* — „Объ отравленіи черезъ ухо“ — въ *Протоколахъ Общества Казанскихъ врачей*.

5. *Императорскій университетъ Ос. Владиміра* состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическій факультетъ подраздѣляется на три разряда: славяно-русской филологіи, классической филологіи и разрядъ историческихъ наукъ; физико-математическій факультетъ — на два разряда: математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ.

Преподаваніе по вакантнымъ кафедрамъ было возложено: по кафедрѣ греческой словесности — на доцента по кафедрѣ философіи *Скворцова*; по кафедрѣ энциклопедіи права — на ординарнаго профессора по кафедрѣ важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ *Ренненкампа*; по кафедрѣ исторіи русскаго права — на преподавателя по кафедрѣ государственнаго права *Романовича-Славятинскаго*; по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы — на штатнаго доцента *Линниченко* и по кафедрѣ русской исторіи — на штатнаго доцента *Иконникова*. Сверхъ того, къ чтенію обязательныхъ для студентовъ лекцій были допущены: по кафедрѣ церковной исторіи — профессоръ Кіевской духовной академіи *Терновскій* и по кафедрѣ исторіи русскаго права — кандидатъ законовѣдѣнія *Соколовскій*, оба въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Затѣмъ, нѣкоторые изъ предметовъ по вакантнымъ кафедрамъ, для замѣщенія которыхъ не имѣлось въ виду специалистовъ, излагались профессорами, занимающими другія кафедры, а именно: геогнозія и палеонтологія преподавались профессоромъ минералогіи, физическая географія — профессоромъ физики, церковное законовѣдѣніе — профессоромъ богословія, гигиена и медицинская полиція — профессоромъ судебной медицины.

Въ 1869 году оставлены при университетѣ стипендіатами, для приготовленія къ профессорскому званію, слѣдующія лица: кандидатъ *Куликовъ-Суринъ* — по предмету русской исторіи; кандидатъ *Михайловскій* — по предмету всеобщей исторіи; кандидатъ законовѣдѣнія *Скордели* — по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству и лѣкаръ *Сикорскій* — по предмету общей патологіи. Кромѣ того слѣдующимъ лицамъ, пробывшимъ ужь установленный годичный срокъ въ званіи стипендіатовъ, было продолжено производство стипендій: кандидатамъ *Ермакову* и *Зыглицеву*, для пригото-

ленія къ профессорскому званію по кафедрѣ чистой математики, и кандидату *Зибру* — для усовершенствованія по предмету политической экономіи. Въ томъ же году докторъ медицины *Субботинъ* командированъ за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ по предмету гигиены, медицинской полиціи, медицинской географіи и статистики.

Въ 1869 году были командированы съ ученою цѣлью: ординарные профессора *Хржонцевскій*, *Тютчевъ*, *Авенариусъ*, *Алексеевъ* и *Караваевъ* — въ Москву, для присутствованія на 2-мъ съѣздѣ естествоиспытателей; лаборантъ *Бобрецкій* — въ Крымъ, для изученія морской фауны Крымскаго полуострова и въ особенности представителей ея, принадлежащихъ къ типу червей.

Въ отчетномъ году нѣкоторыми преподавателями университета были изданы отдѣльныя сочиненія или помѣщены статьи въ періодическихъ изданіяхъ, а именно: ординарный профессоръ *Фаворовъ* напечаталъ 3-мъ изданіемъ „Гомилетіку“, въ руководство по церковной словесности; ординарный профессоръ *Бильбасовъ* напечаталъ статьи: 1) „Польское безкорольеве и аббатъ Полиньякъ“ — въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 2) „Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца“; доцентъ *Иконниковъ* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* „Опытъ изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи въ русской исторіи“; приватъ-доцентъ *Драгомановъ* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* изслѣдованіе „Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ“; ординарный профессоръ *Ващенко-Захарченко* напечаталъ замѣтку „О maximum и minimum“ — въ *Математическомъ Сборникѣ*; ординарный профессоръ *Алексеевъ* напечаталъ: 1) „О кристаллической формѣ изобензида“ — въ *Журналъ Русскаго Химическаго общества*, 2) „Объ извлеченіи сока вымочкой пластинокъ свежловицы“ — въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества*; экстраординарный профессоръ *Борцовъ* напечаталъ: а) въ *Бюллетень Академіи Наукъ* и въ *Mélanges Biologiques* — 1) Ein Beitrag zur Pilzflora der Provinz Czernigow, 2) Zur Frage über die Ausscheidung des freien Amoniaks bei den Pilzen, б) въ *Журналъ Русскаго Химическаго общества* — „О свойствахъ и частичномъ строеніи коллоидовъ“, в) въ *Запискахъ Кіевского Общества Естествоиспытателей* — „О ціанинѣ и ксантинѣ“; экстраординарный профессоръ *Вальцъ* напечаталъ въ *Журналъ Русскаго Сельскаго Хозяйства* „О болѣзняхъ культурныхъ растений, зависящихъ отъ грибовъ“ и въ *Запискахъ Кіевского Общества Естествоиспытателей* — „Объ опороживаніи зооспорангіевъ“;

экстраординарный профессоръ *Ковалевскій* напечаталъ: а) въ *Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ* — „Embryologische Studien über Würmer und Arthropoden“, б) въ *Mélanges Biologiques de l'Académie de S.-Pétersbourg* — „Die Entwicklung der Störe bearbeitet von A. Kowalewsky, Owsianikow und C. Wagner. Vorläufige Mittheilung, в) въ *Запискахъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей* — 1) „Почкованіе Perophor Listeri“, 2) „Замѣтки о поѣздкѣ на Каспійское море“; ординарный профессоръ *Сидоренко* напечаталъ сочиненіе „Значеніе рекрутской повинности въ ряду системъ формировапія и комплектованія войскъ“; ординарный профессоръ *Буме* напечаталъ первый томъ полицейскаго права: „О благоустройствѣ“; ординарный профессоръ *Цыгановецкій* напечаталъ сочиненіе „Желѣзныя дороги и государство“, Ч. I; ординарный профессоръ *Кариваевъ* обнародовалъ два случая оваріотоміи — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*; заслуженный профессоръ *Вальтеръ* издавалъ газету *Современная Медицина* и напечаталъ въ газетѣ *Кіевлянинъ* статью объ общественной гигиенѣ и медицинскои статистикѣ; ординарный профессоръ *Гюббенетъ* напечаталъ: 1) „Описаніе обороны Севастополя, медицинская часть“, 2) „Объ участіи народовъ въ полеченіи о раненныхъ воинахъ“ и 3) „Die Berliner nationale Conferenz“ — въ журналѣ *Kriegerheil*; ординарный профессоръ *Мацонъ* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* статью: „О паренхиматозномъ воспаленіи печени, циррозѣ и атрофической мушкатной печени“; ординарный профессоръ *Томса* напечаталъ: 1) „Nerven der Blutcapillaren, 2) предварительное сообщеніе работы г. *Смирчевскаго*: „Zur Physiologie des Kernes der Sympatricusnervenzelle“ — въ *Centralblatt für medicinische Wissenschaften* и 3) „Zur Physiologie des Pedunculi Cerebri“ — въ *Medicinischen Wochenschrift*; ординарный профессоръ *Хржоншевскій* помѣстилъ въ отчетахъ 2-го съѣзда естествоиспытателей: 1) „О всасываніи кожей животныхъ и челоуѣка и о путяхъ всасыванія“, 2) „Дополненіе къ прежнимъ работамъ о строеніи печени и лимфатическихъ сосудовъ“ и 3) „О путяхъ тока крови къ селезенкѣ“.

б) *Императорскій Новороссійскій университетъ* состоитъ изъ трехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго. Историко-филологическій факультетъ подраздѣляется на три разряда: классической филологіи, русско-славянской филологіи и разрядъ историческихъ наукъ; физико-математическій факультетъ также на три разряда: физико-математическихъ наукъ естественныхъ наукъ и разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи.

Преподаваніе по вакантнымъ кафедрѣ въ 1869 году было возложено: по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ—на профессора греческой словесности *Струве*; по кафедрѣ римскаго права—на профессора гражданскаго права *Кунитца* и по кафедрѣ международнаго права—на исправляющаго должность экстраординарнаго профессора энциклопедіи права *Власьева*. Сверхъ того, чтеніе лекцій было поручено по слѣдующимъ предметамъ: по высшей алгебрѣ и аналитической геометріи—экстраординарному профессору механики *Бесселю* и по неорганической химіи—доценту *Верно*.

По случаю командировки въ началѣ 1869 года доцента финансоваго права *Патлаевского* съ ученою цѣлю за границу, преподаваніе этого предмета было приостановлено. Для замѣщенія вакантной кафедры церковной исторіи университетъ пригласилъ магистра С.-Петербургской духовной академіи, настоятеля русской церкви въ Венгріи, протоіерея *Войтковскаго*.

Для приготовления къ профессорскому званію въ 1869 году были оставлены при университетѣ стипендіатами слѣдующія лица: кандидатъ *Аванасевъ*—по предмету всеобщей исторіи, кандидатъ *Косицъ*—по предмету ботаники и кандидатъ *Власенко*—по предмету римскаго права. Кандидату *Ярошецко*, оставленному въ 1868 году стипендіатомъ при университетѣ, для усовершенствованія по предмету чистой математики, срокъ стипендіи былъ продолженъ и на 1869 годъ.

Въ 1869 году были командированы съ ученою цѣлю: экстраординарный профессоръ *Брунъ* и ординарный профессоръ *Сабининъ*—въ Москву, первый для принятія участія въ археологическомъ съѣздѣ, а второй—во 2-мъ съѣздѣ естествоиспытателей; ординарный профессоръ *Беркевичъ*—въ Кіевъ, для обзрѣнія постройки тамошней астрономической обсерваторіи; управляющій учебною фермою *Армфельдъ*—въ С.-Петербургъ, для посѣщенія выставки рогатаго скота; доцентъ *Верно* и ординарный профессоръ *Соколовъ*—за границу.

Въ отчетномъ году нѣкоторые преподаватели университета напечатали отдѣльно или помѣстили въ періодическихъ изданіяхъ иностранныхъ и русскихъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарный профессоръ *Григоровичъ* напечаталъ статью „Замѣчанія объ изученіи эпохи св. Кирилла и Меѳодія“; ординарный профессоръ *Струве* напечаталъ „Путевыя замѣтки“ и помѣстилъ въ *Rheinisches Museum* „Первое Понтійское письмо“; исправляющій должность доцента *Некрасовъ* издалъ изслѣдованіе „О зарожденіи національной литературы въ сѣверной Руси“, и напечаталъ въ особой брошюрѣ

свою рѣчь „О современныхъ задачакъ изученія древне-русской литературы“; ординарный профессоръ *Абашевъ* напечаталъ статью „О механическомъ изслѣдованіи почвъ“; ординарный профессоръ *Вольскій* напечаталъ 1-ю часть сочиненія подъ заглавіемъ: „Рабская обработка земли“; исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Богдановскій* издалъ сочиненіе: „О малолѣтнихъ преступникахъ“; доцентъ *Бернштейнъ* напечаталъ статью „О выдѣленіи сока желудочной желѣзы“; ординарный профессоръ *Леонтовичъ* издалъ 1-й выпускъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія русскаго права“; ординарный профессоръ *Соколовъ* помѣстилъ въ *Annalen der Chemie und Pharmacie* статью „Ueber die Milchsäure aus β — Jodpropionsäure“; ординарный профессоръ *Брикнеръ* помѣстилъ: а) въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*:—1) статью „Война Россіи съ Швеціей 1788—1790 гг.“, 2) разборъ сочиненія г. Патлаевскаго подъ заглавіемъ: „Денежный рынокъ въ Россіи 1700—1762 гг.“, б) въ *Baltische Monatsschrift*—1) статью „Zur Geschichte der Geschichte“, 2) разборъ сочиненія Дройзена о Густавѣ-Адольфѣ; ординарный профессоръ *Сабининъ* помѣстилъ въ *Протоколахъ* 2-го съѣзда естествоиспытателей замѣчанія къ теоріи maximum и minimum опредѣленныхъ интеграловъ, по поводу мемуара Клебша: „Ueber die zweite Variation vielfacher Integrale“; экстраординарный профессоръ *Бессель* помѣстилъ въ *Mathematische Annalen* Клебша „Ueber die Invarianten der einfachsten Systeme simultaner binärer Formen“; экстраординарный профессоръ *Брунъ* помѣстилъ въ *Sitzungsberichte der Bayerischen Academie* „Geografische Bemerkungen zu Schiltberger-Reisen“; доцентъ *Бернштейнъ* помѣстилъ въ *Berichte der Königlich-Sächsischen Gesellschaft* „Zur Physiologie der Pancreasabsonderung“.

7. *Императорскій Дерптскій университетъ* состоитъ изъ пяти факультетовъ: богословскаго, историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическій и физико-математическій факультеты подраздѣляются каждый на два разряда: первый—историко-филологическихъ наукъ и камеральныхъ наукъ, а второй—математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ.

Для приготовленія къ профессорскому званію въ 1869 году командированъ за границу на два года магистръ *Шнейдеръ*—по предмету химіи.

Съ ученою цѣлію были командированы: профессоръ *Гревинъ*—въ Кювенскую губернію и профессора *Флоръ* и *Шмидбергъ*—за границу.

Въ теченіе 1869 года слѣдующіе преподаватели университета издали въ свѣтъ свои сочиненія и помѣстили статьи въ періодическихъ изданіяхъ: профессоръ *Кунцъ* — „Commentar zum Brief an die Hebräer“; профессоръ *Гирнакъ* вмѣстѣ съ докторомъ *Гарлессомъ* издали сочиненіе „Über die kirchliche Verwaltung des Abendmahls“; профессоръ *Александръ Эттингенъ* издалъ „Moralstatistik und Christliche Sittenlehre, T. II“; профессоръ *Фелькъ* издалъ: 1) „Der Chiliasmus, seiner neuesten Bekämpfung gegenüber“, 2) „De summa carminis Jobi sententia“; профессоръ *Энгельманнъ* помѣстилъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ* статью „О введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года“ и напечаталъ второе переработанное изданіе своего сочиненія „О давности по русскому гражданскому праву“, удостоившееся преміи графа Уварова; профессоръ *Освальдъ Шмидтъ* помѣстилъ въ издаваемомъ юридическимъ факультетомъ журналѣ *Zeitschrift für Rechtswissenschaft* статьи: 1) „Das civilprocessualische Verfahren nach Livländischem Landrecht“, 2) „Präjudicien des Livländischen Hofgerichts den Civilprocess betreffend“; профессоръ *Адельманнъ* напечаталъ „Mémoire sur la flexion forcée et permanente des membres, comme moyen d'arrêter les hémorrhagies traumatiques“ — въ *Bulletin de l'Académie royale de Médecine de Belgique*; профессоръ *Гольстомъ* помѣстилъ въ *Beiträge* профессора *Сканцони* статьи: 1) Ueber Hebelpessarien, 2) Ueber Vaginismus“, 3) „Ueber Atresia vaginae“; профессоръ *Вейрихъ* помѣстилъ въ *St.-Petersburger medicinishe Zeitschrift* „Studien über Strichnivergiftung“; профессоръ *Бетхеръ* напечаталъ: 1) „Ueber Entwicklung und Bau des Gehörlabyrinths, nach Untersuchungen an Säugethieren — въ *Verhandlungen der Leopoldinisch-Karolinischen Akademie*, 2) „Ueber den Aquaeductus vestibuli bei Katzen und Menschen“; — въ *Archiv von Reichert und Dubois*, 3) „Ueber das oberflächliche Gefäßsystem des Bothriocephalus latus“, 4) „Ueber Myom einer Vena ulnaris“, 5) „Ueber Varix einer äussern Kopfnerve“, 6) „Zur Kenntniss der Raineischen Schläuche“ — въ *Archiv Virchow's*, 7) „Ueber Lungenmelanose“ — 8) „Ueber Brustdrüsengeschwülste“, 9) „Ueber ein ausgestossenes invaginirtes Darmstück въ *St.-Petersburger medicinishe Zeitschrift*, 10) „Ein polypöses Myom des Pleums — въ *Archiv der Heilkunde*; профессоръ *Драгендорфъ* издалъ: 1) „Materialien zu einer Monographie des Inulins“ — въ *Pharmaceutische Zeitschrift für Russland*, 2) „Новѣйшія изслѣдованія и открытія по судебно-медицинской химіи ядовъ“ — въ *Архивъ Судебной Медицины и Общественной Гигіены*; профессоръ *Фогель* напечаталъ „Die quantitative

„Analyse des Hauttalges“ — въ *Archiv für klinische Medicin*; профессоръ *Стида* издалъ: 1) „Ueber secundäre Fussknochen“, 2) „Ueber das Jochbein des Menschen“, 3) „Ueber den Bau der Puderdünen“, 4) „Ueber den Bau des Polystromum integerrimum“ — въ *Archiv Reichert's*, 5) „Ueber das Vorkommen von Milben im Confect“, 6) „Ueber anatomische Conservations-Methoden“, 7) „Ueber Bau und Entwicklung der Federn въ *St.-Petersburger medicinische Zeitschrift*; профессоръ *Науминъ* издалъ: 1) „Ueber Harnsäureausscheidung“, 2) „Ueber den Einfluss des Centralnervensystems auf die Körpertemperatur“ — въ *Reichert's und Dubois Archiv*; доцентъ *Берманъ* напечаталъ: 1) „Vier ovariotomien“, 2) „Die Lepra in Livland“ — въ *St.-Petersburger medicinische Zeitschrift*; профессоръ *Штрюмелъ* издалъ: 1) „Erziehungsfragen gemeinverständlich erörtert“, 2) „Lehrpläne für Knaben-elementarschulen des Dorpater Lehrbezirks“; профессоръ *Швабе* напечаталъ „Observationum archaeologicarum“, particula I; профессоръ *Мейеръ* издалъ „Die gothische Sprache. Ihre Lautgestaltung insbesondere im Verhältniss zum Altindischen, Griechischen und Lateinischen“; профессоръ *Миндлинъ* напечаталъ „Ueber Ulichs Schrift: die Libausche Wittwen und Weisen—Versorgungs-Anstalt“—въ *Neue Dörptsche Zeitung*, 2) „Über das Bildungsgesetz der Zähler und Nenner bei Verwandlung der Kettenbrüche in gewöhnliche Brüche“—въ *Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du bulletin de l'Académie de St.-Petersbourg*; профессоръ *Ласпере* напечаталъ: 1) „Die Liebigsche Theorie der Bodenerschöpfung“, 2) „Der Einfluss der Wohnung auf die Sittlichkeit“, 3) „Die Gruppierung der Industrie in den grossen Städten — въ *Berliner statistisches Jahrbuch*; профессоръ *Карль Шмидтъ* напечаталъ: 1) „Bodenarten der Baraba“—въ *Mémoires de l'Académie Impériale de St.-Petersbourg*, 2) „Die Phosphoriten Russland's“, 3) „Die Rigaer Cement-Fabrikation“, 4) „Analyse von Sphagnumarten der Torfmoore Ehistlands“, 5) „Superphosphat oder Phosphorit-Pulver“, 6) „Das vermeintliche Guanlager zu Kuckers—въ *Baltische Wochenschrift*; профессоръ *Гревинъ* напечаталъ „Ueber Eisschiebungen am Worzjärwsec in Livland“—въ *Archiv für Naturkunde von Liv-Est-und Kurland*; профессоръ *Артуръ Эттингенъ* издалъ „Meteorologische Beobachtungen von Dorpat im Jahre 1868, nebst Bemerkungen über Beobachtung und Berechnung von Winden“.

8. *Императорскій Варшавскій университетъ* состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математи-

ческаго, юридическаго и медицинскаго, изъ которыхъ ни одинъ не подраздѣляется на разряды.

Для замѣщенія вакантныхъ кафедръ факультетами не было принято никакихъ мѣръ.

Со времени открытія университета до 1-го января 1870 года, командировокъ съ ученою цѣлію не было и никѣмъ изъ преподавателей университета не было издано отдѣльныхъ сочиненій и не помѣщено статей въ періодическихъ изданіяхъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

**штатнаго числа преподавателей и другихъ служащихъ лицъ
съ наличнымъ ихъ числомъ въ университетахъ къ 1-му января
1870 года.**

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	С.-Петербургскомъ.			Московскомъ.			Харьковскомъ.		
	Назначено по штату.	Состоятъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоятъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоятъ на лицо.	
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.
Профессоровъ богословія	1	1	—	1	1	—	1	1	—
Ординарныхъ профессоровъ	34	32	—	39	32	1	39	24	—
Экстраординарныхъ профессоровъ	16	9	—	18	11	—	18	6	—
Доцентовъ и адъюнктовъ	24	20	—	31	22	—	31	16	—
Привать-доцентовъ	—	—	6	—	—	13	—	—	10
Лекторовъ	8	8	—	4	4	—	4	4	—
Преподавателей	—	—	5 ¹⁾	—	—	6	—	—	—
Прозекторовъ	—	—	—	2	2	—	2	2	—
Помощниковъ прозекторовъ	—	—	—	3	3	—	3	3	—
Астрономовъ-наблюдателей	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Ординаторовъ и ассистентовъ клиникъ	—	—	—	8	8	—	8	5	—
Ученыхъ аптекарей	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лаборантовъ	4	4	1	6	6	1	6	6	1
Учителей искусствъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хранителей кабинетовъ	—	8	—	—	2)	—	—	3	—
Повивальныхъ бабокъ	—	—	—	1	1	—	1	2)	—
Ученыхъ садовниковъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Механиковъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вообще	88	83	12	114	91	21	113	70	11
		95			112			81	

¹⁾ Въ томъ числѣ: два преподавателя латинскаго языка, одинъ римскаго права,

²⁾ О замѣщеніи означенныхъ должностей въ отчетахъ Харьковского, Московскаго

³⁾ Здѣсь показаны сверхштатные преподаватели по кафедрамъ русской словес-

⁴⁾ Должность преподавателя началъ архитектуры, которая остается вакантною.

⁵⁾ Въ томъ числѣ показаны профессоръ поликлинники и законоучитель римско-

⁶⁾ Сюда отнесены помощники директоровъ химическаго кабинета и ботаническаго

Назначено по штату.	Казанскомъ.		Св. Владимира.			Новоросійскомъ.			Дерптскомъ.			Варшавскомъ.			ВСЕГО.		
	Состоитъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоитъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоитъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоитъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоитъ на лицо.		Назначено по штату.	Состоитъ на лицо.	
	Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.
1	1	—	1	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	7	7	—
39	29	—	39	26	—	21	18	—	36	35	—	27	25	—	274	221	1
18	7	—	18	12	—	10	5	—	5	5	—	20	19	—	123	74	—
31	13	—	31	8	—	10	8	—	10	6	—	21	14	—	189	107	—
—	—	5	—	—	6	—	—	3	—	—	2	—	—	—	—	—	45
4	1	—	4	2	—	4	4	—	5	5	—	5	5	—	38	33	—
2	1	—	—	—	2 ³⁾	—	—	—	1 ⁴⁾	—	2 ⁵⁾	—	—	—	3	1	15
2	1	—	2	1	—	—	—	—	1	1	—	3	3	—	12	10	—
3	2)	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	9	—
1	1	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	4	3	—
8	2)	—	8	8	—	—	—	—	5	5	—	8	7	—	45	33	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—
6	2)	—	6	6	—	2	2	—	2	2	—	6	5	—	38	31	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4	—	—	—	—	6	4	—
—	2)	—	—	3	—	—	3	—	2 ⁵⁾	2 ⁵⁾	—	2	2	—	4	21	—
1	2)	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—
116	54	5	114	71	8	48	41	3	76	68	4	93	81	—	762	559	64
	59			79			44			72						623	

одинъ турецкаго языка и одинъ татарскаго языка.
и Казанскаго университетовъ не упомянуто.
ности и анатоміи.

католическаго исповѣданія.
сада.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о наличномъ составѣ преподавателей и о числѣ преподавательскихъ вакансій въ университетахъ въ 1868 и 1869 годахъ.

Въ университетахъ.	Состояло на лицо.							Число штатныхъ вакансій.					
	Ординарныхъ профессорствъ.	Экстраординар. профессорствъ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	Приватъ-доцентовъ.	Ординарныхъ профессорствъ.	Экстраординар. профессорствъ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.
<i>С.-Петербургскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	30 ¹⁾	11	18	—	—	8	10	6	5	6	—	—	—
" " " 1870 г.	33	9	20	—	—	8	6	2	7	4	—	—	—
<i>Московскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	34 ²⁾	13	14	2	3	4	12	7	5	17	—	—	—
" " " 1870 г.	34 ²⁾	11	22	2	3	4	13	7	7	9	—	—	—
<i>Харьковскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	24	5	12	2	3	4	11	16	13	19	—	—	—
" " " 1870 г.	25	6	16	2	3	4	10	15	12	15	—	—	—
<i>Казанскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	22	11	13	2	1	2	6	18	7	18	—	2	2
" " " 1870 г.	30	7	13	1	—	1	5	10	11	18	1	3	3
<i>Кіевскомъ св. Владимира.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	21	11	9	—	3	2	3	19	7	22	2	—	2
" " " 1870 г.	27	12	8	1	3	2	6	13	6	23	1	—	2
<i>Новороссійскомъ³⁾.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	16	4	9	—	—	4	4	6	6	1	—	—	—
" " " 1870 г.	19	5	8	—	—	4	3	3	5	2	—	—	—

¹⁾ Въ томъ числѣ 29 штатныхъ и 1 сверхштатный.

²⁾ Въ томъ числѣ 33 штатныхъ и 1 сверхштатный.

³⁾ Число преподавательскихъ вакансій по Новороссійскому университету опредѣлено по временному штату этого университета.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	СОСТОЯЛО НА ЛИЦО.							ЧИСЛО ШТАТНЫХЪ ВАКАНСІЙ.					
	Ординарнхъ профессоръ.	Экстраординар. профессоръ.	Доцентъ и адъюнкты.	Прозекторы.	Помощникъ прозекторы.	Лекторы.	Приватъ-доцентъ.	Ординарнхъ профессоръ.	Экстраординар. профессоръ.	Доцентъ и адъюнкты.	Прозекторы.	Помощникъ прозекторы.	Лекторы.
<i>Дерптскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	37	2	9 ¹⁾	1	—	5	3	—	3	2	—	—	—
" " " 1870 г.	36	5	6	1	—	5	2	1	—	4	—	—	—
<i>Варшавскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1869 г.	33	18 ²⁾	9	2	1	7	9	3	—	2	—	—	2
" " " 1870 г.	25	19	14	3	—	5	—	2	1	7	—	—	—
Всего: къ 1-му января													
1869 г.	217	75	93	9	11	36	58	75	46	87	2	2	6
къ 1-му января 1870 г.	229	74	107	10	9	33	45	53	49	82	2	3	5

Примѣчаніе. Въ числѣ ординарныхъ профессоръ, состоявшихъ на лицо въ университетахъ Имперіи, показаны и профессора богословія.

Въ рубрикѣ Варшавскаго университета за 1869 годъ приведены данныя о числѣ преподавателей бывшей Варшавской главной школы.

¹⁾ Въ томъ числѣ 8 штатныхъ и одинъ сверхштатный.
²⁾ Въ томъ числѣ 3 профессора русскихъ предметовъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о числѣ вакантныхъ кафедръ въ университетахъ въ 1-му января
1870 года.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ.	С.-Петербург- скомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владимира.	Новороссійскомъ.	Дерптскомъ.	Варшавскомъ.	ВСЕГО.
<i>По историко-филологическому факультету.</i>									
а) Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ	1	—	—	1	1	1	—	—	4
б) Исторіи всеобщей литературы	1	1	—	1	1	1	—	—	5
в) Церковной исторіи	1	1	—	—	1	1	—	—	4
г) Теоріи и исторіи искусствъ	1	1	—	1	1	1	—	—	5
д) Философіи	—	—	1	1	—	—	—	—	2
е) Греческой словесности и древностей.	—	—	1	—	1	—	—	—	2
ж) Славянской филологіи.	—	—	1	—	—	—	—	—	1
з) Римской словесности	—	—	—	1	—	—	—	—	1
и) Исторіи русскаго языка и русскаго ли- тературы	—	—	—	—	1	—	—	—	1
і) Русскаго исторіи.	—	—	—	—	1	—	1	—	2
Итого	4	3	3	5	7	4	1	—	27
<i>По юридическому факультету.</i>									
а) Римскаго права	1	1	1	—	—	1	—	—	4
б) Финансоваго права	1	—	1	—	—	—	—	1	3
в) Исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ	1	—	—	—	—	1	—	—	2
г) Исторіи славянскихъ законодательствъ	1	1	—	1	1	—	—	1	5
д) Церковнаго законовѣдѣнія	1	—	—	—	1	—	—	—	2

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ.	С.-Петербург- скомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владимира.	Новороссійскомъ.	Дерптскомъ.	Варшавскомъ.	ВСЕГО.
е) Энциклопедіи права	—	1	1	—	1	—	—	—	3
ж) Полицейскаго права	—	—	1	—	—	—	—	—	1
з) Гражданскаго права	—	—	1	—	—	—	—	—	1
и) Исторіи русскаго права	—	—	—	—	1	—	—	1	2
і) Международнаго права	—	—	—	1	—	1	—	1	3
Итого	5	3	5	2	4	3	—	4	26
<i>По физико-математическому факультету.</i>									
а) Геогнозін и палеонтологіи	1	—	—	—	1	1	—	—	3
б) Физической географіи	1	—	—	1	1	1	—	1	5
в) Зоологіи	—	—	—	1	—	—	—	—	1
г) Астрономіи и геодезіи	—	—	—	—	1	—	—	—	1
д) Минералогіи	—	—	—	—	—	1	—	—	1
е) Агрономической химіи	—	—	—	1	—	—	—	1	2
Итого	2	—	—	3	3	3	—	2	13
<i>По медицинскому факультету.</i>									
а) Гистологіи	—	—	1	—	—	—	—	—	1
б) Гигіены, медицинской полиціи, медицин- ской географіи и статистики	—	—	—	—	1	—	—	—	1
в) Фармаціи и фармагнозін	—	—	—	—	—	—	—	1	1
г) Терапевтической клиникіи	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Итого	—	—	2	—	1	—	—	1	4
Всего по университетамъ	11	6	10	10	15	10	1	7	70

О ЧИСЛѢ И РАСПРЕДѢЛЕНІИ УЧАЩИХСЯ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ И РАЗРЯДАМЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ
КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1870 ГОДА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Ч И С Л О С Т У Д Е Н Т О В Ъ.										Всего.		
	Въ богословскомъ факультетѣ.	Въ историко-филологическихъ факультетѣ.	Въ юридическомъ факультетѣ.	Въ физико-математическомъ факультетѣ.	По разряду юридическихъ наукъ.	По разряду государственныхъ наукъ.	По разряду математическихъ наукъ.	По разряду естественныхъ наукъ.	По разряду физико-химическихъ наукъ.	Въ медицинскомъ факультетѣ.		Въ факультетѣ восточныхъ языковъ.	Общее число студентовъ.
С.-Петербургскомъ	—	—	73	674	44	104	88	—	—	32	1015	132	1147
Московскомъ	—	—	102	881	—	138	57	—	390	—	1568	86	1654
Харьковскомъ	—	—	30	250	—	33	26	—	22	114	475	59	534
Казанскомъ	—	—	51	180	19	54	12	—	140	—	456	41	497
Св. Владимира	—	—	83	262	—	64	41	—	206	—	656	51	707
Новороссійскомъ ¹⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	413	42	455
Дерптскомъ	68	15	69	225	—	24	49	—	184	—	634	13	647
Варшавскомъ	—	—	54	384	—	223	—	—	360	—	1021	99	1120
Всего	68	15	462	1960	63	417	273	22	1394	32	6238	523	6761
				896		223							

¹⁾ Въ отчетѣ Новороссійскаго университета распределеініе студентовъ по факультетамъ и разрядамъ не показано.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

ЧИСЛА СТУДЕНТОВЪ И ВОЛЬНЫХЪ СЛУШАТЕЛЕЙ, СОСТОЯВШИХЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ 1868 И 1869 ГОДАХЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Состояло на лицо.		Въ 1869 году.	
	Къ 1-му ян-варя 1869 г.	Къ 1-му ян-варя 1870 г.	Болье.	Менше.
<i>С.-Петербургскомъ.</i>				
Студентовъ	944	1015	71	—
Вольныхъ слушателей	126	132	6	—
<i>Московскомъ.</i>				
Студентовъ	1611	1568	—	43
Вольныхъ слушателей	118	86	—	32
<i>Харьковскомъ.</i>				
Студентовъ	563	475	—	88
Вольныхъ слушателей	45	59	14	—
<i>Казанскомъ.</i>				
Студентовъ	404	456	52	—
Вольныхъ слушателей	37	41	4	—
<i>Св. Владимира.</i>				
Студентовъ	563	656	93	—
Вольныхъ слушателей	39	51	12	—
<i>Новороссійскомъ.</i>				
Студентовъ	340	413	73	—
Вольныхъ слушателей	21	42	21	—
<i>Дерптскомъ.</i>				
Студентовъ	546	634	88	—
Вольныхъ слушателей	33	13	—	20
<i>Варшавскомъ.</i>				
Студентовъ	595 ¹⁾	1021	426	—
Вольныхъ слушателей	—	99	99	—
Итого: Студентовъ	5566	6238	903	131
Вольныхъ слушателей	419	523	156	52

¹⁾ Здѣсь показано число студентовъ бывшей Варшавской главной школы.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

числа студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетахъ бесплатно и за половинную плату въ 1868 и 1869 годахъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Въ 1868 году.				Въ 1869 году.			
	Общее число студентовъ.	Было освобождено отъ взноса платы.			Общее число студентовъ.	Было освобождено отъ взноса платы.		
		Число лицъ.	Какой процентъ общаго числа студентовъ.	Число стипендіатовъ, стипендіи которыхъ за половину ввину по плату.		Число лицъ.	Какой процентъ общаго числа студентовъ.	Число стипендіатовъ, стипендіи которыхъ за половину ввину по плату.
С.-Петербургскомъ	944	354	37,50	21	1015	1)	—	1)
Московскомъ	1611	672	41,71	32	1568	653	41,64	32
Харьковскомъ	563	40	7,10	—	475	133	28,08	3
Казанскомъ	404	65	16,08	1	456	101	22,15	5
Св. Владиміра	563	241	42,80	1	656	289 ²⁾	44,06	11
Новороссійскомъ	340	139	40,88	—	413	168	40,92	—
Дерптскомъ	546	137 ³⁾	25,09	—	634	150 ²⁾	23,66	—
Варшавскомъ ⁴⁾	595	127	21,34	—	1021	98	9,59	—
Всего	5566	1775	31,89	55	6238	1592	30,48 ⁵⁾	51

1) Число освобожденныхъ отъ взноса платы въ отчетѣ С.-Петербургскаго университета не показано.

2) Эти цифры обозначаютъ число освобожденныхъ отъ взноса платы во второй половинѣ 1869 года.

3) Эта цифра показываетъ число студентовъ, освобожденныхъ отъ взноса платы во второй половинѣ 1868 года.

4) Показанія въ рубрицѣ Варшавскаго университета данныя за 1868 г. относятся къ бывшей Варшавской главной школѣ.

5) Это число процентовъ вычислено по отношенію къ числу студентовъ въсѣхъ университетовъ, за исключеніемъ С.-Петербургскаго.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о стипендіяхъ, существовавшихъ при университетахъ и о числѣ лицъ, пользовавшихся ими въ 1869 году.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ.	Въ 1869 г. было назначено.				Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.	Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.		Р.			К.
		Р.	К.				
<i>С.-Петербургскомъ.</i>							
Его Императорскаго Величества	100	300	—	25191	27	Изъ суммъ государственнаго казначейства.	
Министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾	10	300	—	2475	—		
Новороссійскаго края	6	300	—	1800	—		
Министерства народнаго просвѣщенія.	10	300	—	2400	—		
Пансіонеровъ Государя Императора.	5	300	—	1350	—		
Евангелическо-реформатскаго синода	2	200	—	400	—		
Историко-филологическаго факультета.	15	300	—	4500	—		
Кавказскаго комитета	5	300	—	1200	—		
Вилнскаго учебнаго округа.	2	180	—	325	12		
Св. Кирилла и Меодія.	4	300	—	1200	—		
Кандидатскія, для приготовленія къ испытанію на степень магистра.	10	600	—	6000	—		
С.-Петербургскаго университета	100	180	—	15489	—		

¹⁾ Изъ числа 10 стипендій министерства иностранныхъ дѣлъ, 7 стипендій производились на содержаніе воспитанниковъ гимназій и только три стипендіи предоставлены были студентамъ университета.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДИИ.	Въ 1869 г. было назначено.				Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производилась стипендія.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.		Р.	К.	Р.		К.
		Р.	К.					
С.-Петербургской городской думы	12	300	—	3450	—			
П. П. Демидова	6	600	—	3200	—			
Въ память въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича	1	300	—	300	—			
Графа Муравьева-Амурскаго	2	525	—	1050	—			
Генер.-адъютанта Игнатьева.	1	525	—	525	—			
Дирекціи училищъ Новгородской губерніи	1	150	—	150	—			
Имени: А. Пушкина	1	300	—	300	—			
Еврейнова	2	300	—	450	—			
Дыммана	3	244	51	700	17			
Графа Палена	1	165	—	165	—			
Нарышкина	1	150	—	150	—			
Муссина-Пушкина	1	100	—	100	—			
Князя Юсупова	1	200	—	200	—			
Общества каранювъ	1	250	—	250	—			
Имени князя Суворова	1	85	—	41	65			
Русскаго историческаго общества	1	100	—	100	—			
Всего	305	—	—	73462	21			
<i>Московскомъ.</i>								
Медицинскаго института	80	—	—	Нѣтъ	—	} Изъ суммъ государств. казначейства.		
Вилнскаго учебнаго округа.	7	—	—	свѣдѣніи й.	—			

Изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ.	Въ 1869 г. было назначено.		Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.	Р. К.			
			Р.	К.		
Кавказскаго учебнаго округа	38	—	—	11150	Изъ суммъ государств. казначейства.	
Его Императорскаго Величества	1	—	—	—		
Имени св. Кирилла и Меѳодія	4	300	—	—		
Варшавскаго учебнаго округа	20	360	—	—		
Славянскія	5	отъ 200 до 250	—	—		
Донскаго казачьяго войска .	109 ¹⁾	60 до 300	—	10835		Нѣтъ свѣдѣній.
Терскаго " "						
Кубанскаго " "						
Восточной Сибири	109 ¹⁾	60 до 300	—	10835		99
Западной Сибири						
Наименованій разныхъ благодѣтелей	—	отъ	—	—	—	
Разныхъ казенныхъ учреждений и вѣдомствъ	—	—	—	—	—	
Всего	264					
<i>Харьковскомъ.</i>						
Медицинскія	39	250	—	—	Изъ суммъ государств. казначейства.	
Св. Кирилла и Меѳодія	1	240	—	—		
Для русскихъ уроженцевъ царства Польскаго	1	360	—	—		
Педагогическія, для приготовления учителей въ учебныя заведенія западныхъ губерній .	20	250	—	—		

¹⁾ О распредѣленіи этого числа стипендіатовъ по категоріямъ означенныхъ наименованій нѣтъ свѣдѣній.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ.	Въ 1869 г. было назначено.		Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендіи.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.	Р. К.			
			Р.	К.		
Педагогическія, для приготовленія учителей въ гимназіи и прогимназіи	9	300	—	НѢТЬ СВДѢНІЙ.	Изъ суммъ государств. казначейства	
Донскаго войска	29	340	—		Изъ войсковыхъ суммъ.	
Кубанскаго войска	6	300	—			
Кавказскія	5	250	—		Изъ суммъ государств. казначейства.	
Екатеринославскаго дворянства	1	141	42		Изъ суммъ дворянства.	
Наименованій разныхъ жертвователей и благотворителей	4	отъ 200 до 250	—		НѢТЬ СВДѢНІЙ.	Изъ процентовъ съ пожертвован. капиталовъ.
Всего	115		—			—
<i>Казанскомъ.</i>						
Министерства народнаго просвѣщенія	26	200	—		НѢТЬ СВДѢНІЙ.	Изъ суммъ государств. казначейства.
Тоже	17	300	—			
Тоже	1	нѣтъ свѣд.	—			
Медицинскаго факультета	35	200	—			
Сибирскаго края	13	200	—			
Оренбургскаго края, для магметанъ	4	200	—			
Оренбургской губерніи	1	200	—			
Астраханской губерніи	4	200	—			
Пермской губерніи	4	200	—			
Св. Кирилла и Меѳодія	3	240	—			

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ	Въ 1869 г. было назначено.				Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.		Р.	К.	Р.		К.
		Р.	К.					
Минина и Пожарскаго	5	171	42 ³ / ₄	—	—	—	—	Изъ Нижегородскаго Александровскаго дворянскаго банка.
Оренбургскаго казачьяго войска	5	300	—	—	—	—	—	Изъ войсковыхъ суммъ.
Уральскаго казачьяго войска	3	300	—	—	—	—	—	
Астраханскаго " "	5	308	—	—	—	—	—	
Имени покойнаго Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича	1	250	—	—	—	—	—	Изъ суммъ, собираемыхъ за право слушанія университетскихъ лекцій.
Великаго Князя Владиміра Александровича, въ память Карамзина	3	200	—	—	—	—	—	Изъ суммъ Его Императорскаго Высочества.
Въ память 4-го апрѣля 1866 года	1	200	—	—	—	—	—	Изъ суммъ, жертвуемыхъ членами педагогическаго совѣта Томской гимназій.
Самарскаго губернскаго земства	1	200	—	—	—	—	—	Изъ суммъ земскаго сбора губерніи.
Имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Княжевича . .	2	200	—	—	—	—	—	Изъ суммъ С.-Петербур. биржеваго комитета.
Наименованій разныхъ благотворителей	1	142	85	—	—	—	—	Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.
Всего	135	—	—	—	—	—	—	

Свѣдѣній не доставлено.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДИИ.	Въ 1869 г. было назначено.		Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.	Р.	К.		
						Р.
<i>Св. Владимира.</i>						
Министерства народнаго просвѣщенія	1	200	—	200	} Изъ суммъ государств. казначейства.	
Университетскія	56	Нѣтъ	—	—		
Св. Кирилла и Меодія	4	свѣдѣній.	—	—		
Дворянства Кіевской губерніи	8	143	—	929 50	Изъ суммъ, жертвуемыхъ дворянствомъ.	
Восточной Сибири	—	200	—	200	Изъ суммъ Казанскаго университета.	
Изъ денегъ, присылаемыхъ Черниговскою земскою управою	1	Нѣтъ свѣдѣній.	—	—	На счетъ денегъ, присылаемыхъ дирекц. учил. Волынской губерніи.	
Вѣдомства государственныхъ имуществъ	1		—	—		245
Изъ денегъ, присылаемыхъ Смоленскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства	1		—	—		—
Изъ денегъ, присылаемыхъ Бессарабскою казенною палатою	3	180	—	270		
Изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ и изъ суммъ, присылаемыхъ разными благотворителями	8	отъ 180 до 260	—	1160		
Всего	84	—	—	14264 50		

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ.	Въ 1869 г. было назначено.		Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.	
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.		Р.		К.
		Р.	К.			
<i>Новороссійскомъ.</i>						
Университетскія	28	240	—	НѢтъ свѣдѣній.	} Изъ суммъ государств. казначейства.	
Тоже	21	120	—			
Его Императорскаго Величества	2	250	—			
Бессарабскаго дворянства	23	отъ 140 до 280	—		} Изъ суммъ дворянства.	
Для образованія южныхъ Славянъ	13	отъ 101 до 250	47			
Кубанскаго казачьяго войска	4	300	—		} Изъ войсковыхъ суммъ.	
Виленскаго учебнаго округа.	1	237	77			
Общества сельскаго хозяйства южной Россіи	1	125	—		} Изъ суммъ общества.	
Кавказскаго учебнаго округа.	10	—	—			
Русскаго общества пароходства и торговли	1	150	—		} Изъ суммъ государства. казначейства.	
Наименованій разныхъ жертвователей и благотворителей.	8	отъ 90 до 300	—	} Изъ суммъ общества.		
Издѣлія	—	—	—		} Изъ 0/о съ пожертвованныхъ капиталовъ.	
Всего	112	—	—	—		—
<i>Дерптскомъ.</i>						
Богословскаго факультета	6	—	—	1650	—	
Юридическаго "	4	—	—	283	33	
Медицинскаго "	15	—	—	4650	83	
Историко - филологическаго факультета	11	—	—	1800	—	

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ СУЩЕСТВОВАЛИ СТИПЕНДІИ.	Въ 1869 г. было назначено.			Общая сумма выданныхъ въ 1869 г. стипендій.		Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.
	Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипендіи.		Р.	К.	
		Р.	К.			
Физико-математическаго факультета	1	300	—	300	—	Изъ свѣдѣній.
Вилнскаго реформатскаго синода	3	200	—	600	—	Изъ суммъ синода.
Всего	40	—	—	9284	16	
<i>Варшавской главной школы.</i>						
Казеннокштыя, въ педагогической семинаріи бывшей Главной школы	24	120	—			Изъ свѣдѣній.
Варшавскаго благотворительнаго общества	3	180	—			
На счетъ частныхъ записей.	56	отъ 28 до 300	—			
Всего	83	—	—	—	—	

Примѣчаніе. Въ Варшавскомъ университетѣ, съ 1-го августа 1869 г. по 1-е января 1870 г., стипендіатовъ не было.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

**О ЧИСЛѢ ЛИЦЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ ВЪ УЧЕНЫХЪ И МЕДИЦИНСКИХЪ
СТЕПЕНЯХЪ И ЗВАНІЯХЪ ВЪ 1869 ГОДУ.**

Въ университетахъ и Варшавской главной школѣ по факультетамъ и отдѣлениямъ утверждено въ степеняхъ и званіяхъ.	С.-Петербургскомъ.				Московскомъ.				Харьковскомъ.			
	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Восточныхъ языковъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.
Докторовъ	5	3	—	2	1	1	—	3	—	1	2	2
Магистровъ	2	3	1	2	1	4	2	—	—	2	—	—
Кандидатовъ	9	38	68	5	9	32	67	—	5	34		—
Дѣйствит. студентовъ . .	2	5	18	2	3	12	74	—	—	18		—
Лѣкарей	—	—	—	—	—	—	—	59	—	—	—	8
Губернскихъ врачей . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Уѣздныхъ врачей . . .	—	—	—	—	—	—	—	61	—	—	—	8
Акушеровъ	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Операторовъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Магистровъ фармаціи . .	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Провизоровъ	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	4
Аптекарск. помощниковъ	—	—	—	—	—	—	—	35	—	—	—	14
Дантистовъ	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Повивальныхъ бабокъ . .	—	—	—	—	—	—	—	43	—	—	—	13
Итого	18	49	87	11	14	49	143	233	5	3	2	53
										52		

Примѣчаніе. Въ Варшавскомъ университетѣ, со времени его открытія, дѣйствительныхъ званій не было.

Казанскомъ.				Св. Владимира.				Новороссійскомъ.				Дерптскомъ.				Варшавской Главной школѣ.				Всего.
Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Историко-филологическомъ.	Физико-математическомъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	
1	2	1	1	—	—	2	4	1	—	2	1	1	—	—	20	—	—	—	4	60
1	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	3	30	35	—	93
1	3	11	—	8	13	17	—	7	17	12	7	3	7	27	—	—	—	—	—	400
—	—	—	—	2	5	20	—	4	4	12	13	5	3	5	—	—	—	—	—	207
—	—	—	—	7	—	—	29	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	11	124
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	13
—	—	—	—	9	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	4	99
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	5
—	—	—	—	9	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	16	84
—	—	—	—	10	—	—	43	—	—	—	—	—	—	—	51	—	—	—	27	180
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	4
—	—	—	—	52	—	—	29	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	39	188
3	6	12	88	11	19	39	134	12	21	26	21	9	14	32	122	3	30	35	102	1458

по 1-е января 1870 года. утвержденных въ ученыхъ степеняхъ и ме-

ВѢДОМОСТЬ

о учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ при университетахъ и о состояніи ихъ за 1869 годъ.

	Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.			Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		
		Нумеровъ.	На сумму.			Нумеровъ.	Цѣнностію.	
	Р.		К.	Р.	К.			
<i>С.-Петербургскомъ.</i>								
1. Библіотека:								
книгъ: { названій	41648	1665	—	—	—	43313	} 222209	—
{ томовъ	99263	3282	—	—	—	102545		
2. Астрономическій кабинетъ.	—	1	360	—	—	—	—	—
3. Кабинетъ практической ме- ханики	—	—	—	—	—	143	4182	48 1/2
4. Физическій кабинетъ:								
приборовъ	597	13	550	—	—	610	23870	—
книгъ	—	—	220	—	—	—	—	—
5. Химическая лабораторія:								
Приборовъ, инструментовъ, реактивовъ, образцовыхъ веществъ и проч.	3940	23	472	9	—	3963	10050	4 1/2
6. Минералогическій кабинетъ	3358	32	81	—	—	3390	9189	—
7. Геологическій кабинетъ . .								
8. Ботаническій кабинетъ:								
Сухихъ растений	—	—	—	—	—	23000	—	—
Живыхъ	—	—	—	—	—	75	347	38
Приборовъ и инструментовъ	—	—	—	—	—	—	3153	—
При кабинетѣ оранжеря:								
Живыхъ растений	—	—	—	—	—	1000	1000	—

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.								
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Къ 1-му января 1869 года стоило.	Вновь приобрѣтено въ 1869 году.			Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		
		Нумеровъ.		На сумму.			Цѣнностей.	
		Р.	К.				Нумеровъ.	Р.
9. Зоологическій кабинетъ	12291	1500	800	—	13791	7200 —		
10. Зоотомическій кабинетъ: —								
— Сухихъ препаратовъ	347	82	100	—	429	} 3017 —		
— Спиртовыхъ препаратовъ	170	—	—	—	170			
— Выдутыхъ яицъ	105	80	40	—	185			
11. Физиологическій и анатомическій кабинетъ:								
— Снарядовъ и инструмент.	—	—	705	—	—	} 4046 18		
— Книгъ	—	—	217	—	—			
12. Техническая лабораторія:								
— Приборовъ, инструментовъ и реактивовъ	499	—	1000	—	—	—		
13. Агрономическій кабинетъ	—	—	—	—	500	4500 —		
14. Музей изящныхъ искусствъ:								
— Моделей	—	—	—	—	4960	—		
— Книгъ (томовъ)	499	77	—	—	576	—		
15. Мюнцъ-кабинетъ	7934	52	250	—	7986	10377 —		
<i>Московскомъ.</i>								
1. Библіотека:								
— Книгъ { названій	89658	—	—	—	90706	—		
— { томовъ	148633	—	—	—	150793	—		
— тетрадей	4950	—	—	—	5253	—		

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
		Къ 1-му января 1869 года состояло.		Вновь приобретено въ 1869 году.		Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
				Р.	К.			Р.	К.
При университетской библиотекѣ студенческая библиотека:									
Книгъ	{ названій томовъ	3679	105	—	—	3784	—	—	—
		7312	135	—	—	7447	—	—	—
2. Химическая лабораторія		—	—	—	—	—	—	—	—
3. Зоологическій кабинетъ		77000	—	—	—	95000	—	—	—
4. Минералогич. кабинетъ состоящій изъ трехъ отдѣленій:									
а) большой кабинетъ		10421	1	—	—	10422	—	—	—
б) малый кабинетъ		—	—	—	—	2813	—	—	—
в) палеонтологич. кабинетъ		5793	—	—	—	—	—	—	—
5. Музей патологической анатоміи:									
Препаратовъ, аппаратовъ, книгъ и рисунковъ		1370	—	—	—	1473	—	—	—
6. Астрономическая обсерваторія		—	—	—	—	70	—	—	—
7. Физическій кабинетъ		—	—	—	—	492	—	—	—
8. Ботаническій кабинетъ		—	—	—	—	—	—	—	—
9. Ботаническій садъ		—	—	—	—	—	—	—	—
10. Физиологическ. лабораторія: Снарядовъ, инструментовъ и препаратовъ		—	—	—	—	1172	—	—	—
— Книгъ и рисунковъ		—	—	—	—	382	—	—	—
11. Кабинетъ сравнительн. анатоміи:									
Препаратовъ		—	—	—	—	1755	—	—	—

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.									
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	На сумму.				
					Нумеровъ.		Цѣнностию.		
					Р.	К.	Р.	К.	
Инструментовъ, посуды и книгъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Музей физиологической ана- томіи:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Препаратовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Микроскоповъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Фармацевтическій кабинетъ:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Препаратовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фармакологическихъ экзем- пляровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Книгъ (томовъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посуды	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14. Музей промышленности:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Предметовъ механики . . .	3811	—	—	—	—	—	—	—	—
Книгъ (названій)	600	—	—	—	—	—	—	—	—
15. Кабинетъ изящныхъ ис- кусствъ и древностей . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16. Судебно-медицинскій каби- нетъ:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инструментовъ и снарядовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Препаратовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Книгъ и рисунковъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17. Факультетская терапевти- ческая клиника:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инструментовъ	147	5	—	—	—	—	—	—	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.					
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.		Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
			На сумму.			Цѣностию	
Нумеровъ.		Р.	К.	Нумеровъ.		Р.	К.
При клиникѣ находятся:							
а) лабораторія		—	—	—	—	—	—
б) патолого-анатомическій кабинетъ		—	—	—	—	533	—
18. Факультетская хирургическая клиника:							
Инструментовъ		—	—	—	—	635	—
Препаратовъ		—	—	—	—	206	—
19. Факультетская акушерская клиника:							
Инструментовъ и препаратовъ		349	24	—	—	373	—
20. Клиника болѣзней половыхъ и мочевыхъ органовъ:							
Инструментовъ		—	—	—	—	144	—
21. Факультетская дѣтская клиника:							
Инструментовъ		—	—	—	—	36	—
22. Госпитальная клиника, состоящая изъ трехъ отдѣленій:							
а) терапевтическое отдѣленіе							
б) нервное							
в) хирургическое							
<i>Харьковскомъ.</i>							
1. Университетская библіотека:							
Книгъ	{ названій	38268	—	—	—	88970	—
	{ томовъ	76478	—	—	—	77716	—

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.										
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	Цѣнностей.					
					Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Р. К.	
						Р.	К.		Р.	К.
При ней студенческая би- блиотека:										
Книгъ (названій)	1470	—	—	—	1476	—	—	—	—	—
2. Астрономическій кабинетъ.	166	1	—	—	167	—	—	—	—	—
3. Физическій кабинетъ	506	—	—	—	511	—	—	—	—	—
4. Кабинетъ физической гео- графіи	17	—	—	—	30	—	—	—	—	—
5. Химическая лабораторія . .	1383	—	—	—	1683	—	—	—	—	—
При ней медицинское отдѣ- леніе.	—	—	—	—	200	—	—	—	—	—
6. Минералогическ. кабинетъ.	11970	—	—	—	905 11082	—	—	—	—	—
7. Геологическій кабинетъ съ палеонтологическимъ со- браніемъ	3255	—	—	—	4383	—	—	—	—	—
8. Ботаническій садъ:										
Видовъ растений	3800	—	—	—	3926	—	—	—	—	—
9. Ботаническій кабинетъ:										
Коллекцій и разныхъ пред- метовъ.	141	4	—	—	145	—	—	—	—	—
10. Зоологическій кабинетъ . .	16654	—	—	—	16736	—	—	—	—	—
11. Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіей	1425	—	—	—	1464	—	—	—	—	—
12. Физиологическій кабинетъ съ лабораторіей	162	29	—	—	191	—	—	—	—	—
13. Техническій кабинетъ съ лабораторіей	1244	—	—	—	1296	—	—	—	—	—
14. Агрономическій кабинетъ съ лабораторіей	1139	—	—	—	1177	—	—	—	—	—

1) Эти 905 номеровъ переданы въ геологическій кабинетъ.

		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.					
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Къ 1-му января 1869 года состояло.	Вновь приобрѣтено въ 1869 году.		Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		— Нумеровъ. —	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣнностію.	
			Р.	К.		Р.	К.
15.	Музей физиологической анатоміи	725	—	—	—	752	—
16.	Музей патологической анатоміи: Патологическихъ препаратовъ	—	—	—	—	—	—
	Книгъ и инструментовъ и разныхъ вещей.	—	—	—	—	1388	—
17.	Гистологическій кабинетъ	60	—	—	—	97	—
18.	Фармацевтическія лабораторія и кабинетъ.	372	—	—	—	340	—
19.	Хирургическій и офтальмологическій кабинеты	1141	67	—	—	1208	—
20.	Акушерскій кабинетъ	604	—	—	—	615	—
21.	Судебно-медицинскій кабинетъ	44	—	—	—	64	—
22.	Метеорологическая обсерваторія (открыта въ сентябрѣ 1869 года)	—	—	—	—	35	—
23.	Музей изящныхъ искусствъ	1317	—	—	—	1333	—
24.	Собраніе монетъ и медалей	22103	—	—	—	22106	—
25.	Факультетская терапевтическая клиника и при ней Маньковское электротерапевтическое заведеніе: Разныхъ снарядовъ	—	—	—	—	—	—
		314	25	—	—	339	—
26.	Факультетская хирургическая клиника.	—	—	—	—	—	—
27.	Факультетская акушерская клиника	—	—	—	—	—	—

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрь- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		Цѣнностію.	
				Нумеровъ.	На сумму.	Нумеровъ.	Р. К.
				Р.	К.	Р.	К.
<i>Казанскомъ.</i>							
1. Главная бібліотека:							
Книгъ { названій . . .	30356	1263	—	—	—	31619	} 82 ^{1/2}
{ томовъ . . .	—	—	—	—	—	65476	
Періодическихъ изданій: на- званій	756	6	—	—	—	762	} 68 ^{1/4}
Томовъ	—	—	—	—	—	11154	
Рукописей	793	4	—	—	—	797	—
Плановъ, гравюръ, эстам- повъ и фотографій	286	1	—	—	—	—	—
При ней студенческая би- біотека:							
Книгъ { названій . . .	2724	111	—	—	167	2668	} 23758
{ томовъ	—	—	—	—	—	11128	
Періодическихъ изданій . .	106	1	—	—	—	107	63
Рукописей, плановъ, гра- вюръ, эстамповъ и фото- графій	27	—	—	—	—	27	—
2. Астрономическая observa- торія	63	—	—	—	—	63	35682 56
3. Физическій кабинетъ . . .	851	52	1473	25 ^{1/2}	1	902	34431 45
4. Химическая лабораторія:							
Инструментовъ и снаря- довъ	739	24	243	39	—	763	9042 70
Матеріаловъ и посуды . . .	—	—	1947	4	—	—	2142 4 ^{1/2}
5. Минералогическ. кабинетъ:							
Минеральныхъ штуфовъ . .	2159	103	46	—	—	—	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.		Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Кристаллографическихъ мо- делей		2159	—	—	—	—	—	15188	93
Аппаратовъ		40	—	—	—	—	—		
Инструментовъ, посуды и реагентовъ		—	—	226	74	—	—	—	—
6. Кабинетъ физической гео- графіи		Состояніе этихъ учреждений по отчету университета показано вмѣстѣ съ физиче- скимъ кабинетомъ.							
7. Метеорологическая обсерва- торія									
8. Геологическій и палеонто- логическій кабинеты:									
— Окаменѣлостей и горныхъ породъ		4170	2044	411	70	—	—	—	—
— Инструментовъ, приборовъ		52	—	—	—	—	—	—	—
— Картъ и рисунковъ		22	—	—	—	—	—	—	—
9. Ботаническій садъ:									
— Растеній		4736	32	—	—	—	4768	—	—
— Инструментовъ и посуды .		147	30	135	64	—	177	—	—
10. Ботаническій кабинетъ:									
— Инструментовъ и приборовъ		49	22	84	65	—	—	—	—
— Книгъ (томовъ)		92	22	98	58	—	114	—	—
11. Физиологическій кабинетъ		—	—	460	65	—	—	3819	12 ³ / ₄
12. Технологическій кабинетъ.		2344	—	—	—	—	2344	2518	82 ¹ / ₂
При немъ техническая ла- бораторія:									
— предметовъ		4760	50	64	2	56	4754	6078	22
— матеріаловъ		—	—	627	51	—	—	129	1) 91

1) Уменьшеніе стоимости запаса матеріаловъ объясняется употребленіемъ ихъ для опытовъ.

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
		Къ 1-му января 1869 года состояло.	Вновь приобретено въ 1869 году.	Убыло.		Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
		Нумеровъ:		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
				Р.	К.			Р.	К.
13.	Агрономическій кабинетъ съ лабораторіей	—	—	—	—	—	—	—	—
14.	Музей физиологической анатоміи	—	—	—	—	—	4077	7343	1 1/2
15.	Музей патологической анатоміи	—	—	547	76	—	—	7420	39
16.	Медико-химическая лабораторія:								
	Инструментовъ и снарядовъ	201	187	778	—	108	280	1732	—
	Матеріаловъ и посуды . .	203	563	741	—	362	404	711	—
17.	Фармакогностическій кабинетъ съ фармацевтич. лабораторіей:								
	Фармакогностическихъ предметовъ	289	38	117	20	25	302	353	85
	Фармацевтическихъ и химическихъ препаратовъ . .	132	12	13	50	14	130	127	80
	Секретныхъ и восточныхъ средствъ	124	—	—	—	—	124	127	40
	Снарядовъ и моделей . .	221	3	6	50	2	222	754	92
	Книгъ	21	—	—	—	—	21	263	50
18.	Фармакологическій кабинетъ	—	—	599	57	—	—	1313	52
19.	Хирургическій кабинетъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—
20.	Акушерскій кабинетъ . . .	172	11	189	26	—	183	1754	22 1/4
21.	Факультетская терапевтическая клиника:								
	Аппаратовъ, инструментовъ и разныхъ вещей	191	82	166	45	—	222	—	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.				
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
	Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣнностію.	
		Р.	К.		Р.	К.
22. Факультетская хирургиче- ская клиника	—	—	—	—	—	—
23. Факультетская акушерская клиника	—	—	—	—	—	—
24. Факультетская гинекологи- ческая клиника	—	—	—	—	—	—
25. Госпитальная клиника, со- стоящая изъ двухъ отдѣ- лений: терапевтическаго и хирур- гическаго.	781	102	—	—	—	—
26. Кабинетъ рѣдкостей и этно- графій	910	—	—	—	910	2943 86
<i>Св. Владимира.</i>						
1. Библіотека:						
Книгъ: { названій	70223	1389	} 5020	84	{ 6 71606	} 219314
{ томовъ	118718	2302				
Періодическихъ изданій (на- званій).	456	265 ¹⁾	2274	52 ^{3/4}	—	477 34004 31 ^{1/4}
Рукописей, плановъ, гра- вюръ, эстамповъ и ри- сунковъ	795	—	—	—	—	795 1594 56 ^{3/4}
Студентскій отдѣлъ библио- теки:						
Книгъ: { названій	5530	93	} 351	65 ^{1/4}	{ 6 5617	} 17955
{ томовъ	10889	187				
Періодическихъ изданій (на- званій).	63	23 ²⁾	222	—	—	69 3180 74 ^{1/4}

¹⁾ Въ томъ числѣ 244 продолженій.

²⁾ Въ томъ числѣ 22 продолженій.

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.									
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.									
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.		Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.		Убыло.		Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Нумеровъ:		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
		Р. К.		Р. К.		Р. К.		Р. К.	
2. Астрономическая обсерва- торія.		—	—	—	—	—	—	—	—
3. Кабинетъ практической ме- ханики: Геодезическихъ инструмен- товъ, моделей и машинъ.		134	2	—	—	136	—	—	—
4. Физическій кабинетъ: Инструментовъ и снарядовъ		607	5	—	—	612	23671	—	—
Книгъ, періодическихъ из- даній, рисунковъ, глобу- совъ и проч.		106	6	—	—	112	455	—	—
5. Химическая лабораторія и кабинетъ: Книгъ (томовъ)		183	1832	141	30	215	844	1	—
Инструментовъ, приборовъ и проч.		3813	82	816	60	2	3893	1782	72
Препаратовъ и посуды . .		11147	237	470	63	173	11211	—	—
6. Минералогическій кабинетъ: Минераловъ, горныхъ по- родъ и окаменѣлостей .		22440	73	52	—	—	22518	15425	45
Инструментовъ и приборовъ		62	6	236	50	—	68	1426	15
Книгъ, періодическихъ из- даній, картъ и плановъ.		242	18	166	20	—	260	1797	40
7. Метеорологическая обсер- ваторія		—	4	372	—	—	4	372	—
8. Ботаническій садъ: Растеній (видовъ).		6513	—	—	—	—	6559	—	—
Сѣмянъ.		2905	—	—	—	—	—	—	—

*) Эта цѣнность, значащаяся по каталогу кабинета, значительно превышаетъ настоящую стоимость приборовъ и инструментовъ.

		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.					
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.			Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.
		Нумеровъ.		На сумму.		Цѣнностію.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
9. Ботаническій кабинетъ:							
Книгъ (названій)	257	19	—	—	—	276	—
Періодическихъ сочиненій (названій)	8	—	—	—	—	8	—
10. Университетскій гербарій .							
11. Зоологическій кабинетъ . .		3760	—	—	—	3760	—
При немъ лабораторія:							
Книгъ (названій)	178	30	—	—	—	208	—
Инструментовъ и препара- товъ	228	1	29	—	—	229	—
12. Техническій кабинетъ:							
Инструментовъ и снарядовъ	81	—	1	—	—	82	1728 80
Книгъ, періодическихъ из- даній, рисунковъ и т. п.	351	8	103	12	—	359	1660 85
При кабинетѣ лабораторія:							
Инструментовъ, снарядовъ, препаратовъ и проч.	1091	230	620	—	35	1286	7813 70
13. Зоотомическій кабинетъ:							
Препаратовъ	2647	—	—	—	—	2679	—
При кабинетѣ лабораторія.							
14. Физиологическая лаборато- рія:							
— Аппаратовъ и инструмен- товъ	231	62	—	—	—	293	—
15. Анатомическій театръ . .							
16. Агрономическій кабинетъ:							
Моделей, машинъ, древес- ныхъ породъ и проч.	730	—	—	—	—	730	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.		Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
				Р.	К.			Р.	К.
17. Патологико-анатомическій музей:									
Препаратовъ	1407	50	—	—	—	1457	—	—	
При немъ лабораторія. . .									
18. Фармакологическая лабора- торія и кабинетъ:									
Аппаратовъ и инструмен- товъ	157	96	205	30	—	253	1144	74	
Книгъ	64	8	22	95	—	72	335	97	
19. Фармацевтическая лабора- торія	714	35	154	—	—	749	5936	76	
20. Кабинетъ при хирургиче- ской факультетской кли- никѣ:									
Инструментовъ, аппаратовъ и машинъ	638	29	292	70	—	667	6061	82½	
21. Кабинетъ при акушерской факультетской клиникѣ:									
Аппаратовъ и инструмен- товъ	1175	83	82	25½	—	1258	2376	9	
22. Кабинетъ судебной меди- цины:									
Инструментовъ и аппара- товъ	110	3	26	—	—	113	1625	31	
23. Музей древностей и худо- жествъ:									
Книгъ и періодическихъ из- даній, плановъ, рисун- ковъ и проч.	52	—	—	—	—	52	927	50	
Предметовъ искусства и древностей	1552	—	—	—	—	1552	10326	50	
24. Собраніе монетъ и медалей.	29249	64	—	—	—	29313	28002	50	

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.						
	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.				Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.
		На сумму.		Цѣнностію.			
Нумеровъ.	Р.	К.	Нумеровъ.		Р.	К.	
25. Факультетская терапевти- ческая клиника							
26. Факультетская хирургиче- ская клиника.							
27. Факультетская акушерская клиника.							
28. Терапевтическая госпиталь- ная клиника.							
29. Хирургическая госпиталь- ная клиника.							
30. Кабинетъ при хирургиче- ской госпитальной кли- никѣ:							
Книгъ	174	—	—	—	174	} 4800 —	
Снарядовъ, инструментовъ и препаратовъ	480	—	—	—	480		
31. Университетская дермато- логическая клиника (при Киевскомъ военномъ гос- питалѣ):							
Аппаратовъ, инструментовъ, посуды и книгъ	73	3	98	22	76	300 —	
32. Лабораторія медицинской химіи:							
Книгъ (названій)	22	10	85	—	32	277 —	
Инструментовъ, аппаратовъ, посуды, препаратовъ и проч.	3610	360	427	—	367	3603 5902 —	

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.		Въ 1-му января 1869 года со- стояло.		Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.		Убыло.		Въ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Кол-во	Въ руб.	Кол-во	Въ руб.	Кол-во	Въ руб.	Кол-во	Въ руб.
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностей.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Новороссійскомъ.</i>									
1. Библіотека:									
Книгъ и журналовъ:									
	{ названій . . .	21120	7603	} 28232	13	—	28723	} 108843	9
	{ томовъ . . .	46915	11193						
	рукописей . .	83	—						
Студентскій отдѣлъ библио- теки:									
	{ названій . . .	3026	36	} 218	87	—	3062	} 2079	15
	{ томовъ	5669	86						
2. Астрономическій кабинетъ:									
Инструментовъ и моделей 34 32 1811 68 — 66 8110 81									
Разныхъ вещей 35 36 201 74 — 71 559 44									
3. Физическій кабинетъ:									
Приборовъ и книгъ 570 123 2446 76 11 682 — —									
4. Химическая лабораторія 830 448 9614 42 — 1278 19960 8									
5. Минералогическій и палеон- тологическій кабинетъ 6634 29 — — — 6663 5800 4									
6. Кабинетъ физической гео- графій и метеорологій:									
Приборовъ, картъ и проч. 74 28 — — 3 99 — —									
7. Ботаническій кабинетъ:									
Сухихъ растений (экземпл.) 46353 — — — до 47000 2742 95 ^{1/2}									
Инструментовъ и аппара- товъ — — — — — 38 762 69									
Разныхъ вещей — — — — — 1844 10									

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.						
	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрь- тено въ 1869 году.			Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Нумеровъ.	На сумму.			Нумеровъ.	Цѣнностію.
		Р.	К.		Р.	К.	
8. Зоологическій кабинетъ	7644	272	2239	41 ¹ / ₂	—	7916	17911 3
9. Зоотомическій кабинетъ	402	102	—	—	—	504	4121 31
10. Физиологическій кабинетъ	63	6	—	—	—	69	1533 61 ¹ / ₂
11. Кабинетъ практической ме- ханики.	23	—	—	—	—	23	2098 60
12. Музей изящныхъ искусствъ	—	—	—	—	—	—	—
13. Агрономическая лаборато- рія.	282	168	2583	65	—	450	7265 —
14. Учебная ферма:							
Орудій, машинъ, инстру- ментовъ	33	15	—	—	—	48	— —
Воловъ и лошадей (штукъ)	—	8	—	—	—	8	— —
Мебели и разныхъ предме- товъ	—	—	—	—	—	65	— —
<i>Дертскомъ.</i>							
1. Общая университетская би- бліотека:							
Книгъ и періодическихъ из- даній	112072	3596	7150	—	—	115668	— —
Рукописей	687	—	—	—	—	687	— —
Плановъ, картъ и рисунковъ	5533	2	4	—	—	5535	— —
2. Музей изящныхъ искусствъ:							
Древностей и художествен- ныхъ произведеній	7188	10	644	—	70	7128	— —
Собраніе монетъ и моделей	7376	—	—	—	—	7376	— —
Этнографическое собраніе	83	—	—	—	—	83	— —
При музеѣ бібліотека.	958	20	88	—	—	978	— —

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.						
	Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.			Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Нумеровъ.	На сумму.			Нумеровъ.	Цѣнностію.
		Р.	К.		Р.	К.	
3. Центральный музей отече- ственныхъ древностей	3764	137	40	—	—	3901	—
4. Рисовальная школа	3463	199	51	—	—	3662	—
При ней бібліотека	—	94	173	—	—	94	—
5. Математическій кабинетъ	130	—	—	—	—	130	—
При немъ бібліотека	257	3	13	—	—	260	—
6. Физическій кабинетъ	815	23	534	20	—	838	—
При немъ бібліотека	66	1	—	60	—	67	—
7. Химическій кабинетъ съ ла- бораторіей	768	4	38	50	10	762	—
При немъ бібліотека	180	6	41	37	—	186	—
8. Минералогическій кабинетъ	32957	1284	275	—	—	34241	—
При немъ бібліотека	461	24	100	—	—	485	—
9. Ботаническій садъ	11880	1398	—	—	645	12633	—
10. Зоологическій музей	15523	2	290	—	—	15525	—
При немъ бібліотека	41	5	125	—	—	46	—
11. Экономическій кабинетъ съ лабораторією для сель- ско-хозяйственной химіи	987	2	8	—	—	989	—
При кабинетъ бібліотека	297	12	100	—	—	309	—
12. Обсерваторія	141	6	129	—	—	147	—
При ней бібліотека	2275	41	120	—	—	2316	—
13. Анатомическій театръ:							
а) Собраніе по части чело- вѣческой анатоміи	559	127	67	65	—	686	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.						
		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
		Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣнностію.		
			Р.	К.		Р.	К.	
б) Собраніе по части срав- нительной анатоміи. . .		2246	4	45	—	2250	—	—
При театрѣ библіотека . .		120	7	30	50	127	—	—
14. Физиологическій институтъ.		205	3	25	—	208	—	—
При немъ библіотека . . .		—	8	68	—	8	—	—
15. Патологическій институтъ .		1211	81	50	—	1292	—	—
При немъ библіотека . . .		58	7	40	—	65	—	—
16. Фармакологическій инсти- тутъ.		1171	1	6	—	1172	—	—
17. Фармацевтическій инсти- тутъ съ лабораторією. .		2132	28	418	28	2160	—	—
При институтѣ библіотека.		273	10	43	40	283	—	—
18. Терапевтическая клиника:								
При ней библіотека . . .		528	7	57	95	535	—	—
19. Хирургическая клиника:								
При ней: а) хирургическое собраніе . . .		1630	22	42	95	1652	—	—
б) библіотека . . .		809	11	70	65	820	—	—
20. Офтальмологическая клиника:								
При ней: а) собраніе офтал- мOLOGическихъ инструментовъ.		230	—	—	—	230	—	—
б) библіотека. . .		211	48	62	13	259	—	—
21. Родильная клиника:								
При ней: а) собраніе акушер- скихъ инструмен- товъ		321	18	115	—	339	—	—
б) библіотека . . .		563	126	112	—	689	—	—

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.		Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.		Убыло.		Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.									
22. Госпитальная клиника. —									
<i>Варшавскомъ</i> ¹⁾ .									
1. Физическій кабинетъ съ ла- бораторіею.		—	—	—	—	—	—	647	12067 6 ¹ / ₂
2. Химическая лабораторія и кабинетъ:									
Снарядовъ и мебели. . . .		354	335	303	75	—	—	689	4230 89 ¹ / ₂
Посуды и матеріаловъ . . .		—	—	230	96	—	—	—	550 58
3. Кабинетъ и лабораторія технической химіи . . .		Собственныхъ снарядовъ не имѣютъ.							
4. Мнералогическій кабинетъ		}							
5. Геогностическій и палеон- тологическій кабинетъ .									
6. Ботанический кабинетъ . .		5040	2	75	—	—	—	5042	6409 37
7. Зоологическій кабинетъ . .		80974	545	795	75	—	—	81519	40367 57
При немъ библіотека		686	—	—	—	—	—	685	1241 64 ¹ / ₂
8. Зоотомическій кабинетъ и лабораторія:									
Препаратовъ		1330	60	271	25	—	—	1390	8686 65 ¹ / ₂
Инструментовъ, книгъ и пр.									
		1058 33							
9. Физиологическій и гистоло- гическій кабинетъ съ ла- бораторіей		177	20	238	20	—	—	197	2885 29 ¹ / ₂
10. Кабинетъ и лабораторія па- тологической анатоміи .		740	—	—	—	—	—	740	8050 97 ¹ / ₂
11. Кабинетъ и лабораторія фи- зиологической анатоміи .		743	—	—	—	—	—	743	4446 83 ¹ / ₂

¹⁾ Со времени открытія университета, то-есть, съ 1-го августа 1869 года.

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.										
ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.				Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		
	Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣнностію.			Р.	К.	
		Р.	К.		Р.	К.				
12. Кабинетъ акушерства . . .	209	—	—	—	—	—	209	1050	41	
13. Кабинетъ хирургическій и офтальмологическій . . .	1301	—	—	—	—	—	1301	4719	85	
14. Кабинетъ фармакологиче- скій	138	—	—	—	—	—	138	253	—	
15. Фармацевтическій кабинетъ съ лабораторіей	3945	—	—	—	—	—	3945	2550	53	
16. Варшавская главная би- бліотека:										
Книгъ { названій . . .	82819	1057	} 6154	56	83820	} 124979	8			
{ томовъ	137307	1625		98	138834		4			
Періодическихъ изданій (на- званій).	2501	147		58	12		2636	36		
Плановъ, картъ, нотъ, ру- кописей, фотографій и пр.	5946	677		8	6615		6			
Студенческая бібліотека:										
Книгъ { названій . . .	—	—	}	—	1553	}	—	—	—	
{ томовъ	—	—		—	3167		—	—		
17. Нумизматическій кабинетъ.	10399	11	3	—	3	10407	4233	74		
18. Музей древностей	—	—	—	—	—	433	3002	25		
19. Музей изящныхъ искусствъ:										
Картинъ	—	—	—	—	—	83	16006	50		
Скульптурныхъ произведеній	—	—	—	—	—	698	4997	32		
Фотографій и книгъ	—	—	—	—	—	28	114	65		
20. Обсерваторія астрономиче- ская и метеорологиче- ская:										
Инструментовъ	—	—	—	—	—	101	22836	26		

ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.		Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.							
		Къ 1-му января 1869 года состояло.	Вновь приобрѣтено въ 1869 году.				Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
		Нумеровъ.		На сумму.		Нумеровъ.		Цѣнностію.	
				Р. К.				Р. К.	
	Книгъ, картинъ, чертежей и моделей	—	—	—	—	—	—	7094	83 ^{1/2}
21.	Ботаническій садъ:								
Растеній.	Въ учебной части сада видовъ)	6673	—	—	—	—	6903	—	—
	Въ практической части сада:								
	да: { сортовъ	—	—	—	—	—	1163	—	—
	{ штукъ	—	—	—	—	—	53769	—	—
22.	Терапевтическая факультетская клиника:								
	При ней кабинетъ:								
	Инструментовъ, книгъ и пр.	—	—	—	—	—	141	902	52 ^{1/2}
23.	Хирургическая, факультетская клиника съ офтальмологическимъ отдѣленіемъ.								
24.	Клиника акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.								
25.	Госпитальное судебно-медицинское отдѣленіе.								
	При немъ кабинетъ	—	—	—	—	—	409	1086	42

Примѣчаніе. Недостающія въ этой вѣдомости данныя о состояніи и цѣнности многихъ еще учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ отчетахъ университетовъ не показаны.

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ БОЛЬНЫХЪ И ХОДѢ ИХЪ ЛѢЧЕНІЯ ВЪ КЛИНИКАХЪ, ПОДВѢДОМСТВЕННЫХЪ УНИВЕРСИТЕТАМЪ, ЗА 1869 ГОДЪ.

ВЪ КЛИНИКАХЪ.	БОЛЬНЫХЪ.					Число кроватей.	
	Въ 1 янв. 1869 года состояло.	Въ 1869 году принято.	Выздоровѣло.	Выбыло обреченными и неизлечимыми.	Умерло.		Въ 1 янв. 1870 г. оставалось.
<i>Московскаго университета</i> 1).							
Факультетской терапевтической . . .	347 2)		268		39 40 3)		50
» хирургической	49	278	237	24	18 48 3)		50
Акушерскомъ отдѣленіи факультетской клиники	14	943	908	—	35 14		30
Спеціальной клиники половыхъ и мочевыхъ органовъ	54 2)		38	7	4 5 3)		11
Факультетской дѣтской	81 2)		63		8 10 3)		11
Госпитальной клиникѣ:							
а) Терапевтическомъ отдѣленіи . . .	69	836	573	143	129 60 4)		75
б) Нервномъ »	56 5)		12	17	3 24		25
в) Хирургическомъ »	58	382	269	59	63 49		73
Всего	190 2439		2037	250	299 250		325
	538		331				
	3167		2618				

1) Въ отдѣленіи венерическомъ госпитальной клиники при Московскомъ университетѣ больныхъ въ 1869 году было 134.

2) Эти цифры показываютъ число больныхъ, состоявшихъ въ теченіе времени съ 1-го декабря 1868 по 1-е декабря 1869 года.

3) Означенныя цифры показываютъ число больныхъ, остававшихся въ клиникахъ къ 1-му января 1869 года.

4) Изъ 60 остававшихся больныхъ 9 переведено въ нервное отдѣленіе.

5) Здѣсь показано число больныхъ съ 1-го декабря 1868 по 1-е января 1870 года.

ВЪ КЛИНИКАХЪ.	БОЛЬНЫХЪ.						Число кроватей.
	Къ 1 янв. 1869 года состояло.	Въ 1869 году принято.	Выдворовъ.	Выбыло облетченными и не излучившимися.	Умерло.	Къ 1 янв. 1870 г. оставалось.	
<i>Казанскаго университета.</i>							
Факультетской терапевтической . . .	26	98	74	24	26	Нѣтъ свѣдѣній.	
> хирургической . . .	87		70	8	5		
> акушерской . . .	10	96	88	—	10		
> гистологической . . .	10	31	—	—	2		
Госпитальной терапевтической . . .	21	274	153	68	74	—	
» хирургической . . .	332		257	30	45	—	
Всего . . .	67	499	568	106	160	38	
<i>Университета св. Владиміра²⁾.</i>							
Факультетской терапевтической . . .	23	216	117	72	26	24	
> хирургической . . .	22	142	114	25	6	19	
> акушерской . . .	46		42	—	4	—	
Гинекологическомъ отдѣленіи акушерской факультетской клиники .	40		Нѣтъ свѣдѣній.				
Госпитальной терапевтической . . .	706		614	—	45	47	
> хирургической . . .	64	418	328	52	22	80	
Дерматологической клиники (при Киевскомъ военномъ госпиталѣ) . . .	435		328	91 ³⁾	3	13	
Всего . . .	109	776	1543	240	106	183	
	1227		1783				
	2112						

¹⁾ О числѣ больныхъ, выбывшихъ изъ клиники и оставшихся къ 1870 году нѣтъ свѣдѣній.

²⁾ Госпитальная хирургическая клиника при университетѣ св. Владиміра состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: собственно хирургическаго, глазнаго и сифилитическаго.

³⁾ Эти больные были переведены въ другія отдѣленія госпиталя.

ВЪ КЛИНИКАХЪ	БОЛЬНЫХЪ.						Число кроватей.
	Въ 1 янв. 1869 года состояло.	Въ 1869 году пранаго.	Выздоровѣло.	Вышло обреченными и неизлѣчимыми.	Умерло.	Въ 1 янв. 1870 оставалось.	
<i>Дерптскаго университета.</i>							
Терапевтической	1	226	110	81	36	—	Нѣтъ свѣдѣній.
Хирургической	5	159	86	58	16	4	
Офтальмологической	1	153	104	48	—	2	
Акушерской	6	114	90	24	2	4	
Госпитальной	90	580	499	71	44	56	
Всего	103	1232	889	282	98	66	
<i>Варшавскаго университета.</i>							
Факультетской терапевтической	91 ¹⁾	49	13	13	16	44	Нѣтъ свѣдѣній.
» хирургической	245 ¹⁾	179	—	20	46	42	
Офтальмологическомъ отдѣленіи факультетской клиники	93 ¹⁾	85	—	—	8	16	
Акушерской, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней	308 ¹⁾	276	—	18	14	10	
Госпитальной хирургич. клиникѣ (бывшей Варшавской Главной школы)	511 ²⁾	443	—	27	41 ³⁾		
Всего	1248	492	13	78	125	112	
		540					

¹⁾ Здѣсь показано число больныхъ, состоявшихъ въ клиникахъ съ 1-го января 1869 по 1-е января 1870 года.

²⁾ Эта цифра показываетъ число больныхъ только за первую половину 1869 г.

³⁾ Это число больныхъ, оставшихся ко второй половинѣ 1869 года.

Примѣчаніе. О госпитальныхъ клиникахъ Варшавскаго университета не упоминается, такъ какъ эти клиники, въ теченіе времени съ 1-го августа 1869 года по 1-е января 1870 года еще не были учреждены.

Лицей.

1) *Демидовскій лицей* на факультеты не раздѣляется.

Въ 1869 году оставалась незамѣщенной кафедрой политической экономіи, статистики и науки о торговлѣ (съ 1863 года). Преподаваніе этихъ наукъ поручено было по найму магистру всеобщей исторіи *Лыщинскому*. Новые являлись преподавались: французскій — исправляющимъ должность профессора лицея по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, государственныхъ законовъ и финансовъ *Власьевымъ*, и нѣмецкій языкъ, въ первой половинѣ 1869 года, инспекторомъ лицея *Кубли*, а во второй — профессоромъ по кафедрѣ естественныхъ наукъ *Петровскимъ*.

Въ 1869 году приѣма студентовъ не было.

Къ 1-му января 1870 года въ лицей находилось 26 стипендіатовъ, въ томъ числѣ: 19 Демидовскихъ, 5 Ярославскаго дворянства и 2 содержимыхъ на благотворительныя суммы.

2) *Лицей князя Безбородко* также не дѣлится на факультеты.

Главная цѣль лицея заключается въ распространеніи основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства.

Въ 1869 году были вакантны слѣдующія кафедры: а) русской исторіи и статистики, б) уголовныхъ и полицейскихъ законовъ. Преподаваніе по первой изъ нихъ было возложено на исправляющаго должность профессора гражданскихъ законовъ *Забужина*; преподаваніе же по второй вакантной кафедрѣ было поручено: по предмету статистики — исправляющему должность профессора законовъ казеннаго управленія *Ждановичу*, а по предмету русской исторіи — исправляющему должность профессора русской словесности *Вороному*.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ преподавателей въ Демидовскомъ и князя Безбородко
лицеяхъ въ 1-му января 1870 года, сравнительно съ штатами
сихъ заведеній.

ВЪ ЛИЦЕЯХЪ.	Демидовскомъ.				Князя Безбородко.			
	Назначено по штату.	Къ 1-му января 1870 года состояло.			Назначено по штату.	Къ 1-му января 1870 года состояло.		
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Вакансій.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Вакансій.
Замѣноучителей	1	1	—	—	1	1	—	—
Профессоровъ	6	5	1	1	6	4	—	2
Лекторовъ	2	—	2	2	2	2	—	—
Старшихъ преподавателей . 2 ¹⁾	—	—	—	—	—	—	—	—
Учитель рисованія	—	—	—	—	1	1	—	—
Итого	11	6	3	3	10	8	—	2

¹⁾ Старшіе преподаватели русской словесности и математики, назначенные для чтенія лекцій въ первомъ курсѣ лицей, съ закрытіемъ этого курса съ 1-го августа 1869 года, оставили свои занятія при лицей.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ СТУДЕНТОВЪ, СЛУШАВШИХЪ ЛЕКЦІИ ВЪ ЛИЦЕЯХЪ И ОКОНЧИВШИХЪ ВЪ НИХЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ, ЗА 1868 И 1869 ГОДЫ.

ВЪ ЛИЦЕЯХЪ.	Дамидовскомъ.		Клязьма	
			Безбородко.	
	1868.	1869.	1868.	1869.
<i>Къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ годомъ состояло на лицо:</i>				
Студентовъ	63	46	82	118
Вольныхъ слушателей	4	—	—	—
Итого	67	46	82	118
<i>Въ теченіе отчетнаго года окончили курсъ ученія:</i>				
Съ правомъ на чинъ XII класса	14	11	24	24
> > > XIV >	—	6	9	13
> > > почетное гражданство	1	—	—	—
Итого	15	17	33	37

ВѢДОМОСТЬ

ОБЪ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ, СОСТАВШИХЪ ПРИ ЛИЦЕЯХЪ ВЪ 1869 ГОДУ.

ПРИ ЛИЦЕЯХЪ.	Къ 1-му января 1869 г. состояло.	Въ теченіе 1869 г. поступило.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		
			Нумеровъ.	Цѣнностей.	
				Руб.	Коп.
<i>Дамидовскомъ.</i>					
1. Фундаментальная Библиотечка:					
книгъ, періодическихъ изданій, картъ и проч.	названій.	4317	58	4375	} 16639
	томовъ .	9521	178	9699	

ПРИ ЛИЦЕЯХЪ.		Къ 1-му января 1869 г. состояло.	Въ теченіе 1869 г. поступило.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.	
				Нумеровъ.	Цѣнностію.
				Руб.	Коп.
2. Студенческая бібліотека:					
книгъ, періодическихъ изданій, картъ и чертежей	{ названій. томовъ.	353 1269	16 118	369 1387	} 3280 27
3. Физическій кабинетъ		218	—	218	
4. Химическая лабораторія:					
инструментовъ и снарядовъ		186	—	—	1720 —
5. Нумизматическій кабинетъ					
		760	—	760	— —
6. Минералогическій кабинетъ:					
минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей		5602	—	5602	— —
7. Зоологическій кабинетъ:					
препаратовъ, чучель, раковинъ, скелетовъ, инструментовъ и проч.		1441	—	1441	— —
8. Ботаническій кабинетъ.					
9. Технологическій кабинетъ.					
<i>Князя Безбородко.</i>					
1. Фундаментальная бібліотека:					
книгъ и періодическихъ изданій	{ названій. томовъ.	5905 11571	176 284	6081 11855	— —
1. Студенческая бібліотека:					
книгъ	{ названій. томовъ.	— —	— —	347 700	} 853 44 ³ / ₄
3. Физическій кабинетъ		—	—	260	
4. Химическій кабинетъ (приборовъ).					
		—	—	93	— —
5. Мюнцъ-кабинетъ					
		—	—	442	— —
6. Картинная галерея					
		—	—	179	— —

Примѣчаніе. Недостающія въ этой вѣдомости данныя о состояніи и цѣнности другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений въ отчетахъ лицеевъ не показаны.

Ветеринарныя училища.

1) *Дерптское училище* даетъ образованіе исключительно учено-практическое.

Вспомогательные предметы и русскій языкъ преподавались профессорами и доцентами Дерптскаго университета, которые получали за то плату по числу лекцій. Къ замѣщенію должности заведующаго православнаго вѣроисповѣданія не представляется настоятельной необходимости, такъ какъ воспитанники этого вѣроисповѣданія, по распоряженію попечителя округа, съ 1856 года слушаютъ лекціи закона Божія вмѣстѣ съ студентами университета.

Въ 1869 году были напечатаны слѣдующіе учено-литературные труды преподавателей училища: директора училища *Унтербергера*: 1) „Vertrag über den Milzbrand, gehalten in der Dorpater medizinischen Gesellschaft“ — въ *St.-Petersburger medizinische Zeitschrift*; 2) Библиографическая статья „Handbuch der Veterinair-Polizei v. prof. Haubner“ — въ *Baltische Wochenschrift*; 3) „Polizeigesetze gegen die Beulenseuche“ — тамъ же; 4) „Краткій систематическій обзоръ скотоводства въ Швейцаріи“ — въ журналѣ *Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества*; профессора *Иессена*: 1) „Populäre Vorträge ueber Krankheiten die von Haushieren auf den Menschen übergehen können“ — въ приложеніи къ *Baltische Wochenschrift*; 2) „Der Milzbrand in den Ostseeprovinzen“ — тамъ же; 3) „Ueber die Anwendung des Thermometers in der Veterinairpraxis“ — тамъ же; 4) „Darmvorfall nach der Castration“ — тамъ же; 5) „Die gemeine Wasserlloe“ — тамъ же; 6) „Нѣсколько замѣтокъ о наслѣдственности злокачественной подсѣдельной болѣзни“ — въ *Журналѣ Коннозаводства*; 7) „Ueber den Nutzen der englischen Klystierpumpe“ — въ *Wochenschrift von Adam und Probstmayer*; 8) „Heroische Behandlung einer Blinddarmverstopfung beim Pferde“ — тамъ же; прозектора *Земмера*: 1) „Resultate der Impfung mit Syphilis bei Thieren“; 2) „Ueber die Contagien“ — обѣ статьи въ *Vierteljahresschrift v. Müller und Röhl*.

При Дерптскомъ ветеринарномъ училищѣ въ 1869 году находилось 15 стипендіатовъ главнаго медицинскаго управленія Великаго княжества Финляндскаго, въ томъ числѣ 14-и было назначено по 150 руб. и 1-му 300 руб. въ годъ.

2) *Харьковское училище* состоитъ изъ 2-хъ разрядовъ: воспитанники перваго разряда получаютъ образованіе учено-практическое, а воспитанники втораго — чисто практическое. Кромѣ того, во второй

разрядъ принимаются, для обученія ветеринарно-фельдшерскому искусству, крестьяне и армейскіе нижніе чины.

Вспомогательные предметы, какъ то: химія, физика и минералогія, а также языки французскій и нѣмецкій преподаются отдѣльными вѣтяю преподавателями, служащими въ Харьковскомъ университетѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

При училищѣ въ 1869 году состояло 38 стипендіатовъ, въ томъ числѣ 17—на счетъ суммъ училища, 18 пансіонеровъ вѣдомства коннозаводства, 2 пансіонера Донскаго казачьяго войска и 1 — Кубанскаго казачьяго войска.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

штатнаго числа преподавателей въ ветеринарныхъ училищахъ съ наличнымъ ихъ числомъ въ 1-му января 1870 года.

ВЪ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.	Дерптскомъ.				Харьковскомъ.			
	Назначено по штату.	Къ 1-му января 1870 года находилось.			Назначено по штату.	Къ 1-му января 1870 года состояло.		
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Вакансій.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Вакансій.
Профессоровъ	3	3	—	—	3	2	—	1
Учителей закона Божія . .	2	1	—	1 ^{*)}	1	1	—	—
Адъюнговъ	2	2	—	—	2	1	1	1
Ученыхъ аптекарей	1	1	—	—	1	1	—	—
Помощниковъ аптекарей . .	1	1	—	—	1	1	—	—
Прозекторовъ зоотоміи . .	1	1	—	—	1	1	—	—
Помощниковъ прозекторовъ	1	1	—	—	1	1	—	—
Ассистентовъ ветеринарн.								
вѣдннхъ	1	1	—	—	1	1	—	—
Учителей рисованія	1	1	—	—	1	1	—	—
Ученыхъ кузнецовъ	1	—	1	1	1	1	—	—
Помощниковъ кузнецовъ . .	1	—	1	1	1	—	1	1
Берейторовъ	1	—	1	1	1	1	—	—
Итого	16	12	3	4	15	12	2	3

^{*)} Штатное мѣсто учителя закона Божія православнаго вѣроповѣданія остается вакантнымъ съ 1856 года.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о числѣ учащихся и лицъ, утвержденныхъ въ ученыхъ и ветеринарныхъ степеняхъ и званіяхъ въ 1868 и 1869 годахъ.

ВѢ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.	Дерптскомъ.		Харьковскомъ.	
	1868.	1869.	1868.	1869.
Къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ года				
Студентовъ	18	18	126	112
Вольныхъ слушателей	2	3	3	—
Итого	20	21	129	112
Въ теченіе отчетнаго года утверждено въ степени и званіяхъ:				
Магистровъ ветеринарныхъ наукъ				1
Ветеринарныхъ врачей	3	2	4	6
Ветеринарныхъ помощниковъ	—	—	4	6
Итого	3	2	8	13

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденияхъ.									
ВЪ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.			Къ 1-му января 1869 года со-стоило.	Вновь приобрѣ-нено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.			
Нумеровъ.		Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣностию.			
Р.	К.		Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.
11.	Кузница	83	6	5	20	89	570	39	1/4
12.	Сельско-технической каби- нетъ	18	—	—	—	18	565	53	
13.	Физиологическо-химическій кабинетъ	23	27	86	25	50	598	27	
14.	Аптека:								
	Медикаментовъ	264	220	494	39	215	269	323	60
	Посуды и проч.	340	3	10	53	—	343	1713	88 1/2
15.	Кабинетъ образцовыхъ под- ковъ и разнаго рода копытъ	364	4	53	75	—	368	301	77
16.	Собраніе зубныхъ препара- товъ	142	—	—	—	—	142	78	90
17.	Собраніе зоохирургич. ин- струментовъ	248	—	—	—	—	248	999	5
18.	Клиника:								
	Инструментовъ и проч. .	282	26	65	71	10	298	2392	82 1/2
	<i>Харьковскомъ.</i>								
1.	Библіотека:								
	Книгъ { названій			159	—	—	1817		
	{ томовъ			—	—	—	2434		
	Періодическихъ изданій (названій)	241	27	—	—	—	268	8947	85 1/2
	Плановъ, гравюръ, эстам- повъ и рисунковъ . . .	80	—	—	—	—	80		—
	При библіотекъ гербарій: Растеній (видовъ) . . .	—	—	—	—	—	3750	125	—
2.	Кабинетъ зоотомическій. .								
3.	> физиологическій.								

Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.										
ВЪ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.					Къ 1-му января 1869 года со- стояло.	Вновь приобрѣ- тено въ 1869 году.	Убыло.	Къ 1-му января 1870 г. состояло.		
Цѣностию.		Нумеровъ.		Нумеровъ.	На сумму.		Нумеровъ.	Цѣностию.		
Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.		Р.	К.	
3.	Кабинетъ минералогическій	0	88							
5.	» физическій . . .		18							
6.	Собраніе сельско-хозяй- ственныхъ моделей . . .		27							
7.	Собраніе подковъ, упряжи, сѣделъ и бандажей . . .		20							
8.	Зоотомическій театръ и ка- бинетъ хирургическихъ ин- струментовъ . . .		3							
9.	Аптека съ фармацевтиче- скою лабораторіею . . .	338	16					354	2157	
10.	Кузница		142							
11.	Манежъ									
12.	Клиника		242							
13.	Живой гербарій кормовыхъ и лекарственныхъ травъ .		22							

Примѣчаніе. Недоставшія еще по этой вѣдомости данныя о со- стояніи и цѣности учебно-вспомогательныхъ учрежденій по отчетамъ ветеринарныхъ училищъ не показаны.

138	128	22		22	112				
		02			02				

онъ въспомогательнаго штата. По распоряженію Императорскаго Высочайшаго Указа отъ 11-го іюля 1864 года въ пунктъ 4 Высочайшаго утвержденнаго 11-го іюля 1864 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ ассигнованіи суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата Новороссійскаго университета до цифры нормальнаго штата сего университета.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (22-го марта 1871 года). *Объ измѣненіи порядка ассигнованія суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата Новороссійскаго университета до цифры нормальнаго штата сего университета.*

Его Императорское Величество, воспомянувшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта объ измѣненіи порядка ассигнованія суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата Новороссійскаго университета до цифры нормальнаго штата сего университета. **Въ сочлаише утвердить, соизволять и повелѣть исполнить.**

Подписаль: председатель Государственнаго Совѣта

Константинъ.

МНѢНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ Государственной Монархіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра Народнаго Просвѣщенія объ измѣненіи порядка ассигнованія суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата Новороссійскаго университета до цифры нормальнаго штата сего университета, *мнѣніемъ положили:* представленіе сіе утвердить, и вслѣдствіе того: въ измѣненіе пунктъ 4 Высочайшаго утвержденнаго 11-го іюля 1864 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ

учрежденіи Новороссійскаго университета, постановить, что постепенное возвышеніе опредѣленнаго по временному штату сего университета числа преподавательскихъ должностей до установленной нормальнымъ штатомъ онаго цифры производится, наравнѣ съ другими университетами, по мѣрѣ назначенія на новыя должности профессоровъ, по непосредственному сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ финансовъ, съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства потребной суммы, безъ испрошенія на сіе разрѣшенія въ общемъ, установленномъ для открытія сверхсметныхъ кредитовъ, порядкѣ.

Подлинное мнѣніе Государственной Думы, представленное предсѣдателями и членами.

11. (5-го апрѣля 1871 года). *Объ учрежденіи въ Варшавскихъ гимназіяхъ двухъ стипендій на детей, по жертвованіямъ на дворянскіе совѣтникомъ Розмовскимъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу и мнѣнію министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе, на пожертвованіе на дворянскіе совѣтникомъ Иваномъ Розмовскимъ по духовному завѣщанію ^{22-го ноября} ^{4-го декабря} 1865 года, 3,000 р. двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ «стипендіями Розмовскаго», для учениковъ Варшавскихъ гимназій изъ родственниковъ и свойственниковъ завѣщателя, при чемъ ближайшіе родственники должны имѣть преимущество передъ дальнѣйшими, въ случаѣ же ненахожденія ни родственниковъ, ни свойственниковъ, — для двухъ несостоятельныхъ учениковъ, безъ различія происхожденія, отличающихся поведеніемъ и прилежаніемъ въ наукахъ, съ тѣмъ, что стипендіанты эти, по успѣшномъ окончаніи полнаго гимназическаго курса, могутъ пользоваться стипендіею и въ университетахъ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

16-го марта 1871 года (№ 7). *Назначается:* инспекторъ Воронежской гимназiи, надворный совѣтникъ *Сольскій* — окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю:* ординарному профессору Императорскаго университета св. Владimіра *Ковалевскому* — по 28-е iюня 1871 года; кандидатамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Баксту* — по 1-е июля 1871 года и *Крупскому* — по 1-е сентября 1871 года. *Командируются за границу съ ученою цѣлю: на два мѣсяца:* ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владimіра *Ханориковъ;* съ 1-го iюня по 13-е сентября 1871 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ *Мельнуновъ;* на два года: кандидаты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Малышевъ* и *Фойницкiй,* Новороссійскаго — *Власенко* и Казанскаго — *Зеленогорскiй,* магистръ сего послѣдняго университета *Виноградскiй* и учитель Нижегородской гимназiи *Смирновъ.* *Увольняется въ отпускъ за границу:* лекторъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, коллежскiй совѣтникъ *Мейеръ* — съ 1-го апрѣля по 15-е августа 1871 года, по болѣзни.

16-го марта 1871 года (№ 8). *Увольняется отъ службы:* сверхштатный библіотекаръ Императорской публичной библіотеки, довторъ богословiя *Пухлеръ.*

28-го марта 1871 года (№ 9). *Производится за отличие:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, частный преподаватель втораго военнаго Константиновскаго училища, статскiй совѣтникъ *Михаилъ Михайловъ* — въ действительные статскіе совѣтники.

17-го апрѣля 1871 года (№ 10). *Производится за отличие:* директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскiй совѣтникъ *Николай Деллновъ* — въ действительные статскіе совѣтники.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (27-го марта 1871 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Саратовской гимназій.*

1. Ссудо-сберегательная касса учреждается съ цѣлью доставить возможность добровольнымъ ея участникамъ: 1) помѣщать въ ней на сбереженіе известную долю изъ своего содержанія и 2) дѣлать въ ней займы при временной надобности въ деньгахъ.

2. Участниками кассы могутъ быть всѣ лица, служащія въ Саратовской гимназій.

3. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограничивается никакими сроками и вполнѣ предоставляется на волю каждаго.

4. Каждый участникъ кассы обязанъ внести первоначально не менѣе 10% своего мѣсячнаго жалованья и затѣмъ ежемѣсячно вносить не менѣе 3% съ дѣйствительно получаемаго имъ жалованья.

5. Всякій членъ имѣетъ право дѣлать заемъ въ кассѣ срокомъ не болѣе какъ на полгода, уплачивая за это впередъ $\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяцъ съ занятой суммы.

6. Возвратъ занятой суммы производится ежемѣсячно по $\frac{1}{2}\%$ части занимаемой суммы, и новый заемъ не иначе можетъ быть сдѣланъ, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ послѣ перваго займа.

7. Заемъ не долженъ превышать суммы, составившейся изъ взносов занимающаго и его мѣсячнаго жалованья.

8. Желающіе сдѣлать заемъ заявляютъ кассиру по возможности до 20-го числа каждаго мѣсяца, и если поступившія требованія превышаютъ личную сумму кассы, то заемщики удовлетворяются пропорціонально заявленной суммѣ.

9. Для облегченія расчетовъ заемъ дѣлается цѣлыми рублями, проценты на сумму менѣе рубля не считаются; дробы копѣекъ при всѣхъ вообще расчетахъ процентовъ какъ для вкладчиковъ, такъ и для заемщиковъ, отбрасываются.

10. Въ мѣсяцъ всѣ накопившіяся проценты раздѣляются между членами кассы пропорціонально ихъ вкладамъ, при чемъ отчисляется $\frac{1}{10}$ процентныхъ денегъ въ запасную сумму.

11. При накопленіи суммъ въ кассѣ на деньги, въ которыхъ не предвидится надобности для выдачи ссудъ, приобрѣтаются процентныя бумаги.

12. Всѣ суммы кассы и процентныя бумаги передаются въ кредитныя учрежденія; часть наличныхъ денегъ, по усмотрѣнію членовъ кассы, на не предвидѣнные случаи, хранится на рукахъ кассира.

13. Могушіе часть выигрыши на принадлежащія кассѣ билеты внутреннихъ займовъ или другіе подобнаго рода, если они не превысятъ за одинъ разъ 1.000 руб., дѣлятся на общемъ основаніи между членами кассы въ опредѣленное для того время; если же сумма выигрыша за одинъ разъ превышаетъ 1.000 руб., то она раздѣляется тотчасъ по полученіи между участвующими въ составленіи кассы на мѣсяцъ года, пропорціонально всей суммѣ ихъ вкладовъ по 1-е число того мѣсяца, въ который происходитъ тиражъ.

14. Выбывшій изъ числа членовъ кассы, получаетъ всѣ свои вклады вмѣстѣ съ процентами, которые причитаются на его долю.

15. Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ ежегодно избираются большинствомъ голосовъ изъ числа членовъ кассиръ и два кандидата въ нему.

16. Никто изъ членовъ кассы не имѣетъ права отъязмываться отъ избранія для завѣдыванія кассой, исключая директора и тѣхъ, которые уже разъ занимали эти должности, или по особому уважительнымъ причинамъ.

17. Ежемѣсячно передъ выдачею жалованья кассиръ составляетъ ведомость о томъ, сколько слѣдуетъ удерживать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ ее, кому слѣдуетъ, для исполненія. Въ то же время составляется ведомость вкладовъ и займовъ, которая подтверждается членами. Въ общемъ собраніи членовъ кассы, созываемомъ въ каждую третью, опредѣ-

яется большинствомъ голосовъ, по указанію опыта, способъ хранения наличныхъ суммъ и процентныхъ бумагъ, сроки повѣрки счетовъ и наличности кассы и время представленія отчетности.

18. Расходы по кассѣ покрываются изъ запаснаго капитала.

19. Въ случаѣ смерти члена всѣ числящіяся на немъ вклады передаются наслѣдникамъ его, а если наслѣдниковъ нѣтъ, то они обращаются въ запасный капиталъ кассы.

20. Капиталъ, образовавшійся изъ добровольныхъ вкладовъ, возвращается весь или часть его, по востребованію вкладчика.

21. Въ случаѣ растраты суммъ, принадлежащихъ кассѣ, виновные подвергаются ответственности на основаніи общихъ законовъ.

22. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы всѣ суммы ея съ процентами раздѣляются между членами соразмѣрно ихъ вкладамъ.

23. Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ статей настоящаго устава возлагается на членовъ кассы, какъ полныхъ хозяевъ личной своей собственности.

24. Положеніе о кассѣ утверждено въ видѣ опыта на три года, съ предоставленіемъ общему собранію членовъ, по измѣненіи и дополненіи положенія, если въ таковыхъ окажется надобность, просить объ окончательномъ утвержденіи его.

8. (27-го марта 1871 года). *Относительно разсылки по начальнымъ народнымъ училищамъ каталога книгъ для употребленія въ сизхъ училищахъ.*

Въ статьѣ 5-й Высочайше утвержденнаго 14-го іюля 1864 г. Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ сказано: «Въ начальныхъ народныхъ училищахъ употребляются учебныя руководства, одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности».

Влѣдствіе сего, по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, напечатанъ каталогъ книгъ для употребленія въ на-

чальныхъ народныхъ училищахъ, въ составъ котораго вошли книги: а) изданныя отъ святаѣйшаго синода, б) разосланныя министерствомъ народного просвѣщенія въ начальныя народныя училища и в) рассмотрѣнныя учебнымъ комитетомъ при святаѣйшемъ синодѣ, а также ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія, или же особымъ отдѣломъ сего комитета.

Препровождая къ начальствамъ учебныхъ округовъ достаточное число экземпляровъ означеннаго каталога, г. министръ народного просвѣщенія дозорнѣе проситъ попечителей учебныхъ округовъ, поручить какъ директору училищъ губерній, такъ равно и инспекторамъ народныхъ училищъ прочихъ губерній, входящихъ въ составъ вѣреннаго каждому изъ нихъ учебнаго округа, распространить сказанные экземпляры каталога между начальными народными училищами и при этомъ сдѣлать зависящее отъ нихъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ, если въ библиотекахъ начальныхъ народныхъ училищъ оказались бы книги, не показанныя въ каталогѣ, то чтобы такія книги были представлены на рассмотрѣніе ученаго комитета министерства народного просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ симъ экземпляры сего каталога препровождены къ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ тѣхъ губерній, въ коихъ они учреждены.

КАТАЛОГЪ КНИГАНЪ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

(Изданъ по распоряженію министерства народного просвѣщенія, 1871 года).

I. Книги для употребленія въ классахъ.

1. БУКВАРИ.

а) Рекомендованныя:

1. Народная азбука, Н. Столянскаго. С.-Пб., 1868. Ц. 6 коп.
2. Грамота. Учебникъ для народныхъ школъ, священника Блнова, наставника Бахтинской земской школы. Изданіе Вятской земской управы. Вятка, 1869. Ц. 4 коп.

б) *Одобрена:*

3. Первая учебная книжка. Классное пособие при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка. Составилъ *Паульсенъ*. С.-Пб., 1868. Ц. 20 коп.

4. Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія. *И. В. Главинскаго*. 11-е изданіе. С.-Пб., 1868. I-е отдѣленіе: Правила и приемы для обученія по звуковой методѣ чтенію и письму гражданской и церковной печати, молитвы и сватцы, 15 картинокъ и листъ подвижныхъ буквъ. Ц. 10 коп.

5. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Сост. *К. Ушинскаго*. Годъ 1-й; Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Годъ 2-й; 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. С.-Пб., 1870. Ц. по 35 коп. книги.

6. Русская азбука въ разговорахъ, для взаимнаго обученія *А. Наманскаго*. Изданіе *А. Ситенскаго-Селявина*. С.-Пб., 1868. Цѣна 5 коп.

7. Русская азбука по способу Наманскаго. Изданіе *Демиса*. С.-Пб., 1864. Ц. 2 коп.

8. Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ, *Архимандрита Викторина*. С.-Пб., 1860. Ц. 10 коп.¹⁾

9. Букварь для народныхъ школъ, съ объясненіемъ лучшихъ способовъ преподаванія, собрана составленныи нѣсколькими учителями. Изданіе *В. Дерикера*. С.-Пб., 1866. Ц. 10 коп.

10. Азбука съ прописями. *А. С.-скаго*. Изданіе *А. Ситенскаго-Селявина*. С.-Пб., 1865. Ц. 6 коп.

11. Новый русскій букварь для дѣтей. Изданіе 5-е. С.-Пб., тип. Глазунова, 1864. Ц. 3 коп.

в) *Допущены:*

12. Азбука для православнаго русскаго народа (въ 15-и урокахъ). Священника *Платова*. *Александро*. Москва, 1866. Ц. 10 коп.²⁾

13. Азбука и чтеніе для перваго возраста. *Е. Вельтманъ*. Двѣ части. Москва, 1865. Ц. 60 коп.

14. Таблицы для взаимнаго обученія чтенію. *В. Золотова*. 7-е

¹⁾ Одобрена для употребленія занимающимися обученіемъ дѣтей священно- и церковно-служителями.

²⁾ Допущена къ употребленію преимущественно въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обученіемъ дѣтей занимаются священно- или церковно-служители.

изданіе, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1869. Цѣна 1 рубль.

2. По закону Божію.

а) Рекомендованы:

15. Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и катихизисъ. Вновь исправленное и дополненное изданіе митрополита томскаго Московскимъ *Филаретомъ*. С.-Пб., 1866. Ц. 9 коп.

16. Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Протоіерея церкви Маріинскаго дворца *Д. Соколова*. Изд. 3-е С.-Пб., 1870. Ц. 20 коп.

17. Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Уроки по закону Божію для народныхъ школъ. Употребительнѣйшія молитвы. Выпускъ первый (при семь картина духовнаго содержанія). Москва, 1869. Цѣна 15 коп., съ картиною 50 коп.

б) Одобрены:

18. Краткая священная исторія ветхаго и новаго завета. Составлена священникомъ *Д. Соколовымъ*, съ 23 рисунками и видомъ Палестины. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб., 1868. Ц. 50 коп.

19. Священная исторія новаго завета. Съ приложеніемъ карты Палестины и подробнаго конспекта. *В. Михайловскій*. С.-Пб., 1868. Ц. съ раскрашеною картою 50 коп., съ черною 40 коп.

20. Объясненіе богослуженія православной церкви. *Иванъ Немецъ*. С.-Пб., 1868. Ц. 50 коп.

21. Первое ученіе отрокомъ. Ц. 7 коп.

в) Допущены:

22. Объясненіе божественной литургіи. Третье, исправленное и дополненное изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1867. Ц. 25 коп.

23. Главнѣйшіе праздники православной церкви. Изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1868. Ц. 25 коп.

24. Изображенія святыхъ угодниковъ Божіихъ: 1) Кирилла и Мефодія, 2) Николая Чудотворца и 3) Георгия Побѣдоносца, изданный академикомъ *Микшинымъ*, съ вкрадчимъ и вкрадчимъ житіемъ святыхъ, по стариннымъ *Т. Ди. Филитомъ*. Въ розницу по 15 к., а ледніями, по 10 и по 12 коп. за экз.

3. По арифметикѣ.

Одобрены:

25. Руководство къ арифметикѣ. *Буассе*. Двѣ части. С.-Пб., 1870. Ц. 28 коп. Особо: ч. 1-я — 10 коп., ч. 2-я — 18 коп.

26. Арифметика для начальныхъ народныхъ училищъ. *А. Деве*. С.-Пб., 1867. Ц. 10 коп.

27. Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія. *И. Главинскаго*. 11-е изданіе. С.-Пб., 1868. III-е отдѣленіе: Правила счисленія на счетахъ, четыре арифметическія дѣйствія надъ числами простыми и именованными и 150 задачъ. Ц. 10 коп.

28. Упрощенная арифметика. Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1870. Ц. 15 коп.

4. По географіи.

Допущена:

29. Краткая географія Россіи, для народныхъ школъ. Изданіе *Яковлева*. С.-Пб., 1865. Ц. 12 коп.

5. Книги для чтенія.

а) Рекомендованы:

30. Свѣтъ Божій. Переводъ съ южно-русскаго. Изданіе второе книжнаго магазина Черкесова. С. Пб., 1870. Ц. 20 коп.

31. Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ (приложеніе къ „Руководству къ обученію грамотѣ“). *Резенера и Волкова*. С.-Пб., 1870. Ц. 25 коп.

32. Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Изд. 10-е, вновь исправленное и дополненное. Сост. *П. Максимовичемъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 40 коп.

33. Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе 15-е, исправленное и дополненное. Сост. *П. Максимовичемъ*. С.-Пб., 1869. Ц. 20 коп.

б) Одобрены:

34. Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія. *И. Главинскаго*. 11-е изданіе. С.-Пб., 1868. II-е отдѣленіе: Статьи для упражненія въ чтеніи книгъ. Ц. 10 коп.

35. Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Очерки русской исторіи. Выпускъ первый: Начало Руси (прилож. картини) „Начало

Руси"). Изданіе комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Москва, 1869. Ц. 6 коп., а съ картиною 35.

36. Книга для упражненія въ чтеніи въ сельскихъ школахъ. Составила *А. Путьяга*. С.-Пб., 1870. Ц. 25 коп.

37. Книга для чтенія и практическаго упражненія въ русскомъ языкѣ. Учебное пособие для народныхъ училищъ. Сост. *Г. Паульсонъ*. С.-Пб., 1870. Ц. 45 коп.

38. Начало Руси. Сочин. *П. Щербальскаго*. Изданіе 2-е. Москва, 1865. Ц. 8 коп.

39. Изборникъ, или хрестоматія для простолюдиновъ. *В. Новоковскаго*. С.-Пб., 1865. Ц. 80 коп.

40. Дары Божіи, потребности и трудъ человека. Составилъ *В. Новоковскій*. Чтеніе для народа. С.-Пб., 1868. Ц. 6 коп.

41. Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Составилъ *А. В. Семеновъ*. Четыре книги. Москва, 1869. *Одобрени*: Кн. 1-я — Статьи духовнаго содержанія. Ц. 10 коп. Кн. 2-я — Собраніе лучшихъ сказокъ, басенъ, пѣсенъ, загадокъ, отгадокъ, пословицъ и анекдотовъ. Ц. 25 коп. Кн. 3-я — Крестьянскій бытъ. Ц. 25 коп.

42. О томъ, что происходитъ въ воздухѣ, и что нужно знать изъ того земледѣльцу. *И. Горбунова*. 3-е изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1868. Ц. 8 коп.

43. Народная сказка о рыбацѣ и рыбахъ. Сочиненіе *А. Пушкина*. Изданіе Я. Исакова. С.-Пб., 1869. Ц. 2 коп.

44. Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Сказаніе объ *Ильѣ Муромцѣ* (при немъ, картина „Богатырь *Илья Муромецъ*“). Москва, 1869. Ц. 3 коп., съ картинкою — 40 коп.

45. Землеѣръ-самоучка. Разказъ (съ 12 чертежами). С.-Пб., 1869. Ц. 5 коп.

в) *Допущена*:

46. Букварь и книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Составлены *Хартаманомъ*. Варшава, 1870. Ц. 20 коп.

II. Книги для библиотекъ²⁾.

47. Господа нашего *Иисуса Христа* Св. Евангеліе, отъ *Матвея*,

¹⁾ Допущена къ употребленію лишь тотъ отдѣлъ, который заключаетъ въ себя книгу для чтенія.

²⁾ Книги, отдѣленные знакомъ †, рекомендуются вниманію законоучителей и учителей, какъ заключающія въ себя полезныя матеріалы и указанія для занятій ихъ съ учащимися въ классахъ и для самообразованія.

Марка, Луки и Іоанна, на славянскомъ и русскомъ языкахъ, съ указаніемъ порядка чтенія. Ц. 52 коп.

48. Дѣянія и Посланія св. Апостоловъ, съ Апокалипсисомъ, на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Ц. 50 коп.

49. Краткое изложеніе литургіи Св. Іоанна Златоустаго, для МР-ранъ, съ присовокупленіемъ молитвъ, изданныхъ съ благословенія св. Синода для чтенія ихъ при божественной литургіи. С.-Пб., 1867. Ц. 4 коп.

50. Сокращенный молитвословъ. С.-Пб., 1870. Ц. 8 коп.

51. О покаяніи. *Амеросія* Медиоланскаго. Двѣ книги. Ц. 70 коп.

52. Молитва исповѣданія къ Богу отъ человека, полагающаго спасенія начала. *Св. Дмитрія*, митрополита Ростовскаго, со статеею изъ сочиненія св. Тихона „Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ“. Ц. 3 коп.

53. Объ исповѣданіи грѣховъ и св. причащеніи. *Св. Дмитрія*, митрополита Ростовскаго. Ц. 3 коп.

54. Утѣшеніе человѣку въ скорби, бѣдѣ и гоненіи. *Св. Дмитрія*, митрополита Ростовскаго. Ц. 3 коп.

55. Указаніе пути въ царствіе небесное. *Инокентія*, митрополита Московскаго. Ц. 6 коп.

56. Канонъ великій. *Св. Андрея* Критскаго. Ц. 20 коп.

57. Послѣдованіе къ св. причащенію и по причащеніи. Ц. 5 коп.

58. Наставленіе о собственныхъ каждомъ христіанина должностяхъ. *Св. Тихона*, епископа Воронежскаго. Гражданской печати. Ц. 40 коп.

59. О вѣрѣ и жизни христіанской. Соч. *В. Важинова*. Изданіе 4-е. С.-Пб., 1863. Ц. 4 коп.

60. Сокровище духовное, отъ міра собираемое. *В. Важинова*. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. С.-Пб., 1862. Ц. 12 коп.

61. Примѣры благочестія изъ житія Святыхъ. *В. Важинова*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1862. Ц. 15 коп.

† 62. Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завета. Составилъ священникъ, магистръ богословія *Смарагдовъ*. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1869. Ц. 1 руб.

63. О церковномъ богослуженіи. Письма къ православному. *І. І. Вльостина*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1865. Ц. 75 коп.

64. О божественной литургіи. Изъ писемъ къ православному. *І. І. Вльостина*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1865. Ц. 10 коп.

65. Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Д. Соколова. Ч. 1-я: Вѣдкій завѣтъ. С.-Пб., 1865. Ц. 30 коп. Ч. 2-я: Новый Завѣтъ. С.-Пб., 1865. Ц. 50 коп.
66. О таинствѣ св. крещенія. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 5 коп.
67. О таинствѣ св. причащенія. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1861. Ц. 5 коп.
68. Объясненіе всенощнаго бдѣнія. Изд. 2-е журнала *Мірской Вѣстникъ*, С.-Пб., 1864. Ц. 7 коп.
- † 69. Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Священника А. Свирьлина. Изданіе 2-е. Москва, 1868. Ц. 40 коп.
- † 70. Объясненіе утвари церковной и праздникова церковныхъ. Священника А. Свирьлина. Изданіе 3-е. Москва, 1864. Ц. 25 коп.
- † 71. Переводы на русскій языкъ самыхъ употребительныхъ молитвъ. *Мартирія Чемень*. Кіевъ, 1867. Ц. 20 коп.
72. Руководство къ изученію христіанскаго догматическаго богословія. Пресвященнаго *Макарія*, архіепископа Литовскаго. С.-Пб., 1869. Ц. 40 коп.
73. Исторія (сокращенная) Русской церкви, пресвященнаго архіепископа *Фидарета*. С.-Пб., 1869. Ц. 50 коп.
74. О земной жизни Господа нашего Ісуса Христа. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*, С.-Пб., 1865. Ц. 7 коп.
75. Страданіе, смерть и воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа. Москва, изд. Глушкова, 1868. Ц. 50 коп.
76. Притчи Христовы. 7 выпусковъ. Изд. редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. по 5 коп. за вып.
77. Притчи, выбранныя изъ Крумакера. В. *Бажанова*. С.-Пб., 1862. Ц. 10 коп.
78. Правоучительныя повѣсти. В. *Бажанова*. Ц. 10 коп.
79. Воскресный день. Ц. 3 коп.
80. Размышленія христіанина, посвященнаго ангелу-хранителю, на каждый день въ продолженіи мѣсяца. Изданіе 2-е, съ картинками. С.-Пб., 1868. Ц. 75 коп.
81. О пути къ вѣчному блаженству. Изданіе журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 5 коп.
82. Объясненіе значенія обрядовъ православнои церкви при совершеніи св. таинствъ православнои церкви, Алексія *Медведевича*. Изд. 2-е, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1867. Ц. 10 коп.

83. Навидательное чтеніе: Сборникъ духовно-православныхъ разказовъ. Изданіе журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Цѣна 35 коп.
84. Полное собраніе сочиненій Рябинскаго собора протоіерея Родіона *Путятина*. Изд. 16-е. Москва, 1869. Ц. 1 руб.
85. Жизнь Пресвятой Богородицы. Съ приложеніемъ снимка съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 7 коп.
86. Сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Христа Спасителя. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 7 коп.
87. Русскимъ православнымъ христіанамъ. Повѣствованіе о чудотворной иконѣ Пресвятыи Богородицы Теодоровской-Костромской. Составилъ *Н. Я.* С.-Пб., 1869. Ц. 20 коп.
88. Жизнь святыхъ Кирилла и Меодія, учителей Славянскихъ. *И. Бяльева*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 10 коп.
89. Благовѣрная Евдоія, великая княгиня Московская, въ инокиняхъ Евфросинія. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1866. Ц. 12 коп.
90. Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Сочиненіе *И. Ремезова*. С.-Пб., 1862. Ц. 20 коп.
91. Жизнь преподобнаго отца нашего Симеона Столпника. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 10 коп.
92. Жизнь и страданія св. великомученика Евстафія Плакиды. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 10 коп.
93. Жизнь и чудеса святаго великомученика и побѣдоносца Георгія. С.-Пб., тип. Куна, 1869. Ц. 10 коп.
94. Житіе святой великомученицы Варвары. Москва, изданіе Манухина, 1869. Ц. 7 коп.
95. Жизнь святаго Алексѣя, челоуѣка Божія. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 7 коп.
96. Жизнь святаго Андрея, Христа ради юродиваго. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 7 коп.
97. Жизнь и подвиги Серафима, іеромонаха Саровской пустыни. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 7 коп.
98. Сказаніе о жизни и чудесахъ святаго великомученика Георгія. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 7 коп.
99. Страданіе святыхъ мучениковъ Кирика и Іулиты. Москва, изд. Глушкова, 1868. Ц. 7 коп.

190. Жизнь св. Петра, который прежде былъ иудеемъ. Москва тип. Погодина, 1869. Ц. 7 коп.
101. Жизнь и подвиги во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго. Москва, тип. Погодина, 1869. Ц. 10 коп.
102. Сказаніе о подвигахъ и кончинѣ святаго первомученика архидякона Стефана. Москва, 1869. Ц. 7 коп.
103. Житіе преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина. Москва, 1869. Ц. 15 коп.
104. Святый Николой Чудотворецъ, архіепископъ Мирликійскій. Его жизнь и чудеса. Н. Ѡ. Проценко. Изданіе третье. Москва, 1868. Ц. 15 коп.
105. Св. Равноапостольный князь Владиміръ. Изд. журнала *Мирской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 20 коп.
106. Житіе и страданія святаго мученика Трифона. Москва, 1869. Ц. 7 коп.
107. О римско-католической церкви. Сочиненіе священника Валия *Михайловскаго*. С.-Пб., 1867. Ц. 20 коп. ¹⁾.

2. По русскому языку.

- † 108. Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей земскихъ школъ. Составлено барономъ Н. А. Корфомъ. Изд. 3-е Кожанчикова. С.-Пб., 1871. Ц. 1 руб.
- † 109. Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ. Составлено членомъ Александровскаго училищнаго совѣта, барономъ Н. А. Корфомъ. Издано „Совѣтомъ“. Бѣатеринославъ, 1867. Цѣна 25 коп.
- † 110. Родное слово. Книга для учащихся. Совѣтъ родителямъ и наставникамъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику „Родное слово“. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Сост. К. Ушинскимъ. С.-Пб., 1869. Ц. 30 коп.
- † 111. Руководство для преподавателей грамотности, составленное Р. Орбинскимъ. Изд. 2-е. С.-Пб., 1866. Ц. 60 коп.
- † 112. О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Священника *Блинова*, наставника Бахтинскаго сельскаго училища. Изданіе Вятской земской губернской управы. Вятка, 1868. Ц. 25 коп.

¹⁾ Для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, преимущественно въ Западномъ краѣ.

- † 113. Обученіе чтенію и письму. (Книжка для учителей). Съ приложеніемъ разрывныхъ буквъ. Составлена *А. Кочетовымъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 15 коп.
- † 114. Способъ обученія грамотѣ по „Первой учебной книжкѣ“ *И. Паульсона*. (Объясненія для преподавателей). С.-Пб., 1868. Цѣна 15 коп.
- † 115. Руководство для сельскихъ учителей. Часть 1-я. Уроки по русскому языку, родня и отечествовъдѣнію. *И. Вьюковъ*. С.-Пб., 1869. Ц. 75 коп.
- † 116. Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу. Составили *Незверъ и Волковъ*. С.-Пб., 1869. Ц. 10 коп.
- † 117. Книга для обученія русскому чтенію и письму. (Самоучитель). Діакона *И. Бухарова*. Изданіе 2-е. Москва, 1867. Ц. 25 коп.
- † 118. Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Начальныя упражненія (принципъ картинъ „Крестьянскій дворъ“). Изданіе комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Москва, 1869. Ц. 10 коп., съ картинною 50 коп.
- † 119. Руководство къ начальному обученію. Составлено *Малишевскимъ, Зайцевымъ и Экземпларскимъ*. Кіевъ, 1869.
120. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. *Н. Щербина*, Изд. 3-е. С.-Пб., 1869. Ц. 1 руб. 25 коп.
121. Первоначальный учитель чтенію и письму. *Г. Шарловскаго*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1864. Ц. 15 коп.
122. Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ. *Вѣры Ватрушеввой*. Изд. 2-е. С.-Пб., 1865. Ц. 20 коп.
123. Русская грамматика въ разказахъ для простолюдиновъ. *В. Новиковскаго*. С.-Пб., 1863. Ц. 15 коп.
124. Уроки русской грамматики. Два выпуска. Изданіе журнала *Мирской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1864. Ц. 30 коп.
125. Первые упражненія въ чтеніи и словѣ наставникамъ. *В. Волотова*. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1868. Ц. 10 коп.
126. По русской исторіи.
126. Учебная книга русской исторіи. *С. Соловьева*. Изд. 7-е. С.-Пб., 1868. Ц. 1 руб. 25 коп.
127. Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Составлена *Сергѣемъ Соловьевымъ*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1866. Ц. 40 коп.

128. Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1612 г. и избраніе царя Михаила. *Николая Костомарова*. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1866. Ц. 7 коп.

129. О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ. *К. Бестужева-Рюмина*. С.-Пб., 1866. Цѣна 22 коп.

130. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святѣмъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. *К. Бестужева-Рюмина*. Изд. 2-е, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1865. Ц. 11 коп.

131. Краткая исторія Россіи для народнаго и солдатскаго чтенія, съ приложеніемъ 4-хъ историческихъ картъ и хронологической таблицы. *Аркадія Столыпина*. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*, С.-Пб., 1869. Ц. 50 коп., безъ картъ 30 коп.

132. Сказаніе о стародавнихъ людяхъ Киевской земли. *М. Максимовича*. Киевъ, 1865. Ц. 6 коп.

133. Разказы изъ русской исторіи. *В. Водогорова*. Два выпуска, Изд. 3-е. С.-Пб., 1864 и 1865. Ц. 1 руб.

134. Сокращенная русская исторія. Соч. *А. Ишиковой*. С.-Пб., 1870. Ц. 1 руб.

135. Краткая русская исторія. Въ двухъ выпускахъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе съ 74 рисунками, редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 30 коп.

136. Краткая русская исторія. *Н. Ушакова*. Изд. 3-е, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1865. Ц. 4 к.

137. Иванъ Суздальскій. Историческая повѣсть. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 10 к.

138. Отечественная война 1812 года. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1870. Ц. 20 к.

139. 1812 годъ. Сочиненіе *Ольги Гончаровой*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1867. Ц. 15 к.

140. Разказъ изъ русской исторіи. Великій князь Ярославъ I. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 15 к.

141. Біографическіе очерки. *Владимира Новиковскаго*. V. Платонъ, митрополитъ Московскій. С.-Пб., 1864. Ц. 40 к.

142. Смоленскъ въ 1812 году. Историческій разказъ. С.-Пб., 1869. Ц. 5 к.

143. Нарва и Полтава. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1867. Ц. 15 к.

144. Русскіе въ тяжелую годину. Историческая повѣсть. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 10 в.
145. Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Соч. *И. Ремзова*. Изд. 2-е. С.-Пб., 1864. Ц. 10 в.
146. Разказъ изъ русской исторіи. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Соч. *П. Фурмана*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 40 в.
147. Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымницскій, генералиссимусъ русскаго войска. Изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1868. Ц. 25 в.
148. Разказъ изъ русской исторіи. Покореніе Казани Московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1867. Ц. 10 в.
149. Разказъ изъ русской исторіи. Мининъ и Пожарскій — избавленіе Москвы въ 1812 году. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 15 в.
150. Краткая исторія Россіи. Изданіе редакціи журнала *Народная Вѣстка*. С.-Пб., 1866. Ц. 15 в.

4. По географіи.

151. Начальный курсъ географіи по американской методѣ *Корнелля*. Изд. 6-е. С.-Пб., 1867. Ц. 1 р. 25 в.
152. Краткій учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. *Я. Кузнецова*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1866. Ц. 30 в.
153. Физическое землевѣдѣніе. *Я. Печорина*. Ч. 1-я, вып. 1-й. С.-Пб., 1863. Ц. 50 в.
154. Земля и что на ней есть. Географія для самообученія. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб., 1867. Ц. 6 в.
155. Путешествіе Московскаго купца Трифона Коробейникова въ Палестину. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1866. Ц. 10 в.
156. Святая гора Авонтъ, земной удѣлъ Божіей Матери, мѣстность и обитель ея. Изданіе четвертое. С.-Пб., 1859. Ц. 15 в.
157. Сказаніе о Царьградѣ. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1867. Ц. 10 в.
158. Святини и древности Великаго града Кіева. Съ 7-ю рисунками — Изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1867. Ц. 15 в.
159. Волга и Поволжье. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1868. Ц. 20 в.

160. Описаніе Западной Сибири. *И. Завалишина*. Ч. 1-я. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1862. Ц. 70 коп.

161. Край крещенаго свѣта. I. Мерзлая пустыня, или повѣсть о дивныхъ народахъ, кочующихъ съ полуночной стороны Россіи. *С. Максимова*. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1865. Ц. 11 к.

162. Край крещенаго свѣта. II. Дремучіе лѣса или разказъ о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса. III. Степи или разказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи. IV. Русскія горы и Кавказскіе горцы. *С. Максимова*. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1866. Ц. двухъ первыхъ по 9 к., третьей—8 к.

163. Самыя холодныя и самыя жаркія страны земнаго шара съ ихъ природой и жителями. Составилъ *Ө. Чекалинъ*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 10 к.

164. Очерки Малороссіи. Изданіе редакціи журнала *Мирской Вѣстника*. С.-Пб., 1865. Ц. 15 к.

165. Москва Бѣлокаменная и ея достопримѣчательности. Изданіе журнала *Мирской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1866. Ц. 15 к.

166. Странствователь по Прибалтійскому краю. С.-Петербургская губернія, съ рисунками. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Пб., 1861. Ц. 25 к.

167. Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи. Воронежская губернія, съ жизнеописаніями св. Митрофанія и Тихона. С.-Пб., 1862. Ц. 15 к.

168. Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи. Сѣверный край. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Пб., 1860. Ц. 10 к.

169. Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи. Московская и Тульская губерніи. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Пб., 1860. Ц. 10 к.

170. Учебный атласъ географіи Россіи, для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ и издалъ полковникъ генеральнаго штаба *Ильинъ*. Ц. 50 к.

171. Карта Россіи. Изд. *Ильина*. Ц. 1 р. 20 к.

5. По арифметикѣ.

†172. Арифметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе. Методи-

ческое руководство для родителей и элементарныхъ учителей. Составилъ *Г. Паульсонъ*. Изданіе пятое. С.-Пб., 1867. Ц. 60 к.

173. Упрощенная ариметика для полковыхъ и сельскихъ школы. Изданіе 3-е редакцій журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1866. Ц. 15 к.

174. Краткая ариметика для первоначальныхъ училищъ, составленная *М. Д.* Кіевъ, 1866. Ц. 6 к.

175. Собраніе арифметическихъ задачъ, расположенныхъ по „Руководству къ арифметикѣ“, *Буссе*. С.-Пб., 1868. Ц. 18 к.

6. Басни, повѣсти и разказы.

176. Басни *И. А. Крылова*. 9-е полное изданіе. А. Юнгмейстера, съ біографіей и объяснительнымъ словаремъ. С.-Пб., 1866. Ц. 1 р.

177. Басни, избранныя изъ *Хемницера* и *Крылова*. Съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ. *И. Золотова*. Изд. 5-е товарищества „Общественная польза“. С.-Пб., 1866. Ц. 16 к.

178. Дѣлатели золота. Народная сказка *Цицковке*. Второе изданіе, Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1866. Ц. 25 к.

179. Крестьянская школа. Соч. *М. Ротдовской*. С.-Пб., 1866. Ц. 1 р. 50 к.

180. Жизнеописаніе замѣчательныхъ людей. Елисавета Фрей. Сочиненіе *Е. Туръ*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 15 к.

181. Разказы о Ломоносовѣ. Составилъ *В. Новаковский*. Чтеніе для народа. С.-Пб., 1868. Ц. 12 к.

182. Разказы о Суворовѣ. Составилъ *В. Новаковский*. Чтеніе для народа. С.-Пб., 1868. Ц. 18 к.

183. Судь людской и Вожій. Ц. 9 к.

184. Трудъ человека кормить, а лѣнь портить. Разказъ подмастерья. *В. Александрови*. Изд. 4-е. С.-Пб., 1868. Ц. 4 к.

185. Какъ надо жить, чтобъ бѣду избѣть. С.-Пб., 1865. Ц. 2 к.

186. Два разказа: 1) Добровольное признаніе. 2) Гдѣ тишь и гладь, тамъ и Божья благодать. Изд. журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1865. Ц. 10 к.

187. Чтеніе для народа. *Н. С—каго*. Издалъ *А. Ситенскій-Селявинъ*. №№ 1, 2, 3 и 4. С.-Пб., 1865. Ц. по 2 к. за номеръ.

188. Разказъ Мордовки Поли о томъ, какъ она выучилась грамотѣ и какъ потомъ стала учить другихъ. Издалъ *А. Ситенскій-Селявинъ*. С.-Пб., 1867. Ц. 5 к.

189. Присланный Памфлетъ изъ того времени, какъ Французы брали Москву. *Т. Толмачевой*. Москва, 1870. Ц. 12 к.

190. Первая молитва: Давидова. Изданіе книгопродавца Блюмера (бывш. Мейеръ). С.-Пб., 1870. Ц. 4 к.

191. Бабушка Марса или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Москва, изданіе Яковлева, 1870. Ц. 15 к.

192. Исторія общественнаго и частнаго быта. Чтеніе въ школь и дома. Соч. *Д. Кирхманна*, перев. *К. Розенберга*, дополн. *В. Блючевскимъ*. Часть первая. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1867. Ц. 50 к.

193. Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей. Составлено теткой *Настасьей*. Москва, 1861. Ц. 20 к.

194. Упражненіе въ чтеніи и умственномъ развитіи. (Приложеніе къ таблицамъ для взаимнаго обученія чтенію). 6-е изданіе, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1864. Ц. 20 к.

195. Мертвецъ и пьяница, или чудесное избавленіе отъ пьянства. Соч. *А. К. А.* С.-Пб., 1869. Ц. 6 к.

196. Русская быль. Посвящается ученикамъ М—ской школы. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1863. Ц. 20 к.

197. Меньшія сестры Бѣдныхъ. (*Les petites sœurs des pauvres*). Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1863. Ц. 10 к.

7. По естествознанію.

198. Космосъ. Образованіе, вселенной и развитіе человечества отъ перваго начала до нашего времени. *Ф. Кербера*. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Съ нѣмецкаго. Три части. С.-Пб., 1860. Ц. 1 р. 80 коп.

199. Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. По *Бауману* составилъ *П. Степановъ*, съ измѣненіями къ примѣненію къ естественнымъ произведеніямъ Россіи. С.-Пб., 1861. Ц. 80 к.

200. Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ. *М. Максимовича*. Изданіе 7-е. С.-Пб., 1857. Ц. 25 к.

201. Разказъ изъ естественной исторіи. Какъ живетъ растеніе. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1864. Ц. 15 к.

202. Начальная азбука. Первые повѣсти и шпривѣдѣнія, съ 40

картинками и чертежами. Изданіе 2-е, исправленное, редакція журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1869. Ц. 15 к.

203. Земля, вода и воздухъ. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1870. Ц. 10 к.

204. Разказы о землѣ и о небѣ. А. *Иванова*. Изданіе Баддиной. С.-Пб., 1865. Ц. 30 к.

205. Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, прѣтвовъ и народныхъ шкولъ. Соч. Германа *Вайнера*, перев. В. *Висковитова*. С.-Пб., 1867. Ц. 1 р.

206. Разказъ изъ естественной исторіи. О землетрясеніяхъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1864. Ц. 15 коп.

207. Разказъ изъ естественной исторіи. Какъ нужно обращаться съ животными. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1864. Ц. 10 к.

208. Разказъ изъ естественной исторіи. Какъ питается человекъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1863. Ц. 15 к.

209. Разказъ изъ естественной исторіи. Чѣмъ питается человекъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1863. Ц. 12 к.

210. На досугѣ. Этюды по естествознанію. А. *Острогорская*. Выд. 2-й. С.-Пб., 1865. Ц. 30 к.

211. Бесѣды о природѣ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ. Н. *Зубова*. Изд. 2-е. С.-Пб., 1869. Ц. 40 к.

212. Небо и звѣзды. Составилъ *Узловскій*. С.-Пб., 1864. Ц. 10 к.

213. О природѣ и ея явленіяхъ. Разказы о землѣ, водѣ и воздухѣ. Краткая физическая географія, съ приложеніемъ изображенія двухъ земныхъ полушарій и трехъ рисунковъ. Изданіе журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Пб., 1862. Ц. 20 к.

214. Естественная исторія пчелы и главные правила пчеловодства, въ шести выпускахъ, съ 209 рисунками въ текстѣ. *Карасевича*. С.-Пб., 1867. Ц. 1 р. 80 к.

215. Элементарное объясненіе явленій природы. *Ивановича*. С.-Пб., 1869. Ц. 30 к.

216. Міровѣдѣніе. В. *Золотова*. Отд. 1-й. О тѣлахъ небесныхъ. Изд. 3-е, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1866. Ц. 32 к.

8. По сельскому и домашнему хозяйству, гигиенѣ, скотоврачеванію и пр.

217. Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія. *Ожогинъ С.-Пб.*, Ц. 1 р. 25 к.
218. Какъ узнать почву, и какія биваютъ почвы. *Н. Горбунова*. Второе изданіе, товарищества „Общественная Польза“. С.-Пб., 1868. Ц. 10 к.
219. Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать. *Н. Горбунова*. Съ 6-ю рисунками. Изданіе второе. С.-Пб., 1869. Ц. 10 к.
220. О томъ, что происходитъ въ воздухѣ, и что нужно знать изъ того земледѣльцу. *Н. Горбунова*. Изд. 3-е. С.-Пб., 1868. Ц. 10 к.
221. Домашній огорождь. Составилъ *М. Мамуля*. Съ планомъ огорода и рисунками. Второе, исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб., 1870. Ц. 1 р. 80 к.
222. Общедоступный огородникъ. Изданіе *Мамонтова*. Москва, 1869. Ц. 20 к.
223. Полезныя животныя, какъ друзья сельскаго хозяйства. Съ 17-ю рисунками. Сост. *Н. Ситникъ*. Изданіе *И. Ситникова-Селиванова*. С.-Пб., 1867. Ц. 10 к.
224. Бесѣды о домашнихъ животныхъ. Сост. *Н. Ситникъ*. Изданіе *А. Ситникова-Селиванова*. С.-Пб., 1867. 1) О воровѣ. Ц. 12 к. 2) О развитіи зерна у растеній. Ц. 10 к. 3) О развитіи зародыша у животныхъ. Ц. 10 к. 4) Наставленіе о томъ, какъ безъ обмана купить хорошую лошадь и дома вырастить добраго коня. Ц. 10 коп.
225. Пожары, причины ихъ и способы предохраненія отъ огня. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1868. Ц. 10 к.
226. Указатель мѣръ предосторожностей отъ пожаровъ. С.-Пб., 1868. Ц. 10 к.
227. Отвѣты на обыкновенные вопросы дѣтей: какъ и изъ чего это дѣлается и какъ называется? Изъ области техническихъ произведствъ. С.-Пб., 1870. Ц. 25 к.
228. Уходъ за дѣтьми въ первые годы ихъ жизни, въ примѣненіи къ крестьянскому быту. *М. У.* Второе изданіе. С.-Пб., 1870. Ц. 3 коп.
229. Здоровье. Указаніе подручныхъ средствъ къ сохраненію здоровья и подаваніе первой помощи въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ. Составилъ *А. Савельевъ*. Изданіе журнала *Досугъ и Дѣло*. С.-Пб., 1869. Ц. 10 к.

230. О знахаряхъ и о врачебной помощи въ деревняхъ. Священникамъ и грамотнымъ людямъ о домашнемъ лѣченіи въ народѣ. В. *Васильича* (Деривера). Изданіе третье. С.-Пб., 1865. Ц. 10 в.
231. Какъ слѣдуетъ жить, чтобъ быть здоровымъ. С.-Пб., 1870. Ц. 10 в.
232. Разговоръ священника съ прихожанами противу лѣченія заговорами. М. *Граникова*. С.-Пб., 1862. Ц. 15 в.
233. Секретныя и несекретныя средства отъ водобоязни и покусовъ бѣшеными собаками. Сочиненіе В. *Деривера*. С.-Пб., 1863. Ц. 20 коп.
234. Лѣчебникъ дойнаго домашнего скота, съ наставленіемъ о постройкѣ скотнаго двора и объ уходѣ за скотомъ. Изданіе А. *Ситтскаго-Селляма*. С.-Пб., 1867. Ц. 20 в.
235. Очерки промышленности. Тряпье и писчая бумага. Ст. 13 ризскими служками въ тавствѣ. Составилъ Г. *Одиченко*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1865. Ц. 25 в.
236. Руководство къ изученію оспопрививанія. Для духовныхъ училищъ, (походныхъ) фельдшерскихъ школъ и вообще для желающихъ научиться оспопрививанію. Составилъ врачъ М. *Щенсновича*. С.-Пб., 1870. Ц. 30 в.
237. Надежныя средства противъ пьянства и зараженія секретною болѣзнію. Сочиненіе (разсмотрѣнное въ медицинскомъ совѣтѣ) Составилъ *Александръ Савельевъ*. С.-Пб., 1870. Ц. 10 в.
9. По предмету обученія пѣнію.
238. Руководство для обучающихъ пѣнію въ народныхъ и патріотическихкихъ школахъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ. Составлено А. *Рожновымъ*. С.-Пб., 1866. Ц. 8 в.
239. Элементарные уроки пѣнія. А. *Рожнова*. С.-Пб., 1866. Ц. 6 коп.
240. Нотная азбука для народныхъ школъ. А. *Рожнова*. Ц. 20 в.
241. Нотная азбука, составленная для гѣвческихъ хоровъ. А. *Рожнова*. Изд. 2-е. Ц. 40 в.
242. Собраніе молитвъ, аранжированныхъ на дѣтскіе голоса, для народныхъ школъ. А. *Рожнова*. Ц. 10 в.
243. Учебное руководство для преподаванія церковнаго пѣнія въ народныхъ училищахъ. *Дамаскина*. Ц. 60 в.
244. Учебникъ церковнаго пѣнія. *Дамаскина*. Ц. 10 в.

10. По обученію письма.

245. Курсъ скорописи; Виктора *Половцева*, по американской методѣ. 2-е изд. *А. Ситенкоаго-Селлвина*. С.-Пб., 1865. Ц. 10 в.

246. Прониси для сельскихъ школъ. Изданіе журнала *Мірской Вѣстникъ*. С.-Пб., 1869. Ц. 30 в.

11. По разнымъ предметамъ.

247. Самодѣтельность. (Self-Help). Сочиненіе Самуила *Смайльса*. Четвертое изданіе. Переводъ съ англійскаго съ дополненіями *Кутейникова*. С.-Пб., изданіе Коблесова и Мизина, 1868. Ц. 55 в.

248. Руководство для наставниковъ. Объ обученіи глухонѣмыхъ въ народныхъ школахъ. *А. Бланше*. С.-Пб., 1865. Ц. 50 в.

12. Периодическія изданія.

249. Журналь для дѣтей. *М. Чистякова*.

250. Мірской Вѣстникъ. *Гейрота*.

251. Дѣтское чтеніе. *Острогорскаго*.

252. Семейные вечера. *Ростовской*.

253. Народная Школа. Педагогическій журналъ, издаваемый *Ф. Миднехдѣмъ*.

254. Росники. *Гвоздиковой*.

Примѣчанія.

1) Въ составъ этого каталога вошли книги: а) изданныя отъ святѣйшаго синода; б) разосланныя министерствомъ народнаго просвѣщенія въ начальныя народныя училища, и в) рассмотрѣнныя или ученнымъ комитетомъ министерства, или особымъ его отдѣломъ, или учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ.

2) Съ требованіями показанныхъ въ Каталогѣ книгъ надлежитъ обращаться: а) изданныхъ отъ святѣйшаго синода — въ синодальныя книжныя лавки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; б) изданныхъ комитетомъ грамотности Московскаго общества сельскаго хозяйства, Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, товариществомъ „Общественная Польза“, редакціями журналовъ: *Мірской Вѣстникъ*, *Чтеніе для солдатъ*, *Досугъ и Дѣло* — въ означенныя общества и редакціи, по принадлежности; в) прочихъ затѣмъ книгъ — или непосредственно къ авторамъ и издателямъ, или же къ комиссіонеру ученого комитета министерства народнаго просвѣщенія, С.-Петербургскому книгопродавцу *И. И. Глазунову*.

3) Цѣны книгъ означены частію продажныя, частію тѣ, по коимъ книжъ были приобретаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія. Посему, при выпискѣ книгъ въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ экземпляровъ, надлежитъ предварительно входить въ соглашеніе относительно цѣны съ издавшими оныя мѣстами и лицами ¹⁾).

4) Цѣны книгъ показаны безъ пересылки, за которую, по почтовой таксѣ, взимается слѣдующая плата съ фунта при отправленіи:

Въ губерніи и областяхъ: Изд. С.-Иб. Изд. Моск.		Въ губерніи и областяхъ: Изд. С.-Иб. Изд. Моск.	
Англолискую область	11 коп. 11 коп.	Лифляндскую	5 коп. 9 коп.
Амурскую область	11 " 11 "	Ломжинскую	7 " 9 "
Архангельскую	9 " 9 "	Люблинскую	8 " 9 "
Астраханскую	11 " 9 "	Минскую	7 " 5 "
Бавинскую	11 " 11 "	Могилевскую	7 " 5 "
Бессарабскую область	9 " 9 "	Московскую	5 " 3 "
Варшавскую	7 " 9 "	Нижегородскую	9 " 5 "
Виленскую	7 " 7 "	Новгородскую	8 " 6 "
Витебскую	5 " 5 "	Олокецкую	5 " 9 "
Владимирскую	7 " 3 "	Оренбургскую	11 " 11 "
Вологодскую	5 " 5 "	Орловскую	9 " 5 "
Волынскую	9 " 9 "	Пензенскую	9 " 5 "
Воронежскую	9 " 5 "	Пермскую	11 " 9 "
Вятскую	9 " 9 "	Петровскую	9 " 11 "
Гродненскую	7 " 9 "	Плоцкую	8 " 9 "
Дагестанскую область	11 " 11 "	Полтавскую	9 " 7 "
Екатеринославскую	9 " 7 "	Приморскую область	11 " 11 "
Елисаветпольскую	11 " 11 "	Псковскую	5 " 5 "
Енисейскую	11 " 11 "	Радомскую	9 " 9 "
Забайкальскую область	11 " 11 "	Рязанскую	7 " 3 "
Область В. Донскаго	9 " 9 "	Самарскую	9 " 7 "
Иркутскую	11 " 11 "	С.-Петербургскую	3 " 5 "
Казанскую	9 " 7 "	Саратовскую	9 " 7 "
Калишскую	7 " 9 "	Семипатчинскую обл.	11 " 11 "
Калужскую	7 " 3 "	Семірѣченскую область	11 " 11 "
Каменецъ-Подольскую	9 " 9 "	Симбирскую	9 " 5 "
Киѣвскую	9 " 7 "	Смоленскую	5 " 5 "
Ковенскую	5 " 7 "	Ставропольскую	11 " 9 "
Костромскую	7 " 5 "	Сувалкскую	7 " 9 "
Кубанскую область	11 " 11 "	Суръ-Дарьинскую обл.	11 " 11 "
Курляндскую	5 " 9 "	Сѣделскую	9 " 11 "
Курскую	9 " 5 "	Таврическую	11 " 9 "
Куртаскую	11 " 11 "	Тамбовскую	9 " 5 "
Кѣлецкую	9 " 11 "	Тверскую	5 " 3 "

¹⁾ Некоторые, не входящіяся нынѣ въ продажъ книги, издаемы съ цѣлю вызвать новыя изданія ихъ.

Въ губерніи и области. Изъ С.-Пб. Изъ Моск.	Въ губерніи и области. Изъ С.-Пб. Изъ Моск.
Терскую область 11 коп. 11 коп.	Херсонскую 11 коп. 9 коп.
Тифлисскую 11 " 11 "	Черниговскую 9 " 7 "
Тобольскую 11 " 11 "	Шемахинскую 11 " 11 "
Томскую 11 " 11 "	Эриванскую 11 " 11 "
Тульскую 7 " 3 "	Эстляндскую 5 " 9 "
Уральскую 11 " 9 "	Якутскую область 11 " 11 "
Уфимскую 11 " 11 "	Ярославскую 5 " 3 "
Харьковскую 9 " 5 "	

Страховныя деньги взимаются по 1 коп. съ каждаго рубля объявленной подателямъ цѣны книгъ.

5) Подобный каталогъ съ дополненіями будетъ издаваемъ ежегодно; о книгахъ же, одобренныхъ для начальныхъ народныхъ училищъ въ теченіе года, извѣстія печатаются въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

9. (27-го марта 1871 года). *Объ измѣненіи текста § 28 устава Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ.*

Г. министръ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе представленія г. почетнаго члена Казанскаго учебнаго округа, разрѣшилъ текстъ § 28-го утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія устава Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ замѣнить слѣдующимъ: § 28. «Засѣданіе Общества считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ, кромѣ президента и секретаря, не менѣе трехъ членовъ Общества; но собраніе можетъ постановлять рѣшенія только по тѣмъ дѣламъ и производить лишь тѣ выборы, о которыхъ было заявлено въ повѣстѣхъ, предварительно разосланной наличнымъ членамъ къ подписи».

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

20-го марта 1871 года (№ 4). *Утверждаются:* ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники *Кочетовъ* и *Рославскій-Петровъ*.

скій — заслуженными профессорами сего университета, экстраординарный профессор Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины *Шмидбергъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины, магистръ славянской словесности *Манушевъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи, съ 11-го марта 1871 года. *Назначаются:* директоръ третьей С.-Петербургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демоніусъ* — членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, сверхъ настоящей должности, инспекторъ Курской гимназіи, статскій совѣтникъ *Воршевъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, съ 13-го марта 1871 года. *Оставляются на службу:* а) по 14-е мая 1873 года: директоръ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ *Тихоновичъ*; б) на пять лѣтъ: директоръ Керченской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Падретъ-де-Варне*, съ 22-го августа 1869 года; заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лешковъ*, съ 20-го января 1871 года. *Командируется съ ученою цѣлю:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петтигольдтъ* — въ Туркестанскій край, на восемь мѣсяцевъ. *Продолжается срокъ отпуска* (съ 21-го февраля 1871 года): помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Шульгину* — въ С.-Петербургѣ, по 21-е марта 1871 года. *Увольняются въ отпускъ:* а) внутри Россіи: Динабургскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Невзоровъ* — на двѣ недѣли, въ С.-Петербургѣ; ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій* — на семнадцать дней, въ Москву и С.-Петербургѣ; б) за границу: на три недѣли: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Шмидтъ*, во время лѣтнихъ вакацій 1871 года, и экстраординарный профессоръ Импе-

РАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Св. ВЛАДИМИРА *Ивановъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго — *Мещниковъ* и Дерптскаго — статскій совѣтникъ *Фомель*, ординарный профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института *Миллеръ*, директоръ Варшавскихъ VI мужской классической и III женской гимназій, статскій совѣтникъ *Бекманъ*, начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ *Захаровъ*, инспекторы: Ревельской гимназіи — надворный совѣтникъ *Бертинъ* и прогимназій: Сандомирской мужской классической и женской — коллежскій совѣтникъ *Клейберъ* и Ченстоховской, мужской классической — *Девичскій*, учителя гимназій: Костромской — надворный совѣтникъ *Моренъ*, Рязанской — *Сыроучковскій*, Аренбургской — *Гольцмайеръ* и *Вейраухъ*, Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ — *Боссе*, Тульской — состоящіе въ VIII класѣ *Гайчмакъ* и *Гороцкій*, и мужскихъ классическихъ: Варшавской I — надворный совѣтникъ *Роде*, Кѣлецкой — *Хандриковъ* и Бѣльской — *Лавровскій*, учитель Магилероваго двухкласснаго городского училища *Мачтатъ* и учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Вилкинса*, и въ вѣхъ *Захаровъ*, *Клейберъ*, *Гольцмайеръ*, *Роде* и *Хандриковъ* по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и четырнадцать дней: начальникъ Калишской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ *Беръ*, и учитель Радомской мужской классической гимназіи *Куликовъ-Сурицъ*, оба по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и пятнадцать дней: инспекторъ Кѣлецкихъ мужской классической гимназіи и женской прогимназіи *Марціановичъ*, по болѣзни; на два мѣсяца исправляющій должность учителя Житомирской гимназіи *Земблябенъ*, съ 1-го іюля 1871 года; съ 1-го іюля по 15-е августа 1871 года: учитель Остротской прогимназіи, надворный совѣтникъ *Ковдонъ*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать девять дней: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета, статскіе совѣтники: *Гольцъ* и *Эттингенъ*, экстраординарный профессоръ сего университета *Ульманъ*; —

стоящій при томъ же университетѣ ученый аптекаръ *Мозинъ*, учителя гимназій: Ковенской—надворный совѣтникъ *Матте-Гене*, Вологодской—надворный совѣтникъ *Ранси*, С.-Петербургскихъ: третьей—надворный совѣтникъ *Лебедевъ*, съ 17-го мая 1871 г. и Ларинской—состоящіе въ VIII классѣ *Костевъ* и *Вислоцкий*, Варшавской I женской—*Юдинъ* и *Малакень*, и учителя Дерптскаго уѣзднаго училища *Бруннеръ*, изъ нихъ: *Матте-Гене*, *Ранси*, *Лебедевъ* и *Малакень* по болѣзни; на три мѣсяца: учитель Ровенской гимназій, коллежскій ассессоръ *Стаховскій*, по болѣзни, съ 30-го мая 1871 года; съ 12-го мая по 25-е августа 1871 г.: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Бошницъ*; на четыре мѣсяца: врачъ Харьковскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Гутцббъ*: *Увольняются отъ службы, по прошеніямъ*: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Паулингъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи *Анучинъ*, послѣдній съ 13-го марта 1871 года. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: почетному смѣрителю Аккерманскаго уѣзднаго училища, губернскому секретарю *Леонарду*—за его заботы о семъ училищѣ и за сочувствіе въ дѣлу народнаго образованія и дворянину *Тереженко*—за его пожертвованіе въ пользу народнаго образованія.

11-го апрѣля 1871 года (№ 5). *Утверждаются*: заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левковъ*—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 20-го января 1871 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Березинъ*—заслуженнымъ профессоромъ сего университета, съ 19-го марта 1871 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Цингеръ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ чистой математики, съ 27-го февраля 1871 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго

Варшавскаго университета, докторъ философіи *Струве* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ философіи, съ 27-го марта 1871 года. *Оставляется на службу на пять лѣтъ*: главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смолянъ* — съ 27-го января 1871 года. *Командируется съ ученою цѣлю*: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Овсянниковъ* — въ губерніи Казанскую и Симбирскую, на мѣсяць, съ 15-го апрѣля 1871 года. *Увольняются въ отпускъ*: въ разныя губерніи Россіи: директоръ училищъ Калужской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бибиковъ* — съ 25-го мая 1871 года, на двадцать девять дней и затѣмъ до конца лѣтнихъ ваканцій; за границу: на двадцать восемь дней: инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шершеневичъ* — съ 18-го іюня 1871 г. по болѣзни; на лѣтнее ваканціонное время 1871 года: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Мазинъ*, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій секретарь *Бергъ*, ассистентъ, клиники глазныхъ болѣзней того же университета *Рудневъ*, директоръ главнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, коллежскій ассессоръ *Кирхнеръ*, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, камеръ-юнкеръ *Ляжницкій*, учителя гимназій: С.-Петербургской второй, статскій совѣтникъ *Тараидъ*; Бѣлостокской, надворный совѣтникъ *Чеховичъ*, Перновской, титулярный совѣтникъ *Кремеръ*, С.-Петербургской Ларинской, коллежскій секретарь *Катсовичъ*, Костромской, состоящіе въ VIII классѣ *Блюссъ* и *Демидовъ*, С.-Петербургской второй, состоящій въ VIII классѣ *Гиничъ*, Ровенской, состоящій въ VIII классѣ *Хоминъ*, Сѣдлецкой мужской классической, *Семеновичъ*, исправляющіе должность учителей гимназій: Московской третьей, *Черный* и Тверской — *Кочича*, учителя: Грубешовской мужской классической прогимназій: *Андреевскій*, *Сыгнаевичъ*, *Лавровскій* и *Долгинскій*, главнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны

въ С.-Петербургѣ: состоящіе въ X классѣ: *Фостъ* и *Кизерицкій*, и классныя дамы: Калишской женской гимназіи, *Степанова* и Варшавской женской прогимназіи, *Клеберъ*; изъ нихъ: Бергъ, Кирхнеръ, Ляхницкій, Тарвидъ, Чеховичъ, Фохтъ и Кизерицкій по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и семь дней: учитель Никѣлаевской гимназіи въ Либавѣ, коллежскій ассессоръ *Квасъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двѣнадцать дней: учитель Сѣдлецкой женской прогимназіи *Левицкій*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и пятнадцать дней: учитель Каменецъ-Подольской гимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Романовскій-Романько*, съ 1-го іюля 1871 года; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и восемнадцать дней: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Андреевскій*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать дней: учитель Нижегородской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Бертранъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать шесть дней: учитель Бѣлоцерковской гимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Жаненъ*, съ 1-го іюля 1871 года; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать девять дней: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, надворный совѣтникъ *Андреевъ*, съ 20-го мая, и Дерптскаго — *Рейснеръ*, сверхштатные экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ С.-Петербургскаго *Ціонъ* и Варшавскаго *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Лангель*, преподаватель Нижегородскаго Александровскаго института, коллежскій совѣтникъ *Готти* и учителя гимназій: С.-Петербургской второй, статскій совѣтникъ *Зоннъ*, Вятской, надворный совѣтникъ *Стендеръ*, С.-Петербургскихъ: первой — коллежскій ассессоръ *Миллеръ* и Ларинской — состоящій въ VIII классѣ *Маакъ*, Одесской второй — *Фотъ*, съ 26-го мая 1871 года, и учитель С.-Петербургскаго Владимірскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Дуркинъ*; изъ нихъ: Рейснеръ, Ціонъ, Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Лангель, Зоннъ, Стендеръ, Миллеръ и Дуркинъ по болѣзни; съ 20-го мая по 15-е августа 1871 года: ординарный

профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шведовъ*; на четыре мѣсяца: врачъ Вилочервской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Крозмаль* и почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Таганрогскаго, отставной поручикъ *Фурсовъ* и Калужскаго, губернскаго секретарь *Пенскій*; изъ нихъ Крозмаль по болѣзни *Увольняется отъ службы по прошенію*: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Паллонскій*, съ 20-го марта 1871 года. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: окружному инспектору Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Пятину* — за особенное усердіе къ службѣ и дѣятельность; почетному смотрителю Таганрогскаго уѣзднаго училища, отставному поручику *Фурсову* и С.-Петербургскому 2-й гильдіи купцу *Иванову* — за пожертвованія въ пользу народнаго образованія; попечительницѣ Таганрогскаго женскаго однокласснаго приходскаго училища, женѣ отставнаго поручика *Фурсовой* — за усердіе ея къ пользамъ народнаго образованія. *Исключается изъ списковъ умершій*: бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Ивановъ*.

Официальныя извѣщенія.

Чины Архангельской казенной палаты и тамошнихъ губернскаго казначейства и акцизнаго управленія, желая сохранить память о посещеніи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, 29-го іюня 1870 года, палаты и казначействъ, предположили учредить двѣ стипендіи въ Архангельскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, съ наименованіемъ воспитанницъ, изъ дочерей чиновниковъ этихъ шестъ, стипендіатками Великаго Князя Александра Александровича, и для этой цѣли собрали сумму въ 1.000 руб.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра финансовъ, Государь Императоръ, 6-го ноября 1870 года, Высочайше соизволилъ на принятіе этой суммы для учрежденія при означенномъ училищѣ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича.

Наложене объ этихъ стипендіяхъ утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія 27-го февраля 1871 года.

По рассмотрѣніи въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія книги подъ заглавіемъ: «Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Уроки по закону Божію для народныхъ школъ. Употребительнѣйшія молитвы, выпускъ первый (при немъ картина духовнаго содержанія). Москва 1869 г. Цѣна 15 коп.», означенная книга, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, была передана на рассмотрѣніе учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ.

Святѣйшій синодъ, по рассмотрѣніи названной книги, согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета, не нашелъ съ своей стороны препятствій къ допущенію упомянутой книги въ начальные народныя училища, въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ однако, чтобъ указанные учебнымъ комитетомъ недостатки въ сей книгѣ были исправлены при слѣдующемъ ея изданіи.

Съ Высочайшаго соизволенія, при Императорской Академіи художествъ предпринято съ 1871 года, подъ редакціей краевика музея древняго русскаго искусства Прохорова, изданіе журнала *Христіанскія и русскія древности и археологія* по слѣдующей ниже сего программѣ.

Судя по вышедшимъ до сего времени тремъ выпускамъ, можно ожидать, что журналъ этотъ будетъ заключать въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній по христіанской и русской старинѣ. Имѣя

однако въ виду, что тѣхъ смалѣнко, этими свѣдѣніями болѣеинтересно публики интересуется мало, или даже и вовсе не находятъ въ нихъ полезнаго чтенія; между тѣмъ какъ интересъ этого изданія въ будущемъ зависитъ совершенно отъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ собраны въ текущемъ году. Его Императорское Высочество гг. товарищъ президента Императорской Академіи художествъ обратился къ г. министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о распространеніи этого изданія по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія.

Раздѣляя мнѣніи Его Императорскаго Высочества о научномъ интересѣ этого журнала и принимая во вниманіе его національное значеніе, г. министръ народнаго просвѣщенія пожелалъ предложить гг. почитателямъ учебныхъ поурѣковъ обратить на это изданіе вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній и рекомендовать его къ выпискѣ для библиотекъ этихъ заведеній.

Программа издаваемаго Императорскою Академіей Художествъ, подъ редакціей В. А. Прохорова журнала *Христіанскія и русскія древности и археологія*.

1. *Христіанскія древности и археологія*, съ рисунками памятниковъ древностей: а) церковной архитектуры; б) скульптуры и рѣзбы; в) иконописи, фресокъ и мозаикъ; г) церковной утвари и другихъ священннхъ предметовъ, — съ историческими и археологическими разъясненіями.

2. *Русскія древности*, также съ рисунками, относящимися во всемъ отраслямъ русскаго искусства и разъясняющими событія историческія и бытъ народный во всемъ отношеніяхъ: а) въ военномъ; б) гражданскомъ; в) домашнемъ; и г) русскія одежды въ разныхъ періодахъ и проч.

Ежебѣлное годовое изданіе, состоящее изъ 12-и книгъ журнала *Христіанскія и русскія древности и археологія*, стоитъ 12 руб., съ пересылкою 14 руб.

Подписываться можно въ правленіи Императорской Академіи художествъ.

Состоявшее при Московскомъ университетѣ Императорское Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, въ общемъ собраніи своемъ 14-го декабря 1870 года, постановивъ учредить званіе почетнаго члена комитета имѣющей быть въ 1872 году въ Москвѣ политехнической выставки, и считая себя обязаннымъ г. министру народнаго просвѣщенія не только успѣшнымъ направлениемъ настоящихъ своихъ трудовъ, но и ходомъ развитія всей своей дѣятельности, и руководимое чувствами живѣйшей благодарности къ его сіятельству, графу Дмитрію Андреевичу, просило его сіятельство принять званіе почетнаго члена комитета политехнической выставки, на что графъ Дмитрій Андреевичъ, въ письмѣ на имя президента названнаго общества, профессора Щуровскаго, отъ 24-го апрѣля 1871 года, изъявилъ свое согласіе.

Государю Императору благоугодно было предоставить Императорскому Русскому Археологическому обществу изданіе рисунковъ, снятыхъ академикомъ Солнцевымъ, въ 1843 году, съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора, съ тѣмъ, чтобы изданіе это служило продолженіемъ «Древностей Россійскаго Государства». На расходы по этому изданію отпущены были Обществу суммы частію изъ остатковъ отъ изданія «Древностей Россійскаго Государства», частію изъ кабинета Его Величества. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было разрѣшить приобрѣтеніе по закупкѣ по одному экземпляру упомянутаго изданія для высшихъ учебныхъ заведеній и институтовъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, долж. могутъ быть вообще выручены продажей оного, были обращены на пополненіе, хотя нѣкоторой части назначенныхъ къ отпуску денегъ. Высочайшее повелѣніе это объявлено было Обществу въ отношеніи министра Императорскаго Двора отъ 21-го іюля 1866 года за № 3587, писанномъ на имя Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ первый выпускъ рисунковъ мозаикъ и фрескъ Кіевскаго Софійскаго собора, цѣною по 6 руб. за экземпляръ, можно получать по требованіямъ изъ Общества, которое помѣщается на Литейной, въ домѣ II-го Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

ПОПРАВКИ

Въ «Извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1869 годъ», помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, замѣчена слѣдующая опечатка:

	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>
Стр. 2 строка 3-я снизу	къ продолженію	къ поддержанію.

Въ той же книжкѣ, на стр. 108 «Правительственныхъ распоряженій», въ строкахъ 4-й и 5-й снизу, произошла перестановка словъ, нарушающая смыслъ. Строки эти должны быть восстановлены такъ: «1-му іюля, вѣдомости о дѣйствительныхъ остаткахъ, образовавшихся отъ кредитовъ предыдущаго».

and the other is the fact that the population of the country is not homogeneous. The population is divided into two groups, the rich and the poor, and the rich are not homogeneous either. The rich are divided into the landed gentry and the bourgeoisie, and the poor are divided into the peasantry and the proletariat. The landed gentry and the bourgeoisie are both interested in the maintenance of the existing order, but the landed gentry is more interested in the maintenance of their own power and the bourgeoisie is more interested in the maintenance of their own property. The peasantry and the proletariat are both interested in the overthrow of the existing order, but the peasantry is more interested in the overthrow of the landed gentry and the proletariat is more interested in the overthrow of the bourgeoisie.

CONCLUSION

The main result of the present study is that the population of the country is not homogeneous. The population is divided into two groups, the rich and the poor, and the rich are not homogeneous either. The rich are divided into the landed gentry and the bourgeoisie, and the poor are divided into the peasantry and the proletariat. The landed gentry and the bourgeoisie are both interested in the maintenance of the existing order, but the landed gentry is more interested in the maintenance of their own power and the bourgeoisie is more interested in the maintenance of their own property. The peasantry and the proletariat are both interested in the overthrow of the existing order, but the peasantry is more interested in the overthrow of the landed gentry and the proletariat is more interested in the overthrow of the bourgeoisie.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ К.-Я. ЭРБЕНА ¹⁾.

Въ истекшемъ году Чехи понесли великую потерю: 21-го ноября, въ часъ ночи, скончался, 59 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ лучшихъ передовыхъ дѣятелей чешскихъ въ наукѣ, литературѣ и современномъ политическомъ движеніи, ученый и поэтъ, Карль-Яромиръ Эрбенъ. Если во всякое время такая потеря должна глубоко поражать народъ, то теперь, въ тяжкой борьбѣ съ стихіей, исконно враждебною славянской народности, наканунѣ великихъ событій, быть можетъ, угрожающихъ всему славянскому міру и прежде всего его передовымъ постамя, такая потеря незамѣнима. Въ настоящее время у Чеховъ всякая сила идетъ въ строгій и точный расчетъ, а Эрбенъ былъ безспорно великою народною силой, былъ честью, украшеніемъ и гордостью своего народа. Кто изъ Чеховъ не звалъ Эрбена, кто не читалъ по крайней мѣрѣ его „Китицы“, кто изъ нихъ не испыталъ на себѣ сильнаго возбужденія отъ его дѣятельности въ смыслѣ уразумѣнія своей народности, одушевленія ею и служенія ей, готоваго на всѣ жертвы? И если справедливо убѣжденіе, что торжество въ борьбѣ за народность съ врагомъ послѣдней прежде всего зависитъ отъ общесознаннаго и глубоко прочувствованнаго смысла борьбы, отъ общаго одушевленія этимъ смысломъ, то должно вѣрить въ торжество Чеховъ, если только они останутся вѣрными самимъ себѣ, въ чемъ не позволяетъ сомнѣваться вся ихъ предшествовавшая исторія, а также должно вѣрить и въ то, что этимъ торжествомъ Чехи будутъ обязаны во многомъ своему Эрбену. На чешскомъ народномъ знамени, въ ряду именъ многихъ знаменитыхъ народныхъ дѣятелей, яркими буквами начертано имя Эрбена, а въ этомъ имени—залогъ спасенія народности, будущаго счастья народа. Жизнь и дѣятельность Эрбена мо-

¹⁾ Эта статья была написана для прочтенія на актѣ Императорскаго Харьковскаго университета.

гуть служить краснорѣчивымъ оправданіемъ той непреложной истины, что сила науки и поэзіи въ народномъ духѣ, незримо дѣйствующая на народъ, создающая для него идеалы и воодушевляющая его къ осуществленію этихъ идеаловъ, есть могущественная, непреодолимая сила. Потеря такой силы есть по истинѣ народное несчастіе. Мы желали бы воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы выразить свое скромное, но глубокое сочувствіе этому несчастію нашихъ братьевъ-Чеховъ. Мы желали бы, въ утѣшеніе, напомнить имъ ту, конечно, извѣстную имъ истину, что великіе народные дѣятели не умираютъ; что ихъ слово, воплотившее въ себя ихъ душу, вѣчно; что слово Эрбена живетъ и теперь въ сердцахъ всѣхъ Чеховъ, направляя ихъ неизмѣнно къ той великой цѣли, служенію которой посвящена была вся его жизнь. Вопли увѣренный, м. г., въ вашемъ глубокомъ сочувствіи этой всеславянской потерѣ, своимъ краткимъ очеркомъ я думалъ только предупредить ваше желаніе воспроизвести въ настоящія минуты по крайней мѣрѣ существенныя черты жизни и многотрудной дѣятельности знаменитаго чешскаго писателя и общественнаго дѣятеля. Съ своей стороны Харьковскій университетъ не можетъ не сознавать нравственной обязанности вспомнить о немъ въ настоящемъ торжественномъ собраніи, такъ какъ онъ съ 1861 года состоялъ въ числѣ почетныхъ членовъ университета.

Карль-Яроміръ Эрбенъ родился 19-го октября 1810 года въ Гичинскомъ округѣ, въ селеніи Милетинѣ, немного къ сѣверу отъ роковой для Австрійцевъ Садовой. Послѣ обычнаго домашняго обученія онъ помѣщенъ былъ своими небогатыми родителями, предназначавшими его къ учительскому званію, въ мѣстное народное училище, гдѣ своимъ усердіемъ и способностями обратилъ на себя вниманіе приходскаго священника, Яна Арнольда, занимавшагося подготовленіемъ болѣе успѣвшихъ и даровитыхъ учениковъ къ гимназін; въ числѣ такихъ учениковъ былъ и Эрбенъ. Здѣсь жѣ, на родинѣ, онъ усердно обучался музыкѣ, въ которой въ послѣдствіи значительно усовершенствовался; извѣстно, что въ музыкальной Чехіи игра на какомъ-нибудь инструментѣ составляетъ непремѣнный предметъ обученія чуть ли не каждаго Чеха еще въ дѣтствѣ. Для Эрбена музыка послѣ послужила большимъ пособіемъ въ занятіяхъ народными пѣснями, въ ихъ собираніи, изданіи и изученіи; онъ былъ превосходнымъ знаткомъ чешскихъ народныхъ напѣвовъ. На четырнадцатомъ году онъ оставилъ свою родину и поступилъ въ Кралевоградскую гимназію, гдѣ и прошелъ полный гимназическій курсъ. Усердно занимаясь всѣми

предметами, онъ съ особенною любовію обратился къ изученію отечественнаго языка и литературы, при чемъ пользовался наставленіями и руководствомъ опытнаго своего наставника Іосифа Хмелы (1793—1847 гг.), извѣстнаго переводчика съ вѣмецкаго языка—Коцебу, Геснера, Рамбаха и др., и съ латинскаго—Аврелія Виктора и др., и автора многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Эти занятія имѣли, очевидно, рѣшительное вліяніе на Эрбена: они еще здѣсь, въ гимназіи, не замедлили развитію въ немъ склонность къ собственной литературной производительности; они опредѣлили то направленіе всей его послѣдующей авторской дѣятельности, которому онъ не измѣнилъ во всю свою жизнь. Отсюда онъ посылалъ свои небольшія статейки для напечатанія въ разныя редакціи тогдашнихъ періодическихъ изданій; здѣсь же, въ послѣдній годъ гимназическаго курса, написано было имъ первое поэтическое произведеніе „*Řevnivý*“, напечатанное въ Чехославѣ. Въ 1831 году онъ явился въ Прагу и поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Въ Прагѣ онъ былъ принятъ какъ писатель, пользовавшійся уже нѣкоторою извѣстностью, и это облегчило для него сближеніе съ тогдашними передовыми чешскими дѣятелями, особенно съ Палацкимъ, первые труды котораго ужъ успѣли обратитъ на себя общее вниманіе. Въ это время, еще будучи студентомъ, Эрбенъ занимался въ архивахъ перепискою историческихъ памятниковъ, а также извлеченіями изъ обширнаго творенія Павла Скалы, въ которыхъ послѣ принималъ участіе знаменитый чешскій журналистъ, критикъ и общественный дѣятель К. Гавличекъ (1821.—1856 гг.)¹⁾. Послѣднее занятіе было особенно полезно для послѣдующей дѣятельности Эрбена, а сближеніе съ Гавличкомъ, конечно, сопровождалось сильнымъ вліяніемъ на патріотическое его настроеніе. Среди ученыхъ и университетскихъ занятій Эрбенъ не оставлялъ и литературы: ко времени его студент-

¹⁾ Pavel Skala ze Zhoře (род. 1583 гг.), будучи въ изгнаніи съ 1622 года, написалъ во Фрейбургѣ, въ 1628—1640 годахъ, обширную, заключающуюся въ десяти огромныхъ фолиантахъ (каждый около 1700 стр.) «Всеобщую исторію церкви» (*Historie církevní ze spisův a z paměti' hodnověrných historikův v kratkou sumu uvedená*) отъ временъ апостольскихъ до конца 1623 года. Сочиненіе это, не смотря на его величайшую важность для чешской исторіи, особенно за время 1600—1623 гг., описанное съ наибольшимъ усердіемъ, до послѣдняго времени извѣстно было только по немногимъ отрывкамъ, напечатаннымъ Палацкимъ въ 1831 и 1834 годахъ и Гавличкомъ въ 1850 году. Съ 1865 года началось изданіе «Исторіи» Павла Скалы въ обширныхъ раздѣлахъ въ «*Monumenta historiae Bohemicae*».

ской жизни относится его комедія „Sládcí“, принятая съ большимъ сочувствіемъ и игранная на тогдашнихъ вольныхъ театрахъ; къ этому же времени относятся и первыя его путешествія по деревнямъ и селамъ для собиранія чешскихъ народныхъ пѣсень.

Мы не станемъ подробно слѣдить за ходомъ официальной службы Эрбена; она слишкомъ скромна и однообразна, чтобы привлечь вниманіе. По окончаніи курса въ университетѣ, въ 1837 году, онъ поступилъ практикантомъ въ Пражскій уголовный судъ, а затѣмъ въ фискальную палату, гдѣ и оставался до 1843 года. Въ 1850 году онъ былъ избранъ секретаремъ и архивариусомъ чешскаго народнаго музея, но уже въ слѣдующемъ году поступилъ въ должность архивариуса главнаго городского архива, въ которой и оставался до конца своей жизни. Последняя должность въ началѣ потребовала отъ него много труда и времени, потому что до него архивъ находился въ величайшемъ небреженіи и безпорядкѣ, и ему стоило величайшихъ усилій, чтобы привести дѣла въ порядокъ; это приведеніе въ порядокъ и перепись дѣлъ имѣли слѣдствіемъ открытіе многихъ весьма важныхъ памятниковъ. Но за то, когда архивъ, благодаря трудамъ Эрбена, былъ приведенъ въ образцовое состояніе, его служебная дѣятельность естественно должна была получить весьма ограниченныя размѣры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и оказались досуги съ полною возможностью посвящать ихъ дѣятельности другаго рода, къ которой были направлены всѣ его самыя задушевные симпатіи. Здѣсь, въ архивѣ, среди многочисленныхъ шкафовъ старыхъ дѣлъ, была задумана и окончена наибольшая часть лучшихъ произведеній Эрбена; здѣсь совершалась неустанная работа, слѣдствіемъ которой было почти ежегодное обогащеніе в науки и литературы капитальными трудами.

Важнѣе официальной службы въ жизни Эрбена былъ тотъ осмилѣтній промежутокъ времени (1843—1850 гг.), въ который онъ находился внѣ ея. Въ это достопамятное время, когда всѣ Чехи поднялись за свое старое право и свою народность, дѣятельность Эрбена принимаетъ политическій и общественный характеръ; онъ является горячимъ патріотомъ, съ жаромъ отстаиваетъ народныя права и вообще принимаетъ живѣйшее участіе въ совершавшемся тогда необыкновенномъ народномъ движеніи, пока роковая неудача послѣдняго не загнала его въ архивъ. Это былъ весьма замѣчательный періодъ въ жизни Эрбена. Дѣятельность его началась непосредственнымъ участіемъ въ огромномъ предпріятіи, вызванномъ оппозиціей всѣхъ чешскихъ сословій противъ политики Меттерниха. Задуманное предпріятіе

состояло въ изданіи обширнаго сборника дипломатическихъ документовъ (*Česky diplomatař*), имѣвшаго цѣлю документально доказать и утвердить чешское государственное право. Руководителемъ этого предприятия былъ Палацкій, избравшій себѣ въ помощники Томка и Эрбена. Первый долженъ былъ работать въ Прагѣ, а второй назначался для объѣзда всей Чехіи съ цѣлю пересмотра всѣхъ архивовъ и извлеченій изъ хранящихся въ нихъ важнѣйшихъ дипломатическихъ документовъ. Каждое лѣто съ 1843 по 1847 годъ включительно совершались эти путешествія, въ которыя тщательно были разобраны Эрбеномъ, съ указанною цѣлю, всѣ чешскіе архивы, сначала южные, а потомъ сѣверные. Кромѣ того, каждую зиму онъ посвящалъ составленію выписокъ изъ юридическихъ актовъ частію для *Чешскаго Архива*, который издавалъ Палацкій, частію для народнаго музея. За эту дѣятельность въ 1846 г. Эрбенъ былъ назначенъ штатнымъ ассистентомъ въ Чешскій музей, а въ 1849 году избранъ въ члены Чешскаго ученаго общества. Нельзя сомнѣваться, что Эрбенъ умѣлъ воспользоваться своими путешествіями для объясненія смысла и значенія того движенія, которое охватило тогда всю Чехію, а также въ томъ, что тѣ же путешествія сильно обогатили его сборникъ чешскихъ пѣсень, которому положено было начало еще въ 1838 году. „Первое собраніе“—говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію „Напѣвовъ“—„сильно умножилось во время путешествій для чешскаго дипломатическаго сборника въ 1843—1847 годахъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ приходилось оставаться по многу дней и недѣль“.

Насталъ бѣдственный для Чеховъ 1848 годъ. Эрбенъ стоялъ въ центрѣ общаго народнаго движенія, и былъ избранъ въ члены народнаго сейма; не происходило ни одного общественнаго собранія, въ которомъ онъ не принималъ бы живѣйшаго участія. Вскорѣ однако онъ былъ отправленъ на Хорватскій сеймъ въ Загребъ для повдравленія бана Еллачича съ прибрѣтеннымъ имъ высокимъ положеніемъ въ Хорватіи, для объясненія всего, совершившагося въ Чехіи, и для сообщенія въ Прагу рефератовъ о замѣчательныхъ явленіяхъ на Загребскомъ сеймѣ. Съ достоинствомъ выполнивъ это порученіе и возвратясь въ Прагу, Эрбенъ принялъ на себя редакцію *Пражскихъ Новинъ*, думая, разумѣется, издавать ихъ въ народномъ духѣ; но, когда тогдашній президентъ Левъ Тунъ потребовалъ, чтобъ изданіе слѣдовало неуклонно направленію господствовавшаго тогда централистическаго министерства, онъ немедленно отказался отъ предприятия и отъ всѣхъ представляемыхъ имъ выгодъ. Въ это время Эрбенъ

пользовался уже репутацией отличнаго юриста и знатока стараго чешскаго языка, а потому былъ приглашаемъ къ участию во всѣхъ, составлявшихся тогда, комиссіяхъ для установленія officialнаго языка. Такъ, въ 1849 году, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, онъ былъ вызванъ въ Вѣну для участія въ собранной тамъ, по распоряженію правительства, комиссіи изъ представителей всѣхъ Славянъ въ Австріи съ цѣлію составленія славянской юридической терминологіи для всѣхъ австрійскихъ славянскихъ нарѣчій. Тѣмъ, что эта комиссія, сколько было возможно, достигла своей цѣли, она обязана была преимущественно представителямъ Чеховъ, и прежде всего Эрбену, что именно утверждаетъ Шафарикъ въ изданной вслѣдъ за тѣмъ славянской юридической терминологіи. Въ Вѣнѣ, повидимому, мало вѣрили въ успѣхъ комиссіи и стали уже утверждать, что славянскій языкъ вовсе не на столько развитъ, чтобы могъ точно выражать юридическіе термины. И если принять въ соображеніе ту глубокую и непримиримую вражду ко всему славянству, которою было проникнуто тогдашнее министерство Баха, то нѣтъ никакого основанія не признавать справедливымъ и то замѣчаніе чешскихъ писателей, что самое составленіе комиссіи имѣло цѣлію доказать нелѣпность желанія Славянъ имѣть законы на своемъ родномъ языкѣ. Когда же дѣло пошло на ладъ, то министерство стало торопить комиссію, и когда послѣдняя не могла окончить своихъ работъ къ назначенному сроку, тотчасъ послѣдшило распустить ее. Но чешскіе депутаты забрали съ собою всѣ, добытые въ комиссіи, матеріалы, и обработавъ ихъ въ Прагѣ, въ слѣдующемъ же (1850) году издали „Юридическую чешскую терминологію“, къ немалому неудовольствію Нѣмцевъ. Это изданіе послужило потомъ весьма важнымъ пособіемъ для той же цѣли остальнымъ австрійскимъ Славянамъ. Въ слѣдующемъ году Эрбенъ принималъ живое участіе въ составленіи учебной терминологіи для реальныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, во все тревожное и тяжелое время народнаго чешскаго движенія въ защиту своихъ государственныхъ правъ и своей свободы, Эрбенъ постоянно является однимъ изъ передовыхъ и главныхъ общественныхъ дѣятелей, неумоимо, съ полнымъ самопожертвованіемъ, съ забвеніемъ собственныхъ выгодъ трудящимся для пользы общенароднаго дѣла. Заключенный послѣ катастрофы 1848 г. въ городскомъ архивѣ, онъ продолжалъ въ сущности ту же работу, потому что всѣ его произведенія были направлены къ одной цѣли — уяснить для народа его исторію, его историческія права на свободу и само-

стоятельность, его собственные идеалы, заключающіеся въ неистощимомъ сокровищѣ его народной поэзіи, связь съ остальнымъ, стоящимъ за нимъ, славянскимъ міромъ, сочувствіе къ которому онъ постоянно старался возбуждать. Все болѣе и болѣе развивавшееся самосознаніе народа, сознаніе своихъ правъ и силъ, укрѣплявшаяся вѣра въ лучшее будущее, поддерживавшая и одушевлявшая его въ тяжелой борьбѣ съ врагомъ, безъ сомнѣнія, поддерживали и въ немъ самымъ ту же вѣру и служили для него постояннымъ возбужденіемъ къ новымъ трудамъ, среди которыхъ и нашла его, такъ рано для народа подошедшая къ нему, смерть. Ему пришлось много и долго горевать надъ горемъ своего народа, но не пришлось радоваться его радостію. Если только суждена народная радость нашимъ братьямъ-Чехамъ, съ такою честью и съ такимъ достоинствомъ отстаивающимъ свою славянскую народность.

Посмотримъ же на главные труды нашего почетнаго члена, направленные къ такой высокой цѣли, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ литературѣ народной поэзіи.

По изданію старыхъ чешскихъ памятниковъ, юридическихъ, историческихъ и литературныхъ, кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ, мы укажемъ на изданіе въ 1851 г. Пражской хроники Бартоша († 1535 г.). Хотя эта хроника и обнимаетъ всего семь лѣтъ (1524—1530 гг.), однако она имѣетъ весьма важное значеніе какъ по языку, простому, ясному и выразительному, съ которымъ, говорить Эрбенъ, едва ли можетъ сравниться языкъ какого угодно сочиненія такъ-называемаго золотого вѣка чешской литературы, такъ и потому, что она есть достоверный и почти единственный источникъ для описываемаго ею времени. Бартошъ, современникъ и участникъ описываемаго имъ возстанія утраквистовъ и католиковъ противъ приверженцевъ Лютерова ученія, къ которымъ принадлежалъ онъ самъ, и противъ Чешскихъ братьевъ, былъ первымъ чешскимъ лѣтописцемъ, излагавшимъ историческія событія въ ихъ естественной связи. Историческое значеніе этой хроники видно и изъ того, что во второй половинѣ прошлаго вѣка былъ сдѣланъ латинскій переводъ ея (изданный въ 1859 году Гёфлеромъ).

Весьма важное значеніе имѣетъ также Эрбеново изданіе сочиненія извѣстнаго чешскаго писателя второй половины XIV вѣка, Томы Штитнаго „Объ общихъ предметахъ христіанскихъ“ (Thomáše ze Štítného knížky šestery o obecnych věcech křesťanských. 1852). Литературная дѣятельность Томы Штитнаго относится къ тому достопамятному въ

исторія Чеховъ времени, когда началось религиозное движеніе, вѣзавшее скоро дѣятельность Гуса и гуситскія войны. Это было время, когда былъ поднятъ и выработывался вопросъ, скоро формулированный весьма рѣзко: соотвѣтствуетъ ли тогдашнее западное христіанство истинному и чистому ученію, возвѣщенному Евангеліемъ, не нуждается ли оно въ очищеніи отъ несогласующихся съ этимъ ученіемъ и вошедшихъ съ теченіемъ времени церковныхъ традицій, отъ поздѣйшихъ добавленій людскаго вымысла, не настоятъ ли крайняя потребность преобразованія церкви въ главѣ и членахъ, во всемъ ея устройствѣ и дисциплинѣ? Въ возбужденіи и рѣшеніи этого вопроса, на раду съ современными ему знаменитыми чешскими проповѣдниками-реформаторами, Яношъ Милчезъ († 1374 г.), Матвѣемъ изъ Янова († 1394 г.) и послѣ Гусомъ, принималъ живое участіе и Тома Штитный. Тѣ христіанскія понятія, которыя развивалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, находились въ полномъ разногласіи съ понятіями, утвердившимися въ господствовавшей церкви, и эти понятія быстро и широко распространялись въ народѣ, благодаря ясному, живому, проникнутому глубокимъ патріотическимъ одушевленіемъ изложенію и его простому, легкому и увлекательному языку. Какъ популярный и патріотическій писатель въ наилучшемъ значеніи этого понятія, онъ былъ непримиримымъ врагомъ тогдашней латинской чеховой учености, овладѣвшей и Пражскимъ университетомъ. „Святой Павелъ“, говоритъ Штитный, „писалъ свои посланія языкомъ тѣхъ, къ кому писалъ, Евреямъ по еврейски, Грекамъ по гречески: почему бы Господь Богъ и Чехамъ не написалъ и не напоминалъ своей воли письмомъ, у нихъ употребительнымъ?... И неужели не строить моста изъ-за того, что глупый можетъ съ него свалиться?“ отвѣчаетъ онъ на обычныя опасенія школьныхъ мудрецовъ, чтобы простой читатель не употребилъ высокое ученіе во зло ¹⁾. И это говорилъ человѣкъ, владѣвшій всею современною ему образованностью. Такой писатель долженъ быть востойнно присущъ сознанію народа въ его борьбѣ за народность, и этимъ значеніемъ его достаточно объясняется появленіе его сочиненій, начиная съ сороковаго года ²⁾. Эрбену принадлежатъ честь изъ-

¹⁾ Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, А. Пыпина, 272.

²⁾ Въ 1840 году издано одно, а въ 1844 году — пять его сочиненій. Отдѣльныя извлеченія появлялись раньше этого времени: въ 1805 году въ сочиненіи Томсы «Über die Veränderungen der böhmischen Sprache», въ *Часописъ* 1838 и 1841 годовъ (извлеченія Палацкаго и Штарка) и др. (Юнгманъ, 42). Изъ другихъ сочиненій Штитнаго укажемъ на Бесѣды между отцемъ и сыномъ (Роз-

данія важнѣйшаго и лучшаго его сочиненія. Къ изданію приложена написанная имъ же прекрасная біографія Ёомы Штитнаго.

Тѣмъ же значеніемъ и тѣмъ же характеромъ, и еще въ большей степени, отличаются сочиненія самого Гуса, имя котораго сдѣлалось символомъ чешской народности, а потому для насъ совершенно понятно обращеніе къ нимъ Эрбена, слившимъ четыре года занимавшагося ихъ изданіемъ (1864 — 1868 годахъ).

Изданное имъ въ 1854 — 1855 годахъ „Путешествіе въ святую землю“ Христофора (Криштофа) Гаранта (род. 1564 г., казненъ за участіе въ чешскомъ возстаніи послѣ Бѣлгорской битвы 21-го іюня 1621 года) весьма важно для этнографической характеристики посѣщенныхъ имъ странъ. Получившій основательное образованіе, съ знаніемъ многихъ языковъ, Гарантъ еще въ молодости путешествовалъ по Италіи и Германіи съ Фердинандомъ II, тогда еще великимъ герцогомъ, особеннымъ расположеніемъ котораго онъ пользовался, а въ 1598 году, по смерти первой своей жены, предпринялъ путешествіе въ Святую землю, посѣтилъ Венецію, острова Занте, Кандію и Кипръ, Іерусалимъ, Синай и Египетъ. Составленное имъ, по усиленной просьбѣ друзей, описаніе этого послѣдняго путешествія замѣчательно не только по его собственнымъ наблюденіямъ и замѣчаніямъ, но и потому, что при составленіи его онъ пользовался многочисленными, простиравшимися до шести сотъ, сочиненіями, старыми и позднѣйшими, на языкахъ греческомъ и латинскомъ, французскомъ, италіанскомъ, испанскомъ и нѣмецкомъ. Замѣчательно для времени Гаранта и то обстоятельство, что авторъ, какъ самъ изучившій посѣщенные имъ страны, большею частію относится критически къ обширнымъ источникамъ и пособіямъ, которыми онъ пользовался. Изданіе такого сочиненія Эрбеномъ (первое, современное автору, изданіе было въ 1608 году) было дѣйствительнымъ обогащеніемъ чешской литературы не только со стороны содержанія книги, но и со стороны языка: если изданіе сочиненія Ёомы Штитнаго было живою характеристикой языка въ началѣ золотого періода чешской литературы, то изданіе Путешествія Хр. Гаранта представляло такую же характеристику языка въ концѣ этого періода, заключившагося знаменитою Бѣлгорскою битвой ¹⁾).

mlančaní mezi otcem a dětmi), рѣчи въ воскресные и праздничные дни, о семи степеняхъ (o sedmi vstupních) или о путяхъ къ духовному совершенствованію.

¹⁾ На нѣмецкій языкъ перевелъ это сочиненіе братъ Христофора, Янъ, подъ заглавіемъ: «Der christliche Ulysses, oder Reisebeschreibung Christ. Harant von Poleschitz in die Morgenländer».

Мы не будемъ долго останавливаться на изданномъ Эрбеномъ въ 1855 году обширномъ сборникѣ дипломатическихъ документовъ Чехіи и Моравіи (*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Annorum 600 — 1253*), такъ какъ значеніе его слѣшкомъ ясно. Безъ этого изданія теперь не можетъ обойтись никто изъ желающихъ изучить древнюю чешскую исторію. Въ немъ съ величайшею тщательностію и добросовѣстностію собраны всѣ встрѣчающіяся въ памятникахъ извѣстія о Славянахъ въ Чехіи и Моравіи, начиная съ краткихъ и бѣглыхъ замѣтокъ до подробныхъ извѣстій, сообщаемыхъ въ болѣе или менѣе обширныхъ документахъ, а относительно древнѣйшаго времени — и о другихъ западныхъ Славянахъ, такъ какъ въ это время, по справедливому замѣчанію Эрбена, невозможно съ точностію опредѣлить границы занимаемыхъ ими областей. Замѣчательно при этомъ умѣнье распорядиться древними памятниками въ строгомъ соотвѣтствіи съ цѣлію: достоинство дорогое въ изданіяхъ этого рода, освобождающее ихъ отъ всего излишняго, безъ нужды возвышающаго цѣну изданія. „При извлеченіяхъ изъ памятниковъ“, говоритъ Эрбенъ въ предисловіи, — „я считалъ первою своею обязанностію все важнѣйшее и существенное (*omnia, quae majoris momenti et succus quasi et sanguis essent*) сохранить съ буквальною точностію, а неважное и касающееся только формъ — опускать. Понятно, что къ изданію, допускающему такой пріемъ, серьезное историческое изслѣдованіе можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ только тогда, когда оно совершается такимъ знатокомъ древней чешской исторіи, каковымъ былъ Эрбенъ, такъ какъ вообще понятіе о важномъ и неважномъ весьма относительно. Сборникъ сопровождается превосходнымъ ученымъ аппаратомъ: указателемъ собственныхъ именъ — лицъ и мѣстъ, при чемъ съ величайшимъ усердіемъ собраны всѣ ихъ многочисленныя разночтенія, представлявшія нерѣдко немалыя затрудненія, понятныя только знакомому съ трудами этого рода; въ концѣ приложенъ и перечень встрѣчающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ и нѣмецкихъ словъ, при чемъ сообщается и объясненіе первыхъ. Этимъ образцовымъ изданіемъ, плодомъ многолѣтнаго труда, Эрбенъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность далеко за предѣлами славянскаго міра, и западно-европейскія ученые общества привѣтствовали его за то избраніемъ въ число своихъ членовъ.

Наконецъ, въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по изданію древне-чешскихъ памятниковъ Эрбенъ не забылъ и столицы своей родной страны: въ томъ же году, когда изданъ былъ только-что упомянутый

дипломатическій сборникъ, онъ составилъ для тогдашняго періодическаго изданія *Обзоръ* очерки древней исторіи Праги (*Načrtky ze staršího života Pražského*), а три года спустя, по вызову тогдашняго бургомистра Пражскаго, написалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе: „Die Primatoren der kaiserl. Altstadt Prag“, въ которомъ изложены Пражскія событія отъ Фердинанда I до Іосифа II; еще два года спустя, по тому же вызову, написано имъ: „Geschichte der k. k. priv. Prager bürg. Scharfschützen“, часть I¹⁾.

Изданная Эрбеномъ въ томъ же 1860 году „Жизнь св. Екатерины“ по открытой еще въ 1850 году въ Стокгольмѣ²⁾ Іосифомъ Печиркой рукописи конца XIV вѣка можетъ составлять переходъ къ литературнымъ трудамъ Эрбена въ тѣсномъ смыслѣ, къ которымъ мы и перейдемъ. Римованная повѣсть о св. Екатеринѣ представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ ряду тѣхъ средневѣковыхъ романтическихъ произведеній, которыя въ XIII вѣкѣ начали вторгаться въ Чехію вмѣстѣ съ нѣмецкими обычаями, все болѣе и болѣе укоренявшимися при дворѣ и въ высшихъ сословіяхъ. Образцомъ пхъ можно назвать сохранившуюся въ чешскомъ переложеніи, въ отрывкахъ, въ рукописи также XIV вѣка, извѣстную героическую поэму объ Александрѣ Македонскомъ. Наша повѣсть, замѣчаетъ Эрбенъ, не только можетъ быть сравниваема съ «Александріей» по силѣ и свѣжести языка, по совершенству метра и полнотѣ рими, но и тѣмъ еще особенно замѣчательна, что сохранила въ себѣ много словъ древнихъ, или до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ въ другомъ смыслѣ. Чешское переложеніе съ латинскаго подлинника, по соображенію заключающихся въ немъ отдѣльныхъ указаній (на Татаръ, на повѣсть „Тристамъ“ и др.), Эрбенъ относитъ къ концу XIII вѣка; къ этому времени относится и переложеніе Александріи. Изданіе повѣсти отличается обычными достоинствами всѣхъ трудовъ Эрбена и прежде всего полнымъ и основательнымъ изученіемъ текста; испорченность послѣдняго требовала многочисленныхъ объясненій, и эти объясненія отличаются нерѣдко остроуміемъ, въ то же время обличая въ из-

¹⁾ Кроме того, по смерти Эрбена были найдены въ рукописи обширныя выписки изъ разныхъ иностранныхъ писателей, касающіяся чешскаго народа и простирающіяся до 1306 года. Выписки эти предполагается напечатать въ изданіи Палацкаго: «Fontes rerum Bohemicarum».

²⁾ Рукопись принадлежала Петру изъ Розенберга, послѣднему въ родѣ († 1611 г.), бібліотека котораго, находившаяся въ Прагѣ, въ 1648 году вывезена была Шведами въ Стокгольмъ.

датель отличнаго знатока древне-чешскаго языка; къ изданію приложенъ небольшой словарь, весьма облегчающій чтеніе памятника.

Изъ приведеннаго обозрѣнія трудовъ Эрбена можно видѣть, что онъ былъ ученый въ истинномъ значеніи этого слова, притомъ съ глубокимъ патріотическимъ направленіемъ, такъ какъ всѣ его труды были направлены къ уясненію сознанія своего народа относительно его исторіи, права, литературы. Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ Эрбеновыхъ статьяхъ того же содержанія, а также по предметамъ славянскихъ древностей, мѣологіи, напримѣръ, „о славянскихъ и преимущественно чешскихъ названіяхъ мѣсяцевъ“ (1849 г.), „о двоицѣ и троицѣ въ мѣологіи славянской“ (1857 г.) и др., напечатанныхъ въ разныхъ чешскихъ періодическихъ изданіяхъ; всѣ онѣ отличаются необыкновенною добросовѣстностію изученія предмета, обширною начитанностію, простотою, общедоступною ясностію изложенія и образцовымъ языкомъ.

Но Эрбенъ, кромѣ того, былъ поэтъ также въ высокомъ значеніи этого слова и глубокій знатокъ не только чешской, но и обще-славянской народной поэзіи. Его „Кйтицу“ (Kytice z pověstí národních. Издана въ 1853 и 1861 годахъ), по истинѣ можно назвать украшеніемъ, неувыдаемымъ букетомъ чешской поэзіи. Она одна, эта маленькая книжка, доставила Эрбену имя перваго чешскаго поэта, и къ этому имени потомство отнеслось бы съ величайшимъ уваженіемъ даже и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ кромѣ нея не написалъ ничего. Этотъ небольшой сборникъ балладъ, написанныхъ въ разное время, есть художественное воспроизведеніе глубоко прочувствованныхъ народно-поэтическихъ мотивовъ. Такое воспроизведеніе съ перваго взгляда представляется дѣломъ легкимъ, и оно кажется тѣмъ легче, чѣмъ ближе къ подлиннику, чѣмъ точнѣе и совершеннѣе его воспроизводитъ, и однако какъ мало каждая литература имѣетъ высокихъ образцовъ этого рода! Чтобъ уяснить это явленіе, достаточно сопоставить опыты въ томъ же родѣ, напримѣръ, Мерзлякова и Дмитріева, Пушкина, Кольцова и Никитина: изъ этихъ усилій овладѣть народною поэзіей, изъ неудачъ этихъ усилій въ большей или меньшей степени легко усматривается вся трудность дѣла. Не говоря о первыхъ изъ названныхъ писателей, находившихся еще подъ сильнымъ вліяніемъ враждебной этимъ опытамъ школы, не говоря о Пушкинѣ, только инстинктивно понимавшемъ красоты народной поэзіи, отъ которой его постоянно отдаляли и воспитаніе, и жизнь, и школа, и обязанномъ своимъ все-таки блестящимъ успѣхомъ силѣ поэтическаго дарованія, не говоря о нихъ, даже

такіе поэты, какъ Кольцовъ и Никитинъ, вышедшіе непосредственно изъ глубины народной жизни, вскормленные ею, слѣдовательно, безотчетно воспитавшіе ее въ самихъ себѣ и нуждавшіеся, повидимому, только въ орудіи для ея выраженія, даже и такіе поэты терпѣли неудачи въ воспроизведеніи народной поэзіи; въ произведеніяхъ даже такихъ поэтовъ зачастую слышатся звуки, чуждые народной поэзіи, чувствуется присутствіе субъективнаго элемента, замѣчаются признаки искусственнаго, личнаго творчества: такъ трудно сохранить неприкосновенными роскошный цвѣтъ и благоуханіе народной поэзіи. Для этого необходимъ особый складъ, особое настроеніе души, вполне совпадающее съ общамя народнымъ душевнымъ настроеніемъ, полная, предустановленная гармонія между тѣмъ и другимъ. И такимъ именно поэтомъ былъ Эрбенъ. Обладая этимъ настроеніемъ душевнымъ, этою гармоніей, онъ не дѣлалъ надъ собою никакихъ усилій, когда проводилъ народно-поэтическіе мотивы чрезъ собственное чувство и фантазію. Въ его произведеніяхъ народная поэзія только очищалась отъ случайностей и неровностей, естественныхъ въ ея развитіи и употребленіи въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Оттого, кажется, и не можетъ быть рѣчи о какомъ-то отреченіи его отъ его собственной личности, о какой-то жертвѣ, приносимой имъ народу: при такомъ отреченіи и такой жертвѣ неизбѣжны черты, обнаруживающія усилія, а слѣдовательно, и самую жертву, чего не откроютъ никакіе поиски въ балладахъ Эрбена. Если мы не видимъ его никогда горюющимъ надъ своимъ личнымъ горемъ, радующимся своею личною радостью, вообще одушевленнымъ какимъ-нибудь личнымъ, ему исключительно принадлежащимъ и его исключительно характеризующимъ, чувствомъ, и если мы видимъ въ его горѣ и скорби, радости и наслажденіи, только неизмѣнно чистое и полное отраженіе народнаго чувства, то это доказываетъ только упомянутую выше общность настроенія, гармонію, то, что его мысль совпадала съ мыслью своего народа, что его сердце билось одними ударами съ сердцемъ цѣлаго народа. Чутко прислушиваясь ко всему, что творилось и говорилось въ народѣ, перенося въ себя со всею свѣжестью и полнотой образы народно-поэтическаго творчества, облеченные въ живую народную рѣчь, онъ создавалъ изъ всего этого произведеніе художественно-народное, до того объективное, что не отыщешь въ немъ ни малѣйшей черты, ни малѣйшаго участія его собственнаго, личнаго творчества, и если бы весь народъ, какъ совершенный художникъ, принялся за ту же работу, онъ не могъ бы произвести ничего лучшаго. И это оттого, что Эрбенъ умѣлъ „прозрѣть

сердце народа, измѣрить его разумъ, уразумѣть законы его эстетическаго чувства“, оттого, что онъ „привыкъ мыслить и чувствовать вмѣстѣ съ народомъ, вышелъ изъ нѣдръ его и созрѣлъ въ нихъ“ (предисловіе къ изданію пѣсенъ, стр. VII). Такой характеръ и такое значеніе поэтическихъ произведеній Эрбена, хотя немногихъ и небольшихъ, общають имъ общее значеніе и даютъ ему почетное мѣсто въ общей литературѣ. Намъ остается сожалѣть, что въ настоящемъ случаѣ приходится ограничиться этою общою характеристикой произведеній Эрбена; что ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ представить ея анализъ, способный доставить высокое и чистое наслажденіе.

Характеристика эта можетъ однако служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что едва-ли кто владѣлъ и владѣеть столь благопріятными условіями и средствами для собиранія произведеній народной поэзіи, какими владѣлъ Эрбенъ. Наклонность къ собиранію народно-поэтическихъ произведеній, мы видѣли, сложилась въ немъ весьма рано и не оставляла его до послѣдней минуты; она сопровождала всю его дѣятельность. Мысль объ изданіи произвеній народной поэзіи не покидала его даже тогда, когда онъ весь былъ преданъ инымъ занятіямъ, повидимому, не имѣвшимъ ничего съ нею общаго. Вотъ почему, въ силу этой наклонности, призванія и умѣнья, выработаннаго трудомъ и временемъ, всѣ изданныя имъ сборники этого рода, по справедливости, принадлежать къ наилучшимъ, существующимъ гдѣ-либо. Чтобы правильно оцѣнить эту дѣятельность Эрбена, нужно имѣть въ виду тѣ, всегда соединенныя съ нею, затрудненія, вполне преодолѣть которыя удается весьма немногимъ, и которыми объясняется часто встрѣчающееся недовѣріе къ этимъ изданіямъ, опасенія относительно точности передачи произведеній народной поэзіи, а слѣдовательно, и относительно пользованія ими при изученіи послѣднихъ. Ко всѣмъ изданіямъ Эрбена всякій, конечно, отнесется смѣло и съ полною вѣрою, потому что кто зналъ его, кто слѣдилъ за его дѣятельностію, тотъ долженъ вѣрить; въ этомъ отношеніи онъ былъ и будетъ непоколебимымъ авторитетомъ. Обнародованные у насъ въ послѣднее десятилѣтіе многочисленныя сборники нашихъ былинъ возбудили, какъ видно, нѣкоторое недовѣріе, впрочемъ голословное, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не доказанное, именно потому, что собиратели не были такими авторитетами, а имя одного изъ нихъ, издавашаго притомъ наилучшіе сборники, было до того вовсе неизвѣстно и появилось внезапно.

Еще въ 1842—1845 годахъ изданы Эрбеномъ три выпуска „Písni

pláhodních v Čechách“. Обогащая послѣ того и приводя въ порядокъ свой обширный сборникъ, онъ, однако, только съ 1860 года могъ снова приступить къ трудамъ по его изданію: въ 1862 году вышелъ первый выпускъ его сборника: „Prostonárodní české písně a říkadla“, а въ 1864 году и весь сборникъ, обнимающій почти всю поэтическую жизнь чешскаго народа; въ немъ собраны пѣсни, начинающіяся дѣтскими и оканчивающіяся похоронными. „Представляя чешскому народу“, говоритъ Эрбень, „это почти четверо умноженное изданіе его собственнымъ произведеній, которыя частью я самъ собралъ въ теченіе 25-и лѣтъ по всѣмъ областямъ нашей дорогой страны, частью пріобрѣлъ отъ добрыхъ друзей, а нахожу не малое утѣшеніе въ сознаніи, что безъ моихъ усилій о ихъ сохраненіи едва ли не половина ихъ погибла бы навсегда“, вслѣдствіе быстрого вымиранія истинно-народной пѣсни вмѣстѣ съ старыми людьми. Эрбень собиралъ не только самыя пѣсни, но и ихъ напѣвы, которые онъ такъ высоко и справедливо цѣнилъ въ ихъ неразрывной связи съ содержаніемъ, какъ произведеніе того же народнаго духа, и которые такъ легко и точно усвоивалъ его чуткій во всему народному и музыкально развитый слухъ. Еще къ первому изданію, въ 1844—1847 годахъ, онъ приложилъ три выпуска напѣвовъ, а въ 1860 году присоединилъ къ нимъ четвертый; черезъ два года вышло полное изданіе напѣвовъ, какъ приложеніе къ пѣснямъ. Изданіе напѣвовъ Эрбень тѣмъ болѣе считалъ необходимымъ, что они исчезаютъ легче и быстрее всѣхъ произведеній народныхъ. „Возникая съ новыми пѣснями“, говоритъ онъ, „сохраняясь нѣсколько времени, одни дольше, другіе меньше, они уступаютъ другимъ, какъ одна волна уступаетъ другой, какъ одинъ листъ другому“.

Еще года за три до изданія пѣсенъ, Эрбень задумалъ обширный и весьма полезный трудъ составленія обще-славянской книги для чтенія (Slovanska Čítanka) изъ простонародныхъ сказокъ и повѣстей. Такой трудъ предполагалъ въ издателѣ обширное знакомство съ обще-славянскою народною поэзіей, а выполнение его должно было встрѣтить большія затрудненія, неизбѣжныя въ предпріятіяхъ этого рода, особенно потому, что по нѣкоторымъ славянскимъ нарѣчіямъ до сихъ поръ или вовсе нѣтъ, или нѣтъ хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ собраній народныхъ сказокъ. Необыкновенное терпѣніе, любовь къ дѣлу, отличающія каждый трудъ Эрбена, а также его обширная связь во всемъ славянскомъ мірѣ помогли ему преодолѣть эти затрудненія. Въ 1865 году вышелъ въ свѣтъ этотъ прекрасный сборникъ,

предназначенный служить орудіемъ взаимнаго ознакомленія и единенія Славянъ, настольною книгою каждаго Славянина, способнаго понимать значеніе этого единенія. „Прежде всего“, говоритъ Эрбенъ. „я хотѣлъ этимъ изданіемъ доставить нашему юношеству средство легкимъ и практическимъ способомъ ознакомиться съ важнѣйшими отличіями въ языкѣ и письмѣ великаго славянскаго народа, занимающаго неизмѣримое пространство разныхъ земель отъ горъ Баварскихъ за Уралъ, отъ Аѳона до Ледовитаго моря, и считающаго до 80 милліоновъ одноплемениковъ“. Ограниченность размѣровъ изданія объясняется бѣдностью и неравномѣрностью обнародованнаго матеріала, а также понятнымъ желаніемъ издателя соблюсти, по возможности, равномѣрность относительно каждаго славянскаго нарѣчія. „О такихъ размѣрахъ“, говоритъ Эрбенъ, „въ какихъ изданъ, напримѣръ, нѣмецкій сборникъ Фирмениха „Germaniens Volksstimmen“, или французскій „Recueil général des poésies populaires de la France“, у насъ пока нельзя и думать. Сборникъ расположенъ по раздѣленію славянскихъ нарѣчій, предложенному Шафарикомъ, и заключаетъ въ себѣ 43 сказки и повѣсти западныхъ Славянъ, 27 восточныхъ и 30 южныхъ. Для сообщенія ему общедоступности, въ нему приложены два словаря, одинъ для кирилловскаго, а другой для латинскаго письма. И это была, по замышленію Эрбена, только первая часть труда. „Не могу скрыть“, говоритъ онъ, „что я считаю эту книгу для чтенія только первою частію, за которою долженъ слѣдовать сборникъ *простонародныхъ славянскихъ пѣсенъ*, въ большей части уже составленный, и если мнѣ удастся напечатать его, хотя бы и въ такихъ же скромныхъ размѣрахъ, я считалъ бы свой трудъ вполне законченнымъ“.

Къ тому же роду трудовъ относится и его обширная „Христоматія старо-чешской литературы“ (Wýbor z literatury české), первый томъ которой, обнимающій литературу отъ древнѣйшихъ времёнъ до XV вѣка, изданъ еще въ 1845 году. Слѣдовавшее затѣмъ политическое движеніе и беспощадная австрійская цензура остановили дѣло, и только съ 1856 года Эрбенъ приступилъ къ изданію продолженія своей христоматіи, которое, по плану, должно состоять изъ двухъ частей, каждая въ четыре выпуска, и обнимать литературу отъ XV до конца XVIII вѣка. Первый выпускъ вышелъ уже въ слѣдующемъ (1857) году, а послѣдній первой части, оканчивающійся XVI вѣкомъ, изданъ въ 1868 году. Изданіе это, отличающееся всѣми, уже извѣстными намъ, достоинствами трудовъ Эрбена, также требовало отъ него

большихъ усилій и того обширнаго знанія старо-чешской литературы, какимъ едва-ли кто изъ Чеховъ владѣлъ въ то время. Здѣсь съ рѣдкою предупредительностію и заботливостію устранены всѣ затрудненія для желающаго пользоваться сборникомъ: въ началѣ каждой статьи онъ найдетъ краткое, но точное, описаніе рукописи, обзоръніе содержанія, біографическія свѣдѣнія о писателѣ; въ началѣ изданія помѣщена весьма обстоятельная (хотя издатель и называетъ ее краткою) грамматика старо-чешскаго языка, а въ концѣ подробное и стоявшее большихъ трудовъ объясненіе словъ и предметовъ, а также алфавитный указатель. Важнѣйшіе памятники, какъ Краледевская рукопись и другіе меньшаго объема, напечатаны вполнѣ; а обширныя извлеченія изъ остальныхъ сдѣланы съ чрезвычайною добросовѣтностію и знаніемъ дѣла. Вообще хрестоматія Эрбена можетъ служить образцомъ для изданій этого рода.

Весьма замѣчательно, что послѣдніе годы своей жизни Эрбенъ посвящалъ и изученію древнихъ русскихъ памятниковъ, историческихъ и литературныхъ. Какъ бы предчувствуя приближающуюся свою кончину, онъ спѣшилъ самымъ дѣломъ заявить свои симпатіи къ Россіи, къ которой постоянно были обращены его патріотическія надежды, и на которой покоилась его непоколебимая вѣра въ лучшую будущность всего славянскаго міра. Въ послѣдніе годы были изданы имъ съ обычною во всѣхъ его изданіяхъ обстановкою, объясняющею текстъ и облегчающею пользованіе имъ, наша „Несторова лѣтопись“ и знаменитая наша поэма „Слово о полку Игоревѣ“ съ переводомъ на чешскій языкъ. Имя Нестора слишкомъ извѣстно, чтобы на немъ останавливаться, а въ подробную оцѣнку Эрбенова изданія лѣтописи мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ настоящее время. Можемъ только сказать, что это изданіе даетъ всѣ средства для изученія нашей древнѣйшей лѣтописи; и должно надѣяться, что между чешскими учеными найдутся люди, которые не замедлятъ широко распространить въ своей странѣ знаніе первоначальной русской исторіи по важнѣйшему ея источнику. Что же касается изданія „Слова о полку Игоревѣ“, то я уже высказалъ о немъ свое мнѣніе въ прошломъ году, когда оно появилось ¹⁾. Повторю и здѣсь, что переводъ Эрбена, какъ самъ по себѣ, по уразумѣнію смысла текста и по его выраженію, такъ и по сопровождающимъ его примѣчаніямъ, сопо-

¹⁾ См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1870 годъ, отд. II, стр. 277—302.

ставленный съ „Задонщиной“ и съ „Повѣданіемъ о Мамаевомъ побоищѣ“, переведенными также на чешскій языкъ, безъ сомнѣнія, займетъ весьма почетное мѣсто въ ряду многочисленныхъ переводовъ знаменитой и единственной въ своемъ родѣ древне-русской поэмы. Высокими достоинствами своими переводъ обязанъ обширному знакомству переводчика съ древнею литературой и народно-поэтическимъ творчествомъ. Никто изъ современныхъ ученыхъ не могъ лучше его прочувствовать поэзію „Слова“ и найти въ своемъ языкѣ лучшія средства для ея выраженія.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не указали на особое отношеніе Эрбена къ Россіи. Если онъ съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился ко всѣмъ Славянамъ, какъ членамъ одной семьи, соединеннымъ между собою узами кровнаго племеннаго родства, то симпатіи его къ Россіи были особенно живы и сильны. Казалось, чѣмъ дольше онъ жилъ, чѣмъ больше работалъ, чѣмъ шире развивалась его ученая и литературная дѣятельность, чѣмъ глубже онъ вдумывался въ историческія судьбы Славянъ, тѣмъ живѣе и сильнѣе становилось его сочувствіе къ Россіи. Намъ дороги эти симпатіи не только потому, что онѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, способны возбудительно дѣйствовать въ томъ же смыслѣ на Славянъ въ отношеніи къ намъ, но и потому, что онѣ для насъ самихъ должны быть показателями нашихъ собственныхъ нормальныхъ отношеній къ славянскому міру. Имя Эрбена, безъ сомнѣнія, никогда не изгладится изъ памяти тѣхъ Русскихъ, которые знали его лично, а его зналъ каждый, посѣтившій хоть разъ Прагу, потому что каждый, явившись туда, прежде всего спѣшилъ отыскать Эрбена. И каждого, въ первыя же минуты, не могли не поражать его необыкновенная скромность, отсутствіе малѣйшихъ признаковъ притязательности на авторитетъ и покровительственный тонъ, всегда отталкивающій, простота, искренность, теплота, задушевность его обращенія, бесѣды. Нѣскольکو минутъ, и вы у себя дома, въ обществѣ съ наилучшимъ изъ родныхъ. По крайней мѣрѣ таковы были мои собственные впечатлѣнія при первомъ свиданіи съ Эрбеномъ въ городскомъ архивѣ, въ его болѣе чѣмъ скромномъ помѣщеніи. Я не говорю здѣсь о благотворномъ вліяніи этого общества, — оно понятно само собою, — а о той силѣ притяженія, какою обладала привлекательная и въ высшей степени симпатичная личность Эрбена ¹⁾. Нашъ скромный очеркъ есть только слабая дань глу-

¹⁾ Вмѣстѣ съ именемъ Эрбена, сколько извѣстно, всеми Русскими, посѣщавшими Прагу, съ особенною признательностію воспоминается и имя другой, также

бочайшей признательности за впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого общества, и мы можемъ заключить нашу рѣчь однимъ, самымъ искреннимъ, пожеланіемъ, чтобъ это дорогое имя Эрбена стало съ сихъ поръ вѣчнымъ и живымъ символомъ взаимнаго единенія и общенія между всѣми Славянами въ виду великихъ, совершающихся теперь, историческихъ событій.

Н. Лавровскій.

17-го января 1871 года.

Р. S. Дополнимъ этотъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Эрбена заявленіемъ факта, который свидѣтельствуетъ о живомъ и дѣятельномъ сочувствіи его къ Россіи. Вслѣдствіе извѣстныхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя были поставлены наши гимназіи, а за ними и университеты, съ 1849 года и почти по 1864 годъ, у насъ временно оказался крайній недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ для гимназій вообще и по древнимъ языкамъ въ особенности. Какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, при первомъ установленіи болѣе правильной системы свѣтскаго образованія въ царствованіе Екатерины Великой, Россія обратилась къ услугамъ западныхъ своихъ соплеменниковъ, и въ лицѣ Серба Янковича изъ Миріева, бывшаго директора училищъ въ Темешварѣ, нашла одного изъ самыхъ полезныхъ и усердныхъ дѣятелей по этой части (онъ трудился на этомъ поприщѣ съ 1782 по 1803 годъ), такъ и теперь, при этомъ временномъ и случайномъ оскудѣніи собственныхъ нашихъ источниковъ образованія, западные наши соплеменники, и во главѣ ихъ Чехи, были призваны вновь помочь нашей нуждѣ и оказать сильное содѣйствіе возрожденію нашихъ свѣтскихъ ученыхъ школъ въ новомъ и лучшемъ видѣ. Они дали уже намъ цѣлую фалангу молодыхъ людей, которые съ честію подвизаются теперь въ нашихъ гимназіяхъ, обучая наше юношество древнимъ классическимъ языкамъ и тѣмъ содѣйствуя нашему научному образованію въ самой существенной его части. Въ этомъ важномъ дѣлѣ самое живое и полезное участіе принималъ покойный Эрбень: онъ отыскивалъ между своими соплеменниками молодыхъ людей, получившихъ полное университетское образованіе по классической филологіи и готовыхъ послужить дѣлу научнаго образованія въ Россіи своими познаніями; подъ его присмо-

весьма симпатичной, личности, А. Патеры, къ которому обыкновенно обращаются съмѣло и просто, съ полнѣйшею увѣренностію въ его неизмѣнной предупредительности, обязательности и радушіи.

тромъ они дѣлали свои пробныя письменныя работы по обоимъ древнимъ языкамъ и за его рачательствомъ въ ихъ добромъ нравственномъ направленіи принимались въ число стипендіатовъ министерства, съ тѣмъ, чтобы пробныя годъ и не болѣе двухъ лѣтъ въ С.-Петербургѣ и занявшись въ это время изученіемъ русскаго языка при продолжающихся занятіяхъ и древними языками, приготовиться такимъ образомъ къ учительской должности въ нашихъ гимназіяхъ по этимъ важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго образованія. И надобно правду сказать, молодые люди, рекомендованные К. Я. Эрбеномъ, до сихъ поръ оказывались вполне достойными его выбора: они заслуживали до сихъ поръ только одобреніе учебныхъ начальствъ, а по своему серіозному взгляду на дѣло ученія и по своей искренней преданности Россіи и основнымъ началамъ ея жизни, внушали полнѣйшее къ себѣ довѣріе и тѣмъ семействамъ, которыя поручали имъ образованіе и воспитаніе своихъ дѣтей еще въ бытность ихъ стипендіатами въ С.-Петербургѣ. Мы надѣмся, что наши подростаящія поколѣнія на всегда сохранять благодарное воспоминаніе объ этихъ строгихъ своихъ наставникахъ, которымъ они будутъ обязаны значительнѣйшею долею своего образованія, и что это послужитъ новымъ залогомъ духовнаго единенія между Россіей и западными ея соплеменниками; мы надѣмся также, что и по смерти достойнѣйшаго Эрбена, притокъ къ намъ молодыхъ его соплеменниковъ съ солиднымъ классическимъ образованіемъ, съ тѣмъ же строго-нравственнымъ направленіемъ, съ тѣмъ же серіознымъ пониманіемъ священныхъ учительскихъ обязанностей и съ тою же преданностью Россіи, нисколько не прекратится, ибо служа дѣлу строго-научнаго образованія нашего юношества, эти молодые люди не только находятъ себѣ обширное цоприще полезной дѣятельности, какое не всегда представляетъ имъ ихъ родина, но вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ и существеннымъ интересамъ своей родины, становясь какъ бы живымъ связующимъ звеномъ между нею и Россіей. Заслуга покойнаго Эрбена въ этомъ дѣлѣ была по истинѣ велика; мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и по смерти его найдутся между Чехами люди, которые поймутъ важность и трудность этой задачи и съ тѣмъ же усердіемъ, съ тою же скромностію позаботятся объ удовлетворительномъ ея разрѣшеніи. *Ред.*

ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ.

Главный и лучший источникъ для исторіи Персидскихъ войнъ есть Геродотъ (кн. V — IX). Впрочемъ не всѣ извѣстія, сообщаемыя имъ, имѣютъ одинаковую цѣну. Если разказы его о битвахъ Саламинской, Платейской и слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ въ значительной степени удовлетворяютъ нашей любознательности, то нѣ сожалѣнію, нельзя того же сказать о первомъ отдѣлѣ Персидскихъ войнъ, то-есть, о походѣ полководцевъ Дарія. Вотъ почему даже начертъ Марафонскаго сраженія ученые сильно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ послѣдняго розысканія объ этомъ предметѣ Виктора Кампе (Campe, *De pugna Marathonia, Gryphiswaldiae*, 1867). Да и неудивительно, что Геродоту не удалось представить намъ ясную картину первыхъ событій изъ эпохи Персидскихъ войнъ. Общій уровень потребности исторической истины у Грековъ его времени былъ еще очень низокъ. Самосознаніе, возбужденное борьбою за независимость, только-что начало развиваться историческое направленіе ¹⁾.

Въ этой борьбѣ, по представленію большинства Грековъ, ихъ боги и герои принимали непосредственное, живое участіе и творили чудеса. Аѳинскій гонецъ Фидипидъ, посланный въ Спарту съ просьбой о помощи, по возвращеніи, разказывалъ, что на пути между Аргосомъ и Тегеей, близъ горы Пароенія, явился ему богъ Панъ, назвалъ его по имени, и остановивъ, велѣлъ спросить Аѳинянь, почему они не поклоняются ему, тогда какъ онъ всегда былъ къ нимъ милостивъ, дѣлалъ имъ прежде много добра и впредь не оставитъ своимъ покровительствомъ. Аѳиняне повѣрили разказу Фидипида, и послѣ Марафонской побѣды, думали, что Панъ исполнилъ свое обѣщаніе. Въ благодарность за это ему былъ посвященъ жертвенникъ близъ входа

¹⁾ Ср. Историко-этиологическія изслѣдованія прее. Любимилъ, стр. 77—78.

въ Акрополь, и въ честь его были установлены ежегодныя жертвы и процессія съ факелами. Мильтіадъ же выразилъ свою признательность Пану сооружеиіемъ статуи съ слѣдующею надписью, сочиненною по-этомъ Симонидомъ: „Меня, козлоногого Пана, Аркадца, противника Мидянъ, союзника Аѳинянъ, поставилъ Мильтіадъ“.

Θезей, древній народный герой Аѳинъ, также помогаль въ битвѣ своему народу. Другіе утверждали, что видѣли поселанина, который безъ всякаго оружія, рукояткою плуга умертвилъ многихъ непріятелей и послѣ сраженія вдругъ исчезъ. Оказалось, что это былъ герой Эхетль.

При такомъ смѣшеніи дѣйствительности съ вымысломъ, когда въ самое короткое время событія дѣлались достояніемъ народныхъ сказаній, историку не легко было донскаяться голыхъ положительныхъ фактовъ, даже близкаго прошедшаго. Если же, не смотря на это, старанія Геродота не остались безъ успѣха, то заслуга его неоцѣнима.

Дополненіемъ къ Геродоту могутъ служить позднѣйшіе писатели: Діодоръ Сицилійскій (отрывки X-й книги и XI-я книга), Корнелій Непоть¹⁾, Павзаній, Юстинъ (книга II-я) и Плутархъ²⁾; но извѣстія, сообщаемыя этими писателями, нерѣдко исполнены риторическихъ эффектовъ, преувеличеній и даже вымысловъ, которые объясняются политическими и нравственными цѣлями авторовъ, а потому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они противорѣчатъ Геродоту, новѣйшіе изслѣдователи не колеблются, за весьма немногими исключеніями, отдавать предпочтеніе послѣднему. Лучшій и древнѣйшій послѣ Геродота историкъ Θукидидъ почти не касается событій Персидскихъ войнъ, упоминая лишь мимоходомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ³⁾; тѣмъ не менѣе разказъ его (кн. I-я 90—95 и 128—138) о послѣднихъ годахъ жизни двухъ главныхъ дѣятелей этихъ войнъ, Θемистоклѣ и Павзаніѣ, съ превосходною характеристикой перваго, составляетъ весьма цѣнный историческій матеріалъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о фактахъ изъ разсматриваемой нами эпохи, приводимыхъ Платономъ (въ Горгіѣ,

¹⁾ Корнелію Непоту въ его жизнеописаніяхъ Мильтіада, Θемистокла, Аристеда и Климона главнымъ источникомъ служилъ, повидимому, Θеоръ.

²⁾ Въ жизнеописаніяхъ тѣхъ же государственныхъ мужей, а также въ сочиненіяхъ: «Застольные вопросы», «о славі Аѳинянъ», «о болтовнѣ» и «о влнннренности Геродота». При этомъ нельзя не замѣтить, что послѣднему сочиненію много вредятъ желчныя и большею частію несправедливыя выходки автора противъ Геродота.

³⁾ Въ кн. I, 74 говорится о числѣ кораблей, выставленныхъ Греками при Саламинѣ, въ кн. I, 89—о взятіи Сеста, IV, 109—о прорытіи Аѳонскаго канала.

Менексенъ и Трактатъ о законахъ), которые, какъ и всѣ историческія извѣстія этого философа, страдаютъ недостаткомъ критики, а подѣ часъ и политическою тенденціозностію, именно желаніемъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ Аѳинскій демось ¹⁾. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ Персидской исторіи Ктезія, которые, впрочемъ, немного прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ изъ Геродота, да и это немногое большею частію сомнительнаго достоинства ²⁾.

До борьбы съ Персами Греція является раздѣленною на множество небольшихъ государствъ, которыя, не смотря на нѣкоторыя общія черты эллинизма, были соединены между собою весьма слабыми узами, и изъ которыхъ каждое слѣдовало политикѣ, сообразной съ его частными интересами. Оттого, въ продолженіе семи почти вѣковъ, протекшихъ со времени Троянской войны, исторія Греціи, можно сказать, совершенно лишена собирательнаго характера. Но начиная съ пятаго столѣтія, прежнее положеніе дѣлъ измѣняется. Опасность, грозившая въ это время независимости Эллады извнѣ, выдвинула народы ея изъ тѣсной колеи прежней жизни и произвела временное соединеніе силъ, если не всѣхъ отдѣльныхъ частей греческаго міра, то по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ представителей его, сопровождавшееся героическимъ воодушевленіемъ, которое явило міру истинно великія дѣла и обогатило исторію человѣчества блистательнымъ сонмомъ гениальныхъ мужей. Благодаря Персидскимъ войнамъ, Греція является во всѣхъ отношеніяхъ великою историческою націей. Но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что эти самыя войны отчасти имѣли вредное вліяніе на судьбу ея, ибо онѣ возбудили и безъ того сильныя страсти греческаго народа, не имѣвшаго довольно твердой воли для удержанія ихъ въ границахъ умѣренности, и дали новую обильную пищу прежнимъ распрямъ, которыя принимаютъ характеръ страшныхъ между-

¹⁾ Къ этой категоріи относится извѣстіе (Gorgias), что Аѳиняне послѣ неудачнаго исхода Паросской экспедиціи, опредѣляли бросить Мильтіада въ вараеръ, то-есть, въ яму, назначенную для преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, и что только благодаря твердости притана (предсѣдателя вѣча), приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

²⁾ Такъ, напримѣръ, Ктезіи (XVIII) говорить, что въ числѣ убитыхъ при Марафонѣ находился самъ Датисъ, о чемъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть Геродотъ, если бы это дѣйствительно было такъ, и что отказъ выдать тѣло его для погребенія былъ одною изъ причинъ похода Ксеркса противъ Греціи (XXI).

усрѣбій, мало по малу истощившихъ Грецію и сдѣлавшихъ ее легкой добычей македонскаго честолюбца. Притомъ же знакомство съ богатствами и роскошью востока привело многія темныя стороны къ характеру Грековъ, доголѣ бездородно преданныхъ своему отечеству, и безвозвратно лишило греческую жизнь той благородной простоты, которая отличала современниковъ Ливурга и Солона.

При первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Ахеменидовъ, Персы сдѣлались обладателями всей передней Азіи и Египта. Но, не довольствуясь завоеваніями на востокѣ, они хотѣли господствовать и въ Европѣ. Преемникъ Камбиза Дарій Гистаспъ помышлялъ о томъ съ самаго вступленія своего на престолъ, и уже въ 514 году отправилъ экспедицію, подъ руководствомъ своего главнаго врача Демоведа, для осмотра береговъ Греціи и Южной Итали, двухъ странъ, въ особенности привлекавшихъ его вниманіе. Тогдашнее положеніе греческаго міра, раздѣленнаго на двѣ партіи — аристократическую и демократическую, постоянно враждовавшія между собою, какъ нельзя болѣе благоприятствовало честолюбивымъ замысламъ персидскаго правительства. Успѣхи демократовъ на сѣверѣ Греціи навели ужасъ на ихъ противниковъ, которые, потерявъ надежду достигнуть цѣли съ помощію Спарты, рѣшились искать защиты у Персовъ, а Дарій, съ своей стороны, находя сближеніе съ греческими предателями для себя полезнымъ, благосклонно принималъ ихъ въ своемъ царствѣ и оказывалъ имъ всякаго рода покровительство. Между обѣими сторонами господствовало самое искреннее согласіе, основанное на взаимныхъ выгодахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, столкновеніе между востокомъ и западомъ было неизбежно, а вскорѣ представился и поводъ къ разрыву, послѣ того, какъ Афиняне, негодуя на Артаферна за участіе, принятое имъ въ дѣлѣ Гиппіа, рѣшились подать помощь малоазіатскимъ Грекамъ, возмущившимся противъ персидскаго правительства. Случайный характеръ этого возстанія напоминаетъ исторію Крестовыхъ походовъ, Тридцатилѣтней войны и другихъ великихъ событій, которыя, при всей ихъ необходимости въ общемъ ходѣ историческаго развитія, повидимому, были обусловлены внѣшними причинами.

Сохраненіемъ моста на Истрѣ Гистіей, тираннъ Милета, оказалъ важную услугу Дарію, давъ ему средство спастись съ остатками своего войска, которому грозила неминуемая гибель, если бы предложеніе Скивовъ разобрать мостъ, нашедшее ревностнаго защитника въ Мильтиадѣ, было приведено въ исполненіе. Хотя онъ сдѣлалъ это не по долгу вѣрноподданнаго, а изъ эгоистическихъ разчетовъ (ибо очень

хорошо понималъ, что греческіе малоазіатскіе города, свергнувъ персидское иго, захотятъ освободиться отъ власти тиранновъ), но тѣмъ же менѣе Дарій остался весьма признательнымъ Гистіею, и по собственному его выбору, позволилъ ему построить и укрѣпить городъ близъ устья Стримона въ странѣ, которая съ богатствомъ естественныхъ произведеній соединяла положеніе чрезвычайно выгодное для торговли. Быстрые успѣхи новой колоніи возбудили зависть персидскаго вельможи Мегабаза, и онъ уговорилъ Дарія призвать Гистіея ко двору подъ благовиднымъ предлогомъ и удержать его при себѣ въ качествѣ вѣрнаго совѣтника и друга. Гистіей, хотя и неохотно, долженъ былъ расстаться съ любимымъ своимъ владѣніемъ, и въ правители Милета назначенъ былъ зять его Аристагоръ.

Въ это время возникли несогласія на островѣ Наксоссѣ между партіями аристократическою и демократическою, возбудившія междуусобную войну, окончившуюся изгнаніемъ аристократовъ. Изгнанники обратились къ Аристагору, какъ человѣку, пользовавшемуся довѣріемъ персидскаго правительства, и по ходатайству его, получили флотъ для завоеванія острова. Персы надѣялись, что подчинивъ своей власти Наксоссъ, будутъ господствовать надъ всѣмъ Архипелагомъ; но предположенія ихъ не исполнились, ибо походъ окончился неудачно по причинѣ ссоры начальника персидскаго флота Мегабатта съ Аристагоромъ. Положеніе послѣдняго было весьма затруднительно, и онъ, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за несчастный исходъ кампаніи, предпринятой по его совѣту, не видѣлъ другаго средства отклонить угрожающую ему бѣду, какъ произвести возмущеніе, къ чему подстрекалъ его и Гистіей, тяготившійся пребываніемъ при персидскомъ дворѣ, въ той надеждѣ, что онъ посланъ будетъ Даріемъ для усмиренія Іоніи. Аристагоръ началъ съ того, что сложилъ съ себя званіе тиранна и ввелъ въ Милетѣ демократію (504 г.). Большая часть греческихъ городовъ въ Малой Азіи и на островахъ послѣдовали этому соблазнительному примѣру, и тѣ изъ правителей, которые не хотѣли добровольно отказаться отъ власти, подверглись изгнанію, а нѣкоторые поплатились даже и жизнію¹⁾.

¹⁾ Въ Учебникѣ всеобщей исторіи г. *Иловайскаго*, который, впрочемъ, значительно лучше прежнихъ учебниковъ, ближайшій поводъ къ Персидскимъ войнамъ излагается слѣдующимъ образомъ: «Гистіей, тираннъ города Милета, возбудилъ подозрѣніе Персидскаго царя, былъ вызванъ къ его двору и тамъ задержанъ. Аристагоръ, зять и преемникъ Гистіея, тайно возбуждаемый имъ, поднялъ возстаніе противъ Персовъ и увлекъ за собою значительную часть мало-

Затѣвъ опасное дѣло и очень хорошо понимая, что одни малоазіатскіе Греки не въ состояніи бороться съ Персами, Аристагоръ отправился въ Грецію просить помощи. Сначала онъ обратился въ Спарту, гдѣ представленія его не имѣли успѣха, но Аѳиняне, озлобленные противъ Артаферна за покровительство, оказанное имъ Гиппію, рѣшились поддержать своихъ малоазіатскихъ соплеменниковъ и послали на помощь имъ эскадру изъ 20 кораблей, къ которымъ присоединились 5 Еретрійскихъ въ воздаяніе услуги, оказанной нѣкогда Милетомъ Еретрійцамъ въ войнѣ ихъ съ Халкидою. Союзники, неожиданно явившись предъ Сардами, разграбили и выжгли значительную часть этого города, но прежде чѣмъ успѣли отойти назадъ къ своимъ кораблямъ, были настигнуты персидскимъ войскомъ и въ окрестностяхъ Эфеса потерпѣли поражение, послѣ чего Аѳиняне и Еретрійцы послѣшили отплыть обратно въ отечество и не принимали болѣе никакого участія въ дѣлѣ Іонянъ, на которыхъ однихъ такимъ образомъ обрушилось все бремя войны.

При всемъ томъ Персамъ не легко было подавить возстаніе, ибо примѣру Іонянъ послѣдовали Кипръ и Карія, и притомъ инсургенты овладѣли важнымъ по своему положенію пунктомъ Византією, а Мильтіадъ изгналъ изъ Лемноса персидскій гарнизонъ и присоединилъ этотъ островъ къ Аѳинской республикѣ. Большимъ счастіемъ для Персовъ было то, что союзники дѣйствовали не по одному общему

азіатскихъ Грековъ. Послѣ сказаннаго въ текстѣ считаю излишнимъ доказывать неудовлетворительность этого мѣста и предлагаю редакцію его измѣнить такъ: Сохраненіемъ моста на Истрѣ (Дунаѣ) Гистіей, тираннъ Милета, оказалъ важную услугу Дарію Гистаспу, давъ ему возможность спастись съ остатками своего войска. Хотя онъ сдѣлалъ это по эгоистическимъ разчетамъ, ибо очень хорошо зналъ, что греческіе малоазіатскіе города, свергнувъ персидское иго, не захотятъ имѣть у себя тиранновъ,—тѣмъ не менѣе Дарій остался признательнымъ Гистією, и по собственному его выбору, позволилъ ему построить и укрѣпить городъ близъ устья Стримона (нынѣ Искаръ), въ странѣ, съ богатствомъ естественныхъ произведеній соединявшей положеніе чрезвычайно выгодное для торговли. Быстрые успѣхи новой колоніи возбудили зависть персидскаго вельможи Мегабаза, и онъ уговорилъ Дарія призвать Гистію ко двору подъ благовиднымъ предлогомъ, и удержать при себѣ въ качествѣ царскаго совѣтника и друга. Гистіей, хотя и весьма неохотно, разстался съ любимымъ своимъ владѣніемъ, и въ преемники ему по управленію Милетомъ назначенъ былъ зять его Аристагоръ, который, будучи подстрекаемъ своимъ тестемъ и опасаясь подвергнуться ответственности за несчастный исходъ экспедиціи противъ Накоса, предпринятой по его совѣту, поднялъ возстаніе противъ Персовъ и увлекъ за собою большую часть малоазіатскихъ Грековъ.

плану. Полководцы Дарія воспользовались этимъ и успѣли покорить одинъ за другимъ большую часть возмущившихся городовъ. Впрочемъ, Ионяне, имѣя значительный флотъ, хотя и уступавшій персидскому по числу кораблей, при своей опытности въ морской войнѣ, могли бы вознаградить себя за потери, понесенныя ими на сушѣ; но незнакомство ихъ съ дисциплиной и измѣна Самосцевъ, въ рѣшительную минуту отставшихъ отъ общаго дѣла, были причиною, что морское сраженіе при островѣ Ладѣ окончилось несчастно для союзниковъ; послѣ того Милетъ былъ взятъ приступомъ и подвергся страшному опустошенію, а жители его, избѣгшіе смерти, переселены были на берега Тигра. Аристагоръ, еще до взятія Милета, отчаявшись въ успѣхѣ, бѣжалъ въ Миркинскій городъ, основанный Гистіемъ близъ устья Стримона, и вскорѣ погибъ въ одномъ сраженіи съ Фракійцами, а другой виновникъ возстанія, Гистіей, умѣлъ такъ искусно разыгрывать роль вѣрноподданнаго, что получилъ отъ Дарія позволеніе отправиться на родину для восстановленія спокойствія въ Іоніи. На дорогѣ онъ узналъ однако, что возни его извѣстны были сатрапу Малой Азіи Артаферну. Тогда этотъ низкій честолюбецъ, потерявшій довѣріе Персовъ и своихъ соотечественниковъ, не устыдился набрать шайку пиратовъ, съ которою грабилъ купеческіе корабли въ окрестностяхъ Византіи, пока не попалъ въ руки Персовъ, препроводившихъ его въ Сарды къ Артаферну, и послѣдній постыдился казнить своего плѣнника, изъ опасенія, чтобъ онъ не былъ помилованъ Даріемъ.

Поданіемъ помощи инсургентамъ, Аоняне и Еретрійцы навлекли на себя гнѣвъ Персидскаго царя. При первомъ извѣстіи о вторженіи горсти иноземцевъ въ предѣлы его царства, Дарій торжественно поклялся наказать дерзкихъ республиканцевъ и приступилъ къ исполненію задушевной мысли своей немедленно по усмиреніи Малой Азіи, съ которою поступлено было весьма строго, хотя впрочемъ греческіе малоазіатскіе города, благодаря чрезвычайно выгодному положенію и отчасти заботливости персидскаго правительства, быстро оправились отъ понесенныхъ ими потерь, получивъ вмѣстѣ съ республиканскими формами новую болѣе уравнительную систему налоговъ, основанную на кадастрѣ. Многочисленное персидское войско, подъ начальствомъ Мардонія, получило приказаніе двинуться въ Грецію для наказанія Аонянъ и Еретрійцевъ; но походъ этотъ не имѣлъ успѣха: персидскій флотъ близъ Аеонскаго мыса былъ разбитъ бурей, а сухопутное войско при переходѣ чрезъ Фракію понесло сильный уронъ отъ нападеній Вригійцевъ, такъ что Мардоній нашелся вынужден-

нымъ приостановить дальнѣйшее движеніе и возвратился въ Азію. Впрочемъ, эта неудача не остановила Дарія, а только раздражила болѣе его самолюбіе. Продолжая дѣятельно заниматься новыми приготовлениями къ войнѣ, онъ въ то же время обратился къ дипломатіи и предпринялъ весьма замѣчательную по своимъ послѣдствіямъ мѣру, которая должна была возбудить междоусобіе въ Греціи и открыто выказать ему силы какъ враговъ его, такъ и приверженцевъ, а именно отправилъ въ греческія государства пословъ съ приказаніемъ требовать его именемъ воды и земли, то-есть, подданства, выражавшагося этимъ символическимъ дѣйствіемъ. За исключеніемъ Аѳинянъ и Спартанцевъ, которые съ негодованіемъ отвергли требованіе и даже, вопреки народному праву, умертвили персидскихъ вѣстниковъ, посольство Дарія повсюду, гдѣ только являлось, имѣло успѣхъ, особенно на островахъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась и Эгина. Аѳиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы выставить жителей ея предъ Спартой измѣнниками и принудить ихъ къ выдачѣ заложниковъ, которые и были отосланы въ Аѳины. Послѣ тщетной попытки выручить своихъ согражданъ, Эгинцы, пользуясь кончиною своего недоброжелателя, Спартанскаго царя Клеомена, открыли противъ Аѳинянъ непріязненные дѣйствія. Война эта, о которой до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, и которая развивалась съ переменнымъ счастіемъ, замѣчательна тѣмъ, что послужила поводомъ къ предложенію, существенно способствовавшему возвышенію Аѳинскаго государства.Themistocle, сынъ Неокла, молодой человекъ, одаренный геніальными способностями, ссылаясь на невозможность нанести рѣшительный ударъ Эгинцѣмъ съ небольшими морскими силами, уговорилъ Аѳинянъ, чтобы добыча отъ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ, которая дотогѣ была раздѣляема между гражданами, впередъ употреблялась на увеличеніе флота. Благодаря этой патріотической мѣрѣ, Аѳиняне во время нашествія Ксеркса имѣли 200 военныхъ кораблей. Около того же времени, по совѣту Themistocle, было приступлено къ заложенію обширной Пирейской пристани, а между тѣмъ судьба послала Аѳинянамъ, въ годину величайшей опасности, надежнаго защитника въ лицѣ Мильтіада, который, избѣгая мщенія Персоямъ, нашелся вынужденнымъ оставить свое княжество въ Херсонесѣ Тираійскомъ.

Собравъ огромныя силы для новаго похода въ Грецію, Дарій ввѣрилъ начальство надъ ними не Мардонію, который не оправдалъ его довѣрія, а мидійскому вельможѣ Датису и племяннику своему Артаферну, сыну Сардскаго сатрапа. На основаніи инструкцій, получен-

ныхъ отъ царя, персидскіе вожди должны были: вопервыхъ, привести къ повиновенію города, не изъявившіе еще покорности, а вовторыхъ, наказать Аѣнины и Еретрію за участіе въ Іонійскомъ возстаніи разрушеніемъ этихъ городовъ и обреченіемъ на рабство ихъ жителей. При персидскомъ войскѣ находился и бывшій Аѣнинскій тираннъ Гиппій, котораго опытность и связи общали успѣхъ предпріятію, и который, въ случаѣ счастливаго окончанія похода, могъ надѣяться возвратить себѣ власть въ Аѣинахъ. Сборнымъ мѣстомъ для выступленія въ походъ была назначена Алійская равнина, лежавшая въ Киликіи, близъ моря. Отсюда сухопутное ополченіе, пересѣвъ на суда, поплыло къ Самосу, а потомъ по Икарскому морю направило путь къ Кикладамъ. Прежде всего Персы открыли непріязненные дѣйствія противъ Наксоса, оставленнаго разбѣжавшими жителями, и разрушили этотъ городъ, въ отмщеніе за неудачу, понесенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при осадѣ его, персидскимъ флотомъ подъ начальствомъ Аристагора и Мегабатта. Прочіе Киклады, хотя избѣжали разоренія, но должны были дать заложниковъ и принять участіе въ походѣ, за исключеніемъ одного Делоса, съ жителями котораго Датисъ обошелся весьма милостиво и принесъ богатую жертву Делосскимъ богамъ, безъ сомнѣнія, изъ политическихъ видовъ, ибо какъ родина Аполлона и Діаны, Делосъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Іонянъ, составлявшихъ значительную часть персидскаго флота ¹⁾). Наконецъ, Персы сдѣлали высадку въ Эвбеѣ, и подавивъ силою сопротивленіе, оказанное имъ жителями Каристы (на южной оконечности острова), явились предъ Еретріей, которой наказаніе составляло одну изъ главныхъ цѣлей похода, и которая послѣ геройской защиты, на седьмой день осады, была предана измѣнниками персидскимъ военачальникамъ, въ точности исполнившимъ приказаніе Дарія относительно несчастнаго города.

Отдохнувъ на развалинахъ Еретріи и оставивъ плѣнныхъ жителей ея на островѣ Эгиліи, Датисъ и Артафернъ поплыли въ Аттику; но вмѣсто того, чтобъ обогнувъ Сунійскій мысъ, идти прямо на Аѣины, они, по совѣту Гиппія, высадились при Мараонской равнинѣ.

¹⁾ Многие ученые (например, *Дункеръ*, *Geschichte des Alterthums*, IV, стр. 665) объясняютъ поведеніе Персовъ въ настоящемъ случаѣ уваженіемъ ихъ къ свѣтозарному божеству солнца—Аполлону, въ которомъ будто бы они видѣли своего высокочтимаго Митру; но какъ согласить это объясненіе съ попыткой Ксеркса ограбить Дельфійскій храмъ и овладѣть его сокровищами?

Причиною такого выбора было, безъ сомнѣнія, удобство мѣстности ¹⁾, по своей обширности и ровному положенію благоприятствовавшей движенію конницы, и кромѣ того, Гиппій, какъ кажется, хотѣлъ удалить изъ Аѳинъ войско, дабы приверженцы его могли дѣйствовать свободнѣе въ пользу персидскихъ интересовъ, и быть можетъ, надѣялся найти сообщниковъ между жителями Маравона, принадлежавшими къ партіи его отца, „діакріамъ“. Извѣстіе о приближеніи грознаго непріятеля произвело сильное впечатлѣніе на Аѳинянь; но среди величайшей опасности граждане не измѣнили своему долгу и своей чести, и воодушевленные вѣрою въ помощь боговъ, дѣятельно занялись приготовленіями къ оборонѣ. 9.000 или 10.000 воиновъ подъ начальствомъ полемарха Каллимаха и десяти стратеговъ ²⁾ (полководцевъ),

¹⁾ Причина эта выставлена Геродотомъ (VI, 102). Финлей, а за нимъ и другіе ученые, въ томъ числѣ профессоръ Люгебилъ (см. Архонтство и Стратигія въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ, стр. 83), основываясь на томъ, что Фриазійское поле, гдѣ лежалъ Элевзисъ, обширнѣе Маравонской равнины (которая, впрочемъ, имѣетъ въ длину 9 верстъ, а въ ширину нигдѣ не менѣе 2), полагаютъ, что Гиппій, при выборѣ мѣста высадки, руководствовался исключительно политическими соображеніями, и что Геродотъ самъ не былъ на полѣ описаннаго имъ сраженія. Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Такъ какъ удобство мѣстности для движеній конницы зависитъ отъ двухъ условій—отъ ея обширности и отъ гладкой поверхности, то историкъ могъ имѣть въ виду преимущественно послѣднюю сторону, а что Маравонская равнина въ этомъ отношеніи представляетъ большія выгоды, о томъ свидѣтельствуеетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой топографіи, полковникъ Лижъ, который, когда вѣхалъ на поле, прославленное подвигами Мильтіады, то сопровождавшій его крестьянинъ изъ окрестныхъ жителей не вытерпѣлъ и сказалъ: «Какое прекрасное мѣсто для кавалерійскаго сраженія!» Само собою разумѣется, что причина, приводимая Геродотомъ, не исключаетъ и политическихъ разчетовъ (*Leake, on the Demi of Attica, in the Transactions of the Royal Society of Literature, 1829, vol. II. стр. 175.*)

²⁾ Во многихъ историческихъ сочиненіяхъ и учебникахъ (напримѣръ, *Вебера*, русскій переводъ, томъ I, стр. 251), *Иловайскаго* (стр. 102) говорится объ однихъ стратегахъ, и вовсе не упоминается о полемархѣ. Если такой пропускъ ничѣмъ не оправдывается, то съ другой стороны нельзя согласиться и съ тѣми учеными, которые называютъ полемарха главнокомандующимъ (*Люгебилъ* въ вышеприведенномъ сочиненіи, стр. 97; *Штоллъ*, Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ, русскій переводъ, стр. 104). Положеніе послѣдняго соотвѣтствовало нѣкоторымъ образомъ положенію военнаго министра въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ, то-есть, въ рукахъ его находится высшая военная администрація, но ему не принадлежала главная команда на полѣ битвы. Въ противномъ случаѣ, на картинахъ, изображавшихъ Маравонское сраженіе, Мильтіада не былъ бы представленъ въ позиціи восначальника съ поднятою рукою, указывающею на не-

въ числѣ которыхъ находился Мильтіадъ, получили повелѣніе немедленно двинуться къ Мараѳону, а между тѣмъ посланъ былъ гонецъ въ Спарту съ просьбою — не потерпѣть, чтобы варвары разрушили древнѣйшій изъ городовъ Греціи. Спартанцы выразили самую искреннюю готовность соединиться съ Аѳинянами, но придерживаясь строго формы своихъ постановленій, отказались выступить въ походъ, прежде чѣмъ настанетъ полнолуніе, по причинѣ празднованія Карней, съ которымъ соединена была эхиерія, то-есть, прекращеніе военныхъ дѣйствій¹⁾. Это обстоятельство еще болѣе увеличило нерѣшительность, господствовавшую въ аѳинскомъ станѣ: одна половина полководцевъ, ссылаясь на неравенство силъ, совѣтовала уклониться отъ битвы; напротивъ того, остальные пять воеводъ убѣждали, не теряя ни минуты, напасть на непріятеля, дабы не дать времени усилиться враголамъ и робости²⁾. Къ послѣднимъ принадлежалъ Мильтіадъ, и его доводы одержали верхъ: ибо съ нимъ согласился полемархъ, отъ котораго, при раздѣленіи голосовъ между полководцами, зависѣло окончательное рѣшеніе. Незадолго до начала сраженія присоединились къ Аѳинянамъ 1.000 оплитовъ, присланныхъ Платеей³⁾, и эта помощь, оказанная во время, должна была подѣйствовать самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ аѳинскаго войска, стоявшаго одинокимъ въ

пріятеля. Смерть Каллимаха при Мараѳонѣ не устраняетъ нашего возраженія, такъ какъ онъ былъ убитъ предъ концемъ побоища, послѣ пораженія и преслѣдованія Аѳинянами Персовъ, во время схватки у морскаго берега.

¹⁾ Въ руководствѣ г. *Иловайскаго* сказано: «Они (Аѳиняне) послали за помощью къ Спартанцамъ; тѣ обѣщали, но по обычаю не хотѣли выдти въ походъ прежде полнолунія». Слѣдовало бы сказать: Спартанцы обѣщали, но привкнувъ держаться строго своихъ обычаевъ, отказались выступить въ походъ прежде полнолунія, по причинѣ Карнейскаго праздника (въ честь Аполлона), съ которымъ было соединено прекращеніе военныхъ дѣйствій.

²⁾ По Геротоду (VI, 109), совѣщаніе это происходило послѣ выступленія войска въ походъ, а по словамъ Корнелія Непота (*Miltiad.* с. 4), до выступленія. Гротъ (т. II нѣмецкаго перевода 588—589) и Дункеръ (IV, 672) предпочитаютъ послѣднее извѣстіе; но мы не видимъ достаточнаго основанія и въ этомъ случаѣ не довѣрять показанію главнаго и лучшаго источника нашего для исторіи Персидскихъ войнъ, по причинамъ, приведеннымъ профессоромъ Люгебильемъ (стр. 86—89). Если бы планъ будущей кампаніи былъ составленъ въ Аѳинахъ, то утверженіе его, судя по примѣру Еретрійцевъ, зависѣло бы отъ народнаго собранія, а не отъ полководцевъ, которые, выступая въ походъ, по всей вѣроятности, получили полномочіе дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

³⁾ По Юстину (II, 9) было при Мараѳонѣ однихъ Аѳинянъ 10.000, а Корнелій Непотъ (*Miltiad.* с. 4) и Павзаній (IV, 5, X, 20) включаютъ въ это число и Платейцевъ.

виду грознаго непріятеля, и еще болѣе скрѣпила дружбу, соединяющую обѣ республики. Въ августѣ 490 года произошла знаменитая Мараонская битва, спасаая Грецію, и быть можетъ, всю Европу отъ персидскаго порабощенія.

У Аѳинянъ было въ обычаѣ, чтобы главное начальство надъ войскомъ ежедневно переходило отъ одного стратега къ другому; но изъ уваженія къ военнымъ талантамъ и опытности Мильтіада, товарищи его, по предложенію Аристида, съ общаго согласія, предоставили одному ему команду, въ виду ожидаемаго сраженія. Благодаря распорядительности этого полководца, искусно воспользовавшагося мѣстностію и знаніемъ персидской тактики, Аѳиняне и Платейцы, не смотря на свою малочисленность, одержали блистательную побѣду и преслѣдовали до самаго моря бѣгущихъ Персовъ, овладѣвъ богатую добычею, но не успѣвъ сжечь непріятельскіе корабли. Побѣдители потеряли убитыми всего 192 человекъ. Впрочемъ и уронъ, понесенный Персами, при ихъ многочисленности, былъ не весьма значителенъ (6.000), и они имѣли еще довольно силъ, чтобы отважиться на новое предпріятіе. Именно, увидѣвъ съ моря сигналъ, поданный Аѳинскими измѣнниками (блестящій щитъ, выставленный на возвышенномъ мѣстѣ Аттики, вѣроятно, на вершинѣ Пентелика, какъ полагаютъ Ливъ), и пользуясь отсутствіемъ войска, они рѣшились напасть на беззащитный городъ, и обогнувъ Сунійскій мысъ, пристали къ Фалернской пристани. Но Мильтіадъ бодрствовалъ. Онъ зналъ о козняхъ, предвидѣлъ заговоръ, а потому, немедленно послѣ сраженія, съ главными силами поспѣшилъ въ Аѳины и успѣлъ прибыть туда прежде Персовъ. Распорядительность и быстрота Мильтіада спасли его отечество. Персидскіе полководцы не рѣшились болѣе испытывать счастье въ сраженіи съ побѣдившими ихъ воинами и чрезъ Киклады направили путь въ Азію, увлекши съ собою Еретрійскихъ плѣнниковъ, съ которыми добродушный Дарій поступилъ довольно снисходительно, ограничивъ наказаніе ихъ разлукою съ родиной и поселеніемъ въ одной изъ персидскихъ областей (Кисейской, на пути, изъ Сарды въ Сузы). Спартанцы, вѣрные данному слову, выступили въ походъ съ первымъ полнолуніемъ, но не смотря на поспѣшность, съ которою шли, не успѣли прибыть въ-время. Любопытство побудило ихъ, однако, осмотрѣть поле битвы, и они, воздавъ заслуженную похвалу геройскому мужеству побѣдителей, возвратились въ отечество.

Велики были упоеніе и радость Аѳинянъ, послѣ того какъ непріятельскій флотъ скрылся изъ виду и опасность миновала. Прежде

всего съ свойственною имъ набожностію они обратились къ богамъ, которыхъ покровительству приписывали свое спасеніе, и старались возблагодарить ихъ богатыми приношеніями и жертвами. Потомъ побѣдители славили собственную свою храбрость торжественными играми, сопровождавшимися музыкальными и поэтическими состязаніями, и чтобъ увѣковѣчить память незабвеннаго дня, заказали картины, изображавшія ходъ Мараеонской битвы и долженствовавшія передать ее потомству, такъ-сказать, наглядно. На этихъ картинахъ, вмѣстѣ съ воеводами, павшими на полѣ чести, получили мѣсто и Мильтіадъ, представленный въ положеніи военачальника съ поднятою рукою, указывающею на непріятеля. Но въ масличномъ вѣнкѣ, котораго добивался славолубивый герой, ему было отказано народнымъ вѣчемъ, не потому, чтобъ Аѣниане не цѣнили заслугъ Мильтіада или оставались ему неблагодарными, но потому что, по понятіямъ, господствовавшимъ въ древнихъ греческихъ республикахъ, по крайней мѣрѣ во время ихъ процвѣтанія, отличія, оказанныя гражданиномъ, какъ бы ни были велики, считались только исполненіемъ долга. Впрочемъ, Мильтіадъ стоялъ на верху славы, и лучшимъ доказательствомъ неограниченнаго довѣрія къ нему соотечественниковъ служить та готовность, съ которою, вскорѣ послѣ Мараеонскаго сраженія, Аѣниане предоставили въ полное распоряженіе этого полководца 70 кораблей съ нужнымъ количествомъ людей и денегъ, полагаясь единственно на его обѣщаніе обогатить республику, но не зная ни цѣли, ни мѣста похода, хранившихся въ тайнѣ для успѣха предпріятія. Находясь уже въ морѣ, Мильтіадъ приказалъ плыть къ Паросу для наказанія жителей за помощь, поданную Персамъ; но этою благовидною причиною прикрывалась, или по крайней мѣрѣ примѣшивалась къ ней личная вражда Мильтіада, который возненавидѣлъ Паросцевъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ очернилъ его предъ персидскимъ правительствомъ. Когда Паросцы отказались заплатить контрибуцію, Мильтіадъ опустошилъ ихъ страну, но самаго города ихъ не могъ взять, испытавъ въ теченіе 26-дневной осады значительный уронъ, и къ довершенію своего несчастья, сдѣлался боленъ отъ раны, полученной вслѣдствіе паденія, которая заставила его снять осаду и возвратиться въ отечество. Неудачный исходъ экспедиціи произвелъ сильное волненіе въ Аѣинахъ. Враги Мильтіада воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, и Ксантиппъ, отецъ Перикла, внесъ въ народное собраніе предложеніе о преданіи Мараеонскаго побѣдителя смерти за употребленіе имъ во зло довѣрія

республики. Граждане, когда прошел первый порывъ негодованія, отвергли требованіе Ксантиппа, ограничивъ наказаніе заслуженнаго полководца пенею въ пятьдесятъ талаптовъ. Вскорѣ послѣ этого Мильтіадъ умеръ отъ раны, но не въ темницѣ, куда, по словамъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей (Корнелія Непота, Плутарха, Діодора), онъ былъ заключенъ, за невозможностію будто бы, по причинѣ бѣдности, исполнить приговоръ. Этому противорѣчатъ, во первыхъ, молчаніе Геродота, ближайшаго свидѣтеля, во вторыхъ, законный порядокъ афинскаго судопроизводства, по которому гражданинъ, приговоренный къ пенѣ, до уплаты ея, былъ лишаемъ политическихъ правъ, не подвергаясь тюремному заключенію, кромѣ немногихъ случаевъ, составлявшихъ исключеніе изъ общаго правила, и втретьихъ, то обстоятельство, что Кимонъ, по смерти отца, почтилъ память его исполненіемъ приговора; слѣдовательно, пеня не была выше средствъ Мильтіада, который, владѣя княжествомъ въ Херсонесѣ Эракійскомъ, успѣлъ нажить огромныя богатства.

Мараонская битва доказала Грекамъ возможность побѣждать Персовъ, но не избавила Грецію отъ угрожавшей ей опасности. Узнавъ о пораженіи своихъ полководцевъ, Дарій пришелъ въ сильное негодованіе и немедленно занялся большими приготовленіями къ новому походу, который однако же не состоялся, по случаю его кончины. Преемникъ Дарія, Ксерксъ сначала не имѣлъ большой охоты воевать съ Греками, и только внушенія властолюбиваго Мардонія и льстивыя рѣчи греческихъ изгнанниковъ, жившихъ при персидскомъ дворѣ (Пизистратидовъ и прорицателя Ономокрита), а также надежда на помощь, обѣщанную ессалійскими князьями Алевадами, побѣдили нерѣшительность этого монарха, при всей гордости постоянно находившагося въ зависимости отъ другихъ. Усмиривъ Египеть, Ксерксъ, вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ дяди своего Артабана, рѣшился предпринять походъ въ Грецію, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, для того, чтобы наказать Афинянь, и соединивъ Европу съ Азіей, составить изъ нихъ одно государство. Начальники сатрапій дѣятельно занимались наборомъ и организаціей войскъ въ провинціяхъ. Четыре года прошло въ приготовленіяхъ, прежде чѣмъ могла состояться кампанія, а между тѣмъ были заблаговременно приняты мѣры для обезпеченія перехода и продовольствія войскъ. Въ разныхъ мѣстахъ Македоніи и Эракіи были устроены магазины для храненія провіанта, свезеннаго изъ плодороднѣйшихъ странъ Азіи, черезъ Геллеспонтъ были наведены понтонныя мосты, и приступлено къ

прорытію Аеонскаго перешейка, дабы не подвергать флота опасностямъ бурнаго плаванія, около негостепріимнаго мыса, гдѣ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ морскія силы Персовъ испытали крушеніе.

Слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ Персидскаго царя весьма рано дошелъ въ Грецію и произвелъ между жителями ея сильное смятеніе. По обыкновенію прибѣгли къ оракуламъ, но первые отвѣты Пифіи были весьма неутѣшительны и еще болѣе увеличили страхъ суевѣрныхъ. Къ счастью, въ Греціи нашлись люди, которые умѣли воодушевить своихъ соотечественниковъ и указать имъ средство къ защитѣ своей независимости. На Исѣмѣ былъ созванъ сеймъ представителей греческихъ государствъ, на которомъ положено было прекратить всѣ домашнія распри между Эллинами и общими силами отразить общую опасность.

Въ то же время отправлены были послы въ Аргось, Сиракузы, Керкиру и Критъ съ просьбой о помощи, но посольство это не увѣчалось успѣхомъ. Аргосцы отговаривались изреченіемъ оракула, совѣтовавшаго имъ беречь головы, а въ самомъ дѣлѣ, по ненависти къ Спартѣ, не хотѣли принять участія въ предстоявшей борьбѣ и даже втайнѣ благопріятствовали Персамъ. Гелонъ Сиракузскій соглашался помочь Грекамъ не иначе, какъ подъ условіемъ предоставленія ему главнаго начальства надъ всѣмъ союзнымъ войскомъ или, по крайней мѣрѣ, надъ морскими или сухопутными силами; но депутаты съ гордостію отвергли это требованіе, не согласовавшееся съ греческими обычаями, замѣтивъ, что игемонія принадлежитъ Спартѣ. Критъ, коего народонаселеніе состояло изъ разнородныхъ элементовъ, не оказывалъ большаго сочувствія къ интересамъ Греціи. Керкиряне хотя на словахъ обѣщали помощь и дѣйствительно снарядили 60 кораблей, но въ дорогѣ съ умысломъ медлили, выжидая, какой оборотъ примутъ дѣла, а потомъ извинялись противными вѣтрами, будто бы задержавшими ихъ. Такимъ образомъ, все бремя войны обрушилось на жителей Греческаго полуострова въ Европѣ, да и между ними не всѣ сочувствовали общему дѣлу. Одни государства хранили нейтралитетъ, другія открыто приняли сторону Ксеркса, вручивъ посланнымъ его землю и воду ¹⁾ или же ожидали прибытія Персовъ чтобы соединиться съ ними (Доряне). Даже между Эллинами, ополчившимися для защиты своей независимости, нерѣдко происходили разногласія на счетъ средствъ обороны, и многіе изъ союзниковъ думали болѣе о своемъ

¹⁾ Фессалійцы, Локряне, вся Віотія, кромѣ Феспіи и Платеи.

спасеніи, чѣмъ о благѣ Эллады. Можно смѣло утверждать, вмѣстѣ съ Геродотомъ, что вся честь великаго дѣла принадлежитъ Аѳинянамъ, или, лучше сказать, тѣмъ мужамъ, которые въ это время руководили Аѳинянами, и которымъ Провидѣніе предназначило дать новое направленіе судьбамъ историческаго міра, рѣшивъ въ пользу запада тяжбу между нимъ и востокомъ о первенствѣ. Эти мужи былиThemistocle и Аристидъ. Первый, одинъ изъ величайшихъ геніевъ, одаренный необыкновенною политическою дальновидностію и неистощимый въ изобрѣтеніи средствъ для исполненія задуманныхъ имъ дѣлей, еще въ ранней молодости мечталъ о прославленіи себя великими дѣлами, жалуясь своимъ друзьямъ, что трофеи Мильтіада лишаютъ его сна. Другой, уступая геніемъThemistocle, но также не лишенный замѣчательныхъ правительственныхъ и военныхъ талантовъ, неоднократно выказанныхъ имъ въ продолженіе многотрудной и полезной жизни, сверхъ того обладалъ въ высокой степени честностію и неподкупнымъ безкорыстіемъ, качествомъ, которое встрѣчалось весьма рѣдко между государственными мужами Греціи и потому высоко уважалось въ древней Элладѣ, и за которое онъ получилъ отъ своихъ соотечественниковъ прозваніе справедливаго,—отличіе, сколько лестное, столько же и опасное въ такомъ государствѣ, какъ Аѳинское, гдѣ всякое превосходство, рѣзко выдѣлявшее отдѣльную личность изъ толпы, возбуждало недоброжелательство завистливой демократіи. Оба они не получили того многосторонняго приготовительнаго образованія, которое въ послѣдствіи сдѣлалось необходимымъ для вождей Аѳинскаго народа, замѣнивъ недостатокъ его природными дарованіями и житейскою опытностію. Оба, воспитанные въ духѣ учрежденій Солона и Клисѳена, положившихъ основаніе истинному патриотизму уничтоженіемъ политическихъ партій, нѣкогда обуревавшихъ Аттику, искренно желали добра своей родинѣ, хотя и различно понимали ея интересы. Themistocle, подобно большей части геніальныхъ людей, любилъ блескъ, громкія дѣла, даже не чуждъ былъ суетности, и желая сдѣлать Аѳины первымъ государствомъ въ Греціи, съ свойственною ему проникательностію изыскивалъ новыя пути для возвышенія отечества; въ выборѣ средствъ онъ не отличался разборчивостію. Аристидъ же поставлялъ общее благо въ строгой нравственности и неукоснительномъ исполненіи обязанностей гражданина, и не отвергая необходимыхъ улучшеній сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ, твердо стоялъ за прежнія основанія Аѳинской жизни, освященныя вѣковыми преданіями. При такомъ различіи характеровъ и взглядовъ, они естественно не могли поладить,

и вскорѣ послѣ Мараѳонскаго сраженія, соперничество между ними дошло до того, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставить отечество. Өемистоклу, искусному въ политическихъ интригахъ, удалось побѣдить своего прямодушнаго противника, неумолимаго въ обличеніи неправды. Изгнанный остракизмомъ, онъ удалился на островъ Эгину. Эта несправедливость однако нисколько не ослабила его патріотизма, и онъ въ самомъ изгнаніи умѣлъ быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, которые, къ чести Өемистокла, по его предложенію, сняли съ доблестнаго гражданина незаслуженную имъ опалу, до истеченія законнаго срока.

Окончивъ всѣ приготовленія, Ксерксъ весною 480 года прибылъ въ кападокійскій городъ Криталъ, гдѣ было назначено сборное мѣсто войскамъ для выступленія въ походъ. Отсюда онъ двинулся въ дальнѣйшій путь черезъ Кападокію и Фригію въ Сарды, гдѣ рѣшился провести всю зиму, а между тѣмъ въ бытность свою въ этомъ городѣ отправилъ посольство во всѣ греческія государства, кромѣ Аѳинъ и Спарты, требовать воды и земли. Призывъ этотъ, какъ мы уже видѣли, не остался тщетнымъ. Достигнувъ Геллеспонта, при городѣ Абидосѣ, Персидскій монархъ съ возвышеннаго мѣста обозрѣвалъ свои войска, потому слѣдовала знаменитая переправа черезъ мостъ, продолжавшаяся безъ отдыха семь дней и семь ночей; въ Дорисской равнинѣ Ксерксъ произвелъ подробный смотръ всѣмъ какъ сухопутнымъ, такъ морскимъ силамъ, послѣ котораго, если вѣрить Геродоту, оказалось одной пѣхоты 1.700.000, да сверхъ того 80.000 конницы и 1.207¹⁾ военныхъ кораблей съ экипажемъ, простиравшимся до 276.000 человекъ²⁾, не считая транспортныхъ судовъ, между тѣмъ какъ Ктезій³⁾ ограничиваетъ число сухопутнаго войска—800.000, и къ этой цифрѣ довольно близко подходятъ показанія позднѣйшихъ писателей (по Эліану 700.000, по Плинію—788.000, по Діодору—800.000, по Юстину—1.000.000). Очевидно, что мы не имѣемъ никакой возможности рѣшить, кто изъ нихъ болѣе правъ, и что всякая попытка опредѣлить хотя приблизительно настоящую численность арміи Ксеркса со стороны новѣйшаго изслѣдователя была бы бесполезнымъ трудомъ; ибо извѣстно, что даже и теперь на востокѣ очень часто сами начальники не

¹⁾ Эсхилъ также опредѣляетъ морскія силы Персовъ въ 1.207 военныхъ судовъ (Персы, ст. 33).

²⁾ Полагая на каждую трирему по 230 человекъ экипажа, см. Исторію Греціи Грота, въ нѣмецкомъ переводѣ Мейснера, III, стр. 30—31.

³⁾ Pelsica, с. 22—23.

знаютъ съ точностью числа войскъ, находящихся подъ ихъ командою ¹⁾. А посему, не выдавая за достовѣрную ни одной изъ приведенныхъ выше цифръ, мы предпочитаемъ, по примѣру Ксенофонта ²⁾, ограничиться замѣчаніемъ, что Ксерксъ привелъ въ Грецію огромное войско, которому равнаго прежде Европа никогда не видѣла, хотя разнородный составъ этого войска и дурное вооруженіе большей части ратниковъ, при недостаткѣ дисциплины и общихъ патриотическихъ побужденій, лишали Персовъ тѣхъ выгодъ, которыя, повидимому, должно было доставить имъ численное превосходство, тѣмъ болѣе что они шли въ страну, гдѣ самая мѣстность затрудняла употребленіе огромныхъ массъ людей. Лучшую часть персидскаго войска, безспорно, составлялъ флотъ, на которомъ служили опытные моряки Финикиане и Ионяне.

Послѣ смотра въ Абидосѣ, Ксерксъ, раздѣливъ войско свое на три части, продолжалъ путь по землямъ, населеннымъ разными еракійскими и македонскими племенами, вблизи греческихъ приморскихъ городовъ (Дикеи, Маронеи, Абдеры, Еіона, Аргилы, Стагира). Всѣ эти страны входили въ составъ его монархіи, а потому жители ихъ обязаны были давать подкрѣпленія персидской арміи и снабжать ее съѣстными припасами. Въ Авантѣ онъ разстался съ своимъ флотомъ, которому велѣно было чрезъ Аѳонскій каналъ вступить въ Термессійскій заливъ и ожидать прибытія царя въ Терме (Салоники), а между тѣмъ самъ совершилъ трудный походъ по негостепріимной и лѣсистой части Македоніи, послѣ котораго соединился съ флотомъ, и наводнивъ войсками своими всю Македонію, Піерію и Боттію, сталъ въ виду Олимпа, передоваго стража Греціи со стороны сѣвера.

Первою мыслию союзныхъ Эллиновъ было дать отпоръ Персамъ на границѣ Македоніи и Тессаліи. Съ этою цѣлію они послали войско для занятія Темпейскаго ущелья, пункта чрезвычайно удобнаго для обороны: ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣснина здѣсь до того суживается, что по ней съ трудомъ можетъ пройти одна повозка. Слѣдо-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно свидѣніе, сообщаемое барономъ Тотомъ въ его запискахъ. Во время войны Русскихъ съ Турками въ 1770 году, когда оттоманское войско стояло лагеремъ при Бабадагѣ, великій визирь однажды потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ его: какъ велики турецкія силы? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности, онъ самъ обратился бы съ этимъ вопросомъ къ визирю. Тогда визирь прямо сказалъ, что ему неизвѣстно число вѣрннаго ему войска. «Откуда мнѣ знать то, чтѣ вамъ неизвѣстно», спросилъ Тотъ. «Изъ Вѣнскихъ газетъ, вѣдь вы читаете ихъ», возразилъ визирь.

²⁾ Анаб. III, 2, 13.

вательно, нѣсколько храбрецовъ, пользуясь благоприятною мѣстностію, могли бы задерживать движеніе многочисленной арміи. Позиція эта оказалась, однакоже, не совсѣмъ благонадежною: вопервыхъ, потому что въ тылу Грековъ могъ дѣйствовать огромный персидскій флотъ, а вовторыхъ, они получили извѣстіе отъ Македонскаго царя Александра о существованіи другаго прохода изъ Македоніи въ Фессалію, который чрезъ страну Пергебовъ велъ въ городъ Гонось. Послѣ такого открытія союзники, считая невозможнымъ защищать занятый ими постъ, сѣли на суда и возвратились въ Исѣмъ, гдѣ оставались до тѣхъ поръ, пока слухъ о прибытіи Ксеркса въ Ферме не побудилъ представителей греческихъ государствъ принять рѣшительныя мѣры къ отвращенію опасности.

На основаніи вновь составленнаго плана, Спартанскій царь Леонидъ съ 300 Спартанцевъ и нѣсколькими тысячами союзниковъ (500 Тегеянъ, 500 Мантинейцевъ, 1.120 Аркадцевъ, 400 Коринтянъ, 200 Фліунтскихъ оплитовъ, 80 Микенскихъ, 700 Феспійцевъ, 400 Фивянъ и 1.000 Фокеянъ) получилъ приказаніе занять Фермопильскій проходъ, находившійся на границѣ Фессаліи и Локриды, и держаться тамъ до тѣхъ поръ, пока окончаніе Олимпійскаго и Карнейскаго праздниковъ дастъ союзникамъ возможность собрать болѣе значительныя силы; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сухопутнаго войска, у сѣверной оконечности Эвбеи, при мысѣ Артемизіѣ, расположился греческій флотъ, состоявшій подъ начальствомъ Спартанца Эврибиада изъ 280 судовъ (271 триреми и 9 пентеконтеры), въ числѣ которыхъ находилось болѣе 100 Аѣнскихъ. Такимъ образомъ позиція Грековъ представляла ту выгоду, что защитники Фермопилъ могли пользоваться пособіемъ флота. Но одно обстоятельство едва не лишило ихъ этой выгоды. Взятіе Персами двухъ греческихъ судовъ изъ числа трехъ, крейсировавшихъ вдоль береговъ Фессаліи для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, навело такой страхъ на союзниковъ, что Эврибиадъ и его товарищи рѣшились покинуть Артемизію и искать болѣе безопаснаго убѣжища въ узкомъ Халкидскомъ проливѣ. Удаленіе флота дѣлало весьма опаснымъ положеніе защитниковъ Фермопилъ, и Греки могли бы дорого поплатиться за свою ошибку, если бы сама судьба не поблагодѣтельствовала имъ. Внезапно поднялась страшная буря, которая свирѣпствовала три дня, и отъ которой погибло болѣе 400 персидскихъ судовъ, со множествомъ людей и груза. Событіе это подѣйствовало самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ союзниковъ, занявшихъ снова прежнюю позицію, и даже внушило имъ отвагу атаковать часть

непріятельскаго флота. Хотя въ сраженіи, происшедшемъ близь Артемизіа, Греки не успѣли одержать совершенную побѣду, но уже много выиграли тѣмъ, что устояли противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. На третій день персидскіе полководцы возобновили битву, которая окончилась нерѣшительно, и отъ которой обѣ стороны понесли весьма большой уронъ, а наканунѣ ея, ночью, поднялась новая буря, причинившая Персамъ значительный вредъ, тогда какъ греческій флотъ и на этотъ разъ остался невредимымъ.

Между тѣмъ Ксерксъ прошелъ Фессалію, жители которой приняли его сторону, частію изъ страха, а частію по вліанію приверженныхъ Персамъ Алевадовъ, и расположился съ своею арміею въ обширной равнинѣ, разстилавшейся вокругъ города Трахиса въ виду Термопилъ. Въ продолженіе четырехъ дней онъ не предпринималъ ничего противъ Грековъ: ибо, говоритъ Геродотъ, былъ увѣренъ, что они, увидѣвъ вблизи его страшныя силы, откажутся отъ сопротивленія; но была, кажется, и другая причина его медленности: это — безпокойство царя на счетъ участи его флота, о которомъ носился слухъ, будто бы онъ весь уничтоженъ былъ бурей. Во всякомъ случаѣ, если Ксерксъ и надѣялся достигнуть цѣли безъ кровопролитія, то едва-ли онъ былъ ослѣпленъ ребяческимъ тщеславіемъ, которое приписываетъ ему греческій историкъ, изъ религіозно-нравственныхъ побужденій останавливающихся всегда съ особеннымъ удовольствіемъ на контрастахъ, для того чтобы поразительнѣе выставить превратность человѣческаго счастья и униженіе гордости; по всей вѣроятности, Ксерксъ разчитывалъ на интриги своихъ приверженцевъ, полагая, имъ, можетъ-быть, удастся склонить Леонида къ отступленію, подобно тому, какъ прежде греческое войско оставило позицію при Темпе по совѣту Македонскаго царя Александра, котораго Спартанцы, повидимому не безъ основанія, подозрѣвали въ вѣроломствѣ, хотя онъ и разыгрывалъ роль тайнаго доброжелателя Эллады. Но ожиданія Ксеркса не исполнились.

Благодаря энергической твердости Леонида, Греки рѣшились защищать до послѣдней крайности вѣранный имъ постъ. Раздраженный такимъ упорствомъ, царь, на пятый день послѣ своего прибытія, приказываетъ одному изъ своихъ корпусовъ, состоявшему изъ Мидянъ и Киссіянъ, атаковать горсть храбрецовъ и представить ихъ къ нему живыми. Не смотря на стремительность, съ которою было произведено это нападеніе, Греки, пользуясь превосходствомъ оружія и мѣстностію, уравнивавшей силы, блистательно отразили отчаянныя натиски не-

пріятеля и заставили его ретироваться съ большимъ урономъ. На другой день Ксерксъ послалъ противъ нихъ цвѣтъ своего войска, такъ-называемый отрядъ безсмертныхъ, но и онъ подвергся одной участи съ Мидянами. Послѣ этого было сдѣлано еще нѣсколько попытокъ, окончившихся столь же безуспѣшно. Царь находился въ весьма затруднительномъ положеніи и не зналъ на чтѣ рѣшиться, когда, къ стыду греческаго имени, явился среди Грековъ измѣнникъ, Малійскій уроженецъ, по имени Эфіалтъ, и вызвался провести Персовъ въ Термоплы посредствомъ другой малоизвѣстной тропинки, пролегавшей между скалъ и лѣсовъ. Тропинка эта, извѣстная подъ именемъ Анопейской, начиналась у берега Азона и оканчивалась при крѣпости Алленахъ. Ночью персидскій вождь Гидарнъ прошелъ по ней съ 20.000 отрядомъ войска. На разсвѣтѣ Персы поднялись на вершину Эты, сбили 1.000 Фокеянъ, защищавшихъ въ этомъ мѣстѣ проходъ, и спустившись съ горы, зашли въ тылъ Грекамъ. Когда извѣстіе объ этомъ роковомъ движеніи дошло до союзниковъ, они раздѣлились въ мнѣніяхъ на счетъ того, чтѣ имъ оставалось дѣлать. Большинство думало, что пока есть время лучше всего удалиться и не жертвовать безъ пользы жизнію людей. Но Леониду мысль объ отступленіи казалась позорною. Законы его отечества требовали, чтобы онъ побѣдилъ или умеръ, защищая вѣранный ему постъ, а предсказаніе Пифіи, что или Спарта будетъ разорена Персами, или Лакедемонская земля оплатитъ смерть своего царя, еще болѣе убѣдило его въ необходимости пожертвовать собою. Притомъ же, если бы онъ отступилъ, то по всей вѣроятности, не избѣжалъ бы порицанія, которому въ Греціи обыкновенно подвергались полководцы, потерпѣвшіе неудачу, между тѣмъ какъ добровольное обреченіе себя на смерть не только заграждало уста злословію, но и должно было вознести его на высшую степень славы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить въ другихъ благородное соревнованіе въ такое время, когда Греціи особенно нужны были великіе примѣры. Образъ мыслей Леонида вполне раздѣляли находившіеся съ нимъ 300 Спартанцевъ, а также и Теспійцы, вмѣстѣ съ доблестнымъ вождемъ своимъ Демофиломъ. Прочіе союзники, согласно изъявленному ими желанію, получили дозволеніе удалиться, или же, какъ гласитъ другое сказаніе, сообщаемое Геродотомъ, были отпущены самимъ Леонидомъ, удержавшимъ при себѣ лишь такое число людей, какое было нужно для того, чтобы сколько можно дороже продать свою жизнь. Въ числѣ оставшихся историкъ называетъ и Фиванцевъ, хотя они сдѣлали это болѣе по принужденію, нежели по доброй волѣ, а

потому на усердіе ихъ, какъ показали послѣдствія, нельзя было полагаться. Около полудня Ксерксъ съ главными силами своими двинулся противъ горсти Грековъ, а между тѣмъ Гидарнъ, совершивъ обходъ, готовился напасть на нее съ другой стороны. Завязался кровопролитный бой, въ которомъ Греки оказали чудеса храбрости. Въ короткое время Ксерксъ не досчитывался въ своей арміи нѣсколькихъ тысячъ. Многіе Персы пали подъ ударами Грековъ, другіе были втоптаны частію въ море, частію въ близъ-лежавшія болота, или же лишались жизни по неосторожности своихъ товарищей, во время суматохи, происшедшей при отступленіи персидскаго войска. Когда же былъ убитъ Леонидъ, то надъ трупомъ его завязалась новая, еще упорнѣйшая битва: сражающіеся, по сокрушеніи оружія, дрались руками и зубами. Наконецъ, истощенный продолжительнымъ сопротивленіемъ и значительно уменьшившійся въ числѣ, небольшой греческій отрядъ перешелъ на возвышенность, находившуюся въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода, и тамъ спокойно ожидалъ смерти, не переставая защищаться, пока оставался въ немъ въ живыхъ хотя одинъ человекъ. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи Фиванцы вовсе не принимали участія. Какъ скоро они увидѣли, что дѣло союзниковъ потеряно, то вѣроломно оставили ихъ, и явившись къ Ксерксу, умоляли его о пощадѣ въ самыхъ униженныхъ и подобострастныхъ выраженіяхъ. Царь даровалъ имъ жизнь, но обошелся съ ними съ презрѣніемъ, достойнымъ измѣнниковъ.

Такъ окончилась Фермопильская битва, покрывшая безсмертною славою Леонида и его сподвижниковъ и достойно оцѣненная, какъ современниками, такъ и потомствомъ. Амфиктіоны почтили память Спартанскихъ героевъ слѣдующею простою, глубоко-трогательною надписью: „Прохожій, возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы пали здѣсь, повинуваясь законамъ отечества!“ Другая болѣе кичливая надпись гласила о сраженіи 4.000 пелопонезскихъ воиновъ съ 300 мириадъ, то - есть, съ 3.000.000 варваровъ; но мы нигдѣ не встрѣчаемъ имени Теспейцевъ, которые сражались также храбро, какъ и Спартанцы, и которыхъ подвигъ заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что побужденіемъ къ нему служило единственно чувство чести, а не требованія военной дисциплины, предписывавшей Спартанцу не оставлять ввѣреннаго ему поста, подъ опасеніемъ лишиться добраго имени ¹⁾.

¹⁾ Вотъ почему не справедливо выражаться о защитникахъ Фермопилъ такъ, какъ выразился г. Иловайскій: «Леонидъ отпустилъ большую часть союзныхъ отрядовъ; а самъ съ 300 своихъ Спартанцевъ и нѣсколькими стами союзниковъ»

Взятіе Фермопиль открыло Ксерксу дорогу въ средину Греціи. Персы изъ политическихъ разчетовъ щадили земли, добровольно изъ-явившія имъ покорность. Благодаря этому обстоятельству, Дорида избѣжала опустошенія. Напротивъ того, сосѣдняя съ нею Фокида, которая приняла участіе въ борьбѣ за независимость, и жители которой были очернены предъ Ксерксомъ давнишними врагами своими Фессалійцами, подверглась страшному разгрому. Персы прошли по ней разрушительнымъ потокомъ, истребляя все огнемъ и мечемъ, выжгли отъ десяти до двѣнадцати Фокейскихъ городовъ и даже не уважали храмовъ. У Панопея, на границѣ Фокиды, Ксерксъ, раздѣливъ войско свое на двѣ части, самъ съ главными силами чрезъ Віотію направилъ путь въ Аттіку, а другой меньшій отрядъ былъ посланъ имъ противъ Дельфійскаго храма съ приказаніемъ овладѣть его богатыми сокровищами. Геродотъ разказываетъ о чудесномъ защищеніи дома Аполлона самимъ божествомъ, которое запретило жителямъ спасать храмовыя сокровища, говоря, что оно не нуждается въ посторонней помощи для того, чтобъ отстоять свою собственность. Послѣдующія событія, по словамъ историка, вполнѣ подтвердили это обѣщаніе. Когда Персы находились уже въ виду города, священное оружіе, хранившееся внутри храма, невидимою силою было перенесено на храмовыя ступени, и вслѣдъ затѣмъ поднялась страшная буря съ громомъ и молніей. Оторванные ею отъ Парнасса, два обломка скалы съ трескомъ обрушились на варваровъ, при чемъ многіе изъ нихъ лишились жизни, а остальные въ ужасѣ бѣжали до границы, преслѣдуемые спустившимися съ горъ Дельфійцами, и потомъ разказывали, вѣроятно, желая скрыть стыдъ пораженія своего выдумкою, что сами боги поражали ихъ въ образѣ двухъ воиновъ исполинскаго роста; впрочемъ, можетъ-быть, въ страхѣ они дѣйствительно приняли за боговъ греческихъ витязей, смѣло ударившихъ на оробѣвшаго непріятели. Результатъ Фермопильскаго сраженія, какъ оно ни славно было для чести греческаго оружія, сильно встревожилъ всѣхъ Эллиновъ, отважившихся на борьбу съ Ксерксомъ, въ особенности Аѳинянтъ, которые, надѣясь на обѣщаніе Спартанцевъ выслать войско для прикрытія Аѳинъ, не принимали никакихъ мѣръ

бросая на непріятели и послѣ отчаянной битвы палъ со всѣми *Спартанцами*. Предлагаемъ слѣдующую редакцію этого мѣста: «Леонидъ отпустилъ бѣдшую часть союзныхъ отрядовъ; а самъ съ 300 своихъ Спартанцевъ и 700 Феспійцевъ, которые съ доблестнымъ вождемъ своимъ Демофиломъ, добровольно остались съ нимъ, бросая на непріятели и послѣ отчаянной битвы палъ со всѣми своими сподвижниками».

на случай непріятельскаго нашествія. Но къ крайнему огорченію своему, они увидѣли, что Пелопонезцы думаютъ только о безопасности своего полуострова, а между тѣмъ Ксерксъ былъ уже въ Віотіи, и участь, постигшая города Платею и Ѳеспію, разоренные Персами, со дня на день грозила Аѳинамъ. Въ этомъ критическомъ положеніи Аѳиняне отправляютъ къ Эврибиаду гонца съ просьбою приказать флоту отплыть отъ Артемизія и остаться на время при Саламинѣ для поданія имъ помощи. Эврибиадъ исполнилъ ихъ желаніе. Аѳинскія семейства были перевезены частію въ Пелопонезъ, а частію на содѣственные острова Саламинъ и Эгину; всѣ же граждане, способные носить оружіе, поступили на флотъ, ибо Ѳемистоклу удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ, что Писія, совѣтуя Аѳинянамъ искать убѣжища за деревянными стѣнами, разумѣла корабли. Едва окончилось это переселеніе, какъ Ксерксъ, на 14-й день послѣ Ѳермопильскаго сраженія, вступилъ въ опустѣвшіе Аѳины. Мертвая тишина царствовала въ городѣ, гдѣ еще недавно кипѣла дѣятельность. Только немногіе изъ жителей, большею частію бѣдняки и служители храмовъ, остались въ Акрополѣ, и оградивъ себя деревянною стѣною, согласно изреченію оракула, буквально ими понятому, ожидали чуда для своего спасенія. Эта горсть инвалидовъ съ презрѣніемъ отвергла предложеніе о сдачѣ, сдѣланное отъ имени Ксеркса находившимися въ его войскѣ Пизистратидами, и наносила значительный вредъ непріятельскому войску, бросая въ него съ высоты огромные камни, доколѣ нѣсколько охотниковъ изъ персидскаго войска, взобравшись на сѣверную отвѣсную сторону Акрополя, оставшуюся по безопасности безъ прикрытія, не зашли въ тылъ гарнизону и не отворили воротъ главному отряду, штурмовававшему крѣпость. Тогда осажденные, видя неизбѣжную гибель, или сами бросались съ высоты и находили смерть, или же искали спасенія у алтарей, хотя и тщетно: ибо непріятель, раздраженный упорною обороною горсти защитниковъ, никому не давалъ пощады. Перебивъ гарнизонъ, Персы бросились на храмъ Минервы, покровительницы города, сперва ограбили, потомъ сожгли этотъ богатый храмъ, и наконецъ, зажгли самый Акрополь; пламя быстро разлилось отсюда по всему городу и обратило въ груды пепла большую половину цвѣтущихъ Аѳинъ.

Теперь спасеніе Греціи зависѣло отъ участи морскаго сраженія, которое торжествующій Ксерксъ, по прибытіи персидскаго флота въ Фалернскую гавань, намѣревался дать союзникамъ, въ надеждѣ однимъ ударомъ сокрушить ихъ силы; но приступая къ столь важному

дѣлу, онъ желалъ предварительно знать мнѣніе своихъ сановниковъ и созвалъ военный совѣтъ, который, какъ замѣчаетъ Гротъ, былъ одною пустою формальностью, ибо персидскіе военачальники, зная образъ мыслей своего монарха, не считали нужнымъ протіворѣчить ему и подали голоса въ пользу сраженія. Впрочемъ, и въ этомъ раболѣпномъ совѣтѣ нашлась особа, иначе понимавшая обязанности вѣрноподданнаго и высказавшая царю свои убѣжденія съ откровенностію, дѣлающею честь ея уму и сердцу. Это была Артемизія, правительница Галикарнасса, родины Геродота, столь же славная своею практическою опытностію, какъ и блистательнымъ мужествомъ въ бояхъ. Артемизія не совѣтовала вступать въ сраженіе, ссылаясь на искусство Грековъ въ морской войнѣ и на неспособность большей части персидскихъ моряковъ, и утверждала, что царь вѣрнѣе и съ меньшими пожертвованіями достигнетъ цѣли, если будетъ держаться выжидательной системы; что греческій флотъ, собравшійся при Саламинѣ, разсѣется самъ собою отъ недостатка въ средствахъ продовольствія, и что Пелопонезцы, по всей вѣроятности, поспѣшатъ на защиту своей родины, какъ скоро узнаютъ о движеніи сухопутнаго персидскаго войска къ Исѣму. Многочисленные враги Артемизіи торжествовали, въ полномъ убѣжденіи, что смѣлыя рѣчи ея не понравятся царю, но къ удивленію ихъ, Ксерксъ нашелъ уважительными приведенныя ею основанія, хотя и не воспользовался совѣтомъ умной царицы, подъ предлогомъ нежеланія отступить отъ мнѣнія большинства, а въ самомъ дѣлѣ потому, что былъ увѣренъ въ побѣдѣ и горѣлъ нетерпѣніемъ отмстить Грекамъ за неудачу, понесенную Персами при мысѣ Артемизіѣ. Между начальниками греческаго флота также происходили совѣщанія насчетъ плана будущихъ дѣйствій, сопровождавшіяся весьма жаркими преніями. Спорный вопросъ заключался въ томъ: остаться ли союзникамъ при Саламинѣ, или же отступить къ Исѣму и тамъ ожидать нападенія непріятеля. Большинство членовъ совѣта, состоявшее преимущественно изъ Пелопонезцевъ, склонялось въ пользу послѣдняго мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разобщить сухопутной арміи съ флотомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ими руководило чувство самосохраненія. Между тѣмъ, во время самыхъ совѣщаній, было получено извѣстіе объ участи, постигшей Аены, и оно распространило такое уныніе между союзниками, что нѣкоторые полководцы, не дождавшись окончательнаго рѣшенія, покинули собраніе съ тѣмъ, чтобы возвратиться на родину. Оставшіеся, согласно опредѣленію большинства, положили занять Исѣмъ и ограничиться

обороною Пелопонеза, не смотря на протестъThemistocles, котораго, когда онъ возвратился на свой корабль, одинъ изъ Аѳинскихъ друзей его, по имени Мнесифиль, человекъ съ весьма свѣтлою практическою головою, убѣдилъ еще болѣе въ необходимости удержать позицію при Саламинѣ, предвидя, что оставленіе ея повлечетъ за собою уничтоженіе морской силы Грековъ, ибо союзники, по всей вѣроятности, не преминули бы воспользоваться отступленіемъ для того, чтобы разойтись по домамъ — одни изъ страха, а другіе по весьма естественному побужденію поспѣшить на защиту родного крова, угрожаемаго наше- ствіемъ непріятеля.

Разговоръ съ Мнесифиломъ сильно подѣйствовалъ на Themistocles. Не теряя ни минуты, онъ отправляется къ Эврибиаду, испрашиваетъ у него позволенія говорить съ нимъ наединѣ и откровенно высказываетъ ему свои опасенія насчетъ твердости союзниковъ. Это замѣчаніе раскрыло глаза главнокомандующему и заставило его, для тщательнаго обсужденія спорнаго вопроса, созвать вновь военный совѣтъ, который былъ однимъ изъ самыхъ бурныхъ. Въ рѣчи, произнесенной предъ членами собранія, Themistocles, щадя самолюбіе, союзниковъ, весьма благоразумно умолчалъ о главномъ обстоятельстве, послужившемъ поводомъ къ возобновенію совѣщаній, но обратилъ вниманіе присутствующихъ съ одной стороны на стратегическія выгоды позиціи при Саламинѣ¹⁾, гдѣ, при невозможности развернуться въ узкомъ заливѣ многочисленному непріятельскому флоту, Грекамъ гораздо легче было одержать побѣду, чѣмъ сражаться въ открытомъ морѣ у Исма; а съ другой стороны, указалъ на гибельныя слѣдствія оставленія этой позиціи, которое повлечетъ за собою не только потерю Мегары, Эгины и Саламина, но и подвергнетъ опасности самый Пелопонезъ: ибо по мѣрѣ движенія персидскаго флота и сухопутное войско не замедлитъ послѣдовать за нимъ. Рѣчь эта, не смотря на ея убѣдительность, привела въ сильное негодованіе Пелопонезцевъ, смотрѣвшихъ

¹⁾ Во многихъ историческихъ сочиненіяхъ побужденіемъ для Themistocles удержать позицію при Саламинѣ выставляется одна эта причина, и вовсе не упоминается другая, едва-ли не главная, равно какъ и имя Мнесиола, достойное перейти въ потомство. Въ руководствѣ г. Иловайскаго сказано: «Themistocles понималъ всѣ выгоды настоящей позиціи и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удержать Грековъ». По нашему мнѣнію слѣдовало бы сказать: «Themistocles, понимая выгоды настоящей позиціи и притомъ опасаясь, чтобы союзники при отступленіи флота не разошлись по домамъ для защиты собственныхъ семействъ, угрожаемыхъ непріятелемъ, на что, говорятъ, обратилъ вниманіе его Аѳинянинъ Мнесифиль, прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удержать Грековъ».

на спорный вопросъ съ эгоистической точки зрѣнія и опасавшихся, чтобы дѣло, которое они считали оконченнымъ, не приняло оборота, несогласнаго съ ихъ видами. Адимантъ, начальникъ Коринской эскадры, въ пылу гнѣва до того забылся, что наговорилъThemistocle дерзостей и даже оспаривалъ у него право голоса на томъ основаніи, что отечество его Аѳины находилось въ рукахъ Персовъ, и слѣдовательно, не принадлежало къ числу государствъ, пользовавшихся политической независимостію. На эту наглую выходку Themistocle отвѣчалъ съ достоинствомъ представителя державы, въ распоряженіи которой находилось 200 вооруженныхъ кораблей, и которая, владѣя такою силою, могла добыть себѣ любой городъ въ Греціи. Потомъ, обратясь къ Эврибиаду, умолялъ его не отвергать совѣта, клонившагося ко благу всей Эллады. Краснорѣчіе оратора, а еще болѣе угроза, что въ случаѣ, если совѣтъ не измѣнить прежняго рѣшенія, Аѳиняне оставятъ союзниковъ и переселятся со своими семействами въ Италію, окончателно расположили въ его пользу Эврибиада и побѣдили упорство Пелопонезцевъ. Союзники остались при Саламинѣ.

Такимъ образомъ Themistocle удалось поставить на своемъ, но планъ его едва было не рухнулъ отъ малодушія Пелопонезцевъ, встревоженныхъ слухомъ о движеніи къ Исему сухопутнаго персидскаго войска. Это обстоятельство возбудило несогласія на греческомъ флотѣ, которыя приняли угрожающій характеръ, и заставило Эврибиада созвать новое собраніе, при чемъ большинство высказало рѣшительное намѣреніе не оставаться долѣе при Саламинѣ.

Приближалась критическая минута. Ясно было, что никакая сила не въ состояніи отклонить Пелопонезцевъ отъ принятаго ими гибельнаго рѣшенія, и что греческому флоту грозитъ совершенное уничтоженіе. Тогда Themistocle, не видя другаго средства отвратить катастрофу, предусмотрѣнную проицательнымъ Мнесифиломъ, прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости, чтобы заставить союзниковъ вступить въ сраженіе, которое одно могло спасти Грецію. Тайно посылаетъ онъ служителя испытанной вѣрности къ начальникамъ непріятельскаго флота съ порученіемъ сказать имъ, что предводитель Аѳинянъ держитъ сторону царя, и что Персамъ представляется прекрасный случай одержать побѣду, если они немедленно нападутъ на Грековъ и не дадутъ имъ времени привести въ исполненіе замышляемое бѣгство. Полководцы Ксеркса, безъ сомнѣнія, слышавшіе о несогласіяхъ, происходившихъ на греческомъ флотѣ, повѣрили этому извѣстію, и чтобы отрѣзать союзникамъ путь къ бѣгству и запретить ихъ въ Саламин-

свой пристани, послали значительный отрядъ войска въ Пситталію, небольшой островокъ между Саламиномъ и Аѳинами, а между тѣмъ главныя силы персидскаго флота выстроились въ боевой порядокъ поперекъ залива до самаго Мунихія и такимъ образомъ окружили Грековъ со стороны моря. Все это происходило ночью. Аристидъ, который жилъ въ изгнаніи на островѣ Эгинѣ, и которому неблагодарность его соотечественниковъ не помѣшала явиться къ начальникамъ греческаго флота съ предложеніемъ своихъ услугъ, первый увѣдомилъ союзниковъ объ ихъ безвыходномъ положеніи, говоря, что онъ съ большимъ трудомъ пробрался сквозь густую цѣпь непріятельскихъ кораблей; показанія переметчиковъ вскорѣ подтвердили справедливость этого извѣстія. Такимъ образомъ Греки волей и неволей должны были готовиться къ сраженію; оно дѣйствительно началось на другой день схваткой одного греческаго корабля съ непріятельскимъ. Самъ Ксерксъ, съ возвышенія на аттическомъ берегу, наблюдалъ за ходомъ битвы. Войска его, по свидѣтельству Геродота, соревновали другъ другу въ храбрости, истощивъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы заслужить вниманіе царя, бывшаго свидѣтелемъ ихъ подвиговъ, но наконецъ, должны были уступить геройскому мужеству, дисциплинѣ и стойкости Грековъ, предводимыхъ искусными вождями, и искали спасенія въ бѣгствѣ. Геродотъ не опредѣляетъ, какъ великъ былъ уронъ съ той и съ другой стороны; по Діодору, Персы лишились при Саламинѣ двухъ сотъ кораблей, союзники же потеряли вѣнцѣро менѣе, и притомъ, значительная часть экипажа, находившагося на судахъ ихъ, разрушенныхъ непріателемъ, спаслась, благодаря умѣнію плавать. Честь побѣды главнымъ образомъ принадлежала Эгинцамъ и Аѳинянамъ. Коринѳяне также, повидимому не безъ основанія, хвалились заслугами, оказанными ими въ этотъ достопамятный день общему дѣлу Греціи, хотя враги ихъ, Аѳиняне, изъ ненависти къ нимъ распространяли молву, будто бы начальникъ Коринѳскаго флота Адимантъ въ самомъ началѣ битвы обратился въ бѣгство, и что только извѣстіе о пораженіи грозной армады заставило его возвратиться назадъ. Въ числѣ отличившихся личною храбростію и распорядительностію, кромѣThemistocles, главнаго виновника успѣха, современники съ особенною похвалою отзывались о Демокритѣ, капитанѣ одного нассосскаго судна, овладѣвшаго въ бою пятью непріятельскими кораблями, Эгинецъ Поликритъ и Аѳинянахъ Аминіѣ (братъ поэта Эсхила), Евменѣ и наконецъ Ариспидѣ, который довершилъ пораженіе непріятеля. бросившись съ собранными ими оплитами на Персовъ, засѣвшихъ въ

Циттади, для прегражденія Грекамъ пути къ бѣгству, и положилъ на мѣстѣ весь этотъ отрядъ, принадлежавшій къ числу лучшиихъ въ арміи Ксеркса.

Не смотря на жестокое пораженіе, у Персовъ все еще оставался сильный флотъ, съ которымъ они могли продолжать войну, не говоря о многочисленной сухопутной арміи, доселѣ испытавшей вообще неважныя потери. А посему весьма естественно, что Греки ожидали возобновленія наступательныхъ дѣйствій со стороны Ксеркса, и предавъ погребенію своихъ убитыхъ, готовились къ новому сраженію, но были избавлены отъ этой необходимости, благодаря малодушію Ксеркса, въ которомъ неудача поколебала прежнюю самонадѣянность, и который, повидимому, не довѣрялъ преданности своихъ моряковъ, состоявшихъ преимущественно изъ некоренныхъ народовъ. Притомъ его тревожила мысль, что Греки могутъ отправиться къ Геллеспону и разрушеніемъ мостовъ поставить его въ положеніе, подобное тому, какое угрожало Дарію во время Скивскаго похода. Подъ вліяніемъ этой тревожной мысли, онъ обдумывалъ планъ бѣгства, а между тѣмъ, чтобы обмануть бдительность Грековъ, распустилъ слухъ, будто намѣренъ дать новое сраженіе; но тайные замыслы царя не ускользнули отъ проницательности Мардонія, который, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за несчастный исходъ кампаніи, предпринятой по его совѣту, является къ Ксерксу и закликаетъ его не предаваться горести, говоря, что потеря Саламинскаго сраженія не составляетъ еще большой бѣды, и что онъ обязуется покорить Грецію, если только царь предоставитъ въ его распоряженіе 300.000 отборнаго войска. Ксерксъ, посоветовавшись съ Артемизіей и съ своими приближенными, изъявилъ согласіе на это предложеніе, и собираясь самъ возвратиться въ Азію, приказалъ флоту своему какъ можно поспѣшнѣ плыть къ Геллеспону и оберегать мосты въ ожиданіи его прибытія. Греки съ удивленіемъ и радостію узнали объ отступленіи неприятельской эскадры и бросились преслѣдовать ее, но не могли догнать и остановились у Андроса: ибо планъ нетерпѣливыхъ Афинявъ и ихъ славолюбиваго вождя проникнуть въ Геллеспонтъ и разрушеніемъ мостовъ преградить Ксерксу путь въ Азію встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Эврибиада и другихъ пелопонезскихъ военачальниковъ, не безъ основанія опасавшихся послѣдствій пребыванія въ Греціи многочисленной персидской арміи, которую крайность могла побудить къ отчаянному сопротивленію.Themistocle согласился съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ и уговорилъ своихъ соотечественниковъ отказаться

отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятели. Между тѣмъ Ксерксъ, спустя нѣсколько дней послѣ удаленія своего флота, оставилъ Аттику и чрезъ Віотію направилъ путь въ Фессалію, гдѣ сопровождавшій его Мардоній занялся выборомъ войскъ для будущей кампаніи, а потомъ расположился на зимнихъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы по открытіи весны начать наступательныя дѣйствія. Разставшись въ Фессаліи съ Мардоніемъ, Ксерксъ съ остальными силами спѣшилъ къ Геллеспонту и въ 40 дней достигъ пролива, потерявъ на пути множество людей отъ голода и болѣзней. Къ довершенію его горя, мосты, построенныя на Геллеспонтѣ, были разрушены бурей. Хотя съ помощію флота онъ и успѣлъ переправить остатки своего войска въ Азію, и хотя по прибытіи въ Абидосъ Персы нашли въ изобиліи жизненные припасы, но этимъ не окончились испытанія злополучной арміи: быстрый переходъ отъ голода къ довольству губительно подѣйствовалъ на здоровье Персовъ, и только весьма немногіе прибыли съ царемъ въ Сарды. Такъ окончился этотъ знаменитый походъ. Въ послѣдствіи, живая фантазія Грековъ, желая разительнѣе выставить контрастъ между началомъ и концомъ его, окружила отступленіе Персидскаго царя разными подробностями, которыя, не смотря на свой сказочный характеръ, нашли мѣсто въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей-моралистовъ, какъ поучительный примѣръ превратности человѣческаго счастья. Таково между прочимъ извѣстіе, сообщаемое Юстиномъ¹⁾; будто Ксерксъ, не нашедши моста, разрушеннаго бурей, ночью одинъ, безъ свиты, переправился въ Азію на бѣдной рыбацкѣй лодкѣ.

И теперь, какъ послѣ Мараонской битвы, побѣдители прежде всего возблагодарили боговъ, посвятивъ имъ значительную часть добычи, захваченной у непріятели, а потомъ положили въ собраніи на Исѣмъ раздать награды достойнѣйшимъ изъ среды своей. Къ сожалѣнію, эта патріотическая мысль, при выполненіи ея, встрѣтила препятствіе въ недоброжелательствѣ и зависти греческихъ военачальниковъ, которымъ было поручено сдѣлать выборъ, и изъ которыхъ каждый цѣнилъ собственныя свои заслуги выше заслугъ своихъ товарищей, а посему никто не получилъ требуемаго большинства, и первая награда осталась не присужденною. Только при назначеніи второй награды, большая часть полководцевъ подали голосъ въ пользу Фемистокла, признавъ такимъ образомъ, хотя и не вполне, великія заслуги Саламинскаго побѣдителя, для котораго высшею наградою было обществен-

¹⁾ II, 13.

ное мнѣніе, ибо вся Греція очень хорошо знала, что главнымъ виновникомъ успѣха былъ Фемистокль, и при каждомъ случаѣ свидѣтельствовала ему свое уваженіе. Даже Спартанцы, неохотники награждать, особенно иностранцевъ, сдѣлали Фемистоклу, когда онъ прибылъ въ ихъ городъ, весьма лестный пріемъ, и осмыпавъ его дарами, съ величайшими почестями проводили до границы своей области.

Впрочемъ, Саламинская битва мало измѣнила отношенія Ксеркса къ прежнимъ его союзникамъ, которые всѣ, за немногими исключеніями, остались вѣрными Персамъ. Только на Халкидскомъ полуостровѣ произошелъ мятежъ. Персидскій вождь Артабазъ, прикрывавшій отступление Ксеркса къ Геллеспонту, на возвратномъ пути вознамѣрился покорить отпавшіе города, и дѣйствительно, ему удалось овладѣть Олинѳомъ; но предпріятіе его противъ Потидеи окончилось несчастливо, и онъ, простоявъ подъ стѣнами ея три мѣсяца, напелся вынужденнымъ снять осаду и удалиться въ Фессалію на зямнія квартиры для соединенія съ Мардоніемъ, который между тѣмъ старался привлечь на свою сторону Аѳинянь, и чрезъ посредство Македонскаго царя Александра, сдѣлалъ имъ весьма заманчивыя предложенія. При этомъ случаѣ патріотизмъ Аѳинянь выказался въ полномъ блескѣ. Считая преступленіемъ измѣнить единокровной и единовѣрной Греціи, они дали Александру отвѣтъ, вполне достойный великой націи, и даже не воспользовались вызовомъ Спартанцевъ помочь имъ въ содержаніи семействъ, доведенныхъ до разоренія двухлѣтнею войной, а только просили своихъ союзниковъ объ одномъ — выслать какъ можно скорѣе вспомогательное войско въ Віотію, дабы общими силами отразить общаго непріятеля, который, какъ надобно было ожидать, не замедлитъ открыть наступательныя дѣйствія. Дѣйствительно, Мардоній, узнавъ объ отказѣ Аѳинянь заключить съ нимъ союзъ и гора нетерпѣніемъ наказъ гордыхъ республиканцевъ, оставилъ Фессалію и двинулся въ Аттіку, вопреки предостереженію Оиванцевъ, совѣтовавшихъ ему не вступать въ сраженіе, но стараться посредствомъ подкуповъ пріобрѣсть приверженцевъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи, дабы, съ помощію ихъ, поселить несогласіе между союзниками. Если бы Мардоній послушался этого благоразумнаго совѣта, то кампанія его, по всей вѣроятности, увѣчалась бы успѣхомъ, ибо послѣдствія показали, что не всѣ Греки раздѣляли благородныя чувства, воодушевлявшія Аѳинянь, и что многіе изъ союзниковъ заботились о частныхъ своихъ выгодахъ. Даже Спартанцы, не смотря на

изъявленную ими готовность выслать въ Вiotiю вспомогательное войско, медлили исполненіемъ общаго, подъ предлогомъ празднованія гаданій, а въ самомъ дѣлѣ потому, что докончивъ въ это время укрѣпленіе Исема, они думали, что могутъ обойтись и безъ помощи Аѳинянъ. Впрочемъ, двуличная политика лакедемонскаго правительства нисколько не поколебала твердости послѣднихъ, и аѳинскіе граждане рѣшились лучше предать въ жертву мстительности Мардонія свой родной городъ и переселиться съ своими семействами въ Саламинъ, чѣмъ занятъ себя именемъ измѣнниковъ. Они не выдали своихъ союзниковъ даже и тогда, когда персидскій военачальникъ, по занятіи Аѳинъ, сдѣлалъ новую попытку къ сближенію съ ними, обѣцая предать забвенію все прошедшее. Мнѣніе одного изъ членовъ сената ¹⁾, по имени Ливида, который полагалъ, что предложенія Мардонія не дурны, и что ихъ слѣдовало бы принять въ соображеніе, было встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ. Народъ побилъ Ливида камнями. Аѳинскія женщины тоже поднялись и побили камнями жену и дѣтей несчастнаго сенатора, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Между тѣмъ аѳинскіе послы прибыли въ Спарту и горько жаловались на дѣйствія лакедемонскаго правительства, не скрывая отъ него, что при всемъ желаніи защищать независимость Эллады, Аѳиняне, если не получаютъ вскорѣ общанной помощи, будутъ принуждены покориться необходимости и принять союзъ, предлагаемый имъ Мардоніемъ. Эфоры хитрили и не давали посламъ рѣшительнаго отвѣта, пока одинъ почтенный Тегеанинъ, по имени Хилей, не вывелъ ихъ изъ заблужденія, объяснивъ лакедемонскому правительству, что укрѣпленія, воздвигнутыя на Исемѣ, не могутъ воспрепятствовать персидскому флоту, при содѣйствіи Аѳинянъ, высадиться въ любомъ мѣстѣ Пелопонеза и опустошить Лаконию. Теперь только Спартанцы опомнились и поспѣшили примириться съ своими союзниками скорымъ исполненіемъ ихъ требованія. Пять тысячъ оплитовъ, въ сопровожденіи 35.000 илотовъ, за которыми на другой день послѣдовало столько же тяжеловооруженныхъ воиновъ, собранныхъ изъ разныхъ городовъ Лаконіи, получили приказаніе, подъ начальствомъ Павзанія, немедленно выступить въ походъ.

Мардоній, тайно извѣщенный Аргосцами о движеніи спартанскаго войска и видя безуспѣшность переговоровъ своихъ съ Аѳинянами, выместилъ гнѣвъ свой на послѣднихъ, истребленіемъ всего, что уцѣлѣло отъ перваго разгрома Аѳинъ Ксерксомъ, и потомъ двинулся въ

¹⁾ Аѳинское правительство находилось въ это время на Саламинѣ.

Віотію, представлявшюю болѣе удобствъ для веденія войны, какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и потому, что жители ея были самыми усердными сторонниками Персовъ. Позиція, занятая имъ, простиралась вдоль лѣваго берега Азоба, между Платеей и Ериерами, и отчасти была защищена укрѣпленнымъ лагеремъ, а насупротивъ Персовъ, у подошвы Кисерона, расположилось войско союзныхъ Эллиновъ, которое, по соединеніи съ Спартакцами контингентовъ другихъ государствъ, простиралось до 110.000 человекъ, въ томъ числѣ однихъ тяжеловооруженныхъ воиновъ было болѣе 38.000. Недостатокъ въ водѣ дѣлалъ позицію союзниковъ весьма неудобною, а потому послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла близъ Ериера, гдѣ 300 Аеннянъ истребили отрядъ отборной персидской конницы, главнокомандующій греческою арміею Павзаній отважился перейти на болѣе ровную мѣстность, примкнувъ лѣвѣмъ крыломъ къ источнику Гаргафіи. Рѣка Азобъ отдѣляла союзниковъ отъ непріятельскаго лагеря. Въ этомъ положеніи обѣ арміи нѣсколько дней стояли одна противъ другой, ожидая каждая нападенія противника; наконецъ, бездѣйствіе накучило Мардонію, и онъ, не смотря на представленія Артабаза, рѣшился атаковать Грековъ, которые, терпя недостатокъ въ продовольствіи и водѣ, послѣ того какъ персидской конницѣ удалось завалить источникъ Гаргафію и перехватить нѣсколько транспортовъ, шедшихъ къ союзникамъ, почли нужнымъ оставить занимаемую ими позицію и отойти къ острову, образуемому двумя рукавами Эроз, текущими съ высоты Кисерона въ равнину. Но прежде чѣмъ окончилось это передвиженіе, Персы ударили на Спартакцевъ и Тегеянъ, которымъ однимъ пришлось выдерживать всю тяжесть сраженія: ибо бѣольшая часть союзныхъ отрядовъ находилась слишкомъ далеко, отступивъ по направленію къ городу Платей, вмѣсто диспозиціи, указанной Павзаніемъ, а Аенняне были заняты отраженіемъ другаго отдѣленія персидскаго войска, состоявшаго изъ Грековъ, принявшихъ сторону Ксереса. Бой длился нѣсколько часовъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и безъ рѣшительнаго результата; пока былъ живъ Мардоній; войска его крѣпко держались противъ натиска тяжеловооруженныхъ Грековъ, воодушевляемыя примѣромъ своего полководца, носившагося впереди своихъ на бѣлой лошади; но когда палъ Мардоній отъ руки Спартака Эймнеста, Персы не выдержали, обратили тылъ и бѣжали въ беспорядкѣ въ свой укрѣпленный лагерь, за исключеніемъ находившагося подъ командой Артабаза 40.000 корпуса, который хотя прибылъ къ мѣсту сраженія, но не принималъ участія въ

дѣлѣ и еще до окончанія битвы отступилъ чрезъ Фокиду въ Тессалію, съ тѣмъ чтобъ отсюда пробраться къ Геллеспонту. Между тѣмъ Аѳиняне разбили греческое отдѣленіе персидскаго войска, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны однихъ только Фиваицевъ. Что касается до прочихъ союзниковъ, которые, какъ выше уже сказано, отдѣлились отъ Спартанцевъ и Аѳинянъ во время передвиженія греческаго войска, то при первомъ извѣстїи о побѣдѣ Павзанія они поспѣшили къ мѣсту сраженія. Но часть ихъ, состоявшая изъ Мегарянъ и Фліазіевъ, дорогою наткнулись на фиванскую конницу, которая положила на мѣстѣ 600 человѣкъ, а остальныхъ отбросила въ ущелья Клеерона.

Взятіемъ укрѣпленнаго лагеря Персовъ, послѣ упорнаго съ ихъ стороны сопротивленія, окончился второй актъ Платейскаго побоища, имѣвшаго слѣдствіемъ совершенное уничтоженіе персидской арміи, хотя и можно усомниться въ точности извѣстія, сообщаемаго Геродотомъ, будто изъ всего многочисленнаго войска, оставшагося въ Греціи съ Мардоніемъ, успѣло спастись менѣе 3.000 человѣкъ, за исключеніемъ корпуса Артабаза. Касательно потери союзниковъ, показанія древнихъ писателей весьма несогласны. Діодоръ опредѣляетъ ее въ 10.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Геродота, на поляхъ Платейскихъ пало: 91 Спартанецъ, 16 Тегейянъ и 52 Аѳинянина, всего 159 человѣкъ. Столь значительная разница только отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ изчисленіе Геродота вошли, повидимому, одни тяжеловооруженные, и притомъ не включена убыль, понесенная Мегарянами и тѣми изъ союзниковъ, которые участвовали во взятїи съ бою непріятельскаго лагеря. Средину между сими двумя крайностями занимаетъ показаніе Плутарха, опредѣляющаго потерю союзниковъ въ 1.360 человѣкъ. Какъ бы то ни было, Платейская побѣда не только имѣла важныя моральныя послѣдствія, упрочивъ независимость Эллады, но и доставила побѣдителямъ огромныя богатства, захваченныя ими въ непріятельскомъ лагерѣ. Часть этихъ богатствъ была употреблена на приношенія богамъ, и сверхъ того союзники, въ изъявленіе своей признательности, опредѣлили чрезъ каждыя пять лѣтъ праздновать игры, сопровождаемыя благодарственною жертвою, возложивъ эту обязанность, вмѣстѣ съ совершеніемъ ежегодной тризны по убитымъ, на жителей Платей, какъ владѣльцевъ страны, гдѣ совершилось великое дѣло освобожденія. Платейская область была признана нейтральною землей и получила права автономїи, на всегда ограждавшія ея независимость отъ притязаній Фивъ, а

городъ Платея назначенъ мѣстомъ собранія представителей греческихъ государствъ, заключившихъ, по представленію Аристиды, оборонительный союзъ, въ случаѣ новаго нападенія со стороны Персовъ, для чего союзники положили постоянно имѣть на готовѣ 10.000 оплитовъ, 1.000 конницы и 100 вооруженныхъ судовъ.

Отдавъ послѣдній долгъ своимъ товарищамъ, навшимъ на полѣ чести, и раздѣливъ между собою добычу, побѣдители почли обязанностію наказать измѣнниковъ и съ этою цѣлью двинулись противъ Эивъ. Впрочемъ, къ чести ихъ должно замѣтить, что они дѣйствовали не по внушенію безотчетной мести, и строго отличая злонамѣренность отъ заблужденія, обѣщали пощадить городъ, если имъ будутъ выданы главные сообщники персидской партіи. Только по полученіи отказа, Павзаній приказалъ громить городъ и опустошить его окрестности. Наконецъ, Эиванцы нашлись принужденными уступить. Всѣ зачинщики были выданы и получили достойное наказаніе, за исключеніемъ Аттагина, который спасся бѣгствомъ, и дѣтямъ котораго Павзаній не дѣлалъ никакого зла, объявивъ, что они по самому возрасту своему не могли участвовать въ преступныхъ замыслахъ своего отца.

Въ тотъ самый день, когда союзники одержали побѣду при Платей, флотъ ихъ подъ начальствомъ Спартанца Леотихида и Аевнина Ксантиппа покрылъ себя новыми лаврами у береговъ Малой Азіи, близъ мыса Микале. Тщетно Персы, не ожидавшіе появленія греческой эскадры въ водахъ Іоніи, спѣшили укрыться подъ защиту сухопутнаго своего войска, оставленнаго Ксерксомъ для охраненія Малой Азіи, и вытащивъ на сушу свои корабли, оградилъ ихъ со стороны моря искусственными укрѣпленіями. Эта преграда не оставила союзниковъ. Ободренные робостію противника, они смѣло ударили на воздвигнутыя имъ укрѣпленія, и не смотря на отчаянное сопротивленіе Персовъ, которымъ, по сознанію Діодора и самого Геродота, много повредила измѣна Іонянъ, успѣли овладѣть какъ этими укрѣпленіями, такъ и находившимся подъ защитою ихъ непріятельскимъ флотомъ. Побѣда, одержанная Греками, хотя обоилась имъ не дешево, была рѣшительна. Большая часть персидской арміи легла въ этой несчастной битвѣ, въ томъ числѣ главнѣйшіе Мардонъ и Тигранъ. Обремененные богатою добычею, побѣдители возвратились въ Самось, гдѣ начальники союзнаго флота имѣли разсужденіе о томъ, какъ устроить на будущее время судьбу Іоніи. Съ одной стороны, они видѣли невозможность, по причинѣ дальняго

разстояніи, защищать своихъ малоазіатскихъ соотечественниковъ, а съ другой—боялись предать ихъ въ жертву мстительности Персовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ многие ухватились за мысль, поданную Пелопонезцами, выгнать изъ торговыхъ городовъ тѣхъ Грековъ, которые помогали Персамъ, и водворить въ нихъ владѣніяхъ Іонянъ. Но это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Аѳинянъ, видѣвшихъ въ уничтоженіи основанныхъ ими колоній посягательство на честь своей метрополи. Пелопонезцы не настаивали, и ограничившись признаніемъ автономіи жителей острововъ, съ которыми заключенъ былъ союзъ, возвратились домой. Аѳиняне же, на обратномъ пути, вознамѣрились возстановить свое господство на Эракійскомъ Херсонесѣ, и послѣ взятія Оеста, защищаемого сильнымъ персидскимъ гарнизономъ, слова привели этотъ полуостровъ въ зависимость отъ Аѳинской республики.

Блестательный успѣхъ, съ которымъ Греція отстояла свою независимость противъ соединенныхъ силъ почти всего востока, вызываетъ невольное чувство уваженія къ доблестямъ ея защитниковъ. Но съ другой стороны, долгъ безпристрастія не позволяетъ намъ доводить это чувство до восторженнаго энтузіазма по примѣру Плу-тарха и другихъ писателей, которые не находятъ словъ для того, чтобы достойно восхвалять поведеніе Грековъ въ эту тяжелую годину искушенія; напротивъ того, при изложеніи подробностей войны, основанныхъ на разказѣ почти современнаго писателя, мы имѣли случай замѣтить, что и у союзниковъ команда не всегда находилась въ рукахъ достойныхъ людей, и что раздоры между ними не разъ подвергали величайшей опасности независимость Эллады. А потому нельзя не согласиться съ Гротомъ, что Греція спасеніемъ своимъ обязана сколько мужеству своихъ защитниковъ, столько же, если не болѣе, ошибкамъ Ксеркса, въ ослабленіи гордости легкомысленно презрѣннаго благоразумные совѣты, и вообще дурному веденію войны со стороны Персовъ, которымъ, хотя и нельзя отказать въ личной храбрости, но которые далеко отстали отъ своихъ противниковъ по части вооруженія, организаціи военнаго строя и распорядительности начальниковъ. И однако же, не смотря на столь важныя преимущества сравнительно съ непріателемъ, Греки едва-ли бы успѣли отстоять свою независимость, если бы имъ не помогли разныя случайныя обстоятельства, или лучше сказать, не поблагопріятствовала сама судьба, въ откровеннейшей борьбѣ между востокомъ и западомъ явно державшая сторону послѣдняго. Выше видѣли мы, какая робость обузала союз-

никовъ въ то время, когда они занимали позицію при Артемизіѣ, въ виду грозной армады Ксеркса, и вотъ для ободренія ихъ является буря, отъ которой Персы потеряли болѣе 400 кораблей, и которая внушаетъ греческимъ военачальникамъ отвагу помѣряться съ непріятельскимъ флотомъ. Не найди планъ Мильтіада поддержки въ полемархѣ Калимахѣ, котораго голосъ, при раздѣленіи мнѣній между полководцами, составилъ большинство, лѣтописи греческой исторіи не были бы украшены описаніемъ подвиговъ Маравонскихъ побѣдителей; равнымъ образомъ, и Саламанская битва, во всей вѣроятности, имѣла бы другой исходъ, если бы Ксерксъ на нѣсколько часовъ отложилъ нападеніе; ибо тогда Пелопонезцы успѣли бы привести въ исполненіе задуманную ими ретираду. Тамъ спасаетъ Грецію случайно поданный лишній голосъ сановника, извѣстнаго въ исторіи по одному только имени, а здѣсь легкомысліе и горячность Ксеркса, безразсудно бросающагося въ сѣти, разставленныя ему пронцательнымъThemistocle. Всѣ эти подробности, коихъ число можно было бы увеличить, не должны ли навести насъ на мысль, что само Провидѣніе направляло ходъ борьбы такимъ образомъ, что она должна была окончиться въ пользу Греціи, и въ лицѣ ея, въ пользу всего образованнаго человѣчества, хотя мы и далеки отъ мысли посягать на славу благородныхъ защитниковъ независимости Эллады и отдаемъ полную справедливость великимъ заслугамъ Themistocle, Aristida и Miltiada, бывшихъ въ этой достопамятной борьбѣ достойными орудіями Промысла къ осуществленію Его благодѣтельныхъ и мудрыхъ цѣлей.

Ординарный профессоръ Харьковскаго университета

А. Рославскій-Петровскій

ORATIO KAL. DEC. A. MDCCCLXX AD AUSPICANDUM MUNUS PROFESSORIS ORDINARIi IN INSTITUTO IMPERATORIO HISTORICO PHILOLOGICO HABITA A LUCIANO MUELLERO.

Jam antequam lectiones meas incipiam, Auditores Ornatissimi, quae ut quam fructuosissimae existant, Deum O. M. oro et obsecro, liceat paucis mihi praefari, quibus consiliis et rationibus usus sim in gerendo munere professoris litterarum Latinarum, quod Summorum Virorum benevolentia mihi mandatum est. Sunt hercule multa, de quibus agere vobiscum cupiat animus meus. Sed mihi propter temporis angustias brevitatem opus esse sentio.

Nostis, Auditores Illustrissimi, multos esse hodie, qui litterarum antiquarum studium ne unius quidem assis faciendum existiment. Quid Graeci veteres ad nos? clamant isti; quid Romani? horum libri, si unquam contulere quidquam ad erudiendos animos, praeteritis saeculis fuerint utiles: nos in tam clara hujus temporis luce facile jam carebimus monumentis illis, situ et vetustate exesis. Quin potius jubebimus adolescentes unice incumbere in linguarum recentium studia, quas vivo sermone et praesenti utilitate licet adhiberi, et magis etiam in chemiae, physicae, mathematicae, similium disciplinarum, quas exactas vulgo vocant; his enim solis ferme continetur, quidquid dignum est cognitum. Quodsi quos invaserit cupido priscorum et pridem extinctorum populorum fata pernoscendi, nulla tamen opus erit peritia sermonis Latini vel Graeci, quippe pridem translatis in linguas recentes eorum libris.

Haec igitur atque talia jactantibus respondere neque temporis huius est neque loci. Pridem enim doctissimorum hominum sollertia ratiunculae eorum, qui bella moverunt classicorum auctorum scriptis, tam bene sunt confutatae, ut actam rem agere oporteat eum, qui denuo illos conetur refellere, pariterque et otio suo et auditorum indulgentia abuti.

Nec vero immorabimur longius depellendis reliquis criminibus, quae eidem in studia antiquitatis, velut publicam pestem, ultro ingerunt. Etenim quis credet nisi imperitus, quod isti affirmant, studio litterarum veterum aut enervari animos discentium aut a praesentis temporis usu et peritia abstrahi? Quid enim? apud Britannos viri, qui rem publicam administrarunt, plerique, veluti, ut his exemplis utar, Pittius, Palmerston, Russelius, num ideo minus profuisse civibus suis sunt putandi, quod Homerum ac Sophoclem Horatiumque et Virgilium, quod Thucydidem et Demosthenem Ciceronemque et Tacitum ne tum quidem legere desierunt, postquam ex umbraculis scholae recesserunt? Et Germanis, popularibus meis, apud quos vel hodie, quamquam satis iniquis temporibus, florent studia antiquitatis, injuriam fecerit, qui eos ideo ad alias pacis sive belli artes inhabiles dixerit. Contra Romanicas gentes, Gallos maxime dico et Italos, ex eo potissimum tempore videmus sensim imminutas et lapsas, postquam abjectis litterarum veterum studiis, quae saeculis XV et XVI apud eos floruerant vel maxime, omnino a severioribus disciplinis abhorreere coeperunt. Illis autem, qui veterum libros non indignos quidem cognitione, si vacet, existiment, ita tamen, ut satis sit legere translatos in sermones recentes, tuto respondebimus, recte quidem eos judicare, quantum pertinet ad scripta agrimensorum sive auctorum rei militaris vel rusticae medicaeve, hoc est, eorum, qui rerum potissimum, quas continent, discendarum causa notabiles, non dictionum elegantia seu metrorum jucunditate conspicui, magis utilitati quam voluptati solent inservire. Contra historicos veteres et oratores atque adeo poetas neque contigit hactenus cuiquam nec, opinor, continget ita convertere, ut ipsa potius monumenta quam simulacra eorum atque umbras reddere videatur. Obstat linguarum Latinae et Graecae proprietas, quae segregata est quam plurimum a recentiorum populorum sermonibus; obstant in poetis rationes metrorum, quae cum nulla accentus observantia, sed solis quantitatum, hoc est, brevium et longarum syllabarum, legibus contineantur, vix ac ne vix quidem praeter pauca imitando possunt adumbrari a poetis hodiernis. Ut hoc exemplo utar, laudatur, nec immerito, interpretatio Homeri Iliadis et Odysseae illa, quam Germanico sermone edidit Johannes Henricus Vossius. Ac tamen tanto intervallo recedit eadem ab exempli sui nativa simplicitate et incompta elegantia, ut saepe Homerum in Homero requirere oporteat illa utentem. Itaque felices merito existimamus eos, quibus licet ipsa Homeri carmina ex quibus ceu perenni fonte irrigati sunt posteris, evolvere archetypha; quod quibus non contingit, deficiente peritia sermonis Graeci, nae illi

umbram potius quam ipsam Homerici carminis formam mente tenere videbuntur. Quod cum ita sit, recte omnino puto dixisse Cervantem, lepidissimae fabulae, quae Quixoti nomine inscripta est, auctorem, tantum distare interpretationes ab ipsis libris archetypis, quantum in tapeto picturis condecorato pars aversa differt ab adversa.

Sed ut iam dixi, Auditores Spectatissimi, vix videtur esse opus in hoc coetu defendi studium litterarum antiquarum; cum ipsi de earum praestantia atque utilitate dubitetis nulli. Notum quippe non modo Russis sed etiam exteris nationibus, quanto amplectantur illas favore Viri Summi, quos Augustissima Imperatoris voluntas elegit ministros et adjuutores ad quasvis bonas artes augendas et promovendas in hoc regno. Horum igitur opera et nunc laetissime efflorescunt antiquitatis studia et in dies magis valescent.

Sed sunt sane, qui cum non negent multum nos posse juvari veterum monumentis tractandis, tamen partem alterutram horum studiorum aut abjiciendam prorsus aut saltem finibus quam angustissimis coercendam esse affirmant.

Ac primum quidem inveniuntur, qui Graecarum cognitionem litterarum non quidem injucundam sed inutilem esse statuunt, quippe quibus nihil juvemur ad quotidianae vitae commoda et ad peritiam rerum earum, quas in universitatibus (ut vulgo vocant) litterariis eos qui medicinae, physicae, chemiae, jurisprudentiae, aliis quibusdam disciplinis student, addiscere oportet. Itaque studium linguae Graecae si non omnino omittendum, tamen philologis sive theologis futuris relinquendum esse existimant. His igitur hominibus, qui dum omnia ad praesentem utilitatem referunt (tales Graeci βαναύσοις sive ἀπειροκάλοισι solent vocare) ad medii aevi barbariem nos redigere conantur, quo tempore qui Graecarum litterarum quantumvis levi cognitione essent imbuti, tamquam diaboli horrebantur ministri,—his, inquam, respondere quidquam hoc loco non est consilium, primum, quia non Graecas sed Latinas litteras docendi munus mihi mandat est, deinde quia ipsi illi viri eximii, qui in hoc instituto studia Graecae linguae moderantur, multo meliores erunt horum vindices et patroni, si modo defensore egeant. Itaque illud monuisse satis erit, nec sermonis Latini, qui plurimum habet cognationis cum Graeco, nec litterarum Latinarum, quae ex magna parte Graecorum constant imitatione, satis plene recteque posse percipi rationes, nisi proba Graecae linguae peritia.

At reperiuntur etiam, qui Latinas litteras tantilli faciant, ut potius delibandas summis, quod dicitur, labris quam pleno ore hauriendas as-

serant. Neque enim omnino has moveri posse loco ipsi sentiunt, cum sermonis Latini peritiam non modo illis, qui relictis gymnasiis ad academica quaevis studia accinguntur, sed etiam aliis plerisque, ex. gr. his, quibus mercatorum vice functuris linguas Romanicas discendi necessitas est imposita, utilissimam esse inter omnes constet. Ajunt tamen illi quam maxime coercendum litterarum Latinarum studium, quippe quae imitatione Graecorum potissimum ortae et promotae proprii boni aut parum contineant aut nihil. Itaque eum, qui Graecorum scripta probe noverit, quae quasi archetypha sint Latinorum, horum peritia facile posse supersedere. Quin etiam nonnulli eo dementiae progressi sunt, ut Romanos meros barbaros esse dicerent. Sed eis hercule cavendum est, ne, dum Romanorum veterum incusant inhumanitatem, declarent suam. Nam ipsa illa imitatio exemplorum Graecorum, quam plerique Latini scriptores prae se ferunt, nonne demonstrat, nihil antiquius habuisse eos, quam ut et ipsi cultum et humanitatem omnesque eas artes pararent, quae a civitate bella bellis continuante ad annum urbis conditae quingentesimum fuerant alienae? Et quanto successu studuerint illi penitus se insinuare in scripta Graecorum, ipsa potest docere Latini sermonis pro diversitate temporum condicio, qui cum primo bello Punico adhuc fuisset rudis atque absonus (vix hodie ut intelligatur), iam Plauti atque Ennii, mox Lucilii et Attii aetate suo nituit decore, denique a Caesaris dictatoris et Augusti aequalibus tanta cum cura est excultus, ut, cum ~~robur~~ ^{robore} pristinum retineret, simul floreret elegantia. Recte igitur Horatius in epistola ad Augustum:

Graecia capta ferum victorem cepit, et artes

Intulit agresti Latio:

Porro idem subtilissimus et Graecarum litterarum et Latinarum arbiter cum doctissimo quoque Romanorum quanti fecerit Graecos, in libello de arte poetica apte declaravit versibus his:

Graeis ingenium, Graeis dedit ore rotundo.

Musa loqui, praeter laudem nullius avaris.

Ceterum magnopere falluntur illi, qui Graecarum litterarum peritiam plenam sine Latinis adipisci posse se sperent. Nam in tanto scriptorum veterum naufragio cum casu admodum opportuno sit factum, ut quasi supplementa invicem suppeditent litterae Graecae ac Latinae, quae tulerunt aetatem, non licet carere sive his sive illis. Exemplo uno rem firmabo. Constat inter omnes admodum dignos esse cognitione poetas Graecorum eos, quos tulerunt tempora, quae inter Alexandrum Magnum et Augustum fuere media. Eos vulgo Alexandrinos vocare solemus, quia

Ptolemaeorum, Aegypti, cujus principalis urbs erat Alexandria, regum favore potissimum sunt adjuti. Dixi autem curis nostris admodum dignos, non quod bonitate praestent veteres Graecos, quorum antiquissima quaeque scripta solent esse vel optima, sed quia transitum muniunt ad Romanos auctores atque adeo quadamtenus ad Christianos et mutatam prorsus temporum condicionem. Jam cum horum libri plerique interciderint, Latini autem poëtae, qui a Sullae dictatoris inde fuerunt aetate, tanta fuerint eorum imbuti admiratione, ut vel in veteribus Graecis imitandis uterentur ducibus et praeceptoribus Alexandrinis: quis putabit plene posse judicari de his, nisi exstarent Latinorum poëtarum libri?

Praeterea vehementer falluntur, qui nullas aut certe exiguas dotes esse scriptorum Latinorum proprias asseverant; quibus si detrahantur quae de Graecis sumpserunt, similes eos fore cornicis Aesopi fabula irrisae, quae pavonis pennis fraude arreptis esset orbata. Sed illi multum a vero aberrarunt. Mitto quod quaedam litterarum genera, veluti satira et epigrammatis forma, quam expressit Martialis, tota sunt Romanorum. Sed vel ea, quae communia fuerunt his cum Graecis atque adeo imitatione horum orta, non adeo sua laude carent, quin multa contineant, quae frustra quaesiveris apud illos. Graeci nativa quadam excellunt elegantia, Romani subtilitate artis; illi jucunditate, hi gravitate; illis sermo ipse ad poeticam promptus est, sed sane abundans licentiis, ut Martialis non injuria dixerit, nihil esse negatum Graecis poëtis, his ut durior, ita tamen tersus et limatus, ut severitate legum et regularum felicissimam illam Graecorum audaciam paene compenset: unde haud male quidam eorum, de poëtica Latina agens, artiores sed magis cultos agros suis popularibus quam Graecis esse dixit.

Denique inter poësin Graecam et Latinam eae fere intercedunt differentiae, quas optime descripsit Schillerus subtili opusculo illo, cui titulus est „Ueber naive und sentimentalische Dichtung“.

Est etiam ubi Romani Graecorum exemplum, cujus se ad imitationem formasse ipsi dicerent, superasse merito sint censendi. Veluti Propertius cum jactet se Callimachi et Philetiae, poëtarum elegiacorum, sectatorem, tamen, si horum carminum reliquias compararis cum libris illius, tanto intervallo fateberis vinci a Propertio, quem principem elegiae auctorem merito statuunt docti, vix ut satis mirari possis modestiam eius, qui tanta veneratione prosequatur auctores satis mediocres. Sed enim magis eruditionis, qua plurimum excelluerunt Alexandrini, quam spiritus seu potius furoris illius, quo magnum poëtam carere posse negavit Demo-

critus, habuit eos duces et magistros. Porro ne semper tantum in poëtis immoremur recensendis, nec Caesarem Xenophonti, nec Livium Herodoto, nec Thucydidi Tacitum aut Sallustium comparare timuerim.

Quae cum ita sint, satis apparet plurimum prodesse litteras Latinas non modo usus communis causa, sed etiam ad studia Graecorum auctorum promovenda, et ad humanitatem et quasvis bonas artes parandas. Itaque qui fructus percipere voluerit plenos ex antiquitatis studiis, eadem prorsus diligentia versabit et Graeca exemplaria et Latina.

Apte autem institutum est a majoribus, ut inciperet scholastica lectio a Latinis scriptoribus, quorum peritia imbuti puerorum animi iam cum successu possent operam navare percipiendae Graecorum linguae ditioni sed eidem difficiliori; cujus fructus ut locupletiores ita magis sunt remoti. Nam et ipse sermo Graecus, ut proxime cognatus Latino, facilius longe existit eis, qui huius sunt gnari, nec minus in lectione occurrunt multae historiae fabulaeque notae illis; qui Latinos libros legerunt.

Jam postquam litterarum Latinarum decus vindicavimus, in quantum et virium tenuitas et temporis angustiae permittebant, paucis age disseramus, quibus potissimum rationibus temperanda esse videantur studia antiquitatis. Nam etiam de his admodum litigatur inter doctos. Sunt enim qui existiment ita optime prospici adolescentium, qui philologiae operam dant, commodis, ut quam primum accurata imbuantur cognitione historiarum veterum et fabularum morumque et institutorum, et ita quemque antiquitatis Graecae sive Romanae peritissimum, ut illarum rerum optime sit gnarus. Itaque illi antiquitatum doctrinam et archaeologiam et mythologiam maxime aptas esse contendunt disciplinas ad erudiendos adolescentium animos, rei autem grammaticae et metricae et litterariae tantum modo operae navari volunt; quantum sit necesse ad auctorum veterum, a quibus ista traduntur, libros recte intelligendos. A quibus ego longe dissentio. Ac primum quidem vehementer deprecor, ne quis credat me mythologiae sive archaeologiae et reliquarum, quas supra memoravi, disciplinarum, studium parvi facere. A qua ego tantopere sum remotus pravitate, ut nihil illis utilius inveniri posse existimem. Sed ad formanda puerorum sive adolescentium ingenia longe efficacissima esse atque adeo primo loco adhibenda studia rei grammaticae et metricae, denique litterariae, et quo quis magis profunda et subtili peritia sit imbutus sermonis Latini et Graeci, eo pleniore et potiores fructus relaturum esse ex disciplinis philologicis. Non ignoro equidem magis esse speciosam operam historicorum et archaeologorum, quam grammaticorum et litteratorum; atque ea ipsa re plures parari

fautores illis quam his. Nos tamen, ut decet homines officii sui memores, non ea potissimum commendabimus studia, quae splendidissima esse videantur, sed quae utilissima. Jam has ob causas studia grammatica et litteraria plurimum facere ad excolendos adolescentium animos existimamus. Nempe cum linguae Latinae et Graecae et varietate formarum et elegantia plane sint incomparabili, nullo Praxitelis aut Phidiae artificio ut videantur esse inferiores, cumque nusquam plenius earum appareat perfecta pulchritudo quam in libris poetarum, oratorum, historicorum, philosophorum, efficacius longe erit, opinor, ad formanda ingenia et excolenda linguarum veterum penitus insinuare se in artem, ut et flexionum multitudinem et syntaxis subtilitatem et metrorum multiformem elegantiam plene percipiamus, quam vastam rerum undique congestarum copiam mente comprehendere.

Hanc enim parare potest etiam is, qui sola excellit memoria, illa, quae fere constant legibus et licentiis sermonis apte mixtis et temperatis, non nisi qui omni mentis intentione antiquitatis se studiis dederit. Institutionis autem grammaticae et metricae vel maxima utilitas haec est, quod ea, si recta juvetur praeceptorum via et ratione, insita cuique indoles in lucem profertur, sollertia acuitur, industria incitatur, et quidem eo magis, quoniam in his disciplinis cum pauca sint ambigua minimus extat locus docentium discentiumque arbitrii. Neque tamen id agimus, ut omnes, quos has disciplinas docemus, et ipsi evadant grammatici et metrici, sed ut, ubi adolescentium ingenia severitate studiorum corroborata sint pariterque ratione et disciplina (sine quibus non licet adipisci laudem in litteris) conformata et perpolita, ipsi iam eas partes studiorum sibi eligant, in quibus vitae, ut ita dicam, tabernaculum collocare possint. Ceterum vix est quod dicam probi esse doctoris in interpretandis libris veterum non modo grammaticae et metricae habere rationem, sed etiam historiarum ac fabularum, denique omnium earum rerum, quae pertineant ad aperiendam prorsus et enucleandam mentem auctoris, qui legitur. Accedat studium rei litterariae, quod constat enarrandis litterarum Latinarum fatis, ne, dum singulos scriptores probe tenemus, connexum, quo omnes inter se continentur et conjunguntur, ignoremus.

Praeterea quam maxime instituenda erunt Latine et scribendi et dicendi exercitia. Nam si recte vulgo fertur illud, ex dicendi genere optime singulorum hominum perspicere posse ingenia: quid erit efficacius ad populi universi indolem plene percipiendam, quam penitus insinuari in morem loquendi, cum praesertim sermones et Graecus et La-

tinus fidelius multo referant naturam gentium antiquarum, quam hodiernarum recentiores, quippe qui multo plura ex alienis traxerint, quam illi. Nempe Graeca lingua, si ultima ejus omiseris tempora, vix quidquam adsumpsit aliunde, Latina certe nihil nisi ex Graeca, eaque ipsa pauciora, quam creditur vulgo. Imitabimur autem maxime Ciceronem, deinde reliquos optimae aetatis scriptores; denique ceteros, ut quisque in suo genere excellit; minus tamen observabimus scriptores saeculi p. Chr. n. primi, quoniam hi sermonem pedestrem nimio poetarum dictionum, ex Virgilio maxime et Ovidio petitarum, studio inverterunt. Praeterea eorum, qui fuerunt post Hadrianum imperatorem, plerique inepto vetustissimi et Ciceronis aetate prioris generis dicendi amore sunt lapsi, ut et ipsi minus conferant ad formandum recte sermonem Latinum. Ceterum cavebimus cum cura, ne, quod Itali saeculis XV et XVI fecerunt, unius quantumvis perfecti exemplaris prorsus nos addicamus imitationi, qualis neque decet hominem ingenuum neque convenit proposito. Quis enim scriptorum tam amplus et tam profundus, ut totam linguae suae plene referat indolem? Itaque ad parandam et aptam et amplam sermonis Latini copiam quam maxime opus est, commilitones, ut praeceptoris iudiciam propria juvenis lectione. Nam praeter eos auctores, qui scholis nostris tractabuntur, alii vobis erunt domi legendi, ut ipsa varietate rerum animi vestri doceantur pariter ac delectentur. Ceterum in tractandis scriptoribus antiquis illud semper probe teneatis velim, non minus voluptatis causa quam utilitatis eos esse legendos, neque tantum rei grammaticae sive litterariae aut antiquitatum vel fabularum inde petendam peritiam, sed debere inservire eosdem animis deleniendis et delectandis et a terrena faece, ut ita dicam, repurgandis.

Atque adeo ne orthographiae quidem, hoc est rectae verborum scripturae, omnino omitemus studium. Nam videmus etiam hodie in editionibus vulgaribus pleraque vocabula Latina minus recte scribi, negligentia potissimum et insito ingeniiis humanis more vetera mirandi et imitandi. Itaque permulti exstant vel nunc, qui fideliter expriment scripturam verborum ferme eam, quae in impressis saeculo XV vel XVI libris reperitur, quo tempore neque subsidia satis ampla rei orthographicae aderant doctis (quam non nisi observatis cum diligentia optimis codicum et inscriptionum exemplis licet recte institui) neque cura rerum talium. Tamen cavendum, ne, id quod haud raro evenit hodie, incerta ac dubia pro certis et compertis amplexemur cupidius, utque vel ea, quae

constat vera esse et exempta ambiguo, caute et sensim substituamus falsis, quae hactenus obtinuerunt. Itaque aliquando, sicut Cicero fecit in re eadem, usum scribendi populo concedemus, scientiam nobis reservabimus. Ita facillime evitabitur, ne illi, qui minus favent studiis antiquitatis, nos arguant — quod plerumque crimen philologis objici meministis — dum minutias captemus, graviora negligi et magis circa apices verborum quam circa sensuum summas nos haerere.

Haec ferme erant, quae adolescentibus, quos instituendi munus mihi est mandatum, dicere erat in animo. Neque enim ea sum vanitate, ut credam reliquis auditoribus, quos inopinata felicitas mihi obtulit, me dixisse quidquam, quod non ipsi nosset memet melius. Sed quoniam tam insignem coronam nactus sum, non possum, quin gratiam profitear Viris Summis, qui cum indulgentia prosecuti sunt hanc orationem. Ac primum quidem liceat mihi paucis affari Te, Vir Excellentissime, Collegam Ministri, cui mandata est cura rerum, quaecunque pertinent ad instituendam et formandam hujus imperii juventutem; cum quo et muneris similitudine et amore litterarum jungeris. Nam Alexander Secundus, Imperator Augustissimus, quem dies noctesque rebus populi sui promovendis intentum non Russia modo, sed universa admiratur Europa, cum videret amplitudine laudis bellicae ad eam magnitudinem provectam esse rem Russicam, ut non tam nova acquirere, quam augere parta pacis artibus interesset, nihil habuit antiquius, quam ut doctrinam et cultum et studium litterarum, quo tenetur ipse, ubique per imperii sui latissimos fines propagaret. Id autem quo efficeretur, primum omnium dedit operam, ut antiquitatis studia, quae ne antea quidem prorsus erant neglecta, omni modo foverentur.

Ceterum si licebit nobis coniecturam propriam interponere in re tam gravi, ut Augustissima Imperatoris voluntas redintegraret denuo et resuscitaret studia illa, non hanc solum evenisse existimem ob causam, quod ea velut fundamentum non modo cultus et humanitatis, sed omnis severioris disciplinae et solidioris doctrinae esse constat, sed consilio longe altiore.

Etenim aetas nostra cum multa protulerit admiranda posteris et imitanda, tamen haud pauca malarum rerum praebet exempla, quae ut omni cura emendentur ac tollantur interest vitae cum publicae tum privatae. Ex quibus vel gravissimum hoc duco. Nempe in plerisque Europae partibus emollitis longa pace animis sensim irrepsit voluptatum nimius amor et perversissimus mos judicandi quae non intelligas; atque

adeo interdum legum divinarum pariter atque humanarum contemptus. Hinc orta cupiditas illa divitias et honores parandi sine labore, hinc consuetudo, non radices eruditionis, sed fructus tantum velle persentiscere, postremo magis illud cogitare, quid nobis debeat patria, quam quid nos patriæ debeamus. Ea autem velut tabes maxime invasit adolescentium mobilia ingenia, ut non contenti praesentibus bonis potissimum spectarent futura, utque vasta et incredibilia quam tuta et modesta amplecti mallent. Itaque haud raro videmus eos, qui ipsi cum maxime monitore egent et rectore, rerum et publicarum et privatarum gerere sese existimatores et arbitros; nec desunt, qui juvenili illò ardore et spiritu, quo ad eruditionem parandam uti eos decebat, abutantur ad miscenda omnia ac turbanda. Huic apparet perversitati vix aliter posse obviam iri, nisi recte institutis iam a prima inde aetate puerorum animis; sicuti in re simili dixit Horatius:

Eradenda cupidinis

Pravi sunt elementa et temeræ nimis

Mentes asperioribus

Formandæ studiis.

Jam vero inter peritos rerum constat ad obtinendam disciplinæ severitatem et ad assuefaciendos sensim gravioribus studiis animos vix quidquam esse utilius, quam litterarum veterum studium. Quippe linguae Graeca et Latina, cum omni et nativa suavitate et nitore arte quaesito floreat, tamen et varietate formarum et syntaxis proprietate parant difficultates minime parvas, ut has qui superaverit, sicut summam ex monumentis classicorum scriptorum iam patefactis ipsi et reclusis percipiet voluptatem, ita ad quasvis alias disciplinas arte ac ratione tractandas, instructus esse videatur et confirmatus.

Neque enim id agitur gymnasiis, quae classicorum potissimum auctorum studiis sunt dicata, ut pueri omnes grammatici reddantur et philologi, sed potius ut imbuti cultu et humanitate et exempti erroribus plerisque et praepiudiciis, quae solent esse insita ingeniis humanis nec nisi doctrina possunt eximi, iam libero animo capessant studium, quodcumque libuerit, utque intelligant iam prima aetate, quam verum sit illud $\chi\alpha\lambda\epsilon\pi\acute{o}\nu\ \tau\acute{o}\ \kappa\alpha\lambda\acute{o}\nu$, vel quod dixit Hesiodus $\tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\eta\varsigma\ \acute{\iota}\delta\rho\acute{\omega}\tau\alpha\ \theta\epsilon\omicron\iota\ \pi\rho\omicron\pi\acute{\alpha}\rho\omicron\iota\theta\epsilon\nu\ \acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\alpha\nu$; denique ut modestiam doceantur ingenia immatura et ut fit talibus annis ad judicandum quam ad intelligendum proniora. Itaque tali modo qui erit formatus, is nisi sit omnino natus aversis Musis, et doctrinam appetet, nec labores fugiet et munera quaevis obibit promptus,

ut breviter rem declarem, cogitabit semper, non fruendum tantum esse vita sed etiam utendum.

His, opinor, permotus consiliis altissimis et quae non tam praesentium temporum gratiam quam futurae aetatis commoda respicerent, Alexander Secundus, Imperator Augustissimus, cum animum applicuisset ad studia antiquitatis omni modo instauranda, nactus, ut solet fieri, voluntatis suae egregios ministros et adjuutores, brevi effecit, ut et veteres sedes classicorum studiorum in hoc imperio firmarentur, et novae ponerentur, in quibus vel principem locum obtinet hoc institutum, studiis philologicis pariter atque historicis promovendis et formandis puerorum praeceptoribus destinatum; quod cum ante paucos annos sit conditum, iam nunc laetissime efflorescit. Grates igitur agamus pio animo cum Imperatori Augustissimo et Ministro, tum Tibi, Vir Excellentissime, qui praesentia Tua condecorare dignatus es hunc coetum pro summo quo antiquitatis studia amplectimini favore; ex quibus quin optimi fructus redundaturi sint in Russiam non potest dubitari.

Deinde Te compello, Vir Summe, cujus indefessa industria ac virtute evenit, ut tam multae tamque diversae huius instituti partes et stent recte et apte cohaereant. Te igitur rectore ut quam diutissime floreat haec optimorum studiorum sedes omnibus votis optamus.

Tum ad vos convertor, Professores Illustrissimi, Doctores Amplissimi, ut consilio ac prudentia vestra me et recte agentem juvetis et si quid minus apte videbor instituisse corrigatis.

Denique vos alloquor, adolescentes carissimi, quorum studia praeceptis et auctoritate temperandi munus mihi est mandatum. Equidem iam nunc optimas de vobis spes concepi. Nam praeceptores vestri unico mihi affirmarunt consensu, vos et discendi cupidissimos esse et bonae voluntatis plenissimos. Id si ita se habet, utemini me non tantum magistro, sed etiam amico, paratissimo illo et laudare recte facta et ignoscere, quae secus instituistis, excepta malignitate et contumacia, quam tamen me offensuram esse vix spero. Neque enim nunc primum cum adolescentibus aetatis vestrae et condicionis mihi res est, sed per tres paene annos fuit Bonnae, cuius equidem temporis memoriam retineo jucundissimam. Semper enim persuasum fuit animo meo mutua benevolentia optime contineri vices docentium discentiumque.

Itaque iam, quod bonum felix faustum fortunatumque siet, professoris Latinarum litterarum munus ingredior. Id, carissimi adolescentes, ita juvetis rogo industria vestra, ut et Ciceronis dictum probe teneatis,

eruditionis radices esse amaras, fructus autem dulces, et Horatii illud, nihil sine magno labore vitam dedisse mortalibus. Sed magis etiam ut mentibus vestris imprimatis oro vos et obtestor, non posse esse bonum praeceptorem nisi qui et vir sit bonus, et qui cum litterarum studio excellat, deficiat moribus, eum magis reprehensione dignum videri quam laude.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Императорское русское археологическое общество. Въ настоящемъ 1871 году исполнится двадцать пять лѣтъ со времени основанія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ ознаменованіе этого общество положило устроить, съ Высочайшаго соизволенія, археологическій съѣздъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ втораго археологическаго съѣзда, считая первымъ съѣздъ русскихъ археологовъ, бывшій въ 1869 году въ Москвѣ.

Предварительный комитетъ съѣзда изготовилъ рядъ вопросовъ, изъ которыхъ одни предлагаются къ обсужденію на самомъ съѣздѣ, а по другимъ желательно получить отвѣты ко времени его собранія. Ниже слѣдуетъ перечень этихъ вопросовъ, при чемъ сохранена та самая нумерація ихъ, которая принята въ подлинной программѣ съѣзда.

Первый отдѣлъ программы составляютъ *вопросы общіе*. Ихъ предложено два: 1) Какія должны быть предложены мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ, какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи? 2) Обсужденіе мыслей Н. В. Калачева объ устройствѣ архивовъ. Оба эти вопроса были уже возбуждены на первомъ археологическомъ съѣздѣ и въ настоящемъ случаѣ имѣютъ получить дальнѣйшее развитіе ¹⁾.

¹⁾ Въ программѣ перваго съѣзда стоятъ оба эти вопроса, при чемъ первый выраженъ тѣми же словами, какія приведены выше, а второй изложенъ гораздо подробнѣе. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь этотъ пунктъ программы перваго съѣзда: „Архивы. Какіе документы должны составлять архивъ? Раздѣленіе архивовъ на частные и общественные или правительственные. Какія должны быть постановлены правила при разборѣ документовъ съ цѣлью признанія однихъ подлежащими храненію, а другихъ уничтоженію? Какіе должны быть приняты способы храненія документовъ въ архивахъ для предохраненія

Второй отдѣлъ программы заключаетъ въ себѣ *вопросы частные* — по разнымъ частямъ археологій.

I. *Древности первобытныя*. По этому отдѣлу предложено нѣсколько группъ вопросовъ, а именно:

О древнихъ черепахъ: 3) Отысканіе и опредѣленіе одного общаго метода измѣренія и изображенія череповъ. 4) Черепа, находимые въ курганахъ и жалъникахъ Новгородской губерніи, принадлежать ли одному и тому же типу, и тождественны ли они съ типомъ череповъ современнаго населенія? 5) Существуетъ ли типическая племенная разница между черепами, находимыми въ курганахъ и жалъникахъ?

О первобытныхъ надѣліяхъ, древнихъ могилахъ, погребальныхъ обрядахъ и нѣкоторыхъ связанныхъ съ ними памятникахъ: 6) Встрѣчаются ли орудія и оружія каменные и мѣдные или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами въ сѣверной половинѣ Европейской Россіи вмѣстѣ съ орудіями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣднія, по своей формѣ и техническимъ свойствамъ, съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя, по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть отнесены къ IX — XII вѣвамъ по Р. X.? 7) Если орудія и оружія мѣдные (или сдѣланныя изъ сплава съ другими металлами) были находимы вмѣстѣ съ желѣзными, то различаются ли они отъ послѣднихъ въ своихъ формахъ? 8) Какія замѣчаются черты сходства или различія въ матеріалѣ и формѣ, а поэтому въ цѣли назначенія каменныхъ орудій и оружій, которыя находятся въ Финляндіи, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западныхъ краяхъ? 9) Въ изслѣдованныхъ на пространствѣ между нижними теченіями Днѣпра и Дона могилахъ, какія представляются отличія относительно способа ихъ устройства и образа погребенія въ

ихъ отъ сырости, огня и порчи? На какіе отдѣлы должны быть распределены и какъ должны быть разиѣщаемы документы для занятія ими въ архивѣ возможно меньшаго пространства и для удобнѣйшаго пользованія ими? Какіе реестры или другаго рода описанія должны быть имъ составляемы? Чтѣ изъ этихъ описаній подлежитъ изданію въ свѣтъ, и чтѣ должно быть предметомъ *секретныхъ* отдѣловъ архивовъ? Какія лица и въ какомъ составѣ должны быть назначаемы для завѣдыванія архивами, приведенія ихъ въ порядокъ, описанія и повѣрки документовъ, а также какія должны быть правила для повѣрки дѣятельности означенныхъ лицъ и ревизіи самихъ архивовъ высшими правительственными органами? Какія должны быть правила относительно предоставленія архивныхъ документовъ въ пользованіе мѣстамъ и лицамъ, правительственнымъ и частнымъ, какъ для справокъ, такъ и для ученыхъ розысканій?»

нихъ умершихъ? 10) Въ какихъ могилахъ на томъ же пространствѣ были находимы орудія и оружія каменные или костяныя, при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ предметовъ металлическихъ? Какого устройства были эти могилы, и въ какихъ изъ нихъ были найдены умершіе погребенными, и въ какихъ видны сожженія труповъ? 11) Формы желѣзныхъ мечей и кинжаловъ, а также мѣдныхъ сосудовъ, находимыхъ въ могилахъ, раскрытыхъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона, повторяются ли въ находкахъ, которыя отысканы въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Кіевской или одной изъ приволжскихъ или приуральскихъ губерній, или наконецъ, въ Западной Сибири? 12) Между могилами западной Сибири встрѣчались ли такія, которыя содержали бы въ себѣ орудія и оружія (а не одни украшения одежды или части лошадиной сбруи), сдѣланныя исключительно изъ мѣди или сплава этого металла съ другимъ? 13) Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіатской, въ древнихъ могилахъ были находимы слѣды сожженія труповъ, и на сколько отличаются такія могилы отъ тѣхъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другаго рода для приблизительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся? 14) На сколько каменные бабы Западной Сибири отличаются по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей отъ каменныхъ бабъ, встрѣчающихся въ южной Россіи на пространствѣ отъ Днѣпра до Кавказа и Урала? 15) Подтверждается ли новѣйшими лингвистическими изслѣдованіями указанное впервые Шегреномъ различіе въ названіяхъ металловъ, въ особенности золота, серебра и желѣза, у западныхъ финскихъ племенъ, отъ таковыхъ же названій у восточныхъ Финновъ (чудско-угорскихъ племенъ)? Заимствованы ли названія помянутыхъ металловъ западно-финскими племенами изъ языковъ славянскихъ и нѣмецкихъ, а восточными Финнами—изъ языка одного изъ народовъ иранскаго племени? 16) Отъ какого народа переняли обитатели береговъ Западной Двины обычай ставить на срединѣ рѣки камни съ надписями? У какихъ народовъ сохранилось подобное обыкновение ставить камни въ рѣкахъ? Какое значеніе имѣли Двинскіе камни? 17) Могутъ ли нѣкоторыя вещи, находимыя въ могильныхъ курганахъ, служить отличительными признаками того племени, которое воздвигало эти курганы? Какія археологическія изслѣдованія отчасти ужъ указали на границы между племенами, обитавшими на Руси? 18) Какая связь существуетъ между могилами, встрѣчаемыми на Вислѣ, и такъ-называемыми гер-

манскими могилами въ Мекленбургѣ и Помераніи? Какія можно привести доказательства, что сказанныя могилы принадлежать не Германцамъ, а Славянамъ? 19) Какое постепенное развитіе искусства можно опредѣлить на урнахъ въ гробницахъ Полабскихъ Славянъ, и въ каковыя эпохамъ слѣдуетъ отнести развитіе искусства? 20) Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: „Собравше кости, вложашу въ судину малу и поставяшу на столпъ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ“ (П. С. Р. Л., I, 60)?

Большая часть вышеизложенныхъ вопросовъ, относящихся въ древностямъ первобытнымъ, уже были включены въ программу перваго съѣзда; въ настоящей же программѣ они пополнены нѣсколькими новыми вопросами, подробнѣе развивающими задачи отдѣла первобытныхъ древностей, находящихся въ предѣлахъ Россіи.

II. *Памятники русскіе и славянскіе искусства и художествъ.* По этому отдѣлу предложено два вопроса, изъ которыхъ первый выставленъ вновь, а второй находился уже въ программѣ перваго съѣзда, но въ болѣе общей формѣ:

21) Какъ объяснить многочисленность различныхъ изображеній на русскихъ монетахъ со времени Дмитрія Донскаго до Іоанна III? Въ какомъ отношеніи находятся эти изображенія съ мѣстомъ чеканки монетъ? Какое вліяніе, имѣли великіе и удѣльные князья на измѣненіе этихъ изображеній? Какое вліяніе имѣли историческія происшествія на такое же измѣненіе изображеній?

22) По какому образцу строились первыя деревянныя церкви на Русѣ?

III. *Памятники русскіе и славянскіе языка и письма.*

О древне-славянскомъ переводѣ Священнаго Писанія: 23) Въ одно ли время съ Евангелиемъ, переведенъ свв. Кирилломъ и Меодіемъ Апостолъ? Слова и реченія евангельскія, встрѣчающіяся въ Апостолѣ, въ томъ ли значеніи переведены, въ какомъ они употреблены въ Евангелии? Съ какихъ списковъ болгарскихъ, или такъ-называемыхъ юсовыхъ, или сербскихъ, списывался у насъ въ Россіи Апостолъ? 24) Исправлялся ли славянскій текстъ Апостола, когда, вѣмъ и гдѣ, по одному ли греческому списку или по двумъ или болѣе спискамъ? Есть ли древнія слова и выраженія въ Апостолѣ, которыя и доселѣ въ печатномъ изданіи остались въ древней славянской формѣ, кромѣ правописанія? Отношеніе славянскаго перевода къ греческому подлиннику.

Оба эти вопроса въ первый разъ внесены въ программу.

По предмету палеографіи: 25) въ какомъ соотношеніи находится

употребленіе какъ разнаго рода пергамента, такъ чернилъ и красокъ въ буквкахъ и заставкахъ, съ мѣстностями, гдѣ писани древнія славянскія рукописи, и съ особенностями ихъ языка?

Вопросъ этотъ находился въ программѣ перваго съѣзда, но вовсе не обсуждался въ его засѣданіяхъ.

Слѣдующіе вопросы, относящіеся до духовнаго просвѣщенія старинной Руси, а также до критики русскихъ историческихъ источниковъ, возбуждаются на предстоящемъ съѣздѣ впервые:

26) Какія еще извѣстны лица, кромѣ ужь указанныхъ изслѣдователями, занимавшіяся исправленіемъ церковныхъ книгъ въ Москвѣ до конца XVII вѣка? Кѣмъ и какимъ порядкомъ пробѣрались и утверждались исправленія въ текстѣ церковныхъ книгъ, сдѣланныя справщиками? 27) Протопопъ Аввакумъ, Никита Пустосвятъ, діаконъ Федоръ и другіе расколуучители были ли книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ? 28) Есть ли извѣстія объ издателяхъ и изданіи Кормчей при патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ? 29) Какія малороссійскія лѣтописи, относящіяся до исторіи Малороссіи за XVII вѣкъ, составлены современниками описываемыхъ событій или самовидцами? Какіе источники могли служить матеріаломъ для трудовъ лѣтописцевъ не-самовидцевъ? Въ какомъ видѣ вошли эти источники въ составъ лѣтописей?

VI. Памятники русскіе и славянскіе бытовые.

По древностямъ юридическимъ: 30) Въ какомъ отношеніи въ русскихъ рукописяхъ до XVI вѣка находятся юридическіе памятники къ историческимъ? 31) Какое значеніе имѣютъ десяти для объясненія службы и повемельныхъ владѣній дворянства? 32) Какое значеніе имѣло слово *дворяне* въ памятникахъ до половины XV вѣка?

По древне-славянской и древне-русской культурѣ и по сношеніямъ Славянъ съ другими народами въ древности: 33) Можно ли найдти нѣкіе-нибудь слѣды вліянія греческаго язычества въ бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и обрядахъ древнихъ Славянъ? 34) Нѣтъ ли слѣдовъ древняго вліянія римскихъ и романскихъ народовъ на славянскія племена? 35) Какъ долго держался римскій элементъ въ Далмаціи по заселеніи ея славянскими племенами? 36) Западные Славяне, въ занятыхъ ими въ V вѣкѣ по Р. Х. земляхъ, встали ли нѣмецкія поселенія? 37) Кругообразная постройка деревень въ княжествѣ Люнебургскомъ, отличающаяся отъ постройки нѣмецкихъ поселеній, какъ далеко простирается въ Германіи? Не находится ли и у другихъ Славянъ подобный же способъ постройки? 38) Какія доказательства

говорятъ за или противъ подлинности кумира Святвида, хранящагося въ Братовскомъ музеѣ? 39) Какія есть уваженія на то, что Славяне поселились въ Голландіи, Англіи и южной Швевіи?

Всѣ эти вопросы заявляются на съѣздѣ впервые.

V. Древности восточныя.

40) Мнѣ ли Зороастръ, или дѣйствительное лицо? 41) Былъ ли Зороастръ основателемъ религіознаго дуализма? 42) Религіи древнѣйшихъ Ахеменидовъ по клинообразнымъ надписямъ тождественна ли съ религіей Зороастра?

43) Къ какому племени принадлежали народы, со времени Ахеменидовъ жившіе къ сѣверу отъ Иксарта и къ востоку отъ Бактріаны, — къ арійскому или туранскому? *Туранъ* у Персовъ не былъ ли терминомъ географическимъ, а не этнографическимъ? 44) Въ какой степени достовѣрны извѣстія Симаціоновыхъ историческихъ записокъ и исторіи старшей династіи Хань о передвиженіи кочевыхъ народовъ Средней Азіи во II вѣкѣ до Р. Х.? 45) Не потому ли азіатскіе кочевые народы поборали въ древности осѣдлыхъ, что стояли выше ихъ умственно и нравственно? 46) Причину частыхъ вторженій въ Мавероннагръ не слѣдуетъ ли искать не только въ географическомъ положеніи этой страны, но и въ общественномъ строѣ ея коренныхъ жителей?

47) Какое политическое значеніе имѣла въ древности Палестина?

48) Что означаютъ изображенія на еврейскихъ надгробныхъ камняхъ, найденныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, близъ древней Фанагоріи, и къ какому приблизительно времени относятся эти памятники?

49) Можно ли признать основательными доводы, приводимые въ пользу того, что отдѣльно помѣщенные слова и буквы, встрѣчающіяся на кувическихъ монетахъ, означаютъ доброкачественность этихъ монетъ? 50) Были ли находимы по восточную сторону Урала памятники временъ Сассанидовъ и древнѣе? 51) Кѣмъ и съ какою цѣлью чеканились подражанія Саманадскимъ диргемамъ, находимыя на сѣверо-востокѣ Европы?

52) Не сохранились ли гдѣ-либо въ Россіи памятники хановъ Казанскихъ и Астраханскихъ? 53) Если ханы Казанскіе чеканили монеты, то почему эти монеты не дошли до насъ, до настоящаго времени? 54) Точно ли владѣли Сараемъ всѣ тѣ золотоордынскіе ханы, отъ которыхъ до насъ дошли монеты, битыя въ Сараѣ? 55) Гдѣ преимущественно встрѣчаются и кѣмъ дѣланы треугольныя пластинки съ изображеніемъ на одной сторонѣ поясной человѣческой

фигуры въ шипахъ, а на другой — какой-то неразборчивой надписи?
 56) Всѣ ли памятники, находимые на мѣстности древняго Болгара, относятся къ мусульманскому періоду, и не встрѣчается ли между ними такихъ памятниковъ, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древнему періоду?

Изъ всѣхъ вопросовъ V-го отдѣла только № 56 находился въ программѣ перваго сѣзда.

VI. *Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.*

57) До какихъ предѣловъ на сѣверѣ простираются курганы съ неоспоримыми слѣдами греческихъ или скинскихъ могилъ?

58) Какія новыя открытія пополняютъ или разъясняютъ хронологию Босфорскихъ царей?

59) Какое вліяніе имѣли еретическія книги на происхожденіе и развитіе христіанскаго искусства?

Второй вопросъ этого отдѣла былъ уже внесенъ въ программу перваго сѣзда, но остался безъ отвѣта.

Таковы вопросы, предлагаемые къ обсужденію предварительнымъ комитетомъ сѣзда. Комитетъ не отказывается однако дать мѣсто и еще новымъ вопросамъ и предлагаетъ прислать ихъ или на имя своего пресѣдателя, академика В. В. Вельяминова-Зернова (въ Императорское Русское Археологическое общество въ С.-Петербургѣ, на Литейной д. № 46), или на имя его помощника графа А. С. Уварова (въ Московское Археологическое общество, на Малой Дмитровкѣ, въ д. Воейковой). Лица, предложившія вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по предмету его докладъ или сообщеніе сѣзду.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Составилъ капитанъ генеральнаго штаба Л. Костомо. С.-Петербургъ, 1870. Съ картою Средней Азіи и осьмью таблицами приложеній.

До послѣдняго десятилѣтія отечественная публика оказывала по всему, касающемуся Средней Азіи, вниманіе весьма умѣренное, и была права. Что значили, въ самомъ дѣлѣ, интересы наши тамъ въ сравненіи съ интересами государства внутренними и на окраинахъ его западныхъ и южныхъ? Въ небольшаго кружка купцовъ, которые вели съ Среднею Азіею торговлю дѣла, и такого же кружка чиновниковъ, служившихъ на ея окраинахъ, рѣчь объ этой части Азіи заходила, время отъ времени, лишь въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, вслѣдствіе необходимости давать то или другое разрѣшеніе по представленіямъ Сибирскихъ и Оренбургскаго генералъ-губернаторовъ. О самомъ существованіи Средней Азіи наша публика вспоминала только по случаю какого-нибудь Коканскаго или Хивинскаго посольства, проѣзжавшаго по Тверской улицѣ въ Москвѣ и разгуливавшаго по Невскому въ Петербургѣ; по случаю новаго слона изъ Бухары, являвшагося въ Царскомъ Селѣ; по случаю набата, котораго вдругъ начинали бить англійскія газеты о ненасытной алчности и непроходимомъ коварствѣ нашей политики, прознавъ изъ десятыхъ рукъ, во сто разъ преувеличенномъ видѣ, о какой-нибудь пограничной стычкѣ казачьей команды съ грабительскою шайкою Туркменовъ. Прочитывалась громоздкая статья *Times* въ смягченномъ русскомъ переводѣ, уѣзжали Хивинцы, засаливъ даже гардины въ нанитомъ для нихъ помѣщеніи, являлся Томъ Пусъ на замѣну слона, и всякое помышленіе о Средней Азіи сдавалось въ архивъ на цѣлый рядъ годовъ.

Такия отношенія русскаго общества къ Средней Азіи измѣнились значительно съ начала 1860 года. Первою причиною тому были необыкновенно успѣшныя подвиги генерала Черняева, совершенно не-

жданно, съ горстью солдатъ завоевавшего цѣлую область, и въ ней, между прочимъ, городъ со стотысячнымъ населеніемъ. Внимание и патриотическое сочувствіе, возбужденныя столь удачнымъ приобрѣтеніемъ Ташкентскаго края, поддерживались затѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду новыми блистательными успѣхами русскаго оружія противъ Бухарцевъ: въ полевомъ дѣлѣ при Ирджарѣ, въ осадныхъ дѣйствіяхъ противъ Уратюпе, Джизаха, Самарканда, и наконецъ, при геройской нами оборонѣ послѣдняго, послѣ его занятія. До 1860-хъ годовъ всѣ военныя дѣла наши въ Средней Азіи происходили въ пустынныхъ степяхъ и ограничивались покореніемъ какихъ-то никому неизвѣстныхъ крѣпостей; тутъ же вступили мы въ предѣлы осѣдлой части страны, и одинъ за другимъ стали приобрѣтать города съ громкими историческими именами. Немногіе у насъ, конечно, знали, что такое Ходжендъ или Уратюпе; но имя Самарканда, великолѣпной столицы Тамерлановой, извѣстно всякому гимназисту, и присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ такого знаменитаго города не могло не расщевелить даже нашего лѣниваго самолюбія. Какъ воприще постоянной боевой дѣятельности и неразлучныхъ съ нею отличій и повышеній, край сдѣлался въ высшей степени интересенъ для военнаго сословія: за умирненіемъ Кавказа, куда же было и обратиться его помысламъ и расчетамъ? Управление новопріобрѣтенною частію Средней Азіи, безпрестанно увеличивавшеюся новыми провинціями, потребовало многочисленнаго личнаго состава гражданскихъ чиновниковъ, и эта далекая часть нашихъ владѣній сдѣлалась, естественно, предметомъ живѣйшаго любопытства въ средѣ жаждущаго мѣсть отставнаго или „сокращеннаго“ чиновничества. Пошелъ слухъ, что новопріобрѣтенныя области представляютъ отличный рынокъ для нашихъ торговыхъ оборотовъ, для промышленной дѣятельности русскаго человѣка, и возжелали узнать о немъ побольше какъ та часть купечества, которая не принимала дотолѣ участія въ среднеазіатской торговлѣ, такъ и всякаго рода дѣльцы и предприниматели. Заинтересовалось краемъ и ученое сословіе, какъ пространствомъ, на которомъ могутъ быть произведены, съ пользою для науки, изслѣдованія геогностическія, ботаническія, энтомологическія, археологическія, археографическія, способныя обогатить наши музеи множествомъ рѣдкихъ и любопытныхъ предметовъ. Словомъ, Средняя Азія стала занимать у насъ общественное вниманіе почти столько же, сколько обращается оно въ Англии на ея Индѣйскія владѣнія, во Франціи — на ея Африканскія провинціи.

Спросъ вызываетъ производство, и вотъ, въ удовлетвореніе возро-

дившейся любознательности, стали появляться у насъ, въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, въ журналахъ, въ газетахъ и отдѣльными книгами, воспоминанія, наблюденія, описанія и всякаго рода замѣтки лицъ, которымъ удалось побывать какъ въ новопріобрѣтенныхъ нами Коканскихъ и Бухарскихъ областяхъ, такъ и въ другихъ частяхъ страны, называемой Среднею Азіей. Образовалась цѣлая литература о предметѣ, богатая многими прекрасными трудами. Самые цѣнные вклады въ нее доставилъ, по нашему мнѣнію, первый томъ „Записокъ Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи“, вышедшій въ свѣтъ въ 1867 году и заключающій въ себѣ отчетъ объ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ П. П. Семенова, Н. А. Сѣверцова, К. Струве и Г. Н. Потанина, статьи Н. А. Абрамова, А. Принца и В. А. Полторацкаго. Много новыхъ свѣдѣній сообщено также въ издаваемыхъ тѣмъ же обществомъ съ 1865 года „Извѣстіяхъ“ (шесть томовъ). Изъ официальныхъ изданій наиболѣе дѣльнаго матеріала далъ *Военный Сборникъ*, изъ частныхъ журналовъ—*Русскій Вѣстникъ* и *Отечественныя Записки*. Отдѣльными книгами вышли въ 1865 г.— „Описаніе Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства“, Л. Мейера; въ 1866 г.— „Туркестанскій край въ 1866 г.“, г. Пашино; въ 1867 г.— „Семимѣсячный плѣвъ въ Бухаріи“, г. Татаринова; въ 1868 г.— „Описаніе области Сибирскихъ Киргизовъ“, г. Красовскаго, „Путешествія по окраинамъ русской Азіи“, М. Венюкова, и „Замѣтки по Среднеазиатскому вопросу“, г. Ромацовскаго; въ 1869 году— „Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю“, М. Н. Галкина; въ самомъ концѣ 1870 года— „Средняя Азія“, г. Костенки, составляющая предметъ настоящей статьи.

Цѣль, съ которою г. Костенко принялся за свой трудъ, это—разъяснить характеръ русской политики въ Средней Азіи и значеніе сдѣланныхъ нами въ ней пріобрѣтеній, представивъ „цѣльную картину всего, что извѣстно намъ теперь о Средней Азіи“, на основаніи, какъ собственныхъ его наблюденій, такъ и предшествовавшихъ о предметѣ трудовъ. „Я воспользовался почти всѣмъ, что писано было до сихъ поръ о Туранѣ“, говоритъ авторъ. Мы не будемъ требовать отъ г. Костенки болѣе того, что самъ онъ обѣщаетъ, а посмотримъ лишь, на сколько сдержалъ онъ свои обѣщанія.

Начать съ того, что весьма странное у него понятіе о предѣлахъ Средней Азіи. По его мнѣнію, въ предѣлы эти не входятъ ни Джунгарія, ни Монголія, ни Восточный Туркестанъ, ни Тибетъ,—словомъ вся восточная половина Средней Азіи. Для него Средняя Азія огра-

ничивается лишь западною половиною пространства, известнаго подъ этимъ именемъ; объ этой западной половинѣ только и идетъ рѣчь въ его книгѣ. Никто не мѣшалъ ему избрать предметомъ труда своего одну эту западную половину и молчать о восточной; но въ такомъ случаѣ, чтобы не вводить читателей и покупателей его книги въ заблужденіе, слѣдовало обозначить это въ самомъ заглавіи книги, написать не „Средняя Азія“ и проч., а „Западная часть Средней Азіи“. Г. Костенко предпочелъ послѣдовать примѣру китайскаго писателя, который, озаглавивъ одинъ отдѣлъ труда своего: „Россія“, трактуетъ въ немъ только о Сибири, заблагоразсудивъ умолчать о Европейской Россіи, вѣроятно, по отсутствію свѣдѣній о этой „отдаленной и варварской странѣ“. Впрочемъ, г. Костенко поражаетъ читателя не только понятіями своими о предѣлахъ Средней Азіи, но и взглядомъ своимъ на ту, западную, ея часть, описанію которой посвящена его книга: *вся* западная часть эта, отъ Алатау и Памирской выси до р. Урала и Каспійскаго моря, составляетъ, по его мнѣнію, „тавъ-называемую Арало-Каспійскую впадину или котловину“. Чтò сказать о такомъ изумительномъ географическомъ промахѣ, встрѣчающемся на первой же страницѣ книги, когда въ другихъ мѣстахъ ея самъ авторъ говоритъ о „возвышенномъ положеніи“ южной части Турана, о томъ, что Бухарское ханство лежитъ на 1.200 футовъ надъ поверхностію моря, Балхъ — на 1.700 футовъ, Гейбекъ — на 4.000 футовъ, Бадахшанъ — на 15.000 футовъ (стр. 9)? Вслѣдъ за тѣмъ объявляется, что „все это пространство имѣетъ *одинакій* географическій характеръ“ — новость тоже совершенно новая, но не внушающая большаго довѣрія къ собственнымъ наблюденіямъ и открытіямъ автора, къ числу которыхъ принадлежитъ и его характеристика означеннаго пространства — что „оно представляетъ едва-ли не самую печальную и непривлекательную страну на всемъ земномъ шарѣ“. Такъ отзывается авторъ о западной части Средней Азіи на 2-й страницѣ своей книги, тогда какъ далѣе упоминается у него о разныхъ чуть не райскихъ въ ней краяхъ; даже въ сѣверной ея половинѣ, въ бассейнахъ рѣкъ Тобола, верхняго и средняго Урала, и отчасти озера Челкара, протекаетъ, говоритъ онъ, „много рѣчекъ съ хорошею водою, и есть даже небольшія прѣсныя озера; по берегамъ рѣчекъ разстилаются поемные луга, а самая степь покрыта слоємъ чернозема, на которомъ растутъ ковыль, составляющій отличительный признакъ плодородной степной почвы; въ этой части степи встрѣчаются даже лѣса, какъ лиственные, такъ и строевые, сосновые“ (стр. 7). Эту характеристику,

приложенную имъ единственно къ сѣверной части Тургайской области, авторъ долженъ былъ бы распространить на всю сѣверную половину области Сибирскихъ Киргизовъ и области Семипалатинской. Объ этомъ онъ забылъ, равно какъ о привольной странѣ въ верховьяхъ рѣки Чу и другихъ частяхъ области Семирѣчинской. Что же касается до южной половины Средней Азіи, то здѣсь долины рѣкъ Чирчина, Анграна и Каджигена являются у него „житницей всей Сыръ-Дарьинской области“ (стр. 11); вся огромная Форгонская долина, длиною въ 150, среднюю ширину въ 80 верстъ, оказывается „однимъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ Средней Азіи“ (тамъ же). Еще болѣе обширная долина рѣки Зарафшана представляется „сплошною зеленѣющею лентою на протяженіи до 400 верстъ въ длину и отъ 20 до 40 верстъ въ ширину“ (стр. 12); о длинномъ теченіи Калка-Дарьи говорится, что „она, подобно Зарафшану, представляетъ изъ себя ленту населенныхъ пунетовъ и обработанныхъ полей, садовъ и огородовъ“ (стр. 15); о Бадяхшанѣ сказывается, что „это едва-ли же самый благодатный край во всей Средней Азіи: его умѣренный и здоровый климатъ, его живительныя роци и ручьи, его романтическіе виды, цвѣты, плоды и соловьи, его минеральныя богатства искони гремятъ во всей Азіи и не разъ воспѣвались восточными поэтами“ (стр. 17), и т. д., и т. д. Страна, въ которой такія обворожительныя пространства встрѣчаются весьма нерѣдко, никакъ не можетъ быть названа „самою печальною и непривлекательною на земномъ шарѣ“. Не говоря уже объ африканскихъ пустыняхъ, о пустыняхъ Сѣверной Америки, Индіи (западная), Афганистанѣ, даже „Счастливая“ Аравія, даже самъ „свѣтлый“ Иранъ, взятые въ цѣломъ, далеко печальнѣе и непривлекательнѣе той части Азіи, о которой вздумалось автору относиться такъ невыгодно. Да и въ Европѣ, все восточное и южное побережье Балтійскаго моря и южное побережье моря Нѣмецкаго, страны, воздѣланныя цивилизаціей, по натурѣ своей гораздо бѣднѣе и унылѣе, чѣмъ степи при-Тобольскія, при-Ишимскія, при-Иртышскія. Но охарактеризовавъ описываемую страну ошибочно въ общихъ чертахъ, объ отдѣльныхъ ея частяхъ г. Костенко даетъ вообще довольно удовлетворительныя и вѣрныя свѣдѣнія.

За географическимъ обзорѣмъ разсматриваемаго пространства, слѣдуетъ у г. Костенки обзоръ этого пространства этнографическій: идетъ рѣчь о Киргизахъ, Узбекахъ, Турменахъ, Таджикахъ и другихъ народностяхъ, населяющихъ западную половину Средней Азіи, съ описаніемъ быта и степени цивилизаціи, какъ осѣдлыхъ, такъ и вочевни-
часть слѣв, отд. 2.

ковъ, и отчасти съ указаніемъ того вліянія, какое имѣло на нихъ подчиненіе ихъ русской власти и водвореніе между ними русскаго населенія. И тутъ, отчетливо рисуя многія подробности, авторъ сильно грѣшитъ противъ истины, когда вдается въ общія характеристики; послѣднія выходятъ у него, какъ и географическія, несравненно печальнѣе, нежели дѣйствительность. Выставлятъ туземцевъ Средней Азіи въ самомъ безотрадномъ видѣ, какъ по отношенію къ умственному, такъ и по отношенію къ нравственному ихъ состоянію, заставляло автора, повидимому, желаніе выказать въ болѣе яркомъ видѣ необходимость возрожденія и облагороженія ихъ европейско-русскою цивилизаціей. Между тѣмъ, и кочевые, и осѣдлые Среднеазиатцы вовсе не такіе лѣнтяи, глупцы, невѣжи и мерзавцы, какими представляются они автору. Чтобы судить о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ Киргизовъ надобно знать ихъ нѣсколько ближе, чѣмъ возможно это, проѣхавъ на перекладной по Оренбургскимъ и Сибирскимъ степямъ; а для того, чтобы произносить приговоръ объ осѣдломъ населеніи Узбекистана, надобно знать какъ исторію его, такъ и религію, гораздо основательнѣе, чѣмъ предметы эти извѣстны г. Костеневъ, на каждомъ шагу обнаруживающему весьма поверхностное съ ними знакомство. Такъ, Семирамида является у него *Бактрійскою принцессою* (стр. 43); такъ, Кирополь и Александрія на Яксартѣ существуютъ для него въ развалинахъ и *до сихъ поръ* (стр. 44); такъ, по его мнѣнію, Трансоксіана, послѣ Скивовъ, *была занята* Китайцами (тамъ же); такъ Узбеки, увѣренъ онъ, явились тамъ въ *X стлѣ*, а въ *XI* были оттѣснены Чингисъ-Ханомъ за Сыръ-Дарью (тамъ же); такъ онъ знаетъ, что *Таджики* *вышли* въ западный Туркестанъ *изъ Ирана* (стр. 46), а шелководство было перенесено туда изъ Хотана, именно *въ I стлѣ до Р. Х.* (стр. 227); такъ, волненія и возстанія туземцевъ въ восточномъ Туркестанѣ противъ китайскаго владычества начались, по словамъ его, *не ранѣе какъ въ 1857 году* (стр. 34). Еще болѣе, чѣмъ на исторію, авторъ клеветаетъ на мусульманство вообще и на Коранъ въ особенности. Желательно было бы знать, напримѣръ, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ онъ, что „по мусульманскому закону, городъ *долженъ* быть обнесенъ одною общою стѣною, имѣть цитадель (аркъ) и заключать въ себѣ не менѣе трехъ мечетей, изъ которыхъ одна должна быть такой величины, чтобы могла помѣщать *все народонаселеніе города*“ (стр. 55); или, что законъ мусульманскій строго предписываетъ „мерзнуть въ нетопленной комнатѣ, жить въ темной конурѣ безъ оконъ, носить грубую одежду, ѣсть патью пальцами и си-

дѣтъ поджавши ноги на землѣ“ (стр. 332). Отъ писателя, который беретъ на себя произносить рѣшительные приговоры о духѣ ислама и о вліяніи его на жизнь народовъ, можно, кажется, требовать, чтобы онъ прочелъ хотя одно сочиненіе по мусульманскому законодательству, а г. Костенко и этого не потрудился сдѣлать, предпочтя заимствовать свѣдѣнія объ исламѣ отъ путешественниковъ или изъ дѣлъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, — источниковъ весьма сомнительнаго достоинства. Впрочемъ, не одинъ г. Костенко, а всѣ почти наши цивилизаторы мусульманской Азіи относятся къ дѣлу такимъ образомъ. Какъ, съ другой стороны, мало вникнулъ онъ въ бытъ кочевниковъ, свидѣтельствуется объясненіемъ его, что волненія, возникшія въ Киргизскихъ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства, вслѣдствіе введенія тамъ новаго объ управленіи ими положенія 21-го октября 1868 года, волненія и доселѣ продолжающіяся, произошли оттого, что „многіе султаны и беи остались при этомъ за штатомъ“ (стр. 33). Подобныя объясненія, весьма часто встрѣчающіяся въ нашей печати, доказываютъ только то, что для устройства быта Киргизовъ сообразно съ выгодами Имперіи и ихъ собственными, нужно знать поболѣе того, что „народъ этотъ подобенъ вѣтру, свободно разгуливающему въ пустынѣ“ (стр. 30), живетъ въ кибиткахъ, пьетъ кумысъ, питается крутомъ (который, кстати сказать, не есть „просо, отваренное на кобыльемъ молокѣ“, какъ полагаетъ г. Костенко, а сыръ изъ овечьяго молока) и очень любитъ конскія скачки.

Третья глава книги, излагающая „причины, побуждавшія Русскихъ двинуться въ Среднюю Азію“, передаетъ фактъ постепеннаго распространенія русскаго владычества на Киргизскія степи, а въ послѣднее время и на осѣдлыя страны западной части Средней Азіи, довольно полно и вѣрно; но причины фактовъ не выяснены достаточнымъ образомъ, и въ послѣдовательности ихъ авторъ видитъ систематичность, которой на дѣлѣ не было. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ было у насъ писано такъ много и столь многими, что скомпилировать статью о томъ же въ 70 страницъ не представляется большою заслугою. Безъ кое-какихъ промаховъ не обошлось однако же и въ этой главѣ: такъ, здѣсь говорится, что въ 1832 году учрежденъ былъ въ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства, для завѣдыванія Сыръ-Дарьинскими Киргизами, особый округъ съ особымъ, четвертымъ, султаномъ-правителемъ (стр. 112). Этого на дѣлѣ не было; это только предполагалось. Такъ Гарберъ, отправлявшійся въ Хиву въ 1731 году, названъ Герценбергомъ (стр. 115). Слѣдовало бы также упомянуть по-

дробнѣе о посольствѣ Негри въ Бухару въ 1820 году, такъ какъ результатомъ его были два сочиненія о Бухаріи, до поѣздки туда Бернса составлявшія главный источникъ свѣдѣній объ этой странѣ, именно сочиненія Мейендорфа и Эверсмана, оба пропущенныя въ спискѣ источниковъ автора.

Главы IV-я и VI-я, о земледѣльческой и мануфактурной промышленности западной части Средней Азіи — однѣ изъ наилучшеобработанныхъ въ книгѣ и наиболѣе любопытныхъ для большинства ея читателей. Тутъ, по важности предмета, замѣтимъ мы только, что авторъ преувеличиваетъ, повидимому, значеніе аксакаловъ, предоставляя имъ распоряженіе пашнями (стр. 168): аксакаламъ принадлежитъ лишь канальная полиція, и числомъ кошей опредѣляется лишь участіе въ расчисткѣ и исправленіи ирригаціонныхъ сооружений. Ошибочно также отзывается авторъ и объ аргмакахъ, говоря, что дальнихъ переходовъ они не выдерживаютъ (стр. 189): напротивъ, именно за то и дорожатъ Туркмены этою породою лошадей, что при помощи ихъ могутъ предпринимать далекіе набѣги на Персію.

Коротенькая V-я глава посвящена изложенію свѣдѣній о минеральныхъ произведеніяхъ западной части Средней Азіи. Здѣсь авторъ, можно сказать, совершенно упустилъ изъ виду минеральныя богатства Киргизскихъ степей и говоритъ лишь о тѣхъ, которыя открыты въ послѣднее время въ предѣлахъ южной части описываемаго имъ пространства.

Свѣдѣнія о торговлѣ, заключающіяся въ VII-й главѣ, принадлежатъ къ самымъ поверхностнымъ и наиболѣе могущимъ ввести въ заблужденіе, какъ и большая часть того, что писано у насъ о средне-азиатской торговлѣ. Кромѣ П. И. Небольсина и еще кое-кого, изучавшихъ предметъ и дѣйствительно съ нимъ ознакомившихся, писали у насъ о торговлѣ съ Среднею Азіею не купцы, которые ведутъ и знаютъ дѣло, а чиновники или аферисты, имѣвшіе весьма смутныя о немъ понятія, и фантазировавшіе по тѣмъ или другимъ побужденіямъ. Такъ было и до занятія нами Ташкентскаго края, послѣ же того масса фантазеровъ увеличилась еще болѣе. Всякій, кто ни писалъ о новопріобрѣтенномъ краѣ, считалъ себя обязаннымъ поговорить и о нашей въ немъ торговлѣ; а какъ политико-экономическія идеи, что въ ходу у насъ, крайне незрѣлы вообще, и о торговлѣ въ особенности, то и распространились о торговыхъ оборотахъ нашихъ въ Средней Азіи свѣдѣнія самыя ошибочныя. Самая капитальная ошибка заключается въ томъ, что оборотамъ этимъ, какъ дѣйствительно про-

изводились, такъ и предполагаемымъ въ будущемъ, придается значеніе, котораго они вовсе не имѣютъ и никогда не могутъ имѣть въ общемъ движеніи нашей заграничной торговли. Въ сущности своей торговля наша съ южными владѣніями западной части Средней Азіи такъ ничтожна, что и толковать бы о ней не стоило, и такъ убыточна для насъ, что прекратись она вовсе, жалѣть было бы не о чемъ. Разсуждаютъ и горячатся у насъ о ней больше потому, что разсуждаютъ и горячатся о томъ же Англичане. Англичанинъ, извѣстно, умнѣйшій человекъ, и ужъ если онъ считаетъ это дѣло важнымъ, значить оно важно. Мы смѣемъ думать, что и Англичане не совсѣмъ понимаютъ то, изъ-за чего горячатся, какъ это не разъ уже доказали они на дѣлѣ по отношенію къ политическимъ дѣламъ Средней Азіи. Средняя Азія во всемъ ея объемѣ такъ малонаселенна, такъ бѣдна, такъ мало производитъ и такъ мало потребляетъ, что торговые обороты съ нею никогда не могутъ принять значительныхъ размѣровъ ни для насъ, ни для Англичанъ. Выживи съ среднеазиатскихъ рынковъ, мы ихъ, или они насъ, выгода и убытокъ для той и другой стороны будутъ куда не велики. Не изъ-за чего ссориться и враждовать. Но, возражать намъ, торговые обороты Россіи съ Среднею Азіею возрастаютъ съ году на годъ: какъ же могли бы они возрастать, если бы не увеличивались въ послѣдней, какъ производство, такъ и потребленіе; а если то и другое увеличивается постоянно, значить, со временемъ торговые обороты съ этою частью Азіи могутъ приобрести первостепенную для насъ важность, и намъ выгодно удержатъ за собою средне-азиатскіе рынки. На это мы, въ свою очередь, возражимъ, что цифры, на которыхъ основывается мнѣніе о постоянномъ возрастаніи торговыхъ оборотовъ нашихъ съ Среднею Азіею, дѣйствительно свидѣтельствуютъ о такомъ возрастаніи, только не по заграничной среднеазиатской торговлѣ, а по *внутренней*, такъ какъ увеличивался постоянно торговый оборотъ съ населеніемъ Киргизскихъ степей, нашихъ собственныхъ степей, занимаемыхъ русскими подданными Киргизами, благосостояніе которыхъ до послѣдняго времени замѣтно возрастало; а съ занятія нами Ташкента и части Бухарскихъ владѣній усилился отъпускъ туда товаровъ не для потребленія мѣстнымъ, туземнымъ населеніемъ, а пришедшій туда русскимъ, преимущественно войсками. Что же выигрываемъ мы отъ того, что русскіе люди въ Азіи потребляютъ теперь тамъ тѣ отечественныя и иностранныя произведенія, которыя потребляли они прежде внутри Россіи? Важна не для Россіи торговля съ среднеазиатскими ханствами, а для этихъ послѣд-

нихъ торговля съ Россіей, такъ какъ они сбываютъ намъ такія свои произведенія, которыхъ, кромѣ Россіи, имъ некуда сбыть. Трудно представить себѣ, въ какое бѣдственное состояніе пришли бы эти ханства въ случаѣ прекращенія торговыхъ сношеній ихъ съ Россіей. Мы же получаемъ отъ нихъ, кромѣ хлопка и мерлушекъ, такую дрянъ (преимущественно сухіе фрукты самаго плохаго качества), безъ которой весьма могли бы обойтись, а между тѣмъ при перевѣсѣ азиатскаго привоза надъ русскимъ отпускомъ, платимъ за дрянъ эту звонкою монетою, неся оттого убытку до 20% на каждомъ рублѣ. Среднеазиатскіе ханы употребляли и продолжаютъ употреблять все старанія, чтобы не допускать русскихъ торговцевъ внутрь своихъ владѣній. Это — толкуеть авторъ вслѣдъ за другими, то же твердившими, — оттого, что они невѣжественны. Нѣтъ, оттого это, что они отлично понимали и понимаютъ свои выгоды и оберегаютъ ихъ, тогда какъ мы гуманничаемъ и позволяемъ Среднеазиатцамъ пріобрѣтать нужные имъ русскіе товары внутри Россіи чуть не изъ первыхъ рукъ. Выходитъ, что азиатскіе деспоты сильнѣе въ политической экономіи, чѣмъ мы, намѣревающіяся просвѣщать ихъ. Точно также неосновательно полагаетъ авторъ, будто существованіе таможенныхъ Оренбургской и Сибирской линій служило преградой для расширенія торговли съ Среднею Азіей (стр. 255). Развитію торговли съ своими же подданными, Киргизами, линіи эти дѣйствительно мѣшали, но казнѣ убытку онѣ не приносили и Среднеазиатцевъ нисколько отъ торговаго дѣла съ нами не отвращали, защищая въ то же время интересы русскихъ производителей отъ беспошлиннаго ввоза въ Имперію товаровъ англійскаго производства, которые теперь могутъ свободно проникать къ намъ со стороны Средней Азіи.

Ограничиваясь предложенными замѣтками по отношенію къ тому, что говорится у автора о торговлѣ Средней Азіи, перейдемъ къ водворенію тамъ „русской гражданственности“, о чемъ идетъ рѣчь у него въ разныхъ отдѣлахъ книги. Вмѣсто словъ: „русская гражданственность“ правильнѣе было бы говорить „русское владычество“, такъ какъ никакой русской гражданственности ни между кочевниками, ни между осѣдлыми жителями подвластной намъ части Средней Азіи мы еще не водворили. „Водворить“ гражданственность — дѣло вовсе не такъ простое, какимъ представляется оно огромному большинству вдумчивыхъ жителей Петербурга въ Ташкентѣ цивилизаторовъ. Завести въ завоеванной странѣ свои административные порядки далеко не значитъ еще водворить тамъ свою гражданственность. Болѣе полутора ста лѣтъ

считаются въ подданствѣ нашемъ Киргизскія степи, а между тѣмъ понятія, обычаи, обрядъ жизни кочевниковъ остаются тѣ же, какъ и прежде. Еще страннѣе было бы ожидать, что измѣнится, передѣляется осѣдлое населеніе областей, отторгнутыхъ нами отъ Кокана и Бухары въ теченіе какихъ-нибудь шести и даже четырехъ лѣтъ, что мы ими владѣемъ. Покуда цивилизаторское вліяніе наше ограничивается тѣмъ, что Ташкентцы повадился ходить въ гости къ Русскимъ, которые поселились въ краю, и распиваютъ съ ними чай, а подчасъ и „очищенную“. Но Татары восточной Россіи занимаются этимъ съ Русскими со временъ Іоанна Грознаго и нисколько отъ того вліянію русской цивилизаціи не поддались, все тѣми же Татарами остаются. Чѣмъ выразилось русское правительственное вліяніе на Киргизовъ въ періодъ съ 1825 до 1860-хъ годовъ, это ихъ разбогатѣніемъ, вслѣдствіе постепеннаго водворенія въ степяхъ внутренняго порядка и безопасности извнѣ. Тѣми же послѣдствіями, нѣтъ сомнѣнія, отразится русское владычество и на бывшихъ коканскихъ и бухарскихъ областяхъ. Туземцы сдѣлаются тамъ гораздо зажиточнѣе и станутъ позволять себѣ разныя удобства и роскоши, о которыхъ прежде и мечтать не смѣли, но далѣе этого въ обрусѣніи едва-ли пойдутъ. И разбогатѣють-то они притомъ на наши деньги, то-есть, отъ владычества надъ помянутыми областями Россія никакихъ выгодъ матеріальныхъ для себя не извлечетъ, а напротивъ на устройство и защиту ихъ положить бездну своихъ собственныхъ средствъ. Въ 1868 году, по словамъ автора (стр. 327—328), расходы по управленію этими областями и по содержанію войскъ въ нихъ, простирались до 4-хъ милліоновъ рублей, тогда какъ доходы съ края не превышали 1½ милліона; въ 1869 году дефицитъ дошелъ уже, вмѣсто 2½ милліоновъ, до 4-хъ. „Среднеазиатская торговля“, продолжаетъ авторъ, „также въ послѣдніе годы не двигается, какъ бы слѣдовало ожидать. Такое, не совсѣмъ благопріятное, положеніе вещей приводитъ въ уныніе многихъ и заставляеть вообще скептически относиться къ пользѣ для Россіи всей Средней Азій“. Авторъ утѣшаетъ скептиковъ тѣмъ, что со временемъ положеніе это должно улучшиться, и указываетъ на разныя къ тому средства (стр. 333—338), но затѣмъ все-таки приходитъ къ заключенію, что „развитію нашей торговли и вообще культуры въ Средней Азій препятствуютъ, болѣе всего, неопредѣленныя и натянутыя отношенія къ нашимъ тамъ сосѣдямъ“, прекратить которыя авторъ находитъ возможнымъ, лишь распространивъ владычество наше до береговъ Аму-Дарьи, то-есть, уничтоживъ самостоятельное существованіе ханствъ Бухарскаго и Хи-

винскаго. Судя по ходу событій, должно ожидать, что тѣ или другія обстоятельства вынудятъ насъ занять не только остальные бухарскія области и Хиву, но и Коканское ханство, и мелкія владѣнія вверху по правому берегу Аму, даже, быть-можетъ, и самый Алтышаръ; все это, однако, едва-ли будетъ способствовать уменьшенію тратъ нашихъ въ осѣдлой части Средней Азіи; напротивъ, есть полная вѣроятность думать, что чѣмъ болѣе станутъ расширяться наши тамъ владѣнія, тѣмъ болѣе потребуются на ихъ охраненіе и устройство, пользы же отъ того будетъ извлечено не болѣе, чѣмъ извлекли мы изъ владычества нашего въ Закавказьѣ, конечно, ни въ какомъ отношеніи не уступающемъ осѣдлымъ среднеазиатскимъ областямъ, о которыхъ идетъ рѣчь. И не по той это причинѣ, чтобъ извлеченіе пользы не было возможно, — оно весьма возможно, хотя и очень трудно, — а потому, что не созданы мы для эксплуатаціи кого-либо и чего-либо въ свою пользу, что до сихъ поръ всѣ наши имородческія окраины сосали соки изъ центра, а не придавали ему силы. Чтобы дѣла могли пойти иначе, надобно измѣниться столь многому и столь радикально, что ожидать этого измѣненія въ близкомъ будущемъ было бы утопій, а между тѣмъ Средняя Азія съ году на годъ будетъ обходиться намъ дороже и дороже.

Какъ видятъ читатели, мы во многомъ, очень во многомъ не раздѣляемъ взглядовъ г. Костенки на Среднюю Азію; но если бы при этомъ справедливость оставалась и на нашей сторонѣ, въ защиту его можно сказать, что тѣ взгляды, которыхъ онъ держится, суть взгляды большинства, отъ которыхъ трудно было ему отдѣлаться при недавнемъ еще знакомствѣ его съ предметомъ въ настоящемъ и при полномъ незнакомствѣ его съ прошлыми судьбами странъ, о которыхъ взялся онъ писать. Со всѣми своими недостатками, книга его можетъ быть весьма полезна для тѣхъ, кто, ничего не зная о Средней Азіи, пожелаетъ получить общее о ней, поверхностное понятіе. Для удовлетворенія этой цѣли составлена она весьма хорошо. Поучительны для такихъ читателей и VIII-я глава его труда — о путяхъ сообщенія въ западной части Средней Азіи, и приложенная къ книгѣ извѣстная карта г. Ильина. Но сильно ошибается авторъ, если думаетъ, что при составленіи своей книги онъ удовлетворилъ всѣмъ условіямъ добросовѣстнаго труда. Нѣкоторые изъ этихъ условій даже вовсе ему неизвѣстны. Такъ, заимствуя свои свѣдѣнія изъ той или другой книги, онъ не цитируетъ своего источника, а это необходимо, чтобы читатель могъ отличать старыя извѣстія отъ новыхъ, собственныя сообра-

женія автора отъ высказаннаго другими. На стр. 302, напримеръ, читаемъ у него, что „на всемъ пространствѣ теченія Аму-Дарьи едва ли найдется 200 судовъ (какія употребляются тамъ, вѣстимостію до 20-и тоннъ)“. Читатель въ правѣ думать, что это свѣдѣніе современное, добытое самимъ авторомъ; а былъ бы указанъ источникъ, откуда оно взято,— „Путешествіе въ Бухару“ А. Бернса, такъ и видно было бы, что это свѣдѣніе уже устарѣлое, что нынѣ число судовъ на Аму, быть можетъ, болѣе, а быть можетъ, и менѣе показаннаго Бернсомъ за сорокъ лѣтъ передъ симъ. Такимъ же образомъ, напрасно полагаетъ авторъ, что онъ „воспользовался почти всѣмъ, что было до сихъ поръ писано о Туранѣ“. Смѣемъ увѣрить его, что онъ не прочелъ и десятой части напечатаннаго о Туранѣ на разныхъ языкахъ, что даже отечественная литература по этому предмету во крайней мѣрѣ вдвое обширнѣе, чѣмъ ему представляется. Списокъ „источниковъ“, которыми онъ пользовался при составленіи труда своего, помѣщенный въ началѣ книги, лучше всего свидѣтельствуеетъ, какъ поверхностно относился онъ къ своей задачѣ. Списокъ этотъ — *lasgumae gegum*. Авторъ не принялъ на себя труда даже расположить его хронологически, при однихъ книгахъ означилъ годъ ихъ напечатанія, при другихъ опустилъ, и поставилъ совершенно на одну доску какъ сочиненія, дѣйствительно заслуживающія имени „источниковъ“, такъ и пустѣйшія статейки, въ которыхъ нѣтъ ничего своего, кромѣ невѣжественнаго разглагольствованія. Но каковъ бы этотъ списокъ ни былъ, авторъ положительно не воспользовался многими изъ трудовъ, въ немъ значащихся; иначе онъ не впалъ бы во многіе изъ тѣхъ промаховъ, которые указаны выше. „Живя въ Ташкентѣ“, говоритъ г. Костенко, „я въ очію убѣдился въ невозможности составленія (тамъ) полнаго и всесторонняго обзорѣнія Средней Азіи“. Вѣримъ; это и *a priori* можно предположить, но это не оправданіе: почему, живя въ Ташкентѣ, нужно браться непременно за работу, которой нельзя тамъ исполнить? Почему хорошее обзорѣніе Средней Азіи должно быть написано именно въ Ташкентѣ? Въ томъ-то и бѣда, что мы безпрестанно задаемся задачами, которыхъ не въ силахъ исполнить, и хотимъ выѣзжать на чужихъ трудахъ. Гораздо полезнѣе было бы и для практическаго дѣла, и для науки, если бы образованные русскіе люди, закинутые едѣбною въ отдаленныя окраины Россіи, заботились тамъ не о составленіи компиляцій изъ чужихъ взглядовъ и собранныхъ другими фактовъ, а сами изучали бы край, сами собирали бы факты и дѣлились бы потомъ съ соотечественниками

плодами собственныхъ изысканій и наблюдений, какъ прекрасный тому примѣръ подавъ въ послѣднее время В. Н. Плотниковымъ въ первомъ выпускѣ „Записокъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

В. Г.

Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. I. Die Volksepik der Kroaten. Von Dr. Franz v. Miklosich, wirklichem Mitgliede der kais. Akademie der Wissenschaften. (Vorgelegt in der Sitzung am 30 Juli 1869). Wien, 1870.

Заглавіе этой брошюры (въ 60 страницъ, въ 4-ю) обѣщаетъ несравненно больше, нежели мы находимъ въ самомъ сочиненіи. Судя по заглавію, можно ожидать полнаго разбора всѣхъ свойствъ народнаго эпоса „Кроатовъ“ (то-есть, Хорватовъ), какъ съ внѣшней стороны (постройка стиха и т. д.), такъ и съ внутренней (содержаніе эпоса и способъ передачи этого содержанія языкомъ даннаго народа), между тѣмъ какъ въ книгѣ упомянуто о нѣкоторыхъ метрическихъ особенностяхъ разбираемаго эпоса (стр. 1—7), при чемъ все-таки большую половину занимаютъ выписки изъ пѣсенъ, и только меньшую разсужденія автора, и затѣмъ помѣщено довольно значительное количество хорватскихъ эпическихъ пѣсенъ, сопровождаемыхъ коротенькими замѣчаніями издателя, предлагающаго нѣкоторыя незначительныя поправки словъ и выраженій поэтическаго текста, по большей части для метрической послѣдовательности, и указывающаго на источникъ, изъ котораго взята данная пѣсня, и т. п. (стр. 8—58). Очевидно, авторъ такъ и понимаетъ свою задачу, и не ограничивая заглавія книги соответственнымъ содержанію образомъ, предоставилъ читателю знакомиться съ этимъ содержаніемъ не по заглавію, а собственнымъ чтеніемъ. Нельзя, разумѣется, слишкомъ осуждать за это автора.

Припомнивъ читателю, что только три славянскія племени—Сербы, Болгаре и Русскіе, могутъ похвалиться національнымъ эпосомъ, авторъ причисляетъ къ нимъ также Хорватовъ (обыкновенно не принимается существеннаго различія между сербскимъ и хорватскимъ нарѣчіями), которые хотя въ настоящее время сохранили эпическія пѣсни только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они-перемѣшаны съ Сербами, и вслѣдствіе того употребляютъ сербскій эпическій размѣръ, тѣмъ не менѣе въ прежнее время пользовались своимъ собственнымъ эпическимъ размѣромъ (стр. 1). Для доказательства этого положенія, Миклошичъ ссы-

лается на сборнике хорватскихъ пѣсней, отчасти изданные, отчасти же хранящіяся только въ рукописяхъ (стр. 1—2). Это заставляеть его принять существованіе своеобразнаго народнаго эпоса Хорватовъ, проявлявшагося въ разобранномъ имъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе, что древнѣйшія (XV, XVI и XVII столѣтія) пѣсни, сложенные этимъ размѣромъ, оказываются по языку несомнѣнно хорватскими. Хотя остальныхъ пѣсней, составленныхъ этимъ же размѣромъ, нельзя назвать чисто-хорватскими, но въ то же время ихъ нельзя считать и чисто-сербскими. Исчезновеніе хорватскаго эпическаго размѣра, равно какъ и „обсерблиеніе“ (Serbisierung) нѣкоторыхъ пѣсней, слѣдуетъ приписать, по всей вѣроятности, неослабному напору и давленію сербскаго элемента въ западномъ и сѣверномъ направленіи отъ Сербіи. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что жители нѣкоторыхъ мѣстностей называютъ себя Хорватами, не смотря на то, что они говорятъ по сербски (стр. 2).

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе нѣкоторыхъ особенностей постройки стиховъ хорватскихъ пѣсней. Вотъ онѣ:

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ за отдѣльными стихами слѣдуетъ добавленіе, которое повторяеть часть стиха (стр. 2). Это, по моему, не вполне вѣрно; ибо, всмотрѣвшись въ сообщенныя Миклошичемъ пѣсни, мы замѣчаемъ, что гораздо чаще это коротенькое добавленіе, состоящее обыкновенно не болѣе какъ изъ шести слоговъ (см. стр. 3), не повторяеть вовсе ни одной части предшествующаго стиха (хотя, вѣроятно, стремленіе къ повторенію породило такую постройку). Такъ напримѣръ:

A on mi se junakom tihim mukom ujimaše,

Radosave, и пр. (стр. 8).

Ali nasta Svilojević caru zmožnu govoriti,

Ono biše delija, Koj turaka ubijaše

S mojim buzdohanom и пр. (стр. 16).

Хорватскій эпическій стихъ состоитъ (въ большинствѣ случаевъ) изъ 15-и слоговъ и раздѣляется цезурою на двѣ половины (два половинные стиха), изъ которыхъ первая состоитъ изъ семи слоговъ и оканчивается на *proparoxytonon*, между тѣмъ какъ вторая заключаетъ въ себѣ восемь слоговъ и заключается на *paroxytonon* (— — — — — | — — — — —) (стр. 4). Такъ какъ главное удареніе первой половины падаетъ на пятый, удареніе же второй на седьмой слогъ, то этотъ размѣръ можно сравнительно назвать трохантическимъ; такой размѣръ основывается на природѣ языка, избѣгающаго ударенія на конечныхъ

словахъ (стр. 4). Уклоненія отъ выше приведеннаго образца довольно многочисленны: а) въ первой половинѣ стиха заключается иногда 6 слоговъ и поэтому она оканчивается на *paroxytonon* (1-1-1-1-1-1-); б) часто состоитъ первая половина изъ восьми слоговъ, слѣдовательно, за слогомъ съ удареніемъ слѣдуютъ три безъ ударенія (1-1-1-1-1-1-1-); в) въ рѣдкихъ случаяхъ первая половина состоитъ изъ девяти слоговъ, и тогда высокій слогъ предшествуетъ четыремъ слогамъ низкимъ (1-1-1-1-1-1-1-1-1-1-) (стр. 4—5). вмѣстѣ со стихомъ оканчивается обыкновенно и предложеніе (стр. 5).

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчается этотъ родъ стиха, какъ кажется, только въ хорватскомъ, и съ нѣкоторыми отступленіями, въ „новословенскомъ“ (хорутанскомъ): здѣсь *proparyxotonon* заканчивается не первую, но вторую половину стиха (1-1-1-1-1-1-1-1-1-1-) (стр. 5).

Нельзя не замѣтить, что авторъ разсматриваетъ хорватскій эпическій и вообще народно-поэтическій размѣръ довольно исключительно, обращая слишкомъ мало вниманія какъ на поэзію другихъ славянскихъ племенъ, такъ и на поэзію иноплеменныхъ народовъ. Исключеніе составляетъ коротенькая замѣтка о новословенскомъ нарѣчій, только-что указанная мною (стр. 5), и затѣмъ болѣе подробное сравненіе краткаго добавленія къ отдѣльнымъ стихамъ съ подобными же добавленіями въ нѣмецкой народной поэзіи (стр. 3), а постройки хорватскаго эпическаго стиха вообще съ постройкою политическаго стиха Новогрековъ (отличающагося отъ трохайческаго славянскаго ямбическимъ размѣромъ: 1-1-1-1-1-1-1-1-1-1-) (стр. 6), равно какъ съ постройкою тоже ямбическаго александринскаго стиха романскихъ народовъ (стр. 6—7) и латинскаго стиха Седулія (Sedulius) вмѣстѣ съ средне-нѣмецкимъ его переводомъ (стр. 7). Въ концѣ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что на родинѣ этихъ стиховъ (Седулія), въ Далмаціи, найдена латинская надгробная надпись 1242 г. (Вильгельма, племянника Венгерскаго короля Бела IV) очень сходнаго стихосложенія, на подобіе другой надгробной надписи Младена (Mladenus), умершаго 1348 въ Травъ (Трау) (стр. 7).

Авторъ какъ будто нарочно избѣгалъ также историческаго объясненія извѣстнаго рода постройки стиховъ. Иногда историческое объясненіе такъ и просится подъ перо. Такъ, напримѣръ, тотъ фактъ, о которомъ упоминается на стр. 2, что строфа (часть пѣсни), предшествующая краткому добавленію въ самомъ началѣ пѣсни, однимъ стихомъ короче, нежели слѣдующія, снабженны такимъ же добавле-

ніемъ строфы въ продолженіе пѣсни, объясняется очень просто тѣмъ, что первоначально такого рода постройка стиха (съ краткимъ добавленіемъ) свойственна была только тѣмъ пѣснямъ, въ которыхъ послѣдній стихъ предшествующей строфы повторялся цѣликомъ или же хотя бы только отчасти въ первомъ стихѣ слѣдующей строфы (ср. примѣчаніе автора на стр. 15). Вслѣдствіе сего, какъ первая, такъ и *послѣдняя* ¹⁾ строфа (часть пѣсни) были однимъ стихомъ короче нежели среднія строфы. Достаточно прочесть пѣсню 3-ю — *Мајка Margarita* (стр. 11—15), чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Такія повторяющія пѣсни были источникомъ постройки съ краткими добавочными стихами. Что въ послѣдствіи такіе же добавочные стихи съ соблюденіемъ меньшаго числа стиховъ первой и послѣдней строфъ встрѣчаются и въ не повторяющихся пѣсняхъ, то это объясняется безсознательнымъ обобщеніемъ народнаго творческаго ума, подгоняющаго новыя произведенія подъ готовыя уже формы, подъ готовыя уже постройки.

Составляющія вторую — несравненно большую — часть книги подлинныя хорватскія пѣсни (стр. 8—58) передаютъ по большей части общезвѣстные эпизоды сербской исторіи въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ народномъ преданіи.

И. Водуанъ де-Куртенъ.

¹⁾ Въ данныхъ пѣсняхъ послѣдняя строфа состоитъ обыкновенно изъ одного только стиха (стр. 9 и 11, гдѣ одинъ стихъ вмѣсто 5-и, и всѣ, разумѣется, пѣсни съ двучленными—двустихными—строфами), а одинъ разъ ея даже вовсе недостаетъ (стр. 39).

НОВЫЯ ОТНОШЕНІЯ МУРОМСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ПЕТРѢ И ФЕВРОНИИ И САГА О РАГНАРѢ ЛОДБРОКѢ.

Г. Буслаевъ первый обратилъ вниманіе на сказочную сторону Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи; къ сожалѣнію, матеріалъ, находившійся у него подъ руками, позволилъ ему освѣтить только первую ея половину; это одностороннее освѣщеніе повліяло и на объясненіе второй, на которую, собственно говоря, сдѣланное при этомъ сравненіе не должно было распространяться при недостаточности собранныхъ данныхъ. Г. Буслаевъ сравниваетъ Муромскую легенду съ пѣснями древней Эдды о Сигурдѣ: убіеніе княземъ Петромъ змѣя-оборотня и чудесное нахожденіе меча въ скважнѣ стѣны, все это черты, дѣйствительно напоминающія нѣкоторыя обстоятельства изъ сагъ о Сигурдѣ и его отцѣ Сигмундѣ, но сходство это не на столько полное, чтобы позволяло прямо отождествить Февронію съ Брингильдою сѣверныхъ пѣсенъ. Общаго между ними — одинъ характеръ вѣщей дѣвы, но различается о нихъ разное. Г. Буслаевъ, впрочемъ, думаетъ успокоиться на этомъ общемъ сходствѣ, основанномъ, безъ сомнѣнія, „на общихъ источникахъ, изъ которыхъ, само собою разумѣется, совершенно независимо другъ отъ друга были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды, и въ нашей легендѣ“¹⁾. Сравнивая далѣе вторую половину легенды съ сербскою сказкой, онъ снова приходитъ къ тому же заключенію, что сходство той и другой „есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху до-историческую“²⁾.

Г. Костомаровъ, въ примѣчаніи къ Муромской повѣсти, изданной имъ въ трехъ редакціяхъ³⁾, не имѣлъ въ виду заняться ея подробнымъ объясненіемъ. Онъ говоритъ только, что основа ея — очень древ-

¹⁾ Пѣсни древней Эдды о Сигурдѣ и Муромская легенда. Историч. Очерки, т. I, стр. 294.

²⁾ Тамъ же, стр. 299.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, 1860 г.

няя, и затѣмъ отсылаетъ читателя къ статьѣ г. Буслаева, гдѣ можно найти „подробную оцѣнку этой замѣчательной повѣсти и отношенія ея къ сказаніямъ другихъ народовъ индо-европейскаго племени“. Самъ г. Костомаровъ прибавилъ однако новый матеріалъ для опредѣленія этихъ отношеній: я имѣю въ виду старинную малороссійскую сказку о „дѣвѣ семидѣтѣ“.

Не отрицая возможности объяснить данное сходство до-историческимъ сродствомъ преданій, я постараюсь перенести вопросъ на болѣе реальную почву историческихъ отношеній. Для этого мнѣ придется еще разъ вкратцѣ пересказать содержаніе Муромской легенды.

I.

Въ Муромѣ княжилъ князь Павель. И вселилъ діаволь непріязненнаго летучаго змія къ женѣ его на блудъ. Змій являлся къ ней, какъ былъ, естествомъ своимъ, другимъ же представлялся въ образѣ князя. Жена обо всемъ повѣдала мужу. По уговору съ нимъ, когда змій снова посѣтилъ ее, она спросила его, ласкаясь: „Ты знаешь много: знаешь ли кончину свою?“ „Отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча“, отвѣчалъ змій. Отвѣтъ этотъ переданъ князю, и тотъ сообщаетъ его брату своему Петру. Былъ у Петра обычай ходить по церквамъ, уединяся; въ загородной церкви женскаго монастыря Воздвиженья честнаго и животворящаго Креста чудесный юноша ука- зываетъ ему Агриковъ мечъ въ алтарной стѣнѣ, въ свѣжнѣ между камнями¹⁾. Съ этимъ мечемъ онъ нападаетъ на змія-оборотня: какъ только онъ ударилъ его, змій явился со своимъ естествомъ, началъ трепетаться и упалъ мертвымъ, окропивъ своею кровью блаженнаго князя²⁾. Отъ этой нечистой крови князь покрылся струпами и язвами, и пришла на него тяжкая болѣзнь.

¹⁾ Въ рукописяхъ гр. Уварова: № 425: «*между керемидами*»; № 265: «*между кремидома*»; № 428: «*между каменія*» (предыдущія оцѣдки заимствованы изъ статьи г. Буслаева, стр. 288, прим. 3); въ рукописяхъ, которыми пользовался г. Костомаровъ, вѣроятно, слѣдуетъ читать: Имп. Публ. Библ. in fol., отд. I, № 294 (XVI в.) «*между кремидами* (нап. *кредами*)»; Имп. Публ. Библ., отд. XVII, № 18: «*между каменія*»; ib. отд. XVII, № 35: «*между керемидами*».

²⁾ Тотъ фактъ, что мечъ, при помощи котораго изведенъ змій, найденъ въ церкви Воздвиженья, не стоитъ ли въ связи съ какимъ-нибудь народнымъ повѣрьемъ? «По русскому повѣрью 14-го сентября (на праздникъ Воздвиженья св. Креста) всѣ змѣи (гадюки) *лзутъ съ свирій* или скрываются въ землю; только тѣ, которыя укусили кого-нибудь въ продолженіе лѣта, обречены въ наказаніе за это мерзнуть въ лѣсахъ». *Аванасьева*, Поэт. воззрѣнія, II, 548.

Такъ кончается первая половина легенды, давшая г. Буслаеву поводъ отождествить ее съ разказами Эдды о Сигурдѣ и Фафнирѣ. Вторая половина, къ которой мы теперь переходимъ, дастъ намъ поводъ къ другимъ сближеніямъ.

Князь Петръ напрасно обращается къ врачамъ за изцѣленіемъ; услышавъ, наконецъ, что въ предѣлахъ Ризанской земли есть много врачей, онъ рѣшилъ себя вести туда. Здѣсь одинъ изъ предстоящихъ ему друиной зашелъ въ весъ, нарицаемую Ласово, и подоидя къ воротамъ одного дома, вступилъ въ него, никого не встрѣтивъ. Ему представилось чудное зрѣлище: сидитъ дѣвица, точетъ красна, а передъ нею скачетъ заяцъ. И проговорила дѣвица; „Не лѣпо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей“. Юноша, не понявъ этихъ словъ, спросилъ; гдѣ хозяинъ этого дома? Она отвѣчала: „Отецъ и мать моя пошли взаемъ плавать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги въ навъ зрѣти“. Когда юноша не понялъ опять въ загадочныхъ рѣчахъ, она такъ подыняла духъ: „Неужели этого не разумѣешь? Пришелъ ты въ этотъ домъ и въ хоромину мою зашелъ и увидѣлъ меня, сидящую въ простотѣ. Жабъ въ дому было десять и ночуялъ тебя подходящаго къ дому, задалъ бы на тебя—это дому уши. А если бы въ храмѣнѣ моей было мальчикъ и увидѣлъ, что ты идешь, сказалъ бы мнѣ—это храму очи, А сказала я про моего отца и мать, что они пошли взаемъ плавать—это они пошли на погребеніе мертваго и тамъ плачутъ; когда по нихъ смерть придетъ, другіе по нихъ станутъ плавать—это замодавиній плачь. А что про брата своего я сказала, то онъ и отецъ мой—древолозцы, въ лѣсу съ деревъ медъ собираютъ. Братъ же мой нынѣ на такое дѣло пошелъ: какъ полѣзетъ на дерево, смотреть черезъ ноги въ землю, опасаясь, какъ бы не сорваться съ высоты. Кто сорвется, живота лишится. Оттого и сказала я, что пошелъ онъ черезъ ноги въ навъ зрѣти“¹⁾. Дѣвушка называетъ себя Февроніей, и когда юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя и о томъ, что онъ ищетъ врачей, она сказала: „Приведи сюда князя; если онъ будетъ

¹⁾ Объясненіе слова *навъ* предложено г. Буслаевымъ въ прим. къ стр. 289: „Въ мѣст. собиѣденно въ *мошлу*, а *потому* *отъ* *адъ*“. Въ словарь Даля *навъ*, *навѣ*, *навѣдъ*, *давѣй*, *давѣй* = жертвацѣ, покойницѣ, усопшій, умершій; у Миклошича *навъ*—*νεκρός*, *mortuus*. Этимологическое сближеніе: *нава* (у Славянъ, напримѣръ, у Чеховъ: *лодка* и *могила*) съ *navis*, предложенное г. Буслаевымъ и принятое г. Котляревскимъ (О погребальныхъ обычаяхъ и т. д.), не выдерживаетъ критики. См. разборъ сочиненія послѣдняго, сдѣланный г. П. Лерхопомъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, часть CXL (1868 г.).

мягкосердѣ и смиренъ въ отвѣтахъ, будетъ здоровъ“. Когда князя привезли и послали къ Февроніи за врачомъ, она отвѣчала, не обвинуясь: „Я сама хочу изцѣлить князя, но имѣнья отъ него не требую. Условіе мое такое: если не буду его супругою, не стану лѣчить его“. Этотъ отвѣтъ переданъ князю. „Какъ мнѣ, князю, взять за себя въ жены дочь древолазца?“ подумалъ онъ про себя; но потомъ черезъ посланнаго рѣшилъ сказать ей обманомъ, что женится на ней, если она его уврачууетъ. Тогда, взявъ небольшой сосудъ, она почерпнула кисляжди ¹⁾, дунула на нее и сказала: „Пусть приготовить князю вашему баню и помажутъ этимъ по его тѣлу, гдѣ струпа и язвы, а одинъ струпъ оставятъ не помазанъ, и будетъ здоровъ“. Когда принесли князю эту мазь, онъ велѣлъ изготовить баню, а дѣвицу вздумалъ искутить въ отвѣтахъ, такъ ли она премудра, какъ онъ слышалъ отъ своего юноши. Онъ послалъ къ ней съ однимъ изъ своихъ слугъ повѣсмо льну. „Дѣвица эта хочетъ быть моею супругою, мудрости своей ради; если она въ самомъ дѣлѣ премудра, то пусть сдѣлаетъ мнѣ изъ этого льна сорочку, порты и полотѣнцѣ въ то время, пока я буду въ банѣ“. Въ отвѣтъ на это порученіе Февронія велѣтъ посланному взлѣзть на печь и достать съ грядъ полѣнце, и отиѣривъ пядью, отсѣчь. Тогда она сказала ему: „Возьми этотъ утиннокъ (отрубокъ), и отдавъ князю, скажи ему отъ меня: пока я очешу повѣсмо, пусть приготовить мнѣ изъ этого утинка станокъ и все строеніе, чѣмъ сотку для него полотно“. Это, разумѣется, оказывается невозможнымъ, какъ и предыдущее предложеніе князя. Онъ дивится мудрому отвѣту Февроніи, и помазавъ все тѣло, за исключеніемъ одного струпа, выздоравливаетъ; на Февроніи же не хочетъ жениться, *отечества ея ради*, а посылаетъ ей дары, которыхъ она не приняла.

Только что отѣхалъ онъ въ свою отчину, какъ отъ оставленнаго струпа болѣзнь стала расходиться по всему тѣлу. Снова пришлось обратиться къ Февроніи, которая предъявляетъ прежнія условія. На этотъ разъ князь твердо держитъ свое слово и беретъ ее въ супруги. Такимъ образомъ Февронія стала княгиней.

По маломъ времени умеръ князь Павелъ, благовѣрный же князь Петръ по братѣ своему одинъ самодержецъ сталъ граду своему. Но княгиню Февронію бояре не любили, жёнъ своихъ ради, потому что княгиней она стала не отечества своего ради, а добраго житія, Богу

¹⁾ Въ рукописяхъ различно: кисляжди, кисляди, киследи, кисляжды, кисляжи, квасна. Въ областномъ языкѣ до сихъ поръ употребляется слово: кислядь—кисляца.

ее прославляющу. Однажды одинъ изъ предстоящихъ ей донесъ на нее князю, что она безчинно выходитъ изъ-за стола своего, собравъ въ руки свои крохи, будто голодная. Князь Петръ рѣшился искутить ее и повелѣлъ ей обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. По окончаніи обѣда, когда Февронія, по обычаю, взяла со стола крохъ, князь Петръ взялъ ее за руки, и разведя ихъ, увидѣлъ ладанъ добровонный и еміамъ. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ искушать ее.

Слуста нѣкоторое время, приходятъ къ нему бояре и въ ярости говорятъ: „Тебѣ, князь, мы готовы праведно служить и самодержцемъ тебя имѣть; но не хотимъ, чтобы Февронія господствовала надъ нашими женами. Хочешь ли самодержцемъ быть, возьми себѣ другую княгиню, а Февронія пусть возьметъ себѣ богатства довольно и идетъ куда захочетъ“. На пиру они обращаются съ тѣми же словами къ Февроніи: „Весь городъ и бояре глаголятъ тебѣ: дай имъ, чего они просятъ“. „Возьмите, что просите“, отвѣчаетъ Февронія, и бояре излагаютъ ей ту же просьбу, что и князю. Она готова исполнить ее, но въ свою очередь требуетъ, чтобы ея просьба была исполнена: она хочетъ; чтобы съ нею отпустили супруга ея, князя Петра. Бояре предоставляютъ это на выборъ самого князя. Врагъ наполнилъ ихъ мысли: „Если не будетъ у насъ князя Петра, поставимъ себѣ другаго самодержца“. Иные изъ бояръ держали на умѣ, какъ бы имъ самимъ стать на его мѣсто. Петръ рѣшается удалиться съ Февроніей. Подъ городомъ протекала рѣка, именуемая Ова; злочестивые бояре дали имъ суда, и они поплыли.

Былъ въ суднѣ у княгини Февроніи одинъ человѣкъ, и тутъ же находилась его жена. Этотъ человѣкъ, принявъ помыселъ отъ лукаваго бѣса, посмотрѣлъ на блаженную княгиню съ грѣховною мыслью. Но Февронія вскорѣ обличила его. „Почерпни воды изъ рѣки по эту сторону судна“, сказала она ему. Онъ почерпнулъ и по ея приказанію выпилъ. „Теперь почерпни съ той стороны судна“. Онъ опять выпилъ. „Одинакова ли вода“, спросила она, „или которая сладче?“ „И та, и другая одинакова“, отвѣчалъ онъ. „Точно также одинаково и естество женское; зачѣмъ же, оставляя свою жену, ты мыслишь о чужихъ?“ Вечеромъ суда стали у берега, и поваръ началъ готовить ужинъ: сломалъ два малыхъ деревца, и воткнувъ въ землю, повѣсилъ на нихъ котлы. Гуляя по берегу, Февронія увидѣла ихъ и благословила: „Да будутъ сіи на утріе дрѣва велицы и мущи листьвіа“. На другое утро всѣ могли видѣть великое чудо.

Вообще въ этой части разказа мы вступаемъ въ область чисто

легендарныхъ чудесъ. На изгнаніи Петра и Февроніи заключается собственно эпическое содержаніе Муромской легенды, а оно — то собственно и интересуетъ насъ. Что слѣдуетъ за тѣмъ, должно быть отнесено въ область безразличныхъ литературныхъ украшеній, которыми такъ любили щеголять писатели житій XV и XVI столѣтій. Чудеса, о которыхъ тутъ разказывается, легко встрѣтить и въ другихъ житіяхъ; таково, на примѣръ, чудо о разцвѣтшихъ деревьяхъ; приключеніе Февроніи съ лодочникомъ передается въ такихъ же чертахъ въ житіи Ольги, помѣщаемомъ въ прологахъ¹⁾. Тотъ же набожный отпечатокъ легъ и на все окончаніе легенды. По разказу ея, на полу-пути Петръ и Февронія снова призваны боярами и народомъ, погибавшимъ отъ внутренняго неурядиства. Подъ конецъ жизни оба принимаютъ иноческій санъ, Петръ подъ именемъ Данила, Февронія — подъ именемъ Евфросинія; оба наконецъ кончаются вѣчно и положены въ одномъ гробѣ.

Таково содержаніе Муромскаго сказанія. Я намѣренъ остановиться подробнѣе на его второй половинѣ; новый матеріалъ, находящійся у меня подъ руками, позволить мнѣ поставить ее въ иныя, болѣе реальныя отношенія къ эносу другихъ народовъ, чѣмъ какими думалъ ограничиться г. Буславъ, обращая насъ къ гипотезѣ до-историческаго сродства. Нужды нѣтъ, что и мнѣ придется на первое время ограничиться одною постановкою вопроса; въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ положительныя результаты получаются обыкновенно въ концѣ длиннаго ряда сличеній, и открытіе ихъ чаще всего зависитъ отъ простой случайности.

Ясно прежде всего, что сказаніе о Февроніи относится къ тому легендарному кругу, которому Бенфей далъ названіе: „сказанія о Мудрой Дѣвѣ“. Онъ разобралъ ихъ въ пяти статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Ausland* 1859 года подъ заглавіемъ: „Die kluge Dirne. Die indischen Märchen von den klugen Rättsellösern und ihre Verbreitung über Asien und Europa“. Сюжетъ свой Бенфей почерпнулъ, впрочемъ, гораздо шире, чѣмъ заставляетъ предположить первое изъ приведенныхъ заглавій: онъ обнимаетъ и баснословное жизнеописаніе Эопа съ его восточнымъ прототипомъ, и русскую книжную повѣсть объ Амирѣ Премудромъ. По мнѣнію Бенфея, въ Индіи, отсюда перешла къ намъ вся масса находящагося въ обращеніи сказочнаго матеріала, могли существовать первоначально два круга сказаній — о вѣщей дѣвѣ и о

¹⁾ См. житіе Ольги въ Стел. ин. годъ 6411 г. (I, 7—9).

мудромъ совѣтникамъ царя; но вскорѣ они слились; если второй еще встрѣчается отдѣльно, какъ, напримѣръ, въ Шувасатати, то о первомъ нельзя сказать того же: онъ постоянно представляется въ смѣшеніи съ предыдущимъ, и мудрая дѣва своими совѣтами всегда выручаетъ изъ бѣды растерявашагося министра. Это смѣшеніе очень древнее; мы застаемъ его уже въ тибетскомъ переводѣ Виная, второго отдѣла священныхъ писаній буддистовъ.

Вотъ разказъ Виная:

У перваго министра Прасенаджита, царя Косалы, по имени Мригадгара, было семь сыновей. Шесть сыновей онъ поженилъ и седьмому, Висакгѣ, сталъ искать подходящую невѣсту. Одинъ знакомый брагманъ беретса позаботиться объ этомъ. Въ странѣ Чампа онъ встрѣчаетъ прекрасную Висакгу, дочь домовладѣльца Баламитры. Она гуляетъ съ подругами въ лѣсу; онѣ прыгали, вѣтреничали, смѣялись; одна Висакга шла себѣ тихо и скромно. Въ лѣсу онѣ вздумали купаться и вскочили въ воду, раздѣвшись донага; одна Висакга приподнимала или опускала на себѣ платье, смотря по тому, на сколько входила въ воду или выходила изъ нея. И во всемъ другомъ она поступаетъ не такъ, какъ ея подруги; сначала накормила прислугу, а потомъ сама поѣла; проходя въ бродъ, не скинула съ себя башмаковъ; вступая въ лѣсъ не бросила зонтика, какъ сдѣлали это другія; наконецъ, когда поднялся вѣтеръ и пошелъ дождь, и когда дѣвушки начали искать убѣжища въ пустомъ храмѣ, одна Висакга предпочла остаться внѣ его. Брагманъ приступаетъ къ ней съ вопросами, и она на всѣ свои поступки даетъ объясненіе: шла она тихо, чтобы не сломать руки или ноги и своею болѣзнью не обременить родителей; въ воду она сходила одѣтая, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ея голою; прислугу она накормила напередъ, чтобы этотъ поступокъ вмѣнился ей въ религіозный подвигъ, и т. д. Баламитра обѣщаетъ брагману отдать свою дочь въ жены Висакгѣ, и отецъ послѣдняго является за ней въ Чампу. При отъѣздѣ мать даетъ ей наставленія. Когда спустились они въ долину и стали садиться на корабль, явилось затрудненіе, какъ провести туда кобылу съ жеребенкомъ. Висакга даетъ совѣтъ: провести сначала жеребенка, а мать послѣдуетъ сама. Точно также она совѣтуетъ не устраивать ночлега подъ такою-то крышей, и крыша обрушивается; это предостереженіе и то же послѣдствіе повторяется и въ другой разъ. На мѣстѣ свекоръ поручаетъ ей вести хозяйство по очереди съ другими снохами; въ тотъ день, когда ея очередь, она съ утра накормитъ работниковъ, и они дѣлаютъ вдвое

больше. „Какъ поѣстся, такъ и пороботается“, отвѣчаютъ они на спросъ старика.

Изъ слѣдующихъ за тѣмъ примѣровъ мудрости Висагги я выбираю лишь немногіе. Однажды царю подарили кобылу и жеребенка, столь похожихъ другъ на друга, что ихъ невозможно отличить. Висагга указываетъ, какъ это сдѣлать: дать обонямъ по одинаковой мѣрѣ корму, жеребенокъ съѣсть свою часть скорѣе и даже подберется къ долѣ матери. Съ этимъ схоже другое рѣшеніе Висагги: она помогаетъ царю различить въ ровномъ стволѣ сандаловаго дерева верхній конецъ отъ нижняго. Слѣдующіе два случая напоминаютъ извѣстный судъ Соломона: У одного человѣка другой укралъ башмаки, пока тотъ купался; мудрая дѣва велитъ разрѣзать одинъ башмакъ и каждому дать по половинѣ; какъ стануть рѣзать, настоящій владѣлецъ непремѣнно закричитъ: „Зачѣмъ разрѣзали вы мой башмакъ?“ Въ другой разъ судятся двѣ женщины о ребенкѣ: у одного человѣка была жена безплодная, онъ и взялъ себѣ еще одну жену. Эта родила ему сына, но чтобы не возбудить непріязни, уступаетъ его первой. Между тѣмъ умеръ мужъ, и начался у нихъ споръ изъ-за мальчика, потому что съ нимъ былъ соединенъ вопросъ о томъ, которой изъ двухъ женъ владѣть домою. Висагга велитъ каждой тянуть къ себѣ ребенка изъ всѣхъ силъ; настоящая мать станетъ тянуть осторожно, чтобы не повредить ребенку.

Дальнѣйшее развитіе сказки насъ не интересуетъ. Пораженный мудростью Висагги, и съ благословенія основателя буддизма, Мригадгара даетъ своей снохѣ почетный титулъ матери, а царь Прасенаджитъ возводитъ ее въ санъ своей сестры.

Разказъ о Висаггѣ вошелъ вмѣстѣ съ другими, извлеченными изъ священннхъ писаній буддистовъ, въ тибетскій легендарный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Дзанглуня. Содержаніе здѣсь то же самое; только роль царскаго совѣтника, свекора Висагги, выступила здѣсь яснѣе, благодаря смѣшенію сказочныхъ цикловъ, о которомъ говорено выше. Вопросы на разрѣшеніе предлагаются здѣсь самому совѣтнику, и указавъ внѣшній поводъ къ вопросамъ, чего нѣтъ въ разказѣ Винаи. Цари Ширитигаты и Ньяньодпы находятся другъ съ другомъ въ враждебныхъ отношеніяхъ; однажды пришло царю Ширитигаты на мысль разузнать, есть ли у царя Ньяньодпы мудрый, прозорливый министръ; онъ и плетъ ему задачи, рѣшить которыя предстоитъ министру, свекору Висагги. Съ содержаніемъ двухъ изъ нихъ мы уже знакомы: угадать, какая изъ двухъ совершенно сходныхъ кобылъ мать,

какая жеребеность; узнать сторону корня и вершины въ совершенно гладкой палкѣ; различить между двумя змѣями одной длины, толщины и вида—самца и самку. Все это разгадываетъ за своего свекора Висавга, за что и удостоивается титула младшей сестры царя. Когда царь Ширитигаты узналъ, что у царя Ньяньодни есть мудрый, остроумный совѣтникъ, онъ послалъ ему дары съ обещаніемъ нанереди жить съ нимъ въ мирѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ Европѣ, я позволю себѣ привести на полушуту одну татарскую сказку изъ собранія г. Радлова, за сообщеніе которой я обязанъ академику Шифнеру¹⁾. Какъ и предыдущія, она относится къ разряду смѣшанныхъ: рядомъ съ мудрою дѣвою, въ ней выводится совѣтникъ, роль котораго беретъ поочередно то отецъ дѣвушки, то мужъ ея, тогда какъ роль совѣспроснива отведена попеременно то царю, то жениху, то—есть, будущему мужу. Последнее обстоятельство, какъ и свойство нѣкоторыхъ задачъ, предлагаемыхъ въ сказкѣ, сближаютъ ее съ европейскими; между тѣмъ другія черты, очень спеціальнаго сходства, отводятъ ей второе мѣсто послѣ редакціи Винаи. Между нею и извѣстною группою европейскихъ пересказовъ она занимаетъ какъ-бы переходное положеніе. Она развывается такъ. У одного старика было трое сыновей; двое изъ нихъ женятся при его жизни, а младшій, Йирэнь Чичэнь, идетъ себѣ искать жены уже по смерти отца. Онъ встрѣчаетъ толпу дѣвушекъ, несущихъ дрова; начинается идти дождь; дѣвушки сбросили ношу и поспѣшили укрыться подъ нею; только одна предпочла раздѣться донага и своею одеждою прикрыть дрова: по крайней мѣрѣ, они будутъ сухи, тогда какъ ея товарки сами вымокнутъ, и дрова у нихъ будутъ сыры. Такъ объясняетъ ему дѣвушка. На вопросъ Йирэна Чичэна, по какой дорогѣ ему идти, дѣвушка отвѣчаетъ, что вотъ это—дорога прямая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая долгая, тогда какъ околицей ближе. Это значитъ, что околицей сухо, а напрямикъ придется ѣхать болотомъ. Прибывъ домой, мудрая дѣва говоритъ отцу-совѣтнику, что къ нимъ будетъ дорогой гость, пусть выйдетъ къ нему на встрѣчу и пригласитъ къ себѣ. Онъ такъ и дѣлаетъ; но загадочные вопросы, съ которыми юноша обращается къ отцу своей суженой, кажутся послѣднему неразумными, и онъ не посылаетъ его въ гости. „Гдѣ же Йирэнь Чичэнь?“ спрашиваетъ дѣвушка возвратившагося отца, и когда тотъ объяснилъ, что не пригласилъ его, потому что онъ дурень, дѣвушка говоритъ ему, что ду-

¹⁾ Она сообщена мнѣ въ корректурѣ и войдетъ въ составъ IV тома Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibiriens.

решъ-то онъ самъ, и всѣмъ вопросамъ юнаши даетъ разумное толкованіе. Тогда отецъ снова отправляется за юношей, и мудрая дѣва выходитъ за него ¹⁾. Между тѣмъ приглянулась молодая князю, который задаетъ Йирэну Чичэну (= совѣтнику) разныя задачи, съ цѣлью овладѣть любимою женщиною въ случаѣ невыполненія. Такъ, онъ долженъ прійти къ нему не по дорогѣ и не околицей, не верхомъ и не пѣшимъ, ни одѣтый, ни нагой. Коли не сдѣлаетъ всего, у него отнимутъ жену и голову съ плечъ. Всякій разъ мудрая жена подсказываетъ мужу, какъ ему исполнить ту или другую задачу: онъ идетъ по краю дороги, привѣзжаетъ верхомъ на прутѣ, обернутый въ сѣть. Въ другой разъ князь даетъ ему быка, пусть найдетъ отъ него молока. Мудрая жена велитъ его заколотъ, и они его съѣдаютъ. Вечеромъ князь навѣдался къ нимъ: „Гдѣ Йирэнь Чичэнь?“ „Родить“, отвѣчаетъ жена. „Какая же ты глупая! Можетъ ли мужчина родить?“ „А тотъ дурень, кто велитъ донть быка“.

Что далѣе слѣдуетъ въ сказкѣ, не относится до нашего предмета; спутанность же мотивовъ, замѣтная въ ней, раскроется изъ послѣдующихъ приближеній.

Я остановился долѣе на тибетскихъ пересказахъ легенды (и близкой къ нимъ татарской) не только потому, что Бенфей приводитъ въ ближайшую связь съ ними пересказы европейскіе, но и потому еще, что изъ восточныхъ они первые удѣлили мудрой дѣвѣ особое мѣсто въ легендѣ о мудрыхъ совѣтодателяхъ и разгадчикахъ вообще. Послѣдняя точка зрѣнія опредѣлить и нашъ выборъ изъ богатаго матеріала, собраннаго Бенфеемъ для освѣщенія всего сказочнаго цикла, который онъ понимаетъ шире нашего. Я буду говорить только о вѣщей дѣвѣ; а это переводитъ насъ непосредственно къ европейскимъ сказаніямъ, гдѣ роль вѣщей дѣвы выступила яснѣе, заслоня собою совѣтника, а иногда и совершенно обходясь безъ него, какъ, напримѣръ, въ одной изъ русскихъ редакцій сказки. Въ послѣднемъ случаѣ можно бы предположить, оставаясь при гипотезѣ историческаго перехода индійскихъ сказаній въ Европу, что въ русской редакціи сохранился въ чистомъ видѣ тотъ первобытный циклъ сказаній о вѣщей дѣвѣ, о которомъ въ известныхъ намъ восточныхъ пересказахъ нѣтъ и помину. Бенфей не говоритъ ни слова о подобной возможности, и понятно почему: у него были подъ руками только сказанія смѣшаннаго характера, и

¹⁾ Сл. съ этою первою половиною сказки сказку осетинскую «о сынѣ горнаго старшины и о дочери степнаго старшины»; см. Осетинскіе тексты, собранные Дан. Чокмадзе и Вас. Цораяемъ, изд. Шифнеромъ, стр. 92—97.

не было русской сказки; правда, онъ могъ пользоваться северною сагою о Рагнарѣ Лодброкѣ, но въ разрѣзъ съ Гриммомъ онъ находилъ въ ней лишь далекія отношенія съ разбразаннымъ легендарнымъ кругомъ, опять таки потому, что у него не доставало посредствующихъ звеньевъ, которыя могли бы представить ему русская редакція.

Я во всякомъ случаѣ не понимаю, почему онъ такъ порно держится своей теоріи историческаго перехода и исторически добытыхъ фактовъ. Это приводитъ его къ насильственнымъ построениямъ. Онъ увѣренъ, напримѣръ, что однимъ изъ главныхъ путей перехода сказочнаго матеріала изъ Индіи въ Европу были тибетско-монгольскія редакціи. Нѣкоторыя изъ этихъ редакцій найдены, и въ нихъ свазанія о вѣщей дѣвѣ ужъ успѣли смѣшаться съ разказами о мудрости совѣтницѣ царя. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что со временемъ найдутся и другія редакціи, въ которыхъ оба цикла будутъ разказаны особо, и тогда, безъ всякой натяжки, можно будетъ приурочить къ одному изъ нихъ тѣ европейскія сказки, въ которыхъ повѣсть о вѣщей дѣвѣ занимаетъ первое, иногда исключительное мѣсто. Возможность подобной находки должна была бы удерживать исследователей отъ преждевременныхъ заключеній и отъ приведенія въ гететическую связь фактовъ, можетъ-быть, никогда не накопившихся въ подобной связи. Я имѣю въ виду Бенфея: забывая то, что онъ самъ сказалъ въ началѣ о возможномъ существованіи двухъ отдѣльныхъ цикловъ сказаній, онъ беретъ за точку отправленія — известныя повѣсти тибетскаго Дванглуна и Винала, гдѣ оба цикла уже смѣшаны, и изъ нихъ, путемъ вслѣдствіи соображеній, восстанавливаетъ тѣ европейскія сказки, въ которыхъ самостоятельны сохранилась повѣсть о вѣщей дѣвѣ. Какъ видно, это путь очень долгій, и его можно обойти болѣе простымъ предположеніемъ. По этому поводу мы узнаемъ взглядъ Бенфея на такъ-называемое дифференцированіе сказокъ; то-есть, на тотъ путь, какимъ постепенно выработывалось изъ немногихъ первообразовъ кажущееся разнообразіе сказочныхъ мотивовъ. „Въ тибетскомъ разказѣ“, говоритъ Бенфей, „выступаютъ три главныхъ момента: 1) признаніе великой мудрости снохи, 2) разрѣшеніе ею загадокъ, которыя не въ состояніи разрѣшить свекоръ, и наконецъ, 3) великія почести, оказываемыя ей царемъ, и возведеніе ее въ санъ младшей сестры. Уже при обработкѣ индѣйскихъ сказокъ, представляющихся мнѣ источникомъ Штольберговой баллады: „Die Büssende“, я имѣлъ случай указать, что разнообразіе повѣстей и сказокъ происходитъ преимущественно тѣмъ путемъ, что въ одномъ пересказѣ выставляется на пер-

ный планъ одна какая-нибудь черта изъ многихъ, находимыхъ въ первичной редакціи, въ другомъ—другая. Такимъ образомъ, въ результатѣ получаются различныя точки зрѣнія, и онѣ не могутъ не выразиться соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ цѣломъ ходѣ разказа. Въ редакціяхъ, къ которымъ мы теперь переходимъ (Венфей разумѣетъ европейскія), весь интересъ сосредоточенъ на третьемъ моментѣ. Отъ возведенія дѣвушки въ санъ царской сестры легко было перейти къ тому мотиву, что она дѣлается царскою невѣстою; такое измѣненіе было тѣмъ болѣе необходимо, что первая черта — специально индійская и въ другой средѣ становилась непонятною. Это напередъ обусловило другое измѣненіе въ ходѣ дѣйствія: дѣвушка, назначенная быть невѣстою царя, очевидно, не могла быть женою другого, почему и отброшено то обстоятельство, что она была снохою царскаго совѣтника. Наконецъ, въ сказкахъ всѣхъ народовъ замѣчается стремленіе соединять низкое съ высокимъ, какъ-будто въ нихъ скрыта мысль, что преимущества духа и тѣла уравниваются преимуществами рожденія. Сообразно съ этимъ, въ европейскихъ сказкахъ мудрая дѣвушка представляется кудородною. Съ тѣхъ поръ, какъ она перестала быть снохою совѣтника, долженъ былъ измѣниться самый характеръ тѣхъ испытаній, которыми онъ показываетъ царю свою мудрость; они обратились теперь въ задачи, которыя царь или кто другой предлагаетъ ей отцу, заступившему мѣсто прежняго свекра, или наконецъ, ей самой. Первый моментъ восточной сказки оставленъ въ европейскихъ совершенно не развитымъ, вслѣдствіе чего измѣнилась и идея цѣлаго: оно представляетъ теперь, какимъ образомъ простая дѣвушка своимъ умомъ достигаетъ высокаго сана. Эта новая постановка вопроса опредѣлила и выборъ тѣхъ новыхъ подробностей, которыя въ европейскихъ пересказахъ разнообразятъ старое сказочное зерно.

Я уже сказалъ, почему эта теорія Венфея не можетъ быть принята безусловно; переходная форма татарской сказки явилась какъ-будто неожиданнымъ подтвержденіемъ его теоріи дифференцірованія, между тѣмъ отерываются другіе ряды фактовъ, которыхъ теорія не изчерпываетъ. Съ ними мы познакомимся далѣе; а пока перейдемъ къ европейскимъ сказкамъ о вѣщей дѣвѣ.

Самую полную форму этого сказанія представила Венфею сербская сказка. Она разказывается слѣдующимъ образомъ:

У одного бѣдняка была мудрая дочь, которая и самого отца своего учила мудрости. Однажды царь, увидѣвъ бѣдняка и узнавъ, что онъ научился мудрости у своей дочери, спросилъ его: „А дочь твоя у

каго научилась? „Богъ ее умудрилъ“, отвѣчалъ тотъ, „и наша горькая бѣдность“. Тогда царь далъ ему тридцать яицъ и велѣлъ, чтобъ изъ нихъ дочь его вывела ему цыплятъ, не то онъ замучитъ бѣдняка. Плача воротился бѣднякъ домой, но дочь утѣшила его, замѣтивъ впрочемъ, что яйца были варенныя. На другой день наварила она бобовъ и велѣла отцу взять соху и воловь, нахать землю и сѣять эти бобы по край пути, гдѣ было ѣхать царю, а самому сѣючи приговаривать: „Помоги, Боже, чтобъ выросли варенныя бобы“. Потомъ научила его какъ отвѣчать на вопросъ царя. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Увидавъ его, царь сказалъ: „Бѣдный человѣкъ, когда же выросталъ варенный бобъ?“. На то отвѣчалъ ему бѣднякъ: „Почестный царю, а когда изъ варенныхъ яицъ выводились цыплята?“ Послѣ того, царь задалъ ему задачу, почти такую же, какъ князь Петръ Февроніи. Онъ далъ ему *мѣтлемо* льну и велѣлъ изъ него срясть и выткать паруса, флаги и все, что нужно для корабля, — не то лишитъ его жизни. Бѣднякъ, плача, воротился съ этимъ порученіемъ домой. На другой день дочь дала ему утиноеъ полѣна и послала къ царю, чтобъ царь сдѣлалъ ей изъ этого утиноеа иряслицу, веретено и все, что нужно для тканья. Затѣмъ слѣдуютъ другіе загадочные вопросы царя: — Дѣвушка должна выпить море ставаномъ; она посылаетъ ему фунтъ павли — пусть законопатитъ на это время всѣ рѣчныя устья. — Что всего дальше слышно? Громъ и ложь. — Сколько стоитъ царская борода? Столько же, сколько дождь въ лѣтнюю пору. — Мудрыми поступками и словами вѣщая дѣва привела царя въ такое удивленіе и такъ къ себѣ расположила его, что онъ предложилъ ей свою руку. Дѣвица согласилась, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ царь далъ записъ своею рукою въ томъ, буде онъ когда на нее разгнѣвается и прогонитъ ее отъ себя, то дастъ ей право взять въ его царскомъ дворѣ то, что ей всего милѣе. Царь согласился, и дѣвица вышла за него замужъ. Черезъ нѣсколько времени сбылись опасенія вѣщей женщины. Царь протѣвался и погналъ ее отъ себя прочь. Тогда, на прощаніи, царица подмѣшала ему въ вино соннаго зелья, и когда царь выпилъ вино и заснулъ крупнымъ сномъ, она взяла его соннаго съ собою и удалилась изъ царскаго дворца. Когда царь проснулся и увидѣлъ себя въ лачугѣ, а подлѣ себя прогнанную имъ жену, тогда царица показала ему данную имъ записъ. Побѣжденный мудростью своей жены, царь вмѣстѣ съ нею воротился домой ¹⁾.

¹⁾ См. въ изданіи Вука Стевановича Караджича № 25; я позволилъ себѣ воспользоваться пересказомъ г. Вуслаева.

Пересказомъ, ближайшимъ къ вышеприведенному какъ по содержанию, такъ и по мѣстности, представляется грансильванскій разказъ (у Гальтриха, № 45); только здѣсь введеніе въ сказку, которымъ мотивируются послѣдующія событія, очевидно, позднѣйшаго происхожденія и приведено лишь во вѣдѣнію связь съ главнымъ содержаніемъ повѣсти. Оттого мы и не сообщаемъ этого введенія. Затѣмъ разказывается слѣдующее:

Царь, проѣзжая мимо одной церкви, построенной на его иждивеніе, читаетъ на ней надпись, сдѣланную по приговору общины: „Мы живемъ безъ работъ“. Это приводитъ его въ гнѣвъ, и онъ предлагаетъ вопросъ: „Какой лучше звукъ, какое лучше пѣніе и какой драгоценнѣе камень?“ Если не разрѣшатъ ему вопроса черезъ двѣ недѣли, онъ грозитъ смертью. Умная дочь сторожа подсказываетъ своему отцу рѣшеніе: „Лучше всего звонъ колоколовъ, пѣніе ангеловъ и философскій камень“. Царь требуетъ, чтобъ ему сказали, кто разрѣшилъ загадку, и затѣмъ самъ начинаетъ испытывать дѣвушку. Сначала онъ даетъ ей отцу двѣ нитки и требуетъ, чтобъ она сдѣлала ему изъ нихъ рубашку и цорты. Она отвѣчаетъ такимъ же требованіемъ: дать царю два прута изъ вѣтника, пусть сдѣлаетъ изъ нихъ жакадѣй стажокъ и метальницу. Затѣмъ царь даетъ ей аллигаторскій горшокъ съ проломленнымъ дномъ, съ тѣмъ, чтобъ она приняла въ нему дно, и ни одного рубца, ни одного шва не было видно. Дѣвушка отвѣчаетъ: пусть сначала ей вывернуть дно, потому что багачники шьютъ изнутри, а не снаружки. Последняя задача царя состоитъ въ томъ, чтобы дѣвушка явилась къ нему ни ишьвомъ, ни верхомъ, ни въ экипажѣ, ни одѣтая, ни голая, ни дорогою, ни околицей, и принесла бы съ собою подарокъ, который не былъ бы подаркомъ. Она надѣваетъ вмѣсто платья шевель, одною ногою ступаетъ по землѣ, а другою оперлась на восла; когда царь хочетъ видѣть, какой подарокъ она принесла ему, она раскрываетъ двѣ пустыя тарелки, откуда вылетаютъ песаженины туда осы. Царь беретъ мудрую дѣвушку себѣ въ жены, но съ условіемъ, чтобъ она не вмѣшивалась въ его управленіе. Долго держитъ она слово. Разъ приходятъ двое спорящихъ: они начекали на мальницѣ; у одного были въ упряжи двѣ кобылы, у другаго пара воловъ; ночью одна изъ кобылъ ожеребилась, а она утро жеребенка нашли подъ телегою, въ которую были запряжены вола. Начинается споръ, кому принадлежатъ жеребенки? Царя шьтъ дома, и спорящіе являются къ царицѣ. Когда услышала она, въ чемъ дѣло, разсмѣялась и сказала: „Мой мужъ стрѣляетъ въ ржаномъ полѣ по

рыбамъ". „Какъ это можно?“ спрашиваетъ ее владѣлецъ головъ. „Также, какъ и ожеребиться телегъ съ волами“. Спорщикъ признаетъ себя неправымъ. Вернувшись домой и узнавъ, что царица нарушила данное ей обѣщаніе, царь угрожаетъ ее, но даетъ позволеніе взять съ собою, что ей всего милѣе. — Конецъ трансильванской сказки такой же, какъ и въ сербской.

Нѣмецкіе сказочные сборники представляютъ тотъ же сказочный мотивъ, но въ разныхъ видоизмѣненіяхъ и разнообразно приуроченный. Мы тѣмъ болѣе можемъ ограничиться указаніями на ихъ главныя черты. Нѣмецкая сказка у Гриммовъ № 94 представляетъ своеобразное введеніе. Крестьянинъ нашолъ золотую ступу и вѣдноситъ ее царю, не смотря на отговоры своей дочери, которая предсказываетъ ему, что царь велитъ ему раздробить и пестить. Такъ и случилось: крестьянинъ посаженъ въ тюрьму, и възъ его жалобъ царь узнаетъ, какая у него мудрая дочь. Дальнѣйшее развитіе сказки съ небольшими отмѣнами сходно съ предыдущемъ: то же требованіе — явиться къ царю ни одѣтою, ни голою и т. д.; затѣмъ женитба, судъ по поводу жеребенка и изгнаніе, отъ котораго спасаетъ та же хитрость.

Тирольская сказка (Zingele, I, 172) начинается судомъ между богатымъ и бѣднымъ крестьяниномъ. Судья обѣщаетъ рѣшить въ пользу того, кто скажетъ ему до утра, что на свѣтѣ всего краше, сильнѣе и богаче. Отвѣтъ даетъ дочь бѣдняка: „Краше всего весна, сильнѣе земля, богаче осень“. Слѣдующій затѣмъ вопросъ судьи предлагается, какъ условіе брака, если онъ будетъ разрѣшенъ. Мы знаемъ этотъ вопросъ напередъ, хотя онъ здѣсь является въ нѣсколько другой формѣ: дѣвушка должна явиться ни одѣтая, ни голою, ни днемъ, ни ночью, ни улицей, ни околицей. Она приходитъ въ сумерки, одѣтая въ неводъ, по улицѣ, устланной досками. Условіе брака то же: невмѣшательство въ судейскія дѣла мужа; и здѣсь обѣщаніе нарушено, хотя мы и не узнаемъ, по какому поводу. Окончаніе то же.

Въ послѣдней изъ нѣмецкихъ сказокъ, на которую указываетъ Бенфей (Colshorn, № 126), дѣло начинается съ препирательства между мужикомъ и арендаторомъ. Судья рѣшитъ въ пользу того, кто скажетъ ему, что жирнѣе жира, что тяжелѣе мѣсяца, и какъ далеко до неба. Дочь крестьянина отвѣчаетъ: жирнѣе жира земля, вѣсу въ мѣсяцѣ фунтъ, потому что сослѣдуетъ онъ изъ четырехъ четвертей, а до неба всего дневной переѣздъ, потому-де что въ Писаніи сказано: „Сегодня ты будешь со мною въ рай“. Конецъ сказки представляетъ всеобщъ

извѣстное содержаніе, только на мѣсто кобылы и вола на сцену выведены осаль и ослица.

Литовскою сказкой (у Шлейхера, стр. 3) Бенфей заключаетъ длинный рядъ собранныхъ имъ сравненій. Какъ увидимъ, она особенно важна для его выводовъ. Дѣвушка привлекаетъ на себя вниманіе господина, замѣнившаго здѣсь царя или судью прежнихъ редакцій, замѣсловатымъ обозначеніемъ пива и воды. Затѣмъ онъ тотчасъ же предлагаетъ ей извѣстныя условія, отъ исполненія которыхъ зависитъ бракъ. Какъ и въ сербской сказкѣ, дѣвушка является къ нему, держа одну ногу на козлѣ. Не смотря на это, господинъ не хочетъ на ней жениться и отсылаетъ ее домой. Послѣ того между ними происходитъ тотъ же обмѣнъ задачи, что и въ сербской сказкѣ. Онъ плетъ ей варенныя яйца, чтобъ она вывела изъ нихъ цыплятъ; она велитъ посѣять ему вареный ачмень. Послѣ того онъ женится на ней. Процессъ, въ которомъ жена принимаетъ участіе, не смотря на обмѣнъ, разказывается здѣсь слѣдующимъ образомъ. Послѣ свадьбы пришли къ господину три человѣка судиться: у одного былъ кнутъ, у другаго повозка, у третьяго кобыла съ жеребенкомъ. Первый говоритъ: „Это жеребенокъ моего кнута“. Второй: „Это жеребенокъ моей телеги“. Третій: „Это отъ моей кобылы“. Господинъ не въ силахъ разрѣшить спора и посылаетъ за женою. Она ведетъ судящихся на гору и велитъ имъ неведомъ ловить рыбу. Разумѣется, ничего не выходитъ. Какъ нельзя ловить рыбу на горахъ, такъ невозможно, чтобъ телега или кнутъ принесли жеребенка. Конецъ процесса не извѣстенъ, и самая сказка не досказана: мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ отрывкомъ.

Нѣкоторыя мелочныя черты сходства между сказками сербскою и литовскою, на что и было указано при изложеніи послѣдней, обратили на себя вниманіе Бенфея и привели его къ заключенію, что источника литовской редакціи не слѣдуетъ искать въ нѣмецкихъ переказахъ, и что наравнѣ съ сербскою, она восходитъ къ особому источнику. Искать его, по его мнѣнію, слѣдуетъ въ Россіи. По этому поводу Бенфей еще разъ возвращается къ своей теоріи перехода: между Индіей и Тибетомъ съ одной стороны и Европой съ другой Россія представляетъ и въ географическомъ, и въ культурномъ смыслѣ переходную область. Сюда Монголы принесли впервые индійско-тибетскія сказанія, между прочимъ и наше; отсюда уже въ русской формѣ перешли они далѣе къ Литовцамъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, западнымъ и южнымъ. Въ устахъ Русскихъ наше сказаніе приняло,

по всему вѣроятію, ту форму, которую и теперь еще можно восстановить съ большою вѣроятностію по тѣмъ европейскимъ редакціямъ, на которыхъ она въ послѣдствіи раздробилась. „Я не пытаюсь сдѣлать это здѣсь“, продолжаетъ Бенфей, „надѣясь, что со временемъ сдѣлается извѣстнымъ русскій пересказъ; онъ вѣрнѣе всего отразитъ первобытное содержаніе повѣсти, которое можетъ быть восстановлено теперь лишь по ея отрывочнымъ членамъ“. Эти русскія редакціи найдены въ числѣ трехъ русскихъ и одной малорусской. Посмотримъ, на сколько онѣ оправдываютъ надежды Бенфея.

Начинаю съ малорусской ¹⁾). Былъ себѣ панъ и загадалъ своимъ людямъ загадку. Какая дѣвка либо вдова ту загадку отгадаетъ, ту онъ возьметъ за себя. А загадка была такая: что на свѣтѣ всего жирнѣе, что быстрѣе и что милѣе. Вотъ и приходитъ къ нему человекъ бѣдный, бѣдный, самый послѣдній въ селѣ, и говоритъ: „У меня, пане, есть дѣвка семилѣтка, послала меня къ вашей милости: говорить, что жирнѣе всего земля, быстрѣе око, а милѣе всего сонъ“. Панъ, какъ услышалъ, такъ руками всплеснулъ: „Какъ разъ такъ“, говорить. Надо бы ихъ сватать, а пану не хочется, потому что онъ панъ, а она простая; онъ и думаетъ, какъ бы отъ нея отвязаться: посылаетъ къ ней сватовъ и виѣстѣ съ тѣмъ голубинныхъ яницъ, чтобы она къ свѣту голубать вывела, чтобы до обѣда они выросли и на обѣдъ къ пану поспѣли. Пошли они; входятъ въ хату; дѣвка сидитъ одна, голая и за кроснами, и говоритъ имъ: „Извините паны-сваты, что я не одѣта, да хата у меня безъ очей и ушей, а есть очи, да завязаны“. Тѣ стоятъ, словно дурня, ничего не понимаютъ; постояли немного да и говорятъ: „А гдѣ твой батько и мать?“ „Батько поѣхалъ въ лѣсъ, а мать пошла взаемъ плакать“. „А когда же твой батько вернется?“, спрашиваютъ сваты. „Если поѣдетъ въ обѣздъ, сегодня вечеромъ вернется, если на прямехъ, не почевать ему дома“. Тѣ ничего не понимаютъ, только плечами пожимаютъ. Она имъ говоритъ: „Чѣмъ мнѣ васъ, паны-сваты, честствовать, али прибылью, али убылью, али тѣмъ, что на пана Бога дивится?“ Сваты и говорятъ ей: „Скажи, будь ласкова, дивчино, что это ты говоришь, что мы ничего не понимаемъ?“ А она говоритъ: „А вы со своимъ паномъ умѣете загадки загадывать, а отгадывать не учились!“ Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе загадокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ намъ Муромскую легенду: о хатѣ говорится, что

¹⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 49—50.

она безъ очей и ушей, потому что окна заставлены въ ней оконни-цами, и на дворѣ нѣтъ собаки. Загадочному заимодавному плану дается знакомое объясненіе. Что батько вернется къ вечеру, если поѣдетъ въ объѣздъ, и запоздастъ, если поѣдетъ прямою дорогою, это объясняется такъ, что прямоѣзжая дорога перекопана, и если отецъ по ней поѣдетъ, то поломастъ возъ и заночуетъ въ полѣ. Последняя загадка всего интереснѣе: прибыль— это молоко: какъ корову видоеть, то и корова цѣла, и молоко есть— оно и прибыль. Убыль— это сало: какъ свинью зарѣжутъ, то хоть сала и достанутъ, а свиньи въ хозяйствѣ не будетъ. „А что на папа Бога дѣвится— такъ это квась: онъ у насъ двинишній, да такой еислнй, какъ отвѣдаешь, тамъ голову вверхъ и задерешь, словно на образа смотришь“.

Сваты передаютъ ей ийда и порученіе пана, на которое она отвѣчаетъ такимъ же порученіемъ: пусть запражаетъ въ плугъ годовалныхъ быковъ, да выпашетъ непочатое поле, да насѣетъ проса, чтобъ оно въ утра выросло, чтобъ его убрать, помолотить и бѣло чѣмъ голубячь накормить. Потомъ, какъ подскокнутъ къ нимъ, да скватитъ ихъ за свитки, да дунетъ подъ свитки, да крикнетъ: „Вотъ же вамъ! пусть горить! горить теперь!“ А они: „Гдѣ горить?“ Да свитки съ себя. А она кричитъ: „Горить, горить!“ Тѣ съ перенолоку и сорочки съ себя, и все платье покидали, вернутся, крутятся да кричатъ: „Гдѣ, гдѣ горить?“ Она скватила въ охапку ихъ одежду, сиртала ее, а самихъ вышкнула изъ хаты, да и говорить: „Пану голубей захотѣлось, вотъ ему и голуби, идутъ себѣ голые, а свитки пригодятся голубей приврывать“. Тогда панъ посылаетъ за нею сызнова и задаетъ ей такую загадку: чтобъ она прѣехала къ нему ни конемъ, ни воломъ, ни въ саняхъ, ни на возу, ни въ оглобляхъ, ни дыпломъ, ни боса, ни обута, ни съ гостинцемъ, ни безъ гостинца. Она обмоталась бреднемъ, сѣла въ челновъ, къ челну привязала козла и взяла подъмышку зайца. Завидѣвъ ее, панъ велѣлъ натравить на нее собакъ, но она выпустила зайца, и собаки за нимъ угнались. Это и былъ ея гостинецъ. Панъ на ней женится.

Вотъ пришли мужики судиться: нашли топоръ и не знаютъ, какъ подѣлить его между собою. Слѣдующіе затѣмъ суды выставляютъ мудрость дѣвушки совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она являлась въ предыдущихъ редакціяхъ: она именно рѣшаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этомъ видна какъ-будто преднамѣренная комическая несообразность со всею постановкою типа. Въ данномъ случаѣ дѣвушка рѣшаетъ такъ, что одному мужику владѣть топори-

земь, другому топорокъ. Въ другой разъ снова приходятъ вѣстельце судиться: у одного кобыла, у другаго возъ; въ подѣ кобыла, ожеребьлась и жеребенка наши подѣ возомъ. Владѣлецъ воза предъявляетъ свои права на приплодъ, и мудрая дѣва присуждаетъ его ему. Панъ гнѣвается на нее, что она его суды пересуживаетъ: пусть оставитъ его и идетъ куда захочетъ, взявъ съ собою, что у ней; наилучшаго и наилучшаго: Она такъ и дѣлаетъ: подлоня мужа и увезла его на телѣгѣ, что навозъ возаты.

Русскихъ редакцій сказки о семицѣткѣ — обращая встать вниманіе на эту числовую подробность — навѣотно намъ доселѣ двѣ. Я разувѣю у Худякова № 6 и у Аонасьева, VI, № 42 b. Записанія на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, одна въ Тобольской, другая въ Саратовской губерніяхъ, онѣ представляютъ одно и то же содержаніе, лишь слегка перетасованное; такъ что одна рассказываетъ въ концѣ то, что другая помѣщаетъ въ оединѣ. Тамъ и здѣсь дѣло идетъ о двухъ братьяхъ, бѣдномъ и богатомъ, и загадку разрѣшаетъ дѣвочка, дочь бѣдняка. У Худякова — богатый подарилъ племянницѣ семицѣткою плутокъскую телушку; она помла ее, кормила, и изъ нея стала славная корова, которая принесла теленка съ золотыми копытцами. Богатому и захотѣлось отпугать телушку: „Я“, говоритъ, „дарилъ племянницѣ только телушку, а не приплодъ“. А бѣдный не отдастъ. Дѣло переходитъ къ воеводѣ: онъ загадываетъ имъ загадки; кто отгадаетъ, того и телушка. Загадки слѣдующія: что всего на свѣтѣ быстрѣе, жирнѣе и милѣе? Семицѣтка подсказываетъ отцу рѣшенія: быстрѣе всего мысль, жирнѣе земля, милѣе сонъ. „Кто тебя этому научалъ?“ спрашиваетъ всякій разъ воевода, и бѣднякъ отвѣчаетъ: „Дочь Семицѣтка“. Слѣдуютъ извѣстныя изъ другихъ редакцій задачи воеводы мудрой дѣвѣ: выпарить ему къ утру цыплатъ и изъ посланной пражки соткать къ тому же сроку полотно и шить рубашку. На все это Семицѣтка находитъ обманный отвѣтъ: посылаетъ воеводѣ нѣсколько зеренъ проса: цыплатъ сейчасъ будутъ готовы, да надо ихъ кормить бѣлояренымъ пшеномъ, пусть посѣетъ зерна, чтобы черезъ полчаса пшено посѣкло, и чтобы онъ его къ ней тотчасъ прислалъ. Точно также она велитъ отцу отнести воеводѣ льнянаго сѣмени и сказать, что рубашка готова, да не чѣмъ прострочить воротника, пусть онъ это сѣмя посѣетъ, и чтобы оно выросло и т. д. Последняя задача воеводы, которая въ другихъ редакціяхъ выставлена условіемъ брака, повторяется и здѣсь: дѣвушка должна прибыть къ нему ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телегѣ, ни нага, ни оболочена, и

чтобы принесла ни подарковъ, ни отдаровъ. Семилѣтка обернулась пережею, взяла голубя и отправилась къ воеводѣ на лыжахъ. Пришла она къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ выпрвался и улетѣлъ. И тутъ перехитрила она воеводу; а она ему очень понравилась. Онъ и говоритъ: „Я самъ завтра приду къ вамъ“.

Только на другое утро привѣщаетъ воевода къ дому Семилѣтки, а у ней — ни вола, ни двора; только сами да телега стояли. Воевода и смотритъ: куда ему привязать лошадей? „Привяжи между лѣтомъ и зимою“, поучаетъ его Семилѣтка. Воевода едва могъ догадаться, что это значитъ — между самими и телегой. Вошелъ онъ въ коннату и спрашиваетъ: „Гдѣ твой отецъ?“

Собиратель не могъ припомнить, какой тутъ слѣдовалъ отвѣтъ, но по всей вѣроятности, слѣдовало цѣлый рядъ вопросовъ и отвѣтовъ, извѣстный намъ изъ разговорныхъ сказокъ съ Семилѣткою въ малороссійской сказкѣ и изъ Муромской легенды, гдѣ Февронія отвѣчаетъ на такой же вопросъ посланнаго князя Петра. Мы увидимъ ниже, что тѣ же вопросы и тѣ же многосложные отвѣты повторяются и въ одной изъ русскихъ народныхъ редакцій. Кажется только, что въ разбираемой намъ сказкѣ весь этотъ эпизодъ приведенъ не у мѣста, и будетъ логичнѣе помѣстить его передъ послѣднею задачею воеводы: какъ въ малорусской сказкѣ у г. Костомарова.

Воевода женится на дѣвушкѣ, но съ тѣмъ, чтобы она не вышнивалась въ его дѣла; если она не сдержитъ обѣщанія, такъ онъ отправитъ ее снова въ отцу, съ тѣмъ, что всего больше ей нравится. И здѣсь она увозитъ съ собою мужа, напередъ подновивъ его; дѣло, въ которое она вышнивается не спросясь, есть невѣстный споръ о кобылѣ, телегѣ и жеребенкѣ.

Сказка у Асафасева (VI, 42 b) прямо начинается съ этого спора. Спорятъ два брата, одинъ бѣдный, другой именитый. Дѣло доходитъ до самого царя; призванъ обоимъ братьямъ, онъ задаетъ имъ четыре задачи: Что всего на свѣтѣ сильнѣе и быстрѣе? Что всего въ свѣтѣ жирнѣе (или сытнѣе)? Что всего мягче и всего милѣе? Дочь бѣднѣе (семилѣтка) подсказываетъ отцу, что ему отвѣтить: сильнѣе и быстрѣе всего вѣтеръ, жирнѣе всего земля, мягче рука, а милѣе сна нѣтъ ничего на свѣтѣ¹⁾. Такимъ образомъ царь узнаетъ о ея муд-

¹⁾ Мы уже не разъ встрѣчаемся съ этимъ родомъ короткихъ загадокъ, требующихъ столь же короткаго разрѣшенія: что всего милѣе, мягче и т. п. Онъ очень обыкновененъ въ литературѣ западно-европейскихъ загадокъ. Напримѣръ: *Cal est ce qui est plus agréable au goût? resp.: le miel d'abeille. Cal est ce qui est le plus délicieux?*

рости, и научнается между ними обмѣнять задачи: 1) соткать къ утру изъ шелковой нитки узорчатое пологенце; дѣвушка отомтила пруткомъ отъ вѣвника, чтобы даръ велѣлъ изъ этого прутника красны сдѣлать, пологенце ткать; 2) вывести къ утру изъ полутораста яиць полутороста цыплятъ; дѣвушка отвѣчаетъ, какъ и въ предыдущей сказкѣ, задачей о пшенѣ. Подъ конецъ она является къ царю, одѣтая въ сѣтку, верхомъ на зайцѣ, держа въ рукѣ перепелку: это ея подарочекъ. Царь протанулъ было руку, перепелка — порхъ и улетѣла. „Хорошо“, говорятъ царь, „какъ приказалъ, такъ и сдѣлала. Скажи мнѣ теперь: вотъ твой отецъ бѣданы, такъ чѣмъ вы кормитесь?“ „Отецъ мой на сухомъ берегу рыбу ловить, лоушки (морди) въ воду не становидь, а я приполомъ (подоломъ) рыбу кошу, да уху варю“. „Что ты, глупая! когда рыба на сухомъ берегу живетъ? рыба въ водѣ дыраетъ!“ „А ты умный? Когда видано, чтобы телега жеребенка принесла? не дельга, кобыла родить“. Царь присудилъ жеребенка бѣдному мужику, и когда семилѣтка выросла, женится на ней.

На этомъ обрывается сказка; послѣдней части недостаетъ, какъ мы думаемъ потому, что изъ конца въ начало переимѣниена черта, мотивирующая въ другяхъ редакціяхъ недовольство мужа, изгнаніе жены и все, что за тѣмъ слѣдуетъ до конца разказа. Я имѣю въ виду вмѣшательство жены въ судейскія права мужа.

Послѣдняя изъ русскихъ редакцій, къ которой мы теперь переходимъ (у Афанасьева VI, 42, а), также можетъ показаться отрывкомъ, если имѣть въ виду многочисленныя разказы о мудрой дѣвѣ, разсмотрѣнные нами на предыдущихъ страницахъ. Но эта точка зрѣнія не исключаетъ возможности другой: въ ряду сказаній о мудрой дѣвѣ я востараюсь указать на особую группу, историческія отношенія которой, можетъ-быть, придется объяснить совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какой предполагаетъ Бенфей для большей части этого сказаннаго круга. Къ этой группѣ примкнетъ, можетъ-быть, и та коротенькая сказка, съ содержаніемъ которой я спѣшу познакомить читателя.

repros: *nueg*, car an may de repos las gens». «Saga me hwaet is betst and wyrst betwīnan mannum? Ic dhe secge, word is betst and wyrst betwix mannūm. Sage me, hwaet is *lefigost* to be gawde en eordhān? Ic dhe secge, *mannes suna*, and his *hlēfordes irra*? Cf. *Bartsch*, Zur Rāthsellitteratur, *Germania*, IV. стр. 313; *Kemble*, *Salomon and Saturnus*, 37-я и 48-я строки прозаическаго текста. О загадочныхъ вопросахъ и отвѣтахъ см. замѣчаніе Кёлера (R. Köhler) къ *Narreddins Schwanke* въ *Orient und Occident*, I. стр. 439—41, и приведенную тамъ литературу; а также *Museafia*, Ueber eine altfranzösische Hs. der K. Universitäts bibliothek zu Pavia — въ разборѣ еябля о Соломонѣ.

Померъ старикъ со старухой; остался у нихъ сынъ — сирота. Взявъ его къ себѣ дядя, нѣтаетъ у него ума разума: „Вотъ тебѣ сотня барановъ, гони ихъ на ярмарку, да продай съ барышемъ, чтобъ и самъ былъ ситъ, и бараны были цѣлы, и деньги сполна выручени“. Мальчикъ не знаетъ, что дѣлать, выгналъ барановъ въ поле, а самъ сѣлъ на дорогѣ и плачетъ. Идетъ мимо дѣвушка, она-то и выручаетъ его своимъ совѣтомъ: „Найми-ка ты бабъ, да остриги барановъ, а волну отошли на ярмарку и продай... вотъ у тебя и деньги, и бараны въ цѣлости, и самъ ситъ будешь!“ Парень такъ и сдѣлалъ; дядѣ онъ признается, что вздумалъ это не своимъ разумомъ, а научила его дѣвица. „Поѣдемъ, станемъ ее сватать“, говоритъ дядя. Поѣхали; привѣщаютъ прямо на дворъ; спрашиваютъ, куда лошадей дѣвать? „Привяжи до зимы, аль до лѣта“, говоритъ имъ дѣвица, то-есть, въ саняхъ либо въ телегѣ. Далѣе идетъ слѣдующій разговоръ: „Ты съ кѣмъ живешь, дѣвица?“ „Съ батюшкой“. „Гдѣ же твой отецъ?“ „Уѣхалъ сто рублей на пятнадцать конѣвъ жвнать“. „А когда назадъ воротится?“ „Если кругомъ поѣдетъ, въ вечеру будетъ, а если прямо поѣдетъ, и черезъ три дня не бываетъ“. Объясненіе послѣдняго загадочнаго отвѣта умъ извѣстно намъ изъ татарской и малорусской сказокъ¹⁾; первый же отвѣтъ дѣвушка толкуетъ такъ: отецъ поѣхалъ зайцевъ травить; зайца-то застрѣвить — всего пятнадцать конѣвъ заработаетъ, а лошадь загонитъ — сто рублей потеряетъ. Удивился дядя уму-разуму дѣвицы и сосваталъ ее за племянника.

Знакомство съ составомъ русскихъ сказокъ разбираемаго цикла едва-ли оправдаетъ ожиданія, которыя возлагалъ на нихъ Бенфей. По крайней мѣрѣ, посредствующей формы (Mittelform) между восточными и западными редакціями онѣ не представляютъ; такой формы, которая, на полпути между Европой и Азіей, явила бы въ болѣе полномъ составѣ то, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дробилось по мелочамъ. Скорѣе можно поставить ихъ въ одинъ рядъ съ европейскими; онѣ столь же поизносились, ихъ содержаніе перебито, и за немногими исключеніями, на которыя будетъ указано особо, въ нихъ также успѣли слиться тѣ два круга сказаній — о вѣщей дѣвѣ и мудромъ совѣтникѣ, которнхъ раннее соединеніе мы наблюдали въ тибетской Винаѣ. Обыкновенно о мудрости дѣвушки царь или кто другой

¹⁾ См. въ *Disciplina Clericalis*, cap. XIX отвѣтъ старика: *Propius semita ducit ad civitatem quam magna via, et tamen citius venietis per magnam viam ad civitatem quam per semitam* и т. д.

(судья, возвода) узнатьъ нѣтъ отвѣтовъ огня (свекора, совѣтника); только тогда начинается между царемъ и дѣвушкой обмѣнъ загадокъ, при чемъ отецъ играетъ лишь второстепенную роль — посредника. Слѣдуетъ за тѣмъ свадьба; неисполненіе нѣкоторыхъ условій со стороны жены грозитъ разстроить семейное счастье, но во всѣхъ редакціяхъ почти неизмѣнно повторяющаяся уловка жены устраняетъ грозившую опасность. Такова, если не ошибаемся, общая канва европейскихъ сказокъ этого цикла, со включеніемъ и нѣкоторыхъ русскихъ. Въ русскіяхъ пересказахъ, это впечатленіе усиливается иногда особымъ эпизодомъ, котораго нѣтъ ни въ одной изъ европейскихъ редакцій: а говорю о той сценѣ, гдѣ дѣвушка даетъ мудренныя отвѣты на вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ послѣдующею игрою въ загадки между нею и будущимъ мужемъ: гдѣ ея отецъ, гдѣ мать и т. п. Таковы вопросы малорусскихъ сватовъ семилѣтѣ, дяди — въ русской сказкѣ у Аванасьева, наконецъ посланнаго князя Петра къ Февроніи — въ Муромской легендѣ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ объ отцѣ-совѣтникѣ, и вообще о родителяхъ, либо ничего не говорится, либо говорится вскользь, или они только упоминаются, не принимая никакого участія въ преніяхъ о мудрости, какъ напримѣръ, въ сагѣ о Рагнарѣ Лодброкѣ. Если все это даетъ поводъ къ какимъ-нибудь нонимъ соображеніямъ относительно исторіи нашей сказки, то во всякомъ случаѣ не въ смыслѣ Бенфеесаго мнѣнія. Въ европейскихъ редакціяхъ, разсмотрѣнныхъ Бенфеесомъ, мотивъ вѣщей дѣвы всегда являлся въ смѣшеніи болѣе или менѣе близкомъ съ легендой о мудромъ совѣтникѣ; это дало возможность приводить эти редакціи къ древнѣйшему восточному пересказу, гдѣ смѣшеніе уже совершилось: а разумно пересказъ Виван. Но вотъ является новый циклъ сказаній, преимущественно русскихъ; къ нимъ слѣдуетъ причислить и сагу о Рагнарѣ Лодброкѣ. Здѣсь роль мудраго совѣтника не только ослаблена, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ пересказахъ, но и совсѣмъ отсутствуетъ. Спрашивается: есть ли какая необходимость возводить этотъ циклъ къ той же смѣшанной редакціи Виван, какъ и предыдущія, объясняя новыя отличія гипотезою дифференцірованія, по которой одинъ и тотъ же основной типъ можетъ разбиваться на два не похожіе другъ на друга оттиска? Но въ такомъ предположеніи нѣтъ и никакой нужды: вѣдь предполагаетъ же Бенфей, что первоначально циклы легендъ — о вѣщей дѣвѣ и о мудромъ совѣтникѣ могли существовать отдѣльно другъ отъ друга

Что изъ такихъ одиночныхъ, не смѣшанныхъ редакцій ни одна не сохранилась, и что на оборотъ, сохранились одні смѣшанныя, это можетъ быть дѣломъ случайности. Отъ послѣднихъ пошла бѣольшая часть извѣстныхъ Банфею европейскихъ пересказовъ; Тибетъ и Монголы опредѣлили не только одинъ изъ главныхъ путей ихъ распространенія, по приблизительно и время, когда оно совершилось: уже въ началѣ нашей эры буддійская Виная, сохранившая самый ранній пересказъ нашей легенды въ ея смѣшанномъ видѣ, должна была имѣть составъ, въ какомъ мы знаемъ ее теперь, Знакомство Монголовъ съ Европою началось, какъ извѣстно, гораздо позже. Если отсутствіе на востокѣ не смѣшанныхъ редакцій легко объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ были забыты съ появленіемъ смѣшанныхъ, то намъ станетъ ясно, что первыя должны были перейти въ сказочную литературу Европы ранѣ послѣднихъ, и что пути перехода могли быть равныя, во всякомъ случаѣ помимо Тибета и монгольскихъ сказочниковъ.

II.

На одинъ изъ такихъ путей указано было уже Вевфеамъ. Онъ имѣетъ въ виду Грецію; для послѣдующаго времени можно было бы узнать еще на Византію. Очень вѣроятно, говорить онъ, хотя и не можетъ быть доказано фактически, что наша сказка существовала въ Индіи за много столѣтій до Р. Х. Съ походомъ Александра Великаго въ Индію начинаются взаимныя связи Индіи съ Греціей; онѣ усиливаются съ основаніемъ Греко-Бактрійской монархіи (въ 256 году до Р. Х.), получая особое значеніе съ образованіемъ въ сѣверо-западной Индіи сильныхъ греческихъ государствъ (около 200 лѣтъ до Р. Х.) и во все время ихъ двухъ или трехстолѣтняго существованія. Это была пора высшаго развитія буддизма въ религіозномъ, государственномъ и научномъ смыслѣ; на буддизмъ всего болѣе отразилась эта связь съ Греціей, что можно было бы доказать буддійскими сагами о Менадрѣ (около 150 лѣтъ до Р. Х.), могущественнѣйшимъ изъ индо-греческихъ царей, если бы фактъ не былъ самъ по себѣ вѣроятенъ. Легко представить себѣ, что за свои заимствованія изъ области греческой науки и искусства Индусы отплатили сказками и баснями, главными продуктами индійскаго ума, которыми онъ такъ богатъ, и которыя въ системѣ буддизма занимаютъ столь видное мѣсто¹⁾. На нѣкоторые факты послѣдняго перехода, начавшагося

¹⁾ Вевфея въ упомянутой статьѣ *Ausland*, стр. 511. Сл. *Weber*, in neuern Forschungen über das alte Indien, Indische Skizzen, стр. 27—29.

за долго до времени Плутарха († 120 лѣтъ по Р. Х.), было уже указано Бенфеомъ въ его предисловіи къ Панчатантрѣ; Либрехтъ, въ рецензій на эту книгу, считаетъ его значительно древнѣе: по его мнѣнію, начало сказочнаго обмѣна между Индіей и Европой можетъ быть отнесено къ V вѣку до Р. Х. ¹⁾ Грарія играла въ этомъ случаѣ ту же посредствующую роль, какую позже, въ гипотезѣ о посредствѣ Монголовъ, играютъ Монголы. Этимъ путемъ индійскія сказанія могли проникнуть на западъ въ довольно раннюю пору, и въ томъ числѣ, знавомый намъ циклъ повѣстей о мудрыхъ совѣтникахъ, о препирательствѣ задачами и загадками. Подобный разказъ встрѣчается уже у Плутарха (Symposion, cap. 6): Египетскій царь Амазисъ извѣщаетъ Віанта, что Дѣіонскій царь состязается съ нимъ въ мудрости; побѣжденный во всѣхъ другихъ времяяхъ, онъ задалъ ему генеръ немонятную, трудную задачу: Амазисъ долженъ выпить море; коли онъ сдѣлаетъ это, противникъ сулитъ ему города съ пригородами; въ противномъ случаѣ Амазисъ обѣщавъ уступить ему города вокругъ Элефантинъ. Віантъ совѣтуетъ царю отвѣчать, что онъ готовъ исполнить требованіе, но съ тѣмъ, чтобы пока онъ будетъ пить, попрдержали рѣки, впадающія въ море, потому что онъ беретъ выпить море, каково оно есть въ данную минуту, а не каково оно сдѣлается отъ прилива новой влаги. Это напоминаетъ такіе же уклончивые отвѣты мудрой дѣвы въ разобранныхъ нами сказкахъ; наоборотъ, послѣднюю задачу, съ которою обращается къ ней женихъ, — чтобы пришла она къ нему ни голая, ни одѣтая и т. п., напоминаетъ слѣдующее четверостишіе у Свиды:

Ἄνὸς τις ἔστιν, ὡς ἀνὴρ τε κοῦκ ἀνὴρ,
 Ὀρνίθα κοῦκ ὄρνιθ' ἰδὼν τε κοῦκ ἰδὼν,
 ἐπὶ ἔϋλου τε κοῦ ἔϋλου καθημένῃν
 λίθον τε κοῦ λίθον βάλεν κ τε κοῦ βάλε.

То-есть: „Есть загадка: мужчина не мужчина, зрочій не зрочій, въ птицу не птицу, сидящую на деревѣ, не на деревѣ, камнемъ и не камнемъ, бросилъ и не бросилъ“. Разгадка такая: Эвнухъ, косой, летучая мышь, тростникъ, не попалъ ²⁾.

Это, впрочемъ, лишь отрывочныя указанія на очень древнее знавом-

¹⁾ Liebrecht, Zum Panchatantra, въ *Jahrb. f. rom. und engl. Litter.*, III, 1, 82 — 3.

²⁾ Εὐνοῦχος στραβός, ἰὼν νοκτερίθῃ ἐπὶ νάρθηκος καθημένην, κισσῆραι βάλλει καὶ ἀστοχεῖ. Antholog. Palat. Append. 107. Бенфеѣ указываетъ также на № 110 въ XIV-й книгѣ Антологіи.

ство Грековъ съ нашими сказочнымъ цикломъ. Но уже въ X вѣкѣ по Р. Х. легендарное жизнеописаніе Эзопа, обыкновенно приписываемое Плануду (XIV вѣка), знакомило насъ съ очень подробнымъ пересказомъ легенды о мудромъ совѣтодателѣ, при чемъ оригиналомъ могла быть какая-нибудь восточная редакція, значительно приближавшаяся къ арабской сказкѣ о мудромъ Гейкарѣ, въ Тысячѣ и одной ночи. Не-посредственно съ этой сказки былъ сдѣланъ въ послѣдствіи другой среднегреческій переводъ, который не дошелъ до насъ, но о существованіи котораго позволяютъ заключить южно-славянскіе переводы и русская книжная повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Это опредѣляетъ роль Византии въ исторіи вліянія востока на западъ въ области сказокъ: если въ послѣдствіи Монголы могли дѣйствовать исключительно *устною* передачей, то вліяніе Византии было болѣе *литературнаго* характера. Какую массу восточнаго повѣствовательнаго матеріала перенесла она такимъ образомъ въ Европу, — вотъ вопросъ, который еще ожидаетъ изслѣдователя, и для разрѣшенія котораго собраны далеко не все матеріалы. Раньше, чѣмъ писатель биографіи Эзопа познакомилъ насъ съ восточными сказками о преміяхъ къ мудрости, какой-то Грекъ VII — VIII вѣковъ передѣлалъ легендарную исторію Будды въ житіе Варлаама и Иосафата, обошедшее все европейскія литературы. Въ концѣ XI вѣка являются греческіе переводы Калилы и Димны и Семи Мудрецовъ. Эти разказы всекъ интересовали; средніе вѣка также любили сказки, какъ и буддисты. Оттого книжная повѣсть быстро проникала въ народъ и въ свою очередь быстро проникалась его сказочнымъ складомъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ, говоритъ Бенфей, жизнеописаніе Эзопа было любимой книгой; Эзопъ былъ настоящимъ первообразомъ повдѣйшихъ народныхъ Эйленшпигелей; черты легенды объ Эзонѣ и переводной повѣсти объ Акирѣ Премудромъ Бенфей склоненъ признать въ нѣкоторыхъ подробностяхъ той сербской сказки нашего цикла, содержаніе которой мы рассказали выше. Точно также легенда о Варлаамѣ и Иосафатѣ перешла изъ литературы въ народъ и существуетъ въ известномъ нашемъ духовномъ стихѣ.

Въ числѣ вотъ этихъ-то произведеній восточной фантазіи, которыя греческая и византийская литературы передали намъ за долго до Монголовъ, и въ редакціяхъ болѣе первобытныхъ, не было ли и легенды о вѣщей дѣвѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранили ее многія европейскія редакціи, то-есть, безъ всякаго смѣшенія съ цикломъ сказаній о мудромъ совѣтникѣ? Я имѣю здѣсь въ виду пре-

иущественно пересказъ Муромской легенды, въ которой возвращается послѣ долгаго обхода.

Она, очевидно, княжнаго характера, но крайней мѣрѣ не столько же, на сколько, напримѣръ, переводная съ греческаго повѣсть объ Акирѣ Премудромъ; она носитъ на себѣ слѣды тщательной литературной обработки; попадаются гречизмы, какъ и въ повѣсти объ Акирѣ, между прочимъ и *керамиды*, среди которыхъ заурядно Агриковъ мечъ. Это, очевидно, средне-греческое *керарида*, *керарида* = кирпичъ¹⁾; и не имѣетъ ничего общаго съ *кереметями*, мѣстами лѣвческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени, — какъ думаетъ г. Костомаровъ, заключая, „что все преданіе объ Агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составляетъ сущность ихъ мнѣологическихъ представленій“²⁾. *Агримъ*, если только здѣсь дѣло идетъ объ имени собственномъ, *Агримовъ* мечъ, также отзываются какъ-бы греческимъ колоритомъ³⁾; въ русскомъ былевомъ эпосѣ имени Агрика не встрѣчается вовсе; два брата Агриановы, о которыхъ говорится въ одной былинѣ, записанной въ Кижской вѣлости⁴⁾, въ другихъ былинахъ, по замѣчанію г. Ореста Миллера⁵⁾, не попадаютъ, хотя Агриканъ Чулмовской сказки⁶⁾, по всей вѣ-

¹⁾ Въ рукописи Имп. Публ. Библ. Р. отд. I. № 294 (XVI вѣка: Четь-Минеев за мѣсяцъ июль), заключающей древнѣйшую изъ известныхъ намъ редакцій житія, нахожденіе меча изображено наглядно на миниатюрѣ: мечъ (*прямой*) представляется воткнутымъ въ правый косякъ царскихъ дверей; князь Петръ изображенъ дважды на той же миниатюрѣ: лѣвѣ юноша показывается ему мечъ, выходящій изъ стѣны храма; рядомъ онъ наклонился къ мечу; онъ только что высвободилъ его изъ подъ кирпичей, которыми онъ былъ забранъ; въ рукахъ у него два *кирпичные* отломка. — Въ слѣдующей миниатюрѣ онъ убиваетъ змѣя: на этотъ разъ у него въ рукахъ *искривленная* сабля. — Всѣхъ миниатюръ девять, но ихъ предполагалось въ четыре или пять разъ больше, судя по множеству пробѣловъ, оставленныхъ въ текстѣ не записанными. Такимъ образомъ иллюстрирована лишь первая часть легенды, и Феронія не является вовсе. Последняя миниатюра изображаетъ князя въ повозкѣ, ѣдущаго искать изцѣленія въ „предѣлахъ Рязанскія земли“.

²⁾ Памятники старинной русской литературы вып. I, стр. 51.

³⁾ Г. Безсоновъ склоненъ безусловно принять его греческое происхожденіе: «Имя *Агрика* съ греческаго значить *дикаю, дикую поляницу* (*ἀγρός* или *ἀγρικός*, дикій, буйный, полевой, поляница, отъ *ἀγρός*, *ager*, *Asker*, поле). Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ, II; замѣтка *Безсонова*, стр. XXV.

⁴⁾ Пѣсни, собранныя *Рыбниковымъ*, II, 64: *Илья и Соколыничекъ*.

⁵⁾ *Илья Муромецъ и богатырство Киевское*, стр. 455.

⁶⁾ Русскія сказки, часть первая: Повѣсть Добрыни Никитича. Это и есть сказка о Добрынѣ Никитичѣ, на которую ссылается г. Костомаровъ въ при-

роятности, вронить сюда изъ народныхъ сказаній. Это, разумѣется, нисколько не подвигаетъ насъ въ нашемъ вопросѣ: Агрикъ или Агрикакъ, въ книжной повѣсти или въ народной былинѣ, могъ явиться подъ вліяніемъ легенды о Николаѣ Угодникѣ и Агриковомъ сынѣ, перешедшей, какъ извѣстно, въ духовные стихи; первоначально вѣсто Агрика или Агрикана могло стоять какое-либо другое сходное имя, и только знакомство съ легендою дало ему греческій оттѣнокъ. Но можетъ быть также, что и керамида не столько принадлежитъ древней редакціи повѣсти, свидѣтельствуя такимъ образомъ о ея византійскомъ происхожденіи, сколько внесены позднѣйшимъ пересказчикомъ, какъ литературная прикраса. Если гречизмы русской книжной повѣсти объ Акирѣ Премудромъ дали г. Пыцину²⁾, и за нимъ Бенфею³⁾, право заключить о существованіи непосредственнаго греческаго оригинала, то они могли опереться въ этомъ случаѣ на тотъ фактъ, что восточная повѣсть о Гейкарѣ дѣйствительно была извѣстна въ средневѣковой греческой литературѣ, хотя не въ той редакціи, изъ которой возникло наше связаніе объ Акирѣ Премудромъ, а въ другой, которую исследователи открываютъ въ легендарной исторіи Эзопа. На такой фактъ мы не можемъ опереться; мы еще ищемъ его. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что два гречизма, встрѣченные въ Муромской легендѣ, не могутъ служить точкой отправленія въ вопросѣ о ея непосредственномъ источникѣ. Не надобно забывать, что самая древняя редакція легенды, напечатанная г. Костомаровымъ, принадлежитъ XVI вѣку, когда *литературная* переработка нашихъ

вѣчаніи къ изданной имъ повѣсти о Петрѣ и Февроніи (Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 51): нѣкоторыми подробностями первой онъ думаетъ объяснить загадочный «Агриковъ мечъ» послѣдней. Въ Чулковскія сказки, дѣйствительно, вошло много народнаго матеріала, но вмѣстѣ съ тѣмъ много чуждаго, намышленнаго, не говоря ужъ о произвольной группировкѣ и сочетаніи мотивовъ, которые народный пересказ распредѣлялъ по отдѣльнымъ цикламъ. Во всякомъ случаѣ, это источникъ мутный, и имъ едва-ли позволено пользоваться при извѣстѣй сказокъ. Въ виду этого, мы не можемъ воспользоваться и тѣмъ топографическимъ свѣдѣніемъ, которое сообщаетъ Чулковъ о могилѣ Агрикана: «Сей курганъ или холмъ виденъ по двѣсь, и находится верстахъ въ трехъ отъ Оренбурга, въ правой сторонѣ, вѣдучи къ сему городу отъ Казани». Русскія сказки, стр. 108.

¹⁾ Очеркъ литературы исторіи старинныхъ повѣстей и т. д., стр. 83 — 84.

²⁾ Въ упомянутой статьѣ *Aesland*, стр. 513. Бенфей относитъ впрочемъ къ слѣдамъ греческаго происхожденія и имя Акировой жены Θεοδουλιά, хотя оно встрѣчается только въ позднѣйшей редакціи сказанія, утратившей многія оригинальныя черты древняго текста. См. книгу г. Дьякова, стр. 78.

старыхъ житій, начатая въ предыдущемъ столѣтїи Кирииломъ, Епифанїемъ и Пахомїемъ, была въ полномъ разгарѣ. Известна въ этомъ отношенїи дѣятельность Макарія. Еще позднѣе другія редакціи, которыми пользовался г. Буслаевъ, и которыя педали г. Костомаровъ; всѣ онѣ XVII вѣка; на тотъ, ни другой ученый не говорятъ ничего объ имени составителя легенды; только отъ просвященнаго Филарета мы узнаемъ, что житіе св. князя Петра и Февронїи — „твореніе господина монаха Эразма“, написано около 1540 года, а новая редакція его около 1560 года¹⁾. Мы, стало быть, не выходимъ изъ XVI вѣка, вѣка витиеватыхъ пересказовъ, Макарьевскихъ миной и Макарьевскихъ грамотъ, которымъ митрополитъ поручилъ *исстраженіе слова* и языка въ статьяхъ, вошедшихъ въ его сборникъ. Дѣлать заключенія, основываясь на риторическомъ изложенїи житія XVI вѣка и на особенностяхъ стиля, которыя, быть можетъ, ничто иное, какъ внѣшнія прикрасы, какъ Епифанїю „злетеніе словесъ“, въ характеру истиннаго подлинника, каковъ бы онъ ни былъ, — не представляется никакой возможности. Итакъ, исходя изъ соображеній, основанныхъ на стилѣ легенды, мы нисколько не уяснили нашей гипотезы о посредствѣ Византіи.

Попытемъ отвѣта въ содержанїи легенды. Она выдается намъ за историческую. Прежде всего несомнѣнно, что соединеніе фактовъ мѣстной Муромской исторїи съ сказкою о вѣщей дѣвѣ, какъ оно представляется въ легендѣ, древнѣе XVI вѣка и не есть дѣло „господина монаха Эразма“. Оно не мыслимо въ его время, видѣвшее столько канонизацій²⁾ и такое благочестивое движеніе въ писанїи житій. Осложненіе сказки исторїей произошло, стало быть, ранѣе; самъ

¹⁾ Русскіе святые, чтимые всею церковью или ижебно. Мѣсяць июнь (25-е число), стр. 114, прил. 269; его же Обзоръ, I, 211. Слѣдующее выпиской изъ Муромскаго житія по списку Московскои духовнои академіи (оубаментальнаго отдѣла № 224, бумага. in 4°, XVII вѣка: сборникъ равныхъ почерковъ житій, службъ и словъ) и одолженъ содѣйствію А. Е. Викторова, для котораго извлеченіе сдѣлалъ проессоръ Голубинскій. Оно обнимаетъ начало легенды, интересное по упоминанію монаха Эразма: «Повесть отъ житія святыхъ новыхъ чудотворецъ муромскихъ Благовѣрнаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра нареченнаго въ инокескомъ чинѣ Давида и его сѣбръги благовѣрна и преподобна и достохвална княгини Февронїи нареченнаи во инокескомъ чинѣ Евоуерсини. Твореніе господина смиренаго монаха Эразма бл. ш. в. (л. 215). Объ этой рукописи упоминаетъ Ундольскій въ своемъ каталогѣ подъ № 360 (стр. 248).

²⁾ Канонизація св. Петра и Февронїи (на соборѣ 1547 г.) относится къ тому же времени. См. Русскіе святые, июнь, стр. 119.

Эразмъ говоритъ, что писалъ, „*слико слышахъ*“¹⁾, что указываетъ на сложившееся народное преданіе. Осложненіе ограничилось, впрочемъ, двумя-тремя историческими именами, вдобавокъ перепутанными, и однимъ общественнымъ фактомъ, въ историческую стоимость котораго мы склонны не вѣрить. Муромскій князь Давидъ Юрьевичъ († 1228 г.), въ инокествѣ Петръ, въ легендѣ является съ именемъ Петра, которое въ инокествѣ онъ мѣняетъ на Давида; старшій братъ его Владиміръ Юрьевичъ названъ Павломъ. Русскіе наслѣдователи всего внимательнѣе останавливаются на разказѣ о смутахъ бояръ и на недовольствѣ боярннъ, что ими управляетъ дочь древозада. „Последнее указаніе очень важно для исторіи древне-русской женщины“, говоритъ г. Буславѣвъ²⁾. Г. Костомаровъ думаетъ открыть еще болѣе „важныя указанія на общественный порядокъ и понятіе о власти. Видно, что въ восточной Руси, въ княжествахъ, рано образовалось сословіе бояръ; оно рано успѣло уже развить аристократическія склонности. *Женитба князя на двушкѣ изъ земледѣльческаго сословія уже трювала, самолюбіе и казалась выходящимъ изъ границъ дѣломъ*“³⁾. Къ сожалѣнію, весь этотъ эпизодъ долженъ быть признанъ лишнимъ мѣстнымъ русскаго значенія. Уже въ сказкѣ можно было замѣтить, что на бракъ съ престоломъ двушкой царь, панъ и т. п. смотритъ неохотно, окружая его препятствіями и поставляя въ зависимость отъ извѣстныхъ затруднительныхъ условий. Это, стало быть, общее эпическое мѣсто; въ которомъ никто не станетъ искать историческихъ притѣненій. Но всего яснѣе и ближе къ нашей легендѣ выставлено то же положеніе въ сагѣ о Рагнарѣ Лодброкѣ, сохранившей для насъ, съ немногими перемѣнами, почти весь составъ легенды, даже первую ея половину, которая не имѣетъ ничего общаго съ мотивомъ вѣщей дѣвы. Это привлекаетъ къ ней наше особенное вниманіе.

На сагу о Рагнарѣ Лодброкѣ, въ ея отношеніяхъ къ занимающему насъ сказочному циклу, впервые обратили вниманіе братья Гриммы, въ примѣчаніи къ сказкѣ „Die kluge Bauerntochter“ (№ 94).

¹⁾ Тамъ же, стр. 114, прим. 169. Разумѣется, такое свидѣтельство еще не много значитъ. И Киріакъ, въ своемъ житіи Петра митрополита, указываетъ на такой же устный источникъ: «сказко отъ сказателя слышахъ»; но это не помѣшало ему воспользоваться житіемъ того же святаго, написаннымъ Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. См. *Ключевскаго* «Образцовые писатели русскаго житій въ XV вѣкѣ», въ *Православномъ Обзорникѣ* за августъ 1870 г.

²⁾ Истор. Очерки, I. Писки древней Эды о Зигурдѣ и т. д., стр. 299.

³⁾ Памяти. стар. русск. литер., кн. I, стр. 51—2.

Указаніе это привалъ и Бенфей¹⁾, хотя черты сходства, открытыя Гриммами, не убѣдили его окончательно; если бы кому-нибудь онѣ показались достаточными, говорить Бенфей, то историческую филиалію восстановить не трудно: восточная сказка могла проникнуть на сѣверъ вмѣстѣ съ Норманнами; походы сѣверныхъ викинговъ часто направлялись въ берегамъ Греціи; одна изъ обвиняемыхъ задачъ, предлагаемыхъ вѣщей дѣвѣ въ сказкахъ и въ сагѣ о Рагнарѣ, указываетъ на ея происхожденіе у прибрежныхъ жителей. Бенфей имѣетъ въ виду требованіе, чтобы дѣвушка явилась ни голая, ни одѣтая, послѣ чего она является оупатная *merodoma*. Такою приморскою страной была Византія; съ нею часто вѣдались Норманны; сага о Рагнарѣ была дальнѣйшъ отголоскомъ (*höchst abgeblasster Reflex*) восточнаго сказанія, проведшимъ черезъ посредствующую *византійскую редакцію*.

Изъ этого предположенія Бенфея исходитъ гипотеза о посредствѣ Византіи, высказанная нами: когда раскрылось намъ замѣчательное сходство саги и Муромской легенды, мы могли спросить себя: не предположить ли и для послѣдней такого же прототипа, каковъ предполагается возможнымъ для первой? Эта гипотеза послужила намъ, впрочемъ, лишь точкою отсравленія, которую могутъ и не оправдать результаты предлагаемаго изслѣдованія.

Прежде всего мы должны познакомить читателя съ содержаніемъ саги; отношенія ея къ русской легендѣ раскроются тогда сами собою. Новѣйшіе изслѣдователи разбирали сагу о Рагнарѣ по частямъ, и понятно почему: при незнакомствѣ съ Муромскимъ сказаніемъ, связь между ея первою и второю половинами не представлялась имъ необходимою, и изслѣдователи относились къ нимъ, какъ къ отдѣльнымъ эпизодамъ. Такъ, Гриммы и Бенфей обратили вниманіе на вторую половину — эпизодъ о вѣщей дѣвѣ, тогда какъ Либрехтъ²⁾ указывалъ на сходство первой половины (эпизодъ со змѣемъ) съ разказомъ Шахъ-Намъ. Я начну съ передачи этого разказа.

Когда Ардеширъ царствовалъ въ Персіи, дѣвушки одного персидскаго города каждый день сходились у одной горы, пряли, забавлялись и съ готовою иражею возвращались домой. Одна изъ нихъ, дочь Гефтвада и сестра семи братьевъ, увидѣла, сидя за работою, какъ упало съ дерева яблоко; поднявъ его и надкусивъ, она нашла въ немъ червяка. Снова принимаясь за дѣло, она сказала: „Во имя Божіе и

¹⁾ Указанная статья, стр. 591—2.

²⁾ *F. Liebrecht, Die Ragnar Loðbrokssage in Persien in Orient und Occident*, I, стр. 561—567. См. также *J. Mühl, Le livre des rois*, V, стр. 309—321.

подъ звѣздой этого червяка я покажу сегодня, что значить прасть!" Всѣ дѣвушки посмѣялись ея выходѣ, а она принялась прасть, и направила вдвое противъ обыкновеннаго, такъ что мать похвалила ее, когда она вернулась домой съ работою. То же повторилось на другой день и въ слѣдующіе; родителямъ дѣвушка отрывала тайну, что ея счастье — отъ червяка. Его начинаютъ холить, а онъ растеть себя и растеть; ему уже не помѣстится въ донцѣ подъ кудель; для него устраиваютъ ящикъ, подъ конецъ каменное помѣщеніе въ замкѣ на верху горы; тамъ его кормятъ каждое утро молокомъ, медомъ и рисомъ, дѣвушка ходитъ за нимъ; черезъ пять лѣтъ онъ сталъ такой сильный и рослый, какъ слонъ; вѣстѣ съ тѣмъ и владѣльцы его становятся все богаче; семь сыновей Гефтвада бродить съ войскомъ по странѣ; и замокъ наполняется сокровищами, добытыми грабежемъ. Ардеширъ рѣшается положить этому конецъ; его первая попытка неудачна; во второй разъ двое неизвѣстныхъ вѣношей помогаютъ ему проникнуть въ замокъ подъ видомъ хоразанскаго купца. Въ числѣ драгонѣвностей, которыми онъ нагружилъ десять ословъ, онъ привезъ два ящика съ оловомъ и свинцомъ и мѣдный котелъ. Онъ раскладываетъ товары и подпавляетъ служителей, которые должны были кормить змѣя, сообщая имъ, что самъ совершить жертвеніе. Когда змѣя высунуть голову за пищу, Ардеширъ вливаетъ ему въ глотку олово и свинецъ, которые онъ и его товарищи растопили въ котлѣ. Околовая змѣя испускаетъ такой пронзительный крикъ, что на далекое пространство поколебалась земля. Ардеширъ нападаетъ на ослѣпѣвшихъ, и начинается общая бойня.

Въ сажѣ о Рагнарѣ Лодброкѣ, которую мы сообщаемъ въ такомъ полномъ составѣ, въ какомъ это оказывается необходимымъ для цѣлей сближенія, читатель не только признаетъ разказъ Шахъ-Намъ, которому соответствуетъ первая половина сажы, но и все содержаніе Муромской легенды, борьбу со змѣемъ и вѣщую дѣву Февронію¹⁾.

Въ Гаутландѣ (Gautland, Gulland) жилъ богатый ярль Herraudhr; у него была дочь по имени Тора, по прозванію Borgarhjörtr (олень замка), потому что она точно также красовалась между женами, какъ олень между звѣрями. Отецъ выстроилъ ей недалеко отъ своего дома теремъ (skemta), и былъ тотъ теремъ огороженъ деревянною огра-

¹⁾ Sagan af Ragnari Lodhbrok og sonum hans (изд. v. d. Hagen, Altnordische Sagen u. Lieder, сар. I—VIII, и въ Fornald. Sög. I: Sagan af Ragnari Lodhbrok ok sonum hans с. 1—5, 6); Krakumal стр. 1; Thattr af Ragnars sonum сар. 1; saga Herraudhs ok Bosa сар. 16; Saxo Gram., lib. LX.

дой. У ярла было обыкновеніе посылать каждый день своей дочери что-нибудь для увеселенія. Разказывается, что онъ велѣлъ принести ей однажды небольшого змѣя, очень красиваго ¹⁾; онъ пригланулся ей, почему она и положила его въ деревянную чашку и подстлала подъ него золото. Не долго онъ тамъ побылъ, какъ выросъ большимъ, и золота подъ нимъ прибавилось. Дошло до того, что ему не было мѣста въ чашкѣ; и онъ лежалъ большимъ кольцомъ снаружи вокругъ нея; подъ конецъ ему не было мѣста и въ покоѣ, а золото росло подъ нимъ, какъ и самъ змѣй ²⁾. Вотъ лежитъ онъ снаружи, вокругъ покоя, такъ что хвостъ сходится съ головой, и изъ-за него никто не смѣетъ подступиться къ покою, кромѣ того, кто носилъ ему пищу; а на обѣдъ ему надобно цѣлаго быка. Ярлу это за великое зло показалось, и онъ обѣщаль отдать свою дочь тому, кто убьетъ змѣя; золото, что подъ нимъ, пусть будетъ ея приданымъ. Вѣсти эти разнеслись далеко кругомъ; услышалъ ихъ и вятнадцатилѣтній Рагнаръ, сынъ Сигурда Ринга (Hring), царившаго въ Даніи. Онъ велитъ сдѣлать себѣ мокнатое платье и порты и отправляется моремъ въ Гаутландъ. Прибывъ туда, онъ вывариваетъ свое платье въ смолѣ, и обвалявшись въ пескѣ, вооруженный копьемъ, отправляется утромъ, пока всѣ еще спятъ, въ жилище Торы: тамъ онъ убиваетъ змѣя, который изрыгаетъ ядъ и такъ вьется въ предсмертныхъ судорогахъ, что земля дрожить ³⁾. Остріе копья онъ оставляетъ въ ранѣ, которую нанесъ чудовищу, а самъ съ дровкомъ возвращается на корабль; Торъ, которая проснулась отъ шума битвы и спрашиваетъ объ имени

¹⁾ Saga Herraudhs ok Vosa прибавляетъ то обстоятельство, что онъ выплылся изъ яйца гриба, которое Герраудръ привезъ изъ Біарми.

²⁾ Литературу легендъ о чудномъ возрастаніи змѣя и вмѣстѣ съ нимъ клада см. у *Либрехта*, Zu den Nugae Curialium des Gualterus Mares въ *Germania*, V, стр. 49, и прибавленія въ его же статьѣ о нашей сагѣ, *Or. u. Occ.* I, 3, стр. 566. Повѣрье это до сихъ поръ живетъ въ Исландіи: оно разказывается тамъ о brekku-snigill — родъ мѣданицы, или, какъ объясняютъ иныя, — limax ater. Оно даже является приуроченнымъ къ извѣстной мѣстности — Lagarfjót. См. *K. Maurer*, *Isländische Volkssagen d. Gegenwart*, стр. 174—5. См. тамъ же (стр. 219) разказъ изъ Gullthoris Saga, какъ *Thorir* или *Gull-thorir* ушелъ въ гору и сидитъ въ образѣ змѣя на своемъ кладѣ. Это напоминаетъ связь Торы съ ея змѣемъ, приращающимъ золото.

³⁾ Въ *Thattr af Ragnars sonum* cap. I добавляются слѣдующія подробности: Ok thegar ormrinn sá at thar var kominn ukunr madhr, tha reistist hann upp, ok blés eitri móti honum en hann skaut móti skildinum, ok gekk at honum djarfliga, ok lagdhi hann med spjóti í hjartat, ok sidhan brá hann sínu sverdhi, ok hjò af orminum höfudhit. Fornald. Sögur. I, стр. 346.

героя, онъ отвѣчаетъ въ нѣсколькихъ стихахъ, гдѣ объ имени умалчиваетъ и только говоритъ, что ему пятнадцать лѣтъ. Такъ какъ никто не можетъ назвать побѣдителя, ярль сзываетъ народное собраніе и велитъ обнести кругомъ остріе копья: чье древко по немъ прійдется, тотъ и побѣдитель. Имъ оказывается Рагнаръ, ему достается Тора, и въ память побѣды — прозвище Лодброка (то-есть, съ мохнатыми портами) ¹⁾.

Рагнаръ любитъ Тору. Когда она умерла, онъ рѣшился не брать другой жены, и предоставивъ управленіе царства другимъ людямъ и своимъ сыновьямъ, сталъ викингомъ. Однажды лѣтомъ онъ присталъ съ своими кораблями въ берегамъ Норвегіи, недалеко отъ *Sprangarheide*. Своихъ людей онъ послалъ на берегъ печь хлѣбы, и тѣ пришли въ избу крестьянина Аки. Они застали только жену его Гриму и просили ее помочь имъ въ работѣ. Та отвѣчала, что слишкомъ стара, что у нея руки не гнутся, а поможетъ имъ дочь ея Крака. Крака съ утра погнала на поле скотину; увидѣвъ, какъ пристали корабли, она вымылась, не смотря на запрещеніе старухи, не хотѣвшей, чтобы видѣли ея красоту ²⁾, потому что она была красивѣйшая изъ

¹⁾ Нѣчто подобное первой части саги разсказывается у Саксона грамматика, *Hist. dan.*, I. VII. У Сигварда (*Syvargus*), короля Гаутовъ, была дочь Альсгильда (*Alfhild, Alvilda*), такая стыдливая, что она всегда ходила подъ покрываломъ, дабы ея красота не возбудила вождѣнія мужчинъ. Отецъ держалъ ее въ заперти и далъ ей ехидну и змѣю; она ихъ выкормила; *сырости*, они становятся хранителями ея дѣвственности, расположившись у входа въ ея комнату. Всякому, кто попытается къ ней проникнуть, голову долой и на колъ. Пытается Альвъ, сынъ Сигара: онъ обматывается въ *снѣжную шкуру*, убиваетъ ехидну, всунувъ въ открытую пасть раскаленное желѣзо, которое держалъ клещами (это напоминаетъ Шахъ-наме), а змѣю убиваетъ копьемъ въ пасть. Очевидно, здѣсь предполагается, что звѣри достигли небывалаго роста, хотя Саксонъ Грамматикъ и не говоритъ о томъ. Тѣмъ не менѣе Альсгильда не достается побѣдителю, а отложивъ женскій стыдъ и одѣвъ мужское платье, становится викингомъ.

²⁾ Эта черта объясняется изъ предыдущей исторіи Краки, разказанной въ *Völsungasaga*, с. 43. (*Raszmata*, *Die deutsche Heldensage und ihre Heimath*, I, стр. 289—92). Ея настоящее имя—Аслауга (*Aslaug*), она—дочь Сигурда и Брунгильды. По смерти обоихъ *Heimig* спасаетъ отъ грозившихъ преслѣдованій трехлѣтнюю дѣвочку, прячетъ ее въ нарочно для того устроенную арку и съ этою аркой пускается странствовать. На ночлегъ въ *Sprangarheide*, Аки и Гриму биваютъ Геймира, прельстившись золотымъ кольцомъ, блестящимъ изъ-подъ его лохмотьевъ, и каймою богатаго платья, которая выставилась изъ арки. Дѣвочку они оставляютъ у себя, измѣнивъ ея имя въ Краку, и выдаютъ за свою дочь. А такъ какъ при ея красотѣ это могло бы показаться невѣроятнымъ, то они остригли ее, вымазали дѣтнемъ и водятъ замарашкой.

дѣвушешъ, и ея длинныя шелковистыя волосы доходили до земли. Когда она пришла домой, служители Рагнара успѣли уже развести огонь; увидѣвъ ее, они спросили старуху, неужели эта красавица ея дочь, когда сама она такая некрасивая? Та отвѣчала, что и сама она была красивою, но то время прошло. Затѣмъ она велитъ Кракѣ помочь имъ. Та замѣсила имъ хлѣбы, и они принялись печь, но такъ какъ часто заглядывались на красивую дѣвушку, то хлѣбы пригорѣли. Когда они вернулись на корабль, Рагнаръ хотѣлъ наказать ихъ за нерадѣніе; тѣ во всемъ сознались: дѣвушка, которую они видѣли, не менѣе прекрасна, чѣмъ его покойная супруга Тора. Рагнаръ посылаетъ людей удостовѣриться въ этомъ, и если Крака въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, попросить ее прійти къ нему, потому что онъ хотѣлъ сдѣлать ее своею супругою; но она должна явиться одѣтою и не одѣтою, не сытою не голодною, не въ одиночку и такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не сопровождалъ ея. Посланные нашли Краку красивѣе всѣхъ на свѣтѣ женщинъ; когда они передали ей возложенное на нихъ порученіе, Крака задумалась, но сказала, что на слѣдующее утро прійдетъ. Утромъ она взяла неводъ, завернулась въ него, выпустила поверхъ него свои длинныя волосы, укусила луковицу, взяла съ собою собаку и отправилась къ кораблямъ. Ея волосы блестѣли какъ золото, такъ что любе было смотрѣть. Такъ разрѣшила она загадки Рагнара. Прежде чѣмъ вступить на корабль, она потребовала безопасности для своего спутника; но обѣщаніе исполнено плохо: когда король вышелъ на встрѣчу Кракѣ, собака укусила его въ руку и была тотчасъ же убита. Крака такъ понравилась королю, что онъ предложилъ ей отправиться въ дальнѣйшій путь вмѣстѣ; но она не согласилась, не хотѣла провести ночь на кораблѣ, ни принять въ подарокъ платье Торы, окаймленное золотомъ: пока она живетъ у старухи и пасетъ козъ — въ чему ей уборы? Рагнаръ пусть отправляется въ путь, который предпринялъ; когда же онъ вернется назадъ и намѣреніе его останется то же, тогда и Крака готова съ нимъ идти. Такъ и случилось. На обратномъ пути Рагнаръ снова присталъ къ этой же гавани, Крака съ нимъ ѣдетъ; дома они повѣнчались и приживаютъ много дѣтей. Позднѣе, во время одной поѣздки въ Швецію, Рагнаръ знакомится съ Ингеборгой (Ingeborg) дочерью короля Ейстейна (Eysteин), и дружина уговариваетъ его посвататься за нее и удалить отъ себя крестьянку ¹⁾. Ингеборга съ нимъ помолвлена, только Рагнаръ строго

¹⁾ «That maeltu menn Ragnars með sér, at engi væri annar til, enn hann

запретилъ своимъ говорить объ этомъ дома. Не смотря на это, Крака обо всемъ узнала отъ своихъ вѣщихъ птицъ, и лишь теперь рѣшается сказать Рагнару, что она, не Крака и не дочь крестьянина, а Аслауга—дочь Сигурда и Брунгильды ¹⁾, заброшенная судьбою въ Sraugarheide. Вслѣдствіе этого бракъ съ шведскою княжной забыть: Рагнаръ остается съ Аслаугой.

Таковъ разказъ саги. У Саксона Грамматика (Hist. Dan., I. IX) онъ является нѣсколько въ укороченномъ видѣ, потому, вѣроятно, что нѣкоторыя черты казались автору слишкомъ сказочными. На этомъ основаніи могъ быть удаленъ весь эпизодъ объ Аслаугѣ (у Саксона — Swan logha), и мы лишь мимоходомъ узнаемъ, что она была замужемъ за Рагнаромъ. Эпизодъ о Торѣ передается почти также, какъ и въ сагѣ, только вмѣсто одного змѣя показаны два. Но тутъ въ пересказѣ Саксона выступаютъ отличія, о которыхъ трудно сказать, на сколько они опредѣлены разностью источниковъ, или забвеніемъ преданія, или же преднамѣренною амплификаціей, которая замѣщаетъ другія легендарныя подробности, опущенныя, какъ не историческія. Преданіе помнило *deux* супругъ Рагнара; Саксонъ Грамматикъ удаляетъ Аслаугу, потому что разказъ о ней не совмѣстимъ съ его понятіями о прагматизмѣ. Но прежняя двойственность осталась, и мы узнаемъ о новой супругѣ Рагнара, Латгертѣ (Lathgertha), съ которою онъ въ послѣдствіи развелся, чтобы жениться на Торѣ, подобно тому, какъ и въ сагѣ онъ готовъ поступить точно также съ Аслаугой, чтобы взять за себя Ингеборгу. О Латгертѣ же разказывается такъ: Убилъ короля Норвегии Сигурда, шведскій король Фро позорить женъ его блужнякъ, выставивъ ихъ связанными для публичнаго растлѣнія. Рагнаръ выступаетъ здѣсь въ роли мстителя и освободителя, и сами женщины помогаютъ ему въ борьбѣ противъ насильника: въ первыхъ рядахъ сражается Латгерта, искусная въ ратномъ дѣлѣ, скрывавшая мужественный духъ въ дѣвственномъ тѣлѣ. По распущеннымъ волосамъ всѣ признали ее за женщину. Рагнаръ плѣняется ею, и побѣдивъ противника, плетъ къ ней сватовъ. Она изъявляетъ согласіе и въ то же время

baedi dóttur Eysteins konungs, en hann aetti eigi lengr karladottur; ok nú verður til einhverr hans manna at tjá thetta fyrir honum» etc. Cap. VIII.

¹⁾ Thattr af Ragnars sonum называетъ ее Аслаугой, «er sumir kalla *Randalin*». Отъ Рагнара у ней было четыре сына; послѣдній — Сигурдъ; «that var mark í auga honum, at svá var sem ormr lægi um sjáldrit, ok því var hann kallaður Sigurður Ormr í auga». Ib. О Сигурдѣ — Змѣяныя-Очи слики разказъ Саксона Грамматика Hist. Dan. lib. IX.

велить привязать у входа въ свой покой медвѣдя и собаку: съ ними долженъ бороться Рагнаръ, прежде чѣмъ проникнуть къ дѣвушкѣ, которая становится его женою. Происхожденіе всего этого разказа довольно ясно: удаливъ эпизодъ объ Аслаугѣ, Саксонъ Грамматикъ нашелъ почему-то нужнымъ замѣнить его какимъ-нибудь другимъ, чтобы удовлетворить народной памяти о двухъ женахъ Рагнара, о которыхъ разказывалось особо. Не вдаваясь въ долги исканія, онъ повторилъ о Латгертѣ почти то же, что на слѣдующихъ страницахъ передаетъ о Торѣ; только змѣи первичнаго сказанія замѣнены медвѣдемъ и собакою, и самый мотивъ борьбы представляется какъ-то неясно: Латгерта даетъ слово Рагнару, и не смотря на это, находитъ нужнымъ защищать свою дѣвственность. Какъ бы ни объяснили мы эту видимую запутанность, во всякомъ случаѣ съ нами согласятся, что, воспроизводя въ Латгертѣ образъ Торы, Саксонъ Грамматикъ могъ оставить за первую такія существенныя черты, которыя принадлежать собственно послѣдней. Къ такимъ чертамъ я отношу то обстоятельство, что Рагнаръ спасаетъ Латгерту-Тору отъ любовнаго насилія. Какую роль игралъ при этомъ въ древнѣйшемъ изводѣ сказанія змѣй (змѣи или медвѣдь и собака), залегавшій путь къ жилищу дѣвушки, это выяснитъ намъ Муромская легенда.

Въ самомъ дѣлѣ, если сличить приведенную сагу съ русскимъ сказаніемъ о Петрѣ и Февроніи, сходство бросится въ глаза не только въ общемъ мотивѣ, но и въ эпизодахъ, въ ихъ послѣдовательности, хотя она нисколько не обусловлена внутреннимъ планомъ дѣлага и потому не представляется необходимою. Князь Петръ — это Рагнаръ; изъ-за жены брата онъ борется съ змѣемъ, какъ Рагнаръ съ змѣемъ Торы. Какъ тотъ избавляетъ жену брата отъ насильственныхъ ласкъ змѣя-оборотня, такъ Рагнаръ освобождаетъ отъ грозившаго насилія Тору-Латгерту. Новый отдѣлъ саги и легенды выводитъ передъ нами новое лицо — Аслаугу=Февронію. Обѣ — вѣщія дѣвы: Февронія врачуетъ, Аслаугъ знакома рѣчи птицъ; обѣ разрѣшаютъ мудрыя загадки; обѣ встрѣчены въ извѣстномъ въ крестьянской избѣ и восходятъ на престолъ; противъ обѣихъ поднимается протестъ, „отечества ихъ ради“, и въ обонхъ случаяхъ кончается для нихъ благополучно. Общія очертанія, стало-быть, одни и тѣ же; нѣкоторыя же различія легко объяснить изъ различнаго міросозерцанія саги и легенды. Рагнаръ женатъ на Торѣ, потомъ на Аслаугѣ, и готовъ жениться на дочери шведскаго короля. Набожная легенда высоко держитъ чистоту брака: оттого первой женой Рагнара въ легендѣ соответствуетъ жена Петрова брата,

и если Аслаугу предполагается устранить, съ тѣмъ чтобы дать мѣсто супругѣ именитаго рода, то крестьянка Февронія просто удаляется передъ боярскимъ протестомъ. О новой супругѣ князя не говорится вовсе, хотя, быть-можетъ, въ сказаніи, которымъ воспользовалась легенда, встрѣчалась именно эта черта. Я заключаю это изъ слѣдующаго мѣста Муромской повѣсти: когда княгиня Февронія удалась, Петръ слѣдуетъ за ней: „дѣржася сихъ заповѣдей, яко богоглаголаный Матфей во своемъ благовѣстїи вѣщааетъ, рече-бо: яко аще пустить (рѣш. пострижеть) женоу свою развѣ словеси прелюбодѣйнаго и *оже-нитъса иною*, прелюбы творить; сей-же блаженный князь по евангелїю сотвори, да заповѣди Божїи не разрушитъ“. Наконецъ, болѣе положительно приглашаютъ князя, отославъ Февронїю, вступить во второй бракъ: „а хочещи самодержавцемъ быти, да боудеть ти *ива княгиня*“. Различіе катастрофы въ сагѣ и легендѣ объясняется не только различною точкою зрѣнія разсказчиковъ, преслѣдовавшихъ не одинаковыя цѣли, но и характеромъ историческаго приуроченія въ томъ и другомъ случаѣ: сага о Рагнарѣ являлась позднимъ отросткомъ мнѣческихъ сказаній о Нифлунгахъ; оттого Крака=Аслауга оказывается подъ конецъ дочерью Сигурда и Брунгильды, и этого достаточно, чтобы Рагнаръ остался съ нею; въ легендѣ историческую подкладку представили частыя боярскія усобицы, вслѣдствіе которыхъ князь и княгиня возвращаются изъ изгнанія. Что касается до мудреныхъ задачъ и загадокъ, предлагаемыхъ Аслаугѣ=Февронїи, то различіе въ нихъ не остановитъ тѣхъ, кто знаетъ, какъ безконечно могла разнообразиться эта тема, и какъ легко падало до бессмысленной формулы то, что когда-то было полно смысла. Легко представить себѣ, что первоначально Аслаугѣ были предложены еще иные загадочные вопросы, кромѣ сохраненныхъ сагой; о Февронїи жъ это можно сказать положительно: скачущій передъ нею заяцъ не имѣетъ, по нашему мнѣнію, никакого отношенія къ Кведлинбургскому преданію ¹⁾; это не болѣе, какъ забытая черта задачи, очень обыкновенной въ циклѣ сказаній о мудрой дѣвѣ: ей приказываютъ прїидти съ подаркомъ и безъ подарка—она беретъ съ собою *зайца* (осу, голубя, перепелку) ²⁾, котораго тотчасъ и выпускаетъ, когда явилась въ жениху. То обстоятельство, что посланный князя Петра застаетъ Февронїю сидящею „въ простотѣ“ (голою въ малороссійской сказкѣ), какъ будто напоминаетъ задачу, предложенную Аслаугѣ: явиться ни голою, ни одѣтою; у ней служить се-

¹⁾ См. сближеніе г. Буслаева въ упомянутой статьѣ, стр. 296—7.

²⁾ См. предыдущія сказки.

бака; Февронія называетъ ее сторожемъ — это „дому уши“. Укажу, наконецъ, еще на одинъ эпизодъ легенды, гдѣ Февронія толкуетъ человѣку, возрѣвшему на нее съ помысломъ, что женское естество одинаково: „Для чего же ты, оставляя свою жену, на чужихъ мыслишь?“ Въ Муромской повѣсти это эпизодъ совершенно отдѣльный, по крайней мѣрѣ, теперь онъ стоитъ совершенно отдѣльно; въ сагѣ жъ о Рагнарѣ онъ отлично помѣстился бы въ организмъ сказанія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Аслауга разказываетъ Рагнару, что она слышала отъ вѣщихъ птицъ, будто при живой женѣ онъ хочетъ взять другую: *that kalla ek tidendi, segir hún, ef konungi er heitit komu, en that er tho sumra mauna mál, at hann eigi sèr ahra adhur* (cap. VIII)¹⁾. Я разумѣется, далеко отъ того, чтобъ изъ подобнаго сличенія дѣлать заключеніе о томъ, съ какими болѣе или менѣе первобытнымъ характеромъ та или другая черта могла сохраниться въ сагѣ или легендѣ. Въ разказѣ о борьбѣ со змѣемъ, на примѣръ, добываніе чудеснаго меча изъ стѣны храма, какъ и та черта, что побѣдитель найденъ, послѣ того какъ древо его конья пришлось по острію, оставшемуся въ ранѣ чудовища, — все это черты одинаково архаическія, между которыми, можетъ-быть, нѣтъ никакой внутренней связи, такъ какъ въ одномъ и томъ же разказѣ одна какая-нибудь второстепенная подробность могла быть безразлично передана тѣмъ или другимъ общимъ эпическимъ мѣстомъ.

Если что поражаетъ при сличеніи Муромской легенды и германской саги, то именно не подробности, а обстоятельства другого рода. И сага, и легенда представляютъ соединеніе двухъ эпизодовъ, совершенно различныхъ по содержанію и связанныхъ лишь единствомъ главнаго дѣйствующаго лица: борьба со змѣемъ и разказъ о вѣщей дѣвѣ ничуть не обуславливаютъ другъ друга, или это мотивированіе—внѣшнее, какъ въ легендѣ болѣзнь князя отъ крови змѣя, послѣ чего онъ ищетъ изцѣленія у Февроніи. Если бы сходство между разбира-

¹⁾ Въ житіи Ольги (Степ. кн. I, 7—9) разговоръ происходитъ на лодѣ между нею и ея (будущимъ) мужемъ Игоремъ, который «нѣкіе глаголы глумленіемъ претвораше къ ней», на что она отвѣчаетъ ему поучительною рѣчью о цѣломудріи. Ольга такая же, какъ и Февронія, мудрая дѣва, какъ она — отъ простыхъ людей, и также восходитъ на престолъ. См. Степ. кн. I, 6: «Ольга... юже произведе Плесковская страна... отъ веси, именуемая Выбутская близъ предѣлъ нѣмецкїя власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода же не княжеска, ни вельможеска, но отъ *простыхъ людей*». Макарьевскія Миней подъ 11-мъ іюлемъ предлагаютъ тѣ же подробности, прибавляя, что Ольга «отца имяше невѣрна суща, таковъ и матеръ некрещену».

мыми памятниками оказалось для одного или для другого рода эпизодовъ, заключеніе было бы или въ пользу общаго до-историческаго сродства, или въ пользу широкихъ сказочныхъ цикловъ о борьбѣ съ змѣею и о вѣщей дѣвѣ, части которыхъ могли одинаково проникнуть въ то и другое сказаніе. Но сходство простирается на оба эпизода, на ихъ случайную послѣдовательность; сохраненіе этой случайности мы не можемъ объяснить дѣломъ случая. Если бы въ какомъ-нибудь древнемъ сборникѣ повѣстей мы встрѣтили одинъ или другой разказъ Панчатантры, мы позволили бы себѣ заключить, что они могли проникнуть сюда либо оттуда, либо изъ какого-нибудь другаго источника устнаго или письменнаго, гдѣ тѣ же самые разказы переданы. Но предположите, что въ данномъ сборникѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя повѣсти Панчатантры, и что кромѣ того, онѣ слѣдуютъ здѣсь въ томъ же самомъ *случайномъ* порядкѣ, какъ и тамъ, и вы заключите, что тутъ произошло заимствованіе, переводъ, однимъ словомъ — сдѣлаете заключеніе въ пользу прямой исторической связи.

Къ такому заключенію склонны и мы въ настоящемъ случаѣ. Надобно допустить особую игру случая, чтобы такое *случайное* сочетаніе и послѣдовательность двухъ независимыхъ другъ отъ друга эпизодовъ могли быть одинаково воспроизведены на далекомъ разстояніи и при совершенно самостоятельныхъ условіяхъ. Если бы сходство объявилось только для одного ряда эпизодовъ, наприимѣръ, для вѣщей дѣвы или борьбы съ змѣею, мы могли бы удовлетвориться указаніемъ на общее до-историческое сродство сказаній, на возможность разнообразныхъ сочетаній, при чемъ одинъ мотивъ могъ безразлично заходить то въ одинъ, то въ другой сказочный циклъ. Но сходство простирается не на одинъ мотивъ, а на случайное сѣвленіе двухъ мотивовъ, содержаніе которыхъ не обуславливается взаимно: сказки о вѣщей дѣвѣ и о борьбѣ со змѣею, какъ онѣ представляются въ сагѣ и въ Муромской легендѣ, стоятъ сами по себѣ, не связанныя необходимо другъ съ другомъ. Если же, не смотря на это, и тамъ, и здѣсь сохранены тѣ же отношенія, то едва-ли мы не будемъ вправѣ предположить въ данномъ случаѣ какую-нибудь болѣе тѣсную связь, будетъ ли это единство источника, изъ котораго произошли обѣ редакціи, или же одна изъ нихъ послужила источникомъ другой. На этомъ-то вопросѣ я думаю теперь остановиться.

Прежде всего обращу вниманіе на то, что нѣкоторыя очень *спеціальныя* черты саги о Рагнарѣ Лодброкѣ встрѣчаются въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ, хотя и внѣ круга Муромской легенды. Я имѣю

въ виду разказъ о борьбѣ съ змѣемъ Кирилы или Чурилы Кожемяки. Подобно тому, какъ Рагнаръ, готовясь на битву, одѣвается *мохнатою* платьемъ, которое вывариваетъ въ смолю и затѣмъ обваливаетъ въ песокъ, такъ и Кирила Кожемяка требуетъ отъ князя двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопля: коноплями онъ обматывается и смолою смолится, и тогда только выходитъ на бой противъ змѣя. Изъ дальнѣйшаго хода мажорусской сказки мы узнаемъ весь смыслъ этого приготовленія, о которомъ сѣверная сага молчитъ: Кожемяка-Лодброкъ обматывается коноплями и осмаливается смолою; змѣй, всякій разъ какъ разбѣжится, выхватитъ только кусокъ смолы или жмутокъ конопля, думая, что поражаетъ врага; а тотъ снова обматывается коноплями и осмолится смолою, пока змѣй бѣжитъ прохолодиться къ Днѣпру. Это преданіе, до сихъ поръ сохранившееся на Украинѣ и въ Тамбовской губерніи въ формѣ устной сказки ¹⁾, существовало несомнѣнно въ народной былинѣ, и въ этомъ видѣ могло сдѣлаться извѣстнымъ не только анонимному издателю книжки, вышедшей въ Лейпцигѣ въ 1819 году, „Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Alt-russische Heldenlieder“, но и ранѣе, и вѣроятно въ той же редакціи, Чулкову ²⁾. По крайней мѣрѣ, и нѣмецкій издатель, и Чулковъ приписываютъ Чурилѣ, сыну кожевника Пленко то, что современный народный пересказъ передаетъ о Кирилѣ, либо Никитѣ Кожемякѣ.

Замѣтимъ, что мотивъ обматыванія себя кожами встрѣчается также въ сѣверныхъ сказаніяхъ о Фридлейфѣ, Альфѣ и королѣ Фроди ³⁾. Когда послѣдній отправляется на бой со змѣемъ, одинъ поселянинъ даетъ ему такой совѣтъ: „Если ты хочешь побороть его, обтани твой щитъ бычачьей кожей и себя также оболочи шкуркой вола; она защититъ твои члены отъ жгучаго яда, который изрыгаетъ чудовище“. Вотъ почему и Рагнаръ Лодброкъ избираетъ себѣ мохнатую одежду.

Болѣе содержательными представляются слѣдующія сближенія.

¹⁾ *Кулимаъ*, Записки о южной Русси, II, стр. 27 и слѣд.; *Худякова*, Народн. историч. сказки въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1864 г., № 3. См. также *Аванасьева* Народн. Русск. сказки, V, 20; *Lud Ukrainski* I, 278—284; *Отч. Зап.* 1857 г., VIII, 427; *Москв.* 1846 г., XI—XII (притяга: 146—9). Послѣдними указаніями я обязанъ книгѣ *Аванасьева*, Повѣч. возвращенія и т. п.

²⁾ Русскія сказки, часть первая (1780 г.): Повѣсть о сильномъ богатырѣ Чурилѣ Пленковичѣ, стр. 151 и слѣд. и прим. къ стр. 151—152: «Промошество сіе еще не загладилося въ памяти Кіевлянъ, и поднесъ показываютъ пещеру, гдѣ жилъ змій сей, которая и называється *Змѣева Нора*» и т. д.

³⁾ *Saxo Gramm. Hist. Dan. l. VI*, стр. 99—102, VII, стр. 126—28, II, стр. 20.

Если нѣкоторыя подробности саги встрѣчаются и въ русскихъ сказа-
ніяхъ, то наоборотъ, иные черты русской легенды освѣщаются вполне
лишь въ связи съ тѣмъ широкимъ кругомъ сказаній, къ которымъ
принадлежитъ и сага о Рагнарѣ. Я разумѣю циклъ Вельсунговъ и
Нифлунговъ; сага о Рагнарѣ представляетъ одно изъ позднихъ его про-
долженій, переходъ саги въ область исторіи, воспронзводящій въ исто-
рическомъ полусвѣтѣ разказы мненческой поры. Рагнаръ и Аслауга—
своими съ Сигурда и Брунгильды; Аслауга—дочь Сигурда и Брунгильды,
она—вѣщая дѣва, какъ и послѣдняя; самое названіе Randalin, кото-
рое она носитъ въ *thattr af Ragnars sonum*, приличіе всего валки-
ри: оно значитъ *pumpha scutorum, bellona*. Она понимаетъ языкъ
птицъ, что переноситъ насъ въ извѣстному эпизоду Сигурдовой саги ¹⁾.
У Рагнара тѣ же черты сходства съ его мненческими предшествен-
никами: онъ также борется съ змѣемъ, хранителемъ влады, какъ Си-
гурдъ въ скандинавскомъ и нѣмецкомъ сказаніяхъ, какъ Сигмундъ,
отецъ Сигурда, въ сказаніяхъ Англосаксовъ. Но сходство идетъ
еще далѣе: какъ отецъ Рагнара носитъ названіе Сигурда Ринга,
такъ имя послѣдняго изъ сыновей Рагнара отъ Аслауги—Сигурдъ
Змѣинныя очи, *Sigurdhr ormr í auga*; и названъ онъ такъ потому, что
казалось, будто змѣй лежатъ у него вокругъ зрачка. Опять связь съ
Вельсунгами и змѣемъ. Типическія черты героизма проходятъ по всей
сагѣ; она благодарна исторіи, и туже сохраняя родовой типъ, лю-
бить оставлять за сыномъ и внукомъ то же, что разказывалось объ
отцѣ и дѣдѣ. Такъ Рагнаръ повторяетъ подвиги Сигурда и Сигмунда.
Кому наше сближеніе Петра Муромскаго съ Рагнаромъ показалось
вѣроятнымъ, тотъ пойметъ, въ какомъ смыслѣ мы принимаемъ и одно
спеціальное указаніе г. Буслаева. Какъ въ русской легендѣ князь
Петръ, готовясь на борьбу съ змѣемъ, внимаетъ изъ сѣважни въ

¹⁾ Уже г. Буслаевъ разказъ скандинавской и англо-саксонской саги о борьбѣ
Сигмунда-Сигурда съ змѣемъ сближалъ съ однимъ указаніемъ древне-русского
азбуконника. Я предлагаю сближеніе еще болѣе поразительное—съ сагой «о
Русскомъ», въ Сказкахъ *Худюкова*, I, № 38: разказъ объ охотѣ на змѣя такой
же, какъ и въ азбуконникѣ, но затѣмъ слѣдуетъ еще эпизодъ, напоминающій
вѣщій влеть орлицъ въ Сигурдовой сагѣ. Когда змѣй-полозъ убитъ и изруб-
ленъ на части, хозяинъ велитъ плѣнному Русскому положить часть его въ по-
тель и засыпать кашей; самъ ѣсть, а Русскому заказываетъ: какъ поѣшь, такъ
умрешь, это Русскіе не употребляютъ. Тотъ однако отвѣдалъ каши и тотчасъ
уразумѣлъ «всѣ разговоры,—что скоты, что птицы, что звѣря, всякаго звана». Сл. *Русскую Бесѣду* 1866 г., III, 83—4 (малорусская сказка) и *Lud Ukrainaki*,
I, 353—6.

стѣнѣ храма чудесный мечъ, такъ о Сигмундѣ разсказывается нѣчто подобное. Въ палатѣ короля Вельсунга стоялъ высокій дубъ, вѣтви котораго висѣлись надъ крышею; свали его деревомъ валкири; въ него Одинъ врубилъ свой мечъ по самую рукоять: „кто вытянетъ тотъ мечъ изъ ствола, того онъ пусть и будетъ, и самъ онъ покажетъ своими подвигами, что лучше этого меча онъ никогда не держалъ въ рукахъ“. Одинъ Сигмундъ въ силахъ извлечь его изъ скважины ¹⁾. Можетъ-быть, подобный разказъ ходилъ и о Рагнарѣ, и въ томъ эпизодѣ саги, гдѣ разсказывается, что остріе Рагнарова копья осталось въ тѣлѣ змѣя, и побѣдитель найденъ, когда это остріе приходится только по его древу, произошло лишь замѣщеніе болѣе древняго мотива сходнымъ позднѣйшимъ. Въ такомъ случаѣ за редакціей Муромской легенды, сохранившей разказъ объ извлеченіи меча изъ стѣны (дерева, камня), пришлось бы, можетъ-быть, признать преимущество большей древности.

Но почему мечъ въ Муромской легендѣ названъ *Атриковомъ*? Я пытаюсь объяснить это указаніе, хотя и не увѣренъ въ полной убѣдительности своего объясненія. Прежде всего никому не покажется страннымъ, что приводя въ близкую связь Муромскую легенду съ сѣверною сагой, я обращаюсь за объясненіемъ къ подробностямъ тѣхъ же германскихъ преданій. Въ нихъ я встрѣчаю очень частое упоминаніе объ *Eskesaks*, чудномъ мечѣ (*saks*—мечъ), принадлежавшемъ богатырю Экке (*Eske*, староверхне-нѣмецк. *Aki* или *Ag*). Какъ *Ygg*—*terrot* было одно изъ именъ Одина, врубившаго свой мечъ въ дубъ валкири, такъ отъ

¹⁾ *Wölsungasaga*, сар. 3. Г. Буслаевъ сравниваетъ съ этимъ валашскую сказку о витязѣ Вилишѣ (*Schott*, № 11). Интереснѣе слѣдующее сравненіе, потому что оно снова переноситъ насъ въ область сѣверной саги. Предвидя скорую смерть, Вьорнъ говоритъ женѣ своей Верѣ, что она родитъ трехъ сыновей: Торира, Эльгюроди и Бѣдвара; каждому изъ нихъ онъ оставилъ наследство: въ пещерѣ ящикъ съ тремя днами, на немъ надпись рунами, опредѣляющая долю cadaго; кромѣ того, въ скалѣ оружіе — мечъ, топоръ и сѣкира; каждый пусть возьметъ себѣ, что ему назначено. Сначала выбираетъ Эльгюроди; онъ схватился за мечъ, потомъ за топоръ, но ни тотъ ни другой не поддаются передъ его усиліемъ; онъ успѣваетъ вытащить одну сѣкиру. Тѣмъ же путемъ топоръ достается Торияру, а Бѣдвару мечъ, который имѣетъ то качество, что за всякимъ его взмахомъ слѣдовала смерть челоуѣка; его нельзя было власть подъ голову, становить остриемъ къверху, и точить его слѣдовало только три раза въ жизни. Этимъ мечемъ онъ убиваетъ потомъ чудовище.—Я укажу еще на сходный мотивъ въ старо-французскомъ романѣ о Мерлинѣ: по смерти короля Унтеръ-Пендрагона, Артуръ признанъ его наследникомъ послѣ того, какъ ему одному удалось вытянуть мечъ, который засаженъ былъ въ наковальню, врубленную въ утесъ. Надпись на мечѣ была такая: «Cil qui ostera celle espée sera rois de la terre, par l'élection Ihesucrist».

того же корня *aga*, *ög*, производятъ имя другаго старо-сѣвернаго бога Эггиря (*Oegir*), бога моря и бурной водной стихіи. Въ готскомъ языкѣ этому имени соответствовала бы форма *ögeis*, въ старо-верхне-немецкомъ *Agi* (*Egi*), *Aki* или въ перегласовкѣ *Uogi* (слабая форма: *Uogo*, *Oago*), *Uoki*; это средне-верхне-нѣмецкое *Ecke*. Отъ *Oegir*'а Эдды до *Ecke*, переходъ ясенъ: одно и то же содержаніе спустилось отъ мифическаго представленія стихійнаго бога къ неугомному герою средне-нѣбовыхъ нѣмецкихъ поэмъ. Какъ *Oegir*'у приписывался чудный шлемъ, наводившій ужасъ, *Oegishialmr*, такъ пѣснь объ Экке (*Eckenliet*) говоритъ объ *Ecken helm*, *Eckes helm*, и всего болѣе, о его мечѣ *Ecken sahs* (*Uoke-sahs* Фельдеке). Это одинъ изъ баснословныхъ мечей нѣмецкой романтики: его ковали карлики, у него своя генеалогія. Изъ разказовъ „нѣмецкихъ людей“, онъ перешелъ вмѣстѣ съ содержаніемъ нѣмецкаго народнаго эпоса въ сѣверную Тидрекову сагу (*Thidreksaga*). Здѣсь о немъ разказываетъ самъ герой Экка (*Ecka*), описаніемъ чуднаго меча желая соблазнить Тидрека, который уходилъ отъ него, и тѣмъ принудить его къ бою. „Подожди меня, Тидрекъ, славный витязь: у меня есть мечъ, о которомъ я поразкажу тебѣ. Коваль его тотъ же карликъ Альфрикъ (*Alfrik*), который выковалъ и твой мечъ Нагльрингъ. Коваль онъ его подъ землею, пока не окончитъ. Въ девяти царствахъ искалъ онъ воды, въ которой могъ бы закалить его, и нашелъ ее не прежде, какъ прійдя къ рѣкѣ Трей (*Treya*, *Troia*). Тутъ онъ его закалялъ. Его рукоять и головка вылиты и вычеканены изъ червоннаго золота, а головка выполирована, какъ стекло; ножны отъ рукояти до наконечника выложены золотомъ, тоже и перевязь: она украшена пряжами и драгоценными камнями. Клинокъ славно выполированъ и росписанъ золотомъ; поставишь его остриемъ въ землю, представляется, будто золотая змѣя бѣжитъ отъ острія къ рукояти; повернешь его, змѣйка побѣжитъ отъ рукояти къ острію — будто живая: такой отъ всего блескъ. Его края такъ остры, что мнѣ кажется никакая сталь ему не противостоитъ. Зовется онъ *Eckisah*. . . Онъ былъ похищенъ и скроненъ, и сдѣлалъ это карликъ Альфрикъ, знаменитый воръ. Онъ прокрался въ гору, которую владѣлъ его отецъ, похитилъ мечъ и отдалъ королю Розлейфу (*Rozeleif*). У него онъ хранился; въ послѣдствіи носилъ его молодой Розлейфъ и много людей побилъ имъ. Затѣмъ его носили многіе царскіе сыновья“¹⁾. Подъ конецъ отнимаетъ его у Экке Тидрекъ.

¹⁾ *Thidreks saga* с. 98. О связи скандинавскаго *Oegir*'а съ *Ecke* см. *J. Grimm, Deutsche Mythologie*, I, стр. 216 — 219; *W. Grimm, Deutsche Heldensage*, 2-е

Нашъ *Африковъ мечъ* — не есть ли это мечъ *Ecke, Aki, Agi*, сказанный *Альфрикомъ* (*Agez, Elbegast*)? Форму имени въ русской легендѣ легко объяснить вліаніемъ греческаго легендарнаго разказа о чудѣ Николая угодника съ сыномъ Агрия, разказа, перешедшаго въ Златоструй XII вѣка ¹⁾ и затѣмъ въ духовные стихи.

Въ заключение предлагаю еще одно замѣчаніе. Двойственность отношенія князя Петра къ женѣ брата и къ Февроніи отвѣчаетъ такимъ же отношеніемъ Рагнара къ Торѣ-Латгертѣ и Аслаугѣ. Первое можетъ показаться случайнымъ, втория связаны съ цѣлымъ фономъ мифологическихъ представленій и поэтому не случайны. Извѣстна попытка Вильгельма Мюллера раскрыть мифологическій смыслъ сказанія Нибелунговъ о Сигфридѣ: онъ видѣлъ въ немъ героическій образъ: бога Фрея ²⁾; въ разказахъ Саксона Грамматика о бояхъ съ змѣемъ онъ встрѣтилъ тѣ же опредѣленные отношенія къ Фрею-Сигфриду ³⁾. Эти разказы я уже приводилъ выше въ объясненіяхъ къ разбираемой сагѣ: такъ борется съ змѣемъ *Proto, Frodhi* = Freyr;

Ausgabe (Ecke, Eckesaha) и *W. Wackernagel, Die deutschen Appellativnamen, Germania*, IV, стр. 137 — 8. — Другую этимологию имени предложилъ Кунъ и за нимъ Маннгартъ (*Germanische Mythen*, стр. 81—82) — отъ корня *anh*, откуда *Anis* (= *Anhis*), облачный змѣй Веды, древне-германскія предполагаемая форма *Agias, Ogias*, готск. *Ogeis* и др. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ именъ, собранныхъ Фёрстеманномъ, въ родъ *Egiman, Egidio, Egithus, Agathin, Aganteus, Egilward*; указываютъ на цѣлый мифическій кругъ, на какого-то забытаго бога, въ родъ *Agio, Ajo*, легендарнаго прародителя Лонгобардовъ, *Agne*, древне-верхне-гем. *Agano, Akano*, короля мифической Инглингсаги, и вороватаго карлика, *Agez*'а (другое имя его — *Elbegast*; сл. въ текстѣ Альерика Тидрексаги), котораго уже Лахманъ сблизилъ съ *Agazi*, отцемъ Гагена, принявша за Гриммомъ его тождество съ *Oegir*'омъ — *Agi*. См. *Zeitschr. für deutsche Mythol.* III, 146, и *Mannhardt, Germ. Myth.*, 210, 3. — Сюда слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и форму *Agar*, привязывающуюся къ *Oegir* (mare). Мы встрѣтили ее въ «Галатеѣ» Дилли (*The dramatic Works of John Lilly, ed. Fairholt*, vol. I p. 221, 254 и 267). Нептунъ насылаетъ это чудовище каждые пять лѣтъ, требуя себѣ въ жертву самую красивую и непорочную двушку изъ всей страны. Когда чудовище приближается, воды бушуютъ, птицы отлетаютъ, и скотъ бѣжитъ отъ береговъ въ поля. Главныя чертанія разказа, несомнѣнно, античны, но Дилли могъ внести нѣкоторыя подробности изъ англійскихъ преданій.

¹⁾ *Средневѣковій*, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXII: Сказаніе о святителѣ Николаѣ, сравнительно съ духовными стихами.

²⁾ Versuch einer mythologischen Erklärung der Nibelungensage.

³⁾ Siegfried und Freyr, въ *Haupt's Zeitschrift für deutsches Alterthum*, III, стр. 45—53.

Фридлейфъ, сынъ *Фрото* третьяго, женившийся на *Frdgertha's*; я присоединяю къ этому короля *Фро* (*Frö*) въ разсказѣ о Латгертѣ. *Lathgertha*, вѣроятно, = *Hladhgerdhr* (сл. *fallgerdhr* = *dea calyptrae, femina*), гдѣ въ окончаніи могла сохраниться память о Гертѣ, *Gerdhr*, супругѣ Фрея, тогда какъ оба имени соединены въ Фрогертѣ, супругѣ Фридлейфа. Какъ здѣсь этимологическія связи приводятъ къ Фрею, такъ въ сагѣ о другомъ побѣдитель змѣя, Альфѣ; имена его сестры *Signe*, отца *Sigar'a*, дѣда и брата *Syvald'a* напоминаютъ генеалогію Вѣльсунговъ: Сигфрида, Сигмунда, Сигни. Мюллеръ склоненъ заключить изъ этого, что тѣ же самыя мифическія идеи, которыя въ Германіи привязались къ имени Сигфрида ¹⁾, въ Даніи могли найти носителей въ другихъ героическихъ личностяхъ; а также что двойственныя связи Рагнара повторяютъ отношенія Сигфрида къ Брунгильдѣ и Кримгильдѣ, и что та же двойственность могла находиться и въ первоначальномъ мифѣ. Какъ бы мы ее ни истолковали, ясно во всякомъ случаѣ, что на германо-скандинавской почвѣ она стоитъ не одиноко, а повторяясь въ разныхъ типахъ, внутри определенныхъ мифическихъ круговъ; однимъ словомъ, что она тамъ объяснима, и наоборотъ, запутанность и неясность—признакъ позднѣйшихъ редакцій, не имѣющихъ родства.

Я только ставлю вопросъ, не разрѣшая его окончательно. Германско-скандинавскія сказанія могли рано проникать къ намъ. Варяги занесли къ намъ элементы нашего дружиннаго эпоса, привязавшіяся къ именамъ Олега, Ольги и Игоря; съ другой стороны, сношенія средней Германіи съ Россіей могли начаться довольно рано ²⁾, такъ что поэтическое вліяніе возможно предположить и съ этой стороны. Я нарочно выбралъ неопредѣленный терминъ германско-скандинавскихъ сказаній: потому что если имя Агрика удобно сравни-

¹⁾ Укажемъ здѣсь кстати на нѣмецкое сказаніе о *hörnep Sigfrid*, въ которомъ Кримгильда (собственно—Брунгильда) похищена юношей, обращеннымъ въ дракона вслѣдствіе проклятія, насланнаго на него женщиною за любовный проступокъ. Въвѣсть съ своею жертвой, онъ живетъ въ скалѣ; ключъ отъ нея у исполна Куперана, у него же и мечъ, которымъ однимъ можно извести змѣя. Мечемъ овладѣваетъ Сигфридъ, убиваетъ змѣя-оборотня и освобождаетъ Кримгильду; ему достается также броня Куперана, работы *Eckenbrecht'a* или *Eckehart'a*.

²⁾ Сл., напримѣръ, *Rasmann*, *Die deutsche Heldensage und ihre Heimath*, II, стр. VI, прим. 2. См. также, *Л. Майкова*, О былинахъ Владимірова цикла, 30, 31.

вается съ *Agi*, *Aki*, древнею формою нѣмецкаго *Eske*, то мы не въ состояніи опредѣлить достоверно; въ какой мѣрѣ византійскій *Агрикъ* измѣнилъ въ легендѣ первоначальную форму имени, которое могло имѣть скандинавскій колоритъ. Има *Агрика* напоминаетъ окончаніе именъ *Рюрика*, *Африка*: *рихъ*, — готское *reiks*, скандинавское *rekr*. *Африкъ* (*Офрикъ*), или *Африванъ*, былъ братъ *Явуна* слѣпаго (или прекраснаго?), пришедшаго въ 1024 году съ *Варягами* изъ-за моря на помощь *Ярославу* и потерявшаго въ битвѣ свою золотомъ вышитую луду. Какъ *Рюрикъ* — скандинавское *Hraegrek*, такъ *Африкъ*, вѣроятно, связанъ съ скандинавскимъ *afrek* = *virtus, fortitudo*; *afreki*, *aftaki* = *rex*; *afreksmadhr* = *vir excellens*. Самое имя одного изъ его сыновей, *Фриандъ*, обличаетъ его норманское происхожденіе ¹⁾.

Итакъ, то было нѣмецкое или скандинавское сказаніе. Но я не предполагаю непременно, чтобъ оно проникло въ Россію именно въ той формѣ и въ томъ историческомъ приуроченіи, какое оно получило въ сагѣ о *Рагнарѣ*. Содержаніе его могло быть скандинавское, а имена могли быть другія, безъ всякаго отношенія къ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ лицамъ и историческимъ событіямъ. Въ этомъ видѣ преданіе о борьбѣ съ змѣею до сихъ поръ живетъ въ датскихъ народныхъ балладахъ. Тогда какъ въ пѣсняхъ *Ферерсвихъ* острововъ побѣдитель продолжаетъ носить имя *Рагвара*, въ Даніи онъ забытъ, и вмѣсто него является на сцену какой-то *Петръ*, сынъ *Римбольда*. Еще одно сходство, на этотъ разъ случайное, съ *Петромъ Муромскою* легенды, замѣнившимъ историческаго *Давида Георгиевича*. Вмѣстѣ съ именемъ измѣнилась и мѣстность. Мальчикъ-пастухъ приноситъ небольшую змѣю дочери *Гельсинга* (*Helsing*) въ *Лунденгардѣ* (*Lundengard*). Черезъ три зимы она выросла въ страшнаго змѣя, и ни *Гельсингъ*, ни его жена не могутъ болѣе навѣщать своей дочери. Держитъ *Гельсингъ* оповѣсть: кто избавитъ его отъ змѣя, тому онъ отдастъ свою дочь. Первый является на вызовъ *Сивордъ* (*Сигурдъ*) *Ingotson*, но погибаетъ въ бою. Тогда молодой *Петръ* *Rimboldson* надѣваетъ сорочку изъ тонкаго шелка и на нее кольчугу, которая блеститъ синею сталью, а сверху бархатную куртку: золото на ней свѣтится издалека. На себя же онъ накиннулъ шкуру дикаго звѣря, вываленную въ смолѣ и дегтѣ. Онъ копаетъ восемь рововъ глубокихъ и широкихъ, и всѣ они наполнились

¹⁾ *Kunik*, Die Berufung des schwedischen Rotsen etc., I, 139—140; II, 171—175 и 122 seqq.—*Sveinbjörn Egilsson*, Lexicon poeticum antiquae linguae septentrionalis.

кровью, а въ девятомъ стоялъ самъ молодой Римбольдсонъ, и змѣиный ядъ до него не достигаетъ. Они борются до захода солнца ¹⁾).

Баллада, очевидно, не позабыла саги и воспроизводитъ до подробности ея первую половину. Не забыта даже змѣиная шеура, вываленная въ смогъ и дегтъ: это мохнатая одежда Лодброка и нашего Кожемяки. Съ другой стороны, ядъ, изрыгаемый змѣею, отъ котораго укрывается молодой Римбольдсонъ, легко напомнитъ „непріязненную“ зміеву кровь, отъ которой на князя Петра нашла тяжкая немочь.

Такъ на далекихъ разстояніяхъ пространства и времени сага и легенда, русская сказка и датская баллада повторяютъ одно и то же старое содержаніе. Но мнѣ не хотѣлось ни ограничиться указаніемъ на это сходство, ни обратиться за объясненіемъ къ гипотезѣ, въ которой изслѣдователь всегда можетъ прибѣгнуть, — гипотезѣ доисторическаго сродства сказаній. Я спросилъ себя: нѣтъ ли между нѣкоторыми редакціями, только что разсмотрѣнными нами, болѣе тѣсныхъ отношеній, исторической связи передачи и заимствованія? Было бы особенно интересно прослѣдить, какими путями проходили къ намъ изъ германской саги, своеобразно переработавшей восточный матеріалъ, элементы дружиннаго эпоса, сохранившагося на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, въ современной сказкѣ, и можетъ-быть, въ легендѣ. Муромское сказаніе не представляетъ ли отрывокъ этой саги, приуроченный къ русской почвѣ? Разумѣется, насчетъ набезнаго списателя легенды придется отнести не только внесеніе имени Агрива, но и ту идеализацію святаго подвижничества, тотъ миръ и елейность, которыми вообще отличается всякое житейное сказаніе позднѣйшей рефлексивной поры. Но кто же былъ самъ этотъ „господинъ монахъ Эразмъ?“

Александръ Веселовскій.

С.-Петербургъ, декабрь 1870 года.

¹⁾ Grundtvig, I, 347; См. тамъ же 331 (*Grimm, Altdän. Balladen*, 35) и 335 А. (Съ Рагнаръ и Кракъ): Сходная съ этимъ англійская баллада *The Worm of Lambton* встрѣчается между прочимъ въ *Moore's Pictorial book of ballads*. Наслѣдникъ Лембтона ловитъ рыбу утромъ въ свѣтлое воскресенье, и ему нѣтъ удачи. На послѣдочъ онъ поймалъ небольшого червя, вершка въ полтора дюйма, котораго бросаетъ въ колодезь. Тамъ онъ растетъ, хвостъ его становится длиннѣе, глаза наливаются кровью. Между тѣмъ наслѣдникъ Лембтона отправился въ Крестовый походъ, и по возвращеніи находитъ своего червя страшнымъ дракономъ, производящимъ опустошенія въ окрестностяхъ. Тогда онъ выходитъ съ нимъ на бой, надѣвъ на себя доспѣхи, покрытые лезвіями бритвъ, и убиваетъ чудовище.

РЕЛИГИОЗНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА ВОСТОКЪ И СРЕДИ СЛАВЯНЪ.

Религиозныя и національныя различія всегда играли важную роль въ исторіи человѣчества; они не утратили своего значенія и теперь; на нихъ нерѣдко основывались международныя столкновенія; они же увлекали отдѣльные народы и на благія предпріятія. Но лѣтописи международной борьбы гораздо богаче громкими событіями, знакомство съ которыми такъ доступно для каждаго человѣка еще съ дѣтства; лѣтописи же международной благотворительности наполнены болѣе скромными, нерѣдко остающимися въ тайнѣ дѣйствіями, и рѣдко становятся общезвѣстными. Между тѣмъ именно эта сторона современныхъ религиозныхъ и національныхъ отношеній получаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее значеніе въ жизни и дѣятельности христіанской Европы. Познакомить русскихъ читателей хоть въ небольшихъ, отрывочныхъ очеркахъ съ благотворительною дѣятельностію католической, протестантской и православной Европы на Востокъ и съ національною благотворительною Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ и Русскихъ въ тѣхъ же восточныхъ странахъ, заселенныхъ отчасти Славянами, — вотъ цѣль предлагаемыхъ нами очерковъ. Они не заключаютъ въ себѣ чего-либо полнаго, законченнаго и не исчерпываютъ всего матеріала, какой можно собрать въ европейскихъ литературахъ по этому предмету; наши очерки представляютъ лишь матеріалы для исторіи излагаемой ими благотворительности; но эти матеріалы имѣютъ свою связь въ томъ обстоятельствѣ, что относятся именно къ землямъ и племенамъ, на которыя обращено вниманіе всѣхъ главныхъ европейскихъ націй, издавна соперничающихъ между собою за преобладаніе въ тѣхъ мѣстностяхъ. Неразъ враждовавшія между собою съ оружіемъ въ рукахъ, эти націи соперничаютъ и въ торговыхъ и экономическихъ предпріятіяхъ, въ духовномъ и умственномъ вліяніи на восточные народы и

часть слѣв, отд. 2.

соревнують другъ передъ другомъ въ благотворительной дѣятельности. Наши очерки будутъ имѣть въ виду преимущественно эту послѣднюю дѣятельность, стоящую однако же въ связи и съ другими цѣлями; они представляютъ ее не только на основаніи собственныхъ показаній разныхъ благотворительныхъ обществъ, но и на основаніи рукописныхъ матеріаловъ и мелкихъ замѣтокъ, сообщенныхъ въ разное время въ славянскій благотворительный комитетъ въ Москвѣ его корреспондентами. По мѣрѣ накопленія подобныхъ же матеріаловъ могутъ составиться новые очерки; дополнять и продолжать ихъ легко можетъ всякій, кто по своему положенію, случайно или намѣренно, изучалъ тотъ же предметъ.

I.

Христіанская миссія западной Европы — внѣшняя и внутренняя. — Ея дѣйствія на Востокъ. — Нѣмецкія общества для религіозной и національной благотворительности: Густава - Адольфа и діакониссъ. — Исторія общества Густава-Адольфа. — Объемъ и значеніе его дѣятельности. — Послѣдніе отчеты общества діакониссъ.

Духовное вліяніе Европы на племена, населяющія другія части свѣта, началось ранѣе того церковнаго раскола, который раздѣлилъ всю западную Европу на два отчасти враждебные другъ другу религіозные лагеря. Открытіе новыхъ земель рано привлекло миссіонеровъ западной церкви въ отдаленныя страны Азіи. Открытіе Америки дало для ихъ дѣятельности еще новую почву. Ихъ примѣру послѣдовали протестантскіе миссіонеры, а затѣмъ миссіонеры нѣкоторыхъ національныхъ церквей — англиканской, галликанской, шотландской и разныхъ сѣверо-американскихъ сектъ. Сочиненія барона Ганріона, Виггера, Шмидта и Марешала исполнены весьма интересныхъ разказовъ о тяжелой, но настойчивой, нерѣдко опасной, но всегда привлекавшей къ себѣ новыя силы дѣятельности западныхъ миссіонеровъ, принимавшей иногда характеръ ожесточенной борьбы съ язычниками, особенно со стороны католическихъ проповѣдниковъ. Но вся эта дѣятельность не имѣетъ непосредственныхъ отношеній къ нашему предмету. Она важна для насъ лишь какъ предварительная работа, подготовившая почву для дѣятельности чисто благотворительной, опирающейся не на одни только религіозныя, но и на національныя симпатіи. Въ настоящее время миссіонерская дѣятельность западной Европы такъ разрослась во всѣхъ частяхъ свѣта, что между миссіонерами разныхъ исповѣданій въ мѣстахъ, опасныхъ равно для всѣхъ христіанъ, образовалось нѣкотораго рода общеніе и связь

по главнымъ вопросамъ, входящимъ въ кругъ ихъ дѣятельности. Миссіонерскія общества, учредившіяся въ разныхъ государствахъ Европы и Сѣверной Америки, выработали весьма сходныя формы, какъ внѣшней, такъ и внутренней организаціи, и однородную программу для дѣятельности своихъ членовъ на разныхъ концахъ міра. Въ настоящее время наиболѣе дѣятельныхъ миссіонерскихъ обществъ насчитывается до 62, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, крупныхъ и малыхъ, имѣющихъ свое главное управленіе или въ Европѣ, или въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ ¹⁾).

Всѣ эти общества составляютъ такъ-называемую внѣшнюю миссію, то-есть, такую, которая, дѣйствуя въ странахъ, еще не подчинившихся исполнѣ христіанскому ученію, подготовляетъ почву для трудовъ такъ-называемой миссіи внутренней. Послѣдній эпитетъ (внутренняя) вовсе не обозначаетъ того, что дѣятельность общества обращена лишь на домашнія отношенія той страны, гдѣ она существуетъ.

¹⁾ Мы не падемъ исторіи миссіонерскихъ обществъ, но говоримъ о нихъ лишь мимоходомъ, на сколько они стоятъ въ связи съ вопросомъ, насъ занимающимъ. Даже пересчитывать здѣсь всѣ эти общества было бы излишне. Замѣтимъ только, что кромѣ общества пропаганды, въ одномъ Римѣ существуетъ 14 какъ большихъ, такъ и малыхъ учреждений для образованія католическихъ миссіонеровъ, и столько же обществъ въ Римѣ. Срв. *Sreiber, Kirchenlex. v. v. Missionar-Anstalten*. Изъ нихъ наибольшую, успѣшнѣйшую и обширнѣйшую дѣятельность отличаютъ общества Ліонское и Парижское; изъ позднѣе возникшихъ обществъ болѣе извѣстны: общество Леопольда для пособія католической миссіи въ Сѣверной Америкѣ, Маринское общество для африканской миссіи, оба австрійскія, общество Людвигъ въ Баваріи и т. д. Изъ протестантскихъ обществъ намъ извѣстны отчеты и другія изданія: 11 англійскихъ обществъ, 8 нѣмецкихъ, 8 американскихъ, 1 французскаго, 1 голландскаго, 1 скандинавскаго, 1 южноамериканскаго и 2 смѣшанныхъ; но эти цифры не исчерпываютъ всего богатства существующихъ теперь католическихъ и протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ, основанныхъ не столько правительствами, сколько частными людьми. Исторія христіанской миссіи Европы такъ интересна и обильна дѣяніями, что ей посвящено немало сочиненій, изъ коихъ уважемъ: *Henrion, Histoire générale des Missions catholiques depuis le XIII-e siècle jusqu'à nos jours*, Paris, 1846, 4 voll.; *Wiggers, Geschichte der Evangelischen Mission*, Hamb. u. Gotha, 1845—1846, 2 B-de in 3 voll.; *Ostertag, Uebersichtliche Geschichte der protestant. Missionen etc.*, Gotha, 1858; *K. Chr. G. Schmidt, Der Sieg des Christenthums. Geschichte der Pflanzung und Verbreitung des Evangeliums durch die Missionäre*, Leipzig, 1845; *Sondermann, Tabellarische Uebersicht über die protestant. Missionsgesellschaften, Missionstationen und Missionäre der Gegenwart*, Nürnberg, 1846; наконецъ извѣстная *Handbuch der Missionsgeschichte und Missionsgeographie v. Calver Verlagsverein*, имѣвшая нѣсколько изданій, сперва въ одной книгѣ, нынѣ въ двухъ, съ картами миссій. Кромѣ того, есть цѣлыя атласы миссій.

Внутренняя миссія западныхъ народовъ давно перешла европейскія границы и утвердилась не только въ Малой Азій и на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря, но и въ средней и южной Африкѣ, въ Остѣ-Индіи и островахъ Тихаго океана. Внутренняя миссія идетъ вслѣдъ за внѣшнею. Внѣшняя распространяетъ христіанство; внутренняя утверждаетъ его, устраивая церкви, школы, дѣтскіе приюты и богадѣльни.

Каждое изъ миссіонерскихъ обществъ, занимающееся внѣшнею дѣятельностію, имѣетъ основной фондъ и нѣсколько частныхъ, предназначенныхъ на спеціальныя цѣли, имѣетъ свою школу, въ которой готовятъ проповѣдники для различныхъ частей свѣта, имѣетъ свое управленіе и вспомогательные комитеты для собиранія матеріальныхъ средствъ, издаетъ священныя книги на различныхъ языкахъ и разсылаетъ ихъ по своимъ, отдаленнымъ миссіямъ, наконецъ, почти каждая изъ нихъ имѣетъ свой печатный органъ — газету или журналъ. Что касается внутренней миссіи, то она наиболѣе разработана у протестантовъ. Въ Германіи ей служитъ Гамбургское братство, такъ-называемое *Rauhhaus*. Оно слѣдитъ за чистотою нравовъ и за домашнею и общественною жизнію протестантскаго населенія Германіи. Общество это не только религіозное, но и исправительное. Оно также издаетъ газеты и брошюры поучительнаго содержанія. Его члены проникли во всѣ исправительныя заведенія Германіи; но понятно, что излишняя ревность въ этомъ направленіи иногда увлекаетъ членовъ этого общества за предѣлы религіознаго милосердія и общественнаго благоразумія. Вотъ почему въ послѣднее время противъ этого братства явилось нѣсколько горячихъ протестовъ, не лишенныхъ основанія, и наиболѣе сильныя изъ нихъ принадлежатъ Берлинскому профессору, знаменитому юристу Гольцендорфу. Но оставимъ это братство, преслѣдующее свои исключительныя цѣли; обратимся къ другимъ нѣмецкимъ братствамъ, имѣющимъ цѣли религіозно-благотворительныя. Между таковыми весьма видное мѣсто занимаетъ Лейпцигское общество Густава - Адольфа и Гессенъ-Дармштадтское общество діакониссъ въ Кайзерсвертѣ на Рейнѣ. Дѣйствія ихъ не ограничиваются Германіей, но обнимаютъ также всѣ австрійскія и турецкія владѣнія и даже касаются Россіи.

Но такъ какъ почва для обоихъ только что названныхъ благотворительныхъ обществъ была подготовлена на Востокѣ обществами миссіонерскими, то мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о предварительныхъ трудахъ обществъ миссіонерскихъ, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи.

Миссіонерскія общества, располагаясь въ Европейской и Азіатской Турціи, дѣйствуютъ то какъ внѣшнія, то какъ внутреннія миссіи, какъ учрежденія церковныя и внѣстѣ съ тѣмъ воспитательныя и благотворительныя. Долго исходнымъ пунктомъ для этой дѣятельности, средоточіемъ всей миссіонерской дѣятельности на Востокѣ служилъ островъ Мальта. Тамъ водворилось въ 1811 году одно изъ дѣятельнѣйшихъ отдѣленій Лондонскаго библейскаго общества и имѣло огромные склады своихъ изданій, назначавшихся для восточныхъ народовъ до 1835 г., когда его дѣятельность перешла далѣе въ Аѳины, Константинополь, Смирну и Бейрутъ. Въ 1822 г. на Мальтѣ была устроена типографія американскихъ миссіонеровъ, печатавшая священныя книги и сочиненія религиозно-нравственнаго содержанія на армянскомъ, персидскомъ, коптскомъ и амгарскомъ языкахъ; въ 1833 году она перенесла свою дѣятельность въ Смирну и Бейрутъ. Совмѣстно съ нею дѣйствовало англиканское церковное общество, также печатавшее книги на мальтійскомъ, греческомъ, арабскомъ, турецкомъ и италіанскомъ языкахъ. Дѣятельность этого общества продолжалась до 1842 года. Въ этомъ году избралъ Мальту своимъ мѣстопребываніемъ англійскій епископъ Гибралтарской епархіи, которая обнимаетъ острова и береговья части Средиземнаго моря, принадлежащія Великобританіи. Такъ кончилась дѣятельность, направленная на изданіе религиозныхъ книгъ на разныхъ восточныхъ нарѣчіяхъ. За то съ 1846 года возникла дѣятельность болѣе важная: учрежденъ былъ знаменитый мальтійско-протестантскій коллегіумъ. Онъ долженъ былъ пріискивать между восточными народами способныхъ молодыхъ людей и готовить изъ нихъ проповѣдниковъ, учителей, лѣкарей, переводчиковъ и консульскихъ агентовъ, которые потомъ дѣйствовали бы у себя на родинѣ и пользовались бы своимъ вліяніемъ на единоплеменниковъ къ выгодѣ Англіи. Тутъ же воспитывались и многіе Европейцы, готовившіеся занять различныя должности на Востокѣ. Изъ Славянъ, мальтійскій коллегіумъ обратилъ особенное вниманіе на Болгаръ и успѣлъ образовать изъ нихъ нѣсколькихъ врачей и учителей.

Въ Греціи Англиканское церковное общество дѣйствовало, сперва выслая свои изданія съ острова Мальты, потомъ принявъ, въ 1830 г., отъ Бостонскаго миссіонерскаго общества школу, устроенную имъ на островѣ Сирѣ, которою управляли докторъ Коркъ, умершій въ Аѳинахъ въ 1842 г., и миссіонеръ Гильднеръ. Въ лучшія времена своего существованія эта школа насчитывала въ своей семинаріи въ среднихъ и низшихъ классахъ до 1.000 человѣкъ, но потомъ, вслѣдствіе

частыхъ народныхъ волненій, должна была ограничиться женскимъ отдѣленіемъ, гдѣ воспитывается теперь отъ 200 до 300 дѣвочекъ. Еще ранѣе стало дѣйствовать въ Греціи Бостонское миссіонерское общество. Въ 1827 году, кромѣ помянутой школы на островѣ Сирѣ, оно устроило такія же школы на островахъ Тино и Тенедосѣ. Самымъ дѣятельнымъ членомъ этого общества былъ докторъ Кинкъ, въ 1829 г. получившій отъ Каподистріи дозволеніе распространять книги Священнаго Писанія. Въ 1835 г. это позволеніе было подтверждено королевскимъ правительствомъ. Съ 1837 по 1843 годъ это общество дѣйствовало посредствомъ школы въ Аріополисѣ, но потомъ ей было запрещено преподаваніе закона Божія. Въ 1845 году Кинкъ за неправильное ученіе о Божіей Матери подвергся судебному преслѣдованію и народному нападенію на улицѣ, въ 1852 г. былъ заключенъ и потомъ изгнанъ изъ Греціи, но въ послѣдствіи его сочиненіе: „О чтеніи священныхъ книгъ“ было одобрено министерствомъ, и Кинке снова было разрѣшено не только распространеніе библейскихъ изданій, но и преподаваніе. Однако же, съ тѣхъ поръ онъ никогда уже не могъ собрать около себя болѣе 50-и слушателей. Американское епископальное общество дало въ 1830 г. средства г-жѣ Гилль основать въ Аѣинахъ женскую школу, въ которой и воспитались учительницы для Константинополя и другихъ большихъ городовъ Востока. Самъ докторъ Гилль читалъ публичныя лекціи, не находившія впрочемъ между Греками большого числа слушателей.

Между Болгарами изъ всѣхъ западно-европейскихъ миссіонеровъ наибольшимъ успѣхомъ пользовалась римская пропаганда. Причиной этого успѣха было господство греческой іерархіи надъ церковными интересами болгарскаго народа. Извѣстно, что греческое духовенство гнало даже славянское богослуженіе. Между тѣмъ умственное и національное пробужденіе Болгаръ, начавшееся еще въ тридцатыхъ годахъ, приучило, особенно Болгаръ придунайскихъ, къ мысли о духовной самостоятельности и независимости отъ Грековъ. Съ каждымъ годомъ отношенія между греческою іерархіей и болгарскою паствою становились натянутѣе. Въ Болгарію уже возвратилось нѣсколько молодыхъ учителей, получившихъ образованіе въ Россіи и Германіи; по городамъ устроились училища, появились книги на болгарскомъ языкѣ и даже газеты. Наконецъ, на нашей памяти на пасхѣ 1860 г. Болгары подали Портѣ просьбу объ учрежденіи для Болгарской церкви особаго патріархата. И Порты, и Греки воспротивились тому. Этимъ воспользовались іезуиты, стараясь привлечь Болгаръ къ униі съ Ри-

момъ. Они отправили въ Римъ нѣсколько Болгаръ, и монахъ Сокольскій былъ посвященъ Пиемъ IX въ патриархи болгарской церкви. Но торжество Рима было не продолжительно; Сокольскій опять возвратился въ православіе и удалился изъ Константинополя въ Одессу. Кромѣ римской пропаганды, въ болгарскихъ земляхъ имѣютъ свои станціи: американскіе методисты съ 1858 года въ Тульчѣ, Терновѣ, Шумлѣ и Варнѣ, гдѣ они занимаются распространеніемъ библейскихъ изданій, преподаваніемъ и проповѣдію; Бостонское миссіонерское общество со станціями и школами въ Эски-Загрѣ, Филиппополѣ и Адрианополѣ; наконецъ, шотландское общество, имѣющее станцію въ Битолѣ или Монастырѣ. Касательно Молдавіи и Валахій слѣдуетъ замѣтить, какъ характеристическую черту, что тамъ болѣе всего распространены станціи Британскаго общества миссіонеровъ, для обращенія Иудеевъ въ христіанство. Изъ другихъ общинъ успѣшнѣе всѣхъ дѣйствуетъ женская школа, основанная въ 1859 г. въ Букарестѣ Кайзервертскими диаконами. Распространеніе европейскими миссіонерами библейскихъ изданій между самими Турками совершается болѣею частію безпрепятственно; миссіонеры продаютъ библіи на турецкомъ языкѣ не только на улицѣ, но и при входѣ въ мечети. Главные склады библейскихъ изданій находятся во всѣхъ городахъ, гдѣ только есть военные штабы, ибо тутъ миссіонерамъ всегда могутъ оказать покровительство Европейцы, находящіеся въ турецкой службѣ. Любопытно, что Турки сами охотно покупаютъ библіи; но въ большинствѣ случаевъ чтеніе библіи только усиливаетъ мусульманскій фанатизмъ. Христіанскія книги на турецкомъ языкѣ стали распространяться еще съ 1822 года; но только два раза обнаружилось ихъ вліяніе на мусульманъ. Въ 1852 г. житель Солуни Салимъ-Ага принялъ христіанство и имя Вильямса, удалился въ Мальту, поступилъ въ тамошній коллегіумъ, и вернувшись въ 1856 г. въ Бебекъ, успѣлъ обратить въ христіанство до 30 Турокъ. Въ 1859 году одинъ изъ имамовъ собралъ изъ корана всѣ мѣста, гдѣ говорится объ Иисусѣ Христѣ, и привелъ ихъ въ систему, что дало ему средство образовать особое братство. Онъ былъ сосланъ въ Малую Азію, въ городъ Бруссу, и здѣсь поступилъ на службу къ Бостонскимъ миссіонерамъ. Его-то ученики преимущественно наполняютъ Бебекскую семинарію, находящуюся въ двухъ часахъ пути отъ Константинополя. Панегиристы миссіонеровъ увѣряютъ, что число членовъ этого турецкаго братства достигаетъ теперь до 10.000 человекъ; но миссіонеръ англиканскаго церковнаго общества Пхандеръ, проживающій въ Константинополѣ съ 1858 г., совѣтуетъ быть осторожнѣе какъ въ довѣрціи

въ этому извѣстію, такъ и въ надеждахъ на обращеніе Турокъ въ христіанство. Затѣмъ въ Константинополѣ существуетъ женская протестантская школа, и съ 1860 г., домъ діакониссъ изъ Кайзерсверта.

Что касается Старой Сербіи, Босніи и Герцеговины, то тамъ успѣшнѣе дѣйствуетъ католическая пропаганда, поддерживаемая изъ Австріи; протестантскія же общества лишь съ недавняго времени обратили свое вниманіе на эти области; но объ этомъ скажемъ послѣ.

Переходя въ Малой Азіи, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на Смирну. Многіе изъ отдѣльныхъ миссіонеровъ и обществъ дѣйствовали въ этомъ городѣ болѣе или менѣе продолжительное время, но не могли похвалиться большимъ успѣхомъ. Живѣе всѣхъ дѣйствовала Бостонская миссія, пребывавшая въ Смирнѣ съ 1833 г. по 1847 годъ и все-таки удалившаяся въ Константинополь. Изъ чисто миссіонерскихъ обществъ, въ Смирнѣ удержалась только англиканская церковная миссія, устроившая тамъ свою станцію въ 1837 году. Но она имѣетъ множество противниковъ. Наиболѣе дѣятельными между ними всегда были греческіе епископы, особенно архіепископъ Ефесскій, не разъ возбуждавшій народъ противъ миссіонеровъ, при чемъ торжественно были сожигаемы библія и другія изданія Лондонскаго общества. А въ 1860 г. сильное впечатлѣніе на умы окрестнаго населенія произвело отпаденіе обращеннаго прежде въ христіанство Турка. Кромѣ того, заведенія англійской миссіи въ Смирнѣ неразъ подвергались физическимъ бѣдствіямъ. Гораздо счастливѣе были благотворительныя діакониссы, устроившія въ 1853 г. школу, которая стала особенно процвѣтать съ 1855 года, когда въ ея пользу поступили 22.000 талеровъ, завѣщанныхъ княземъ Шенбергъ-Вальденбургскимъ. Заведеніе это состоитъ изъ 8 діакониссъ, имѣетъ до 170 воспитанницъ, большею частію пансіонерокъ, греческаго, армянскаго и турецкаго происхожденія. Въ Бруссѣ еще съ 1847 г. была основана протестантская община съ четырьмя колоніями, расположенными у Никейскаго озера. Кромѣ того, въ шести окрестныхъ городахъ есть такія же самостоятельныя общины. Въ Трапезондской провинціи есть также нѣсколько протестантскихъ общинъ; важнѣйшее изъ нихъ въ городѣ Токатѣ, гдѣ есть гробница миссіонера Мартына, умершаго въ 1812 г., и богатый миссіонерскій домъ. Въ Кесаріи и Марошѣ находятся довольно цвѣтущія протестантскія станціи. Изъ Курдскихъ князей одинъ Алиго-ко еще въ 1854 г. объявилъ себя протестантомъ, вѣрующимъ только въ евангеліе и считающимъ Магомета ложнымъ пророкомъ. Но какъ всѣ эти, такъ и остальные провинціи Малой Азіи представляютъ еще

только поле для внѣшней миссiи и мало доступны для миссiи внутренней. Сирiя болѣе другихъ служитъ поприщемъ для дѣятельности кармелитовъ и иезуитовъ, францисканцевъ, лазаристовъ и капуциновъ. Ихъ-то усердiю Сирiя и обязана отчасти тѣми сектами, на которыя распадается ея населенiе. Болѣе всего существуетъ миссiонерскихъ и благотворительныхъ заведенiй въ Бейрутѣ. Тамъ съ 1860 г. Кайзервертскiя диакониссы основали прiютъ для сиротъ (Зоаръ), женскую общину и вдовiй домъ (царпаты). Въ Саидѣ тѣ же диакониссы основали въ 1861 г. больницу. Самая обширная, но претерпѣвшая множество гоненiй протестантская община находится въ селенiи Газобей, не вдалекѣ отъ Дамаска. Наконецъ, Иерусалимъ въ нынѣшнемъ столѣтiи всегда былъ пребыванiемъ всевозможныхъ миссiонерскихъ обществъ, но здѣсь происходила постоянная вражда между католическою пропагандой и протестантами. Латиняне прибѣгали даже къ содѣйствию турецкой полиции въ своей борьбѣ съ Бостонскими миссiонерами Парсономъ и Фиксомъ, дѣйствовавшими тамъ съ 1823 по 1825 г., послѣ чего Бостонцы не появлялись въ Иерусалимѣ до 1833 г., а въ 1843 г. передали свои дѣла англиканской церкви. По учрежденiи протестантскаго епископства въ Иерусалимѣ при содѣйствии Прусскаго короля и Англiйской королевы, при чемъ первый пожертвовалъ 15.000 фунтовъ стерлинговъ, Пруссiя и Англiя получили право поочереднаго назначенiя протестантскихъ епископовъ въ Иерусалимъ. Первымъ епископомъ былъ назначенъ отъ Англiи Александръ, управлявшiй дѣлами всего пять лѣтъ; ему наследовалъ въ 1846 г. Самуилъ Гоббать, назначенный Пруссiей. При немъ особенно дѣятельна стала иудейская миссiя, а въ 1852 г. по его мысли основано въ Берлинѣ Иерусалимское общество. Гоббать устроилъ много школъ и прiютовъ въ окрестной странѣ, и между прочимъ, ремесленную школу для дѣвочекъ. Диакониссы выстроили больницу, дѣтскiй прiютъ и школу. Таковы въ общихъ чертахъ успѣхи миссiонерскихъ обществъ въ Европейской и Азиатской Турции, получавшихъ поддержку отъ обществъ благотворительныхъ, а также и отъ англiйскаго и прусскаго правительствъ.

По мѣрѣ того какъ подвигаются впередъ успѣхи миссiонерскихъ обществъ на турецкомъ востокѣ, идетъ за ними шагъ за шагомъ благотворительная дѣятельность общества Густава-Адольфа и общества диакониссъ. Особенно обширна, сильна и влiятельна дѣятельность перваго общества. Оно вполне заслуживаетъ того, чтобы познакомить нашихъ читателей съ его исторiей.

Всѣмъ извѣстно, что Густавъ-Адольфъ, сражаясь за протестантство,

былъ убитъ въ сраженіи при Люценѣ. Тѣло его послѣ сраженія было отвезено сперва въ деревню Мейхенъ, лежащую въ полумили отъ Люцена, а потомъ отправлено въ Швецію. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, поставили большой камень съ надписью: „Г.-А. 1632“. Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ, и въ 1832 г. въ Швеціи праздновали достойнымъ образомъ память героя; гробъ его вынули изъ сѣлепа и поставили въ черномъ мраморномъ саркофагѣ, украшенномъ трофеями, которые онъ завоевалъ. Кромѣ того, годовщину его смерти торжествовали и въ Германіи. Уже въ 1830 году Брейтенфельдскій землевладелецъ, Лейпцигскій купецъ Грунеръ, поставилъ на Брейтенфельдскомъ боевомъ полѣ памятникъ съ надписью: „На этомъ полѣ 7-го сентября 1631 года христіанинъ и герой Густавъ-Адольфъ спасъ для человѣчества свободу вѣроисповѣданія“. 6-го ноября 1832 года огромное множество людей собралось въ Люценѣ и двинулось при колокольномъ звонѣ съ пѣніемъ къ мѣсту, гдѣ находится поставленный Шведами камень, для присутствія при богослуженіи въ память павшаго здѣсь героя, защитника вѣры. Въ заключеніе праздника оберъ-президентъ фонъ - Роховъ, Мерзебургскій соборный пасторъ фонъ-Голлейферъ и докторъ Гроссманнъ изъ Лейпцига предложили соорудить желѣзный памятникъ надъ шведскимъ камнемъ. Гроссманну и Гольдборну поручили собирать добротныя пожертвованія въ Лейпцигѣ и тотчасъ же собрали нѣсколько денегъ. Потомъ напечатали воззваніе, приглашавшее къ пожертвованіямъ. Но нашлись несогласные на такой памятникъ; они хотѣли сохранить безъ перемѣнъ древній, Шведами поставленный и Гэкингомъ воспѣтый камень. Тогда докторъ Гольдборнъ предложилъ основать школу. Правда, Лейпцигскій купецъ Шильдъ совѣтовалъ учредить во всей евангелической Германіи сборъ, на подобіе англійскаго сбора по пфеннингу, дабы въ немъ могли участвовать и бѣдные люди. Но этому помѣшали не соглашавшіеся на сооруженіе желѣзнаго памятника. Наконецъ, докторъ Гроссманнъ придумалъ основать общество, которое оказывало бы пособіе евангелическимъ общинамъ, существующимъ въ странахъ католическихъ. Чтò же внушило Гроссманну эту мысль?

Флейсенская евангелическая община въ Чехіи (около 1.000 душъ) съ самаго начала своего существованія была приписана къ приходу саксонскаго мѣстечка Брамбаха, но вдругъ ее отдѣлили отъ этого прихода, приказали ей выстроить собственную церковь, пасторскій домъ и школу и содержать своего пастора. Тогда жителямъ Флейсена пришлось взять въ пасторы башмачника изъ Геры, никогда ни-

чему не учившагося. Хотя саксонское правительство входило по этому дѣлу съ представленіями къ австрійскому, но бесполезно. Тогда (лѣтомъ 1832 года) Гроссманнъ занимался въ Лейпцигской консисторіи и изъ бумагъ ея узналъ о крайне-затруднительномъ положеніи нѣмецкой общины въ Богеміи и объ опасности, ей угрожавшей. Это навело его на мысль устроить то учрежденіе, которое развилось въ нынѣшнее общество Густава-Адольфа. По его мысли, не изъ камня и металла слѣдовало воздвигнуть памятникъ великому бойцу за протестантизмъ, но памятникъ несокрушимый, изъ существъ живыхъ, которыя постоянно благословляли бы его. „Густавъ-Адольфъ“, сказалъ Гроссманнъ, „явился въ Германію, чтобы помочь своимъ единовѣрцамъ, а потому памятникъ ему долженъ состоять въ поданіи помощи угнетеннымъ. Онъ пришелъ спасти въ Германіи евангелическую церковь отъ гибели, слѣдовательно, памятникъ его долженъ спасать людей, лишенныхъ церковныхъ потребностей; Густавъ-Адольфъ имѣлъ цѣлью собрать во едино и скрѣпить силы нѣмецкихъ протестантовъ, поэтому и памятникъ его долженъ соединять ихъ силы, дабы собрать во едино разсѣянныхъ и поддержать то, что близко къ гибели; Густавъ-Адольфъ прибылъ съ вѣрою въ Сына Божія и былъ силенъ этой вѣрою, а потому и памятникъ его твердою основою долженъ имѣть евангелическую вѣру и состоять въ ея услуженіи“. Эта мысль понравилась всѣмъ: имя Густава-Адольфа соединило въ эту минуту нѣмецкихъ протестантовъ, какъ не разъ святыя имена Кирилла и Меодія воодушевляли Славянъ разныхъ исповѣданій къ благотвореніямъ. Составился комитетъ 8-го декабря 1832 года, издалъ приглашеніе къ шестинео-пѣчному собору (Sechserverversammlung), чтобы „учредить заведеніе для братскаго пособія угнетеннымъ единовѣрцамъ и облегчить нужду, которой въ церковномъ отношеніи подвергаются протестантскія общины и въ самой Германіи, и внѣ ея, что не рѣдко и случалось, особенно со вновь образовавшимися общинами“.

Тогда занялись достиженіемъ двухъ цѣлей: сооруженіемъ памятника и видимаго и незримаго, живаго; объ эти цѣли были достигнуты. Впервыхъ, 6-го ноября 1837 года епископъ Дрезеке освятилъ прекрасный желѣзный памятникъ надъ шведскимъ камнемъ¹⁾;

¹⁾ Теперь сооружены еще статуи Густава-Адольфа: одна въ Шведіи, въ Готенбургѣ, другая въ Бременѣ. Свѣдѣнія объ обществѣ Густава-Адольфа, особенно историческія, заимствуемъ изъ книги: Jubiläums Ausgabe. Der Gustav-Adolf-Verein. Ein Wort von ihm und für ihn, von Dr. K. Zimmermann. 7 Aufl.; Leipzig, 1867.

вовторныхъ, осуществилось въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ благотворительное общество Густава-Адольфа, съ краткимъ уставомъ, въ 16-и параграфахъ, въ послѣдствіи передѣланнымъ.

Первое вниманіе новаго общества было обращено на положеніе нѣмецкихъ евангелическихъ обществъ въ чешскихъ земляхъ, въ отечествѣ Іоанна Гуса. При немъ и вскорѣ послѣ него эта страна большею частью отдѣлилась отъ Рима, такъ что въ ней повсюду процвѣтали евангелическія общины. Но католическое правительство прибѣгло къ жесточайшимъ насильственнымъ средствамъ, чтобы возвратить Чеховъ къ католицизму, и гоненіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не осталось по крайней мѣрѣ видимыхъ слѣдовъ гуспитизма. Многіе жители, покораивъ гнету, возвратились въ лоно римской церкви; другіе удалились изъ отечества; нѣкоторые же соблюдали свою вѣру въ тайнѣ и внушали ее дѣтямъ своимъ. Ученіе Лютера нашло въ чешскихъ земляхъ уже подготовленную почву, и сто-пятьдесятъ лѣтъ протестантство тайлось въ Богеміи, особенно въ сѣверныхъ округахъ ея. Наконецъ, Іосифъ II объявилъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ свободу вѣроисповѣданія. Тогда оказалось, что насиліе не могло вполне искоренить въ Богеміи лютеранскую вѣру. Тотчасъ образовалось множество небольшихъ лютеранскихъ общинъ, большею частью съ нѣмецкимъ населеніемъ, которыя призвали къ себѣ изъ Германіи пасторовъ, учителей и выстроили маленькія церкви. Но члены этихъ общинъ были очень бѣдны; поэтому обыкновенно бѣдны лютеранскіе пасторы и учителя въ Богеміи, и послѣ ихъ смерти вдовы ихъ и дѣти нерѣдко впадаютъ въ крайнюю нищету; да и церкви протестантскія въ этой странѣ долгое время были все деревянные. Многія изъ нихъ ужь обвалились, другія были близки къ разрушенію и лишь при большихъ усиліяхъ могли быть еще нѣсколько времени поддержаны. Въ новыхъ церквахъ и въ пасторскихъ и училищныхъ домахъ предстояла тогда крайняя надобность. Но откуда бѣдные прихожане могли брать на это деньги? Сверхъ того они обязаны были платить пошлину католическимъ священникамъ за разрѣшеніе вѣнчать, крестить и т. д. Нужда была до того велика, что лютеране постоянно подвергались искушенію отпасть отъ своей вѣры, и тѣмъ болѣе въ Германіи сознавалась необходимость пособить имъ.

Кромѣ того, существовали и въ другихъ католическихъ странахъ кое-гдѣ небольшія евангелическія общины, не имѣвшія ни церкви, ни школы, ни пастора, ни учителя, напримѣръ, въ восточной Венгріи, а также въ западной Пруссіи и въ Познани среди занимающаго эти

земли польскаго населенія. Въ этихъ мѣстностяхъ надобно было за нѣсколько миль нести ребенка для крещенія или долго ждать, пока заѣдетъ пасторъ. За недостаткомъ школъ родители должны были сами учить своихъ дѣтей или посылать ихъ въ католическую школу. Наконецъ, больные и умирающіе были лишены утѣшеній религіи по своему обряду. Общество Густава-Адольфа увидало, что и здѣсь нужно поболѣе церквей, пасторовъ, учителей, а гдѣ нельзя устроить всего, тамъ содержать пасторовъ, которые разъѣзжали бы по странѣ и по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ годъ посѣщали бы каждое мѣсто, гдѣ есть лютеране. Въ Силезіи у протестантовъ было отнято въ старое время до 1.300 церквей; приходилось ихъ теперь вознаградить за утраченное. Въ Венгріи высшія евангелическія школы погибали безъ дѣятельнаго пособія изъ Германіи. Въ Италіи протестанты также были очень стѣснены. Нѣкоторыя общины, венгерскія и италіанскія, посылали своихъ довѣренныхъ собирать даянія въ германскихъ земляхъ, и многія изъ нихъ только этимъ даяніямъ обязаны тѣмъ, что удержались. Эти подаянія имѣли свою исторію въ разныхъ странахъ; напримѣръ, въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи, въ Виртембергѣ и Гессенѣ производились ежегодно сборы для нуждающихся евангелическихъ общинъ, а изъ Голландіи присылали въ XVII и XVIII столѣтіяхъ обильныя вспомошествованія для реформатскихъ общинъ въ Германіи; что же касается венгерскихъ протестантовъ, то для нихъ были основаны въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Голландіи стипендіи, такъ что Голландію можно почитать предшественницей общества Густава-Адольфа. Тѣмъ не менѣе, многія сотни протестантскихъ общинъ оставались въ бѣдственномъ положеніи, и мало кто зналъ объ этомъ. Наконецъ, ежегодно многія тысячи нѣмецкихъ протестантовъ уѣзжали отыскивать себѣ новое отечество за океаномъ, и по нѣсколькѣ недѣль дожидаясь попутнаго вѣтра въ приморскихъ городахъ, а также во время продолжительнаго плаванія они были лишены церковной службы; ихъ надо было снабжать проповѣдниками Слова Божія.

Такимъ образомъ, первыя побужденія, вызвавшія благотворительную дѣятельность общества Густава-Адольфа, истекали изъ той мысли, что надо поддержать единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ странахъ большею частію единоплеменныхъ и единовѣрныхъ, что совершенно отвѣчаетъ подобнымъ же побужденіямъ, всегда руководившимъ русскимъ обществомъ, благотворительность коего всегда обращалась на восточныхъ христіанъ. Но, какъ увидимъ ниже, русское

общество всегда помогало болѣе православнымъ Грекамъ, чѣмъ православнымъ Славянамъ.

Какъ всякое новое учрежденіе, общество Густава-Адольфа въ началѣ не могло дѣйствовать съ особеннымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что при его началѣ управленіе дѣлами должно было находиться попеременно то въ рукахъ Лейпцигской, то въ рукахъ Дрезденской дирекціи. Дрезденскій комитетъ составилъ въ 1833 году, подъ предсѣдательствомъ придворнаго проповѣдника, доктора Кейфера. По взаимномъ соглашеніи обѣ дирекціи составили общій уставъ, который 4-го октября 1834 года былъ утвержденъ саксонскимъ министерствомъ. Изъ всѣхъ его 16 параграфовъ мы приведемъ здѣсь только тѣ три, которые уцѣлѣли даже въ нынѣшнемъ уставѣ общества Густава-Адольфа.

„§ 1. Фондъ благотворительнаго заведенія Густава-Адольфа будетъ состоять: а) изъ денегъ, полученныхъ отъ производимаго въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ шестикопѣчнаго сбора; б) изъ суммъ, доставленныхъ объявленною во всемъ Саксонскомъ королевствѣ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія подпискою на добротныя приношенія, которая уже доставила до 2.202 талеровъ, 19 грошей и 9 пфенниговъ; с) изъ пожертвованій, полученныхъ изъ разныхъ мѣстъ въ чужихъ краяхъ и тѣхъ, которыя впродолженіе будутъ получаться отъ соревнователей и друзей учрежденія во всѣхъ странахъ.

„§ 3. Цѣль общества состоитъ въ слѣдующемъ: помогать угнетеннымъ единовѣрцамъ, то-есть, облегчать нужду, въ которую протестантскія общины впадаютъ относительно своихъ церковныхъ потребностей по причинѣ какихъ-либо переворотовъ, несчастій и другихъ обстоятельствъ, и если въ собственномъ отечествѣ имъ не можетъ быть дано достаточнаго пособія.

„§ 14. Административный годъ начинается и оканчивается днемъ смерти Густава-Адольфа, то-есть, 6-го ноября. Въ этотъ день то общество, которое до тѣхъ поръ завѣдывало дирекціей, должно дать публичный отчетъ о выданныхъ имъ въ теченіе минувшаго года пособіяхъ, равно какъ о поступившихъ къ нему приношеніяхъ, и поименовать мѣста, гдѣ оно учредило новыя отрасли общества, при чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, которое изъ двухъ главныхъ обществъ въ слѣдующемъ году будетъ завѣдывать дирекціей. Извѣщеніе обо всемъ этомъ сообщается другому обществу письменно за четыре недѣли впередъ, для совокупнаго совѣщанія, а 6-го ноября передается ему даромъ печатный экземпляръ отчета“.

Уставъ предвидѣлъ возможность образованія подобныхъ же обществъ не только внутри Саксоніи, но и внѣ ея, а потому въ случаѣ ихъ желанія присоединиться къ основаннымъ прежде обществамъ Лейпцигскому и Дрезденскому, обязывалъ ихъ всѣ собранныя ими деньги препроводить къ главному обществу въ Лейпцигѣ. Если препровожденная сумма будетъ простираться до 500 талеровъ или болѣе, то доставившее такую сумму общество получаетъ названіе меньшаго

общества (Zwergverein) и право распоряжаться процентами со вложенной имъ суммы, но лишь согласно съ цѣлю учрежденія. Оно должно извѣщать о своихъ распоряженіяхъ по возможности заблаговременно, обозначая самымъ точнымъ образомъ, кому и сколько слѣдуетъ послать денегъ.

На такихъ основаніяхъ стали дѣйствовать оба отдѣла общества, Лейпцигскій и Дрезденскій. Но участіе публики не соотвѣтствовало не только горячимъ желаніямъ первыхъ основателей общества, но и самымъ скромнымъ надеждамъ присоединившихся къ нимъ въ послѣдствіи благотворителей. Только въ Альтенбургѣ открыто было малое общество; изъ остальныхъ же областей Германіи поступали самыя скудныя пожертванія. Хотя общество и печатало ежегодно свои отчеты, однако внѣ Саксоніи, особенно въ южной Германіи, о немъ почти не знали. Общество было стѣснено еще тѣмъ, что согласно уставу, вспомошествованія бѣдствующимъ евангелическимъ общинамъ могли быть оказываемы только изъ процентовъ собраннаго капитала. Самые сборы въ началѣ шли несомнѣнно успѣшно. Правда, еще въ 1836 г. прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III прислалъ обществу 100 талеровъ, а шведскій король Іоаннъ разрѣшилъ сборъ въ пользу общества во всѣхъ церквяхъ своего королевства, въ продолженіи шести лѣтъ, что дало сумму въ 10.440 талеровъ 18 грошей, 4 пфеннига, да въ 1839 г., при празднованіи реформаціоннаго юбилея въ Лейпцигѣ, собрано было въ Саксоніи въ пользу общества 1.700 талеровъ; но эти пожертванія и были единственными главными вкладами, всѣ остальные были слишкомъ мелки, такъ что къ 6-му ноября 1841 года, капиталъ общества Густава-Адольфа состоялъ всего изъ 12.850 талеровъ, а денежные выдачи на пособіе бѣднымъ общинамъ ограничивались слѣдующими небольшими суммами: въ 1835 году 110 талеровъ, въ 1836 году 162 талера, въ 1837 году 160 талеровъ, въ 1838 и 1839 вмѣстѣ 780 талеровъ. Дѣятельность общества была не только скудна, но и мало извѣстна въ Германіи. Пребывая въ Лейпцигѣ, оно пользовалось народною поддержкою только въ Саксоніи. Въ 1841 г. члены общества убѣдились въ необходимости дать ихъ учрежденію другой уставъ и болѣе широкія основанія для дѣйствій, сдѣлать изъ него учрежденіе обще-нѣмецкое. Но прежде чѣмъ приступили къ этому, евангелическое дѣло получило неожиданную помощь извнѣ съ двухъ сторонъ. Въ Швейцаріи, въ Базелѣ, пасторъ Легранъ возымѣлъ мысль основать общество въ пользу бѣдныхъ евангелическихъ общинъ; онъ высказалъ свою мысль въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми мѣстными пасторами, и они

условились обсудить это дѣло сообща и уже готовились обнародовать свой планъ черезъ газеты. Но въ это самое время житель Дармштадта, докторъ Карлъ Циммерманъ, не знавшій, подобно Лейпцигу, о Лейпцигскомъ обществѣ, прочитавъ въ одной французской газетѣ, что французскіе католики весьма усердно помогаютъ своимъ, разбѣяннымъ въ разныхъ странахъ единовѣрцамъ, задалъ себѣ вопросъ: „Отчего же бы и намъ не сдѣлать того же для нашихъ братій евангелическаго исповѣданія?“ Тогда же взявшись за перо, онъ написалъ горячее и обширное воззваніе ко всему протестантскому міру, приглашая его основать общество для пособія нуждающимся евангелическимъ общинамъ, и напечаталъ свое воззваніе 31-го октября 1841 года въ незадолго передъ тѣмъ основанной нѣмецкой *Всеобщей Церковной Газетѣ*. Послѣ обнародованія этого воззванія тотчасъ же завязалась переписка между Саксоніей, Гессенъ-Дармштадтомъ и нѣмецкими кантонами Швейцаріи, и соглашеніе между ними не замедлило послѣдовать. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались одобрительныя заявленія; многія владѣтельныя особы, и въ томъ числѣ великій герцогъ гессенъ-дармштадтскій Людвигъ II, присоединились къ обществу, общая ему свое покровительство; во всѣхъ почти владѣніяхъ Германскаго союза образовались отдѣленія общества, и наконецъ, на 16-е сентября 1842 г. былъ назначенъ первый общій съѣздъ въ Лейпцигѣ. На это собраніе съѣхалось много людей разныхъ званій изъ всѣхъ частей Германіи, и первое общее засѣданіе было открыто въ актовомъ залѣ Лейпцигскаго университета, подъ предсѣдательствомъ Гроссмманна. На этотъ разъ занимались преимущественно устройствомъ общей связи между прежнимъ и вновь образовавшимися обществами; наконецъ, избрали Франкфуртъ на Майнѣ мѣстомъ слѣдующаго годичнаго съѣзда, съ тѣмъ, чтобы на этотъ съѣздъ были присланы депутаты отъ всѣхъ обществъ, и чтобы Лейпцигъ остался мѣстопробываніемъ дирекціи учрежденія, которому дали названіе „Евангелическаго общества Густава-Адольфа“. Съ тѣхъ поръ Дармштадтская *Церковная Газета* сдѣлалась органомъ общества, и такъ какъ она была очень распространена, то сумма пожертвованій непрерывно увеличивалась. Тогда же и въ Швейцаріи основалось много протестантскихъ вспомогательныхъ обществъ, которыя центромъ своимъ избрали Базель. Равнымъ образомъ въ Альзасѣ, и вообще въ восточныхъ департаментахъ Франціи, образовались подобныя же евангелическія общества. Съ тѣхъ поръ судьба и успѣхи общества Густава-Адольфа были упрочены; оставалось только разработать его уставы, чѣмъ и занялись на слѣдующемъ годичномъ со-

брании, происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 21-го и 22-го сентября 1843 года.

Франкфуртское собраніе открылось въ нѣмецко-протестантской церкви этого, тогда еще вольнаго, города и опять подъ председательствомъ Гроссманны. Здѣсь присутствовали депутаты отъ 29-и нѣмецкихъ евангелическихъ обществъ, основанныхъ въ земляхъ Германскаго союза. Къ нимъ присоединились еще депутаты изъ собственной Пруссіи, Швейцаріи, Альзаса и Венгрии, гдѣ также начинали возникать подобныя же общества, желавшія вступить въ ближайшую связь съ германскими обществами. При этомъ, Гроссманномъ младшимъ былъ прочтенъ первый годичный отчетъ, въ коемъ были изчислены нужды протестантовъ въ разныхъ странахъ и изложено ходъ дѣлъ общества. Затѣмъ приступили къ обсужденію устава и нарядили особую комиссію. На слѣдующій день, выработанный этою комиссіею уставъ былъ принятъ присутствовавшими депутатами. Въ послѣдовавшее годичное собраніе нѣкоторыя изъ статей этого устава подверглись разнымъ измѣненіямъ, и кромѣ того, въ нему были сдѣланы многія прибавки. А потому мы сообщаемъ здѣсь уставъ общества Густава-Адольфа въ томъ видѣ, какъ онъ прошелъ чрезъ всѣ измѣненія. Уставъ этотъ важенъ для насъ, ибо руководить дѣйствіями важнѣйшаго изъ всѣхъ религіозно-національныхъ благотворительныхъ обществъ, созданныхъ нѣмецкимъ народомъ.

Вотъ этотъ уставъ:

„§ 1. *Цель общества* та же, которая заявлена въ § 3 первоначальнаго устава, то-есть, помощь нуждающимся единовѣрцамъ въ евангелическихъ общинахъ всѣхъ странъ и сборъ средствъ на то повсюду.

„§ 2. *Дѣятельность общества* простирается на общины лютеранскія, реформатскія, соединенныя и такія, которыя могутъ доказать, что ихъ вѣрованіе согласно съ евангелическою церковью.

„§ 3. *Предварительныя условія для полученія пособія отъ общества*: Необходимо 1) опредѣлительно указать, на что испрашивается пособие; 2) представить достовѣрное засвидѣтельствованіе въ вѣрности этихъ показаній; 3) представить историческія свѣдѣнія объ основаніи общины, о которой идетъ рѣчь, и о положеніи, въ какомъ она до сихъ поръ находилась.

„§ 4. *Вспомогательныя средства* почерпаются изъ процентовъ съ основнаго капитала общества и изъ ежегодныхъ добротныхъ пожертвованій, подарковъ, завѣщаній, сборовъ по церквамъ и проч.

„§ 5. *Устройство евангелическаго общества Густава-Адольфа*: Всѣ обложенные постоянными взносами члены соединяются въ разныя общества (отрасли обществъ, вспомогательныя и главныя общества). Завѣдываніе всѣми обществами сосредоточивается въ центральной дирекціи, имѣющей постоянное пребываніе въ Лейпцигѣ.

„§ 6. Каждое *отдѣльное общество*, желаея присоединиться къ общему, должно немедленно извѣстить объ этомъ центральную дирекцію, обязаться вполне соблюдать сей уставъ и присылать ежегодно въ дирекцію свои взносы. Внутреннее устройство предоставляется каждому такому обществу на его усмотрѣніе, но оно должно препроводить въ дирекцію копию съ своего устава.

„§ 7. *Начальства обществъ*. Каждое общество само выбираетъ себя начальствующици лица; о результатѣ выбора оно извѣщаетъ центральную дирекцію, а чрезъ нее главное общество. Начальствующія лица состоятъ въ сношеніяхъ съ центральной дирекціей, пересылаютъ къ ней всѣ поступающія къ нимъ прошенія о пособіи, и ежегодно, не позже 15-го августа, извѣщаютъ ее о своей дѣятельности и о всемъ случаемъ у нихъ.

„§ 8. *Главные общества*. Въ каждомъ государствѣ, а въ большици государствахъ мною что въ каждой провинци, одно какое-либо общество должно быть признано главнымъ, и къ нему всѣ прочія тамошнія общества должны примыкать въ видѣ отраслей (*Zweigvereine*).

„§ 9. *Отрасли обществъ*. Всѣ прочія общества, посредствомъ главнаго, къ которому они присоединились въ видѣ отраслей или вспомогательныхъ обществъ, состоятъ въ связи съ центральной дирекціей и на общихъ собраніяхъ (§ 24) имѣютъ представителями членовъ своего главнаго общества. Но въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, именно, когда имъ затруднено присоединеніе къ главному обществу, они могутъ вступать въ сношенія съ центральной дирекціей и непосредственно.

„§ 10. *Положеніе начальствъ въ главныхъ обществахъ относительно всего общества*. Каждое главное общество имѣетъ право приизбрать въ главный собранія (§§ 24—26) своихъ депутатовъ, надлежащимъ образомъ уполномоченныхъ и свободно выбранныхъ изъ числа его членовъ.

„§ 11. *Распоряженіе ежегоднымъ доходомъ*. Всѣ доходы обществъ раздѣляются на три равныя части. Одна треть можетъ быть свободно употреблена самимъ обществомъ по собственному усмотрѣнію. Другая треть, не позже 15-го августа, препровождается въ центральную дирекцію съ означеніемъ, на что она должна быть израсходована. Послѣдняя треть также посылается въ центральную дирекцію, для присоединенія къ капиталу. Всѣ завѣщанныя или подаренныя суммы равнымъ образомъ поступаютъ въ центральную дирекцію также для включенія въ капиталъ (§ 12), если только завѣщатель или даритель не назначилъ употребить ихъ иначе; онѣ записываются въ главную книгу общества съ именемъ завѣщателя или дарителя и съ означеніемъ общества, отъ котораго суммы эти доставлены. Всѣ условія, на какихъ завѣщана или подарена какая-либо сумма, должны быть свято соблюдаемы, если они не противны правиламъ, уставу евангелическаго общества Густава-Адольфа и порядку его дѣлопроизводства.

„§ 12. *Капиталъ всего общества*. (То же, что по § 1 первоначальнаго устава).

„§ 13. *Выборъ членовъ центральной дирекціи*. Въ общихъ собраніяхъ (§ 24) всѣ главные общества выбираютъ изъ своей среды, чрезъ посредство своихъ депутатовъ и по большинству голосовъ, центральную дирекцію, которая состоитъ изъ 24 членовъ. Если кто-либо изъ избранныхъ откажется, то на мѣсто его назначается тотъ, кто послѣ отказавшагося получилъ наиболѣе голосовъ.

„§ 14. *Внутреннее устройство центральной дирекціи.* Дирекція выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, секретара, который вѣстѣ съ тѣмъ и архивариусъ, и кассира, и въ каждому изъ нихъ двухъ помощниковъ (Stellvertreter); всѣ эти лица избираются изъ живущихъ въ Лейпцигѣ, остальные же 15 членовъ должны быть выбраны изъ живущихъ не въ Лейпцигѣ.

„§ 15. *Потоменіе центральной дирекціи.* Каждые три года треть членовъ дирекціи выходитъ изъ нея, и вышедшіе члены, за изъятіемъ должностныхъ лицъ, могутъ быть вновь избраны лишь по прошествіи еще трехъ лѣтъ. Въ первый разъ, кому изъ членовъ выходить — опредѣляется жребіемъ, а потомъ старшинствомъ изъ службы. При выбытіи одного изъ членовъ, по причинѣ смерти или какого-либо необыкновеннаго случая, центральная дирекція можетъ сама выбрать на его мѣсто кого-нибудь до ближайшаго общаго собранія и должна извѣстить объ этомъ главнаго общества. До совершеннаго пополненія центральной дирекціи прежніе члены продолжаютъ исполнять свои обязанности.

„§ 16. *Положеніе центральной дирекціи.* Центральная дирекція во всѣхъ отношеніяхъ состоитъ представительницею всего общества въ совокупности какъ въ внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и въ общихъ внутреннихъ. Вслѣдствіе этого ей доставляются всѣ письма, получаемыя обществами; она дѣлаетъ о нихъ восстановленія и принимаетъ всѣ поступленія въ доходы, извѣщая о полученіи ихъ каждое главное общество. Въ безотлагательныхъ случаяхъ дирекція, подъ собственною отвѣтственностію, можетъ принимать всѣ нужныя мѣры, имѣющія силу до ближайшаго общаго собранія, а также созывать общее собраніе.

„§ 17. *Центральный архивъ.* Для храненія важныхъ письменныхъ документовъ дирекція имѣетъ центральный архивъ.

„§ 18. *Центральная касса.* Дирекція завѣдываетъ центральной кассой; она должна печенъ о лучшемъ помѣщеніи канцеляріи и о храненіи документовъ (см. § 2 первоначальнаго устава). Она же распоряжается употребленіемъ процентовъ и упомянутой выше третьей части ежегодныхъ доходовъ въ пользу протестантскихъ общинъ въ непротестантскихъ странахъ. Доставленныя ей разными обществами деньги она должна разсылать далѣе, согласно указанію этихъ обществъ (§ 11). Остальными деньгами, относительно употребленія которыхъ отдѣльныя общества не сообщили свѣдѣній по 15-е октября, можетъ распоряжаться дирекція. Къ 15-му ноября всѣ счета должны быть ежегодно заключаемы, и новѣрва ихъ предоставляется общему собранію.

„§ 19. *Совѣщаніе центральной дирекціи.* Каждые три мѣсяца, а смотря по надобности, и чаще, дирекція собирается въ засѣданія, къ которымъ иногда, согласно съ обсуждаемыми предметами, приглашаются и живущіе въ Лейпцигѣ члены, имѣющіе, впрочемъ, право заявлять свое мнѣніе и письменно. Чтобы постановленіе имѣло силу, оно должно быть принято большинствомъ по крайней мѣрѣ 15 голосовъ; при равенствѣ голосовъ, перевѣсъ опредѣляется голосомъ предсѣдателя. Въ случаяхъ, когда рѣшеніе не терпитъ отлагательства, оно можетъ быть постановлено одними, въ Лейпцигѣ живущими членами, но послѣдніе обязаны тотчасъ увѣдомить объ этомъ членовъ, живущихъ въ Лейпцигѣ, съ точнѣйшимъ изложеніемъ причинъ, которыми они руководствовались. Но относительно рѣшенія созвать чрезвычайное общее собра-

ніе (§ 16) необходимо, чтобы всѣ члены дирекціи были въ сборѣ. О совѣщаніяхъ каждаго засѣданія ведется протоколъ; для представленія начальствамъ главныхъ обществъ, если они потребуютъ этого.

„§ 20. *Исподованіе просьбъ о пособіи.* Для этого дирекція наряжаетъ изъ среды себя комиссію. Содержаніе этихъ прошеній и мнѣніе по нимъ комиссіи сообщаются не позже 15-го іюля всѣмъ главнымъ обществамъ, дабы они могли извѣстить о предполагаемомъ ими употребленіи собранныхъ у нихъ денегъ (§ 11).

„§ 21. *Озваніе общихъ собраній.* Для этого дирекція должна извѣстить о томъ, гдѣ и когда послѣдуетъ общее собраніе, и пригласить начальства всѣхъ главныхъ обществъ, чтобы они прислали своихъ депутатовъ.

„§ 22. Всѣ члены дирекціи исполняютъ свои обязанности бесплатно, и только въ необходимости платится лицамъ, занимающимся счетоводствомъ (*Kassenpersonal*).

„§ 23. *Административный годъ.* (См. § 14 первоначальнаго устава).

„§ 24. *Общая собранія.* Общіе сѣзды депутатовъ отъ каждаго изъ главныхъ обществъ и отъ центральной дирекціи должны происходить по крайней мѣрѣ черезъ каждые три года и постоянно въ разныхъ мѣстахъ Германіи (§ 16, 28). При этомъ одинъ изъ депутатовъ центральной дирекціи, тотчасъ по открытіи собранія, долженъ распорядиться выборомъ председателя общаго собранія и сообщить послѣднему нужныя объясненія. Всѣ прочіе члены центральной дирекціи имѣютъ право присутствовать при совѣщаніяхъ депутатовъ обществъ и при постановленіи ими резолюцій. Предъ совѣщаніями совершается богослуженіе и общее обсужденіе дѣлъ евангелическаго общества Густава-Адольфа, которое открывается чтеніемъ отчета центральной дирекціи,

„§ 25. *Легитимация депутатовъ.* Депутатъ центральной дирекціи предъявляетъ свое полномочіе председателю того главнаго общества, въ мѣсто-пребываніи котораго происходитъ общее собраніе; всѣ прочіе депутаты предъявляютъ свои полномочія депутату отъ центральной дирекціи.

„§ 26. *Право голоса депутатовъ.* Обыкновенно каждый депутатъ имѣетъ право только на одинъ голосъ; однако онъ можетъ 1) подавать вполне или отчасти голосъ и за прочіихъ членовъ своего главнаго общества, и 2) если отъ послѣдняго ему переданъ только одинъ голосъ, то можетъ и по порученію другихъ обществъ имѣть еще два голоса.

„§ 27. *Порядокъ совѣщаній.* Резолюціи постановляются по большинству голосовъ. При выборахъ нужно абсолютное большинство; если же оно не получится послѣ двукратной подачи голосовъ, то выборъ рѣшается и относительнымъ (*relative*) большинствомъ. При равенствѣ голосовъ перевѣсъ опредѣляется голосомъ председателя. О совѣщаніяхъ и резолюціяхъ ведется протоколъ, и постановленія резолюціи обязательны даже для тѣхъ обществъ, которыя не послали депутатовъ.

„§ 28. *Занятія общихъ собраній.* Депутаты совѣщаются и постановляютъ резолюціи о слѣдующихъ предметахъ: 1) о дѣятельности всѣхъ начальствующихъ надъ обществами лицъ въ пользу цѣлей всего общества, именно о дѣятельности центральной дирекціи, при чемъ повѣряютъ ея счеты, на основаніи отчетовъ, представляемыхъ ревизорами, которые выбираются каждые три года; 2) о выборѣ членовъ центральной дирекціи; 3) о признаніи какого-

либо новаго общества въ качествѣ главнаго; 4) о представленныхъ предложеніяхъ относительно перемены въ уставѣ; 5) о времени и мѣстѣ слѣдующаго общаго сѣзда. При выборѣ членовъ центральной дирекціи и ревизоровъ депутатъ центральной дирекціи не имѣетъ голоса.

„§ 29. *Перемены въ уставѣ* могутъ быть проведены абсолютнымъ большинствомъ общаго сѣзда, но лишь по предложенію, сдѣланному на предшествовавшемъ сѣздѣ и утвержденному двумя третями голосовъ. Для обнародованія подобной резолюціи центральная дирекція должна истребовать разрѣшеніе своего правительства.

„§ 30. *Отмена стараго устройства общества Густава-Адольфа*. Съ 6-го ноября 1843 г. дирекціонное главное общество Густава-Адольфа, исполнявшее до упомянутаго числа обязанности центральной дирекціи, передаетъ заведеніе дѣлами, свой архивъ и имущество той центральной дирекціи существующаго теперь евангелическаго общества Густава-Адольфа, которая избрана общимъ сѣздомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 22-го сентября 1843 года. Съ этого дня оба прежнія общества (то-есть, Лейпцигское и Дрезденское) и ихъ отрасли выходятъ изъ своей органической связи и вступаютъ въ новое общество“.

Затѣмъ, опредѣлено было сѣхаться въ 1844 году въ третье общее собраніе въ Геттингенѣ, и назначено издавать отъ общества собственную газету подъ названіемъ: *Вѣстникъ евангелическаго общества Густава-Адольфа* (*Botte des evangelischen Vereins der Gustav-Adolfs-Stiftung*), которая съ 1845 года издается докторомъ Карломъ Гроссманномъ.

До времени этого преобразованія общества, оно оказало пособія 44 малымъ и большимъ общинамъ изъ процентовъ собраннаго капитала. Какъ возрасли силы общества въ 1842 году, видно по слѣдующему примѣру: въ 1839 году, при хорошемъ сборѣ, общество могло употребить на пособія только 500 талеровъ, а въ 1843 году оно раздало двадцати двумъ общинамъ уже 3.596 талеровъ. Въ томъ же 1843 году приказомъ министерства отъ 16-го ноября дозволено и въ Пруссіи образоваться обществамъ Густава-Адольфа. Въ томъ же году виртембергскій король Вильгельмъ, препровождая свой годичный взносъ (1.000 гульденовъ), заявилъ начальству тамошняго общества, что онъ считаетъ своимъ долгомъ помогать всѣми силами своимъ страждущимъ единовѣрцамъ. Несомнѣнно, что это царственное слово побудило и все населеніе Виртембергскаго королевства принять живѣйшее участіе въ обществѣ.

Въ 1844 году, около того же времени, какъ приготавлилось общее собраніе въ Геттингенѣ, общество извѣстилось о неблагопріятномъ къ нему расположеніи католическаго баварскаго правительства, которое предписаніемъ отъ 10-го февраля 1844 года воспретило своимъ

подданнымъ составлять подобныя общества и входить въ сношенія съ ними, находя, что они ведутъ къ „нарушенію церковнаго мира и единодушія въ Германіи“.

Это предписаніе побудило придворнаго велико-герцогскаго пастора, доктора Карла Циммермана (составившаго исторію общества Густава-Адольфа) обратиться, 31-го марта того же года, къ королю Баварскому съ обширною запискою, въ которой онъ самымъ почтительнымъ образомъ оправдывалъ общество отъ возводимыхъ на него упрековъ и излагалъ его дѣйствительную благодѣтельную цѣль. Съ подобными же представленіями обращалась къ баварскому правительству и центральная дирекція общества, но на этотъ разъ безуспѣшно, такъ что лишь по прошествіи многихъ лѣтъ общества эти были разрѣшены въ Баваріи.

Въ томъ же году было получено и еще грустное извѣстіе о кончинѣ шведскаго короля Карла XIV Іоанна, который, какъ уже сказано, предписаніемъ своимъ производить, въ продолженіе шести лѣтъ, во всѣхъ шведскихъ церквахъ сборъ въ пользу общества оказалъ послѣднему столь важную поддержку. Центральная дирекція препроводила къ сыну его Оскару I сочувственный адресъ, заявлявшій скорбь, причиненную обществу этимъ печальнымъ событіемъ, и новый король отвѣчалъ на адресъ слѣдующимъ образомъ: „Заявленное вами сочувствіе къ памяти моего родителя тронуло меня до глубины сердца. Какъ сынъ, я обязанъ вамъ благодарностью; какъ монархъ, чувствую потребность увѣрить васъ, что цѣль вашей дѣятельности постоянно будетъ пользоваться моимъ участіемъ и покровительствомъ. Изъ сѣверныхъ государей Густавъ первый ввелъ протестантство въ своемъ королевствѣ, а внукъ его Густавъ-Адольфъ пожертвовалъ своею жизнію, защищая свободу совѣсти. Покойный родитель мой своими наставленіями и своимъ примѣромъ еще глубже утвердилъ эти воспоминанія въ моей душѣ. Поэтому, принимая участіе въ вашемъ евангелическомъ обществѣ, я исполняю двойной долгъ: какъ преемникъ такихъ предшественниковъ, и какъ король двухъ протестантскихъ государствъ“.

Въ промежутокъ времени между запрещеніемъ обществъ въ Баваріи и вѣстью о кончинѣ Шведскаго короля, Пруссійскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, приказомъ отъ 14-го февраля 1844 года, объявилъ, что хотя онъ по причинамъ политическимъ не можетъ принять подъ свое покровительство общества Густава-Адольфа въ другихъ частяхъ Германіи, но охотно общается покровительствовать имъ въ своемъ государствѣ.

Непосредственно передъ общимъ собраніемъ въ Геттингенѣ 1-го сентября 1844 года прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, съ цѣлію составить прусское центральное общество, созвалъ въ Берлинъ депутатовъ отъ прусскихъ провинціальныхъ обществъ и пригласилъ членовъ центральной дирекціи (доктора Гроссмманна младшаго, пастора Зандера изъ Гейсмара и доктора Циммермана) въ это собраніе, на которомъ прусскіе депутаты единогласно опредѣлили соединиться съ главнымъ германскимъ обществомъ. Прусское министерство одобрило это рѣшеніе, и снабженіемъ отъ него полномочіемъ прусскіе депутаты явились 9-го сентября въ Геттингенъ.

Въ отчетѣ, представленномъ собранію Гроссмманномъ сыномъ, поименовано болѣе 150 главныхъ обществъ и ихъ отраслей, гдѣ назначены церковные сборы въ пользу общества. При совѣщаніяхъ утверждено присоединеніе прусскихъ обществъ; предложено вступить въ ближайшія сношенія съ швейцарскими обществами; постановлено заявить благодарность Прусскому королю и князю Оттону-Виктору Шенбургъ-Вальденбургскому, который подарилъ 250.000 гульденовъ въ пользу евангелическихъ учителей въ Австріи. Изъ отчета центральной дирекціи, представленнаго 6-го ноября 1844 года, видно, что въ этому числу уже существовало 31 главное общество и 333 малыя. Дохода общество получило 45.432 талера, и роздало въ пособіе 48 общинамъ 24.000 талеровъ. Капиталъ общества возросъ до 20.381 талера.

Въ 1845 году происходило общее собраніе въ Штутгартѣ (2-го и 3-го сентября). На этомъ собраніи присутствовало чрезвычайно много пріѣзжихъ депутатовъ и друзей общества изъ дальнихъ странъ (Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Курляндіи, Венгріи, Седмиградскаго княжества, Португаліи, Сѣверной Америки и Остъ-Индіи). Многіе заявляли желаніе переимѣнить названіе общества, но это предложеніе не принято. Изъ годоваго отчета, читаннаго Гроссмманномъ младшимъ, оказалось что общество все болѣе и болѣе распространялось, что протестанты въ Бельгіи, Голландіи, Даніи, Франціи заявили желаніе вступить въ связь съ обществомъ. Баденское главное общество предложило присоединить къ обществу внѣ-германскія протестантскія церкви, но было сочтено небезопаснымъ обратиться къ этимъ церквамъ съ воззваніемъ. Въ отчетѣ центральной дирекціи показано, что общество получило дохода 56.896 талеровъ и помогло 62 общинамъ, выдавъ имъ 42.685 талеровъ.

Общее собраніе 1846 года было въ Берлинѣ (7-го, 8-го и 9-го сен-

тября). Въ этомъ году, какъ оказалось изъ отчета, общество получило 73.000 талеровъ дохода, изъ которыхъ издержало 66.000 талеровъ на пособіе 134 общинамъ. Общественное сочувствіе къ учрежденію продолжало возрастать, но возрастало также и количество прошеній о пособіяхъ. Замѣчательнаго въ этомъ собраніи не произошло ничего, кромѣ случая съ депутатомъ главнаго Кенигсбергскаго общества, докторомъ Руппомъ, который, вслѣдствіе ссоры съ своимъ церковнымъ начальствомъ, былъ исключенъ изъ церковной общины своей страны, а потому многіе полагали, что его нельзя допустить въ собраніе; но при баллотированіи по этому дѣлу на его сторонѣ оказалось большинство 39 голосовъ противъ 32, вслѣдствіе чего онъ и былъ допущенъ.

Въ 1847 году общее собраніе происходило въ Дармштадтѣ (21-го и 22-го сентября). На этотъ разъ годовой отчетъ читалъ пасторъ Говардъ. Изъ этого отчета видно, что тогда уже существовало 41 главное общество и 628 отраслей. Такъ какъ количество занятій центральной дирекціи разрослось до чрезвычайности, то оказалось нужнымъ учредить должность особеннаго дѣлопроизводителя, въ которую былъ избранъ адвокатъ докторъ Стефани. Изъ этого отчета видно, что доходы общества возрастали очень быстро, именно: въ 1842 году они простирались до 3.000, въ 1843 до 9.000, въ 1844 до 26.000, въ 1845 до 57.000, а въ 1846 до 78.000 талеровъ. Что касается до 1847 года, то изъ отчета центральной дирекціи 6-го ноября видно, что и въ этомъ году въ кассу общества поступило 73.568 талеровъ, изъ которыхъ на пособія издержано 68.784 талера.

Политическія потрясенія, происходившія въ 1848 и 1849 годахъ, угрожали обществу важными опасностями; поэтому въ 1848 году общее собраніе не могло состояться; но, не смотря на то, общество успѣло, и хотя съѣздъ въ Бреславлѣ былъ отложенъ до 1849 года, хотя доходъ общества въ 1848 году простирался только до 37.071 талера, однако дѣятельность центральной дирекціи была такъ велика, что и въ эти годы она успѣла освятить двѣ выстроенныя ею церкви: въ Луцмансбургѣ въ Венгріи (гдѣ протестанты наиболѣе пострадали отъ войны) и въ Гуттенгагѣ въ Силезіи. Кромѣ того, послѣ продолжительныхъ помѣлъ была освящена церковь, выстроенная въ Баваріи, въ Эйхштадтѣ.

Весною 1849 года, когда воененія въ Германіи нѣсколько утикли, центральная дирекція созвала общее собраніе въ Бреславлѣ на 28-е и 29-е августа. На этотъ разъ собраніе было весьма малочисленно. Въ

отчетѣ, обнародованномъ 6-го ноября 1849 г., сказано, что неподвижный капиталъ общества возросъ до 30.476 талеровъ, но доходы въ этомъ году простирались только до 21.501 талера, которые и были снова издержаны на вспомошествованія 63 обществамъ.

Въ томъ же году приказомъ короля Баварскаго отъ 15-го сентября было разрѣшено и въ Баваріи устройство евангелическихъ обществъ.

Въ 1850 году составилось общее собраніе въ Эйзенахѣ (25-го и 26-го сентября). На это собраніе съѣхалось 40 представителей отъ 34 главныхъ обществъ. Предсѣдательствовалъ Гроссманнъ отецъ. Отчетъ, вмѣсто заботливаго секретаря, читалъ докторъ Шварцъ изъ Іены. На этотъ разъ число прошеній о пособіи чрезвычайно увеличилось и достигло до 976; особенно много было просьбъ о пособіи изъ Баваріи. Тамъ нужны были преимущественно развѣжаніе пасторы. Но въ этому же времени были оживлены постройкою церковь въ Патварцѣ въ Венгрии и школа въ Эфердингѣ въ Австріи.

Въ отчетѣ своемъ за этотъ годъ, прочтенномъ 6-го ноября, центральная дирекція сообщила, что на пособія она и въ этомъ году издержала 44.129 талеровъ. Въ томъ же году были вновь освящены двѣ, сооруженныя обществомъ, церкви: 5-го іюня въ Гольденштедтѣ въ Ольденбургѣ, и 19-го ноября въ Люблиницѣ въ Силезіи.

Въ 1851 году общее собраніе было въ Гамбургѣ (23-го и 24-го сентября). На это собраніе съѣхалось 55 представителей отъ 39 обществъ и было представлено уже 1.294 прошенія о пособіи. Предсѣдательствовалъ докторъ Гроссманнъ, годовой отчетъ читалъ докторъ Шульцъ. Собранію было сообщено, что въ Баваріи уже образовались многія общества. Доходы снова стали обильно притекать; но за то и требованій о пособіи было опять немало. Собранію было доложено о нуждахъ протестантовъ въ разныхъ странахъ, между прочимъ въ Венгрии и Константинополѣ. Въ отчетѣ центральной дирекціи отъ 6-го ноября сообщено, что ею на пособія 218 общинамъ употреблено въ этомъ году 24.389 талеровъ, да самими обществами 22.830 талеровъ, всего же 47.219 талеровъ. 17-го августа была освящена церковь въ Габерѣ въ Богеміи. (Принадлежащій же къ ней пасторскій домъ былъ достроенъ уже въ 1854 году).

Прежде чѣмъ продолжать исторію дальнѣйшихъ годовъ, считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о женскихъ обществахъ Густава-Адольфа.

Въ 1851 году въ Берлинѣ составились два такія общества. Одно

изъ нихъ дѣлеть каждую зиму нѣсколько концертовъ въ пользу учрежденія Густава-Адольфа, и эти концерты до сихъ поръ доставляли ежегодно болѣе 1.000 талеровъ чистаго дохода. Другое же общество почерпало свои доходы отъ разныхъ взносовъ, подарковъ, а также чтеній. Въ новѣйшее время послѣднее общество стало для такъ называемыхъ конфирматныхъ домовъ¹⁾, кромѣ денегъ, доставлять кровати, одежду, бѣлье, отчасти приготовляемыя самими участниками общества.

Этому прекрасному примѣру послѣдовали вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ, при чемъ докторъ Іонасъ изъ Берлина преимущественно заботился о распространеніи женскихъ обществъ. Число этихъ женскихъ обществъ быстро возрасло, и къ 1859 году ихъ было уже 58 въ разныхъ странахъ (въ Пруссіи, Саксоніи, Ганноверѣ, Гессенѣ, Ольденбургѣ, Альзасѣ и т. д.). Но и въ послѣдствіи они не перестали размножаться. Сначала возникъ было вопросъ, прилично ли къ участию въ такомъ дѣлѣ допускать женщинъ; однако послѣдковъ рѣшили, что женщины, по своему вліянію на семью и вообще на мужчинъ, могутъ очень благотворно содѣйствовать дѣламъ общества Густава-Адольфа.

Всѣ послѣдующія общія собранія уже свидѣтельствовали о быстромъ усиленіи средствъ и расширеніи самой дѣятельности общества. Уже въ 1852 году на собраніи въ Висбаденѣ (7-го, 8-го и 9-го сентября), кромѣ сообщеній о вновь выстроенныхъ, освященныхъ и заложенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ церквахъ, шла рѣчь о протестантахъ въ Седмиградскомъ княжествѣ и Венгріи. 6-го ноября центральная дирекція извѣстила въ своемъ отчетѣ, что въ этомъ году она оказала пособіе 238 общинамъ, употребивъ на это 58.202 талера. Во всѣхъ общихъ собраніяхъ прочихъ годовъ до 1859 года происходило почти то же: извѣщалось о вновь образованныхъ малыхъ и главныхъ обществахъ, о выстроенныхъ или заложенныхъ церквахъ и училищныхъ домахъ, о доходахъ разныхъ обществъ и суммахъ, издержанныхъ ими на пособіе.

Вообще, въ эти годы основной капиталъ главнаго общества возросъ до 43.646 талеровъ, а къ 1864 году до 55.507 талеровъ; онъ могъ бы возрасти и болѣе, но общество израсходовало совмѣстно съ разными другими обществами женскими на пособія въ разныхъ мѣст-

¹⁾ Особаго рода воспитательныя заведенія для бѣдныхъ протестантскихъ дѣтей обоюго пола, которыя содержатся тамъ и обучаются до того возраста, когда они впервые бываютъ допущены къ причастію (конфирмуется).

ностякъ (въ томъ числѣ въ Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи; Константинополѣ, Бейрутѣ и даже Австріи) 954.917 талеровъ, 268.114 гульденовъ и 845.786 франковъ (174.580 франковъ швейцарскими обществами и 171.206 Страсбургскимъ евангелическимъ обществомъ). Сверхъ того, отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ въ пользу общества поступило завѣщаній на 68.145 талеровъ, 248.963 гульдена и 40.133 франка.

Сверхъ того, и въ послѣдующіе годы до 1869, общество также употребило весьма большія суммы на пособія бѣднымъ протестантскимъ общинамъ и на постройку церквей и училищъ, такъ что изъ общаго отчета, представленнаго въ 1855—1868 гг. видно, что съ основанія своего по 1866 годъ включительно, общество израсходовало на пособія всего на все 2.410.800 талеровъ, или 4.218.900 гульденовъ.

Въ послѣдніе годы особенно быстро возрастало число главныхъ обществъ и ихъ отраслей, дамскихъ отдѣленій, окружныхъ и мѣстныхъ комитетовъ по разнымъ мѣстностямъ Европы и другихъ частей свѣта, и всѣ эти учрежденія возникали подъ покровительствомъ главнаго евангелическаго общества Густава-Адольфа и въ зависимости отъ него. Особенно много такихъ учрежденій возникло въ славянскихъ земляхъ Австріи; не малое число ихъ можемъ найти въ Европейской и Азіатской Турціи и даже въ Россіи. Намъ особенно должны занимать здѣсь успѣхи общества Густава-Адольфа на Востокѣ и среди Славянъ, гдѣ оно въ каждомъ евангелическомъ приходѣ утвердило свое вліяніе посредствомъ сооруженія новыхъ церквей, пасторскихъ домовъ, школъ (большею частію съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ), больницъ, дѣтскихъ пріютовъ и богадѣленъ. При помощи духовнаго и умственнаго вліянія оно повсюду проводитъ вліяніе нѣмецкаго языка, нѣмецкой образованности и нѣмецкаго народа. Отовсюду главная дирекція общества получаетъ отчеты о состояніи дѣлъ въ евангелическихъ общинахъ, гдѣ бы онѣ ни существовали; къ ней обращаются съ своими просьбами вновь открываемыя общины, какъ изъ австрійскихъ, такъ и изъ турецкихъ владѣній. Ей шлются письма изъ всѣхъ этихъ краевъ, и этими письмами наполнены страницы журнала и другихъ изданій, посредствомъ которыхъ общество Густава-Адольфа знакомитъ нѣмецкихъ читателей съ своими дѣйствіями¹⁾.

¹⁾ Между изданіями общества Густава-Адольфа назовемъ, кромѣ его «Юбилейнаго описанія», на которое мы уже ссылались, и журнала (*Bote*), издающагося 28-й годъ, слѣдующія: 1) *Die Bauten des Gustav-Adolf-Vereins in Bild und Geschichte. Ein Beitrag zur Geschichte der evangelischen Brüder in der Zer-*

Взглянемъ же хотя на нѣкоторыя стороны этой мѣстной дѣятельности общества; приведемъ хотя нѣкоторыя подробности изъ нея, ибо наложеніе всѣхъ ихъ составило бы содержаніе цѣлой книги. Начнемъ съ Востока и будемъ пользоваться для того извѣстіями, помѣщенными въ *Вѣстникъ* общества за послѣдніе два года.

На Востокѣ общество состоитъ въ тѣсныхъ связяхъ съ протестантскою епископскою кафедрою, поддерживаемою изъ Берлина и Лондона, и по мѣрѣ его успѣховъ развиваетъ и свою благотворительную дѣятельность. По видимому, здѣсь религіозная и педагогическая сторона дѣла преобладаетъ надъ національною; но въ сущности она служитъ основою для національнаго вліянія.

Вотъ, напримѣръ, воззваніе Іерусалимскаго евангелическаго общества, управляемаго изъ Берлина:

„Желайте счастья Іерусалиму! Благо будетъ любящимъ тебя!“ (исл. 122, 6). Эти слова имѣютъ цѣлью поселить въ душахъ евангелическихъ христіанъ Германіи любовь къ Іерусалиму при наступленіи 21 годовщины назначенія въ Іерусалимъ перваго евангелическаго епископа (въ 1842 г.), освященія тамошней церкви во имя Христа Спасителя (1848 г.) и вступленія въ должность перваго нѣмецко-евангелическаго пастора въ Іерусалимѣ (1852 г.). Этотъ день евангелическія церковныя власти назначили днемъ для ежегоднаго заявленія любви своей къ Іерусалиму.

„Въ текущемъ году Іерусалимъ былъ посѣщенъ чрезвычайно многими болѣзнями, чему содѣйствовало значительное увеличеніе его населенія. Тѣмъ болѣе открылось поводовъ для дѣятельности нашихъ евангелическихъ заведеній. Вотъ что сообщаетъ намъ директоръ миссіи, докторъ Вангемайтъ, который, возвращаясь изъ поѣздки въ миссіи южной Африки, пробылъ нѣсколько времени въ Іерусалимѣ, былъ очевидцемъ того, что тамъ происходитъ, и съ теплымъ чувствомъ любви приглашаетъ нѣмецкихъ христіанъ содѣйствовать въ пользу Іерусалима. Подъ высшимъ надзоромъ епископа Самуила Гобата наши Іерусалимскія учрежденія находятся въ завѣдываніи пастора Гофмана; въ гостиницу (Hospiz) ордена Іоаннитовъ было принято много иностранцевъ; учрежденіе діаконовъ открыло свое новое зданіе Талита-Куми, такъ что теперь заведеніе для дѣтей находится въ сѣверо-западѣ отъ города, а госпиталь остается въ городѣ для больныхъ; домъ проваженныхъ „Помоги Христе“ служить убѣжищемъ для многихъ проваженныхъ; въ сиротскомъ домѣ Вазельской паломнической миссіи воспитываются 40 мальчиковъ-сиротъ; многочисленныя школы постоянно посѣщаются. Въ магометанскомъ

streung. Herausgegeben von Dr. K. Zimmermann, Prälat in Darmstadt und K. Zimmermann, Pfarrer in Jugenheim. Mit vielen Illustrationen in Holschmitt. 48 Bog. Neue Ausgabe in 6 Lief. a 19 Sgr. 2) Tebea, oder die Frauenvereine des evangelischen Vereins der Gustaf-Adolf-Stiftung, von Dr. K. Zimmermann; 8 Bogen; preis 10 Sgr. Вообще все изданія общества и его отраслей чрезвычайно дешевы и многочисленны.

кварталъ учреждены магометанами школа для мальчиковъ и швейная школа для дѣвочекъ. Дабы облегчить сообщенія, устраивается дорога изъ Иерусалима въ Яффу. Многочисленныя раскопки обнаруживаютъ части стараго Иерусалима; древняя обводная стѣна храма, еще сохранившаяся на 86 футовъ сверхъ земли, открыта надъ землею на 95 футовъ, и потому оказывается, что она дѣйствительно, имѣла 180 футовъ вышины, въ чемъ прежде сомнѣвались. Открыта втерадъ арка моста, который велъ черезъ глубокую долину, простирающуюся отъ Сиона до храма. Развиваются и открываются многочисленные источники воды къ святому граду. Школы и общины въ Яффѣ, Назаретѣ, Наблузѣ (Сихемѣ), Лиддѣ и Рамлеѣ развиваются. Близъ Назарета поселилось нѣсколько друзей Иерусалима изъ Виртемберга.

„Въ Виллесеѣ, въ наше прекрасное зданіе миссіонеръ Мюллеръ принужденъ помѣстить, кромѣ 12 дѣвочекъ, еще троихъ бедуинскихъ мальчиковъ, которые не хотѣли возвратиться къ своимъ. У Бедуиновъ, живущихъ въ Эггади при Мертвомъ морѣ, заведена школа.

„Изъ Бейрута пасторъ Эбель извѣщаетъ о многочисленныхъ возникшихъ тамъ евангелическихъ заведеніяхъ. Тамъшнее заведеніе діакониссъ, имѣющее сиротскій домъ и пансіонъ, есть самое большое на Востокѣ. Въ госпиталѣ Іоаннитскаго ордена попеченіе о больныхъ ввѣрено также діакониссамъ, и съ тѣхъ поръ тамъ учреждено женское отдѣленіе (Station). По случаю погребенія одного Француза евангелическаго исповѣданія, наша миссія приобрѣла мѣсто для собственнаго кладбища. Весною сего года въ Бейрутѣ происходила пасторская конференція трехъ пасторовъ. Школа, значительно распространенная пасторомъ Эбелемъ, въ прошлую осень закрыта, ибо она стала не нужна, такъ какъ открылось много другихъ школъ.

„Въ Александріи евангелическая жизнь также развивается. Теперь, кромѣ церкви нашей и англійской, тамъ выстроена еще шотландская. Наша община разрастается подъ руководствомъ пастора Лютке, и приобрѣла на свои деньги, вмѣсто прежней украденной церковной утвари, новую. Весьма приятно было намъ прибытіе прусскаго военнаго корабля Медузы, особенно же насъ порадовало то, что экипажъ его присутствовалъ при богослуженіи. Заведеніе діакониссъ прискиваетъ другое зданіе, такъ какъ число его больныхъ очень увеличилось. Базельскіе братскіе дома Апостольской улицы приобретаютъ болѣе и болѣе вліянія, равно какъ заведенія: св. Маттея въ Александріи (со школой, имѣющей 80 учениковъ), св. Марка въ Каирѣ, св. Петра въ Эснетѣ, св. Фомы въ Каргнумѣ со школою (въ 30 учениковъ), св. Павла въ Матамагѣ, близъ абиссинскія границы.

„Есть надежда, что въ абиссиніи послѣ бѣдствій войны возрастетъ давно уже тамъ посѣянное слово Божіе.

„Нашему Иерусалимскому обществу даны теперь корпораціонныя права, испрошенныя нами по случаю значительнаго завѣщанія въ пользу нашу. Дай Богъ, чтобъ и многіе друзья Сиона попомнили о насъ въ своихъ завѣщаніяхъ! Совокупно съ нами трудятся Иерусалимскія вспомогательныя общества въ Бреславлѣ, Вецларѣ и Шленцерѣ; общества дамъ и дѣвицъ, дѣйствующія въ пользу Иерусалима, Александріи и Бейрута, равно какъ общества (Tabea-Vergein) въ Берлинѣ, женскія общества въ Потсдамѣ, Бреславлѣ, Эдерслебегѣ, Нюренбергѣ, Шторковѣ, Тильзитѣ, и проч. Доходы наши и расходы прости-

рались приблизительно до 6000 талеровъ. Правильный отчетъ о дѣятельности евангелической церкви на Востоцѣ сообщается въ *Новѣйшихъ извѣстіяхъ изъ восточныхъ странъ*, издаваемыхъ докторомъ Гофманомъ и профессоромъ Ф.-А. Штраусомъ (2 листа каждые три мѣсяца. Получать можно во всѣхъ прусскихъ почтамтахъ и книжныхъ лавкахъ, съ платою по 10 зильбергрочей въ годъ).

„Повсюду, гдѣ мы дѣйствовали на Востоцѣ, Господь благословилъ наши труды; но со всѣхъ сторонъ приходятъ настоятельныя просьбы о дальнѣйшихъ пособіяхъ, о доставленіи учителей и пасторовъ. Въ средствахъ у насъ большой недостатокъ. Прочія церкви, греческая и въ особенности римско-католическія, постоянно прислаютъ обильные дары и размножаютъ свои заведенія и миссіи. Неужели охладѣетъ любовь нашихъ евангелическихъ братьевъ къ Святой землѣ, къ Геесималии, Голгоѣ, Внолеаму? По повелѣнію Господа (Исаія 44, 28), по повелѣнію Его святаго апостола (къ Галатамъ 2, 10, къ Римлянамъ 15, 25, къ Коринтянамъ 1-е посл. 16, 1), мы просимъ и молимъ: „Храните въ сердцѣ Іерусалимъ!“ (Іеремія 51, 50).

Берлинъ, 2-го декабря 1868.

„Правленіе Іерусалимскаго общества въ Берлинѣ: докторъ Гофманъ, Бартеlemi Бернеръ, Каспаръ, Делпчъ, Эркамъ, Киршъ, Кнакъ, Леше, профессоръ Меснеръ, Натакъ, Шмидтъ, Шенигъ, профессоръ Ф.-А. Штраусъ, Г. Страусъ, Вестфаль“.

Послѣ Іерусалима Смирна составляетъ важнѣйшій пунктъ въ Азіатской Турціи, откуда дѣятельность общества Густава-Адольфа отъ поддерживаемой имъ евангелической общины разливается на всю окрестную мѣстность. Борьба съ многочисленными затрудненіями, между прочимъ противодѣйствіемъ католиковъ¹⁾, заставляютъ Смирнскую общину чаще многихъ другихъ обращаться за пособіями къ обществу Густава-Адольфа, и въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ его журнала мы нашли слѣдующее воззваніе евангелической общины въ Смирнѣ къ ея нѣмецкимъ единовѣрцамъ:

„Возлюбленные братья!

„Въ прежней просьбѣ нашей мы извѣщали васъ, что уже лѣтъ 100 назадъ въ нашемъ городѣ образовалась нѣмецкая община, которая до начала текущаго столѣтія имѣла свою церковь, школу и постоянное богослуженіе. По вслѣдствіе бурь, воздвигнутыхъ французскою революціей, эта община сокрушилась, и расторгнулись тѣ связи, въ какихъ находилась она съ городомъ Дан-

¹⁾ Еще въ 1840-хъ годахъ основано было въ Парижѣ подъ покровительствомъ герцогини Нарбонской особое общество «для поддержки малоазіатскихъ католиковъ противъ протестантской проаганды» и утверждено 29-го января 1848 года Піемъ IX. Справд. *Maté, Les Missionnaires catholiques et les missionnaires protestants; Paris, 1866.*—*Das evangelische Bisthum in Jerusalem. Berlin, 1842.*—*Dr. L. Reinke, Das Protestantismus in Orient. Münster, 1867.*

дигемъ и Датскимъ королевемъ, который давалъ жалованье Смирновому пастору, церковь же сгорѣла.

„Промѣ пятьдесятъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ отечественная нѣмецкая церковь не вспомнила о своихъ братьяхъ въ Смирнѣ, и лишь по особому милосердію Божіемъ адѣйшій англійскій мисіонеръ Волтерсъ, природный Нѣмецъ, дружески согласился, не смотря на свои многотысячныя занятія, совершать нѣкуда для насъ богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ.

„Наказавъ, 1-го марта 1857 года, въ великой радости нашей, мы услышали слово Божіе изъ устъ собственнаго нѣмецкаго пастора, котораго прислали къ намъ прусскій король Вильгельмъ IV и центральная дирекція общества Густава-Адольфа.

„Богъ благословилъ насъ; число членовъ нашей общины въ десять лѣтъ удвоилось; въ основанномъ 16 лѣтъ назадъ учебномъ заведеніи (Diakonissen-Lehranstalt) было уже 230 воспитанниковъ изъ разныхъ націй, и это заведеніе процвѣло болѣе всѣхъ другихъ подобныхъ на Востока. Въ открытый въ 1866 году диакониссами сиротскій домъ уже принято 32 бѣдныхъ дѣвочки разныхъ націй, а въ основанномъ въ 1865 году высшемъ учебномъ заведеніи 80 учениковъ. Пятеро сиротъ-мальчиковъ изъ Нѣмцевъ и Англичанъ нашли пристанище у нашего пастора. Въ мисіонерской школѣ г. Шена изъ Карлсруэ уже въ 1867 году было много учениковъ. Онъ преподавалъ евангелическое ученіе 130 бѣднымъ Евреямъ, Грекамъ и Армянамъ, а бѣднѣйшимъ изъ нихъ оказывалъ и матеріальное пособіе.

„Малочисленная и бѣдная земными благами община наша въ короткое время заняла важное мѣсто въ адѣйшемъ городѣ и въ адѣйшей странѣ. Не только наши соотечественники, но многіе католики, Греки, Армяне, Евреи, Турки вѣряютъ нашимъ заведеніямъ своихъ дѣтей, и такимъ образомъ распространяется свѣтъ и вліяніе евангелической вѣры и жизни.

„Соборомъ по подпискѣ, дозволенной королевемъ въ Пруссіи, составился для насъ капиталъ, проценты съ котораго впредь будутъ идти на содержаніе нашего пастора, и 24-го декабря, въ присутствіи экипажей трехъ сѣверогерманскихъ и одного норвежскаго военнаго корабля, мы совершили закладку нашей новой церкви.

„О 1863 годѣ мы не можемъ сообщить ничего особенно замѣчательнаго. Но уплатъ 4.000 талеровъ за мѣсто для нашихъ построекъ, у насъ осталось около 600 талеровъ, которые возросли въ 1868 году до 1.500 талеровъ. Намъ нужно еще почти 9.000 талеровъ на постройку церкви.

„По многимъ причинамъ намъ очень желательно повсоруѣ отстроить церковь, ибо до сихъ поръ мы совершаемъ богослуженіе въ молельнѣ англійскихъ мисіонеровъ и за то платимъ четвертую долю того, что они сами вносятъ за наемъ помѣщенія. Но такъ какъ у нихъ богослуженіе идетъ долго, то мы вынуждены молиться уже въ послѣобѣденные часы. Это обременительно для людей, обязанныхъ какою-либо службой, а въ жаркое лѣтнее время очень тягостно и пастору нашему. Сверхъ того, помѣщеніе церкви въ этомъ домѣ сдѣлалось и неудобнымъ съ тѣхъ поръ, какъ надъ нею открылось фотографическое заведеніе, посѣщаемое публично и въ воскресные дни. Да кто знаетъ, не предпочтетъ ли со временемъ владѣлецъ этой сали — онъ католикъ — отдать ее въ наемъ подъ магазинъ: это будетъ еще прибыльнѣе.

„Потому снова обращаемся къ вамъ съ просьбою помочь братьямъ въ Смирнѣ, гдѣ 1700 лѣтъ назадъ первый епископъ этого города Полликарпъ, ученикъ апостола Іоанна, запечатлѣлъ свою вѣру въ Искунителя мученической смертію. Докажите, что хотя въ настоящее время Господя не требуется отъ насъ такихъ же геройскихъ подвиговъ, однако же вы готовы доказать вашу любовь къ Нему дѣлами благотворенія. Мы же, бѣдные и безпомощные, будемъ вамъ за это благодарны и никогда не перестанемъ приывать на васъ благословеніе Божіе за добро, сдѣланное вами отдаленными братьями.“

Смирна, 3-го февраля 1869 года.

Церковный совѣтъ нѣмецкой евангелической общины“.

(Подпись).

Въ Австріи общество Густава-Адольфа дѣйствуетъ гораздо свободнѣе и систематичнѣе. Здѣсь ему помогаютъ не только нѣмецкіе члены евангелическихъ общинъ, разсыпанныхъ по всѣмъ землямъ австрійской, венгерской и чешской коронъ, но и Славяне, принадлежащіе къ тому же исповѣданію. Опытъ доказалъ, что между западными Славянами скорѣе другихъ теряютъ свою національность евангелики изъ Чеховъ, Словенцовъ и Словаковъ. Общество Густава-Адольфа въ областяхъ Австрійской имперіи имѣетъ совершенно такія же развѣтвленія, какъ и въ Германіи. Одно общее центральное управленіе для всѣхъ этихъ весьма многочисленныхъ развѣтвленій находится въ городѣ, лежащемъ недалеко отъ Вѣны въ Нижней Австріи, въ такъ-называемомъ Wiener-Neustadt (Вѣнскій Новгородъ). Вотъ послѣднее воззваніе этого центрального управленія:

„Достопочтенные господа! Возлюбленные братья!

„Послѣ многихъ трудовъ, правленію удалось наконецъ собрать въ удовлетворительной мѣрѣ матеріалъ для изображенія цоприща, которое предстонтъ дѣятельности общества Густава-Адольфа въ нѣмецко-славянскихъ областяхъ Австріи. Правленіе надѣется, что въ началѣ будущаго года оно будетъ въ состояніи удовлетворить потребностямъ, которыя въ средѣ общества всеюду ощущаются, и выдать печатное описаніе этихъ потребностей, составленное однимъ изъ членовъ правленія. Книга эта выйдетъ изъ печати, вѣроятно, въ апрѣлѣ 1869 года; она будетъ состоять почти изъ 16-и печатныхъ листовъ и появится подъ заглавіемъ: „Потребности (Diagnosa) евангелическихъ общинъ въ нѣмецко-славянскихъ областяхъ Австріи“. Хотя и было бы очень желательно какъ можно болѣе безплатно распространить эту книгу, но касса общества еще не можетъ взять на себя расходы по печати, и потому надобно продавать книгу. А для того, чтобы не затруднить желаемое распространеніе книги, правленіе полагаетъ назначить за нее самую дешевую, по возможности, цѣну, именно 75 австрійскихъ крейцеровъ (или 15 ней-грошей) за экземпляръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что не только старшины всѣхъ нѣ-

нѣмецко-славянскихъ евангелическихъ общинъ Австріи и ихъ прихожане, но и всѣ главныя и второстепенныя общества Густава-Адольфа во всей Германіи охотно пожелають имѣть книгу, изъ которой они впервые официально извѣстятся о положеніи и потребностяхъ евангелической церкви нѣмецко-славянскихъ областей Австріи. Всѣ правленія общества Густава-Адольфа будутъ дружески приглашены подписаться на книгу и усерднѣйшимъ образомъ распространять подписку въ своихъ общинахъ и между своими сочленами. Подписные листы и деньги мы приглашаемъ прислать не позже 1-го февраля 1869 года въ евангелическое пасторство въ Винеръ-Нейштадтъ.

„Вѣна, 15-го декабря 1868 года“.

Малыя общества, ихъ отрасли и вспомогательные комитеты, существующіе въ Австріи и зависящіе отъ Лейпцигскаго общества Густава-Адольфа, также имѣютъ свои ежегодные сѣзды, описаніе которыхъ всегда можно найти въ *Вѣстникѣ* общества. Эта связь между евангелическими общинами всѣхъ австрійскихъ и венгерскихъ земель образовалась только съ 1861 года. Самые сѣзды назначаются обыкновенно недѣли за двѣ или за три предъ сѣздами цѣлаго общества Густава-Адольфа. Такъ, 18-го и 19-го августа 1868 г. происходило въ Клагенфуртѣ (Цѣловцѣ) *шестое* годичное собраніе „главнаго общества Густава-Адольфа для нѣмецко-славянскихъ областей Австріи“. Большая часть депутатовъ отъ второстепенныхъ обществъ (*Zweigvereine*), а также члены дирекціи прибыли 18-го въ два часа по полудни съ поѣздомъ изъ Марбурга и въ сопровожденіи комитета празднества (*Fest-Comité*) были размѣщены по гостинницамъ въ нанятыхъ для нихъ квартирахъ. Въ пять часовъ, въ новой евангелической церкви происходило предварительное собраніе, открытое пѣніемъ гимна: „Единому Богу въ вышнихъ хвала!“ Совѣщанія объявилъ открытыми суперъинтендентъ, докторъ Г. Францъ, изъ Вѣны; ватѣмъ были провѣрены полномочія 32-хъ депутатовъ, прочтенъ отчетъ, и начались сужденія объ употребленіи двухъ третей дохода. Одна треть, какъ извѣстно, можетъ быть употребляема непосредственно главнымъ обществомъ, другая — по предложеніямъ центральной дирекціи, а третья представляется дирекціи же для употребленія по ея собственному усмотрѣнію. Равнымъ образомъ для пособій сообща назначается нѣкоторая сумма, и на сей разъ для этого было отдѣлено 200 гульденовъ. Въ предложенномъ печатномъ изчисленіи общинъ, требующихъ пособій, означены 38 общинъ, на которыя предполагалось распределить первую треть (2.500 гульденовъ), а для второй трети предложены 43 общины туземныя и 8 иностранныхъ. Членъ дирекціи, докторъ Колачекъ, объяснилъ, что прежде всего слѣдуетъ принять во

вниманіе тѣ общины, которыя рекомендованы центральною дирекціей, потому тѣ, которыя сами обратились къ главному обществу, и наконецъ, 8 общинъ, обратившихся съ просьбами уже послѣ и не включенныхъ въ изчисленіе пособій.

Поэтому изчисленіе необходимо было измѣнить. Въ немъ равномѣрно приняты во вниманіе всѣ коронныя области Австріи, церкви и школы, и назначено около 700 гульденовъ на погашеніе долговъ.

Въ заключеніе письмоводитель, докторъ Шенкеръ объяснилъ, что брошюра: „Исторія общества Густава-Адольфа“, изданная австрійскимъ главнымъ обществомъ, переведена пасторами Флейшеромъ и Гецко на языки чешскій и польскій, и напечатана на чешскомъ въ 4.000, а на польскомъ въ 2.500 экземплярахъ. Члены собранія изъявили переводчикамъ признательность, вставъ съ мѣстъ. Равнымъ образомъ собраніе заявило желаніе, чтобы на нѣмецкомъ языкѣ упомянутая брошюра была напечатана новымъ изданіемъ. Относительно предполагаемаго продолженія этой брошюры, особенно по части главнаго общества, докторъ Шенкеръ сообщилъ, что запросные листы, препровожденные къ второстепеннымъ и мѣстнымъ обществамъ, еще не всѣ возвращены, и просилъ, чтобы второстепенныя общества послѣдили ихъ высылкой, а также своевременно сообщили главному обществу свои годовые отчеты. Рекомендованы изданныя отъ общества сочиненія: „Филадельфія“, „Займитесь нуждой единовѣрцевъ“, „Ежегодникъ“ и „Исторія Трансильванской общины Гросъ-Эниедъ“.

Далѣе обратилъ на себя общее вниманіе присутствовавшихъ превосходный докладъ секретаря доктора Шенкера, начинающійся съ разказа о переселеніи лицъ евангелическаго исповѣданія въ 1737 году въ Каринтію и доходящій до дарованія правъ австрійскимъ протестантамъ, на основаніи патента 1861 года основныхъ государственныхъ законовъ и законовъ отъ 25-го мая 1868 года. Онъ коснулся также исторіи общества Густава - Адольфа (по случаю 25-лѣтняго юбилея въ Вормсѣ) и дѣятельности австрійскихъ обществъ. Основной капиталъ съ 1861 года съ 2.500 гульденовъ увеличился до 8.516 гульденовъ; число мѣстныхъ обществъ возрасло до 208, а число членовъ до 4.800. Были и частныя пожертвованія, напримѣръ, нѣсколько разъ отъ г. Штетнера изъ Триеста; отъ города Триеста въ пользу чешской учительской семинаріи, на учрежденіе школъ для нижнеавстрійскихъ второстепенныхъ обществъ, 3.000 гульденовъ, полученные для Марбурга отъ сборовъ по домамъ въ Триестѣ, Герцѣ, Грацѣ, и проч. „Но“, замѣтилъ докладчикъ, „не надобно этимъ тщеславиться, а напротивъ

того, стремиться дагѣ и далѣ впередъ. Правда, времена преслѣдованія прошли, но не смотря на то, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобъ удержать приобрѣтенное, хорошо пользоваться свободою, развивать ее, пешись о внутреннемъ устройствѣ церкви, одушевлять форму духомъ. Въ настоящее время достигнуто далеко еще не все: 868 общинъ еще обращаются къ обществу съ просьбами; для нихъ надобно выстроить 117 церквей, 169 школъ, 55 пасторскихъ домовъ и уплатить полмилліона талеровъ долга. Да къ этому постоянно присоединяются и еще новыя потребности". Послѣ докладчика говорилъ докторъ Стой, состоявшій тогда директоромъ Вѣлицкой учительской семинаріи; онъ заявилъ привѣтствіе отъ Баденскаго главнаго общества; въ Баденѣ, какъ извѣстно, протестанты терпѣли нѣкогда ту же участь, какъ и въ Австріи, а потому они естественно желаютъ единенія съ австрійскими протестантами. Докторъ Колачекъ сообщилъ потомъ, что высказанныя на сѣздѣ желанія будутъ удовлетворены; это можетъ быть достигнуто тѣмъ, что 100 гульденовъ будутъ переданы двумъ каринтійскимъ общинамъ, а проектированныя для нѣкоторыхъ другихъ общинъ суммы или уменьшены, или выдача ихъ отложена.

Что касается Россіи, то общество Густава-Адольфа поддерживаетъ связи съ ея евангелическими общинами посредствомъ 22 окружныхъ комитетовъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ какія-либо розысканія по этимъ сношеніямъ; они обнародованы самимъ обществомъ. Еще недавно въ *Вѣстникъ* общества былъ напечатанъ весьма подробный и интересный отчетъ, который центральная касса общества въ Россіи препроводила къ окружнымъ и вспомогательнымъ комитетамъ. Это былъ ея девятый годичный отчетъ о своей дѣятельности въ 1867 году. Сообщаемъ изъ него важнѣйшее.

„Чистый доходъ С.-Петербургскаго центральнаго комитета и 22-хъ окружныхъ комитетовъ простирался въ 1867 г. до 31.645 руб. (что составляетъ по 1½ копѣйки на cadaго лютеранина въ Россіи) и превысилъ доходъ 1866 г. на 2.427 руб.; это свидѣтельствуетъ о возрастающемъ сочувствіи къ лютеранской церкви, тѣмъ болѣе, что въ 1867 году во многихъ мѣстахъ господствовала тяжелая нужда. Однако, сравнительно съ прежними годами доходъ 1867 г. оказался значительно менѣе, такъ какъ, на примѣръ, въ 1863 году дохода было на 8.000 руб. болѣе, чѣмъ въ 1867 году.

„Что касается дохода уѣздныхъ комитетовъ въ 1867 г., то 11 комитетовъ получили его болѣе чѣмъ въ 1866 г. (въ томъ числѣ балтійскіе окружные комитеты Дерптскій, Рижскій, Эзелскій, Ревельскій, Либавскій), а 8 комитетовъ (въ томъ числѣ лифляндскіе и эстляндскіе) получили менѣе дохода.

„Центральный комитетъ оказалъ пособіе не менѣе, чѣмъ 45 общинамъ, издержавъ на это 19.693 руб.; окружные комитеты оказали пособіе 55 общи-

намъ, на что употребили 6.576 руб.; изъ 76 пособій 49 были выданы на содержаніе церквей, на церковныя востроенія и починки; 27 пособій были выданы въ пользу евангелическихъ школъ.

„Центральный комитетъ успѣшно заботился о приобрѣтеніи точныхъ свѣдѣній относительно положенія и нуждъ лютеранской церкви въ Россіи. Плодомъ его усилій въ этомъ отношеніи были три тома „Исторіи евангелическо-лютеранскихъ церквей и школъ въ Россіи“, составленной дѣлопроизводителемъ центрального комитета, статскимъ совѣтникомъ Бушемъ. Всякому человеку, интересующемуся нашею церковью, слѣдовало бы приобрѣсть эту книгу, содержащую въ себѣ множество подробныхъ и достойныхъ вниманія свѣдѣній. Впрочемъ, хотя продажа книги до сихъ поръ шла не очень быстро, однако расходы на печать почти совсѣмъ уже покрыты.

„Другое предпріятіе, задуманное центральнымъ комитетомъ съ цѣлю возбудить въ нашихъ общинахъ болѣе участія въ дѣлѣ евангелической братской любви, къ сожалѣнію, было приведено въ исполненіе въ весьма не большой мѣрѣ. Это предпріятіе состояло въ разсылкѣ проповѣдниковъ, которые увѣщевали бы общины къ участію въ дѣлѣ благотворенія. Относящійся къ этому предмету проектъ центрального комитета, составленный въ обширномъ размѣрѣ, генеральная консисторія возвратила назадъ, какъ не сообразный съ цѣлью. Мы полагаемъ, что если бы проектъ былъ менѣе обширенъ, то не встрѣтилъ бы сопротивленія. Намъ кажется, что дѣло могло бы имѣть успѣхъ, если бы въ годичные праздники нашихъ балтійскихъ уѣздныхъ комитетовъ пасторы нуждающихся (diaspora) общинъ имѣли возможность описывать видѣнное и самими ими испытанное бѣдственное положеніе нашей церкви. Такихъ пасторовъ можно много найти въ недалекихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Динабургѣ, Псковѣ, Твери, Владимірѣ, Вильнѣ и т. д. Они могли бы разсказывать много потрясающаго о бѣдственномъ положеніи нашихъ единоувѣрцевъ.

„Стараясь, такимъ образомъ, по мѣрѣ силъ своихъ, возбудить сочувствіе къ общему дѣлу, центральный комитетъ продолжалъ между тѣмъ оказывать пособия нуждающимся. Кромѣ прежнихъ пособій, безъ которыхъ не могло бы продлиться существованіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинъ внутри Имперіи, комитетъ снова оказалъ въ 1867 году такую же существенную поддержку общинамъ въ Камско-Ижевскѣ на Уралѣ, во Владимірѣ, Екатеринбургѣ, Самарѣ.

„Въ С.-Петербургѣ центральный комитетъ выстроилъ на Петербургской сторонѣ новую церковь, которая служитъ сборнымъ мѣстомъ лютеранъ, живущихъ далеко отъ прочихъ церквей, и усердно ими посѣщается. Для богослуженія въ ней опредѣленъ пасторъ Мазингъ, получающій отъ комитета жалованье. Присоединенную къ церкви школу посѣщаютъ 38 дѣтей. Къ особеннымъ обязанностямъ пастора Мазинга относится еще преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ тѣмъ изъ приготовляемыхъ къ конфирмаціи лютеранамъ, которые уже не знаютъ роднаго языка. Таковыхъ было въ 1867 году 20 юношей и 3 дѣвцы.

„Для финско-лютеранской общины въ Петербургской губерніи имѣетъ важное значеніе учрежденная въ Колпинѣ лютеранская вѣстерская школа, которая также пользуется значительными пособиями отъ центрального комитета. Въ 1867 въ нее принято еще 10 молодыхъ Финляндцевъ.

„Харьковскій окружной комитетъ оказывалъ поддержку лютеранскимъ школамъ въ Курскѣ и Воронежѣ и доставилъ Воронежскому пастору возможность впервые объѣхать всѣ уѣздные города его губерніи, дабы пригласить тамошнихъ лютеранъ къ пожертвованіямъ въ пользу церкви. Сущестующій въ Сумахъ вспомогательный комитетъ особенно отличился энергическими и успѣшными усиліями, имѣвшими цѣлью устройство школы. На эту школу, въ продолженіи пяти лѣтъ, тамошніе нѣмецкіе лютеране внесли 20.000 руб.

„Дерптскій окружной комитетъ по прежнему оказывалъ преимущественное пособіе Гутмансбахской общинѣ. Кромѣ того, онъ оказалъ содѣйствіе устройству училищнаго дома на островѣ Рунов. Для поощренія къ содѣйствію цѣлямъ вспомогательной кассы, во второе воскресенье Филиппова поста въ Дерптѣ ежегодно совершается торжественное богослуженіе. На происходившемъ въ январѣ общемъ собраніи уѣздныхъ комитетовъ присутствовали всѣ пасторы уѣзда.

„Эстляндскій окружной комитетъ содѣйствовалъ предпринятому эстляндскою консисторіей учрежденію новыхъ пасторствъ. Нвоучрежденное, при совокупномъ пособіи сословія дворянскаго и крестьянскаго, пасторство Исаакъ (съ 4.660 душами прихожанъ) получаетъ ежегодно отъ уѣзднаго комитета 200 руб. пособія; на пособіе при постройкѣ новаго пасторства Эммастъ въ Дагденѣ, которое сооружено преимущественно на деньги щедрой графини Де-ла-Гарди, окружной комитетъ также далъ 500 руб. и прибавилъ на содержаніе пастора 250 руб. И въ этомъ случаѣ эстляндское дворянство оказало съ своей стороны поддержку, положивъ отпускать ежегодно въ пользу пастора 300 рублей.

„Иркутскій окружной комитетъ съ величайшею добросовѣстностью расходовалъ деньги, доставленныя балтійскими лютеранами въ пользу ихъ единовѣрцевъ, сосланныхъ въ восточную Сибирь, при чемъ пастору Россини много помогалъ присланный центральнымъ комитетомъ въ Верхній Сустукъ учитель Циммерманъ. Иркутскій пасторъ посѣтилъ въ 1867 г. и живущихъ разбѣянно въ Якутской области лютеранъ, у которыхъ съ 1859 года не былъ ни одинъ лютеранскій пасторъ. Во время разѣздовъ своихъ на протяженіи 6.000 верстъ, онъ былъ съ особенною радостью принять Финляндцами, высланными изъ Ингерманландіи за принадлежность къ сектѣ скакуновъ (Springersecte). Въ 1866 г. въ этомъ округѣ, въ Николаевскѣ на Амурѣ, основано новое, такъ-называемое дивизионное пасторство. И эта община также имѣетъ большую надобность въ пособіи, особенно на содержаніе дивизионнаго пастора. Правда, онъ получаетъ казеннаго жалованья 1.000 руб., но дороговизна въ этихъ мѣстахъ такая, что на эти деньги ему очень трудно жить. Такъ, на примѣръ, говядина здѣсь продается по 50 коп. фунтъ, масло коровье по 1 руб. фунтъ, яйца по 5—30 копѣекъ за штуку. На покупку дома для пастора, община, не смотря на ея малочисленность, издержала 800 руб., а на постройку церкви, которая по смѣтѣ обойдется въ 6.000 руб., уже нѣтъ никакихъ средствъ.

„Кіевскій окружной комитетъ доставилъ средства на содержаніе 4-хъ лютеранскихъ школъ.

„Либавскій окружной комитетъ оказалъ пособіе двумъ церквямъ и двумъ школамъ. Въ этомъ уѣздѣ многія общины, по неизвѣстнымъ причинамъ все еще не участвуютъ въ дѣлѣ вспомогательной кассы. 7 вспомогательныхъ комитетовъ

и 17 приходовъ не прислали за 1867 г. никакихъ взносовъ, не смотря на то, что генеральная консисторія предписала производить на это сборъ въ церквахъ по крайней мѣрѣ дважды въ годъ.

„Доходъ лифляндскаго окружнаго комитета въ 1867 году на 135 руб. мѣнѣе, чѣмъ въ 1866 г.; однако въ нѣкоторыхъ общинахъ пожертвованія увеличились. Въ пользу сосланныхъ въ Сибирь въ этомъ уѣздѣ собрано 183 руб., а на постройку церкви въ Гуттмансбахъ 30 руб. Хотя новооснованному въ Гуттмансбахъ пасторству упомянутый комитетъ оказалъ столь много пособій, что, по видимому, въ особенныхъ пособияхъ на построение церкви оно уже не имѣетъ надобности, однако, пока церковь еще не выстроена, богослуженіе издавна совершается въ сараѣ, не защищенномъ ни отъ дождя, ни отъ снѣга! Слѣдовательно, пособия очень еще нужны, и было бы прилично всѣмъ вспомогательнымъ комитетамъ обратить вниманіе на постройку этой церкви.

„Венденской сельской лютеранской общинѣ сдѣлана ссуда для перестройки ея церкви; оказано съ тою же цѣлью пособіе и Кронштадтской общинѣ.

„Митавскій окружной комитетъ преимущественно помогалъ лютеранамъ, живущимъ въ Ковенской губерніи на границѣ Курляндіи. И дѣйствительно, тутъ требуется энергическое пособіе. Число живущихъ по ту сторону границы лютеранъ, причисленныхъ къ Нерфтской церкви, возрасло въ пять лѣтъ съ 358 до 900 душъ, и продолжаетъ еще возрастать. Для этихъ единовѣрцевъ нашихъ, разсѣянныхъ на пространствѣ болѣе чѣмъ 20 квадратныхъ миль среди католическаго населенія, большею частію принадлежащихъ къ сословію бѣдныхъ поденщиковъ, не имѣющихъ ни евангелическихъ училищъ, ни пастора, который утверждалъ бы ихъ въ прародительской вѣрѣ, нужно устроить молитвенный домъ и школу, гдѣ они могли бы собираться. Кромѣ того, этотъ же уѣздный комитетъ оказалъ пособіе для постройки церкви въ Лючинѣ (Витебской губерніи) и раздарилъ тамошнимъ лютеранамъ большое число книгъ на языкахъ нѣмецкомъ и латышскомъ.

„Московскій окружной комитетъ поддерживалъ общину въ Тамбовѣ и не оставлялъ безъ вниманія разныя группы лютеранъ, живущихъ въ Саратовской губерніи и также лишенныхъ духовнаго попеченія. Такія, недавно образовавшіяся, группы лютеранъ состоятъ изъ поселенцевъ, взявшихъ на аренду землю и другихъ Нѣмцевъ, и находятся въ 39 мѣстахъ уѣздовъ Аткарскаго и Балашевскаго. Число живущихъ въ этихъ мѣстахъ лютеранъ простирается до 1.200 душъ. Временно для нихъ совершаетъ богослуженіе пасторъ Валькеръ, объѣзжающій съ этою цѣлью до 930 верстъ. Другая подобная же группа въ 1.100 душъ образовалась на сѣверной оконечности Астраханской губерніи; для нихъ службу совершаетъ Устькулагинскій (въ Саратовѣ) пасторъ Бонветшъ. Наконецъ, въ сѣверной части Саратовской губерніи есть еще группа лютеранъ (400 человекъ), разсѣянныхъ въ уѣздахъ Саратовскомъ, Кузнецкомъ, Петровскомъ и Сердобскомъ. Для этой группы служилъ пасторъ мѣстечка Ягодной Поляны, г. Дзирне, проѣхавшій для этого болѣе 785 верстъ. Онъ извѣщаетъ, что разсѣянные на такомъ пространствѣ единовѣрцы всюду встрѣчали его съ радостью и признательностью; съ своей стороны онъ изъявляетъ особенную благодарность русскимъ дворянамъ, на земляхъ которыхъ поселились Нѣмцы, за содѣйствіе, повсемѣстно оказанное ему этими дворянами. Они обращались съ нимъ очень дружелюбно, а одинъ изъ нихъ, г. Устиновъ,

далъ въ своемъ деревенскомъ домѣ залу для совершенія божественной службы и даже подарилъ для церкви въ Ягодной Полянѣ 400 руб., въ видѣ пособия на покупку органа.

„Въ вѣдѣніи Нарвскаго окружнаго комитета болѣе всѣхъ въ поддержкѣ нуждается пасторство Псковское, такъ какъ Псковская городская община не имѣетъ церкви и не можетъ выстроить ее изъ собственныхъ средствъ. Прежняя церковь этой общины, неоднократно починавшаяся, 15-го мая 1867 года обвалилась, и прихожане были принуждены разобрать ее. Кромѣ Пскова, еще въ 7 мѣстахъ той же губерніи образовались маленькія лютеранскія общины. Живущіе въ Великихъ Лукахъ и Порховѣ малочисленные лютеране уже сдѣлали многія пожертвованія для устройства у себя школы и этимъ приобрѣли рѣшительное право на сочувствіе и пособие своихъ единовѣрцевъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ еще то обстоятельство, что изъ Лифляндіи ежегодно прибываютъ многія группы лютеранъ, болѣею частію Латышей; послѣднихъ уже теперь насчитывается до 2.000; они не имѣютъ собственного пастора, а между тѣмъ всѣ они люди, жаждущіе слова Божія. При щедрой помощи помѣщиковъ бароновъ Фитингофа и Штакельберга и при собственныхъ усиліяхъ они уже устроили себѣ школу; она открыта въ май 1867 года, а наставникомъ въ ней состоитъ одинъ изъ воспитанниковъ Валькеровой кистерской школы. Будемъ надѣяться, что не далеко уже то время, когда при содѣйствіи центрального комитета и сосѣднихъ уѣздныхъ комитетовъ, у Латышей будетъ въ Лаурѣ собственный пасторъ. Лифляндскій уѣздный комитетъ уже заявилъ готовность оказать съ этою цѣлью пособие.

„Кромѣ того, въ самой Нарвѣ финско-эстонская школа имѣетъ надобность въ поддержкѣ, равно общины (Filiäle) въ Коземнигѣ, гдѣ готовятся выстроить церковь. Основанная вспомогательною кассою школа въ Ямбургѣ продолжаетъ приносить большую пользу.

„Окружной комитетъ въ Николаевѣ (Херсонской губерніи) извѣщаетъ, что въ Херсонѣ устранивается небольшая церковь. Нейзацкій приходъ въ Крыму имѣетъ надобность для переселившихся туда Эстовъ въ особенномъ пасторѣ.

„Одесскій окружной комитетъ преимущественно заботился поддерживать основанную въ колоніи Гофнунгсталь частную семинарію, имѣющую цѣлью приготовить церковныхъ преподавателей для евангелическо-лютеранскихъ церквей южной Россіи. Это заведеніе, соответствующее настоятельнѣйшимъ потребностямъ тамошняго края, состоитъ подъ управленіемъ почтеннаго пастора Беккера и вполне заслуживаетъ сочувствія нашихъ единовѣрцевъ.

„Эзельскій окружной комитетъ поддерживалъ церкви въ Каррисѣ и Ансельгѣ, и обѣщаетъ оказать пособие бѣдной общинѣ на островѣ Руноэ.

„Ревельскій окружной комитетъ содержалъ двѣ школы для бѣдныхъ, платилъ жалованье кистеру латышской военной общины, помогалъ построенію церкви св. Іоанна въ Ревелѣ, на которой лежитъ 200 руб. долгу, продолжалъ готовить учителей для единовѣрцевъ, живущихъ въ разбросѣ, и посылалъ послѣднимъ книги. Средства свои онъ постоянно не шадитъ, такъ что у него остается не болѣе 6 руб. Онъ руководится справедливымъ правиломъ, что деньги надобно собирать не за тѣмъ, чтобы беречь ихъ, а для того, чтобы употреблять на полезныя дѣла.

„Рижскій уѣздный округъ также издавна заботится о доставленіи учителей для бѣдныхъ (diaroga) общинъ, и недавно кончилъ ученіе молодой учитель Станке, который въ декабрѣ 1867 года отправленъ учителемъ въ Бѣловежскую пущу въ Гродненской губерніи. Было бы очень желательно, чтобы нашлись для этой должности новые люди, а до тѣхъ поръ, пока ихъ нѣтъ, мы будемъ просить Рижскій уѣздный комитетъ, чтобы онъ оказывалъ пособіе упомянутой выше семинаріи въ Гофнунгстагѣ, близъ Одессы.

„Тотъ же комитетъ постоянно и очень успѣшно поддерживаетъ латышскую воскресную школу. Для основанія пасторства въ Александрегеге онъ собралъ 4.400 руб. Жители Риги оказали значительныя пожертвованія при постройкѣ церкви святой Гертруды, и нѣтъ сомнѣнія, что и при другихъ подобныхъ случаяхъ они окажутъ такое же усердіе.

„Петербургскій окружной комитетъ помогалъ общинамъ въ Бронштадтѣ, Славанкѣ (въ Петербургской губерніи) и Губаницѣ. Для Латышей въ Новгородской губерніи нанятъ развѣзжій пасторъ.

„Въ 1867 году въ Тарутинѣ, въ Бессарабіи, образовался новый окружной комитетъ. Онъ объемлетъ 6 бессарабскихъ нѣмецко-лютеранскихъ общинъ, которыя на первый разъ пожертвовали ему 2.843 руб., а потомъ въ этомъ же году внесли и еще 527 руб. Этотъ комитетъ уже поддерживаетъ 3 школы и выдалъ на пособіе церкви 500 рублей.

„Въ вѣдѣніи Тифлискаго окружнаго комитета имѣютъ надобность въ пособіи Тифлисская церковная школа (3 класса, 100 учениковъ) и ново-учрежденная армянская евангелическо-лютеранская община, къ которой въ 1867 году присоединились еще 28 членовъ Армянъ, перешедшихъ въ лютеранство. Сверхъ того, нужны еще многіе священнослужители для общинъ Ставропольской и Пятигорской, такъ какъ сюда прибыло большое число переселенцевъ изъ Саратова, Бессарабіи и Эстляндіи. Двухъ пасторовъ, гг. Доля и Деггера, не смотря на ихъ неутомимую дѣятельность, оказывается недостаточно, и крайне нуженъ по крайней мѣрѣ одинъ викарій.

„Виленскій окружной комитетъ извѣщаетъ, что имъ оказано пособіе 4-мъ школамъ и 3 общинамъ. Живѣйшее сочувствіе къ вспомогательной кассѣ оказала Минская община, собравшая 164 руб.; равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія сборъ въ пользу вспомогательной кассы, произведенный въ Виленской школѣ для бѣдныхъ.

„Такимъ образомъ, обозрѣвая общую дѣятельность центральнаго комитета и комитетовъ окружныхъ, мы не можемъ не порадоваться благимъ ея послѣдствіямъ для нашей церкви; но тѣмъ не менѣе находимъ, что есть еще важныя потребности, требующія удовлетворенія. Многія общины ждутъ еще съ нетерпѣніемъ дня, когда у нихъ будетъ своя церковь и школа, свои священникъ и учитель. Нѣкоторыя общины не рѣшаются просить пособія у центральнаго комитета, зная, какъ малы его средства. Въ 1867 году онъ былъ вынужденъ отказать многимъ просившимъ, такъ какъ для удовлетворенія всѣхъ пришлось бы выдать 42.000 рублей. Эти просьбы были присланы отъ общинъ Астраханской, Николаевской на Амурѣ, Ново-Мезерницкой (въ Черниговской губерніи), Швецкой (Ковенской губерніи), Нарвской, Костромской и Маріенфельдской (Тифлисской губерніи).

„Возобновляемъ нашу просьбу, чтобы каждый членъ лютеранской церкви

считалъ для себя долгомъ и радостью поддерживать сіе благодатное учрежденіе. Всѣ пасторы принимаютъ приношенія въ пользу кассы“.

Полагаемъ, что изъ всѣхъ приведенныхъ нами подробностей дѣятельность общества Густава-Адольфа, ея обширность, характеръ и значеніе, стали ясны для нашихъ читателей; а потому переходимъ къ болѣе краткому изложенію другаго благотворительнаго общества, преслѣдующаго почти тѣ же цѣли, но состоящаго изъ женщинъ и избравшаго для своей благотворительности тѣ же самыя страны, какъ и общество Густава-Адольфа. Мы разумѣемъ общество діакониссъ, главное управленіе котораго находится въ гессенъ-дармштадтскомъ городѣ Кайзерсвертѣ на Рейнѣ ¹⁾). Общество діакониссъ образовалось почти одновременно съ обществомъ Густава-Адольфа. Существованіе его было вызвано тѣмъ, что въ обществѣ Густава-Адольфа не могли быть примѣняемы въ широкихъ размѣрахъ именно тѣ виды благотворительности, которые особенно свойственны женщинамъ. Общество Густава-Адольфа не чуждалось женской помощи, но его женскіе вспомогательныя комитеты имѣли слишкомъ второстепенное значеніе, занимаясь преимущественно сборомъ пожертвованій съ женскаго населенія Германіи, и не могли начать никакихъ самостоятельныхъ предпріятій. Общество діакониссъ, имя котораго мы такъ часто встрѣчали, обозрѣвая миссіонерскую дѣятельность протестантовъ на Востокѣ, представляетъ въ настоящее время столь же блестящую картину благотворительной дѣятельности, какъ и общество Густава-Адольфа. Существова уже тридцать-пятый годъ, оно въ разныхъ мѣстностяхъ сѣверной и южной Германіи, а также Швейцаріи, Франціи, Англіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, имѣетъ болѣе сорока основныхъ заведеній, и кромѣ того, до пятисотъ-шестидесяти меньшихъ станцій. Число всѣхъ сестеръ, входящихъ въ составъ этого общества, простирается до трехъ тысячъ. По временамъ, чрезъ два или три года представительницы всѣхъ этихъ заведеній и станцій съѣзжаются въ генеральную конференцію, которая и происходитъ обыкновенно въ Кайзерсвертѣ. Впрочемъ, такія конференціи начались только съ 1865 года, и до сихъ поръ ихъ было три; слѣдующая, то-есть, четвертая генеральная конференція назначена въ сентябрѣ 1871 года. Изъ послѣдняго отчета общества діакониссъ видно, что оно, кромѣ разныхъ учреждений въ самомъ Кайзерсвертѣ, какъ-то:

¹⁾ Свидѣнія объ этомъ обществѣ заимствуемъ изъ брошюры: «Zweihunddreisiger Jahresbericht über die Diakonissen - Anstalt zu Kaiserswerth am Rhein von 1868».

больницы, семинаріи для приготовленія учительницъ, школы для малолѣтнихъ дѣтей, сиротскаго заведенія, Магдалининскаго пріюта, лѣчебницы для женщинъ, страдающихъ душевными болѣзнями, имѣетъ не мало подобныхъ же учрежденій при своихъ главныхъ отдѣленіяхъ и станціяхъ, особенно же въ Европейской и Азіатской Турціи. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ дѣятельность діакониссъ главнымъ образомъ сосредоточивается на воспитаніи и призрѣніи женщинъ евангелическаго исповѣданія, къ какой бы національности онѣ ни принадлежали. Изъ послѣдняго отчета общества діакониссъ видно, что общее число лицъ, за которыми сестры ухаживали въ предшествовавшій отчету годъ, простиралось до сорока одной тысячи четыреста тридцати одного человека. Но въ это число не влючены многія тысячи дѣтей, учительницъ которыхъ, получивъ свое образованіе въ семинаріяхъ діакониссъ, обучали и воспитывали въ семействахъ и воскресныхъ школахъ. Кромѣ того, сюда не влючены также многія тысячи больныхъ, за которыми сестры ухаживали въ Александріи, Іерусалимѣ, Бейрутѣ, Константинополѣ и т. д. Изъ этихъ больныхъ весьма многіе находились не только по нѣскольку мѣсяцевъ, нерѣдко и по цѣлому году на попеченіи сестеръ.

Изъ иностранныхъ, особенно восточныхъ отдѣленій и станцій, должны обратить на себя наше особое вниманіе слѣдующія:

1. *Домъ діакониссъ въ Іерусалимѣ.*

а) Госпиталь. Въ послѣднемъ году было принято 570 больныхъ, въ томъ числѣ 346 магометанъ (число прежде никогда небывалое). Одинъ изъ больныхъ магометанъ передъ смертію искренно обратился къ христіанству. За больными, которыхъ ежедневно было круглымъ числомъ до 35, ухаживали 4 діакониссы. Пасторомъ состоялъ въ Іерусалимскомъ госпиталѣ г. Гофманъ. Какъ онъ, такъ и миссіонеръ докторъ Сандрецкій посѣщали магометанскихъ больныхъ. Лѣченіе производилось сыномъ послѣдняго, свѣдущимъ и опытнымъ врачомъ. Ему платится, впрочемъ, 1.200 талеровъ въ годъ, что довольно тяжело для заведенія.

б) Воспитательное заведеніе Талита-Куми. Число воспитывающихся здѣсь дѣтей возрасло до 83, въ томъ числѣ 15 магометанокъ. Благодаря Бога, въ этомъ новомъ просторномъ зданіи сестры гораздо удобнѣе помѣщаются съ такимъ большимъ числомъ дѣтей, чѣмъ въ прежнемъ. Правда, деньги еще не всѣ заплачены за Талита-Куми, но заведеніе надѣется на помощь Божію.

Подросшія воспитанницы уже нѣсколько помогаютъ сестрамъ въ

обученіи младшихъ дѣтей. Очень огорчаются сестры тѣмъ обстоятельствомъ, что по существующему у Арабовъ неразумному обычаю родители часто берутъ не взрослыхъ дочерей для отдачи въ замужество. Но и эти замужнія доставляютъ сестрамъ радость; въ ихъ домахъ вообще болѣе порядка, и въ народѣ поэтому замѣтно улучшаются нравы и понятія. За нѣкоторыхъ дѣтей наци Иерусалимскіе друзья и пріятельницы вносятъ ежегодную плату.

в) Магометанская дѣвичья школа. Въ этой школѣ, состоящей въ турецкомъ кварталѣ, учителя знатныя магометанки ручнымъ работамъ, и ученіе производится каждый день послѣ обѣда одною изъ сестеръ съ помощью взрослой воспитанницы изъ заведенія Талита-Куми. Число учащихся измѣняется, но оно уже превзошло 20. По поводу этой школы, сестры познакомились со многими богатыми магометанками, получили доступъ въ гаремы, приобрѣли довѣріе и незамѣтно стали пользоваться спасительнымъ влияніемъ.

2. *Евангелическій госпиталь, дѣтскій домъ и школа для малолѣтнихъ дѣтей въ Константинополѣ.*

Эти заведенія учреждены Константинопольскою евангелическою общиною, но діакоиссы обязались по контракту служить въ нихъ. Въ дѣтскомъ домѣ воспитывается діакоиссами 14 дѣтей изъ Нѣмцевъ, въ школѣ же малолѣтнихъ, состоящей подъ вѣдѣніемъ одной діакоиссы, находится 22 ребенка. Въ госпиталѣ въ прошлый годъ было 276 больныхъ разныхъ націй и вѣроисповѣданій.

3. *Учебное заведеніе діакоиссъ въ Смирнѣ.*

а) Пансіонъ. Онъ существуетъ уже 15 лѣтъ. Число воспитанницъ его простиралось до 230, число преподающихъ діакоиссъ 13. Вообще, духъ воспитанницъ очень хорошъ, и сестры приобрѣли общее довѣріе. Изъ 32 воспитанницъ пансіона, кончившихъ ученіе, нѣкоторые поступили въ учительницы, другія посвятили себя попеченію о бѣдныхъ и дѣтяхъ и проч. Такъ какъ тамошніе Греки большею частію чрезвычайно бѣдны, и многіе были больны господствовавшими лихорадками, то одна изъ сестеръ, аптекарша, посѣщала жизни этихъ бѣдняговъ и снабжала ихъ лѣкарствами.

б) Сиротскій домъ. Въ немъ теперь воспитываются 34 сироты. Двѣ діакоиссы приучаютъ ихъ къ разнымъ домашнимъ работамъ. Общій языкъ здѣсь нѣмецкій; но такъ какъ дѣти разныхъ націй, то ихъ учатъ и читаютъ имъ Библію на ихъ національномъ языкѣ. Всѣ дѣти евангелическаго исповѣданія, но прежде было нѣсколько Евреевъ и 2 магометанки (Турчанки). Дѣти оказываютъ хорошіе

успѣхи въ ученіи и домашнихъ работахъ, нравственность у нихъ превосходная.

4. Госпиталь діаконовъ въ Александріи.

Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ шесть діаконовъ указываютъ въ старомъ наемномъ арабскомъ домѣ за большими всѣхъ исповѣданій и націй, которыхъ число въ продолженіи года простирается до 500 человѣкъ. Къ сожалѣнію, домъ таковъ ветхъ, что на починку его постоянно требуется много денегъ, притомъ и помѣщеніе въ немъ не достаточно, такъ что нѣрѣдко діаконовы уступаютъ собственныя кровати, лишь бы не отказывать какому-нибудь бѣдному больному. Поэтому былъ необходимъ новый домъ. Съ этою цѣлю успѣли выгодно продать старый домъ и купили удобное для постройки мѣсто, на которомъ будетъ устроенъ новый, достаточный для помѣщенія 80—100 больныхъ.

5. Станція діаконовъ въ Бейрутѣ.

а) Сиротскій домъ (Zaag). Не смотря на болѣзни, какимъ подвергались и дѣти, и діаконовы (одинъ ребенокъ и двѣ діаконовы умерли), годъ прошелъ однако для заведенія благополучно, тогда какъ въ то же время въ городѣ отъ кори умерло 400 дѣтей. Изъ 130 дѣтей, воспитывавшихся въ заведеніи, 15 выпущены, а 16 приняты вновь. Такъ какъ выпущенныя взяли съ собою библію на арабскомъ языкѣ и Арабы охотно слушаютъ чтеніе ея, то знаніе слова Божія мало по малу распространяется на Ливанѣ. Между воспитанницами были 23 протестантки, 4 Друзинки, 4 Маронитки, 1 Армянка и 99 Гречанокъ. Изъ прежнихъ воспитанницъ многія уже поступили учительницами у своихъ соотечественниковъ. Такъ какъ въ Бейрутѣ климатъ очень жаркій, то сестрамъ было нужно имѣть для вакантнаго времени домикъ гдѣ-нибудь въ болѣе прохладномъ мѣстѣ. По счастью одинъ изъ Бейрутскихъ турецкихъ сановниковъ подарилъ денегъ, на которыя куплено мѣсто на Ливанѣ, и въ текущемъ году тамъ можно будетъ построить небольшой домъ. Мѣсто это лежитъ на нѣсколько тысячъ футовъ выше морскаго уровня и находится въ деревнѣ Ален, по пути въ Дамаскъ, въ четырехъ миляхъ отъ Бейрута. Тамъ живетъ много Друзовъ, а потому сестры будутъ имѣть случай распространять слово Божіе и между этими людьми, которые ни христіане, ни язычники, ни магометане. Это будетъ очень встать, ибо сѣвероамериканскіе мисіонеры, дѣйствующіе на Ливанѣ, не занимаются Друзами, а только Маронитами и Греками.

б) Пансіонъ. Ученицъ въ немъ 64; изъ нихъ 10 пансіонерокъ, 10

полу-пансіонероѣ, 44 экстерны. Между ними 28 Гречанокѣ, 6 Нѣмокѣ, 4 Австрійки, 4 Француженки, 3 Швейцарки, 5 Венгерокѣ, 4 Шотландки, 2 Голландки, 4 Американки, 3 Арабки, 1 Турчанка. При пансіонѣ есть маленькая бібліотека.

в) Іоаннитская больница. Въ ней съ ноября 1867 года дѣйствуютъ 4 діакоиссы, изъ которыхъ одна аптекарша. По 1-е января 1869 года онѣ улаживали за 298 больными и снабжали 975 приходившихъ Арабѣ лѣкарствами. Между больными было: 51 Европеецѣ, 8 Друзѣ, 14 магометанѣ, 4 Еврея, прочіе же восточные христіане разныхъ исповѣданій. Больница пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе довѣрія. Больные болѣею частію лѣчились бесплатно. Расходы покрываетъ орденъ Іоаннитѣ, которому принадлежитъ больница.

6. *Элементарная школа и сиротское заведеніе въ Букарестѣ.*

Въ главной школѣ тремя діакоиссами воспитываются 104 ребенка, а въ филиальной школѣ 28 дѣтей, при которыхъ одна діакоисса. Дѣти болѣею частію Нѣмцы. Въ виду того, что домашнее воспитаніе здѣсь весьма неудовлетворительно, дѣти оказываютъ весьма хорошіе успѣхи. Въ самомъ жилищѣ діакоиссы есть еще маленькая сиротская станція, въ которой помѣщается 5 дѣтей.

Весьма видное мѣсто въ дѣятельности общества занимаетъ главная семинарія учительницѣ, находящаяся въ Кайзерсвертѣ. Въ этой семинаріи, съ учрежденія ея, было приготовлено 1.200 учительницѣ.

Ежегодное число ихъ простирается слишкомъ до 80. Большая часть изъ кончившихъ ученіе уже дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи и сосѣднихъ странѣ, нѣкоторыя вышли замужъ, инныя же избрали другой родъ жизни.

Что касается денежныхъ дѣлъ и книжной торговли общества, то отчетъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „На нынѣшній годъ у насъ впервые оказался за всѣми расходами остатокъ отъ доходовъ, простирающійся до 2.291 талера 25 зильберггрошей, за что мы отъ всего сердца благодаримъ Бога и нашихъ друзей. Тѣмъ не менѣе въ текущемъ году мы будемъ снова имѣть надобность въ пособіи, такъ какъ намъ предстоятъ новыя постройки, и необходимо распространить помѣщеніе нашей семинаріи. По счастью, въ мартѣ 1868 года многіе Берлинскіе доброжелатели нашего заведенія собрали въ нашу пользу 7.129 талеровъ 9 зильберггрошей и 2 пфеннинга. Кромѣ того, въ благодарность за услуги, оказанныя нашими діакоиссами на поляхъ битвы, былъ данъ концертъ, доставившій 3.004¹/₃ талера; но эти деньги были пока употреблены на вспоможеніе голодавшимъ въ вос-

точной Пруссіи и будутъ намъ доставлены уже въ слѣдующемъ году. Издаваемые нами книги идутъ очень хорошо, особенно же календарь нашъ разошелся въ количествѣ 88.000 экземпляровъ.

Такова дѣятельность обоихъ обществъ, руководящихъ нѣмецкою благотворительностію, обращенною преимущественно на такія страны, гдѣ нѣмецкій элементъ или еще недавно водворился, или только готовится вѣрныя пути для своего религіознаго и національнаго вліанія. Для насъ въ этой дѣятельности интересны слѣдующія стороны. Оба общества пользуются покровительствомъ нѣмецкихъ правительствъ и сочувствіемъ нѣмецкаго населенія во всей Европѣ, владѣютъ большими капиталами, имѣютъ множество отдѣленій, вспомогательныхъ комитетовъ и станцій и дѣйствуютъ весьма успѣшно, особенно между Славянами и на Востокаѣ. Вездѣ они воздвигаютъ церкви, школы, пріюты для странниковъ и дѣтей, богадѣльни, и что всего важнѣе, вездѣ дѣйствуютъ непосредственно чрезъ своихъ членовъ и воспитанниковъ. Дѣятельность ихъ вовсе не миссіонерская и не строго религіозная. Она благотворительная и педагогическая, съ весьма яснымъ національнымъ отбѣнкомъ. Служа христіанству и челоуѣволюбію, она вездѣ дѣйствуетъ на пользу нѣмецкой народности. Это не только естественно, но и справедливо.

Н. Поповъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Императорское Русское географическое общество. Въ ученыхъ экспедиціяхъ, снаряженныхъ Обществомъ въ 1870 году. Извлекаемъ изъ отчета Императорскаго Русскаго географическаго общества за 1870 годъ свѣдѣнія о разныхъ ученыхъ экспедиціяхъ, совершенныхъ по порученію Общества или при его содѣйствіи въ теченіе этого года ¹⁾:

1) Экспедиція въ Чукотскій край была снаряжена собственно Сибирскимъ отдѣломъ Общества, но при значительномъ участіи его самого. Въ настоящее время члены экспедиціи, вѣроятно, уже возвратились въ Иркутскъ, послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтнихъ странствованій въ самыхъ негостепріимныхъ краяхъ Сибири; собранныя экспедиціей свѣдѣнія еще не поступили въ Общество, но ему доставлена уже отчетная карта экспедиціи, на которую нанесены, по глазомѣрной съемкѣ, слѣдующіе, пройденные путешественниками пути: 1) отъ Нижне-Колымска до часовни, находящейся при впаденіи р. Эломбала въ р. Малый Анюй; 2) отъ стойбища чукотскаго эрема Амараоргина въ верховьяхъ р. Большого Анюя до устья р. Анадыра, и 3) отъ устья Анадыра до Анадырской крѣпости и далѣе на западъ, чрезъ водораздѣлъ, на Анюй.

2) Экспедиція въ Амурскій и Усурійскій края имѣла цѣлью этнографическое изученіе тамошняго населенія. Во главѣ экспедиціи сталъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія составляютъ важнѣйшую часть отчета Общества за 1870 годъ. Остальныя главы отчета посвящены перечню новыхъ изданій Общества, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ въ отчетномъ году (главнѣйшее изъ изданій — нѣсколько выпусковъ изслѣдованій о хлѣбной торговлѣ въ Россіи), очерку занятій Отдѣленій, хозяйственной отчетности и обзору работъ въ мѣстныхъ отдѣлахъ Общества. Свѣдѣнія о дѣятельности мѣстныхъ отдѣловъ Общества будутъ сообщены нами въ послѣдствіи.

извѣстный синологъ, начальникъ нашей Пекинской духовной миссиі, архимандритъ Палладій; вслѣдствіе сношеній совѣта Общества съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири и съ Сибирскимъ отдѣломъ, экспедиція эта была обставлена вполне удовлетворительнымъ образомъ. Генераль-лейтенантъ Корсаковъ, по ходатайству Общества, нашелъ возможнымъ прикомандировать въ экспедицію опытнаго топографа Гавріила Нахвалныхъ для глазомѣрной съемки, такъ какъ нельзя было предвидѣть возможности употребленія инструментовъ во время пути по китайскимъ владѣніямъ. Топографъ прибылъ въ Пекинъ 5-го апрѣля и привезъ съ собою большой компасъ и подробную карту южно-усурійскаго края. Сибирскій отдѣлъ снабдилъ экспедицію нѣкоторыми учеными пособиями. Рѣшившись ѣхать въ Амурскій край прямымъ путемъ черезъ Китайскую Маньчжурію, о. Палладій нашелъ нужнымъ застаться не только паспортомъ отъ нашего посольства, засвидѣтельствованнымъ Пекинскими властями, но также и охраннымъ листомъ, на свободный проѣздъ чрезъ Маньчжурію, который былъ выданъ изъ Пекинскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. При начальникѣ экспедиціи состоялъ, кромѣ топографа, еще слуга изъ Китайцевъ.

Выѣздъ экспедиціи изъ Пекина послѣдовалъ 30-го апрѣля 1870 г.; проѣхавъ 6-го мая Шань-хай-гуаньскую заставу, путешественники слѣдовали въ сѣверо-восточномъ направленіи по большой Ляо-дунской дорогѣ, и 14-го мая прибыли въ Мууденъ; 22-го достигли Гириня, гдѣ оставались до 24-го; 29-го были въ Бодунэ, 5-го іюля — въ Цицихарѣ, 12-го — въ Мергенѣ и 17-го — въ Айгунѣ, откуда въ тотъ же день о. Палладій переправился чрезъ Амуръ, а потомъ чрезъ Зею, и остановился въ домѣ преосвященнаго Камчатскаго, въ 4 верстахъ отъ Благовѣщенска. 21-го іюня экспедиція отправилась на пароходѣ „Чита“ внизъ по Амуру и 24-го прибыла въ Хабаровку. Дальнѣйшее плаваніе вверхъ по Уссурі, до впаденія въ нее рѣки Сунгачи, было совершенно на пароходѣ „Сунгача“ въ восемь дней; по излучистой Сунгачи путешественники слѣдовали два дня, и 7-го іюля, переѣхали чрезъ озеро Ханка (правильнѣе Хинкай). Переночевавъ на берегу озера, въ постѣ Камень-Рыболовъ, о. Палладій отправился дальше въ село Никольское, отстоящее верстахъ въ 100 отъ поста, и остановился тамъ 10-го іюля на квартирѣ у одного крестьянина. Село Никольское находится близь Шуань-чэнъ-цзы (двухградія) или двухъ древнихъ городищъ, со множествомъ другихъ слѣдовъ старинныхъ укрѣпленій и поселеній. 30-го іюля о. Палладій отправился въ лодкѣ внизъ по р. Суифыни,

протекающей въ двухъ верстахъ отъ с. Никольскаго, а у станка Рѣчнаго пересѣлъ на легкій пароходъ, на которомъ прибылъ 1-го августа въ Владивостокъ. Въ концѣ августа онъ возвратился въ с. Никольское, которое избралъ центральнымъ пунктомъ для своихъ поѣздокъ.

Архимандритъ Палладій — первый ученый путешественникъ, проѣхавшій прямымъ путемъ изъ Пекина въ Айгунь. Характеризуя въ общихъ чертахъ историческое значеніе пройденной мѣстности, нашъ почтенный синологъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „На востокъ отъ Шань-хай-гуаня, съ того пункта, гдѣ оканчиваются послѣдніе отпрыски Тайханскаго хребта, начинается просторная равнина, искони служившая поприщемъ состязаній между Китаемъ, Кореей, Чжурджа и Монголами. Она пересѣкается рѣкою Ляо-хэи и ограждена съ сѣвера и востока такъ-называемою „пвовою изгородью“, которая проведена по цѣпи то низменныхъ, то высокихъ горъ; съ юга естественный предѣлъ ея — море. Вся эта площадь усѣяна развалинами, слѣдами давней воинственной жизни. Отъ нея на сѣверо-востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ ведутъ, черезъ изгородь, нѣсколько широкихъ проходовъ въ гористую и лѣсистую полосу восточной Маньчжуріи, на широкія и привольныя пажити бассейновъ Сунгари и Нонни и въ восточные аймаки Монголіи. Равнины, простирающіяся на сѣверъ отъ изгороди, по междурѣчью, до склоновъ Хинь-аньскаго хребта, равно удобны и для кочевыхъ, и для осѣдлыхъ племенъ; здѣсь полудикія племена горно-лѣистой Маньчжуріи измѣняли образъ жизни и принимали начатки гражданственности, которая быстро развивалась подъ вліяніемъ Кореи и Китая, пока снова не исчезала съ разрушительными вторженіями монгольскихъ племенъ. За водораздѣльнымъ хребтомъ Хинь-ань-лянъ въ древности начинался другой міръ; тамъ расплодилось племя Шивей, имѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбы Монголіи и Китая; мнѣ кажется, что мы можемъ отыскать слѣды его существованія на обоихъ берегахъ Амура. Я только слегка коснулся историческихъ сближеній, которыя невольно приходили на мысль, при видѣ физическаго распредѣленія той части Маньчжуріи, которую я посѣтилъ“.

Не менѣ интереса должны представить этнографическія изслѣдованія о. Палладія какъ въ китайской части Маньчжуріи, такъ и между обитателями на побережьи Амура—Дахурами, Маньчжурами и Китайцами, и наконецъ, въ особенности, въ Усурійскомъ и Суйфыньскомъ краяхъ, между Гольдами, Маньцзами (выходцами изъ Китая), Кптайцами собственно и другими племенами. Въ послѣднихъ двухъ

мѣстностяхъ, то - есть, въ бассейнахъ Усури и Суйфына, виѣстѣ съ изысканіями по этнографіи пріобрѣтають важность археологическія изслѣдованія. Почти все теченіе рѣки Суйфынъ представляло нѣкогда линію поселеній и военныхъ укрѣпленій. „Мѣстность около села Нп-кольскаго“, пишетъ о. Палладій, „была, по видимому, особенно важна въ стратегическомъ отношеніи. При пособіи историческихъ документовъ китайскихъ, корейскихъ и даже японскихъ и при сближеніи ихъ указаній съ географіей южно-усурійскаго края, равно съ помощію нѣкоторыхъ найденныхъ здѣсь древностей и въ особенности монетъ, можно теперь съ нѣкоторою ясностью распознать слѣды разныхъ эпохъ построеній, разсѣянныхъ по всему усурійскому краю, и разныхъ націй, боровшихся съ однимъ и тѣмъ же племенемъ, населявшимъ этотъ край и называемымъ нами тунгусскимъ. Здѣсь можно выслѣдить столкновения и сношенія китайскихъ династій съ туземнымъ племенемъ, съ раннихъ поръ до династїи Минъ включительно. Корейская исторія объясняетъ военныя укрѣпленія на сѣверѣ по рѣкѣ Суйфыни, и можетъ-быть, далѣе; японская бросаетъ свѣтъ на темный періодъ корейско-бохайскаго владычества въ этой странѣ; довольно сказать, что въ ней сохранилась переписка бохайскихъ владѣтелей (вановъ) съ японскими микадо“....

Въ настоящее время о. Палладій обрабатываетъ свои путевыя замѣтки, которыя затѣмъ будутъ препровождены въ Общество. Спутникъ же о. Палладія, топографъ Нахвальныхъ, составилъ маршрутную съемку отъ Пекина до Айгуни и занимается теперь изготовленіемъ карты пройденнаго пути, въ масштабѣ 5 верстѣ въ дюймѣ.

3) Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Географическое общество пріобрѣло себѣ нѣсколькихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Китаѣ. Въ 1870 г. этими корреспондентами доставлены слѣдующія свѣдѣнія:

Драгоманъ русской Пекинской миссіи А. Θ. Поповъ. (нынѣ уже скончавшійся), имѣвшій случай совершить путешествіе по р. Янъ-цзы-цянъ до главнаго въ настоящее время торговаго центра въ внутреннемъ Китаѣ— Хань-коу, прислалъ въ Общество интересныя очерки русской торговли въ этомъ портѣ и чайныхъ фабрикъ, устроенныхъ въ Китаѣ русскими купцами.

Г. Фрицше, директоръ нашей Пекинской магнитной обсерваторіи, навѣстилъ объ учрежденіи метеорологической станціи въ Ургѣ и о своихъ поѣздкахъ къ сѣверу отъ Пекина, во время которыхъ онъ произвелъ географическія, магнитныя и гипсометрическія опредѣленія на восемнадцати пунктахъ.

Докторъ миссіи Э. Брейтшнейдеръ прислалъ любопытную географическо-ботаническую статью о нелюмбіѣ (*Nelumbium Speciosum*).

Наконецъ лицо, сообщающее свои извѣстія подъ псевдонимомъ „Пекинскаго корреспондента“, доставило въ Общество статью, въ которой изобразило дѣятельность китайскаго министра Лицъ-цзэ-сюя, бывшаго виновникомъ первой войны Китая съ Англіей.

Но важнѣйшее въ 1870 году предпріятіе Общества относительно собственно Китая есть снаряженіе экспедиціи Н. М. Пржевальскаго. Этотъ даровитый путешественникъ, успѣвшій пріобрѣсти себѣ пзвѣстность обнаруженіемъ результатовъ своихъ двухлѣтнихъ изслѣдованій въ усурійскомъ краѣ, обратился въ Общество съ ходатайствомъ о содѣйствіи ему для снаряженія его въ новую экспедицію на сѣверныя окраины собственнаго Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ землю Ордосовъ и въ Кукэ-норъ, срокомъ на три года. Предложеніе г. Пржевальскаго встрѣтило большое сочувствіе со стороны совѣта Общества, но въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, соединившихся съ заявленіемъ г. Пржевальскаго, было признано необходимымъ снести предварительно съ посланникомъ нашимъ въ Пекинъ, а затѣмъ, съ военнымъ министромъ, какъ главнымъ начальникомъ г. Пржевальскаго. Отвѣтъ посланника генераль-майора А. Е. Влангали, находившагося въ то время въ Петербургѣ, былъ благопріятный: онъ обѣщалъ нашему путешественнику содѣйствіе и гостепримство въ Пекинѣ и не предвидѣлъ вообще препятствій проникнуть во внутрь Китая; единственное затрудненіе для экспедиціи могли бы развѣ представить волненія мусульманъ, возникающія то въ одной, то въ другой изъ внутреннихъ провинцій Китая. Съ своей стороны, Д. А. Милютинъ отнесся самымъ сочувственнымъ образомъ къ новой экспедиціи и призналъ возможнымъ довести объ оной до свѣдѣнія Государя Императора. Влѣдствіе доклада военнаго министра состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи г. Пржевальскаго на три года въ сѣверный Китай, съ ассигнованіемъ на это особыхъ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, благодаря столь существенному содѣйствію со стороны правительства, Географическое общество могло ограничиться, сравнительно, небольшою денежною затратою въ пользу экспедиціи, имѣющей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пролить свѣтъ на одну изъ наименѣе извѣстныхъ частей Средней Азіи, которую посѣтили до сихъ поръ только два Европейца, миссіонеры Гюкъ и Габе, но безъ особенныхъ результатовъ для географіи. Кромѣ крайне интересныхъ географическихъ и

естественно-историческихъ условій страны Ордосовъ, окруженной изгибомъ Желтой рѣки, и Кукэ-нора, отъ поѣздки г. Пржевальскаго можно ожидать полученія свѣдѣній по части этнографіи и исторіи. Если, какъ предполагается, ему удастся достигнуть восточной окраины той области, которую въ настоящее время охватило мусульманское возстаніе въ Китаѣ, то онъ, можетъ-быть, успѣетъ собрать сколько-нибудь положительныя данныя объ этомъ возстаніи, а равно и о самой мѣстности, гдѣ находится главный его центръ. Такъ какъ въ изданіяхъ Географическаго общества были обнародованы первыя свѣдѣнія о Дунганскомъ бунтѣ, то оно могло считать вполне согласнымъ съ своею задачею воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы по возможности разъяснить значеніе происходящихъ внутри Кітая событій, послѣдствія которыхъ чувствительно отражаются и на нашихъ азіатскихъ окраинахъ.

Г. Пржевальскій выѣхалъ изъ Петербурга осенью минувшаго года, въ сопровожденіи подпоручика Пыльцова, отличнаго охотника и препаратора. Общій планъ путешествія заключается въ слѣдующемъ: Путешественники предполагали провести зиму 1870/71 года въ Пекинѣ, гдѣ должны были изготovitъся для дальнѣйшей экспедиціи. Раннею весною г. Пржевальскій, съ товарищемъ, двинутся за Великую Стѣну въ Ордосъ, а потомъ въ Кукэ-норъ, и по возможности, далѣе на западъ. Само собою разумѣется, что подобный планъ можетъ быть начертанъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Главнымъ предметомъ занятій будутъ географическія изслѣдованія въ обширномъ смыслѣ этого слова; кромѣ того, будутъ составляться коллекціи зоологическія въ возможно большомъ числѣ экземпляровъ. Г. Пржевальскій принялъ также порученіе отъ Императорскаго ботаническаго сада, касательно собиранія растеній и сѣмянъ. Въ Обществѣ получены свѣдѣнія о прибытіи нашихъ путешественниковъ въ Иркутскъ и о дальнѣйшемъ отправленіи ихъ чрезъ Кяхту и Ургу въ Пекинъ.

4) Почти одновременно съ упомянутою экспедиціей, Географическое общество приняло участіе въ экспедиціи, снаряженной азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Западную Монголію. Участіе это заключалось въ томъ, что Общество снабдило начальника экспедиціи, русскаго консула въ Кульдѣ г. Павлинова нѣкоторыми учеными пособіями и указаніями. Равнымъ образомъ, по ходатайству Общества, къ экспедиціи былъ прикомандированъ топографъ.

Командировка г. Павлинова въ Хобдо и Уласутай, лѣтомъ 1870 г., имѣла цѣлью изыскать новыя пути и способы для развитія торговыхъ

сношеній Сибири съ Западною Монголіей. Первые свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи, отправленныя изъ Хобдо въ іюнѣ, были сообщены Обществу азіатскимъ департаментомъ въ октябрѣ 1870 года. Когда вслѣдъ затѣмъ было получено свѣдѣніе о томъ, что мусульманскіе инсургенты сдѣлали вторженіе въ Западную Монголію и взяли городъ Улясутай, то о судьбѣ г. Павлинова разнеслись было самыя тревожныя слухи; но въ концѣ 1870 года, слухи эти были опровергнуты телеграммою нашего путешественника изъ Барнаула, въ которой онъ сообщилъ не только о благополучномъ возвращеніи своемъ въ предѣлы Россіи, но и объ учредившейся нынѣ же въ Западной Сибири компаніи для торговыхъ предпріятій въ Монголіи.

Еще до окончанія своихъ переговоровъ съ китайскими властями въ Хобдо, г. Павлиновъ нашелъ возможнымъ отправить топографа Матусовскаго впередъ, въ Улясутай, съ тѣмъ, чтобы по прибытіи самаго консула въ этотъ городъ г. Матусовскій, согласно предположеніямъ Географическаго общества, успѣлъ совершить еще въ хорошее время года переѣздъ чрезъ гористую страну, отдѣляющую Западную Монголію отъ Минусинскаго края. Г. Матусовскій выѣхалъ изъ Улясутая 27-го августа и слѣдовалъ по пикетной дорогѣ къ хребту Танну-Ола, перешелъ его 8-го сентября во время сильнаго бурана и вышелъ къ потокамъ рѣки Шурмака, принадлежащей къ системѣ правыхъ притоковъ Верхняго Енисея. На четвертый день экспедиція достигла Енисея, ниже главныхъ его притоковъ, Бэй-Кема и Ка-Кэма. Здѣсь, съ помощію мѣстныхъ жителей, былъ устроенъ плотъ, на которомъ и была совершена переправа на правый берегъ. Отъ р. Енисея, на четвертый день пути, г. Матусовскій перешелъ русскую границу и благополучно достигъ первой нашей деревни Усы, расположенной на южномъ склонѣ Саянскаго хребта. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Матусовскимъ, всѣ дороги, ведущія изъ Минусинскаго округа въ предѣлы Монголіи, пересѣкаютъ два значительные горные хребта — Саянскій и Танну-Ола. Проходы чрезъ послѣдній изъ этихъ хребтовъ не представляютъ особенныхъ затрудненій для слѣдованія на верблюдахъ, но пути, или правильнѣе, тропинки, ведущія черезъ Саянскій хребетъ, до крайности затруднительны для слѣдованія съ вьючными верблюдами. Переѣзды на южную сторону этого хребта, по крутымъ и каменнымъ подъемамъ, и мѣстами, по весьма тонкимъ болотамъ, совершаются обыкновенно съ легкими вьюками на лошадяхъ. Водяной же путь, вверхъ по Енисею, также представляетъ большія затрудненія по причинѣ множества пороговъ и подводныхъ камней. Такимъ

образомъ оказывается, что было бы всего удобнѣе перевозить наши товары изъ Минусинскаго округа въ предѣлы Западной Монголіи зимою вверхъ по рѣкѣ Енисею, на саняхъ. Китайскіе товары могутъ быть удобно сплавляемы внизъ по Енисею на плоскодонныхъ судахъ и плотахъ. Во все продолженіе слѣдованія экспедиціи по Монголіи, а именнó отъ Китайскаго пикета Суокъ, на границѣ Томской губерніи, до Хобдо (248 верстъ), отъ Хобдо до Уласутая (около 420 в.) и отъ Уласутая до границы Минусинскаго округа (595 в.), топографъ Матусовскій производилъ маршрутную съемку. Сверхъ того, онъ снялъ глазомѣрно подробный планъ города Хобдо и собралъ по распросамъ свѣдѣнія о верховьяхъ Чернаго Иртыша, о загадочномъ озерѣ Кызылбашъ и о путяхъ, ведущихъ чрезъ южный Алтай и изъ Зайсанскаго приставства къ урочищу Буруль - Тохаю, которое находится въ китайскихъ предѣлахъ, и на которомъ китайское правительство предположило выстроить новый городъ, вмѣсто разрушеннаго Дунганями Чугучака. Наконецъ, г. Матусовскій успѣлъ осмотрѣть Икэ-аральноръ, составляющій одну изъ болѣе замѣчательныхъ озерныхъ группъ въ Западной Монголіи.

Въ теченіе лѣта 1870 года городъ Хобдо былъ посѣщенъ еще другимъ ученымъ путешественникомъ, а именнó извѣстнымъ ориенталистомъ, докторомъ Радловымъ, имѣющимъ обыкновенное свое пребываніе въ Барнауль, и съ которымъ Географическое общество съ 1868 года находится въ постоянныхъ ученыхъ сношеніяхъ. Независимо отъ спеціальныхъ своихъ изысканій по части этнографіи и лингвистики, г. Радловъ обратилъ, въ настоящую свою поѣздку, особенное вниманіе на торговый вопросъ, какъ на предметъ, имѣющій большой современный интересъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій была обширная и полная любопытныхъ и новыхъ данныхъ статья о русской торговлѣ на границѣ Западной Монголіи и о способахъ для большаго развитія оной, которую г. Радловъ представилъ въ распоряженіе Общества.

Въ то время, какъ гг. Павловъ и Радловъ производили изысканія на мѣстахъ, С. И. Гуляевъ (жительствующій въ Барнауль) прислалъ въ Общество составленное имъ обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Очеркъ торговли Западной Сибири съ Джунгаріей въ прежнее время и съ Западною Монголіей въ настоящее время“.

5) Въ Туркестанскомъ краѣ въ теченіе 1870 г. былъ произведенъ, по порученію Общества, цѣлый рядъ изслѣдованій, касавшихся какъ физической географіи, такъ и этнографіи этой области. Такъ, началь-

никъ Семирѣченской области, генераль-майоръ Колпаковскій сообщилъ Обществу первыя положительныя извѣстія о древнихъ постройкахъ въ озерѣ Иссыкъ-Куль. Это сообщеніе дало поводъ редактору *Извѣстій* Общества и секретарю его, барону Ө. Р. Остенъ-Сакену, составить сводъ всего, что до сихъ поръ было извѣстно о загадочныхъ развалинахъ на днѣ Иссыкъ-Куля и указать на необходимость болѣе обстоятельнаго изслѣдованія этого предмета. Указаніе это не осталось безъ послѣдствій: г. Колпаковскій препроводилъ въ Общество вторичное сообщеніе, съ приложеніемъ карты Иссыкъ-Куля, на которой обозначены мѣста, гдѣ виднѣются подъ водою постройки, а также плана кирпичнаго строенія, найденнаго на сѣверной сторонѣ озера, и трехъ кирпичей, взятыхъ оттуда.

Ходжентскій уѣздный начальникъ А. А. Кушакевичъ представилъ Обществу статью о геогностическомъ строеніи Ходжентскаго уѣзда, съ картою.

Для Заравшанскаго края 1870 годъ ознаменовался особенно замѣчательною экспедиціей, снаряженною къ верховьямъ рѣки Заравшана и къ озеру Искендеръ-Кулю. Благодаря просвѣщенной заботливости Туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, экспедиція эта была обставлена лучшими учеными силами, находившимися въ то время въ Туркестанскомъ краѣ. Экспедиція, подъ главнымъ начальствомъ генераль-майора Абрамова, прослѣдовала, черезъ горное селеніе Пальдорахъ, къ значительному леднику, изъ котораго вытекаетъ р. Матча (верховье Заравшана), а затѣмъ отправилась къ озеру Искендеръ-Кулю, столь долгое время остававшемуся не изученнымъ: по наблюденіямъ экспедиціи, оно оказалось имѣющимъ не болѣе 10½ верстъ въ окружности и лежащимъ приблизительно на высотѣ 7.000 ф. надъ уровнемъ моря; воды его имѣютъ истокъ въ Заравшанскій бассейнъ. Во второй половинѣ экспедиціи къ составу ея присоединился извѣстный зоологъ А. П. Федченко, командированный въ Туркестанскій край Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологін и этнографін. Изъ сообщеній, присланныхъ г. Федченко въ Географическое общество, видно, что въ эту поѣздку ему удалось собрать до 5.000 экземпляровъ изъ животнаго царства и около 400 видовъ растений. Кромѣ того, онъ составилъ списокъ 24 высотамъ, вычисленнымъ имъ на основанія барометрическихъ наблюденій, которыя были произведены однимъ изъ членовъ экспедиціи, горнымъ инженеромъ Мышенковымъ. Съ своей стороны, самъ г. Мышенковъ, въ дополненіе къ списку г. Федченка,

передалъ въ распоряженіе Общества результаты своихъ термометрическихъ, барометрическихъ и психрометрическихъ наблюдений, произведенныхъ имъ по пути черезъ Киргизскую степь, въ Самаркандѣ, и наконецъ, въ бассейнѣ Верхняго Заравшана. Третій членъ экспедиціи, Л. Н. Соболевъ, сообщилъ свѣдѣнія о своихъ астрономическихъ работахъ и о томъ, что онъ опредѣлилъ десять пунктовъ въ южной части Заравшанскаго края. Наконецъ, отъ четвертаго члена экспедиціи, г. А. Куна, ожидается сообщеніе этнографическихъ матеріаловъ.

6) Этнографическо-статистическая экспедиція, снаряженная Обществомъ въ Западно-Русскій край, продолжала дѣйствовать и въ 1870 году. Одинъ изъ членовъ ея, П. П. Чубинскій, которому было поручено изслѣдованіе юго-западнаго края, окончилъ свои разъѣзды и приступилъ къ разработкѣ собраннаго имъ матеріала. Благодаря значительному количеству сотрудниковъ изъ мѣстныхъ жителей, г. Чубинскій собралъ обширный матеріалъ, который, по его соображенію, долженъ составить отъ десяти до двѣнадцати томовъ; содержаніемъ ихъ будетъ полное этнографическое описаніе малороссійскаго населенія юго-западнаго края и рядъ статистическихъ изслѣдованій относительно экономическаго состоянія той части малороссійскаго племени которая обитаетъ въ предѣлахъ Россіи на правомъ берегу Днѣпра.

Другой членъ экспедиціи, Ю. П. Кузнецовъ, продолжалъ свои изслѣдованія надъ литовскимъ племенемъ.

7) Въ 1870 году Общество производило изслѣдованія въ сѣверныхъ моряхъ и на берегахъ Лапландіи.

Почетный членъ общества, Его Императорское Высочество великій князь Алексѣй Александровичъ, совершилъ плаваніе по Ледовитому океану и Бѣлому морю. Изъ русскихъ владѣній онъ посѣтилъ Поморье (западный берегъ Бѣлаго моря), Новую Землю и Мурманскій берегъ. Начальникъ эскадры, совершившей это плаваніе, генераль-адъютантъ Посыеть, сообщилъ Обществу отчетъ, представленный имъ въ морское министерство и заключающій въ себѣ крайне любопытныя свѣдѣнія о путешествіи Его Высочества. Въ научномъ отношеніи замѣчательнѣйшимъ результатомъ этой экспедиціи было важное для физической географіи Ледовитаго океана открытіе, касающееся гольфстрема. „Наблюденія надъ температурою воды на поверхности моря“, пишетъ генераль-адъютантъ Посыеть, „и на глубинѣ до 50 сажень, произведенныя офицерами корвета „Варягъ“, доказываютъ существованіе широкой и глубокой теплой струи по направленію отъ Мурманскаго берега къ южной части Новой Земли. Такимъ образомъ, движеніе льдовъ,

по многолѣтнимъ замѣчаніямъ промышленниковъ, и температура воды, по наблюденіямъ офицеровъ ввѣренной имъ эскадры, служа одни другимъ подтвержденіемъ, доказываютъ, что *струи гольфстрема*, этого гигантскаго регулятора климата Европы, *простираются до самыхъ береговъ Новой Земли, и вливаясь въ предѣлы полярныхъ льдовъ, имѣютъ вліяніе на ихъ движеніе и таяніе*“.

Въ связи съ наблюденіями этой экспедиціи находится командировка консерватора музея С. - Петербургскаго университета, г. Яржинскаго, для зоологическихъ изслѣдованій въ Ледовитомъ океанѣ. О. О. Яржинскій, производившій изслѣдованія по Мурманскому побережью еще 1869 г., вошелъ съ запискою въ Географическое общество о продолженіи своихъ физико-географическихъ и зоологическихъ изысканій въ Ледовитомъ океанѣ. Записка эта послужила поводомъ для обсужденія, въ Отдѣленіи географіи физической, разныхъ вопросовъ, касающихся географіи нашего сѣвера. Совѣтъ Общества принялъ съ сочувствіемъ предложеніе Отдѣленія и нашелъ возможнымъ снабдить г. Яржинскаго денежными средствами для найма на норвежскомъ берегу небольшого морскаго судна. вмѣстѣ съ тѣмъ, и согласно представленію Отдѣленія, совѣтъ призналъ полезнымъ для достиженія возможно болѣе удачныхъ результатовъ, ожидаемыхъ отъ изслѣдованій въ Ледовитомъ океанѣ, командировать, одновременно съ г. Яржинскимъ, специалиста по части наблюденій астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и знакомаго съ морскимъ дѣломъ. По этому предмету было сдѣлано сношеніе съ управляющимъ морскимъ министерствомъ. Генералъ-адъютантъ Краббе съ полною готовностью отозвался на заявленіе со стороны Географическаго общества и нашелъ возможнымъ назначить для изысканной выше цѣли лейтенанта барона Майделя, состоящаго при гидрографическомъ департаментѣ, съ откомандированіемъ его для занятій при главной физической обсерваторіи. Путешественники отправились въ путь въ срединѣ мая. До сѣверныхъ береговъ Норвегіи они, съ разрѣшенія морскаго министерства, плыли на одномъ изъ судовъ экспедиціи, отправлявшейся на сѣверъ. Во время плаванія корвета „Варягъ“ до Гаммерфеста, баронъ Майдель, при весьма обязательномъ содѣйствіи штурманскаго офицера Казаринова и гардемарина Росселя, производилъ ежечасныя наблюденія надъ температурою воды, вмѣстѣ съ наблюденіями надъ температурою воздуха. Эти работы, въ связи съ тѣми, которыя производились на корветѣ „Варягъ“ во все время его плаванія, дадутъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о

гольфстремѣ вдоль Норвежскаго берега и далѣе за Нордъ-капомъ, вдоль Мурманскаго берега. Отъ мыса Скагена до 62° с. ш. температура воды уменьшилась болѣе чѣмъ на 2° по Цельсію, а затѣмъ оставалась постоянною почти до Святаго носа, то-есть, до входа въ Бѣлое море. Магнитныя наблюденія баронъ Майдель производилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось оставаться болѣе продолжительное время. Склоненіе магнитной стрѣлки было опредѣлено въ пяти мѣстахъ. Эти наблюденія въ соединеніи съ тѣми, которыя производилъ г. Бѣлавенецъ, сопровождавшій великаго князя Алексѣя Александровича, послужать къ отысканію вѣковаго измѣненія склоненія. Наблюденія надъ горизонтальнымъ направленіемъ земнаго магнетизма, то-есть, склоненіемъ, произведены барономъ Майделемъ въ десяти пунктахъ, а надъ наклоненіемъ—въ шести. Точныхъ астрономическихъ опредѣленій не имѣлось въ виду производить, и въ экспедицію былъ взятъ одинъ только кругъ Пистора и карманный хронометръ. Въ Корабельной губѣ лейтенантъ Майдель воспользовался этими инструментами для опредѣленія широты, въ связи съ съемкою губы. Въ двухъ мѣстахъ, а именно въ Вадсѣ и въ Корабельной губѣ, были произведены наблюденія надъ приливами. Явленіе приливовъ оказалось, на сколько позволяютъ судить столь кратковременныя наблюденія, довольно правильнымъ. Въ общемъ своемъ отчетѣ баронъ Майдель сообщаетъ также нѣкоторыя гидрографическія замѣчанія о гаваняхъ Мурманскаго берега и свѣдѣнія о климатическихъ особенностяхъ этого края.

Г. Яржинскій возвратился въ Петербургъ только въ ноябрѣ. Окончивъ свои изслѣдованія на берегахъ Ледовитаго океана, онъ совершилъ обратное путешествіе сухимъ путемъ по озернымъ пространствамъ губерній Архангельской и Олонецкой. Онъ представилъ краткій очеркъ своихъ занятій сперва на русскомъ военномъ суднѣ вдоль Норвежскаго берега, а потомъ на нанятой имъ парусной шхунѣ. Къ сожалѣнію, шхуна эта не удовлетворяла необходимымъ условіямъ для научныхъ изысканій вдоль Лапландскаго берега, а потому г. Яржинскій оставилъ ее и въ остальное время своихъ изслѣдованій пользовался небольшими судами, принадлежавшими мѣстнымъ промышленникамъ. Крайнимъ предѣломъ его изслѣдованій къ востоку былъ островъ Кильдши. Путешественникъ обратилъ особенное вниманіе на географическое распространеніе морскихъ животныхъ въ Ледовитомъ океанѣ и на зависимость этого распространенія отъ температуры воды. Въ связи съ многочисленными термометрическими наблюденіями, г. Яржинскій пришелъ къ заключенію, что въ полярномъ бассейнѣ,

прилегающемъ къ русскимъ берегамъ, можно различить три пояса по отношенію къ обитающимъ въ нихъ животнымъ, а именно: Бѣлое море и часть Ледовитаго океана до Семи Острововъ представляютъ арктическую фауну; далѣе на западъ къ формамъ полярнымъ начинаютъ присоединяться животныя Атлантическаго океана, а за Гавриловскими островами уже господствуетъ почти исключительно фауна атлантическая. Это присутствіе животныхъ, принадлежащихъ умѣренному климату, въ столь сѣверныхъ широтахъ и объясняется распространеніемъ гольфстрема на востокъ отъ сѣверной оконечности Норвегіи. Наблюденія надъ направленіемъ этой теплой струи и ея предѣлами составили одну изъ главнѣйшихъ частей изысканій г. Яржинскаго.

8) Наконецъ, въ 1870 г. Общество содѣйствовало отправкѣ молодого русскаго естествоиспытателя Н. Н. Миклухо-Маклая въ Восточный океанъ для физико-географическихъ и зоологическихъ изслѣдованій. Еще въ концѣ 1869 году г. Миклухо-Маклай вошелъ въ Общество съ ходатайствомъ о доставленіи ему возможности отправиться на русскомъ военномъ суднѣ въ Восточный океанъ для изслѣдованій по разнымъ отраслямъ естествознанія. Г. Маклай, хотя и полагалъ не ограничивать своихъ изысканій одною сѣверною частью этого океана, однако изъявлялъ готовность, при составленіи окончательнаго плана своего путешествія, обратить особенное вниманіе на моря, омывающія русскіе берега, то-есть, Японское и Охотское. Занятія его должны были обнимать три главные предмета: 1) изученіе организаціи животныхъ на мѣстѣ, 2) изслѣдованіе фауны Восточнаго океана, географія животныхъ, собираніе, по возможности, коллекцій и 3) изученіе этнографическихъ и антропологическихъ вопросовъ. Совѣтъ поручилъ Отдѣленію географіи физической войти въ ближайшія сообщенія по опредѣленію вопросовъ, которые было бы желательно поручить вниманію путешественника. По всестороннемъ обсужденіи означеннаго предложенія, Отдѣленіе пришло къ заключенію, что изслѣдованіе фауны низшихъ животныхъ, ставящее себѣ задачею не простую ихъ классификацію, но сравнительное изученіе морфологіи этихъ животныхъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, до такой степени тѣсно связано съ изученіемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся физической географіи не только самого моря, но и его береговъ, по отношенію къ ихъ очертанію и строенію, что необходимымъ составнымъ элементомъ подобныхъ изслѣдованій должно быть изученіе вида дна, температуръ въ различныхъ частяхъ глубокаго моря

и по береговой линіи, теченій океанскихъ и воздушныхъ, содержанія солей, быстроты испаренія, количества атмосферическихъ осажковъ и т. п., словомъ, всѣхъ тѣхъ вопросовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ содержаніе физической географіи моря. Наконецъ, всѣ эти интересныя сами по себѣ вопросы приобрѣтаютъ новое значеніе, когда они соединены съ вопросами зоологической географіи и съ изслѣдованіями анатомическаго строенія, въ зависимости отъ окружающей среды. Мелкія частности характера среды, которыя могли бы ускользнуть при изученіи ихъ самихъ, съ полною настойчивостію представляются вниманію наблюдателя, когда требуется объяснить частности зоогеографическаго распредѣленія и еще болѣе организаціи и измѣняемости даннаго вида. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Отдѣленіе сочло своею обязанностію съ своей стороны ходатайствовать, чтобы г. Миклухо-Маклаю было дано порученіе отъ Географическаго общества, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ денежнымъ пособіемъ. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Отдѣленія, а въ маѣ мѣсяца 1870 года воспослѣдовало, согласно ходатайству Общества и представленію управляющаго морскимъ министерствомъ, генераль-адъютанта Краббе, Высочайшее разрѣшеніе принять Н. Н. Миклухо-Маклая на корветъ „Витязь“ для совершенія путешествія къ берегамъ Восточнаго океана. Путешествіе г. Маклая разчитано на семь или восемь лѣтъ. Первые годы путешествія г. Маклай думаетъ провести на берегахъ тропическихъ морей, и затѣмъ, подвигаться постепенно на сѣверъ, до береговъ Охотскаго моря и вообще сѣверныхъ частей Восточнаго океана. Первымъ полемъ для своей дѣятельности онъ избралъ Новую Гвинею, представляющую совершенную terra incognita, за исключеніемъ небольшой части береговъ. Н. Н. Миклухо-Маклай отправился въ путь въ срединѣ октября. Ко времени составленія отчета въ Обществѣ еще не имѣлось свѣдѣній о его путешествіи.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Киевское. Профессора О. Ѳ. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Въ послѣднее время особенно посчастливилось въ нашей литературѣ русскому народному эпосу. Были подняты по этому предмету новые вопросы, указаны были новые пути къ рѣшенію задачи. Возникла оживленная полемика партій и направленій. И журналистика, и наука приняли въ ней одинаковое участіе, потому что ни та, ни другая не могли не отозваться на сильно возбужденный въ публикѣ интересъ къ такому предмету высокой важности, какъ народная поэзія, которая составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ народности.

Главными виновниками этого литературнаго движенія явились г. Стасовъ и профессоръ Миллеръ. Первый въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Европы*, и потомъ представленныхъ въ Академію Наукъ на Уваровскую премію, доказывалъ татарское происхожденіе русскихъ былинъ о князѣ Владимірѣ и его богатыряхъ и рабское, бездарное подражаніе русскихъ пѣвцовъ разнымъ восточнымъ оригиналамъ. Второй въ своей диссертациі на степень доктора, публично защищенной въ С.-Петербургскомъ университетѣ, опровергнувъ доводы г. Стасова, путемъ всесторонняго сравнительнаго метода объяснилъ самостоятельность русскаго народнаго эпоса и его высокія достоинства — эстетическія, нравственныя и бытовыя, историческія.

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Стасовъ взялъ себѣ задачу не по силамъ, потому что, не зная восточныхъ языковъ, онъ не могъ самостоятельно, какъ слѣдуетъ ученому, отнестись къ предпринятому имъ дѣлу. Устарѣлый методъ, взятый имъ для изученія народности, крайне односторонніе взгляды и многіе другіе недостатки его теоріи о происхожденіи русскихъ былинъ теперь уже довольно ясно обнаружены, сна-

чала въ „Академическомъ Отчетѣ о двѣнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова“, и потомъ съ особенною подробностію—профессоромъ Миллеромъ въ его книгѣ. Все же эта теорія займетъ видное мѣсто въ литературѣ по изученію русской народности. Главное, неоспоримое достоинство ея — это крайность взглядовъ, идущая наперекоръ всему, что до сихъ поръ было принято въ наукѣ и литературѣ за не подлежащее сомнѣнію по вопросу о русской народной поэзіи. До сихъ поръ всѣ ученые, начиная съ Калайдовича и Карамзина, относились къ русскимъ былинамъ съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ памятникамъ русскаго быта и русской мысли: г. Стасовъ видитъ въ былинахъ бессмысленное искаженіе татарскихъ оригиналовъ, не имѣющее никакого значенія для исторіи русской народности. До сихъ поръ, слѣдуя современнымъ понятіямъ о сравнительномъ изученіи языковъ, мифологін и словесности, полагали, что всякая народная поэзія имѣетъ высокія эстетическія достоинства, потому что она безыскусственна, а въ безыскусственномъ творествѣ господствуетъ искренность и правда: г. Стасовъ утверждаетъ, что русскій народъ въ своихъ былинахъ является до такой степени уродливымъ, что всѣ эти произведенія, въ теченіе столѣтій удержанныя имъ въ памяти, не что иное, какъ глупое сплетеніе чужихъ мотивовъ, бессмысленно скомканныхъ въ какую-то чудовищную массу, непримѣрную у другихъ народовъ, даже самыхъ дикихъ. До сихъ поръ полагали, что всякій народъ, призванный къ историческому развитію, обладаетъ человѣческимъ смысломъ и человѣческими ощущеніями: г. Стасовъ доказываетъ, что русскій народъ на столько скуденъ человѣческими качествами, что не сумѣлъ очеловѣчить заимствованные имъ съ востока эпическіе сюжеты, напротивъ того, опошлилъ ихъ, исказилъ и озвѣрилъ, такъ что его эпическіе герои, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и прочіе богатыри будто бы и чувствовать человѣчески не умѣютъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ и чувствахъ больше походятъ на безсловесныхъ животныхъ. Однимъ словомъ, г. Стасовъ отнялъ у русскаго народа способность не только создать свои героическіе типы, но и со смысломъ и толкомъ обработать заимствованное у другихъ, и такимъ образомъ, по этой любопытной гипотезѣ, русскій народъ въ теченіе столѣтій, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ своихъ былинахъ передавалъ бессмыслицу и пошлость, и услаждая себя воспѣваніемъ такой неслыханной дичи, воспитывался въ отупѣніи и крайнемъ звѣрствѣ, составляющимъ главный характеръ его богатырскихъ типовъ.

Всего любопытнѣе въ этомъ взглядѣ на русскій народный эпосъ

та легкость, съ какою русскій человѣкъ любитъ порочить свое, родное. Онъ не позаботился заpastись знаніемъ восточныхъ языковъ и уже спѣшить заклеить русскія былинны, какъ бездарную передѣлку восточныхъ оригиналовъ. Почему бы, ради истины и науки, и не усмотрѣть въ нашихъ былинахъ плохо перелицованную татарщину? Но чтобы прійти къ этому результату, обидному для національнаго чувства, надобно сначала хорошенько поработать надъ грамматиками восточныхъ языковъ и сдѣлаться ориенталистомъ.

Профессоръ Миллеръ въ своей рѣчи на докторскомъ диспутѣ, стараясь объяснить то болѣзненное настроеніе, которое забавляется порицаніемъ своей національности, приходитъ къ такому заключенію: „Мнѣ показалось“, говоритъ онъ, „что это не что иное, какъ нашъ пресловутый народный грѣхъ—привычка не въ мѣру смиряться передъ другими народами“. Дѣйствительно, судя по всевозможнымъ обличеніямъ русской жизни, наконецъ ставшимъ въ нашей литературѣ общимъ мѣстомъ, надобно думать, что русскій человѣкъ, смиренія ради, особенно склоненъ находить въ себѣ дурное, а если и любитъ свое родное, то еще по той психологіи временъ Домостроя, которая гласитъ пословицей: кого люблю, того и бью. Вообще—это, можетъ быть, и такъ; но порицаніе именно народной русской словесности въ нашей печати имѣетъ и другое основаніе. Въ этомъ порицаніи чувствуется еще и теперь слѣдъ тѣхъ временъ, когда литературу ограничивали выраженіемъ интересовъ образованнаго, барскаго общества, а все народное называли *подлостью*; въ этомъ униженіи народнаго проглядываетъ еще недавняя барская спѣсь, которая не хочетъ въ мужикѣ признать человѣка, и вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, охотно видитъ въ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ качества не человѣческія, а звѣриныя.

Впрочемъ, татарская теорія о русскомъ эпосѣ, какъ всякая крайность, заходящая слишкомъ далеко, принесла наукѣ несомнѣнную долю пользы. Везпощадное наругательство надъ русскою народностью въ ея лучшихъ, эпическихъ проявленіяхъ вызвало ученыхъ на болѣе внимательное разсмотрѣніе поэтическихъ и бытовыхъ достоинствъ этихъ произведеній русскаго творчества, а гипотеза о татарскомъ ихъ происхожденіи, подвергнутая строгой критикѣ сравнительнаго метода, своею рѣшительною несостоятельностью только въ большемъ свѣтѣ должна была выдвинуть на первый планъ самородные элементы и національное развитіе нашего богатырскаго эпоса.

Эта важная заслуга для науки и русской народности выпала на

долю профессора Миллера, диссертация котораго такъ встаетъ появи-
лась вслѣдъ за странными статьями г. Стасова. Филологическая оцѣнка
вариантовъ каждой изъ былинъ нашего эпоса и неистощимое богатство
сравнительнаго матеріала, критически разобраннаго, даютъ этой дис-
сертациі самое почетное мѣсто въ литературѣ по русской народности.
Все, что только выработала современная наука по сравнительному
изученію народной поэзіи, тщательно собрано г. Миллеромъ и приве-
дено въ соотношеніе съ русскими былинами, такъ что послѣ такого
всесторонняго сравнительнаго изслѣдованія этого предмета становится
въ нашей литературѣ уже рѣшительно не мыслимымъ появленіе та-
кихъ одностороннихъ взглядовъ, образчикъ которыхъ представилъ
г. Стасовъ. Пусть враги почтеннаго профессора, не зная какъ бросить
тѣнь на его ученыя достоинства, находятъ приличнымъ издѣваться
надъ увѣсистою толщиною его книги, называя ее энциклопедіей бо-
гатырскаго эпоса. Недавнее татарское нашествіе на нашихъ богатырей
должно было бы убѣдить всякаго, какъ еще мало былъ разработанъ у
насъ этотъ предметъ. Сколько тяжеловѣсныхъ томовъ написали Нѣмцы
о своемъ героическомъ эпосѣ! А для Русскихъ и одного такого тома
о своемъ эпосѣ уже много, и смѣшенъ въ нашихъ глазахъ тотъ, кто
столько бумаги потратилъ на печатаніе о какомъ-то Ильѣ Муромцѣ.
Немного надобно знать подкладку кое-каго изъ нашихъ прогресси-
стовъ, чтобы въ ихъ ребяческихъ насмѣшкахъ надъ большимъ форма-
томъ книги встрѣтить родныя русскому взгляду преданія о той Голуби-
ной Книгѣ, по которой ходить—не исходить будетъ. Именно, для того
чтобы, по старой привычкѣ, не попирать ногами того, что слѣдуетъ
уважать, и надобно было г. Миллеру составить цѣлую энциклопедію,
дабы вопросъ о народности, легкомысленно втоптанннй въ грязь
дужинныхъ обличеній, поднять въ уровень современнымъ ученымъ
интересамъ литературъ западныхъ.

Впрочемъ, предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ предложить въ
большей полнотѣ критическое разсмотрѣніе книги г. Миллера ¹⁾, на
этотъ разъ я ограничусь разборомъ только одного вопроса, можетъ-
быть, самаго важнаго въ изученіи русскихъ былинъ, но какъ мнѣ
кажется, мало выясненнаго и недостаточно рѣшеннаго авторомъ. Во-
просъ этотъ касается одного изъ самыхъ основныхъ *слоевъ* народнаго
русскаго эпоса и долженъ былъ бы занять болѣе видное мѣсто, нежели

¹⁾ Въ порученномъ мнѣ Академіей Наукъ разборѣ этого сочиненія, представ-
леннаго на соисканіе Уваровской преміи.

какое ему дано въ книгѣ, имѣющей своимъ содержаніемъ именно *словесной* составъ нашего эпоса. Если замѣчанія, которыя я сообщу здѣсь, далеко не исчерпаютъ богатаго содержанія этой книги, то все же на столько будутъ касаться ея системы и метода, что достаточно выяснять, какъ ея достоинства, такъ и то, чего, по моему мнѣнію, въ ней не достаетъ. Постараюсь какъ можно строже отнестись къ предмету моей критики, чтобъ устранить изъ него все то, что можетъ дать поводъ въ недоразумѣніямъ относительно серьезнаго, вполне научнаго изученія русскихъ былинъ.

Не думаю, чтобъ эти мои заключенія — буде они окажутся пригодными для науки — могли послужить врагамъ г. Миллера новымъ орудіемъ, потому что то же самое орудіе, еще съ большею силою, можно было бы употребить и противъ г. Стасова, котораго они взяли подъ свое покровительство.

Въ „Наблюденіяхъ надъ *словеснымъ* составомъ народнаго русскаго эпоса“ разработанъ преимущественно слой самый низшій, древнѣйшій, общій нашему эпосу съ преданіями, какъ славянскихъ народовъ и народностей индоевропейскихъ, такъ и другихъ народовъ, не состоящихъ въ племенномъ первобытномъ сродствѣ съ ними. Точка зрѣнія, принятая авторомъ въ подборѣ сравнительныхъ данныхъ, двоякая: во-первыхъ, общія *миоцескія* основы всѣхъ эпосовъ, особенно въ народностяхъ, между собою родственныхъ по языку, и во-вторыхъ, ранніе логическіе и психологическіе приемы въ передачѣ *миоцескихъ* и эпическихъ сюжетовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, болѣе или менѣе сходные у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первобытной эпической ступени своего бытоваго развитія, какъ показали это Ганъ въ своей остроумной теоріи такъ-называемыхъ *сказочныхъ формулъ* ¹⁾. Кромѣ того, г. Миллеръ допускаетъ и позднѣйшее, случайное, *историческое* вліяніе, по теоріи Бенфея ²⁾, но слѣдуя новѣйшимъ успѣхамъ науки, не даетъ этой теоріи такого авторитетнаго значенія, какому такъ рабски подчинился г. Стасовъ.

Въ основу *миеологическаго* сродства нашего эпоса съ другими народностями, авторъ беретъ такъ-называемую *миеологию природы*, и въ этомъ отношеніи, вполне сходится съ г. Аванасевымъ, сочиненіе котораго „О поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу“ постоянно цитируетъ. По теоріи, объясняющей *миею* природой и ея явленіями, все

¹⁾ *Hahn*, Grich. u. alban. Märchen. I, введение, стр. 45 и слѣд.

²⁾ *Benfey*, Panchatantra, I, предисловіе, стр. XXII и слѣд.

разнообразіе эпическихъ сюжетовъ подводится подъ немногія рубрики мнѳологіи природы. По этой теоріи все объясняется легко, просто и наглядно, какое бы событіе ни рассказывалось, будь то похищеніе невѣсты, единоборство богатырей, подвиги младшаго изъ трехъ сыновей, спящая царевна и т. п. Все это не иное что, какъ тепло или холодъ, свѣтъ или тѣма, лѣто или зима, день или ночь, солнце и мѣсяцъ съ звѣздами, небо и земля, громъ и туча съ дождемъ. Гдѣ въ былинѣ поется о горѣ, по этой теоріи разумѣй не гору, а тучу или облако; если богатырь поражаетъ Горыню, это не богатырь и не Горыня, а молнія и туча; если Змій Горыничъ живетъ на рѣкѣ, это не настоящая, земная рѣка, а небесная, то-есть, дождь, который льется изъ тучи, и т. п.

До какой типичности выработалась эта теорія, можно видѣть изъ слѣдующей формулы, которую г. Миллеръ принимаетъ за рамку цѣлага ряда эпическихъ сюжетовъ: „Если же вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, то въ ней неизмѣнно должны оказаться *три* существа, почти столько же тутъ необходимы, какъ для предложенія необходимы три его составныя части. Какъ въ предложеніи можетъ ихъ быть и болѣе, могутъ быть и части второстепенныя,— такъ возможны онѣ и въ сказаніи, но *существенными* являются всегда три: а) свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго; б) темное существо, которое, какія бы ни представлялись тутъ колебанія счастья, въ концѣ концовъ неизмѣнно должно быть побѣждено; в) существо, изъ-за котораго и дѣлается нападеніе на злую силу, существо ею плѣненное, свѣтлое и освобожденное отъ нея первою свѣтлою силою“.

Эту общую формулу авторъ прилагаетъ къ объясненію эпизода о томъ, какъ Илья Муромецъ, покоривъ Соловья-Разбойника, привозитъ его связаннаго и раненаго въ Кіевъ къ князю Владимиру. „Въ преданіи о Соловѣѣ-Разбойникѣ“, продолжаетъ г. Миллеръ, „первымъ существомъ является Илья Муромецъ — первоначальный громовникъ-молніеносецъ, вторымъ — Соловей-Разбойникъ, первоначально сплошное, свистомъ вѣтровъ возвѣщаемое и рѣками дождей сопровождающееся злое ненастье, ненастье, надолго заложившее путь, но къ чему? Къ ясному, свѣтлому небу, къ сіянію краснаго солнышка. Въ сказкахъ, освобождаемое отъ темныхъ силъ, оно является въ образѣ красавицы дѣвы, царевны. Но солнце же является въ сказкахъ и въ образѣ царевича или царя. Существованіе и мужскихъ типовъ солнца давно уже признано вообще сравнительною мнѳологіей. Послѣ этого, и Соловей-Разбойникъ могъ застигать дорогу къ *прекрасному государю солнцу*,

и вотъ на мѣсто такого-то мненческаго государя и долженъ былъ явиться въ послѣдствіи князь Владиміръ—солнышко Киевское. Если же въ основѣ и всей вообще богатырской дѣятельности Ильи Муромца заключается постоянная имъ оборона Киева съ его стольнымъ княземъ, то первоначально и въ этомъ должна быть оборона божества солнечнаго богомъ-громовникомъ“ стр. 274—5).

Общность формулы составляетъ и выгодную ея сторону, и невыгодную: выгодную — потому, что цѣлые ряды кажущихся несообразностей и часто бессмыслицъ, вошедшихъ въ содержаніе народнаго эпоса, такую формулою объясняются на столько удовлетворительно, что получаютъ нѣкоторый смыслъ, и какъ объясненные, складываются въ архивъ науки, будто дѣло рѣшенное; невыгодную сторону — потому, что формула уже слишкомъ обща, потому что все, что угодно можно вставить въ ея широкія рамы. Свѣтлое существо, темное и еще свѣтлое, плѣненное темнымъ,—это такое общее мѣсто, которое еще лучше, чѣмъ къ эпизоду о Соловьѣ-Разбойникѣ, можетъ быть приложено, на примѣръ, къ Троянской войнѣ (здѣсь греческое ополченіе, будетъ свѣтлымъ элементомъ, Троя — темнымъ, а Елена — свѣтлымъ, которое похищено темнымъ, и изъ-за котораго происходитъ борьба); да и вообще всякая война, хоть бы современная намъ прусско-французская, предлагаетъ тѣ же три элемента, цвѣтъ которыхъ, свѣтлый или темный, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія той или другой изъ воюющихъ сторонъ.

Этотъ легкій способъ обобщать факты, по которому и эпизодъ о Соловьѣ-Разбойникѣ, и Троянская война, и современное намъ событіе въ сущности должны выражать одну и ту же мысль, приводить мнѣ на память тѣ старинныя эстетики, по которымъ все разнообразіе художественныхъ явленій подводилось къ тремъ главнымъ моментамъ: внутреннее, внѣшнее и соединеніе того и другаго. И въ этихъ трехъ рубрикахъ есть, конечно, нѣкоторый смыслъ, но смыслъ столь общій, что касается не опредѣленія предметовъ, а размѣщенія ихъ по разнымъ перегородамъ, съ ярлычками. Почтенный профессоръ сравниваетъ эпическій сюжетъ съ предложеніемъ, и въ трехъ элементахъ эпическаго содержанія видитъ подобіе подлежащаго, сказуемаго и связи. Но вѣдь эти части предложенія составляютъ только его внѣшнюю форму, а не самый предметъ рѣчи; между тѣмъ какъ въ эпическомъ сюжетѣ на первомъ планѣ его содержаніе, а содержаніе для своего эпоса народъ почерпаетъ изъ неисчислимаго запаса своей многовѣковой памяти. Если же авторъ, построивая свою теорію на сказанныхъ трехъ

рубрикахъ, имѣлъ въ виду объяснить только общій приемъ, только одну форму, или такъ сказать, формальную логику эпическаго сюжета, то тѣмъ самымъ онъ уже отказывался отъ объясненія его сущности.

Впрочемъ, теорія эта въ сравнительномъ изученіи эпоса не новость. Чтобъ ориентироваться въ необозримой массѣ сходныхъ между собою данныхъ по эпической поэзіи разныхъ народовъ, нѣмецкіе ученые нашли удобнымъ распредѣлить эти данныя по немногимъ рубрикамъ мнѳологіи природы, съ тѣмъ чтобы въ основѣ эпическихъ сюжетовъ отрывать идеи и представленія, общія эпосу съ мнѳологіею природы. Но не слишкомъ ли поспѣшно и преждевременно рѣшились обобщить разнообразныя и разнородныя эпическія подробности, подводя ихъ подъ скудные, голословныя заглавія статей изъ мнѳологіи природы—о теплѣ, холодѣ и тому подобномъ? Приемъ этотъ, какъ ни кажется онъ увлекателенъ съ перваго разу, очень опасенъ, легко можетъ быть употребленъ во зло, и это можетъ случиться всякій разъ, какъ только въ объясняемомъ эпическомъ сюжетѣ къ раннему мнѳу примѣшивается преданіе мѣстное или испорченное.

Въ этомъ отношеніи надобно строго отличать *сказку* отъ *былины*. Авторъ „Ильи Муромца“ хорошо понимаетъ это различіе, но забываетъ о немъ, когда подъ одну общую рубрику подводитъ иногда содержаніе той и другой, безъ точнаго анализа тѣхъ особенностей, которыми былина, какъ мѣстное и историческое преданіе, выдѣляется изъ безразличной массы сказокъ. Сказка можетъ цѣликомъ состоять изъ какого-нибудь мнѳа природы, не приуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ. „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь“, говоритъ она вообще, не стѣсняясь точными указаніями, ни историческими, ни географическими. Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владимира въ Кіевѣ; ведетъ своего Илью Муромца изъ села Карачарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д. Къ сказкѣ вы безнаказанно можете прилагать свою мнѳологію природы, во первыхъ, ужъ и потому, что содержаніе ея одно и то же у всѣхъ народовъ, и слѣдовательно, по тому самому подлежитъ оно объясненію общему, стоящему внѣ географическихъ и историческихъ ограниченій; во вторыхъ, потому что есть сказки, которыя уже сами голословно говорятъ о содержащемся въ нихъ мнѳѣ природы, напримѣръ, о братьяхъ двѣнадцати мѣсяцахъ, о царицѣ, которая родила двойни—Солнце и Луну и т. п. Чѣмъ эпосъ первобыт-

нѣе, какъ финская Калевала, тѣмъ больше въ немъ мифологии природы, и тѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія *chansons de geste*, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина, воспѣваетъ ли она князя Своиния-Шуйскаго, или князя Владиміра и Илью Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ. Въ эпизодѣ о послѣднемъ важно не то, что это, можетъ-быть, слѣдъ преданія о тучѣ съ дождемъ, а то, почему чудище названо *соловьемъ* и *разбойникомъ*, почему самъ онъ живетъ именно на *дѣревянхъ*, а семья его въ хоромахъ, окруженныхъ дворомъ, и т. д. Мифы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая мѣстныя формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовой колоритъ.

Обратить былинку назадъ, въ тотъ до-историческій періодъ, когда она интересовалась только краснымъ солнышкомъ да тучею съ дождемъ, а не княземъ Владиміромъ и Соловьемъ-Разбойникомъ, значило бы отказать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлыя мифы о солнцѣ, дождѣ или громѣ. Эпосъ развивается въ теченіе извѣстнаго періода народной жизни, какъ это постоянно даетъ чувствовать и самъ г. Миллеръ, съ точки зрѣнія бытовой и исторической характеризующа богатырскіе типы, въ которыхъ народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самосознаніе. Понятно, слѣдовательно, что между мифомъ о тучѣ, затерявшимся въ образѣ Соловья-разбойника, и типомъ Ильи Муромца, какъ представителя общины или какого-нибудь другаго бытоваго явленія, надобно предположить цѣлый рядъ переходныхъ *словесъ*, и авторъ „Наблуденій надъ *словеснымъ* составомъ русскаго эпоса“ обязанъ былъ бы тщательно изслѣдовать эти слои, или же по крайней мѣрѣ, точнѣе опредѣлить, когда и какъ Муромскій богатырь изъ мифическаго сокрушителя тучъ сталъ историческимъ идеаломъ русскаго крестьянина, смѣнявшаго соку на мечъ для обороны Русской земли.

Всѣ эти мифы о свѣтѣ и мракѣ, о теплѣ и холодѣ, о тучахъ и дождяхъ, положенные въ основу мифологии природы, въ теоріи народнаго эпоса съ историческимъ содержаніемъ имѣютъ видъ того первобитнаго хаоса, въ которомъ носились эти элементы до сотворенія міра, еще не улегшіяся въ своемъ броженіи. Когда авторъ „Наблуденій надъ *словеснымъ* составомъ русскаго эпоса“ разбиваетъ передъ нашими глазами осязаемыя формы горъ и рѣкъ, разлагая ихъ

въ мнѣшескія облака и дожди, когда онъ мысленными тучами и вѣтрами разсѣваетъ яркія очертанія Соловья-Разбойника вмѣстѣ съ его теплымъ гнѣздомъ, и когда вслѣдъ затѣмъ много разъ убѣждаетъ, что и Добрыня, и Илья, и прочіе богатырскіе типы—это живыя, русскія личности, проникнутыя многоразличными бытовыми отношеніями,—тогда всякій разъ кажется, что въ своихъ наблюденіяхъ онъ сдѣлалъ самое капитальное упущеніе: онъ наложилъ множество позднѣйшихъ, бытовыхъ слоевъ не на твердую основу, а на тотъ первобытный хаосъ элементовъ, который взялъ на прокатъ изъ міеологій природы. Можетъ-быть, по этой теоріи такъ и слѣдуетъ, чтобы самый низшій изъ слоевъ нашего эпоса, уже не мнѣшескаго, а бытоваго, былъ наложенъ не на твердую почву русской мѣстности, а именно на эту первобытную трясиину, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ каждой эпической личности, въ каждомъ эпизодѣ русскихъ былинъ нагляднѣе показать тотъ двуличивый отливъ, ту свѣто-тѣнь, ту шатеую неустойчивость, которыя должны были оказаться естественнымъ слѣдствіемъ чудовищнаго смѣшенія въ былинѣ міеа съ историческимъ событіемъ. Но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы внимательнѣе взглянуть на самый процессъ этого смѣшенія и точнѣе указать моменты перехода отъ мнѣшескаго къ бытовому.

Впрочемъ, одни отрицательные доводы не объясняютъ дѣла. Необходимы факты положительные, которые восполняли бы указанный мною пробѣлъ. Постараюсь, хотя немного, способствовать къ разрѣшенію этого вопроса, на сколько это будетъ возможно въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальной рецензіи.

I.

Сравнительное изученіе міеологій привело изслѣдователей народной словесности къ той истинѣ, что въ основѣ большей части міеовъ открывається взглядъ человѣка на природу, какъ первая умственная попытка дать себѣ отчетъ объ окружающемъ мірѣ, какъ первый шагъ къ познанію природы и себя самого въ отношеніи къ ней. Времена года, ихъ смѣна, явленія природы и борьба стихій—таково содержаніе этихъ міеовъ. Міеологія въ этомъ смыслѣ представляется замкнутою въ тѣсный кругъ *юдичнаго* теченія. Пока народъ вращаетъ свои умственные интересы въ этомъ замкнутомъ кругѣ, ежегодно повторяющемъ одно и то же, до тѣхъ поръ онъ коснѣеть внѣ историческаго развитія. На этой первой ступени народныя *юдовщины* могутъ осложняться и умножаться только занесенными въ нихъ по-

дробностями образа жизни и занятій, приспособленныхъ къ тому или другому времени года. Но ужъ и этимъ самымъ миеологія природы подчиняется нѣсколько *быту народному*. Иной смыслъ дается годовщинѣ въ пастушескомъ быту, иной — въ земледѣльческомъ. Затѣмъ должна была оказать свое вліяніе на миеческіе образы и самая *мѣстность*, гдѣ народъ живетъ: на берегу моря, въ горахъ или на равнинѣ. Наконецъ, та масса разнообразнѣйшихъ миеовъ, которую сравнительная миеологія старается сгруппировать подъ общія рубрики, представляетъ намъ пеструю смѣсь національныхъ различій во множествѣ мелочныхъ подробностей. Откуда бы эти подробности взялись, какъ не вслѣдствіе развѣтвленія одного общаго единства на національныя различія? Ограничиваясь племенами индо-европейскими, болѣе разработанными наукою по языку и миеологіи, мы хорошо знаемъ, сколько различаются эти племена между собою, не смотря на свое сродство. Поэтому, задача сравнительнаго изученія состоитъ столько же въ объясненіи сродства, сколько и *различія*, какъ это доведено до послѣдней очевидности въ сравнительной грамматикѣ языковъ индо-европейскихъ. А такъ какъ языкъ представляетъ самое полное выраженіе всего духовнаго и бытоваго существа народности, то при развѣтвленіи языковъ необходимо должно было оказаться и развѣтвленіе въ миеахъ. Самое различіе въ названіяхъ одного и того же божества у разныхъ народовъ индоевропейскаго поколѣнія говорить уже о неодинаковости ихъ во взглядахъ на природу. Пусть будутъ въ сущности одно и то же — и греческій Зевсъ, и латинскій Юпитеръ, и германскій Торъ, и нашъ Перунъ, но самое это различіе въ названіяхъ, происшедшее отъ различія точекъ зрѣнія и вообще отъ различія въ языкахъ и въ бытѣ, даетъ уже національную окраску общему понятію, лежащему въ основѣ этихъ названій.

Итакъ, первый шагъ къ развитію миеа совершается въ нѣдрахъ самой миеологіи, въ развѣтвленіи общаго на частности, въ приуроченіи общаго къ извѣстной мѣстности. А такъ какъ самое расселеніе племей, въ эпоху незапамятную, есть уже фактъ историческій, и притомъ фактъ высокой важности, то указывая на различіе національностей въ отношеніи географическомъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ ужъ и о различіи историческомъ, бытовомъ. Такимъ образомъ, годовщина народная, возникшая изъ миеовъ природы, общихъ всѣмъ родственнымъ племенамъ, должна была уже рано принять своеобразныя формы у Славянъ вообще, и у Русскихъ въ частности.

Мѣсяцесловъ имѣетъ громадное значеніе для народности. Возвраща-

щая вѣрованія ежегодно къ однимъ и тѣмъ же физическимъ явленіямъ, онъ поддерживалъ въ народѣ въ теченіе столѣтій мифологію природы, которая потому въ общихъ чертахъ и могла доселѣ сократиться въ *сказкахъ*. Съ другой стороны, приурочивая къ известнымъ годовщинамъ праздники и обряды, мѣсяцесловъ тѣмъ самымъ указывалъ на источникъ *обрядности* тоже въ мифахъ природы. Если и сказка, и хореводная и вообще обрядная пѣсня, могутъ быть возведены къ одному общему началу, то почему же не попытаться было подвести къ нему же и *былину*, какъ таковой же элементъ народнаго эпоса? И безъ сомнѣнія, г. Миллеръ въ этой попыткѣ могъ быть на столько правъ, на сколько былина своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ мифическими воззрѣніями на природу.

Очень рано осложнилась народная годовщина вліяніемъ христіанства. Проповѣдники этой новой религіи столько же заботились о водруженіи святиль на мѣстахъ языческихъ капищъ, сколько и о замѣнѣ языческаго календаря христіанскимъ. Національныя названія временъ года и мѣсяцевъ были замѣнены названіями греко-римскими, языческія годовщины — праздниками христіанскими. Такимъ образомъ, тотчасъ же по принатіи народомъ христіанства, на календарь языческій былъ наложенъ календарь церковный; мифологія природы продолжала господствовать въ умахъ, только скрытая подъ новыми названіями, и новый календарь укоренялъ въ народѣ мифическія воззрѣнія на природу, сближая мифическіе образы съ христіанскими именами. Сербы доселѣ поютъ о томъ, какъ мифическая молнія дѣлила дары: дала Богу небесныя высоты, св. Петру—Петровскіе жары, Ивану — ледъ и снѣгъ, а Николѣ на водѣ свободу, а Ильѣ — молнію и стрѣлы ¹⁾. Соответственно тѣмъ же воззрѣніямъ, у Славянъ Русскихъ, болѣе родственныхъ съ Болгарами и Сербами, нежели со Славянами западными, уже въ древнѣйшую эпоху мы встрѣчаемъ преимущественное чествованіе упомянутыхъ въ этой пѣснѣ *Ильи* и *Николаи*, и потому *Игоря* или *Юрія* (Георгія), особенно чтимаго у нашихъ племенниковъ юго-восточныхъ ²⁾. Потому-то древнѣйшіе храмы на Руси и были посвящены этимъ церковнымъ именамъ. Еще при Игорѣ существовала въ Кіевѣ церковь во имя св. Ильи; на могилѣ Оскольда была построена церковь св. Николая; по извѣстнѣйшимъ лѣтописямъ, князь Владиміръ, крестивъ землю Русскую, „постави въ Кіевѣ *первую* церковь

¹⁾ *Вука Караджича*, Сербскія пѣсни, I, 156.

²⁾ *Каравелова*, Памятники народнаго быта Болгаръ, I, 211.

святаго Георгія“¹⁾. Изъ массы именъ церковнаго календаря взяты были только эти три имени—не по простой случайности, а вслѣдствіе историческаго перехода отъ язычннхъ въ христіанскіе, вслѣдствіе наложенія церковнаго календаря на языческую годовщину, и вмѣстѣ съ тѣмъ, освященія языческихъ урочищъ христіанскою святиней. Перунъ передалъ свою молнію и свои стрѣлы Ильѣ Громовнику. Волокъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ сближенъ съ св. Николою, какъ, на примѣръ, въ 16-и верстахъ отъ Владиміра былъ, нынѣ упраздненный, монастырь *Волосокъ*—во имя св. Николая угодника, сначала на горѣ, будто бы на мѣстѣ вапнца божества Волоса. Князь Ярославъ избралъ себѣ въ патроны св. Георгія, и между прочими сооружеиіями построилъ во имя этого святаго монастырь. У южныхъ Славянъ Юрьевъ день—самый великій праздникъ весенній, соотвѣтствующій нѣмецкому празднику Остаръ; онъ такъ же, какъ и у Германцевъ, можетъ-быть, совпадаетъ съ Пасхою (*Велика-день*). На Руси Юрьевъ день былъ урочнымъ терминомъ перекочеванія крестьянскаго населенія. Это былъ праздникъ весны, которая иначе называется *Яро*, *Ярь*, и мѣсяць весенній — *Ярецъ*. Того же происхожденія и множественное названіе *Ярило*. Понятно, слѣдовательно, почему *Ярославъ* (отъ *яро*, *ярь*) былъ переименованъ въ Георгія, покровителя весенней годовщины. Должна между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ и доселѣ именуется *Яриловою*; потому весной въ Духовъ день тамъ водятъ хороводы съ пѣснями: „А мы просо сѣяли, сѣяли, ой Дидъ-Ладо, сѣяли!“ Это празднество поклоненія солнцу извѣстно въ Костромской губерніи подъ именемъ *Ярили*; въ предѣлахъ Ярославля тотъ же праздникъ называется *Солонина* (*солонь*, *слунь*, откуда *солнце*) и справляется въ понедѣльникъ Петровскаго поста.

Тѣ же три церковныя имени встрѣчаемъ мы между древнѣйшими урочищами въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Такъ, городъ Ярославль, отъ Ярослава или Георгія, иначе *Рублемый* городъ; въ память этого древняго названія одна изъ церквей въ Ярославлѣ и доселѣ называется *Николорублемскою*, и по преданію, будто бы тогда же и изъ того же лѣсу, изъ котораго былъ срубленъ городъ, была построена въ немъ церковь во имя *Ильи* пророка²⁾.

Если въ былинахъ имѣютъ какое-нибудь значеніе собственныя имена, то Муромскій богатырь своимъ именемъ восходитъ къ той

¹⁾ *Бестужева-Рюмина*, О составѣ русскихъ лѣтописей. Приложение, стр. 18.

²⁾ Протоіерей *Трошкато*, Исторія губ. города Ярославля, стр. 7.

эпохѣ, когда древнѣйшая церковь св. Ильи заслонила собою капище Перуна, а Селяниновичъ — прозвище, можетъ-быть, позднѣйшее — названъ столь же типическимъ именемъ, соединеннымъ въ лѣтописныхъ преданіяхъ тоже съ одною изъ древнѣйшихъ церквей. Что же касается до Георгія или Егорія, то этотъ герой, какъ устроитель земли Русской, воспѣвается въ цѣломъ рядѣ дуковныхъ стиховъ, а въ эпизодѣ о пораженіи змія тѣсно связанъ съ преданіями о Добрынѣ Нивитичѣ.

Итакъ, миеологія природы, безъ сомнѣнія, лежитъ въ основѣ нашего былиннаго эпоса, но уже значительно осложненная, во первыхъ, тѣмъ, что она приурочилась къ извѣстнымъ географическимъ урочищамъ, а во вторыхъ, тѣмъ, что народная годовщина очень рано была переведена на языкъ и понятія церковнаго календаря. Это уже не просто миеологія, а *двоевѣріе*, какъ и современная намъ народная годовщина уже двоевѣрная. Можетъ-быть, когда-нибудь народъ и усматривалъ въ своемъ Муромскомъ богатырѣ нѣкоторыя черты первобытнаго Перуна, но уже подъ двуличневою призмой Ильи-Громовника, и необозримые размѣры стихійнаго мѣа должны были сократиться въ ту типическую личность, которой калики переходіе поубавили силы какъ-бы на половину, чтобы сдѣлать ее человѣкоподобною. Такова первая загрузтовка полотна; она оказалась уже на столько устойчива, что могла принять на себя тѣ бытовныя и историческія очертанія, которыми г. Миллеръ такъ любитъ украшать своего любимаго богатыря.

II.

Итакъ, изъ первобытнаго хаоса нагроможденныхъ стихій мы вышли на вольный свѣтъ исторіи. Подъ нашими ногами не зыбкая среда, составленная изъ тучъ и дождей, а земля Русская, съ ея географическими урочищами. Въ глубокую старину, задолго до зарожденія нашихъ былинъ, можетъ-быть, и происходилъ тотъ стихійный хаосъ, на которомъ такъ медлитъ изслѣдователь слоеваго состава русскаго народнаго эпоса, но сама былина стоитъ уже по эту сторону исторіи, отдѣляясь отъ до-историческаго мрака рѣзко обозначеннымъ слоемъ историческимъ и географическимъ.

Русскій эпосъ до настоящаго времени сохранилъ для народа историческія преданія о важнѣйшихъ событіяхъ его прошедшей жизни. Былинны воспѣваютъ татарщину, Батю и Мамаю, и татарскихъ баскаковъ, затѣмъ воспѣваютъ царственную Москву съ ея Иваномъ Гроз-

нымъ, Гришку-разстригу и времена междоцарствія, князя Скопина-Шуйскаго и Московскихъ царей до Петра Алексѣевича включительно. Какъ въ литературѣ, въ параллель съ лѣтописью, идетъ рядъ житій святыхъ, такъ и въ народномъ эпосѣ, рядомъ съ былинами идутъ духовные стихи, начиная отъ мнѣическихъ мотивовъ Егорія Храбраго, черезъ историческія личности Бориса и Глѣба, до раскольничей мистики.

Вотъ почему вполне справедливо можно сказать, что русскій народный эпосъ служить для народа не писанною, традиціонною лѣтописью, переданною изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе столѣтій. Это не только поэтическое воссозданіе жизни, но и выраженіе историческаго самосознанія народа. Народъ, остановленный въ своемъ развитіи, какъ Финны, могъ довольствоваться стихійными мѣами своей Калевалы. Русскій народъ въ своихъ былинахъ созналъ свое историческое значеніе.

Если русскій эпосъ ужь отъ временъ татарщины имѣеть характеръ историческій, если уже раннія наши новѣсти, какъ Слово о полку Игоревѣ, Муромская легенда о Петрѣ и Февроніи, Псковская—объ Ольгѣ, Ростовская—объ Александрѣ Поповичѣ, Рязанская—о Коловратѣ и т. п., суть не что иное, какъ эпизоды одного громаднаго историческаго эпоса, если русскія лѣтописи, время отъ времени, даютъ мѣсто эпическимъ сказаніямъ содержанія историческаго, то нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ и былины о князѣ Владимірѣ и его богатыряхъ не выражали историческаго сознанія, чтобъ онѣ не внесли значительной доли историческаго содержанія въ свой составъ.

Отъ историческаго направленія нашего эпоса временъ татарщины и Ивана Грознаго можно заключить, что и ранній эпосъ не чуждъ характера историческаго. Чтобы воспѣвать событія русской жизни XIII или XVI и XVII вѣковъ, народъ долженъ былъ воспитать въ себѣ историческій тактъ ужь издавна. Въ этомъ отношеніи крутыхъ поворотовъ въ жизни народа не бываетъ. Позднѣйшему историческому эпосу долженъ былъ служить основой эпосъ ранній, воспѣвающій князя Владиміра съ его богатырями. Уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться исторически къ своему прошедшему. Здѣсь былъ уже тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ свое историческое самосознаніе; отсюда онъ набрался силы для эпическаго вдохновенія, чтобы воспѣть царя Ивана Васильевича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Съ другой стороны, лѣтописи, уже самыхъ раннихъ редакцій, при-

мѣшиваютъ къ историческому содержанию эпическое, въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, начиная съ Обровъ и Козаръ, Кія, Щева и Хорива и т. д. Лѣтописное повѣствованіе объ Ольгѣ, дополняемое ея житіемъ и мѣстными сказаніями, соединяетъ въ себѣ былинну съ духовнымъ стихомъ. Въ повѣствованіе о князѣ Владимірѣ лѣтописи внесла нѣсколько эпизодовъ, очевидно былиннаго характера, каковы—о Переяславскомъ героеѣ, называемомъ по другимъ источникамъ то Яномъ Усмошведомъ, то Кирилломъ Кожемякой, о киселѣ или „земной кормлѣ“ въ Бѣлогородской сказкѣ, о мщеніи Рогнѣды-Гориславы, и мн. др. Самое испытаніе вѣроисповѣданій, съ такою увѣренностію выдаваемое лѣтописцемъ за историческій фактъ, носить на себѣ явственный характеръ легендарнаго вымысла, украшеннаго церковною догматикой и книжнымъ витійствомъ.

Такова уже лѣтопись древнѣйшая. Позднѣйшія ея передѣлки предлагаютъ еще больше поэтическаго матеріала, потому что, чѣмъ болѣе онѣ отступаютъ отъ фактическихъ извѣстій раннихъ лѣтописцевъ, тѣмъ больше вносятъ въ историческое содержаніе лжи, выдумокъ, то есть, сказокъ, мѣстныхъ преданій, историческихъ сагъ. То что въ этихъ позднѣйшихъ источникахъ историкъ своею историческою критикою очищаетъ отъ дѣйствительнаго факта, какъ вымыселъ, то составляетъ матеріалъ для исторіи поэзіи. Отбросивъ личныя соображенія повѣствователя и все заимствованное имъ изъ источниковъ книжныхъ, остальное въ этихъ вымыслахъ мы можемъ принять за преданіе народное, которое, можетъ-быть, существовало нѣкогда и въ формѣ былинны, но дошло до насъ въ видѣ исторической саги. Во всякомъ случаѣ, и та, и другая — и былина, и сага, развились изъ одного общаго имъ начала, изъ мѣстнаго народнаго преданія. Лѣтописецъ позднѣйшій, дополняя прежнія лѣтописныя сказанія мѣстными преданіями, шель объ руку съ пѣвцомъ былинны. Этимъ объясняется былинный складъ такихъ, напримѣръ, лѣтописныхъ сказаній, каковы сказанія о подвигахъ Александра Поповича, о Могутѣ и другихъ богатыряхъ князя Владиміра, объ Евпатіѣ Коловратѣ. Такимъ образомъ, лѣтописи позднѣйшія, каковы Степенная Книга, Никоновская, Густинская, Переяславская, Тверская, а также хронографы и хроники, со включеніемъ Литовскихъ, наконецъ, повѣствованія Каменевича - Рвовскаго, предлагаютъ богатый матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Сюда же надобно отнести и лѣтопись Яковлевскую.

Матеріалъ этотъ значительно можетъ быть увеличенъ эпическими эпизодами изъ житій святыхъ, и притомъ, какъ древнихъ житій, такъ

и позднѣйшихъ. Послѣднiя въ отношенiи поэзии столь же важны, какъ и позднѣйшiе лѣтописцы. Для примѣра можно указать на житiе Муромскихъ Петра и Февронiи.

Расширяя такимъ образомъ область русскаго народнаго эпоса, мы должны признать одно громадное эпическое цѣлое, которое уже въ древнѣйшую эпоху по частямъ высказывалось въ раннихъ сказанiяхъ лѣтописныхъ, но потомъ раздѣлилось на нѣсколько вѣтвей, частью въ поэтическихъ эпизодахъ лѣтописей и житiй святыхъ, частью въ изустныхъ былинахъ и мѣстныхъ преданiяхъ. Чтобы вполне уразумѣть ту или другую изъ этихъ вѣтвей, необходимо извести ихъ къ одному общему корню. Ученые довольно уже разработали этотъ предметъ по частямъ: г. П. Лавровскiй въ своемъ изслѣдованiи объ Якимовской лѣтописи, г. Сухоминовъ въ монографiяхъ о Несторѣ и лѣтописныхъ сказкахъ, г. Майковъ въ диссертации о былинахъ Владимiрова цикла, г. Бестужевъ-Рюминъ въ сочиненiи о составѣ русскихъ лѣтописей, г. Безсоновъ въ примѣчанiяхъ къ изданнымъ имъ пѣснямъ. Почтенный авторъ разбираемой мною книги отдаетъ справедливость историческому элементу въ нашихъ былинахъ, даже приписываетъ особенную важность, въ судьбѣ былинъ, періоду Суздальскому; но, загрозивъ историческое поприще нашихъ былинъ необозримою массою сравненiй съ мнѣологическими и эпическими мотивами чужеземными, онъ опустилъ изъ виду то органическое цѣлое русскаго національнаго эпоса, которое ясно даетъ о себѣ разумѣть изъ суммированныхъ, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ, собственно русскимъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ.

Въ изученiи былинъ сравнительно съ источниками письменными, надобно отличать эпосъ историческiй отъ героическаго, или богатырскаго. Чѣмъ древнѣе воспѣваемые событiя и лица, тѣмъ болѣе они теряютъ конкретность историческую, тѣмъ болѣе господствуетъ въ нихъ общее. По наивному приему народнаго творчества, это общее наглядно выражается въ приуроченiи эпическихъ героевъ къ разнымъ эпохамъ. Потому князь Владимiръ и его богатыри сражаются съ Татарами, и Русь Кіевская сливается въ одинъ періодъ съ Русью Суздальскою, какъ въ былинахъ, такъ и у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Богатыри и поленицы, какого бы они происхожденiя ни были, историческаго или вымышленнаго, это уже типы общiе, а не индивидуальныя портреты. Какъ историкъ дѣлаетъ общее обзорѣе эпохи, группируя мелкiя подробности въ общей картинѣ, съ перспективою цѣлаго ряда удаляющихся въ глубь плановъ, такъ и эпическое твор-

чество въ своихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ обобщаетъ историческія подробности старины. Это уже не факты дѣйствительности, а способъ возрѣнія на жизнь и исторію. Въ этомъ отношеніи героическая былина сходится съ лѣтописною сагой, и древнѣйшія преданія былинны — съ древнѣйшими преданіями лѣтописи. Богатыри князя Владиміра заступаютъ мѣсто богатырей старшихъ, этихъ первобытныхъ чудовищъ и великановъ, а также ведутъ борьбу съ чудовищами и великанами. Лѣтопись повѣствуетъ о борьбѣ Славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами, о единоборствѣ Владимірова богатыря Переяславца съ великаномъ Печенѣжиномъ, Мстислава Тмуторованскаго съ великаномъ Редедю, Смоленская легенда объ единоборствѣ св. Меркурія съ великаномъ Татаринномъ и т. п. Каково бы ни было первоначальное значеніе великановъ въ сравнительной мифологіи природы, но у насъ эту мифическую породу лѣтописное преданіе сблизило уже съ Обрами, Печенѣгами, Татарами, и такимъ образомъ, заслонило мифъ природы цѣлымъ рядомъ историческихъ событій. Языкъ, какъ самое вѣрное и полное выраженіе возрѣній народа, перевелъ собственныя имена народовъ *Обръ*, *Велетъ* или *Волотъ* въ нарицательныя имена великана вообще, и сверхъ того, *волоткою* называлъ вообще гору или курганъ, точно такъ же, какъ отъ *шудъ*, великанъ, произвелъ слово *шудка*, гора, холмъ.

III.

Итакъ, начнемъ съ *горъ*. Г. Стасовъ доказываетъ, что горы занесены въ наши былинны Татарами: „Какое же значеніе“, говоритъ онъ, „имѣютъ горы въ разказахъ тѣхъ, въ чьемъ отечествѣ (какъ у Русскихъ средней и южной Россіи) ихъ нѣтъ на лицо?“ Г. Миллеръ хотя и не отказываетъ Кіевской Руси въ горахъ, но полагаетъ, что горы былинныя только въ настоящее время понимаются народными пѣвцами въ смыслѣ земныхъ, настоящихъ горъ, первоначально же, то-есть, собственно эпически, онѣ имѣютъ значеніе горъ небесныхъ, именно тучъ и облаковъ (стр. 181, 262). Одинъ изслѣдователь отнимаетъ у насъ горы въ пользу Татаръ, другой идетъ еще далѣе, съ земли возносить ихъ на небо. Не посчастливилось же горахъ на Руси.

Опрометчивое заключеніе г. Стасова не требуетъ опроверженія; но мнѣніе г. Миллера имѣетъ за собою цѣлую литературу сравнительной мифологіи. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ вершины горъ теряются въ облакахъ, естественно было составиться представленію о тучѣ въ образѣ горы. Потому въ основѣ раннихъ мифовъ о горахъ-велика-

нахъ могутъ быть усмотрѣны представленія тучи. Нѣтъ ничего мудренаго, что эти представленія, какъ допотопная окаменѣлость, коегдѣ застряли и въ славянскихъ преданіяхъ и повѣртіяхъ, напримеръ, въ преданіяхъ о Сербскихъ *Вилахъ*. Можетъ-быть, слѣдъ этихъ представлений затерялся у насъ въ переходѣ горы въ календарную годовщину, именно въ наименованіи весенняго праздника *Красною Горкою*. Но, что въ нашихъ былинахъ только въ позднѣйшее время *гора*, *Горыняжка*, *Горыничъ* стали сближаться съ настоящею, земною горой, а что въ эпоху сложенія былинъ все это понималось иначе, въ смыслѣ тучъ или чего другаго, это слѣдовало бы доказать болѣе близкими доводами изъ мѣстныхъ преданій, а не сравненіями съ отдаленными мѣстами разныхъ народностей.

Какъ только впервые русскій человѣкъ сложилъ свои баснословныя сказанія, гора стала для него уже настоящею, земною горой, и притомъ горою родной земли. *Горы Кіевскія* — это одно изъ самыхъ заветныхъ представлений русской старины. Еще апостоль Андрей будто бы постановилъ на нихъ крестъ, то-есть, освятилъ христіанскою святынею мѣста языческихъ требъ, потому что на горахъ, по древнему обычаю, ставились языческія капища. Истуканъ Перуна стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, капище Волоса, въ предѣлахъ Владимірскихъ, — тоже на горѣ. Какъ св. Андрей водрузилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, чтобъ очистить ихъ отъ языческой погани, такъ въ Болгаріи и доселѣ въ Юрьевъ день ставятъ на горахъ кресты, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвящены, называются: св. Гѣрги, св. Петка, св. Нивола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ ¹⁾). Такимъ образомъ, легендарное преданіе объ апостолѣ Андрѣѣ, одно изъ древнѣйшихъ на Руси, основанное на чествованіи горъ, объясняется стариннымъ обычаемъ, доселѣ наблюдаемымъ въ Болгаріи.

Съ горами Кіевскими лѣтопись связываетъ эпическое преданіе о трехъ братьяхъ, княжившихъ въ Полянахъ: „Выша три братія, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кій *на горѣ*, гдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше *на горѣ*, гдѣ нынѣ зовется *Щекочица*, а Хоривъ на третьей *горѣ*, отъ него же прозвася *Хоречица*“. О рѣкѣ Лыбеди, будто бы названной по имени сестры трехъ эническихъ братьевъ, будетъ еще рѣчь впереди, а теперь надобно замѣтить, что одна изъ возвышен-

¹⁾ *Караслова*, Памятника нар. быта Болгарь, 211.

ностей рѣки, при впаденіи ея въ Днѣпръ, именуется *Дпавичь-гора*. Сверхъ того, какъ отъ *Волота* прозванъ *волоткою* курганъ или могила древняго героя, такъ и Щекавица была волоткою для Олега Вѣщаго. Лѣтописное преданіе повѣствуетъ, будто бы этого князя погребли — „на юри, иже глаголется Щековица, есть же могила его до сего дни, словоъ *могила Ольова*“.

Согласно со сказкой о трехъ братьяхъ, жившихъ на горахъ, и въ соотвѣтствіе обычному выраженію *на горахъ*, вмѣсто *отъ Кіева* (напримѣръ, въ Словѣ о полку Игоревѣ), точно такъ, какъ по лѣтописному *поля и дерева* (въ Поляхъ, *отъ Деревяха*), вмѣсто Поляне, Древляне, лѣтопись Якимовская жителей придѣлпровскихъ называетъ не только Полянми, но и *Горьтми*. Кій, Щекъ и Хоривъ были *Горяне* или *Горьми*. Отсюда былинныя формы *юрьманка* или *горьяничка*, съ отческимъ окончаніемъ *юрьмичъ*, потомъ *горьямчище*. Змій названъ *юрьмичемъ*, потому что живетъ въ горѣ или на горѣ, потому же, почему и три Кіевскіе брата — *Горяне*.

Форма *юрьма* (древн. *юрьми*, какъ *пустыни*, вк. *пустыня*) образована по общему правилу съ другими эническими именами: *Добрыня*, *Низькыня* (о которомъ будетъ сказано послѣ). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь форма *бръмня* или *беремня* (древн. *бръмни*); отъ *бръмъ*, *берегъ*, собственно значить гора, холмъ, слѣдовательно, то же, что и *юрьма*, но, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, имѣетъ смыслъ мнѣческаго существа, которому Славяне нѣкогда воздавали чествованіе, какъ это видно изъ Слова св. Григорія въ Пачіевскомъ Сборникѣ XIV вѣка: „а переже того клали трѣбу упиремъ и беремнямъ“.

Такъ какъ мѣста древнѣйшаго языческаго чествованія были освящаемы христіанскими храмами, то укажу здѣсь на упраздненный *Волотовъ* монастырь, на правомъ берегу рѣки Волковца, на такъ-называемомъ *Волотовомъ палѣ*, въ трехъ верстахъ въ востоку отъ Новгорода. Доселѣ осталась отъ монастыря церковь Успенская на *Волотовѣ*, названная такъ будто бы потому, что здѣсь стоялъ идолъ Велеса или Волоса, какъ на Ильменѣ, при истокахъ Волхова, былъ чествуемъ Перунъ. На Волотовѣ будто бы язычники погребали своихъ князей и богатырей. Доселѣ указываютъ къ юговостоку, саженихъ въ 20-и отъ церкви, на холмъ (или *волотну*), будто бы насыпанный пригоршнями Новгородцевъ надъ могилою князя ихъ Гостомысла. А къ западу отъ церкви, саженихъ въ 70-и, указываютъ на горку, извѣстную нынѣ подъ именемъ *Слудки*, идущую по берегу Волковца. Это-то и

есть древнее *Волотово* или богатырское поле ¹⁾. Урочищу *Слудки* встрѣчаемъ нѣчто соотвѣтственное около Пскова, на рѣкѣ Великой: одинъ изъ рукавовъ ея называется *Ольгини Слуды*, о чемъ будетъ подробнѣе послѣ. Древнее церковно-славянское *слуды* — утесъ, крутизна, род. пад. *слудѣе*.

Какъ языческія божества имѣли свои горы и въ нихъ превращались (*Бѣлбогъ, Чернобогъ*), такъ и *Перунова рѣчь* Несторовой саги именуется въ Славянорусской хроникѣ *Перуновою горою* ²⁾. Какъ Щекъ и Хоривъ имѣли свои горы, такъ имѣла свой утесъ и княгиня Ольга, очевидно, въ качествѣ эпической героини. Кромѣ Ольгинныхъ слудъ, еще въ XV вѣкѣ одна *гора* близъ Пскова называлась *Ольгиною*, а по свидѣтельству Каменевича-Рвовскаго, еще въ XVII вѣкѣ въ Ярославской области одинъ большой *камень* на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи, именовался тоже *Ольгинимъ* ³⁾. Переходя отъ мифическихъ существъ и героевъ лѣтописныхъ сагъ къ богатырямъ нашихъ былинъ, я могу указать на горные слѣды Ильи Муромца. Въ Сотной на Муромскій посадъ, 1574 года, между Муромскими урочищами мы встрѣчаемъ, кромѣ Ильинской улицы, *Богатыреву гору* противъ рѣки Оки, а также *Скокову гору*, очевидно, носящую на себѣ слѣды преданія о богатырскихъ свачкахъ коня Ильи Муромца ⁴⁾.

Итакъ, чтó же такое по представленіямъ, такъ прочно сложившимся въ древней Руси, тотъ чудовищный богатырь, котораго когда-то встрѣтилъ Илья Муромецъ лежащимъ *на юртѣ*, потому что его и земля не держитъ? Туча, облако, или какое другое атмосферическое или небесное явленіе, или же какое-нибудь первобытное броженіе не устроенныхъ элементовъ физическихъ и нравственныхъ? Ни чуть не бывало. По складу всѣхъ преданій, это не что иное, какъ тотъ же великанъ *Волотъ*, лежащій на горѣ-*волоткѣ*, это Щекъ или Хоривъ на Щековицѣ или Хоревецѣ, это Перунъ, выброшенный на *Перунову гору*, и т. д. Точно то же и *Святогоръ*, который, по сказаніямъ, живетъ на *Святыхъ горахъ*, а объ этихъ горахъ такъ значитъ въ Книгѣ Большаго Чертежа: „а ниже Царева града, отъ усть рѣки Оскола, на Донцѣ, съ Крымской страны, *Святыхъ горъ*, отъ Царева града верстѣ съ 10“.

¹⁾ *Макарія*, Археол. описаніе Новгорода, I, 568—9. *Попова*, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій въ хронографахъ, 447.

²⁾ По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

³⁾ *Карамзинъ*, И. Г. Р. I, прим. 377. V, прим. 197.

⁴⁾ Акты Юридическіе, изд. Археогр. Ком., стр. 250.

Въ связи съ мѣстными и богатырскими горами состоятъ былинныя сказанія объ окаменѣніи богатырей или превращеніи ихъ въ камни. То же преданіе приурочивается у насъ ко многимъ мѣстностямъ, напримѣръ, въ Смоленской легендѣ о томъ, какъ великомученикъ Георгій въ ночь на канунъ Ивана Купалы окаменѣлъ дѣвѣй и женѣ, собравшихся на бѣсовское сборище въ 30-и поприщахъ отъ Смоленска по Черниговской дорогѣ: „И быша окаменѣни вси, иже ту обрѣтшися, аки люди стоящи, на полѣ томъ видими суть и донынѣ, въ наказаніе намъ грѣшнымъ еже тако не творити“ (Цвѣтникъ 1665 года, въ Синод. библ., № 908). Каменныхъ людей знаетъ и древне-русская географія. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ: „а на рѣкѣ на Терновкѣ стоитъ *человѣкъ каменный*, а у него владуть изъ Вѣллагада станичники доѣздныя памяти, а другія памяти владуть на Самарѣ и у *дву двоекъ каменныхъ*; а отъ *каменнаго человѣка* до Самары версть съ 30“.

Съ преданіями о жителяхъ горъ, также какъ и о существахъ окаменѣлыхъ, соединяется мысль о далекомъ прошедшемъ, о странѣ чудесъ и богатырскихъ подвиговъ. Волоты исчезли съ лица земли и оставили по себѣ только волотки да камни. То же повѣрье о чудесной странѣ и чудесныхъ людяхъ, живущихъ въ горахъ, разказывалъ нашему лѣтописцу Гюрята Роговичъ Новгородецъ¹⁾.

Но воротимся еще разъ къ древнимъ славянскимъ племенамъ, населявшимъ въ южной Руси *Поля* и *Дерева*. Мы уже видѣли, что при дѣйствительности было заселено Полями и Горьями. Въ *деревахъ*, или у Древлянъ, лѣтописная сага называетъ княземъ нѣкоего *Мала*. По Лаврентьевскому списку, князь Малъ и убилъ Игоря, и сватался къ Ольгѣ. По Густинской лѣтописи, Маломъ названъ только тотъ князь, который убилъ Игоря; послы же Древлянскіе, пришедши къ Ольгѣ, просили ее выдти замужъ „за своего князя *Нискина*“. По Якимовской лѣтописи, „Князь Древлянскій *Малъ* сынъ *Нискининъ* присла послы къ Ольгѣ просити, да идетъ за нѣ“ (Татищевъ, I, 36). По хроникѣ Словено-русской *Малъ* и *Низкина* (а не *Нискина*, у Длугоша *Miskina*) одно и то же, и притомъ не просто Малъ, а *Малъ-дядь*: „Древляне зъ князатемъ своимъ *Малъдомъ* альбо *Низкинею* названымъ почали мыслити, щобы мѣли чинити“, когда рѣшились убійствомъ освободиться отъ хищности Игоря. Потомъ пришли къ Ольгѣ послы просить ее, „абы за ихъ князя Древлянскаго *Низкиню* пошла“¹⁾.

¹⁾ Смотри Поля. Собр. Лѣтоп., I, 107.

²⁾ Слѣч. у Мавроурбина *Малдитъ*.

Каково бы ни было значеніе этихъ Древлянскихъ именъ, миеологическое или мѣстное, географическое, во всякомъ случаѣ форма *Низкина* (древн. *Низкыни*), по грамматическому смыслу, противоплагается миеологическому термину *Горыня*, откуда *Горыничъ* и соотвѣтствуетъ формѣ *Плоскина* (древн. *Плоскыни*), какъ называется въ Тверской лѣтописи (стр. 342) воевода Бродниковъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди ¹⁾. По лѣтописной сказкѣ Древлянскій Низкина ищетъ себѣ невѣсты у приднѣпровскихъ Горянъ. По эпической генеалогіи онъ отецъ Малу, а потому Малу *Низкининъ* или *Низкиничъ*. По другому преданію, самъ Низкина, какъ родоначальникъ, именуется *дѣдомъ*, и въ отличіе отъ своихъ потомковъ, носить названіе *Малъ-дѣдъ*, въ томъ же миеологическомъ и эпическомъ смыслѣ, по которому въ *Словѣ* о полку Игоревѣ являются *внуки Стрибожи, внуки Дажь-божь* и *внуки Велесовъ*.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что посредствомъ собственнаго имени *Малъ* и производныхъ отъ него — *Малко* (или *Малкъ*) и *Малуша*, сказаніе объ Ольгѣ связывается, съ одной стороны, съ Древлянами и ихъ миеическимъ *Малъ-дѣдомъ* (Низкиней), а съ другой — съ княземъ Владиміромъ, сыномъ Малуши и съ ея братомъ Добрыней, отцомъ которыхъ былъ *Малко* (уменьшительная форма отъ *Малъ*) ¹⁾. Какъ у Ольги былъ женихомъ *Малъ* или *Малъ-дѣдъ*, такъ у сына ея Святослава была наложницею *Малуша*, дочь *Мала* или *Малка*, иначе называемая *Малкою*.

IV.

Перехожу къ *рѣкамъ*. По миеологіи природы, въ былинахъ рѣки тоже не настоящія, земныя; это рѣки небесныя, дождь, ливень. Если наглядность принимала участіе въ составленіи миеовъ, то какъ вершины горъ, уходящія въ облака, поддерживали въ воображеніи представленіе тучъ въ видѣ горъ, такъ и горные потоки, низвергающіеся изъ-подъ облачныхъ снѣговыхъ вершинъ, казались продолженіемъ ливня, падающаго изъ тучи. Впрочемъ, каковы бы ни были первобытныя представленія, соединенныя съ рѣкою, въ нашихъ былинахъ рѣки, также какъ и горы, уже низведены съ неба на землю и приурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Въ основѣ былинныхъ сказаній о рѣкахъ

¹⁾ Слѣч. въ Киевѣ *Болонье*, нынѣ *Плоская часть*.

²⁾ Употребляемое въ былинахъ отчество Добрыни—*Никитичъ* не передѣлалось ли изъ древнѣйшаго *Низкиничъ*?

явствуютъ также мнѳологическія преданія, но преданія эти опираются на такую твердую почву географическихъ урочищъ, что не дадутъ права такъ безусловно возносить наши Дунай и Волховы въ заоблачныя высоты, какъ это позволяетъ себѣ г. Миллеръ.

Извѣстна лѣтописная сказка о рѣкѣ Мутной, получившей будто бы другое названіе — *Волховъ* (форма прилагательнаго имени), отъ *Волха*, который „въ боги сѣлъ“ и былъ сближенъ съ Перуномъ. *Волховскій* городокъ и *Перынь* съ Перыньскимъ сеитомъ остались географическими урочищами древняго преданія. Волхъ, въ видѣ крокодила или змія (зміяки), плаваетъ по своей Волховой рѣкѣ. Точно такъ плыветъ по Волхову и истуканъ Перуна, низверженный архіепископомъ Якимомъ. „О горе, охъ мнѣ!“ восклицаетъ Перунъ по свидѣтельству лѣтописной сказки: „Онъ же, плыва сквозъ великій мостъ, верже палицу свою и рече: На семь мя поминають Новгородскія дѣти, его же и нынѣ безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ“ и т. д. ¹⁾ Пусть палица Перунова первоначально означала молнію, пусть Волховъ—первоначально туча, но въ этомъ сказаніи, соотвѣтствующемъ по возрѣніямъ міросозерданію былинныхъ пѣвцовъ, рѣчь идетъ ужъ о настоящей Новгородской рѣкѣ, и подъ палицею разумѣется оружіе, слишкомъ хорошо засвидѣтельствованное исторіей о междоусобныхъ стычкахъ на Волховскомъ мосту. Сказаніе это служитъ лѣтописнымъ дополненіемъ къ былинамъ о Васькѣ Буслаевѣ и Садекѣ богатомъ гостѣ. То же преданіе о томъ, какъ мнѳическое существо плыветъ по рѣкѣ, въ южной Русіи было запечатлѣно урочищемъ на Днѣпрѣ—*Перунова рѣчь* или *Перунова гора*. Какъ по Новгородскому преданію, нѣкоторый Пидьблянинъ, везшій горшки въ городъ, увидѣлъ приставшаго къ берегу Перуна, и отринувъ его шестомъ: „ты—рече—Перунище, досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынече попови прочъ“,—такъ и на югѣ Россіи, когда истуканъ Перуна плылъ по Днѣпру, толпы язычниковъ будто бы бѣжали въ слѣдъ за нимъ по берегу и кричали: „Перуне, выдыбай!“ И идолъ, какъ-бы повинувъсь голосу приглашающихъ его, присталъ къ тому мѣсту, гдѣ потомъ построены былъ монастырь, названный *Выдубецкимъ*, будто бы отъ реченія *выдыбай*, то-есть, выплывай. Преданіе о змѣѣ въ нашихъ былинахъ приурочивается къ рѣкамъ. Добрыня Никитичъ, купаясь въ Израй- или Сафать-рѣкѣ, встрѣчается съ змѣемъ-похитителемъ дѣвицъ или оберегателемъ золотаго клада.

¹⁾ Выдержки изъ Лѣтоп. см. у *Бестужева-Рюмина*, О составѣ русской лѣтописи. Прилож., стр. 21.

Обычай спускать по рѣкѣ вышедшую изъ употребленія святыню отъ давнихъ временъ низверженія въ воды истукана Перунова удержался до позднѣйшаго времени въ спусканіи на воду досокъ, на которыхъ уже стерлось или вообще стало не видно изображеніе иконописное. Исчезновенію Ильи Муромца и Добрыни, ушлывшихъ куда-то на кораблѣ, въ легендахъ соотвѣтствуетъ преданіе о плаваніи гроба. Въ Книгѣ о святыхъ, почивающихъ въ русскихъ градахъ и весяхъ, читаемъ: „Святый великомученикъ Меркурій воинъ (извѣстный богатырь, поразившій великана Татарина или Печенѣжина), Смоленскій чудотворецъ въ лѣто 6747 Ноемвря въ 14 день *во гробѣ ѿ Києвъ приплы*“.

Какъ по былинамъ рѣки Дунай и Днѣпръ произошли отъ крови богатыря Дуная и Днѣпры Королевичны, такъ и по мѣстнымъ лѣтописнымъ сагамъ — въ сѣверной Руси Волховъ назвался отъ Волха, а въ Кіевской Руси рѣка *Лыбедь* — по имени сестры трехъ братьевъ Горянь. То же имя встрѣчается и въ другой мѣстности, гдѣ существованіе воды существовало издавна. Древній Переяславль Рязанскій былъ построенъ между рѣками Трубежомъ и *Лыбедью*, устье которой называется озеромъ Карасевымъ: оно почиталось святымъ, равно какъ и другое озеро — Быстрое. *Лыбедь*, изъ породы Горянь, могла иначе называться Горынею. Соотвѣтственно этому въ юго-западной Россіи *Горыня* или *Горынь* является собственнымъ именемъ рѣки.

Замѣчательно, что съ рѣкою *Лыбедью*, Кіевскою, соединяется цѣлый рядъ сказаній о женскихъ личностяхъ: 1) она получила имя отъ сестры троицъ эпическихъ братьевъ; 2) на *Лыбеди* жила одна изъ женъ князя Владиміра, знаменитая Рогнѣдь (Горислава); тутъ именно и случилась извѣстная трагическая сцена ея неудавшейся мести (если *Горислава* не есть отдѣльная отъ Рогнѣди личность, то въ этомъ имени, какъ эпитетъ, сократилось цѣлое эпическое сказаніе, по преданію, можетъ-быть, связанное съ прозвищемъ *Гориславичъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ); далѣе, 3) во времена Нестора на *Лыбеди* было сальцо *Предславы*, или дочери князя Владиміра и Рогнѣди, или родственницы Игоря, супруги Улеба; наконецъ, 4) на *Лыбеди* же князь Владиміръ построилъ палаты для своихъ наложницъ¹⁾.

Въ бытовомъ отношеніи, рѣка, какъ путь сообщенія, а также и какъ преграда или застава, должна была имѣть важное значеніе какъ въ самой дѣйствительности, такъ и въ ея поэтическомъ воссо-

¹⁾ *Семитовская*, Кіевъ, стр. 23.

даніи въ лѣтописныхъ сказкахъ и былинахъ. *Бродъ* или *перевозъ* черезъ рѣку—это одинъ изъ крупныхъ фактовъ въ мифологическихъ и героическихъ сказаніяхъ. Г. Миллеръ указываетъ на бога Одина, явленіе котораго въ видѣ лодочника довольно обычно въ сказаніяхъ сѣверныхъ, и приводитъ извѣстный эпизодъ изъ Вальтера Аввитанскаго о перевозѣ черезъ Рейнъ, эпизодъ, послужившій причиною кровавой катастрофы; почтенный изслѣдователь не забылъ и одну изъ дочерей Соловья-Разбойника, которая была перевозчицею на рѣкѣ Дунаѣ (смотри стр. 88, 121, 224—5.279); но удивительно, какъ эти крупные факты въ исторіи древняго быта и поэзіи не привели его ни къ какимъ результатамъ по отношенію былинъ къ роднымъ урочищамъ Русской земли. Лѣтописная сказка о перевозчикѣ относится къ древнѣйшему преданію о началѣ Кіева. „У Кіева бо баше *перевозъ* тогда съ оной стороны Днѣпра“, говоритъ лѣтописецъ, „тѣмъ глаголаху: *на перевозѣ, на Кіевѣ*“. То-есть, сначала говорили: *перевозъ Кіевъ*, а потомъ стали говорить просто *Кіевъ*, одно прилагательное безъ существительнаго. Отсюда возникла сказка о *Кіѣ перевозчикѣ*; но такъ какъ Кіѣ былъ и родоначальникъ-князь, то лѣтописецъ, уже не понимавшій, почему такое важное лицо могло не брезговать ремесломъ перевозчика, склоняется къ тому мнѣнію, что Кіѣ былъ князь, а не перевозчикъ, потому только, что онъ ходилъ въ Царюграду и былъ на Дунаѣ. Итакъ, въ лицѣ баснословнаго Кіѣ соединялось званіе князя съ ремесломъ перевозчика, на столько же согласно эпическому смыслу, на сколько былъ перевозчикомъ и сѣверный богъ Одинъ. Къ Кіеву перевозу шель *путь*, и память о немъ осталась въ урочищѣ *Путьищѣ*, съ которымъ, сверхъ того, было соединено мифологическое преданіе. Городокъ Кіѣ тянулся по высотѣ холма, и отъ него къ Почайнѣ извивалось, по откосамъ холма, *Путьище* Боричевъ или Зборичевъ. Это путьище изъ города приводило къ пристани на Почайнѣ, гдѣ и полагаютъ перевозъ Кіевъ. Когда низвергли истуканъ Перуновъ, волокли его по Боричеву путьищу, и съ того времени, будто бы, вершина этого путьища называлась въ народѣ *Чортовымъ путьищемъ* или *Чортовымъ беремищемъ*¹⁾.

На перевозѣ, или же *на бродѣ* бывали вражескія стычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ — естественно возникали города. Въ извѣстной лѣтописной сагѣ о Переяславскомъ Кожемякѣ, читаемъ: „Володимеръ же поиде противу имъ (то-есть, противъ Печенѣговъ), и срѣте ѿ на Трубежи

¹⁾ Сементовскій, Кіевъ, стр. 20, 22.

на бродъ, гдѣ нынѣ Переяславль". У южныхъ Славянъ, напримѣръ у Сербовъ, бродъ имѣетъ значеніе не только нынѣшнее, но и лодки, бродарина — плата за перевозъ, въ хорутанскомъ бродаръ — перевозчикъ.

Жить на бродѣ имѣло въ древнемъ быту свое значеніе, и очень вѣроятно, что отъ слова бродъ образовалось названіе живущихъ на такомъ урочищѣ — бродниками. Это названіе потомъ стало приниматься за собственное имя, но нарицательный его смыслъ явствуетъ изъ того, что мы встрѣчаемъ Бродниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси ¹⁾. Бродниковъ знаютъ и древне-сербскіе источники ²⁾. Наконецъ, какъ замѣчено выше, Тверская лѣтопись, и именно въ одномъ изъ сказочныхъ эпизодовъ, даетъ въ воеводы Бродникамъ нѣкоего Плескиню, въ имени котораго уже замѣчено соотвѣтствіе эпическому Низкинѣ или Маль-дѣду.

Другою формою для названія жителей на броду или съ броду могло быть былинное *Збродовичи, братья Збродовичи*, съ отческимъ окончаніемъ — *ичъ*.

Мѣстныя народныя сказанія о древней Ольгѣ, вошедшія въ ея житіе и въ позднѣйшія лѣтописи, называютъ ее *Прекрасою*, дѣвицей изъ крестьянскаго званія. Будто бы она была перевозчицею на рѣкѣ Великой, и князь Игорь будто бы впервые узналъ ее, когда она перевозила его въ лодкѣ на ту сторону рѣки, гдѣ онъ думалъ найти *ловъ желанный*. По мѣстному Псковскому разказу ³⁾, будто бы на воловство князя она отвѣчаетъ тѣми же самыми словами, какъ и Муромская княгиня Февронія, когда одинъ изъ мужчинъ въ лодкѣ дѣлаетъ ей нескромное предложеніе. Эту подробность Псковское сказаніе роднитъ съ Муромскимъ, столько важнымъ для исторіи нашего былиннаго эпоса. По другимъ вариантамъ, теперь утраченнымъ, не была ли и Февронія перевозчицей? Или же Псковское сказаніе объ Ольгѣ отразилось этою чертою на сказаніи Муромскомъ?

Въ мѣстномъ сказаніи объ Ольгѣ есть одна подробность, которою оно сближаетъ лѣтописную сагу съ былинною. Г. Якушину около Пскова, между прочимъ, объ Ольгѣ-первозчицѣ разказывали: „да и много она князей перевела: котораго загубить, котораго *посадить въ такое мѣсто*“ и проч. Припомните, съ одной стороны, лѣтописное

¹⁾ См. *Карамзина* И. Г. Р. II, пр. 302; III, пр. 168.

²⁾ *Датичича* Рвчичъ, стр. 79.

³⁾ *Якушкина*, Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 156.

повѣствованіе о томъ, какъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму Древлянскихъ пословъ, а съ другой стороны — былинный эпизодъ о той прелестницѣ, изъ погребовъ которой Илья Муромецъ освободилъ нѣсколько десятковъ князей и князевичей, обольщенныхъ этою женщиною.

По свидѣтельству лѣтописи, Ольга оставила по себѣ память по всей землѣ во множествѣ урочищъ. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ Псковскія ¹⁾. Тамъ, въ 12-и верстахъ отъ Пскова, почгость *Лыбуты* (напоминающій мнѣшескую и эпическую Лыбедь), родина Ольги, иначе весь Выбутская или село Выбутино, гдѣ будто бы хранились и сани Ольгины. Нѣсколько ниже Лыбуть, на рѣкѣ Великой, есть островъ, раздѣляющій ее на два рукава. Одинъ изъ нихъ мелкій, съ каменистымъ дномъ, донинѣ называется *Ольгиними слудами*, о чемъ упомянуто уже выше; другой рукавъ, болѣе глубокой, называется *Ольгиними воротами*, вѣроятно, въ связи съ преданіемъ о перевозѣ Ольгиномъ. Около Пскова, въ окрестностяхъ Свѣтогорскаго монастыря, въ устью рѣки Великой есть двѣ деревни: *Перино* (слич. Новгородское *Перимъ* или *Перюнь*), иначе *Ольгинъ городокъ*, и *Житникъ*, иначе *Ольгинъ дворецъ*. Объ Ольгиной горѣ уже сказано прежде.

Нужно ли прибавлять, что былинныя эпизоды о Перевозчицѣ — дочери Соловья-разбойника, и о рѣкѣ Смородицѣ — душѣ Красной Дѣвицѣ, относятся къ тому же общему эпическому циклу преданій лѣтописныхъ и мѣстныхъ, которыя разсмотрѣны мною въ этой главѣ?

V.

Теперь о *Соловьѣ-Разбойникѣ*. Онъ залегъ дорогу на пути изъ Мурома къ Киеву. Живеть въ гнѣздѣ на дубахъ, на трехъ, семи или девяти. Около имѣетъ дворъ, палаты или помѣстье, гдѣ живеть его семья, жена съ дѣтьми. По г. Миллеру, это туча съ вѣтромъ и дождемъ, которая заслонила Красно Солнышко (князя Владимира). Множество сравнительныхъ данныхъ, приведенныхъ по этому поводу авторомъ, не оставляютъ сомнѣнія, что въ образѣ Соловья-Разбойника нашъ эпосъ удержалъ въ себѣ нѣкоторые слѣды какого-то мифа, общаго многимъ народамъ, и что, въ своей основѣ, мифъ этотъ могъ выражать извѣстное воззрѣніе на природу. Но какъ онъ былъ приуроченъ къ русской мѣстности и къ русскому быту — вотъ вопросъ,

¹⁾ Гр. *М. Толстаю*, Святини и древности Пскова, стр. 76, 78.

рѣшенію котораго почтенный профессоръ, какъ кажется, не приписываетъ особенной важности. Между тѣмъ, преданіе о Соловьѣ-Разбойникѣ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ эпизодовъ русскаго эпоса объ Ильѣ Муромцѣ, и если въ этомъ богатырѣ народъ въсоздалъ свой бытовой, историческій типъ, то весьма естественно допустить, что и въ чудовищѣ, имъ пораженномъ, мнѣ тучи съ дождемъ осложнились какими-нибудь бытовыми чертами, и что этотъ *бытовой слой* очень рано налегъ на стихійный мнѣ, точно также, какъ самъ Муромецъ съ незапамятныхъ временъ пересталъ быть Перуномъ. Самъ авторъ, съ свойственнымъ ему тактомъ критическаго анализа, усматриваетъ въ Соловьѣ и его семействѣ *звѣринскіе обычаи* менѣ развитаго быта (стр. 264). Это жители лѣсовъ или какъ-бы стародавнѣе *Древляне* или *Вятичи*, въ противоположность Муромцу, который у себя на родинѣ расчищалъ лѣсъ для пахотной земли, какъ древній *Омичининъ*, поселившійся на расчищенной изъ-подъ палу землѣ, на дору или на *омищъ*. Сами былины заслоняютъ уже стихійный мнѣ чертами индивидуальными, на что указываютъ характеристическія имена *Соловей* и *Разбойникъ*.

Въ видахъ приуроченія этого мнѣ къ русской народности приведу нѣсколько мѣстныхъ и лѣтописныхъ данныхъ въ дополненіе къ рѣшенію вопроса о *слоевомъ* составѣ народнаго русскаго эпоса.

1) Соловей гнѣздится на деревьяхъ. Въ этомъ онъ сходится съ другими вѣщами личностями нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ, на основаніи литовскихъ источниковъ, о поганскомъ бискупѣ, то-есть, жрецѣ Лыздейкѣ сказано: „той Лыздейко за живота Витени, отца Гедиминова, былъ найденъ *въ мнѣздѣ орловомъ* въ пущѣ, не при гостинцу, и самъ его Витеня найшолъ“. Этотъ жрецъ былъ чародѣй и человекъ вѣщій. Въ гнѣздо онъ попалъ еще ребенкомъ, будто бы неизвѣстно какъ и когда.

2) Связь *мнѣзда* съ жилищемъ вообще, въ эпоху созданія эпическихъ сказаній, явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи города *Гнѣзно* 1).

3) Что съ *Соловьемъ* русскій эпосъ соединялъ понятіе о существѣ вѣщемъ, явствуетъ, вопервыхъ, изъ того, что въ Словѣ о полку Игоревѣ *вѣщій* Боянъ именуется „*соловьемъ* стараго времени“, и вторыхъ, изъ того, что по Якимовской лѣтописи, когда Добрыня кре-

1) См. въ книжкѣ Очеркахъ, I, 369.

стиль язычниковъ въ Новѣгородѣ, „высшій же надъ жрецы Славянъ *Богомилъ*, сладкорѣчія ради нареченъ *Соловей*, велики прета люду покоритесь“ и т. д. ¹⁾). Такимъ образомъ жрецу Лыздейкѣ, сидящему на деревѣ въ гнѣздѣ, соотвѣтствуетъ жрецъ Соловей, то-есть, вообще Соловей *вѣщій*.

4) Раннѣе лѣтописное сказаніе о вѣщемъ Соловьѣ составляло часть преданія, въ которомъ играли роль дѣйствующія лица съ птичьими именами. Та же Якимовская лѣтопись повѣствуетъ, что однимъ изъ главныхъ противниковъ жреца Соловья былъ нѣкто *Воробей*: „Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимірѣ воспитанъ, и бѣ велики сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща“. Такимъ образомъ препирались въ своемъ сладкорѣчии о вѣрѣ языческой и христіанской жрецъ Соловей и посадникъ Воробей. Это будто бы относится къ тому времени, когда, по древней пословицѣ: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Татищевъ говоритъ: „Въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра тако поютъ: „Противъ двора Путятина, противъ терема Забытна, стараго *Путяти* темный лѣсъ“. Отсюда блинная Завапа *Путятишна*.

5) Соотвѣтственно лѣтописной сказкѣ съ птичьими именами, въ одномъ полуенижномъ сказаніи, которымъ г. Миллеръ не воспользовался, какъ бы слѣдовало (стр. 277), нашъ блинный *Соловей* называется Мордвинномъ, и вмѣстѣ съ нимъ являются еще двое изъ Мордвы — силачъ, то-есть, богатырь *Скворецъ* и чародѣй *Дятель*. Эта сказка приурочена къ мѣстности Нижегородской. По мѣстному разказу, Скворецъ замѣняется *Соколомъ*. Какъ въ Кіевѣ названы были горы отъ Щека и Хорива, такъ и Нижегородскія горы *Соколъ* и *Дятлова гора* состоятъ въ связи съ приведенною здѣсь сказкою. Мордовская или вообще финская порода Соловья, по этой сказкѣ, соотвѣтствуетъ тѣмъ звѣринскимъ обычаямъ, которые усматриваетъ въ немъ г. Миллеръ. Впрочемъ, лѣтописное сказаніе Явима и другія соображенія позволяютъ предполагать, что происхожденіе этой эпической личности могло быть и славянское.

6) Соловей называется въ былинахъ *Разбойникомъ* ²⁾. Мы уже видѣли, что во временахъ князя Владиміра лѣтописная сказка относитъ нѣкоего вѣщаго Соловья. По другой лѣтописной сказкѣ, къ

¹⁾ *Татищевъ*, I, 39.

²⁾ О разбойникѣ Соловьѣ въ западныхъ сказаніяхъ см. моя *Очерки*, I, 396—397.

князю Владиміру приводить какого-то вѣщаго разбойника, котораго надобно было изловить хитростью ¹⁾. Имя ему *Могутъ*, древняя форма, соответствующая мнѣческой *Словутъ*, откуда въ Словѣ о полку Игоревѣ *Словутичъ*. Поставленный передъ княземъ Владиміромъ, онъ, какъ былинный Соловей, *вскрича зло*, и потомъ, какъ человѣкъ вѣщій, *провидѣвъ свою смерть*.

7) Каково бы ни было первоначальное значеніе Соловья-Разбойника, но въ общемъ объемѣ русскаго эпоса, по его проявленіямъ въ лѣтописныхъ сказкахъ, мѣстныхъ преданіяхъ и былинахъ, это личность ужь опредѣленная, это не мнѣ, одѣтый тонкою пеленою внѣшней формы, а *музыкъ*, котораго можно въ торокахъ везти, но это же и птица, которая и свиститъ и шипитъ, какъ змій. Какъ обыкновенный человѣкъ, онъ имѣетъ семью (хотя частію и мнѣческую) въ палатахъ или теремахъ на широкомъ дворѣ, и какъ странное существо, самъ живетъ постоянно на деревьяхъ. Это дивовище, это, выражаясь фразой Слова о полку Игоревѣ — какъ-бы — „*диво* кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли не знаеми“. Но кромѣ того, не отразился ли въ типѣ Соловья-Разбойника какой-нибудь болѣе существенный слѣдъ древне-русскаго быта? Это *древомазеніе* Соловья по вершинамъ деревьевъ, когда около имѣетъ онъ терема съ семьею, праздная ли игра фантазіи, наэлектризованной какимъ-то мнѣомъ о тучѣ, или же въ этомъ *древомазеніи* наши предки въ полусумракѣ своихъ темныхъ лѣсовъ могли видѣть образы и явленія, съ которыми исповонѣ вѣку роднились они въ своемъ обычномъ быту.

Посмотримъ.

Намъ особенно дороги мѣстныя сказанія Муромскія. Они составляютъ часть того цѣлага, къ которому принадлежать многіе изъ эпизодовъ объ Ильѣ Муромцѣ. Въ легендѣ о Петрѣ и Февроніи между многими подробностями, столько важными для исторіи быта и поэзіи, есть одна, которая, можетъ-быть, относится къ рѣшенію предложеннаго мною вопроса. Февронія, когда еще была крестьянскою дѣвицею, между другими загадочными словами, сказала князю отроку: „*есть бо у мене и братъ, но той иде чрезъ носъ въ нави зрѣти*“ (то-есть, въ могилу, въ царство мертвыхъ); и послѣ объяснила эту загадку такъ: „*Отецъ же мой и братъ древомазити* суть, въ лѣсѣхъ бо отъ древія медъ емлютъ, и нынѣ иде (то-есть, братъ Февроніи) на таковое дѣло, яко *лзати ему на древо* въ высоту, чрезъ ногу долу зрѣти,

¹⁾ Выдержку изъ лѣтописи см. у *Бестужева-Рюмина*, О составѣ р. лѣтописей, прилож. стр. 34.

еже бы не отторгнуться и не лишиться живота своего". Важное значеніе *бортнаго* промысла на Руси, съ древнѣйшихъ временъ, засвидѣтельствовано и арабскими писателями ¹⁾, и нашими лѣтописями, и другими источниками. *Снора, медъ и воск* — главныя статьи вывозной съ Руси торговли. Бортный промыселъ ограждается въ Русской Правдѣ особою на этотъ предметъ статьею. Въ эпоху языческую въ предѣлахъ древней Руси воздавалось *бортн* или *древесной дуплинн* миѣнческое чествованіе, и бортникъ или древолазецъ, когда умиралъ, былъ погребаемъ съ своими *древолозными снастями*, какъ воинъ погребался съ копьемъ и мечемъ. Эти факты могутъ быть извлечены изъ общезвѣстнаго мѣста о древне-Муромскихъ обрядахъ, въ житіи Муромскаго князя Константина: „дуплиннамъ деревяннымъ вѣтви убрисцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеса.... и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребаше“. Какъ важное учрежденіе въ древнемъ быту, бортничество было возведено до миѣнческой апотеозы, точно такъ же какъ земледѣльческій бытъ создалъ эпическіе типы Премысла, Микулы Селяниновича, или какъ древнее скорнячное дѣло оставило по себѣ память въ эпическомъ Кожемякѣ. Въ хронографной исторіи о началѣ Русской земли приводится лѣтописная сказка: „Тогда княжиша два брата, единому имя Діюлесъ (вар. Діюлель), а другому Дидалакъ (вар. Дадалакъ, Валадакъ), невѣгласи же боги ихъ нарицаху за то, иже *пчели имъ нальше и бортн верхъ дресія* устроиша“ ²⁾. По Каменевичу-Рвовскому, эти обоготворенные князья назывались *Діюлель и Дидиладъ* ³⁾. Оставляя въ сторонѣ наивное ученіе древняго грамотника о миѣнческомъ обоготвореніи историческихъ личностей, обращаю вниманіе вообще на какія-то миѣнческія личности, чествуемыя по этой сказкѣ, какъ покровители бортничества, въ послѣдствіи отождествленныя съ Зосимою и Савватіемъ Соловевыми.

Итакъ, если въ миѣнческомъ образѣ Соловья-Разбойника позволительно будетъ усмотрѣть нѣкоторыя черты историческаго быта, то удобнѣе всего онѣ могутъ быть объяснены воззрѣніями и привычками бортниковъ, которые именно и населяли тѣ лѣса, по коимъ Муромскому богатырю приходилось ѣхать изъ своей родины къ стольному князю Киевскому. И мнѣ кажется болѣе смѣлою догадка г. Миллера о тучѣ съ дождемъ, принявшей видъ Соловья-Разбойника, не-

¹⁾ *Хвольсона*, Извѣстія Ибнъ-Даста. 1869 г., стр. 21, 28 — 9, 79.

²⁾ *Попова*, Изборникъ, стр. 446.

³⁾ *Карамзинъ*, И. Г. Р., I, прим. 70.

жели моя, по которой въ образѣ этого дивовица наслонился цѣлый рядъ преданій и повѣрій, сложившихъ въ одно цѣлое вѣщаго жреца Соловья (или Лыздейку) съ какимъ-нибудь Дидиладомъ, божествомъ бортниковъ-древолозовъ. Я не отвергаю мнѣя съ стихійнымъ значеніемъ, но указываю на возможность другихъ, эпическихъ бытовыхъ слоевъ, которые уже въ древнѣйшую эпоху должны были заслонить собою этотъ первобытный мнѣя.

VI.

Въ послѣдней главѣ своей книги г. Миллеръ совершенно справедливо развиваетъ ту мысль, что Русь *Суздальская* оказала самое замѣтное вліяніе на историческое наслоеніе русскаго эпоса. Географія нашего эпоса, сосредоточенная къ Киеву, могла опредѣлиться раньше, но съ перенесеніемъ центровъ русской жизни изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, въ самомъ эпосѣ долженъ былъ совершиться новый процессъ въ переработкѣ старыхъ типовъ и сказаній на новый ладъ. Имена и событія Киевской Руси могли быть перенесены на личности и событія Руси Суздальской, и наоборотъ, факты исторіи сѣверо-восточной Руси могли быть смѣшаны съ ранними фактами южной Руси. Что касается до эпического цикла Новгородскаго, то онъ потому сохранился болѣе историческимъ, болѣе цѣльнымъ, что онъ оставался на своей мѣстной почвѣ и не подвергся новой переработкѣ, какъ эпосъ Киевскій, который долженъ былъ слиться въ одно цѣлое съ сказаніями Суздальскими. Образъ Ильи Муромца — замѣчаетъ авторъ — до того приуроченъ „даже къ опредѣленной точкѣ въ области Муромской, селу Карачарову, что до сихъ поръ въ немъ не только указываются часовни на свочкахъ коня Ильи, но даже существуютъ крестьяне *Ильюшины*, считающіе себя прямыми потомками славнаго богатыря“ (стр. 810). Мы уже видѣли между урочищами Муромъ Богатыреву гору и Скокову гору.

Сказки позднѣйшихъ лѣтописей представляютъ также смѣшеніе преданій Киевскихъ съ Суздальскими. Былинный князь Владиміръ объясняется Владиміромъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сказокъ, который переноситъ свою столицу изъ Киева въ городъ Владиміръ, и уже въ этой новой столицѣ совѣщается съ своею дружиной о принятіи христіанской вѣры. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ читаемъ: „Потомъ Владиміръ збудовалъ замокъ и мѣсто великое и назвалъ его Володимеромъ, межъ Волгою и Окою рѣками, въ краю вельми хорошемъ, 36 миль за Москвою, на востокъ солнца, и тамъ былъ столицу свою

принесла съ Кіева, которая трвала отъ Владиміра ажъ до Ивана Давыловича, Вѣлорусскаго князятѣ, а той потомъ зъ Володиміра до Москвы столицу перенесла“. И далѣе: „По отшествіи святаго Кирилла филозофа созва къ себѣ Владиміръ бояръ своихъ и совѣтниковъ во градъ Владиміръ надъ Клязмою рѣкою лежащъ... и предложи Владиміръ бояромъ своимъ слово о различныхъ послахъ вѣри свои хвалити къ нему присланныхъ“ и т. д.

Какъ самъ князь Владиміръ изъ Кіева переводится въ городъ Владиміръ, такъ и богатыри его, по лѣтописнымъ сказкамъ, то относятся къ его времени и къ Кіеву, то приурочиваются къ позднѣйшимъ событіямъ Руси сѣверо-восточной. Напримѣръ, между богатырями князя Владиміра вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецемъ упоминается *Александръ Поповичъ* (по былинамъ *Алеша*), который такимъ образомъ будто-бы присутствовалъ при знаменитомъ пораженіи Печенѣжскаго великана Переяславскимъ юношею ¹⁾. И потомъ, тотъ же Александръ Поповичъ принимаетъ участіе въ событіяхъ начала XIII столѣтія, въ битвахъ Липецкой и при Калкѣ. Замѣчательно, что какъ по былинамъ Алеша Поповичъ изъ Ростова, сынъ Ростовскаго соборнаго попа, такъ и по лѣтописной сказкѣ, Александръ Поповичъ состоитъ въ ополченіи Ростовскаго князя Константина противъ Суздальскаго. „Съ Константиномъ было два богатыря — говоритъ лѣтописная сказка — Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ, съ слугою своимъ Торопомъ“ ²⁾. Въ эпитетѣ Добрыни *Златой Поясъ* — опять смѣшиваются раннія Кіевскія преданія съ позднѣйшими Суздальскими, и Поповичъ съ Добрынею, потому что первообразомъ *Золотого Пояса* была, вѣроятно, та *златая грена*, которую за богатырскіе подвиги князь Владиміръ возложилъ на Александра Поповича. По нѣкоторымъ вариантамъ былиннымъ, Добрыня — изъ Рязани; по лѣтописнымъ сказкамъ, онъ также — *Рязаничъ*. По Никоновской лѣтописи, на Липецкой битвѣ съ Константиномъ Всеволодовичемъ были Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ и Нефедій Дивунъ (слич. былиннаго Дюка), и приводится нѣсколько подробностей о подвигахъ Поповича ³⁾.

Далѣе, какъ по былинамъ князь Владиміръ и его богатыри ведутъ войну съ Татарами, такъ и по лѣтописнымъ сказкамъ богатыри погибають въ битвѣ при Калкѣ. По 4-й Новгородской лѣтописи:

¹⁾ *Бестужева-Рюмина*, О составѣ русск. лѣтописей, Приложен., стр. 31—33.

²⁾ Прилож. ко 2-му выпуску пѣсень *Киржевскаго*, стр. XVII—XIX.

³⁾ *Карамзинъ*, И. Г. Р., III, прим. 168.

„убійца Александра Поповича и съ нимъ богатырь 70“. По Никоновской лѣтописи, „въ лѣто 6733... воинственныхъ людей только бысть побіено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей всѣ побіени быша“¹⁾.

Наконецъ, по сказкѣ Тверской лѣтописи²⁾, битва при Калкѣ составляетъ одно цѣлое съ битвою Липецкою, въ особомъ эпическомъ сказаніи, героемъ котораго является Александръ Поповичъ. Лѣтописецъ заимствовалъ это сказаніе изъ какого-то источника (*описанія нальзше*). Оно начинается такъ: „Бѣ нѣкто отъ Ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ“ и т. д. Липецкая битва запечатлѣна урочищами, свидѣтельствующими о богатырскихъ подвигахъ, и особенно стычки на рѣкахъ Ишнѣ и Усѣи: „Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, *ихже костей наклады могили велики и доньит* на рѣцѣ Ишнѣ, а инѣи по оѣу страну рѣки Усѣи“. Съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не Добрыню, а *Тимоню Златой Поляз*. По смерти князя Константина, опасаясь мщенія князя Георгія, особенно за убіеніе его „безумнаго боярина *Ратибора*“, Александръ Поповичъ удалился въ городокъ или крѣпость, куда и созвалъ свою богатырскую дружину, которая должна была служить „матери градомъ *Кіеву*“; это и суть тѣ 70 богатырей, которые потомъ погибли при Калкѣ. „Вскорѣ смысливъ“,—говоритъ лѣтописная сказка о своемъ героѣ, — „посылаетъ своего слугу, *ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и сзываетъ ихъ въ собѣ въ городъ, обрыть подъ Гремячимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и *нынѣ той сонъ* (ссыпанный валъ, курганъ). стоитъ пустъ. Ту бо собравшемся совѣтъ сотвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ князеньямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ *Кіевѣ*“.*

Драгоценное мѣсто для исторіи нашего былиннаго эпоса! Хотя Владиміровы богатыри переводятся въ XIII вѣкъ, на Гремячій Колодязь, какъ въ позднѣйшихъ былинахъ Илья Муромецъ съ товарищи становятся донскими казаками, но все же, согласно съ основною идеею

¹⁾ По изданію Археогр. ком., ст. 335—342.

²⁾ Тамъ же, прим. 303. См. вышеупомянутое приложение къ пѣснямъ *Киревскаго*.

былиннаго эпоса, богатыри въ своей думѣ порѣшили не дробить свои силы по разнымъ княженіямъ, чтобы не перебить другъ друга, и положили служить Кіеву, точно такъ же, какъ тянуть къ этому стольному городу всѣ былинныя богатыри князя Владиміра. Въ этой думѣ лѣтописной сказки доносятся къ намъ голоса нашихъ былинныхъ пѣвцовъ, когда еще въ ихъ свѣжемъ творчествѣ не изсякла та эпическая струя, которая слила въ одно эпическое цѣлое преданія и сказанія Суздальскія съ Кіевскими.

Со временемъ ученые, вѣроятно, съ большею точностью опредѣлять элементы этого слиянія и самый процессъ его, но и теперь можно до нѣкоторой степени догадываться, какъ совершилось это дѣло.

Въ глубинѣ эпическаго преданія, безъ сомнѣнія, стоитъ мифъ; но какъ лѣтописныя сказки, такъ и точное свидѣтельство Слова о полку Игоревѣ, говорятъ намъ ясно, что эпическія личности состоятъ уже во *внучатномъ* отношеніи къ мифическимъ существамъ. Богатыри только наследуютъ часть своей силы отъ своихъ божественныхъ предковъ. Въ богатырскихъ типахъ не возводятся до апотеозы историческія личности (какъ учила старинная теорія), а исторія и бытъ народный поэтизируются, съ точки зрѣнія эпической, то-есть, озаряются ореоломъ мифическихъ вѣрованій. Какъ Илья Муромецъ, по былинамъ, подстрѣлилъ дивовище Соловья-Разбойника, такъ и Всеславъ Полоцкій, по слову о полку Игоревѣ, — хотя и лице историческое, — „людямъ судяше, княземъ грады рядяше“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, „а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше“. Не историческія лица изъ Суздальцевъ были возведены въ почетный ликъ Владиміровыхъ богатырей, но событія позднѣйшей исторіи были опозитизированы сближеніемъ ихъ съ богатырствомъ стародавнимъ. Но такъ какъ въ памяти народа эта эпическая старина утратила свои прежнія краски, историческія и мѣстныя, то естественно—и была подновлена тѣми подробностями, которыя находили кругомъ себя пѣвцы позднѣйшіе. Потому-то въ составъ русскаго народнаго эпоса должны были войти, какъ его элементы, мѣстныя сказанія и мѣстныя былинны, которыя слились въ одно цѣлое, точно такъ же, какъ Муромецъ Илья, Рязанецъ Добрыня, Ростовецъ Поповичъ ибъ своихъ родныхъ гнѣздъ собрались въ Кіевъ, къ князю Владиміру.

Повторяю, мысль г. Миллера о важномъ значеніи Суздальскаго періода въ судьбѣ нашего эпоса заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она вполне оправдывается, какъ былинами, такъ и мѣстными преданіями и позднѣйшими лѣтописными сказками, и еще болѣе увѣ-

рлетъ насъ въ той истинѣ, что всѣ эти источники, только по частямъ, воссоздаютъ передъ нами то цѣлое, которое мы называемъ русскимъ народнымъ эпосомъ.

Этими немногими замѣчаніями я ограничиваю свои дополненія къ изслѣдованію русскаго эпоса г. Миллеромъ. Въ сущности, замѣчанія мои, какъ читатели уже видѣли, не противорѣчатъ взглядамъ почтеннаго профессора, а только выясняютъ то, что иной разъ приходится понимать у него между строками. Надобно было сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ.

Ф. Булаевъ.

ВОСТОЧНОЕ И ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.

Musée Napoléon III. Choix des monuments antiques pour servir à l'histoire de l'art en Orient et en Occident. Texte explicatif par *Adrien de Longpérier*, membre de l'Institut, conservateur des antiques des musées impériaux. Paris. Livraisons 1 — 24.

I.

Въ началѣ настоящаго столѣтія европейскіе музеи представляли весьма однообразный характеръ: они состояли изъ античныхъ мраморныхъ произведеній преимущественно римскаго происхожденія. Длинные ряды залъ наполнялись статуями Аполлоновъ, Музъ, Бахусовъ и Меркуріевъ. Таковы были музеи Ватикана и Дрездена, вилль Альбани и Боргезе. Памятники, въ нихъ хранившіеся, были изданы въ дорогихъ сочиненіяхъ, которыхъ гравюры часто сухо и невѣрно передавали подлинники. Переворотъ въ характерѣ музейнаго искусства произвели великія открытія на почвѣ древняго міра, совершенныя въ концѣ прошлаго и особенно въ теченіе настоящаго столѣтія. Открылся новый міръ, необыкновенно богатый и разнообразный, міръ древняго Востока и Греціи. До тѣхъ поръ знаніе античнаго искусства ограничивалось знакомствомъ съ одними произведеніями временъ римскихъ императоровъ: то были статуи, или исполненныя греческими художниками въ Италіи, въ эпоху, когда вся художественная дѣятельность была перенесена въ Римъ, или римскія копіи съ знаменитѣйшихъ греческихъ изваяній, сдѣланныя для роскошныхъ загородныхъ помѣстій Римской аристократіи. Восточное искусство было извѣстно только по римскимъ подражаніямъ египет-

часть слѣд., отд. 2.

свѣтъ статуямъ, найденнымъ на видлѣ императора Адриана. Открытіе Геркулана и Помпеи, французская экспедиція въ Египетъ подъ начальствомъ Бонапарте, перевозка эльгинскихъ мраморовъ въ Англію и эгинскихъ изваяній въ Мюнхенъ, открытіе богатыхъ вазами некрополей въ Этруріи, южной Италіи и Криму, ассирійскихъ дворцовъ въ Корсабадѣ, Нирудѣ и Куднджикѣ, памятниковъ Малой Азіи, Финикіи и Іудей, острововъ Греціи, Кипра, Родоса, Мелоса и другихъ, не только обогатили науку безсметно богатымъ матеріаломъ, но и произвели совершенный переворотъ въ научныхъ воззрѣніяхъ. Открылись нити, связующія религію и искусство древней Греціи съ искусствомъ, древняго Востока. Нынѣ каждый годъ приноситъ новыя памятники, укрѣпляющіе насъ въ этомъ убѣжденіи. Чтѣ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ столь извѣстные нѣмецкіе ученые, какъ Карлъ-Отфридъ Мюллеръ, отвергали съ настойчивостью, то становится болѣе и болѣе очевиднымъ съ каждымъ днемъ: зародыши древне-греческаго искусства слѣдуетъ искать на Востокѣ. Оттуда религіозныя типы и художественныя образцы, черезъ посредство Финикіянъ и другихъ народовъ, были перенесены сперва на острова Греціи, а потомъ и на материкъ ея. Это развитіе древне-греческаго искусства, благодаря обилію новооткрываемыхъ памятниковъ, мы можемъ прослѣдить теперь шагъ за шагомъ.

Но не одна наука обогатилась новыми результатами вслѣдствіе вышеупомянутыхъ открытій: обогатилась безсметнымъ числомъ памятниковъ и европейскіе музеи. Даже самый характеръ музеевъ измѣнился. Переставъ быть сборищемъ римскихъ копій съ греческихъ статуй и рельефовъ, они наполнились изваяніями чисто-греческаго рѣзца, найденными на почвѣ самой Греціи или ея поселеній въ Малой Азіи. Статуи перестали преобладать въ музеяхъ. Нынѣ встрѣчаешь въ нихъ совершенно новыя серіи художественныхъ произведеній древности. Это суть картины, писанныя на штукатуркѣ стѣнъ или другомъ матеріалѣ, мозаики, терракоты необыкновенно изящныхъ формъ, иногда со слѣдами красокъ, которыми онѣ были расписаны, бронзы, вазы, покрытыя живописью, рельефами и позолотой, изваянія изъ слоновой кости, муравленныя кирпичи, оружіе, и разнообразнѣйшіе предметы домашней жизни. Возникли новыя музеи, составляющіе рѣшительную противоположность старымъ собраніямъ Италіи. Во главѣ ихъ стоятъ Британскій музей въ Лондонѣ и Луврскій въ Парижѣ. Ясно, что изданія, посвященныя описанію и публикаціи художественныхъ сокровищъ, хранящихся въ

этихъ музеяхъ, должны были получить совершенно новый и согласный съ современнымъ состояніемъ археологіи характеръ.

Великолѣпное и весьма цѣнное изданіе, заглавіе котораго стоитъ въ началѣ этой статьи, можетъ служить образцомъ новаго пониманія назначенія музеевъ и описанія ихъ содержанія. Редакторъ его, Адриенъ де-Лонперье, членъ Парижской академіи надписей, принадлежитъ къ числу первыхъ современныхъ археологовъ и нумизматовъ Франціи. Съ глубокимъ классическимъ образованіемъ онъ соединяетъ знаніе восточныхъ языковъ и чрезвычайно обширное знакомство съ вещественными памятниками античнаго искусства. Онъ изучалъ чтеніе іероглифическихъ письменъ, а чтеніе клинообразныхъ надписей даже обязано ему нѣкоторыми открытіями (*J. Ménant, Éléments d'épigraphie assyrienne. 2-me ed. Paris, 1864. стр. 212*). Онъ уже много лѣтъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ археологомъ Де-Витте, издаетъ въ Парижѣ нумизматическій журналъ (*Revue numismatique*), пользующійся большою извѣстностію. Въ качествѣ хранителя античнаго отдѣленія Луврскаго музея, онъ могъ не только близко познакомиться съ вѣренными его попеченію памятниками, но и значительно увеличить число ихъ приобрѣтеніемъ новыхъ, привозимыхъ французскими путешественниками изъ дальнихъ странъ Востока и Малой Азіи. Съ необыкновенною внимательностію и помятною гордостью онъ указывалъ испущенію эти строки въ 1863 году на іудейскіе саркофаги, кипрскіе идолы и родосскія вазы, приобрѣтенныя Луврскимъ музеемъ во время его завѣдыванія. Тому отдѣленію антиковъ Луврскаго музея, которое носитъ названіе *музея Наполеона III*, онъ умѣлъ придать блестящій видъ и устроилъ его самымъ роскошнымъ образомъ. Поэтому весьма помятно, что имѣя подъ своими руками огромное число чрезвычайно важныхъ не изданныхъ и не описанныхъ памятниковъ искусства древняго Востока и Греціи, онъ рѣшился познакомить съ ними публику въ изданіи, начало котораго находится передъ нами. Фотографія и лучшіе Парижскіе художники были призваны для осуществленія его мысли. Съ каждаго предмета сперва снимается фотографическій снимокъ, который переносится затѣмъ на мѣдную доску или литографическій камень. Предметы, въ виду оригиналовъ, или хромотографируются, или гравированы лучшими художниками въ Парижѣ. Вотъ почему художественное исполненіе этого изданія не оставляетъ ничего желать. Здѣсь нѣтъ прикрашиванія оригиналовъ, которое столь недобросовѣстно позволяютъ себѣ столь многія французскія роскошныя и дорогія сочиненія, какъ напримѣръ, *Les Catacombes*

de Rome, изданныя г. Перрэ. Рисунки съ большою вѣрностью и точностью передають оригиналы и даже всѣ изъяны, которые послѣдніе потерпѣли отъ времени и рухъ человѣческихъ. Каждый рисунокъ сопровождается отчетливымъ описаніемъ, добавляемымъ учеными замѣчаніями издателя. Не знаешь, чему отдать предпочтеніе, рисункамъ или тексту. Все изданіе должно выйти въ 140 выпускахъ въ большую 4-ю долю листа; изъ нихъ до настоящаго времени вышли только 24. Въ концѣ своего труда г. де-Лонперье обѣщаль изложить въ обширномъ введеніи (*exposé général*) свой взглядъ на отношеніе между восточнымъ и древне-греческимъ искусствами, но трудно предвидѣть, когда онъ исполнитъ свое обѣщаніе.

Подъ руководствомъ столь надежнаго знатока античнаго искусства, взглянемъ подробнѣе на изданныя и описанныя имъ памятники, на перенесеніе релігіозныхъ идей изъ одной страны древности въ другую, а съ ними вѣсть, и художественныхъ символовъ и формъ. Искони релігія была матерью искусства, а потому понятно, что съ перенесеніемъ культовъ посредствомъ переселеній, колоній и торговыхъ сношеній (явленія, безконечно частыя въ древней исторіи), переносились и художественныя формы и типы, въ которыхъ искусство выражалось въ одной странѣ, и усвоились другою. Когда разсматриваешь рисунки изящнаго изданія, находящагося передъ нами, новая и привлекательная картина древности открывается передъ глазами. Народы древности не живутъ особнякомъ, угрюмо озираясь другъ на друга. Глубоко храня свою индивидуальность, они тѣмъ не менѣе приходятъ въ непрерывныя столкновенія, и никакой доводъ не говорить убѣдительнѣе въ пользу этого мнѣнія, чѣмъ настоящее изданіе. Оно послужитъ нѣкогда однимъ изъ краеугольныхъ камней для основанія новой науки, которая въ настоящее время только предвидится, а не создается: говоримъ о *сравнительной археологіи*, матеріалы для которой ежедневно возрастаютъ. Въ вѣкъ, создавшій *сравнительную анатомію*, *сравнительное языковеденіе* и *сравнительную мифологію*, можетъ-быть, положены будутъ и прочныя основы для сравнительнаго изученія вещественныхъ памятниковъ древности, которое поведетъ къ еще болѣе глубокому ея пониманію.

II.

Г. де-Лонперье, опуская памятники Египта, столь хорошо извѣстныя по многочисленнымъ новѣйшимъ сочиненіямъ, начинаетъ изданіе памятниковъ Луврскаго музея публикаціей художественныхъ проза-

веденіи вавилонскаго искусства. Новѣйшій историкъ древняго Востока, Ф. Ленорманъ, весьма невыгодно отзывается о ваяніи у этого народа. Въ сочиненіи своемъ: *Manuel d'histoire ancienne de l'Orient* (Paris, 1869, 3-ème éd.), во 2-й части, стр. 269, онъ говоритъ, что „у Вавилонянъ, въ противоположность Ассиріянамъ, пластика не сдѣлала серіозныхъ успѣховъ съ того времени, когда былъ гравированъ цилиндръ древняго царя Урхама, до временъ Навуходоносора“. Онъ основываетъ свое мнѣніе частію на письменныхъ свидѣтельствахъ древнихъ, частію на дошедшихъ до насъ памятникахъ. Въ книгѣ пророка Даниила (III, 1) сказано, что „даръ Навуходоносоръ приказалъ сдѣлать статую изъ золота, въ шестьдесятъ локтей вышины и шесть ширины, и поставить ее въ странѣ Вавилонской въ долинѣ Дурѣ“. Уже знаменитый французскій ученый Этьеннь Катрмеръ полагалъ, что обозначенные въ книгѣ Даниила размѣры этой статуи „указываютъ на полное незнаніе пропорцій человѣческаго тѣла“. Г. Ленорманъ прибавляетъ, что, по даннымъ указаніямъ, длина статуи была слишкомъ велика сравнительно съ шириною. Этотъ же самый недостатокъ находитъ онъ и въ сохранившихся памятникахъ вавилонскаго искусства. Онъ думаетъ, что чудовищныя ошибки были въ вавилонскомъ искусствѣ правиломъ. Онъ судитъ по единственно ему извѣстнымъ памятникамъ — вавилонскимъ цилиндрамъ и рѣзнымъ камнямъ, гдѣ человѣческія фігуры въ самомъ дѣлѣ представляются слишкомъ удлиненными, композиція дѣтская, и даже техническое исполненіе грубѣ ассирійскихъ предметовъ этого рода.

Самое подробное изчисленіе памятниковъ вавилонскаго ваянія, извѣстныхъ до появленія изданія г. де-Лонперье, мы находимъ въ сочиненіи Ж. Роулинсона: *The five great monarchies of the ancient eastern world* (London, 1862), части I, стр. 117, и III, стр. 397. Онъ изчисляетъ всѣ дошедшія до насъ изваянія изъ камня, глины и металловъ. Это весьма ограниченное число нынѣ значительно увеличивается памятниками Луврскаго музея и отчасти измѣняетъ мнѣніе г. Ленормана. До сихъ поръ бронзы вавилонскаго происхожденія были очень рѣдки. Двѣ небольшія статуэтки, изданныя англійскимъ путешественникомъ Керъ Портеромъ, — вотъ и все. Полагали, что отъ древнѣйшей монархіи Халдеевъ сохранились одни цилиндры, потому что у Керъ Портера находился цилиндръ, принадлежавшій государю, основавшему древнѣйшія зданія въ Мюджерѣ, Варвѣ, Синкарѣ и Нифферѣ (*Travels in Georgia, Persia etc.*, vol. III, pl. 79; fig. 6). Нынѣ г. де-Лонперье издалъ изображеніе бронзовой статуэтки (табл. I),

тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что она сопровождается надписью. Она изображаетъ женщину-канефору, несущую на головѣ корзину, которую поддерживаетъ обѣими руками. Верхняя часть ея тѣла обнажена; нижнюю облекаетъ узкая одежда, на которой находится клинообразная надпись халдейской системы Вавилона, въ двѣ колонны. Въ надписи царь Кудурмапукъ призываетъ благословіе богини — матери боговъ, на себя и своего сына Цикаръ-Сина („служитель бога луны“). (См. объ этихъ царяхъ Ленормана, Manuel, часть 2-я, стр. 29; авторъ называетъ его Chodoromadog). Чтеніе этой надписи принадлежитъ извѣстному ассириологу Жюлю Опперту. Царь Кудурмапукъ старше XVI столѣтія до Р. Х. Онъ современникъ XVIII династіи египетскихъ фараоновъ, которая оставила много прекрасныхъ памятниковъ искусства, но не статуй изъ бронзы. Въ эпоху, когда была отлита эта вавилонская статуэтка, Египтяне для скульптуры употребляли преимущественно камень и дерево.

Вотъ почему г. де-Лонперье считаетъ эту статуэтку древнѣйшимъ изображеніемъ челоуѣческой фигуры изъ бронзы. Разсматривая ее, мы убѣждаемся, что въ ней вовсе нѣтъ черезъ-чуръ удлиненихъ размѣровъ вавилонскихъ цилиндровъ, лицо отличается круглотою, и въ формахъ большое стремленіе къ натурализму. Мѣстонахожденіе этой статуэтки, на берегахъ Ефрата, ниже Афаджи, недалеко отъ Багдада, не говоря о надписи, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея вавилонскомъ происхожденіи. Итакъ, о вавилонскомъ искусствѣ по однимъ цилиндрамъ судить не слѣдуетъ.

То же самое замѣчаніе, но съ еще большею силою, должно сдѣлать о другой статуэткѣ изъ твердаго алебастра, найденной возлѣ Багдада и исполненной изъ хорошаго матеріала съ большимъ тщаніемъ (табл. II). Она изображаетъ женщину, вѣроятно, царицу, съ головою, повязанною діадемою, возсѣдающую на престолѣ, весьма похожемъ на престолъ египетскихъ фараоновъ. Ея одежда совершенно схожа съ одеждою, изображаемою на вавилонскихъ цилиндрахъ. Не смотря на всю условность, позы, формы статуэтки скорѣе отличаются полнотою, чѣмъ удлиненими размѣрами. Упадка скульптуры, возможнаго въ новомъ Вавилонскомъ царствѣ, здѣсь нѣтъ и слѣдовъ, что заставляетъ предполагать, что статуэтка относится ко временамъ древняго царства. Многое напоминаетъ въ ней египетскіе памятники искусства, принадлежащіе эпохѣ до Рамзеса II. Но особый интересъ этому произведенію придаетъ то обстоятельство, что женская фигура держитъ на колѣнахъ двумя руками, крѣпко примкнутыми

въ тѣлу, сосудѣ. Эта поза, находящаяся и на ассирійскихъ памятникахъ, совершенно напоминаетъ позу, встрѣчаемую на известныхъ памятникахъ южной Россіи. Народонаселеніе Вавилоніи состояло изъ смѣси туранскихъ и семитическихъ племенъ. Первые; можетъ-быть, передали этотъ типъ, въ болѣе закруглой формѣ, народамъ южной Россіи, воздвигшимъ эти памятники, если только въ числѣ народовъ, обитавшихъ въ ней въ древности, встрѣчались и туранскіе элементы.

Г. де-Лонперье представляетъ еще одинъ памятникъ вавилонскаго ваянія: это — бронзовая статуэтка жреца, въ длинной туникѣ, украшенной пятью рядами бахрамъ (табл. I, № 2). На головѣ жреца тиара съ двумя бычачьими рогами. Подобный головной уборъ встрѣчается на безконечномъ числѣ ассирійскихъ памятниковъ. Обѣими руками жрецъ держитъ у груди антилопу. Эта статуэтка совершенно походитъ на изображенія священныхъ лицъ, встрѣчаемыхъ на вавилонскихъ цилиндрахъ: они также несутъ антилопу на рукахъ. Подобныя же фигуры изображены на барельефахъ Сарданапала III въ Нимрудѣ и Саргона въ Корсабадѣ. Такъ какъ халдейская цивилизація Вавилоніи была древнѣе ассирійской, то и типы одного народа переходили къ другому, ему сосѣдственному и родственному. Египетскіе памятники изображаютъ въ подобной одеждѣ женщинъ азиатскаго племени, которое они называютъ Розенну.

Изъ показаній греческаго писателя Ктезія, жившаго въ Вавилонѣ въ качествѣ врача при дворѣ Артаксеркса, мы знаемъ, что стѣны лучшихъ зданій этого города были покрыты живописью. На башняхъ и стѣнахъ были изображены различныя животныя. Ктезію въ особенности былъ пораженъ картиной, изображавшею царскую охоту на разныхъ животныхъ, которыя имѣли болѣе четырехъ локтей величины. По срединѣ картины изображена была Семирамида (Ктезію приписываетъ лучшія зданія Вавилона этой царицѣ), верхомъ на конѣ, бросающею копьё въ пантеру, а возлѣ нея супругъ ея Нинъ поражалъ льва (Diod. Sic. II, 8). Подобнаго рода сцены царскихъ охотъ часто встрѣчаются на ассирійскихъ барельефахъ, и изображеніе Нина, поражающаго льва, вѣроятно, очень походило на подобную сцену, изображенную на барельефѣ Сарданапала V (VII столѣтія), находящемся въ Луврскомъ музеѣ. Но кромѣ свидѣтельства греческаго писателя, мы имѣемъ и показанія еврейскихъ писателей, которые говорятъ, что стѣны зданій Вавилона были покрыты картинами, на которыхъ изображены были „сильные мужи“ Вавилоніи (Книга пророка Іезекиила, XXIII, 14). Эти письменныя свидѣтельства подтверж-

даются археологическими открытиями на самой почвѣ города Вавилона. Здѣсь были найдены кирпичи, на которыхъ находились изображенія лошадиныхъ ногъ, частей львовъ и собакъ, человѣческихъ главъ и доконовъ и т. д. Подобные кирпичи, покрытые глазурью, составляли большія рельефныя мозаичныя картины, и г. де-Лонперье сообщаетъ нѣсколько фрагментовъ подобныхъ кирпичей, открытыхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Гилла (Hillah), въ развалинахъ Вавилона (табл. IV). На нихъ изображены части одежды, крыльевъ, пальцы и отдѣльные знаки клинообразныхъ надписей. На одномъ фрагментѣ изображена розетка, которая столь часто встрѣчается и на ассирійскихъ памятникахъ, съ которыхъ она была перенесена въ Грецію. Этотъ вавилонскій орнаментъ переходитъ даже къ Египтянамъ. Вѣроятно, каждая картина была окаймлена рамою, въ которой находились подобнаго рода орнаменты и надписи. Геродотъ (I, 178 и 179) описалъ, каковыя образомъ цементировались эти кирпичи.

III.

Ассирійское искусство, благодаря великолѣпнымъ изданіямъ Ботти (Monuments de Ninive, Paris, 1849—1850, 5 томовъ), Ляярда (The monuments of Nineveh. London, 1849, и A second series of the Monuments of Nineveh. London, 1853) и Пласа (Ninive et l'Assyrie. Paris, 1867), намъ такъ хорошо извѣстно, что г. де-Лонперье, вѣроятно, ограничится въ своемъ изданіи только весьма немногими ассирійскими памятниками. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ онъ представилъ только одинъ памятникъ ассирійскаго ваянія (табл. VII). На этой таблицѣ изображены двѣ плиты, найденныя въ развалинахъ Нимрода, предполагаемомъ мѣстоположеніи древняго города Калаха, въ тридцати километрахъ на югъ отъ Ниневіи. На первой изъ плитъ представлено *священное древо*, передъ которымъ, священнодѣйствуя, стоитъ справа человѣческая фигура, съ головой орла и двумя крыльями. Вѣроятно, это изображение бога Нивроша, въ храмѣ котораго, по библейскому свидѣтельству, Ассирійскій царь Сеннакерибъ былъ убитъ своими сыновьями. Съ лѣвой стороны священнаго древа находилась такая же фигура, но нынѣ она потеряна, что доказывается другими многочисленными памятниками ассирійскаго искусства, изданными Ляярдомъ. Формы священнаго древа весьма разнообразны, различная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ затѣливыхъ. Изображая это древо ассирійское искусство, по видимому, вовсе не имѣло намѣренія изобразить предметъ, заимствованный изъ растительнаго міра, а скорѣе

символь. Вотъ почему оно позволяло себѣ создавать для него столь прихотливыя формы, вовсе не существующія въ дѣйствительности, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при изображеніи царскихъ парковъ и садовъ, оно строго передаетъ природу. Но какому боже-ству принадлежить этотъ символъ, и какое его значеніе — остается до сихъ поръ весьма темнымъ вопросомъ. Роулинсонъ (*The five great monarchies*, II, стр. 235) говоритъ, что оно часто встрѣчается въ связи съ символомъ Ашшуръ, *великаго бога* Ассирій, почему и должно предполагать, что оно было специально связано съ его культомъ. Это священное дерево, можетъ-быть, находится также въ связи съ богиней Ашерою (*Askerah*) Финикіянъ, отъ которыхъ культъ Ашеры перешелъ къ Иудеямъ, гдѣ богиня и ея идолъ, всегда изваянный изъ дерева, носили одно имя. Но не одни идолы великой супруги Ваала, богини жизни и плодородія, служили предметомъ богопочитанія; символомъ ея считались также и настоящія деревья (*Schenkel, Bibel-Lexicon. Leipzig, 1869, I, стр. 258*). Съ другой стороны священное дерево напоминаетъ *дерево жизни*, котораго культъ мы встрѣчаемъ въ религіи Зороастра. Тамъ это дерево безсмертія, котораго сокъ при воскресеніи будетъ даровать людямъ жизнь, называется Хомъ. Знаменитый Берлинскій археологъ Ф. Пиперъ предполагаетъ, что священное дерево Ассиріянъ совершенно тождественно съ иранскимъ деревомъ Хомъ (*Der Baum des Lebens, въ Evangelischer Kalender на 1869 г., стр. 22 и 79*). То же самое сказаніе встрѣчаемъ мы и у другихъ семитическихъ народовъ. Весьма любопытно, что изображеніе священнаго дерева встрѣчается на памятникахъ, открытых на прочь Европы. На алтарѣ, найденномъ въ Кренди, на островѣ Гоццо, изображено подобное же дерево, что указываетъ, что тѣмъ, созданный ассирійскимъ искусствомъ, черезъ посредство Финикіянъ, былъ перенесенъ на одинъ изъ острововъ Средиземнаго моря, гдѣ издавна находились поселенія этого промышленнаго и мореходнаго народа (*Waring, Stone Monuments, tumuli and ornament of remote ages. London. 1870, таблица II, рис. 11*).

Вторая плита, изображенная на той же таблицѣ, представляетъ ассирійскаго царя Сардананала III (Асуръ-назиръ-габаль), сына Тиглапалазара, царствовавшего, по численіямъ г. Опцрта, отъ 930 до 905 годъ до Р. Х. Царь изображенъ въ богатомъ костюмѣ, съ тѣлою на головѣ, украшенною четырьмя бычачьими рогами. На его плечахъ четыре большія орлиныя крыла, и расположеніе этихъ крыльевъ даетъ намъ возможность понять, какъ были расположены крылья у

херувимовъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, вышедшихъ, по приказанію Соломона, изъ рукъ финикійскихъ художниковъ, учениковъ Ассиріянъ. Стилль ассирійскихъ рельефовъ, нами разсматриваемыхъ, старо-іератическій, и исполненіе чрезвычайно тщательно. Въ этихъ отношеніяхъ они весьма любопытны для сравненія съ древне-греческими памятниками.

Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ новооткрываемыми памятниками Малой Азіи, Финикіи и острововъ Греціи, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ обширномъ вліяніи, которое ассирійско-вавилонское искусство имѣло на сосѣднія страны. Искусство, возникшее на берегахъ Евфрата и Тигра, было, по видимому, совершенно самобытно, и едва ли ученые, считающіе колыбелью всѣхъ человѣческихъ знаній Египетъ, будутъ въ состояніи доказать происхожденіе ассирійско-вавилонскаго искусства отъ египетскаго. Тѣмъ не менѣе, въ позднюю эпоху, между обѣими странами существовали политическія и торговыя сношенія. Весьма недавно отношенія обонихъ государствъ были предметомъ прекраснаго изслѣдованія г. Жюля Опперта, вышедшаго подъ заглавіемъ: *Mémoire sur les rapports de l'Égypte et de l'Assyrie dans l'antiquité, éclaircis par l'étude des textes cunéiformes.* Paris. 1869. Не удивительно, что вслѣдствіе этихъ сношеній, нѣкоторыя художественныя формы, имѣющія весьма второстепенное значеніе, переходили изъ одной страны въ другую. Ассиріане рѣзали скарабей, на плоской сторонѣ которыхъ гравировали свои религіозныя символы; Египтяне заимствовали у Ассиріянъ и Вавилонянъ цилиндрическую форму для своихъ амулетовъ, Леярдъ въ развалинахъ Нимруда открылъ дощечки изъ слоновой кости, на которыхъ изображены египетскіе сюжеты, а на берегахъ Нила было найдено много ассирійскихъ вещей, которыя изъ собранія Клотъ-Вея перешли нынѣ въ Луврскій музей. Но какъ тѣ, такъ и другіе памятники принадлежатъ эпохѣ начинающагося упадка того и другаго искусства, и до сихъ поръ еще не открыто памятниковъ древнѣйшихъ ассирійскихъ династій, на которыхъ было бы ясно видно вліяніе основныхъ началъ египетскаго искусства.

Къ числу самыхъ странныхъ и загадочныхъ произведеній искусства, изданныхъ г. де-Лонперье, принадлежитъ мужская голова въ натуральную величину, изваянная изъ хорошаго камня (табл. VI). Она была куплена въ городѣ Эдессѣ, въ Месопотаміи, недалеко отъ лѣваго берега Евфрата членомъ Парижскаго института Шарломъ Темье и принесена имъ въ даръ Луврскому музею. Этому же ученому изслѣдователю Малой Азіи обязаны мы очеркомъ исторіи и памятниковъ

города Эдессы, изданнымъ подъ заглавіемъ: *Edesse et ses monuments en Mésopotamie. Paris. 1859.* Голова расписана красками, отчасти хорошо сохранившимися, а именно, тѣло темно-красною, а глаза — бѣлою и черною; волосы нѣкогда были окрашены черною краскою. По системѣ полихроміи, голова походитъ на произведенія древнѣйшихъ династій египетскихъ фараоновъ, но въ формахъ черепа и глазъ нѣтъ ничего египетскаго. Произведенія вааяніи въ большихъ размѣрахъ, принадлежащія древнимъ халдейскимъ имперіямъ, столь рѣдки, что мы не имѣемъ никакихъ точекъ опоры для опредѣленія эдесскаго памятника. Но г. де-Лонперье сравниваетъ его съ изображеніями, встрѣчающимися на нѣкоторыхъ вавилонскихъ цилиндрахъ, воихъ влинообразныя надписи гораздо древнѣе правленія Навуходоносора (VII вѣкъ). Вотъ почему онъ приписываетъ этому памятнику не только азіатское происхожденіе, но и древность, выходящую за времена вышеназваннаго царя.

IV.

Ни одному изъ новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ наука не обязана столь основательнымъ ознакомленіемъ съ памятниками финиійскаго искусства, какъ знаменитому знатоку семитическихъ языковъ, Эрнесту Ренану. Все, что до тѣхъ поръ было о нихъ извѣстно, ограничивалось или предметами, которыхъ происхожденіе было сомнительно финиійское, или такъ-называемыми финиійскими древностями, открытыми въ Сардиніи, на островахъ Мальтъ и Гоццо или въ финиійскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Африки. На этихъ-то весьма шаткихъ данныхъ написано было извѣстное сочиненіе Гергардта: *Die Kunst der Phönizier. Berlin. 1846.*

Систематическихъ раскопокъ на почвѣ самой Финиіи никогда не производилось. Тѣмъ важнѣе было отправленіе императоромъ Наполеономъ III особой экспедиціи въ эту страну для изслѣдованія ея художественныхъ и письменныхъ памятниковъ, въ 1860 году. Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ знаменитый семитологъ Э. Ренанъ, и труды ея издаются въ великолѣпномъ, хотя, къ сожалѣнію, еще не оконченномъ изданіи: *Mission de Phénicie. Paris. 1864.* До сихъ поръ три выпуска текста и пять выпусковъ атласа in-folio. Экспедиція г. Ренана имѣла въ виду преимущественно открытіе новыхъ палеографическихъ памятниковъ и изслѣдованіе топографіи и колоссальныхъ остатковъ искусства этой страны, каковы городскія стѣны, храмовыя постройки и надгробные памятники. Отыскивать мелкія древности г. Ренанъ счи-

талъ дѣломъ предприимчивости частныхъ лицъ. Тѣмъ же мѣстѣ Луврскій музей значительно обогатился вслѣдствіе раскопокъ г. Ренана, а такъ какъ въ послѣднее время въ него поступили пріобрѣтенія и изъ другихъ источниковъ, то наданіе г. де-Лонперье представляетъ новые и богатые матеріалы для опредѣленія характера чисто-финикійскаго искусства.

Разсматривая эти памятники убѣждаешься, что финикійское искусство находилось подъ обоюднымъ вліяніемъ искусствъ египетскаго и ассирійскаго. На табл. XVIII, фиг. 1, изображенъ фрагментъ колоссальной статуи, найденный въ городѣ Сарфендѣ (древняя Сарпента), лежащемъ между Тиромъ и Сидономъ. Городъ этотъ, вѣроятно, въ эпоху пророка Иліи (X стол.) принадлежалъ царямъ Сидонскимъ. По предположенію г. Лонперье, эта статуя есть изображеніе какого-либо финикійскаго царя, потому что его бедра описываетъ короткая одежда, совершенно сходная съ египетскимъ шенти (*schenti*). Поясъ; которымъ она сдерживалась, ованчивается царскимъ символомъ, а именно двумя уреями (*uraeus*). Съ точно такимъ же поясомъ представляетъ египетскій фараонъ Сети I, глава XIX династіи (въ XVI вѣкѣ до Р. Х.), на барельефѣ, найденномъ въ его гробницѣ и находящемся въ Луврскомъ музеѣ. Для насъ колоссальная Сарфендская статуя имѣетъ важное значеніе потому, что съ нею очень схожъ торсъ мужской фигуры, найденный въ Идалионѣ, на островѣ Кипрѣ, и перешедшій изъ собранія профессора Росса въ Берлинскій музей (*Archaeologische Zeitung*, herausgegeben von Ed. Gerhard, 1863, табл. CLXXI). На немъ, кромѣ шенти и уреевъ, на поясѣ встрѣчается изображеніе головы Медузы, весьма архаическаго стиля. Ясно, что финикійское искусство, перенося свои преданія и приемы на островъ Кипръ, присоединяло къ нимъ и греческіе символы. Но что весьма замѣчательно, на груди Сарфендскаго фрагмента находятся два ожерелья. Одно изъ нихъ украшено, въ видѣ привѣски, висящимъ по самой срединѣ груди изображеніемъ солнечнаго диска, надъ которымъ находится полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ. Это украшеніе чисто-ассирійскаго происхожденія: оно — символъ бога Солнца, Шамаса, часто встрѣчаемый на цилиндрахъ (*Paylmonz*, *The five great monarchies*, II, стр. 249). Что разсматриваемая нами фигура есть царская, доказывается другимъ памятникомъ. Въ Флорентійскомъ музеѣ хранится рѣзной сардониксъ, на которомъ изображена стоящая мужская фигура, въ шенти, на головѣ съ короною, схожею съ коронами египетскихъ фараоновъ. Фигура держитъ въ рукахъ скл-

петрь, надъ которымъ находится солнечный дискъ и внизъ обращенный полумѣсяцъ, и тотъ же символъ повторенъ въ полѣ. Надпись на камнѣ, начертанная прекрасными финикийскими буквами, означаетъ имя изображеннаго лица: Абибаль. Герцогъ де-Льюинъ полагаетъ, что это имя отца царя Хирама. Тотъ же символъ встрѣчается на колоннѣ изъ бѣлаго мрамора, открытой въ Тирѣ и изображенной на той же таблицѣ подлѣ № 2. Но вромѣ того мы его находимъ на множествахъ другихъ финикийскихъ памятниковъ, напримѣръ, на вратахъ въ Омъ-эль-Аваמידѣ, на рѣзныхъ камняхъ и на монетахъ карагенскихъ, нумидійскихъ, мавританскихъ и сардинскихъ. Сверхъ того, онъ является и на финикийско-сардинскихъ стелахъ, находящихся въ музеехъ городовъ Турина и Кальери.

То же сѣмшанное, влiянiе ассирийскаго и египетскаго искусства встрѣчается на двухъ мраморныхъ барельефахъ, открытыхъ въ Руадѣ (древнiй Арадъ) (на той же таблицѣ №№ 3 и 4). Каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, изъ которыхъ верхнiя украшены пальметтами, заимствованными изъ Ассирiи. Въ нижней половинкѣ барельефа № 3 изображены два крылатые грифона, между которыми находится какое-то дерево. Грифоны представлены въ позѣ, тождественной съ позою знаменитыхъ львовъ на вратахъ Микенскихъ. Эти фантастическiя созданiя тоже ассирийскаго происхожденiя и черезъ посредство Финикiянъ были перенесены въ Грецiю. На второмъ рельефѣ (№ 4) изображенъ на высокомъ пьедесталѣ крылатый сфинксъ, голову котораго украшаютъ короны Верхняго и Нижняго Египта. Хотя сфинксъ есть созданiе, возникшее на берегахъ Египта, но на разсматриваемомъ памятникѣ египетскiй характеръ его является нѣсколько измѣненнымъ и ближе подходящимъ къ изображенiямъ его на древне-греческихъ вазахъ.

Къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ финикийскаго искусства, изваянныхъ въ мраморѣ, принадлежитъ барельефъ, купленный въ Аскалонѣ (табл. XXXII); къ сожалѣнiю, онъ принадлежитъ поздней эпохѣ. Аскалонъ, городъ, который владѣли Филистимляне на береговой полосѣ Иудеи, лежалъ между городами Аедозомъ и Газою и славился своею плодородною почвой и винами. По словамъ Геродота (I, 105), въ немъ находился храмъ Афродиты-Уранiи, древнѣйшее изъ всѣхъ святилищъ этой богини, отъ котораго выводили происхожденiе даже того храма этой богини, что находился на островѣ Кипрѣ. Въ Аскалонѣ богиня почиталась подлѣ именемъ Атаргатись, Атаргатись-Дервопiо или Аскалонской Астарти. Эта богиня является

часто изображенною на монетахъ этого города: время римскихъ императоровъ, но уже подъ антропоморфической формою. Въ чисто-человѣческомъ же видѣ изображена она и на разсматриваемомъ барельефѣ. Великая богиня Аскалона представлена въ стоящемъ положеніи въ видѣ женщины, облеченной въ узкую одежду, поддерживаемую жемчужною перевязью. Ея шею украшаетъ тоже нить жемчуга. По обѣимъ сторонамъ ея, подъ виноградными деревьями, сидятъ на землѣ двѣ нагія женщины. Эти аполиты богини не представлены въ положеніи малядики, и потому п. де-Лонперье основывался на томъ, что голова богини въ рельефѣ имѣетъ форму диска, полагаетъ, что на рельефѣ изображена божественная группа—символъ тричастной луны въ (la lune tripartite), какъ асирійская Нана. По стилю, очень грубому, памятникъ принадлежитъ временамъ послѣ Элегабала.

Въ исторіи греческой религіи весьма замѣчательнъ слѣдующій фактъ: Афродита первоначально не принадлежала къ числу боговъ греческихъ, туземныхъ, а къ системѣ боговъ народовъ семитическаго происхожденія. Это большое семейство народовъ было распространено отъ Вавлоніи до Малой Азіи и Аравіи. Въ Греціи два острова считались мѣстами древнѣйшаго ея культа: Кипръ былъ ея родиною, а островъ Кнеера однимъ изъ древнѣйшихъ мѣстъ ея богочюванія. Но оба острова въ глубокой древности были импоріями финикійской торговли, гдѣ процвѣтало много финикійскихъ колоній, и на обоихъ островахъ сохранялась живая память о связи, существовавшей между Афродитой и культомъ Афродиты-Ураніи въ Аскалонѣ на Ханаанскомъ побережьѣ. Афродита-Уранія сродственна съ Астартою Финивіянъ, Милиттою Вавилонянъ и Алилатъ Арабовъ. Эта космическая богиня обнимаетъ небо, землю и море. Съ острова Кипра культъ ея распространился въ большей части Малой Азіи, а именно въ Каріи, Лидіи и Троадѣ, потомъ на островахъ Критѣ, Лемносѣ, Делосѣ и Лесбосѣ, и наконецъ, достигъ Віотіи и Аттики. Островъ же Кнеера сообщилъ его жителямъ Пелопониса, гдѣ городъ Керинезъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній богини. Онъ достигъ даже до Сициліи, гдѣ на горѣ Эривоѣ находился знаменитый ея храмъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ не только у мѣстныхъ жителей, но и у сицилійскихъ Грековъ, у Пукийцевъ въ Панормѣ и въ Каррагенѣ, и даже у отдаленныхъ жителей Италіи, въ Лации и въ Римѣ. Поэтому не удивительно, что на всѣхъ главныхъ мѣстахъ почитанія этой богини до сихъ поръ въ большемъ числѣ встрѣчаются изображенія ея, сдѣланныя для низшихъ классовъ изъ самаго деше-

ваго матеріала. На табл. XXVI изображены двѣ терракотовыя статуэтки финиційской богини, открытыя въ Тортозѣ. Обѣ строго іератическаго стиля. На одной изъ нихъ богиня держитъ въ рукѣ голубя (о роли голубя въ культѣ этой богини находятся указанія въ сочиненіи Мюнтера: *Der Tempel der himmlischen Göttin zu Parhos*. Kopenhagen. 1824, стр. 25). Профессоръ Берлинскаго университета Курціусъ указалъ даже на терракотовую статуэтку финиційской богини, открытую тоже на островѣ Кипрѣ, которая можетъ считаться прототиномъ знаменитой Венеры Медицейской (*Archäologische Zeitung*, 1869, стр. 62; *Nuove memorie dell' Instituto di cor. arch.* Lipsia. 1865, стр. 375).

Другія изображенія финиційскихъ божествъ явно созданы подъ вліяніемъ то азіатскаго, то египетскаго искусства. На табл. XIX изображены три статуэтки изъ глины, нѣкогда раскрашенныя и открытыя въ окрестностяхъ того же городка Тортозы, изображающія божество, котораго финиційское имя намъ не извѣстно. Но оно встрѣчается на египетскихъ барельефахъ позднѣйшихъ временъ, гдѣ называется *Бесъ*. Извѣстный египтологъ графъ де-Ружэ, вслѣдствіе новыхъ своихъ изслѣдованій объ этомъ божествѣ, полагаетъ, что оно происхожденія азіатскаго, и можетъ-быть, принадлежить сѣверной Аравіи. Въ самомъ дѣлѣ, схожія статуэтки были найдены въ 1852 году Викторомъ Пласомъ въ фундаментѣ ассирійскаго дворца въ Корсабазѣ, построеннаго въ VIII столѣтіи до Р. X. Тотъ же богъ изображенъ на цилиндрѣ съ клинообразною надписью персидской системы, эпохи Ахеменидовъ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ. Напротивъ того, глиняная статуэтка, представленная на табл. XXIII, изображаетъ мужскую фигуру, восседающую на престолѣ. Ноги этой фигуры покоятся на подножій, а руки на головахъ двухъ оводовъ, образующихъ ручки сѣдалища. Это Юпитеръ-Аммонъ, изъ Египта перешедшій на золотыя монеты Киренаики, а затѣмъ въ Финикію и на островъ Кипръ.

Финиційскія бронзовыя статуэтки, изображенныя на табл. XXI, не столько замѣчательны въ художественномъ отношеніи, сколько по костюму, схожему съ упомянутою выше статуею царя, открытою въ Сарептѣ. Въ первомъ отношеніи онѣ слишкомъ напоминаютъ тѣ безобразныя бронзовыя статуэтки, которыми такъ богата Сардинія и ея музеи. Гораздо болѣе интереса представляетъ весьма тонкая бронзовая пластинка, нѣкогда позолоченная, на которой, среди орнаментовъ, заимствованныхъ изъ растительнаго царства, представлена борьба раз-

ныхъ животныхъ, отчасти фантастическихъ. Бордюры пластинки украшены частыми отверстиями, которыя служили для пришиванія ея къ какому-нибудь предмету. Г. де-Лоннерье полагаетъ, что подобныя украшенія пришивались къ параднымъ одеждамъ. На ассирійскихъ барельефахъ Нимрудскаго дворца одежды придворныхъ украшены подобными пластинками, на которыхъ изображены грифоны; раздрающіе антилопы. Аналогическій примѣръ употребленія металлическихъ пластинокъ на одеждахъ, мы встрѣчаемъ въ скиско-греческихъ гробницахъ Пантिकाпей и Таманскаго полуострова, гдѣ подобнаго рода украшенія, найденныя въ громадномъ числѣ, сдѣланы изъ золота и также украшены рельефами (*travaillés au geroussé*). Совершенно схожими же золотыми пластинками у Скивовъ обивались также налучники, щиты, колесницы и т. д.

Тотъ же характеръ усвоенія чужеземныхъ формъ имѣетъ прекрасный рядъ памятниковъ, которыми съ недавняго времени обогатился Луврскій музей: это финикійскіе саркофаги, число которыхъ нынѣ доходитъ до четырнадцати. Всѣ они имѣютъ форму большихъ каменныхъ египетскихъ саркофаговъ, то-есть, человеческой муміи, обернутой въ тесьму и спеленанной, при чемъ голова усопшаго, а иногда и руки, выступаютъ наружу. Но въ стилѣ головы и рукъ видны тѣ измѣненія, которыя время вносило въ финикійское искусство. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ финикійскихъ памятниковъ этого рода есть даже просто саркофагъ египетской работы. Мы разумѣемъ большой базальтовый саркофагъ Сидонскаго царя Эшимуназара, сына царя Табнита, эпоха жизни котораго не извѣстна. Онъ былъ открытъ въ 1855 году кладочскателями на востокъ отъ нынѣшняго города Салда, въ некрополѣ древняго Сидона. Крыша этого памятника, нѣсколько ниже головы, украшена надписью на финикійскомъ языкѣ, состоящею изъ 22 строкъ. Это была первая финикійская надпись, открытая на почвѣ самой Финиціи; всѣ до тѣхъ поръ открытыя финикійскіе письменные памятники принадлежали ея колоніямъ. Вскорѣ этотъ знаменитый и любопытный палеографическій памятникъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій (*Schlottmann, Die Inschrift Eschmunajars Königs der Sidonia, geschichtlich und sprachlich erklärt. Halle, 1868*). Лицо царя, произносящаго грозныя слова, которыя содержатся въ надписи, въ волосальныхъ размѣрахъ изображено на врышѣ саркофага, но одинъ взглядъ на него указываетъ, что мы имѣемъ передъ собою не портретъ финикійскаго царя, а условный типъ совершенно чуждой Финикійцамъ расы. Голова отличается необыкновенно

широкий, форманы: глаза сильно вытуканы, уши огромны; раз-
мѣры, носъ, тупой и губы полны. Бродячий парикъ покрываетъ
голову, а въ подбородку привязана та странная египетская искус-
ственная борода, которая гдѣ-нибудь свѣрбывается на египетскихъ
памятникахъ, гдѣ служитъ для различенія боговъ и умершихъ ца-
рей отъ простыхъ смертныхъ. Прудъ украшена великакакою ковче-
гой. Ясно, что вышеописанная черта лица принадлежитъ азіатской
расѣ, а не финикійской расѣ. Уже первый владѣтель этого сарко-
фага, пришедшій сюда въ даръ Дурскому музею, французскій герцогъ де
Льянкъ, сравнивая его съ подобными же памятниками членовъ се-
мейства фараона Амазиза, по формѣ и стилю полагалъ, что сарко-
фагъ Эшмуназара относится къ VI вѣку до Р. X. Но новѣйшіе из-
слѣдователи надгробной надписи этого царя приписываютъ саркофагу
еще болѣе позднее происхожденіе и относятъ его именно къ той
эпохѣ, когда національные погребальные обычаи Финикіянъ начали
приводить въ забвеніе и смѣшиваться съ чужеземными. Весьма даже
вѣроятно, что саркофагъ, въ готовомъ видѣ, еще при жизни царя
былъ привезенъ въ Финицію изъ Египта. Несомнѣнно только то, что
драгоценная надпись высѣчена въ самой Финиціи, и это доказы-
вается дѣйствительствомъ, что она вовсе не отличается тою
чистотой и отчетливостью рѣзбы, которая характеризуетъ египет-
скіе иероглифы. Г. де-Монперье еще не издалъ саркофага царя Эшму-
назара, но вѣроятно, и онъ войдетъ въ рассматриваемое нами изда-
ніе. За то онъ сообщаетъ три финикійскіе саркофага, которые ука-
зываютъ въ виду установленной выше описанной формы египетской
муміи для финикійскихъ саркофаговъ, совершенно иннаго вліянія. Сар-
кофагъ, изображенный на табл. XVII, подъ № 1, и открытый въ не-
крополѣ Сидона, представляя общія очертанія человеческого тѣла,
къ сожалѣнію, очень дощерченъ, потому что у него недостаетъ го-
ловы. Усопшій изображенъ облеченнымъ въ тунику съ короткими ру-
кавами. Въ правой рукѣ онъ держитъ алабастрину или вазу для воз-
дѣлія. Г. де-Монперье по стилю сравниваетъ его съ ассирійскими
наваціями эпохи Сарданшала III (X-й вѣкъ до Р. X.). На еги-
петскихъ саркофагахъ, усопшаго начинаютъ представлять съ руками
уже въ эпоху XIX династіи (XVI столѣтіе до Р. X.). Ясно, что египет-
скій обычай древнѣе ассирійскаго. Если ассирійское искусство за де-
сять столѣтій до Р. X. имѣло вліяніе на финикійское искусство, то
въ настоящемъ случаѣ это вліяніе обнаружилось только въ скульп-
турномъ стилѣ, а не въ погребальныхъ обрядахъ, потому что форма

саркофага чисто египетская. Саркофагъ подъ № 2-мъ на той же таблицѣ изображаетъ женщину, голова которой увѣнчана тройнымъ рядомъ мелкихъ бузлей, какъ на греческихъ скульптурахъ іератическаго стиля. Волоса этой женской фигуры были гдѣ-то росписаны, но краски, подъ вліяніемъ измѣненной температуры подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ, постепенно исчезаютъ. Саркофагъ былъ открытъ на небольшомъ островѣ Руадѣ (древній Арадъ). Третій саркофагъ (№ 3 на той же табл.) изображаетъ взрослого мужчину съ бородой. Его волосы вьются мелкими локонами. Тирь двухъ послѣднихъ фигуръ чисто греческій, и нѣтъ сомнѣнія, что оба саркофага возникли въ эпоху начинающагося преобладанія греческаго искусства въ Финикіи.

V.

До послѣднихъ лѣтъ памятники іудейскаго искусства въ европейскихъ музеяхъ состояли исключительно изъ монетъ, которыхъ древнѣйшіе образцы восходили ко временамъ Маккавеевъ. Строгіе законы монополизма не дозволяли Іудеямъ дать обширное развитіе вапню и живописи. Даже въ дѣлѣ архитектуры, самаго практическаго изъ всѣхъ пластическихъ искусствъ, когда наступила эпоха высшаго процвѣтанія Іудейскаго царства, у этого пастушескаго народа не оказалось художниковъ, которые были бы въ состояніи монументальными постройками выразить его новое величіе. Во времена Саломона Израильтяне принуждены были прибѣгнуть къ помощи явчествующихъ чужестранцевъ, своихъ сосѣдей Финикійцевъ, для возведенія и украшенія главнаго храма въ Іерусалимѣ. Финикійскіе художники, призванные великимъ царемъ, безъ всякаго сомнѣнія, приходили туда съ своими художественными обычаями и преданіями. Воспитанные подъ вліяніемъ ассирійскаго искусства, что доказывается не только географическимъ положеніемъ Финикіи, но и узамъ расы и языка, связавшими эти два народа, финикійскіе художники перенесли въ Іудею всю ассирійско-финикійскую орнаментацию. Только, по видимому, въ болѣе позднее время, въ этой сферѣ искусства у Іудеевъ является большая самостоятельность, что доказываютъ и новооткрытые памятники.

Открытіемъ этихъ памятниковъ мы обязаны ещательному изслѣдованію Палестины, производимому въ новѣйшее время. Честь этого изслѣдованія принадлежитъ съ одной стороны Англіи, съ другой — Франціи. Обѣ страны обратили вниманіе не только на изслѣдованіе топографіи Палестины, столь превосходно обслѣдованной тру-

даме Робинсона, Тоблера и многих английских путешественников, но и на открытiи памятниковъ юдейскаго искусства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англiи образовалось общество, подъ названiемъ: Palestine Exploration Fund, состоящее подъ покровительствомъ королевы Викторiи, которое изслѣдуетъ преимущественно мѣстность Иерусалима и его архитектурныя памятники. Длинный рядъ отчетовъ этого общества, издаваемыхъ съ планами и рисунками, въ которыхъ излагаются раскопки лейтенанта Уаррена, главнаго дѣятеля общества въ Иерусалимѣ, содержитъ въ себѣ драгоценный материалъ для будущей археологiи этой страны. Сверхъ того, общество начало составлять музей мелкихъ древностей, открытыхъ при этихъ раскопкахъ. Во Францiи на памятники искусства Палестины обратиле особенное вниманiе гр. де-Соси (de-Saulcy), графъ де-Вожюэ и Викторъ Геренъ. Путешествiямъ первого изъ нихъ мы преимущественно обязаны тѣми памятниками юдейскаго искусства, которые нынѣ обогащаютъ Луврскiй музей.

Система орнаментацiи юдейскихъ саркофаговъ, самыхъ замѣчательныхъ изъ всѣхъ новооткрытыхъ произведенiй искусства этого народа, отличается чисто національнымъ характеромъ, и примомъ болѣе оригинальнымъ, чѣмъ орнаменты Иерусалимскаго храма времени Соломона. На нихъ ужъ не встрѣчается изображенiй одушевленныхъ существъ символическаго характера, сильно напоминающихъ азиатское искусство. Напротивъ того, вся орнаментацiя заимствована изъ растительнаго царства самой Палестины. Этотъ болѣе оригинальный характеръ объясняется изъ дальнѣйшаго развитiя Юдейскаго царства. Окончивъ храмъ, финикiйскiе художники, вѣроятно, возвратились на родину, а еврейскiе художники, ими воспитанные, познакомились у нихъ съ техникой искусства, не позволяли себѣ однако отступленiй, не согласныхъ съ законами Моисея. Эту перемену находимъ мы на саркофагахъ позднѣйшаго времени, изображенныхъ въ табл. XXX и XXXI. Орнаментацiя этихъ мраморныхъ ящичковъ, открытыхъ г. де-Соси въ Кобуръ-эль-Молухъ („Гробницъ Царей“), близъ Иерусалима, состоитъ изъ лавровъ, виноградныхъ гроздiй, гириандъ, гранатныхъ ябловъ, лилiй и т. д., иногда весьма роскошно разсѣпанныхъ по всей поверхности. Правда, тутъ встрѣчаются и воспоминанiя, наслѣдованныя отъ финикiйскихъ учителей: таковы розетки — деталь ассирiйскiй, безпрерывно встрѣчающiйся на памятникахъ этого народа, который Финикiяне перенесли на свои надгробныя стѣны, находимыя въ финикiйскихъ колонiяхъ, и даже на алтаряхъ острова Родосъ.

этой орнаментации и некоторые типы встречаются даже на иудейских монетахъ. Приписывать иудейскимъ саркофагамъ Луврскаго музея слишкомъ большую древность не слѣдуетъ. Де-Соси предполагаетъ, что самый богатый изъ нихъ по скульптурнымъ украшеніямъ принадлежалъ царю Давиду, но это мнѣніе давно опровергнуто г. де-Лонперье (см. Notice des antiquités assyriennes, babyloniennes, perses, hébraïques, exposées dans les Galeries du Musée du Louvre, 3-me édition, Paris, 1854, стр. 132). Самъ г. де-Лонперье думаетъ, что древнѣшніе изъ саркофаговъ могутъ быть возведени лишь въ VIII вѣку до Р. X. Замѣнительно, что на одномъ изъ нихъ (табл. XXXI, № 4) находится двѣ надписи, изъ которыхъ первая начертана буквами, очень схожими съ буквами древнѣшнихъ сирійскихъ руникозъ, а другая — древними еврейскими. Первая гласитъ: *Царица Заранъ или Зоданъ*, а вторая: *Царица Зара или Задакъ*. Неизвестно изъ этихъ начертаній опредѣленіе времени жизни этого лица, при настоящемъ положеніи иудейской палеографіи, рѣшительно не возможно. Стоитъ только вспомнить горячіе споры объ этомъ предметѣ, происходившіе между гг. де-Соси и графомъ де-Волле, чтобы убѣдиться, какъ непримиримы взгляды обоихъ французскихъ ученыхъ. При настоящемъ состояніи азіатской археологіи также неразрѣшимъ и вопросъ о времени исполненія фасада Кобуръ-эль-Молуха, гдѣ были найдены упомянутые выше саркофаги.

Къ памятникамъ финкійско-иудейскаго искусства слѣдуетъ причислить и весьма рѣдкое произведеніе искусства, изображенное на табл. XXVIII. Это рельефъ, принадлежащій малознаемому искусству сосѣднаго съ Иудеями племени Моавитянъ. Этотъ народъ жилъ на восточной сторонѣ рѣки Иордана и Мертваго моря. Страна Моавитянъ большею частію была гориста, но имѣла плодородныя долины. Главный городъ назывался Раббатъ-Моавъ (Ареополисъ у Римлянъ). Религія Моавитянъ состояла изъ культа природы, имѣвшаго чувственный характеръ. Столкновенія этого народа съ Иудеями извѣстны изъ Библии. Письменность и искусство Моавитянъ оставались не извѣстными до настоящаго времени. Недавнее неожиданное открытіе замѣчательной моавитской надписи царя Мези познакомило ученый міръ съ палеографическимъ памятникомъ глубокой древности, далеко превосходящей всѣ иудейскіе письменные памятники. Въ Дибанъ (древній Дибонъ), на восточной сторонѣ Мертваго моря, въ началѣ 1870 года былъ открытъ большой базальтовый камень, съ надписью, состоящею изъ 34 строкъ; въ сокальнѣю, камень былъ разбитъ въ куски при спорѣ мѣст-

никъ митлей-бедуиновъ о правѣ владѣнія имъ. Надпись относится до временамъ Мена, царя Моавитавъ, жившаго въ 826 году до Р. X. (*La stèle de Mesa, roi de Moab. Lettre à M. le Comte de Vogüé par Ch. Clermont-Ganneau. Paris, 1870. Его же, La stèle de Dhiban въ Revue archéologique, 1870, Mai, стр. 184*). Этотъ памятникъ необыкновенно важенъ для исторіи и религіи этого народа, и многіе европейскіе ориенталисты посвятили свои труды его объясненію (см. профессора Хольсона, Новооткрытый памятникъ моавитскаго царя Мени, современника іудейскаго царя Иосафата. С.-Петербургъ, 1870 года). Съ другой стороны, всѣ древности этого народа въ Луврскомъ музеѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, состояли изъ четырехъ номеровъ. То были: архитектурный фрагментъ, ассирійскаго характера, открытый въ развалинахъ Раббатъ-Моава, столицы государства, и три фрагмента вазъ, найденныхъ въ двухъ мѣстностяхъ на востокъ отъ Мертваго моря. Эти фрагменты чрезвычайно важны для исторіи искусства, потому что въ техническомъ отношеніи они принадлежатъ глубокой древности, а по краскамъ и системѣ орнаментации близко подходятъ къ вазамъ, которыхъ фрагменты встрѣчаются въ Микенахъ. Этими фрагментами уже Рауль-Ронеттъ приписывалъ ассирійско-финикійское происхожденіе. Нынѣ въ этихъ остаткахъ моавитскаго искусства присоединяется весьма замѣчательный барельефъ, изображенный на табл. XXVIII. Онъ былъ открытъ въ 1851 году де-Соси между Медаба и Шаханомъ, въ мѣстности, называемой Реджомъ-эль-Аабдъ, на востокъ отъ Мертваго моря. Огромная цѣна, запрошенная Арабами, не позволила ему приобрести рельефъ, и французскій ученный долженъ былъ удовольствоваться снятіемъ съ него рисунка. Но герцогъ де-Люинъ приобрѣлъ его и принесъ въ даръ Луврскому музею. Барельефъ, исполненный изъ чернаго базальта и имѣющій въ вышину болѣе метра, въ настоящее время, къ сожалѣнію, представляетъ только фрагментъ. На немъ изображена мужская фигура, вѣроятно, царя, съ шлемомъ на головѣ, описаннаго египетскимъ шенти. Мы видимъ, что эта одежда была усвоена Финикіянами, и въ ней изображенъ царь, котораго статуя была найдена въ Сарфендѣ. Обѣими руками царь держитъ копьё, котораго остріе обращено къ землѣ: онъ, кажется, поражаетъ врага, распростертаго у его ногъ. За плечами царя виситъ лукъ, и съ боку находится животное, котораго формы трудно распознать. Стиль этого произведенія напоминаетъ ассирійскіе рельефы, только онъ гораздо грубѣе, а самый матеріалъ долженъ былъ затруднять техническое исполненіе. Эпоху рельефа

не возможно опредѣлить, потому что до сихъ поръ это единственное образчикъ ваянія Моавитянъ. Не смотря на то, г. де-Донперье полагаетъ, что по времени его слѣдуетъ отнести къ XIV в. до Р. X. Во всякомъ случаѣ мы видимъ на немъ изображеніе типа народа, который доселѣ оставался неизвѣстнымъ. Сверхъ того, онъ служитъ новымъ доказательствомъ, какъ далеко простиралось вліяніе ассирийскаго искусства.

VI.

Переходя изъ Азіи въ Европу, на Средиземномъ морѣ мы встрѣчаемъ рядъ острововъ, которые, благодаря новѣйшимъ археологическимъ открытіямъ, начинаютъ играть большую роль въ исторіи греческаго искусства. Они служили передаточными пунктами, черезъ посредство которыхъ азіатскія религіозныя представленія и художественныя типы и преданія переходили изъ Передней Азіи въ Грецію. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ островъ Кипръ, самый близкій къ берегамъ Финикіи. Древнѣйшими его обитателями былъ народъ Киттимъ, по имени котораго назывался древнѣйшій городъ на югѣ острова Киттій (Citium). Уже въ древнѣйшія времена Финикійяне совершали свои плаванія по Средиземному морю и основывали на островахъ его свои поселенія. По естественному своему положенію и природнымъ богатствамъ, Кипръ соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы сдѣлаться одною изъ главныхъ эмпорій для финикійской торговли. По древнимъ свидѣтельствамъ, Финикійяне, вѣроятно, еще до времени Моисея, имѣли здѣсь свои поселенія. Но не одни Финикійяне селились здѣсь: сюда приходили и сродственные имъ семитическія племена, Аввитане и Аскалонійцы; они и перенесли на Кипръ и на островъ Кіоеру, лежащій на югъ отъ Лаконіи, культъ Афродиты-Ураніи, богини, которой знаменитый храмъ находился въ „старомъ Паеосѣ“, на островѣ Кипрѣ, въ то время, какъ въ Киттій поклонялись финикійскому Ваалу. Во времена Соломона и Тирскаго царя Хирама переселенцы владѣли на Кипрѣ уже нѣсколькими городами и были подвластны Тирійцамъ до временъ Александра Великаго. Позднѣе на островѣ Кипрѣ поселились Греки, но выбрали для своихъ жилищъ совершенно инныя мѣста. Именно, въ то время, какъ важнѣйшіе города на южной части острова, Киттій, Амаеонтъ (то-есть, Хаматъ) и Паеосъ, были основаны Финикійянами, Греки основали свои главнѣйшія поселенія на сѣверной, сѣверо-восточной и западной частяхъ острова. Изъ своей родины Греки перенесли сюда

свои государственныя учрежденія, религію и искусство, хотя во всѣхъ поименованныхъ сферахъ на Кипрѣ выработались свои особенности. Тамъ, города имѣли своихъ царей, которыхъ монеты съ кипрійскими надписями дошли до насъ (*Borrell, Notice sur quelques médailles grecques des rois de Chypre. Paris, 1836. — Le Duc de Ligny, Numismatique et inscriptions cypristes. Paris, 1852*). Множество завоевателей появлялось на этомъ цвѣтущемъ островѣ, которые временно покоряли его себѣ. Такъ Ассиріане, Египтяне, Персы и Македоняне попеременно владѣли имъ. Но при всѣхъ этихъ властителяхъ, жители Кипра, оставаясь данниками, сохраняли отчасти свои независимыя учрежденія, пока ивоблававшій деньгами островъ не былъ поглощенъ користолюбивымъ Римомъ.

Всѣ эти историческіе факты, засвидѣтельствованные письменными намотниками, краснорѣчиво подтверждаются новѣйшими археологическими изслѣдованіями, весьма рѣвностно производимыми на островѣ Кипрѣ. Древніе завоеватели дѣйствовали не только разрушительно, но и созидательно: они имѣли обычай оставлять по себѣ намотники искусства, которые въ свою очередь оставались не безъ вліянія на побѣжденныхъ. Поэтому не удивительно, если на островѣ Кипрѣ были найдены не только намотники чисто-ассирійскаго искусства, но и туземные, возникшіе подъ вліяніемъ этого стиля. Къ числу первыхъ принадлежитъ большая стела ассирійскаго царя Саргона, съ его изображеніемъ и большою клинообразною надписью въ 139 строкъ, найденная въ городѣ Ларнакѣ (древній Китій?) и нынѣ находящаяся въ Берлинскомъ музеѣ. Этотъ обычай египетскихъ и ассирійскихъ завоевателей воздвигать свои изображения въ покоренныхъ ими странахъ свидѣлствуется также извѣстными стелами въ Наръ-эль-Кельбѣ; и кипрское изображение царя Саргона исполнено въ чисто-ассирійскомъ стилѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, рѣзцомъ ассирійскаго ваятеля. Въ томъ же мѣстѣ были найдены двѣ позолоченныя серебряныя чаши, случайно спасенныя отъ тигела французскимъ консуломъ въ Ларнакѣ (табл. X и XI). Чаши въ высшей степени замѣчательны по изображеніямъ, выгравированнымъ на внутренней ихъ сторонѣ. На первой изъ нихъ въ одной концентрической полосѣ представлена царская охота, а въ другой — сраженія съ грифонами и львами. Срединна внутренней стороны первой чаши покрыта орнаментами. Рассматривая эти изображенія, поражаешься смѣшеніемъ различныхъ вліяній, которыя обнаруживаются на этихъ произведеніяхъ. Въ то время, какъ всѣ фигуры людей, кромя царя, по костюму и типу — египет-

еинъ, царь, фантастическая четырехрукая фигура, поражающая льва, и всею орнаментация памятника — чисто-ассирийскія. На второй чашѣ, внутри позолоченной и украшенной рельефами, въ центральномъ медаліонѣ изображенъ царь, схватившій за чубъ представителя нѣсколькихъ покоренныхъ имъ народовъ и поражающій ихъ палицей. Медаліонъ окруженъ двумя фризами, изъ которыхъ въ первомъ представлены крылатые ефинки, съ головами то львицы, то медведя, повергши на землю человеческую фигуру, а во второмъ — Гераклъ, поражающій льва, онъ же, несущій льва на плечахъ, и неизвѣстный юноша, несущій мечемъ ударъ крылатому грифону или льву. Эти фигуры, съ разными вариациями, повторяны нѣсколько разъ во фризахъ. Въ этой чашѣ, какъ въ восточныхъ, такъ и въ тѣхъ, преобладаетъ египетское вліяніе, и только фигура Геракла и борящагося съ нимъ льва — чисто-ассирийскія. Форма обѣихъ чашъ совершенно тождественна съ формою тѣхъ чашъ, которыя мы встрѣчаемъ на Ниневійскихъ рельефахъ въ рукахъ ассирийскаго царя, когда царь, возвратясь съ охоты во дворецъ, подноситъ въ своимъ устахъ чашу съ виномъ (*Layard, The monuments of Nineveh, I, табл. 5, 12, 53*). Деардъ, въ развалинахъ ассирийскаго дворца въ Нимрудѣ, открылъ болѣе двадцати бронзовыхъ чашъ, совершенно тождественныхъ съ кипрскими по формѣ и даже отчасти по сюжетамъ. Но не смотря на преобладаніе египетскаго вліянія въ этихъ произведеніяхъ, имъ не слѣдуетъ приписывать ни чисто-египетскаго или ассирийскаго происхожденія, ни слишкомъ глубокой древности. Правда, медаліонъ второй чаши совершенно походитъ на египетскіе рельефы пятой и шестой династій, и еще болѣе на рельефы восемнадцатой и девятнадцатой. Вліянію этихъ послѣднихъ династій на Ассирію слѣдуетъ именно приписать тотъ фактъ, что египетскій типъ побѣдоноснаго царя, торжествующаго надъ врагами, перешелъ цѣликомъ къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Египетскіе фараоны XVIII и XIX-й династій, часто нападавъ на обитателей Месопотаміи, вѣроятно, оставили по себѣ высокое мнѣніе на берегахъ Тигра и Евфрата, такъ что цари ассирийскіе заимствовали у своихъ прозвѣныхъ сосѣдей художественный типъ, столь энергически выражающій побѣду (*A. de Longpérier, Notice, р. 118*). Г. де-Донперье полагаетъ, что эти чаши — ассирийской работы (тамъ же, стр. 119); мы же, съ своей стороны, осмѣливаемся думать, что онѣ, подъ двойнымъ вліяніемъ Египта и Ассиріи, изготовлены, вѣроятнѣе всего, финиційскими художниками. Торговые люди изъ этого народа перевозили подобныя вещи въ Малую Азію, на

острова Средиземного моря; въ Греціи и даже въ отдаленную Ита-
лію. Но Финніане именно изготовляли произведенія этого рода, два-
дцатое, не только тяжествомъ стѣны этихъ чашъ со стѣлею чисте-
финнѣйскихъ произведеній (Lamy, Siegel und Gemmen mit archai-
scher, phönicischer etc. Inschriften, Breslau, 1869), но и славою, кото-
рую дольше всѣхъ Сидонскіе золотыхъ дѣла мастера во времена Го-
мера. Ахиллесъ, въ видѣ приза, предложилъ большую серебряную
вазу на шракахъ въ честь Патрокла; Гомеръ говоритъ, что эта ваза,
по красотѣ своей превосходящая все на землѣ, была произведеніемъ
этихъ въ искусствѣ Сидонянъ, и что Фивціане привезли его по
темнымъ волнамъ морскимъ, выставили на продажу въ гавани и на-
конецъ подарили Тоасу, сыну Язона, брату Эвлея (Иліада, XXIII,
740—745). Но гдѣ бы ни были изготовлены рассматриваемыхъ нами
чашъ, на нихъ лежитъ ясная печать ихъ азіатскаго, а не египетскаго
происхожденія. Доказательствомъ тому, кромѣ формы сосудовъ и стѣны
ихъ орнаментаціи, служатъ преимущественно объекты фризъ, ко-
торые изображаютъ битвы божественныхъ и царственныхъ фигуръ
со львами, передніе изъ ассирійскаго искусства въ древне-восточ-
ное. Фривъ первой чаши, изображающій дарскую охоту, мы встрѣ-
чаемъ повтореннымъ на одной изъ серебряныхъ и позолоченныхъ
чашъ, открытых въ гробницахъ этрусскаго города Церра (Sagra или
Agylla). Уже Рауль-Фонеттъ приписывалъ послѣднимъ сосудамъ азіат-
ское происхожденіе. Онъ видѣлъ въ этихъ произведеніяхъ, откры-
тыхъ на почвѣ Італіи, вліяніе ассирійскаго искусства, и его пред-
положеніе блестятельно подтверждается нынѣ вырванными находками.
Но это вліяніе ассирійскихъ художественныхъ образцовъ столь же ра-
змѣрительнымъ образомъ отражается и на памятникахъ древне-грече-
скаго искусства. На многихъ сосудахъ, открытых г. Лардомъ въ
Цимрудѣ, изображены полосами длинныя ряды или процессіи живот-
ныхъ, каковы львы, сфинксы, быки, степные бараны и т. д. Эту
ассирійскую систему орнаментаціи сосудовъ усвоили себѣ древнѣйшіе
греческіе живописцы, потому что греческія вазы такъ называемаго
финнѣйскаго, а по другимъ—египетскаго стѣла, находимыя на остро-
вахъ Греціи и въ Коринѣ и тамъ изготовленныя, состоятъ именно
изъ такихъ полосъ съ изображеніями шествующихъ животныхъ. Древ-
нѣйшія этрусскія фабрики вазъ воспроизводили тѣ же образцы. Въ
греческихъ вазонахъ, Сициліи эта система украшенія господствовала
долгое время, и даже была перенесена на вышитыя одежды, что сви-
дѣтельствуешь Аристотель. Вотъ какимъ образомъ Финніане, какъ

своими, такъ и чужеземными образцами, сдѣлались посредниками между искусствомъ древняго Востока и Греціи. Торговыми сношеніями, которыя они поддерживали между островами Средиземнаго моря, Греціей и Италіей, служили для воспитанія и распространенія художественнаго вкуса между полудикими Эллинами. Школы кипрскихъ, родосскихъ, критскихъ, коринтскихъ и сицилійскихъ художниковъ чрезъ нихъ посредствомъ получали образцы, созданныя ассирійскимъ искусствомъ, уже стоявшимъ на высокой степени развитія въ ту эпоху, когда Римъ едва начиналъ свое существованіе. Вотъ почему въ произведеніяхъ древне-греческаго и италійскаго искусства встрѣчаются типы и символы, совершенно чуждые афинской и италійскимъ народностямъ (тамъ же, стр. 120).

Весьма важнымъ матеріаломъ для разъясненія вопроса о происхожденіи и составныхъ элементахъ финикійскаго искусства служатъ двѣ капители, изображенныя на табл. XXXIII. Одна изъ нихъ была открыта въ Агіево (древній Гольга, *oi Golyoi*); другая—недалеко отъ развалинъ Саламина. Они доказываютъ, что тамъ-называемый іонійскій капитель (у Грековъ) имѣетъ восточное происхожденіе. Оба капителя украшены изображеніемъ диска солнца, надъ которымъ находится полумѣсяцъ. О значеніи этого символа мы уже упомянули выше. Ассирійское его происхожденіе есть новое свидѣтельство, что финикійскіе переселенцы на островъ Кипръ перенесли съ собою изъ своей родины и символы туземной религіи.

Болѣе позднему времени принадлежитъ колоссальная чаша изъ известняка, привезенная въ Луврскій музей съ развалинъ древняго города Амаонта (*Амадокс*). Это была весьма древняя финикійская колонія, основанная на южномъ берегу острова Кипра, которая преимущественно прославилась знаменитымъ храмомъ Афродиты, почитавшей здѣсь вмѣстѣ съ Адонисомъ. Вѣроятно, недалеко отъ этого храма, находились, на возвышенной мѣстности, двѣ громадныя чаши, назначенныя для омовеній лицамъ, входившимъ въ святилище. Испорченное состояніе самой большой изъ двухъ чашъ побудило французское правительство оставить ее на первоначальномъ мѣстѣ, а вторую, нами разсматриваемую, перевезли въ Луврскій музей. Чаша—весьма простой формы, украшена четырьмя не просверленными ручками, посреди которыхъ въ рельефѣ изображенъ спокойно стоящій быкъ. Когда въ 1806 году извѣстный путешественникъ и ренегатъ Али-Бей посѣтилъ Кипръ, то онъ замѣтилъ, что чаша стояла на своемъ первоначальномъ мѣстѣ правильно ориентированная: ручки по положенію

своему соотвѣтствовали четыремъ странамъ свѣта. Размѣры и тяжесть массы этого сосуда не позволяли передвигать его съ мѣста на мѣсто. Правильная ориентація быковъ, изображенныхъ на ручкахъ кипрской чаши, представляетъ поразительную аналогію съ ориентаціей быковъ, которые украшали *мѣдное море* Иерусалимскаго храма. Эта аналогія станетъ намъ совершенно ясна, если мы вспомнимъ, что Иерусалимскій и кипрскій памятники, не смотря на все различіе въ величинѣ, были созданы подъ вліяніемъ финиійскаго искусства. Оба сосуда имѣли одинаковое назначеніе: они служили для вмѣщенія воды для омовеній. Что касается до времени изготовленія кипрской чаши, то она цѣлыми столѣтіями моложе иерусалимскаго памятника. Изображенія быковъ на ручкахъ очень схожи по стилю съ изображеніями этого животнаго, встрѣчаемыми на прекрасныхъ кипрскихъ монетахъ, относящихся къ 500 году до Р. Х., которыя герцогъ де-Льювнъ приписываетъ городу Саламину.

Въ новѣйшее время островъ Кипръ въ нѣдрахъ своихъ открылъ для насъ неожиданнаго художественнаго сокровища, которыя не только обогащаютъ всѣ европейскіе музеи, но и сообщаютъ наукѣ древностей новыя и весьма важныя факты. Въ 1868 году, американскій консулъ на Кипрѣ, генералъ Л. П. Чеснола, произвелъ раскопки, которыя привели къ весьма любопытнымъ результатамъ. Уже въ одной изъ прежнихъ поѣздокъ своихъ по острову, онъ собралъ значительную коллекцію древностей всякаго рода, случайно открытыхъ мѣстными жителями. Въ 1868 году онъ во второй разъ объѣхалъ Кипръ и въ развалинахъ древняго Идаліона (нынѣ деревня Дали), къ сѣверо-западу отъ города Ларнака, открылъ два некрополя: финиійскій и греческій. Оба доставили необычайное количество предметовъ. Финиійскихъ гробницъ, находившихся на глубинѣ 17-и футовъ отъ поверхности земли, было отрыто болѣе 300. Въ нихъ найдены статуэтки изъ известняка, terra-cotta, бронзы, лампы, оружіе и много другихъ вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли до 3-хъ футовъ высоты. Напротивъ того, греческія гробницы лежали иногда менѣе трехъ футовъ глубины, и отчасти надъ финиійскими, такъ что по гробницамъ можно судить о народонаселеніи, обитавшемъ попеременно на островѣ. Въ греческихъ гробницахъ находились вазы изящныхъ формъ, надгробныя камни съ греческими надписями древней орографии, громадныя саркофаги, небольшіе сосуды изъ алебаstra и стекла, лампы съ рельефами, отчасти римскихъ временъ, серьги, рѣзные камни, кольца и разныя драгоценности. Рядъ статуэтокъ изъ известняка и собра-

не только эти terra-cotta были найдены въ развалинахъ Китіа, Паесса, Гольга и преимущественно Идалиона. По новѣйшимъ вѣстіямъ, въ Гольгахъ произведены были раскопки храма Афродиты, при чемъ оказалось, что въ фундаментѣ греческаго сооруженія открыты были финикійскія изваянія, послужившія строительнымъ матеріаломъ греческимъ мастерамъ. Все собраніе г. де-Чеснода содержало въ себѣ до 3.000 предметовъ, но въ настоящее время оно болѣею частью перешло въ разные европейскіе музеи. Самые замѣчательные предметы были приобретены музеями Берлинскимъ и Британскимъ и Вѣнскимъ музеемъ промышленности и искусства. Начальство этихъ учреждений для выбора лучшихъ произведеній изъ коллекціи г. де-Чеснода послало на островъ Кипръ особыхъ агентовъ-спеціалистовъ, и въ числѣ ихъ извѣстнаго археолога, Берлинскаго профессора Фридриха. Другія произведенія искусства, открытыя на островѣ Кипрѣ, были проданы съ аукціоннаго торга въ Парижѣ, въ маѣ 1870 года. Весьма любопытное описаніе всѣхъ новѣйшихъ археологическихъ открытій на этой мѣстности было начато въ журналѣ: *Revue archéologique, Janvier 1870*, стр. 23. (*Découvertes de Chypre, par M. Georges Colonna Ceccaldi*): къ сожалѣнію, эта монографія осталась неоконченною.

VII.

Другимъ значительнымъ мѣстомъ, въ которомъ были найдены памятники финикійскаго и древне-греческаго искусства, является въ новѣйшее время островъ Родосъ. Онъ уже давно обращалъ на себя вниманіе нѣмецкихъ путешественниковъ-археологовъ. Правильныя систематическія раскопки впервые производилъ на немъ, въ пятидесятныхъ годахъ настоящаго столѣтія, г. Огюстъ Зальцманнъ (см. статью *Samuilla Bircha* въ *Archaeologische Zeitung; Archeologischer Anzeiger 1860*, стр. 70—73; *Saltmann* въ *Revue archéologique, Novembre 1861*). Онъ изслѣдовалъ некрополь древняго города Камира, котораго первыми обитателями, до вторженія Дорянъ, были Финикійцы. Древнѣйшія изъ открытыхъ г. Зальцманномъ гробницъ содержали въ себѣ чисто-финикійскія вещи. Это были произведенія финикійскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, серебряныя чаши, по стилю совершенно тождественныя съ вышеупомянутыми чашами, найденными на островѣ Кипрѣ и въ этрусскомъ городѣ Цере, и наконецъ, вазы, совершенно схожія съ произведеніями этого рода, находимыми на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага. Рядомъ съ этими древнѣйшими гробницами находилась дру-

гид. большею частью, но происшедшию, содержащими въ себѣ предметы, въ которыхъ еще видно было отраженіе азіатскому искусству, но въ которыхъ въ то же время болѣе явственно начала проявляться греческій вкусъ. Въ нихъ были найдены вазы азиатско-дорическаго стиля, почти тождественныя съ вазами, находимыми въ Коринѣ. Такимъ образомъ, раскопки г. Зальманиа вполне подтверждаютъ два факта, сообщаемые родосскими историками, приводимыми Атексомъ, а именно: возвращеніе, присутствіе финиціанъ на островѣ Родосѣ въ очень древнюю эпоху, и въ которыхъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Родоса, напримѣръ, въ Камирѣ до самыхъ временъ имперіи. Единственное. Всѣ эти результаты своихъ розысканій г. Зальманиа намъ представляется надобно въ великолѣпномъ изданіи, которое должно было выйти въ свѣтъ при содѣйствіи бывшаго императорскаго правительства во Франціи, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оно не появлялось. Въ 1867 году г. Зальманиа вторично производилъ раскопки на той же мѣстности. Весьма краткій журналъ этихъ раскопокъ напечатанъ въ *Bulletin archéologique du musée Paris*, Paris, 1867. № 1, стр. 29.

Къ счастью, новое изданіе г. де-Лонперье знакомитъ насъ съ нѣкоторыми изъ результатовъ раскопокъ г. Зальманиа, такъ какъ нѣкоторыя изъ найденныхъ имъ вещей поступили въ Луврскій музей. Въ числѣ ихъ главное мѣсто занимаютъ расписанные глиняные сосуды. Древнѣйшія вазы на греческихъ островахъ изготовлялись финиціанскими переселенцами, которые перенесли это искусство изъ Азіи. Глина этихъ сосудовъ — цѣлкомъ блѣдая или блѣдно-желтая. Орнаментація ихъ чрезвычайно проста. Она состоитъ изъ поясовъ темно-коричневаго цвѣта, шевроновъ, завитковъ и концентрическихъ круговъ. Затѣмъ, на нихъ появляются изображенія растеній, просмыкающихся, ласъкомыхъ, птицъ, четвероногихъ и т. д. Многіе экземпляры фауны, встречаемой на древнѣйшихъ родосскихъ вазахъ, не принадлежатъ Греціи, а составляютъ исключительную собственность Востока. Все это написано простыми очертками, грубо и неловко. Многіе изъ сосудовъ по стилю суть подражанія египетскимъ и ассирийскимъ образцамъ. Таковы сосуды, изображенные на таблицахъ ХLIX, L и LI. Героглифическія надписи, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, указываютъ, что они изготовлены азіатскими подражателями. Египтянъ. Г. де-Лонперье, въ пояснительномъ текствѣ къ этимъ таблицамъ, указываетъ, какимъ именно ассирийскимъ памятникамъ подражаютъ орнаменты, встречающіеся на эмальированныхъ сосудахъ, открытых въ Камирѣ.

Еще болѣе интересъ представляютъ глиняные росписные сосуды, на которыхъ впервые появляются изображенія животныхъ; здѣсь печать азіатскаго вліянія обнаруживается весьма явственно. На плитѣ (табл. LII) изображенъ левъ, совершенно напоминающій того колоссальнаго льва, подпирающаго человѣческую фигуру, который найденъ въ Вавилонѣ (*Rawlinson, The five great empires. T. III, стр. 398*). На чашѣ, представленной на той же плитѣ, изображенъ азіатскій сфинксъ, имѣющій туловище льва, голову женщины и выгнутыя къверху крылья. Камирскій художникъ заимствовалъ это изображеніе съ финикійскихъ образцовъ, въ свою очередь заимствованныхъ его у сосѣднихъ народовъ. Плоская чаша (табл. LIII), на которой представлена Химера, совершенно согласно со словами Гомера (*Иліада, VI, 181—182*) извергающая огонь изъ трехъ головъ, есть новый примѣръ вліянія азіатскаго искусства на искусство греческихъ острововъ. Родина Химеры—вулканическія мѣстности Малой Азіи, гдѣ созданъ былъ и художественный типъ этого чудовища. Быкъ, изображенный на другой чашѣ (тамъ же) стоящимъ на греческомъ орнаментѣ, есть азіатскій символъ рѣки, перенесенный на монеты греческихъ городовъ Гелы, Сибариса, Пандосія и т. д. На монетахъ городовъ Магнезіи въ Іоніи и Антіохіи въ Каріи рѣка Меандръ была олицетворена въ видѣ быка, стоящаго на греческомъ орнаментѣ. Но поразительнымъ образомъ вліяніе Востока высказывается на двухъ амфорахъ, изданныхъ на табл. LIX. Памятники, находимые на западѣ или въ странахъ, гдѣ процвѣтала греческая цивилизація, иногда, сообразно съ азіатскими идеями, представляютъ изображенія символическихъ животныхъ, съ человѣческой головою. Напротивъ того, во всемъ греческомъ искусствѣ встрѣчается только одно символическое изображеніе, въ которомъ человѣческой фигурѣ придана голова животнаго: это — Минотавръ. Въ глазахъ Грековъ образъ человѣка имѣлъ столь возвышенное значеніе, что художникъ не могъ рѣшиться извести его до животнаго, придавая ему голову орла, шакала, слона или бегемота, какъ поступаютъ безчисленное число разъ художники Ассиріи, Египта и Індіи. Поэтому удивленіе наше возрастаетъ при видѣ вышеупомянутыхъ двухъ амфоръ, изъ которыхъ первая, открытая въ Камирѣ, работа греческаго художника, что видно по стилю живописи этой вазы. На ней изображенъ человѣкъ въ бѣгущемъ положеніи, съ головою зайца; на второй же амфорѣ—человѣкъ, колѣнопреклоненный, съ головою льва, львиными лапами и лошадинымъ хвостомъ. Значеніе этихъ символическихъ соз-

даней восточной фантазии — очень темно; но видно, что художник имѣлъ передъ собою образцы, совершенно чуждые греческимъ представлѣнiямъ. Впрочемъ, послѣдняя ваза не греческаго, но италiйскаго происхожденiя. Она найдена въ одной изъ гробницъ этрусскаго города Цере (Cære), а этрусское искусство, столь сродственное древне-греческому, вышло изъ Азiи. Орнаментацiю всѣхъ этихъ сосудовъ любопытно сравнить съ орнаментами, открытыми на памятникахъ Микенъ, одного изъ старѣйшихъ городовъ Греци.

Во всѣхъ европейскихъ музеяхъ находятся многочисленныя образцы древне-греческой керамики, на которыхъ полосами представлены различныя животныя, принадлежащiя отчасти дѣйствительному, отчасти фантастическому миру. Нынѣ происхожденiе этой орнаментацiи древне-греческихъ vazъ намъ объяснилось, благодаря открытiямъ, сдѣланнымъ г. Лелордомъ на почвѣ Ассирiи. На многихъ изъ vazъ, открытыхъ имъ въ Нимрудѣ, изображены ряды шествующихъ животныхъ, каковы львы, сфинксы, быки, степные бараны и т. д. Точно такая система орнаментацiи покрываетъ и vazы древне-греческаго стiля, открытыя въ Греци (въ Коринѣ) и въ Этрури. Превосходный образецъ этого стiля представляетъ ваза, найденная въ Камирѣ (табл. LVII). Орнаментацiя одной изъ ея полосъ — семь большихъ цвѣтковъ, перемежающихся съ цвѣточными почками — чисто ассирiйска. Этотъ мотивъ встрѣчается на одной изъ серебряныхъ чашъ Киттiа (табл. X), на навальной выстилкѣ дворца въ Куюнджикѣ (въ Ассирiи), построенномъ въ царствованiе Сардананапа V (въ VII столѣтiи до Р. X.), и на многихъ другихъ памятникахъ, исполненныхъ по азиатскимъ образцамъ. Даже сфинксы, изображенные на этой vazѣ, совершенно различны отъ египетскихъ.

Вотъ какимъ образомъ острова Греци, во времена весьма отдаленныя, когда искусство начало зарождаться въ этой странѣ, являются передъ нами посредниками между цивилизацiей Востока и материкомъ Греци. Когда многочисленныя раскопки ознакомятъ насъ съ скрытыми въ нѣдрахъ сокровищами, острова Греци займутъ свое истинное положенiе въ исторiи греческаго искусства. Тогда найдено будетъ посредствующее звено между Азiей и Европою.

VIII.

Изъ всѣхъ городовъ на материкѣ Греци Коринѣ является однимъ изъ самыхъ раннихъ центровъ художественной дѣятельности. Ему приписывали даже различныя изобрѣтенiя и техническiя усовершен-

створенія въ дѣлѣ искусства. Имена древнѣйшихъ Коринфскихъ художниковъ носятъ на себѣ чисто-ионическій характеръ. Но въ основѣ всѣхъ этихъ разказовъ именно и заключается историческая истина: Коринфъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ разсадниковъ искусства въ Греціи. Поэтому не удивительно, что и на древнѣйшихъ Коринфскихъ вазахъ мы встрѣчаемъ слѣды вліянія восточнаго искусства. Коринфскіе художники продолжаютъ раздѣлять вазы на поясы, въ которыхъ изображаютъ шестая животныя, дѣйствительныя и символическія. Таковъ сосудъ изъ собранія графа Пурталеса (табл. LXIV). Онъ замѣчательнъ не только своими размерами, но и по тому обстоятельству, что одна изъ полосъ представляетъ нововведеніе въ само процессіи, состоящихъ изъ однихъ животныхъ, въ полосахъ начинаютъ появляться подобныя же процессіи изъ человѣческихъ фигуръ. Такъ, на разсматриваемой нами вазѣ въ верхней полосѣ изображены женскій хороводъ. Это расположеніе поясами фигуръ животныхъ и людей Греція удерживала долгое время, что свидѣлствуется, какъ мы сказали выше, описаніемъ великолѣпнаго пельмоса, выстроеннаго для Аддисеена изъ Сибариса, которое сообщаетъ Аристотель. Великолѣпный образчикъ древней Коринфской живописи представляетъ ваза, изданная на табл. LXXI и LXXII. И этотъ сосудъ раздѣленъ живописцемъ на нѣсколько полосъ, изъ которыхъ главная на одной сторонѣ изображаетъ Геркулеса на пируествѣ у дара Эвритія, а на противоположной — битву гомерическихъ героевъ. Имена всѣхъ участниковъ на царскомъ лиру написаны возлѣ каждого лица старинными коринфскими буквами. Другая полоса представляетъ скачку двѣнадцати всадниковъ, ичаникъа во весь галопъ. Сосудъ украшенъ множествомъ настоящихъ и символическихъ животныхъ. Но разсматривая художественный стиль этого замѣчательнаго произведенія коринфской керамики (что доказывается древне-греческими надписями на сосудѣ), нельзя не быть пораженнымъ сходствомъ коринфскаго стиля съ этрусскимъ. Видно, что этрусскіе живописцы учились по образцамъ, привезеннымъ въ Италію изъ Коринфа. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемая ваза была найдена въ одной изъ гробницъ знаменитаго некрополя этрусскаго города Цере. Но не по однимъ чужеземнымъ образцамъ учились этрусскіе художники: ихъ учили и живописцы изъ Коринфа. Когда, по разказу Плинія (35, 16, 17—18), Кинсаль изгналъ Бакиадовъ изъ Коринфа (олимп. 29), то за Демаратомъ, отцемъ Римскаго царя Таревинія Приска, послѣдовало въ Италію нѣсколько художниковъ. Въ числѣ ихъ, по словамъ Корнелія Не-

пота, находился и коринтскій живописецъ Евфантъ. Когда нѣмецкіе критики съ большою недоумчивостію смотрятъ на разказъ Плинія относительно хронологическихъ показаній (*Brunn, Geschichte der gr. Künstler, II, стр. 302*), тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что уже древніе признавали вліяніе Коринтской школы живописи на художественное развитіе Этрусковъ. Это подтверждается памятниками чисто-этрускаго происхожденія, каковы, напримеръ, двѣ картины, писанныя на кирпичѣ и изданныя на табл. LXXXIII. Онѣ были найдены въ некрополь того жъ этрускаго города, которому мы обязаны сохраненіемъ сейчасъ упомянутой превосходной вазы. Сюжеты этихъ двухъ картинъ, не смотря на всю простоту ихъ, довольно темны, но вѣроятно, они относятся къ сценамъ, связаннымъ съ загробнымъ міромъ. По художественному стилю эти картины всего болѣе приближаются къ Коринтскимъ вазамъ, и въ особенности, къ той изъ нихъ, которую мы сейчасъ описали, хотя онѣ и принадлежатъ болѣе позднему времени.

Самый знаменитый памятникъ этрускаго искусства, составлявшій гордость музея маркиза Кампани и перешедшій съ частью его коллекціи въ Луврское собраніе, есть большой терракотовый саркофагъ, открытый въ погребальной камерѣ одного изъ вургановъ въ Черветри (то есть, Саере). На крышѣ этого саркофага изображены два супруга, возлежащіе, по этрусскому обычаю, на мягкихъ подушкахъ весьма изящно украшеннаго ложа. Оба въ половину приподнялись, и супругъ правою рукою обнимаетъ спутницу своей жизни. Это изумительное произведеніе изъ обожженной глины расписано самими яркими красками, которыя хорошо сохранились до настоящаго дня. Конструкція и орнаменты ложа явно напоминаютъ аскрійскіе образцы, а стиль всего произведенія всего больше приближается къ Коринтскому искусству VII вѣка до Р. X. Не удивительно, что Церетанскіе художники находились въ полной зависимости отъ Коринтскихъ: Демаратъ, удалясь изъ Коринта, съ своимъ семействомъ и съ сопровождавшими его художниками, поселился въ этрусскомъ городѣ Тарквиніяхъ, а Тарквиніи дѣлать не въ дальнемъ разстояніи къ сѣверу отъ Цере. Вещественные памятники подтверждаютъ показанія исторіи.

IX.

Мы классифицировали и старались, по возможности, указать на значеніе, принадлежащихъ Луврскому музею памятниковъ искусства, которые изданы г. де-Монперье. Хотя изъ 140 выпусковъ этого рос-

кошного изданія въ настоящее время вышла въ свѣтъ только небольшая часть, тѣмъ не менѣе ужъ изъ нашего обзора читатели могутъ вывести заключеніе о важности цѣлаго предпріятія. Ни одному будущему историку восточнаго и древне-греческаго искусствъ нельзя будетъ пройти это изданіе молчаніемъ. Напротивъ того, изъ него будутъ черпать полными руками. Нѣмецкіе археологи ужъ обратили на него вниманіе (*Compt. Zur Geschichte der Anfänge griechischer Kunst, Wien. 1870, стр. 13*). Впрочемъ вполне оно оцѣнится только по окончаніи своемъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, окончанія его трудно ожидать въ близкомъ будущемъ. Бѣдственное политическое положеніе Франціи и финансовое истощеніе ея, наконецъ, даже неудачное заглавіе, избранное въ эпоху блеска Наполеоновскаго правленія, не позволяютъ питать надежды, что въ скоромъ времени во Франціи снова явятся капиталы, необходимые для продолженія дорогаго изданія, посвященнаго весьма отдаленнымъ отъ современности интересамъ науки и искусства. Для ихъ дальнѣйшаго развитія нужны долгіе годы прочнаго мира. Но если изданію г. де-Лонперье и суждено остаться фрагментомъ, то значеніе этого фрагмента оттого нисколько не уменьшится, и каждый археологъ съ благодарностью отнесется къ труду скромнаго и много уважаемаго французскаго ученаго.

К. Герцъ.

Декабрь 1870 года.

ПОПРАВКИ.

Въ статью И. А. Бодуэна-де-Куртена «Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ», помѣщенную въ февральской книгѣ *Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія* за 1871 годъ, стр. 279 — 316, вырвалось нѣсколько значительныхъ опечатокъ. Здѣсь прилагаются поправки къ нимъ:

Стр. 284 строка 1 снизу слѣдуетъ зачеркнуть: говорить, Шлейхеръ,

			вмѣсто:	слѣдуетъ читать:
Стр. 293	строка 3	снизу	то же на то	на то
» 294	» 13	»	самое ничтожное	даже самое ничтожное
» 298	» 14	сверху	толпы. Впрочемъ	толпы. (Впрочемъ
» 298	» 18	»	личностями.	личностями).
» 300	» 11	снизу	историческихъ	исторически
» 309	» 19	»	научно-опредѣленныхъ (не смотря	научно-опредѣленныхъ, (не смотря

			вмѣсто:	слѣдуетъ читать:
Стр. 309	строка 18	снизу	строй), генетически упорядоченныхъ	строй) генетически упорядоченныхъ
» 311	» 3	»	Ср. попытки объяснить	Такъ между прочимъ объясняется
» 315	» 17	сверху	народа (какъ комплекса	народа, какъ комплекса
» 315	» 18	»	единицъ) и подходящихъ	единицъ, подходящихъ
» 315	» 15 — 19	сверху	опредѣленіе языка должно быть слѣдующее:	

Языкъ есть комплексъ членораздѣльныхъ и знаменательныхъ звуковъ и со-звучій, соединенныхъ въ одно цѣлое чутьемъ известнаго народа, какъ комплекса (собранія) чувствующихъ и безсознательно обобщающихъ единицъ, подходящихъ подъ ту же категорію, подъ то же видовое понятіе на основаніи общаго имъ смысла языка.

Въ замѣткѣ о «Die Volkserik der Kroaten», помѣщенной въ мартовской книжкѣ *Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія* за 1871 годъ, на стр. 91 въ строкѣ 11 сверху, вмѣсто «неослабному» слѣдуетъ читать: неоспорному.

THE HISTORY OF THE COUNTY OF MIDDLESEX

OF THE COUNTY OF MIDDLESEX, IN THE REIGN OF KING CHARLES THE FIRST, AND KING CHARLES THE SECOND, BY JOHN STUBBS, ESQ. VOL. II. PART II. THE HISTORY OF THE COUNTY OF MIDDLESEX, IN THE REIGN OF KING CHARLES THE FIRST, AND KING CHARLES THE SECOND, BY JOHN STUBBS, ESQ. VOL. II. PART II.

THE HISTORY OF THE COUNTY OF MIDDLESEX, IN THE REIGN OF KING CHARLES THE FIRST, AND KING CHARLES THE SECOND, BY JOHN STUBBS, ESQ. VOL. II. PART II.

ЗНАЧЕНІЕ СОКРАТА, КАКЪ ФИЛОСОФА-ПЕДАГОГА.

Историки Сократа смотрятъ на него большею частію какъ на философа - систематика, или догматическаго моралиста, благочестиваго противника безнравственныхъ софистовъ. Но въ чемъ заключалась положительная доктрина Сократа — вопросъ, на который ни одинъ историкъ Сократа не даетъ рѣшительнаго отвѣта, по очень простой причинѣ: ничего подобнаго у Сократа не было въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о доктринѣ Платона, о системѣ Аристотеля.

Обвиненіе Сократа на судѣ главнымъ образомъ въ „развращеніи юношества“, какъ бы мы ни смотрѣли на этотъ грустный фактъ по отношенію къ Аѳинскому демосу, устанавливаетъ единственно-вѣрную исторически и по существу дѣла точку зрѣнія на Сократа, какъ на философа - педагога. Съ этой точки зрѣнія личность и дѣятельность Сократа необъясненно полно и рельефно рисуютъ предъ потомствомъ два ученика Сократовыхъ — Платонъ и Ксенофонтъ.

Ксенофонтъ, геній по преимуществу практической, въ своихъ „Памятныхъ Запискахъ“ передаетъ со всею искренностію и полнотою тѣ бесѣды Сократа, въ которыхъ онъ затрогивалъ вопросы жизни, съ цѣлію исправленія какихъ-либо общественныхъ или частныхъ пороковъ; но при этомъ ясно говоритъ, что Сократъ имѣлъ въ виду не только *обличить* пороки и дать назиданіе, но главнымъ образомъ направлялъ свой безпощадный „эленхосъ“ къ тому, чтобы пробудить въ умахъ своихъ слушателей духъ самостоятельнаго изслѣдованія, *духъ пытливый* въ отношеніи раціональнаго опредѣленія общихъ принциповъ образованія нравственнаго характера; слѣдовательно, преслѣдовалъ задачу не догматически-морализующую, но аналитически-образовательную: интеллектуальное воспитаніе, культуру духа.

Эта главная черта фізіономіи великаго философа-педагога исключительно и художественно-типически рисуется въ „Разговорахъ“ Платона, великаго спекулятивнаго генія и самаго тонкаго діалектика.

Въ этой великолѣпной драматической картинѣ, гдѣ Протагоръ, Продикъ и Гиппій возлежатъ на ложахъ, окруженные толпою внимательныхъ учениковъ, гдѣ мы гуляемъ вдоль городскихъ стѣнъ, слушаемъ лекціи на берегахъ Иллісса, присутствуемъ на роскошныхъ пирахъ, оживленныхъ краснорѣчивыми спорами о любви¹⁾, завязывавшимися между присутствовавшими тамъ баснописцемъ Федромъ, комикомъ Аристофаномъ, трагикомъ Агаѳономъ, врачомъ Эриксимахомъ и философомъ Сократомъ,— въ этой роскошной картинѣ, какъ средоточіе всѣхъ разнообразно-прекрасныхъ и свѣтлыхъ образовъ, какъ живой выступаетъ образъ стараго философа Греціи, кумира мыслящаго Аѳинскаго юношества, ясно и рѣзко выдѣляясь съ своимъ общечеловѣческимъ и индивидуальнымъ характеромъ, свидѣтельствующимъ, что самый тонкій и глубокій аналитическій геній можетъ быть въ то же время и самымъ искуснымъ педагогомъ, и самымъ гуманнѣмъ чело-вѣкомъ, исполненнымъ искренняго сочувствія и веселаго юмора.

Такимъ образомъ фізіономія Сократа у Ксенофонта и Платона различается, какъ копія одного и того же оригинала, проходящаго сквозь призму зрѣнія двухъ по уму и характеру различныхъ авторовъ; но обѣ картины, не противорѣча одна другой, восполняются взаимно и могутъ быть соединены въ одно согласное цѣлое²⁾, какъ прекрасно пишетъ Гротъ, котораго великолѣпный во многихъ отношеніяхъ трактатъ о Сократѣ въ его „Исторіи Греціи“ служилъ намъ главнымъ пособіемъ.

На основаніи мемуаровъ Ксенофонта и діалоговъ Платона, пользуясь притомъ результатами разработки этихъ свидѣтельствъ изъ первыхъ рукъ, а также учеными трудами изслѣдователей, каковы: Целлеръ, Шлейермахеръ, Морисъ, Льюисъ, Гротъ, Д.-С. Милль, мы попытались сдѣлать очеркъ значенія Сократа, какъ философа-педагога, въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ въ первой представляемъ краткую *педагогическую характеристику* Сократа, вмѣсто общезвѣстныхъ, біографическихъ подробностей; во второй—основныя, общіе принципы Сократовой философіи—*этологи*, вмѣсто частныхъ положительныхъ теорій и мнѣній, достовѣрность принадлежности которыхъ лично Сократу не можетъ быть доказана безспорно³⁾; въ третьей—педагогическій, культурный

¹⁾ *Maurice*, Moral and Metaphysical Philosophy. *Lewis*, Исторія философіи ч. 1, стр. 267.

²⁾ *Grote*, т. VIII.

³⁾ На сколько и что изъ ученія въ Платоновомъ Сократѣ можно съ достовѣрностію принять, чтобы представить мнѣнія собственно Сократовскія, на сколько съ

духъ Сократова метода и наконецъ, въ заключительной — значеніе дидактическихъ приемовъ Сократическаго метода, выражающихъ духъ идеи рациональной современной педагогики и методики обученія.

Каждая изъ этихъ главъ представляетъ отдѣльную статью о Сократѣ (это объясняется первоначальною формою, въ которой нѣкоторыя изъ нихъ являлись), но взятыя вмѣстѣ, представляютъ, какъ можно надѣяться, до нѣкоторой степени стройное и связанное цѣлое.

Искренно сознавая нѣкоторыя слабыя стороны этого опыта въ надлежащемъ опредѣленіи значенія Сократа, мы ободряемъ себя тою мыслию, что дѣлаемъ первый починъ во взглядѣ на Сократа, какъ на философа-педагога (педагога) по преимуществу, и тою пріятною надеждою, что этотъ опытъ, можетъ-быть, возбудитъ вниманіе къ той философской сторонѣ великаго искусства воспитанія человѣческаго характера, которая, кажется, недостаточно серіозно сознается нашимъ обществомъ, заинтересованнымъ, однако же, самымъ жизненнымъ изъ современныхъ вопросовъ жизни — воспитаніемъ и образованіемъ молодаго поколѣнія.

Эпоха древне-классическаго воспитанія теряется для насъ въ такомъ туманѣ древности, что мы не знаемъ даже высшихъ точекъ его развитія. Между тѣмъ, педагогика, если не какъ наука (научнаго характера она не достигла еще доселѣ), то какъ искусство, получила свое начало и широкое жизненное приложеніе въ древней Элладѣ. Съ одной стороны, самая жизнь Греціи, особенно Аѣны, была живою школою для юношества: эпическая поэзія Гомеровскихъ рапсодовъ живописала исторію народа въ типахъ героевъ и картинахъ событій; драматическая школа народнаго театра, воспроизводившая жизнь домашнюю, общественную, религіозную, возвышала душу зрителей до прекрасныхъ идеаловъ человѣчности; площадь, на которой раздавались гармоническія рѣчи народныхъ ораторовъ, представляла живые

другой стороны нужно видѣть въ рѣчахъ Сократовыхъ платонизмъ, или въ какихъ пропорціяхъ перемѣшано въ немъ то и другое, — вотъ пунктъ, который нельзя рѣшить съ достовѣрностію и строгостію. «Апология», «Критонъ» и «Федонъ» (какъ нравственная картина, независимо отъ излагаемыхъ въ нихъ теорій) принадлежатъ, кажется, къ первой категоріи, тогда какъ политическія и социальныя воззрѣнія «Государства», «Тимея» и предположеніе идей, какъ реальныхъ, отдѣльно существующихъ отъ феноменальнаго міра, сущностей, очевидно, принадлежатъ ко второй категоріи. Изъ разговоровъ собственно нравственныхъ многое можно съ вѣроятностію принять, чтобы представить себѣ Сократа, болѣе или менѣе *оплатонизованнаго*. Grote, v. VIII.

образцы краснорѣчія и политической мудрости; портники и храмы, украшенные статуями и картинами, были художественными школами для развитія эстетическаго вкуса и чувства изящнаго; публичныя гимнастическія игры развивали энергію, ловкость и красоту въ юношескомъ тѣлѣ; публичныя философскія школы стремились раскрыть для молодыхъ пытливыхъ умовъ тайны начала и происхожденія всѣхъ вещей. Съ другой стороны, эта многосторонне-дѣятельная жизнь образовала цѣлый классъ или сословіе особыхъ учителей, которые учили юношество, стремившееся къ высшему практическому образованію, *мыслить, говорить и дѣйствовать*. Такъ-называемые софисты составляли это сословіе или классъ практическихъ учителей ¹⁾, совершеннѣйшимъ типомъ которыхъ по высотѣ своей жизни и характера, по оригинальности предмета и метода обученія, по глубинѣ и силѣ интеллектуальнаго воспитательнаго вліянія можно считать Сократа.

Исторія педагогики, гордясь именами Локка, Руссо, Песталотци и многихъ другихъ, забываетъ одного изъ самыхъ славныхъ своихъ дѣятелей, забываетъ имя философа-педагога Сократа.

Сохранилась однако же хотя безсознательно, безъ глубокаго пониманія дѣла, память о типической особености Сократова обученія въ выраженіи: *Сократовскій методъ обученія*, сдѣлавшемся ходячею фразой у всякаго школьнаго учителя, который имѣетъ хотя сколько-нибудь претензіи на педагогическіе приемы въ своей практикѣ.

Въ Сократѣ въ педагогическомъ отношеніи все замѣчательно и поучительно: характеръ и жизнь, посвященная истинѣ и увѣчанная мученичествомъ, задачи его философіи и методъ обученія, имѣвшій несравненное воспитательное дѣйствіе. Сократъ—это философъ-педагогъ „съ головы до ногъ“, если употребить Шекспировскій оборотъ рѣчи о королѣ Лирѣ. Въ немъ мы видимъ глубоко-педагогическій *принципъ и методъ*, не только философски выработанный, но ориги-

¹⁾ Этотъ взглядъ на положеніе и характеръ софистовъ, изложенный Льюисомъ въ особой монографіи, а также въ главѣ о софистахъ въ его «Исторіи философіи», особенно обработанъ Гротомъ въ его превосходной «Исторіи Греціи». Результатъ этихъ изслѣдованій таковъ: вопреки установившемуся понятію о софистахъ, какъ философской школѣ, они составляли классъ или сословіе учителей; вопреки прежнему взгляду, будто софисты распространяли деморализующее ученіе, они были учителя нравственности, стоявшіе ни выше, ни ниже своего времени. Въ силу этого Сократъ долженъ являться не столько ихъ антагонистомъ, сколько наоборотъ, ихъ совершеннѣйшимъ (въ лучшемъ смыслѣ) представителемъ. Гротъ, т. VIII. Льюисъ, «Исторія философіи» стр. 104 и слѣдующія (русск. переводъ).

нально и цѣлостно проведенный во всей жизни и дѣятельности мудреца. Жизнь Сократа сама по себѣ представляетъ прекрасное объясненіе могущественнаго вліянія его обученія, а главнѣйшія особенности личности Сократа составляютъ высокія качества и черты его педагогическаго характера.

І. Педагогическій характеръ Сократа.

Жизнь Сократа обнимаетъ 70 лѣтъ (отъ 468—399). По личнымъ духовнымъ и тѣлеснымъ, качествамъ Сократъ былъ человѣкомъ замѣчательнымъ и всегда выдѣлялся изъ толпы. Его тѣлосложеніе отличалось здоровьемъ, крѣпостію и общало необыкновенную долговѣчность. Онъ обыкновенно велъ жизнь простую и воздержную, но въ случаяхъ религиозныхъ праздниковъ или на дружескихъ пирушкахъ, когда всякій позволялъ себѣ веселость и увлеченіе, Сократъ могъ выпить болѣе всякаго и при этомъ никогда не пьянѣлъ¹⁾. Необходимо ограничивать физическія потребности, говорилъ Сократъ, потому что они удаляютъ отъ совершенства боговъ, которые ни въ чемъ не нуждаются. Достиженіе этой цѣли дало ему возможность постепенно приобрести самообладаніе, спокойное довольство и независимость, — тѣ качества, которыя необходимо входили въ планъ его разумнаго образованія характера. Его организмъ способенъ былъ вынести всякое утомленіе и напряженіе и въ такой степени былъ нечувствителенъ къ холоду и жару, что Сократъ обходился одною и тою же одеждою лѣтомъ и во время зимы. Платонъ передаетъ намъ прекрасное изображеніе Сократа въ этомъ отношеніи.

„Одно время мы были соратниками, развязываетъ Алкивиадъ у Платона, и имѣли общій столъ въ лагерѣ предъ Потидеей. Сократъ переносилъ лишения не только терпѣливѣе меня, но и терпѣливѣе всѣхъ другихъ; когда, какъ часто случается въ походѣ, наши припасы оскудѣвали, никто не могъ выно-

¹⁾ Сумров. Платона и Ксенофонта, гдѣ Сократъ, представленный въ эту веселую минуту своими биографами, просить, чтобы вино подносили въ небольшихъ стаканахъ, но чтобы оны слѣдовали одинъ за другимъ, какъ дождевыя капли въ ливень. По взгляду Сократа, пирушка есть пробный камень, по которому можно судить о самообладаніи каждаго и отсюда извлекать правило, которому должно подчинять самое дѣйствіе. De legibus Платона. Grote, v. VIII. Замѣтимъ здѣсь, что при цитатахъ изъ Гротовой исторіи мы указываемъ только томъ его сочиненій, именно VIII т. «Исторіи Греціи», а не главы и страницы, потому что не имѣемъ въ настоящее время подъ руками означеннаго сочиненія, изъ котораго впрочемъ прежде сдѣлали дословный переводъ текста (безъ примѣчаній) статьи о Сократѣ, а потому ругаемся за вѣрность приводимыхъ нами словъ Грота.

силь такъ голодѣ, какъ Сократъ; а когда пища была въ изобиліи, никто не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ онъ. Онъ не любилъ напиваться, но когда его принуждали къ тому, то онъ бралъ верхъ надъ всѣми даже въ томъ, къ чему онъ менѣе всего былъ привыченъ, и что всего удивительнѣе, никто никогда не видалъ Сократа пьянымъ, ни въ это время, ни послѣ. Зимой (а зимы въ тѣхъ мѣстахъ чрезвычайно суровы) онъ спокойно выносилъ невѣроятныя неудобства; между прочимъ, когда былъ несносный морозъ, и никто не выходилъ изъ палатокъ, или выходя окутывался, подвязывая шерсть подъ ноги и обертывая ихъ мѣхомъ, Сократъ носилъ тотъ же плащъ, которымъ одѣвался, и ходилъ босикомъ по льду гораздо спокойнѣе, чѣмъ тѣ, которые одѣвались гораздо старательнѣе, такъ что войны думали, что онъ издѣвается надъ ихъ невыносливостію. Стоило бы пересказать все, что этотъ мужественный человѣкъ дѣлалъ и переносилъ въ этомъ походѣ... „Я не долженъ пропустить и того, чѣмъ бываетъ Сократъ въ бою. Въ той битвѣ, послѣ которой полководцы назначили мнѣ награду за храбрость, Сократъ одинъ изъ всѣхъ явился спасителемъ моей жизни; онъ стоялъ подлѣ меня, когда я упалъ, получивъ рану, онъ спасъ и меня, и мое оружіе отъ рукъ враговъ. Я просилъ полководцевъ дать награду ему, какъ болѣе достойному. И ты не можешь отрицать, Сократъ, что, когда полководцы, желая почтить особу моего званія, хотѣли дать мнѣ награду, ты еще болѣе полководцевъ хотѣлъ, чтобы эта слава досталась не тебѣ, а мнѣ“... „Надо было видѣть Сократа, когда наши войска были разбиты и обращены въ бѣгство при Деліумѣ. Въ это время я былъ между кавалеристами, а онъ пѣшкомъ, тяжело вооруженный. Послѣ окончательнаго пораженія нашихъ войскъ, онъ и Лахій отступали вмѣстѣ. Я случайно встрѣтилъ ихъ и успокоилъ, говоря, что не оставлю ихъ. Такъ какъ я сидѣлъ верхомъ на лошади, и слѣдовательно, гораздо менѣе занятъ былъ своимъ собственнымъ положеніемъ, то мнѣ довелось лучше, чѣмъ при Потидеѣ, наблюдать, какъ прекрасенъ Сократъ въ эти минуты, какъ далеко превосходилъ онъ Лахія присутствіемъ духа и мужествомъ... Онъ шелъ и смотрѣлъ величаво по сторонамъ, спокойно озираясь на друзей и враговъ; каждый издали могъ понять, что тотъ, кто осмѣлится напасть на него, встрѣтитъ отчаянное сопротивленіе. Такимъ образомъ онъ и его товарищъ успли не вредныя, ибо во время бѣгства преслѣдуютъ и убиваютъ тѣхъ, кто бѣжитъ въ расыпную, но не всѣ рѣшаются нападать на людей, являющихъ даже послѣ пораженія такое безстрашіе, какъ Сократъ“¹⁾.

Сократъ - гражданинъ былъ еще нравственно-мужественнѣе и неустрашимѣе Сократа-воина, какъ прекрасно говоритъ Льюисъ²⁾, представляя въ немъ почти единственный въ исторіи примѣръ человѣка, который могъ одинаково давать отпоръ и тиранніи, и необузданной толпѣ. Однажды тридцать тиранновъ дали ему и еще четверемъ чело-

¹⁾ Алкивиадъ въ *Symposium* Платона. См. переводъ Карпова ч. 4. стр. 219—221.

²⁾ *Исторія философіи Льюиса*, т. I, стр. 132 (переводъ). *Apologia* стр. 430 ч. I переводъ Карпова. Ксенофонта *Hellen.* II. 3. 39; также въ примѣчаніи «Сочиненія Платона» переводъ Карпова ч. I стр. 430—431.

вѣвямъ приказаніе привести Леона Саламинскаго въ Аѳины. Леонъ получилъ право аѳинскаго гражданства, но боясь жестокости тирановъ, удалился въ Саламинъ. Сократъ на отрѣзъ отказался исполнить это порученіе. „Правительство, не смотря на свое могущество, не можетъ заставить меня поступить несправедливо“, говоритъ самъ Сократъ. „Другіе четыре поѣхали въ Саламинъ и взяли Леона, я же пошелъ домой. Можетъ-быть, меня казнили бы за это смертію, если бы правительство вскорѣ не было свергнуто“.

Въ другой разъ Сократъ далъ столь же мужественный отпоръ бурной черни. Сократъ былъ эпистатомъ въ тотъ день, когда должно было состояться несправедливое рѣшеніе по дѣлу адмираловъ, которые оставили не погребенными мертвыхъ послѣ битвы при Аргинузахъ. Послѣ этой битвы поднялась сильная буря, помѣшавшая адмираламъ взять тѣла убитыхъ. Они оставили нѣсколько таксіарховъ для исполненія этой священной обязанности ¹⁾. Сильная буря воспрепятствовала послѣднимъ исполнить это порученіе. Адмиралы преданы были суду. Указанныя, оправдывающія ихъ обстоятельства, естественно, подѣйствовали на народъ, который освободилъ бы подсудимыхъ, если бы вопросъ о винѣ ихъ пущенъ былъ немедленно на голоса. Но обвинители отложили собраніе до слѣдующаго дня, подъ предлогомъ, что темнота мѣшаетъ считать голоса по поднятымъ рукамъ. Между тѣмъ враги подсудимыхъ употребили въ дѣло все то, что можетъ воспламенить народныя страсти. Вопли и печальный видъ родственниковъ убитыхъ, нарочно отысканныхъ для этой трагической сцены, сильно подѣйствовали на народное собраніе. На голосованіе былъ предложенъ общій вопросъ: хорошо ли поступили адмиралы, оставивъ мертвыя тѣла; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ подсудимые, по рѣшенію сената, должны были быть присуждены къ смертной казни и къ конфискаціи имущества. Но законъ не допускалъ осужденія всѣхъ адмираловъ заразъ по одному голосованію. Пританы съ Сократомъ во главѣ ²⁾ отказались пустить противозаконный вопросъ на голоса. Народъ взволновался и сталъ громко требовать, чтобы преданы

¹⁾ Антигона Софокла основана на святости этой обязанности.

²⁾ Аѳинская дума состояла изъ 500 выборныхъ отъ 10-и филъ. Члены каждой филы председательствовали поочередно въ продолженіи 35 дней и назывались пританами. Изъ 50 притановъ десятеро председательствовали каждыя семь дней, каждый день одинъ изъ десяти занималъ высшее мѣсто и носилъ титулъ эпистата. Онъ велъ въ этотъ день всѣ дѣла народнаго собранія и на этотъ день ему доверялись ключи Акрополя и государственной казны

были суду люди, противящіеся его волѣ. Пританы, уstraшенные угрозою суда, уступали; одинъ Сократъ оставался твердъ, не обращая вниманія на крики толпы. Онъ считъ долгомъ служить правосудію и отказался допустить несправедливость. Вслѣдствіе его отказа вопросъ не могъ быть пущенъ на голоса и былъ опять отсроченъ. На другой день предсѣдательствовала другой эпистатъ, и адмиралы были подвергнуты осужденію ¹⁾).

Столь мужественно выполняя долгъ честнаго гражданина, Сократъ свято исполнялъ обязанности благочестиваго человѣка. Избѣгая суевѣрій своихъ соотечественниковъ и дѣлая все, что было возможно, для ихъ нравственнаго вразумленія и просвѣщенія, Сократъ предвидѣлъ тотъ свѣтъ, который прогоняетъ мракъ отъ души, „чтобы хорошо могла знать она Бога и человѣка“, и чаялъ Того, „кто научить, какъ должно располагаться въ отношеніи къ Богу и къ людямъ“ ²⁾).

„Принося жертву, говорить Ксенофонтъ, Сократъ не боялся, что дары его не будутъ приняты, по ихъ скудности... Сократъ всегда считалъ неоспоримую истинною, что божеству всего пріятнѣе приношенія душъ благочестивыхъ и чистыхъ“. „Самыя прекрасныя моленія, говорилъ Сократъ, самыя лучшія жертвоприношенія менѣе угодны божеству, чѣмъ душа добродѣтельная, которая стремится ему уподобляться. Истинно праведны и мудры только тѣ, которые, своими словами и дѣлами платятъ долгу, лежащій на нихъ въ отношеніи къ Богу и людямъ“. Сократъ считалъ сумашедшими всѣхъ тѣхъ, которые отрицаая божество, приписывали успѣхъ своихъ предпріятій одному только человѣческому благоразумію. Не умнѣ считалъ онъ и тѣхъ, которые прибѣгаютъ безпрестанно къ гаданіямъ, какъ будто человѣкъ долженъ совѣтоваться съ оракуломъ, кому дать править колесницей, умѣющему ли ѣздить или не умѣющему, кому поручить руль корабля, искусному или неискусному кормчему. Онъ считалъ также своего рода безбожіемъ досаждать божеству просьбами о томъ, что мы можемъ узнать посредствомъ счета, вѣса или мѣры; ему казалось, что люди обязаны сами узнавать все, что божество позволяетъ имъ знать,

¹⁾ Жизнь Сократа д-ра *Винерса*, стр. 51—55. *Льюисъ* въ своей «Исторіи философіи» т. I, стр. 134. Ксен. Hellen. 1. 7. 14—38. Сл. Apologia ст. 430, въ переводѣ Карпова.

²⁾ Платоновы разговоры «Второй Алкивиадъ» и «Евтифронъ» вполне доказываютъ несогласіе Сократа съ языческою мифологіей и отрицаніемъ политейзма. См. соч. Платона перев. Карпова, ч. 2. 480.

и обращаться къ нему только съ вопросами о вещахъ, превышающихъ человѣческое пониманіе, и что оно всегда готово сообщить знаніе тѣмъ, которые стараются снискать себѣ его благосклонность ¹⁾.

Ужь и эти общія черты рисуютъ предъ нами характеръ Сократа въ высокой степени поучительнымъ; но ихъ педагогическое значеніе еще болѣе возвышается при другихъ болѣе характеристическихъ особенностяхъ личности Сократа, въ которыхъ выразился вполне великій духъ и подвигъ жизни Сократа. Это — его долгая, безкорыстная и самоотверженная, *диалектически-образовательная* дѣятельность, проникнутая религиознымъ убѣжденіемъ въ томъ, что *дѣло его обученія и воспитанія есть призваніе божественное*, религиозное посланничество, которое онъ запечатлѣлъ и увѣнчалъ мученичествомъ. Оставивъ рано отцовское искусство скульптора ²⁾, Сократъ лучшую, зрѣлую половину своей жизни, до глубокой старости и трагической смерти, посвятилъ всецѣло и исключительно другому, самому благоразумному изъ всѣхъ человѣческихъ искусствъ — искусству воспитанія въ добръ юности, полного живыхъ стремленій, посвятилъ себя дѣлу обученія народа особымъ философскимъ методомъ, которое онъ, съ свойственнымъ ему глубокимъ юморомъ, уподоблялъ занятію своей матери Фенареты — повивальной бабки (*τέχνη μααιευτική* — акушерское искусство) ³⁾.

Замѣчательная, свойственная одному Сократу особенность въ дѣлѣ обученія состоитъ въ томъ, что онъ никогда не читалъ лекцій, а только разговаривалъ съ своими слушателями; не составлялъ систематическихъ руководствъ или книгъ, излагающихъ его ученіе, но постоянно бесѣдовалъ со всѣми. Нельзя также сказать, что онъ имѣлъ свою школу и учениковъ. Подъ именемъ учениковъ Сократа надо разумѣть людей, раздѣлявшихъ его убѣжденія, говорившихъ съ нимъ

¹⁾ Memorabilia 1, 3 гдѣ Ксенофонъ «удивляется» возможности обвиненія Сократа въ безбожія. Платоновы: Euthyfro и Alcib. II. См. переводъ Карпова ч. 1, 2.

²⁾ Д-ръ Винерсъ думаетъ, что Тимонъ Силлографъ называетъ Сократа каменщикомъ (*λίθοβόος*) въ насмѣшку. Но *λίθοβόος* есть одно изъ названій скульпторовъ, какъ говоритъ Лукіанъ въ разказѣ о своей молодости, по замѣчанію Льюиса («Истор. егл.» стр. 129.). Впрочемъ въ Акрополѣ сохранялась группа Грацій до времени Павзанія, и ее показывали, какъ произведеніе Сократа. Grote v. VIII.

³⁾ «Мое повивальное искусство, часто говаривалъ Сократъ, отличается отъ искусства моей матери только тѣмъ, что оно облегчаетъ роды мужамъ, а не женамъ, и оказываетъ помощь въ родахъ душъ, а не тѣлу.»

при всякомъ удобномъ случаѣ и окружавшихъ его всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся; а этими послѣдователями его была вся блестящая молодежь Аѳинская; въ послѣдніе же годы его жизни славное устное обученіе Сократа, подобнаго которому не было нигдѣ во всей Греціи, привлекло къ нему множество молодыхъ слушателей изъ Мегары, Фивъ, Элиды, Кирены и другихъ городовъ греческихъ. Мы поэтому не можемъ не называть его учителемъ, хотя самъ онъ всячески отклонялъ отъ себя это званіе, говоря, что его дѣло не учить, а только разговаривать ¹⁾; но въ этомъ-то діалектическомъ собесѣдованіи и заключается величайшее педагогическое значеніе метода Сократа, который не имѣетъ себѣ равнаго во всей исторіи человѣческаго воспитанія и культуры ума. Чтобы наглядно представить всю неподражаемую оригинальность педагогическаго приѣма діалектическаго Сократова собесѣдованія, приведемъ изъ Ксенофонта одинъ разговоръ, въ которомъ нельзя безъ изумленія видѣть, какъ Сократъ предупредилъ даже писателей позднѣйшихъ въ педагогическомъ искусствѣ эвристическаго метода.

„Я разкажу, пишетъ Ксенофонтъ, какимъ образомъ Сократъ бесѣдовалъ однажды о божествѣ съ Аристодемомъ (малымъ). Замѣтивъ, что Аристодемъ никогда не молится, но напротивъ смѣется надъ тѣми, которые это дѣлають. Сократъ спросилъ его: „Скажи мнѣ, Аристодемъ, есть ли люди, которыхъ достоинству ты бы удивлялся?“

— „Есть“, отвѣчалъ Аристодемъ.

„Назови кого-нибудь, прошу тебя“.

— „Я удивляюсь, сказалъ Аристодемъ, Гомеру въ эпосѣ, Софоклу въ трагедіи, Полиплету въ ваияніи, Зевксису въ живописи“.

„Кто же кажется тебѣ болѣе достойнымъ удивленія: тѣ ли, которые создаютъ неподвижные и неразумные образы, или тѣ, которые создаютъ живыя вещества, одаренныя не только дѣятельностію, но и пониманіемъ?“

— „Безъ сомнѣнія, послѣдніе, отвѣчалъ Аристодемъ, если только ихъ созданія—не дѣло случая, а мудрости и ума“.

„Но если есть много вещей, польза которыхъ очевидна, и есть другіе предметы, назначеніе которыхъ неизвѣстно, то скажи, Аристодемъ, какіе изъ

¹⁾ „Я никогда собственно не былъ ничѣмъ учителемъ, говоритъ самъ Сократъ, но если кто имѣлъ охоту слушать мои разговоры, и отдавался моимъ занятіямъ, я никогда не препятствовалъ ему въ этомъ, будь онъ юноша, или старикъ... Я одинаково готовъ спрашивать, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, и всякій, кто хочетъ, можетъ спрашивать и слушать меня. Если же кто полагаетъ, что онъ слышалъ что-нибудь отъ меня, или чему-нибудь научился, особенно такому, чего не слышали и другіе, то знайте, что онъ говоритъ неправду“, замѣчаетъ Сократъ съ свойственною ему *ироніей*. Соч. Платона въ переводѣ Карпова. Ч. I, стр. 431.

этихъ предметовъ ты считаешь произведеніемъ мудрости, и которые произведеніемъ случая?"

— „Мнѣ кажется, что слѣдуетъ признать произведеніемъ мудрости тѣ, которыхъ польза и назначеніе очевидны“.

„Но не очевидно ли, что Тотъ, который создалъ въ началѣ людей, одарилъ ихъ для ихъ пользы чувственными органами: глазами, чтобъ они видѣли все видимое, ушами, чтобъ они слышали? Скажи, къ чему бы служили намъ запахи, если бы мы не имѣли ноздрей? Или къ чему служило бы различіе между вкуснымъ и невкуснымъ, если бы мы не имѣли во рту языка, способнаго различить вкусъ? Не полагаешь ли ты, Аристодемъ, что дѣло дивной предусмотрительности — снабдить нѣжные глаза человѣка вѣками, которыя вооружены рѣсницами, защищающими глаза отъ вѣтра и пыли, помѣститъ надъ глазами брови въ видѣ трубъ, для отвода пота, льющагося со лба? Не изумительно ли, что ротъ, чрезъ который проходятъ всѣ яства, расположенъ вблизи глазъ и носа? Можешь ли ты сомнѣваться, Аристодемъ, чему мы обязаны этимъ предусмотрительнымъ расположеніемъ — случаю, или премудрости?“

— „Я болѣе не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Аристодемъ; съ такой точны зрѣнія эти предметы кажутся мнѣ произведеніемъ какого-то великаго художника, благодѣющаго всему, что дышетъ“.

„Даже, Аристодемъ, не сознаешь ли ты въ себѣ присутствія разума, и можешь ли ты предположить, чтобы нигдѣ затѣмъ не было ничего разумнаго? Ты знаешь, что твое тѣло составлено изъ маленькой крупинки этой громадной земли, изъ дробной частицы стихій, въ такомъ изобиліи находящихся во вселенной. И неужели ты думаешь, что одному тебѣ, какимъ-то счастливымъ случаемъ, досталась въ удѣлъ душа, не существующая нигдѣ, кромѣ тебя, — что всѣ эти безконечныя числомъ и величиною существа не разумомъ приведены въ такой стройный порядокъ?“

— „Безъ сомнѣнія, нѣтъ, отвѣчалъ Аристодемъ, но я не вижу этого создателя и правителя, между тѣмъ какъ вижу художниковъ, производящихъ вещи, которыя вырабатываются у насъ“.

„Но подумай, Аристодемъ, что поражающее взоръ всѣхъ солнце не дозволяетъ любопытнымъ разглядывать его и отнимаетъ зрѣніе у дерзновенныхъ. Никто не видалъ вѣтровъ, но мы видимъ ихъ послѣдствія и чувствуемъ ихъ присутствіе. Не видишь ты также и своей души, Аристодемъ, которая управляетъ и руководитъ тѣломъ: неужели поэтому ты скажешь, что ты не дѣлаешь ничего умомъ, а только случаемъ? Подумай объ этомъ и научись не пренебрегать невидимыми силами: судя о ихъ могуществѣ по дѣйствіямъ и почитай божество“.

— „Я не презираю божество, сказалъ Аристодемъ, напротивъ того я думаю, что оно слишкомъ высоко и не нуждается въ моемъ поклоненіи“.

„Чѣмъ выше божество, текущее о тебѣ, тѣмъ болѣе его слѣдуетъ почитать“.

— „Будь увѣренъ, сказалъ Аристодемъ, что если бы я могъ знать, что божество занимается особенно людьми, то я бы ему поклонялся“.

„И ты можешь сомнѣваться, Аристодемъ, въ томъ, что Богъ заботится о людяхъ? Не онъ ли далъ одному человѣку изъ всѣхъ животныхъ способность

держаться прямо, чтобы человекъ могъ лучше видѣть окружающее, совершать лежащее выше его и избѣгать опасностей? Не одному ли человеку даны руки, съ помощію которыхъ онъ можетъ производить множество полезныхъ вещей? Не одинъ ли человекъ способенъ языкомъ производить такіе звуки, которыми можетъ сообщать другимъ все, что хочетъ выразить? Какое животное, кромѣ человека, способно постигать существованіе божества, создавшаго и поддерживающаго въ такомъ стройномъ порядкѣ этотъ прекрасный, дивный міръ? Какое животное, кромѣ человека, можетъ развивать посредствомъ разумнаго упражненія свои силы? Кто, кромѣ человека, можетъ работать, чтобы приобрести знаніе, или запомнить виднвое, слышанное, выученное? Получивъ такіе дары, ты еще не убѣжденъ, Аристодемъ, что божество печется особенно о тебѣ? Что же ему нужно еще сдѣлать, чтобы ты привналь его?"

— „Пускай оно пошлетъ мнѣ, сказалъ Аристодемъ, наставниковъ, которые бы учили меня, что я долженъ дѣлать, и чего избѣгать, подобно тому, какъ вижу по твоимъ словамъ, они учили тебя?"

„Но когда оно посылаетъ Грекамъ и всѣмъ людямъ чудеса и предзнаменованія, думаешь ли ты, что ты одинъ изъять и позабытъ?.. Подумай, мой другъ Аристодемъ, что душа, заключенная въ тѣлѣ, управляетъ имъ, какъ ей угодно. Слѣдовательно, и умъ, обитающій во вселенной, располагаетъ въ ней все также по своей волѣ. Если ты считаешь возможнымъ думать въ одно и то же время объ Аѳинахъ, Египтѣ, Сициліи, то отчего ты думаешь, мой Аристодемъ, что умъ Бога не могъ бы помышлять обо всемъ въ одно и то же время? Оказывая услуги людямъ, ты узнаешь тѣхъ, которые расположены услужить тебѣ; разсуждая съ ними, ты узнаешь ихъ благоразуміе. Подобно тому, служа божеству, ты узнаешь природу и величіе божества, которое можетъ все видѣть, все слышать, быть вездѣ и пещись обо всемъ существующемъ“¹⁾.

Такими діалектическими изслѣдованіями Сократъ поднялъ всѣ вопросы, касающіеся человека и основныхъ нравственныхъ принциповъ. „Сократъ, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ памятныхъ записокъ Ксенофонтъ, постоянно бесѣдовалъ о вещахъ человѣческихъ, изслѣдуя, что такое благочестіе и безбожіе, что честно и что безчестно, что такое правда и что есть несправедливость, что есть мужество и что такое трусость, что такое знаніе и что есть неразуміе, какой нуженъ характеръ, чтобы быть полезнымъ людямъ и имѣть авторитетъ надъ другими. Сократъ считалъ необходимымъ сходитьсь и толковать вмѣстѣ, чтобы знать, что такое каждая вещь на самомъ дѣлѣ“²⁾.

Съ этою цѣлію умственнаго возбужденія другихъ, отъ ранняго утра и до поздняго вечера всюду въ публичныхъ мѣстахъ появлялся

¹⁾ Memorabilia 1, 4, также Мемораб. 4, 3.

²⁾ Ibidem.

этотъ Силанъ ¹⁾ (образъ, великолѣпно и глубокомысленно разъясненный въ одномъ изъ разговоровъ Платона по отношенію къ Сократу) съ обнаженнымъ черепомъ замѣчательно впрочемъ организованной головы, съ приплюснутымъ носомъ, съ толстыми губами, съ красными на выкатъ глазами; присоедините къ этому вообще его неуклюжую фигуру, особенную манеру держать себя, медленную походку, всегда босикомъ, и привычку стоять иногда по цѣлымъ часамъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, углубившись въ возникшую въ умѣ идею,—и намъ легко предположить, что такая оригинальная, съ перваго взгляда комическая фигура останавливала многихъ вокругъ этого человѣка, а онъ тотчасъ начиналъ съ кѣмъ-либо свою обаятельную бесѣду. Онъ говорилъ съ каждымъ,—былъ ли то юноша, или старикъ, богатый или бѣднякъ,—съ софистами, съ политиками, воинами, купцами, ремесленниками, въ слухъ всѣхъ, которые его окружали. Его можно было видѣть и слышать бесѣдующимъ на торговой площади, на публичныхъ гуляньяхъ, въ гимназіяхъ для тѣлесныхъ упражненій и въ школахъ, гдѣ училось юношество ²⁾. Такъ обыкновенно каждый цѣлый день Сократъ посвящалъ на обученіе посредствомъ своего діалектическаго „допрашиванія“. Всѣ другіе учителя или брали деньги за часы преподаванія ³⁾, или преподавали отдѣльно отъ толпы въ частныхъ домахъ и садахъ избраннымъ ученикамъ, въ число которыхъ допускали слушателей по своему желанію. Сократъ не только не требовалъ и не бралъ никакой платы за свое обученіе, но даже не дѣлалъ никакого различія между своими слушателями, никого не лишалъ своей бесѣды ⁴⁾. Этотъ безкорыстный, всенародный и оригинальный образъ учительства дѣлалъ то, что его идеи обращались въ большомъ кругу слушателей и возбуждали умственные интересы во всѣхъ, приобрѣтая ему всеобщую извѣстность и множество горячихъ поклонниковъ, особенно между молодыми, даровитыми людьми, а въ то же время и значительное число личныхъ враговъ, возбужденныхъ его безпощаднымъ, по выраженію Грота, „крестовымъ походомъ противъ ихъ мнимаго знанія“, борьбу съ которымъ Сократъ считалъ задачей своего религіознаго посланничества.

¹⁾ Сумпсовъ. Платона. См. заключеніе этой главы, гдѣ приведено это мѣсто изъ названнаго разговора Платона.

²⁾ Memorabilia т. I.

³⁾ Методав. 1, 6, 13 и въ др. мѣстахъ Apol. Платона 29. Сравнивая истину съ юною дѣвой, Сократъ считалъ безчестнымъ продавать ее за деньги столько же, какъ безчестно для жениха продать дѣву, которая была бы ему обручена

⁴⁾ Бауеръ, «Исторія филос.» стр. 41 (переводъ).

Убѣжденіе Сократа въ томъ, что его учительское призваніе есть религиозное, своего рода божественное, посланничество, составляетъ самую характеристическую особенность Сократа, какъ безворончатнаго, самоотверженнаго воспитателя-миссіонера, — такую черту, которую упустивъ изъ виду, мы не были бы въ состояніи понять духъ его жизни и ученія.

Убѣжденіе въ религиозномъ освященіи своего дѣла Сократъ постоянно открыто высказывалъ самъ и особенно сильно выразилъ въ своей защитительной рѣчи предъ судебнымъ собраніемъ, обвинявшимъ его въ распространеніи деморализующаго ученія и антирелигиозныхъ идей. Здѣсь Сократъ прямо и положительно заявилъ, что онъ съ самаго дѣтства привыкъ слышать внутренней божественный „голосъ“, который всегда останавливаетъ его, но никогда не побуждаетъ въ тотъ мигъ, когда онъ намѣренъ что-либо дѣлать, или говорить, чего не должно дѣлать ¹⁾).

Позднѣйшіе писатели называютъ этотъ голосъ „демономъ“ или гениемъ Сократа, но самъ онъ, ни у Платона, ни у Ксенофонта, нигдѣ не олицетворялъ его, никогда не говорилъ о какомъ-то особомъ гениѣ или демонѣ, но всегда о чемъ-то демоническомъ (τὸ δαιμόνιον, δαιμόνιον τι ²⁾), или τὸ δαιμόνιον σημεῖον, τὰ εἰσθὸς σημεῖον τὸ δαιμόνιον) то-есть, о знакѣ, объ указаніи, о божескомъ знаменіи, о божескомъ голосѣ, по справедливому толкованію Льюиса ³⁾. По сознанію самого

¹⁾ Apologia Платона. 22. Слич. переводъ Карпова, ч. I. стр. 429. Ксен. Мемог. 1. 1. 4. IV. 8. 1.

²⁾ Ibidem. Также: Phaedr. 242. Theaet. 151. Alc. 1. 103. Theag. 128. Сл. соч. Платона въ переводѣ Карпова. Ч. I. стр. 429, примѣч. 1. De Republ. VI. 496. Evthyd., 272. Цицеронъ комментируетъ: «esse divinum quiddam, quod daemonium appellat, cui semper pareat. De divin. 1, 54. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова. Ч. 4, стр. 44, примѣч. 1.

³⁾ Целлеръ 11, 28. Это обстоятельство считали доказательствомъ «суевѣрія» Сократа. Французскій писатель Lelut въ своемъ сочиненіи: «Du Démon de Socrate», которое произвело «впечатлѣніе», отразившееся и у насъ, вывелъ отсюда восхитительное заключеніе, что Сократъ былъ «умопомышанный человекъ! Перевести трактатъ Плутарха «De Genio Socratis» и говорить о «Démon de Socrate» значитъ впадать въ грубую ошибку. Много такихъ ошибочныхъ толковъ о демонѣ Сократа у различныхъ писателей. Климентъ предполагалъ, что δαιμόνιον Сократа могло быть гениемъ домашнимъ. Strom. v. p. 592. Лактанцій положительно превратилъ daemonium въ демона. Апулей проложилъ дорогу для этого заблужденія своимъ трактатомъ: «De Deo Socratis». Оно усвоено Августиномъ и другими церковными писателями, какъ древними, такъ и новѣйшими: Стенли, Дасье, въ сочиненіяхъ котораго «daemonium» представляется «добрымъ ангеломъ».

Сократа, онъ чувствовалъ при этомъ какъ-бы нѣкоторую останавливающую силу; когда же не чувствовалъ никакого внутренняго предостереженія, то былъ убѣжденъ, что выраженіе, которое намѣренъ былъ употребить, или дѣло, которое задумывалъ предпринять, было вполнѣ нужное и приличное.

Такого рода былъ такъ-называемый „демонъ“ или геній Сократовъ, какъ понималъ его самъ Сократъ: внутренняя *психическая увѣренность* въ нѣкоторомъ постоянно предостерегающемъ высшемъ внушеніи, въ божественномъ знаменіи, или голосѣ. Нѣкоторые новѣйшіе писатели смотрятъ на это выраженіе, какъ на чистую аллегорію, или даже на простую ироническую фразу Сократа. Это мнѣніе совершенно противорѣчитъ тому чистосердечію, съ которымъ всегда говорилъ Сократъ объ этомъ убѣжденіи, и особенно одному обстоятельству, о которомъ, по справедливому замѣчанію Грота, не слѣдуетъ забывать: Сократъ говорилъ, что этотъ голосъ началъ ему слышаться съ самаго дѣтства и слышался до конца жизни. Такимъ образомъ, это было его твердымъ и постояннымъ жизненнымъ убѣжденіемъ.

Конечно, замѣчаетъ объ этомъ обстоятельствѣ Льюисъ въ своей исторіи философіи, въ христіанской странѣ, избилующей примѣрами людей, вѣрующихъ въ непосредственныя внушенія свыше, такое убѣжденіе (психическое) можетъ быть принято безъ затрудненія. Сократъ былъ человѣкъ глубоко религіозный и притомъ былъ желчно-меланхолическаго темперамента (о чемъ упоминаетъ Аристотель)¹⁾, которымъ во всѣ времена отличались люди необыкновенно-религіозные и способные къ такимъ восторгамъ духа, которые естественно могутъ быть принимаемы за непосредственныя внушенія божества.

Конечно, этотъ особенный видъ религіознаго вдохновенія, равно какъ и другіе положительные способы, какими Сократъ, по его убѣжденію, получалъ повелѣнія свыше, изъ которыхъ Платонъ, а за нимъ Гротъ даютъ особенную важность въ жизни Сократа извѣстному отвѣту Дельфійскаго оракула²⁾, составляютъ характерную и исключительную принадлежность Сократа; но какъ мотивы внѣшніе, они

¹⁾ Льюисъ въ примѣч. «Исторія философіи» стр. 167. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. 4 стр. 44. прим. 1. Φόβον μελαγχολικόν. Problem.

²⁾ На вопросъ Берееона Дельфійскому оракулу: «есть ли человѣкъ мудрѣе Сократа», жрица отвѣчала, что нѣтъ мудрѣе его. Apologia Платона, гдѣ Сократъ самъ передаетъ этотъ отвѣтъ и раскрываетъ его значеніе въ своей дѣятельности. Grote, v. VIII. Сочиненія Платона, перев. Карпова. Ч. 1, стр. 411—432.

имѣютъ все свое значеніе только при внутреннемъ настроеніи духа Сократа и складѣ его убѣжденій. Его всеобъемлющая, мудрая душа, стремясь трудомъ непрестаннымъ и упорнымъ къ внутреннему общенію съ истиной, чтобы въ этомъ послѣднемъ открыть, какъ прекрасно выражается Морисъ ¹⁾, свѣтъ озаряющій путь жизни, естественно возвысилась до религіознаго сознанія святости своего дѣла, до убѣжденія въ божественномъ призваніи къ нему.

Вотъ почему написанное на Дельфійскомъ храмѣ изреченіе „познай самого себя“ было для Сократа священнымъ текстомъ, который онъ постоянно приводилъ своимъ слушателямъ и толковалъ между прочимъ такъ: познай, какого рода ты человекъ и какую пользу человечеству могутъ принести твои способности, познай свое незнаніе прежде всего, дабы твой умъ былъ свободенъ отъ главнаго заблужденія, самообольщенія, обмана *въ знаніи безъ знанія на самомъ дѣлѣ*, которое помрачаетъ способности и мѣшаетъ людямъ быть истинно мудрыми, то-есть, стремиться къ знанію дѣйствительному ²⁾. Вотъ глубоко педагогическое значеніе словъ Сократа: „я знаю, что ничего не знаю“, и смыслъ его безпощаднаго допрашиванія, испытующаго *ελεγχος-а* (обличенія) съ цѣлію очистить умъ, лишенный дѣйствительнаго знанія, отъ увѣренности въ знаніи.

„Такимъ наслѣдованіемъ и испытаніемъ, говоритъ Сократъ въ своей защительной рѣчи, считая это своимъ божественнымъ посланничествомъ, я занимался долгое время и занимаюсь имъ еще и теперь. Я спрашиваю каждого, о комъ говоритъ молва, я доказываю ему, что ему весьма многого недостаетъ, для того чтобы быть мудрымъ. Выполняя эту свыше возложенную на меня обязанность, я такимъ образомъ оправдываю истинность божественныхъ словъ, что человѣческая мудрость ничтожна по своему объему и своему достоинству, и что тотъ въ самомъ дѣлѣ мудрѣ всѣхъ, кто, какъ Сократъ, болѣе всѣхъ сознаетъ и чувствуетъ свою незначительность по отношенію къ мудрости. Моя служба Богу не только заставляетъ меня жить въ постоянной бѣдности, презирать политическимъ значеніемъ, но и приобрѣла мнѣ жестокихъ враговъ, въ лицѣ тѣхъ самыхъ, которыхъ я испытывалъ и обличалъ... Но какъ бы ни была велика опасность и клевета, которую я навлекаю на себя, но было бы ужасно, если бы я, боясь смерти или еще чего, захотѣлъ оставить тотъ постъ, который мнѣ указанъ самимъ Богомъ, — обязанность жить для философіи и испытывать какъ себя, такъ и другихъ. И если бы вы предложили освободить меня отъ суда подъ условіемъ, чтобы я отказался отъ этого занятія, то я бы отвѣчалъ вамъ почтительно: я хочу слушать Бога болѣе чѣмъ васъ и буду постоянно испытывать васъ... Мое

¹⁾ Moral und Metaphysical Philosophy.

²⁾ Apologia Платона 29 (ed. Bekker). Сл. переводъ Карпова ч. 1 ст. 414. Особенно Alcib. 1. ч. 2. стр. 436 — 443. Тамъ же стр. 414 — 415.

посланичество, какъ вашего увѣщателя, есть знакъ особенной къ вамъ милости Бога; когда вы меня осудите, вы много потеряете, потому что вы не найдете другаго такого человѣка. Можетъ-быть, вы спросите меня: „Зачѣмъ ты, Сократъ, не хочешь жить между нами въ мирѣ и молчаніи?“ Это вопросъ, на который весьма трудно мнѣ отвѣчать такъ, чтобы это васъ удовлетворило. Если я скажу вамъ, что молчаніе съ моей стороны было бы непослушаніемъ Богу, то вы подумаете, что я шучу, и не повѣрите мнѣ, когда скажу, что высочайшее счастье, какое только можетъ быть для человѣка, это — бесѣдовать о добродѣтели и о другихъ предметахъ, о которыхъ я бесѣдную (какъ вы всегда слышите), испытывая себя и другихъ, и что жизнь безъ такихъ изслѣдованій — не жизнь. Однако же это въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ бы это ни казалось вамъ невѣроятнымъ“¹⁾.

Вотъ самыя многозначительныя и рѣшительныя слова рѣчи Сократа (какъ передаетъ ихъ Платонъ въ „Апологию“), и если не войти въ духъ этихъ словъ искренно и вполне, то нельзя понять духъ характера и ученія Сократова. Въ нихъ мы видимъ искреннюю и положительную внутреннюю увѣренность Сократа въ религіозномъ значеніи его воспитательно-интеллектуальной культуры умовъ, въ божественномъ посланничествѣ, которое онъ совершалъ своимъ обученіемъ другихъ. Только эта самая могущественная сила религіознаго убѣжденія въ святости своего дѣла могла сдѣлать то, что въ Сократѣ внутреннее стремленіе къ умственному возбужденію и нравственному воспитанію другихъ, при необыкновенной педагогической силѣ ума и характера, осуществилось столь величественнымъ, несравненнымъ образомъ. Сократъ былъ не просто философъ, но и религіозный миссіонеръ, воспитывавшій умы для жизненной философіи, „обличающій и убѣждающій богъ, сошедшій съ неба на землю для того, чтобы испытывать и убѣждать не твердыхъ по уму людей“, если смѣемъ употребить эти возвышенно-смѣлыя выраженія Платона, которыя приводитъ Гротъ, относя ихъ къ Сократу²⁾.

Свою миссію возбужденія и развитія умовъ согражданъ и религіозное убѣжденіе въ святости своего призванія Сократъ запечатлѣлъ и увѣнчалъ мученичествомъ. Вышеприведенныя нами слова изъ защитительной рѣчи, сами по себѣ ясно выражающія высоко-нравственное религіозное начало воспитательной дѣятельности Сократа, пробуждаютъ воспоминаніе о трагическомъ концѣ жизни этого мученика за дѣло воспитанія и образованія другихъ и заставляютъ

¹⁾ Apologia Платона. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карцова. ч. 1, стр. 424—438.

²⁾ Grote, v. VIII.

указать нашимъ читателямъ, какъ въ обстоятельствахъ суда надъ Сократомъ и его мученической смерти выразился всецѣло самоотверженный, истинно-апостольскій, миссіонерски-педагогическій духъ и характеръ Сократа.

Въ 399 году предъ Р. Х., послѣ тридцатилѣтняго публичнаго обученія согражданъ посредствомъ діалектическаго собесѣдованія со всѣми, когда Сократъ достигъ уже 70-и лѣтъ, противъ него возвысила голосъ *три* человѣка: одинъ изъ политическихъ вождей народа, ремесленникъ Анить, поэтъ Мелить и риторъ (учитель) Ликонъ. Они повѣсили на опредѣленномъ для того мѣстѣ обвиненіе Сократа въ слѣдующихъ словахъ: „Сократъ виновенъ въ преступленіи, потому что, вопервыхъ, онъ не почитаетъ боговъ... и вовторыхъ, потому что онъ *развращаетъ юношество*. Наказаніе, какого онъ заслуживаетъ, смерть“¹⁾.

Неизвѣстно, какія личныя побужденія заставили именно этихъ людей и именно въ то время возвысить обвинительный голосъ противъ Сократа. Для нашей цѣли этотъ вопросъ не имѣетъ никакой важности. Для насъ важно то общее и самое главное обвиненіе Сократа (оно слишкомъ поучительно, чтобы забывать о немъ), на которомъ преимущественно настаивали обвинители въ своихъ рѣчахъ предъ судебнымъ собраніемъ, и которое состояло въ томъ, что Сократъ развращаетъ юношество, то-есть, что молодые люди, съ которыми Сократъ преимущественно обращался и которые съ пламеннымъ энтузіазмомъ слушали его обаятельныя рѣчи, приносили съ собою новыя идеи и воззрѣнія, которыя естественно не могли нравиться ихъ родителямъ, жившимъ по обычаямъ добраго стараго времени, разумность и чистота которыхъ имѣли за себя одно безсознательное преданіе и безотчетную привычку. Обвинители утверждали, что Сократъ преподаетъ деморализующее ученіе; что молодежь научается отъ него

¹⁾ Судъ надъ Сократомъ принадлежитъ общей политической исторіи Греціи; до его подробностей намъ нѣтъ дѣла. Прекрасное научно-обстоятельное и заслуживающее особаго изученія описаніе суда надъ Сократомъ представляетъ Гротъ въ своей исторіи Греціи. Приведенная формула обвиненія еще во времена Феворина сохранилась (во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х.) въ Аѳинскомъ мѣтрѣонѣ, то-есть, въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: «Τὰδε ἐγράφητο καὶ ἀνθωμολογήσατο Μέλιτος Μελίτου Πίτθεος, Σωκράτης Σοφρονίσκου Ἀλοπεχίθην. Ἄδικεῖ Σωκράτης οὐκ ἂν ἡ πόλις νομίσει ἕως οὗ νομίζων, ἄδικα δὲ καὶ τὰ κατὰ δαιμόνια εἰσηγούμενος, ἀδικεῖ δὲ καὶ τοὺς νέους διαφθείρων. Τίμημα θάνατος». (11.40). См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, ч. 1, стр. 417 прим. 2.

слишкомъ много думать о своей мудрости, не повиноваться внушеніямъ родителей, презрительно обходиться съ своими родственниками и благодѣтелями; что Сократъ внушаетъ юношеству такія губительныя правила: если кто въ чемъ нуждается, то не отъ родственниковъ долженъ ожидать себѣ помощи, но отъ тѣхъ, которые болѣе способны оказать такую помощь; напримѣръ, если кто боленъ, то долженъ просить совѣта у врача, а не у отца; что въ дружбѣ расположеніе имѣеть мало значенія, важно то, чтобъ быть способнымъ оказывать взаимныя услуги другъ другу; что ни къ кому не должно питать уваженія, кто не знаетъ, какъ слѣдуетъ честно поступать, и кто не можетъ этому научить другихъ. Онъ также (продолжали обвинители) приводитъ самыя худшія мѣста изъ поэтовъ и все съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ испортить, развратить молодежь, развивая преступныя наклонности и вредныя стремленія; такъ, онъ любитъ часто приводить мѣсто изъ Гезіода: „никакой работы не нужно презирать, презирать надо одну лишь праздность“; значить, говорили они, человѣкъ можетъ все дѣлать безъ зазрѣнія совѣсти, лишь бы имѣть выгоду.

Очень немногіе наставники могли бы избѣжать осужденія, если бы приговоры противъ нихъ составлялись на основаніи подобныхъ доказательствъ. Сознаемъ, что не безъ намѣренія и съ грустнымъ чувствомъ мы воснулись подробностей обвиненія Сократа въ развращеніи юношества, — обвиненія, которое почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ и нынѣ часто поднимается противъ людей, самоотверженно преданныхъ дѣлу разумнаго воспитанія, и изъ-за котораго невѣжество боролось и теперь борется съ наукой, мыслию и нравственно-свободнымъ убѣжденіемъ.

„Вездѣ, какъ прекрасно сказалъ Гейне, вездѣ, гдѣ только великая душа выразить истину, бываетъ также и ея Голгова“. Эти слова ни къ кому такъ не могутъ быть приложимы, какъ къ Сократу.

Спокойствіе, торжественная важность, соединенная съ сознаніемъ святости своего дѣла, самоувѣренность мужественнаго духа, подвигающагося за истину — всѣ эти возвышенныя свойства его поведенія въ теченіе суда надъ нимъ показываютъ, что онъ мало заботился о своемъ оправданіи и былъ убѣжденъ, что свыше назначено ему умереть по приговору суда, и это убѣжденіе побуждало его сдѣлать конецъ жизни самымъ лучшимъ подвигомъ всей его жизни.

Съ такимъ убѣжденіемъ Сократъ явился на судъ. Съ этой точки зрѣнія защитительная рѣчь Сократа представляется не только величественно-трогательною и глубоко-поучительною, но и высказываетъ ясно сознанія, намѣренно разчитанныя педагогическія цѣли. Оправданіе Сократа не похоже на рѣчь человѣка, который говоритъ передъ судилщикомъ и оправдывается въ обвиненіи, заканчивающемся страшными словами: „наказаніе, котораго онъ заслуживаетъ, смертная казнь“. Защита Сократа есть возвышенный урокъ для потомства, — урокъ свободнаго, мужественнаго, самоубѣреннаго сознанія и убѣжденія въ святости того дѣла, которое онъ совершалъ.

Объясняя клевету обвиненія его ненавистью многочисленныхъ враговъ, которыхъ вызвало его беспощадное допрашиваніе, Сократъ раскрываетъ планъ своей миссіонерски-воспитательной работы надъ умами людей и зарожденіе въ собственномъ его умѣ того славнаго „Сократовскаго“ метода, которымъ онъ всегда и вездѣ старался пробуждать духъ пытливости и изслѣдованія въ умахъ своихъ слушателей, въ чемъ и состоитъ настоящая мудрость, то-есть, въ чемъ заключаются условія дѣйствительнаго знанія.

Услышавъ, что оракулъ назвалъ его мудрѣйшимъ изъ людей, но зная себя человѣкомъ ничего не знающимъ, Сократъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе.

„Я пошелъ, говорить онъ самъ, къ одному изъ тѣхъ, которые слывуть мудрецами, думая, что у него скорѣй всего увѣрюсь въ ошибочности оракула и скажу: „этотъ человѣкъ мудре мена“. Присмотрѣвшись къ этому человѣку (я не назову его, скажу только, что это былъ одинъ изъ политиковъ) и поговоривъ съ нимъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что этотъ человѣкъ казался многимъ другимъ, а въ особенности самому себѣ, мудрецомъ, но на дѣлѣ имъ не былъ. Тогда я попытался убѣдить его, что онъ только считаетъ себя мудрецомъ, но не есть собственно мудрецъ. Я только оскорбилъ этимъ и его, и многихъ слушателей. Уходя, я сказалъ самому себѣ: „я мудре этого человѣка, потому что, повидимому, ни одинъ изъ насъ не знаетъ ничего нужнаго; но онъ, не зная, воображаетъ, что знаетъ, а я дѣйствительно не знаю, но и не думаю, что знаю. Слѣдовательно, кажется, что я все-таки мудре его“. Потомъ я отправился къ другому, еще мудре перваго, и пришелъ къ тому же результату; опять оскорбилъ и его, и многихъ другихъ. Продолжая поступать такимъ образомъ, я съ прискорбіемъ и страхомъ замѣтилъ, что наживаю себѣ враговъ; но надо было жертвовать всѣмъ для служенія богу, надо было изучать настоящій смыслъ оракула и сходить ко всѣмъ, кто, повидимому, знаетъ что-нибудь. И вотъ, Аѳиняне, впечатлѣніе, вынесенное мною: наиболѣе знаменитые люди показались мнѣ наиболѣе недостаточными; менѣе извѣстныя лица показались мнѣ гораздо болѣе разумными“.

„Покоячивъ съ политиками, я пошелъ къ поэтамъ, трагикамъ, дионрамбикамъ и другимъ, думая, что, вѣроятно, я окажусь менѣе знающимъ въ

сравненіи съ ними. Взявъ нѣкоторые изъ ихъ наиболѣе обработанныхъ поэмъ, я спросилъ у авторовъ, что означаютъ эти поэмы? Мнѣ стыдно, Аевняне, связать истину, но я долженъ призваться, почти каждый изъ присутствующихъ могъ бы лучше толковать объ этихъ произведеніяхъ, нежели сами ихъ творцы. Я скоро убѣдился, что почти все, что пишутъ поэты, дѣлается ими не по внушенію разума, но по какому-то естественному побужденію и восторгу, при чемъ они дѣйствуютъ подобно пророкамъ и произносящимъ прореченія. Эти послѣдніе говорятъ часто очень умныя вещи, но рѣшительно не знаютъ того, что говорятъ.

„Наконедъ, я прибѣгъ къ художникамъ, потому что хотя и сознавалъ, что я, нѣкоторымъ образомъ, ничего не знаю, но надѣялся, что найду между ними обладающихъ многими полезными знаніями. Я не ошибся; они знали многое, чего я не зналъ, и были настолько мудрѣ меня. Но и въ нихъ я замѣтилъ тотъ же недостатокъ, какъ и въ поэтахъ: каждый, знавшій свое искусство, считалъ себя по тому самому наиболѣе свѣдущимъ и въ другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ; эта самоувѣренность помрачала всю ту мудрость, которою она обладали. Такими поисками, Аевняне, я нашлъ себя, съ одной стороны, страшнѣйшихъ враговъ, взводившихъ на меня множество ложныхъ обвиненій, а съ другой — приобрѣлъ ия и репутацію мудреца“¹⁾.

Заключая это типическое изложене своихъ опытовъ допрашиванія всѣхъ и cadaго, Сократъ рѣшительно уничтожаетъ обвинене въ безбожии, связывая вопросъ религіозный съ вопросомъ моральнымъ, педагогическимъ, которому онъ посвятилъ себя, какъ религіозный миссіонеръ, и говорить, что если бы онъ ослушался этого призванія, тогда бы справедливо подлежалъ отвѣтственности въ нерелигіозности; но что онъ, если даже и теперь оправдаютъ его, не можетъ и не намѣренъ оставить порученное ему посольство обученія другихъ. Это посольство побуждаетъ его къ неутомимой дѣятельности, и молодые люди, стремясь къ образованію, дѣйствительно плѣняются имъ, слушая его діалектическія бесѣды, но въ доказательство обвиненія, будто бы онъ развратилъ ихъ, не можетъ быть приведено никакого факта: нѣтъ ни одного ни изъ нихъ самихъ, изъ тѣхъ, кто былъ молодъ, когда слушалъ его бесѣды, ни изъ ихъ родственниковъ, кто бы представилъ на это доказательства; между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны можетъ представить многочисленныя свидѣтельства въ пользу своего воспитательнаго вліянія на нравственное усовершенствованіе юношества своими бесѣдами.

„Вамъ, можетъ-быть, не нравится тонъ моей рѣчи, обратился Сократъ къ своимъ судьямъ; вы, можетъ-быть, ожидали, что и я буду дѣлать то, что сдѣлала бы большая часть обвиненныхъ, которые, однакожъ, были въ менъ-

¹⁾ Арологія Платона, изъ которой приводятъ это мѣсто Гротъ и Льюисъ. Сл. Сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. I, стр. 411, 412, 414.

шей опасности, чѣмъ я теперь,—что я буду просить, умолять васъ пощадить мою жизнь.... Не говоря уже о моей собственной репутаціи лучшаго между нами (заслуженной или незаслуженной, какъ угодно, но для которой я считаю унижительною такой образъ защиты), я былъ бы виновенъ, если бы нытался своими мольбами превклонить васъ на свою сторону. Моя обязанность учить и убѣждать васъ, сколько возможно: вы клялись слѣдовать законамъ, выказывая ваше убѣжденіе, и не гнуть законовъ туда, куда клонится ваше пристрастіе, и вашъ долгъ выполнить это. Да будетъ далеко отъ меня намѣръ и пріучать васъ къ клятвопреступленію! Да будетъ далеко отъ васъ желаніе пріобрѣтать такую привычку! Итакъ, я предоставляю Богу рѣшить, что въ этомъ случаѣ лучше по отношенію ко мнѣ и къ вамъ“¹⁾.

По весьма вѣрному замѣчанію Грота, осужденіе Сократа, и то весьма незначительнымъ большинствомъ голосовъ, состоялось не столько въ силу обвиненій, сколько благодаря самому способу защиты обвиняемаго. Никогда еще Аѣнскіе декасты не слышали подобной рѣчи къ нимъ. Они привыкли къ тому, чтобы съ ними говорили съ униженіемъ, льстивою покорностію; и вотъ теперь слышать они, какъ одинъ философъ, хотя и кумиръ мыслищаго юношества, но скромный старикъ-учитель, сталъ учить ихъ самихъ, стоитъ передъ ихъ трибуналомъ безстрашнымъ и непоколебимымъ повелителемъ, ставя себя выше ихъ власти и въ то же время ожидая ихъ приговора, — стоитъ предъ судомъ и торжественно заявляетъ свое божественное полномочіе на то, въ чемъ его обвиняютъ, человекъ, который объявляетъ себя вдохновеннымъ искоренителемъ самоувѣренности въ знаніи безъ знанія дѣйствительнаго²⁾.

Дѣйствіе, которое должна была произвести на судей такая защитительная рѣчь, Сократъ вполне предвидѣлъ самъ и потому выслушалъ осужденіе и приговоръ безъ всякаго изумленія и неудовольствія, удивляясь только одному, ничтожному большинству, которымъ состоялся приговоръ (всего 5 или 6 голосовъ). Онъ сказалъ судьямъ, что вполне доволенъ результатомъ, какого достигъ. Божественное знаменіе, которое постоянно останавливало его прежде въ словахъ и поступкахъ, въ продолженіи дня не дало ему ощутить себя, и когда онъ говорилъ, ни разу не прервало его рѣчи. Это безмолвное успокоеніе внутренняго совѣтника не только заставляеть его быть довольнымъ тѣмъ, что онъ говорилъ, какъ слѣдуетъ, но и увѣраеть его въ томъ, что произнесенный приговоръ не есть зло, что смерть есть самое лучшее изъ всего, что только можетъ быть лучшимъ для него теперь, смерть есть пе-

¹⁾ Apologia Платона. Сл. Переводъ соч. Платона Барпова ч. I, стр. 432—435.

²⁾ Grotte, v. Сл. Соч. Платона, переводъ Барпова, ч. I, стр. 435.

реходъ въ другую новую жизнь, гдѣ онъ встрѣтитъ всѣхъ людей прошлаго и будущаго, такъ что онъ и тамъ можетъ продолжать съ ними то же самое дѣло взаимнаго наученія въ нравственномъ совершенствѣ и преуспѣяніи¹⁾.

Заключительная рѣчь, произнесенная Сократомъ въ послѣднемъ обращеніи къ судьямъ, исполненная возвышенной трогательности, не только является высоко-поучительною, но и проникнута глубокимъ сознаниемъ воспитательныхъ цѣлей его поведенія на судѣ для потомства, убѣжденіемъ, высказаннымъ передъ судебнымъ собраніемъ, что присудившіе его къ смерти не уничтожили этимъ *испытующаю душу*, что большое число молодыхъ людей уже носятъ въ себѣ зерно его, которое они разовьютъ, потому что съ этого времени ихъ не будетъ сдерживать его умолкающій авторитетъ.

„Ради весьма короткаго выигрыша во времени, вы навлекаете на себя обвиненіе, о Аѳиняне, со стороны недоброжелателей тѣмъ, что приговариваете къ смерти мудреца — Сократа (тѣ, которые захотятъ упрекать васъ, назовутъ меня мудрецомъ, если бы даже я и не былъ таковъ). Если бы вы подождали немного, дѣло сдѣлалось бы безъ вашего содѣйствія: вы видите мои лѣта, я много прожилъ и близокъ къ смерти. Я говорю это не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые голосовали за осужденіе меня на смерть. Я скажу имъ еще слѣдующее... Я осужденъ не по недостатку словъ, которыя могъ сказать въ свое оправданіе, а по недостатку дерзости и безстыдства,—я не хотѣлъ говорить те, что вамъ было всего пріятнѣе слышать... Я гнушался сдѣлать или сказать что-либо недостойное свободнаго человѣка, и теперь не раскаиваюсь, что защищалъ себя такимъ образомъ. Лучше такая защита и смерть, чѣмъ иная защита и жизнь... Трудно, Аѳиняне, спастись не отъ смерти, а отъ вины, потому что вина быстрѣе смерти и скорѣе бѣжитъ. Меня, стараго, слабаго ногами, настигла смерть, еще тише шагающая, а моихъ обвинителей—они бодры и сильны—настигло быстрѣе шествующее злодѣяніе. Я приговоренъ къ смерти, а надъ ними истина произнесла свой приговоръ объ ихъ винѣ и несправедливости. Я покораюсь моему наказанію, а они—своему. Но мнѣ хочется предсказать вамъ, о люди, осудившіе меня, что стается въ ближайшемъ затѣмъ времени. Я предсказываю, что тотчасъ послѣ моей смерти васъ поразитъ наказаніе, болѣе тяжкое, нежели то, къ которому вы меня приговорили. Многіе, которыхъ я удерживалъ и которыхъ вы не видали, явятся требовать у васъ отчета. Они моложе и потому съ ними вамъ будетъ трудно справиться. Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что, казня людей, вы запугаете и удержите другихъ отъ обличенія васъ. Невозможно и неблагородно защищаться такимъ образомъ, благороднѣе и легче не убивать другихъ, но постоянно стремиться къ достиженію большаго совершенства... Теперь намъ

¹⁾ Apologia Платона. Сл. Сочиненія Платона переводъ Карпова. Ч. I, стр. 440, 441, 442.

время разстаться; мнѣ — умирать, вамъ — жить; но чья судьба лучше, это неизвестно никому, кромѣ Бога“¹⁾).

Конечно, ничто болѣе не могло воспламенить энтузіазмъ молодыхъ людей къ процессу діалектическаго возбужденія умовъ, которые были уже къ тому приготовлены, какъ эта величественная и трогательная рѣчь передъ трагическою смертію великаго старца, учителя истинны и мученика, защитительная рѣчь за пробужденіе любви къ истинѣ въ другихъ. „Онъ удалился изъ этого міра, прекрасно говоритъ Гротъ, какъ заходитъ великолѣпное тропическое солнце, удалился въ тотъ мигъ, когда уже видѣлъ близко грядущій упадокъ своихъ силъ, посвященныхъ воспитанію, съ приблизившеюся дряхлою старостію“²⁾).

Въ темницѣ, въ продолженіе мѣсяца до совершенія смертнаго приговора³⁾, Сократъ проводилъ все время съ друзьями въ бесѣдахъ о предметахъ знанія и человѣческой жизни. Въ послѣдній день онъ бесѣдовалъ о безсмертіи души съ тѣмъ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, которымъ проникнуть духъ Платонова „Федона“. Помимо метафизическихъ доводовъ, бѣлая часть которыхъ принадлежитъ Платону, тотъ живой образъ Сократа, который какъ бы смотритъ изъ рамы этого высокаго произведенія, образъ невозмутимаго спокойствія, веселаго и даже шутивлаго благодушія въ послѣдніе часы жизни запечатлѣнъ безсмертною красотой человѣческаго достоинства и святаго мученичества. Въ полномъ свѣтѣ предъ нами открывается здѣсь непреклонное убѣжденіе Сократа въ великомъ и священномъ дѣлѣ, каково воспитаніе человѣчества для умственнаго и нравственнаго совершенства, которое составляло столько лѣтъ главный и исключительный предметъ самой живой дѣятельности Сократа. Описаніе конца этой славной жизни до самаго мгновенія смерти передано въ разказѣ Федона съ такою художественною правдою и прелестью, что его стоитъ читать и перечитывать.

„Окончивъ бесѣду (о безсмертіи души), онъ (Сократъ) всталъ и пошелъ въ другую комнату умыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ, намъ же онъ велѣлъ подождать. Мы ждали, вспоминая и разсуждая о томъ, что слышали отъ него; по временамъ мы заговаривали о его смерти и о томъ, какимъ великимъ бѣдствіемъ будетъ она для насъ; мы искренно сознавали, что остаемся

¹⁾ Apologia Платона, котораго цитуетъ въ этомъ мѣстѣ Льюисъ. Сл. переводъ Карпова. Ч. I, стр. 439, 440, 443.

²⁾ Grote, ч. VIII.

³⁾ Казнь, назначенная на другой день суда, была отложена до возвращенія кораблей по случаю праздника Делосской ееорин. Grote, ч. VIII. Сл. Phedon въ переводѣ сочиненій Платона Карповымъ, ч. 2. стр. 60, 61, 63.

на всю жизнь сиротами, какъ дѣти, лишеными отца. Когда онъ умылся, къ нему привели синовей (у Сократа было двое маленькихъ и одинъ юноша). Ихъ сопровождали женщины, принадлежавшія къ семейству Сократа. Поговоривъ съ ними и заловѣдавъ имъ, что счелъ нужнымъ, онъ велѣлъ уйти мальчикамъ и женщинамъ, а самъ вернулся къ намъ. Солнце было уже на закатѣ, потому что онъ долго пробылъ въ купальнѣ. Вернувшись оттуда, онъ сѣлъ и уже говорилъ немного. Вошелъ слуга и обратясь къ нему сказалъ: „Я не замѣчаю въ тебѣ, Сократъ, того, что замѣчалъ въ другихъ; я думаю, что они сердились и проклинали меня, когда, по приказанію, я объявлялъ имъ, что они должны выпить ядъ. Ты же, какъ я вижу, самый великодушный, кроткій и лучшій изъ всѣхъ людей, когда-либо бывавшихъ здѣсь; я убѣжденъ, что ты сердился не на меня, но на виновниковъ твоего настоящаго положенія. Ты знаешь, на кого я намекаю. Теперь прощай! (тебѣ извѣстно, конечно, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ), будь счастливъ, старайся какъ можно спокойнѣе перенести эту необходимость“. При этихъ словахъ служитель залился слезами и отвернувшись вышелъ. „Будь счастливъ и ты“, отвѣчалъ Сократъ; потомъ, обратившись къ намъ, продолжалъ: „Какой ласковый человѣкъ! Все это время онъ заходилъ ко мнѣ и нерѣдко разговаривалъ со мною; это добрейшій человѣкъ, и теперь какъ искренно онъ оплакиваетъ меня! Послушаемъ его. Критонъ, прикажи, пусть кто-нибудь принесетъ ядъ, если онъ уже стертъ. если же нѣтъ, то пусть сотрутъ“. „Но еще не закатилось солнце, отвѣчалъ Критонъ, оно еще освѣщаетъ вершины горъ; да и притомъ же я знаю, что многіе выпивали ядъ очень поздно послѣ выслушанія приговора... Не спѣши же, время еще терпѣть“. Но Сократъ отвѣчалъ ему: „Тѣ, о которыхъ ты говоришь, Критонъ, имѣли основаніе поступать такъ: они думали выиграть что-нибудь этимъ: мнѣ нѣтъ причины дѣлать то же; замедленіемъ я не выиграю ничего, только сдѣлаюсь смѣшонъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: зачѣмъ стану я привязываться къ жизни и беречь ее, когда она для меня ничто? Послушай же меня, Критонъ, сдѣлай то, что я говорю“. Тогда Критонъ далъ знакъ мальчику, стоявшему подлѣ. Тотъ ушелъ и чрезъ нѣсколько времени вернулся съ человѣкомъ, который долженъ былъ поднести ядъ. Ядъ былъ уже приготовленъ и налитъ въ чашу. Увидя ее, Сократъ сказалъ: „Хорошо, мой милый, но что же мнѣ дѣлать съ ядомъ, ты свѣдуешь въ этихъ дѣлахъ?“ „Ничего болѣе, отвѣчалъ тотъ, какъ выпивъ ядъ, ходить, пока не почувствуешь слабости въ ногахъ, тогда лягъ, далѣе все сдѣлается само собою“. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ взялъ ее совершенно спокойно, не задрожалъ, не измѣнился въ лицѣ, но по обмѣновенію, посмотрѣвъ пристально на человѣка, спросилъ его: „Какъ ты думаешь, можно ли отъ этого яда сдѣлать возліяніе кому-нибудь, или нѣтъ?“ „Мы на-тираемъ, отвѣчалъ тотъ, именно столько, Сократъ, сколько нужно для того, чтобы выпить“. „Я понимаю тебя, сказалъ Сократъ, но, конечно, законно и справедливо молиться богамъ, чтобы мой переходъ изъ этого міра въ тотъ совершился счастливо. Объ этомъ только я и прошу ихъ“. Сказавъ это, онъ взялъ ядъ и совершенно спокойно, разомъ выпилъ его. До сихъ поръ большая часть изъ насъ, хотя съ трудомъ, могли удерживаться отъ плача. Но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ ядъ, и потомъ, что онъ его выпилъ, мы не могли удержаться отъ рыданій.

„Одинъ только Сократъ оставался твердъ. „Что вы дѣлаете, друзья мои? воскликнулъ онъ. Я нарочно отослалъ женщинъ и дѣтей, чтобъ онъ не смущалъ насъ. Я слышалъ, что умирать надо среди счастливыхъ предзнаменованій. Успокойтесь, призовите на помощь всю свою твердость“. Услыша такія слова, мы покраснѣли и удержали слезы, и онъ сталъ ходить до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ тяжести въ ногахъ. Тогда онъ легъ навзничъ, какъ велѣлъ ему тотъ человѣкъ, который поднесъ ядъ. Немного спустя сей послѣдній ошупывалъ ему ноги и колѣни. Онъ сильно придавилъ ногу Сократу и спросилъ, чувствуетъ ли онъ боль. Сократъ отвѣчалъ отрицательно. Потомъ онъ опять сталъ щупать его бедро, и, проводя рукою все выше и выше, поназалъ намъ, что все тѣло Сократа было холодно и безчувственно. Сократъ также самъ сталъ ошупывать себя и сказалъ, что покинеть насъ, когда ядъ дойдетъ до сердца. Нижняя часть живота его почти совсѣмъ охладѣла. Тогда онъ открылся (онъ былъ закрытъ) и сказалъ (это были его послѣднія слова): „Критонъ, мы должны ибѣтуса Эскулапу. Исполни за меня этотъ долгъ, не забудь!“ „Исполню, отвѣчалъ Критонъ, но вспомни, не прикажешь ли еще чего-нибудь“. Сократъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ Критона. Не много спустя, онъ вздрогнулъ, и человѣкъ покрылъ его. Глаза Сократа оставились. Критонъ закрылъ ему ротъ и вѣки. Такъ скончался нашъ другъ, справедливѣйшій, мудрѣйшій, лучшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ современниковъ“¹⁾.

Такъ погибъ этотъ человѣкъ, самый простой, самый искренній, самый мужественный, глубоко религиозный, безкорыстно и самоотверженно преданный дѣлу образованія, мудрый философъ въ строгомъ смыслѣ слова и самый опытный и искусный педагогъ, доселѣ единственный живой, цѣльный педагогическій типъ, художественно воплощенный для потомства въ „Разговорахъ“ Платона.

Характеристику Сократа, какъ педагога, мы не можемъ ничѣмъ лучше закончить, какъ слѣдующимъ Платоновскимъ образомъ, въ которомъ начертанъ великолѣпный портретъ Сократа и обаятельный духъ его педагогическихъ бесѣдъ.

На пиршество собралось много знаменитыхъ Аѳинянъ. Они рѣшились сказать панегирики эросу. Послѣ хвалебныхъ рѣчей, произнесенныхъ баснописцемъ Федромъ, Павзаніемъ, врачомъ Эриксимахомъ, комикомъ Аристофаномъ и трагикомъ Агаеономъ, которые разсматривали съ разныхъ сторонъ сущность любви, Сократъ развилъ свой собственный взглядъ на любовь философовъ, какъ на стремленіе знать и творить прекрасное. Любовь—эросъ—это, по глубоко-поэтическому взгляду Сократа, состояніе духовной беременности плодами мудрости и добродѣтели, которыхъ родителями и родовспомогателями бывають

¹⁾ Phaedon Платона. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, часть 2, стр. 141, 142, 143, 144.

поэты, художники, философы—вообще воспитатели юности въ прекрасномъ и добромъ. Родильный плодъ этого духовно-брачнаго соединенія — порожденія мысли и сердца, которыми увѣковѣчивается любовь къ прекрасному, обнаруживающаяся стремленіемъ къ истинѣ и добру въ томъ направленіи, которое дано воспитаніемъ. Такимъ образомъ понятіе объ эросѣ возведено Сократомъ къ значенію *идеи воспитанія* и любовь къ прекрасному положена въ основу педагогикіи. Съ этой педагогической точки зрѣнія Сократъ показываетъ, съ какою постепенностію и послѣдовательностію должно вести дѣтство по пути стремленія къ прекрасному, пока человѣкъ не сдѣлается способнымъ созерцать прекрасное само въ себѣ и въ заключеніе съ истинно пническимъ восторгомъ начертываетъ образъ прекрасно-божественнаго. Должно, говоритъ онъ, сперва располагать дѣтей къ прекраснымъ тѣламъ и прекраснымъ рѣчамъ; потомъ—направлять взглядъ дѣтей такъ, чтобы душевную красоту они предпочитали тѣлесной и, цѣнили ее во всѣхъ духовныхъ занятіяхъ. Но занятія приковываютъ человѣка къ чему-либо одному и дѣлають взглядъ его узкимъ; всякое частное занятіе надобно совершать въ горизонтѣ болѣе обширномъ, чтобы достигъ знанія прекраснаго всеобщаго, божественнаго. Это прекрасное по всему, всегда и во всѣхъ прекрасно, и блаженна жизнь того человѣка, который ощутить и узреть эту божественную красоту, потому что тогда онъ будетъ рождать и созерцать не образы только, но самую истину ¹⁾).

Когда послѣ этой рѣчи Сократа завязался между собесѣдниками разговоръ о ней, въ комнату вошелъ молодой, уже знаменитый Алкивиадъ съ своими друзьями. Онъ принялъ участіе въ пиршествѣ и долженъ былъ также говорить похвальное слово эросу; но вмѣсто того онъ выразилъ желаніе сказать похвальное слово Сократу.

„Я хочу, друзья мои,—такъ началъ Алкивиадъ,—говорить похвальную рѣчь Сократу и буду говорить образами затѣмъ, чтобы лучше выразить истину. Итакъ я утверждаю, что Сократъ похожъ на тѣхъ сиреновъ, которые изображаются ваятелями всегда съ флейтами и свирѣлями, которыя если отнять отъ нихъ, то они окажутся божествами, и прежде всего похожъ онъ на сатира Марсія. Я думаю, ты и самъ не станешь отрицать, Сократъ, что твой видъ и наружность напоминають сатировъ. И развѣ ты не великій артистъ? Да, ты — артистъ, и притомъ болѣе чудесный, чѣмъ Марсій. Онъ чаруетъ людей своею игрою на флейтѣ, чаруетъ силою пѣсенъ своихъ; пѣсни его, кто бы ни игралъ ихъ, по сущности своей остаются чудесными твореніями; по этимъ пѣснямъ можно узнать, въ чьей душѣ есть стремле-

¹⁾ Сумров. 204—212; въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 139.

ніе къ богамъ, кто поклонъ небеснаго наптія, такъ какъ сами они божественны. Но ты, Сократъ, выше самого Марсія, потому что такія же чары производишь ты безъ помощи музыкальныхъ инструментовъ. Всѣ мы, когда слушаемъ рѣчь какого-либо оратора, даже самаго искуснаго, остаемся, если сказать правду, довольно равнодушны; но если мы слушаемъ тебя, мы бываемъ очарованы и поражены твоею рѣчью, потрясающею наши души. Бланусъ вамъ, друзья мои, въ томъ, что много страданій причинили мнѣ рѣчи Сократа, часто и теперь я страдаю отъ нихъ. Когда я слушаю его, сердце мое бьется сильнѣе и слезы текутъ изъ глазъ моихъ; то же самое происходитъ и въ другихъ... Этотъ Марсій часто производитъ на меня дѣйствіе до того сильное, что жизнь, которую я велъ, казалась едва достойною того, чтобы продолжать ее. Онъ заставляетъ меня, друзья мои, сознаться, что я забываю свои собственные нужды и недостатки, чтобы завятыся нуждами Аоннянъ. Потому-то я затыкаю уши мои, какъ отъ пѣнія сиренъ, чтобы не засидѣться подлѣ него и не состарѣться, слушая его. Этотъ человѣкъ одинъ заставляетъ меня испытывать чувство стыда, котораго во мнѣ никто не подозрѣвалъ; онъ одинъ внушаетъ мнѣ раскаяніе и страхъ, потому что при немъ я чувствую, что не могу отказать отъ исполненія того, что онъ требуетъ. При видѣ его, я чувствую себя униженнымъ, ибо не исполнилъ того, что призналъ при немъ своимъ долгомъ; и часто, часто я желалъ, чтобы не видать было его между нами. Но случись это, я чувствую, что буду страдать большими муками, такъ что я не знаю, куда мнѣ уйти, или что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ. Вотъ что испытываемъ я и другіе отъ игры этого сатира. Я знаю, что никто изъ васъ не понимаетъ настоящей природы Сократа, но я постараюсь объяснить вамъ ее. Посмотрите, какъ вся жизнь Сократа проходитъ въ изученіи прекраснаго, какъ страстно любитъ онъ изящное и восхищается изящнымъ, и въ то же время увѣраетъ, что будто онъ совершенно ничего не знаетъ. Развѣ это не похоже на силеновъ? Но это, друзья мои, наружная форма, въ которую онъ облачается, и вы не подозрѣваете, какая мудрость и какая способность прорѣвнія скрывается въ немъ. Не знаю, видѣлъ ли кто изъ васъ божественные образы внутри его, когда онъ открывался. Я видѣлъ ихъ, и они показались мнѣ такъ божественно-прекрасными, что я хотѣлъ бы исполнить все, что пожелалъ бы Сократъ, какъ повелѣніе Бога. Въ Сократѣ несравненно то, что онъ выше всякаго сравненія съ другими людьми; ни среди настоящаго, ни среди прошедшихъ поколѣній нельзя найти человѣка, столь необыкновеннаго и въ самомъ себѣ, и въ своихъ рѣчахъ. Сначала я забылъ указать на то, какъ похожи его рѣчи на тѣхъ сатировъ, которыхъ раскроешь; потому что, если станеть кто прислушиваться къ рѣчамъ Сократа, то онѣ сначала покажутся ему крайне смѣшными, фразы и выраженія, употребляемая имъ, похожи на грубыя складки лица сатировъ. Онъ вѣчно говоритъ о плавильщикахъ, о кожевникахъ, о продавцахъ, такъ что тупой слушатель непремѣнно расхохочется, слыша его. Но человѣкъ, который только выкиветъ въ значеніе его словъ, увидить, что изъ всего, что входитъ въ умъ человѣка только одни его слова имѣютъ глубокой и убѣдительный смыслъ, что они представляютъ уму безчисленные образы всякаго совершенства, что они направлены къ достиженію важнѣйшихъ дѣлей, къ достиженію того, что долженъ

считать существеннымъ всякій человекъ, стремящійся къ обладанію прекраснымъ и добрымъ“¹⁾).

Такимъ образомъ Алкивиадъ изображаетъ Сократа, какъ Сократъ въ своей рѣчи изобразилъ эроса, — изображаетъ не въ идеѣ, но въ идеальномъ типѣ, осуществленномъ личностію Сократа — этого интеллектуальнаго родовспомогателя. Пусть этотъ образъ служитъ прологомъ въ нашему изслѣдованію о Сократѣ, какъ педагогѣ.

II. Сократъ, какъ педагогъ.

Въ предшествующей главѣ, стараясь обрисовать личность Сократа, какъ цѣльный педагогическій характеръ, немногими, но, какъ полагаемъ, твердыми и типическими чертами, мы нѣсколько разъ упоминали только вскользь объ оригинальности Сократа въ отношеніи предмета и метода его обученія. То и другое составляетъ такую типическую черту Сократа, которая по своей даже современной для насъ (мы это смѣло заявляемъ) важности заслуживаетъ особеннаго вниманія и глубокаго изученія со стороны всякаго, интересующагося великимъ вопросомъ науки и искусства воспитанія.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что надпись на Дельфійскомъ храмѣ: *познай самого себя* былъ для Сократа священнымъ текстомъ, который онъ постоянно цитовалъ и толковалъ своимъ слушателямъ. Это изреченіе было не только однимъ изъ практическихъ совѣтовъ мудраго воспитателя, оно было ядромъ, вокругъ котораго сосредоточивалось все педагогическое дѣло Сократа. Существеннымъ предметомъ всей философіи Сократа было положеніе, что „самый важный и вполне достойный предметъ для человѣческаго познанія есть самъ человекъ“.

Это положеніе, провозглашенное Сократомъ, было не только оригинально, но составляетъ новую эпоху въ исторіи человѣческаго образованія. Всѣ мыслители до Сократа ставили для себя задачей разрѣшеніе вопроса о началѣ и происхожденіи всѣхъ вещей, какъ совокупности дѣлага, называемаго міромъ, природою, физическимъ вос-

¹⁾ Симпос. Платона, откуда приводитъ этотъ превосходный отрывокъ и Льюисъ въ «Исторіи философіи», ч. I, стр. 125—128. См. переводъ Карпова, ч. 4, стр. 212—222. Агаеонъ, по свидѣтельству Аэинна (V, р. 217), въ 4-мъ году 90-й Олимпиады получилъ въ Ликеехъ общественную награду и эту честь праздновалъ двухдневнымъ пиромъ, который и описанъ въ великолѣпнѣйшемъ изъ Платоновыхъ разговоровъ Симпосіонѣ. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 145, примѣчаніе 4.

мосомъ. Въ этомъ отношеніи, не смотря на различіе ихъ исходныхъ точекъ зрѣнія на рѣшеніе общаго вопроса, они сходятся въ конечномъ результатѣ, въ главной цѣли своихъ изслѣдованій, въ предметѣ философіи,—всѣ они философы-*физиологи*, въ истинномъ смыслѣ этого слова, или космологи¹⁾. Сократъ первый обратилъ философію отъ спекуляцій о мірѣ и его началѣ на путь психологическаго изслѣдованія; изъ этой *частической* совокупности великаго физическаго космоса онъ, такъ-сказать, выдѣлилъ нравственный микрокосмъ, личность человѣческую, и поставилъ самымъ важнымъ для человѣческаго изученія предметомъ самого человѣка. Онъ изслѣдовалъ духъ и совѣсть человѣка, съ цѣлю открыть такимъ самоизслѣдованіемъ, самоиспытаніемъ основные законы и послѣднія конечныя цѣли разумно-нравственной человѣческой природы, или того типа разумно-нравственныхъ качествъ человѣческой личности, который обуславливаетъ личное счастье каждаго человѣка въ гармоническомъ сочетаніи съ общимъ благомъ человечества. Наука изучать существо человѣческое, какъ Сократъ понималъ философію, должна изслѣдовать начала и законы всѣхъ людскихъ качествъ, чтобы обратить эти общіе законы или принципы въ параллельную теорію правилъ и приложить послѣднія ко всей суммѣ частныхъ обстоятельствъ, въ практической дѣятельности, въ которой проявляется нравственный характеръ,—эта наука должна служить основой „искусства вести себя“, основой искусства воспитанія. Слѣдовательно, Сократъ былъ не только философомъ этики въ тѣсномъ смыслѣ, какъ практической морали, но, что гораздо своеобразнѣе и для нашего времени многозначительнѣе, первымъ основателемъ *неологии*²⁾, какъ науки о законахъ образованія характера, науки, соответствующей важнѣйшему изъ всѣхъ искусствъ, искусству воспитанія, науки, которая еще не создана и создать которую только теперь стало

¹⁾ До-сократовская философія съ этой точки зрѣнія прекрасно разработана М. Н. Катковымъ въ его «Очеркахъ древней греческой философіи».

²⁾ «Неология или наука о характерѣ (отъ ἦθος—слова ближе соответствующаго термину «характеръ», чѣмъ какое бы то ни было другое слово того же языка). Название это можетъ быть этимологически приложено ко всей наукѣ о нашей душевной и нравственной природѣ; но если, какъ это обычно и удобно, мы обозначаемъ словомъ *психологія* науку о природѣ и объ основныхъ законахъ души, то неология будетъ служить для обозначенія дальнѣйшей науки, которая опредѣляетъ законы образованія характера, соответственно этимъ общимъ законамъ и частнымъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, неология есть наука, соответствующая искусству воспитанія... Д.-С. Милль, Сист. логики, т. II, стр. 442.

возможнымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Милль. Философско-педагогическій гений Сократа въ этомъ отношеніи не только опередялъ свой вѣкъ, но предвосхитилъ одну изъ самыхъ глубокихъ, важныхъ и плодотворнѣйшихъ идей нашей современной науки и культуры. Исторію педагогики, не только какъ практическое искусство воспитанія, но какъ научную теорію объ образованіи характера, какъ неологию, блистательно начинаетъ Сократъ, этотъ истинный *agens philosophiae*, какъ справедливо его называли древніе.

Вѣкъ Сократа выработалъ уже богатый запасъ практическихъ житейскихъ правилъ, житейской мудрости, которою вообще отличались Аѳиняне. Необыкновенно-разнообразная и кипучая общественная жизнь Аѳинъ давала философу-моралисту и неологу богатый матеріалъ для обработки, чему способствовала и діалектическая способность этого роскошно одареннаго народа. Во всякомъ публичномъ собраніи, въ дикастеріяхъ, въ школахъ, въ театрахъ и на площадяхъ шелъ горячій споръ о томъ, что справедливо и что несправедливо, что честно и что нечестно, что полезно и что вредно. Въ этихъ спорахъ высказывались готовыя мнѣнія, ставились новыя начала, полагались посылки и выводились заключенія. Но, какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый историкъ Греціи ¹⁾, при всемъ этомъ людямъ недоставало того сознанія, которое дѣлаетъ всякаго способнымъ истолковать другому, что онъ дѣлаетъ. Идеи людей того времени, какъ творческихъ умовъ, такъ и воспримчивой массы, группировались скорѣе подъ влияніемъ волненій чувствъ и возбужденій дня, нежели вслѣдствіе методическаго обобщенія, научнаго отвлеченія и на основаніи индуктивныхъ или дедуктивныхъ доказательствъ. Эти идеи и убѣжденія касательно самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни накапливались въ умахъ бессознательно, будучи приняты на вѣру изъ преданія. Явившись, какъ вѣчто готовое, прежде развитія сознанія и безъ критической повѣрки разсудка, эти убѣжденія еще не подвергались пересмотру. Такимъ путемъ общія выраженія и ходячія положенія, касавшіяся человѣческой жизни, образовали рядъ ассоціацій изъ безчисленныхъ частныхъ, смѣшанное смутное цѣлое, въ которомъ каждая отдѣльная черта не представлялась еще ясно сознанію. Каждый находилъ общепринятія убѣжденія въ своемъ умѣ, не сознавая, какъ они укрѣпились въ немъ, каждый находилъ ихъ и въ другомъ, какъ результатъ общихъ вѣрованій и правилъ жизни. Такъ какъ эти общія

¹⁾ Grote, т. VIII, котораго цитуетъ въ этомъ мѣстѣ и Льюисъ въ своей «Исторіи философіи», ч. I, стр. 150.

положеніи имѣли широкій смыслъ, то не смотря на постоянные споры о примѣненіи ихъ къ частнымъ случаямъ, они сами по себѣ казались убѣдительными и понятными для каждаго, никто не считалъ нужнымъ подвергать критическому анализу эти всеобщія положенія и никто не давалъ себѣ труда подумать о томъ, можетъ ли содержаніе ихъ быть доказано и дѣйствительно имѣть разумное приложение къ жизни.

Таково было состояніе мнимаго знанія — безъ знанія дѣйствительнаго того, что относится къ человѣческой жизни съ ея обязанностями и дѣлами, что Сократъ называлъ „человѣческою мудростію“, состояніе, которое легко понять безъ дальнѣйшихъ объясненій. Ибо и нынѣ по отношенію къ этому предмету въ большей части людей господствуетъ увѣренность въ „знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, принятіе убѣжденій и положеній не доказанныхъ, безсознательно на вѣру въ чей-либо авторитетъ, по преданію, или по мѣткому выраженію Бэкона, *per intellectum sibi permissum*, при чемъ принимающій находится въ состояніи умственной иллюзіи, что онъ дѣйствительно понимает и самые предметы, которыхъ касаются эти фразы, способенъ прилагать ко всѣмъ случаямъ въ жизни, какъ безспорныя правила человѣческой мудрости, — иллюзіи, особенно жалкой тѣмъ, что благодаря ей, человѣкъ теряетъ всякую способность различать истину или ложь самыхъ важныхъ въ жизни нравственныхъ правилъ, на каждомъ шагу обнаруживая шаткость, слѣпоту и противорѣчіе въ примѣненіи ихъ къ частнымъ обстоятельствамъ.

Въ такомъ состояніи умственной иллюзіи по отношенію къ человѣческой жизни Сократъ нашелъ современное ему общество, ослѣпленное увѣренностію въ „знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, и своимъ полнымъ любви къ человѣчеству сердцемъ почувствовалъ, какъ страдаетъ человѣческое счастье отъ этого всеобщаго самоувѣреннаго невѣжества. Сравнивая самообольщеніе людей въ области нравственной жизни съ отношеніемъ ихъ къ различнаго рода спеціальнымъ дѣятельностямъ, можно видѣть, что иллюзіямъ и самоувѣренности нѣтъ мѣста въ послѣднихъ. Вотъ почему Сократъ любилъ чаще всего указывать въ своихъ бесѣдахъ на контрастъ между степенью познанія человѣческаго въ отношеніи самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни и степенью познанія ремесленниковъ въ отношеніи своего ремесла. Возьмите, говоритъ онъ, человѣка, чѣмъ-либо занимающагося спеціально, напримѣръ: плотника, мѣдника, кормчаго, врача, музыканта, и спросите каждаго о предметахъ его цеховаго занятія. Онъ будетъ въ состояніи сказать вамъ, у какихъ лицъ онъ учился своему ре-

мелу, укажетъ вамъ путь, которымъ онъ научился; онъ можетъ вамъ опредѣлить цѣль своихъ занятій и вмѣстѣ съ этимъ всѣ частныя средства, которыя употребляетъ для осуществленія этой цѣли; онъ укажетъ вамъ основанія, почему нужно употребить эти средства, и какія нужно взять предосторожности, чтобы преодолѣть тѣ или другія препятствія; онъ можетъ научить другихъ своей профессіи; въ томъ, что къ ней относится, онъ пользуется авторитетомъ, такъ что никто другой, если онъ не знатокъ по этой части, не подумаетъ спорить, на примѣръ, съ рѣшеніемъ врача при известной болѣзни, или съ распоряженіемъ кормчаго на морѣ. Между тѣмъ, какъ это бываетъ по отношенію къ каждому специальному занятію, какая противоположность въ отношеніи *искусства справедливо, честно и счастливо жить*, искусства, которое для всѣхъ и cadaго имѣетъ одинаковую важность, или по крайней мѣрѣ, должно имѣть! Всякій убѣжденъ въ томъ, что онъ хорошо знаетъ это искусство, но никто не знаетъ, какимъ способомъ онъ достигъ до этого знанія, никто никогда не думалъ ни о цѣли, ни о средствахъ, ни о препятствіяхъ къ этому; никто не можетъ разъяснить даже своихъ собственныхъ понятій объ этомъ, дать въ нихъ вѣрный отчетъ, если ему будутъ предложены вопросы объ этомъ; никто, повидимому, не можетъ учить этому другихъ, какъ это кажется изъ того, что нѣтъ особенныхъ учителей добродѣтели, и что сыновья самыхъ лучшихъ людей часто не имѣютъ никакой нравственной доблести. Всякій знаетъ нѣкоторые общіе термины и утверждаетъ ихъ съ полною увѣренностію, не ища никого другаго, кто бы понималъ ихъ лучше, и потому разногласіямъ и противорѣчіямъ о частныхъ случаяхъ нѣтъ конца. „Когда кто-либо, имѣя молодую лошадь, пожелаетъ выѣздить ее, онъ тотчасъ безъ труда найдетъ чело-вѣка, совершенно знакомаго съ привычками лошадей, который можетъ выучить превосходно молодое животное. Но можетъ ли найти кто-либо такого чело-вѣка, который бы сталъ учить его сына добродѣтели, чело-вѣка, вполне обладающаго необходимыми предвари-тельными свѣдѣніями, отъ дѣятельности котораго можно бы ожидать вѣрнаго успѣха, найти чело-вѣка, который бы могъ хорошо объ-яснить, что въ добродѣтели можетъ быть предметомъ науки, что есть добродѣтель вообще, въ какихъ частяхъ существуетъ сходство и въ какихъ различіе между различными ея видами: справедливостію, мужествомъ и мудростію?“¹⁾

¹⁾ Protagoras Платона, Менo его же. Alcib 1. Grote, v. VIII.

Такого глубокаго учителя, такого представителя человѣческой мудрости, или по выраженію Платона рѣчи, такое обличающее и убѣждающее не твердыхъ по уму людей божество, древній языческій міръ встрѣтилъ въ философѣ Сократѣ. Въ разговорахъ Платона, именно въ тѣхъ, гдѣ ученіе Сократа не закрывается личными философскими идеями Платона, бесѣды Сократа имѣютъ предметомъ изслѣдованіе вопроса: „можно ли учить добродѣтели“, то-есть, анализъ добродѣтели, какъ предмета науки, и разсмотрѣніе ея видовъ ¹⁾.

Какъ человѣкъ съ глубоко-религіознымъ настроеніемъ души, онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ вывести согражданъ своихъ изъ состоянія умственнаго самообольщенія и къ этой цѣли направлялъ способъ своего перекрестнаго допрашиванія противъ великаго заблужденія всѣхъ современниковъ своихъ въ отношеніи къ человѣческой мудрости, очищая умъ слушателей своихъ отъ предвзятыхъ и случайно воспринятыхъ мнѣній, нерѣдко другъ другу противорѣчащихъ правилъ, поражая самоувѣренность въ „знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“ въ отношеніи къ человѣческой жизни съ ея общими принципами и главною цѣлію; какъ человѣкъ обширной практической опытности, высокаго разумно-выработаннаго нравственнаго характера, съ природнымъ стремленіемъ ума къ научному обобщенію и обоснованію жизненныхъ явленій, владѣя способностію къ духовному возбужденію другихъ, онъ первый изъ философовъ созналъ необходимость изученія существа человѣческаго для приобрѣтенія опытности въ искусствѣ *вести себя*. Постоянно обращаясь къ священному изреченію

¹⁾ Вопросъ о томъ, можетъ ли добродѣтель быть предметомъ науки, сильно занималъ умы во время Сократа, и Платонъ посвятилъ много своего генія рѣшенію этого вопроса. Въ многочисленныхъ разговорахъ Платона, бесѣды Сократа имѣютъ предметомъ анализъ добродѣтели и ея видовъ. Такъ въ *Протагорѣ* и *Менонѣ* рѣшается вопросъ: можно ли учить добродѣтели вообще; въ *Лакесѣ* идетъ рѣчь о мужествѣ; въ *Хармидѣ*—объ умѣренности; въ *Естиморонѣ*—о святости; въ *Гитіиѣ*— о справедливости. Въ «Менонѣ» Платона (стр. 56, 98) Сократъ говоритъ, что добродѣтель не можетъ быть наукою, что ей нельзя учить. Но это мнѣніе не въ духѣ Сократа, который, по Кееновонту, отождествлялъ добродѣтель съ наукою, или знаніемъ, или какъ точно утверждаетъ Аристотель, подчинилъ всю нравственность наукѣ, *Φρονήσις φερεῖ εἶναι πάσας τὰς ἀρετάς*. Aristot. Ethic. Nicomach. VI. 13. «Исторія философіи» Льюиса стр. 159 ч. 1., тѣмъ болѣе, что и Платоновскій Сократъ самъ отрицаетъ это мнѣніе, говоря въ другомъ мѣстѣ, что добродѣтель есть наука. Protag. стр. 361. Развитие доказательствъ этого положенія Сократа читатель найдетъ ниже. Сл. переводъ Карпова. Ч. I, стр. 129—130.

оракула о самопознаніи, Сократъ ставилъ какъ основной принципъ изслѣдованія человѣческой природы, *самосознаніе, необходимость психологическихъ данныхъ для этологическихъ выводовъ о законахъ образованія характера и параллельныхъ тому правилъ практическаго воспитанія.*

Вотъ истинный планъ и цѣль того, что Сократъ называлъ своимъ посланничествомъ свыше, планъ гораздо болѣе широкій, великій и благородный, чѣмъ антисофистическая политика или сухая мораль, которыя часто приписываются Сократу, какъ главный предметъ и цѣль его философской дѣятельности.

Это внутреннее сопровиженіе идеи моральной съ идеей научною составляетъ самую существенную сторону философіи Сократа, какъ этолога, и побуждаетъ насъ, согласно съ нашимъ взглядомъ и цѣлю, раскрыть этотъ принципъ Сократа по отношенію къ тому предмету, который онъ первый сдѣлалъ предметомъ изслѣдованія, доказывая, что добродѣтель можетъ и должна быть изучаема, что знаніе психологическихъ законовъ и конечныхъ цѣлей нравственной жизни есть первое условіе, внутренняя основа для искусства воспитанія нравственнаго характера, или, по выраженію Сократа, что „знаніе есть добродѣтель“. Изслѣдованіе въ этомъ направленіи необходимо тѣмъ болѣе, что на Сократа большею частію смотрятъ, какъ на проповѣдника нравственности, который, сосредоточиваясь на практической, моральной сторонѣ философіи, даже отрицалъ теоретическое ея знаніе, относился къ науцѣ съ пренебреженіемъ скептика. Ничего не можетъ быть одностороннѣе и даже фальшивѣе таковаго взгляда на дѣло Сократа, на предметъ и цѣль его философіи. Значеніе практическаго моралиста принадлежало, безспорно, личности Сократа и было причиною того почета, которымъ пользуется его имя въ исторіи. Но эта особенность, вовсе не особенно оригинальная, является не какъ причина его могущественнаго воспитательнаго вліянія, но уже какъ слѣдствіе его теоретическаго принципа философіи. Правда, что Сократъ никогда не высказывалъ своей системы (за что часто его укоряли собесѣдники); однако, если бы онъ былъ только догматическимъ моралистомъ, то ни Платонъ, ни Аристотель не называли бы себя его учениками. Считающіе Сократа только моралистомъ ссылаются на этотъ разъ именно на Аристотеля, который говоритъ: „Размышленія Сократа касались только этики, но не касались природы вообще“. Но эти, ничего, впрочемъ, не подтверждающіи слова представляютъ одинъ лишь выхваченный отрывокъ; далѣе Аристотель

продолжаетъ: „Въ этихъ размышленіяхъ онъ (Сократъ) искалъ *отвлеченнаго* (τόκαθολον); онъ первый задумалъ давать *опредѣленія*“. Въ другой части метафизики своей Аристотель выражается еще яснѣе: „Сократъ занялся нравственными добродѣтелями и першй сталъ искать *отвлеченныхъ ихъ опредѣленій*... Сократъ разумно (εὐλογῶς) изслѣдовалъ сущность вещей, *то-есть, того, что существуетъ*“ ¹⁾. Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о Сократѣ, мы встрѣчаемъ у Аристотеля упрекъ Аристиппу, одному изъ послѣдователей Сократа, за то, что онъ оставилъ науку и сосредоточился на одной нравственности. Молчаніе его въ этомъ случаѣ о Сократѣ свидѣтельствуеъ, что Сократъ не отрицалъ науки, теорій ²⁾. Сократъ отрицалъ физическія гипотезы о началѣ міра, потому что, составляя, по его выраженію, предметъ пустаго любопытства, эти фантастическія въ то время теоріи отрицали науку о человѣческой душѣ и знаніе тѣхъ сокровищъ, которыя сокрыты въ ней. Его предшественники и современники мыслили наудачу. Они строили одни бездоказательныя гипотезы, другъ другу противорѣчащія, какъ мнѣнія сумасшедшихъ, по рѣзкому выраженію Сократа; ибо они не опредѣляли границъ и условій для своихъ изслѣдованій. Сократъ оставилъ всѣ подобныя попытки и сталъ на путь психологическаго изслѣдованія, на путь самосознанія, поднялъ первый и величайшій вопросъ въ наукѣ о природѣ и законахъ чело-вѣческаго духа и сознанія, какъ условіяхъ знанія и добродѣтели, науки и жизни. Этимъ самымъ Сократъ далъ новый и самый плодотворный толчекъ знанію и мысли; и если толчекъ нравственный былъ болѣе энергиченъ, чѣмъ интеллектуальный, то это потому, что „вопросы жизни“ болѣе вызвали вниманіе Сократа, который самъ, по прекрасному выраженію одного историка философіи, замѣчательнень не какъ отвлеченный систематикъ, но какъ цѣльный чело-вѣкъ ³⁾. Теорія Сократа вся была направлена къ жизненнымъ чело-вѣческимъ цѣлямъ, къ воспитанію идеальнаго благородства, нравственнаго характера, какъ условія счастливой жизни, и никто менѣе его не былъ „трансценденталенъ“ въ этомъ отношеніи ⁴⁾. Онъ былъ проникнутъ все

¹⁾ *Metaph. Aristot. XIII. 4.*

²⁾ *«Исторія философіи» Льюиса, ч. 1. 156 и слѣд.*

³⁾ *Brandis, Gesch. d. Phil. 1, § 85.*

⁴⁾ Весьма характернычень въ этомъ смыслѣ разказъ Есеновонта, передающаго разговоръ Сократа съ Аристиппомъ о *добромъ и прекрасномъ*. Аристиппъ спросилъ Сократа: «Знаетъ ли онъ что-нибудь доброе?» — Вы спрашиваете, отвѣчалъ Сократъ, знаю ли я что-нибудь *доброе* на случай *уморадки*,

тою великою идеей, какъ и родоначальникъ новой философіи Бэконъ, что сила твердой нравственной жизни зависитъ отъ понятій разума, отъ знанія конечныхъ нравственныхъ цѣлей и условій человѣческаго существованія. Сократъ былъ убѣжденъ, что нельзя быть справедливымъ, умѣреннымъ, мужественнымъ, благочестивымъ патриотомъ; не зная, какъ слѣдуетъ, что такое справедливость, умѣренность, мужество, святость и любовь къ отечеству. Это и есть основное убѣжденіе, около котораго сосредоточилась вся дѣятельность Сократа, какъ этолога. Эти предметы, говорилъ Сократъ, божество предоставило не только для человѣческой дѣятельности, но и для человѣческаго изученія и познаванія: это такая область, въ которой оно расположило всѣ явленія въ непрерывномъ порядкѣ, по законамъ причинъ и слѣдствій, такъ что каждый не только можетъ знать, если употребить на то достаточное стараніе, но обязанъ знать, потому что невозможно поступать хорошо, если этого не знаемъ; иначе ты — не лучше раба, не способенъ, чтобы тебѣ довѣряли, какъ свободному существу съ нравственною отвѣтственностію. Противопоставивъ предшествовавшей философіи натурализма философію гуманизма и сдѣлавъ личность человѣческую главнымъ полемъ своихъ изслѣдованій, Сократъ первый высказалъ великій принципъ, что расположенія человѣческой воли и характеръ дѣйствій подчинены своимъ общимъ законамъ и разумнымъ цѣлямъ. Слѣдовательно, возможна и необходима общая и сообразная съ этими законами теорія нравственныхъ дѣйствій, или тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыя должно или возбуждать, или устранять по отношенію къ господствующей, конечной цѣли человѣческой природы—благу и счастію. Съ этой точки зрѣнія Сократъ смотрѣлъ на каждое общее или родовое выраженіе, обозначающее совокупность нравственныхъ качествъ (добродѣтель), какъ на отвлеченное логическое *опредѣленіе*, въ которомъ соединено множество сужденій или познаній ума о частныхъ случаяхъ поступковъ или дѣйствій человѣческихъ, приведенныхъ въ извѣстную гармонію, въ *цѣлостное понятіе*. Это понятіе, выраженное въ общемъ названіи какой-либо добродѣтели (напримѣръ, справедливость), образуетъ извѣстное нравственное правило или общій типъ нравственнаго поведенія. Разбирая такимъ образомъ частныя сужденія, входящія въ составъ общаго по-

или противъ воспаленія *глазъ*, или какъ предохранительную мѣру противъ *юлода*? Если же продолжать Сократъ, вы спрашиваете меня *о добру*, что не *добро* мы на что, то такого я не знаю, и не желаю знать.» См. «Нѣмецкая Психологія» сочиненіе М. Троицкаго, стр. 212 — 213.

нїя о какомъ-либо нравственномъ свойствѣ или качествѣ (добродѣтели), Сократъ, по выраженію Аристотеля, разумно изслѣдовалъ сущность человѣческихъ вещей, то-есть, законовъ, которые обнаруживаются въ духовной жизни человѣка и которыми опредѣляется разумно-нравственный типъ человѣческаго характера. „Справедливо поступать, говорить Сократъ, значить выполнять какое-либо дѣло послѣ того, когда узнаешь его и приобрѣтешь умѣнье выполнить; выполнять разумными и самыми приличными средствами это вовсе не то, что успѣхъ или удача безъ всякаго разумнаго плана, или приготовления“. Поэтому каждому человѣку всего нужнѣе—знаніе, какъ приготовленіе къ дѣйствию; невѣжество же, а особенно воображаемое „знаніе безъ знанія дѣйствительнаго“, то-есть, самоувѣренное невѣжество есть главный порокъ, или то великое заблужденіе, по выраженію Сократа, которымъ были ослѣплены умы его народа и къ очищенію котораго онъ направлялъ безопадный огонь своего перекрестнаго допрашиванія ¹⁾.

Знаменитый историкъ Греціи проводитъ въ этомъ отношеніи замѣчательную аналогію между отцемъ древней философіи и родоначальникомъ новой науки Бэкономъ, жившимъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ Сократа, хотя предметы, на которые направилъ свой *experimentum crucis* (перекрестный опытъ) Бэконъ, различны отъ предметовъ перекрестнаго эленхоса Сократа. Сократъ видѣлъ, по отношенію къ человѣческимъ дѣламъ, что понятія, на которыя опирается каждый и сообразно съ которыми дѣйствуетъ, суть не болѣе, какъ произвольные продукты (выражаясь языкомъ Бэкона), *intellectus sibi permissi* — разсудка, или оставленнаго безъ всякаго руководства, или дѣйствующаго подъ слѣпымъ руководствомъ симпатій, антипатій, авторитетовъ, или незамѣтной бессознательной ассимиляціи. Это продукты, составленные изъ многихъ вѣрованій, изъ многихъ случаевъ, изъ первоначальныхъ дѣтскихъ впечатлѣній, составленные не только безъ всякаго старанія, но и безъ сознанія способа ихъ образованія и по-

¹⁾ «Ибо, какъ врачи, говоритъ Сократъ, держатся того мнѣнія, что тѣло можетъ не раньше переварить пищу, пока кто-нибудь не устранитъ въ немъ препятствія къ тому; точно также и тѣ, которые очищаютъ засоренную душу, полагаютъ, что она не раньше можетъ извлечь пользу изъ предлагаемыхъ знаній, пока не обличатъ ее стыдомъ, пока не освободятъ ее отъ мнѣвій, стоящихъ на пути къ знанію, пока совершенно не очистятъ ее... Въ этомъ состоятъ счастливѣйшее свойство духа, и потому-то *испытующее обличеніе* можетъ быть названо самымъ лучшимъ, самымъ дѣйствительнымъ *очистительнымъ* средствомъ». См. «Очеркъ исторіи воспитанія», *Модзалевскаю*, 1, 90.

слѣ оставленные безъ всякой повѣрки. На этой-то основѣ пытались софисты, или учителя дѣловой Аѳинской жизни, построить зданіе добродѣтели и образованія. Но Сократу такая попытка казалась ничего не обѣщающею, какъ не менѣе казалась въ свое время Бэкону невыполнимою попытка — выростить величественное и плодоносное дерево науки, не очистивъ напередъ почвы отъ тѣхъ вредныхъ веществъ, которыя лежатъ вокругъ его корни и производятъ на него свое губительное вліяніе. Сократъ такимъ образомъ, какъ и Бэконъ, ставитъ свой испытующій процессъ первымъ условіемъ всякаго дальнѣйшаго усовершенствованія этихъ безсвязныхъ общихъ мѣстъ, которыя въ умѣ людей считаются путеводителями къ знанію. Но онъ, какъ и Бэконъ, начинаетъ влечься не съ тѣмъ, чтобы кончить отрицаніемъ, но какъ предварительное очищеніе, необходимое для послѣдующихъ положительныхъ работъ и слѣдствій. Въ естественныхъ наукахъ, на которыя главнымъ образомъ обращено вниманіе Бэкона, нельзя достигнуть никакого успѣха, не улучшивъ экспериментальныхъ изслѣдованій, которыя могли бы открыть новыя, до сихъ поръ неизвѣстные факты. Въ тѣхъ предметахъ, которые изслѣдовалъ Сократъ, элементарныя данныя изслѣдованія лежатъ внутри опыта слушателя, нужно только поставить ихъ въ связи по отношенію къ нравственнымъ конечнымъ цѣлямъ, посредствомъ сознательнаго умственнаго процесса, который необходимъ для того, чтобы связать факты нравственной жизни между собою въ строго-логическомъ порядкѣ основныхъ положеній (нравственной теоріи) ¹⁾.

Итакъ, Сократъ не только не отрицаетъ систематическаго, теоретическаго знанія, науки, но положительно ставитъ ее необходимою основой жизни — *conditio sine qua non*. Сократъ былъ убѣжденъ, — и эта идея проникаетъ всѣ его умозрѣнія и служитъ основнымъ началомъ науки и искусства вести себя, — что человѣкъ не можетъ дѣлать хорошо то, чего онъ не знаетъ, не можетъ быть справедливымъ, умѣреннымъ, добродѣтельнымъ, если не знаетъ, что такое справедливость, умѣренность, добродѣтель. Знаніе или наука о существѣ человѣка, о разумно-нравственныхъ законахъ и конечныхъ цѣляхъ, есть основа искусства вести себя, искусства воспитанія и образованія нравственнаго характера.

Къ сожалѣнію, мы должны въ отношеніи этого основнаго принципа философіи Сократа всецѣло разойдтись со взглядомъ Грота, ко-

¹⁾ Grote, v. VIII. См. Alcib. 1. «Сочиненія Платона» въ переводѣ Карпова, ч. 2, стр. 414 и слѣдующія.

того во многомъ считаемъ нашимъ лучшимъ руководителемъ въ изученіи Сократа. Протъ съ свойственною ему многосложною аргументаціей усиливается доказать, что Сократъ, логически соединяя знаніе и добродѣтель, какъ причину и слѣдствіе, ставя образованіе нравственнаго характера въ полную зависимость отъ знанія законовъ, средствъ и вѣчныхъ цѣлей человѣческой жизни, представляетъ одностороннюю теорію нравственности, опуская изъ виду то, что не менѣе существенно въ добродѣтели, именно: свойство душевныхъ расположеній, мотивы чисто психическіе, желаніе и т. п. Противъ такого упрека въ односторонности достаточно было бы привести положительное свидѣтельство Ксенофонта ¹⁾, что Сократъ считалъ добродѣтель частію предметомъ теоретическаго изслѣдованія, частію предметомъ естественнаго, психическаго расположенія каждаго лица. Но, совнавая логическое затрудненіе въ согласованіи этого мнѣнія съ тѣмъ отождествленіемъ добродѣтели съ знаніемъ или мудростію, которое составляетъ основную идею философіи Сократа, мы полагаемъ, что взглядъ Сократа на этотъ великій предметъ науки о человѣческой жизни былъ гораздо глубже и научнѣе мнѣній объ этомъ его перваго біографа (Ксенофонта) и современнаго историка-критика (Грота).

Сократъ говоритъ:

„Самый худшій изъ всѣхъ родовъ порока бываетъ тогда, когда человѣкъ воображаетъ, что онъ знаетъ то, что на самомъ дѣлѣ не знаетъ; напримѣръ, когда онъ, намѣреваясь высказать какую-либо истину, то скажетъ одно, то другое, или, складывая одни и тѣ же ариметическія числа, одинъ разъ получить большую, а въ другой—меньшую сумму. Тотъ, кто знаетъ правописаніе, или арифметику, можетъ, конечно, и съ намѣреніемъ написать не правильно, или сложить невѣрно; но онъ за то можетъ и вѣрно сдѣлать это, если захочетъ; тогда какъ тотъ, кто не умѣетъ писать, или не знаетъ арифметики, не можетъ сдѣлать этого, если бы и хотѣлъ. Такъ и тотъ, кто знаетъ, что справедливо, что достойно почитанія, что хорошо, но дѣлаетъ напротивъ, *гораздо ближе къ тому, чтобы сдѣлаться справедливымъ, чѣмъ тотъ, кто не знаетъ, что такое справедливыя поступки и не можетъ ихъ отличить отъ несправедливыхъ, потому что этотъ послѣдній не можетъ сдѣлаться справедливымъ, если бы и сильно желалъ этого* ²⁾.

Эти послѣднія выраженія какъ нельзя болѣе ясно выражаютъ

¹⁾ Memorabil. 1, 2, 19. Но что Сократъ самъ полагалъ добродѣтель въ знаніи, въ наукѣ, это само собою вытекаетъ изъ сличенія всѣхъ свидѣтельствъ Ксенофонта, Платона и Аристотеля, какъ единственно компетентныхъ источниковъ. См. Ксенофонта Memorab. III, 9, 6. Платон. р. 335 и пр. Arist. Ethic. Eud. 1, 5. Ethic. Nic. VI, 13, 3. Zell. III, 8, 6.

²⁾ Grote, v. VIII. Ксеноф. Memorab. IV, 2, 14 и слѣд. Сравни. Платон. въ Гиппій младшемъ въ переводѣ Барнова, ч. I, стр. 336 и слѣд.

основное начало Сократовой этиологии, что знаніе добродѣтели имѣетъ стремленіе, способность производить добродѣтель, а не то, что онъ есть добродѣтель. Науки вообще не утверждаютъ, что нѣчто случится непременно, а только предполагаютъ, что таково или иное будетъ дѣйствіе данной причины, если она будетъ дѣйствовать безъ помѣхи. Наука утверждаетъ, что тѣлесная сила можетъ содѣйствовать человѣку быть мужественнымъ, но она не говоритъ, что она всегда дѣлаетъ ихъ такими; опытность стремится дать человѣку мудрость, но далеко не всегда ее даетъ. Знаніе того, что справедливо, возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе сдѣлаться справедливымъ, но еще не всегда и не всякаго дѣлаетъ такимъ. Если обстоятельства — психическія и внѣшнія — какаго-либо лица находятся въ значительной степени въ его власти, то онъ, помощію знанія средствъ, имѣющихъ свойства производить данное дѣйствіе, или благоприятствующихъ дѣлу, можетъ распорядиться этими обстоятельствами такъ, чтобъ они гораздо болѣе способствовали достиженію дѣла, чѣмъ какъ они сдѣлали бы это сами по себѣ. Эти положенія суть простыя перифразы ¹⁾, точно обнимающія, какъ мы полагаемъ, сущность Сократовской идеи о нераздѣльности знанія и добродѣтели, науки и искусства жизни.

Отношеніе, въ которомъ правила всякаго искусства стоятъ къ ученіямъ соотвѣтствующей науки, прекрасно опредѣлили Джонъ Стюартъ Милль въ своей „Логикѣ“, и мы считаемъ полезнымъ для выясненія нашего вопроса привести его дословно:

„Искусство предлагаетъ себѣ дѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, рассматриваетъ какъ явленіе и дѣйствіе, которое нужно изучить, и изслѣдовавши ея причины и условія, возвращаетъ ее назадъ искусству, вмѣстѣ съ теоріей того сочетанія обстоятельствъ, которымъ она можетъ быть достигнута. Тогда искусство рассматриваетъ это сочетаніе обстоятельствъ, и смотря по тому, находятся ли они или нѣтъ въ человѣческой власти, рѣшаетъ—достижима ли дѣль, или нѣтъ. Единственная послылка, которую даетъ искусство, есть первая большая послылка, утверждающая, что достиженіе данной дѣли желательно. Наука предлагаетъ искусству положеніе (полученное рядомъ индукцій или дедукцій), что исполненіемъ извѣстныхъ дѣйствій дѣль будетъ достигнута. Изъ этихъ послылокъ искусство заключаетъ, что исполненіе этихъ дѣйствій желательно, и находя ихъ выполненными, обращаетъ теорему въ правило или предписаніе... Итакъ, основанія всякаго правила искусства должны быть отыскиваемы въ теоремахъ науки. Искусство или какаго-либо совокупность искусствъ состоитъ изъ правилъ вмѣстѣ съ тѣми умозрительными предложеніями, которыя требуются для оправданія этихъ правилъ... Хотя рассужденія, связывающія дѣль или задачу каждаго искусства съ его

¹⁾ «Сист. логики», Д.-С. Милля, т. II, стр. 442—443.

средствами, принадлежать къ области науки; но опредѣленіе самой цѣли принадлежитъ исключительно искусству и образуетъ его особую область. Каждое искусство имѣетъ нѣкоторый принципъ, или общую большую посылку, получаемую не изъ науки,—посылку, которая выражаетъ имѣющуюся въ виду цѣль и утверждаетъ, что эта цѣль желательна. Строительное искусство признаетъ, что желательно имѣть зданія; архитектура (какъ одно изъ изящныхъ искусствъ), что желательно имѣть красивыя и величественныя зданія. Искусство гигиены и медицины признаютъ: первое,—что касается сохраненія здоровья, другое,—что относится къ излѣченію отъ болѣзни,—все это прекрасныя и желательныя цѣли“¹⁾).

Эти положенія изъ знаменитаго трактата о логикѣ нравственныхъ наукъ совершенно тождественны въ сущности съ основными идеями стараго философа Греціи о наукѣ и объ искусствѣ, задачи которыхъ—сдѣлать человѣка счастливымъ. Сократъ первый уразумѣлъ и выразилъ идею, что какъ въ каждомъ искусствѣ есть извѣстная опредѣленная цѣль и необходима общая теорія, которая указываетъ частныя средства и условія къ достиженію этой цѣли, опредѣляетъ извѣстныя правила, выведенныя изъ общей теоріи и въ своей совокупности гармонически выражающія родъ и общій типъ искусства,—что то же самое необходимо по отношенію къ нравственно-разумной жизни человѣка. И здѣсь должна быть признана всеобъемлющая конечная цѣль, и здѣсь также необходима общая теорія, указывающая средства и условія, подъ которыми возможно наиболѣе вѣрное приближеніе къ этой послѣдней цѣли,—теорія, изъ которой бы возможно было вывести частныя правила, предписывающія человѣку такой типъ поведенія и характера, который болѣе всего содѣйствуетъ достиженію послѣдней цѣли жизни. Сократъ въ своихъ бесѣдахъ постоянно возбуждалъ въ умахъ своихъ собесѣдниковъ убѣжденіе, что человѣческая жизнь имѣетъ свои послѣднія цѣли, и заставлялъ переносить на эту жизнь такой же сознательный анализъ и теорію, какъ анализъ науки, и такіе же рациональные приемы, какъ приемы искусства. Проводя рѣзкое различіе между правилами практическими, выведенными изъ теоретическаго изслѣдованія послѣднихъ принциповъ телеологіи, и чуждымъ разумнаго пониманія умѣньемъ, которое добывается безотчетнымъ процессомъ перениманья, Сократъ постоянно и съ необыкновеннымъ разнообразіемъ перекрестныхъ вопросовъ настаиваетъ на идеѣ „науки изучать существо человѣка“ и „искусства вести себя, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ“²⁾).

¹⁾ «Сист. логикѣ» *Милля*, т. II, стр. 529, 533.

²⁾ *Grote*, v. VIII. См. *Alcib. I. Evthyd.* См. переводъ Карпова, ч. 2. 437 и слѣд. Ч. 1, стр. 192 и слѣд. 195.

Теперь, кажется, очевидно, что Сократъ въ своей философско-педагогической дѣятельности сознательно стремился къ обоснованію науки, основанной на изученіи законовъ существа человѣка, науки о законахъ образованія человеческого характера — этологи, и соответствующаго ей искусства жизни, — искусства вести себя справедливо, благоразумно (цѣлесообразно) и благородно (мораль, политика и эстетика). Его философское міровоззрѣніе указываетъ ясно на связь законовъ человеческого существа, изучаемыхъ наукою, и общихъ началъ ученія о конечной цѣли (телеологіи¹⁾ человеческой жизни; что Кантъ съ своей точки зрѣнія называлъ „правилами практическаго разума“.

Указывая постоянно логическую связь морали, какъ искусства жизни, съ наукою, Сократъ съ особенною силою указывалъ и опирался на телеологическій принципъ или конечныя цѣли человеческой жизни. Онъ формулировалъ эту цѣль разъ навсегда въ неизмѣннѣмыхъ выраженіяхъ и приводилъ предъ слушателями одинаково постоянно, какъ догматъ, положеніе, что „счастіе или благо cadaго связано съ счастіемъ человечества“. Необходимость частаго повторенія этого закона жизни и постоянное обращеніе къ нему обуславливалась самымъ свойствомъ предмета его ученія. Самое выработанное и основательное изложеніе законовъ умственныхъ и нравственныхъ явленій и ихъ отношеній между собою, какъ причинъ и дѣйствій, не будетъ имѣть никакой пользы для искусства жизни, если цѣли, къ которымъ должно стремиться это искусство, будутъ предоставлены неопредѣленнымъ внушеніямъ *intellectus sibi permissi*... Долженъ быть нѣкоторый масштабъ, которымъ можно бы опредѣлять абсолютную и сравнительную доброкачественность или злокачественность цѣлей или предметовъ желанія. Этотъ масштабъ можетъ и долженъ быть лишь одинъ: если бы было нѣсколько принциповъ практики, то одинъ и тотъ же поступокъ могъ быть одобряемъ однимъ изъ этихъ принциповъ и осуждаемъ другимъ²⁾. Вотъ почему Сократъ, какъ этологъ, сознавалъ необходимость не только сводить всѣ правила искусства жизни и всѣ понятія о справедливомъ и несправедливомъ и проч. къ послѣднимъ цѣлямъ, но и разсматривалъ ихъ по отношенію къ одной

¹⁾ Слово телеологія употребляется большинствомъ писателей неправильно и несоответственно его дѣйствительному значенію, какъ название попытки объяснить явленія природы конечными причинами. Забѣжаніе *Милля*. Смет. лог., стр. 534, т. II.

²⁾ Смет. логики Д. С. *Милля*. Т. II, стр. 535.

конечной и общей цѣли жизни — къ благу и счастью человѣческому. Въ этомъ пунктѣ Сократово ученіе встрѣчало неоднократно нелѣпный и невѣжественный упрекъ, будто бы онъ проповѣдуетъ эдемонизмъ, или эгоистическую теорію счастья. Какъ будто Сократъ считалъ эгоистическое счастье первымъ двигателемъ нравственности, какъ будто онъ когда-либо изъ философіи добродѣтели дѣлалъ приспособленіе ко всякимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Главную черту его наставленій составляли совершенно противоположныя качества. Онъ постоянно всѣмъ и каждому ставилъ въ обязанность ограничивать свои личныя потребности, осторожно отдаваться наслажденіямъ, стремиться къ тѣмъ высшимъ наслажденіямъ, которыя происходятъ отъ сознанія и исполненія нравственнаго долга и чувства внутренняго совершенствованія. Внимательность къ внутреннему состоянію духа, чтобы держать его въ должномъ равновѣсіи съ вліяніемъ вѣшнихъ обстоятельствъ, заботливость о томъ, чтобы послѣднія всегда зависѣли отъ перваго, то-есть, душевнаго состоянія по отношенію къ чувству счастья, или сознанію того, какъ мало нужно вѣшнаго благополучія, если внутренній человѣкъ совершенъ, развитъ, какъ слѣдуетъ, — таковы главные элементы и существенныя черты того идеала человѣческаго счастья, который Сократъ считалъ цѣлью человѣческой жизни и принципомъ морали, съ которымъ должны согласоваться всѣ практическія правила и изъ котораго они могли быть выведены, какъ слѣдствія.

Замѣчательно, что Сократово опредѣленіе основнаго начала телеологіи во всей точности совпадаетъ съ убѣжденіемъ и воззрѣніемъ на этотъ же самый предметъ мыслителя, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ проповѣдничествовѣ узкаго эгоизма.

„Заявляю свое убѣженіе“, говоритъ Милль въ своемъ трактатѣ о логикѣ нравственныхъ наукъ, „что общій принципъ, съ которымъ должны бы были сообразоваться всѣ правила практики, и повѣрка, которую они должны выдерживать, есть принципъ способствованія счастью человѣчества: другими словами, что способствованіе счастью есть послѣдній принципъ телеологіи“.

„Но я не думаю утверждать“, говоритъ онъ далѣе, „что самое способствованіе счастью есть цѣль всѣхъ дѣйствій или даже всѣхъ правилъ поведенія. Оно есть оправданіе и должно быть повѣркою всѣхъ цѣлей; но само оно не есть единственная цѣль“. И далѣе: „Можно показать, что въ цѣломъ будетъ болѣе счастья въ мірѣ, если будутъ воспитываемы чувства, которыя заставляютъ людей въ извѣстныхъ случаяхъ не обращать вниманія на счастье“.

Милль вполне допускаетъ справедливость положенія, что „воспитаніе въ себѣ идеальнаго благородства воли и поступковъ должно быть для индивидуальныхъ человѣческихъ существъ цѣлю, которой должно уступать, въ случаѣ столкновенія, исканіе или ихъ собственнаго счастья, или счастья другихъ (за исключеніемъ обыкновеннаго этимъ идеаломъ“). Но онъ думаетъ, что вопросъ, въ чемъ состоитъ эта возвышенность характера, самъ долженъ быть рѣшенъ обращеніемъ къ счастью, какъ къ масштабу. „Самый характеръ долженъ быть для недѣлимаго верховною цѣлю только потому, что обильное существованіе этого благородства характера, или приближеніе къ нему болѣе всего другаго способствовало бы содѣлать человѣческую жизнь счастливою, какъ сравнительно въ скромномъ смыслѣ удовольствія и свободы отъ страданія, такъ и въ высшемъ, то-есть, оно содѣлало бы жизнь не пустою, какова она теперь почти повсюду, а такою, какою могутъ пожелать люди съ высоразвитыми способностями“¹⁾.

Въ такомъ смыслѣ понимаемый (а въ иномъ смыслѣ нельзя понимать) Сократовскій послѣдній принципъ телеологіи, способствованіе счастью человѣчества, — иная въ своей основѣ *тщательность*, въ самомъ идеальномъ смыслѣ (какъ *помятое дело и чувства человѣческаго достоинства*) представляетъ самую возвышенную идею нравственности, какая только доступна была силѣ древней аѳинской мысли, и есть, такъ-сказать, послѣдній шагъ естественнаго человѣческаго разумія, уже стоящаго въ преддверіи христіанскаго откровенія, которое утверждаетъ и обѣщаетъ человѣческое сознаніе нравственнаго долга и чувство человѣческаго достоинства естественномъ христіанской любви, какъ духовнымъ сознаніемъ Божества съ человѣчествомъ, въ типѣ Бого-человѣка, даващаго намъ действительный, несочайшій и совершеннѣйшій первообразъ, „да любима другъ друга“.

„Сократъ свелъ философію съ неба на землю“, говоритъ Цицеронъ. Слѣдуя практической человѣческой точкѣ зрѣнія, Сократъ желалъ ограничиться явленіями, относящимися къ нравственной человѣческой жизни, какъ самымъ необходимымъ предметомъ для науки и искусства вести себя: эти предметы самое божество, говоритъ Сократъ, указало, какъ вполне достойный предметъ для человѣческаго изученія; ибо въ этой области оно расположило всѣ явленія въ непрерывномъ порядкѣ, по законамъ причинъ и слѣдствій, такъ что

¹⁾ Смет. логики Д.-С. Милля, т. II, стр. 536—537. См. развитіе и оправданіе этой теоріи нравственности въ особомъ сочиненіи Милля, которое также переведено на русскій языкъ: «Утилитаріанизмъ». Спб. 1869 г.

каждый; кто захочетъ, можетъ знать ихъ. Но и въ этихъ предметахъ самое тщательное изученіе само по себѣ недостаточно, потому что боги не снисходятъ до того, чтобы подчинить всѣ явленія непрерывному ряду причинъ и слѣдствій; но для своихъ особенныхъ цѣлей удерживаютъ за собою самое главное въ порядкѣ явленій естественныхъ. Однако же, божество, если только человекъ узнаетъ все то, что ему дано узнать, и если, кромѣ того, онъ усерденъ въ благочестивой ревности и молится объ особенномъ наученіи своемъ, божество такъ милостиво, что сообщаетъ ему планы свои и цѣли относительно непостижимой стороны жизни. Исвать доступа къ такимъ знакамъ божественнаго милосердія есть необходимое, дополнительное дѣло, ирриничное для каждаго, когда онъ самъ по себѣ узналъ столько, сколько въ состояніи сдѣлать тщательное, собственное изученіе предмета. Было бы сумасшествіемъ, если бы человекъ сталъ просить у боговъ особеннаго откровенія касательно тѣхъ предметовъ, которые человекъ можетъ узнать собственнымъ изученіемъ; точно также было бы сумасшествіемъ, если бы онъ, отрицая божество, сталъ бы пытаться изслѣдовать собственнымъ изученіемъ то, что оно благоволило удержать за собою, и если бы онъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ полагался на одно человеческое благоразуміе...¹⁾ „Необходимо ждать“, говоритъ Сократъ у Платона, „пока кто научитъ, какъ должно вести себя въ отношеніи къ Богу и къ людямъ“.

Въ этихъ простыхъ, но возвышенныхъ положеніяхъ впервые высказаны были Сократомъ другой принципъ, весьма важный и вообще, какъ единственно-истинная точка зрѣнія въ области человѣческаго вѣдѣнія; но особенно по отношенію къ тому предмету, который Сократъ первый ввелъ въ науку. Сократъ первый намѣтилъ эту точку зрѣнія, раздѣляя человѣческое знаніе на двѣ части, изъ которыхъ

¹⁾ Методоб. Кееноевота, 1, 3 и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ это многозначительное мѣсто: «Сокр. Необходимо ждать, пока кто не научитъ, какъ должно вести себя въ отношеніи къ Богу и къ людямъ». — «Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ, и кто будетъ наставникомъ?» — «Это — Тотъ, который печется о тебѣ. Но мнѣ кажется, что какъ, по сказанію Омара, Демна прогнала врагъ отъ очей Диониды, чтобы онъ хорошо могъ различать и Бога, и человека, такъ и у тебя сперва надобно прогнать врагъ отъ души, которымъ она покрыта...» — «Пусть прогонитъ — я готовъ, и никакъ не убѣгу отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человекъ...» Тотъ и выраженіе этой бесѣды ощутительно возбуждаютъ мысль къ чаанію Учителя божественнаго, чувство потребности въ высшей помощи, въ откровеніи свыше. См. Алк. II, пер. Карпова, ч. 2, стр. 480, 484.

одна входитъ въ поле собственнаго человѣческаго умственнаго круговора, а другая лежитъ за его горизонтомъ; одна, доступная человѣческому изслѣдованію, а другая, покрываемая непроходимой завѣсой, предметъ вѣры и откровенія; одна, изучающая основные законы доступныхъ намъ обыкновенныхъ явленій, непрерывно другъ за другомъ слѣдующихъ, другая, касающаяся не открываемой сущности идей, какъ говорилъ Платонъ, создавшій теорію идей, „лещей въ себя“, какъ учитъ новая философія, начиная съ Канта и оканчивая Мидлемъ. Есть предметы человѣческіе, говорилъ Сократъ, которые каждый, кто только захочетъ знать, можетъ знать, и есть предметы божественные, которые лежатъ за предѣлами человѣческаго изслѣдованія. Этотъ первый шагъ мысли, попытка провести черту между тѣмъ, что доступно наукѣ и что непостижимо, высказывала убѣжденіе Сократа въ томъ, что есть точка зрѣнія собственно научная и есть религіозная, что тамъ, гдѣ оканчивается первая, должна начинаться послѣдняя. Этотъ великій принципъ неоцѣнимъ по своимъ результатамъ и въ наше время по отношенію къ тому предмету, который Сократъ первый подвергъ изслѣдованію ¹⁾.

Эта религіозная точка зрѣнія, убѣжденіе въ необходимости вѣры и откровенія для полноты знанія, вытекала у Сократа не изъ случайнаго личнаго настроенія, но проникаетъ всѣ умозрѣнія этого человѣка и составляетъ логическій выводъ всего его философскаго міросозерцанія; служа такимъ образомъ основой того религіознаго характера, которымъ отличался Сократъ. Уже до-Сократовская философія вытѣснила грубый антропоморфизмъ Гомеровской религіи ²⁾. Но она впала въ другую крайность, представляя божество, какъ вѣчно неподвижное бытіе, холодный умъ, безъ всякаго живаго отношенія къ человѣку. Богъ Сократовскій уже не есть баснословный Зевесъ, подверженный всѣмъ страстямъ человѣческимъ; но онъ не живетъ совершенно отдѣленнымъ отъ человѣка, онъ есть его творецъ и идеаль, живущій или присущій душѣ. Гуманизмъ Сократовскій также не есть

¹⁾ Хотя и не имѣетъ современнаго значенія по отношенію къ тому, что Сократъ исключалъ изъ науки, какъ предметы божественные, то-есть, по отношенію къ астрономіи и вообще физикѣ, неопредѣленное или чисто саягастическое направленіе которыхъ во время Сократа внушало ему парадоксальное утвержденіе, что предметы этихъ и вообще естественныхъ наукъ, недоступны для человѣческаго изслѣдованія, что они принадлежатъ къ божественнымъ тайнамъ, понять которыя дѣло невозможное, пытаться изслѣдовать — было бы сумасшествіемъ. *Grot. v. VIII.*

²⁾ *Ritter et Preller, 114.*

гордая апофеоза человѣчности; если онъ называетъ ее божественною, то во имя высшаго начала, которое есть въ ней ¹⁾). Во имя этого божественнаго начала — самое важное для человѣка знаніе — *самопознание*, углубленіе внутрь души. Вотъ почему принципъ истинной философіи формулированъ въ священномъ изреченіи „познай самого себя“ ²⁾). Въ самопознаніи человѣкъ познаетъ истинное благо, ибо оно открыто въ вѣчныхъ законахъ души и совѣсти, о чемъ Сократъ, какъ и Софокль, говорилъ съ такимъ святымъ краснорѣчіемъ ³⁾). Истина и благо — одно и то же. Знаніе и добродѣтель — нераздѣльны; потому что главный предметъ знанія есть благо, а благо не можетъ быть понято сердцемъ невѣжественнымъ ⁴⁾). Идея же благаго есть религиозная идея божественнаго. Сократъ не раздѣлялъ морали отъ религіи; ибо высочайшій образъ добра, блага должно исвать въ Богѣ, который не только его намъ отерываетъ, но и помогаетъ выполнять ⁵⁾). Понятно, что это присущее душѣ божественное начало жизни служило для Сократа глубочайшею основой для убѣжденія его въ безсмертіи души, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ своими учениками въ предсмертныя минуты своей земной жизни. Такимъ образомъ нравственный характеръ, который составляетъ задачу Сократовской философіи, привелъ его отъ божественнаго въ человѣкѣ къ божественному въ абсолютѣ, какъ вѣчному закону и образу человѣческаго совершенства. Въ этомъ глубокомъ соприкосновеніи идеи моральной, научной и религиозной, которое составляетъ оригинальность и могущество идеально-благородной личности и философіи Сократа, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, сдѣлалъ для разрушенія общаго политическаго заблужденія и разсѣялъ мрачное облако, чтобъ открыть человѣчеству свѣтъ, просвѣщающій человечество.

Вотъ почему Сократъ, заслуживая съ точки зрѣнія древняго язычника Грека святую смерть мученика, былъ на взглядъ мыслителя христіанскаго, предтечею Христа въ язычествѣ. Истинные философы поистинѣ выполняли великую миссію пророковъ человѣческой совѣсти

¹⁾ Memorab. Xenoph. IV, 3, 14. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, т. 2, стр. 444—445. «То, чѣмъ познаемъ, есть нечто божественное, и кто познаетъ въ себѣ все божественное, тотъ-то особенно познаетъ и себя». Также Аггиниадъ 1-й въ переводѣ Карпова, т. 2, стр. 443.

²⁾ Memorab., VI, 2, 24.

³⁾ Ibid., IV, 4, 19.

⁴⁾ Ibid., III, 4, 5. Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην οὐ διαίρειν.

⁵⁾ Memorab., IV, 421.

въ недрахъ язычества; она была пробуждена ихъ голосомъ, и это пробужденіе нравственнаго сознанія составило въ одно и то же время славу и гибель философіи; ибо совѣсть, разъ пробужденная, должна была отказываться отъ системъ, безсильныхъ осуществить нравственный идеаль, желаніе котораго они породили. Но погибнуть такъ и для такой цѣли—это великая слава для философіи. Такимъ образомъ, греческая философія, во прекрасному выраженію Климента Александрійскаго, была „пѣстунюмъ для приведенія ко Христу ¹⁾), подобно закону Моисееву“. Она есть истинный даръ Божій. Она также была тѣнью грядущихъ благъ; она заставляла предчувствовать и ожидать, не давая ихъ сама, и въ этомъ отношеніи самымъ наилучшимъ образомъ приготовляла пришествіе Того, Который долженъ былъ сдѣлаться чаяніемъ языковъ, прежде чѣмъ явиться ихъ Спасителемъ.

Сократъ, какъ философъ-этологъ, именно представляетъ тотъ нравственный законъ, который, по ученію Святаго учителя язычниковъ, будучи написанъ на скрижаляхъ сердца язычниковъ, имѣлъ значеніе, подобное закону Моисееву. Не смотря на несовершенство философіи вообще, сравнительно съ откровеніемъ, несовершенство, которое въ свою очередь послужило христіанству, все, что Сократъ дѣлалъ и говорилъ для образованія идеальнаго благородства воли и нравственно-развитаго человѣческаго характера имѣло высокое педагогическое значеніе для приготовленія языческаго міра къ христіанству ²⁾). Познай самого себя, принципъ науки о существѣ человѣка и искусства жизни, понятій въ истинно-Сократовскомъ смыслѣ, ведетъ къ познанію и признанію Бога „невѣдомаго“, который есть не иной кто, какъ Богочеловѣкъ Христосъ ³⁾, высочайшій первообразъ нравствен-

¹⁾ *Clement Strom.* 1. 19 p. 371. VI. 5, p. 761; VI 6, p. 762. VI. 17 p. 823. Сл. *Laurent* «Этюды по исторіи международнаго права». Т. IV. *Christianisme.*

²⁾ *Pressensé, Histoire de l'église Chrétienne.* Т. 1, 140—145. Сл. «Алливиадъ второй». Соч. Платова, ч. 2 стр. 480.

³⁾ Весьма у мѣста привести здѣсь нѣкоторые выдающіеся пункты Сократова ученія, чтобы показать согласіе ихъ съ основными принципами христіанства. «Душа безсмертна: въ томъ то и есть мудрость, чтобы жить въ виду вѣчности, всего болѣе заботиться о душѣ и всего менѣе объ этой жизни, которая есть мгновеніе предъ лицемъ вѣчности». «Самыя прекрасныя моленія и жертвоприношенія угодны Богу менѣе, чѣмъ душа добродѣтельная, стремящаяся къ богоподобію. Истинно-праведны только тѣ люди, которые своими дѣлами платятъ долъ, который они должны людямъ и Богу». «Не надобно никогда воздавать обиду за обиду, ни дѣлать зла никому, какъ бы несправедливость ни была велика». «Какъ бы

наго совершенства, съ которымъ должно сообразоваться въ своей основѣ воспитаніе каждой личности, какъ съ вѣчнымъ закономъ духовной жизни и всечеловѣческимъ типомъ нравственнаго совершенства, первообразомъ христіански-человѣческаго характера.

Н. Марковъ.

ни было велико различіе между людьми, одни не должны презирать другихъ». Не согласно ли это ученіе съ принципомъ *любви*, которая учитъ прощать и любить нашихъ враговъ; съ принципомъ *духовности*, который требуетъ поклоненія Богу *духомъ и истинною* и пецись о *душѣ*, которая дороже всего міра?... Выраженіе: «добродѣтель есть *даръ* Божій тѣмъ, которые имъ пользуются» — намекаетъ на необходимость высшей Божественной силы, освящающей и возрождающей человека при его разумномъ и дѣятельномъ самовоспитаніи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности. Соч. П. Тимошенко.
С.-Петербургъ. 1870. Стр. XV и 219.

Въ обширномъ предисловіи авторъ „Опыта“ доказываетъ неудобство извлекать теоретическія понятія о словесности изъ изученія самихъ произведеній. По его мнѣнію, такая работа и не достигаетъ своей цѣли, и слишкомъ затрудняетъ учащихся. „Съ полнымъ уваженіемъ относясь къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя послужили поводомъ къ водворенію этого способа (практическаго метода) въ педагогической практикѣ“, авторъ старается доказать полную его непримѣнимость къ дѣлу. По его мнѣнію, начальныя теоретическія понятія, а также и объясненіе нѣкоторыхъ психологическихъ терминовъ, какъ умъ, чувство и проч. должны быть сообщаемы еще въ младшихъ классахъ; затѣмъ должно слѣдовать изученіе теоріи словесности по учебнику, а потомъ уже чтеніе произведеній, при которомъ примѣняются къ практикѣ предварительно заученныя правила. Авторъ, по его словамъ, для составленія своего „Опыта“ пользовался, какъ всѣми русскими сочиненіями по теоріи словесности, такъ и иностранными, которыя ему были доступны, и въ особенности новѣйшими статьями, помѣщенными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ опредѣленіе понятія словесности, потомъ общая риторика или стилистика, частная риторика или виды прозаическихъ произведеній, наконецъ, теорія поэзіи: лирической, эпической и драматической.

Мы не совсѣмъ убѣждаемся доводами автора въ пользу предлагаемаго имъ метода. Если основныя психологическія и логическія, стилистическія, риторическія и тому подобныя понятія должны быть сообщаемы учащемуся въ томъ объемѣ, какъ полагаетъ г. Тимошенко (а мы сильно сомнѣваемся въ этомъ), мы не понимаемъ, почему они больше подѣйствуютъ на развитіе учащагося, будучи заучены по книгѣ, нежели

выведенныя при помощи учителя самимъ ученикомъ изъ чтенія произведеній. По мнѣнію г. Тимошенко, при разборѣ могутъ быть выведены только частныя правила, не приложимыя къ другимъ произведеніямъ того же рода; но если это случится, въ этомъ виновать не методъ, а крайняя неспособность учителя къ дѣлу. Г. Тимошенко находитъ еще то неудобство въ *практическомъ* методѣ (см. стр. IV), что ученикъ не запомнитъ объясненій учителя и въ послѣдствіи заучитъ ихъ по учебнику (?); мы рѣшительно недоумѣваемъ, что понимаетъ авторъ „Опыта“ подъ *практическимъ* методомъ. Не понимаемъ и того, какимъ образомъ авторъ способомъ имъ предлагаемымъ „вселить въ ученикахъ силу національнаго духа“ — задача для теоріи словесности довольно затруднительная. Что касается до самого учебника, автора „Опыта“ можно упрекнуть въ неясности, которая отчасти зависитъ отъ самого предмета, и мѣстами въ недоступности для пониманія юноши среднихъ способностей. Какъ, напримѣръ, ученикъ V-го или VI-го класса гимназіи пойметъ такое опредѣленіе сентиментальнаго направленія: „человѣкъ, въ душѣ котораго преобладаетъ чувство, равно далекъ, какъ отъ объективнаго созерцанія, такъ и отъ абстрактнаго сужденія; возбужденная его впечатлительность мѣшаетъ ему относиться хладнокровно и спокойно къ избранному имъ предмету, а потому онъ съ трудомъ удерживаетъ въ своей рѣчи послѣдовательность фактовъ и мыслей“ (стр. 35). Не придется ли ему заучить такое мѣсто, что такъ не нравится самому автору „Опыта“?

Г. Тимошенко еще въ предисловіи объявляетъ, что онъ считаетъ нужнымъ обращаться къ историческимъ даннымъ, что при современномъ состояніи теоріи словесности дѣйствительно оказывается необходимымъ; но это смѣшеніе различныхъ элементовъ странно перестрѣть книгу, и педагогъ, читающій ее, находится въ недоумѣніи, когда слѣдуетъ проходить такую теорію словесности: до изученія исторіи литературы и чтенія произведеній, или послѣ нея? Въ первомъ случаѣ краткія, безсвязныя упоминанія про ложный классицизмъ, романтизмъ и т. д. будутъ непонятны для ученика, во второмъ — уже бесполезны. Затѣмъ книгу г. Тимошенко можно упрекнуть въ томъ, что она сообщаетъ слишкомъ большое количество крайне разнообразныхъ и вовсе не необходимыхъ фактовъ, нарушая такимъ образомъ основное педагогическое правило: *Non multa, sed multum*. Изъ нея ученикъ узнаетъ объ Абеларѣ, „представителѣ схоластики“ (?), объ Авзоніи, объ Аттеланахъ, объ Артурѣ и Святой чашѣ, о „Космороніи“ Гезіода, объ оперѣ и ея видахъ, о значеніи Монтеверде

въ ея исторіи, объ ирмосахъ и акваистахъ (названіе которыхъ происходитъ „отъ ѿ не и маѳаѳа“ (?)) (стр. 163), и т. д. и т. д.

Многіе недосмотры, особенно неудобныя въ учебникѣ, и отсутствіе оглавленія, при которомъ авторъ обѣщаль предложить вопросы, объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что книга, составленная въ Харьковѣ, печаталась въ Петербургѣ.

Теоріи словесности, подобныя произведенію г. Тимошенко, рѣдко доживаютъ до втораго изданія, потому что нравятся обыкновенно только тѣмъ, кто составилъ ихъ, и потому мы удерживаемся отъ совѣтовъ автору.

К.

Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указаніемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ Ѡ. Буслаяевъ. Москва. 1870 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., стр. XVI и 429.

Самостоятельность русской науки, ея право гражданства въ наукѣ европейской еще доселѣ остается, говоря словами Карамзина, „мечтою добраго сердца“; въ самыхъ похвалахъ ученымъ трудамъ Русскихъ со стороны европейскихъ ученыхъ намъ слышится что-то юкровительственное, поощряющее, обидное; такимъ тономъ старшій, опытный охотникъ хвалитъ 12-лѣтняго мальчика, съ восторгомъ показывающаго ему застрѣленную въ первый разъ птицу. Но какъ ни униженъ для русскихъ ученыхъ такой взглядъ, все же онъ пріятнѣе полнѣйшаго равнодушія отечественной публики къ ихъ трудамъ; авторъ ученаго сочиненія всегда больше экземпляровъ раздаритъ, чѣмъ распродастъ. Оттого многіе профессора университетовъ въ жизни своей ничего не писали, кромѣ диссертациі, напечатанной въ числѣ 200—300 экземпляровъ, и если они хорошо исполняютъ другое свое назначеніе—*педагогическое*, никто не въ правѣ осуждать ихъ. Труды ученые, правда, могутъ обезсмертить ихъ имя, но труды воспитательныя принесутъ несравненно больше пользы ихъ родицѣ; въ числѣ этихъ трудовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ составленіе хорошихъ учебниковъ.

Повидимому, учебники для среднихъ заведеній должны бы составлялись учителями, которые стоятъ ближе къ тѣмъ, для кого эти учебники нужны; хорошій профессоръ можетъ быть плохимъ учителемъ; его масса знаній, постоянное общеніе со взрослыми учениками-сту-

дентами, многотрудныя занятія, не дающія времени просматривать чужіе учебники, должны бы мѣшать ему составить хорошій собственный. Напротивъ того, учитель гимназій — педагогъ по преимуществу; онъ знаетъ, что хорошо понимаютъ дѣти, что дурно, онъ ближе и лучше другихъ знаетъ натуру дѣтей; онъ можетъ провѣрить каждую страницу учебника на практикѣ; онъ по обязанности просматриваетъ всѣ другія руководства, слѣдовательно, можетъ избѣгать ихъ дурныхъ сторонъ и удерживать хорошія. Такъ должно быть; такъ бываетъ въ Германіи, гдѣ рѣдко профессора берутся за составленіе учебниковъ, а удачныя опыты ихъ въ этомъ родѣ еще рѣже. Но у насъ иное дѣло. Лучшіе наши учебники исторіи: Иловайскаго, Шулгина, и Соловьева принадлежатъ профессорамъ, лучшіе учебники математики — профессора Давидова; лучшіе учебники по грамматикѣ и словесности — профессора Буслаева. Гдѣ искать причинъ такого явленія? Наши университеты выпускаютъ молодыхъ людей, давъ имъ возможность при собственныхъ занятіяхъ приобрести потребныя для всякой должности знанія, слѣдовательно, и для должности педагога; но знаній положительныхъ они для этого не даютъ. Мѣсть много, людей мало, слѣдовательно, конкуренціи почти нѣтъ; и вотъ молодой человѣкъ, черезъ 2—3 года едва способный сдѣлаться порядочнымъ учителемъ, при усиленныхъ занятіяхъ подъ хорошимъ руководствомъ, черезъ 3 мѣсяца по выходѣ изъ университета, получаетъ штатное мѣсто учителя; бѣда, повидимому, не велика: онъ можетъ теперь, когда кѣмъ ему обезпеченъ, заняться серіознѣе и пополнить всѣ пробѣлы; но у насъ нѣтъ для этого двухъ необходимыхъ средствъ: внѣшнихъ побудительныхъ причинъ и досуга. Что ему за охота сидѣть за книгою немногіе свободныя часы, когда его товарищи, знающіе не болѣе его, проводятъ это время гораздо пріятнѣе? Мѣста онъ не лишится, потому что его мѣстѣмъ будетъ замѣнить; небольшія свѣдѣнія, нужны для того, чтобы не краснѣть передъ учениками, приобретутся въ классѣ, какъ-то сами собою; съ другой стороны, получивъ мѣсто въ гимназій и заявивъ себя человѣкомъ не глупымъ, онъ имѣетъ множество самыхъ выгодныхъ предложеній, которыя отвлекаютъ его отъ прямой педагогической дѣятельности, и нельзя ожидать, чтобы человѣкъ, выѣзжающій на уроки въ 7¹/₂ часовъ утра и кончающій ихъ въ 7¹/₂ вечера, пріѣхавъ домой, садился за серіозную книгу. Обыкновенно если учитель чувствуетъ настоятельную потребность дать ученикамъ годное руководство, онъ составляетъ его наскоро, безъ должнаго вниманія и такъ или иначе проявить въ немъ недо-

статокъ положительнаго знанія, науки, въ чреазмѣрномъ стремленіи къ самостоятельности, или наоборотъ, въ отсутствіи самостоятельныхъ взглядовъ, въ любви къ новаторству, въ неудачномъ соединеніи противоположныхъ взглядовъ, въ излишней ученой арматурѣ, или просто въ смѣрныхъ ошибкахъ и промахахъ. Профессора же наши вышли по большей части изъ рядовъ тѣхъ же учителей; педагогическіе приемы, слѣдовательно, имъ знакомы, они вполне обладаютъ знаніемъ, опытностью, а слѣдовательно, и всѣми условіями, необходимыми для составленія дѣльныхъ учебныхъ руководствъ.

Составитель христоматіи Ѳ. И. Буслаевъ нѣсколько лѣтъ былъ учителемъ гимназій и первою литературною извѣстностью обладалъ трудомъ педагогическому: „О преподаваніи отечественнаго языка“. Его „Историческая христоматія“ и „Грамматика“ не были учебниками въ строгомъ смыслѣ, хотя подъ часъ за недостаткомъ другихъ и употреблялись въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; зато онѣ воспитывали цѣлыя поколѣнія учителей, и неосызаемая наука — русская словесность получила доступныя чувствамъ формы, хотя въ области славянской грамматики. Христоматія 1861 года не вполне была приспособлена къ гимназіямъ, и неопытный педагогъ, принимавшій ее пособіемъ въ старшихъ классахъ, самъ находился въ затрудненіи, какъ поступать съ нею: многія мѣста ея и ему были непонятны. Теперь г. Буслаевъ издаетъ христоматію „для среднихъ учебныхъ заведеній“ (см. заглавіе).

Что народная и древняя литература должна преподаваться въ гимназіяхъ, что изученіе ея безъ чтенія самыхъ произведеній дѣлается невозможное — это, кажется, вопросы рѣшенныя. Но у насъ не было изданій, дѣлающихъ эти произведенія понятными; настоящая „Христоматія“ г. Буслаева пополняетъ этотъ недостатокъ.

Составъ книги слѣдующій: Введеніе (видъ произведеній древней Руси, рукописи, редакціи, мѣстныя особенности, языкъ и слогъ), Остромирово Евангеліе (1—8), изборники Святослава, слово Иларіона о Ветхомъ и Новомъ Заветѣ, слово Θεодосія о вѣрѣ латинской, лѣтопись Нестора (22—49), житіе Θεодосія Нестора, хожденіе Даніила, поученіе Мономаха, слова Кирилла Туровскаго (80—90), слово Христіяна, слова Серапіона, грамоты и договоры (4), Даніилъ Заточникъ, житіе Антонія Римлянина, сказаніе о Петрѣ Ордынскомъ, апокрѣфъ о Соломонѣ, посланіе Василія Новгородскаго, посланіе Кирилла Вѣлосерскаго, житіе Сергія, Задонщина, повѣсть о Дракулѣ, сказаніе о Псковскомъ взятіи, Стоглавъ, старопечатный апостоль 1564 года, Домострой (225.—39), князи Курбскаго исторія Ивана

Грознаго, посланіе Грознаго въ Кирилло-Владимерскій монастырь, шѣпки и былинны собранія Ричарда Джемса, исторія объ Азовскомъ сидѣніи, Котошихинъ (289—303), урядникъ Сокольниковъ пути, вирши Олмеона Полоцкаго, новѣсть о Волотѣ Волотовичѣ, народная поэзія: стихи о Егоріи Храбомъ, Волхъ, Вольга и Микула, Святоторъ, Илья Муромецъ (5 былинъ), богатыри на заставѣ, Добрыня Никитичъ, Соловей Будимировичъ, Дожъ Степановичъ, пиры Владиміра, Василій Буслаевъ, Камень царь, Щелканъ Дудентьевичъ, взятіе Казанскаго царства, Гришка Разстрига, князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій, на рожденіе Петра Великаго.

Одна изъ главныхъ особенностей этой хрестоматіи — исправленіе правописанія памятниковъ.

„Сосредоточивая главный интересъ учащихся на литературѣ, издатель принялъ на себя обязанность облегчить имъ грамматическія трудности, впрочемъ для нихъ и недоступныя. Съ этою цѣлю разнообразіе древнерусскаго правописанія, важное въ исторіи языка для специалистовъ-филологовъ, подведено въ этомъ изданіи подъ общій уровень правописанія, систематически выдержаннаго, какъ это объяснено въ §§ 16, 17 и 18 слѣдующаго за симъ введенія“. (Предисловіе).

Въ § 16 введенія мы читаемъ:

„Въ отношеніи языка древнерусская письменность дѣлится на 2 главнѣйшіе періода: 1) древнѣйшій отъ начала письменности до XIV столѣтія включительно, и 2) позднѣйшій, отъ XV до XVIII столѣтія“.

Признавая, что въ 1-мъ періодѣ лежитъ въ основѣ правописаніе болгарское, но съ значительными отступленіями, согласными съ духомъ языка русскаго, составитель вмѣсто юсовъ вездѣ вставляетъ *у, ю, а* и *я*, букву *ь* подчиняетъ правописанію новѣйшему, *ѣ* и *ѥ* ставитъ въ группѣ согласныхъ передъ гласными, послѣ шипящихъ ставитъ *ю* вмѣсто *у*, относительно полногласія употребляетъ смѣшанныя формы и т. д. Памятники 2-го періода подчиняетъ правильной новославянской грамматикѣ.

Для образца приведемъ мѣсто изъ Нестора по изданію Тимковскаго и въ исправленномъ г. Буслаевымъ видѣ:

Вольга же баше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскимъ Святославомъ и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мистиминъ. Рѣша же Деревляне: се князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свои Малъ и створимъ ему якоже хоцемъ. И послаша Деревляне лучшине мужи числомъ к.

Ольга же баше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскимъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свенелдъ, тоже отецъ Мистиминъ. Рѣша же Деревляне: се князя убихомъ русскаго; поимемъ жену его Ольгу за князь свои Малъ и створимъ ему, якоже хоцемъ. И послаша Деревляне лучшая мужа числомъ 20.

Итакъ г. Буслаевъ въ этомъ, напримѣръ, отрывкѣ удержалъ болѣе употребительныя особенности болгарской грамматики: « послѣ гортанныхъ, ѣ въ творительномъ падежѣ, зъ въ приставкахъ, зъ въ корняхъ для замѣны бѣглаго о, и а и я въ вин. множ. муж. рода. Въ то же время онъ оставилъ: *Дервляне* вмѣсто *Дрѣмляне*, *симомъ* вмѣсто *симомъ* и др. Такія исправленія могутъ показаться для многихъ оскорбленіемъ святости; они могутъ вызвать множество возраженій: почему издатель одну особенность болгарской грамматики удерживаетъ, а другую опускаетъ? Развѣ мало въ рукописяхъ примѣровъ сохраненія послѣдней? Издатель имѣетъ одно оправданіе: цѣль его не ученая, а педагогическая. Равнообразное, произвольное правописаніе памятниковъ или принуждало учителей гимназій вѣдаться въ излишнія филологическія тонкости, которыя едва-ли могутъ найти себѣ защитниковъ, или смущали учениковъ, нарушая основное педагогическое правило: въ проходимомъ урокѣ ни одна сторона не должна оставаться темною. Наше благоговѣніе передъ текстами памятниковъ есть излишняя крайность; издатели нѣмецкихъ средневѣковыхъ памятниковъ объединяютъ правописаніе не только въ учебникъ христоматійхъ, но и въ изданіяхъ, предназначенныхъ для болѣе обширнаго круга читателей (напримѣръ, изданія Пфейфера); памятники съ географіей XVI вѣка восстанавливаютъ въ XIII, а мы учениковъ заставляемъ читать *в Киевѣ*, *болное сущю* и т. д.! Объединеніе и исправленіе нашихъ памятниковъ древне-русской письменности давно было настоятельною потребностью; иначе учитель едва-ли имѣлъ возможность разобрать въ цѣлый годъ болѣе 3—4-хъ памятниковъ, изученіе которыхъ, хотя бы самое всестороннее, не могло дать учащимся понятія о всей древне-русской литературѣ; исполнить же онъ бы болѣе удовлетворительно, нежели это сдѣлалъ г. Буслаевъ, мы считаемъ невозможнымъ.

Всѣ тексты снабжены обширными примѣчаніями, главнымъ образомъ экзегетическими; издатель старался ничего не оставлять не объясненнымъ (см. объясненіе темныхъ мѣстъ, напримѣръ, въ лѣтонисѣ Нестора: въ „перегъ-бѣкъ и сустугахъ“, „нити на ня“ и др.), и достигъ цѣли, на сколько это возможно.

Вудучи увѣрены, что христоматія г. Буслаева сразу станетъ въ число лучшихъ русскихъ учебниковъ и переживетъ не одно изданіе, мы беремъ на себя смѣлость сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Начнемъ съ состава. 1) Извѣстная проповѣдь Луки Жидаты, превосходно характеризуетъ раннюю Новгородскую письменность и отношенія первыхъ

кроповѣдниковъ къ ихъ непросвѣщенной частвѣ, не можетъ быть пропущена. 2) Отдѣлъ свѣтскихъ повѣстей, особенно интересный въ гимназіяхъ долженъ быть расширенъ; одна повѣсть о Дракулѣ не можетъ дать о немъ понятія. 3) Въ литературѣ XVII вѣка должно дать болѣе мѣста прозведеніямъ, возникшимъ подъ вліяніемъ юго-западной науки; однихъ виршъ Симеона Полоцкаго для этого недостаточно, тѣмъ болѣе, что издатель долженъ имѣть въ виду и то значеніе, которое этотъ отдѣлъ имѣетъ для литературы Петровской. 4) Переписку Грознаго съ Курбскимъ — единственный интересный образецъ полемики — едва ли не слѣдуетъ предпочесть исторіи Грознаго. Въ случаѣ недостатка мѣста, мы предложили бы выпустить; посланіе Василія Новгородскаго (образецъ апокрифовъ уже есть въ Содоменѣ), посланія Кирилла Бѣлозерскаго, болѣе знакомящія съ ходомъ внѣшней жизни, чѣмъ внутренней, старопечатный Апостолъ, пѣсни Джемса, при богатствѣ отдѣла народной поэзіи, и урядникъ Сокольниковъ Пути. Конечно, пріятнѣе было бы удержать все это и сдѣлать дополненія. Если составитель не имѣетъ возможности привести цѣлаго произведенія, а только отрывки, полезно было бы для учениковъ въ историко-литературномъ введеніи приводить планъ всего произведенія. Такъ иногда (см. исторія объ Азовскомъ сидѣніи) поступаетъ и г. Буслевъ, но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это также необходимо (например, слово Иларіона), мы этого не находимъ.

Въ примѣчаніяхъ 1) удобнѣе будетъ отдѣлить чтеніе рукописей отъ объясненій и первая поставить отдѣльно, прямо подъ текстомъ, подобно тому, какъ въ изданіяхъ классиковъ (например, Ног. op. ed. Orell.) критика текста отдѣлена отъ экзегетическихъ примѣчаній. Черезъ это издатель получитъ возможность указать съ сдѣланными имъ отмѣны, измѣнить правописаніе и въ тѣхъ памятникахъ, которые онъ теперь оставилъ филологамъ-учителямъ неприкосновенными, и ученики не будутъ путаться въ ненужныхъ для нихъ критическихъ подробностяхъ.

2) Уничтожить словарь и объясненія изъ него ввести въ примѣчанія; а къ концу книги присоединить въ алфавитномъ порядкѣ указатель всѣмъ примѣчаніямъ, объясняющимъ отдѣльныя слова, формы и выраженія, какъ это сдѣлано, напримеръ, въ изданіи нѣмецкихъ классиковъ Пфайфера. Черезъ это составитель избѣгнетъ необходимости повторяться (например, „старьца“ на стр. 32, 33 и др.); ученикъ, не находя примѣчанія внизу, будетъ прямо отправляться къ указателю, тогда какъ теперь онъ напрасно 10 разъ отправится

къ словарю за объясненіемъ слова, объясненнаго выше, и не обратится къ нему въ 11-й, когда это необходимо.

3) Выпустить изъ примѣчаній все, что не имѣетъ прямого приложенія для ученика, что только возбуждаетъ вопросы, не давая отвѣта, и все сомнительное. Напримѣръ: „*pardus, pardos*, но замѣчательно, что съ латинскимъ окончаніемъ *us, radus, barsus*“ (стр. 29); „*первое впервые, или ояскою вмѣсто первая*“ (стр. 32).

Что касается отдѣла народной словесности, то нельзя не отдать справедливости автору за прекрасный выборъ былинъ, за прекрасныя исправленія редакцій и объясненія; но мы не понимаемъ одного: считаетъ ли составитель, предложившій столько образцовъ былиннаго эпоса, излишнимъ знакомить учениковъ со сказками и мифическими пѣснями, или думаетъ, что онѣ должны читаться по другой хрестоматіи? Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ нельзя согласиться.

К.

Латинско-русскій и русско-латинскій лексиконъ, съ полнымъ объясненіемъ свойствъ и значеній каждого слова, съ показаніемъ собственныхъ именъ древней, географіи и мисологіи. Сост. Кронебергъ. Москва. 1870 г. 7-е изданіе.

Довольно много обѣщающее заглавіе лексикона сопровождается несравненно болѣе пышнымъ предисловіемъ, довольно безграмотно написаннымъ, что доказываетъ первая же его строчка. Свѣршная мысль, выраженная въ этомъ вступленіи, есть та, что словарь Кронеберга есть лучший изъ существующихъ у насъ латинскихъ лексиконовъ. Выразить публично такое мнѣніе послѣ появленія лексикона Леонтьева не только странно, но прямо смѣшно; такое важное призаніе ясно доказываетъ, что издатель не имѣетъ никакого понятія объ условіяхъ, какія требуются при составленіи лексикона, и вовсе не знакомъ съ учебною нашею литературою по той отрасли, въ какой относится издаваемое имъ сочиненіе. Лексиконъ Кронеберга и въ былое время, лѣтъ 30 тому назадъ, былъ пособіемъ довольно посредственнымъ; при новомъ изданіи его слѣдовало подвергнуть коренному исправленію; нынѣшнее же изданіе отличается отъ прочихъ развѣ тѣмъ, что обогатило книгу новыми опечатками, начинающимися съ первой страници и оканчивающимися послѣднею. Но издатель такъ слѣпо вѣритъ въ достоинства Кронебергова лексикона, что, пожалуй, и не считаетъ возможнымъ издать что-нибудь лучше и совершеннѣе настоящей книги.

„Словарь Кронеберга, говоритъ онъ, до сихъ поръ единственное руководство, о превосходствѣ котораго предъ другими латинскими словарями, изданными на русскомъ языкѣ, распространяться излишне, потому что справедливость этого очевидно доказывается уже и тѣмъ, что не смотря на нѣсколько прежнихъ изданій этого словаря, теперь его въ продажѣ болѣе не существуетъ“ и т. д.

Причина распродажи книги несомнѣнно была болѣе простая: книга была во всеобщемъ употребленіи и раскупалась за неимѣніемъ лучшихъ, или проще, — вообще другихъ латинскихъ пособій.

Переходя къ разсмотрѣнію текста лексикона и сравнивая его съ иными хвалебными фразами предисловія, нельзя не вспомнить древней басни: Parturiunt montes etc.

Издатель въ предисловіи говоритъ, что въ лексиконѣ неопутителенъ недостатокъ общихъ словъ при чтеніи классическихъ писателей, собственно по отдѣлу извѣстной словесности. Дѣйствительно, въ неполнотѣ упрекнуть книгу нельзя; можно скорѣе сказать, что въ немъ много словъ, едва ли нужныхъ ученикамъ, словъ такихъ, какія не встрѣчаются въ читаемыхъ въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ историческихъ писателяхъ, словъ средневѣковыхъ, наконецъ словъ уже исключенныхъ изъ лексикона (cocillare, клоктать вм. quocillare), или вовсе не существующихъ, какъ, напримѣръ, прилагат. *caedens* и *impossibilis, historialis* (?). Но полнота содержанія не есть сама по себѣ главное достоинство лексикона, назначаемаго не для ученыхъ вообще (они и такъ не обойдутся безъ Forcellini и Du Cange), а для учащихся; а для сихъ послѣднихъ главная задача лексикона состоитъ въ вѣрномъ, опредѣленномъ и систематически расположенномъ объясненіи приведенныхъ словъ. Но въ этомъ отношеніи лексиконъ Кронеберга далеко не удовлетворяетъ даже умѣреннымъ требованіямъ методическимъ. Что напримѣръ, значитъ слово *res*? Оно значитъ: вещь (дѣло) | опытъ | очевидность (едва ли понятно?) | обстоятельство | причина | намѣреніе | судебное дѣло, тяжба | средство, способъ | состояніе | доказательство | имѣніе, богатство | выгода, польза, прибыль | сила, власть | государство. За приведеніемъ нѣсколькихъ латинскихъ оборотовъ, въ которыхъ *res* не переводится на русскій языкъ, слѣдуетъ перечень соединеній *res* съ прилагательными, въ которыхъ переводное слово русское всегда соответствуетъ болѣе тѣсному понятію, нежели латинское *res*, между тѣмъ какъ можно бы было перевести чрезъ „дѣло“. Почему, напримѣръ, *res militaris* не военное дѣло, а военное искусство; *res divina* не божественное дѣло, а богослуженіе, *res judiciaria* не судебное дѣло, но судопроизводство, *res rusticae*

не сельское дѣло, а сельскія занятія? и проч. Сколько труда употребить ученикъ, отыскивая значеніе слова *res* въ данномъ случаѣ, и что поможетъ ему доискаться до настоящаго значенія? Намъ кажется, что приведенные въ статьѣ *res* примѣры скорѣе собьютъ его съ толку, нежели поведутъ его къ дѣлу. Такого же рода объясненія даются, напримѣръ, къ слову *facio* дѣлать, содѣлывать, учинить, причинять, б. причинно | производить, родить | проводить | упражняться | исполнять | жертву приносить. Между первыми же примѣрами поставлено: *fac sciam*, *Sic*. напиши мнѣ, — значеніе, явно относящееся только къ перепискѣ, а не передающее смыслъ латинскаго оборота. При *carpit* сказано: голова, глава (въ книгѣ) | жизнь | начало | главная вещь, существо дѣла | вершина | глава, первый человѣкъ и просто человѣкъ | вождь, начальник | главное побужденіе |, а между примѣрами приведено: *carpitis minor*, лишенный права гражданства. Тутъ пропущено одно изъ главныхъ значеній: право гражданства.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что объясненіе словъ въ словарѣ не систематическое, развивающее различныя значенія одно изъ другого, а этотъ-то методъ и составляетъ главное достоинство учебнаго пособия. Къ недостатку системы въ толкованіи словъ слѣдуетъ присоединить и ту небрежность, съ которою иногда объяснены слова. Такъ *Romanus* переведено однимъ прилагательнымъ: римскій; о томъ, что это слово употребляется какъ существительное, ничего не сказано. *Dactylicus* значитъ — дактилическій, напримѣръ, *pumetus*. Дактиль стопа, размѣръ, а при *Dactylus*: Дактиль, стопа въ стихахъ, состоящая изъ — √. Тутъ существительное не отлечено отъ прилагательнаго, между тѣмъ какъ было бы весьма просто и ясно сказать, что *dactylus* есть такая-то стопа, а *dactylicus pumetus* размѣръ стиховъ, состоящій изъ *dactyl*-ей. Подъ словомъ: *Latinitas* дано довольно неловкое объясненіе. *Latinitas* или *jus Latii*....; оно *хуже*, нежели право гражданства, но *лучше*, нежели право Италійское, *jus Italicum*. Какое понятіе получить учащійся о худшихъ и лучшихъ правахъ?

Въ предисловіи издатель заявляетъ, что „составитель руководствовался исторіею латинскаго языка и словесности въ отношеніи грамматическомъ, при измѣняемыхъ словахъ представлены главныя или коренныя формы ихъ, необходимыя для полноты, уразумѣнія и усвоенія учащимся этимологическаго состава языка“.

Мы признаемся въ томъ, что не совсѣмъ понимаемъ, къ чему слѣдовало автору для представленія главныхъ формъ слова руководствоваться исторіею языка и словесности, потому что не видимъ никакихъ слѣдовъ новогреческой грамматики въ лексиконѣ; — но если

прибавимъ къ этому, что далеко не вездѣ показано этимологическое происхождение производнаго слова отъ кореннаго и что нигдѣ при сложныхъ словахъ не показаны составныя части ихъ, то не усомнимся назвать приводимыя слова пустою фразой.

Въ лексиконѣ сверхъ общихъ словъ, какъ говорится въ предисловіи, „заключаются слова, относящіяся къ древней географіи, мнѣологіи и естественнымъ наукамъ“. Кадовы эти объясненія, можно видѣть, на слѣдующихъ примѣрахъ: Italia, ae, f, 1. Италия. Roma, ae, f, 1. Извѣстный городъ Римъ; или по мнѣологіи: Jupiter, Jovis m. f. 3. Virg. Юпитеръ, древній богъ и одна изъ семи планетъ | воздухъ; it. дождь; или Jupo, opis f. 3. Юнона | Воздухъ |. Не говоря о томъ, что учащійся изъ подобныхъ объясненій не можетъ извлечь никакихъ свѣдѣній, мы должны упрекнуть издателя лексикона въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на правописаніе въ передаваемыхъ на русскомъ языкѣ собственныхъ именахъ. Такъ Achaeus есть глава Ахеевъ, а прилагательное Ахайскій, Achaei называются Ахаянами, а Achivi Ахейцами; Acharnae суть Азарны, а Acharnanus есть Акарнскій.

Въ концѣ словаря приложены differentiae vocum latinarum, то-есть, сопоставленіе словъ подобнаго или противоположнаго значенія. Этотъ перечень словъ не отличается ни полнотою, ни вѣрностію указаній; напримѣръ, *album* такъ отличается отъ *candidum*: *album natura*; *sandidum arte*; *modestus* и *probus* различаются такъ: *Mulier proba sibi*, *modesta apud alios*. При *lucus* ничего не сказано о *pemus*, *silva*, которыхъ вообще нѣтъ; при *arma* не приведено *telum*, между тѣмъ какъ при *telum* все объясненіе состоитъ въ ссылкѣ на *arma*.

Конечъ книги заключаетъ „словарь реченій въ лексикону Кронеберга по русскому алфавиту“. Эта послѣдняя часть вполне основана на латинско-русскомъ лексиконѣ, а потому неудивительно, что въ ней тотъ же беспорядокъ, то же отсутствіе опредѣленности и системы, какъ въ первой, главной части лексикона.

Основываясь на вышеприведенныхъ соображеніяхъ, мы не можемъ рекомендовать словарь Кронеберга какъ пособіе для учебныхъ заведеній.

Нѣмецкая азбука для русскихъ дѣтей, содержащая главныя правила произношенія буквъ, краткости и протяжности слоговъ, ударенія и правописанія, а кромѣ того нѣсколько легкихъ статей для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Составилъ О. Урбенъ. Рига. 1870 г.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что при помощи этой азбуки можно научиться механическому чтенію нѣмецкихъ текстовъ, но несомнѣнно и

то, что для этой цели вполне достаточно изъять страницы, какия можно встрѣчать въ началѣ всякой порядочной нѣмецкой грамматики. Подробныя правила произношенія каждой отдѣльной буквы и каждого слога скорѣе затруднять, чѣмъ облегчать первоначальное знакомство учениковъ съ звуками нѣмецкой рѣчи. Это знакомство главнымъ образомъ должно приобретаться путемъ практическимъ. Приложенныя къ азбуцѣ г. Урбала статьи для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій вовсе здѣсь неумѣстны, такъ какъ не сопровождаются никакими объяснительными примѣчаниями и назначены для учениковъ, вовсе еще незнакомыхъ даже съ основными правилами нѣмецкаго языка. Вообще рассматриваемую азбуку нельзя включить ни въ число гимназическихъ руководствъ, ни даже учебныхъ пособій.

Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. Von Moritz Oertel. Zehnte, veränderte und verbesserte Auflage. Odessa, 1870.

Настоящее изданіе учебника г. Эртеля, сравнительно съ 9-мъ его изданіемъ, представляетъ значительныя улучшенія. Недостатки упомянутого 9-го изданія, указанныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, при разсмотрѣніи руководства г. Эртеля, состояли въ слѣдующемъ: 1) Авторъ желалъ въ своемъ учебникѣ разомъ достигнуть двухъ цѣлей, имѣя въ виду не только учениковъ, но и неопытныхъ наставниковъ нѣмецкаго языка. Для назиданія послѣднихъ, онъ наполнилъ свое руководство разными *Erklärungen* и *Anmerkungen*, что неумѣстно въ книгѣ, назначенной для учениковъ гимназій. 2) На долю этихъ учениковъ приходилось не много примѣчаній, да и тѣ были изложены на нѣмецкомъ языкѣ. 3) Въ приложенномъ къ руководству лексиконѣ съ русскимъ переводомъ словъ, встрѣчаемыхъ въ отдѣльныхъ упражненіяхъ, неожиданно указывались и французскія значенія этихъ словъ, хотя въ заглавіи означенной книги о французскомъ языкѣ вовсе не упоминалось. Наконецъ, 4) русскій текстъ руководства страдалъ грамматическими неправильностями.

Книгѣ, при новомъ (10-мъ) изданіи своей книги, авторъ сдѣлалъ въ ней значительныя измѣненія, при чемъ очень тщательно воспользовался сдѣланными ему замѣчаниями, такъ что рассматриваемый учебникъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, можетъ служить хорошимъ руководствомъ при преподаваніи нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Учебникъ французскаго языка, теоретическій и практическій, составленный на основаніи программъ преподаванія этого языка въ гимназіяхъ и примѣненный къ занятіямъ и безъ учителя. Сост. *Мильчевскимъ*. 2-е значительно измѣненное изданіе. Москва. 1869 г.

Одно изъ главныхъ достоинствъ своей книги г. Мильчевскій видеть въ томъ, что она не только примѣнена, по его мнѣнію, къ преподаванію французскаго языка въ гимназіяхъ, но можетъ служить руководствомъ къ изученію этого языка и безъ помощи учителя. Съ этою послѣднею цѣлю въ концѣ своей книги г. Мильчевскій помѣстилъ французскій переводъ находящихся въ ней русскихъ примѣровъ. Уже одно это, воплотивъ нарушая самостоятельность учащихся, столь необходимую при занятіяхъ ихъ какими бы то ни было предметомъ, а тѣмъ болѣе языками, какъ древними, такъ и новыми, дѣлаетъ рассматриваемое руководство неудобнымъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, авторъ заявляетъ въ заглавіи своей книги, что она составлена на основаніи *гимназическихъ программъ* французскаго языка. Это заявленіе не точно: общей и для всѣхъ гимназій обязательной программы для преподаванія французскаго языка не существуетъ. Каждому учебному округу предоставлено въ этомъ случаѣ руководствоваться своею собственною программой, при чемъ предписана въ руководствѣ инструкція, опредѣляющая только объемъ преподаванія. Если г. Мильчевскій подъ приведенными его словами разумѣлъ, что онъ желалъ въ своемъ трудѣ согласить всѣ эти разнообразныя программы французскаго языка, то такая попытка едва-ли можетъ привести къ удовлетворительному результату.

Тщательно разсмотрѣвъ его книгу, мы убѣдились, что, съ одной стороны, въ ней много лишняго, а съ другой — оказываются существенные пропуски. Къ излишествамъ должно отнести, какъ введеніе къ книгѣ г. Мильчевскаго, гдѣ онъ помѣстилъ теорію произношенія каждой французской буквы въ отдѣльности, такъ и помѣщенное въ концѣ книги „Приложеніе“, гдѣ авторъ представилъ (по Нозлю и Шапсалю) сводъ правилъ французской орфографіи, которая должна быть изучаема въ связи съ этимологіей. Въ 70-и урокахъ, на которые г. Мильчевскій раздѣлил свое руководство, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ частей рѣчи, предоставлено полное преобладаніе глагольнымъ формамъ. Здѣсь также не мало подробностей, которыя значительно превышаютъ объемъ преподаванія французскаго языка въ гимназіяхъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго

округа, при окончательномъ испытаніи изъ этого предмета, требуется не болѣе, какъ „умѣнье переводить незнакомую статью съ французскаго на русскій языкъ, а также *легкую* русскую на французскій языкъ—письменно безъ грубныхъ ошибокъ этимологическихъ, синтаксическихъ и орфографическихъ“. Главное при этомъ, какъ мы видимъ, умѣнье переводить съ французскаго языка на русскій, а книга г. Мильчевскаго вовсе не удовлетворяетъ этому требованію, такъ какъ въ ней не помѣщено французскихъ текстовъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили. Изъ пропусковъ въ книгѣ г. Мильчевскаго въ особенности необходимо обратить вниманіе на отсутствіе въ ней сколько-нибудь связнаго и вразумительнаго ученія о членѣ (article). Нѣсколькихъ словъ, мимоходомъ сказанныхъ объ этомъ предметѣ въ первомъ урокѣ, вполне недостаточно, тѣмъ болѣе, что означенной части рѣчи не существуетъ въ нашемъ языкѣ, и потому она требуетъ очень тщательнаго выясненія въ русскихъ школахъ.

Научная сторона въ разсматриваемомъ учебникѣ вообще оставляетъ желать весьма многого. Особенно рѣзкими недостатками отличается приложенный въ концѣ этой книги французско-русскій словарь, гдѣ авторъ совершенно не встаетъ и притомъ очень неточно указываетъ на санскритскіе, древне-германскіе и тому подобныя корни французскихъ словъ. Все это—подробности, не имѣющія ничего общаго съ гимназическою программой. Болѣе практическую примѣнимость могли бы имѣть указанія г. Мильчевскаго на этимологическую связь французскаго языка съ древними классическими; но авторъ, къ сожалѣнію, знакомъ съ ними, какъ видно, очень мало. Въ его словарь нѣтъ ни одного правильно напечатаннаго греческаго слова, что невозможно объяснить только корректурною неисправностію. Притомъ указанія на классическіе корни французскихъ словъ отличаются случайнымъ характеромъ и приведены безъ всякой системы. Такъ, ограничиваясь буквою А, замѣтимъ, что при нѣкоторыхъ словахъ, напримѣръ: *abonder*, *accélérer* (авторъ почему-то пишетъ это слово *accélérer*), *accepter*, *adorer*, *aimer* и т. д. авторъ приводитъ латинскіе ихъ корни и въ то же время не указываетъ на латинскіе корни при словахъ: *accommoder*, *accusateur*, *accuser*, *acteur*, *admirateur*, *admirer*, *affirmer*, *ambition*, *améliorer* и т. д.

Поэтому книга г. Мильчевскаго не можетъ служить ни руководствомъ, ни полезнымъ пособіемъ при преподаваніи французскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ.

Katolisismus der Prosa und Poesie, als Vorschule der Deutschen Literatur-Geschichte für die oberen Gymnasialklassen, von Theophil Sikorski. Варшава. 1869.

Трудно дать себѣ отчетъ, съ какою цѣлю издана эта книга и почему ея содержаніе изложено по вопросамъ и отвѣтамъ. Таковой способъ изложенія давно уже оставленъ, какъ совершенно безплодный. Вопросы имѣютъ полезное значеніе только въ томъ случаѣ, когда разумно-послѣдовательнымъ ихъ подборомъ доводятъ учащагося или до усвоенія предметовъ невѣстныхъ, или до рачувальнаго пониманія такихъ предметовъ, къ которымъ онъ прежде относился безсознательно. Но если за вопросомъ непосредственно, безъ всякихъ разъясненій, слѣдуетъ совершенно готовый отвѣтъ, невѣстно какимъ образомъ сформировавшійся, тогда онъ становится страннымъ и ни къ чему не служащимъ излишествомъ. Гораздо лучше и простѣе прямо опредѣлять, что такое проза, повѣя и другіе предметы къ нимъ относящіяся, нежели прежде задать вопросы: „Что разумѣется подъ именемъ прозы?“ „Что такое повѣя?“ „Какъ раздѣляются прозаическія и поэтическія сочиненія?“ „Что есть періодъ?“ и т. п., и потомъ самому отвѣчать на нихъ, показывая видъ, что отвѣчаетъ ученикъ, а не учитель. Если г. Сикорскій смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на компендіумъ для повторенія пройденнаго, то и при такомъ предположеніи вопросомъ напрасно занимаютъ мѣсто, которое можно было бы наполнить чѣмъ-нибудь болѣе производительнымъ. Книга его назначена для высшихъ классовъ гимназій, а ученики этихъ классовъ сумѣютъ и безъ помощи вопросовъ отвѣчать то, что слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ.

Кромѣ устарѣлой формы, въ трудѣ г. Сикорскаго есть и другой недостатокъ. Книжку свою называетъ онъ приуготовительною школою къ изученію нѣмецкой литературы. Если это такъ, то съ какою цѣлю вошло въ первую часть ея особое прибавленіе, занимающее 26 страницъ и предлагающее какъ опредѣленія квитанцій или росписокъ, векселей, контрактовъ, записокъ и писемъ, такъ и правила писать ихъ, подтвержденныя многими приѣрами. Съ одной стороны, теоретико-литературныя свѣдѣнія, а съ другой—наставленія тѣмъ лицамъ, которыя захотятъ посвятить себя практическому призванію: какъ согласить такія двѣ цѣли? Зачѣмъ также въ концѣ книги приложена студентская мѣсяца, которая цѣлась или и теперь поется при вступленіи новаго товарища въ каждомъ изъ нѣмецкихъ университетовъ?

Въ третьему недостатку должно отнести странный взглядъ на драматическую поэзію, по которому къ ней, кромѣ комедіи, трагедіи, оперы и другихъ видовъ драмы, относится еще: сатира и дидактическое стихотвореніе, эпистола, басня, параболы, эпиграмма, загадка, шарада, логогрифъ, кантата, ораторія, диѳирамбъ, рапсодія, сонетъ, аллегорія, сестина, глосса, рондо, канцона, триолеть, ригурнель. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что небольшой компендіумъ не имѣлъ никакой надобности пускаться въ опредѣленія и приводить примѣры многихъ стихотворныхъ мелочей, безъ которыхъ очень легко можетъ обходиться пригособительная школа къ изученію исторіи нѣмецкой литературы.

По всѣмъ высказаннымъ основаніямъ слѣдуетъ признать, что употребленіе книжки г. Сиворскаго не принесетъ никакой пользы учащимся въ гимназіяхъ.

Руководство къ арифметикѣ. Сост. Д. Назаровъ, преподаватель Московской 5-й гимназіи. Москва. 1870.

Руководство г. Назарова страдаетъ многими недостатками, многое и самое существенное въ немъ оставлено безъ надлежащихъ объясненій и доказательствъ. Приведемъ факты. На стр. 20-й, приступая къ сложенію многозначныхъ чиселъ, авторъ говоритъ:

„Пусть требуется сложить числа:

$$8576 + 4302 + 519.$$

„Для сложенія двухъ или нѣсколькихъ чиселъ поступаемъ такъ: данныя числа подписываемъ одно подъ другимъ такъ, чтобъ единицы были подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д.; подписавши такимъ образомъ (числа), проводимъ подъ ними черту, а на одной изъ сторонъ, обыкновенно на лѣвой, ставимъ знакъ сложенія, то-есть, +; слѣдовательно, и т. д.“

На слѣдующей страницѣ читаемъ:

„Складывая нѣсколько чиселъ, напримѣръ, $17 + 23 + 57$, въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь написаны, получимъ въ суммѣ 97; перемѣстивши слагаемыя и сложивъ ихъ въ другомъ какомъ-нибудь порядкѣ, напримѣръ, $23 + 57 + 17$, или $57 + 23 + 17$ получимъ въ суммѣ то же число 97. Отсюда заключаемъ, что *сумма не измѣняется отъ перемѣны мѣста слагаемыхъ, или иначе говоря, сумма не зависитъ отъ порядка слагаемыхъ*“.

На страницѣ 26-й, гдѣ авторъ приступаетъ къ вычитанію многозначныхъ чиселъ, читаемъ:

„Пусть требуется вычесть 4208 изъ 7659. Для вычитанія поступаемъ сначала точно такъ же, какъ и при сложеніи: подписываемъ данныя числа одно подъ другимъ, притомъ принято вычитаемое число поддѣлывать подъ умень-

шаемымъ такъ, чтобы единицы были подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д., затѣмъ проводятъ подъ данными числами черту, а на сторонѣ, обыкновенно на лѣвой, ставятъ знакъ вычитанія; слѣдовательно, данныя намъ числа напишемъ такъ и пр.⁴.

На стр. 59-й, въ статьѣ: „измѣненія суммы“ авторъ, находя, что $12+34$ и $19+34$ составляютъ суммы 46 и 53 и что $19-12$ и $53-46$ равны 7, говорить:

„Видимъ, что когда одно слагаемое было увеличено семью единицами и сумма увеличилась также семью единицами. А потому заключаемъ: если одно изъ слагаемыхъ увеличимъ какимъ-нибудь числомъ, то и сумма увеличится тѣмъ же числомъ“.

При такихъ недостаткахъ изложенія, курсъ ариѳметики г. Назарова не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ руководствомъ.

Прямолинейная тригонометрія для гимназій, составленная *И. Борткевичемъ*, преподавателемъ 2-й Петербургской военной гимназій. С.-Пб. 1870 г

Прямолинейная тригонометрія, по своему содержанію и объему, представляетъ одну изъ простѣйшихъ отраслей математики. Задача ея точно опредѣленная и не сложная — рѣшеніе треугольниковъ, то есть, опредѣленіе посредствомъ вычисленія сторонъ и угловъ самой простой изъ прямолинейныхъ геометрическихъ фигуръ. Формулъ, необходимыхъ для цѣли прямолинейной тригонометрії, не очень много; по большей части онѣ симметричны, что значительно облегчаетъ запоминаніе ихъ и быстрое приложеніе къ дѣлу. Построеніе и употребленіе логарифмическихъ тригонометрическихъ таблицъ не можетъ особенно затруднять ученика, потому что онъ знакомится съ общими логарифмическими таблицами въ курсѣ алгебры, предшествующемъ курсу тригонометрії. Если къ сказанному присоединимъ еще то соображеніе, что тригонометрія преподается въ старшихъ классахъ учебныхъ заведеній (въ гимназійхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а въ VI-мъ классѣ), то, по видимому, можно было бы съ увѣренностью утверждать даже а priori, что этотъ предметъ идетъ успѣшнѣе другихъ частей математики, и что нѣтъ ничего легче, какъ составить хорошій учебникъ по тригонометрії. Но на дѣлѣ ни то, ни другое заключеніе почти не оправдывается. Ученики запоминаютъ формулы довольно легко и прилагаютъ ихъ къ рѣшенію различныхъ вопросовъ безъ особеннаго труда; но теоретическая часть курса большею частью проходитъ для нихъ математическаго, а слѣдовательно, и общаго развитія почти безслѣдно. За исклю-

чением „Прямолинейной тригонометрии“ г. Дмитриева, мы затрудняемся назвать другой учебникъ на русскомъ языкѣ, гдѣ съ полною основательностію, точно и опредѣленно излагалась бы теоретическая часть тригонометріи.

Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда читаешь новый учебникъ по тригонометріи, трудъ г. Борткевича. Въ этомъ учебникѣ встрѣчаешь странную смѣсь хорошаго съ весьма слабымъ по изложенію, и что гораздо важнѣе, по отношенію къ самой наукѣ. Относительно учебниковъ, назначаемыхъ для старшихъ классовъ гимназій, можно, полагаемъ, предъявлять не только общія педагогическія требованія, но и требованія чисто-научныя; положительные же промахи противъ тѣхъ или другихъ требованій, конечно, не должны быть терпимы ни въ какомъ учебникѣ.

Къ хорошимъ сторонамъ разбираемаго нами учебника мы относимъ, во первыхъ, обиліе матеріала для тригонометрическихъ упражненій—до 200 различныхъ задачъ и примѣровъ, приложенныхъ почти къ каждой главѣ курса; во вторыхъ, статью объ употребленіи тригонометрическихъ таблицъ, исчерпывающую всѣ разнаго рода частности, которыя, какъ извѣстно, встрѣчаются при пользованіи таблицами (стр. 38—58); и втретьихъ, обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ рѣшенія треугольниковъ, при чемъ подробно изложены и способы повѣрять рѣшенія.

Неудовлетворительна же почти вся теоретическая часть курса. Мы встрѣтили очень много мѣстъ или неудачныхъ по языку (на страницахъ 4, 5, 7, 66, 67, 68, 80, 89; въ §§ 9, 12, 13, 21, 28, 38, 40, 45, 47, 48, 50, 53, 73, 74, 77, 80), или по самымъ приемамъ изложенія (§§ 1, 23, начало главъ VII, VIII, X, § 50), безъ объясненія чертежей или съ неполнымъ объясненіемъ (чертежи: 1, 11, 12, 14, 17, 19).

Внѣшній видъ изданія также не совсѣмъ удовлетворителенъ (цѣну 75 коп. за книгу въ 100 съ небольшимъ страницъ и съ 2-мя таблицами самыхъ простыхъ чертежей нельзя назвать малою). Нѣкоторыя страницы съ трудомъ читаются (напримѣръ, стр. 22, 23, 24, 48, 58, 70, 71, 72 и проч.): до того скучены на нихъ формулы и самое вычисленіе; на другихъ же страницахъ находимъ излишній просторъ (таковы страницы 78, 82, 90, 95, 102, 103, 105 и 106).

Ограничиваясь только указаніемъ на эти недостатки, остановимся нѣсколько долѣе на важнѣйшемъ недостаткѣ учебника—на опредѣленіяхъ *тригонометрическихъ величинъ*.

Въ главѣ II-й, въ § 7, читаемъ:

„Условились называть: 1) синусомъ дуги или угла, который ей-соответствуетъ, количество, измѣряющее въ частяхъ радіуса перпендикуляръ, опущенный изъ оконечности дуги на діаметръ, проходящій черезъ ея начало“.

По этому опредѣленію, синусъ угла или дуги есть нѣкоторое число, отношеніе между двумя линиями, изъ которыхъ одна — радіусъ круга (что совершенно справедливо). Въ томъ же родѣ авторъ опредѣляетъ косинусъ, тангенсъ, котангенсъ, секансъ и косекансъ. Но, опредѣливъ эти новыя для ученика величины какъ числа, на слѣдующей страницѣ, въ концѣ того же § 7, авторъ говоритъ слѣдующее: „Эти шесть *линій* (то-есть, синусъ, косинусъ и проч.) называются тригонометрическими линиями или величинами, а также круговыми функциями“ (а о функцияхъ еще нигдѣ ни слова не упоминалось). Это — промахъ научный, и онъ пронизываетъ весь курсъ и особенно чувствуется въ изложеніи § 8; а также въ §§ 59 и 60. Приступающій къ изученію новой отрасли математики, съ первыхъ же шаговъ своихъ недоумѣваетъ, что такое синусъ, косинусъ и другія тригонометрическія величины—числа ли онѣ, или только протяженія? Между тѣмъ эти величины составляютъ все содержаніе тригонометріи, и съ ними-то такъ небрежно обошелся составитель учебника. Сбивчивость въ опредѣленіи основныхъ понятій науки есть такой камень преткновения для успѣховъ знанія, что рѣдкому учащемуся удастся въ послѣдствіи сдвинуть его съ дороги.

Также мы замѣтили, что авторъ употребляетъ терминъ необъясненный имъ въ книгѣ, именно слово *функцию* (круговую). Правда, въ примѣчаніи къ § 7 дается понятіе о функции (но почему эта функція круговая—осталось не разъясненнымъ); такой порядокъ изложенія мы тоже относимъ къ недостаткамъ учебника. Притомъ и опредѣленіе функціи не выдерживаетъ критики: примѣчаніе къ § 7 (опредѣленіе функціи) и § 10 находятся между собою въ противорѣчій.

И такимъ-то туманнымъ путемъ ученикъ вводится въ область новаго для него знанія. Сомнѣваемся, чтобы это знаніе было для него полезно — и какъ знаніе, и какъ сила, развивающая его умъ, хотя нѣкоторые навыки въ практикѣ тригонометріи онъ приобрететъ при помощи рассмотрѣннаго нами руководства.

Принимая однакожъ во вниманіе удовлетворительность практической стороны книги г. Бортевича, можно рекомендовать ее какъ учебное *пособіе*.

Планиметрия, по системѣ Лежандра, для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Составилъ К. Гессе. Перевелъ В. Шиховъ. Рига. 1869.

Стереометрія, по Лежандру, того же автора. Рига. 1870.

Нѣмецкіе оригиналы этихъ учебниковъ, подъ заглавіемъ: *Legendre's Geometrie. Ein Compendium für den Unterricht in der Planimetrie und Stereometrie.* Riga. 1867, разсматривались въ ученѣмъ комитетѣ въ 1858 году и были одобрены для употребленія въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа, въ которомъ они въ ходу и по настоящее время; переводы г. Шихова, по отъѣзду автора, сдѣланы по новымъ изданіямъ этихъ учебныхъ пособій, заключающимъ въ себѣ значительныя исправленія соотвѣтственно развитію и успѣхамъ новѣйшей литературы математическихъ учебниковъ.

Педагогическія требованія въ русской школѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе стали заявлять себя и по отношенію веденія самой школы и относительно характера школьныхъ учебниковъ и пособій. Нынѣ сдѣлалось уже необходимою серіозное изученіе и всесторонняя разработка методовъ преподаванія различныхъ учебникъ предметовъ. А потому совершенно понятно, что въ настоящее время не могутъ уже насъ вполне удовлетворять такіе учебники, которые слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ мы находили довольно удовлетворительными.

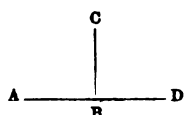
Съ этой точкой зрѣнія „Курсъ геометріи“ г. Гехеля, въ переводѣ Шихова, одобренный въ 1858 году для употребленія въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскихъ губерній (см. предисловіе къ первой части курса), въ настоящее время, можно развѣ рекомендовать для библіотекъ гимназій и тѣхъ училищъ, гдѣ геометрія проходитъ. Курсъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія преподавателей математики, какъ по системѣ изложенія, принятой въ немъ, такъ и по количеству (болѣе 200) и разнообразію задачъ, приложенныхъ къ разнымъ отдѣламъ планиметріи и стереометріи; но какъ учебное руководство, курсъ г. Гехеля долженъ быть переработанъ.

Существенный недостатокъ этого учебника заключается въ крайней скучности изложенія и въ непрерывныхъ ссылкахъ на предыдущіе параграфы (а на стр. 2-й ссылка дѣлается и на послѣдующій параграфъ въ видѣхъ экономіи одного лишняго чертежа). Такое изложеніе мало доступно особенно для учениковъ того класса (у насъ IV-го), въ которомъ только еще приступаютъ къ изученію геометріи. Справки по параграфамъ учебника рѣдко дѣлаются. Ясное, точное и полное изложеніе

въ учебной книгѣ приучаетъ ученика къ таковому же изложенію своихъ собственныхъ мыслей. Геометрическій матеріалъ, помѣщенный у Лежандра (Основанія геометріи, переводъ Баландина и Буттаца. С.-Пб., 1837 года) на 272-хъ страницахъ, при отдѣльныхъ таблицахъ чертежей, а у Бланше (*Éléments de Géométrie par Legendre, avec additions et modifications par Blanchet, 3-ème édit. Paris. 1855*) на 284-хъ страницахъ, съ чертежами въ текстѣ — въ книгѣ г. Гехеля сжать, вмѣстѣ съ чертежами, на 121-й страницѣ (планиметрія занимаетъ всего 54 страницы, а стереометрія — 67). Форматы книжекъ Лежандра и Гехеля одинаковы, шрифтъ не представляетъ большой разницы, также не имѣетъ важнаго значенія и то обстоятельство, что, по словамъ переводчика, авторомъ „отброшены многія теоремы, составляющія скорѣе роскошь, чѣмъ необходимость, при томъ количествѣ времени, которое назначается для геометріи въ школахъ“ (см. предисловіе). Въ „Основаніяхъ геометріи“ Лежандра лишнихъ теоремъ, да еще въ большомъ количествѣ, положительно нѣтъ. Разница во внѣшнихъ объемахъ книгъ Лежандра и Гехеля объясняется единственно чрезмѣрною краткостью изложенія послѣдней и неумѣреннымъ количествомъ ссылокъ, затрудняющихъ работу ученика, въ особенности же ученика, начинающаго учиться геометріи. Еще въ VI-мъ и VII-мъ классахъ гимназій, ради большей самостоятельности въ занятіяхъ, можно бы допустить подобное изложеніе; но ученикамъ IV-го и даже V-го классовъ нашихъ гимназій такой способъ изложенія, конечно, не по силамъ. На задачахъ, особеннымъ образомъ предлагаемыхъ, о чемъ будетъ сказано ниже, будетъ выработываться самостоятельность ихъ мысленія. Теоремы же слѣдуетъ предлагать вполне; въ нихъ переходъ отъ основаній къ заключеніямъ, отъ причинъ къ слѣдствіямъ уже представляетъ достаточно трудную работу для той степени умственнаго развитія, какою обладаетъ большинство учениковъ IV-го и V-го классовъ гимназій. Самая необходимость доказательства той или другой математической истины, касающейся протяженія, не всегда еще ясно сознается учениками этихъ классовъ. А мы хотимъ заставитьъ ихъ самихъ, добровольно, подписывать доказательства, сводить вмѣстѣ разные параграфы курса, и въ концѣ концовъ, дѣлать умозаключенія!

Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ учебника въ подтвержденіе сказаннаго.

§ 4 (стр. 2 — 3). „*Всѣ прямые углы равны.* Если станемъ раздвигать стороны прямого угла ABC до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ (BC) сдвѣнется

продолженіемъ другой (BA), то получимъ уголъ ABD, котораго стороны BA и BD составятъ одну прямую. Изъ самаго опредѣленія прямого угла (§ 2, 2) видно, что онъ равенъ половинѣ угла ABD, и такъ какъ всѣ углы, у которыхъ стороны составляютъ одну прямую, равны между собою (§ 3, 4), то и всѣ прямые углы должны быть также равны“.

Разберемъ эту первую теорему въ курсѣ. Самое выраженіе теоремы не точно. Въ доказательствѣ ея глаголь „раздвигать“ неудачно употребленъ: не стороны угла ABC раздвигаются, а только отодвигается или отклоняется вправо сторона BC до совмѣщенія ея со стороною BD. Уголъ ABD, представляющій прямую линію, будетъ совершенно непонятенъ ученику—подобныя обобщенія возможны только въ позднѣйшемъ курсѣ. Утвержденіе, что „всѣ углы, у которыхъ стороны составляютъ одну прямую, равны между собою“, авторъ основываетъ на 4-й аксіомѣ 3-го параграфа; аксіома эта слѣдующая: „черезъ данную точку можно провести только одну прямую параллельно данной прямой“. Тутъ окончательно ученикъ запутается и ничего не выведетъ. Притомъ эта аксіома не всѣми геометрами дается какъ аксіома, то-есть, очевидность ея не въ такой степени неоспорима, какъ, напримѣръ, положеніе, что „дѣлое больше своей части“ и т. п.

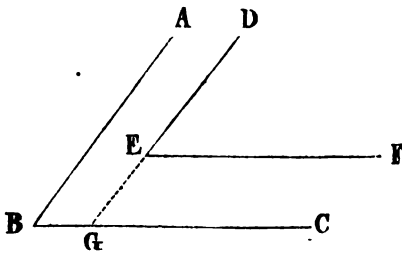
Здѣсь кстатѣ будетъ замѣтить, что въ „Элементахъ Евклида“ (въ переводѣ Фридриха Лоренца, въ изданіи д-ра Молльвейде, 1809), между основными положеніями (Grundsätze), которыя не доказываются, помѣщено и слѣдующее: „всѣ прямые углы равны между собою“ (alle rechte Winkel sind einander gleich). А плоскій уголъ опредѣляется, какъ взаимное наклоненіе двухъ линій, лежащихъ въ одной плоскости и не составляющихъ одной прямой линіи (ein ebener Winkel ist die Neigung zweier Linien gegen einander, wenn solche in einer Ebene zusammenlaufen, ohne in gerader Linie zu liegen). Въ начальномъ преподаваніи геометріи не слѣдовало бы уклоняться отъ этихъ простыхъ, доступныхъ дѣтскому разумнію, геометрическихъ понятій, завѣщанныхъ намъ первымъ геометромъ.

Въ § 8 (стр. 4—5) приводится *косвенное* доказательство теоремы и ни слова не сказано о характерѣ этого рода доказательствъ. Да и вообще ничего нигдѣ не говорится о томъ, что значитъ доказать теорему, какія средства мы имѣемъ для того, чтобы убѣдиться въ справедливости той или другой математической истины. Изложеніе книги—чисто-догматическое, кажущееся произвольнымъ, искусственнымъ, на-

взывающимъ истину, а не разъясняющимъ ее, не убѣждающимъ въ ея истинности. Полный, даже до мелочей анализъ всякой теоремы, особенно при первыхъ шагахъ въ геометріи, совершенно необходимъ, чтобъ ученикъ ясно понялъ содержаніе теоремы, созналъ необходимость общаго ея доказательства, наглядно представилъ себѣ всѣ средства доказательства и дѣйствительно убѣдился въ доказанномъ. а не повторялъ бы только одни слова доказательства.

§ 9 (стр. 5). „Если двѣ линіи параллельны третьей, то онѣ параллельны между собою. Если проведемъ перпендикуляръ къ третьей линіи, то онъ будетъ въ то же время перпендикуларомъ и къ каждой изъ остальныхъ линій (§ 8), слѣдовательно, обѣ остальные будутъ параллельны“ (§ 7).

При этой теоремѣ даже не приложено чертежа. Но она для начинающихъ не такъ проста, особенно же при двухъ ссылкахъ, въ ней помѣщенныхъ. Самое выраженіе теоремы не для всѣхъ учениковъ сразу будетъ ясно. Слѣдовало бы, указывая на чертежъ, сказать: если линія, положимъ, a параллельна c и линія b параллельна c , то линія a и b параллельны между собою. А доказавши это, можно обобщить выраженіе теоремы и сдѣлать совершенно яснымъ, что и нѣсколько прямыхъ, параллельныхъ одной и той же линіи, параллельны между собою“. Безъ всякой надобности введено въ теорему условіе времени. Между тѣмъ предоставляется собственной догадкѣ ученика то обстоятельство, что мы пересѣкаемъ всѣ три линіи одною прямою перпендикулярною къ *третьей* линіи, какъ она названа въ курсѣ. Ссылки на §§ 7 и 8 заставятъ ученика прочесть двѣ теоремы этихъ параграфовъ цѣликомъ и только въ самомъ концѣ ихъ найдеть онъ то, что для него нужно. Сколько времени пойдетъ на всѣ эти поиски, часто бесполезные для самой работы — для усвоенія заданнаго на урокъ урока.

§ 10 (стр. 5). Два угла ABC и DEF равны, если ихъ стороны параллельны и отверстія обращены въ одну и ту сторону.

„Продолжимъ сторону DE до пересѣченія со стороною BC въ точкѣ G , тогда получимъ $ABC = DGC = DEF$ (§ 8, 2)“.

Продолжимъ сторону DE ,... „до пересѣченія въ точкѣ G “,... это — описаніе даннаго чертежа, а не общее доказательство теоремы.

А можно ли продолжить сторону EF? Доказательство основано опять на ссылке на § 8, 2.

Въ § 15 (стр. 7) предлагается теорема:

„Сумма угловъ многоугольника равна двумъ прямымъ, умноженнымъ на число сторонъ, безъ четырехъ прямыхъ“.

Но конечная формула не выражаетъ непосредственно этой теоремы, потому что она написана въ слѣдующей формулѣ $(2n - 4) R$.

§ 16, 2..... „каждый уголъ въ проведенномъ n — угольнике $= \frac{2n-4}{n} R = 2 - \frac{4}{n} R$ “.

Это равенство невѣрно написано и вторая его часть представляетъ грубую ошибку: изъ 2-хъ отвлеченныхъ единицъ нельзя отнять $\frac{4}{n} R$.

Далѣе: „въ прямоугольникѣ каждый уголъ $= \frac{4}{4} = 1R = 90^\circ$ “.

Выраженіе это не вытекаетъ изъ общей формулы $\frac{2n-4}{n} R$, или $2R - \frac{4}{n} R$. Слѣдовало написать такъ:

$$2R - \frac{4}{4} R = 2R - R = R = 90^\circ.$$

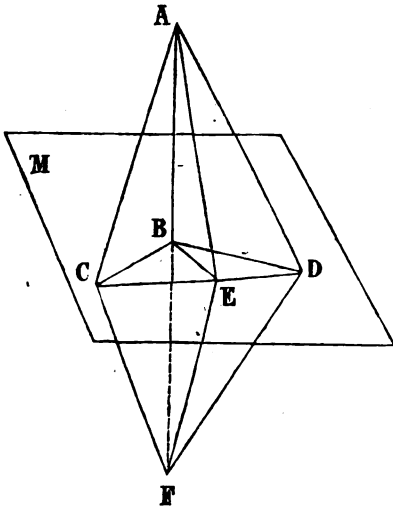
Въ § 17 (первая теорема равенства треугольниковъ) и далѣе, для обозначенія равенства треугольниковъ, употребляется такой знакъ: ∞ , вмѣсто знака $=$. Знакъ ∞ означаетъ подобіе фигуръ. Конечно, равныя фигуры — фигуры подобныя; но пока еще не говорено о подобіи, до тѣхъ поръ не слѣдовало бы употреблять и знака подобія. Безполезно вводить новое знакоположеніе, не объясняя его. Въ томъ изданіи Евклида, о которомъ говорено выше, встрѣчаемъ: $A \infty B$ (die A ist gleich und ähnlich der B); при равенствѣ треугольниковъ знакъ не употребляется, а только знакъ $=$ ¹⁾.

Въ § 36 (стр. 13) приведены теоремы: *Диагонали въ прямоугольникѣ равны, въ косоугольномъ параллелограммѣ неравны, въ ромбѣ и квадратѣ перпендикулярны другъ другу*. А о доказательствѣ ихъ говорится, что оно слѣдуетъ изъ §§ 17, 19 и 31.

Въ §§ 149 (стр. 2 — 3 стереом.) находимъ слѣдующее обильное ссылкой мѣсто:

¹⁾ Объ общихъ условіяхъ равенства фигуръ и треугольниковъ ни слова не сказано; а прямо начато съ признаковъ равенства послѣднихъ; также ничего не говорится и о способѣ наложенія фигуръ, какъ объ одномъ изъ средствъ геометрическаго доказательства.

„Такъ какъ

$AC = FC$ и $AD = FD$ (§ 28, 2), то (§ 24)

$\triangle ACD \cong FCD$, слѣд. $\sphericalangle ACD = \sphericalangle FCD$, и (§ 17)

$\triangle ACE \cong FCE$, слѣд. $AE = FE$, потому (§ 24)

$\triangle ABE \cong FBE$, слѣд. $\sphericalangle ABE = \sphericalangle FBE$, и потому

$AB \perp BE$."

Почти о каждомъ послѣдующемъ параграфѣ планиметріи и стереометріи мы могли бы повторить почти то же самое, что нами сказано о разобранныхъ частяхъ книги: вездѣ краткость изложенія въ ущербъ ясности и точности, отсутствіе наглядности и общности въ доказательствахъ, безпрестанныя ссылки, затрудняющія ученику чтеніе учебника.

Представимъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Въ § 68 (стр. 21) дается построить треугольникъ по сторонамъ: a , b , c . Задача не всегда возможная, а это обстоятельство не оговорено.

Въ § 76 (стр. 24) находится отношеніе между двумя данными прямыми, а о важномъ приложеніи этой задачи къ измѣренію линий и не упомянуто. Между тѣмъ въ § 107 (стр. 37) говорится о *точнѣйшемъ* измѣреніи прямой какою-нибудь единицей длины при помощи масштаба.

Въ §§ 136 и 138 (стр. 49 и 50) предложены по два доказательства теоремъ, касающихся отношенія окружностей круговъ и величины площади круга. Вотъ это уже роскошь, говоря словами „предисловія“, тѣмъ болѣе, что оба доказательства не вполнѣ точныя геометрическія доказательства.

Что касается задачъ, то пріемъ ихъ рѣшенія таковъ, что онъ не научить ученика самостоятельному разрѣшенію задачи. Прямо говорится: для рѣшенія такой-то задачи—сдѣлай то и то, то-есть, прописывается извѣстный рецептъ. Никакого анализа задачъ нѣтъ, и ученикъ остается безъ всякаго указанія пути въ томъ случаѣ, когда ему встрѣтится новая задача, рѣшенія которой въ курсѣ онъ не найдетъ. Въ курсѣ предлагается слишкомъ *двести* задачъ не рѣшен-

ныхъ. Такія задачи мы предложили бы сопровождать указаніями (ссылками, которыя здѣсь были бы на своемъ мѣстѣ) на задачи и теоремы, помогающія рѣшенію новой задачи и оправдывающія это рѣшеніе, какъ это сдѣлано въ очень полезной для возбужденія самодѣятельности ученика книгѣ доктора Вёкеля (*Die Geometrie der Alten in einer Sammlung von 850 Aufgaben, von D-r L. Wöckel*). Эта книга переведена, съ 5-го нѣмецкаго изданія, подъ редакцію А. Дмитріева и одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Наконецъ, мы не можемъ согласиться съ самымъ опредѣленіемъ геометріи, какое находимъ въ курсѣ г. Гехеля, именно: „изученіе свойствъ тѣлъ, поверхностей и линій составляетъ предметъ геометріи“. Во „Основаніяхъ геометріи“ Лежандра (переводъ Баландина и Буттаца) дано болѣе точное опредѣленіе геометріи: „геометрія есть наука, имѣющая предметомъ *мѣру протяженія*“. А въ курсѣ Бланше (см. выше) читаемъ: „*La géométrie a pour objet la mesure de l'étendue des figures, et l'étude de leurs propriétés*“. (On donne le nom de figures aux volumes, aux surfaces et aux lignes).

Принимая все сказанное во вниманіе, нельзя рекомендовать курса г. Гехеля какъ учебникъ, но онъ можетъ быть приобретаемъ для библіотекъ учебныхъ заведеній не безъ пользы.

Руководство къ физикѣ, въ объемѣ курса женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Полкотыцкій, преподаватель Варшавской 4-й женской гимназіи. Варшава. 1870 г.

Означенное руководство составляетъ краткій, но полный курсъ физики. Въ немъ не опущено ни одного предмета, сколько-нибудь важнаго при изученіи физическихъ явленій и законовъ природы. При весьма сжатомъ изложеніи, авторъ старался передать предметъ съ достаточною для начинающихъ ясностію и удовлетворилъ этому по мѣрѣ возможности. Въ текстѣ помѣщено 300 полиптипажныхъ рисунковъ разныхъ физическихъ приборовъ, описанныхъ въ книгѣ. Какъ языкъ, такъ и самое содержаніе почти повсюду правильны. Если и встрѣчаются кое-какія погрѣшности въ этомъ отношеніи, то онѣ не такого свойства, чтобы можно было изъ-за нихъ осудить книгу г. Полкотыцкаго. Такъ, напримѣръ, на стр. 84 сказано: „*Плотность тѣлъ*“ называютъ также *удѣльнымъ весомъ*; слѣдовательно, эти выра-

женія совершенно однозначны“, вмѣсто однозначуци. На стр. 153 сказано: „По причинѣ худой теплопроводности воздуха, всѣ предметы, въ которыхъ онъ находится, суть (вм. служатъ) худыми проводниками теплоты“, что не по русски. На стр. 161 говорится, что „всякое соединеніе какого-либо тѣла съ кислородомъ воздуха называется *юрн-миемъ*“, но это невѣрно. На стр. 185 потеря электричества стекломъ объяснена неточно.

Но подобныхъ погрѣшностей встрѣчается немного, и потому книга г. Полкатыцкаго можетъ служить руководствомъ въ женскихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается физика въ меньшемъ объемѣ, нежели въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, для которыхъ она, по своей краткости, рекомендована быть не можетъ. Кроме того, можно посоветовать г. Полкатыцкому при будущемъ изданіи пополнить свою книгу физическими задачами, которыя, какъ извѣстно, очень много способствуютъ учащимся къ уясненію изучаемыхъ ими физическихъ законовъ.

ЗНАЧЕНИЕ СОКРАТА, КАКЪ ФИЛОСОФА-ПЕДАГОГА.¹⁾

III. Духъ Сократова метода.

Смотря на Сократа, какъ на великаго и перваго неолога древности, родоначальника науки объ образованіи человѣческаго характера, мы далеки отъ мысли утверждать, что онъ создалъ положительную систему этой науки. Сократъ въ своихъ бесѣдахъ настаивалъ на необходимости изученія существа человѣка, какъ самаго важнаго и необходимаго для человѣка предмета знанія; онъ ясно выразилъ идею этой потребности, практическое значеніе этого знанія, способствующаго благу и счастью человѣчества, и блистательно провелъ высказанные имъ основные принципы неологическаго познанія въ своей педагогической дѣятельности. Но осуществить идею этой науки въ полной системѣ было для его времени такимъ дѣломъ, которое превышало средства психологическихъ данныхъ, необходимыхъ, какъ основныя послыки для научныхъ выводовъ и теоремъ. Неологія, какъ наука о законахъ образованія характера, соответствующая искусству воспитанія, предполагаетъ въ основѣ своей науку о душѣ, какъ ученіе объ основныхъ и общихъ законахъ духовной жизни человѣка. „Прежде чѣмъ характеръ и распредѣленіе методовъ воспитанія могутъ быть доведены до гармоніи съ порядкомъ и формою развитія способностей“, говоритъ Спенсеръ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о воспитаніи, — „нужно хотя въ нѣкоторой степени выяснитъ себѣ, какъ развиваются эти способности. До сихъ поръ мы приобрѣли въ этомъ отношеніи только нѣсколько общихъ понятій. Эти общія понятія должны быть разработаны въ подробностяхъ, должны быть превращены въ безчисленное количество специфическихъ положеній, прежде чѣмъ можно будетъ сказать, что мы

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за мартъ 1871 г.

обладаетъ наукою, на которой должно быть основано искусство воспитанія“¹⁾.

Сократъ никогда не занимался обработкою какой-либо положительной системы. Какъ философъ - педагогъ, какъ миссіонеръ, подвизавшійся для возбужденія дремлющихъ умовъ, или, говоря примѣнительно къ своеобразному языку Сократа, акушеръ беременныхъ и мучащихся духовными родами умовъ, Сократъ стремился образовать такой интеллектуальный характеръ, складъ и направленіе мышленія въ своихъ слушателяхъ, по которому они были бы способны къ сознательному, свободному и послѣдовательному образу мыслей, способны путемъ самостоятельнаго мышленія вырабатывать разумныя убѣжденія, какъ принципы искусства — вести себя въ обществѣ людей и учить другихъ тому же великому искусству. Въ большей части разговоровъ Сократа, излагаемыхъ Ксенофонтомъ и особенно Платономъ, рядъ діалектическихъ доказательствъ, направляемыхъ къ главному предмету бесѣды, по видимому, не приводитъ слушателя ни къ какому положительному выводу. Комментаторы часто пытаются указать въ этихъ разговорахъ положительный, доктринальный выводъ, который будто бы имѣлъ въ виду авторъ, и дѣлаютъ попытки расположить ихъ въ известномъ порядкѣ логической связи и зависимости. Но если бы Платонъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ цѣлю систематизацію разговоровъ Сократа, то, по справедливому замѣчанію Грота, страннымъ представляется, что свое намѣреніе онъ оставилъ въ такой темнотѣ, что только вооруженный увеличительнымъ стекломъ глазъ ученыхъ можетъ разсмотрѣть его. Педагогическое значеніе бесѣдъ Сократа, что собственно ставитъ Сократа во главѣ всѣхъ дѣятелей воспитательнаго искусства, состоитъ не въ догматическомъ сообщеніи какого-либо положительнаго мнѣнія или практическаго правила, но въ самомъ способѣ образованія мнѣнія, въ логическихъ приемахъ вывода правилъ, въ научномъ процессѣ изслѣдованія предмета, имѣющаго общечеловѣческую важность. Шлейермахеръ въ своемъ глубокомысленномъ сочиненіи о значеніи Сократа, какъ философа, высказываетъ, какъ основное положеніе, мысль, что значеніе Сократа въ философіи заключается не столько въ истинахъ, до которыхъ онъ дошелъ, сколько въ предложенномъ имъ методѣ искать истины. Соплашаясь съ этимъ взглядомъ, Джонъ Мидль говоритъ, примѣняя это къ Платоновымъ разговорамъ, методъ которыхъ былъ, безъ сомнѣнія, Сократовскій:

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ, Собраніе сочиненій, т. III, стр. 83 — 84.

„Хотя онъ (Сократъ у Платона) щедро разсвѣтляетъ мысли новыя и цѣнныя, однако онъ рѣдко высказываетъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ установившагося мнѣнія, если онѣ относятся къ результатамъ его изслѣдованій. Но когда дѣло касается самаго способа философствованія, или того настроенія духа, съ которымъ слѣдуетъ искать истины, или тѣхъ *умственныхъ процессовъ и метода*, посредствомъ котораго онѣ достигаются, или же когда предметомъ разбора становится не какой-нибудь отдѣльный, научный принципъ, а отвлеченное знаніе, различіе между знаніемъ и невѣжествомъ, или между знаніемъ и простымъ мнѣніемъ, тогда взгляды его становятся опредѣленны и послѣдовательны и выражаются съ глубокою и зрѣлою увѣренностію; даже и тогда, когда онъ касается другихъ вопросовъ, ... въ рѣчи его постоянно сквозитъ стремленіе уяснить настоящее понятіе о сущности того или другаго приема философіи“.

Наше заключеніе состоитъ въ томъ, что въ области научнаго изслѣдованія, въ области теоретическаго исканія истины Сократъ выработалъ опредѣленное воззрѣніе, сущность котораго требовала сознательнаго и самостоятельнаго изслѣдованія, которое могло бы служить для выработки независимыхъ убѣжденій на несмысленныхъ и логическихъ основаніяхъ и которое дѣлало бы человѣка способнымъ въ жизни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ твердо, свободно и послѣдовательно — качества, составляющія основныя черты человѣческаго характера, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Съ этой точки зрѣнія очевидно, что дѣло Сократа состояло не въ выработкѣ положительной системы, но въ образованіи метода обученія, въ открытіи способовъ изслѣдованія и познанія, за что Льюисъ, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо упрекаетъ Сократа въ смѣшеніи дѣли со средствами ¹⁾. Сократъ ясно сознавалъ, что въ дѣлѣ науки и обученія самое главное — орудія и условія ихъ примѣненія, и потому, открывъ оригинальный и истинный методъ научнаго изслѣдованія, осуществлялъ этотъ методъ въ своей практической дѣятельности обученія столь совершенно, что этотъ методъ сдѣлался типическимъ, какъ *методъ Сократовъ*. Перекрестное допрашиваніе замолкло послѣ разговора Сократа въ темницѣ предъ смертію о безсмертіи души; но духъ этого метода вѣтъ въ разговорахъ Платона, въ твореніяхъ проницательнѣйшаго и самостоятельнѣйшаго изъ всѣхъ умовъ древности — Аристотеля, и какъ мы полагаемъ, долженъ жить, пока человѣческій умъ будетъ нуждаться въ интеллектуальномъ возбужденіи, въ рациональномъ развитіи, словомъ, въ педагогическомъ руководствѣ. Къ сожалѣнію, при

¹⁾ Льюисъ, Исторія философіи, ч. I, ст. 160.

всей важности сократическаго метода изслѣдованія и наученія, все нельзя сказать, чтобы современные педагога вполне понимали теоретически во всей глубинѣ и широтѣ педагогическое значеніе и духъ Сократова метода; по крайней мѣрѣ мы не могли найти вполне удовлетворительнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ въ современной педагогической литературѣ; мнѣнія же педагоговъ, высказываемыя ими на этотъ счетъ въ публикѣ, такъ поверхностны и шатки, часто даже противорѣчивы, что ими ни въ какомъ случаѣ нельзя удовлетвориться.

„Истиннымъ воспитателемъ можетъ быть только истинный философъ“, говоритъ Спенсеръ ¹⁾. Но при незнакомствѣ большинства нашихъ учителей и воспитателей съ психологіей и неологіей очень естественно, что многие изъ нихъ дѣйствуютъ на удачу, безъ ясно сознанныхъ философскихъ принциповъ воспитанія, да и можетъ ли быть понята система и методъ воспитанія, когда въ основѣ ихъ лежатъ неизвѣстная большинству, высшая философская наука о законахъ человѣческой душевной природы? Оттого часто смѣшиваютъ истинный духъ и принципы Сократова метода съ внѣшними историческими формами его; а вслѣдствіе неумѣнья приложить ихъ къ дѣлу, самый духъ, воплощенный въ методъ, теряетъ свой истинно-педагогическій смыслъ и значеніе.

„Приемъ Сократовскій“, объясняетъ одно русское дидактическое руководство, — называется такъ отъ знаменитаго философа греческаго Сократа, который, бесѣдуя съ своими учениками, самъ не предлагалъ имъ извѣстныхъ истинъ, которыя они должны были затвердить, а съ помощью умныхъ и искусныхъ вопросовъ направлялъ къ тому, что они сами доходили до этихъ истинъ или должны были принять ихъ, хотя даже онѣ были неприятны имъ. Ученики Сократа были люди взрослые, свѣдущіе, съ развитыми понятіями, хотя также съ предразсудками и грубыми заблужденіями; вотъ почему Сократъ и создалъ противъ нихъ (?) для вразумленія ихъ (!) свой превосходный приемъ“, и проч.

Ксенофонтъ во многихъ мѣстахъ своихъ мемуаровъ говоритъ, что Сократъ въ своихъ бесѣдахъ всегда переходилъ отъ положеній наиболѣе извѣстныхъ къ положеніямъ менѣе извѣстнымъ, въ чемъ состоитъ сущность индукціи. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ онъ описываетъ діалектическій процессъ Сократова обученія, намекая на индуктивный методъ Сократовыхъ бесѣдъ.

„Сократъ постоянно бесѣдовалъ о вещахъ человѣческихъ, изслѣдуя: что такое благочестіе и безбожіе, что честно, и что безчестно, что есть мудрость,

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собраніе сочиненій, т. III, стр. 82.

и что такое неразумііе, что есть мужество, и что такое трусость, что такое авторитетъ надъ людьми, какой нуженъ характеръ для того, чтобы быть способнымъ пользоваться авторитетомъ надъ другими?"

Описывая методъ, которымъ дѣйствовалъ Сократъ, при изслѣдованіи этихъ неологическихъ вопросовъ, Ксенофонтъ говоритъ:

„Сократъ думалъ, что діалектической процессъ состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, какъ раздѣлить всѣ предметы на *роды, виды и недѣлимья*, чтобы можно было знать, что такое каждая отдѣльная вещь на самомъ дѣлѣ. Тщательно прослѣдить этотъ процессъ, по его мнѣнію, необходимо для того, чтобы сдѣлаться каждому человеку способнымъ направлять свое поведеніе къ дѣламъ добрымъ и избѣгать дурнаго. Ибо всякій, производившій этотъ процессъ въ мысли и достигшій умѣнья, искусства узнавать, что такое извѣстный предметъ, естественно можетъ описать его и растолковать другимъ; а если не можетъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и самъ поступаетъ ошибочно, и другихъ вводитъ въ заблужденіе“¹⁾.

Не смотря на нѣкоторую сбивчивость пониманія Ксенофонтомъ глубокаго духа метода Сократова, мы привели его сужденіе, чтобы тѣмъ съ большою увѣренностію опереться на точное и положительное, хотя скатое опредѣленіе метода Сократова, данное Аристотелемъ. Аристотель говоритъ: „Слѣдующія нововведенія по справедливости должно приписать Сократу: индуктивный методъ мышленія и отвлеченнаго опредѣленія“ (обобщенія)²⁾.

Мы согласны съ заключеніемъ глубоко-симпатичнаго историка Сократова — Грота³⁾, мнѣніе котораго приводитъ въ своей исторіи философіи Льюисъ, смотрящій на методъ Сократа нѣсколько свысока, въ качествѣ специалиста-естествоиспытателя. За четыре столѣтія до Р. Х. выраженія: родъ, видъ, недѣлимое до Сократа едва ли имѣли ясное и точное опредѣленіе. Сомнительно, употреблялъ ли кто до Сократа родъ и видъ (имѣнія первоначально смыслъ семейства и формы) въ томъ философскомъ значеніи, въ которомъ исключительно эти слова употребляются теперь. Въ то время не существовалъ ни одинъ изъ терминовъ (называемыхъ у логиковъ тержинами второстепеннаго значенія), которые обозначаютъ прикятне во вниманіе различные моменты процесса мышленія и которые даютъ намъ возможность анализировать этотъ процессъ по частямъ. Всѣ эти названія возникли въ школахъ Платона, Аристотеля и послѣдующихъ философовъ, такъ что мы можемъ прослѣдить ихъ зарожденіе отъ общаго корня и родоначальника ихъ Сократа.

¹⁾ Это мѣсто изъ Ксенофонта приводитъ Гротъ. *Grote*, v. VIII, 577.

²⁾ ...τὸς τῆπακτιχοῦς λόγους καὶ τὸ ὀρίζεσθαι καθόλου. *Arist. Metaph.* XII, 4.

³⁾ *Grote*, v. VIII; 578. Льюисъ, *Исторія философіи*, ч. I, стр. 150.

Опредѣлить существенныя черты и способствовать сознательному приложенію логическаго процесса, на правильномъ употребленіи котораго основывается наша увѣренность въ общечеловѣческой истинѣ,— было величайшимъ шагомъ истинно-научнаго метода познанія. Понятія рода, подчиненныхъ ему видовъ и недѣлимыхъ, составляющихъ виды, уяснились въ то время въ первый разъ въ сознаніи человѣческомъ. Что началъ Сократъ и продолжалъ Платонъ, то гений Аристотеля возвелъ въ обширную систему своей логики; которая не только для своего времени, но и донинѣ справедливо считается однимъ изъ лучшихъ способовъ для образованія правильного логическаго мышленія. Конечно, и логика въ наше время получила новую обработку и развитіе, соразмѣрно съ умноженіемъ знаній и согласно съ распространеніемъ положительнаго метода современной науки; но при всемъ этомъ, разстояніе между лучшими новѣйшими логиками, напримеръ, Миллемъ и Аристотелемъ не такъ велико, какъ различіе между Аристотелемъ и тѣми мыслителями, которые жили однимъ столѣтіемъ прежде его: Эмпедокломъ, Анаксагоромъ и Пифагорейцами. А это движеніе впередъ (въ отношеніи къ методу) началъ и блистательно осуществилъ въ своей педагогической дѣятельности Сократъ.

Положительное свидѣтельство Аристотеля, что Сократу первому принадлежитъ употребленіе индуктивнаго метода мышленія, даетъ Сократу право не только считаться отцомъ древней философіи, но и быть предшественникомъ Бэкона, относительно изобрѣтателя метода новой положительной науки.

Не смотря на различіе во взглядахъ на философію этихъ двухъ великихъ мыслителей, между ними есть замѣчательное родство, а въ нихъ трудящъ — аналогія. Хотя первый призвалъ людей къ психологическому самоиспытанію, съ цѣлію научить ихъ великому искусству вести себя, искусству жизни, а другой побуждалъ людей къ наблюденію и объясненію природы, чтобы научиться искусству подчинять себя ей сами и явленія; не смотря на то, что Сократъ пренебрегалъ изученіемъ природы, такъ какъ для этого дѣла у него не было „досуга“, и ему казалось смѣшнымъ—„не зная себя, входить въ разсужденіе о томъ, что до насъ мало касается“¹⁾, а Бэконъ энергически настаивалъ

¹⁾ Phaedr. Платона, переводъ Карпова, ч. 4, ст. 22. «Оставляя изученіе природы въ покоѣ, и разсматриваю себя,—звѣрь ли я, или животное кротчайшее и простѣйшее, носящее въ своей природѣ какой-то жребій божественности и незлобія... Это мѣсто, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ переводчикъ, одно изъ замѣчательныхъ у Платона, такъ какъ въ немъ опредѣляется психологическая задача Сократова ученія.

на необходимости изслѣдовать природу и ея законы; не смотря на то, что какъ Сократъ слишкомъ далеко простираетъ свое презрѣнiе къ естествознанiю, такъ Бэконъ, съ другой стороны, слишкомъ пренебрегалъ психологiей и неологiей въ смыслѣ философи о человѣческой природѣ: между методомъ Сократова допрашиванiя и методомъ „Novi Organі“ Бэкона, излагающаго способы *вопросенiя природы*, есть не только простая аналогiя, но логическое преемство въ развитiи одного и того же основнаго принципа. Напрасно Льюисъ въ своей исторiи философи, желая приписать честь открытiя индуктивнаго метода науки одному Бэкону, считаетъ Сократа не болѣе какъ изобрѣтателемъ *inductionis per enumerationem simplicem*; весь „крестовый походъ“ Сократова допрашиванiя былъ предпринятъ именно противъ этого поверхностнаго квази-наведенiя и на немъ основанной увѣренности въ „знанiи безъ знанiя дѣйствительнаго“; напрасно онъ думаетъ, что предполагать, будто Бэконовскiя идеи (мы разумѣемъ методъ) могли явиться столь рано въ исторiи науки, значить не имѣть никакого понятiя о постепенномъ ходѣ человѣческаго развитiя¹⁾. Естественнѣе думать, что великiя идеи никогда не являются внезапно, а имѣютъ своихъ предтечей, которые постепенно готовятъ основныя ихъ элементы, пока явится человекъ, способный согласить, резюмировать и пополнить эти раздѣльные элементы и сформировать ихъ въ одно цѣлое. Если мы, говоря словами христіанскаго учителя Климента, назвали Сократа однимъ изъ самыхъ великихъ предтечей христіанской идеи въ языческомъ мірѣ, то не будетъ противорѣчить съ пониманiемъ постепеннаго хода умственнаго развитiя, если мы признаемъ Сократа великимъ предшественникомъ открытiя идеи метода новой науки (разумѣется, не въ смыслѣ специально естественныхъ наукъ). „Едва-ли кто станетъ сомнѣваться“, говоритъ Милль въ одномъ мѣстѣ своей Логикѣ, — „что если бы не было Сократа, Платона и Аристотеля, то въ теченiе слѣдующихъ двухъ тысячъ лѣтъ вовсе не было бы философи, да вѣроятно, ея не было бы и потомъ“²⁾.

Протъ, проводя параллель между духомъ методовъ Сократа и Бэкона, приводитъ въ доказательство своего взгляда дѣйствительно поразительныя сближенiя изъ *Novi Organі* Бэкона³⁾, изъ которыхъ мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя:

¹⁾ Льюисъ, *Исторiя философи*, ч. 1, стр. 152 — 153.

²⁾ Д.-С. Милль, *Система логикѣ*, т. II, стр. 521.

³⁾ *Opus*, ч. VIII.

„Я не знаю ничего, что бы такъ хорошо объясняло методъ, выбранный Сократомъ“, говоритъ Гротъ, „какъ различныя мѣста безсмертныхъ критикъ *Novi Organ.*“. Что касается до первоначальныхъ понятій“, говоритъ Бэконъ, „то нѣтъ ни одного изъ этихъ понятій *intellectus sibi permissi*, котораго мы не должны были бы подозрѣвать, которое мы могли бы принять, не оставивъ его предъ судомъ разума и не оправдавъ его на этой инстанціи. Остается единственное средство къ спасенію и выздоровленію, чтобы весь трудъ ума взять снова, и чтобы съ самаго начала никакъ не предоставлять разсудка самому себѣ, но постоянно управлять имъ. Силлогизмъ состоитъ изъ предложеній, предложенія изъ словъ, слова—символы понятій. Если сами понятія—основа дѣла—смѣшанны и дурно отвлечены отъ вещей то въ томъ, что строится на нихъ, нѣтъ ни какой твердости¹⁾. Итакъ, тотъ умъ, который мы имѣемъ, есть собраніе и накопленіе, состоящее изъ многихъ вѣрованій, изъ многихъ случаевъ, даже изъ дѣтскихъ представленій, которыя мы первоначально получили. Но ничто такъ не вредитъ философіи, какъ то, что предметы слишкомъ коротко знакомы и часто встрѣчающіеся, не останавливаютъ на себѣ вниманія людей, а принимаются какъ пошало, безъ всякаго изслѣдованія причины ихъ. А между тѣмъ не такъ важно представленіе предметовъ неизвѣстныхъ, какъ вниманіе къ извѣстнымъ. Итакъ, единственная надежда въ истинной индукціи... чтобы, положивъ себѣ уничтожить всѣ теоріи и общія понятія, свободный отъ всего разсудокъ вновь обратился къ изслѣдованію частныхъ, къ медленному обобщенію, къ постепенному переходу отъ однихъ частныхъ къ другимъ, которыя только на одну степень болѣе общи тѣмъ первыя, отъ этихъ къ другимъ, еще болѣе общимъ, пока не дойдемъ наконецъ до универсала“...²⁾).

Эти мѣста ясно опредѣляютъ развитіе мыслей и цѣлей Сократа и вмѣстѣ съ этимъ представляютъ весьма интересную параллель съ ними.

Очевидно, что сущность того и другаго метода тождественны. Сократъ въ своей педагогической дѣятельности постоянно обращался къ мовѣрѣй основныхъ понятій о человѣческой природѣ и жизни въ томъ же духѣ, въ какъ Бэконъ обращался съ понятіями и обобщеніями изъ области природы. Сократъ ясно видѣлъ въ людяхъ присутствіе того бессознательнаго умственнаго процесса, который Бэконъ называлъ *intellectus sibi permissus*, и потому подвергалъ все повѣрѣ, сравнивая общія понятія съ частностями и низводя ихъ къ частностямъ самымъ близкимъ, очевиднымъ и доступнымъ, на которыя потому часто и не обращаютъ вниманія, что считаютъ ихъ слишкомъ общезвѣстными. То, что Сократъ называлъ „увѣренностію въ знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, совершенно то же-

¹⁾ *Vaso, Nov. Organ. lib. 1. Aph. 24 sq.*

²⁾ См. *Локкъ*, Исторія философіи, гдѣ также приведено много въ такомъ одъ превосходныхъ теоріемъ изъ *Novum Organ.*, ч. II, стр. 416—431.

ственно съ Бэконовскими „первичными понятіями, дѣтскими замѣчаніями, заблужденіями ума, предоставленнаго самому себѣ“. Посредствомъ своего допрашиванія онъ стремился замѣнить неясныя и неопредѣленныя понятія строгими и раздѣльными, чтобы излѣчить людей отъ самообольщенія въ знаніи мнимомъ. Вотъ почему, говоритъ онъ, чтобы узнать, что такое каждая отдѣльная вещь, и къ какому роду она принадлежитъ, мы должны рассмотретьъ ее сперва отдѣльно отъ всѣхъ другихъ вещей. Опредѣляя вещь, мы отдѣляемъ ее отъ того, что не она, и такимъ образомъ, получаемъ понятіе и познаніе, что она есть по своей сущности, и къ какому роду она принадлежитъ. Предшествовавшіе Сократу мыслители мыслили на удачу, безъ сознанія законовъ мыслительнаго процесса, и потому смѣло строили гипотезы, ставили аксіомы и выводили изъ нихъ заключенія, безъ яснаго сознанія условій и границъ человѣческаго мышленія. Первый вопросъ философіи и науки, касающійся природы условій человѣческаго знанія, впервые былъ объясненъ Сократовымъ методомъ индуктивныхъ бесѣдъ и опредѣленій, указаніемъ правильнаго движенія мышленія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, указаніемъ логической индуктивно-обоснованной классификаціи, дающей возможность дѣлать точное опредѣленіе понятій, или что то же, знать, что такое каждая особенная вещь на самомъ дѣлѣ, по существу своему.

Развитіе и приложеніе этого индуктивнаго приѣма изслѣдованія и основанной на немъ логической классификаціи выражалось у Сократа въ діалектическомъ собесѣдованіи, или, говоря словами Грота, въ видѣ разнообразно-извивающейся нити вопросовъ и отвѣтовъ въ формѣ діалога, который философско-поэтическимъ гениемъ Платона возведенъ на степень художественно-драматическаго созданія. Эта діалектическая сторона Сократова метода превосходно разъяснена Гротомъ⁴⁾, который ставитъ ее въ связь съ педагогическими задачами Сократовой миссіи и раскрываетъ ее научное значеніе.

Такъ какъ предметы, о которыхъ Сократъ бесѣдовалъ, не были спеціальными, но относились вообще къ практической жизни—въ домѣ, на площади, въ городѣ, въ дикастеріи, въ гимназій, въ храмѣ, — къ той жизни, которую, по видимому, хорошо зналъ вслѣдъ, то Сократъ никогда не выставлялъ себя учителемъ или такимъ человѣкомъ, который хочетъ передавать какія-либо новыя истины; напротивъ того, онъ постоянно отказывался отъ такихъ притязаній, съ тѣмъ юморомъ, ко-

⁴⁾ *Grotius*, v. VIII. *См. Ланге*, *Исторія философіи*, ч. I, стр. 151—152.

торый обыкновенно называют Сократовскою ироніей. Самонадѣянные собесѣдники его воображали, что они имѣютъ вѣрное понятіе о томъ, что такое справедливость, благочестіе, законъ, и проч., и удивлялись, встрѣчая человека, который не знаетъ столь общезвѣстныхъ вещей. Когда Сократъ, прикидываясь невѣждою, предлагалъ одинъ изъ такихъ вопросовъ, онъ тотчасъ получалъ готовый отвѣтъ, о которомъ, впрочемъ, самъ отвѣчающій не давалъ себѣ труда дать ясный отчетъ. Сократъ предлагалъ тотчасъ новые вопросы, относящіеся къ частностямъ даннаго опредѣленія; на эти послѣдніе собесѣдникъ принужденъ былъ давать отвѣты, не согласные съ первымъ. Разбирая частности, Сократъ показывалъ, что данное опредѣленіе или слишкомъ узко, или слишкомъ широко, или что оно недостаточно въ какомъ-либо существенномъ отношеніи. Отвѣчающій спохватывался и дѣлалъ поправки, которыя вызывали со стороны Сократа новые вопросы; на эти вопросы можно было отвѣчать только новыми противрѣчiami сдѣланнымъ поправкамъ. Послѣ многихъ попытокъ выпутаться изъ затрудненій, отвѣчавшій долженъ былъ признаться, что въ его отвѣтахъ недостаетъ гармоніи и сказать, что онъ не въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ и на первый вопросъ, казавшійся ему сначала столь общезвѣстнымъ.

Изъ этого описанія „разнообразно извивающейся нити вопросовъ“ Сократа можно видѣть, какъ внутренно были связаны у Сократа диалектика, логическая классификація и индукція. Начало всякаго разговора, возбуждаемаго Сократомъ, всегда касалось значенія какого-либо слова, обозначающаго какое-нибудь родовое понятіе. Вопросы, которыми онъ изслѣдовалъ это значеніе, ставили данный ему первый отвѣтъ въ противорѣчіе съ множествомъ частныхъ случаевъ, которые или не должны были входить въ него, или должны были заключаться въ немъ, и однако же въ немъ не заключались. Несообразности, въ которыя впадалъ отвѣчающій въ своихъ отвѣтахъ, показывали ему, что онъ далеко не приобрѣлъ яснаго и полнаго понятія объ общемъ признакѣ, который связываетъ во едино (въ классъ, родъ) различныя недѣлимныя и подводитъ ихъ подъ общій терминъ, постоянно вертящійся у отвѣчающаго на языкѣ; или ставили его въ возможность открыть другой не менѣе важный фактъ, что такого общаго признака и нѣтъ, и что обобщеніе ложно и существуетъ только въ названіи. Темная группа ассоціацій, какъ-бы выросшая около общаго выраженія, проникается, такъ-сказать, нѣкоторымъ разлагающимъ элементомъ, который дѣлитъ всю группу на отдѣльныя одна отъ другой

части, и давая внятому выраженію вполне соответствующее ему значеніе, дѣлаетъ его предметомъ яснаго сознанія. Такимъ образомъ отвѣчающій выводится, наконецъ, на тотъ путь мышленія, который ведетъ къ исправленію обобщенія, и снабжается свѣточемъ для того, что Платонъ называетъ „созерцаніемъ одного во многомъ и многого въ единствѣ“.

Изъ этого разъясненія диалектическаго обученія Сократа очевидно, что методъ бесѣдъ Сократа въ точномъ и строгомъ смыслѣ есть методъ индуктивный. Первый приемъ этого метода, составляющій главное и существенное условіе всякаго познанія, состоитъ въ наблюденіи факта и есть въ тѣсномъ смыслѣ анализъ, разложеніе сложнаго явленія на простые составные элементы и открытіе той связи, тѣхъ причинныхъ отношеній послѣдовательности или совмѣстнаго существованія фактовъ, которые образуютъ изъ этихъ частныхъ общее и гармоническое цѣлое—общее понятіе, обозначаемое общимъ названіемъ. Такимъ образомъ, Сократъ разлагалъ общее понятіе о добродѣтели на составныя части ея, и затѣмъ, путемъ тщательнаго анализа всѣхъ частныхъ видовъ добродѣтели вырабатывалъ ясное понятіе о самой добродѣтели вообще ¹⁾.

Этотъ первый аналитическій приемъ у Сократа осуществлялся въ цѣломъ рядѣ мѣткихъ вопросовъ, разлагающихъ многообразное содержаніе общаго родоваго названія на частныя факты или случаи человѣческихъ дѣйствій, которыя оно охватываетъ подъ собою, для того, чтобы гармонія и связь этого *многаго въ одномъ* (общемъ понятіи) могла ясно представляться сознанію исследователя, посредствомъ логическаго процесса отвлеченія, которое Аристотель называетъ опредѣленіемъ (*τὸ καθόλου*), послѣднимъ завершительнымъ приемомъ индуктивнаго мышленія, процессомъ синтетическимъ, или индуктивнымъ въ обширномъ значеніи этого слова.

Согласно съ педагогическою цѣлію своей философіи, Сократъ этимъ послѣднимъ приемомъ почти никогда не пользовался прямо, но старался цѣлымъ рядомъ вопросовъ поставить умъ слушателей на тотъ путь, по которому они сами могли бы самостоятельнымъ трудомъ прійти къ обобщенію и къ дедуктивнымъ выводамъ изъ него. Снабженный свѣточемъ индукціи, умъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться способнымъ „созерцать единое во многомъ и многое въ единствѣ“, деду-

¹⁾ Въ «Горгіи» Платона представленъ превосходный образецъ такого приема Сократоваго исследования добродѣтели; другой классическій примѣръ этого метода изъ Протагора см. въ «объяснительныхъ примѣчаніяхъ» къ этой статьѣ.

тивно истолковывать общую формулу большей посылки, или индуктивного обобщения посредствомъ частныхъ, содержащихся въ меньшей послылкѣ, дѣлать конечный выводъ или заключеніе ¹⁾ и такимъ образомъ доходить до познанія того, что есть каждая отдѣльная вещь сама по себѣ, и въ какомъ роду она принадлежитъ.

Обращая особенное вниманіе на этотъ самый существенный въ педагогическомъ отношеніи пунктъ Сократова метода, мы не можемъ предварительно не войти въ нѣкоторые соображенія о значеніи опредѣленія въ методѣ Сократовомъ, которое вызвало со стороны одного изъ новѣйшихъ историковъ древней философіи не заслуженное, и по отношенію къ Сократу, совершенно несправедливое сужденіе, которое уничтожаетъ всякое значеніе Сократова метода, превращая его въ игру словами, въ пародію индуктивнаго и дедуктивнаго процессовъ.

„Объясненіе терминовъ въ замѣнъ объясненія предметовъ; разборъ природы какого-либо предмета въ его опредѣленія, въ замѣнъ настоящаго анализа самаго предмета въ лабораторіи“, вотъ что составляетъ одну изъ главныхъ характеристическихъ чертъ Сократова метода. Въ ней слѣдуетъ искать объясненія его философскихъ воззрѣній. „Коренная ошибка Сократа состояла въ томъ, что онъ смѣшивалъ опредѣленія словъ съ опредѣленіями вещей“.... Въ Сократѣ мы находимъ тотъ пунктъ исторіи умозрѣнія, когда естественная склонность древнихъ брать различіе въ словахъ за различіе въ самыхъ предметахъ была выражена въ систематической формулѣ“. Вотъ сущность возраженія, которое представляетъ Льюисъ противъ значенія опредѣленій Сократова метода ²⁾.

Что касается до „анализа предмета въ лабораторіи“, то изслѣдованіе *вещей человѣческихъ* только одною стороною, которая такъ хорошо описана авторомъ въ „Физиологій обыденной жизни“, можетъ быть достигаемо посредствомъ анатомическихъ сѣченій и химическаго анализа. Но могутъ ли законы образованія характера быть удовлетворительно изслѣдованы посредствомъ того же экспериментальнаго метода? Очевидно, нѣтъ; даже если мы предположимъ въ изслѣдователѣ неограниченную власть видоизмѣнять опытъ, то и тогда не будетъ доставать еще одного существеннаго условія: возможности производить эти опыты съ научною точностію. Для того, чтобы совершить прямое опытное изслѣдованіе надъ образованіемъ характера человѣ-

¹⁾ См. Д.-С. Милль, Сист. лог., глава о силлогизмѣ.

²⁾ Льюисъ, Исторія филос., ч. I, стр. 155.

ческаго, нужно бы возростить и воспитать нѣкоторое число людей отъ дѣтства до зрѣлаго возраста. А для того, чтобы сдѣлать который-либо изъ этихъ опытовъ съ научною строгостію, нужно бы знать и помнить всякое впечатлѣніе и ощущеніе, получаемое юнымъ питомцемъ за долго до того времени, когда онъ можетъ говорить и сознавать раздѣльно свои состоянія, включая сюда и его собственные понятія объ источникахъ своихъ ощущеній и впечатлѣній. Это сдѣлать невозможно не только вполне, но даже и приблизительно. Какое-нибудь, по видимому, пустое обстоятельство, ускользнувшее отъ нашей бдительности, можетъ повести за собою рядъ впечатлѣній и ассоціацій, достаточный для того, чтобы испортить нашъ опытъ для достовѣрнаго обнаруженія дѣйствій, проистекающихъ изъ данныхъ причинъ. Всякій, кто достаточно размышлялъ о воспитаніи, знаетъ эту истину, которая не разъ уже была предметомъ ученыхъ изслѣдованій¹⁾.

Итакъ, остается обратиться къ тому способу изслѣдованія, который, будучи невзбѣженъ, остается самымъ совершеннымъ, и распространеніе котораго есть одна изъ главныхъ цѣлей философіи Сократа, именно къ способу, при которомъ изслѣдованіе дѣлается не надъ сложными фактами, а надъ болѣе простыми, эмпирическими ихъ обобщеніями, то-есть, остается обратиться къ объясненію природы предмета (разумѣемъ неологическаго) въ его опредѣленіи, въ его идеѣ, понятіи, необходимо предполагающемъ объективное существованіе въ дѣйствительности извѣстныхъ качествъ, содержащихся въ идеѣ или опредѣленіи извѣстнаго предмета.

Нельзя не согласиться съ авторомъ „Системы Логики“²⁾ (у котораго заимствовалъ свое возраженіе и Льюисъ), что опредѣленіе никогда не имѣетъ цѣлю раскрыть и объяснить природу вещи. Всѣ опредѣленія суть опредѣленія названій, и только названій. Однако, въ то время, какъ нѣкоторые опредѣленія, очевидно, внушены исключительно желаніемъ объяснить смыслъ слова, въ другихъ, помимо объясненія смысла слова, видно желаніе понять, что соответствующая слову вещь существуетъ. Это скрытое утвержденіе есть не опредѣленіе, а постулатъ. Онъ утверждаетъ дѣйствительное или возможное суще-

¹⁾ Д.-С. Милль, Система логики, книга о логикѣ нравственныхъ наукъ, гдѣ содержится глубокомысленное развитіе этого предмета.

²⁾ Д.-С. Милль, «Система логики». См. «Опредѣленіе». Образцемъ процесса «опредѣленій» въ Сократовомъ духѣ можетъ служить разговоръ Платона «Евти-оронъ». См. Сочиненія Платона, переводъ Карпова, ч. I, 348.

стваніе вещей, обладающихъ совокупностію свойствъ, указываемыхъ опредѣленіемъ вещей, а такое утвержденіе, если оно истинно, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для построенія цѣлаго зданія научныхъ истинъ.

Хотя согласно изложенному мнѣнію, опредѣленія вообще суть опредѣленія названій, а не предметовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы опредѣленія были произвольны. Исслѣдованіе того, какъ опредѣлить названіе, можетъ требовать соображеній, глубоко проникающихъ въ природу вещей означаемыхъ названіями. Таковы, напримѣръ, исслѣдованія, составляющія предметъ „Республики“ Платона, о томъ, что такое справедливость. Таковъ и презрительный вопросъ Пилата: что есть истина?“ и основной вопросъ неологів Сократа: что такое добродѣтель? Было бы ошибочно представлять всѣ исслѣдованія относительно опредѣленій стремящимися къ тому лишь, чтобы отвергнуть условное значеніе только названія вещи. Главная цѣль въ этомъ случаѣ состоитъ не столько въ томъ, чтобы опредѣлить, какое дѣйствительно имѣютъ значеніе названія вещей, но чтобы уразумѣть, каково должно быть оно, а для разрѣшенія этого вопроса должно рассмотреть самый предметъ, и необходимо также анализировать весьма глубоко свойство не однихъ названій, но и называемыхъ вещей.

Спросить, что такое справедливость, значитъ другими словами спросить, какое свойство имѣютъ тѣ неловческія дѣйствія, которыя называются справедливыми. Всѣ убѣждены, что есть нѣкоторое общее свойство, принадлежащее нѣкоторымъ дѣйствіямъ, которыя мы привыкли называть справедливыми. Поэтому естественно слѣдуетъ вопросъ: существуетъ ли такое общее свойство? Но чтобы сдѣлать возможнымъ исслѣдованіе того, какое качество обще этимъ дѣйствіямъ, должно рѣшить сначала, достаточно ли люди согласны относительно частныхъ дѣйствій, которыя они называютъ или не называютъ справедливыми? Если это такъ, то далѣе исслѣдовать, дѣйствительно ли исслѣдуемая дѣятвнiя обладаютъ какимъ-либо общимъ свойствомъ. Если обладаютъ, то показать, какимъ именно. Изъ этихъ трехъ моментовъ исслѣдованія только первый представляетъ исслѣдованіе общіяя и согласенія, остальные же два суть исслѣдованія фантомъ.

Приведенный примѣръ исслѣдованія опредѣленія можетъ служить типомъ диалектическихъ исслѣдованій Сократа надъ опредѣленіями общихъ названій. Классификаціи, грубо построенныя установленнымися языками, замѣчаетъ Милль, сами по себѣ прекрасно соотвѣтствуютъ цѣлямъ философскимъ. Общепринятая группировка предметовъ подъ

общее названіе хотя и можетъ быть основана на грубомъ и общемъ сходствѣ ихъ, но свидѣтельствуетъ, во первыхъ, что сходство очевидно, слѣдовательно, и значительно, а во вторыхъ, говорить о томъ, что это есть сходство, поражающее множество лицъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. И переходы значенія слова часто указываютъ между означенными словомъ и вещами соотношенія, которыя иначе не были бы замѣчены мыслителями, по крайней мѣрѣ, тѣми, кто вслѣдствіе разницы въ обновленіи сочетаній идей обратилъ свое вниманіе исключительно на какую-либо одну сторону вещи. Не можемъ не привести здѣсь одного замѣчанія Милля, которое можетъ быть отнесено ко всѣмъ критикамъ Сократа относительно его опредѣленій. „Немногіе размышляли“, говоритъ Милль, „о томъ, какое большое знаніе вещей нужно человѣку, чтобы построить данный доводъ на словахъ. Изъ главнѣйшихъ философскихъ терминовъ нѣтъ ни одного, который не употреблялся бы для выраженія идей, болѣе или менѣе различныхъ. Между двумя изъ этихъ идей чуткій и проникательный умъ откроетъ незамѣтное связывающее звено, на которомъ онъ построитъ вполне дѣйствительное доказательство. А его критикъ, не одаренный такимъ глубокимъ пониманіемъ вещей, приметъ это за мечту, порожденную двойнымъ смысломъ слова. И чѣмъ значительнѣе гоній того, кто такимъ образомъ безопасно перескакиваетъ черезъ пропасть, тѣмъ болѣе увеличится хвастовство и тщеславіе простаго критика, который, кивая за геніемъ, обнаруживаетъ собственную превосходную мудрость, останавливаясь на краю пропасти и отказываясь, какъ отъ дѣла безрасуднаго, отъ исполненія своей обязанности перебросить черезъ пропасть мостъ. Поэтому изслѣдованіе названія какого-либо дѣйствительно существующаго предмета есть изслѣдованіе сходствъ и различій между вещами. Принадлежитъ къ самымъ труднымъ задачамъ, это изслѣдованіе принадлежитъ и къ самымъ важнымъ. Отъ результата этого изысканія о причинахъ свойствъ каждаго-либо класса вещей (родоваго понятія) зависитъ, какъ часть, и рѣшеніе вопроса о томъ, каковъ долженъ быть смыслъ даннаго слова“.

Съ такимъ взглядомъ на значеніе опредѣленія, какое даетъ ему Милль, не могъ бы не согласиться и самъ древній философъ Греціи, которому первому принадлежитъ это характеристическое нововведеніе въ философіи.

Сказанное считаемъ достаточнымъ для выясненія философскаго значенія опредѣленія въ методѣ Сократовомъ. Въ опредѣленіи мыш-

леніе выдѣляетъ частную мысль изъ группъ безчисленныхъ ассоціацій другихъ мыслей, своимъ давленіемъ погружающихъ ее на темное дно сознанія, какъ выражается новая психологія. Въ изслѣдованіи опредѣленія мысль должна глубоко анализировать самую природу, сущность опредѣляемой вещи, чтобы знать, что такое есть каждая вещь по своей сущности, и къ какому роду она принадлежитъ, какъ объективно выражалась древняя философія.

Къ достиженію этой цѣли Сократъ велъ слушателей своимъ истиннѣ наводящимъ (индуктивнымъ) методомъ, направленнымъ къ пробужденію философскихъ стремленій въ другихъ, и посредствомъ діалектическаго вопрошенія, къ *самостоятельному раскрытію того, что лично каждымъ воспринято и прочувствовано*. Сократъ полагалъ, что каждый человекъ долженъ выработать для себя истину посредствомъ упорной работы мысли и борьбы съ самимъ собою. Вотъ глубочайшее основаніе той діалектической отрицательной формы допрашиванія, въ которой проявился виднѣ всего педагогическій геній Сократа, и причина, почему Сократъ самъ не высказывалъ положительнаго, абсолютнаго мнѣнія о предметахъ своихъ бесѣдъ. Проповѣдывать, увѣщевать, сообщать готовые истины Сократъ считалъ дѣломъ бесполезнымъ, пока умъ слушателя будетъ находиться въ состояніи безсознательнаго процесса развитія, какъ *intellectus sibi permissus*, умъ, предоставленный самому себѣ. Сообразно съ этимъ, такъ какъ слушатель былъ слишкомъ скоръ на положительные отвѣты касательно общихъ выраженій, въ которыя онъ питалъ безусловную вѣру, Сократъ подрываетъ предвзятія мнѣнія, показывая, что въ нихъ недостаетъ гармонія, и предвараѣ, что онъ самъ не держится никакого положительнаго мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, и никогда не высказываетъ своего мнѣнія прежде, чѣмъ умъ слушателя не пройдетъ путь очистительнаго испытанія подъ безопаднымъ огнемъ его допрашиванія. Эта отрицательная, не прямая форма Сократова метода увѣковѣчена Платономъ, и должно признать съ Гротомъ, что никто, кромѣ Сократа, не прилагалъ съ такимъ успѣхомъ этого возбуждающаго метода, этого электрическаго толчка, по выраженію Платона ¹⁾, пробуждающаго дремлющую силу ума, никто не имѣлъ такого умѣнья вызвать изъ чужаго ума тотъ огонь, который освѣщаетъ первоначальную мысль, никто не производилъ въ своихъ ученикахъ болѣзней

¹⁾ «Ионъ Платона». *Grote*, т. VIII. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, ч. IV, стр. 373, 377.

умственного рожденія и не воспринималъ этого самороднаго плода рождающаго духа съ такимъ искусствомъ, какъ Сократъ.

Между тѣмъ эта отрицательная форма Сократовыхъ бесѣдъ, эта извѣстная *Сократова иронія*, у большинства современниковъ и у историковъ Сократа, не задававшихъ себѣ труда видѣть въ Сократѣ что-либо серьезное и глубокое, называлась скептическимъ остроуміемъ и страстію къ спорамъ и парадоксамъ ¹⁾.

Самые предметы неологій, законы образованія характера, по своей сложности и зависимости отъ множества причинъ, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ имъ, суть такого рода вопросы, которые не могутъ быть рѣшены путемъ прямаго, положительнаго индуктивнаго заключенія, какъ предметы, напримѣръ, математическіе. Истаны неологій, принадлежащія къ числу явленій самыхъ сложныхъ, суть только гипотетическія, которыя должны утверждать не положительныя теоремы, не факты, а возможность. Какъ бы точно дознаны ни были нами, путемъ самонаблюденія и индуктивнаго заключенія, основные законы души и какъ бы основательно ни были выведены изъ нихъ дедуктивно производные общіе законы образованія характера, все-таки не возможно положительно знать *все* обстоятельства даннаго случая до такой степени, чтобы предсказать характеръ, имѣющій образоваться въ томъ или другомъ случаѣ. По мѣрѣ того, какъ мы постигаемъ дѣйствіе каждой отдѣльной причины въ сложномъ и бесконечно-разнообразномъ ряду неологическихъ фактовъ, мы можемъ утверждать, что извѣстныя средства имѣютъ возможность производить данное дѣйствіе, и что другія имѣютъ возможность его уничтожать. Хотя познаніе такого рода весьма далеко отъ возможности точнаго предсказанія, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ великое практическое значеніе; оно можетъ и должно быть достигаемо, очевидно, подъ условіемъ постоянного самонаблюденія съ новыхъ и различныхъ точекъ зрѣнія; по своей природѣ подчиненное ограниченіямъ и исключеніямъ, оно должно проходить *negativa instantia*, должно быть повѣряемо перекрестнымъ опытомъ (*experimentum crucis*), посредствомъ постановки и обсужденія всѣхъ возможныхъ возраженій во всей ихъ силѣ, необходимыхъ, по выраженію Аристотеля, не только какъ возбуждательное средство и руководство къ положительной философіи, но и какъ пробный камень

¹⁾ Древніе Тимонъ Силлографъ и Зенонъ Эпикуреецъ представляютъ Сократа какъ остряка, который любилъ поднимать на смѣхъ каждаго. См. также *Льюиса*, «Истор. филос.», ч. 1, стр. 160, гдѣ не столь грубо, но въ томъ же духѣ представлена эта черта Сократова метода.

ея довлѣмости, Сократъ, какъ неологъ, хорошо понималъ, что предметы его обученія требуютъ разнообразныхъ и многихъ путей изслѣдованія подъ постояннымъ контролемъ перекрестнаго эленхоса, и въ этомъ съ нимъ всецѣло сошелся самый глубокой изслѣдователь научныхъ методовъ, авторъ „Системы индуктивной логики“ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о логикѣ нравственныхъ наукъ¹⁾.

Но тотъ совершенно не понималъ бы духа Сократова метода, кто въ отсутствіи положительно-высказываемыхъ, готовыхъ результатовъ и правилъ увидѣлъ бы отрицательную цѣль бесѣды Сократа. Сократова діалектика, говоря словами Грота, разсѣвая облако воображаемаго знанія и обнажая дѣйствительное невѣжество, производила дѣйствіе, подобное кораблекрушенію. Возникающее сознаніе невѣжества слушателей Сократа, подъ вліяніемъ его эленхоса, было, конечно, неожиданно, мучительно, было полно сомнѣнія и тоски, но въ то же время соединялось съ внутреннимъ дѣятельнымъ желаніемъ истины, до тѣхъ поръ еще никогда не испытаннымъ. Это состояніе было среднею ступеню въ успѣхѣ самосознанія; низшею ступеню было безсознательное, самодовольное и самоувѣренное невѣжество; за этою ступеню слѣдовало сознаніе своего невѣжества, съ котораго снята маска, сознаніе, которое сопровождалось чувствомъ стыда и жаждою знанія; дѣйствительное знаніе — это третья высшая ступень, достижимая только тогда, когда будетъ пройдена подготовительная²⁾.

Сократъ превосходно понималъ, что педагогическое руководство состоитъ не въ сообщеніи ученику чего-либо готоваго, но въ томъ, чтобы возбуждая въ немъ жажду истины, любовь къ знанію, вызывать въ немъ самодѣятельность мысли и строго цѣнить, имѣеть ли его знаніе дѣйствительныя черты истины, или есть только призракъ, обманъ, какъ говоритъ Карлейль. Постоянно обращая вниманіе своихъ слушателей на изслѣдованіе частныхъ самыхъ общезвѣстныхъ, необходимыхъ для всякаго послѣдовательнаго обобщенія, Сократъ представлялъ множество убѣдительныхъ примѣровъ отрицательнаго свойства, чтобы предостеречь людей отъ умственнаго рабства и благоговѣнія предъ бездоказательными общими положеніями, предохранить отъ слѣпаго подчиненія внѣшнимъ авторитетамъ въ дѣлѣ внутренняго убѣжденія. Не давая слушателямъ прямо-готовыхъ положеній, всѣхъ увѣряя въ своемъ собственномъ незнаніи и желаніи поучиться у другихъ, Сократъ, своими вопросами, такъ-сказать, стягиваетъ част-

¹⁾ Д.-С. Милль, Система логики, т. II, гл. V, VI, IX.

²⁾ Grote, v. VIII.

ности взятаго для разсмотрѣнія цѣлаго предмета въ одинъ узелъ, какъ положительныя, такъ и отрицательныя частности, и затѣмъ вдругъ останавливается, когда искомое индуктивное или дедутивное обобщеніе является само собою, какъ неизбѣжный результатъ бесѣды, предоставляя слушателю самому дѣлать заключеніе, необходимо и сознательно выводимое изъ вполне доказанныхъ посылокъ.

Но при всей кажущейся разобщенности и разнообразіи, входящихъ до противорѣчія частныхъ фактовъ, послѣдняя цѣль, къ которой Сократъ направляетъ свою рѣчь, есть вполне положительная, это — наука и искусство, какъ дѣлать человека счастливымъ. Опираясь на эти-то черты Сократова метода, мы имѣли полное право высказать въ началѣ своего настоящаго очерка мысль, которая, какъ полагаемъ, теперь ясна для читателей, что духъ метода Сократова состоялъ въ стремленіи образовать такой интеллектуальный характеръ, складъ ума и направленіе мышленія въ слушателяхъ, по которому они были бы способны къ сознательному, свободному и послѣдовательному образу мыслей, были бы способны самостоятельнымъ трудомъ мысли вырабатывать разумныя убѣжденія, какъ принципы искусства, не только вести себя въ обществѣ людей, но и другихъ учить тому же великому искусству *жизни*.

IV. Значеніе принциповъ и пріемовъ Сократова обученія, какъ руководительныхъ началъ воспитанія, съ точки зрѣнія современной педагогической науки.

Указавъ въ предыдущихъ главахъ личныя особенности и качества Сократа, какъ педагогическаго характера, раскрывъ основные принципы его нѣйки, или неологіи, какъ науки о законахъ образованія характера, соответствующей искусству воспитанія, и объяснивъ истинный духъ самаго метода его неологическихъ бесѣдъ, попытаемся теперь сдѣлать оцѣнку педагогическаго значенія и приложенія основныхъ началъ Сократова обученія, какъ руководящихъ принциповъ науки, на которой должно быть основано рациональное современное искусство воспитанія. Конгеніальный Сократу, великій дѣятель новаго педагогическаго искусства — Песталоцци, говоря о примѣненіи Сократовскаго метода, сдѣлалъ сжатую, но мѣткую замѣтку о сущности этого метода. „Сократъ“, говоритъ онъ, „бесѣдовалъ съ юношами, которые владѣли языкомъ вполне. Позаботься, чтобъ и твои ученики имѣли подобный запасъ; тогда сами собою будутъ возникать у нихъ вопросы о томъ, что они видѣли и наблюдали въ жизни“. Возводя это прак-

гическое правило въ общій теоретической принципъ, мы только обобщимъ замѣчаніе Песталоцци, когда назовемъ методъ Сократовъ *естественнымъ, сообразнымъ съ законами духовной природы человека*, опредѣлимъ его, какъ *процессъ обученія, основанный на собственномъ воспріятіи и пониманіи учениками того, что они видѣли и слышали, прочувствовали и испытали*.

Мы не случайно упомянули объ аналогіи между Сократомъ и Песталоцци, такъ какъ признаемъ между ними нѣкоторое преемство идей о правильномъ интеллектуальномъ воспитаніи человѣка; именно въ Сократѣ мы признаемъ первоначальника той великой доктрины, которую, двѣ тысячи лѣтъ спустя высказалъ съ такою систематическою опредѣленностію Коменскій въ своей дѣйствительно „Великой Дидактикѣ“ ¹⁾, и которую Песталоцци старался развить и осуществить въ теоріи *предметныхъ уроковъ*, созданной имъ скорѣе по глубокой геніальной проникающей, чѣмъ по философски обдуманному плану, такъ какъ для систематической разработки ихъ ему не доставало ни средствъ, ни умѣнья, по свидѣтельству даже его поклонниковъ. Главный принципъ этой доктрины признается нынѣ основнымъ началомъ современной науки о воспитаніи, хотя и нынѣ далеко не осуществляется такъ блистательно и плодотворно въ педагогической практикѣ, какъ это было у Сократа. Сущность этой доктрины заключается въ положеніи, что „воспитаніе въ своихъ методахъ должно сообразоваться съ естественнымъ процессомъ духовнаго человѣческаго развитія; что методъ послѣдовательнаго и систематическаго обученія соотвѣтствуетъ и долженъ соотвѣтствовать закону той психической послѣдовательности, съ которою умственные способности вырабатываются естественно и самобытно“. Методъ природы, говоритъ Марсель, есть архитипъ всѣхъ педагогическихъ методовъ. Сдѣлать ученика способнымъ къ самообразованію—вотъ жизненный принципъ въ этомъ дѣлѣ, пишетъ Вайцъ. Приводя эти слова педагогическихъ мыслителей, Спенсеръ присовокупляетъ:

¹⁾ Славянскій Амосъ Коменскій, основатель современной дидактики, написалъ великое твореніе «*Didactica Magna*», гдѣ съ изумительною для своего времени отчетливостію систематически разработалъ теорію обученія, основнымъ принципомъ которой полагаетъ соотвѣтствіе методовъ обученія законамъ природы, законамъ естественнаго развитія. Славянскій мѣръ въ лицѣ Коменскаго внесъ великій вкладъ въ науку о воспитаніи. См. объ Амосѣ Коменскомъ въ *Трудахъ Киевской Академіи* 1859 г., кн. 1 и 2, въ *Учитель* того же года, № 7, 8, 9 и 10; въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1870 годъ.

„Увеличеніе знанія ведетъ къ ограниченію нашего вмѣшательства въ процессы жизни. Какъ въ медицинѣ старое героическое лѣченіе замѣнялось во многихъ случаяхъ діетою, какъ въ тюрьмахъ замѣтили, что самая тщательная дисциплина не столь дѣйствительна, какъ естественная дисциплина поддержки самаго себя посредствомъ производительной работы, точно также начали мы созавать, что успѣхъ въ воспитаніи возможенъ только тогда, когда наши приемы согласуются съ естественнымъ, самопроизвольнымъ движеніемъ умственныхъ силъ къ зрѣлости“¹⁾).

Хотя справедливо, что невозможно достигнуть совершенства въ воспитательной дѣятельности, пока не будетъ установлено раціональной психологіи; но можно эмпирически улучшить дѣло, руководясь разумными принципами, какъ достигъ этого Сократъ въ своей великой педагогической дѣятельности.

Методъ Сократовъ дѣйствительно указываетъ на такіе руководящія принципы, которые можно считать по крайней мѣрѣ эмпирическими обобщеніями, *эмпирическими законами*²⁾, существенно необходимыми для прагматическаго искусства воспитанія и обученія. Съ этою цѣлію считаемъ не бесполезнымъ и для нашего времени изложеніе и разсмотрѣніе основныхъ началъ Сократова обученія, для чего постараемся представить ихъ раздѣльно и въ логическомъ порядкѣ взаимнаго ихъ соотношенія и отношенія ихъ къ основной руководящей идеѣ воспитанія, — къ *идеѣ о соответствіи методовъ обученія съ естественными законами духовнаго развитія*.

Слѣдя за ходомъ Сократовскаго приема обученія въ разговорахъ Платона, приема, который Аристотель положительно называетъ индуктивнымъ методомъ мышленія, мы легко можемъ уяснить себѣ тѣ законы духовнаго интеллектуальнаго развитія, которые обуславливали

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собр. сочин., т. III, стр. 77 — 78.

²⁾ Научные изслѣдователи называютъ *эмпирическими законами* тѣ единообразія, существованіе которыхъ обнаружено наблюденіемъ или опытомъ, но на которыя нельзя еще полагаться въ случаяхъ весьма отличныхъ отъ дѣйствительнонаблюденныхъ, безъ объясненія ихъ причины. Слѣдовательно, эмпирическій законъ есть наблюденное единообразіе, о которомъ предполагается, что оно разложимо на коренные законы, но которое еще не разложено. Эмпирическіе законы явленій часто бывають обнаружены задолго до ихъ объясненія.... Периодическое повтореніе затмѣній, первоначально доказанное постоянными наблюденіями восточныхъ астрономовъ, было закономъ эмпирическимъ, пока его не объяснили общіе законы небесныхъ движеній. Таковы еще доселѣ — мѣстные законы прилива и отлива на различныхъ точкахъ земли; слѣдованіе родовъ погоды за измѣненіями вида неба; законъ совершенствованія животныхъ и растеній отъ скрещиванія породъ и проч. Д. С. Милль, Система логики, т. II, стр. 38 — 39.

педагогическій методъ Сократовъ и которые, по нашему убѣжденію, должны служить руководящими началами современнаго рациональнаго искусства интеллектуальнаго воспитанія юношества.

Мы уже приводили выше замѣчаніе Ксенофонта, что Сократъ въ своихъ бесѣдахъ всегда переходилъ *отъ того, что лучше извѣстно, къ неизвѣстному*, которое, по выраженію Аристотеля, для ума гораздо болѣе существенно, чѣмъ извѣстное намъ. „Сократъ вѣчно говоритъ о плавильщикахъ, кожевникахъ, дубильщикахъ“, говоритъ Платонъ устами Альявиада, — „это его постоянная привычка. Но кто вникнетъ въ значеніе его словъ, тотъ увидитъ, что лишь его рѣчи имѣютъ глубокой и убѣдительный смыслъ, что онѣ представляютъ уму безчисленные *образы* всякаго совершенства, что онѣ направлены къ достиженію важнѣйшихъ цѣлей“. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы уже показали, какъ Сократъ свои глубочайшія идеи о наукѣ человѣческой природы, наукѣ о законахъ образованія характера, соотвѣтствующей искусству воспитанія, ставилъ въ параллель съ практически извѣстными специальными искусствами или ремеслами, и какъ эта параллель приводила Сократа и слушателей къ совершенно новымъ и важнымъ выводамъ. Изъ этого и другихъ подобныхъ примѣровъ, которыхъ не мало есть у Платона и Ксенофонта, очевидно, что Сократъ пользовался въ своихъ бесѣдахъ аналогіями, и какъ прекрасно выражается Платонъ, *образами*, по глубоко обдуманному педагогическому плану возводя умъ слушателей отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, сообразно этому общему эмпирическому закону духовнаго развитія. Этотъ первоначальный приемъ индуктивнаго мышленія по аналогіи имѣетъ, какъ извѣстно, великое значеніе и обширное примѣненіе въ современномъ рациональномъ обученіи. Это, пожалуй, будетъ наведеніе „чрезъ простое перечисленіе случаевъ“, собраніе сходныхъ фактовъ, но оно же должно и можетъ служить реальнымъ основаніемъ для точныхъ обобщеній, для опредѣленныхъ понятій ¹⁾.

Первыя воспріятія мысли начинаются съ нагляднаго сходства немногихъ отдѣльныхъ предметовъ, и только постепенно выработываясь, пріобрѣтаютъ точность и опредѣленность и восходятъ на степень общихъ понятій о предметахъ. Только посредствомъ умножающагося числа опытовъ, изъ которыхъ каждый оставляетъ въ душѣ сознательный слѣдъ, накаплиются изъ этихъ слѣдовъ основныя группы первоначальныхъ воспріятій, общія формы, въ которыхъ воспринимается вся-

¹⁾ См. Д.-С. Милль, Система логики, т. II, стр. 99.

кое новое однородное представленіе и путемъ многократнаго повторенія входящихъ въ него случаевъ (признаковъ) достигаетъ высшей степени точности, опредѣленности и общности понятія ¹⁾. Вотъ психологическое основаніе того Сократовскаго приема, который Ксенофонтъ справедливо обозначилъ переходомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и который признается основнымъ принципомъ современной педагогической методики. Изъ этого же принципа возникли употребительнѣйшіе нынѣ педагогическіе приемы, такъ-называемые предметные уроки, имѣющіе цѣлю органическое развитіе наблюдательныхъ способностей дитяти, и наглядное обученіе, какъ естественный переходъ отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, основанное на соединеніи элементовъ уже приобретенныхъ представленій.

Второй общій психологическій законъ, съ которымъ вполне сообразовались бесѣды Сократа, можно обозначить переходомъ *отъ частнаго или простаго къ общему и сложному*. Мы видѣли, что разговоръ Сократа всегда вращался около какого-либо *общаго выраженія*, разлагая его на тѣ отдѣльныя частности, которыя сгруппированы въ этомъ выраженіи, какъ въ своей формулѣ, и посредствомъ анализа каждой частности доводилъ умъ слушателя до сознательнаго общаго понятія. Послѣдній логическій моментъ, очевидно, столь же сложнѣе каждой отдѣльной частности, сколько этихъ частности обнимаетъ подъ собою великое родовое выраженіе. Когда предварительно каждая отдѣльная и простая въ этомъ отношеніи частности сознательно усвоена умомъ, тогда общее выраженіе этихъ подробностей сильно облегчаетъ удержаніе ихъ въ памяти, соединяя нѣсколько фактовъ въ одинъ, и какъ памятная замѣтка ²⁾ о преждеузнанныхъ фактахъ, чрезвычайно помогаетъ процессу сужденія, представляя для него готовныя послышки, сообщая искусство обращать память въ опытъ или искусство наведенія (индукціи), о которомъ еще Аристотель вѣрно замѣтилъ, что оно „начинается, когда изъ большаго числа опытовъ образуется одно общее понятіе, вмѣщающее въ себѣ всѣ подобныя случаи“ ³⁾.

¹⁾ См. *Venke*, Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft Berl. 1833. Eiusdem, Erziehungs- und Unterrichtslehre, 2 Th. Berl. 1835.

²⁾ См. превосходную главу Логикѣ Милля объ употребленіи и значеніи силлогизма.

³⁾ *Γίνεται τε τέχνη όταν εκ πολλῶν τῆς ἐμπειρίας ἐνοημάτων καθόλου μία γίνεται περί τῶν ὁμοίων ὑπόληψις*. *Met.* I, I. Онъ поясняетъ это такъ: если вы знаете, что

Умъ, сознательно усвоившій себѣ эти простыя, каждую въ своей отдѣльности истины, которыя заключаются въ извѣстной общей, слѣдовательно, сложной ихъ формулѣ, можетъ, безъ сомнѣнія, легко самъ доходить до этихъ сложныхъ умственныхъ операций. Такая обработка ума, составлявшая педагогическую задачу обученія Сократова, вполне согласна съ общими законами духовнаго нашего развитія. Какъ все способное и подлежащее развитію, развивающійся умъ переходитъ *отъ однороднаго къ разнородному*. Первоначально мыслительная сила человѣческаго духа обнаруживается въ самыхъ простыхъ однородныхъ формахъ дѣятельностей, которыя болѣе и болѣе разнообразятся, по мѣрѣ накопленія опытовъ и соединенія ихъ въ разнообразныя группы, и только въ концѣ умственнаго развитія мы видимъ гармоническое дѣйствіе самыхъ разнообразныхъ способностей ¹⁾. Нормальная, скажемъ словами Спенсера, система воспитанія должна быть объективною копіей этого субъективнаго процесса и идти тою же дорогою *отъ частныхъ къ общему* ²⁾ (какъ называетъ наведеніе Аристотель), которою такъ блистательно велъ свое обученіе Сократъ. Прежде слѣдуетъ узнать отдѣльныя истины, подробности, потому что каждая изъ нихъ есть сама по себѣ нѣчто однородное, простое; а потомъ должно слѣдовать образованіе сложныхъ формулъ въ умѣ, объединяющихъ эти подробности. Этотъ методъ противоположенъ тому ошибочному приему, по которому учителя прежде всего стараются сообщить *основныя начала*, полагая ³⁾, что общія формулы упрощаютъ изученіе подробностей, въ нихъ содержащихся, способствуютъ удержанію ихъ въ памяти, но забывая, что это обобщеніе не есть простое, но гораздо сложнѣе каждой изъ истинъ, входящихъ въ содержаніе общаго понятія, взятой отдѣльно, и что усвоеніе общихъ формулъ доступно только тогда, когда большая часть отдѣльныхъ истинъ уже извѣстна, а безъ того всякое обобщеніе останется тайною для ума, terra incognita.

Только въ видахъ выясненія вышеупомянутыхъ двухъ положеній уважемъ, какъ на особый эмпирической законъ умственнаго развитія,

извѣстное гѣкарство излѣчило Каллія отъ болѣзни и что оно произвело такое же дѣйствіе на Сократа и многихъ другихъ, то это есть *омытъ*; но знаніе того, что оно излѣчитьъ всѣ лица отъ той же болѣзни—есть искусство. См. также вышеуказанную главу Логикѣ Милля.

¹⁾ Велеске, Neue Psychologie. См. также трактатъ объ этомъ Г. Спенсера «Начала психологіи».

²⁾ Ἐπαγωγὴ δὴ ἢ ἀπὸ τῶν καθέκαστα ἐπὶ τῆ καθόλου ἔφοδος. Топіс. I, 10.

³⁾ Г. Спенсеръ, Собраніе сочиненій, т. III, стр. 86—87.

такъ блистательно осуществленный индуктивнымъ методомъ Сократовыхъ бесѣдъ, на переходъ *отъ эмпирическихъ фактовъ къ отвлеченнымъ идеямъ, отъ конкретнаго къ абстрактному*. Великою и постоянною цѣлью педагогической культуры умовъ для Сократа было внушеніе слушателямъ необходимости непрестаннаго вниманія въ общія понятія или отвлеченныя опредѣленія, по свидѣтельству Аристотеля, которое мы уже приводили. Согласно съ этою цѣлью, Сократъ постоянно въ своихъ бесѣдахъ старался опредѣлять каждое общее выраженіе. Но этому конечному результату всегда предшествовало у него разложеніе общаго понятія на частныя факты, отъ которыхъ отвлечено это понятіе, и совокупность которыхъ обозначается общимъ выраженіемъ. Каждый изъ этихъ частныхъ фактовъ подвергается тщательному изслѣдованію посредствомъ допрашиванія до тѣхъ поръ, пока вся совокупность ихъ могла сознательно и въ гармоніи всѣхъ своихъ частей сложиться въ умѣ слушателя въ общее понятіе и отчетливо выразиться въ отвлеченномъ опредѣленіи предмета. Этимъ объясняется намѣренное, педагогически-разчитанное постоянное уклоненіе Сократа въ бесѣдахъ отъ положительнаго формулированія общаго заключенія о предметѣ разговора, известное подъ именемъ *Сократовой ироніи*, гдѣ опредѣленіе знанія замѣнялось послѣдовательнымъ рядомъ вопросовъ, которые даютъ поводъ къ всестороннему обследованію частныхъ случаевъ или фактовъ, входящихъ въ составъ общаго понятія. Все это подробное изслѣдованіе, съ неподражаемымъ искусствомъ направляемое шагъ за шагомъ къ конечной цѣли разговора, къ сознательному и отчетливому общему опредѣленію предмета, органически сочлененному съ своими частями, выборъ многочисленныхъ, превосходныхъ, самыхъ ясныхъ и потому самыхъ сильныхъ примѣровъ, индуктивно ведущихъ къ синтетическому или дедуктивному выводу, — этотъ не прямой, докторальный, но, такъ-сказать, околицей частныхъ сторонъ идущій путь, какимъ онъ велъ слушателей къ какой-либо общей идеѣ, которой никто изъ собесѣдниковъ не предполагалъ; и эта рѣзкая, неожиданная остановка вопросовъ, когда уже разговоръ видимо приближался къ общему положительному или отрицательному выводу, весь этотъ великій и трудный умственный процессъ, освѣжаемый неистощимымъ запасомъ высокаго юмора, горячаго сочувствія и энергической помощи мучающимся въ этихъ умственныхъ рѣдкахъ (говоря словами Сократа) — все это составляетъ такія черты глубоко-педагогическаго характера Сократова обученія, которыя доселѣ дѣлають его образцомъ въ педагогическомъ методѣ. Но изло-

женный методъ обученія также вполне согласуется и съ естественнымъ процессомъ умственнаго развитія. Для того, чтобы овладѣть въ сознаниіи какою-либо общою идеей, необходимо обозрѣть послѣдовательно цѣлый рядъ фактовъ, изъ рассмотрѣнія которыхъ органически возникаетъ эта идея. Каждое общее отвлеченное понятіе предполагаетъ конкретно-частныя понятія, изъ которыхъ оно составлено путемъ отвлеченія. Развитие ума состоитъ въ усвоеніи этихъ понятій; а для дѣйствительнаго усвоенія ихъ необходимо, чтобы умъ приобрѣлъ ихъ нормальнымъ порядкомъ, то-есть, сперва необходимы частныя примѣры, конкретныя факты, а потомъ уже слѣдуютъ общія идеи, отвлеченныя опредѣленія и правила, какъ выводы изъ нихъ, или обобщенныя представленія дѣйствительностей. Современное рациональное педагогическое искусство во всѣхъ своихъ частностяхъ начинается соотноситься съ этимъ естественнымъ методомъ или закономъ умственнаго развитія. Такъ, старый школьный обычай начинать элементарное изученіе языковъ съ грамматики замѣняется тѣмъ естественнымъ процессомъ, посредствомъ котораго ребенокъ научается говорить, то-есть, путемъ упражненія въ языкѣ и посредствомъ наблюденія и сравненія фактовъ языка учащагося доводится до сознаниія общихъ законовъ языка грамматическихкихъ правилъ. Рациональное педагогическое изученіе ариметики идетъ въ началѣ также путемъ опыта, индуктивнаго наблюденія надъ численными совокупленіями и отношеніями дѣйствительныхъ вещей, а не посредствомъ отвлеченныхъ опредѣленій числа или условныхъ численныхъ формулъ и дѣйствій. Употребленіе географическихъ чертежей, моделей правильныхъ тѣлъ, какъ приготовленіе къ изученію географіи и геометріи, вообще предметныя уроки, суть факты однородныя съ предыдущими, вытекающіе изъ требованія сообразовать педагогическіе приемы съ естественными законами умственнаго развитія, съ закономъ движенія мысли отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ рациональному, отъ примѣровъ къ правиламъ.

Приводя эти факты современной педагогической практики, Спенсеръ справедливо замѣчаетъ, что одно заучиваніе правилъ даетъ только внѣшній видъ пониманія безъ его сущности, что сообщеніе результата изслѣдованія безъ самаго процесса изслѣдованія ослабляетъ умственныя силы.

„Юноша“, пишетъ онъ, „заучившія правила, теряетъ, когда выходитъ за предѣлы заученныхъ правилъ, тогда какъ юноша, образованный на надлежащихъ основаніяхъ, рѣшаетъ новую задачу также легко, какъ и старую. Между умомъ правилъ и умомъ принциповъ существуетъ та же разница, какъ между беспорядочною кучою матеріаловъ и тѣми же матеріалами, организованными

въ стройное цѣлое, посредствомъ соединенія отдѣльныхъ частей. Послѣдній изъ этихъ типовъ имѣетъ не одно только то преимущество, что составныя части его лучше связаны, но и то гораздо болѣе важное преимущество, что онъ способенъ къ изслѣдованію, къ независимой мысли, къ отысканіямъ, тогда какъ первый бесполезенъ въ этомъ отношеніи. Соединеніе фактовъ въ обобщеніе есть *организация* знанія, а предѣлы, до которыхъ доведена такая организація, составляютъ жѣрило умственного кругозора человѣка ¹⁾.

Если идея научнаго знанія есть органическое явленіе, если всякое цѣнное знаніе есть строго послѣдовательный выводъ изъ основаній, то усвоеніе умомъ фактовъ само собою становится основаніемъ для наведеній, а послѣднія — дальнѣйшими послылками для выводовъ или дедуктивныхъ заключеній. Только такимъ образомъ приобретенное знаніе развиваетъ умственныя способности и побуждаетъ человѣка къ дальнѣйшимъ научнымъ изысканіямъ, точно также какъ живой капиталъ, съ каждымъ обращеніемъ постоянно нарастающій, постепенно возвышаетъ основной фондъ до болѣе большихъ и болѣе большихъ размѣровъ.

Послѣднее замѣчаніе о свойствѣ знанія, какъ условіи его цѣнности, приводитъ насъ въ одному изъ важнѣйшихъ руководящихъ примѣровъ Сократова обученія, на которомъ мы особенно настаивали при объясненіи духа его философскаго метода и который соответствуетъ самому общему закону духовной организаціи, *закону самобытнаго развитія личности*. Всѣ указанныя руководительныя начала воспитанія суть только выводы изъ этого общаго закона духовной природы, и служа его эмпирическими приложеніями, въ то же время испытываются имъ, какъ пробнымъ камнемъ, въ отношеніи ихъ плодотворности для практическаго искусства умственнаго воспитанія. Если наука о человѣческомъ духѣ обобщаетъ свои наблюденія надъ умственнымъ развитіемъ въ общій эмпирической законъ переходовъ а) отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, б) отъ частнаго или простаго къ сложному и с) отъ эмпирическаго къ отвлеченному рациональному, то осуществленіе этихъ методовъ въ процессѣ самобытнаго развитія умственныхъ силъ и самостоятельнаго приобрѣтенія знаній есть послѣдній критерій согласія этихъ методовъ воспитанія съ естественнымъ методомъ раскрытія природы духа и составляетъ верхъ совершенства педагогическаго искусства. Въ правильномъ проведеніи процесса самообразованія состоитъ самая могущественная особенность Сократова метода, какъ доказываетъ это все, что доселѣ было сказано нами о методѣ его. Сократъ никогда не вы-

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собраніе сочиненій, т. III.

связывалъ какой-либо положительной системы, не выражалъ готоваго, рѣшительнаго мнѣнія о предметѣ своего разговора, никогда не бралъ на себя роли учителя, изрекающаго, какъ нѣкій оракулъ, готовыя положенія и безспорныя истины, „не вливалъ, по выраженію Платона, истины въ умы слушателей, какъ въ пустой сосудъ“ (Prothag.), но всегда являлся не знающимъ и желающимъ поучиться во взаимной бесѣдѣ съ своими собесѣдниками. Сократъ былъ убѣжденъ, что посредствомъ догматически-сообщаемыхъ толкованій, посредствомъ готоваго матеріала, вѣряемаго памяти, весьма мало можно имѣть успѣха. Духъ долженъ дѣйствовать на духъ посредствомъ свободнаго взаимодѣйствія, въ силу любви къ истинѣ, чтобы родить новыя мысли и живыя истины, — процессъ, который Платонъ сравниваетъ съ брачнымъ соединеніемъ и беременностію, производящею философскую мысль. Сократъ говорилъ, что умъ чреватъ истиною. Но духовное рожденіе нуждается въ такомъ же духовномъ способѣ акушерства. Сократъ считалъ своимъ особеннымъ призваніемъ и ремесломъ обращаться къ такимъ беременнымъ и мучающимся въ родахъ умамъ въ качествѣ повивальной бабки ¹⁾, чтобы помогать имъ въ духовномъ рожденіи истины и вмѣстѣ въ тѣмъ оцѣнивать тотъ плодъ, который они производятъ на свѣтъ; и если онъ окажется увѣчнымъ и ничего не обѣщающимъ, то бросать его съ жестокостію Спартанской кормилицы. По воззрѣнію Сократа, педагогическое руководство учителя въ отношеніи къ ученику должно состоять, какъ уже сказано было, вовсе не въ сообщеніи сему чего-либо прямо готоваго, но въ „добываніи“ истины изъ него самаго, чрезъ него самаго, въ возбужденіи въ его умѣ жажды знанія, въ облегченіи ему трудной работы самостоятельнаго приобрѣтенія знанія и въ строгой повѣркѣ и оцѣнкѣ приобрѣ-

¹⁾ «Я похожъ на повивальныхъ бабокъ, говаривалъ Сократъ, тѣмъ, что самъ ничего не рождаетъ мудраго, и меня многіе упрекали, что я только другихъ все выпрашиваю, самъ же ни о чемъ не даю положительнаго отвѣта; причина этого состоитъ въ томъ, что божество принуждаетъ меня оказывать только другимъ реальную помощь, самому же мнѣ рождать не суждено. Но всѣ тѣ, которымъ судило божество входить въ сношеніе со мною, въ началѣ оказывались въ высшей степени невѣжественными, а при постоянномъ воздѣйствіи моемъ оказывали невѣроятныя успѣхи. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно вѣрно то, что они собственно отъ меня никогда ничему не научались, только сами открывали въ самихъ себѣ чрезвычайно много прекраснаго.... Въ моемъ искусствѣ выше всего то, что оно въ состояніи опредѣлить: суждено ли душѣ юноши родить нѣчто безобразное и ложное, или нѣчто прекрасное и истинное». Theaeth. 150. Сл. Сочиненія Платона, въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 392.

теннаго знанія, его разумности и истинности. Смотри на дѣло умственнаго развитія съ этой точки зрѣнія, Сократъ не только никогда не читалъ лекцій, какъ другіе учителя, не писалъ никакихъ письменныхъ трактатовъ, какъ систематическихъ руководствъ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, выражалъ положительное мнѣніе о недостаточности книгъ для передачи знанія. Здѣсь весьма встаетъ при вести это мнѣніе, сохраненное Платономъ въ *Федръ* ¹⁾:

„Письмо походить“, говоритъ онъ, „на живопись; созданія этой послѣдней очень похожи на живыя существа; но когда, вы задаете имъ вопросъ, они хранятъ торжественное молчаніе. То же самое и писанныя рѣчи. Читая ихъ, воображаешь, что въ нихъ есть какой-нибудь смыслъ; но если захочешь поучиться и станешь вопрошать, то на всѣ вопросы онѣ могутъ дать только свой первый отвѣтъ. Написанная рѣчь переходитъ изъ рукъ въ руки, ко всякаго рода людямъ, къ понимающимъ ее, и къ не понимающимъ. Она не можетъ сообщить, чтѣ слѣдуетъ тѣмъ, въ которыхъ идетъ передаваемое. Есть другой родъ рѣчи, гораздо лучшей, гораздо болѣе дѣйствительной. „Какой же?— „Тотъ, который написанъ научнымъ образомъ въ умѣ учащаго“.— Ты говоришь о настоящей и живой рѣчи лица, понимающаго свой предметъ, о рѣчи, которая вписывается въ душу познающаго вмѣстѣ съ знаніемъ и понимаетъ, съ кѣмъ говорить и съ кѣмъ молчать?... „Такъ, точно. Какъ, подумаешь, рѣшился бы разумный домохозяинъ, желающій дожидаться жатвы, посѣять драгоценное для него сѣмя, по наступленіи лѣта, въ садахъ Адониса ²⁾, ради удовольствія видѣть, какъ оно пуститъ ростки и поспѣетъ въ одну недѣлю или развѣ ради праздника сдѣлаетъ это? Если дѣло его серьезно, то онъ употребитъ приемы земледѣльческаго искусства, посѣетъ сѣмя въ должное время и удовольствуется тѣмъ, что пожнетъ жатву въ осьмой мѣсяцъ. Не такъ ли?“—Безъ сомнѣнія, такъ.—„Ну, ждешь же ты думаешь, что человѣкъ, обладающій знаніемъ того, чтѣ право, благородно и хорошо, можетъ поступать съ своими сѣменами менѣе осмотрительно?“—Конечно, нѣтъ.—„Если такъ, то онъ не станетъ сѣять перомъ или черною жидкостью, или (если бросимъ метафору) онъ не будетъ разсыпая эти истины въ рѣчкахъ, которыя не въ состояніи раскрыть истину вполнѣ. Онъ станетъ засѣвать луга письменности, приготовляя и себѣ сокровище замѣтокъ на время забывчивой старости и всякому идущему тою же дорогой.... Но тотъ еще лучше, думаю, поступитъ, кто, пользуясь діалектикой и избравъ приличную душу, насаждаетъ и сѣетъ въ ней проникнутыя зна-

¹⁾ Сочиненія Платона въ переводѣ *Карпова*, ч. 4, стр. 109—111. Приведенному здѣсь характеристическому мѣсту предшествуетъ чрезвычайно интересная басня о происхожденіи и значеніи письменъ, съ которою неимѣетъ познакомиться каждому педагогу-учителю.

²⁾ Сады Адониса — ящики для резеды (*Льюис*). Греки въ честь Адониса праздновали восемь дней и къ этому времени засѣвали поля, принадлежащія къ его храму, а въ самый храмъ приносили ящики или вазы съ цвѣтами, которые скоро увядаютъ (резеда), въ знакъ кратковременности земныхъ удовольствій. Отсюда произошло поговорка: *Ἀδωνίδος κήποι*. *Diction. des cultes religieux*.

ніемъ мысли, которыя не безплодны, но заключаютъ въ себѣ сѣмя, а потому будутъ способны осѣменить мыслями и другіе умы“....

Этотъ замѣчательный отрывокъ, имѣя біографическое значеніе, служитъ объясненіемъ педагогическо-философской дѣятельности самаго Сократа. Едва-ли кто станетъ оспаривать основную мысль его. Мы всѣ знаемъ, что книги и заучиваніе наизусть не могутъ замѣнить живое устное преподаваніе и самостоятельное усвоеніе. Устное преподаваніе имѣетъ то именно преимущество, что не даетъ уму слушателя пребывать въ пассивномъ состояніи, въ которомъ находится умъ читателя или учащагося по книгѣ, потому что преподаватель возбуждаетъ умственную самостоятельность ученика своими вопросами. Вотъ глубокое основаніе методическаго допрашиванія Сократа — это возбужденіе ума слушателей къ процессу самостоятельной работы мышленія, доведеніе его до способности самообразования и самообученія, посредствомъ строго послѣдовательныхъ вопросовъ, связуемыхъ съ отвѣтами слушателя и незамѣтно, но вполне разчитанно направленныхъ къ главной идеѣ или предмету бесѣды. Такъ какъ весь процессъ діалектическаго раскрытія идеи всегда совершался у Сократа путемъ перехода отъ положеній лучше извѣстныхъ слушателю къ неизвѣстному, отъ простыхъ частныхъ къ сложной ихъ формулѣ или общему выраженію, отъ понятій конкретныхъ къ ихъ обобщенію или отвлеченнымъ идеямъ; то конечный продуктъ изслѣдованія — знаніе, понятіе о предметѣ, или убѣжденіе, дѣйствительно приобретае­лось путемъ *самостоятельнаго* труда, свободнаго изслѣдованія, самооткрытія истины, посредствомъ наведенія на это открытіе. Выгоды умственнаго саморазвитія такъ важны и очевидны, что отрицать ихъ никто не думаетъ; педагогами же этотъ процессъ вполне справедливо признается основнымъ принципомъ рациональнаго воспитанія. Но большая часть педагоговъ-практиковъ считаютъ эту великую задачу воспитанія педагогическою утопій. Опытъ Сократова обученія въ этомъ случаѣ не можетъ, говорятъ, служить образцомъ, потому что Сократъ имѣлъ дѣло съ учениками взрослыми и развитыми. Это справедливо.

„Но“, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ ¹⁾, — „если посмотрѣть на познаніе окружающихъ предметовъ, которое ребенокъ приобретаетъ въ первые годы жизни безъ всякой помощи, если вспомнить, что всякій ребенокъ бываетъ самоучкой въ дѣлѣ роднаго языка, если слѣдить за безпрестанными наблюденіями, изслѣдованіями и выводами, происходящими въ умѣ ребенка, или

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собр. сочиненій, т. III, стр. 90.

прислушиваться къ острымъ замѣчаніямъ его о предметахъ, не выходящихъ изъ границъ его способностей; то кто не согласится, что эти самыя способности, если только направить ихъ систематически на предметы, *находящіеся въ одномъ и томъ же ряду*, помогутъ ему осилить эти предметы безъ посторонней помощи? Необходимость въ постоянныхъ объясненіяхъ происходитъ отъ нашего неразумія, а не отъ глупости ребенка. Мы даемъ ему факты слишкомъ сложные для его пониманія. Такимъ образомъ давая ему знаніе, котораго онъ не можетъ переварить, мы доводимъ его способности до болѣзненнаго состоянія. А потомъ, когда ребенокъ ничего не можетъ понимать безъ объясненій и становится чисто пассивнымъ приемникомъ нашего обученія, мы заключаемъ, что воспитаніе должно быть ведено именно такимъ путемъ. Самы мы породили безсиліе своимъ методомъ, а говоримъ потомъ, что этотъ методъ необходимъ, потому что существуетъ безсиліе. Ясно поэтому, что опытъ педагоговъ не можетъ быть принятъ за основательное опроверженіе системы саморазвитія. А кто пойметъ это, тотъ пойметъ и то, что мы можемъ безопасно слѣдовать дисциплинѣ природы до самаго конца, — что при искусномъ веденіи образованія, можемъ до зрѣлыхъ лѣтъ сохранить за умомъ способность саморазвитія первыхъ періодовъ дѣтства, и что только этими путемъ могутъ явиться высочайшія силы и высочайшая дѣятельность“.

Первый блестящій успѣхъ Песталоцци въ Станцѣ, когда у него не было ни книгъ, ни другихъ пособій обыкновеннаго ученія и когда единственнымъ предметомъ его вниманія было изслѣдованіе, въ какихъ познаніяхъ дѣти его имѣли особенную потребность и какимъ путемъ можно было лучше всего соединить новопріобрѣтаемое знаніе съ тѣмъ, которое они уже имѣли, этотъ блестящій успѣхъ доказываетъ фактически, что и великій опытъ Сократова допрашиванія, добыванія истины самостоятельною работою мысли ученика есть не исключительный опытъ, но образецъ по своему принципу для всякаго разумнаго учителя. Методъ Сократовъ, какъ методъ саморазвитія, по своему духу, долженъ быть признанъ прототипомъ современнаго рациональнаго воспитывающаго обученія.

Педагогическое значеніе принципа саморазвитія, результатомъ котораго должна быть выработка въ ученикѣ самостоятельнаго образа мыслей и убѣжденій, еще болѣе возвышается вліяніемъ его на образованіе самостоятельнаго *характера* и на просвѣтленіе высшихъ *человѣческихъ убѣжденій*. Твердо встрѣчать трудности и препятствія въ жизни, сохранять равновѣсіе и присутствіе духа при неудачахъ, подчинять свою волю высшимъ и неизмѣннымъ законамъ и цѣлямъ міроуправленія, всегда стоять на высотѣ сознанія *человѣческаго достоинства* и нравственнаго долга — вотъ высокія черты нравственно-религіознаго характера, которыя вырабатываются Сократовой системой умственнаго самообразованія. Это послѣднее замѣчаніе заставляеть

насъ указать, какъ на нѣкоторый особый руководящій принципъ воспитанія, на положеніе, составлявшее, какъ замѣчено было выше, центральный пунктъ Сократовой неологіи, именно, что *сила стойкаго нравственнаго образа дѣйствій зависитъ отъ понятій, нормальнымъ и самобытнымъ порядкомъ выработанныхъ и усвоенныхъ разумомъ, понятій о конечныхъ цѣляхъ бытія; что знаніе есть основа искусства вести себя, основа воспитанія нравственнаго человѣческаго характера, или говоря языкомъ Сократа, „знаніе есть добродѣтель, а невѣжество—порокъ“*. Въ своемъ мнѣствѣ мы уже достаточно ясно развили этотъ общій неологическій принципъ Сократа; здѣсь же, для доказательства его важности въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго характера, присоединимъ къ сказанному мнѣнію объ этомъ предметѣ двухъ современныхъ мыслителей.

„Такъ какъ сильнѣйшія склонности необразованной человѣческой природы“, говоритъ Милль, „очевидно, сами по себѣ стремятся разъединить человечество, а не связать его, сдѣлать людей соперниками, а не союзниками, то общественное существованіе возможно только посредствомъ дисциплинованія этихъ болѣе могущественныхъ склонностей, которое состоитъ въ подчиненіи ихъ общей системѣ мнѣній. Степень этого подчиненія есть мѣра полноты общественнаго союза, а свойство общихъ мнѣній опредѣляетъ его родъ. Но для того, чтобы человечество сообразовало свои дѣйствія съ нравственнымъ родомъ мнѣній, эти мнѣнія должны существовать, должны быть имъ признаваемы. Такимъ образомъ состояніе умозрительныхъ способностей, характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляютъ нравственное состояніе общества. Эти заключенія, выведенныя изъ законовъ человѣческой природы, находятса въ совершенномъ согласіи съ общими фактами исторіи. Каждое историческое извѣстное намъ измѣненіе въ состояніи какой-либо части человечества было предшествуемо соответствующимъ по размѣру измѣненіемъ въ состояніи знаній или въ господствующихъ вѣрованіяхъ. И когда происходила какая-либо общественная великая перемѣна, предвѣстницей ея была перемѣна въ мнѣніяхъ и образѣхъ мыслей“¹⁾.

Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ фактами исторіи доказываетъ эти положенія Милля, признавая знаніе главнѣйшимъ изъ орудій цивилизаціи. Перечисляя блага, которыя принесло нашему времени знаніе, и говоря объ уничтоженіи преслѣдованій за убѣжденія, Бокль замѣчаетъ: „Развитію знаній, и ему одному, мы обязаны сравнительнымъ уменьшеніемъ того, что несомнѣнно составляетъ величайшее зло, когда-либо наносимое человѣкомъ его собственной природѣ“. Изобразивъ затѣмъ рѣзкими чертами всю деморализующую силу этого зла,

¹⁾ Д.-С. Милль, Сист. логики, т. II, стр. 508.

Бокль заключаетъ: „Вотъ почему мы должны быть благодарны умственному развитію, уничтожившему зло, которое иные между нами охотно бы возстановили“¹⁾. Вполнѣ соглашаясь съ этими благородными словами историка-философа, мы расходимся съ его положеніемъ въ томъ, что религія, свойства вѣрованій, по его мнѣнію, будто-бы не имѣютъ никакого вліянія на состояніе общечеловѣческой цивилизаціи, и что умственный элементъ, развитіе ума, сумма и свойства знаній служатъ *исключительною* мѣрой для опредѣленія прогресса цивилизаціи, представляютъ единственный педагогическій принципъ воспитанія человѣчества. Не входи здѣсь въ неумѣстный споръ о столь обширномъ вопросѣ, сошлемся кратко на того же Милля, который признаетъ преобладающими элементами воспитанія человѣчества не только развитіе мышленія, но и *состояніе вѣры*. Политеизмъ, іудейство, христіанство — каждое изъ этихъ явленій, какъ *primus agens*, полагаетъ Милль, содѣлывало общество тѣмъ, чѣмъ оно было въ каждый послѣдующій періодъ, будучи сами главнымъ образомъ произведеніемъ предшествовавшаго состоянія вѣры и мышленія. Можно согласиться съ мнѣніемъ Бокля, только включая въ понятіе объ умственномъ элементѣ не одну сумму и родъ логическихъ знаній, но и *свойства вѣрованій*²⁾, какъ *знанія истинъ религіозныхъ, не выведенныхъ умомъ, но открытыя и данныя* разуму. Великій философъ-педагогъ древности, Сократъ, первый выразившій положеніе, что есть область знанія человѣческаго, и есть область религіозная, божественная, и что послѣдняя должна начинаться тамъ, гдѣ оканчивается первая, глубоко сознавалъ и ясно выражалъ необходимость въ дополненіи первой послѣднею, необходимость вѣры и откровенія для завершенія человѣческой мудрости. Религіозный элементъ, внутренно связанный, какъ мы видѣли, у Сократа съ элементомъ умственнымъ, былъ для него столько же важнымъ началомъ воспитанія моральнаго характера, какъ принципъ умозрительный.

Нѣтъ нужды доказывать, что сказанное объ умственномъ элементѣ (включая въ это понятіе не только развитіе ума, но и область религіозныхъ вѣрованій), какъ о главной основѣ общечеловѣческой цивилизаціи, всецѣло относится и къ воспитанію человѣка, такъ что въ этомъ отношеніи воспитаніе ребенка должно быть въ миниатюрѣ по-

¹⁾ Бокль, «Исторія цивилизаціи въ Англіи». Т. I, ч. I, стр. 140 — 141; а также и вся глава «объ умственномъ развитіи».

²⁾ Д.-С. Милль, «Сист. лог.», т. II, стр. 509, 518.

втореніемъ развитія общечеловѣческаго. Если оба процесса суть однородные процессы развитія и должны согласоваться съ общими законами развитія человѣческой природы, то они должны согласоваться и между собою. Вѣрный методъ воспитанія есть методъ общечеловѣческаго развитія. Послѣднее же достигаетъ совершенства по мѣрѣ высоты умственного и религіознаго міросозерцанія. Слѣдовательно, нравственное облагороженіе и духовное просвѣтленіе личности человѣческой зависитъ отъ выработки умозрительныхъ истинъ и живаго усвоенія моральныхъ и религіозныхъ идей о конечныхъ цѣляхъ.

Наконецъ, не можемъ не указать, какъ на руководящій критерій рациональности методовъ воспитанія, на телеологическій принципъ Сократовой неологіи, на задачу ея *содѣйствовать блигу и счастію* человѣчества. Само собою разумѣется, что эта конечная цѣль требуетъ для достиженія соотвѣствующихъ средствъ и методовъ человѣческаго воспитанія и образованія. Нормальный стимулъ для всякой дѣятельности, по Сократу, есть то наслажденіе, которое слѣдуетъ за дѣятельностію. Относительно умственного образованія должно принять за общій законъ, что упражненіе и дѣятельность ума, доставляющая удовольствіе, выполняется охотно, и что она плодотворна. Умственное воспитаніе ребенка необходимо должно сообразоваться съ этимъ закономъ. Спенсеръ говоритъ, что „для окончательнаго испытанія всякаго учебнаго метода слѣдовало бы ставить вопросъ: доставитъ ли примѣненіе его удовольствіе ученику?“ Опытъ ежедневно показываетъ, продолжаетъ Спенсеръ, что всегда можно найдти методъ, вызывающій наслажденіе, и всегда окажется, что это именно есть тотъ методъ, который наиболѣе рационаленъ. Аскетизмъ исчезаетъ изъ воспитанія, какъ и изъ жизни, и общая черта законодательства политическаго — стремленіе способствовать благоденствію—въ сильной степени начинаетъ быть и отличительною чертой школьнаго законодательства ¹⁾.

Намъ весьма пріятно заключить изложеніе руководящихъ началъ Сократовой философіи и его метода обученія увѣренностію, что задушевная идея, которую онъ постоянно выражалъ, какъ догматъ вѣры, идея о наукѣ, задача которой содѣлать человѣка счастливымъ, принимается за конечный критерій рациональнаго искусства воспитанія, по крайней мѣрѣ, лучшими современными авторитетами. Для насъ это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что главною цѣлію настоящаго опыта было — указать въ Сократѣ не столько практической образецъ, сколько фи-

¹⁾ Г. Спенсеръ, Собр. сочин., т. III. «Воспитаніе», стр. 91.

лософскій принципъ воспитанія и методъ обученія, которые, по нашему мнѣнiю, должны имѣть широкое примѣненіе и для современнаго искусства воспитанія и обученія.

Сократъ — это не только индивидуальная историческая личность, достойная безсмертія въ памяти потомства, — это великій типъ общечеловѣческой культуры ума и характера.

Н. Марковъ.

Воронежъ, 1870 года.

Объяснительныя примѣчанія къ статьѣ: „Значеніе Сократа, какъ философа-педагога“.

I. Къ первой статьѣ въ мартовской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*.

Стр. 14: *Убѣжденіе Сократа въ томъ, что его учительское призваніе есть религіозное, своего рода божественное посланничество, составляетъ такую черту ученія Сократа, упустивъ которую мы не были бы въ состоянiи понять духъ его жизни и ученія.*

Собираемъ здѣсь всѣ мѣста изъ разговоровъ Платона и сочиненій Ксенофонта, въ которыхъ выражаются убѣжденіе и взглядъ Сократа на этотъ предметъ, и вмѣстѣ съ этимъ, нѣкоторые перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля, чтобы понять смыслъ „Сократова демона“ и оправдать нашъ взглядъ на него, какъ на явленіе внутреннее, психологическое, какъ на обнаруженіе увѣренности или убѣжденія въ нѣкоторомъ постоянномъ внушеніи высшаго начала, присущаго душѣ.

„Во мнѣ, какъ я часто говаривалъ, бываетъ нѣчто божественное, демоническое, — говоритъ Сократъ въ своей апологiи на судѣ, — и я съ самаго дѣтства слышу въ себѣ какой-то голосъ, который всегда останавливаетъ меня, но никогда не побуждаетъ въ тотъ мигъ, когда мнѣ вздумается что-нибудь дѣлать или говорить“ (чего, конечно, не слѣдуетъ). (Apol. въ переводѣ Карпова, ч. 1, стр. 429).

„Лишь только я подумалъ, говоритъ Сократъ Федру, вдругъ мнѣ открылось божественное, столь обычное знаменіе (το δαιμόνιον τε καὶ εἰσὸς σημεῖον), а оно всегда удерживаетъ меня, какъ скоро я намѣренъ что-нибудь сдѣлать, — даже будто послышался въ то мгновеніе и какой-то голосъ, останавливавшій меня“ (Phaedr. въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 44).

„По божественному опредѣленію, говоритъ Сократъ Теагу, за мною слѣдуетъ геіиі: это голосъ, который въ минуту проявленія всегда даетъ мнѣ замѣтить, что я долженъ удержаться отъ того, что намѣренъ дѣлать, но не побуждаетъ къ чему бы то ни было... и вотъ во мнѣ проявилось обычное знаменіе — демонъ (το εἰσὸς σημεῖον — το δαιμόνιον). (Theag., по переводу Кар-

пова ч. 4, стр. 412, 414. Срав. Alcib. I, ч. 2, стр. 386. De Republ. VI, ч. 3, 323. Theaet. 151. Evthyd., ч. 1, стр. 166).

„Мой опекунъ, говоритъ Сократъ Алкивиаду, лучше и мудрѣе твоего Перикла“.—Кто же онъ, Сократъ?—„Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ говорить съ тобою“. (Alcib., ч. 2., стр. 428. Ср. Ксенофонта Memor. I, 1, 4, IV, 8, 1).

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что Сократово то δαιμόνιον было не божество, а нѣчто божественное. Сократъ, какъ видно, хотѣлъ выразить не объективное существо божественное, но субъективное его проявленіе въ человѣческой душѣ, присущее человѣческой душѣ божественное начало. Сличая съ частными признаками Сократова το θειον или το δαιμόνιον нѣкоторыя перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля [напримѣръ, душа есть нѣчто провѣщающее — ὡς δὴ τι — μαντικὸν γέ τι καὶ ἡ ψυχὴ (Phaedr.); Ἄλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπων γε ψυχὴ ἔϊπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπων, τῇ θεοῦ μετέχει (Memor. IV, 3, 14). Σωκράτης δ' ἠγγεῖτο πάντα μὲν θεοῦ εἰδέναι καὶ σημαίνειν τοῖς ἀνθρώποις περὶ τῶν ἀνθρώπων πάντων (Mem. I. 1. 19); οἷον ὅτι τὸ δαιμόνιον οὐδὲν ἐστίν, ἀλλ' ἡ θεὸς ἢ θεοῦ ἔργον. (Arist. Rhetor. II. 23. 8)], профессоръ Карповъ полагаетъ, что подъ выраженіемъ το θειον или τὸ δαιμόνιον Сократъ разумѣлъ божественное начало въ человѣческой душѣ, источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искусствъ и практической жизни, —этотъ высшій внутренній голосъ, призваніе и руководственныя внушенія котораго Сократъ постоянно чувствовалъ въ глубинѣ своего великаго духа, стремившагося къ божественному свѣту истины, знанія, къ просвѣщенію и пробужденію дремлющихъ людскихъ умовъ. Такимъ образомъ, Сократъ первый указалъ внутреннія психическія основы религіознаго убѣжденія; божественное (το θειον) присуще духовной природѣ чело-вѣка. Мы раздѣляемъ это воззрѣніе на „демона“ Сократова, какъ отвѣчающее дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ древности о семъ загадочномъ фактѣ.

Стр. 16: *Познай свое незнаніе, чтобы твой умъ былъ свободенъ отъ главнаго заблужденія — утврѣнности „въ знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, которое помрачаетъ способности и мѣшаетъ людямъ быть истинно мудрыми. . .*

Итакъ, столь извѣстное Сократово „я знаю, что ничего не знаю“ — незнаніе, отрицаніе знанія имѣло значеніе не скептическое, но педагогическое, какъ очищеніе ума, по выраженію Сократа. Сократъ не допускалъ, чтобы чело-вѣкъ могъ знать то, къ изученію чего у него нѣтъ сознательнаго стремленія, къ чему онъ не прилагаетъ само-

стоятельнаго систематическаго изслѣдованія; далѣе, онъ отрицалъ, какъ слѣдствіе предыдущаго, что человѣкъ можетъ дѣлать то, чего онъ не знаетъ... Напечатлѣть въ умахъ своихъ слушателей отрицательное убѣжденіе касательно этихъ предметовъ—вотъ главная цѣль его разпыхъ діалектическихъ бесѣдъ; но его нападенія имѣютъ и положительную цѣль—уничтоженіе самообольщенія въ знанія, побужденіе къ приобрѣтенію самостоятельнаго знанія. „Разрушить старыя духовныя развалины“, какъ прекрасно пишетъ Гротъ, „разобрать зданіе, чтобы вновь построить—это необходимая ступень духовнаго самосозиданія, самовоспитанія“.

Стр. 18: *Главное обвиненіе Сократа, на которомъ преимущественно настаивали обвинители, состояло въ томъ, что молодые люди, съ которыми Сократъ преимущественно обращался, усвоили отъ него новыя идеи и воззрѣнія.*

Въ „Апологіи“ Платона Сократъ особенно останавливается на обвиненіи въ безбожій, которое поддерживалъ изъ трехъ обвинителей Мелитъ; о всемъ прочемъ, что не содержится въ формулѣ обвиненія, и даже о второмъ пунктѣ обвиненія—въ развращеніи юношества—онъ говоритъ въ неразрывной связи съ первымъ обвиненіемъ—въ безбожій, какъ бы это мнимое развращеніе состояло въ безбожномъ ученіи. Но Ксенофонтъ передаетъ дѣло такъ, что обвинители, настаивая на томъ положеніи, что Сократъ преподаетъ деморализующее молодежь ученіе, имѣли въ виду нѣчто совершенно другое, отличное отъ его религіозныхъ мнѣній, именно обвиняли его въ томъ, что онъ учитъ юношество непослушанію родителямъ, неповиновенію отечеству и законамъ. Это обвиненіе для политическаго процесса было гораздо серіознѣе, тѣмъ болѣе, что опроверженіемъ обвиненія въ безбожій могло быть все поведеніе Сократа, который былъ такъ же точенъ въ исполненіи установленнаго закономъ культа, какъ и другіе граждане, и даже, по свидѣтельству Ксенофонта, точнѣе другихъ. Вотъ почему въ текстѣ мы привели нѣкоторыя подробности обвиненія Сократа въ развращеніи юношества, по замѣчаніямъ Ксенофонта,—подробности, касающіяся преимущественно воспитанія нравственнаго характера (сообразно съ нашею спеціальною цѣлю), которыя мы здѣсь добавимъ подробностями, касающимися политическихъ мнѣній, которыми будто-бы Сократъ строилъ молодыхъ людей не уважать существующій политическій порядокъ вещей и нарушать законы отечества. Такъ, по отзыву обвинителей, онъ часто проповѣдуетъ, что обычай Аѳинскаго народа—выбирать архонтовъ *по жребію*, неразуменъ; что никакой благора-

зумный человекъ не станетъ такимъ образомъ выбирать кормчаго или плотника, не смотря на то, что вредъ, какой можетъ произойти въ этомъ случаѣ отъ неудачнаго выбора, гораздо менѣе того, какой можетъ произойти при подобномъ выборѣ арконтовъ, — внушая такимъ образомъ молодымъ умамъ неуваженіе къ закону и отечеству, и дѣлая ихъ способными къ нарушенію законовъ и къ революціоннымъ замысламъ. Далѣе, по отзыву обвинителей, любимымъ мѣстомъ изъ Гомера, которое Сократъ съ особеннымъ удовольствіемъ приводилъ въ своихъ бесѣдахъ, было то, въ которомъ говорится, что Одиссей гонитъ назадъ Грековъ, которые, соглашась на рѣчь Агамемнона, поспѣшно отправились къ своимъ кораблямъ. Одиссей льститъ предводителямъ, тогда какъ къ народу обращается съ бранью и даже съ ударами своего посоха, хотя и тѣ, и другіе были виноваты въ одномъ и томъ же. Сократъ такъ будто бы толковалъ это мѣсто (утверждали обвинители): Гомеръ одобряетъ подобное обращеніе вождя съ бѣднымъ классомъ народа — съ демосомъ; и все-де это онъ дѣлалъ съ тѣмъ злостнымъ намѣреніемъ, чтобы развить въ молодежи деспотическія, противуобщественныя стремленія. Какъ на образецъ такого гибельнаго вліянія, обвинители указывали на двухъ учениковъ Сократовыхъ, и притомъ особенно любимыхъ имъ — на Критія и Алкивіада, изъ которыхъ первый сдѣлался въ послѣдствіи самымъ хищнымъ изъ 30-и тиранновъ, а послѣдній, не смотря на свою гениальность, былъ величайшимъ деспотомъ, какого только сносила республика, и виновникомъ многихъ золъ для отечества. Приводя эти подробности обвиненія, Гротъ замѣчаетъ, что это обвиненіе такого точно рода, какъ обвиненіе въ намѣреніяхъ возбудить всеобщую ненависть противъ правительства, на которыхъ основывались въ прежнія времена преслѣдованія писателей за политическія мнѣнія. Въ основѣ такихъ обвиненій лежитъ смѣшеніе независимой критики съ заговоромъ и возмущеніемъ противъ общественнаго порядка и законовъ. Это обвиненіе особенно несправедливо въ отношеніи къ Сократу, который всегда обращался къ разуму людей, а не къ эгоистическимъ страстямъ, который никогда не упускалъ случая внушать строгое повиновеніе закону и самъ давалъ примѣръ такого выполненія законовъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ Сократовыхъ общественныхъ убѣжденій и идей объ отношеніи гражданина къ законамъ отечества, идей, которыя великій общественный воспитатель развивалъ всему юношеству, служить знаменитая просопопея законовъ въ Платоновомъ „Критонѣ“; идеи ея, по общему признанію, суть чисто Сократовскія идеи, и потому мы считаемъ умѣст-

нымъ привести ее здѣсь (въ извлеченіи), какъ поучительный урокъ истинно гражданскаго убѣжденія и патріотическаго чувства.

Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу и предлагаетъ ему возможность бѣжать. Сократъ, опровергая доказательства Критона въ необходимости этого поступка, утверждаетъ, что надобно дѣлать одно справедливое, и что справедливость требуетъ безусловнаго исполненія условій заключеннаго съ кѣмъ-нибудь законнаго договора.

„Я говорю, или лучше, спрашиваю: кто сдѣлалъ съ другимъ договоръ касательно чего-либо справедливаго, тотъ долженъ ли выполнить его, или обмануть?—Выполнить, отвѣчалъ Критонъ.—Пусть же мы вознамѣрились бѣжать, или какъ иначе назвать это, —вдругъ приходятъ законы, и вступаясь за общее дѣло государства, говорятъ: скажи намъ, Сократъ, что ты это задумалъ? Развѣ, по твоему мнѣнію, тотъ городъ можетъ существовать и не разрушиться, въ которомъ судебныя опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ они теряютъ свою важность и нарушаются частными людьми? Что скажемъ на это и другое подобное этому, Критонъ?... Не дать ли такой отвѣтъ, что городъ сдѣлалъ намъ несправедливость и невѣрно положилъ свое рѣшеніе? Это, или что будемъ отвѣчать?—Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ. — Но вотъ что сказали бы законы: Сократъ, развѣ мы и въ этомъ условивались съ тобою, или только въ томъ, чтобы ты былъ вѣренъ опредѣленіямъ, которыя полагаетъ государство? А если бы мы, слыша это, выразили удивленіе, то законъ, можетъ быть, сказалъ бы: Сократъ, не удивляйся нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай—ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты—скажи, за какую вину нашу, или общественную, ты хочешь погубить насъ? Впервыхъ, не мы ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, отвергаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ нашихъ законовъ, которыми скрѣпляются брачныя узы?—Не порицаю. — А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ и подъ управленіемъ которыхъ образовался самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе этими дѣлами, не хорошо предписали, чтобы твой отецъ далъ тебѣ образованіе?—Хорошо.—Конечно; но, получивъ бытіе, воспитаніе, можно ли тебѣ связать, что ты и не потомокъ нашъ, и не рабъ?—А если такъ, то думаешь-ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что, когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, то имѣешь право не подчиняться нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца и праву господина, если онъ у тебя былъ, потому что, страдая отъ нихъ, тебѣ не позволительно бы было подвергать ихъ самихъ страданію, принимая побои — бить, и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ дѣлать это въ отношеніи къ отечеству и законамъ?... Ты забылъ, что отечество священнѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе и выше ихъ и предъ богами и предъ разумными людьми,—что предъ нимъ должно благоговѣть, и когда оно гнѣвается, покорствоваться ему болѣе, чѣмъ отцу, — что повелѣваетъ ли оно дѣлать—надобно дѣлать, предписываетъ ли страдать — надобно страдать, притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для рабъ и смерти—надобно все исполнять. И вотъ справедливость: не укло-

няться, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что поведѣваетъ городъ и отечество, или ужь показать ему, въ чемъ состоитъ сущность справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво, но въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Чтѣ скажешь на это, Критонъ, правду ли говорятъ законы? — Да, кажется. — Смотри же, Сократъ, продолжали бы, вѣроятно, законы, истинны ли слова наши, что намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ?.. Сперва отвѣчай: правду ли мы говоримъ, что ты обѣщался слѣдовать намъ? Чтѣ сказать на это, Критонъ, не приходится ли согласиться? — Необходимо Сократъ. — Значить, ты нарушаешь заключенныя съ нами условія, сказали бы законы, и забываешь о своемъ согласіи... Поэтому, Сократъ, повинись намъ, не ставъ выше справедливости ни жизни, ничего другаго... Вотъ слова, любезнѣйшій Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ Кориванты слышатъ флейту. Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу винмать ничему другому. Знай же, что ты напрасно сталъ бы утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего убѣжденія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе говори. — Нѣтъ, Сократъ, не могу. — Такъ сдѣлаемъ, Критонъ, то, къ чему ведетъ Богъ. Такъ заключилъ свою рѣчь о законахъ Сократъ. (Соч. Платона-перев. Карпова, ч. 2, стр. 26—34).

Стр. 19: *Спокойствіе, самоуверенность мужественнаго духа, подвизающагося за истину, показываютъ, что Сократъ мало заботился о своемъ оправданіи и былъ убѣжденъ, что ему назначено свыше умереть по приговору суда, и это убѣжденіе побуждало его сдѣлать конецъ жизни его лучшимъ подвигомъ.*

Гротъ, говоря о такомъ взглядѣ Сократа на его миссію, высказываетъ глубокое психологическое знаніе по отношенію къ личности и характеру Сократа.

„Мы не должны“, говоритъ онъ, „удивляться, что Сократъ имѣлъ такое убѣжденіе, если вспомнимъ о томъ всегдашнемъ перевѣсѣ въ Сократѣ внутренняго самосознанія и разумнаго, спокойнаго самообладанія, о томъ при родномъ и еще болѣе разумно-выработанномъ безстрашномъ темпераментѣ, который заставляетъ молчать „то, какъ называетъ Платонъ, дитя въ насъ, которое дрожитъ передъ смертію“; когда вспомнимъ, какъ любилъ онъ то вліяніе, которое производила его бесѣда; или вспомнимъ о томъ, что для него (по его собственному выраженію, приведенному нами изъ „Апологій“ Платона въ текстѣ) „жизнь безъ такихъ діалектическихъ изслѣдованій — не жизнь“, а между тѣмъ преклонный возрастъ (70 лѣтъ) Сократа скоро сдѣлалъ бы невозможнымъ продолженіе подобнаго рода вліянія; если, наконецъ, вспомнимъ, что такимъ образомъ ему представлялся прекрасный случай личнымъ примѣромъ дать самый поучительный урокъ“.

Не забудемъ при этомъ о томъ глубокомъ религіозномъ убѣжденіи Сократа въ своемъ миссіонерскомъ, божественномъ посланничествѣ или призваніи, которое заставляло его въ осужденіи и мученичествѣ его за идею показать высшее свидѣтельство истинно-

сти своего убѣжденія, страдашемъ запечатлѣть святость своего дѣла. Такъ, или иначе, но собственныя слова, сказанныя Сократомъ передъ слѣдствіемъ и передаваемыя Ксенофонтомъ, объясняютъ духъ всей апологіи Сократа на судѣ и обуславливаютъ собою конечный результатъ суда. Когда другъ Сократа Гермогенъ представлялъ ему дурныя послѣдствія небреженія его по отношенію къ защитѣ, онъ отвѣчалъ, что справедливая и безукоризненная жизнь, которую онъ, какъ сознаетъ, всегда велъ, есть самое лучшее приготовленіе къ защитѣ, и что когда онъ разъ было началъ думать о томъ, что лучше говорить, то привычное божественное знаменіе воспрепятствовало ему защищаться. Затѣмъ онъ сказалъ, что не находитъ ничего удивительнаго въ томъ, что боги считаютъ для него лучшимъ смерть, чѣмъ продолженіе жизни. До сихъ поръ онъ жилъ вполне довольный, съ сознаніемъ постоянно возрастающаго нравственнаго совершенства, окруженный великимъ, не ослабѣвавшимъ уваженіемъ своихъ друзей. Если же его жизнь продлится еще, скоро наступятъ преклонныя лѣта; вмѣстѣ съ чувствами зрѣнія и слуха онъ потеряетъ до нѣкоторой степени и часть своихъ духовныхъ силъ; а для него такая жизнь съ постояннымъ ослабленіемъ дѣятельности и достоинства—невыносима. Между тѣмъ, если его теперь осудятъ, это будетъ несправедливо, но это положить пятно на судей его, а никакъ не на него. Къ нему, напротивъ, послѣ этого даже болѣе усилится сочувствіе и уваженіе; каждый сознаетъ, что онъ былъ праведный мужъ и учитель совершенства нравственнаго. Если самъ Сократъ не считалъ осужденія и смерти въ такомъ возрастѣ за несчастіе, но за милость боговъ, которые избавляютъ его отъ тягостнаго чувства упадка духовныхъ силъ и ослабленія его дѣятельности, то его лучший другъ и биографъ Ксенофонтъ, справедливо негодуя на этотъ обвинительный приговоръ, даже представляетъ родъ смерти Сократа, какъ предметъ торжества, какъ самую счастливую, самую высокую и самую легкую смерть, которою боги запечатлѣли благодѣтельную и великую жизнь этого праведнаго мужа и учителя нравственнаго совершенства. Но если все это, заключимъ мы, объясняетъ духъ и форму Сократовой апологіи на судѣ и трагическій исходъ самаго суда, то нисколько не оправдываетъ хотя и ничтожнаго большинства обвинившихъ (чему выразилъ удивленіе Сократъ съ свойственною ему проницательностію), и мы не можемъ смотрѣть безъ негодованія на это обвиненіе, не смотря на все адвокатское искусство знаменитаго историка Греціи въ его апологіи судей Сократа.

Стр. 26: *Такъ погибъ этотъ человекъ, самый простой, самый искренній...*

„Слышать о такомъ свѣтломъ человекѣ, каковъ былъ Сократъ“, пишетъ Гротъ, „слышать, что онъ былъ приговоренъ къ смерти на основаніи обвиненія въ еретичествѣ и мнимомъ развращеніи юношества, нельзя въ настоящее время безъ чувства негодованія, силы котораго я не желаю ослаблять. Дѣло это останется навсегда однимъ изъ тысячи зольъ религіозно-общественной нетерпимости. Но разобравъ всѣ обстоятельства дѣла, мы видимъ, что они смягчаютъ его. Убѣжденіе, что подобнаго рода вещи, какъ еретичество и еретическое воспитаніе молодежи, не должны подлежать судебному разсмотрѣнію, и въ новомъ мірѣ явилось очень недавно, а въ V-мъ столѣтіи до Р. Х. оно было неизвѣстно. Свидѣтельство, которое даетъ Платонъ по этому предмету, очень рѣшительно. Въ своихъ трактатахъ „о республикѣ“ и „о законахъ“ онъ ничего не желаетъ такъ горячо, какъ установить неизмѣнное православіе въ ученіи, мнѣніяхъ и воспитаніи. Учитель иномыслищій и свободно говорящій, каковымъ былъ Сократъ въ Аѣнахъ, не выжилъ бы въ Платоновой республикѣ и одной недѣли, слѣдуя своему призванію. Платонъ, конечно, не осудилъ бы его на смерть, но онъ заставилъ бы его молчать, а въ случаѣ нужды выслалъ бы его изъ республики. Таково послѣдовательное заключеніе, если принять, что государство должно опредѣлять, что такое ортодоксія, и въ чемъ состоитъ правовѣрное ученіе, и если оно должно подавлять то, что противорѣчитъ его взглядамъ на этотъ предметъ. Но въ Аѣнахъ хотя этотъ законъ и былъ признаваемъ, его приложенію противодѣйствовали противорѣчащія силы: демократическое общественное устройство, съ его свободою слова и любовью къ такому слову, и та терпимость, которая уважаетъ какія бы то ни было особенности всякаго лица, простиралась здѣсь гораздо далѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Подъ другимъ греческимъ правленіемъ, каково, наприимѣръ, изложенное въ Платоновой „республикѣ“, Сократъ слишкомъ скоро былъ бы остановленъ на своемъ пути, если бы и не былъ слишкомъ жестоко наказанъ. Въ Аѣнахъ ему позволялось говорить и учить публично съ полною свободой (за исключеніемъ одного раза, когда, во время 30 тиранновъ, Сократу было запрещено преподаваніе) и осудили его тогда, когда онъ уже сталъ старикомъ.

„Сила этого смягчающаго обстоятельства еще болѣе увеличивается, когда мы представимъ себѣ, какъ велико было число личныхъ враговъ, которыхъ Сократъ приобрѣлъ себѣ, занимаясь процессомъ испытанія. Между этими врагами многіе принадлежали къ числу людей, выдававшихся своими личными достоинствами и наиболѣе вліятельныхъ въ республикѣ. Личная антипатія этихъ людей еще болѣе способствовала въ настоящемъ случаѣ къ приведенію въ дѣйствіе противъ ненавистнаго учителя силы спящаго закона. Если при такихъ побудительныхъ причинахъ Сократу было возможно достигнуть семидесятилѣтняго возраста и такъ долго учить открыто, то это ясно доказываетъ силу ограничивающихъ наклонностей народа, котораго практическія привычки были гораздо либеральнѣе, чѣмъ признанные законы... Поэтому при оцѣнкѣ этого возмущающаго дѣла всѣ обстоятельства показываютъ, что законъ нетерпимости въ сердцахъ Аѣнянъ не былъ слишкомъ живымъ и преобладающимъ,

такъ что даже огромное число личныхъ антипатій неохотно побудило направить этотъ законъ противъ одного лица, и слѣдовательно, свободныя и благородныя наклонности, ослаблявшія гибельное вліяніе этого закона, имѣли на народъ постоянное вліяніе и не легко могли быть побѣждены. Такимъ образомъ осужденіе Сократа надобно считать за одинъ изъ менѣе мрачныхъ фактовъ въ общемъ реестрѣ подобныхъ случаевъ“...

Изъ этого, конечно, весьма справедливаго разсужденія, можно, и кажется, должно вывести одно поучительное заключеніе объ абсолютномъ вредѣ закона нетерпимости. Въ самомъ дѣлѣ, если Аѳинскій народъ, при всѣхъ своихъ свободныхъ и благородныхъ привычкахъ къ свободѣ мысли и слова, по временамъ, силою вещей, принужденъ былъ подчиняться возмутительному вліянію закона религиозной и политической нетерпимости; то къ какимъ безобразнымъ и возмутительнымъ общественнымъ явленіямъ можетъ вести стѣсненіе мысли и слова, стѣсненіе свободы преподаванія и внѣшнее вмѣшательство въ дѣло умственнаго образованія и воспитанія въ тѣхъ обществахъ, гдѣ законъ стремится опредѣлить для всѣхъ неизмѣнный канонъ вѣры и апробованный образъ мыслей, при отсутствіи въ самомъ обществѣ возможности воспитать тѣ свободныя и благородныя привычки терпимости въ вѣрованіяхъ и мнѣніяхъ, — которыя, по крайней мѣрѣ, ограничивали бы своимъ противодѣйствіемъ страшную силу закона нетерпимости, преслѣдующаго и подавляющаго всякую свободу мысли и слова и воспитывающаго въ людяхъ, вмѣсто искреннаго и горячаго убѣжденія, внѣшнее лицемерное подчиненіе авторитету и внутреннее невѣріе или индифферентизмъ. Примѣръ сильнѣе правилъ. Осужденіе Сократа, какъ еретика и развратителя юношества, можетъ быть въ этомъ отношеніи самымъ поучительнымъ примѣромъ...

Стр. 26: *Послѣ хвалебныхъ рѣчей, ... въ которыѣ разсматривалась сущность любви, Сократъ развилъ свой взглядъ на любовь философовъ, какъ на стремленіе знать и творить прекрасное.*

Любовь, какъ стремленіе къ истинному, доброму и прекрасному, Сократъ всегда разсматривалъ съ точки зрѣнія нравственно-педагогической (Алк. 1; ср. Лизисъ, Федръ). Въ „Пиршествѣ“ это Сократово воззрѣніе на любовь возведено Платономъ къ значенію именно *идеи педагогической*. Популярному и обще-доступному представленію объ эросѣ (о любви) Платонъ придаетъ значеніе нравственно-религиозное, или точнѣе, психическо-педагогическое. Едва-ли есть во всей классической литературѣ что-нибудь поэтичнѣе и возвышеннѣе этой рѣчи Сократа объ эросѣ (за исключеніемъ рѣчи о томъ же предметѣ въ „Федрѣ“), и въ то же время у Платона едва-ли можно найти что-либо ближе

къ чисто Сократовскому возрѣнію и рельефнѣе по отношенію къ изображенію педагогической дѣятельности Сократа. Вотъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, эта Платоно-Сократовская рѣчь:

„Я скажу рѣчь объ эрость, слышанную мною пѣкогда отъ Мантивнянки Діотимы... но надобно показать сперва, что такое эрость, а потомъ его дѣла“ (Такъ началъ Сократъ свою рѣчь предъ знаменитыми собесѣдниками на Агатоновомъ ипрѣ). „Что бы такое могъ быть эрость? спросилъ я Діотиму.— Это великій геній, Сократъ.— Но какая свойственна ему сила? спросилъ я.— *Истолковывающая* и переносящая къ богамъ человѣческое, а къ людямъ божеское; онъ наполняетъ бездну между тѣми и другими, такъ что имъ связуется все. Черезъ него проходятъ всякое просвѣщеніе и искусство... Онъ въ срединѣ между мудростію и невѣжествомъ. Изъ боговъ никто не философствуетъ, такъ какъ они уже мудры. Точно также не философствуютъ и невѣжды; ибо то-то и тяжело въ невѣжествѣ, что не будучи ни прекраснымъ, ни добрымъ, ни умнымъ, невѣжда совершенно доволенъ собою, а потому не думая, что нуждается въ чемъ-либо, онъ и не стремится къ тому, чего не имѣетъ.— Кто же философствуетъ, Діотима, спросилъ я, если и не мудрецы, и не невѣжды?— Это понятно и ребенку, отвѣчала она, что занимающіе средину между обоими, и что къ нимъ принадлежитъ эрость. Въдъ мудрость стремится къ прекраснѣйшему; а эрость есть любовь къ красотѣ; стало быть, эросу необходимо любить мудрость—быть философомъ, и философъ долженъ занимать мѣсто между мудрецомъ и невѣждой. Причина этого есть его рожденіе отъ отца мудраго и богатаго, отъ матери же не мудрой и неимущей... Тутъ я сказала: пусть такъ, ипостранка... Но если эрость такова, то въ чемъ полезенъ онъ людямъ?— Это, Сократъ, сказала она, я и постараюсь теперь раскрыть тебѣ... Эрость, какъ сказано, есть эрость прекраснаго. Итакъ, если бы кто спросилъ насъ: Сократъ и Діотима! для чего онъ есть любовь къ прекрасному? Или спрошу яснѣе: для чего любить любящій прекрасное?— Чтобъ оно досталось ему.— Но твоимъ отвѣтомъ, Сократъ, возбуждается слѣдующій вопросъ: что будетъ съ тѣмъ, кому достанется прекрасное?— На этотъ вопросъ мнѣ вдругъ не найти отвѣта.— А если бы кто превратилъ его, говорить, и вмѣсто ипрекраснаго поставилъ доброе, и спросилъ: представь, Сократъ, что любящій любитъ доброе: для чего любить онъ?— Чтобъ оно досталось ему.— А что будетъ съ тѣмъ, кому достанется доброе?— На это легче отвѣчать, сказалъ я,— тотъ будетъ счастливъ.— Потому что счастливые, скажемъ, счастливы чрезъ приобрѣтеніе добра. И далѣе уже не нужно спрашивать, для чего желающій быть счастливымъ хочетъ этого. Здѣсь отвѣтъ кажется рѣшеннымъ.— Твоя правда.— Но это желаніе и этого эроса считаешь ли ты общимъ для всѣхъ, и всѣ ли всегда желаютъ добра, или какъ ты думаешь?— Такъ, отвѣчалъ я, оно обще для всѣхъ... — Итакъ, не слѣдуетъ ли положить, что люди любятъ добро?— Да, отвѣчалъ я.— Но не нужно ли прибавить, говорить, чтобы добро было для нихъ? И притомъ, чтобы не только было, но и всегда было?— Это нужно прибавить.— Слѣдовательно, вообще, сказала она, эрость есть желаніе всегдашняго себѣ добра?— Ты весьма справедливо говоришь, промолвилъ я.— Если же это эрость, сказала она, то ревность и стремленіе преслѣдующихъ его по какому способу и дѣятельности называется эросомъ? Какое тутъ бы-

ваешь дѣло, можешь сказать? — Если бы могъ, Діотима, то не удивлялся бы твоей мудрости и не ходилъ бы къ тебѣ учиться этому самому. — Такъ я скажу тебѣ, продолжала она: это есть *рожденіе въ прекрасномъ* какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. — Тутъ нужно искусство прозорливца, чтобы понять твои слова, замѣтилъ я, а мнѣ не понять ихъ. — Но я скажу яснѣе, прибавила она. Всѣ люди бремениють, Сократъ, и по тѣлу, и по душѣ, и какъ скоро придетъ природа наша въ извѣстный возрастъ, она желаетъ родить. Родить же можетъ она не въ безобразномъ, но въ прекрасномъ; потому что соединеніе мужчины и женщины есть рожденіе. Это дѣло божественное: бремение и рожденіе въ животномъ смертномъ есть бессмертное, и въ нестройномъ это быть не можетъ. Нестройное для всего божественнаго безобразно, а стройное прекрасно. Итакъ, эросъ, Сократъ, есть эросъ рожденія и родильнаго плода въ прекрасномъ. — Пускай, сказалъ я... — Какая же причина, думаешь, Сократъ, этого эроса и пожеланія? — Но для того-то, Діотима, я и хожу къ тебѣ, что сознаю нужду въ учителяхъ; ты сама сважи мнѣ о причинѣ этого. — Природа смертная, сказала Діотима, по возможности старается быть бессмертною, а эта возможность заключается только въ этомъ способѣ — чрезъ рожденіе оставлять молодое вмѣсто стараго. Такимъ образомъ сохраняется все смертное, не въ томъ смыслѣ, будто бы оно всегда было совершенно тождественнымъ, подобно божественному, а въ томъ, что отходящее и сostarъвшающееся оставляетъ по себѣ другое новое, каково было само. Вотъ способъ, Сократъ, которымъ смертное дѣлается причастнымъ бессмертія, — какъ тѣло, такъ и все прочее; другой невозможенъ... Но, между тѣмъ, продолжала она, бремениющие тѣлесно обращаются къ женщинамъ и бываютъ послѣдователями эроса этимъ способомъ, думая стяжать бессмертіе чрезъ дѣторожденіе. Бремениющие же духовно... (ибо есть и такіе, говоритъ, которые бремениють въ душахъ еще болѣе, чѣмъ въ тѣлахъ, смотря по тому, что зачинаютъ и чѣмъ бремениють свойственно душѣ. А чѣмъ свойственно? разумностію и прочими добродѣтелями... Величайшее же, говоритъ, дѣло разумности есть мудрость относительно общества и семейства, называемая разсудительностію и справедливостію). Кто, по душѣ будучи божественнымъ, бремениеть съ молодыхъ лѣтъ, тотъ и при наступленіи возраста желаетъ развивать и родить. Какъ бремениющей, онъ и тѣла любитъ больше прекрасныя, чѣмъ безобразныя, но если притомъ встрѣчаетъ прекрасную, благородную и даровитую душу, то уже очень любитъ то и другое, и къ этому человѣку тотчасъ обращаетъ рѣчь о добродѣтели и о томъ, какимъ долженъ быть добрый человѣкъ, чѣмъ слѣдуетъ заниматься и начинать его образованіе. Входя въ связь съ прекраснымъ и бесѣдуя съ нимъ, онъ, думаю, развиваетъ и рождаетъ то, чѣмъ давно бременилъ, — мыслить о прекрасномъ и вмѣстѣ съ нимъ воспитываетъ рожденное, чтобы взаимное общеніе ихъ получило еще болѣе силу, и дружба сдѣлалась еще тверже, чѣмъ чрезъ рожденіе обыкновенныхъ дѣтей, такъ какъ они обобщились въ дѣтяхъ прекраснѣйшихъ и вполне бессмертныхъ... Вотъ эротическая наука, въ которую я посвятила тебя, Сократъ. Но ко вступленію на совершеннѣйшую ея ступень, для которой существуютъ всѣ прежнія, не знаю, способенъ ли ты. Итакъ, я буду спрашивать тебя, а ты старайся слѣдовать за мною. Идущій, говоритъ, правильно въ этому пути, долженъ съ юности начать свое шествіе, и если руководитель

руководствуетъ вѣрно, то сперва любить онъ одно (прекрасное) тѣло и здѣсь рождаетъ прекрасныя рѣчи; потомъ, сообразивъ, что прекрасное въ какомъ-нибудь одномъ тѣлѣ сродно съ прекраснымъ въ другомъ, и какъ скоро надобно преслѣдовать прекрасное родовое, то было бы великимъ безуміемъ не почитать его однимъ и тѣмъ же во всѣхъ тѣлахъ,—онъ долженъ любить всѣ прекрасныя тѣла, а ту сильную любовь къ одному ослабить. Послѣ сего слѣдуетъ ему прекрасное въ душахъ цѣнить выше, чѣмъ прекрасное въ тѣлѣ, такъ что, если бы кто по душѣ благонравный, имѣлъ лицо малоцвѣтущее, и этого довольно, чтобы любить его, заботиться о немъ и стараться родить въ немъ такія мысли, которыя дѣлаютъ юношей лучшими. Такимъ образомъ онъ опять будетъ созерцать прекрасное въ занятіяхъ и законахъ, какъ сродное себѣ, а красоту тѣлесную уже презирать. Отъ занятій ему надобно возводить любимца къ знаніямъ, чтобы послѣдній испыталъ красоту познаній, и смотря уже на прекрасное многообразное, не любилъ болѣе красоты въ одномъ прекрасномъ человѣкѣ или занятіи, будто рабъ, чтобы, служа ему, не сдѣлаться ограниченнымъ или мелочнымъ, не обратившись къ обширному строю красоты и созерцая различныя, прекрасныя и величественныя рѣчи, порождая мысли въ нѣдрѣхъ независтливой философіи, пока укрѣпившись въ этомъ, не усмотритъ такого единаго знанія, которое есть знаніе прекраснаго самого въ себѣ. Постарайся теперь, говорить, слушать меня со всѣмъ вниманіемъ, съ какимъ только можешь. Кто возведенъ до этой степени послѣдовательнаго и вѣрнаго созерцанія красоты, тотъ, приближаясь уже къ концу, вдругъ узритъ нѣкоторое дивное по природѣ прекрасное,—то самое, Сократъ, ради котораго предпринимаемы были всѣ прежніе труды. Впервыхъ, оно всегда существуетъ и ни рождается, ни погибаетъ, ни увеличивается, ни оскудѣваетъ; потомъ оно не таково, что по одному прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другаго безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно... Всѣ прочія прекрасныя вещи приходятъ въ общеніе съ нимъ такъ, что когда они рождаются и уничтожаются, оно не дѣлается ни болѣе, ни менѣе и ничего не терпитъ. Итакъ, кто чрезъ правильную любовь къ дѣтямъ началъ бы созерцать то прекрасное, тотъ достигъ бы самой цѣли. Ибо правильное шествіе, или водительство (педагогія) со стороны другаго къ предметамъ эротическимъ въ томъ и состоитъ, чтобы, начавъ съ тѣхъ прекрасныхъ вещей, всегда подниматься выше, какъ бы по лѣстницѣ, отъ одного къ двумъ, отъ двухъ ко всѣмъ прекраснымъ тѣламъ, отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ душамъ и занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ знаніямъ съ сѣбою перейти къ той наукѣ, которая есть наука самаго прекраснаго и таиннымъ образомъ совершенно узнать, что есть прекрасное. Тогда-то жизнь, любезный Сократъ, болѣе, чѣмъ когда, бываетъ полна въ человѣкѣ, созерцающемъ само прекрасное... Если бы кому досталось узрѣть само прекрасное, истинное, чистое, не оскверненное человѣческою страстію, узрѣть само божественно-прекрасное: думаешь ли, что худа была бы жизнь человѣка, созерцающаго то и обращающагося съ тѣмъ, съ чѣмъ должно? Не ясно ли, что тогда ему одному, созерцающему красоту, чѣмъ можно созерцать, возможно бы было родить не образы добродѣтели, а истинное, такъ какъ онъ созерцалъ истину? Рождая же и воспитывая добродѣтель истинную, не сдѣ-

дился ли бы онъ любовнымъ Богу и безсмертнымъ больше, чѣмъ кто другой изъ людей?...

„Вотъ что говорила Диотима, а я вѣрю и стараюсь увѣрять другихъ, что лучшаго, чѣмъ эросъ, помощника человѣческой природѣ имѣть нельзя. Поэтому утверждаю, что эроса долженъ чтить каждый, и самъ я что дѣло эротическое, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ...“

Стр. 35: *Сократъ ставилъ какъ основной принципъ изслѣдованія о человѣческой природѣ — самосознаніе, необходимость психологическихъ данныхъ для выводовъ о законахъ образованія характера и правилъ воспитанія.*

Идея о необходимости самопознанія, какъ необходимаго условія для рѣшенія вопроса, какъ воспитать себя для жизни, съ поразительною силой и глубиною раскрыта Сократомъ въ „Алквиадѣ первомъ“, въ которомъ болѣе, чѣмъ въ другихъ діалогахъ Платона, виднѣнъ чистый Сократъ, развивающій основанія для выводовъ, которые однакожь не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ слушателя плодотворное сѣмя для самостоятельнаго развитія мысли, — Сократъ, возбуждающій и унимающій боли умственного рожденія своимъ дивнымъ искусствомъ — τέχνη μαεωτική. Поэтому еще древніе весьма цѣнили этотъ разговоръ, совѣтуя съ него начинать изученіе Платоновыхъ разговоровъ (См. Соч. Платона въ переводѣ Карпова, ч. 2, стр. 377). Приводимъ классическое мѣсто изъ этого разговора, которое должно служить подтвержденіемъ и разъясненіемъ нашего положенія.

„Скажи, Алквиадъ, посредствомъ какого искусства можно бы намъ заботиться о самихъ себѣ?“ — Алквиадъ: Не умѣю сказать. — Сократъ: „Знали ли бы мы, какое искусство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?“ — Не возможно. — „Равно какъ и искусство дѣлать лучшіе перстни, не зная перстня?“ — Да. — „Что же? Можно ли намъ знать, какое искусство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?“ — Нельзя. — „А легкое ли дѣло — *узнать себя*, какъ написано на пнейскомъ храмѣ, или оно трудно и не всякому по силамъ?“ — Эта надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда очень трудною. — „Легка опа, или нѣтъ, Алквиадъ, — но нами положено, что зная себя, мы узнали бы, какъ позаботиться о насъ самихъ, а не зная перваго нельзя знать и послѣдняго“. (Показавъ затѣмъ, что душа, управляющая тѣломъ, есть въ человѣкѣ главное, Сократъ дѣлаетъ выводъ, что „познать самаго себя значитъ познать свою душу“, которая и должна быть предметомъ нашихъ попеченій). „Мы исполнѣ согласились, продолжалъ Сократъ, что такое мы, и только опасались, какъ бы не ошибиться, и по незнанію не направить своего попеченія къ чему другому, вмѣсто насъ самихъ. Теперь же намъ остается заботиться о душѣ и ее имѣть въ виду“. — Очевидно. — „Какъ же бы намъ уразумѣть это требованіе со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы, какъ видно, познаемъ и самихъ себя. Скажи, не понятно ли для насъ то, что говоритъ Дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?“ — Къ чему кло-

вится вопросъ твой, Сократъ?—„Я скажу тебѣ, какой смыслъ и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ должно быть не много; сузу только по зрѣнію.“— Чтѣ ты хочешь сказать?—„Подумай самъ. Если бы она совѣтовала глазу, какъ теперь человѣку, и сказала: гляди на самаго себя; то какъ поняли бы мы ея совѣтъ? Не на то ли смотрѣть убѣждала бы она его, на чтѣ смотря, онъ видѣлъ бы себя?“— Очевидно.— „Вкликнемъ же, на чтѣ въ раду вещей должны мы глядѣть, чтобы видѣть и самихъ себя?“— Явно, Сократъ, что на зеркало или на что другое въ этомъ родѣ.—„Ты говоришь вѣрно. Но пѣтъ ли чего-нибудь такого и въ самомъ глазѣ, которымъ мы смотримъ?“— Конечно, есть.—„Значитъ, ты замѣтилъ, что кто смотритъ на глазъ, того лицо въ противоположномъ ему глазѣ отражается, какъ въ зеркалѣ, которое мы называемъ зрачкомъ, какъ бы, то-есть, образомъ лица смотрящаго? Слѣдовательно, глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно то, чѣмъ онъ смотритъ? Итакъ, желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ -- на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, чтѣ, вѣроятно, есть зрѣніе.“— Такъ.— „Подобно тому и душа, любезный Алкивиадъ, если хочеть знать себя, не должна ли смотрѣть на душу, особенно на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ ея сила (мудрость) и на другое тому подобное?“— Мнѣ кажется, Сократъ.— „Но можемъ ли мы пайти въ душѣ что-либо божественнѣе того, чѣмъ познаемъ и мыслимъ?“— Нѣтъ.— „Слѣдовательно, эта часть души походитъ на божественное, и кто смотря на нее, познаеть все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно познаеть и себя самаго.“— Очевидно...— „А не зная самихъ себя, можемъ ли мы знать свое зло и добро?“— Да какъ же это могло бы быть, Сократъ?— Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ, не зная Алкивиада, знать Алкивиадово, то-есть, что оно принадлежитъ Алкивиаду.— Это, клянусь Зевсомъ, не возможно.— „Слѣдовательно и наше, чтѣ оно наше, не зная самихъ себя, нельзя знать?“— Да какъ же иначе?— „А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, чтѣ относится къ нашему?“— Очевидно, нельзя.— „Потому что знать все это, то-есть, знать себя, свое и относящееся къ своему, есть дѣло, кажется, одного и того же искусства... Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ же причинамъ, не можетъ знать и чужаго? Ибо онъ не будетъ знать, чтѣ дѣлаетъ?“— Безъ сомнѣнія.— „Не зная же этого, не будетъ ли погрѣшнать?“— Конечно.— „А кто ошибается, тотъ не причиняетъ ли зла и дома, и въ обществѣ?— Какъ не причинять!— „Дѣлающій же зло не жалокъ ли?“— И очень.— „А тѣ, кому онъ дѣлаетъ зло?“— И тѣ, также.— „Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ знанія и добродѣтели, тотъ не можетъ быть счастливымъ.“— Конечно, не можетъ...— „Стало быть, добродѣтель ты долженъ напередъ приобрѣсти самъ, или вообще тотъ, кто стремится принять, на себя попеченіе не только частно о себѣ, но и еще объ обществѣ и общественномъ?“— Ясно...— „Потому что дѣйствуя справедливо и мудро, вы будете дѣйствовать богоугодно, и какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать взирая на божественное и свѣтлое“— Очевидно.— „А взирая на это, увидите и познаете, какъ себя самихъ, такъ и свои блага.— Тогда ваши дѣла не будутъ ли справедливы и добры?“— Такъ.— „Если же такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы.“— Порука весьма вѣрная.— „Напротивъ, дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное, а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная самихъ себя,

станете совершать подобныя тому и дѣла?⁴ (Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое θεῶν καὶ λαμπρὸν — и поступаетъ сообразно этому идеалу человѣческаго совершенства такъ не знающій себя не видитъ въ себѣ ни бога, ни свѣта, есть ἀθεὸς καὶ σκοτεινός, и слѣдовательно, чуждъ богоподобія въ своемъ поведеніи, не зная святыхъ идеаловъ и разумныхъ цѣлей жизни). — Вѣроятно“....

Стр. 35: *Внутреннее соприкновение идеи моральной съ идеей научною составляетъ самую могущественную сторону философіи Сократа...*

Въ „Протагорѣ“, который, по признанію всѣхъ изслѣдователей, между разговорами Платона болѣе всѣхъ запечатлѣнъ характеромъ именно Сократовой философіи, Сократъ развиваетъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, которыя онъ доказываетъ со всею силой своего индуктивнаго метода: если каждое добродѣтельное свойство, какъ-то, справедливость, святость, благоразуміе и мужество, основываются на мудрости или знаніи, то ясно, что добродѣтель есть знаніе, и что она можетъ быть изучаема, можетъ быть предметомъ науки. Сократъ формулируетъ окончательный результатъ своихъ изслѣдованій по этому предмету въ заключеніи разговора съ Протагоромъ слѣдующими словами, проникнутыми духомъ истинно-Сократовой проницательности:

„Теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ настигивающаго докладчика; онъ, если бы могъ, сказалъ бы: какъ вы странно, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде предполагая, что добродѣтели учить нельзя, теперь хочешь противнаго, доказывая, что всѣ виды добродѣтели — и справедливость, и святость, и разсудительность, и мужество, — суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде утверждалъ, что добродѣтель изучима, а теперь домогается, повидимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всѣмъ, лишь бы только не знаніемъ: но подъ этимъ условіемъ она не можетъ быть предметомъ науки“...

Сокращеніе всѣхъ изслѣдованій Сократа по этому предмету въ разговорѣ съ Протагоромъ представляетъ слѣдующее мѣсто Платонова „Менона“, хотя заключеніе этого разговора непонятнымъ для насъ образомъ противорѣчитъ всѣмъ основнымъ послышкамъ и особенно коренному и всеобщепризнанному убѣжденію Сократа въ этомъ предметѣ:

„Если добродѣтель есть знаніе, то ей можно учиться“, говоритъ Сократъ. — Менонъ: какъ же иначе? — Сократъ: „Видно послѣ этого надобно разсмотрѣть, есть ли добродѣтель знаніе, или она отлична отъ знанія“. — И мнѣ кажется, что послѣ этого нужно именно такое изслѣдованіе. — „Что же? Не назовемъ ли мы добродѣтель самымъ добрымъ, оставаясь вѣрными тому положенію, что

она есть самое добро?“—Безъ сомнѣнія.—„Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія, то добродѣтель уже не будетъ знаніемъ. Напротивъ, когда нѣтъ ничего добраго, что не условливалось бы знаніемъ,—не справедливо ли думали бы мы, что добродѣтель и есть знаніе?“—Такъ.—„Но мы добры вѣдь добродѣтелию?“—Да.—„А если добры, то и полезны, потому что все доброе—полезно. Не такъ ли?“—Да.—„Слѣдовательно, добродѣтель и полезна?“—Изъ допущеннаго это необходимо.—„Возьмемъ же все порознь и рассмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ... Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, мудрость и другое тому подобное?“—Допускаю.—„Вникни же: которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ знанія, и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ, и иногда приносятъ пользу, каково, напримѣръ, мужество, когда оно не разсудительно, а походить на дерзость? Не правда ли, что человѣкъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ — пользу?“—Да.—„Не тому же ли подлежатъ и разсудительность, и справедливость? Познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума вредно?“—Безъ сомнѣнія.—„Слѣдовательно, всё вообще преднамѣренія и усилія души, подъ руководствомъ разумности, ованчиваются счастіемъ, а подъ руководствомъ безумія — противнымъ тому?“—Вѣроятно такъ.—„Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ и необходимо полезно, то надобно, чтобъ она была разумною, такъ какъ все само по себѣ и не полезно, и не вредно, а подъ условіемъ разумности или безумія либо вредно, либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть разумность“—Мнѣ такъ кажется.—„Но мы добродѣтель признали полезною?“—Конечно.—„А разумность признали добродѣтелию—всецѣлою или нѣкоторую ея частію?“—Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, весьма хороши.—„Если же такъ, то добрые—добры не отъ природы“.—„Кажется, нѣтъ.“—„Но когда добрые—добры не отъ природы, то, видно, отъ науки?“—Мнѣ кажется, что это признать необходимо. Да и изъ самаго предположенія слѣдуетъ, Сократъ, что, если добродѣтель есть знаніе, то она изучима“... (См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. 2. стр. 187—191).

Стр. 38: *Самоуверенное невѣжество есть главный порокъ, противъ котораго Сократъ направлялъ безпощадный огонь своего перекрестнаго допрашиванія.*

„Сократъ. „Кто чего не знаетъ, того душа въ томъ и заблуждается. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе?“—„Алкивиадъ: Конечно, не знаю...—„Но не самъ ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣты о справедливомъ и несправедливомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и вредномъ? Не очевидно ли, слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ вещей?“—„Кажется.—„Но знаешь ли ты, какимъ образомъ взойти на небо?“—„Клянусь Зевсомъ, не знаю.—„И не заблуждаешься въ этомъ?“—„Конечно.—„А знаешь ли почему, или же сказать тебѣ почему?“—„Скажи.—„Причина та, другъ мой, что не зная этаго, ты и не считаешь себя знающимъ... Смотри вмѣстѣ со мною: чего ты не знаешь, и знаешь, что не знаешь, въ томъ заблуждаешься ли? Напримѣръ, ты вѣрно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье? Поэтому самъ ли думаешь, какъ приготовить его, и заблуждаешься, или поручаешь знающему?“—„Поручаю знающему.—

„Ну, а плывя на кораблѣ, думаешь ли, какъ держать руль—вправо или влѣво—и заблуждаешься, такъ какъ не знаешь этого, или поручаешь кормчему, а самъ остаешься въ покоѣ?“—Поручаю кормчему.—„Значить ты не заблуждаешься въ томъ, хотя не знаешь, если знаешь, что не знаешь... Итакъ, понимаешь ли, что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ такого незнанія, которое бываетъ у человѣка, когда онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ?“—Какъ это?“—Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда увѣрены въ своемъ знаніи того, что хотимъ дѣлать?“—Да.—„А кто увѣренъ, что самъ не знаетъ, тотъ поручить это дѣло другимъ? Поручая же ихъ знающимъ, онъ въ отношеніи къ дѣламъ ему неизвѣстнымъ живетъ безъ ошибокъ?“—Да.—„Итакъ, кто ошибается?—ужь, конечно, не тѣ, которые знаютъ?“—Разумѣется.—„Если же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ того, чего не знаютъ; то остаются ли еще другіе крошѣ тѣхъ, которые, не зная, самоувѣренны въ своемъ знаніи?“—Только эти.—„Значить, это-то незнаніе, это низкое невѣжество и есть причина всѣхъ пороковъ. И неправда ли, что оно особенно гибельно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности. Но можешь ли ты указать вещи важнѣе справедливаго, прекраснаго, добраго и полезнаго? А не въ этомъ ли ты заблуждаешься?“—Въ этомъ.—„Если же заблуждаешься, то не явно ли, что этихъ важнѣйшихъ предметовъ ты не только не знаешь, но и не зналъ, воображаешь, будто знаешь?... Бѣдный Алкивиадъ! Какъ жалко твое состояніе! Я не рѣшился бы и назвать его, но какъ мы одни, — скажу: вѣдь, ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ! Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь этою болѣзнію, между людьми болшинство, за нѣкоторыми только исключеніями, подобныхъ тебѣ“... (Сочиненія Платона, пер. Карпова, ч. 2, стр. 412—416).

Стр. 43: *Сократъ съ особенною силою указывалъ на телеологическій принципъ..., что счастье и благо каждаго связано съ счастьемъ челоѣчества.*

Въ большей части разговоровъ Платона, но особенно въ „Эвтидемѣ“ Сократъ настойчиво и нѣсколько разъ въ одномъ эпизодѣ разговора, съ преднамѣренною педагогическою цѣлію (въ бесѣдѣ съ маленькимъ сыномъ Аксіоха Клиніемъ, направленной противъ софистическихъ словозвѣтій Эвтидема и Діонисіодора) выражаетъ мысль, что счастье и благо челоѣческое есть конечная цѣль жизни; итакъ, способствованіе счастью есть послѣдній принципъ телеологій, какъ искусства жизни, которое Сократъ называетъ *искусствомъ дѣлаться добрымъ*, и задача науки, соответствующей этому искусству, по буквальному выраженію Сократа, *содѣлать челоѣка счастливымъ и добрымъ, путемъ знанія, съ помощію котораго мы могли бы хорошо и счастливо провести свою жизнь.*

„Не удивляйся, Клиній, сказалъ я (Сократъ), если такой разговоръ кажется тебѣ необычнымъ. Можетъ-быть, ты не замѣчаешь, что дѣлаютъ съ тобою эти иностранцы (Эвтидемъ и Діонисіодоръ). Они дѣлаютъ то самое, что

бываетъ въ таинствахъ Коривантовъ... Если ты бываешь посвящаемъ, то знаешь, что этотъ обрядъ начинается плясками и шутками; точно такъ же теперь пляшутъ вокругъ тебя и шутать Эвтидемъ и Діонисіодоръ, чтобы потомъ ты могъ быть посвященъ. Итакъ, представь себѣ, что ты слышалъ начало софистическихъ церемоній..., которое, какъ говоритъ Продикъ, первѣе всего состоитъ въ уразумѣніи значенія и употребленія названій (словъ)... Такіе-то уроки я называю шутками; а шутки—это потому, что если бы кто-нибудь узналъ многія и даже всѣ подобныя вещи, все еще не зналъ бы, каково самое дѣло. Шутить можно съ людьми, подставляя имъ различныя значенія словъ, какъ ногу, чтобы они споткнулись и упали, или отодвигая сзади скамейку, когда кто хочетъ сѣсть, чтобы позабавиться и посмѣяться, какъ онъ опрокинется на спину.... Итакъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, до этой поры вы шутили, и можете-быть, довольно уже напутались. Теперь постарайтесь убѣдить мальчика, что должно любить мудрость и добродѣтель. Впрочемъ, я сперва выскажу, какъ понимаю, чего хочу отъ васъ, и если покажусь невѣждой и человѣкомъ смѣшнымъ, вы не смѣйтесь надо мною, потому что одна жажда вашей мудрости возбуждаетъ во мнѣ смѣлость лепетать предъ вами. Итакъ, слушая меня, удержитесь отъ смѣха; а ты, сынъ Аксіоха, отвѣчай.—Точно ли всѣ люди желаютъ счастья?—Но можетъ-быть, это одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ, которыхъ теперь я такъ боюсь? Можетъ-быть, глупо и спрашивать объ этомъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто не желаетъ себѣ счастья? — Конечно, такихъ нѣтъ, отвѣчалъ Клиній.—„Положимъ, сказалъ я; но далѣе: желая себѣ счастья, какъ сдѣлаться счастливымъ? Не значить ли это — получить много добра? Или можетъ быть этотъ вопросъ еще глупѣе прежняго? Вѣдь дѣло ясно и само по себѣ“.—„Безъ сомнѣнія.“—„Пусть такъ; но между вещами что называется добромъ? Или, можетъ-быть, и это найти столь же легко? Можетъ-быть, всякій скажетъ, что добро есть богатство. Не правда ли?“—Правда, отвѣчалъ Клиній.—„Что оно состоитъ также въ здоровьѣ, красотѣ и прочихъ тѣлесныхъ совершенствахъ?“—„Соглашаюсь.“—„Но и благородство, и сила, и почести—не меньше добро?“—„Конечно.“—„А нѣтъ ли еще чего-нибудь хорошаго? Напримѣръ, быть разсудительнымъ, справедливымъ, мужественнымъ? Можетъ-быть, иные недоумѣваютъ въ отношеніи этого предмета; а ты какъ думаешь?“—Я почитаю это добромъ, отвѣчалъ Клиній.—„Хорошо; но къ чему отнестъ мудрость: къ добру, или къ чему другому?“ — Къ добру.—„Вѣдь ты знаешь, что флейщики въ отношеніи къ игръ на флейтѣ—люди самые счастливые?“—Знаю.—„То же надо сказать и о грамматистахъ, въ отношеніи къ искусству читать и писать?“—Безъ сомнѣнія.—„Почитаешь ли кого-нибудь разумнѣе коричаго во время морской бури?“—Нѣтъ.—„А во время войны, съ кѣмъ бы охотнѣе ты согласился раздѣлять судьбу: съ мудрымъ полководцемъ, или не мудрымъ?“—Съ мудрымъ.—„Во время болѣзни кому бы охотнѣе ввѣрился: мудрому ли врачу, или несвѣдущему?“—Мудрому.—„Стало быть, говоря вообще, лучше имѣть дѣло съ знающимъ, чѣмъ съ невѣждою?“—Конечно.—„Слѣдовательно, мудрость вездѣ дѣлаетъ людей счастливыми, съ нею нѣтъ не ошибается, но всѣ поступаютъ правильно и удачно.—А когда мы согласились въ этомъ главномъ, я спросилъ Клинія и о другихъ прежде допущенныхъ положеніяхъ. Мы допустили, сказалъ я, что человѣкъ бываетъ счастливъ, какъ скоро у него много добра“.—Допустили.—„Но благоденствовать при настоящихъ благахъ

тогда ли мы можемъ, когда они полезны намъ, или когда не полезны? — Когда полезны, отвѣчалъ онъ. — „Полезны же они, когда мы только имѣемъ ихъ, а не употребляемъ? Напримѣръ, полезно ли имѣть много пищи — и не ѣсть, много питья — и не пить?“ — „Вовсе нѣтъ, сказалъ онъ. — „Вообрази же теперь, что художники приобрѣли все нужное для нихъ и однакожь не употребляютъ приобретеннаго; счастливы ли они отъ того, что у нихъ есть все нужное? Представь, напримѣръ, что плотникъ приобрѣлъ всѣ инструменты и нужныя деревья, а ничего не строитъ: полезно ли ему это приобретение?“ — „Ни мало. — „Что же? Кто приобретаетъ богатство и всѣ другія блага, о которыхъ мы недавно упоминали, а не употребляетъ ихъ, тотъ благоденствуетъ ли отъ приобретения этихъ благъ?“ — „Нѣтъ, Сократъ. — „Слѣдовательно, кто хочетъ быть счастливымъ, тому надобно не только приобрести эти блага, но и употреблять ихъ, если одно приобретение не приноситъ никакой пользы?“ — „Правда. — „Итакъ, для счастья человѣка, Кливій, необходимо какъ приобретение благъ, такъ и употребленіе ихъ?“ — „Кажется. — „Но употребленіе правильное, спросилъ я, или неправильное?“ — „Правильное. — „Ты хорошо отвѣчаешь, Кливій, потому что употреблять ихъ неправильно гораздо вреднѣе, чѣмъ вовсе не употреблять: первое худо, а послѣднее ни худо, ни хорошо. Не такъ-ли?“ — „Подтвердилъ. — „Что же? При обработкѣ деревьевъ можетъ ли что содѣйствовать правильному употребленію ихъ, кромѣ знанія, свойственнаго плотнику?“ — „Ничто, сказалъ онъ. — „Не знаніе ли также содѣйствуетъ выдѣлѣ правильныхъ сосудовъ?“ — „Да. — „А для того, сказалъ я, чтобы правильно пользоваться всѣми прежде упомянутыми нами благами, знаніе ли должно идти впередъ и сообщать направленіе дѣятельности, или что другое?“ — „Знаніе, отвѣчалъ онъ. — „Слѣдовательно, знаніе, какъ видно, при всякомъ приобретеніи и дѣйствіи, доставляетъ людямъ благо и счастье?“ — „Соглашаюсь. — „Итакъ, скажи, ради Зевса, спросилъ я: есть ли какая-нибудь польза отъ всѣхъ приобретений безъ знанія и мудрости? Полезно ли человѣку много приобретать и дѣлать, когда въ немъ нѣтъ ума, или полезнѣе не многое съ умомъ? Смотри такъ: не тотъ ли менѣе грѣшитъ, кто менѣе дѣлаетъ? Не тотъ ли менѣе несчастенъ, кто менѣе ошибается? Не тотъ ли менѣе бѣдствуетъ, кто менѣе несчастливъ?“ — „Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — „Но кто менѣе можетъ дѣлать: бѣдный или богатый?“ — „Бѣдный. — „Слабый или сильный?“ — „Слабый. — „Мужественный или робкій?“ — „Робкій. — „Слѣдовательно, менѣе также гнѣивый, чѣмъ дѣятельный?“ — „Допустимъ. — „Менѣе медленный, чѣмъ быстрый, и менѣе тотъ, кто имѣетъ тупое зрѣніе и слухъ, чѣмъ тотъ, у кого чувства остры?“ — „Во всемъ этомъ мы согласились. — „Значитъ, всѣ вообще блага, о которыхъ мы говорили, Кливій, продолжалъ я, надобно понимать не такъ, что они блага сами по себѣ, но, какъ видно, слѣдующимъ образомъ: если управляетъ ими невѣжество, то они бываютъ большимъ зломъ, чѣмъ противоположное имъ, потому что могутъ служить успѣшнѣе злему началу, которое управляетъ ими. Если же, напротивъ, они находятся во власти знанія и мудрости, тѣмъ становятся большимъ добромъ“. — „Кажется, въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ ты говоришь. — „Что же теперь остается заключить изъ нашихъ словъ? Не то ли, что нѣтъ ничего ни добраго, ни злаго, что одна мудрость — добро, и одно невѣжество — зло?“ — „Согласился. — „Разсмотримъ же остальное, сказалъ я. Всѣ мы сильно желаемъ быть счастливыми; а счастье для насъ возможно, какъ видно, подъ условіемъ не только

употребленія, но еще правильнаго употребленія вещей,—правильное же употребленіе и счастье доставляются знаніемъ; слѣдовательно, каждый человѣкъ необходимо долженъ всѣми силами приготовить себя въ тому, чтобы быть знающимъ. Не такъ ли?“—Такъ, сказалъ Клиній.—„Да, Клиній, продолжалъ я, если только можно учить мудрости“. — Но мнѣ думается, Сократъ, что мудрости учить можно, промолвилъ онъ.—„Прекрасно сказано, мудрѣйшій изъ мужей, отвѣчалъ я, обрадовавшись. Если же она, по твоему мнѣнію, изучима и одна въ состояніи доставить человѣку счастье и благополучіе, то не почете ли нужнымъ устремиться своею мыслію къ приобрѣтенію ея?“ — Конечно, Сократъ, отвѣчалъ онъ, и сколько возможно болѣе. Выслушавъ это съ радостію, я сказалъ: „вотъ образецъ пропедевтической бесѣды, какой мнѣ хочется, Діонисіодоръ и Эвтидемъ... Раскройте этому ребенку то, что я оставилъ безъ изслѣдованія, долженъ ли онъ стараться приобрѣсти всякое знаніе, или какое-нибудь одно, которое сдѣлало бы его человѣкомъ счастливымъ и добрымъ и въ чемъ состоитъ оно...“ Запутавшись въ отыскиваніи такого знанія которое содѣлывало бы насъ счастливыми, я и самъ уже закричалъ изо всей силы, прося иностранцевъ и призывая ихъ, какъ Діоскуровъ, спасти насъ — меня и дитя—отъ этого тревожнаго разговора и не шута показать, въ чемъ состоитъ та наука, съ помощію которой мы могли бы хорошо вести себя“... (Сочиненія Платона, въ переводѣ Карпова, ч. 1, стр. 172—180, 195).

Въ приведенномъ уже нами выше отрывкѣ изъ Алкивиада перваго, мы видѣли, что Сократъ отыскалъ это великое знаніе и превосходно раскрылъ, въ чемъ состоитъ оно. Это наука — о существѣ человѣчскомъ, наука познанія самаго себя, состоящая въ знаніи души, это психологія, какъ основа неологіи, соотвѣтствующей „искусству заботиться о себѣ, воспитывать себя, чтобы хорошо вести свою жизнь“.

Стр. 44: *Таковы существенныя черты того идеала человеческаго счастья, который Сократъ считалъ цѣлію человеческой жизни и принципомъ морали.*

Въ эпизодической бесѣдѣ съ Калликломъ въ „Горгіѣ“ Сократъ превосходно развиваетъ свой взглядъ на этотъ предметъ, какъ съ отрицательной стороны, при чемъ рѣчь его, по обычаю, проиницирована благодушною ироніей, такъ и въ положительной формѣ, когда слова его достигаютъ высокаго пафоса и непоколебимой силы убѣжденія.

Сокр. „Я говорю, что каждый долженъ начальствовать надъ собою“. Кал. Что ты говоришь: начальствовать надъ собою?—„Ничего хитраго; я говорю, какъ обыкновенно говорятъ: быть разсудительнымъ, удерживать самого себя, начальствовать надъ своими страстями и пожеланіями“. — Да какъ же быть счастливымъ человѣку, который чему-нибудь рабствуетъ? Теперь говорю тебѣ смѣло: по природѣ то я прекрасно, то и справедливо, что желающій жить надлежащимъ образомъ собственныя пожеланія оставляетъ во всей силѣ и не обуздываетъ ихъ, но сколько бы велики они ни были, удовлетворяетъ имъ посредствомъ мужества и благоразумія и осуществляетъ все, чего бы ни захотѣлось... По существу-то истины должно быть такъ: роскошь, не-

воздержаніе и свобода — вотъ добродѣтель и счастье, а всѣ прочія раскрашенныя представленія, всѣ эти противныя природѣ сплетенія — ничего не стоющая человѣческая болтовня.—„О, да ты свою рѣчь, Калликъ, развиваешь довольно отважно... Прошу же тебя отнюдь не спускаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ обнаружилось, какъ надобно жить... Слѣдовательно, люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми?... Однакожь и такаа жизнь, какую ты разумѣешь, весьма бѣдственна. Въ этомъ случаѣ я не удивляюсь, что слѣдующіе стихи Эврипида заключаютъ въ себѣ истину: <Кто знаетъ: жизнь не есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь?> Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ умерли, что я уже и слышалъ отъ одного мудреца, по словамъ котораго мы теперь мертвы и тѣло нашъ гробъ, а часть души, заключающая въ себѣ пожеланіе, есть какъ бы нѣчто измѣняющееся въ своихъ убѣжденіяхъ (*ἀναπειθεαί*), нѣчто перенападающее (*μεταπίπτειν*) туда и сюда. Это, конечно, одинъ высокоумный мужъ, измѣнивъ немного слова и приспособивъ въ выраженіи *πίθων* и *πίστιχον* (удобоубѣдимое и довѣрчивое), назвалъ *πίθον* (бочкою), а бессмысленнымъ далъ названіе *ἀρσύφον* — не посвященныхъ или не загражденныхъ; и въ этихъ не посвященныхъ или не загражденныхъ часть души, заключающую пожеланіе, за ея ненасытность, уподобилъ дыравой бочкѣ... Въ адѣ эти не посвященные (то-есть, незакупоренные) должны быть весьма несчастны: они въ дыравую бочку носятъ воду другою дыравою вещію — рѣшетомъ. Подъ словомъ же „рѣшето“ мой собесѣдникъ разумѣлъ душу и душу людей несмысленныхъ, какъ бы дыравую, такъ какъ она, страдая непостоянствомъ (*δι' ἀπιστίαν*) и забвеніемъ, не можетъ быть закупорена. Все это, конечно, страшновато, однакожь ясно открываетъ, что хотѣлъ бы и доказать тебѣ, если бы могъ убѣдить тебя вмѣсто жизни ненасытной и невоздержной избрать жизнь благонравную и всегда довольную. Или сколько бы мнѣ не пересказать подобныхъ басенъ, ты не переимѣнишь своего образа мыслей? Постой однакожь, я раскрою тебѣ еще одно подобіе изъ той же школы. Слушай: жизнь разсудительную и жизнь невоздержную не найдешь ли ты похожими на то, какъ если бы у каждаго изъ двухъ человѣкъ было множество бочекъ: у одного онѣ пусть будутъ дѣлы и наполнены то виномъ, то медомъ, то молокомъ и пр., стало быть, наполнивъ ихъ, онъ уже и не доливаешь, и не заботится, но въ этомъ отношеніи покоенъ. У другаго, напротивъ, жадности съ такимъ же трудомъ приобрѣтаются, да еще и сосуды дыравы—протекаютъ: поэтому онъ принужденъ доливать ихъ денно и ночью и испытывать крайнее недовольство. Если же жизнь того и другаго дѣйствительно такова, то которую назовешь ты болѣе счастливою, жизнь человѣка невоздержнаго или довольнаго?—Но, Сократъ, тотъ съ полными бочками уже не чувствуетъ никакого удовольствія, но живетъ, подобно камню, то-есть, наполнивъ ихъ, и не радуется, и не скорбитъ. Жизнь пріятная, напротивъ, та, въ которой совершалось бы наиболѣе притоковъ. Но необходимо, чтобы при множествѣ втеченій много и уходило, и для истоковъ были бы какой-нибудь величины скважины...—Стало быть, ты говоришь о жизни не камня, а турухтана (птица, живущая въ расщелинахъ горъ и чрезвычайно прозорливая — символъ нравственной ненасытности. *Arist. Hist. an. VIII, 358*). Но не поставишь ли ты жизни въ томъ, чтобы алкать, и алкая, вѣсть? Чтобы жадать, и, жаждая, пить?—Говорю тебѣ, Сократъ, что жить—значитъ имѣть всѣ во-

обще пожеланія, и бывъ въ состояніи удовлетворять ихъ, радоваться.— „Прекрасно, добрякъ, продолжай, какъ началъ, только бы не стыдиться. Впрочемъ, и я, какъ видно, стыдиться не долженъ. Впервые, скажи мнѣ: быть въ чесоткѣ, чувствовать зудъ, имѣть возможность чесаться сколько угодно и проводить жизнь въ чесаніи себя — значить-ли жить счастливо?... Смотри, Калликлъ, что будешь ты отвѣчать, если кто-либо вздумаетъ тебя спрашивать по порядку о всемъ, что находится въ связи съ этимъ? Вѣдь отсюда главное слѣдствіе то, что эта жизнь грязныхъ развратниковъ и не ужасна, и не постыдна, и не жалка. Но осмѣлишься ли назвать ихъ счастливыми, если у нихъ много того, что имъ требуется?“ — Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, наклонять разговоръ къ такимъ предметамъ! — „Да развѣ я направляю его, къ этому, благородный Калликлъ, а не тотъ, кто утверждаетъ, что люди радующіеся, суть люди счастливые, — не ограничивая, какія удовольствія хороши и какія вредны? Что же? Приятное и доброе — одно ли и то же, или между удовольствіями бываютъ и такія, которыхъ нельзя назвать добромъ?“ ...

Послѣ слѣдующаго за этимъ чрезвычайно тонкаго анализа, что удовольствіе и добро не одно и то же, — анализа, который можетъ быть образцемъ Сократова эленхоса, доведшаго собесѣдника до полнаго абсурда, до необходимости замолчать и предоставить окончить бесѣду одному Сократу, послѣдній продолжалъ:

„Я поведу рѣчь съ начала. Такъ приятно и доброе одно ли и то же?“ — Не одно и то же, какъ согласились мы. — „Приятное ли надобно дѣлать для добраго, или доброе для пріятнаго?“ — Приятное для добраго. — „Но приятно есть то, отъ присутствія чего мы чувствуемъ удовольствіе, а доброе то, отъ присутствія чего мы добры?“ — Конечно. — „Добры же мы, когда имѣемъ какую-нибудь добродѣтель? А доброта каждой вещи — и сосуда, и тѣла, и души — имѣется въ ней не какъ нѣчто прекрасное безъ пути, но обнаруживается порядкомъ, правильностію и искусствомъ, что сообщается имъ. Не такъ ли?“ — Я полагаю. — „Слѣдовательно, добродѣтель каждаго есть нѣчто приведенное въ порядокъ и благоустройство? Стало быть, каждое существо дѣлается добрымъ отъ свойственнаго ему и присущаго ему благоустройства?“ — Мнѣ кажется. — „И душа, имѣющая свое благоустройство, лучше неблагоустроенной? Но, имѣя благоустройство — она разсудительна?“ — Совершенно необходимо. — „Слѣдовательно, душа разсудительная добра?“ — Противъ этого я ничего не могу сказать. — „Если же душа разсудительная добра, то по своимъ качествамъ противная разсудительной — зла, а такую не была ли у насъ душа безмысленная и необузданная?“ — Конечно. — „Но разсудительный въ отношеніи къ богамъ и людямъ дѣлаетъ, что нужно?“ — Это необходимо такъ. — „Дѣлающій же, что нужно въ отношеніи къ людямъ, дѣлаетъ справедливое, а въ отношеніи къ богамъ — благочестивое. А кто дѣлаетъ справедливое и благочестивое, тотъ необходимо справедливъ и благочестивъ. Стало быть, необходимо и мужественъ, такъ что разсудительный, какъ мы раскрыли, если онъ человѣкъ справедливый, мужественный и благочестивый, необходимо есть человѣкъ совершенно добрый; а добрый — что онъ дѣлаетъ онъ, дѣлаетъ хорошо и прекрасно; дѣлающему же хорошо и прекрасно естественно наслаждаться бла-

женствомъ и счастьемъ, равно какъ дѣлающему дурно—быть несчастнымъ“.

— Я именно такъ полагаю и говорю, что это справедливо.— „Если же справедливо, то желающій быть счастливымъ, очевидно, долженъ преуспѣвать и подвигаться въ разсудительности, то-есть, чтобы стремящійся къ блаженству не разлучался съ справедливостію и разсудительностію, вообще не позволяя себѣ необузданныхъ пожеланій и жизни разбойнической, старающейся удовлетворить имъ — этому ненавистному злу. Вѣдь такой человѣкъ непріятенъ ни другому человѣку, ни Богу, потому что онъ неспособенъ къ общенію; мудрецы говорятъ, что общительность, дружба, благонравіе и справедливость сохраняются на небѣ и на землѣ, у боговъ и у людей, и что по этой причинѣ, другъ мой, міръ называется у нихъ благоустройствомъ (*κόσμος*), а не неустройствомъ. Такъ надобно либо опровергнуть это положеніе наше и доказать, что счастливые счастливы не отъ пріобрѣтенія справедливости и разсудительности; либо, когда оно справедливо, нѣсколько заняться разсмотрѣніемъ слѣдствій. Изъ этого, Калликъ, слѣдуетъ все прежнее... Если же такъ, то посмотришь, хорошо ли сказано тобою, или не хорошо, что я, подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка, завишу отъ всякаго желающаго, кто бы ни захотѣлъ—ударить ли меня по уху—такое было твое выраженіе, — отнять ли у меня деньги, выгнать ли меня изъ общества, или вовсе лишить жизни. Находиться въ такомъ состояніи, по твоимъ словамъ, дѣло самое постыдное, а я говорю противоположное, что уже многократно говорено было и что сказать не мѣшаетъ еще одинъ разъ. Я утверждаю, Калликъ, что быть несправедливо удареннымъ по уху и отдано подъ ножъ свое тѣло или свой кошелекъ — вовсе не постыдно; но что гораздо постыднѣе и хуже — несправедливо бить и рѣзать какъ меня, такъ и мое, что для обидчика—украсть, закабалить, подклясться подъ стѣну и вообще нанести какую бы то ни было обиду мнѣ или моему—гораздо постыднѣе и хуже, чѣмъ для меня — обижать. Итакъ, что показалось намъ выше, говорю я, то держится и связано,—если можно употребить выраженіе нѣсколько дикое,—желѣзными и алмазными словами, такъ что пока эти слова не будутъ расторгнуты тобою, или кѣмъ-либо помужественнѣе тебя, кажется, нѣкому невозможно сказать хорошо, говоря иначе, чѣмъ я теперь говорю. У меня—всегда одна и та же рѣчь объ этомъ; не знаю, какъ это бываетъ, но когда я попалъ на мысль такую, какъ теперь, никто не можетъ утверждать иначе, не дѣлаясь смѣшнымъ. Итакъ, полагаю, что это справедливо“... (Соч. Платона, переводъ Карпова, ч. 2, стр. 308—314, 334—338).

„Итакъ, заключилъ свой разговоръ Сократъ, послушайся меня и иди этимъ путемъ. Попавъ на него, ты будешь блаженствовать и въ жизни, и по смерти. Пусть, кто хочетъ, презираетъ тебя, какъ безумнаго, и издѣвается надъ тобою, а ты таки, клянусь Зевсомъ, мужественно прими эту постыдную пощечину, потому что не потеряешь ничего страшнаго, если, подвизаясь въ добродѣтели, будешь прекрасенъ и добръ. Воспользуемся же, какъ бы словомъ руководителемъ, вытеклимъ теперь заключеніемъ, что превосходнѣйшій образъ жизни—есть жить и умереть, подвизаясь въ справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ...“

Считаемъ полезнымъ для выясненія моральнаго идеала Сократа привести здѣсь еще извѣстную аллегорическую картину „внутренняго

человѣка“, которую начерталъ Сократъ, какъ передаетъ ее Платонъ въ своей „Республикѣ“, и которая была воспроизводима многими писателями, даже христіанскими, напримѣръ, Іоанномъ Златоустомъ (Homil. III, p. 20, ed. Mattaei. Соч. Платона, пер. Карпова, ч. 3, стр. 473, примѣч. 1).

„Вообрази одинъ образъ пестраго и многоглаваго звѣря, который имѣетъ около себя головы звѣрей кроткихъ и дикихъ и можетъ измѣняться, рождать изъ себя ихъ всѣ. Пусть будетъ еще одинъ образъ льва и другой человѣка, и первый гораздо больше, чѣмъ послѣдній“.—„Воображаю.—„Потомъ эти природы соедини въ одно, такъ чтобы онѣ срослись между собою“.—„Соединены.—„Облеки же ихъ извнѣ образомъ человѣка, такъ чтобы не могли видѣть внутреннее и смотрящему только на внѣшнюю оболочку представлялось одно животное—человѣкъ“.—„Облечены.—„Скажемъ теперь тому, кто говоритъ, что этому человѣку полезно быть несправедливымъ и не полезно совершать справедливое: иное ли, чтó онъ говоритъ, какъ полезно ему, откармливая пестраго звѣря, дѣлать его сильнымъ, равно и льва, человѣка же морить голодомъ и приводить въ безсиліе, чтобы тѣ влекли его, куда который ни поедетъ, и чтобы онъ не сблизжалъ и не сдружалъ ихъ между собою, но предоставлялъ имъ кусаться и пожирать другъ друга. Напротивъ, кто утверждалъ бы, что полезно быть справедливымъ, не говорилъ ли бы, что надобно и говорить и дѣлать то, чрезъ чтó въ человѣкѣ *стутретій* *человѣкъ* ставовилса бы воздержнѣе и имѣлъ бы пощеченіе о многоглавой скотинѣ, подобно земледѣльцу, крѣпкія части его пугая и дѣлая ручными, а дикими препятствуя росту и для того употребляя въ помощь природу льва,—вообще заботясь о всѣхъ природахъ, и поставивъ ихъ въ содружество одну съ другою и къ себѣ, содержалъ бы ихъ нищей?... Похвальное и постыдное не потому ли мы такъ называемъ, что первое звѣрскую часть природы подчиняетъ части человѣческой, а можетъ-быть, и божественной, послѣднее же кроткую подчиняетъ дикой?... Поэтому можетъ ли быть кому-нибудь польза—несправедливо взять золото, какъ скоро принимающій его наилучшую часть себя самого этимъ порабощаетъ части самой дурной? Не крайне ли жалокъ будетъ тотъ кто божественное въ себѣ безъ милосердія поробитъ безбожнѣйшему и нечестивѣйшему?“—„Конечно такъ, сказалъ Главконъ.—„Не за то ли, думаешь, издреные порицаемо было и своеволие нравовъ, что оно въ человѣкѣ болѣе надлежащаго развязывало то страшное, большое и многовидное животное?“—„Явно, отвѣчалъ онъ.—„Не тогда ли равнымъ образомъ порицается дерзость и упорство, когда усиливаются въ немъ львинныя и змѣиныя свойства и налагаются выше мѣры?“ — Конечно.—„Не въ этой ли его разсѣянности и распушенности подвергаются порицашію роскошь и изнѣженность, отъ которыхъ онъ дѣлается робкимъ? Не тогда ли бранятъ ласкательство и низость, когда это самое—раздражительную природу подчиняетъ тому безпокойному звѣрю, и эта природа, закидываемая деньгами и утлеваемая ненасытностію животныхъ вождѣленій, съ юности привыкаетъ, видѣсто льва, рождать обезьяну?... Посему, чтобы такой управлялся началомъ, подобнымъ тому, которымъ управляется человѣкъ наилучшій, не скажемъ ли, что онъ долженъ быть рабомъ того наилучшаго, носящаго въ себѣ власть

божественную? И надобно думать, что это подчиненіе не ко вреду раба, а къ тому, чтобы подъ божественнымъ и разумнымъ управленіемъ сколько возможно лучше было жить всякому... Итакъ, почему, Главконъ, и на какомъ основаніи скажемъ мы, что дѣлать несправедливо, своевольничать или совершать постыдное—полезно, если человѣкъ чрезъ это будетъ хуже, хотя бы онъ приобрѣлъ множество денегъ и силы другаго рода?—Ни почему, отвѣчалъ онъ.—„Поэтому, у кого есть умъ, тотъ не будетъ ли жить, направляя всѣ свои силы къ тому, чтобы прежде всего уважать науки, которыя дѣлають душу его такою, а прочее презирать?“—Явно, сказалъ онъ.—„Потомъ, приговлѣвъ я, состояніе и питаніе тѣла никакъ не ввѣрять онъ звѣриному удовольствію, чтобы въ немъ проводить жизнь; напротивъ, оставитъ въ сторонѣ и здоровье, и то, какъ быть сильнымъ и красивымъ, если это не сдѣлаетъ его благоразумнымъ, но всегда будетъ устроить гармонию въ тѣлѣ для созвучія душѣ.“—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, если только по истинѣ хочеть достигнуть гармоніи.—„Не будетъ ли онъ искать сообразности и созвучія въ самомъ стяжаніи денегъ, продолжалъ я, и не ослѣпялся мнѣніями толпы о счастіи, станеть-ли увеличивать свое бремя множествомъ ихъ?“—Не думаю.—„Да, смотря на внутреннее свое управленіе, промолвилъ я, онъ будетъ распорядиться умноженіемъ и уменьшеніемъ своего имѣнія съ возможною осторожностію, чтобы избытокъ или недостатокъ его не произвелъ какого-нибудь замѣшательства тамъ—внутри. Смотри съ той же точки зрѣнія и на самыя почести, одѣвъ изъ нихъ приметь, если найдеть, что онъ сдѣлають его лучшимъ, а такихъ, которыя должны разстроить внутреннее его состояніе, будетъ избѣгать частно и публично.“... „Этотъ образецъ (идеаль), заключаетъ многозначительно Сократъ свой разговоръ съ Главкономъ, если желаешь видѣть его и по этому видѣнію благоустроить себя, находится, можетъ-быть, на небѣ.“ (Соч. Платона, переводъ Карпова, ч. 3, стр. 474—478).

II. Ко второй статьѣ, въ апрѣльской книжкѣ (*Журнала Министертва Народнаго Просвѣщенія* 1871 г.

Стр. 89: *Отвѣчающій* (въ бесѣдѣ съ Сократомъ) *выводится на тотъ путь мышленія, который ведетъ къ исправленію обобщенія, и снабжается свѣточемъ для того, что Платонъ называетъ созерцаніемъ единого во множѣ, и многого въ единомъ*: Ἐπεὶ ἐν καὶ πολλὰ ὁρᾶν (Федръ). Впрочемъ самъ Платонъ имѣлъ совершенно другой взглядъ на значеніе такъ-называемыхъ общихъ понятій или отвлеченныхъ идей. По взгляду Платона, выраженному въ его знаменитой теоріи идей, какъ реальныхъ, самостоятельныхъ сущностей, всякая вещь по своей природѣ есть *одно и многое*; одно въ ней—идея, обнаруживающаяся единствомъ внѣшней формы, многое—части ея, которыя, бывъ взяты сами по себѣ, опять суть идеи, и слѣдовательно, опять содержать многое въ единомъ. Такимъ образомъ, Платонъ придаетъ общимъ понятіямъ метафизическое значеніе, объективно-реальное существо-

ваніе, тогда какъ Сократъ приписывалъ имъ смыслъ логическаго умственнаго процесса, по несомнѣнному свидѣтельству Аристотеля, который, изложивъ Сократовъ методъ наведенія и опредѣленія, говоритъ: „Сократъ не приписывалъ самостоятельнаго существованія ни общимъ названіямъ, ни опредѣленіямъ. Тѣ, которые заняли его мѣсто, приписали этимъ общимъ названіямъ отдѣльное существованіе и назвали ихъ *идеями*“ (Met. XIII, 4). Это замѣчательное мѣсто изъ Аристотеля, на которое весьма мало обращали вниманіе, очевидно, относится къ Платоновой теоріи идей, съ которою совершенно расходился Аристотель, и въ этомъ капитальномъ вопросѣ философіи Аристотель скорѣе послѣдователь Сократа, который въ свою очередь гораздо ближе къ современной намъ философіи, чѣмъ вся слѣдовавшая послѣ Аристотеля до времени Бэкона и Локка (которымъ принадлежитъ честь окончательнаго отрицанія средневѣковаго схоластическаго реализма отвлеченныхъ понятій) философія съ своими „универсалиями“, какъ реальными сущностями вещей. Находя „единое во многомъ“, находя, напримѣръ, что извѣстныя черты общи всѣмъ людямъ и необходимы для того, чтобы люди считались людьми, реалисты отвлекали эти общія черты отъ частныхъ особенностей и образовывали изъ этихъ общихъ чертъ *универсалии* (генета, роды). Греческая философія, полнымъ типомъ которой была философія Платона, какъ и греческое искусство, были въ высшей степени объективны. Объективное ихъ направленіе состоитъ въ наклонности придавать внѣшнее существованіе нашимъ идеямъ и смотрѣть потомъ на нихъ, какъ на образы или существа, превращать отвлеченныя понятія въ реальныя представленія. И вотъ, Платонъ, по словамъ Аристотеля, дѣйствительно приписывалъ общимъ названіямъ (отвлеченнымъ понятіямъ) самостоятельное бытіе и обозначалъ ихъ словомъ идеи. Онъ былъ реалистъ и утверждалъ, что въ дѣйствительности существуетъ отвлеченный человѣкъ точно также, какъ и конкретные люди, и что эти конкретные люди существуютъ на столько, на сколько *причастны* идеальному человѣку. Итакъ, всѣ явленія, составляющія знаемое нами о мірѣ, суть только подобія идей. Идеи — это сущности и прототипы, которыхъ копія суть вещественные предметы; это *пошпена*, а все, что мы видимъ, это только *phaenomena* ихъ; но явленія не выражаютъ ихъ сущности, какъ человѣкъ не выражается въ своемъ портретѣ, хотя портретъ и довольно схожъ, потому что портретъ передаетъ только видъ человѣка, а не его существо. Но если идеи не выражаются въ явленіяхъ, если послѣднія не могутъ служить точнымъ снимкомъ ихъ, то какъ можемъ мы дойти до

познанія идей, сущности вещей? Этотъ вопросъ рѣшается теоріей припоминанія, предположеніемъ до-мірнаго существованія души въ мірѣ идеальномъ и непосредственнаго созерцанія ею сущностей вещей, которыя въ настоящей жизни душа припоминаетъ, встрѣчаясь съ ихъ несовершенными копіями. Вотъ сущность Платоновой теоріи идей, съ которою не имѣетъ ничего общаго современная намъ теорія отвлеченныхъ идей, равно какъ ничего общаго не имѣла съ нею и философія Аристотели, а по ясному свидѣтельству послѣдняго, и философія Сократа, который смотрѣлъ на общія понятія, какъ на простую операцію логическаго отвлеченія и обобщенія. Платоново ученіе объ идеяхъ, какъ реальныхъ сущностяхъ, излагается въ „Парменидѣ“; о явленіяхъ, какъ несовершенныхъ копіяхъ идей,—въ „Тимеѣ“; теорія же познанія идей, какъ припоминаніе во многихъ разговорахъ, особенно въ „Федонѣ“.

Стр. 89: *Сократъ разлагалъ общее понятіе о добродѣтели на составныя его части, и затѣмъ, путемъ отрицательнаго анализа всѣхъ частныхъ видовъ добродѣтели выработывалъ ясное понятіе о самой добродѣтели вообще.*

Обращая вниманіе читателей на вышеприведенный отрывокъ изъ „Менона“, въ которомъ Сократъ анализируетъ опредѣленіе добродѣтели, какъ знанія, мы приведемъ здѣсь классическій примѣръ этого аналитическаго метода Сократова изслѣдованія изъ „Протагора“:

„Въ настоящемъ случаѣ, Протагоръ, сказалъ Сократъ, мнѣ нужно не много, чтобъ удовлетвориться во всемъ, если только согласишься отвѣчать. Ты говоришь, что добродѣтели учить можно, въ чемъ я, если кому, то тебѣ вѣрю, но въ твоей рѣчи нѣчто удивило меня... Ты говоришь, что Зевсъ послалъ людямъ правду и стыдъ, потомъ въ продолженіи рѣчи часто упоминалъ о справедливости, о разсудительности, о святости и о всѣхъ подобныхъ вещахъ, какъ объ одномъ, какъ объ одной добродѣтели. Объясни же мнѣ точнѣе: думаешь ли ты, что добродѣтель одна, а правда, разсудительность и святость суть ея части? Или что всѣ упомянутыя добродѣтели надобно почитать только разными названіями одной и той же?“ — Легко отвѣчать, Сократъ, сказалъ Протагоръ, всѣ изысканныя тобою добродѣтели суть части одной.—„Но части въ такомъ ли значеніи, спросилъ я, какъ уста, носъ, глаза и уши суть части лица, или въ такомъ, какъ части золота, и отлучающіяся однѣ отъ другихъ и отъ цѣлаго только величиною и малостію?“ — Мнѣ кажется, въ первомъ значеніи, Сократъ: какъ части лица относятся къ цѣлому лицу.—„Итакъ, люди приобрѣтаютъ эти части добродѣтели, одинъ одну, другой другую, или кто приобрѣлъ одну изъ нихъ, тотъ, по необходимости, имѣетъ и всѣ?“ — Отнюдь нѣтъ; Сократъ, есть много людей мужественныхъ безъ справедливости, а иные и справедливы, но не мудры.—„Слѣдовательно, мудрость и мужество суть также части добродѣтели?“ — Безъ всякаго сомнѣнія, и превосходнѣйшая изъ всѣхъ есть мудрость! — „Между тѣмъ, одна изъ нихъ—одно, а другая—другое?“ — Да.—„И каждая имѣетъ свое особенное значеніе, какъ часть лица? Извѣстно,

что глазъ не походить на ухо; вообще ни одна изъ частей лица не походить на другую ни по значенію, ни по чему другому. Такъ ли и части добродѣтели не сходны между собою, ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ? Поэтому ни одна часть добродѣтели не такова, какъ или знаніе, или правда, или мужество, или справедливость, или святость?" — Не такова, отвѣчалъ Протагоръ. — „Давай же рассмотримъ, сказалъ я, какова каждая изъ нихъ; и попервыхъ, справедливость есть нѣчто, или ничто? — Мнѣ кажется нѣчто, а тебѣ? — И мнѣ. — „Но если бы кто спросилъ меня и тебя: Протагоръ и Сократъ! скажите мнѣ, то самое нѣчто, которое вы сейчасъ назвали справедливою, справедливо или не справедливо? Я отвѣчалъ бы: справедливо, а ты? — Одинаково со мною или не одинаково? — Одинаково. — „Поэтому я отвѣчалъ бы вопрошающему, что правда — есть быть справедливымъ: вѣрно и ты сказалъ бы то же? — Да. — „Потомъ, если бы онъ спросилъ: вы также думаете и о святости? Мы сказали бы, что также? — Конечно. — „То-есть, вы и ее называете чѣмъ-то? Чтѣ отвѣчали бы мы: да, или нѣтъ? — Да, сказалъ Протагоръ. — „Но это самое нѣчто, по своей природѣ, свято или не свято? Такой вопросъ возбудилъ бы во мнѣ досаду и я отвѣчалъ бы вопрошателью: скажи лучше, добрый человѣкъ, что едва-ли что-нибудь свято, если не свята самая святость. Не то же ли самое сказалъ бы и ты ему? — Безъ сомнѣнія. — „Но представь, что послѣ этого онъ дѣлаетъ намъ вопросъ: кажется, если я разслушалъ, вы недавно говорили, будто часто добродѣтели такъ относятся между собою, что одна изъ нихъ не такова, какъ другая? Я отвѣтилъ бы, что онъ все разслушалъ, кромѣ того, будто и я утверждалъ то же самое, тогда какъ утверждалъ это Протагоръ, а я только спрашивалъ. Ты вѣдь говоришь, что одна часть добродѣтели не такова какъ другая: кажется, это твоя мысль? Чтѣ же ты отвѣчалъ бы ему? — Необходимость требуетъ признанія, Сократъ. — „Но признавшись въ этомъ, чтѣ скажемъ на слѣдующія его заключенія: стало быть, по вашему, святость не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то справедливымъ, и справедливость не такова, чтобы быть чѣмъ-либо святымъ? Но первая несправедлива, а послѣдняя нечестива? Чтѣ отвѣчать на это? За себя, я сказалъ бы, что и правда свята, и святость праведна, да и за тебя, если позволишь, скажу то же самое, то-есть, что правда или одно со святостію, или подобна ей, что правда есть какъ святость, и святость какъ правда. Этотъ отвѣтъ и тебѣ нравится? — Не совсѣмъ нравится, Сократъ. Впрочемъ, что нужно, если хочешь, пусть правда будетъ свята, а святость праведна. — „О, нѣтъ, мнѣ нужно «не если хочешь и если тебѣ кажется», думаю, что дѣло рѣшится лучше, когда въ рѣшеніи его не будетъ *если*». — Такъ согласимся, что правда подобна святости, сказалъ онъ. — „Кажется, ты затрудняешься этимъ предметомъ, приговоришь я, оставимъ же его и рассмотримъ нѣчто другое, тобою сказанное. Ты называешь что-нибудь безуміемъ? — Называю. — „Не совершенно ли противоположна ему мудрость? — Кажется. — „Но когда люди поступаютъ справедливо и съ пользою, тогда, по твоему мнѣнію, разсудительны они, или не разсудительны? — Разсудительны. — „А разсудительны они, конечно, разсудительностію? — Необходимо. — „Слѣдовательно, поступающіе безумно поступаютъ не справедливо, и такимъ образомъ бывають не разсудительны? — Мнѣ кажется такъ. — „Стало-быть, дѣятельность безумная противоположна дѣятельности разсудительной? — Конечно. — „Итакъ, совершаемое безъ ума совер-

шается безуміемъ, а разсудительно—разсудительностію?“—Согласенъ.—„Какъ исполняемое силою—сильно, а слабостію—слабо?“—Кажется.—„Со скоростію—скоро, съ медленностію—медленно? и что, какъ дѣлается, то тѣмъ и дѣлается? а дѣлаемое напротивъ производится противнымъ?“—Подтверждаю.—„Хорошо, сказалъ я; есть ли что-нибудь честное?“—Есть.—„Противоположно ли ему что-нибудь, кромѣ не честнаго?“—Ничего.—„Есть ли что-нибудь доброе?“—Есть.—„Противоположно ли ему что-нибудь, кромѣ злаго?“—Нѣтъ.—„Есть ли что-нибудь высокое въ звукѣ?“—Есть.—„Противоположно ли ему что-нибудь, кромѣ низкаго?“—Нѣтъ.—„Итакъ, каждой изъ противоположностей противоположно только одно?“—Согласенъ.—„Хорошо; сообразимъ же теперь все, въ чемъ мы согласились. Мы согласились, что одному противоположно только одно. Что дѣлаемое, напротивъ, совершается противнымъ. Согласились также, что дѣлать безумно, значить дѣлать противоположное тому, что дѣлается разсудительно. И что исполняемое разсудительно дѣлается разсудительностію, а безумно—безуміемъ? Но что дѣлается напротивъ, то дѣлается противнымъ?“—Да.—„А дѣлается одно разсудительностію, другое безуміемъ?“—Конечно.—„И напротивъ?“—Безъ сомнѣнія.—„Тоже противнымъ?“—Да.—„Стало-быть, безуміе и разсудительность противны?“—Кажется.—„Но помнишь ли, что сначала допущена была противоположность между безуміемъ и мудростію?“—Да.—„Отъ чего же отказаться намъ, Протагоръ, отъ того ли, что одному противоположно только одно, или отъ того, что разсудительность есть нѣчто иное, чѣмъ мудрость, что каждая изъ нихъ есть часть добродѣтели, что будучи иными, онѣ не сходны ни сами по себѣ, но по своимъ значеніямъ, какъ части лица? Отъ чего отказаться намъ? Вѣдь эти положенія не ладятъ и не гармонируютъ одно съ другимъ, да и какъ имъ ладить, если одному по необходимости противоположно одно, между тѣмъ, какъ безумію, которое одно, противопологаются и мудрость, и разсудительность. Такъ ли, Протагоръ?“—Согласился, но очень не охотно.—„Слѣдовательно, разсудительность и мудрость должны быть одно? А прежде мы признали почти однимъ и тѣмъ же справедливость и святость. Но пусть такъ, продолжалъ я, не станемъ, Протагоръ, затруднять себя этимъ; изслѣдуемъ прочее. Кажется ли тебѣ, что человѣкъ, дѣлающій несправедливость, разсуждаетъ, когда дѣлаетъ ее?“—Я стыдился бы, Сократъ, согласиться съ этимъ, однакожь многіе говорятъ такъ.—„Все равно, лишь бы отвѣчалъ, такъ ли тебѣ кажется, или не такъ... Итакъ, отвѣчай мнѣ сначала: кажется ли тебѣ, что люди, поступающіе несправедливо, разсудительны?“—Пусть такъ.—„А дѣйствовать разсудительно не то же ли по твоему, что дѣйствовать благоразумно?“—То же.—„Но дѣятельность благоразумная, когда поступаютъ не справедливо, не есть ли дѣятельность доброжелательная?“—Положимъ.—„Несправедливому лучше ли наслаждаться добромъ, или зломъ?“—Лучше добромъ.—„Но привнѣешь ли ты что-нибудь за добро?“—Признаю.—„То ли есть добро, что полезно людямъ?“

Рядъ подобныхъ вопросовъ долженъ былъ убѣдить разговаривающихъ, что справедливость и разсудительность точно такъ же сходны между собою, какъ разсудительность и мудрость, какъ прежде доказано было сходство справедливости со святостію. Результатъ, въ которомъ приводить этотъ анализъ, состоитъ въ томъ, что справедливость, свя-

тость, разсудительность и мудрость не суть различныя части добродѣтели, но виды одной и той же, и что общимъ родовымъ признакомъ ихъ служить *знаніе*. Оставалось еще разобрать послѣдній видъ добродѣтели — мужество. Приступая къ этому чрезвычайно тонкому анализу, въ которомъ обнаруживается вполнѣ діалектическое искусство, аналитическая пронипательность и шпрота Сократовой индукціи, обобщающей явленія, по видимому, совершенно разнородныя, Сократъ кратко резюмируетъ ходъ предшествующихъ изслѣдованій и ихъ результатъ:

„Вопросъ, говорить Сократъ Протагору, кажется былъ такой: мудрость, разсудительность, мужество, святость и справедливость суть ли только пять названій одной вещи, или подъ каждымъ названіемъ разумѣтся особая сущность, и вещь, имѣющая свое особое значеніе и существующая особо, не какъ другая? Ты сказалъ тогда, это что названія не одной вещи, но что всѣ эти вещи суть части добродѣтели, не похожія ни на цѣлое, коего онѣ части, ни одна на другую, но имѣющія каждая особое свое значеніе... Если ты и теперь думаешь такъ же — скажи; а когда иначе — опредѣли“...—Я повторяю, Сократъ, отвѣчалъ Протагоръ, что всѣ эти вещи суть части добродѣтели и что четыре изъ нихъ дѣйствительно сходны одна съ другою, но мужество есть нѣчто отличное.—„Постой, сказалъ я, вотъ это-то и надо изслѣдовать. Мужественными называешь ты смѣлыхъ или кого другого?“—Да, и отважныхъ, которые смѣло приступаютъ къ тому, чего многие боятся.—„Пусть такъ; но добродѣтель считаешь ты чѣмъ-то прекраснымъ?“—Прекраснѣйшимъ, если я не сошелъ съ ума.—„Однако же все ли въ ней прекрасно, или иное постыдно, а иное прекрасно?“ — Все вполнѣ прекрасно.—„Но знаешь ли, кто смѣло погружается въ колодезь?“—Разумѣется, колодезь.—„Потому ли, что умѣетъ, или почему другому?“—Потому что умѣетъ.—„Кто смѣло сражается на конѣ, конный или пѣший?“—Конный.—„А кто съ короткимъ щитомъ, легко вооруженный, или нѣтъ?“ — Легко вооруженный, и если угодно, все такимъ же образомъ.—„Стало быть, знатоки смѣлѣе не знающихъ, и когда выучились, стали смѣлѣе самихъ себя, чѣмъ были прежде до ученія. Но видаль ли ты людей, которые, не зная, были однакожъ смѣлы во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ?“ — Видывалъ, даже слишкомъ смѣлыхъ.—„И эти смѣльчаки тоже мужественны?“—О, въ такомъ случаѣ мужество было бы дѣломъ постыднымъ, потому, что это были люди изступленные.—„Но что сказалъ ты о мужественныхъ? Развѣ не то, что они смѣлы?“—Да.—„И однакожъ эти смѣльчаки оказываются не мужественными, а изступленными? Между тѣмъ, прежде, самые мудрые (знающіе) названы самыми смѣлыми, а самые смѣлые — самыми мужественными, — откуда слѣдовало бы, что мужество есть мудрость (знаніе)“.

Предоставляя читателямъ самимъ по тексту Платонова „Протагора“ познакомиться съ ходомъ обширнаго слѣдующаго за этимъ изслѣдованія, въ которомъ доказывается, что такъ какъ никто по своей волѣ не стремится къ страшному и опасному, какъ къ непріятному и злому, то мужество, слѣдовательно, соединено всегда съ знаніемъ; мы здѣсь

выписываемъ краткій обзоръ этого сложнаго изслѣдованія, сдѣлан- ный самимъ Сократомъ (въ „Протагорѣ“).

„Пусть теперь Протагоръ защищаетъ справедливость своихъ словъ. Онъ сказалъ, что хотя четыре добродѣтели действительно сходны, но ятая—му- жество—весьма отлична отъ нихъ.“—Ты можешь, Сократъ, видѣть это изъ того, что есть люди самые нечестивые, несправедливые, безразсудные и глупые, которые однакожъ очень мужественны.—„Я тогда же былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ (а еще болѣе удивился, изслѣдовать его съ вами) и потому спро- силъ Протагора: не смѣлѣть ли называетъ онъ мужественными?“—Даже отваж- ныхъ, отвѣчалъ онъ.—„Помнишь ли?“—Помню.—„Скажи же намъ, спросилъ я, вѣдь чѣмъ отважны мужественные? Вѣдь тѣмъ ли, что страшно, или что признаютъ они страшнымъ; или вѣдь тѣмъ, что не страшно?“—Но это, сказалъ онъ, по силѣ недавнихъ доказательствъ, невозможно: никто не захочетъ приближаться къ тому, что признаетъ страшнымъ, развѣ невѣжество заста- вить кого-нибудь быть ниже себя.—„Но всѣ трусы и мужественные отважи- ваются на то, что требуетъ смѣлости; слѣдовательно, стремятся къ одному“. — Нѣтъ, Сократъ, трусы стремятся не къ тому, къ чему мужественные; напри- мѣръ, одни хотятъ идти на войну, а другіе не хотятъ.—„Но прекрасно ли идти на войну, или постыдно?“—Прекрасно.—„А прежде мы согласились, что прекрасное есть вѣстѣ и доброе; ибо всѣ прекрасныя дѣйствія суть также и добрыя дѣйствія.“—Я всегда такъ думаю.—„Хорошо, кто же не хо- четъ идти на войну, когда это дѣло прекрасное и доброе?“—Трусы.—„Но прекрасное, доброе есть вѣстѣ и пріятное?“—Согласенъ.—„Чтожь, трусы съ сознаніемъ ли не хотятъ того, что находятъ прекраснымъ, добрымъ, пріят- нымъ?“—На это согласиться нельзя. „А мужественный? Не къ тому ли идетъ онъ, что находитъ прекраснымъ, добрымъ, пріятнымъ?“—Необходимо согла- саться. „Поэтому мужественные, боясь чего-нибудь, боятся не постыднаго страха и обнаруживаютъ смѣлость не постыдною отвагой?“—Правда. „Если же то и другое не постыдно, значить прекрасно?“—Согласенъ. „А когда это дѣло прекрасное, то и доброе?“—Такъ.—„Слѣдовательно, трусы, смѣл- чаки, какъ наступленные боятся постыднаго страха и оказываютъ постыдную смѣлость?“—Согласенъ.—„Но отваживаются они на постыдное и злое по другой ли какой причинѣ, или по незнанію и невѣжеству?“—По незнанію.—„Но то, почему трусы суть трусы, называешь ты трусостію, или мужествомъ?“—Трусос- тію, отвѣчалъ онъ.—„Но трусость есть незнаніе того, что страшно и не страшно?“—Правда.—„А трусости противно мужество?“—Такъ.—„Слѣдова- тельно, знаніе того, что страшно и не страшно, противно незнанію этихъ вещей? Незнаніе же ихъ есть трусость? Стало бытъ, знаніе того, что страшно и не страшно, есть мужество, такъ какъ оно противоположно незнанію этихъ вещей?“... (Тутъ Протагоръ не хотѣлъ даже подать знакъ согласія и замол- чалъ)... „Я спрашивалъ тебя, заключаетъ Сократъ, не для чего иного, а только для того, чтобъ изслѣдовать все относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель“ (См. соч. Платона, пер. Карпова, I, 126—128).

Слушатель, безъ сомнѣнія, легко могъ составить общее понятіе, къ которому привелъ анализъ, именно, что *добродѣтель есть знаніе*.

Стр. 89: Сократъ прямо почти никогда не пользовался синтетическимъ приемомъ, но старался цѣлымъ рядомъ вопросовъ, поставить умъ слушателей на тотъ путь, по которому они сами могли бы самостоятельно прийти къ обобщенію.

Въ одномъ мѣстѣ Платонова „Федра“ есть ясный намекъ на то, что Сократъ ясно сознавалъ два методическіе приема въ изслѣдованіи: синтезъ и анализъ, и опредѣлялъ ихъ сущность и значеніе. Сила перваго, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы

„смотря на одну идею — стараться подвести подъ нее разсѣянное, чтобы опредѣлять каждый предметъ, выяснить то, чему хотѣть учить, подобно тому, какъ теперь въ разсужденіи объ Эросѣ опредѣлено нами, что онъ такое“... (Это жетодъ изслѣдованія, очевидно, синтетическій, дедукція).—Но что называешь ты, Сократъ, другимъ родомъ (изслѣдованія)? „Другой на оборотъ, состоитъ въ умѣнн дѣлать предметъ на части и дѣлать почасти, такъ чтобы, подобно опытному повару, не раздробить ни одной части“ (то-есть, разрѣшать цѣлое, предметъ, слѣдуя естественному соединенію частей его. См. соч. Платона, пер. Карлова, ч. IV, стр. 91—92. пр. 1).

Но Сократъ всегда предпочиталъ въ своихъ бесѣдахъ прямой, наиболѣе доступный для пониманія, и слѣдовательно, болѣе педагогической, развивающій приемъ аналитической, какъ замѣчаетъ объ этомъ Платонъ въ IV-й книгѣ своей „Республики“.

„Хотя, говоритъ Сократъ своему собесѣднику Главкону, „тѣмъ путемъ (аналитическимъ), котораго мы въ своей бесѣдѣ держались доселѣ, намъ, думаю, нельзя достигнуть въ этомъ точности, потому что къ этому ведетъ путь болѣе длинный и широкій (синтетическій), но примѣнительно къ цраннымъ изслѣдованіямъ, намъ приличнѣе взять тотъ же. — Такъ не остается ли намъ на немъ?“ — Для меня, до крайней мѣры въ настоящее время, онъ былъ бы достаточенъ. — „А некая онъ, очень удовлетворяетъ, сказалъ я“... (См. соч. Платона, пер. Карлова, ч. III, стр. 228. пр. 2).

Стр. 92: Изслѣдованіе того, какъ опредѣлить названіе, можетъ требовать соображеній, глубоко проникающихъ въ природу опредѣляемыхъ вещей.

Излагаемъ здѣсь кратко содержаніе Платонова „Эвтифрона“, какъ образецъ Сократовыхъ изслѣдованій надъ опредѣленіями, избирая этотъ разговоръ потому, что въ немъ Сократъ является менѣе чѣмъ въ другихъ діалогахъ оплатонизованнымъ, и особенно потому, что здѣсь эротематически излагается полная теорія объ опредѣленіи, проведенная по всѣмъ степенямъ аналитическаго ограниченія предмета.

„Скажи“, говоритъ Сократъ Эвтифрону, „что ты называешь святымъ и что нечестивымъ?“ Эвтифронъ отвѣчаетъ: „Святымъ я называю именно то, что теперь дѣлаю, то-есть, преслѣдованіе преступника, обличеннаго либо въ убійствѣ, либо въ святотатствѣ, либо въ другихъ подобныхъ дѣлахъ, отецъ

ли: то, мать, или иной кто-нибудь, и непреслѣдованіе такихъ людей, по моему мнѣнію, есть не святое“.

Очевидно, что это опредѣленіе предмета частными случаями, касается обычая и условнаго соглашенія людей относительно тѣхъ частныхъ дѣйствій, которыя они называютъ или не называютъ святыми, и слѣдовательно, есть простое опредѣленіе значенія названія, и только. Но послѣ этого Сократъ требуетъ, чтобъ Эвтифронъ указалъ ему дѣйствительное общее свойство святости, по которому этимъ названіемъ обозначается цѣлый рядъ дѣйствій святыхъ и благочестивыхъ, и опредѣлилъ, въ чемъ состоитъ это общее свойство святости; вопросъ, слѣдовательно, переходитъ отъ изслѣдованія обычая и условнаго соглашенія въ названіи къ изслѣдованію фактовъ, свойствъ самыхъ явленій.

„Я спрашивалъ тебя, говорилъ Сократъ (когда Эвтифронъ указалъ частныя дѣйствія, которыя называются святыми), не объ одномъ и не о двухъ святыхъ дѣлахъ изъ множества ихъ, но о цѣломъ родѣ, въ которомъ все святое—свято. Ты какъ будто сказалъ, что въ отношеніи къ одной идее все не святое—не свято, и святое—свято“.—Помню.—„Такъ научи же меня, что такое самая эта идея, чтобы смотря на нее и пользуясь ею, какъ образцомъ, я могъ бы все согласное съ нею — и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ поступкахъ другихъ — считать святымъ, а не согласное не святымъ?“

Эвтифронъ указываетъ это общее свойство — родовой признакъ, свойственный всѣмъ видамъ дѣйствій, называемыхъ или не называемыхъ святыми: „Святое есть то, что пріятно богамъ, а не святое—то, что имъ непріятно“. Но Сократъ, рядомъ вопросовъ изслѣдуя это опредѣленіе, находитъ различіе между святымъ и боголюбезнымъ. Ибо боголюбезное должно признавать потому, что его любятъ боги, а святое и самые боги любятъ потому, что оно свято. Слѣдовательно, основаніе святости въ чемъ-то другомъ, такъ что и самая любовь боговъ зависитъ отъ какого-то высшаго условія, скрывающагося въ существѣ святости; иначе: любовь боговъ не есть сущность, признакъ, свойство, которымъ опредѣляется, что такое святость, но есть дѣйствіе этого свойства святости на боговъ.

„Если боголюбезное и святое, Эвтифронъ, одно и то же, то какъ святое любятъ потому, что оно свято, такъ и боголюбезное любилъ бы потому, что оно боголюбезно. Если же боголюбезное боголюбезно потому, что оно любимо богами, то и святое было бы свято потому, что оно любимо ими. Между тѣмъ ты видишь, что они находятся въ обратномъ отношеніи, то-есть, первое надобно любить потому, что его любятъ, а послѣднее любить потому, что его должно любить. Видно, на мой вопросъ: что называется святымъ, ты не хотѣлъ открыть его сущность, а только показалъ нѣкоторое его отношеніе. Ты сказалъ, что ему свойственно быть любезнымъ богамъ, а не сказалъ, что такое оно само по себѣ“.

Это высшее возвращеніе служить очевиднымъ доказательствомъ, что Сократъ по своимъ убѣжденіямъ стоялъ выше языческаго политеизма и рѣшительно отрицалъ его принципы. Послѣ невѣрнаго указанія общаго свойства святости, сдѣланнаго Эвтифрономъ, Сократъ самъ наводитъ его на путь къ вѣрному опредѣленію. Надобно, говорить онъ, смотрѣть, что въ чемъ содержится, и послѣднимъ опредѣлять первое. Святость, очевидно, есть часть, выраженіе справедливости (сл. Protag. 14. Gorg. 507), потому что все святое справедливо. „Если же святое есть часть справедливаго, то, повидимому, надо опредѣлить, какою частью справедливаго составляетъ святое“, — указать свойство, которымъ въ цѣлой сферѣ явленій справедливости отличается святое отъ всего прочаго. Но Эвтифронъ опять опредѣляетъ святость не самымъ существомъ справедливости, а только ея отношеніемъ, признавая свойствомъ святости служеніе богамъ, какъ признакомъ всего прочаго въ той же сферѣ, свойствомъ справедливости—обхожденіе съ людьми. Исследуя значеніе служенія богамъ, какъ признакъ святости, или въ смыслѣ старанія оказать пользу тому, кому служить, Сократъ приводитъ Эвтифрона къ нелѣпому заключенію, что служить богамъ, значить — приносить имъ пользу, дѣлать ихъ лучшими, — или быть въ смыслѣ орудія, которымъ боги нѣчто производятъ, и спрашиваетъ Эвтифрона, что же могутъ производить и производить боги, пользуясь нашими услугами, какъ орудіемъ?... На этотъ вопросъ Эвтифронъ, конечно, не могъ отвѣчать и снова опредѣлилъ святость, какъ служеніе богамъ, умнѣемъ въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ дѣлать угодное богамъ. Разбирая понятія молитвы и жертвоприношенія и находя, что молиться—значить просить, а приносить жертвы—давать, Сократъ приводитъ Эвтифрона къ еще болѣе нелѣпому заключенію, что святость, какъ дѣло молитвы и жертвоприношенія, есть что-то въ родѣ „торговой сдѣлки людей съ богами“.

Это заключеніе заставило Эвтифрона понять жертвоприношеніе и молитву, уже какъ выраженіе благодарности; ибо „выраженіе благодарности богамъ кажется всего любезнѣе“, сказала Эвтифронъ; но отсюда слѣдовало, что святымъ почитается боголюбозное, между тѣмъ какъ уже было доказано, что боголюбозное отлично отъ святаго.

„Такъ опять выходитъ, заключаетъ Сократъ, что святое—то, что любезно богамъ. Но говоря это, не видишь ли, что слова твои не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а бродятъ кругомъ... Развѣ не замѣчаешь, что наша рѣчь пришла опять къ своему началу? Помнишь, что святое и боголюбозное прежде было у насъ не одно и то же, а различно? А теперь любезное богамъ называешь святымъ, вѣдь любезное богамъ есть то же, что боголюбозное. Слѣдовательно,

или преждее положеніе не хорошо, или твое теперешнее невѣрно, если то хорошо".—Выходить такъ, сказалъ Эвтифронъ". (Соч. Платона, пер. Карнова, I).

Изъ этого хода изслѣдованія названія святаго видно, въ чемъ и какимъ общимъ свойствомъ обнаруживается существо святости. Ясно, что понятіе святости должно вытекать изъ понятія справедливости, сознанія нравственнаго долга, чувства внутренней правды, которая выше молитвъ и жертвоприношеній, — этой „благодарности, запятнанной кровію безсловесныхъ жертвъ“, этой, по выраженію Сократа, торговой сдѣлки между богами и людьми...

Стр. 96: *Тотъ совершенно не понялъ бы духа Сократова метода, кто въ отсутствіи положительно высказываемыхъ, готовыхъ результатовъ, правилъ и понятій видѣлъ бы отрицательную цѣль бездѣя Сократа.*

Платонъ въ одномъ мѣстѣ своего „Менона“ ясно высказываетъ, что вообще цѣлю Сократова обученія было — довести слушателя до сознанія своего невѣжества, чтобы почувствовать жажду знанія. Вотъ это прекрасное мѣсто:

„Онъ (мальчикъ) и прежде (разговора съ нимъ Сократа) не зналъ этого, говоритъ Сократъ, но тогда былъ увѣренъ, что знаетъ, смѣло отвѣчалъ, какъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ, теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣніе, и не зная, увѣренъ, что не знаетъ. Но настоящее его состояніе не лучше ли въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?“ — Кажется, что такъ. — „Итакъ, приводя его въ сомнѣніе и оцѣпняя, какъ оцѣпняютъ Торpedo ¹⁾, мы вѣрно не повредили ему. Напротивъ, кажется, приготовили его къ тому, чтобы онъ могъ открыть, въ чемъ дѣло. Теперь, сознавая, что онъ не знаетъ, онъ съ удовольствіемъ станетъ изслѣдовать; а прежде былъ увѣренъ, что легко и многимъ въ состояніи прекрасно отвѣчать объ этомъ... Думаешь ли же, что онъ рѣшился бы изслѣдовать и изучать то, въ чемъ считалъ себя знающимъ, не зная на самомъ дѣлѣ, пока не пришелъ бы въ сомнѣніе, и увѣрившись въ своемъ незнаніи, не пожелалъ бы узнать?“ — Не думаю, Сократъ. — „Значитъ, быть въ оцѣпненіи (въ сомнѣніи, въ сознаніи своего незнанія) ему полезно?“ — Ка-

¹⁾ Менонъ нѣсколько прежде приведеннаго мѣста говоритъ Сократу: «Слышалъ я и прежде, чѣмъ встрѣтился съ тобою, что ты ничего болѣе не дѣлаешь, какъ самъ сомнѣваешься и другихъ возбуждаешь къ сомнѣнію; вижу теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣнія. Ты совершенно походишь на морскую рыбу Торpedo, которая приближающагося и прикасающагося къ ней человѣка приводитъ въ оцѣпненіе». Свойства этой рыбы, описываемыя Аристотелемъ (Hist. an. IX, 37) и Плиніемъ (XXXII, I) — *Torpedo etiam si procul et longinquo, vel si hasta virgave attingatur, quamvis praevalidi lacerti torpescunt*, — очевидно, суть свойства электрическаго ската и морскаго угря.

жется такъ, сказалъ Менонъ. (Соч. Платона, переводъ Карпова, ч. II, стр. 172 и слѣд., примѣч. 1).

Платонъ этимъ прекраснымъ сравненіемъ, очевидно, мѣтко характеризуетъ электрически-возбуждающее дѣйствіе на умы слушателей Сократовской эротематически-отрицательной формы обученія, Сократовскаго „перекрестнаго допрашиванія“.

Стр. 108: *Глубокое основаніе Сократова методическаго допрашиванія—это возбужденіе ума слушателей къ процессу самостоятельной работы мышленія...*

Классическій образецъ эвристическаго метода Сократова можно видѣть въ Платоновомъ „Менонѣ“, гдѣ Сократъ ведетъ бесѣду съ не учившимся ничему мальчикомъ, какъ-бы съ нарочитою цѣлю доказать, что способность саморазвитія есть натуральное свойство каждаго ума. Эта бесѣда на столько замѣчательна, что способна заинтересовать всякаго, кому не чужды педагогическіе интересы; она представляетъ живой опытъ эвристическаго приѣма Сократова обученія, возбуждающаго въ умѣ мальчика, не учившагося геометріи, познаніе геометрическихъ истинъ.

Сократъ. „Скажи мнѣ, мальчикъ, знаешь ли ты, что квадратное пространство таково?“ — *Мальчикъ.* Знаю. — „Слѣдовательно, ввадратное пространство есть то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре?“ — Да. — „Значитъ, и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?“ — Да. — „Но это пространство не можетъ ли быть болѣе или менѣе?“ — Можетъ. — „Итакъ, если бы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ: то сколько футовъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: если бы въ этой сторонѣ было два фута, а въ этой только одинъ, то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?“ — Равнялось бы. — „А такъ какъ и эта сторона въ два фута: то цѣлое не равно ли дважды двумъ?“ — Равно. — „Слѣдовательно, въ немъ заключается дважды два фута?“ — Да. — „А сколько будетъ дважды два фута? Подумай и скажи“. — Четыре, Сократъ. — „Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого, и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?“ — Можетъ. — „Сколько же въ немъ будетъ футовъ?“ — Восемь. — „Но, подумай, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія; въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по сколько?“ — Очевидно, вдвое, Сократъ. — „Такъ ты думаешь, что отъ удвоенной линіи произойдетъ двойное пространство? — разумѣю не такое, которое съ одной стороны длиннѣе, а съ другой короче, но равностороннее кругомъ, какъ вотъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ,—въ восемь футовъ. Такъ тебѣ все еще кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?“ — Мнѣ кажется. — „И та линія будетъ двойною въ отношеніи къ этой, такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?“ — Да. — „А изъ ней, говоришь, составится восьми футовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?“ — Да. — „Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли называешь ты восьми

футовымъ пространствомъ? — Конечно. — „Но въ этомъ четырехугольникѣ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четыре-футовой? — Да. — „Сколько же всего: не четырежды ли столько? — Какъ же иначе? — „Итакъ, четырежды столько составитъ пространство двойное ли? — Нѣтъ. — „Во сколько же больше? — Въ четыре раза. — „Слѣдовательно, изъ линіи удвоенной, мальчикъ, произойдетъ пространство не двойное, а четверное? — Правда. — „Потому что четырежды четыре—шестнадцать, не такъ ли? — Такъ. — „А восьми-футовое пространство произойдетъ отъ какой линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза больше? — Да. — „Четырех-футовое произошло отъ половины этой? — Точно. — „Пусть; а восьмифутовое не есть ли двойное въ отношеніи послѣдняго и половинное въ сравненіи съ первымъ? — Конечно. — „Слѣдовательно, оно произойдетъ ни изъ большей, или такой линіи, ни изъ меньшей, или такой: не правда ли? — Кажется, такъ. — „Хорошо; отвѣчай же, какъ тебѣ кажется: одна линія была не въ два ли фута, а другая не въ четыре ли? — Да. — „Поэтому линія восьмифутаго пространства должна быть больше этой линіи двухфутовой и меньше этой четырехфутовой? — Должна быть. — „Подумай же, сколь велика она, по твоему мнѣнію? — Въ три фута. — „А если въ три фута, то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь. — Такъ. — „Но если въ этой сторонѣ три и въ этой три, то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута? — Видимо. — „А трижды три фута сколько составитъ футовъ? — Девять. — „Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ? — Восемь. — „Слѣдовательно, пространство восьмифутное, видно, происходитъ не изъ трехфутовой линіи? — Видно, не изъ трехфутовой. — „Изъ какой же? Попробуй сказать намъ точнѣе, несли не хочешь высчитать, то хотя покажи, сколь велика она должна быть? — *Не знаю*, Сократъ... — „Но, скажи мнѣ: это пространство не четырехфутное ли? Понимаешь? — Да. — „И мы можемъ приложить къ нему другое, ему равное? — Можемъ. — „И третье равное каждому изъ нихъ? — Да. — „А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углѣ? — Можно. — „Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ? — Вышло. — „Что же? Это цѣлое пространство во сколько болѣе этого? — Въ четыре раза. — „Но вѣдь мы должны были получить двойное? Или ты не помнишь? — Конечно, двойное. — „Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго-нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ этихъ пространствъ на двѣ части? — Да, разсѣкаетъ. — „Не происходитъ ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство? — Происходить. — „Смотри же, какъ велико это пространство? Каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ? — Пополамъ. — „Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ? — Четыре. — „А сколько въ этомъ? — Два. — „Но сколько составляютъ дважды четыре? — Вдвое. — „Значитъ, сколько тутъ будетъ футовъ? — Восемь. — „Отъ какой линіи происходятъ они? — Отъ этой. — „То-есть, отъ линіи четырехфутаго пространства, идущей изъ одного угла къ другому? — Да. — „Такую линію софисты (ученые) называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что,

если назовемъ ее діаметромъ, отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ, и должно произойти двойное пространство".—Безъ сомнѣнія, Сократъ...

„Ну, какъ тебѣ кажется, Менонъ, произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое сужденіе? — Нѣтъ, всѣ его“...

Очевидно, что ходъ всей бесѣды основанъ на принципѣ наглядности. Покойный профессоръ Карповъ совершенно справедливо предполагаетъ, что Сократъ при этомъ, вѣроятно, начертилъ сперва какой-нибудь квадратъ, и предположивъ, что каждая его сторона равняется двумъ футамъ, нашелъ, что площадь его равна четыремъ футамъ; потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое болѣе этого? Мальчику показалось, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвоилъ стороны и построилъ квадратъ пространствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открылось, что чрезъ удвоеніе сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ, чтобы найти квадратъ, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ во взятомъ квадратѣ діагональ и построилъ новый квадратъ, равняющійся восьми футамъ. (См. соч. Платона, пер. *Карпова*, ч. II, стр. 176—177, прим. 3).

Н. Марковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О РЕЗУЛЬТАТАХЪ ПОВѢРОЧНЫХЪ ИСПЫТАНІЙ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ 1870 ГОДУ¹⁾.

1. Въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Повѣрочныя испытанія лицамъ, изъявившимъ желаніе поступить въ Московскій университетъ въ началѣ 1870 академическаго года, произведены были, согласно существующимъ на сей предметъ постановленіямъ, особою испытательною комиссіей. Означенная комиссія въ докладѣ своемъ университетскому совѣту заявила, что она нашлась вынужденною сдѣлать нѣкоторыя послабленія, какъ относительно объема предметовъ испытанія, такъ и относительно сужденій о принятіи въ число студентовъ, а именно:

а) Принимая во вниманіе, что какъ гимназій, такъ и семинарій, находятся въ настоящее время въ переходномъ состояніи, что преподаваніе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко еще не соответствуетъ утвержденнымъ высшимъ начальствомъ программамъ, комиссія рѣшилась: 1) при повѣрочномъ испытаніи изъ латинскаго языка не требовать знакомства съ поэтами; 2) при повѣрочномъ испытаніи изъ математики не требовать знанія тригонометріи (за исключеніемъ лицъ, поступающихъ на физико-математическій факультетъ).

б) Такъ какъ поступающіе въ настоящемъ году въ университетъ молодые люди совсѣмъ не ожидали повѣрочнаго испытанія изъ математики и не готовились къ нему, то комиссія нашла возможнымъ принимать въ число студентовъ на всѣ факультеты, кромѣ физико-

¹⁾ О повѣрочныхъ испытаніяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ замечано въ декабрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за прошедшій годъ.

математическаго: 1) воспитанниковъ гимназій, имѣющихъ баллъ два изъ математики и удовлетворительные баллы изъ другихъ предметовъ; 2) воспитанниковъ семинарій, имѣющихъ баллъ единицу изъ математики и средній баллъ изъ остальныхъ предметовъ *болѣе трехъ*.

5-го сентября комиссія, съ разрѣшенія г. ректора университета, подвергнула переэкзаменовкѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые имѣли неудовлетворительный баллъ по одному предмету, при хорошихъ баллахъ по остальнымъ, и въ аттестатахъ которыхъ по этому предмету стоитъ хорошая отмѣтка.

Не смотря на всѣ облегченія, многіе изъ экзаменовавшихся оказались слабыми (именно: по русскому языку 5, по математикѣ 171, по латинскому языку 15); изъ всего числа 321 молодыхъ людей, подвергавшихся повѣрочному испытанію, комиссія нашла возможнымъ принять 232 и признала остальныхъ 89 рѣшительно не подготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій (28 $\frac{1}{3}$ %).

Воспитанникъ Аренбургской гимназіи Константинъ Р..., изъявившій желаніе поступить на юридическій факультетъ, представилъ сочиненіе, признанное неудовлетворительнымъ, и получилъ при испытаніи изъ математики баллъ единицу. Такъ какъ Р... не имѣлъ возможности вполне обстоятельно изучить русскій языкъ, но сдѣлалъ въ немъ значительные для воспитанника Аренбургской гимназіи успѣхи и владѣетъ имъ достаточно, чтобы слушать лекціи на русскомъ языкѣ, такъ какъ затѣмъ онъ получилъ хорошую отмѣтку изъ латинскаго языка (4); то комиссія ходатайствовала предъ совѣтомъ о дозволеніи г. Р...у переэкзаменоваться изъ математики и о принятіи его въ число студентовъ, подъ условіемъ, чтобы на переэкзаменовкѣ изъ этого предмета онъ получилъ баллъ не менѣе двухъ.

Въ заключеніе комиссія заявила, что было бы весьма желательно, 1) чтобы впредь молодые люди были извѣщаемы о повѣрочномъ испытаніи заранее, на примѣръ, при наступленіи лѣтнихъ вакацій, дабы эти испытанія не заставляли ихъ въ располѣхъ и не подавали повода къ отговоркамъ; 2) чтобы впредь для повѣрочныхъ испытаній было назначено большее количество времени; ибо производить оныя, какъ это дѣлалось въ текущемъ году, съ 10-и часовъ утра до 6-и или 7-и вечера безъ перерыва, крайне обременительно, какъ для лицъ, производящихъ испытанія, такъ въ особенности для испытуемыхъ, которые, сильно утомившись ожиданіемъ очереди, не были иногда въ состояніи выказать свои знанія въ надлежащемъ свѣтѣ по этой именно причинѣ; или по крайней мѣрѣ на нее ссылались.

Въ дополненіе къ приведенному отзыву испытательной комиссіи, лица, производившія повѣрочные экзамены, представили нижеслѣдующія общія заключенія относительно каждаго изъ предметовъ испытанія.

1) По *русскому языку*. Бѣлая часть сочиненій, написанныхъ поступающими въ университетъ, обличаетъ руку, не привыкшую къ самостоятельному и правильному изложенію мысли. Большинство подвергавшихся письменному испытанію старалось привязать свое изложеніе къ какимъ-нибудь знакомымъ страницамъ учебника, и многія сочиненія представляютъ потому или бѣдный перифразъ школьныхъ тетрадей и руководствъ, или даже буквальное повтореніе заученнаго въ классѣ. Это желаніе оградить себя учебникомъ выразилось: 1) въ самомъ выборѣ изъ трехъ предложенныхъ темъ такой, которая давала возможность замѣнить самостоятельную работу письменнымъ повтореніемъ класснаго отвѣта, и 2) намѣреннымъ и совершеннымъ уклоненіемъ отъ темы, доходившимъ до того, что вступающій, которому предложено было изложить содержаніе трагедіи Пушкина „Ворисъ Годуновъ“, писалъ о происхожденіи мистерій и кукольнаго театра. Можно думать, что въ этомъ случаѣ сказались, между прочимъ, вредныя послѣдствія господствующаго въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ обычая — задавать ученикамъ, въ видѣ сочиненія, письменное изложеніе урока, разказаннаго учителемъ въ классѣ, при чемъ часто обращается вниманіе лишь на вѣрную и близкую передачу сказаннаго учителемъ и стенографированнаго слушателями, а не на стройность изложенія и правильность выраженія.

Вообще же бѣдность содержанія, сбивчивость изложенія и нетвердое правописаніе, выступающія въ сочиненіяхъ лицъ, удостоенныхъ права поступленія въ университетъ, указываютъ на то, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на практическія занятія русскимъ языкомъ и грамматическое изученіе его въ связи съ церковно-славянскимъ менѣе обращается вниманія, чѣмъ сколько необходимо. За это говоритъ уже тотъ фактъ, что отсутствіе твердой орфографіи, въ большей или меньшей степени, замѣчается не только въ сочиненіяхъ лицъ, удостоенныхъ средними учебными заведеніями права поступленія въ университетъ, но и въ сочиненіяхъ гимназистовъ, награжденныхъ медалями (двухъ изъ гимназій Новочеркасской и по одному изъ гимназій Кубанской, Рязанской, 5-й Московской, Тобольской, Ставропольской, Тифлисской; впрочемъ, другой воспитанникъ Тифлисской же гимназій, награжденный медалью, хотя и не русскаго происхожденія, Давидовъ-Артакъ, представилъ отличное сочиненіе). Въ оцѣнкѣ сочиненій, написанныхъ при по-

върочныхъ испытаніяхъ, иногда приходилось далеко раскоидиться съ отмѣткою гимназическаго аттестата (не говоря уже о семинарскихъ), между прочимъ, и потому, что послѣдній почти всегда предлагаетъ средній выводъ изъ балловъ за русскій языкъ и за словесность, такъ что хорошій баллъ за знаніе гимназическаго курса словесности могъ покрывать собою недостаточную отмѣтку за русскій языкъ и сочиненіе. Было бы желательно, чтобы грамматическое изученіе русскаго языка продолжалось до самаго послѣдняго класса гимназіи включительно, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ высшихъ классахъ преобладаетъ заучиваніе тетрадокъ по словесности, грамматикѣ же дано мало мѣста. Было бы необходимо также требовать при окончаніи курса въ гимназіяхъ и семинаріяхъ экзамена изъ грамматики русскаго и славянскаго языка и въ аттестатахъ, выдаваемыхъ молодымъ людямъ, непременно помѣщать особую отмѣтку по русскому языку и сочиненію и особую по словесности. Это правило должно бы соблюдаться также и въ аттестатахъ, выдаваемыхъ гимназіями молодымъ людямъ домашняго воспитанія, подвергающимся въ гимназіяхъ экзамену на право поступленія въ университетъ. Въ такомъ случаѣ оцѣнка сочиненій, написанныхъ въ университетѣ, не могла бы раскоидиться такъ далеко съ гимназическою отмѣткою, какъ это произошло въ настоящемъ году. Достаточно указать при этомъ только на тотъ фактъ, что большая часть молодыхъ людей домашняго воспитанія, удостоенныхъ Рязанскою гимназіей права поступленія въ университетъ, оказалась крайне нетвердою въ орфографіи и не могла быть допущена въ слушанію университетскихъ лекцій.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что сочиненія семинаристовъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе сочиненій гимназистовъ. Это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что объемъ преподаванія словесности и всеобщей исторіи въ семинаріяхъ гораздо менѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ, и семинаристамъ часто приходилось ограничиваться скудными общими фразами тамъ, гдѣ воспитанники гимназій опирались на факты. Особенно слабыми оказались сочиненія воспитанниковъ Московской семинаріи.

2. Члены испытательной комисіи, производившіе повѣрочный экзамень по *греческому языку* заявили, что *трое* изъ числа 29-и лицъ, желавшихъ поступить на историко-филологическій факультетъ, оказали отлично-хорошія знанія въ греческой этимологіи и весьма достаточную начитанность въ лучайшихъ писателяхъ греческой литературы, а именно: одинъ изъ Рязанской гимназіи, одинъ изъ Влади-

иірской семинаріи и одинъ изъ Витебской семинаріи; трое же оказали или весьма недостаточную подготовку (Владимірская гимназія), или же и вовсе никакой (Мозырская и Костромская гимназіи). Остальные оказали или хорошіе, или посредственные успѣхи въ греческомъ языкѣ.

3. Члены комиссіи, производившіе повѢрочныя испытанія по предмету *латинскаго языка*, представили совѣту университета слѣдующія общія замѣчанія о результатѣ упомянутыхъ испытаній:

1) Наиболье основательными свѣдѣніями по латинскому языку отличались молодые люди, изъявившіе желаніе поступить въ историко-филологическій факультетъ и физико-математическій по отдѣлу чистой математики.

2) Воспитанники гимназій сравнительно съ прошлымъ годомъ сдѣлали нѣкоторые успѣхи, и знанія ихъ могли бы быть обозначены вообще среднимъ балломъ не много ниже четырехъ (4 съ *минусомъ*).

Изъ испытаній и разговоровъ съ ними замѣтно:

а) что въ большинствѣ случаевъ они довольно хорошо знаютъ элементарныя правила латинской этимологіи и синтаксиса, но въ послѣднемъ нѣсколько слабѣе, нежели въ первой;

б) что они довольно много читали латинскихъ авторовъ и знакомы съ Корнеліемъ Невотомъ, Цезаремъ, Цицерономъ, Саллюстіемъ, а нѣкоторые даже съ поэтами: Овидіемъ, Вергиліемъ и Горациемъ.

3) Воспитанники духовныхъ семинарій въ большинствѣ случаевъ оказались слабѣе воспитанниковъ гимназій, и знанія ихъ могли бы быть обозначены вообще среднимъ балломъ нѣсколько ниже трехъ (3 съ *минусомъ*).

Изъ испытаній и разговоровъ съ ними замѣтно:

а) что они имѣютъ скудный запасъ словъ и выраженій, не тверды въ этимологіи и синтаксисѣ;

б) что они занимались латинскимъ языкомъ преимущественно въ духовныхъ училищахъ, гдѣ читали лишь Корнелія Непота и Саллюстія; а затѣмъ мало по малу утрачивали вріобрѣтенныя знанія, забывая пройденное прежде и ограничиваясь чтеніемъ лишь Лактанція.

4) Студенты медико-хирургической академіи, переходившіе въ университетъ, крайне слабы по латинскому языку во всѣхъ отношеніяхъ.

4. ПовѢрочныя испытанія нынѣшняго года по *математикѣ* шли вообще весьма неудовлетворительно; но при этомъ должно замѣтить, что желаніе поступить въ университетъ были застигнуты врасплохъ

экзаменомъ изъ математики, такъ какъ въ прежніе годы этому экзамену подвергались только поступающіе въ физико-математическій факультетъ; въ нынѣшнемъ же году разнесся слухъ даже о совершенной отмѣнѣ коллоквиума. Тѣмъ не менѣе экзаменатору не трудно было отличить, происходила ли неудовлетворительность отвѣтовъ отъ плохой подготовки, или отъ того, что экзаменующійся не могъ вполне припомнить пройденнаго. Болѣе всего бросалось въ глаза отсутствіе всякой самостоятельности въ приобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ: легчайшіе вопросы и самыя простыя задачи, какъ скоро они не буквально отмѣчены въ программѣ, болѣею частію затрудняли экзаменуемыхъ. По математикѣ экзамень сосредоточивался главнымъ образомъ на геометріи и ариметикѣ; но неотчетливое знаніе геометрическихъ истинъ и смутное пониманіе взаимной связи ихъ, обнаруженныя экзаменуемыми, показали, что изученіе геометріи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишено того педагогическаго значенія, которое оно должно имѣть. Желательно, чтобы въ этихъ заведеніяхъ было обращено болѣе вниманія на изученіе геометріи и на практическія упражненія.

Изъ лицъ, подвергавшихся испытанію, сравнительно лучшіе успѣхи въ математикѣ обнаружили воспитанники Московскихъ гимназій, хотя и ихъ подготовку нельзя считать удовлетворительною; слабѣе же всѣхъ были воспитанники семинарій; послѣдніе болѣею частію совсѣмъ уклонялись отъ испытанія, объявляя, что они математики „не проходили ¹⁾“.

Въ высшей степени важно обратить вниманіе на это неудовлетворительное изученіе начальной математики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, лишающихся такимъ образомъ одного изъ самыхъ полезныхъ педагогическихъ орудій. Это въ особенности важно относительно молодыхъ людей, поступающихъ въ физико-математическій факультетъ. Подготовка ихъ и въ нынѣшнемъ году въ общей сложности слабая. Между тѣмъ пробѣлы элементарнаго курса только съ большимъ трудомъ и несвоевременно могутъ быть исполнены при дальнѣйшемъ математическомъ образованіи въ университетѣ; они со-

¹⁾ Изъ приложенныхъ при отчетѣ документовъ видно, что всѣхъ воспитанниковъ семинарій, заявившихъ желаніе поступить въ университетъ, было 65, изъ этого числа только 4 получили по математикѣ баллъ по 3, изъ остальныхъ 11 получили по 2, а 50—по *единицѣ*. Наибольшій процентъ единицъ принадлежитъ Московской и Виѣанской семинаріямъ: на 17 воспитанниковъ первой приходится 14 единицъ, а изъ 4-хъ воспитанниковъ второй трое получили единицы.

ставляютъ существенное препятствіе для успѣшнаго хода университетскихъ курсовъ, и что всего важнѣе, затрудняютъ факультетъ въ приготовленіи хорошихъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Не только учрежденія министерства народнаго просвѣщенія заимствуютъ своихъ учителей изъ университета, но и спеціальныя школы другихъ вѣдомствъ до сихъ поръ охотно замѣщаютъ свои учительскія вакансіи по математикѣ лицами университетскаго образованія, наибольшій контингентъ которыхъ доставляется физико-математическимъ факультетомъ. Для пользы общаго образованія, безъ сомнѣнія, желательно, чтобъ университеты навсегда сохраняли такимъ образомъ свое вліяніе на эти школы.

Представляя вышеизложенные результаты повѢРОЧНЫХЪ ИСПЫТАНІЙ его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія, г. попечитель Московскаго округа дополняетъ ихъ слѣдующими заключеніями.

1) Относительно учащихся въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа нельзя не замѣтить, что результаты повѢРОЧНЫХЪ экзаменовъ, вообще говоря, оказались для нихъ въ нынѣшнемъ году благоприятнѣе, чѣмъ въ минувшемъ. Въ 1869 году изъ 188-и гимназистовъ Московскаго округа не были приняты въ университетъ 32 ученика (17⁰/о), между тѣмъ какъ въ 1870 году изъ 133-хъ гимназистовъ, подвергшихся коллоквиуму, не было принято лишь 11 (8,3⁰/о).

2) Переходя затѣмъ къ отдѣльнымъ предметамъ повѢРОЧНЫХЪ экзаменовъ, находимъ, что познанія учениковъ по русскому языку нѣсколько улучшились, сравнительно съ прошлогодними. Въ нынѣшнемъ году неудовлетворительные баллы получили 17 учениковъ (12,7⁰/о), между тѣмъ какъ въ минувшемъ году неудовлетворительныя познанія по русскому языку оказали 28 учениковъ (14,9⁰/о). Тѣмъ не менѣе нельзя считать и этотъ результатъ благоприятнымъ, и это обстоятельство въ значительной степени обуславливалось шаткостію, которая и до сихъ поръ еще продолжаетъ господствовать въ преподаваніи русскаго языка и словесности, благодаря различнымъ программамъ, выработаннымъ въ весьма небольшіе промежутки времени разными комиссіями подъ предсѣдательствомъ профессоровъ университета. При этомъ г. попечитель заявляетъ, что въ гимназіяхъ Московскаго округа, послѣ сдѣланныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія указаній, приняты всевозможныя мѣры для усовершенствованія письменныхъ работъ учащихся. Независимо отъ сочиненій, задаваемыхъ въ извѣстные сроки на домъ, часто задаются сочиненія въ классѣ и дѣлаются диктовки во всѣхъ классахъ.

3) Успѣхи по древнимъ языкамъ въ нынѣшнемъ году можно назвать весьма удовлетворительными: изъ 188-и учениковъ Московскаго учебнаго округа лишь одинъ ученикъ получилъ неудовлетворительный баллъ изъ латинскаго языка; изъ греческаго же языка въ ученики, подвергшіеся повѣрочному испытанію, за исключеніемъ одного, оказали удовлетворительные успѣхи.

4) Нѣсколько въ иномъ видѣ представляются успѣхи въ математикѣ, изъ которой неудовлетворительные баллы получали 43 гимназиста (32,3%). Нельзя не замѣтить, что на выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа успѣхи учениковъ въ математикѣ, по отзывамъ профессоровъ, присутствовавшихъ на этихъ экзаменахъ, оказывались постоянно весьма удовлетворительными, какъ видно изъ донесеній гг. профессоровъ за 1863—1869 годы. Отзывъ экзаменаціонной комиссіи по математикѣ объясняетъ слабыя познанія учениковъ на повѣрочныхъ экзаменахъ въ нынѣшнемъ году а) внезапностію самаго экзамена по математикѣ для всѣхъ безъ исключенія, тогда какъ въ прошломъ году экзаменовались только тѣ, которые изъявили желаніе вступить въ математическій факультетъ, и б) малымъ количествомъ практическихъ задачъ, рѣшаемыхъ учениками, по причинѣ недостатка времени, происходящаго отъ обремененія учениковъ работами по другимъ предметамъ. Послѣдній недостатокъ будетъ устраненъ предполагаемымъ расширеніемъ курса ученія на восьмой годъ. Замячанія испытательныхъ комиссій, по отзыву г. попечителя, сообщаются директорамъ гимназій, для принятія надлежащихъ мѣръ со стороны педагогическихъ совѣтовъ.

2. Въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

Всѣхъ лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію для поступленія на первый курсъ Варшавскаго университета и для перехода на второй, было въ текущемъ академическомъ 1870 году 218.

Для перехода на второй курсъ подвергались повѣрочному испытанію 6 вольнослушателей прошлаго академическаго года.

Лица, подвергавшіеся повѣрочному испытанію, для поступленія на первый курсъ, принадлежать, въ огромномъ большинствѣ, къ воспитанникамъ классическихъ и реальныхъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа, и только въ самой незначительной долѣ къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній округовъ Виленскаго и Киевскаго. А именно: гимназіямъ Варшавскаго округа принадлежать 212, учебнымъ заведеніямъ Виленскаго и Киевскаго—7; сверхъ того, подвергав-

лись повѣрочному испытанію для перехода на другой факультетъ 8 студента Варшавскаго университета.

Общее число лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію для поступленія на первый курсъ, распределяется по означеннымъ учебнымъ заведениямъ въ такой пропорціи:

Варшавской 1-й гимназіи — 3, Варшавской 2-й — 25, Варшавской 3-й — 23, Варшавской 4-й — 7, Варшавской 5-й — 16, Варшавской реальной гимназіи — 11, Сѣдлецкой — 6, Люблинской — 31, Калишской — 7, Домжинской — 10, Цюлковской — 12, Маріампольской — 3, Пилчовской — 4, Радомской — 10, Сувалякской — 9, Кѣлцкой — 14, Холмской — 5, Бѣльскаго — 2, Влодавской реальной — 4, Ровенской — 2, Гродненской — 3, Житомирскаго равнинскаго училища — 1, лицей князя Безбородки — 1, Варшавскаго университета — 3. Итого 212.

Изъ 212 лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію для поступленія на первый курсъ, 21 лицо подвергались дополнительному повѣрочному испытанію для перехода на другой факультетъ.

Такимъ образомъ, число всѣхъ лицъ, подвергавшихся испытанію для поступленія на первый курсъ, возросло до 233.

Последнее число распределялось по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: 1) на факультетъ историко-филологическій испытывалось 5 лицъ, 2) на факультетъ фнанико-математическій испытывалось 40 лицъ, 3) на факультетъ юридическій испытывалось 75 лицъ, 4) на факультетъ медицинскій испытывалось 113 лицъ.

Изъ 6-и вольнослушателей, державшихъ повѣрочное испытаніе для перехода на второй курсъ, 1 принадлежалъ факультету историко-филологическому, 1 фнанико-математическому, 3 юридическому и 1 медицинскому.

Предметы, по которымъ подвергались повѣрочному испытанію, для поступленія на первый курсъ и для перехода на второй, были слѣдующіе: *русскій, латинскій и греческій языки, русская и всеобщая исторія, математика и физика.*

На факультетъ *историко-филологическій* испытывались по русскому, латинскому и греческому языкамъ, русской и всеобщей исторіи; на *физико-математическій* — по русскому языку, русской исторіи, физикѣ и математикѣ; на *юридическій* — по русскому и латинскому языкамъ, русской и всеобщей исторіи; на *медицинскій* — по русскому языку, математикѣ и физикѣ.

Такъ какъ въ некоторыя лица были, по правиламъ, освобождены отъ повѣрочнаго испытанія по одному и даже нѣсколькимъ предме-

такъ, то количество испытывавшихся по тому или другому факультету представилось въ слѣдующемъ видѣ: 1) Всѣхъ вообще испытывалось 202; въ этомъ числѣ 2) на историко-филологическій факультетъ 4, 3) на физико-математическій факультетъ 89, 4) на юридическій факультетъ 58, 5) на медицинскій 101.

Послѣдствія повѣрочныхъ испытаній оказались слѣдующія.

6 вольнослушателей, получившіе удовлетворительные баллы, переведены на второй курсъ.

Изъ 212 лицъ, подвергавшихся испытанію, не получили удовлетворительныхъ балловъ 23. Изъ послѣднихъ—7 получили неудовлетворительные баллы при вторичномъ испытаніи для перехода на иные факультеты, и потому оставлены на прежнихъ; 3, не выдержавшіе испытанія на одинъ факультетъ, успѣли выдержать на другой; остальные 12 не приняты въ университетъ.

Не приняты воспитанники: Варшавской 3-й гимназій—3, Варшавской 5-й—2, Варшавской реальной—1, Люблинской—1, Калишской—1, Ломжинской—2, Плоцкой—1, Кѣлецкой—1. Итого 12.

Такимъ образомъ изъ 212 лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію для поступленія на первый курсъ, принято 199, въ томъ числѣ 8 бывшихъ студента университета и 196 вновь принятыхъ.

Въ числѣ 199 приняты воспитанники слѣдующихъ учебныхъ заведеній:

Варшавской 1-й гимназій—3, Варшавской 2-й—25, Варшавской 3-й—21, Варшавской 4-й—7, Варшавской 5-й—14, Варшавской реальной гимназій—10, Сѣдлецкой—6, Люблинской—29, Калишской—6, Ломжинской—8, Плоцкой—11, Маріампольской—3, Пячовской—4, Радомской—10, Сувалекской—9, Кѣлецкой—13, Холмской—5, Вѣльской—2, Влоцлавской реальной гимназій—4, Ровенской—1, Гродненской—3, Житомирскаго раввинскаго училища—1, лиція князя Безбородко—1, Варшавскаго университета—3. Итого 199.

По факультетамъ это число распредѣлилось такимъ образомъ: 1) На историко-филологическій факультетъ принято 5, 2) на физико-математическій факультетъ принято 36, 3) на юридическій факультетъ 59, 4) на медицинскій факультетъ 99.

Общіе результаты повѣрочныхъ испытаній представляются въ такомъ видѣ:

1. По факультету историко-филологическому испытывалось и принято на 1-й курсъ 5 студентовъ и одинъ на 2-й курсъ. Безъ испытанія принятъ на 1-й курсъ 1. Такимъ образомъ составъ 1-го

курса этого факультета, вмѣстѣ съ оставшимся 1-мъ студентомъ на второй годъ, въ 1870/71 году будетъ представлять 7 студентовъ.

2) По факультету *физико-математическому* всего испытывалось 41; изъ этого числа 38 выдержали испытаніе на 1-й курсъ и 1— на 2-й; но 2 изъ принятыхъ на 1-й курсъ перешли на другой факультетъ. Такимъ образомъ составъ перваго курса этого факультета въ 1870/71 года, вмѣстѣ съ 11-ю оставшимися на томъ же курсѣ на 2-й годъ, будетъ представлять 46 студентовъ.

3) По *юридическому* факультету всего испытывалось 78; изъ этого числа 60 выдержали испытаніе и приняты на 1-й курсъ, а 3 на второй; безъ испытанія на 1-й курсъ принято 2. Общій составъ 1-го курса этого факультета будетъ представлять, вмѣстѣ съ оставшимися на 2-й годъ въ томъ же курсѣ 10-ю студ., и за исключеніемъ 1-го, перешедшаго на другой факультетъ, всего 71 чел.

4) По *медицинскому* факультету всего испытывалось 114, выдержало на 1-й курсъ 107, на второй 1; безъ испытанія принять 1, изъ принятыхъ 8 перешли на другой факультетъ. Съ 38-ю оставшимися на 2-й годъ на томъ же факультетѣ всего будетъ на немъ, въ 1870/71 году, 138 чел.

Обозрѣвая общій ходъ повѢрочныхъ испытаній въ 1870 году, мы получаемъ слѣдующіе выводы:

1) Изъ числа воспитанниковъ, испытывавшихся для поступленія на 1-й курсъ университета, учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго округа принадлежатъ 96,2, а заведеніямъ другихъ учебныхъ округовъ, именно Виленскаго и Кіевскаго, только 3,1.

Изъ того же числа воспитанниковъ, классическими и реальною гимназіями г. Варшавы доставлено 42,06; остальными гимназіями Варшавскаго учебнаго округа — 53,64.

Подвергавшіеся повѢрочнымъ испытаніямъ для поступленія на 1-й курсъ доставлены отдѣльными учебными заведеніями Варшавскаго и другихъ округовъ въ слѣдующей пропорціи:

Гимназіями: Люблинскою — 15,62/100, Варшавскою 2-ю — 12,01, Варшавскою 3-ю — 11,57, Варшавскою 5-ю — 8,16, Кѣлецкою — 6,00, Цюцкою — 5,16, Варшавскою реальною — 4,72, Домжисскою — 4,72, Радомскою — 4,20, Варшавскою 4-ю — 3,86, Сувалскою — 3,00, Холмскою — 3,42, Калишскою — 3,00, Сѣдлецкою — 2,57, Варшавскою 1-ю — 1,71; Пинчовскою — 1,71, Влодавскою реальною — 1,71, Маріампельскою — 1,23, Гродненскою — 1,23, Варшавскимъ университетомъ — 1,23, гимназіями: Вѣд-

скою — 0,85, Ровенскою — 0,86, Житомирскимъ равнинскимъ училищемъ — 0,42, лицеемъ князя Безбородко — 0,42.

Для поступления на 1-й курсъ историко-филологическаго факультета, изъ общаго числа (233) испытывалось только — 2,12⁰/₀; физико-математическаго факультета — 17,12, юридическаго — 22, медицинскаго — 48,42.

Въ общій ⁰/₀ испытывавшихся на историко-филологическій факультетъ доставлено гимназіями: Ломжинскою — 0,82, Люблинскою — 0,42, Кѣлецкою — 0,42, Холмскою — 0,42.

Въ общій ⁰/₀ испытывавшихся на физико-математическій факультетъ доставлено гимназіями: Люблинскою — 4,72, Варшавскою 3-ю — 1,71, Варшавскою 5-ю — 1,71, Ломжинскою — 1,22, Радомскою — 1,22, Кѣлецкою 1,22, Варшавскою реальною 0,85, Холмскою — 0,85, Влоцлавскою реальною — 0,85, Варшавскою 2-ю — 0,42, Варшавскою 4-ю — 0,42, Калишскою — 0,42, Плоцкою — 0,42, Пинчовскою — 0,42, Сувалскою — 0,42 и Бѣльскою — 0,42.

Въ общій ⁰/₀ испытывавшихся на юридическій факультетъ доставлено гимназіями: Варшавскою 2-ю — 5,12, Варшавскою 3-ю — 3,42, Люблинскою — 3,42, Плоцкою — 3,42, Варшавскою 5-ю — 3,00, Варшавскою 4-ю — 1,71, Сувалскою — 1,71, Кѣлецкою — 1,71, Холмскою — 1,71, Варшавскою 1-ю — 1,22, Варшавскою реальною — 1,22, Сѣдецкою — 0,82, Ломжинскою — 0,82, Радомскою — 0,82, Влоцлавскою реальною — 0,82, Калишскою — 0,42 и Ровенскою — 0,42.

Въ общій ⁰/₀ испытывавшихся на медицинскій факультетъ доставлено гимназіями: Варшавскою 2-ю — 6,42, Варшавскою 3-ю — 6,42, Люблинскою — 6,42, Варшавскою 5-ю — 3,82, Варшавскою реальною — 2,57, Кѣлецкою — 2,57, Калишскою — 2,14, Радомскою — 2,14, Варшавскою 4-ю — 1,71, Сувалскою — 1,71, Кѣлецкою — 1,71, Ломжинскою — 1,71, Плоцкою — 1,22, Мариампольскою — 1,22, Пинчовскою — 1,22, Гродненскою — 1,22, Варшавскимъ университетомъ — 1,22, Варшавскою 1-ю гимназіею — 0,42, Бѣльскою — 0,42, Холмскою — 0,42, Ровенскою — 0,42, Житомирскимъ равнинскимъ училищемъ — 0,42, лицеемъ князя Безбородко — 0,42.

2. Въ общей суммѣ балловъ, баллы неудовлетворительныя (1 и 2) составляютъ 4,4⁰/₀, отличныя (5) — 13,42, и среднія (3 и 4) — 82,82.

3. Въ общей суммѣ балловъ, полученныхъ по тому или другому предмету испытанія, неудовлетворительныя баллы составляютъ: по греческому языку — 0,0, по русскому — 0,82, по физикѣ — 2,01, по да-

греческому языку — 2,79, по математикѣ — 4,22, по русской исторіи — 8,25, по всеобщей исторіи — 13,59.

Въ той же суммѣ балловъ отличные баллы составляютъ: по греческому языку — 0,0, по латинскому языку — 3,91, по всеобщей исторіи — 8,74, по математикѣ — 12,20, по русскому языку — 12,82, по русской исторіи — 13,44, по физикѣ — 25,10.

Уравновѣсивая неудовлетворительные баллы отличными, или принявъ первые за отрицательныя, вторые за положительныя величины и слагая вмѣстѣ, получимъ пропорцію, позволяющую судить объ общемъ уровнѣ подготовки испытывавшихся по тому или другому предмету, — а именно: по физикѣ + 23,40, по русскому языку + 11,82, по математикѣ + 7,74, по русской исторіи + 3,40, по латинскому языку + 1,12, по греческому языку — 0,0, по всеобщей исторіи — 4,82.

Изъ этого видно, что въ текущемъ академическомъ году, подвергавшіеся повѣрочнымъ испытаніямъ *высшій* уровень подготовки въ университетскому курсу обнаружили по *математикѣ точнымъ и русскому языку*; между тѣмъ какъ по *русской исторіи и по классическимъ языкамъ* степень подготовки ихъ стоитъ немного *выше средней*, а по *исторіи всеобщей* — *значительно ниже*.

4. На учебныя заведенія, изъ которыхъ вышло подвергавшіеся повѣрочному испытанію для поступления на 1-й курсъ, число неудовлетворительныхъ балловъ падаетъ въ слѣдующей пропорціи: на гимназіи: Варшавскую 3-ю — 18,00%, Варшавскую 5-ю — 15,00, Домжискую — 15,15, Варшавскую 2-ю — 9,00, Варшавскую реальную — 6,00, Люблинскую — 6,00, Калишскую — 6,00, Плоцкую — 6,00, Кѣлецкую — 6,00, Ровенскую — 6,00, Варшавскую 1-ю — 3,00, Влоцлавскую реальную — 3,00.

Чтобы получить право судить по этимъ цифрамъ объ общемъ уровнѣ подготовки къ университетскому курсу, обнаруженномъ воспитанниками того или другаго учебнаго заведенія, слѣдуетъ принять во вниманіе два обстоятельства: во первыхъ, число лицъ, испытывавшихся изъ того или другаго заведенія, и во вторыхъ, число отличныхъ балловъ, полученныхъ ими вмѣстѣ съ неудовлетворительными.

Раздѣляя % неудовлетворительныхъ балловъ, доставшихся тому или другому учебному заведенію, на число воспитанниковъ этого, подвергавшихся повѣрочному испытанію, находимъ, что на воспитанники Ровенской гимназіи падаетъ — 3,00, Калишской — 0,00, Варшавской 6-й — 0,70, Варшавской 1-й — 0,77, Варшавской 4-й — 0,87, Варшавской реальной — 0,84, Варшавской 3-й — 0,66, Плоцкой — 0,84, Кѣлецкой — 0,84, Варшавской 2-й — 0,32, Люблинской — 0,14.

Число *отличныхъ* балловъ распределяется по учебнымъ заведеніямъ въ слѣдующей пропорціи:

На гимназію Варшавскую 3-ю приходится 12,24%, на Люблинскую — 12,24, Варшавскую 2-ю — 11,22, Варшавскую 5-ю — 8,16, Ломжинскую — 6,12, Плоцкую — 6,12, Сувалкскую — 6,12, Кѣлецкую — 6,12, Влоцлавскую реальную — 4,08, Сѣдлецкую — 3,16, Пинчовскую — 3,16, Холмскую — 3,16, Варшавскую 1-ю — 2,04, Варшавскую 4-ю — 2,04, Мариампольскую — 2,04, Радомскую — 2,04, Калишскую — 1,02, Гродненскую — 1,02.

Раздѣлая % отличныхъ балловъ на число воспитывавшихся въ то или другаго учебнаго заведенія, находимъ, что на воспитанника Влоцлавской реальной гимназіи приходится — 1,02, Пинчовской — 0,79, Варшавской реальной — 0,72, Мариампольской — 0,67, Сувалкской — 0,67, Ломжинской — 0,56, Варшавской 1-й — 0,51, Плоцкой — 0,51, Варшавской 3-й — 0,46, Сѣдлецкой — 0,46, Кѣлецкой — 0,42, Варшавской 5-й — 0,42, Варшавской 2-й — 0,40, Холмской — 0,39, Люблинской — 0,34, Гродненской — 0,32, Варшавской 4-й — 0,22, Радомской — 0,20, Калишской — 0,14.

Принимая неудовлетворительные баллы за величины отрицательныя, а отличные за положительныя, и сложая вмѣстѣ % тѣхъ и другихъ, получаемъ прецедію, позволяющую судить объ общемъ уровнѣ подготовки къ университетскому курсу, обнаруженномъ воспитанниками рассматриваемыхъ учебныхъ заведеній, — а именно: на воспитанника Пинчовской гимназіи приходится + 0,79, Мариампольской + 0,69, Сувалкской + 0,67, Ломжинской + 0,56, Сѣдлецкой + 0,46, Холмской + 0,39, Гродненской + 0,34, Влоцлавской реальной + 0,32, Варшавской 4-й + 0,22, Радомской + 0,20, Люблинской + 0,17, Варшавской 2-й + 0,08, Плоцкой + 0,02, Кѣлецкой — 0,0, Вѣльской — 0,0, Житомирскаго равнинскаго училища — 0,0, Лицея князя Весбородко — 0,0, Варшавскаго университета — 0,0, Варшавской реальной — 0,04, Варшавской 3-й — 0,21, Варшавской 1-й — 0,26, Варшавской 5-й — 0,27, Калишской — 0,12, Ровенской — 3,02.

Изъ этого видно, что вообще *высшій* уровень подготовки къ университетскому курсу обнаруженъ на повѣрочныхъ испитаніяхъ воспитанниками гимназій: Пинчовской, Мариампольской, Сувалкской, Ломжинской, Сѣдлецкой, Холмской, Гродненской, Влоцлавской реальной, Варшавской 4-й, Радомской, Люблинской; уровень подготовки нѣсколько *выше средняго* приходится на долю воспитанниковъ гимназій: Варшавской 2-й и Плоцкой; *средній* уровень принадлежитъ вос-

питанникамъ гимназій: Кѣлецкой и Бѣльской, Житомирскаго равнинскаго училища, лицей князя Безбородко и Варшавскаго университета; наконецъ, уровень подготовки болѣе или менѣе *малы* *предѣлю* обнаруженъ воспитанниками гимназій: Варшавской реальной, Варшавской 3-й, Варшавской 1-й, Варшавской 5-й, Калишской и Ревельской.

5. Неудовлетворительные баллы, не уравниваемыя отличными, приходятся — у воспитанниковъ:

- Варшавской 3-й гимназіи на *латинскій языкъ* и *математику*;
- Варшавской 5-й, на *латинскій языкъ* и *всеобщую исторію*;
- Калишской, на *русскую исторію* и *всеобщую*;
- Ломжинской, на *латинскій языкъ*;
- Плоцкой, на *всеобщую исторію*;
- Кѣлецкой, на *всеобщую исторію*;
- Влоцлавской реальной, на *русскую исторію*, и
- Варшавской 1-й, на *физику*.

6. Относительно тѣхъ сторонъ предметовъ испытанія, въ которыхъ испытывавшіеся оказались наиболѣе слабыми, испытывавшіе сдѣлали слѣдующія наблюденія:

а) По замѣчаніямъ исправляющихъ должность ординарныхъ профессоровъ Полеваго и Вейнберга, подвергавшіеся испытанію по *русскому языку* оказались сравнительно слабѣе въ *грамматическомъ анализѣ*, *орфографіи* и *разговорной рѣчи*.

б) По замѣчанію исправляющаго должность ординарнаго профессора Мѣржинскаго, испытывавшіеся по *латинскому языку* оказались сравнительно слабѣе въ *грамматическомъ анализѣ*.

в) По замѣчанію исправляющаго должность ординарнаго профессора Копылова, испытывавшіеся по *русской* и *всеобщей исторіи* *выказали* особенную слабость въ *отчетливости* и *осмысленности историческаго разказа*, и въ знаніи *хронологіи*, *генеалогіи* и *исторической географіи*.

г) По замѣчанію доцента Андреевскаго, испытывавшіеся по *математикѣ* не обнаружили вообще удовлетворительнаго знакомства съ *практическими сторонами теоріи логарифмовъ* и *тригонометріи*.

д) По замѣчанію исправляющаго должность ординарнаго профессора Пржистанскаго, испытывавшіеся по *физикѣ*, отвѣчая вообще удовлетворительно на вопросы, относящіеся къ основнымъ законамъ физики, часто не умѣли дать самаго простаго описанія необходимыхъ физическихъ снарядовъ. Профессоръ Пржистанскій объясняетъ

такое явленіе является принадлежностью курса физики въ классическихъ гимназіяхъ.

7. Вообще результаты испытаній можно признать удовлетворительными, такъ какъ изъ общаго числа лицъ, исполнившихъ поступленія на 1-й курсъ университета, принято въ университетъ 93,66, а не принято только 6,12.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НЕДОСТАТОЧНЫХЪ СТУДЕНТАХЪ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ЗА 1870 ГОДЪ.

По всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства г. попечителя Одесскаго учебнаго округа объ открытіи при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ попечительства о недостаточныхъ студентахъ, Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше соизволить на учрежденіе означеннаго попечительства, съ указаніемъ притомъ и главныхъ основаній его состава и дѣятельности. Составленный вслѣдъ за тѣмъ совѣтомъ университета проектъ устава попечительства утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. На основаніи этого устава, правленіе попечительства состоитъ, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, изъ ректора, проректора, декановъ университета и по одному профессору отъ каждаго факультета.

Открывъ въ этомъ составѣ свои дѣйствія, правленіе попечительства прежде всего обратилось за содѣйствіемъ къ мѣстному обществу и встрѣтило со стороны его полное сочувствіе, доставившее правленію средства на первыхъ же порахъ приступить къ принятому имъ на себя дѣлу благотворительности. Вся дѣятельность правленія въ отчетное время главнѣйшимъ образомъ заключалась въ пріисканіи мѣръ къ увеличенію денежныхъ средствъ попечительства и въ распредѣленіи поступавшихъ въ оное суммъ между недостаточными студентами. Для возможно болѣе справедливаго распредѣленія этихъ суммъ правленіе собирало свѣдѣнія о каждомъ просителѣ въ канцеляріи университета и въ инспекціи, и только получивъ одобрителный отзывъ о занятіяхъ и поведеніи студента, а также удостовѣреніе въ недостаточномъ его состояніи, выдавало пособіе безвозвратное или заемноеобразное на покрытіе нуждъ первой потребности, на уплату за право слушанія лекцій въ университетѣ, на лѣченіе и тому подобныя нужды.

Затѣмъ, считая прямою обязанностію упрочить дѣло своей благотворительности и увеличить, на сколько возможно, средства попечительства, правленіе приступило къ образованію запаснаго капитала, для чего въ засѣданіи 27-го ноября постановило: изъ всѣхъ поступающихъ въ попечительство суммъ отчислять 25% и обращать ихъ въ наиболѣе обезпеченныя и выгодныя въ данное время процентныя бумаги, а въ засѣданіи 22-го декабря, въ видахъ возможно скорѣйшаго увеличенія этого капитала, опредѣлило: всѣ суммы попечительства, какія окажутся не израсходованными къ 31-му числу декабря мѣсяца каждаго года, также обращать въ процентныя бумаги.

Какъ на лучшее доказательство сочувствія мѣстнаго общества къ задачѣ попечительства и содѣйствія его въ выполненіи ея, правленіе съ благодарностію можетъ указать на тотъ фактъ, что Одесская городская общая дума постановила выдавать въ пособіе попечительству по 3.000 рублей въ годъ, и что въ отчетное время въ составѣ попечительства считается уже 23 почетныхъ, 65 дѣйствительныхъ членовъ, 2 члена-сотрудника и 67 жертвователей.

Движеніе суммъ попечительства за отчетное время представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Приходъ.

Поступило пожертвованій:		
Отъ почетныхъ членовъ	1.642	руб.
„ дѣйствительныхъ членовъ	740	„
„ членовъ-сотрудниковъ	20	„
„ лицъ, сдѣлавшихъ единовременныя пожертванія.	2.257	„ 87 ¹ / ₄ коп.
Всего	4.659	„ 87 ¹ / ₄ коп.

Расходъ.

1. Выдано безвозвратное пособіе 72-мъ студентамъ въ размѣрѣ 10—40 руб. въ одинъ разъ.	1.574	руб.	—	коп.
2. Выдано заимообразно 26-и студентамъ и 1-му постороннему слушателю	780	„	—	„
3. Уплачено разнымъ лицамъ за отпечатаніе устава попечительства, бланковъ, циркуляровъ, дипломовъ для почетныхъ членовъ, билетовъ для дѣйствительныхъ членовъ и членовъ - сотрудниковъ и проч.	103	„	—	„

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО О СТУДЕНТАХЪ ПРИ НОВОРОССИЙСК. УНИВЕРСИТЕТЪ. 19

4. Употреблено на письмоводство въ декабрѣ 1870 года	15 руб.	—	коп.
5. Уплачено за 9 закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка на сумму 2.100 руб. съ купонами съ 1-го марта 1871 года	1.863	„	75 „
6. Уплачено за 1 билетъ перваго внутренняго 5% съ выигрышами займа, 1 билетъ втораго займа и за страховку билета 1-го займа на тиражъ 1-го января 1871 года	293	„	35 „
Всего	4.629	руб.	10 коп.

Такимъ образомъ къ 1-му января 1871 года состояло:

а) для приобщенія къ 5% изъ имѣющихъ поступить суммъ, на покупке процентныхъ бумагъ	30	руб.	77 ¹ / ₄	коп.
б) процентными бумагами	2.300	„	—	„
Итого	2.330	руб.	77 ¹ / ₄	коп.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

По вопросу о привлеченіи студентовъ къ научнымъ практическимъ занятіямъ (мнѣнія факультетовъ юридическихъ и медицинскихъ и факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета). — Объ образованіи разряда физико-химическихъ наукъ въ физико-математическомъ факультетѣ университета св. Владимира. — Торжественный годичный актъ С.-Петербургскаго университета. — Вновь предложенныя задачи для соисканія наградъ медалями въ С.-Петербургскомъ университетѣ. — Награжденіе въ томъ же университетѣ медалями сочиненій, представленныхъ въ 1870 году.

Въ февральской книжѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Современная лѣтопись, стр. 184—204) мы сообщили мнѣнія историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ по вопросу о привлеченіи студентовъ къ научнымъ практическимъ занятіямъ и по слѣдующимъ тремъ второстепеннымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ главному вопросу: а) не должны ли быть научныя практическія занятія обязательны для всѣхъ студентовъ; б) по какому образцу устроить это дѣло—примѣнительно ли въ системѣ англійской, нѣмецкой или французской, и в) не слѣдуетъ ли по нѣкоторымъ факультетскимъ предметамъ предлагать во время окончательнаго изъ нихъ экзамена вопросы для письменнаго рѣшенія подѣ строгимъ надзоромъ (Clausur - Arbeit) съ тѣмъ, чтобъ удостоеніе ученыхъ степеней и званій, между прочимъ и даже главнѣйше, зависѣло отъ достоинства письменныхъ работъ. Обращаемся теперь къ мнѣніямъ, высказаннымъ по всѣмъ этимъ вопросамъ факультетами юридическими и медицинскими и факультетомъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ профессорами *юридическаго* факультета С.-Петербургскаго университета оказывается, что нѣкоторые

профессоры руководят занятиями студентов ввѣ лекцій, давая имъ разныя темы для письменныхъ работъ, которыя потомъ обсуждаются студентами, или сообщая книги и ученые статьи для письменнаго или устнаго изложенія отчета о нихъ, которое также обсуждается студентами подъ руководствомъ профессоровъ. Другіе профессора дѣлаютъ на лекціяхъ указанія, которыя студентами провѣряются по источникамъ отечественнаго законодательства, по своду законовъ, по судебнымъ уставамъ, по кассационнымъ рѣшеніямъ сената. Таковыя занятія студентовъ контролируются во время устныхъ испытаній. Наконецъ, нѣкоторые профессора указываютъ на своихъ лекціяхъ источники и пособія для самостоятельныхъ работъ, и нѣкоторые, сверхъ того, устраиваютъ юридическіе диспуты по дѣйствующему законодательству. Сверхъ того, какъ извѣстно, студенты ввѣ лекцій занимаются сочиненіемъ диссертаций на заданныя отъ факультетовъ темы или же подготовкою матеріаловъ для кандидатскихъ разсужденій. Къ этому юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета присоединяетъ слѣдующее: 1) что по различію предметовъ, входящихъ въ составъ наукъ, преподаваемыхъ въ факультетѣ, не могутъ быть приложены одинаковыя начала относительно методовъ практическихъ занятій, и 2) что по причинѣ громаднаго количества слушателей и небольшого персонала преподавателей невозможно устроить систематическихъ, постоянныхъ практическихъ курсовъ. По самому существу нѣкоторыхъ преподаваемыхъ въ юридическомъ факультетѣ предметовъ, преподаваніе ихъ вызываетъ практическія упражненія, устройство которыхъ возможно по весьма различнымъ методамъ, а избраніе ихъ факультетъ предоставляетъ самимъ профессорамъ. Таковы: 1) гражданское право и гражданское судопроизводство. Ординарный профессор *Пахманъ* по двумъ этимъ, входящимъ въ составъ его кафедры наукамъ, преподаваемымъ въ III-мъ и IV-мъ курсахъ, неуклонно держится тѣхъ свойственныхъ самому существу этихъ наукъ приемовъ, которые ведутъ молодыхъ людей къ усвоенію правильнаго пониманія основныхъ началъ науки въ примѣненіи ихъ къ разнообразнымъ случаямъ судебнаго-гражданской практики. Съ этою цѣлію, при изложеніи науки, постоянно приводятся практическіе примѣры, и комментируются статьи самыхъ источниковъ, при чемъ указывается толкованіе ихъ въ нашей судебной практикѣ (на сколько они извѣстны въ печати), и важнѣйшія положенія, выраженныя въ рѣшеніяхъ гражданскихъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Для болѣе успѣшнаго достиженія вышеозначенной цѣли, слушатели,

безъ пособія литографированныхъ записокъ, приготовляются къ слушанію каждой лекціи прочтеніемъ текста по избранному учебнику съ тѣмъ, чтобы записывать, во время лекцій, лишь то, чего нѣтъ въ печатномъ руководствѣ, и съ другой стороны, провѣряютъ указанныя мѣста источниковъ для самостоятельнаго усвоенія приѣмовъ комментарія и экзегетики. Эти средства ведутъ къ тому, что слушатели не остаются пассивными зрителями преподаванія, а съ другой—поставлены въ необходимость самостоятельно работать дома надъ изученіемъ содержанія каждой лекціи, тѣмъ болѣе, что эти ихъ занятія повѣряются при устныхъ испытаніяхъ, устроенныхъ для контроля занятій студентовъ и для оцѣнки познаній при выпускѣ. Сверхъ того, для слушателей, посвящающихъ себя спеціально цивилистикѣ, указываются иностранныя руководства и важнѣйшія монографіи. Что же касается до практическихъ занятій другаго рода, каковы, напримѣръ, разборъ цѣлыхъ судебныхъ дѣлъ, то необходимость ихъ удовлетворяется введеннымъ судебными уставами 20-го ноября 1864 года институтомъ кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству, имѣющимъ цѣлю ознакомленіе съ порядкомъ производства дѣла въ самыхъ судебныхъ мѣстахъ; въ стѣнахъ университета, даже независимо отъ того обстоятельства, что юридическіе профессора устранены нашими законами отъ непосредственнаго участія въ судебной практикѣ, такіа практическія занятія были бы неосуществимы при весьма значительномъ количествѣ слушателей (до 250 въ III-мъ и IV-мъ курсахъ) и при одномъ преподавателѣ столь обширныхъ наукъ, каковы гражданское судопроизводство, для которыхъ если обратиться къ примѣру иностранныхъ университетовъ, необходимо, даже по одной теоріи, не менѣе трехъ преподавателей. При семъ не можетъ быть упускаемо изъ виду и то, что на обязанности того же преподавателя лежитъ разсмотрѣніе кандидатскихъ разсужденій и другихъ диссертаций на ученые степени, и что для него неизбѣженъ трудъ разъясненія тѣхъ судебно-практическихъ вопросовъ, съ которыми, въ лекціяхъ, въ нему постоянно обращаются студенты и слушатели университета. 2) Преподающій уголовное судопроизводство ординарный профессоръ *Чебышевъ-Дмитріевъ*, при разъясненіи началъ судебного права, приноситъ дѣла, раздаетъ ихъ слушателямъ, вступаетъ съ ними по временамъ въ бесѣды, словомъ — доставляетъ имъ возможность ознакомиться съ практической стороною нашего уголовного судопроизводства, на сколько это находить необходимымъ. Сверхъ того, при чтеніи лекцій онъ указываетъ студентамъ въ каждомъ главномъ отдѣлѣ преподаваемаго имъ предмета источники

и литературу русскую и иностранную. При изложении предмета, профессор Чебышевъ-Дмитріевъ обращаетъ главное вниманіе на русское законодательство и знакомитъ слушателей какъ съ судебною практикою вообще, такъ въ особенности съ рѣшеніями кассационнаго департамента сената. Эти предметы, со включеніемъ практическихъ упражненій, преподаются въ IV-мъ курсѣ въ опредѣленные по росписанію часы. Усиленіе практическихъ упражненій въ этихъ предметахъ было бы излишнимъ. И остальные предметы, преподаваемые спеціально въ юридическомъ разрядѣ (въ III-мъ и IV-мъ курсахъ), уголовное право и международное право, требуютъ точно также самостоятельнаго изученія студентами источниковъ и литературы, послѣдствіемъ чего могутъ являться ихъ собственныя диссертаци. Но для такихъ практическихъ упражненій требуются три условія: во первыхъ, чтобы профессора знакомили студентовъ съ источниками и литературой; во вторыхъ, чтобы у студентовъ были въ рукахъ источники и пособия; въ третьихъ, чтобы написанныя ими диссертаци были подвергаемы разсмотрѣнію и критикѣ въ особые часы, съ допущеніемъ дѣлать замѣчанія и студентовъ, возбуждая контроверзы и проч. Первое изъ этихъ условій исполняется: профессора знакомятъ, и притомъ съ приложеніемъ научной критики, и съ источниками, и съ литературою. Второго условія почти нѣтъ: весьма немногіе изъ студентовъ могутъ своевременно получать необходимые источники и сочиненія. Понятно, что и требованіе, чтобы всѣ представили до окончанія курса диссертаци, не можетъ быть постановлено обязательнымъ. Если же, какъ и бывало неоднократно, представляются диссертаци, то на разсмотрѣніе ихъ назначаются особые часы. Въ прошломъ учебномъ году профессоромъ *Таланцевымъ* были назначены подобныя лекціи по два раза въ недѣлю. Совершенно въ такихъ же условіяхъ находятся предметы, преподаваемые въ спеціальныхъ курсахъ (III-мъ и IV-мъ) административнаго разряда: политическая экономія, статистика, полицейское право и финансовое право. Заслуженный профессоръ политической экономіи *Горловъ* посвящаетъ отъ 1-го до 2-хъ часовъ въ административномъ разрядѣ разбору политико-экономическихъ теорій, появляющихся въ новыхъ сочиненіяхъ и спеціальныхъ журналахъ. Для этой цѣли онъ предлагаетъ слушателямъ составлять извлеченія изъ сообщенныхъ имъ сочиненій и извлеченія эти дѣлаетъ предметомъ устнаго обсужденія аудиторіи. Практическія лекціи обязательны въ административномъ разрядѣ, но профессоръ объявляетъ ихъ не всякій годъ, а только тогда, когда въ курсѣ есть достаточное число слушателей, и когда послѣдніе не слишкомъ

заняты практическими работами и сочиненіями у другихъ профессоровъ. Преподаватель статистики *Янсонъ* не только рекомендуетъ, но и сообщаетъ своимъ слушателямъ (что возможно при маломъ количествѣ студентовъ административнаго разряда) самый статистическій матеріалъ, предлагаетъ различныя темы и возбуждаетъ контroversы. Преподаватель полицейскаго права, ординарный профессоръ *Андреевскій* нѣсколько разъ открывалъ практическія лекціи въ университетѣ. Въ прошломъ учебномъ году необязательныхъ практическихъ лекцій было по двѣ въ недѣлю, въ коихъ обсуждались предварительно представленныя ему сочиненія студентовъ. При множествѣ студентовъ юридическаго факультета, особенно 1-го курса, персоналъ преподавателей чрезвычайно недостаточенъ и для выполненія задачъ теоретическаго преподаванія. Такъ, по отношенію къ двумъ предметамъ, излагаемымъ въ I-мъ курсѣ, энциклопедіи права и исторіи русскаго права, весьма было бы хорошо возбудить самостоятельность работъ, для веденія которыхъ требуются и практическія лекціи. Самостоятельность изученія какого-либо сочиненія по философіи права будетъ обезпечена, если при этомъ прочитавшему студенту и его товарищамъ профессоръ, въ особыхъ практическихъ лекціяхъ, будетъ давать поясненія, возбуждать споры, предлагать темы для упражненій и т. д. Но понятно, что на профессора энциклопедіи, который читаетъ этотъ громадный предметъ двумъ курсамъ, было бы невозможно возлагать подобныя работы. При 300 студентовъ I-го курса, для обезпеченія такого пракческаго преподаванія, непременно требуются еще два особые практическіе преподавателя энциклопедіи права. То же самое и еще въ большей степени относится и къ исторіи русскаго права. Критическое прочитываніе самыхъ источниковъ на лекціяхъ и возбуждаемая тѣмъ важность самостоятельныхъ работъ студентовъ требуютъ чрезвычайно много времени. Одному профессору исторіи русскаго права не возможно справиться и съ теоретическимъ преподаваніемъ своего предмета, и съ практическими занятіями; для введенія надлежащихъ практическихъ упражненій по исторіи русскаго права необходимо имѣть по крайней мѣрѣ двухъ профессоровъ. Въ подобныхъ же условіяхъ находятся и прочіе предметы юридическаго факультета. Относительно политическихъ административныхъ наукъ факультетъ еще замѣчаетъ, что для сообщенія занимающимся ими надлежащихъ практическихъ свѣдѣній преподаватели должны имѣть данныя о дѣятельности нашихъ административныхъ мѣстъ. Наконецъ, для устройства практическихъ лекцій, при исполненіи помянутыхъ

двухъ условій, то-есть, увеличеніи комплекта профессоромъ юридическаго факультета и сообщеніи университету работъ нашихъ административныхъ, равно какъ и судебныхъ присутственныхъ мѣстъ, необходимо озаботиться и объ устройствѣ новыхъ аудиторій, такъ какъ въ нихъ ощущается недостатокъ и для теоретическаго преподаванія.

Въ юридическомъ факультетѣ *Московскаго* университета первоначально наблюдался порядокъ, что во время окончателнаго экзамена предлагались студентамъ вопросы для письменнаго рѣшенія, и удостоеніе степени кандидата условливалось, между прочимъ, удовлетворительнымъ письменнымъ отвѣтомъ на заданный вопросъ. Но эта мѣра по опыту оказалась недостаточною для поднятія уровня ученыхъ занятій между студентами, и посему въ 1855 году факультетъ призналъ необходимымъ, чтобы желающіе получить степень кандидата писали разсужденія по которому-либо изъ факультетскихъ предметовъ, и положено было, не смотря на отличные баллы по устнымъ отвѣтамъ, не удостоивать степени кандидата того изъ студентовъ, который не подалъ разсужденія, или чье разсужденіе признано неудовлетворительнымъ. Эта мѣра значительно возвысила уровень научнаго развитія между студентами и дала факультету возможность принять новую мѣру—съ 1855 года факультетъ положилъ за правило, чтобы студенты всѣхъ курсовъ ежегодно писали разсужденія подъ руководствомъ преподавателей, и чтобы не переводить съ курса въ курсъ студентовъ, не подавшихъ годичныхъ разсужденій, или чьи разсужденія признаны неудовлетворительными. Эта мѣра до сего времени признается факультетомъ за лучшую; она годъ отъ года все болѣе и болѣе сближаетъ преподавателей съ студентами и даетъ первымъ возможность контролировать занятія послѣднихъ, а между студентами развиваетъ соревнованіе и охоту къ научнымъ занятіямъ и со стороны преподавателей возвышаетъ требованія относительно отчетливости и серіозности въ ученыхъ трудахъ студентовъ, такъ что годъ отъ года студентскіе ученые труды оказываются серіознѣе и отчетливѣе, а лучшіе изъ нихъ уже удостоились печатанія въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ*, что еще болѣе возбуждаетъ въ студентахъ охоту трудиться. Юридическій факультетъ *Московскаго* университета положилъ за правило развивать эту мѣру постепенно съ болѣшими требованіями и надѣется, что она возвыситъ уровень научнаго развитія студентовъ и займетъ у нихъ все время, свободное отъ слушанія лекцій: ибо нельзя писать сколько-нибудь серіозно о научныхъ

предметахъ, не занимаясь постоянно серьезнымъ чтеніемъ. Прибѣгать къ другимъ мѣрамъ факультетъ не находитъ пока возможнымъ.

Въ юридическомъ факультетѣ *Казанскаго* университета не только на окончательныхъ, но и на переводныхъ испытаніяхъ каждому экзаменуемому предлагаются по билетамъ вопросы по избранному имъ для своихъ специальныхъ занятій предмету для письменнаго отвѣта въ присутствіи экзаменатора и депутата или экзаменаціонной комиссіи. Достоинство письменныхъ отвѣтовъ имѣетъ вліяніе на количество балловъ, получаемыхъ экзаменуемыми за устные отвѣты по тому же предмету, непредставленіе же или неудовлетворительность письменныхъ отвѣтовъ лишаетъ экзаменующагося права на переводъ изъ курса въ курсъ или на полученіе оканчивающими курсъ степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента. Независимо отъ экзаменовъ, на основаніи правилъ контроля надъ занятіями учащихся, производятся имъ репетиціи за первое академическое полугодіе, при чемъ студентамъ III-го класса и тѣмъ изъ студентовъ IV-го курса, которое не могутъ быть освобождены отъ репетицій по правиламъ контроля, или подвергаются онимъ для соисканія премій и различныхъ льготъ отъ университета, какъ болѣе развитымъ и свѣдущимъ, предоставляется право замѣнять репетиціи письменными работами по одному изъ главныхъ факультетскихъ предметовъ, по ихъ выбору и подъ руководствомъ профессора. Какъ репетиціи, такъ и письменныя работы въ замѣнъ или дополненіе словесныхъ отвѣтовъ, служатъ условіемъ для допущенія студентовъ къ испытаніямъ переводнымъ и окончательнымъ, и наравнѣ съ испытаніями, признаются основаніемъ для удостоенія премій и льготъ отъ университета. Наконецъ, сверхъ вышепомянутыхъ мѣръ контроля, преподаватели, для привлеченія учащихся къ ученымъ занятіямъ, руководятъ ихъ въ письменныхъ работахъ, требуя таковыхъ отъ всѣхъ своихъ слушателей. Въ заключеніе юридическій факультетъ *Казанскаго* университета присовокупляетъ, что эти мѣры, на основаніи опыта нѣсколькихъ лѣтъ, онъ считаетъ достаточными для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ и работамъ.

Въ юридическомъ факультетѣ *Харьковскаго* университета нѣкоторые преподаватели и до настоящаго времени, независимо отъ чтенія лекцій, занимали своихъ слушателей, отъ времени до времени, бесѣдами о разныхъ предметахъ науки, требующими нѣкотораго подготовленія. Установленіе же постоянныхъ, обязательныхъ для всѣхъ студентовъ практическихъ занятій, по мнѣнію факультета, было бы неудобно по слѣдующимъ причинамъ: 1) при значительномъ числѣ

и обширности преподаваемыхъ предметовъ почти все время, остающееся у студентовъ свободнымъ отъ слушанія лекцій, должно бы быть употребляемо на составленіе записокъ по выслушаннымъ предметамъ и на усвоеніе ихъ; 2) по большому числу студентовъ въ юридическомъ факультетѣ и при недостаткѣ особыхъ преподавателей по многимъ кафедрамъ, разсмотрѣніе письменныхъ работъ студентовъ обременяло бы профессоровъ въ ущербъ ихъ научнымъ занятіямъ и самой успѣшности ихъ преподаванія.

По отзыву юридическаго факультета *университета св. Владимира*, отвѣтомъ на вопросъ о томъ, что сдѣлано имъ для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, можетъ служить указаніе на существующія въ университетѣ мѣры контроля надъ занятіями студентовъ; къ нимъ относятся: 1) чтеніе капитальныхъ сочиненій, для чего учрежденъ особый отдѣлъ университетской библіотеки, состоящій изъ сочиненій, выписываемыхъ по указанію преподавателей или съ ихъ одобренія, и находящійся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ куратора, избираемаго совѣтомъ изъ числа преподавателей; 2) практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ преподавателей, учреждаемыя по плану, зависящему отъ свойства науки, по предметамъ преимущественно практическимъ, каковы: гражданское и уголовное судопроизводство и нѣкоторыя части полицейскаго права; занятія эти состоятъ въ изслѣдованіи студентами поучительныхъ въ какомъ-либо отношеніи фактовъ, замѣчательныхъ случаевъ изъ судебной практики, важныхъ административныхъ мѣръ и проч. по другимъ предметамъ—въ разборѣ и толкованіи источниковъ, и т. п.; наконецъ, по всѣмъ безъ исключенія предметамъ—въ сочиненіяхъ на темы, предлагаемыя преподавателями или избираемыя самими студентами и одобряемыя преподавателями. Успѣшность студентовъ въ занятіяхъ этого рода принимается во вниманіе при испитаніяхъ, при назначеніи пособій и стипендій и при увольненіи отъ платы за слушаніе лекцій; за непредставленіе сочиненій, по крайней мѣрѣ, двухъ въ теченіе университетскаго курса, студенты вовсе не допускаются къ испытанію. По мнѣнію юридическаго факультета университета св. Владимира, для молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ съ достаточною подготовкой и сколько-нибудь радѣющихъ о собственныхъ интересахъ, достаточно и вышеизложенныхъ мѣръ, особенно въ связи съ послѣдствіями, какими сопровождается для нихъ успѣшное или неуспѣшное выдержаніе полукурсоваго и окончательнаго испытаній; относительно же лицъ, не обладающихъ упомянутыми условіями,

едва-ли окажутъ какое-либо дѣйствіе и другія, болѣе эвергическія мѣры.

Наконецъ, изъ отзыва юридическаго факультета *Новороссійскаго* университета можно заключить, что здѣсь занятія студентовъ ограничиваются лишь слушаніемъ лекцій и сдачей экзаменовъ, потому что въ отзывѣ сказано слѣдующее: „Въ видахъ привлеченія студентовъ къ серіознымъ научнымъ занятіямъ, независимо отъ усиленія строгости переводныхъ и окончательныхъ испытаній, юридическій факультетъ предполагалъ бы, въ дополненіе къ устному преподаванію, побуждать студентовъ самихъ работать подъ руководствомъ преподавателей надъ различными предметами науки, требуя отъ нихъ ежегодно представленія сочиненій по одному изъ преподаваемыхъ предметовъ. При семъ выборъ предмета изъ числа преподаваемыхъ на курсѣ могъ бы быть предоставляемъ студентамъ, но тема должна быть указываема самимъ преподавателемъ. Независимо отъ сего, предоставляется преподавателямъ, сообразно съ свойствами преподаваемыхъ ими предметовъ, привлеченіе студентовъ къ практическимъ подъ ихъ руководствомъ упражненіямъ“.

Къ вышеизложенному юридическіе факультеты двухъ университетовъ, именно С.-Петербургскаго и Кіевскаго, присоединили свои мнѣнія относительно вопроса о томъ, по какому образцу надлежало бы устроить занятія студентовъ. По мнѣнію перваго изъ сихъ факультетовъ, системы преподаванія вырабатываются потребностями времени, и тѣ системы признаются самыми лучшими, которыя возникли такимъ историческимъ путемъ, а не перенесены съ чужой почвы. Англійская система тьюторства приноситъ въ Англии хорошіе плоды, при тамошней обстановкѣ, и вѣроятно, имѣла бы мало успѣха въ Германіи, при совершенно иныхъ условіяхъ. Но и германская система семинарій, вѣроятно, также мало имѣла бы успѣха въ Англии, гдѣ совершенно другія отношенія, учебныя и общественныя. Это уваженіе къ историческимъ, выработавшимся принципамъ, особенно если они и при критическомъ обсужденіи оказываются цѣнными и немаловажными, побуждаетъ юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета не оставлять существующихъ въ немъ методъ и не замѣнять ихъ иностранными, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ абсолютнаго совершенства и примѣнима только въ данныхъ обстоятельствахъ. Притомъ, заключаетъ факультетъ, наши упражненія отчасти походятъ и на то, что существуетъ въ германскихъ университетахъ подъ именемъ *colloquium practicum, conversatorium, disputatorium*. По мнѣнію юриди-

ческаго факультета университета св. Владимира, система англійскаго тунторства тоже едва-ли можетъ быть примѣнима у насъ; семинаріи же при нѣмецкихъ университетахъ имѣютъ своимъ назначеніемъ не привлеченіе къ занятіямъ всей массы учащихся, а усовершенствованіе желающихъ въ нѣкоторыхъ предметахъ — цѣль, которая достигается частію уже принятыми мѣрами, частію стипендіями для приготовленія къ профессорскому званію, доставляющими даровитѣйшимъ и трудолюбивымъ студентамъ возможность совершенствоваться въ избранной спеціальности. Относительно французской *école des hautes études*, какъ мало испытанной на практикѣ, факультетъ воздерживается отъ выраженія своего мнѣнія.

Такъ какъ почти всѣ предметы, преподаваемые на *медицинскомъ* факультетѣ, не могутъ быть усвоены слушателями иначе, какъ посредствомъ собственныхъ ихъ практическихъ занятій, то посему медицинскіе факультеты всѣхъ четырехъ университетовъ (Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и св. Владимира) одинаково высказали свои мнѣнія по вопросу о привлеченіи студентовъ къ научнымъ практическимъ занятіямъ, признавъ совершенно достаточными мѣры, нынѣ для сего употребляемыя. При этомъ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета замѣтилъ, что практическія занятія студентовъ, при значительномъ числѣ лекцій, которыя приходится имъ ежедневно выслушивать, требуютъ такъ много времени, что было бы положительно невозможно введеніе какихъ-либо новыхъ обязательныхъ занятій для студентовъ, и безъ того уже, быть можетъ, слишкомъ обремененныхъ лекціями и практическими упражненіями. Равнымъ образомъ медицинскіе факультеты, по исключительному ихъ положенію, считаютъ излишнимъ требовать отъ студентовъ на переводныхъ и окончателныхъ испытаніяхъ, кромѣ устныхъ, еще и письменные отвѣты. Для испытанія на степень лѣкаря нѣтъ надобности въ особыхъ письменныхъ отвѣтахъ потому, что студенты IV-го и V-го курсовъ обязаны представлять, по каждой изъ посѣщаемыхъ ими клиникъ, подробныя исторіи болѣзней пациентовъ, состоящихъ въ ихъ пользованіи, а также протоколъ и актъ каждаго сдѣланнаго ими судебно-медицинскаго тѣловскритія съ своимъ заключеніемъ. Что же касается до испытанія на степень доктора медицины, то по заявленію медицинскаго факультета университета св. Владимира, письменные отвѣты были всегда обязательны для докторантовъ и служили однимъ изъ главныхъ отдѣловъ испытанія. Медицинскій факультетъ Московскаго университета заявляетъ, что для большаго привлеченія студентовъ

къ работамъ, подъ руководствомъ преподавателей, надъ различными предметами науки, нужно усилить сумму, которая нынѣ отпускается по штатамъ на кабинеты гистологическій, фармакологическій и судебно-медицинскій. Въ штатахъ назначена одинаковая сумма для означенныхъ кабинетовъ въ разныхъ университетахъ, между тѣмъ какъ число студентовъ въ медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета гораздо болѣе числа ихъ въ другихъ университетахъ. На учебныя же пособия по глазной госпитальной клиникѣ и по кафедрѣ оперативной хирургіи съ десмургіей и хирургическою анатоміей все не ассигновано особаго содержанія.

Отзывъ факультета *восточныхъ языковъ* въ С.-Петербургскомъ университетѣ заключается въ нижеслѣдующемъ. Этотъ факультетъ, по существу входящихъ въ составъ его предметовъ, не можетъ быть приуроченъ въ занятіяхъ студентовъ къ другимъ факультетамъ, кромѣ факультета историко-филологическаго, и представляетъ свои особенности. Главная задача факультета — занятія восточными языками, исторіей и литературой Востока, представляющія не легкую работу, требуютъ отъ студента для успѣшнаго дѣла не одного пассивнаго слушанія профессорскихъ лекцій въ аудиторіяхъ, но постоянныхъ домашнихъ занятій. Студенты факультета восточныхъ языковъ, являясь на лекціи, должны предварительно подготавливаться дома, то-есть, разобрать и уяснить себѣ, при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; на обязанности студента лежитъ и составленіе лекцій по исторіи и литературѣ, на основаніи подлинныхъ источниковъ. Такія занятія, въ теченіе всего года, требуютъ отъ студентовъ не мало времени. Сверхъ приготовления къ лекціямъ, студентамъ постоянно даются другія работы, состоящія или въ переводахъ и объясненіяхъ какой-либо отдѣльной статьи или главы изъ восточныхъ писателей, или же въ разборѣ и оцѣнкѣ какого-либо сочиненія на европейскомъ языкѣ, касающагося лингвистики, исторіи или литературы Востока, и такія работы они должны представлять на разсмотрѣніе профессоровъ и преподавателей. Кромѣ общаго, спеціально-научнаго курса, студенты не мало имѣютъ занятій и въ курсѣ практическомъ, въ которомъ, подъ руководствомъ лекторовъ изъ природныхъ Азіятцевъ, они занимаются изученіемъ живой рѣчи народа и переводами съ русскаго языка на восточные, а для отчетливаго усвоенія этого отдѣла занятій и для болѣе успѣшнаго движенія впередъ — тоже необходимы постоянныя

домашнія занятія, требующія различныхъ справокъ и сличеній. При такомъ порядкѣ занятій, студенты должны постоянно работать дома и въ аудиторіяхъ, при непосредственномъ и непрерывномъ контролѣ профессоровъ и преподавателей, и при такомъ только способѣ занятій студенты факультета восточныхъ языковъ могли въ теченіе 4-лѣтняго курса, не совсѣмъ достаточнаго для основательнаго изученія восточныхъ языковъ и всесторонняго ознакомленія съ исторіей и литературою Востока, приобрѣтать отличныя позванія, которыя они съ честію могли бы примѣнить къ научной и практической спеціальной ихъ дѣятельности. При этомъ факультетъ съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ на труды гг. *Гираса, Мельмунова, Минаева, Максимова, Гаркави, Пашимо, Гурлянда, Безобразова, Цивилькова, Кормазова, Генина, Шерцля* и *Трахтенберга*. Факультету затѣмъ остается только продолжать примѣненіе того порядка въ занятіяхъ, который былъ принятъ имъ до сихъ поръ, а на долю студентовъ придется не мало домашнихъ самостоятельныхъ занятій въ ихъ подготовительныхъ работахъ. Что же касается до того, чтобы при окончательныхъ экзаменахъ предлагать студентамъ вопросы для письменнаго рѣшенія, то факультетъ заявляетъ, что это требованіе, согласно § 16 положенія объ испытаніяхъ на ученныя степени, постоянно примѣнялось и примѣняется факультетомъ, и что безъ исполненія этого требованія ни одинъ изъ окончившихъ курсъ не былъ удостоенъ степени кандидата. Къ этому общему отзыву факультета восточныхъ языковъ присоединяется особый отзывъ ординарнаго профессора *Григорьева* о практическихъ упражненіяхъ по преподаваемой имъ исторіи Востока. Практическія упражненія студента, говоритъ онъ, могутъ быть полезны или только для него самого, или вмѣстѣ съ тѣмъ и для общества русскаго; то-есть, результатомъ практическихъ занятій можетъ выходить или трудъ не для кого не нужный, или такой, что можетъ быть напечатанъ и пополнить тотъ или другой пробѣлъ въ бѣдной ученой и учебной литературѣ нашей. Профессоръ Григорьевъ постоянно имѣлъ въ виду, чтобы практическія упражненія его слушателей направлялись не только къ первой, но и къ послѣдней цѣли. Для этого съ перваго же курса онъ даетъ имъ къ обработкѣ такія задачи, удачное разрѣшеніе которыхъ были бы приобрѣтеніемъ для отечественной литературы. Въ I-мъ курсѣ г. Григорьевъ читаетъ, между прочимъ, „краткую исторію постепеннаго ознакомленія Европейцевъ съ географіей и этнографіей Азіи“—предметъ, для ознакомленія съ которымъ не имѣется почти никакихъ пособій на русскомъ языкѣ. Раз-

казавъ въ нѣсколькихъ словахъ, напримѣръ, о состояніи греческихъ свѣдѣній относительно Азіи во время Геродота и о томъ, на сколько свѣдѣнія эти увеличились вслѣдствіе Ксенофонтова похода, профессоръ предлагаетъ тому или другому изъ своихъ слушателей: одному — прочесть Геродотову „Исторію“, другому — „Анабасисъ“ Ксенофонта, и подробнымъ образомъ изложить: относительно Геродота — съ какими изъ странъ и народовъ Азіи, о которыхъ идетъ у него рѣчь, знакомъ онъ былъ лично и о какихъ говорилъ по слуху, по свѣдѣніямъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; относительно Ксенофонта — въ чемъ заключаются тѣ топографическія и этнографическія данныя о передней Азіи, разсѣянныя въ означенномъ трудѣ его, и которыми не упоминаются у Геродота. Въ случаѣ поверхностной или вообще неудовлетворительной разработки этихъ вопросовъ со стороны студентовъ, которымъ они заданы, труды ихъ остаются въ портфеляхъ авторовъ; въ противномъ случаѣ становятся они монографіями, совокупленіе которыхъ можетъ образовать, со временемъ, полезную въ литературѣ нашей книгу по исторіи, географіи и этнографіи Азіи. Въ первыхъ двухъ курсахъ, пока студенты не ознакомились еще съ изучаемыми ими языками Востока на столько, чтобы читать болѣе или менѣе свободно историческіе и географическіе тексты, профессоръ Григорьевъ задаетъ имъ работы въ родѣ указанныхъ, при которыхъ пользуются они восточными и греческими писателями въ переводахъ ихъ на ново-европейскіе языки. Съ третьяго курса тѣ изъ студентовъ, которые наиболѣе надѣются на свои силы, берутся обыкновенно за обработку задачъ, предложенныхъ факультетомъ на медали, — задачъ, выполнение которыхъ всегда требуетъ пользованія восточными писателями въ подлинникахъ. Отъ тѣхъ, которые не пишутъ на медали, профессоръ Григорьевъ требуетъ приготовленія къ печати какого-либо не изданнаго восточнаго текста, историческаго или географическаго содержанія, съ переводомъ на русскій языкъ и объяснительными примѣчаніями. Такая работа по каедрѣ профессора Григорьева служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіемъ и по каедрѣ того языка, на которомъ писанъ издаваемый текстъ. Студенты, зная, что такая работа не пропадетъ, и при хорошемъ исполненіи, можетъ сдѣлать ихъ извѣстными въ литературномъ мірѣ, относятся къ задачѣ своей съ несравненно болѣею внимательностью, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда, по прочтеніи профессоромъ, сдается она въ факультетскій архивъ. Если избранный по чему-либо къ изданію писатель или отрывокъ напечатанъ уже въ текстѣ, профессоръ Григорьевъ довольствуется и однимъ его перево-

домъ въ сопровожденіи комментарія, лишь бы это было сдѣлано научно-образно; а въ чемъ заключаются научныя требованія — объясняется каждому работающему при самомъ процессѣ работы, вслѣдствіе чего требованія эти и способы удовлетворенія имъ уясняются и усваиваются несравненно лучше, чѣмъ при теоретическомъ ихъ изложеніи. Все сказанное заведено недавно, и однако же, не смотря на недавній приступъ къ дѣлу, одно изъ студентскихъ упражненій по кафедрѣ исторіи Востока профессоръ Григорьевъ успѣлъ напечатать: это — извлеченіе изъ китайскаго сочиненія „Си-юй-шуй-дао-цзи“, сдѣланное студентомъ IV-го курса *Успенскимъ* и принятое Императорскимъ географическимъ обществомъ на страницы *Записокъ* его, по этнографическому отдѣленію. Затѣмъ онъ же г. Успенскій сдѣлалъ съ китайскаго переводъ путешествія Сонъ-юй изъ Китая въ Индію, а студентъ IV-го курса П. *Поповъ* перевелъ съ китайскаго же языка известное путешествіе Фа-сяня. Студентомъ IV-го курса барономъ *Розеномъ* изготовленъ былъ къ изданію арабскій текстъ и русскій переводъ Абу-Далефова путешествія по Средней Азій съ комментариемъ къ нему; студентомъ III-го класса *Казисомъ* представлено небольшое, но замѣчательное изслѣдованіе его „О значеніи обрѣзанія у семитскихъ народовъ“, которое профессоръ Григорьевъ передалъ Императорскому археологическому обществу. „Цѣль моя та“, говоритъ между прочимъ профессоръ Григорьевъ, — „чтобы студентъ, оканчивающій курсъ по восточному факультету, изучивъ на практикѣ научныя требованія историческія и филологическія, былъ готовъ къ отчетливому исполненію всякой научной работы въ томъ и другомъ родѣ. Положительныхъ знаній университетъ не можетъ дать студенту въ большомъ количествѣ; учиться человекъ долженъ цѣлую жизнь; но какъ учиться, какъ добывать истину — это университетъ обязанъ сообщить студенту: потому-то и налегаю я преимущественно на усвоеніи моими слушателями критическаго отношенія въ предмету и научныхъ методовъ какъ изслѣдованія, такъ и сообщенія знанія“.

Отзывомъ факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета закончено изложеніе мнѣній факультетовъ по вопросамъ, подлежащимъ ихъ обсужденію. Совѣты университетовъ присовокупили, что они вообще соглашались съ мнѣніями, высказанными факультетами, только совѣтъ университета св. Владимира не считъ возможнымъ согласиться съ предложеніемъ историко-филологическаго факультета о томъ, чтобы всѣ испытанія по сему факультету производились въ маѣ мѣсяцѣ, такъ какъ это предложеніе противорѣчитъ

правидамъ объ испитаніяхъ въ университетѣ св. Владимира, составленнымъ совѣтомъ и представленнымъ на утверждение министерства¹⁾. Что же касается вообще до усиленія мѣръ для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ по предметамъ преподаванія, то совѣтъ Харьковскаго университета съ своей стороны очель нужнымъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи. Принятая въ нашихъ университетахъ система преподаванія едва-ли можетъ быть измѣнена до тѣхъ норъ, пока не измѣнится положеніе науки въ нашемъ отечествѣ. Литература западной Европы чрезвычайно богата учебниками и руководствами, которые представляютъ важное пособіе не только для студентовъ, но и для преподавателей, такъ что для профессоровъ въ университетахъ не представляется большой надобности проходить полный обширный курсъ своего предмета. Извѣстно, что общіе или публичные курсы въ германскихъ университетахъ излагаются преподавателями въ самомъ сжатомъ, краткомъ видѣ. Главное вниманіе ихъ обращено на разработку спорныхъ вопросовъ науки, на изслѣдованіе специальныхъ ея задачъ, и между прочимъ, на практическія занятія съ студентами. Напротивъ того, отъ русскаго профессора требуется неизмѣнно и прежде всего изложеніе полнаго курса наукъ, безъ чего, при нынѣшнемъ состояніи нашей ученой и учебной литературы, едва-ли можно обойтись. Объемъ этого курса большею частію бываетъ весьма значительный. По тѣмъ предметамъ, гдѣ самое преподаваніе соединяется съ демонстраціями, опытами и практическими упражненіями, имъ посвящается значительное число часовъ. Введеніе же обязательныхъ для всѣхъ студентовъ практическихъ занятій по каждому предмету преподаванія было бы невозможно при существующемъ личномъ учебномъ составѣ университетовъ; только съ постепеннымъ увеличеніемъ числа доцентовъ и приватъ-доцентовъ будутъ открываться способы къ достиженію предположенной министерствомъ цѣли. Этимъ путемъ достигнется то раздѣленіе труда, при которомъ только и возможно разнообразіе системъ преподаванія каждой науки. За симъ совѣтъ Харьковскаго университета высказываетъ свое мнѣніе относительно примѣнимости къ нашимъ университетамъ системъ англійской, германской и французской; мнѣніе его по этому предмету совпадаетъ съ мнѣніями факультетовъ нѣкоторыхъ изъ университетовъ, приведенными нами выше.

¹⁾ Правильно сіи, но разсмотрѣніи въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія, въ засѣданіи 15-го октября 1870 года, уже утверждены.

Гг. попечители учебных округов: Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и Одесскаго, въ заключеніи донесеній своихъ, съ представленіемъ мнѣній факультетовъ и совѣтовъ ввѣренныхъ имъ университетовъ, лишь упомянули, что они раздѣляютъ эти мнѣнія. Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа присовокупилъ, что веденіе практическихъ занятій въ факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и восточныхъ языковъ онъ находитъ соотвѣтствующимъ ихъ средствамъ, но что для развитія этихъ занятій въ физико-математическомъ факультетѣ онъ полагалъ бы необходимымъ удовлетворить тѣ потребности, которыя изложены въ донесеніи этого факультета. Что же касается до юридическаго факультета, то соглашаясь съ донесеніемъ его, что по малому числу преподавателей и недостаточности помѣщеній, въ немъ не могутъ быть въ настоящее время удовлетворительно ведены практическія занятія, онъ находитъ возможнымъ достигнуть надлежащаго устройства такихъ занятій только увеличеніемъ штатной суммы, отпускаемой на содержаніе этого факультета, и къ этому присовокупляетъ, что практическія занятія въ юридическомъ факультетѣ тѣмъ необходимѣе, что число студентовъ этого факультета по всемъ курсамъ составляетъ болѣе двухъ третей общаго числа студентовъ С.-Петербургскаго университета. Затѣмъ г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа, соглашаясь также съ мнѣніями факультетовъ и совѣта университета св. Владиміра, останавливается на соображеніи о томъ, что одно установленіе правилъ для обязательныхъ работъ студентовъ едва-ли приведетъ къ достиженію цѣли, ибо возбужденіе университетскою молодежью въ научныхъ работахъ зависитъ по преимуществу отъ преподавателей. Не сомнѣвался въ томъ, что университетскіе преподаватели вообще искренно преданы наукѣ и относятся съ теплымъ участіемъ къ занятіямъ и успѣхамъ своихъ слушателей, г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа главнымъ образомъ имѣеть въ виду указать на недостаточную полноту университетскаго устава. Уставъ 1863 года, подробно опредѣляя условія, необходимыя для полученія права на занятіе должности профессора или преподавателя въ университетѣ, не опредѣляетъ условій, безъ выполненія которыхъ должности эти не могутъ быть сохраняемы за лицами, получившими ихъ; онъ не только не уваживаетъ на обязанности профессоровъ, какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и подлежащихъ государственному контролю и отвѣтственности въ дѣйствіяхъ по воспитанію и образованію юношества, но даже не требуетъ отъ нихъ никакихъ заявленій въ продолженіи занятій наукою, которому

они приняли на себя распространять и преподавать. Для профессора нѣтъ формальной обязанности ни печатать время отъ времени хотя нѣкоторыя изъ своихъ лекцій, ни представлять конспекты съ подробнымъ обзорѣмъ преподаваемого предмета, а потому нѣтъ и обязательнаго побужденія совершенствоваться какъ содержаніе своихъ лекцій, такъ и самый способъ изложенія, точно также не обязательно для университетскихъ преподавателей заявлять себя учеными трудами по избранной ими наукѣ. Повидимому, уставъ университетовъ, опредѣливъ условія научной подготовки лицъ, ищущихъ званія профессоровъ и вообще преподавателей въ университетахъ, какъ-бы оставляетъ затѣмъ профессорскую дѣятельность произволу преподавателя, не подчиняя его никакому контролю въ продолженіи 25-и лѣтъ, и только по истеченіи такого продолжительнаго срока уполномочиваетъ университетскую коллегію рѣшить закрытою баллотировкой: способенъ или неспособенъ профессоръ продолжать свою преподавательскую дѣятельность. Если результатъ баллотировки будетъ отрицательный, то гдѣ же ручательства, что неспособность эта не явилась задолго прежде истеченія 25-лѣтняго срока, и что она не повлекла за собою невоснаградимыя потери, понесенныя въ такомъ случаѣ тысячами учащихся, самымъ университетомъ и государствомъ. Но такое упущеніе въ уставѣ, продолжаетъ г. попечитель, есть только кажущееся и можетъ быть объяснено его краткостію. Трудно сомнѣваться въ томъ, что составители устава, ограничившись общими указаніями на самую сущность цѣли учрежденія университетовъ, имѣли въ виду, что подробныя правила на этотъ счетъ будутъ выработаны, на основаніи данныхъ уставомъ краткихъ указаній, самими совѣтами университетовъ, къ обязанностямъ которыхъ уставомъ отнесены: а) распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія и б) мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности университета. Такое предположеніе нисколько не противорѣчитъ основаніямъ автономіи университета, какія проведены въ уставѣ 1863 года, потому что нѣтъ автономіи, въ самомъ широкомъ смыслѣ, которая не была бы подчинена дѣйствию извѣстныхъ правилъ. Предположеніе, что составители устава 1863 года имѣли въ виду разработку самими совѣтами университетовъ болѣе подробныхъ указаній для 25-лѣтней преподавательской дѣятельности профессора, въ видѣ особыхъ правилъ, способно объяснить до нѣкоторой степени и § 78 устава, узаконяющій новое избраніе лица, выслужившаго 25-лѣтіе и желающаго продолжать ученую службу въ университетѣ, посредствомъ закрытой баллотировки: при существо-

важн таких указаній, балотирующі имѣли бы въ нихъ руководство для того, чтобы произвести свой судъ. На основаніи сихъ соображеній, г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа полагаетъ полезнымъ и необходимымъ, въ дополненіе §§ 82 и 83 устава университетовъ, возложить на совѣты университетовъ опредѣлить въ подробныхъ правилахъ обязанности профессоровъ и другихъ штатныхъ преподавателей во все продолженіе ихъ службы въ этихъ званіяхъ, въ отношеніи собственно порядка преподаванія съ отвѣтственностью за его правильность и полноту согласно съ утвержденными программами.

— Въ февральской книжкѣ нашего журнала, сообщивъ отзывы физико-математическихъ факультетовъ пяти университетовъ, мы упомянули, что физико-математическій факультетъ университета св. Владиміра призналъ нужнымъ повременить своимъ отзывомъ, потому что съ обсужденіемъ предложенныхъ вопросовъ было соединено въ факультетѣ обсужденіе мѣръ къ раздѣленію его на отдѣленія. Предположенія факультета по сему предмету поступили затѣмъ въ министерство и заключаются въ нижеслѣдующемъ. По многостороннемъ обсужденіи вопроса въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, физико-математическій факультетъ университета св. Владиміра пришелъ къ заключенію, что желательно 1) устранить существующія нынѣ препятствія къ тому, чтобы студенты могли сосредоточить свои силы надъ изученіемъ болѣе ограниченаго круга предметовъ, и слѣдовательно, пріобрѣсть болѣе положительныя знанія, и 2) осуществить болѣе раціональное распредѣленіе предметовъ и сближеніе тѣсно связанныхъ между собою наукъ. Въ виду этого факультетъ полагаетъ необходимымъ, сверхъ двухъ существующихъ разрядовъ, образовать еще разрядъ *физико-химическихъ наукъ*, по примѣру Харьковскаго университета; такъ какъ, при современномъ развитіи химіи, для желающихъ посвятить себя этой наукѣ становится вполне необходимымъ болѣе близкое знакомство съ физикой, физика же требуетъ для себя математической подготовки, да и для изученія самой химіи не бесполезно знакомство съ математикой и съ основаніями механики. Факультетъ составилъ слѣдующій проектъ распредѣленія предметовъ преподаванія. Физико-математическій факультетъ раздѣляется на три разряда: 1) математическихъ наукъ, 2) физико-химическихъ наукъ и 3) естественныхъ наукъ.

1. *Разрядъ математическихъ наукъ* остается почти безъ измѣненій. Въ этомъ разрядѣ слушаютъ: студенты первыхъ двухъ курсовъ тригонометрію, аналитическую геометрію, алгебраическій анализъ, начертательную геометрію, общую физіку, физическую географію, диф-

ференціальное исчисленіе, интегрированіе функций; и студенты двухъ послѣднихъ курсовъ — интегрированіе уравненій и приложеніе интегральнаго исчисленія къ геометріи; варіаціонное и разностное исчисленіе; теорію чиселъ и опредѣлителей; теорію вѣроятностей; механику; теоретическую физіку; астрономію и геодезію, и эллиптическія функціи.

2. *Разрядъ физико-химическихъ наукъ.* Студенты слушаютъ: въ двухъ первыхъ курсахъ — общій курсъ химіи органической и неорганической, и вмѣстѣ съ студентами разряда математическихъ наукъ, тригонометрію аналитическую, геометрію, алгебраическій анализъ, общую физіку, физическую географію, дифференціальное исчисленіе, интегрированіе функций; въ послѣднихъ двухъ курсахъ — спеціальныя курсы химіи, теоретическую физіку, механику, техническую химію, кристаллографію. При этомъ механику студенты слушаютъ вмѣстѣ съ студентами разряда математическихъ наукъ, и кристаллографію съ студентами естественныхъ наукъ. Практическія занятія въ химической лабораторіи обязательны для всѣхъ студентовъ этого разряда.

3. *Разрядъ естественныхъ наукъ.* Распредѣленіе преподаванія на этотъ разъ остается въ сущности безъ измѣненія. Курсы дѣлятся на общіе и спеціальныя. *Общія* и *спеціальныя* курсы читаются по ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и кристаллографіи, геологіи, химіи; *только общія* курсы — физики общей, физической географіи, анатоміи и физиологіи челоуѣка, и наконецъ *только одни спеціальныя* курсы — по технической химіи и агрономіи. Чтеніе общихъ курсовъ не ограничено двумя первыми годами. Студентамъ этого разряда, желающимъ основательнѣе изучить какую-либо отрасль естествознанія, дозволяется, по выдержаніи экзамена изъ прослушанныхъ общихъ курсовъ, избрать два какихъ-либо предмета для своихъ спеціальныхъ занятій и затѣмъ на окончательномъ испытаніи держать экзаменъ только изъ избранныхъ двухъ предметовъ. По одному изъ сихъ предметовъ студенты обязаны будутъ спеціально заниматься въ лабораторіи и подъ руководствомъ профессора знакомиться не только съ русскою, но и съ иностранною литературой. При этомъ необходимо, чтобы избранъ былъ одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) ботаника, 2) геологія, 3) минералогія и кристаллографія, 4) геологія и палеонтологія, 5) химія. Другимъ же избраннымъ предметомъ можетъ быть и одинъ изъ предметовъ другаго разряда (напримѣръ, физика).

По убѣжденію физико-математическаго факультета университета св. Владимира, приведеніемъ въ исполненіе этого проекта скорѣе всего студенты могутъ быть привлечены къ научнымъ практическимъ заня-

тіямъ. При этомъ факультетъ признаеть необходимымъ дополнить § 55 нинѣ дѣйствующихъ правилъ для студентовъ нижеслѣдующимъ: „Студентамъ физико-математическаго факультета, успѣшныя практическія занятія которыхъ засвидѣтельствованы профессорами, могутъ быть освобождены отъ представленія обязательныхъ сочиненій“.

— Въ С.-Петербургскомъ университетѣ 14-го февраля происходилъ годичный торжественный актъ, на которомъ присутствовали: г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь Иванъ Давидовичъ Далляновъ, пономиталь С.-Петербургскаго учебнаго округа свѣтлѣйшій князь Павелъ Ивановичъ Ливенъ. Актъ этотъ почтили своимъ присутствіемъ многіе почетные члены университета и нѣкоторые изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ и писателей. Собраніе было открыто въ часъ пополудни духовною пѣснью: „Днесъ благодать св. Духа на съобра“; затѣмъ профессоръ Н. С. Тилишевъ прочелъ составленный имъ, по порученію совѣта, отчетъ о состояніи университета и дѣятельности ученыхъ сословія его въ теченіе 1870 года, а экстраординарный профессоръ О. Э. Миллеръ, по причинѣ болѣзни ординарнаго профессора Д. А. Хвольсона, прочелъ приготовленную симъ послѣднимъ для университетскаго акта рѣчь „о характеристикѣ семитическаго племена“. Въ заключеніе г. ректоромъ университета, заслуженнымъ профессоромъ К. Э. Кесслеромъ прочитана была записка о новыхъ задачахъ, предложенныхъ студентамъ и слушателямъ университета для соисканія наградъ медалями въ будущемъ 1872 году, и отзвѣтъ о сочиненіяхъ, представленныхъ въ концѣ минувшаго 1870 года, причемъ роздавы были золотыя и серебряныя медали. Актъ кончился пѣніемъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни“.

— Для соисканія наградъ медалями предложены слѣдующія задачи: а) по историко-филологическому факультету, на два года: 1) по кафедрѣ славянской филологіи: „объ успѣхахъ изученія народной поэзіи у западныхъ Славянъ съ обозначеніемъ правилъ собранія, изданія и объясненія памятниковъ ея“; 2) по кафедрѣ римской-словесности: „Светоній, какъ источникъ для исторіи римской литературы“; 3) по кафедрѣ греческой словесности: „составить обстоятельный разборъ русскихъ переводовъ Иліады, основанный на сличеніи ихъ съ подлинникомъ“. б) По физико-математическому факультету: 1) по статикѣ: „изучить возможности скорости и условія равновѣсія собранія нѣсколькихъ неизмѣняемыхъ тѣлъ, соприкасающихся между собою“; 2) по минералогіи и геологіи: „положить и разобрать критическіе методы опредѣ-

ленія и изслѣдованія минераловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть наблюдаемы только при помощи микроскопа". в) По *юридическому факультету*: 1) по *уголовному праву*: „о подстрегательствѣ" и 2) по *энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ*: „о правѣ обычномъ". г) По факультету *восточныхъ языковъ*: 1) тема по *исторіи Востока*: „разсмотрѣніе степнаго средне-азіятскаго законодательства гражданскаго, уголовнаго и государственнаго со времени хуннскаго Модэ-Шаньюя (со II-го вѣка предъ Р. Х.) до Батора Хутайци Эдескаго (въ XVII вѣкѣ по Р. Х.), по сохранившимся памятникамъ этого законодательства и извѣстіямъ о нихъ китайскихъ и другихъ писателей, при чемъ обратить вниманіе, для разъясненія предмета, и на юридическій бытъ средне-азіятскихъ кочевниковъ до настоящаго времени"; 2) тема по *санскритской словесности*: „о санскритскихъ сказкахъ вообще и о собраніи Kathâ Sarit-Sâgara въ особенности". Что же касается награжденія медалями сочиненій, представленныхъ въ концѣ минувшаго году, то по этому предмету заимствуемъ нижеслѣдующее извѣстіе изъ *Журнала совѣта С.-Петербургскаго университета* 8-го февраля: Факультеты историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и восточныхъ языковъ представили въ совѣтъ отзывы о сочиненіяхъ, представленныхъ студентами на заданныя въ прошломъ году темы. По прочтеніи сихъ отзывовъ, вскрыты были въ засѣданіи совѣта пакеты съ именами авторовъ, удостоенныхъ наградъ медалями, при чемъ оказалось: А. По *историко-филологическому факультету*: сочиненіе о Гусѣ, съ девизомъ: Sine ira et studio, написанное студентомъ Г. *Анненковимъ*, удостоено награды золотою медалью. В. По *физико-математическому факультету* — два сочиненія на тему о спектральномъ анализѣ: 1) съ девизомъ: Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas, написанное студентомъ III-го курса Б. *Рутковскимъ*, и 2) съ девизомъ: Multa pars mei, написанное студентомъ того же курса Д. *Дубляго*, удостоены наградъ золотыми медалями, и 3) сочиненіе на ту же тему, съ девизомъ: „Только астрономъ можетъ вполне возчувствовать и т. д.", написанное студентомъ В. *Морозовимъ*, удостоено награды серебряною медалью. Сочиненіе, представленное на другую тему — по химіи, объ амміачно-металлическихъ соединеніяхъ, студентомъ IV-го курса И. *Лучикомъ*, удостоено награды золотою медалью. В. По *юридическому факультету*: 1) сочиненіе на тему о гражданскомъ и уголовномъ процессѣ съ девизомъ: „On apprend en faillant", написанное студентомъ IV-го курса К. *Стефановскимъ*, удостоено награды золотою медалью; 2) со-

чиненіе на ту же тему съ девизомъ: „Ботаника не далеко бы ушла въ своей наукѣ и т. д.“, написанное студентомъ IV курса П. *Вертоградовымъ*, удостоено награды серебряною медалью; 3) сочиненіе на ту же тему, съ девизомъ: „Иже горизиге сего напише“... не удостоено награды; 4) на тему о промышленномъ налогѣ, сочиненіе съ девизомъ: „la théorie des impôts“..., написанное студентомъ К. *Выгоновскимъ*, удостоено награды серебряною медалью, и два сочиненія съ девизами: 1) In luce veritas и 2) Nulla quies gentium, не удостоены наградъ. Г. По факультету *восточныхъ языковъ*: 1) сочиненіе на тему о географическихъ свѣдѣніяхъ Арабовъ о средней Азии, съ девизами: „Ищите знанія хотя бы въ Китаѣ“, представленное студентомъ IV-го курса Н. *Памтусовымъ*, удостоено награды золотою медалью; 2) сочиненіе на ту же тему съ арабскимъ девизомъ, написанное студентомъ III-го курса М. *Ростиславовымъ*, удостоено награды серебряною медалью, и 3) сочиненіе на тему „о владчествѣ Киданей въ средней Азии“, съ девизомъ: „Тѣни минувшихъ вѣковъ прошли предо мной въ отдаленіи“, написанное студентомъ III-го курса М. *Суровцевымъ*, удостоено награды золотою медалью. Совѣтъ постановилъ утвердить опредѣленіе факультетовъ и присужденіе означенныхъ выше наградъ и раздать самыя медали на торжественномъ актѣ 14-го февраля. Въ томъ же засѣданіи совѣта физико-математическій факультетъ представилъ объ удостоеніи премій въ память перваго създа русскихъ естествоиспытателей: 1) сочиненіе студента I-го курса разряда естественныхъ наукъ М. *Полякова*, подъ заглавіемъ: „географическое распрежденіе животныхъ въ юго-восточной части Ленскаго бассейна“, и 2) сочиненіе студента IV-го курса того же разряда М. *Львова* „о квинталанѣ“. Такъ какъ по справкѣ оказалось, что процентовъ на капиталъ, собранный для означенной преміи, причитается лишь 110 руб., то посему совѣтъ постановилъ дополнить эту сумму изъ спеціального сбора на 90 руб. и затѣмъ назначить каждому изъ помянутыхъ студентовъ премію по 100 руб.

ГИМНАЗИИ И ПРОГИМНАЗИИ.

Торжественный годичный актъ и конкурсъ ученическихъ сочиненій въ Ставропольской гимназій. — Обсужденіе въ педагогическомъ совѣтѣ Ловичской прогимназій вопроса о надзорѣ за учениками внѣ заведенія и объ ученическихъ квартирахъ.

18-го октября 1870 года въ Ставропольской гимназій происходилъ торжественный годичный актъ и конкурсъ ученическихъ сочи-

ней. 18-е октября—число достопамятное для Ставрополя. Въ 1837 году въ этотъ день совершилось открытіе гимназій въ высочайшемъ присутствіи въ Бозѣ почивающаго императора Николая Павловича. Оттого въ этотъ день, по обычаю, зведенному попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа Я. М. *Нестеровымъ*, въ Ставропольской гимназій ежегодно бываетъ какъ торжественный актъ, такъ и конкурсъ ученическихъ сочиненій. По окончаніи литургіи, отслуженной въ гимназической церкви преосвященнымъ епископомъ Кавказскимъ *Феофилактомъ*, а ватѣмъ панихиды по почившемъ въ Бозѣ императорѣ, публика собралась въ актовомъ залѣ. Актъ происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Хоръ пансіонскихъ пѣвчихъ пропѣлъ молитву „Царю небесный“; директоръ прочелъ отчетъ о состояніи гимназій въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ; секретарь педагогическаго совѣта прочелъ статистическія данныя объ учащихъся; оркестръ изъ пансіонеровъ гимназій исполнилъ гимнъ: „Коль славышъ“; прочтаны были рецензіи представленныхъ на конкурсъ ученическихъ сочиненій; пансіонскій оркестръ исполнилъ увертюру, сочиненную преподавателемъ музыки въ гимназій г. *Гюфманомъ*; ученикъ *Невомайровскій* прочелъ отрывокъ изъ своего сочиненія: „Бытъ купечества по сочиненіямъ Островскаго“, удостоеннаго первой конкурсной преміи; розданы награды за успѣхи и отличное поведеніе перешедшимъ въ высшіе классы и награды представившимъ лучшія сочиненія на конкурсъ съ занесеніемъ ихъ именъ на золотую доску; въ заключеніе пансіонскій оркестръ, вмѣстѣ съ пансіонскимъ хоромъ, исполнили народный гимнъ: „Боже, Царя храни“. Актъ почтили своимъ присутствіемъ почетнѣйшія лица города, а также и главный начальникъ гражданскаго управленія на Кавказѣ, баронъ А. П. *Николаи*, бывшій проездомъ въ Ставрополь. Сообщаемъ извлеченіе изъ отчета г. директора гимназій о состояніи ея въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. Учебная часть, по заявленію отчета, оставляетъ желать еще многого; главныя причины ея неудовлетворительнаго состоянія заключаются: въ чрезвычайной сложности и многопредметности настоящаго гимназическаго курса, въ егѣ недостаточной продолжительности и въ долгомъ незаимѣщеніи открывающихся учительскихъ вакансій. Въ прошломъ году въ гимназій недоставало двухъ преподавателей—русской словесности и третьяго учителя латинскаго языка. Хотя уроки ихъ всё до единаго были заняты другими преподавателями гимназій, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не могло не дѣйствовать вредно на правильный ходъ учебнаго дѣла. Для ослабленія вреда,

происходящего от сложности и многопредметности курса, гимназическое начальство постоянно старалось регулировать взаимное отношение другъ къ другу предметовъ курса. Начальство желало раздѣлить этотъ трудъ между всѣми членами гимназии, предлагало съ этою цѣлю организовать классныхъ наблюдателей по образцу нѣмецкихъ ординаріусовъ, главнѣйшею обязанностью которыхъ было бы наблюдение за тѣмъ, чтобы каждый предметъ гимназическаго курса занималъ въ ряду другихъ строго опредѣленное, предназначенное ему мѣсто. Къ сожалѣнію, мѣра эта, признанная весьма полезною педагогическимъ совѣтомъ гимназии, не осуществилась на практикѣ за полнымъ *внутреннимъ* въ ней несочувствіемъ большинства преподавателей. Изъ всѣхъ предметовъ учебнаго курса, въ Ставропольской гимназии выше прочихъ по своимъ результатамъ стоятъ древніе языки, что обуславливается достоинствами преподавателей этихъ языковъ, ихъ усердіемъ и добросовѣстностью. Слабѣе прочихъ были успѣхи по математикѣ и русской словесности. Ни въ одномъ изъ предметовъ не бываетъ столько дурныхъ отмѣтокъ въ теченіе года, какъ по математикѣ, ни изъ за одного предмета не осталось такъ много въ тѣхъ же классахъ, ни по одному изъ нихъ не было такого количества переекзаменовывавшихся; такъ, по обоимъ древнимъ языкамъ послѣднихъ было только 30, тогда какъ по одной математикѣ такихъ было 59, то-есть, почти вдвое. Это обстоятельство едва не послужило причиною непоступленія въкоторыя изъ лучшихъ прошлогоднихъ учениковъ Ставропольской гимназии въ Московскій университетъ. Только благодаря отличнымъ знаніямъ по всѣмъ прочимъ предметамъ эти молодые люди не лишились высшаго образованія. Но отчетъ не приписываетъ этотъ печальный фактъ гимназическимъ преподавателямъ математики. Преподаватели математики не менѣе другихъ усердны въ своемъ дѣлѣ, трудятся съ самою похвальною ревностью. Главная причина этого явленія, по отзыву отчета, неблагоприятное положеніе математики среди прочихъ предметовъ, слишкомъ недостаточное число уроковъ, на нее назначенныхъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, сказано въ отчетѣ, что при настоящемъ настроеніи, настоящихъ стремленіяхъ преподавателей математики Ставропольской гимназии, предметъ этотъ весьма скоро займетъ въ гимназии принадлежащую ему роль. Преподаватели математики, по словамъ отчета, задались *чрезвычайно* *вѣрною* мыслію при изложеніи своихъ предметовъ: они преслѣдуютъ въ учащихся *исключительно* извѣстную степень „математической развитости“, при чемъ сообщаемыя ими изъ этого предмета свѣдѣнія разсматриваются

лишь какъ необходимый въ тому матеріалъ, средство ¹⁾). Хотя состояніе учебной части гимназій заставляетъ желать улучшеній, но все-таки значительное улучшеніе ея въ истекшемъ году отчетъ признаетъ за фактъ несомнѣнный. Такъ, преподаваніе въ этомъ году шло съ небывалою до сихъ поръ аккуратностью; число пропущенныхъ преподавателями уроковъ было крайне незначительно. Мало того, нѣкоторые изъ преподавателей, упуская уроки по болѣзни или по другой законной причинѣ, возмѣщали эти уроки послѣ, въ свободное отъ занятій время. Иные преподаватели даютъ особые, сверхъ расписанія, уроки, безъ всякаго за то вознагражденія. Далѣе отчетъ заявляетъ о полной солидарности и согласіи всѣхъ членовъ учебной корпораціи въ ихъ общемъ дѣлѣ. Засѣданія педагогическаго совѣта гимназій, которыхъ въ истекшемъ году было 19, приняли надлежащій характеръ и не состояли въ механическомъ выслушиваніи и подписываніи распоряженій директора, или только въ постановкѣ ученикамъ мѣсячныхъ отмытокъ. Въ настоящее время въ засѣданіяхъ каждый разъ затрогивается тотъ или другой чисто-педагогическій вопросъ, вызываются оживленныя пренія, чрезъ что много выигрываютъ разсматриваемые вопросы, и устанавливается необходимое въ каждомъ коллегіальномъ учрежденіи общее мнѣніе. Изъ обсуждавшихся въ педагогическомъ совѣтѣ вопросовъ отчетъ упоминаетъ: 1) объ экзаменахъ и репетиціяхъ, 2) о классныхъ патронахъ, 3) о мѣрахъ и способахъ вспоможенія нуждающимся изъ приходящихъ учениковъ, 4) объ усиленіи занятій и упражненій по русскому языку, 5) объ устройствѣ ученическаго конвикта, 6) объ усиленіи въ воспитаніи религіозно-нравственнаго элемента. Съ этою послѣднею цѣлю заведены еженедѣльные объясненія воскресныхъ евангелій законоучителемъ предъ началомъ богослуженія, и установленъ болѣе правильный контроль надъ исполненіемъ учениками религіозныхъ обязанностей. Ставропольская гимназія всегда особенно старалась о помощи бѣднѣйшимъ изъ своихъ учениковъ. Не проходилъ почти ни одинъ большой праздникъ, чтобы въ средѣ гимназической учебной корпораціи онъ не былъ ознамено-

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. *Исключительно-формальная* цѣль обученія математикѣ односторонняя. Соединеніе формальной и реальной цѣлей, составляющее основное требованіе воспитывающаго обученія, нигдѣ такъ не примѣнимо и такъ не желательно, какъ въ математикѣ, представляющей одну изъ сильнѣйшихъ средствъ общеобразовательнаго курса. Известно также, что односторонній субъективизмъ формальнаго обученія математикѣ *еще* сопровождается *несуцѣлымъ* этого предмета въ школахъ: блестящее доказательство этой истины представляетъ Песталоцци и его школа... *Ред.*

ванъ какимъ-либо дѣломъ благотворительности. Кромѣ частныхъ пожертвованій, однихъ вспомошествованій бѣдными ученикамъ деньгами, книгами и платьемъ сдѣлано на 457 руб. Кромѣ того, освобождено отъ взноса за ученіе болѣе 50 человекъ. Въ истекшій годъ за дурное поведеніе *исключены* только одинъ ученикъ; нѣкоторые удалены лишь съ казеннаго содержанія, на точномъ основаніи существующаго на то закона, не позволяющаго ученикамъ оставаться долѣе извѣстнаго времени въ одномъ и томъ же классѣ. Въ истекшемъ году педагогическому совѣту удалось выхлопотать нѣкоторымъ изъ своихъ питомцевъ снисхожденіе относительно этого положенія. „Мы считали бы себя особенно счастливыми“, сказано въ отчетѣ, „если бы могли не удалять изъ своей среды даже дурныхъ, испорченныхъ дѣтей. Если это и дѣлается иногда вслѣдствіе необходимыхъ практическихъ соображеній, то повѣрьте, никто не чувствуетъ тягости этого болѣе насъ, всѣхъ лучше понимающихъ, что не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные, и что воспитательное заведеніе, выбрасывающее изъ нѣдръ своихъ дурнаго ребенка, напоминаетъ собою госпиталь, куда не принимаются вовсе трудно-заболѣвшіе“. Въ этихъ видахъ педагогическій совѣтъ, по мысли директора, занимался разсмотрѣніемъ проекта устройства при Ставропольской гимназій исправительнаго ученическаго конвикта. Основаніе этого проекта встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ. Благодаря нѣкоторымъ благотворителямъ, гимназія имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи небольшую сумму денегъ и надѣется открыть конвиктъ, хотя въ скромномъ размѣрѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ числѣ полезныхъ мѣръ, принятыхъ въ прошломъ году по учебной части, въ отчетѣ указываются слѣдующія: 1) раздѣленіе приготовительнаго класса на два параллельныя отдѣленія и снабженіе ихъ нужными учебными пособиями и принадлежностями; вообще на этотъ классъ было обращено серьезное вниманіе; 2) учрежденіе при реальномъ отдѣленіи гимназіи небольшой, дѣйствующей уже химической лабораторіи; наконецъ, 3) устройство особой залы, специально назначенной для черченія, рисованія и чистописанія; тамъ же производится нѣкоторыми изъ учениковъ гимназіи лѣпка изъ глины и отливка гипсовыхъ бюстовъ. Последняя мѣра была тѣмъ необходимѣе, что чистописаніе и черченіе въ большей части нашихъ учебныхъ заведеній считаются часто какъ-бы необязательными предметами. Оттого случается, что ученики старшихъ классовъ, отвѣчая изъ физики или геометріи, не умѣютъ сдѣлать нужные чертежи. Придавая черченію и чистописанію важное

значеніе, какъ одному изъ орудій дальнѣйшаго образованія, педагогическій совѣтъ Ставропольской гимназій постановилъ производить изъ нихъ въ низшихъ классахъ (приготовительномъ, первомъ и второмъ) точно такія же испытанія, какъ изъ прочихъ предметовъ курса, и не пропускать въ слѣдующій классъ дѣтей, безспорно дурно пишущихъ. Это заставило учениковъ обратить большее вниманіе на означенные предметы и принесло уже добрые результаты. Устроенный для этихъ занятій залъ совершенно приуроченъ къ требованіямъ ихъ. Новое гимназическое помѣщеніе много содѣйствовало болѣе правильному и болѣе энергическому веденію воспитательнаго дѣла. Обширная, съ особымъ входомъ, сборная ученическая зала, просторные, совершенно отдѣльные одинъ отъ другаго классы, повсюду широкіе коридоры и проч., все выстѣ взятое, чрезвычайно облегчило правильный надзоръ за учащимися и водвореніе между ними должной школьной дисциплины; при этомъ употреблена была особенная заботливость о возможно широкой систематической организаціи внѣклассныхъ занятій воспитанниковъ, съ цѣлю дать дѣятельности ихъ правильный, хорошій исходъ. Число пансіонеровъ въ Ставропольской гимназій въ прошломъ году возрасло до огромныхъ размѣровъ. Съ переводомъ въ эту гимназій 20-и горцевъ Кубанской гимназій, съ чрезвычайнымъ приливомъ пансіонеровъ своеюштныхъ, число всѣхъ ихъ доходить до 280. „Тутъ, говоритъ отчетъ, „И казаки, Нѣмцы, Великороссыяне, Осетины, Левшины и Абхазцы, вѣдь и дѣти 8-ми лѣтъ и 20-лѣтніе молодые люди, и тщательно взлелѣянные подъ заботливимъ крыломъ матери, и уличные шалуны казачьихъ станицъ. Все это надо упорядочить, позаботиться о матеріальной сторонѣ каждаго изъ нихъ, удѣлить каждому нужную долю вниманія, участія, нравственнаго вліянія, слѣдить за ихъ ученіемъ, занять и развлечь въ свободное отъ уроковъ время—задача не легкая, требующая постояннаго напряженія силъ всѣхъ причастныхъ этому дѣлу лицъ. При такой многочисленности и разнородности пансіона является, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимость какъ извѣстныхъ школьныхъ дисциплинарныхъ порядковъ, такъ и организаціи въ немъ въ обширныхъ размѣрахъ разнаго рода время-препровожденій, такъ чтобы всякаго рода впусы, всякаго рода стремленія находили себѣ исходъ и приложеніе“. Въ пансіонѣ Ставропольской гимназій, на счетъ его специальныхъ суммъ, устроены и нынѣ дѣйствуютъ нижеслѣдующія учрежденія: 1) обширный, обильно снабженный всякаго рода аппаратами гимнастическій залъ; 2) особый залъ для занятій черченіемъ и скульптурною лѣжкой; 3) музыкальный оркестръ изъ 25-и

человѣкъ; 4) мастерская для нѣсколькихъ ремеслъ; 5) ученическая читальня, и 6) устраивались не разъ литературно-музыкальные вечера для старшихъ учениковъ. Правда, и прежде былъ въ Ставропольской гимназiи гимнастическiй залъ, но никогда онъ не былъ такъ обильно снабженъ нужными принадлежностями, какъ теперь. Въ настоящее время въ немъ устроено три станна со всевозможными аппаратами; кромѣ того, находится много переносныхъ приборовъ, нѣсколько десятковъ свѣцковыхъ гантелей, до 40 гимнастическихъ палокъ. Съ ноября 1869 г. гимназiя имѣетъ особаго учителя гимнастики, занимающагося съ пансіонерами ежедневно комнатною гимнастикой. Занятiя распределены такъ, что каждому классу приходится по 2 урока въ недѣлю обязательныхъ упражненiй. Музыкальный оркестръ заведетъ два года тому назадъ и поддерживается старанiями двухъ преподавателей музыки — *Критера* и *Гобмана*. Дабы не случилось недостатка въ умѣющихъ играть на томъ или другомъ инструментѣ, оркестръ устроенъ такъ, что упражненiемъ на каждомъ инструментѣ занимается не одинъ только играющiй на немъ въ данное время, но есть еще двое кандидатовъ, исподоволь приготавливающихся играть на томъ же инструментѣ. Большинство воспитывающихся въ Ставропольской гимназiи — люди недостаточные, бѣдные, которые должны будутъ добывать свой хлѣбъ серьезнымъ, настойчивымъ трудомъ. Поэтому гимназiя постоянно старалась воспитать въ своихъ питомцахъ не только уваженiе ко всякому честному труду, но и привычку, навыкъ къ нему; притомъ въ труду физическому. Съ этою цѣлю, въ видахъ исключительно педагогическихъ, отъ пансіонеровъ требуется, напримѣръ, собственноручная чистка сапоговъ, уборка постелей, поочередное прислуживанiе за столомъ, подметанiе комнатъ и т. д. Съ такою же цѣлю заведена въ Ставропольской гимназiи ученическая мастерская, для занятiй пансіонеровъ ремеслами: перелетнымъ, товарнымъ, столярнымъ и рѣзнымъ. Мастерская существуетъ около двухъ лѣтъ и въ ней въ одно время могутъ заниматься до 25-и человекъ. Ремеслами руководятъ особые учителя, работы производятся ежедневно въ теченiе всего свободнаго отъ ученiя въ классахъ времени и домашняго приготовленiя уроковъ до 9-и часовъ вечера. Половина работающихъ назначается по наряду, работаетъ другая по собственному желанiю. Занятiя ремеслами, по заявленiю отчета, до такой степени проникли въ среду пансіонеровъ, что сдѣлались для многихъ изъ нихъ потребностью. Въ матеріальномъ отношенiи все дѣлаемое на мастерскую расходится съ изоби-

твомъ окупаются производимыми въ ней работами. Всѣ книги гимназій и пансіона переплетаются своими мастерами; вся починка казенной мебели производится собственными средствами; много также сдѣлано въ пансіонской мастерской столовъ, скамеекъ, разныхъ мелкихъ издѣлій. Читальня при гимназій устроилась въ теченіе минувшаго года на частныя пожертвованія: кромѣ множества хорошихъ книгъ, на нее пожертвовано деньгами до 1.200 руб. вмѣсто небольшой комнаты, какъ предполагалось годъ назадъ, въ настоящее время читальня помѣщается въ огромномъ залѣ, прекрасно-меблированномъ, снабженномъ всѣмъ для нея необходимымъ. Въ читальнѣ 800 книгъ *избранныхъ* названій, болѣе чѣмъ въ 1.500 томахъ; самые богатые отдѣлы: историческій (340 книгъ) и словесный (до 600). Между книгами есть дѣтныя; на примѣръ: атласъ древняго міра, Вейсера; Гётевскій Рейнеке Лисъ, съ иллюстраціями Каульбаха; Библія и Евангеліе, изданіе Дорѣ. Этого рода изданія приобрѣтаются съ дѣлю воспитанія и развитія въ учащихся эстетическаго чувства, такъ какъ подобныя книги замѣняютъ собою въ извѣстной степени дѣлы картинныя галереи. Читальня можетъ свободно вмѣщать въ себѣ 60 человекъ, а въ случаѣ надобности и до сотни. Она доступна всѣмъ учащимся безъ всякой платы, какъ пансіонерамъ, такъ и приходящимъ; въ нее допускаются и воспитанники духовной семинаріи. Она открыта ежедневно все свободное отъ занятій время, до 10 часовъ вечера. Условія посѣщенія читальни изложены въ вывѣшенныхъ въ ней правилахъ. Все дѣло ведется, подъ контролемъ воспитателя, непосредственно самими же учениками. Ими избирается главный библіотекаръ, а помощники ему назначаются начальствомъ гимназій. Дѣло велось до сего времени такъ исправно, что не было еще ни одного случая пропажи книгъ. Число посѣщеній читальни въ теченіе года превышало 4.000 человекъ. Изъ статистическихъ данныхъ, прочитанныхъ на актѣ секретаремъ педагогическаго совѣта, видно слѣдующее. Въ Ставропольской гимназій въ истекшемъ учебномъ году состояло учащихся 486; изъ нихъ въ теченіе года вышло по разнымъ причинамъ 43, въ томъ числѣ: за невзносъ платы за ученіе, при слабыхъ успѣхахъ и только посредственнаго поведенія, 3; исключены за дурное поведеніе 1. Въ теченіе года составъ учащихся постоянно пополнялся вновь поступающими, особенно въ приготовительный классъ; всего поступило 82 (изъ нихъ въ приготовительный классъ 43). Удостоено перевода въ высшіе классы 312. Успѣхи воспитанниковъ могутъ быть взвѣшены до извѣстной степени слѣдующими данными:

высшій баллъ (5) получили изъ большей части предметовъ 68, то есть, около 20% всего числа учащихся; переэкзаменовкѣ подвергались: по математикѣ 59, по русскому языку и словесности 33, по латинскому языку 24; по остальнымъ предметамъ переэкзаменовано было весьма незначительное число. Число оставшихся въ классахъ на другой годъ не превышаетъ 33%; изъ нихъ около $\frac{2}{3}$ падаетъ на три низшіе класса. Изъ пансіонеровъ удостоено перевода 66%, изъ приходящихъ свыше 52%. Изъ 10-и окончившихъ курсъ воспитанниковъ 8 получили аттестаты и изъ нихъ двое награждены серебряными медалями. За успѣхи и отличное поведеніе, при переводѣ въ высшіе классы, удостоены наградъ 28 учениковъ. За сочиненія, представленныя на конкурсъ, удостоены: похвального отзыва—3, первой преміи—2, со внесеніемъ именъ ихъ на золотую доску (*Бамметовъ*, изъ Дегестана, и *Новомарьевскій*), 2-й награды—1. Къ 18-му октября въ гимназій состояло 514 учащихся, изъ нихъ въ пансіонѣ 228.

Конкурсъ ученическихъ сочиненій заведенъ въ Ставропольской гимназій съ 50-хъ годовъ, бывшимъ въ то время директоромъ гимназій, нынѣшнимъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Въ истекшемъ учебномъ году педагогическій совѣтъ призналъ полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ конкурса, которыя и были утверждены г. попечителемъ, а именно: 1) допускать темы по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса; 2) прилагать при темахъ краткіе конспекты содержанія ихъ; 3) обстоятельно указывать на источники; 4) избавлять получившихъ преміи отъ сочиненія на окончательномъ экзаменѣ и 5) записывать имена отличившихся на золотую доску. Въ истекшемъ году было предложено 10 темъ, а именно: 3 по исторіи, 6 по словесности и 1 по естественнымъ наукамъ. По обстоятельствамъ, объявленіе темъ могло быть сдѣлано только предъ самымъ концомъ учебнаго времени, когда многіе ученики, окончивъ экзамены, уѣхали на каникулы. Оттого въ истекшемъ году было мало конкурирующихъ: участвовали почти исключительно ученики VII-го класса; этимъ отчетъ объясняетъ неучастіе въ конкурсѣ VI-го класса, лучшаго въ гимназій по своему составу. На темы подано 7 сочиненій: изъ нихъ два на тему — „Русскій купеческій бытъ по сочиненіямъ Островскаго“, учениками *Новомарьевскимъ* и *Ковневскимъ*; на тему — „Характеръ Бориса Годунова“—ученикомъ VII-го класса *Богословскимъ*; на тему — „Смутное время Московскаго государства“ — ученикомъ VI-го класса *Петровскимъ*; наконецъ, на тему — „Домашній бытъ древняго челоуѣка на основаніи естественно-историческихъ данныхъ“ — три сочиненія:

два учениками VII-го класса реального отдѣленія *Валжестовымъ* и *Вазоркинымъ* и одно ученикомъ VI-го класса *Стасенко*.

— Въ Ловичской мужской реальной прогимназіи, въ засѣданіи 19-го ноября 1870 года, былъ обсуждаемъ вопросъ о надзорѣ за учениками внѣ заведенія и обѣ ученическихъ квартирахъ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ, доказывающихъ, что успѣхъ въ наукахъ главнѣйше зависитъ отъ умѣнья преподавателя увлечь и заохотить ученика предметомъ, и что добрая нравственность, даже безъ помощи другихъ средствъ, можетъ развиваться въ дѣтѣхъ назидательными примѣрами, руководителей, совѣтъ прогимназіи убѣжденъ, что мѣры эти безъ бдительнаго надзора мало приносятъ пользы. Призывая, съ одной стороны, надзоръ ничѣмъ незамѣнимымъ воспитательнымъ средствомъ, а съ другой—встрѣчая физическую невозможность возложить его на однихъ только преподавателей, совѣтъ Ловичской прогимназіи находилъ полезнымъ назначить въ каждой ученической квартирѣ старшаго, или репетитора, избираемаго совѣтомъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, отличающихся успѣхами и преимущественно солидностью и благонаравіемъ. При посредствѣ такихъ пособниковъ, прогимназія будетъ въ состояніи завести у себя бдительный и постоянный надзоръ за учащимися. Получая за свои труды даровую квартиру и столъ и опасаясь, при первой замѣченной ошлошности съ ихъ стороны, потерять эти выгоды, старшіе будутъ аккуратнѣе исполнителями училищныхъ правилъ¹⁾. Однакожъ совѣтъ не отвергаетъ, что выборъ такихъ старшихъ въ прогимназіи, гдѣ ученики высшихъ классовъ не старше 16-и лѣтъ, представляетъ затрудненіе. Что же касается содержателей квартиръ, то по мнѣнію педагогическаго совѣта, прогимназія не имѣетъ средства привести ихъ въ тѣсную отъ себя зависимость, а тѣмъ болѣе подвергать ихъ высканіямъ за безпорядки въ содержимыхъ ими квартирахъ. Да и трудно будетъ найти виновника въ этихъ безпорядкахъ, такъ какъ старшій станетъ ссылаться на содержателя, а содержатель на старшаго. Притомъ, инымъ содержателямъ часто недостаетъ умѣнья распорядиться въ своей квартирѣ, а другимъ — времени; поэтому большинство членовъ совѣта, вмѣстѣ съ инспекторомъ, сочли полезнымъ, во избѣжаніе неприятныхъ столбований, устранить содержателей квартиръ отъ прямаго надзора за живущими у нихъ учениками, обязавъ ихъ только обходиться съ учени-

¹⁾ Мѣру эту нельзя признать педагогическою, тѣмъ болѣе, что и побужденія для исполнятельности «репетиторовъ» не имѣютъ ничего общаго съ воспитательною практикой. *Ред.*

нами кротко и вѣжливо, устранять всякій соблазнъ со стороны ихъ самихъ и прислуги и предостерегать квартирующихъ у нихъ учениковъ отъ случаевъ, дающихъ поводъ къ шалостямъ. Но они положительно освобождаются отъ сопровожденія дѣтей на прогулки, на купанье, въ мѣста дозволенныхъ публичныхъ увеселеній, и тѣмъ болѣе отъ всякихъ сужденій, куда и кому можно отлучиться изъ квартиры, и отъ выдачи отлучающимся записокъ. Распорядительная власть въ ученической квартирѣ должна исключительно находиться въ рукахъ прогимназій. Съ цѣлю устроить постоянный надзоръ, члены совѣта положили посѣщать квартиры ежедневно по установленной между собою очереди. Эта мѣра, по мнѣнью совѣта, принесетъ еще и ту пользу, что преподаватели въ состояніи будутъ близко ознакомиться съ каждымъ ученикомъ въ особенности и вѣрнѣе судить о его поведеніи и прилежаніи. Касательно вопроса, можно ли завести на квартирахъ учениковъ репетиторовъ, совѣтъ призналъ это дѣло, при настоящемъ состояніи ученическихъ квартиръ, почти невозможнымъ, потому что квартиры эти теперь весьма малолюдны: рѣдко гдѣ живутъ пять, шесть учениковъ. Причина такого малолюдства ихъ заключается въ томъ, что родители обыкновенно, прежде явля къ инспектору для внесенія ихъ дѣтей въ число учениковъ, заботятся предварительно объ отысканіи для нихъ квартиры, руководствуясь при этомъ не столько пользою ребенка, сколько своими матеріальными выгодами. Съ цѣлю помочь имъ и дать этому дѣлу болѣе цѣлесообразное направленіе, совѣтъ постановилъ: избрать для учениковъ такія квартиры, въ каждой изъ которыхъ могло бы помѣщаться не менѣе семи или восьми человѣкъ, и объявить родителямъ, что въ другихъ мѣстахъ, за исключеніемъ домовъ ближайшихъ только родственникамъ, запрещается имъ помѣщать своихъ дѣтей. На основаніи вышеизложеннаго, педагогическій совѣтъ Ловичской прогимназій составилъ подробныя и весьма обстоятельныя правила о надзорѣ за учениками внѣ заведенія и объ устройствѣ ученическихъ квартиръ. Правила эти напечатаны въ *Циркулярѣ по Варшавскому учебному округу* (№ 1).

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Состояніе народнаго образованія въ Вологодской губерніи. — Журналы засѣданій Вологодскаго губернскаго училищнаго совѣта. — Школы въ Архангельской губерніи. — Постановленіе Сарапульскаго уѣзнаго, Вятской губерніи, земскаго собранія. — Организація нѣвольнаго дѣла въ Котельническомъ уѣздѣ. — Начальныя школы въ Вятскомъ уѣздѣ. — Училища въ Пермской губерніи. —

Церковно-приходская школа въ Иркутскѣ. — Народное образованіе въ Оренбургской губерніи. — Ремесленное училищѣ въ Оренбургѣ. — Заинское двухклассное училище въ Уфимской губерніи. — Постановление съѣзда духовенства въ Самарской губерніи по предмету народнаго образованія. — Воскресная школа при Самарской духовной семинаріи. — Дѣятельность Казанскаго братства св. Гурія: — Школы въ с. Новотроицкомъ и въ с. Шармандахъ. — Земскія школы въ гор. Пошехонѣ, Ярославской губерніи. — Дѣйствія Ростовскаго, той же губерніи, земства по предмету народнаго образованія. — Постановление Владимірскаго губернскаго земскаго собранія. — Училища въ с. Ивановѣ, въ Владимірской губерніи. — Начальныя и ремесленныя училища въ Москвѣ и въ Московской губерніи. — Дѣятельности Комисаровской школы въ С.-Петербургѣ. — Кронштадтское благотворительное общество: — Лѣтніе педагогическіе курсы въ с. Болмовѣ и въ гор. Черемовцѣ, Новгородской губерніи. — Съѣздъ народныхъ учителей въ гор. Вѣлзерскѣ, той же губерніи. — Постановление Псковскаго губернскаго земскаго собранія объ учительской семинаріи. — Постановление Островскаго уѣзднаго земскаго собранія, той же губерніи. — Образцовая молочная школа въ Тверской губерніи. — Очеркъ народнаго образованія въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. — Училища въ Серпейскѣ и въ Тарусскомъ уѣздѣ. — Дѣйствія духовныхъ лицъ Калужской епархіи въ пользу народнаго образованія. — Народное образованіе въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. — Постановление Воронежскаго губернскаго земскаго собранія. — Открытіе училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи. — Лѣтніе педагогическіе курсы въ Рязани. — Открытіе училища въ гор. Егорьевскѣ, Рязанской губерніи.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 69) помѣщено извлеченіе изъ доклада *Вологодской* губернской управы по предмету народнаго образованія.

Докладъ начинается общими соображеніями о необходимости образованія для сельскаго населенія въ виду новаго положенія, въ которое оно поставлено послѣдними преобразованіями. Затѣмъ докладъ переходитъ къ обзорѣнью состоянія школьнаго дѣла въ губерніи. По свѣдѣніямъ губернской управы, въ селеніяхъ существуютъ школы сельскія и церковно-приходскія. Первыя содержатся на особый уравнительный 6-копѣечный сборъ съ крестьянъ, который нынѣ, съ введеніемъ земства, прекращается; а вторыя школы или вовсе не получаютъ пособій, или получаютъ нѣкоторыя отъ крестьянъ, но въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. Открыты школы по распоряженію мѣстной духовной власти и учатъ въ нихъ церковныя причты. Помѣщаются церковно-приходскія училища рѣдко въ особыхъ зданіяхъ, а большею частію въ домахъ же причта или въ церковныхъ, и въ большинствѣ не имѣютъ никакихъ классныхъ принадлежностей. Школы эти въ Вологодской губерніи открыты были сначала въ большомъ количествѣ, почти при каждой церкви, но пресуществовавъ короткое

время, значительно уменьшились въ числѣ, и если потомъ число ихъ опять увеличилось, то едва-ли не благодаря тому только, что это дѣло приняло для духовенства почти обязательную силу. Школьные занятія причта идутъ плохо уже потому, что причтъ, кромѣ этихъ занятій, несетъ свои прямыя обязанности по отправленію церковной службы и по исполненію требъ, и „не на столько обезпеченъ, чтобъ изъ любви къ человѣчеству учить безъ всякаго вознагражденія“. Поэтому многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени, или, какъ заявили нѣкоторыя управы, открываются временно и нерѣдко на время ревизіи начальства. Немногимъ лучше управа нашла ходъ дѣла обученія и въ сельскихъ школахъ. Положительный неуспѣхъ школьнаго дѣла она приписываетъ несостоятельности учителей, которые, не будучи знакомы съ рациональными приемами преподаванія, на простое, почти механическое обученіе грамотѣ, затрачиваютъ годы. Такое положеніе дѣла, говоритъ управа, привело къ тому, что крестьяне смотрятъ на школу, какъ на нѣчто страшное, и на науку—какъ на нѣчто для нихъ недоступное. Отсюда понятнымъ становится нежеланіе крестьянъ отдавать своихъ дѣтей учиться, потому что школа въ ихъ глазахъ потеряла всякое довѣріе.

Изъ представленныхъ управою статистическихъ данныхъ оказывается, что всего по губерніи сельскихъ школъ 79, церковно-приходскихъ 457; учащихся 7.538, что на сельское населеніе въ 950 тысячъ составляетъ 0,9% или 7 человѣкъ на 1.000,—процентъ ничтожный. Но если принять, что церковно-приходскія школы, считая учениковъ только въ своихъ спискахъ, увеличили цифру учащихся на половину, то процентъ учащихся падетъ до 0,3. Для сравненія управа указываетъ на губерніи Рязанскую и Калужскую, изъ которыхъ въ первой на 1.000 человѣкъ приходится 9 и 3, а во второй 8 человѣкъ учащихся, и напоминаетъ, что еще въ 1860 году на 1.000 душъ населенія было учащихся въ Американскихъ Штатахъ 171, въ Англіи 130, во Франціи 100 и въ Пруссіи въ 1858 году 145. Въ 1871 году земствомъ ассигновано на народное образованіе по уѣздамъ: Вологодскому и Грязовецкому по 2.500 руб., Кадниковскому 3.000 руб., Тотемскому 5.211 руб., Вельскому 5.080 руб., Устюжскому 2.901 руб. 42¹/₂ коп., Никольскому 9.884 руб., Сольвычегодскому 2.050 руб., Яренскому 1.630 руб. и Устьсымольскому 7.778 руб., а всего 42,534 руб. 42¹/₂ коп., не считая суммъ, ассигнованныхъ губернскимъ земствомъ.

Въ видахъ улучшенія школьнаго дѣла и согласно порученію губернскаго собранія, управа признала необходимымъ устроить учи-

тельской семинарію. Представленный ею проектъ устава семинаріи въ общихъ чертахъ сходенъ съ другими такими же уставами. Но нѣкоторыя статьи устава и сдѣланныя къ нимъ упрямой объясненія обращаютъ на себя вниманіе. Такъ, службу преподавателей управа предположила государственною, но пенсіи не допустила, и вообще службу при семинаріи ограничила 15-ю годами, въ тѣхъ видахъ, что, какъ вообще замѣчено, только молодые преподаватели употребляютъ всю свою энергію и знаніе въ дѣлѣ преподаванія, а затѣмъ постепенно охладѣваютъ и ведутъ дѣло вяло. Можетъ-быть, говорить управа, причина этому кроется въ натурѣ человѣка, естественно охладѣвающей при однообразныхъ занятіяхъ; можетъ-быть, что важется и вѣрнѣе, зависитъ это и отъ самихъ воспитателей, которые, однажды приобрѣтя извѣстныя знанія, не заботятся объ увеличеніи ихъ и не слѣдятъ за развитіемъ той науки, которую преподають, отчего останавливаются въ собственномъ своемъ развитіи. Чтобы дать возможность преподавателямъ слѣдить за развитіемъ преподаваемыхъ ими наукъ и вообще школьнаго дѣла, чтобы поддержать въ нихъ энергію въ занятіяхъ и чтобы не дать семинаріи остановиться въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя она станетъ при своемъ открытіи, управа предположила ежегодно по очереди командировать одного изъ преподавателей въ педагогическое путешествіе, для обзорннн хода школьнаго дѣла въ Россіи и за границей.

Губернское собраніе нашло издержки на устройство семинаріи (8.200 руб.) слишкомъ значительными и проекта пока не утвердило, а возбудило ходатайство, чтобы министерство народнаго просвѣщенія закрыло въ Вологдѣ существующіе педагогическіе курсы, въ которыхъ въ 1870 году кончили курсъ только 3 человѣка, и сумму, отпускаемую на ихъ содержаніе, отдало на устройство семинаріи. Въ настоящемъ же году собраніе ассигновало 3.000 руб. на устройство земскихъ школъ въ гор. Яренскѣ и Верховажскомъ посадѣ, и предположило для уѣздовъ Вологодскаго, Грязовецкаго и Тотемскаго вызвать хорошо знающихъ дѣло учителей. Кромѣ того, собраніе ассигновало на усиленіе средствъ Вологодской женской гимназіи 2.500 руб., съ тѣмъ, чтобы былъ при гимназіи открытъ педагогическій классъ, который давалъ бы право на званіе учительницъ окончившимъ курсъ гимназіи воспитанницамъ, безъ особаго спеціальнаго испытанія предъ экзаменаціонною комиссіей университета. Оно рѣшило также ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ открытіи въ гор. Устюгѣ прогимназіи и предположило открыть при

всѣхъ уѣздныхъ управахъ книжныя склады, ассигновавъ для того по 100 руб. на уѣздъ.

— Изъ журналовъ Вологодскаго губернскаго училищнаго совѣта отъ 9-го октября 1870 года, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 2), видно, что Устьсисольскій уѣздный училищный совѣтъ, ходатайствуя о переводѣ училища изъ с. Щугоръ въ Усть-нему и объ открытіи въ замѣнъ его церковно-приходской школы въ Щугоръ и такой же въ Савиноборской волости, просилъ поддержать церковно-приходскія школы, какъ не имѣющія положительно никакихъ пособій, имущества и даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ помѣщеній. Губернскій училищный совѣтъ, изъявивъ свое согласіе на переводъ и открытіе упомянутыхъ училищъ, назначилъ на наемъ помѣщеній и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій двумя вновь открываемымъ школамъ—первой 38 руб. 40 коп., второй 49 руб. 32 к., и просилъ священниковъ означенныхъ мѣстностей пріять на себя занятія по школамъ, заявивъ, что при усердныхъ занятіяхъ они могутъ разчитывать на полученіе пособій за свои труды. Что же касается до поддержанія церковно-приходскихъ школъ, то неудовлетворительное въ матеріальномъ отношеніи положеніе этихъ школъ онъ обѣщалъ имѣть въ виду, и при испрошеніи пособій училищамъ, не оставитъ ихъ вниманіемъ; въ ожиданіи же этого, предложилъ Устьсисольскому училищному совѣту обратиться къ мѣстнымъ земству и обществу съ просьбою принять участіе въ поддержаніи школъ. То же отвѣчалъ губернский училищный совѣтъ и Грязовецкому уѣздному совѣту, представившему ходатайство о поддержаніи церковно-приходскихъ школъ въ своемъ уѣздѣ.

Никольскій уѣздный училищный совѣтъ донесъ, что члены совѣта не могли доставить свѣдѣній объ училищахъ за недостаткомъ средствъ для ихъ осмотра, и что, по донесеніямъ наставниковъ, состояніе училищъ, содержимыхъ на шестивопѣчный сборъ съ крестьянъ, за исключеніемъ двухъ, вообще удовлетворительно, а состояніе церковно-приходскихъ школъ большею частію неудовлетворительно, по сознанію самихъ причтовъ, частію отъ недостатка контроля, а большею частію оттого, что школы не получаютъ пособій. Губернскій совѣтъ, выслушавъ это донесеніе, постановилъ предложить Никольскому уѣздному училищному совѣту, чтобы онъ просилъ мѣстную управу объ изысканіи средствъ для осмотра училищъ, усилилъ контроль надъ церковно-приходскими школами и обратился съ просьбой объ оказаніи пособій училищамъ и школамъ къ мѣстнымъ земству и обществамъ.

Подобное же донесеніе получено губернскимъ совѣтомъ отъ Вельскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, на каковое донесеніе губернской совѣтъ постановилъ предложить Вельскому уѣздному совѣту вновь обратиться къ земству съ просьбою дать средства къ осмотру училищъ, безъ чего послѣднія не могутъ идти съ успѣхомъ. При этомъ губернской совѣтъ выразилъ полную увѣренность, что земство, заинтересованное успѣхами народнаго образованія въ уѣздѣ, не откажется принять всевозможныя зависящія отъ него мѣры къ процвѣтанію школь.

— *Архангельскія Губернскія Вѣдомости* (№ 92) сообщаютъ объ открытіи въ посадѣ Сума, въ зданіи приходскаго училища, мореходнаго класса. Число учениковъ приходскаго училища доходитъ до 62, изъ нихъ 43 мальчика и 19 дѣвочекъ, и занятія идутъ какъ нельзя лучше. Но самое зданіе находится въ плохомъ состояніи, и потому потребовалось его исправить. Сумскому мореходному классу, подобно такимъ же классамъ въ Прибалтійскомъ краѣ, дано денежное пособіе отъ правительства на первоначальное обзаведеніе классными пособіями, а отъ морскаго министерства ему присланы въ пользованіе бѣлая часть необходимыхъ для него морскихъ инструментовъ, картъ и книгъ. На первый разъ въ мореходный классъ изъявили желаніе поступить только 7 человекъ.

Въ той же газетѣ (№ 98) извѣщаютъ объ открытіи училища въ Веркольскомъ селеніи, Пинежскаго уѣзда.

— Изъ *Вятской* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Сарапульское уѣздное земское собраніе, въ засѣданіи 27-го января сего года, между прочимъ, постановило: ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи приходскимъ попечительствамъ, въ видахъ распространенія грамотности, права постановлять опредѣленія о штрафѣ съ родителей за неисправное посѣщеніе дѣтьми ихъ школь и о томъ, чтобы каждый прихожанинъ, имѣющій трехъ сыновей, непременно отдавалъ одного въ школу, съ тѣмъ чтобы мальчикъ, поступившій въ начальное училище, посѣщалъ его постоянно до окончанія курса ученія; выборъ же такимъ образомъ въ сельскія училища дѣтей, для обученія грамотѣ, производится приходскимъ попечительствомъ.

Котельническій корреспондентъ С.-Петербургскаго комитета грамотности, г. Сѣнниковъ, сообщаетъ комитету, по словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 43), о слѣдующей, довольно-оригинальной, организаціи школьнаго дѣла, приведшей тѣмъ не менѣе къ успѣшнымъ результатамъ. Отставной солдатъ Протасовъ, состоявшій писаремъ

въ военной службѣ, возвратясь на родину, посвятилъ себя преподаванію дѣтямъ чтенія и письма. Школа Протасова не имѣетъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. Дѣлю устроено такъ; что каждый ученикъ обязанъ, въ видѣ платы за свое обученіе, продовольствовать у себя въ семействѣ всю школу, вмѣстѣ съ ея учителемъ; затѣмъ вся школа переѣзжаетъ къ другому ученику, и такъ далѣе. Крестьяне относятся къ этому дѣлу весьма сочувственно, а мальчики, въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, выучиваются читать какъ слѣдуетъ. Корреспондентъ объясняетъ этотъ успѣхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при такой организаціи школьныхъ занятій, дѣти находятся всегда при учителѣ, и при этомъ, обезпечены во всемъ необходимымъ. Но нельзя не замѣтить, что подобный способъ содержанія школы возможенъ только при весьма незначительномъ ея составѣ. Иначе содержаніе ея было бы тяжело для крестьянъ, и они, конечно, не согласились бы принимать ее у себя въ домѣ на подобныхъ условіяхъ.

Вятскія Губернскія Вѣдомости (№ 73) сообщаютъ, что по мысли ректора духовной семинаріи, архимандрита Іосифа, съ разрѣшенія уѣднаго училищнаго совѣта, открыта въ Вяткѣ бесплатная народная школа, въ которую положено принимать дѣтей обоаго пола отъ 7-и до 12-и лѣтъ. Въ день открытія школы, явилось около 25-и дѣтей обоаго пола, въ томъ числѣ 4 дѣвочки и 2 мальчика—дѣти живущихъ въ Вяткѣ Евреевъ. Должность учительницы въ этой школѣ приняла на себя окончившая курсъ въ Вятскомъ епархіальномъ училищѣ, Е. А. Клобукова, имѣющая право быть домашнею учительницей и преподавать уроки по закону Божию. Архимандритъ Іосифъ содержитъ на свой счетъ квартиру для училища, доставляетъ учебныя принадлежности и платитъ жалованье учительницѣ. По его же инициативѣ, при тѣхъ же условіяхъ, существуютъ, открытыя прежде о. архимандритомъ, въ деревняхъ около города Вятки пять училищъ, въ которыхъ число учащихся обоаго пола простирается до 238. Въ одной изъ школъ, Кочуровской, 13 учащихся ознакомлены съ элементарными свѣдѣніями изъ физики и географіи. Школа эта получила пособие отъ земства въ количествѣ 100 рублей.

Въ той же губерніи, при Слободскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, осенью минувшаго года, открыта начальная школа, съ помѣщеніемъ въ ней 10-и бѣдныхъ малолѣтнихъ спротивъ духовнаго званія, для приготовленія ихъ къ поступленію въ первый классъ духовнаго училища, а также и для бесплатнаго обученія въ ней дѣтей другихъ сословій, на содержаніи ихъ родителей и родственниковъ.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ училищахъ въ Пермской губерніи, помѣщеннымъ въ послѣдней книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сообщаемъ нѣсколько данныхъ о состояніи народнаго образованія въ Тагилѣ, заимствуя ихъ изъ статьи по сему предмету, помѣщенной въ прошломъ году въ *Русской Лѣтописи* (№ 30).

Первое мѣсто между училищами этой мѣстности занимаетъ Нижне-Тагильское реальное училище, основанное въ 1862 году г. Дежидовымъ, на мѣстѣ прежде существовавшаго заводскаго, и содержимое на средства самого заводчика. Заведеніе это открытое и состоитъ изъ трехъ классовъ: двухъ общихъ и одного спеціальнаго. Послѣдній, примѣнительно къ заводскимъ потребностямъ, подраздѣляется на два отдѣленія: механическое и топографическо-лѣсное. Курсъ ученія въ классѣ продолжается два года. Въ общихъ классахъ преподаются: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, арифметика, алгебра и геометрія, отечественная исторія, всеобщая и русская географія, физика и зоологія; кромѣ того, чистописаніе и рисованіе. Въ спеціальномъ классѣ преподаются: горнозаводская механика, металлургія, химія, горнозаводское счетоводство, низшая геодезія, маршейдарское искусство, горное искусство, минералогія въ связи съ геологіей и геогнозіей, ботаника и лѣсоводство. Въ вакаціонное время, съ 1-го іюня по 11-е августа, ученики спеціальнаго класса занимаются, подъ руководствомъ преподавателей, практически: съемкою въ полѣ, работами въ лѣсу, обзорніемъ и отчасти производствомъ доступныхъ имъ работъ на заводахъ, въ рудникахъ и т. д. Возрастъ учениковъ отъ 11-и до 18-и лѣтъ. Ученики реального училища раздѣляются на двѣ категоріи: на штатныхъ и вольнослушающихъ. Число штатныхъ можетъ простираться до 90-а человекъ. Въ составъ ихъ входятъ дѣти дядь, занимавшихъ или занимающихъ какія-либо должности при заводахъ г. Дежидова. Они принимаются въ училище бесплатно, пользуются всѣми учебными пособиями безвозмездно, а дѣти недостаточныхъ родителей получаютъ еще, въ добавокъ ко всему этому, ежемѣсячное денежное пособіе отъ 2 до 3 руб. и болѣе на одежду и обувь. Жители Нижне-Тагильскихъ заводовъ и окрестныхъ мѣстъ, не имѣющіе никакихъ служебныхъ отношеній къ заводамъ, также могутъ помѣщать своихъ дѣтей въ реальномъ училищѣ, но уже вольнослушающими и обязываются платить за ученіе по 15 руб. въ годъ. Впрочемъ, положительнѣе бѣдные освобождаются и отъ этой платы; учебныя же пособія выдаются бесплатно всѣмъ безразлично, какъ штат-

нымъ, такъ и вольнослушающимъ. Окончившіе курсъ получаютъ аттестаты и могутъ поступить на службу или въ заводы г. Демидова, или въ другихъ мѣстахъ, по желанію. Мѣстное сельское населеніе, сочувствуя дѣлу образованія дѣтей, приговоромъ на волостномъ сходѣ въ 1868 году постановило не взимать съ учениковъ крестьянскаго сословія никакихъ податей и повинностей, пока они находятся въ училищѣ. При училищѣ находятся физическій, геодезическій и минералогическій кабинеты, учебная химическая лабораторія и библіотека, состоящая изъ учебныхъ и другихъ пособій по разнымъ наукамъ, изъ сочиненій ученаго и балетристическаго содержанія и изъ повременныхъ изданій. Число учащихся въ 1870 г. простиралось до 108; изъ нихъ дѣтей чиновниковъ 2, духовнаго званія 3, городскихъ сословій 36, сельскаго 67. Содержаніе училища обходится г. Демидову въ 11.260 руб. По отавкамъ свѣдущихъ лицъ, училище совершенно удовлетворяетъ мѣстнымъ заводскимъ потребностямъ, и было два-три примѣра, что окончившіе курсъ въ училищѣ поступали въ университетъ, гдѣ ученіе ихъ идетъ хорошо.

Изъ другихъ училищъ въ описываемой мѣстности, *Русская Литомисъ* указываетъ, между прочимъ, на Нижне-Тагильское и Нижне-Салдинское, въ 46-и верстахъ отъ Тагила. Каждое изъ этихъ училищъ состоитъ изъ одного класса, подраздѣляющагося на старшее и младшее отдѣленіе, но при первомъ есть еще 3-е отдѣленіе—такъ называемыхъ азбучниковъ, съ которыми занимается надзиратель училища. Время пребыванія учениковъ въ томъ и другомъ училищѣ не опредѣляется, но въ старшемъ отдѣленіи курсъ обыкновенно продолжается два года. Дѣти обучаются здѣсь: чтенію, письму, закону Божію, русской грамматикѣ, ариметикѣ и пѣнію. Всѣ лица, служащія при заводахъ, пользуются правомъ бесплатно помѣщать своихъ дѣтей въ народное училище, постороннія же лица платятъ по 2 руб. въ годъ. Содержаніе народныхъ училищъ обходится г. Демидову 2.584 р. Кромѣ того, имѣются еще два дѣтскихъ пріюта: Авроринскій въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ и Нижне-Салдинскій; въ первомъ число дѣтей простирается до 160, во второмъ до 70. Содержаніе пріютовъ обходится владѣльцу въ 3.625 руб. ежегодно. Наконецъ, въ Нижне-Тагильскихъ заводахъ есть 4 единовѣрческихъ училища, которыя содержатся на счетъ крестьянскихъ единовѣрческихъ обществъ и состоятъ въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства.

— *Иркутскія Епархіальная Видомости* (№ 49) сообщаютъ объ открытіи новой школы при Троицкой церкви, устроенной стараніемъ

Иркутскаго мѣщанина С. И. Левченко, который употребилъ на это дѣло до 1.000 руб. Учащихся на первый разъ явилось 3 мальчика и 10 дѣвочекъ. Заботливость г. Левченко объ образованіи дѣтей тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ писалъ въ прошломъ году корреспондентъ *Голоса*, сельскихъ школъ существуетъ не болѣе десяти въ цѣломъ краѣ, и о результатахъ ихъ дѣятельности нѣтъ никакихъ свѣдѣній; а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы мѣстные крестьяне чуждались грамотности. Напротивъ того, во многихъ деревняхъ они нанимаютъ особыхъ учителей для своихъ дѣтей. Такой учитель живетъ на хлѣбахъ крестьянина и получаетъ по 50 коп. въ мѣсяцъ за выучу его дѣтей. Кончивъ кое-какъ свою работу въ одномъ домѣ, такой мастеръ переходитъ въ другой и т. д.

— По отчету *Оренбургскаго* губернскаго статистическаго комитета за 1869 годъ, помѣщенному въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* прошлаго года (№ 38), въ уѣздахъ губерніи числилось за отчетное время 370 сельскихъ училищъ, изъ которыхъ 214 православныхъ и 156 магометанскихъ. По отношенію къ общей цифрѣ жителей одно училище приходилось на 2.230 душъ населенія; въ частности же отношеніе это измѣняется по вѣроисповѣданіямъ: для православнаго населенія одно училище приходилось на 2.535 душъ обоого пола, а для магометанскаго на 1.543 д. Такую же разницу представляетъ по сравненію съ численностію населенія и общее число учащихся, простиравшееся во всѣхъ уѣздахъ губерніи до 10.416 душъ обоого пола, что составляетъ по одному на 79 д. населенія. Въ отдѣльности, для православнаго населенія одинъ учащійся приходился на 90 чело-вѣкъ, а для магометанскаго одинъ на 55. Въ отношеніи къ поламъ учащіяся распредѣляются весьма неравномѣрно. Общее число обучающихся мальчиковъ 8.345, а дѣвочекъ 2.071. По сравненію съ населеніемъ каждаго пола и вѣроисповѣданіемъ, выводятся такіа отношенія: для православныхъ мужскаго пола 1:53, женскаго 1:267; для магометанъ мужскаго пола 1:37, женскаго 1:112.

Правительственный Вѣстникъ (№ 211) извѣщаетъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получено донесеніе Оренбургскаго генералъ-губернатора объ открытіи, 2-го сентября 1870 года, въ гор. Оренбургѣ ремесленнаго училища, соответствующаго, по объему преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ, уѣзднымъ училищамъ. Это училище открыто на мѣстныхъ средства, при 20-и воспитанникахъ; сверхъ сего, 26 мальчиковъ должны были поступить вскорѣ послѣ открытія училища.

— Въ *Уфимскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ* (№№ 34 и 35) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о Заинскомъ двухклассномъ училищѣ, о которомъ нѣсколько данныхъ было уже помѣщено въ декабрьской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1866 годъ.

Въ пригородѣ Заинскѣ, съ 1845 по 1867 г., существовало сельское училище, которое, по успѣхамъ учениковъ, хотя и отличалось отъ прочихъ подобныхъ сельскихъ училищъ, но не смотря на заботливость со стороны управленія государственныхъ имуществъ, далеко не достигало предназначенной дѣли. Въ 1867 году министерство народнаго просвѣщенія предположило открыть въ Уфимской губерніи два двухклассныя училища, назначивъ для одного изъ нихъ пригородъ Заинскъ. Предварительныя приготовленія къ открытію училища были сдѣланы, домъ отстроены и приглашенъ учитель, А. П. *Шалинъ*, молодой человѣкъ, получившій лишь элементарное образование. Крестьяне сначала съ недовѣріемъ отнеслись къ новому учителю, но онъ принялся за дѣло съ такою любовью и энергіей, что въ теченіе одного года мѣнѣе всѣхъ относительно школы совершенно измѣнилось. Умѣнье учителя передавать дѣтямъ необходимыя свѣдѣнія и расположить ихъ къ занятіямъ обратили на себя вниманіе всего окружающаго населенія. Въ училище начали привозить дѣтей управляющіе заводами, прикащики и даже крестьяне верстъ за 60, такъ что въ началѣ 1870 года набралось мальчиковъ со всѣхъ сторонъ до 100 человѣкъ. Познанія учениковъ стали быстро развиваться. Мальчики, въ числѣ около 50 человѣкъ, посѣщали училище неопустительно до іюля мѣсяца, не будучи отрываемы родителями для домашнихъ работъ, тогда какъ въ прежнее время ученіе заканчивалось послѣднею недѣлей великаго поста. Экзамены, производившіеся въ концѣ іюня въ присутствіи штатнаго смотрителя и многихъ постороннихъ лицъ, показали, что назначаемые по программѣ предметы ученики изучили превосходно, въ особенности окончивавшіе полный курсъ. Эти нѣсколько человѣкъ до того отчетливо отвѣчали, что многіе изъ бывшихъ на экзаменѣ крестьянъ, окончившихъ въ прежнее время курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, были въ восхищеніи. Мальчики очень хорошо отвѣчали изъ закона Божія, русской исторіи и географіи; знали хорошо планиметрію и отчасти стереометрію; излагали свои мысли на данную тему; писали подъ диктовку и въ особенности сознательно и быстро рѣшали сложныя ариметическія задачи; кромѣ того довольно отчетливо рисовали. А. П. *Шалинъ*, какъ можно было замѣтить при посѣщеніяхъ училища, старался дѣйствовать и на нравственную сторону учащихся,

напримѣръ, при чтеніи евангелія. Въ развитіи дѣтей ему содѣйствовали законоучитель, священникъ О. В. Евлампіевъ и учитель Н. С. Пудинъ.

— Мы упоминали о томъ, что на многихъ съѣздахъ духовенства разсуждаемо было о мѣрахъ къ поддержанію и распространенію народнаго образованія въ приходахъ, на сколько это зависитъ отъ средствъ духовенства. Въ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 4) напечатанъ отчетъ о съѣздѣ духовенства въ 9-мъ благочинническомъ округѣ Бузулукскаго уѣзда, на которомъ вопросъ объ этомъ предметѣ также былъ подвергнутъ обсужденію. Мѣстное духовенство заявило, между прочимъ, что поддерживать церковно-приходскія школы, а тѣмъ болѣе открывать ихъ вновь, духовенству одному, представленному самому себѣ, стоитъ большихъ хлопотъ; разчитывать же на помощь другихъ лицъ и вѣдомствъ трудно, а потому собраніе постановило: просить преосвященнаго объ оказаніи содѣйствія съ его стороны къ надлежащему устройству церковно-приходскихъ школъ округа. При всѣхъ затрудненіяхъ, какія духовенство округа встрѣчаетъ при обученіи дѣтей въ этихъ школахъ, собраніемъ положено всѣми мѣрами стараться вести это дѣло, прося объ открытіи школъ тѣхъ изъ настоятелей церквей, которыми отъ еще не открыты.

— Въ тѣхъ же *Вѣдомостяхъ* (№ 3) находимъ нѣсколько свѣдѣній о состояніи воскресной школы, учрежденной при мѣстной духовной семинаріи, за минувшій 1870 годъ. Всѣхъ уроковъ въ году было 34; общее количество посѣщеній школы 1.850. Обученіе производилось по улучшеннымъ методамъ; ученики были раздѣлены на нѣсколько группъ по предметамъ обученія. Школа была въ достаточной мѣрѣ обеспечена учебными пособиями и могла изъ своей бібліотеки раздать въ видѣ награды лучшимъ и неопустительно посѣщавшимъ уроки мальчикамъ до 300 брошюръ духовно-нравственнаго и отечественно-историческаго содержанія, и такое же количество ихъ отдѣлить, съ соединеніемъ необходимыхъ учебныхъ руководствъ, для приходскихъ воскресныхъ школъ гор. Самары и одной, недавно открытой при Бугурусланской женской общинѣ. Занятія въ школѣ шли вообще очень успѣшно. Нѣсколько совершенно неграмотныхъ мальчиковъ научились читать и писать; многіе изъ учениковъ приходскихъ училищъ въ школѣ приготавливали свои классные уроки по закону Вожію и ариметикѣ; большинство же въ школѣ находило пищу религіозному чувству въ объясненіи молитвъ и евангелія, въ чтеніи назидательныхъ разказовъ изъ священной и церковной, преимущественно русской исторіи, житій святыхъ и въ общемъ пѣніи молитвъ.

— Извлекаемъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности Казанскаго братства св. Гурія, за время съ октября 1869 по октябрь 1870 года, изъ отчета совѣта братства, помѣщенного въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 85—88).

Находящаяся въ завѣдываніи братства центральная школа для крещенныхъ Татаръ продолжала дѣйствовать по прежнему; но такъ какъ, по случаю рукоположенія учителя ея, Татарина Василія Тимоеева въ священники, на него пала обязанность богослуженія на татарскомъ языкѣ, то въ помощники ему по учебной и хозяйственной частямъ назначены двое изъ его учениковъ, съ содержаніемъ по 72 руб. въ годъ каждому изъ суммъ братства. Въ іюнѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, учителя крещено-татарскихъ школъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собирались въ Казанскую школу для упражненія въ пріемахъ обученія, въ пѣніи, въ русскомъ языкѣ, и для взаимнаго обмѣна собственннхъ наблюденій и опытовъ. Занятія учителей производились подъ руководствомъ священника Тимоеева. Въ Тетюшскомъ уѣздѣ открыта школа съ цѣлю дѣйствовать преимущественно на тѣхъ изъ мордовскихъ и татарскихъ инородцевъ, которые отпали изъ христіанства въ магометанскую вѣру. Вообще, за отчетное время открыто 9 школъ на братскія средства и 16—на сумму, ассигнованную св. синодомъ; всѣхъ же крещено-татарскихъ школъ, съ земскими и частною, содержимою на счетъ землевладѣльца П. И. Берстеля, было болѣе 30, кромѣ центральной Казанской. Направленіе крещено-татарскихъ школъ продолжало быть христіански-воспитательное, которое могло бы замѣнить недостатокъ христіанскаго вліянія на дѣтей, въ первой ихъ молодости, со стороны инородческихъ семей, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти миссіонерское, состоящее въ нѣкоторомъ вліяніи мѣстныхъ школъ на развитіе христіанскихъ понятій и сочувствіе къ христіанству въ старшихъ поколѣніяхъ. Такимъ направленіемъ школъ объясняется то, что крещенные Татары стали понимать пользу образованія своихъ дѣтей и сами просили братство о присылкѣ къ нимъ учителя для открытія школы. Сочувствіе къ школамъ распространяется между Татарами все болѣе и болѣе. Многие изъ нихъ посѣщаютъ школы, слушаютъ со вниманіемъ преподаваемое и просятъ читать что-либо поучительное; въ особенности всѣ интересуются пѣніемъ церковныхъ пѣсней на ихъ природномъ языкѣ, что многихъ изъ нихъ располагаетъ отдавать дѣтей учиться, такъ какъ они усматриваютъ въ этомъ самый видный съ перваго раза плодъ отъ ученія. Успѣхи учениковъ были вообще удовлетворительны, наиболѣе же успѣшны

идутъ школы тамъ, гдѣ приходскіе священники хорошо владѣютъ знаніемъ татарскаго языка и употребляютъ методъ обученія, принятый въ Казанской школѣ.

Въ черемисскихъ школахъ, какъ видно изъ подробныхъ отчетовъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія въ сельскихъ школахъ, сообщались отрывочныя свѣдѣнія изъ русской исторіи и о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, напримѣръ, о дождѣ, вѣтрѣ, снѣгѣ. Мальчики поютъ въ церкви при каждомъ богослуженіи, и довольно стройное ихъ пѣніе имѣетъ дѣйствіе на прихожанъ-инородцевъ и привлекаетъ ихъ въ церковь. Церковное пѣніе имѣетъ религіозно-образовательное значеніе для Черемисъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ національных пѣсенъ. Черемисы если поютъ иногда, то ведутъ только голосъ, безъ словъ. Стройное пѣніе имъ нравится, и у Черемисъ развивается расположеніе къ чтенію. Отъ непосредственнаго вліянія школъ расширяется умственное міровоззрѣніе инородцевъ въ религіозномъ отношеніи, и возвышается нравственная ихъ сторона. Братскія инородческія школы вносятъ нравственное сознаніе въ среду инородцевъ, которые заблуждались лишь по невѣдѣнію, будучи любознательны и добры по природѣ. Они изъявляютъ полную готовность къ полезнымъ начинаніямъ и благодѣтельнымъ дѣйствіямъ братства и охотно отдають дѣтей своихъ въ существующія на счетъ братства школы.

Изъ чувашскихъ школъ, на которыя братство простираю свое вліяніе, однѣ состояли только подъ покровительствомъ братства, а другія и содержались на его счетъ. Члены совѣта братства указываютъ въ особенности на полезную дѣятельность учителя-Чувашина Дмитріева, весьма любимаго учениками. Совѣтъ братства, въ надеждѣ, что Дмитріевъ принесетъ большую пользу въ дѣлѣ религіознаго образованія чувашскихъ дѣтей, исходатайствовалъ ему освобожденіе отъ рекрутской повинности. Кромѣ поддержанія существующихъ чувашскихъ школъ, совѣтъ заботился о приготовленіи новыхъ учителей, для открытія новыхъ школъ между этими инородцами. Въ этихъ видахъ въ Казань, были вызываемы для ознакомленія съ лучшими педагогическими приѣмами, нѣкоторые учителя и лучшіе изъ учениковъ сельскихъ чувашскихъ школъ. Съ этою же цѣлью нѣсколько мальчиковъ постоянно жили въ Казани, получая пособіе на содержаніе свое изъ братскихъ суммъ.

Особныя школы для Вотяковъ, числомъ 2, начали свое существованіе только въ отчетномъ году; прежде Вотяки обучались въ дру-

гихъ школахъ. Одинъ изъ такихъ воспитанниковъ - Вотяковъ, по имени Захаръ Осиповъ, прибылъ въ Казанскую школу, для ближайшаго знакомства съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Здѣсь ему данъ совѣтъ, чтобъ онъ дѣлалъ нужныя наставленія вотяцкимъ дѣтямъ по вотяцки. Съ тою же цѣлю пріѣхалъ въ Казань воспитанникъ другой школы изъ Вотяковъ, Дмитрій Ивановъ. Обоимъ этимъ Вотякамъ было внушено, чтобъ они перелагали на свой родной языкъ съ татарскаго перевода краткую священную исторію и другія части „Начальнаго ученія православной вѣры“. Взрослые изъ Вотяковъ Казанскаго и Мамадышскаго уѣздовъ, живущіе по сосѣдству съ Татарами, большею частію свободно говорятъ по татарски. При нѣкоторомъ упражненіи въ письменномъ употребленіи своего роднаго языка, упомянутые Захаръ и Дмитрій могутъ пользоваться тѣми христіанскими книгами на народномъ татарскомъ языкѣ, которыя употребляются въ крещено-татарскихъ школахъ. Но такъ какъ малолѣтніе ученики вообще плохо знаютъ татарскій языкъ, то для полнаго удобства въ обученіи ихъ, предстоитъ, по возможности въ непродолжительномъ времени, озаботиться приготовленіемъ учебниковъ на вотяцкомъ языкѣ.

Для распространенія религіознаго образованія въ средѣ инородцевъ Казанской епархіи, совѣтомъ братства св. Гурія составлены и одобрены мѣстнымъ преосвященнымъ общія руководительныя для духовенства соображенія по сему предмету, и кромѣ того, составлена азбука, способствующая, при облегчительномъ способѣ обученія грамотѣ, возбуждать и развивать въ дѣтяхъ религіозныя чувства и понятія. Азбука эта, одобренная ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, издается нынѣ въ пользу школъ братства и другихъ церковно-приходскихъ школъ.

Наконецъ, изъ школъ собственно въ средѣ русскаго населенія, кромѣ вспомошествоваемыхъ братствомъ школъ противураскольническихъ, на счетъ братства содержалась одна — Некрасовская, въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Въ пожертвованномъ братствомъ Ц. П. Филипповичемъ для устройства школы обширномъ домѣ съ усадьбой, огородомъ и лѣсомъ, школа была заведена для Русскихъ, на тѣхъ религіозно-нравственныхъ началахъ, какія положены въ основу инородческихъ школъ братства. Въ отчетномъ году Некрасовская школа дѣйствовала съ успѣхомъ. Ученики упражнялись въ пѣніи подъ руководствомъ мѣстнаго священника и пѣли на клиросѣ въ церкви.

Всѣхъ школъ, основанныхъ на началахъ братства св. Гурія и получавшихъ отъ него пособіе, было 49; а дѣтей, обучавшихся въ этихъ школахъ, до 1.000, въ числѣ коихъ до 20 мальчиковъ пѣзъ язичниковъ.

— Въ *Казанскія Епархіальныя Вѣдомостя* (№ 24 пр. г.) помѣщена историческая записка о Новотроицкой школѣ, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ. Школа эта находится въ с. Новотроицкомъ, Чистопольскаго уѣзда, и состоитъ подъ руководствомъ мѣстнаго священника о. Миропольскаго. Изъ упомянутой записки видно, что, при поступленіи о. Миропольскаго въ приходъ названнаго села, въ немъ было 1.600 душъ мужскаго и 1.650 женскаго пола; изъ этого числа грамотныхъ крестьянъ было только 11, и весьма немногіе изъ прихожанъ, а особенно изъ дѣтей ихъ, знали главнѣйшія молитвы. Священникъ нѣсколько разъ убѣждалъ крестьянъ устроить школу для дѣтей, но они отвѣчали одно: „Нѣтъ, батюшка, у насъ этого не бывало; гдѣ ужъ намъ учиться грамотѣ; мы люди рабочіе, не до ученья намъ“. Однако такіе отвѣты не остановили усердія священника: онъ началъ лично знакомиться съ дѣтьми, и въ скоромъ времени 4 мальчика ужъ изъявили желаніе учиться. О. Миропольскій занялся приготовленіемъ помѣщенія для школы, приобрѣлъ всѣ нужныя, хотя и скудныя, принадлежности на свой счетъ и къ концу октября открылъ школу. Число учениковъ стало по немногу прибывать. Въ первый годъ въ школѣ обучались уже 20 мальчиковъ; было даже 3 взрослые крестьянина, которые ходили къ священнику по вечерамъ учиться читать и пѣть. Успѣхи учениковъ были различны; однако нѣкоторые дѣти, въ продолженіе зимы, правильно выучили наизусть главныя христіанскія молитвы и заповѣди съ объясненіемъ ихъ. Къ концу сентября 1862 г. ученіе, послѣ лѣтняго перерыва, началось снова; но какъ учащихся собралось болѣе 30 мальчиковъ, то за тѣсною прежняго помѣщенія для школы, нужно было отыскать новое. Въ этомъ отношеніи помогъ мѣстный землевладѣлецъ графъ А. Д. Блудовъ, который, по донесенію своего управляющаго, приказалъ дать для школы особый домъ, довольно помѣстительный. Число учащихся продолжало увеличиваться. Дѣти такъ полюбили школу, что со слезами просили своихъ родителей отпустить ихъ учиться. Нѣкоторые матери даже пятилѣтнихъ дѣтей приводили въ школу, объясняя, что они плачутъ и просятъ, чтобъ ихъ учили. Вскорѣ стали собираться дѣти изъ сосѣднихъ деревень: приходившіе изъ ближайшихъ деревень, версты за три, не смотря на холодъ и съ обѣдомъ за пазухой, къ вечеру возвращались домой; изъ дальнихъ, съ запасомъ хлѣба на не-

дѣлю, оставались въ церковной сторожкѣ, питаясь чернильнѣмъ хлѣбомъ съ водою. Съ своей стороны, о. Мирнопольскій жертвовалъ для нихъ чѣмъ могъ, и старался расположить ихъ къ ученью ласковымъ обращеніемъ и не употребляя никакихъ наказаній. А чтобъ отцы знали, чему ихъ дѣти учатся въ школахъ, ежегодно имъ было дѣлаемо публичное испытаніе, на которое приглашались не только родители, но и всѣ желающіе. Въ слѣдующихъ годахъ число учащихся возрасло отъ 40 до 50 и болѣе, а въ 1869 году въ школахъ было уже 55 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ, въ томъ числѣ 8 мальчиковъ изъ Мордвы Уфимской губерніи. Явился большой недостатокъ въ учебныхъ пособияхъ и книгахъ для чтенія. Дѣти желали читать и писать, а средствъ къ приобрѣтенію того и другаго не было. Нѣкоторые стали приобрѣтать книги на свои скудные средства. Крестьяне не жалѣли денегъ и съ большимъ удовольствіемъ слушали, когда дѣти ихъ читали въ церкви и особенно когда порядочно пѣли. Такъ, однажды въ праздникъ, послѣ всенощной, на вопросъ священника къ крестьянину: хорошо ли поетъ его сынъ, крестьянинъ сказалъ: „Слезнъ прошибають, батюшка; дай Богъ вамъ много дѣтъ здравствовать; вы довели его до этого“. Нынѣ Новотроицкій хоръ состоитъ изъ 30 человекъ. Въ 1867 г. здѣсь же открыта воскресная школа для взрослыхъ, а въ 1870 году уѣздный училищный совѣтъ открылъ особое училище для дѣвицъ, съ наставницей, обучающею ихъ грамотѣ и рукодѣлю. Благодаря вниманію земской управы и училищнаго совѣта, Новотроицкое училище хорошо обезпечено теперь всѣми училищными принадлежностями, да и до этого времени оно не оставалось безъ вниманія. Въ минувшемъ году, главноуправляющій имѣніями графъ Блудовыхъ П. А. КIAMOVЪ прислалъ изъ С.-Петербурга для училища 500 книгъ и 30 прописей, а при посѣщеніи училища далъ въ поощреніе лучшихъ учениковъ 33 руб., а каждому пѣвчему по евангелію и житію св. Кирилла и Меѳодія, всего 60 книгъ. Наставникъ въ награду за труды получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія 200 руб. Теперь помогаютъ ему въ трудахъ діаконъ, дьячекъ и нѣкоторые изъ старшихъ учениковъ; послѣднимъ о. Мирнопольскій даетъ по 2 руб. въ мѣсяцъ. Самыя крестьяне во многомъ съ удовольствіемъ ему помогаютъ.

Существующая въ с. Шармашахъ, Ланшевскаго уѣзда, школа устроена въ 1868 году во флигелѣ, подаренномъ мѣстнымъ владѣльцемъ, генералъ-майоромъ Н. У. Араповымъ. Въ ней обучается 32 мальчика. Успѣхи мальчиковъ найдены самимъ г. Араповымъ, при посѣщеніи школы, весьма удовлетворительными. Супруга г. Арапова вы-

равна желаніе устроить при мужской школѣ особое отдѣленіе для дѣвочекъ, на каковой предметъ сдѣлано ею денежное пожертвованіе, и приняла на себя званіе попечительницы женской школы (*Казанск. Губ. Вѣд.* № 72).

— Въ *Ярославскія Губернскія Вѣдомости* (№ 5) пишутъ изъ Пошехонья, что инспекторъ народныхъ училищъ г. Шпееръ посѣтилъ тамоннія приходское училище и двухклассную земскую школу. Последнее заведеніе оказалось весьма удовлетворительнымъ, не смотря на недавнее свое существованіе. Наставницы получили отъ г. инспектора благодарность за успѣшность школьнаго преподаванія. При испытаніи, произведенномъ инспекторомъ народныхъ училищъ, особенный успѣхъ оказали дѣвочки, преимущественно по русскому языку: многія изъ нихъ писали вѣрно подъ диктовку, соблюдая всѣ знаки препинанія. Экзаменъ произвелъ на постороннихъ посѣтителей самое благоприятное впечатлѣніе. Вообще, грамотность дѣлаетъ значительные успѣхи въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Мѣстное земство оцѣниваетъ труды сельскихъ педагоговъ лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ губерніи. Жаль только, что, по обширности Пошехонскаго уѣзда, существующихъ теперь 10-и земскихъ школъ слишкомъ мало; впрочемъ предполагается открыть въ центрѣ уѣзда другую, подобную городской, двухклассную школу. Сельскіе учителя, въ числѣ которыхъ два священника и одинъ дяконъ, по отзывамъ Пошехонскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, заслуживаютъ благодарность земства; они умѣютъ заинтересовать дѣтей школьною наукой въ такой степени, что помѣщеніе нѣкоторыхъ школъ становится тѣснымъ, и приходится многимъ отказывать. Въ одномъ изъ училищъ, именно въ с. Владычномъ, обязанности наставницы приняла на себя мѣстная дворянка, г-жа М. О., получившая воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ. Самое училище она помѣстила у себя въ домѣ; помѣщеніе весьма прилично.

— Въ той же газетѣ (№ 6) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Ростовскаго земства по предмету народнаго образованія. Изъ журналовъ засѣданій земскаго собранія оказывается, что школьное дѣло въ приходскихъ училищъ Порѣчскомъ и Угодичскомъ находится въ удовлетворительномъ состояніи; но многочисленность учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ заставляетъ пригласить наставницу, которая учила бы дѣвочекъ рукодѣлю и имѣла бы притомъ постоянное наблюденіе за нравственностью своихъ воспитанницъ. Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано и поддерживалось гласнымъ А. В. Ушаковымъ. Гласный Д. П. Успенскій замѣтилъ по этому поводу, что за назначе-

нѣмъ пособія училищу, открытому на средства общества, нельзя вѣнчать собранію въ обязанность, чтобы пособие это поступало на наемъ учительницы, а нужно ограничиться лишь тѣмъ, чтобы оно употреблялось собственно для найма наставниковъ и на учебныя пособія. Затѣмъ г. Успенскій предложилъ разрѣшить выдачу пособія по 100 рублей всѣмъ училищамъ, которыя будутъ открываться обществами, и указалъ на примѣръ Рыбинскаго земства, сказавъ, что оно сочувственно отнеслось къ дѣлу народнаго образованія. Гласный В. П. Хомутовъ съ своей стороны выразилъ увѣренность, что и Ростовское земское собраніе не откажется ассигновать отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей для развитія грамотности въ народѣ, необходимость котораго сознается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Затѣмъ баллотировался вопросъ: угодно ли собранію продолжить на 1871 годъ пособие училищамъ, открываемымъ на счетъ сельскихъ обществъ, по 100 рублей каждому, пока цифра годоваго расхода не превыситъ 2.000 или 3.000? Собраніе, большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 3-хъ, утвердило цифру въ 3.000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе выразило свою признательность нѣсколькимъ частнымъ лицамъ, сдѣлавшимъ разныя пожертвованія въ пользу одной изъ школъ Ростовскаго уѣзда.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщаютъ, что Суздальскимъ уѣзднымъ *Владимірской* губерніи земскимъ собраніемъ внесена въ смѣту нынѣшняго года сумма 1.000 руб. на выдачу наградъ сельскимъ учителямъ, съ тѣмъ, чтобы самая выдача денегъ присуждалась въ коллегіальномъ засѣданіи управы, съ участіемъ въ засѣданіи членовъ училищнаго совѣта отъ земства.

— Извлекаемъ изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* свѣдѣнія о школахъ въ с. Ивановомъ, *Владимірской* губерніи. Одна изъ нихъ, для дѣтей рабочихъ, открыта въ сентябрѣ 1870 года, при фабрикѣ братьевъ Гарелиныхъ. Честь почина въ устройствѣ этой школы принадлежитъ С. Н. Гарелину. Школа пока двуклассная; потомъ, смотря по надобности, предполагается прибавить еще классъ, и даже больше. Заботы о образованіи рабочихъ уже не первая попытка со стороны Ивановскихъ фабрикантовъ. При фабрикѣ г. Бабурина существовала школа съ сороковыхъ годовъ и закрылась въ 1860 году, со смертію учредителя. Въ этомъ же году открыта была воскресная школа при фабрикѣ Я. П. Гарелина, закрывшаяся черезъ годъ. Въ 1861 году основалась другая воскресная школа для рабочихъ, имѣвшая пять учителей и библіотеку, доступную для всѣхъ желающихъ пользоваться ею, но черезъ годъ и она была закрыта. Три года предъ симъ была открыта

купцами новая школа въ посадѣ Вознесенскомъ, на сборъ отъ большнчныхъ билетовъ рабочихъ. Она носитъ названіе училища для дѣтей чернорабочихъ, и по программѣ предметовъ обученія, подходитъ къ вѣдному училищу, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ на каждый предметъ есть свой учитель, а въ Ивановскомъ училищѣ всѣми предметами образованія завѣдуетъ одинъ наставникъ, за исключеніемъ, впрочемъ, закона Божія, преподаваемого священникомъ. На сколько это училище для дѣтей чернорабочихъ приноситъ пользу, куда еще, по кратковременности его существованія, неизвѣстно. Извѣстно только, что имъ пользуются преимущественно дѣти купцовъ, прикащиковъ и другихъ жителей Вознесенскаго посада, а дѣтей рабочаго сословія въ немъ почти нѣтъ. Остаются затѣмъ школы общія, не имѣющія спеціальнаго назначенія.

— Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 240 прошлаго года) сообщаютъ, что къ концу 1870 года въ Москвѣ находилось 16 городскихъ начальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, изъ коихъ пять помѣщаются въ собственныхъ, принадлежащихъ имъ домахъ. На содержаніе этихъ училищъ дума отпускаетъ ежегодно 13.988 руб. 45 коп. Кромѣ того, блюстители училищъ вносятъ ежегодно на ихъ содержаніе 1.450 руб. и собирается за ученіе, по 2 руб. за учащагося, до 2.000 руб., изъ которыхъ половина вносится въ департаментъ народнаго просвѣщенія на составленіе пенсіоннаго капитала, а другая зачисляется въ экономическую сумму училищъ. Городское общество, сознавая вполне важность и необходимость народнаго образованія, увеличило ежегодный отпускъ суммъ на содержаніе шестнадцати училищъ и открыло 6 народныхъ училищъ на основаніи положенія 1864 года, независимо отъ постановленія объ открытіи 5-и такихъ же училищъ. Отсюда возникаетъ мысль о необходимости ближайшаго участія городского общества въ ходѣ и направленіи первоначальнаго обученія, тѣмъ болѣе, что, съ переходомъ училищъ въ вѣдѣніе города, средства ихъ должны усилиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличиться и матеріальное ихъ процвѣтаніе, что доказывается организаціей и успѣхами начальныхъ школъ, нынѣ подлежащихъ вѣдѣнію думы. Общая дума полагала, что было бы вполне справедливо передать всѣ начальныя городскія училища въ прямое и непосредственное вѣдѣніе думы, наравнѣ съ училищами, открытыми самимъ городомъ, съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію училищнаго совѣта, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора народныхъ училищъ, на точномъ основаніи положенія 1864 года.

Въ той же газетѣ (№ 16), по случаю открывшихся съ 1871 года воскресныхъ бесѣдъ въ Александро-Маріинскомъ Замоскворѣцкомъ училищѣ, сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ училищѣ.

Названное училище основано Московскимъ купечествомъ, въ память посѣщенія Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею Московскаго городского головы М. Л. Королева. Въ училищѣ назначено обучать 100 мальчиковъ и 100 дѣвочекъ. Сверхъ того, по завѣщанію одного рыбнаго торговца, на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала, должны обучаться 20 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. Въ прошломъ учебномъ 18⁶⁹/₇₀ году въ дѣйствительности обучались 117 мальчиковъ и 109 дѣвочекъ. Александро-Маріинское училище, наравнѣ съ Яскимъ училищемъ, гдѣ обучается 150 мальчиковъ и 90 дѣвочекъ, есть самое значительное изъ начальныхъ училищъ въ Москвѣ. По обученію, какъ мальчики, такъ и дѣвочки дѣлятся на два отдѣленія: старшее и младшее. Предметы обученія составляютъ обычный въ начальныхъ училищахъ курсъ; другія свѣдѣнія, какъ напримѣръ, изъ русской исторіи, географіи и проч., сообщаются въ разказахъ и посредствомъ чтенія. Для дѣвочекъ, состоящихъ подъ надзоромъ надзирательницы и ея помощницы, введено рукодѣлье, шитье и вязанье, особенно усилившееся въ послѣдній годъ въ школѣ. Дѣвочки для рукодѣлья остаются лишній противъ мальчиковъ часъ. Испытанія, произведенныя въ ноябрѣ прошлаго года, показали, что инспекторъ училища, священникъ П. А. Ансеровъ, состоящій и членомъ Московскаго комитета грамотности, вводитъ въ преподаваніе тѣ изъ предлагаемыхъ методовъ, польза которыхъ подтверждается опытомъ. Испытаніе вообще представило хорошіе результаты; но замѣчено, что дѣвочки учатся лучше мальчиковъ, и что наиболѣе успѣвшіе ученики берутся родителями до окончанія курса, потому что, по мнѣнію родителей, они достаточно научились и ихъ можно пристраивать къ дѣлу. Дѣвочки берутся еще скорѣе, не только для того, чтобъ онѣ могли помогать въ домашней работѣ, но чтобы скорѣе отдать ихъ въ мастерскую, тѣмъ болѣе, что, по общему правилу, въ училище принимаются дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей, для которыхъ важно обучать дѣтей въ болѣе раннихъ лѣтахъ мастерству и скорѣе освободиться отъ содержанія ихъ дома. Не смотря однако на всѣ эти неудобства, нѣкоторые изъ дѣтей, выбывшихъ изъ училища въ августѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно, не окончившихъ полного курса, такъ какъ выпускъ бываетъ въ декабрѣ, все-таки поступали прямо въ другія училища, гдѣ курсъ ученія гораздо выше, и гдѣ для приѣма требуется значительная

подготовка, напримѣръ, въ гимназію, коммерческое училище, межевой институтъ и проч. Въ виду этого обстоятельства, совѣтъ Александро-Маріинскаго училища положили перевести на будущее время испытанія съ 10 ца ноября на май или іюнь. вмѣстѣ съ тѣмъ, для поддержанія въ памяти учениковъ, какъ находящихся еще въ училищѣ, такъ и выбывшихъ изъ него, того, что имъ было преподаано, установлены въ нынѣшнемъ году *воскресныя бесѣды*, которыя будутъ предлагаться инспекторомъ и двумя заѣмочителями училища.

Открытое въ 1869 году при богадѣльнѣ братьевъ Солодовниковыхъ училище, какъ видно изъ отчета о немъ, прочитаннаго по окончаніи прошлгоднихъ экзаменовъ (см. *Русск. Вид.* № 105 прошлаго года), основано въ память чудеснаго спасенія Государя Императора 4-го апрѣля 1866 года, для 35-и бѣднѣйшихъ мальчиковъ. Училище помѣщается въ особо-устроенномъ для него домѣ; всѣ ученики живутъ въ училищѣ на полномъ содержанія учредителей. По истеченіи 4-хъ лѣтъ дальнѣйшее существованіе училища обезпечивается на вѣчныя времена капиталомъ въ 36.000 руб. Курсъ преподаванія въ училищѣ трехгодичный; предметы преподаванія тѣ же, какія требуются по программѣ народныхъ училищъ. Каждый предметъ преподаетъ особый преподаватель, руководствующійся въ обученіи новѣйшими методами преподаванія.

При Борисоглѣбской, у Арбатскихъ воротъ, церкви открыто въ 1869 году попечительство. По окончаніи года своего существованія, попечительство озаботилось устройствомъ школы для бѣдныхъ приходскихъ дѣтей. Собраны были пожертвованія; нѣкоторые члены обѣщали взять на себя первоначальное обзаведеніе школы. По проекту, въ школѣ, кромѣ обыкновеннаго обученія дѣтей предметамъ начальной школы, а дѣвочекъ сверхъ того и руководѣльямъ, предполагалось еще, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, обучать тѣмъ же предметамъ желающихъ взрослыхъ, вести бесѣды духовно-нравственнаго и общепользнаго содержанія и изъ библіотеки, которую предположено было устроить, выдавать книги для чтенія на домъ, въ воскресные же и праздничные дни читать ихъ въ самой школѣ. Проектъ былъ утвержденъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, и училище открыто 26-го апрѣля. Къ этому дню явилось желающихъ учиться мальчиковъ и дѣвочекъ 19. Одинъ изъ приходскихъ ремесленниковъ-хозяевъ, желая научить грамотѣ одного изъ учениковъ, согласился отпускать его въ училище и въ рабочіе дни. Ученье открылось на другой день послѣ открытія школы. Оно обыкновенно начинается повтореніемъ со словъ

учителя главнѣйшихъ утреннихъ молитвъ и чтеніемъ евангелія съ объясненіемъ его, а оканчивается чтеніемъ вечернихъ молитвъ. Дѣти бѣдныхъ родителей принимаются безплатно; а имѣющіе средства дѣлають добровольные взносы въ пользу училища. Ученики — всѣ приходящіе; но со временемъ предполагается устроить при школѣ помѣщеніе для бѣднѣйшихъ учениковъ, чтобы совсѣмъ удалить ихъ отъ вредной среды, въ которой они живутъ; имѣется также въ виду содѣйствовать дальнѣйшему образованію дѣтей, оказавшихъ отличные успѣхи въ училищѣ. (*Моск. Епарх. Вид. № 37 пр. г.*)

Въ гор. Коломнѣ открыто 3-го октября прошлаго года училище на заводѣ инженеровъ братьевъ Струве. Оно будетъ существовать на средства заводовладѣльцевъ; въ немъ два преподавателя, священникъ и учитель, а помѣщеніе разчитано на 150 мальчиковъ. Предположено ограничить поденную работу мальчиковъ на заводѣ шестью часами, вмѣсто теперешнихъ 12-и, а остальные 6 часовъ оставить для обученія грамотѣ. (*Моск. Вид. № 213*).

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 275 пр. г.) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о фабричной школѣ, существующей въ 20-и верстахъ отъ Москвы, въ мѣстечкѣ Баники, при бумажно-ткацкой и шерстяной фабрикѣ братьевъ Поляковыхъ. На этой фабрикѣ работаетъ около 70-и крестьянскихъ мальчиковъ и около 20 дѣвочекъ. Хозяева фабрики еще въ 1869 году задумали открыть при фабрикѣ воскресную школу. Одинъ изъ фабричныхъ рабочихъ безъ всякаго вознагражденія вызвался быть учителемъ. Школа была открыта, и въ самомъ началѣ желающихъ обучаться дѣвочекъ и мальчиковъ было до 40; а когда всѣ увидѣли, что дѣло въ школѣ идетъ довольно успѣшно, то, сверхъ воскреснаго дня, ученики стали собираться и по субботамъ, по окончаніи работъ. Въ это время число учащихся мальчиковъ возрасло до 60, а дѣвочекъ до 20. Необходимыя для школы пособія даются ученикамъ безплатно учредителями школы. Учитель, крестьянинъ Теноровъ, не смотря на то, что не получилъ образованія ни въ какой школѣ, ведетъ свое дѣло довольно хорошо. Ученики читають тѣ книги, „какія каждому изъ нихъ нравятся“: у одного псалтирь, у другаго часословъ, у иного священная исторія, или сказка о Бовѣ королевнѣ, и т. д. „Не смотря на отсутствіе правильнаго метода преподаванія“, всѣ мальчики, числомъ до 60“, по отзыву корреспондента, „читають и пишутъ порядочно; изъ закона Божія знаютъ всѣ необходимыя утреннія и вечернія молитвы и заповѣди; изъ арифметики — нѣкоторые умѣють писать числа до милліона и дѣлають безошибочно

первая четыре дѣйствія". Что касается до дѣвочекъ, то онѣ оказываютъ еще большіе успѣхи, чѣмъ мальчики¹⁾...

По извѣстію *Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* (№ 47), въ с. Новлянскомъ, Бронницкаго уѣзда, открыта 22-го октября минувшаго года сельская школа. Она обязана своимъ существованіемъ мѣстному церковному старостѣ, крестьянину П. Я. Тихомирову. Онъ на собственный счетъ отстроилъ для школы довольно обширный каменный домъ, въ которомъ удобно могутъ помѣститься до 150 дѣтей обоюго пола, для чего и сдѣланы два отдѣленія; въ домѣ имѣется приличное помѣщеніе для учителя. Въ день открытія школы, прихожане с. Новлянскаго, въ благодарность устройтелю, поднесли ему хлѣбъ-соль, а онъ, тронутый этимъ, далъ обѣщаніе содержать школу на свой счетъ, и объявилъ, что въ помощь мѣстному священнику, взявшему на себя обязанности наставника, имъ будетъ приглашенъ другой учитель. Для обученія дѣвочекъ уже приглашена наставница. По словамъ *Всеобщей Газеты*, П. Я. Тихомировъ изстратилъ на устройство Новлянской школы до 6.000 руб.

— Изъ отчета о состояніи и годичной дѣятельности безплатной двухклассной ремесленной школы Комисарова-Костромскаго, существующей въ С.-Петербургѣ, видно, что школа эта, основанная въ 1867 г., успѣла нынѣ расширить кругъ своихъ занятій. Въ ней учрежденъ 2-й научный классъ и введено вновь обученіе ремесламъ фуражечному и башмачному. Число учениковъ въ школѣ къ концу минувшаго учебнаго года доходило до 72-хъ. Башмачныя и фуражечныя издѣлія учениковъ были выставлены на прошлой всероссійской мануфактурной выставкѣ и удостоились почетныхъ отзывовъ. Въ истекшемъ году выпущено 60 учениковъ, окончившихъ курсъ съ надлежащими свидѣтельствами, при чемъ лучшіе были награждены книгами и похвальными листами. Средства школы состояли изъ процентовъ съ основнаго капитала, изъ учредительскихъ и членскихъ взносов и изъ случайныхъ пожертвованій, и простерлись въ общей сложности до 3.020 руб. (*Права, Вѣст.*, № 236 пр. т.).

¹⁾ По поводу этой корреспонденціи нельзя не выразить нѣкотораго сомнѣнія относительно успѣшности результатовъ, достигнутыхъ въ упоминаемой школѣ при «вигдѣ не обучавшемся учителѣ», «при отсутствіи правильнаго метода», при упомянутомъ выше разномысліи учебныхъ книгъ; наводитъ нѣсколько сомнѣніе и та похвала школѣ, что «нѣкоторые изъ дѣтей ея умѣютъ писать числа до милліона»: такое умѣнье, которымъ такъ дорожила старая школа, забывая соображеніе ребенка необязательными количествами, нынѣ несколько не можетъ служить доказательствомъ успѣха въ арифметикѣ. *Ред.*

— Въ Кронштадтѣ существуетъ благотворительное общество, содержащее между прочимъ убѣжище для бѣдныхъ дѣтей и два дневныхъ пристанища. Изъ отчета о дѣйствіяхъ этого общества, помѣщенного въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, видно, что въ отчетномъ году призрѣваемыя обществомъ дѣти не оставались безъ учебныхъ и ремесленныхъ занятій. Обученіемъ дѣтей занимались надзирательницы. Перешедшихъ 5-и и 6-лѣтній возрастъ учили читать и писать, преподавали имъ первыя правила ариметики и обучали молитвамъ. По временамъ всѣ дѣти слушали чтеніе доступныхъ ихъ понятіямъ разказовъ. Это дообѣденныя занятія. Служба же часть послѣ обѣда, дѣтей заставляли шить, вязать, плести шнурки. Многія изъ дѣвочекъ шили, подъ руководствомъ надзирательницы, бѣлье, платье для себя, для другихъ дѣтей, приходящихъ въ пристанище, и для своихъ родителей. Порядокъ и чистоту помѣщенія дѣти поддерживали сами. Старшія и болѣе крѣпкія здоровьемъ мыли иногда полы и бѣлье и помогали кухаркѣ при варкѣ пищи. Надзирательницы получали по 5 руб. въ мѣсяцъ жалованья, пищу ту же, что и дѣти; а чтобы сколько-нибудь вознаграждать трудъ ихъ, увеличивающійся съ увеличеніемъ числа приходящихъ дѣтей, комитетъ отчисляетъ въ ихъ пользу изъ трехкопѣечнаго сбора столько копѣекъ, на сколько число всѣхъ посѣтившихъ пристанище дѣтей въ теченіе мѣсяца превышало 360.

— Въ докладѣ *Новгородской* земской губернской управы губернскому земскому собранію (см. *Нов. Губ. Вѣд.* № 9), сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о педагогическихъ курсахъ, устроенныхъ въ 1870 году въ Колмовѣ, близъ Новгорода, и въ Череповцѣ. По примѣру предшлагаго года, на этотъ предметъ было испрашено управою 3.500 руб. изъ остатковъ отъ содержанія ночтовыхъ станцій. Курсы происходили въ Колмовѣ съ 15-го мая по 1-е іюля, а въ Череповцѣ съ 1-го іюля по 15-е августа. Руководителемъ тѣхъ и другихъ былъ начальникъ Новгородской учительской школы баронъ Косинскій. По полученіи разрѣшенія открыть педагогическіе курсы, губернская управа распорядилась, совмѣстно съ училищными совѣтами, избрать и прислать для бесплатнаго слушанія курсовъ, на полномъ содержаніи губернскаго земства, по 11 учителей народныхъ школъ отъ уѣздовъ Новгородскаго, Старорусскаго, Крестецкаго и Череповскаго, и по 9-и отъ остальныхъ, при чемъ учителей 7-и уѣздовъ пригласили пріѣхать въ Новгородъ, а остальныхъ 4-хъ въ Череповецъ. При выборѣ учителей на курсы, управа рекомендовала стараться преимущественно назна-

чать тѣхъ же самыхъ лицъ, которые слушали курсы въ 1869 году ¹⁾; управы же, вовсе не доставившія учителей въ этомъ году, или доставившія ихъ не въ полномъ количествѣ, приглашались принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы въ 1870 году были доставлены отъ ихъ уѣздовъ слушатели или слушательницы на курсы въ полномъ числѣ, при чемъ обратить особенное вниманіе, чтобы выборъ этотъ падалъ преимущественно на занимающихся уже учительствомъ въ школахъ и способныхъ усвоить себѣ лучшіе методы преподаванія. Въмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о вызовѣ тѣхъ изъ желающихъ слушать курсы, которые по прежнему примѣру соглашались принять на свой счетъ всѣ расходы, сопряженные съ пріѣздомъ и прожитіемъ ихъ въ Новгородѣ или Череповцѣ, а также объ извѣщеніи по сему предмету всѣхъ народныхъ учителей въ губерніи. На сколько выразилась потребность и польза, приносимая педагогическими курсами, доказываетъ отчасти то обстоятельство, что въ уѣздахъ Череповскомъ, Вѣлозерскомъ, Крестецкомъ, Новгородскомъ и Старорусскомъ число лицъ, заявившихъ желаніе слушать педагогическіе курсы, оказалось значительно болѣе числа, опредѣленнаго для каждаго изъ тѣхъ уѣздовъ. Вслѣдствіе сего управы избрали по 11 лучшихъ учителей, а остальныхъ зачислили кандидатами на поступленіе, въ надеждѣ пополнить ими предполагавшійся недостатокъ отъ другихъ уѣздовъ. Неполное число желающихъ оказалось только въ уѣздахъ Демянскомъ, Валдайскомъ и Кириловскомъ, по незначительному числу имѣющихся тамъ школъ, и недостатокъ этотъ былъ замѣненъ лицами отъ Череповскаго, Вѣлозерскаго и Крестецкаго уѣздовъ. Управы этихъ послѣднихъ уѣздовъ просили губернскую управу принять на полное содержаніе отъ губернскаго земства еще 13 слушателей сверхъ предполагаемаго числа, на что губернская права, въ виду пользы, какую должны принести дѣлу народнаго образованія эти лица, изъявила свое согласіе, удовлетворивъ въ то же время ходатайство Старорусской уѣздной управы, которая просила, сверхъ назначенныхъ 11-и губернскихъ степендіатовъ, допустить къ слушанію курсовъ еще 25, содержаніе коихъ уѣздная управа принимала на свой счетъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ, въ Колмовѣ собралось 80 слушателей и 19 слу-

¹⁾ Не видно причинъ для такой мѣры; но нельзя не замѣтить, что если и дальше будетъ дѣлаться выборъ учителей для слушанія курсовъ на такомъ же основаніи, то въ то время, какъ одни изъ учителей будутъ успѣвать, другіе будутъ осуждены на неподвижность и будутъ лишены средствъ для усовершенія себя и своего дѣла. *Ред.*

шательницъ, а въ Череповцѣ 56 слушателей и 7 слушательницъ; всего же на обоихъ курсахъ слушателей и слушательницъ было 162, изъ нихъ на счетъ губернскаго земства 113, на счетъ уѣднаго 33, и на собственный счетъ 16. Успѣхи лицъ, прослушавшихъ педагогическіе курсы въ 1870 году, были различны, сообразно степени подготовки и способностямъ ихъ; для однихъ курсъ послужили ознакомленіемъ съ улучшенными методами преподаванія, для другихъ — пополненіемъ необходимыхъ для учителей знаній, и наконецъ, третьимъ дали возможность избѣгать грубыхъ ошибокъ при обученіи грамотъ въ народныхъ школахъ. Для предоставленія учителямъ большей возможности ввести на практикѣ въ своихъ школахъ улучшенную методу преподаванія, они были снабжены отъ губернской управы необходимыми учебными пособиями, сообразно своимъ требованіямъ и познаніямъ (?). Всего израсходовано на курсы 4.179 руб., болѣе противъ смѣтнаго исчисленія на 679 руб. Польза, приносимая педагогическими курсами народнымъ школамъ, побудила губернскую управу просить разрѣшенія губернскаго земскаго собранія на продолженіе курсовъ и въ нынѣшнемъ 1871 году. Впрочемъ, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число учителей, способныхъ къ дѣлу обученія въ народныхъ школахъ, соотвѣтствуетъ числу школъ, имѣющихся въ этихъ уѣздахъ, управа обуславливаетъ открытіе курсовъ въ настоящемъ году признаніемъ необходимости ихъ со стороны уѣздовъ, и такимъ образомъ, не предрѣшая вопроса о томъ, въ какихъ именно пунктахъ губерніи требуется открытіе курсовъ, проситъ предоставить это ей усмотрѣнію.

— Въ гор. Бѣлозерскѣ, Новгородской губерніи, съ 9-го по 12-е января нынѣшняго года, происходилъ съѣздъ народныхъ учителей Бѣлозерскаго уѣзда, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя училищъ. На этомъ съѣздѣ, какъ сообщаетъ *Правительственный Вѣстникъ* (№ 60), учителя высказали свои мнѣнія объ удобствахъ и неудобствахъ, по примѣненію на практикѣ, методовъ первоначальнаго обученія грамотъ, которые имъ были переданы на упомянутыхъ выше Череповецкихъ педагогическихъ курсахъ въ минувшемъ году. Затѣмъ прочитаны были „лекціи о воспитаніи“, написанныя однимъ изъ наставниковъ со словъ руководителя Череповецкихъ курсовъ. Учителя уяснили себѣ нѣкоторые педагогическіе вопросы и ознакомились: 1) съ болѣе легкимъ способомъ обученія счисленію; 2) со статьями общаго положенія 1861 года, и положенія о губернскихъ и уѣдныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, чаще касающимися крестьянскаго населенія по мѣстному управленію; 3) съ случаями подсудно-

сти, по гражданскимъ дѣламъ и по нѣкоторымъ уголовнымъ преступленіямъ, волостному, мировому и окружному судамъ, и 4) съ земскими учрежденіями и съ дѣлами, находящимися въ ихъ завѣдываніи. По окончаніи сѣзда, всѣ учителя были снабжены классными и учебными принадлежностями и 11-го числа отправились въ мѣстамъ служенія.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 57) сообщаютъ, что Псковское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 16-го декабря, выслушало и одобрило составленный губернской управой проектъ устава Псковской учительской семинаріи. Главныя основанія этого заведенія предполагаются слѣдующія: Псковская учительская семинарія учреждается въ городѣ Псковѣ, съ цѣлью доставить образованіе молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя учительской дѣятельности въ сельскихъ народныхъ училищахъ Псковской губерніи. При учительской семинаріи учреждается начальное народное училище, для практическихъ упражненій воспитанниковъ семинаріи въ преподаваніи. Учительская семинарія—заведеніе закрытое; состоящее при ней народное училище—заведеніе открытое, но въ видѣ исключенія, можетъ быть устроено помѣщеніе для дѣтей изъ отдаленныхъ селеній и для сиротъ. Комплектъ воспитанниковъ земства опредѣляется въ 30, а своекоштныхъ въ 50; съ своекоштныхъ взыскивается плата, соответствующая дѣйствительному расходу. Курсъ ученія въ семинаріи трехгодичный и подраздѣляется на три класса. Поступающіе въ учительскую семинарію должны имѣть 16 лѣтъ, а въ народное училище отъ 7-и до 10-и. Воспитанники земства, по окончаніи курса наукъ въ семинаріи, обязаны прослужить въ должности учителей народныхъ училищъ Псковской губерніи шесть лѣтъ. Внѣшняя обстановка жизни воспитанниковъ, относительно помѣщенія, пищи и одежды, строго сообразуется съ характеромъ и условіями крестьянскаго быта. На устройство и содержаніе Псковской учительской семинаріи губернское собраніе внесло въ смѣту на 1871 годъ 12.000 рублей.

— По свѣдѣніямъ той же газеты (№ 44), *Островское* уѣздное (Псковской губерніи) собраніе опредѣлило: кромѣ двухъ образцовыхъ школъ, имѣть въ уѣздѣ 18 сельскихъ школъ, съ отпускомъ по 225 руб. на содержаніе каждой, и въ то же время ассигновать 700 руб. на учрежденіе, въ вакаціонное время, педагогическихъ лекцій для сельскихъ учителей, а уѣздной управѣ—разрѣшить расходъ на покупку полезныхъ книгъ для раздачи въ награду лучшимъ воспитанникамъ сельскихъ школъ. Всего на дѣло народнаго образованія ассигновано Островскимъ собраніемъ на 1871-й годъ, 7.545 руб.

— *Тверское* губернское земское собраніе постановило, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника* (№ 44) ходатайствовать объ устройствѣ въ Тверской губерніи молочной школы, на каковой предметъ земство ассигновало 5.000 руб., съ тѣмъ чтобъ устройство школы было поручено извѣстному ей лицу (г. Верещагину, хорошо знакомому съ дѣломъ) и чтобы дальнѣйшее содержаніе школы было принято правительствомъ на свой счетъ.

— Извлекаемъ слѣдующія данныя изъ историческаго очерка сельскихъ школъ въ *Козельскомъ уѣздѣ*, *Калужской губерніи*, за время существованія земскихъ учреждений, помѣщеннаго въ № 1 и 2 мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей*.

До открытія земства, дѣло образованія сельскаго населенія находилось въ весьма неудовлетворительномъ положеніи. Было всего 6 школъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и по мѣстамъ обучали часослову и псалтырю нѣкоторые причетники, отставные солдаты, старухи-раскольницы. Притомъ изъ упомянутыхъ шести училищъ, пять находились на окраинахъ уѣзда, а центръ его, съ болѣе густымъ населеніемъ, оставался безъ всякихъ средствъ къ образованію. Число учащихся, во время перехода школъ въ завѣдываніе земства, простиралось лишь до 250-и мальчиковъ и 9-и дѣвочекъ, при населеніи мужскаго пола въ 39.024 души и женскаго 41.801. Съ введеніемъ земскихъ учреждений, положеніе народныхъ школъ во многомъ измѣнилось къ лучшему, но улучшеніе это достигалось медленно, да и теперь еще остается желать многого для совершенно удовлетворительной организаціи дѣла народнаго образованія. Въ первый разъ, вопросъ объ устройствѣ школъ на счетъ земства поднятъ былъ въ первую экстренную сессію *Козельскаго земства*. Но практическій результатъ достигнуть былъ лишь во 2-ю экстренную сессію. Ассигновано было 1.000 рублей на народное образованіе, но относительно употребленія этой суммы вышли разногласія: председатель собранія предлагалъ назначить десять земскихъ стипендіатовъ, которые приняли бы на себя обязанность, по окончаніи курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, прослужить въ должностяхъ наставниковъ народныхъ школъ *Козельскаго уѣзда* въ теченіе пяти лѣтъ. Другая сторона, довольствуясь для званія народнаго учителя лицами духовнаго званія и семинаристами, предлагала выдать изъ ассигнованной суммы по 100 руб. тѣмъ волостямъ, которыя въ опредѣленный срокъ заявятъ о своемъ желаніи открыть училище, при чемъ условіемъ для полученія земскаго пособія ставилось, чтобъ училища,

открываемыя при содѣйствіи земства, находились при волостныхъ правленіяхъ. Изъ этихъ двухъ проектовъ собраніемъ былъ принятъ послѣдній. Осуществленіе этого проекта встрѣтило однако же затрудненія. Нѣкоторые изъ волостныхъ правленій заявили, что, при открытіи школъ по мысли земства, онѣ были бы слишкомъ удалены отъ многихъ селеній волости, и изъ ассигнованной суммы образовался остатокъ въ 400 руб.; значить, сельскія общества не находили ни удобнымъ, ни полезнымъ воспользоваться ею. Впрочемъ, въ послѣдствіи времени, когда обязанность отвода помѣщеній для училищъ, по распоряженію земскаго собранія, легла на сельскія общества, нѣкоторые изъ отказавшихся волостей охотно приняли на себя эту обязанность. По смѣтѣ на 1868 годъ сумма на народныя училища была увеличена до 2.800 руб. Изъ этихъ денегъ предполагалось выдавать по 100 руб. училищамъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, временно-обязанныхъ и собственниковъ и приходскихъ въ гор. Козельскѣ и Сухиничахъ. Съ увеличеніемъ смѣтной суммы на народное образованіе увеличилось число школъ и процентъ учащихся. Школъ было 20, учащихся въ нихъ (за исключеніемъ двухъ школъ, изъ коихъ свѣдѣній по сему предмету не получено) мужскаго пола 471; число учащихся женскаго пола показано только въ одной школѣ и ограничивается только 3-мя дѣвочками. Благопріятный результатъ увеличенія школъ и учащихся объясняется тѣмъ, что: 1) не волостныя школы, въ отмѣну постановленія 1866 г., были приравнены въ отношеніи количества земскаго пособія къ волостнымъ, отчего многія селенія, удаленныя отъ волостныхъ правленій, завели школы; 2) земское собраніе предоставило пособіе, не свыше 50 руб., такимъ селеніямъ, которыя заводили у себя школы отдѣльно отъ волостныхъ; 3) пособіе это направлено главнымъ образомъ къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія учителей и къ увеличенію учебныхъ принадлежностей; такъ, предполагается выдавать въ пособіе до 20 руб. тѣмъ учителямъ, у которыхъ было болѣе 30-и учениковъ. По смѣтѣ на 1869 годъ опредѣлено употребить на народное образованіе 3.000 рублей, именно: 120 руб. на жалованье помощнику учителя Козельскаго приходскаго училища, 30 руб. за уплату за бѣдныхъ учениковъ, 150 руб. въ пособіе женскому приходскому училищу въ Козельскѣ, 300 руб. на три училища въ Сухиничахъ, 2.100 руб. на 21 волостное и 300 руб. на три неволостныя училища. Вслѣдствіе этого, въ 1867 году, училищъ было уже 31, а учащихся въ 25-и училищахъ, о которыхъ получены точныя свѣдѣнія—мальчиковъ 927, а дѣвочекъ 46; такимъ образомъ за одинъ

годъ, прибавилось 11 училищъ и до 400 учениковъ. Земское собраніе 1869 года, предоставило управѣ большую свободу въ дѣйствіяхъ, поручивъ ей усмотрѣнію выдачу пособій на удовлетвореніе училищныхъ нуждъ, и назначило на народныя школы на 1870-й годъ 3.989 рублей. Управа нашла возможнымъ собрать въ Козельскѣ даже педагогическій съѣздъ учителей народныхъ школъ. Училищъ въ 1870 году было 34, а учащихся, — по свѣдѣніямъ, собраннымъ большею частію за первую половину года, — мальчиковъ 1.388, а дѣвочекъ 52, такъ что число учащихся въ этомъ году увеличилось болѣе чѣмъ на 450 дѣтей. О постановленіи Козельскаго земскаго собранія, относительно увеличенія мѣръ народнаго образованія въ настоящемъ году мы уже сообщили въ февральской книжкѣ отрядныя извѣстія. Кромѣ земства, въ развитіи дѣла народнаго обученія въ Козельскомъ уѣздѣ принимаютъ участіе, какъ извѣщаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 43-й), и нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ; такъ одинъ изъ нихъ успѣлъ убѣдить двѣ волости, съ двухтысячнымъ населеніемъ каждой изъ нихъ, открыть сверхъ существующихъ еще двѣ школы, для чего крестьяне назначили особый сборъ, по 6 коп. съ души.

— Въ гор. *Серпейскѣ*, той же губерніи, по словамъ *Русск. Вѣд.* (№ 220-й), въ приходскомъ училищѣ обучается до 40 дѣтей обоаго пола отъ 7 до 14-лѣтняго возраста. Обученіе ведется по звуковой методѣ, но съ столь слабыми успѣхами, что дѣти, пробывши иногда цѣлый годъ въ училищѣ, часто не умѣютъ правильно прочесть слова. Причинами такого неуспѣха признаются частію неправильное и непостоянное хожденіе въ школу дѣтей бѣдныхъ родителей, удерживаемыхъ дома часто по мѣсяцу, для помощи въ домашнемъ хозяйствѣ; частію, отсутствіе правильныхъ сроковъ для приѣма дѣтей въ школу, а частію недостаточная подготовка самихъ учителей и незнакомство ихъ съ звуковымъ методомъ обученія.

Въ *Тарусскомъ* уѣздѣ, какъ пишутъ въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* (№ 325), въ іюнѣ прошедшаго года, произошло открытіе въ Бѣлянской волости новаго училища, вмѣсто прежняго, помѣщавшагося въ волостномъ правленіи. Училище это устроено по инициативѣ крестьянскаго общества при дѣятельномъ участіи старшины Сорокина. Оно имѣетъ два отдѣленія, для мальчиковъ и для дѣвочекъ, большую залу для занятій, спальню для учениковъ изъ деревень, далеко отстоящихъ отъ училища, и надежнаго учителя, который съ успѣхомъ обучалъ дѣтей въ прежнемъ помѣщеніи училища.

— Въ *Калугѣ*, по сообщенію *Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* сслv, отд. 4.

стей (№ 6-й), въ Георгіевской церкви священникъ Извъиновъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно трудится надъ религіознымъ образованіемъ дѣтей своего прихода. Занятія происходятъ обыкновенно послѣ церковной службы въ церкви, въ часъ и два пополудни.

Въ *Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 20-й 1870 г.) извѣщаютъ, что Серпуховская земская управа пригласила, чрезъ Калужскую духовную консисторію, для занятія учительскихъ должностей въ сельскихъ училищахъ 11 учителей изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи. Учителя эти оказались весьма полезными для дѣла народнаго образованія, вслѣдствіе чего земская управа вновь обратилась къ консисторіи съ просьбою пригласить желающихъ для занятія должностей сельскаго учителя, назначая жалованья по 150 руб. въ годъ.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ февральской книжкѣ нашего журнала о дѣлѣ народнаго образованія въ *Алексимскомъ уѣздѣ* (*Тульской губерніи*), считаемъ нужнымъ коснуться объясненія слабыхъ успѣховъ въ развитіи этого дѣла. По отчету училищнаго совѣта въ уѣздѣ состояло въ прошедшемъ учебномъ году 20 народныхъ школъ, въ которыхъ было 483 ученика обоего пола, то-есть, не болѣе 1% относительно общей цифры народонаселенія. По объясненію училищнаго совѣта, причина такого незначительнаго числа учащихся состоитъ, между прочимъ, не въ недостаткѣ желанія у сельскаго населенія обучать дѣтей своихъ, а въ недовѣрїи народа къ школамъ: „прежнія школы, говоритъ училищный совѣтъ, оказали такъ мало пользы, что у крестьянъ не безъ основанія родилось это недовѣріе“. Между тѣмъ нельзя не отмѣтить слѣдующихъ фактовъ, сообщаемыхъ въ корреспонденціи *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 32). Одна волость (*Дмитріевская*) открыла у себя 4 училища, для чего пожертвовала изъ своихъ средствъ 1.200 рублей; земство же отпускаетъ на всѣ народныя школы только 1.500 рублей, при чемъ въ прошедшемъ году изъ ассигнованныхъ на народное образованіе суммъ осталось не израсходованными 1.290 руб. Въ настоящемъ году земствомъ предполагено открыть въ уѣздѣ лѣтніе педагогическіе курсы, для чего назначено со стороны губернскаго земства 600 рублей, а со стороны уѣзднаго 400 рублей. Министерство народнаго просвѣщенія также продолжаетъ оказывать поддержку народнымъ школамъ, выславъ въ сентябрѣ прошедшаго года 330 рублей награды сельскимъ учителямъ.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 44) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о распоряженіи *Воронежскаго* земства по дѣлу на-

роднаго образованія. Губернское собраніе ходатайствует о разрѣшеніи назначить отъ земства трехъ *постоянныхъ руководителей* для сельскихъ учителей съ тѣмъ, чтобъ эти руководители были подвѣдомы по учебно-воспитательной части губернскому инспектору народныхъ училищъ и имѣли право совѣщательнаго голоса въ училищныхъ совѣтахъ. Главная обязанность руководителей должна состоять въ томъ, чтобы сколько возможно чаще посѣщать учителей своего участка (губернію предполагается раздѣлить на три участка), давать имъ образцовые уроки и передавать имъ не только современные приемы преподаванія, но и другія необходимыя учителю знанія. Съ этою цѣлію руководителямъ предполагается предоставить право собирать въ извѣстныхъ мѣстностяхъ по нѣскольکو учителей, преимущественно въ вакаціонное время. О своей дѣятельности, а также о занятіяхъ сельскихъ учителей и о педагогическихъ мѣстныхъ потребностяхъ, руководители должны представлять ежегодно губернской управѣ отчеты для доклада собранію. На учрежденіе трехъ руководителей ассигновано собраніемъ 4.500 руб., по 1.500 руб. въ годъ каждому.

— Въ сентябрѣ прошлаго года въ Воронежѣ на частное пожертвованіе открыта двухклассная ремесленная школа. Почетный гражданинъ А. А. Нечаевъ пожертвовалъ для этой цѣли 30.000 рублей въ пятипроцентныхъ билетахъ и обѣщалъ вполнѣ и на всегда обезпечить это заведеніе; домъ же для помѣщенія школы купленъ и пожертвованъ роднымъ его племянникомъ И. Я. Нечаевымъ. Согласно Высочайшему повелѣнію, предоставлено г. министру народнаго просвѣщенія утвердить особое положеніе объ этой школѣ на основаніи представленнаго г. Нечаевымъ плана; ей присвоено по имени жертвователя названіе Нечаевской и портретъ жертвователя поставленъ въ школѣ; основателю школы предоставлено пожизненное званіе попечителя школы, съ тѣмъ, чтобы по смерти его старшему члену изъ фамиліи Нечаевыхъ по прямой линіи принадлежало званіе попечителя съ присвоеніемъ ему всѣхъ правъ и преимуществъ, какія предоставлены по закону блюстителямъ приходскихъ училищъ. День открытія училища (8-го сентября) совпалъ съ пріѣздомъ въ Воронежъ г. министра народнаго просвѣщенія и открытіе совершено было въ присутствіи его сіятельства, попечителя Харьковскаго учебнаго округа, двухъ преосвященныхъ, губернскаго предводителя дворянства, бывшаго и настоящаго Воронежскихъ губернаторовъ и весьма многихъ другихъ лицъ. Открытіе было торжественное.

Въ *Нижнедѣвичкомъ уѣздѣ*, той же губерніи, также происходило

открытіе училища, но при болѣе скромной обстановкѣ. Оно произошло 15-го ноября прошлаго года въ селѣ Погорѣльѣ, въ присутствіи небольшого числа крестьянъ, при чемъ по предложенію волостнаго писаря крестьянами сдѣлана подписка на покупку книгъ и добавочное содержаніе учителю и опредѣлено ассигновать на поддержку училища штрафы за потрапу хлѣба и за открытіе питейной продажи въ недозволенное время между заутреней и обѣдней. Одинъ мировой судья прислалъ заявленіе, что на все время существованія училища онъ будетъ жертвовать ежегодно по двѣ десятины лучшей засѣянной имъ земли. Въ училище поступило на первый разъ 26 мальчиковъ (*Воронеж. Телеграфъ* 1870 г. № 105).

По словамъ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (1870 года № 85), въ слободѣ Петровѣ, *Павловскаго уѣзда*, народныхъ школъ двѣ: одна крестьянъ-собственниковъ, открытая вскорѣ послѣ отжѣны крѣпостнаго права и помѣщающаяся въ домѣ, подаренномъ крестьянамъ бывшимъ помѣщикомъ ихъ г. Горяиновымъ. Въ ней считается до 50 учениковъ. Учебныхъ и классныхъ пособій достаточно и есть даже библиотека, которой начало положено г. Горяиновымъ. Зато другая школа бывшихъ казенныхъ крестьянъ не можетъ похвалиться хорошимъ устройствомъ. Училище это сначала помѣщалось въ сельской расправѣ, потомъ соединено было съ первымъ, но при тѣснотѣ помѣщенія, переведено въ новый маленькій домъ, выстроенный нарочно для этого крестьянами, гдѣ училище помѣщается только лѣтомъ, а зимой—за недостаткомъ средствъ приспособить его къ зимнему холоду—училище переводится въ домъ сельской конторы и занимаетъ небольшую темную комнату, въ которой, однакожь, иногда скопляется до 60 учениковъ.

По извѣстію тѣхъ же *Вѣдомостей* (№ 94), въ концѣ прошлаго года открыто въ слободѣ Алексѣевѣ, *Бирюченскаго уѣзда*, образцовое двухклассное училище. Подъ помѣщеніе для этого училища цѣлая десятина отдана обществомъ слободы Алексѣевки, которое постановило приговоромъ ежегодно вносить необходимую сумму для ремонта, отопленія и найма сторожа для училища, а при постройкѣ участвовать въ подвозѣ строительныхъ матеріаловъ. Постройку принялъ на себя избранный въ попечители училища г. Трофименко; графомъ Шереметевымъ данъ лѣсной матеріалъ; другія лица пособили другими матеріалами и такимъ образомъ явился каменный домъ училища, крытый желѣзомъ, просторный, хорошо меблированный и съ хорошими службами. При открытіи училища собрано по подпискѣ до

100 рублей, предназначенные въ награду одному изъ лучшихъ учениковъ перваго выпуска, имѣющему окончить курсъ въ этомъ училищѣ.

— *Рязанская губернская земская управа*, отърывъ въ июнѣ и июлѣ мѣсяцахъ прошлаго года лѣтніе учительскіе курсы въ гор. Рязани, распредѣлила слушателей этихъ курсовъ на двѣ категоріи: на такихъ, которые были уже на подобныхъ курсахъ въ предшествовавшемъ 1869 году, и на такихъ, которые въ занятіяхъ этихъ участія не принимали. Слушатели первой категоріи поручены были руководству Е. Ф. Коржавина, второй Н. П. Столяникова. Извлекаемъ изъ отчетовъ обоихъ руководителей Рязанскими лѣтними курсами нѣкоторыя данныя (см. *Ряз. Губ. Вѣд.* №№ 87, 89 и 94).

На курсы г. Коржавина явилось отъ разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи 36 человекъ. Для практическихъ занятій учителей устроена была практическая школа, въ которой находилось до 30-и мальчиковъ, подраздѣленныхъ на два отдѣленія: на умѣющихъ читать, писать и считать, и не бывшихъ никогда въ школѣ и не знавшихъ ни одной буквы. Г. Коржавинъ началъ съ того, что самъ показалъ, какъ лучше и легче учить ребенка „читать, говорить и даже мыслить“, и съ этою цѣлю приступилъ прежде всего къ бесѣдѣ съ дѣтьми о томъ, „чѣмъ и какъ (?) познается видимая природа или окружающій насъ видимый міръ“. Всѣ отвѣты на эти вопросы были передаваемы дѣтямъ безъ разглагольствій и научныхъ терминовъ, а путемъ наглядности, сопровождавшейся постоянною катехизаціей. Въ два дня дѣтямъ выяснены были цѣль и назначеніе виѣшнихъ органовъ человѣческаго тѣла: зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Затѣмъ приступлено было къ обученію *вротъ и писью* одновременно, такъ что обученіе писью было вторымъ урокомъ въ тотъ же день, когда мальчики обучались чтенію, и притомъ они начинали писать тѣмъ же печатнымъ шрифтомъ, по которому учились и читать. Способъ обученія былъ принять *фонетическій* (?). Процессъ обученія чтенію по книгамъ со старшимъ отдѣленіемъ былъ веденъ цѣлымъ классомъ, при чемъ каждый названный ученикъ долженъ былъ продолжать чтеніе съ того слова, на которомъ прерванъ былъ предыдущій, чтобы побудить учениковъ всѣхъ слѣдить за читаемымъ. Статьи для чтенія выбираемы были соотвѣтственно той степени въ ходѣ ученія, до которой въ то время были доведены ученики. Сперва требовалось, чтобы процессъ чтенія былъ правиленъ и каждое слово было вѣрно произнесено; затѣмъ объяснялось каждое слово

и притомъ, когда было возможно, наглядно. Затѣмъ предлагаемы были вопросы для разъясненія прочитаннаго. По временамъ всѣ дѣти отвѣчали разомъ, хоромъ. Обучение ариметикѣ происходило способомъ нагляднымъ, при чемъ наблюдалось, чтобы возбужденныя въ дѣятельности мыслительныя способности свободно воспринимали передаваемое и запечатлѣвали въ памяти. Ознакомивши учениковъ съ одною сотней и научивъ ихъ изображать числа до 9-и, руководитель объяснилъ слушателямъ-учителямъ, какъ слѣдуетъ поступать при дальнѣйшемъ обученіи дѣтей ариметикѣ; для примѣра же самъ велъ отдѣльные уроки ариметики съ старшими учениками. Главнѣйшею заботой руководителя при этомъ было объяснить слушателямъ, что все вниманіе учителя должно быть обращено не на количество сообщаемыхъ знаній, а на разумное усвоеніе учащимися того, что сообщается учителямъ. При сообщеніи учителямъ понятій о *наглядномъ обученіи*, обращено было вниманіе какъ на сущность этого обученія, состоящую въ „своеочномъ знакомствѣ“ дѣтей съ такими предметами, о которыхъ они вовсе не знали, не бывъ въ школѣ, или которые узнали бы не скоро, по недостатку наблюдательности, такъ и на общеобразовательныя цѣли его, при чемъ руководитель выяснилъ учителямъ, какъ необходимо стараться сосредоточить вниманіе цѣлаго класса на одномъ предметѣ, посредствомъ различныхъ вопросовъ, относящихся прямо къ дѣлу, возбудить въ самодѣятельности дѣтскія мыслительныя способности, и тѣмъ развивать мало по малу логическое мышленіе. Затѣмъ показанъ былъ и разъясненъ способъ обученія *родимовѣдѣнію*. При этомъ обращено было вниманіе на то, что учитель не долженъ разказывать исключительно самъ, а непременно вести урокъ путемъ катехизическимъ: такое обученіе возбуждаетъ въ дѣтяхъ штливость, развиваетъ умѣнье выражать свои мысли и побуждаетъ ихъ быть постоянно внимательными. Для примѣра руководитель далъ первый урокъ самъ. Разсматривалась классная комната, и подъ веденный имъ диктантъ, дѣти начертили на аспидныхъ доскахъ планъ классной комнаты, представляющей пять четырехугольниковъ, сложенныхъ крестообразно и изображающихъ полъ, переднюю стѣну, заднюю, правую и лѣвую боковыя. Затѣмъ обозначены были на полу мѣста, занятыя классными стѣнами и мебелью, а на стѣнахъ — картины, часы, росписаніе и т. д. Въ стѣнахъ обозначены мѣста, занимаемыя дверьми, окнами и печами. Работы эти доставили дѣтямъ полное удовольствіе. Здѣсь учащіеся узнали линіи прямыя, кривыя, ломанныя, смѣшанныя, параллельныя, вертикальныя,

горизонтальныя, нѣкоторые треугольныя, квадратъ, ромбъ, параллелограмъ, трапецію ¹⁾). Урокъ этотъ былъ повторенъ три дня сряду.

Послѣ этихъ занятій было приступлено къ пробнымъ урокамъ учителей. Разчитавъ число учителей по числу учебныхъ дней, г. руководитель назначалъ наканунѣ, кто изъ изъ нихъ и что будетъ преподавать на другой день въ практической школѣ; а чтобы сельскіе учителя могли приготовиться къ уроку, они должны были утромъ, до начала классовъ, представлять письменные конспекты. Уроки шли подъ руководствомъ самаго г. Коржавина, и кромѣ того, по окончаніи урока, самими ими производимъ былъ критическій разборъ, на которомъ опѣивались утреннія занятія каждаго изъ нихъ. Всѣхъ уроковъ по различнымъ предметамъ дано учителями до 150, и многіе изъ нихъ удались какъ нельзя болѣе. Видно было, что учителя составили себѣ достаточное понятіе о наглядномъ обученіи и о необходимости введенія его въ народныя школы. Для пополненія пробѣловъ въ научныхъ познаніяхъ самихъ учителей, были ведены особыя вечернія занятія, на которыхъ г. руководитель преподавалъ имъ необходимыя для нихъ свѣдѣнія изъ ариметики, русскаго языка и элементарной геометріи, по преимуществу примѣнительно къ сельскому быту. Руководясь мыслию, что председатели земскихъ управъ, гласнымъ и членамъ губернскаго и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ необходимо ближе ознакомиться съ сельскими учителями, г. руководитель предложилъ послѣднимъ представить ему письменныя мнѣнія о томъ: 1) какіихъ цѣлей достигаетъ сельскій учитель, занимаясь въ своей школѣ; и 2) какъ лучше, по мнѣнію каждаго, обучать дѣтей чтенію, письму, ариметикѣ, и какъ слѣдуетъ вести уроки нагляднаго обученія. Кромѣ того, для болѣе правильнаго веденія въ школѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла, роздано слушателямъ до 20-и экземпляровъ формъ классныхъ росписаній ежедневныхъ уроковъ и столько же экземпляровъ классныхъ журналовъ, въ которыхъ бы ежедневно были отмѣчаемы: бытность или небытность ученика, успѣхъ или отсталость

¹⁾ Трудно вѣрится, чтобы такая масса новыхъ свѣдѣній могла быть предложена въ одинъ урокъ ученикамъ, которые впервые принимаютъ за черченіе и въ одинъ классъ научаются чертить планъ классной комнаты и даже подробностей въ расположеніи ея частей, мебели и пр. Во всякомъ случаѣ съ общей педагогической точки зрѣнія такой урокъ нельзя признать нормальнымъ; и не лучше ли было бы, если бы вмѣсто трехдневнаго сряду повторенія одного и того же, раздробить содержаніе урока на три приѣма, и въ каждый разъ передавая новос, обращаться къ знакомому, соединяя неизвѣстное съ извѣстнымъ, какъ того требуетъ педагогика? *Ред.*

его въ томъ или другомъ учебномъ предметѣ, и тотъ или другой урокъ, данный учителемъ въ извѣстный день и часть. По предмету закона Божія занятія ведены были особымъ законоучителемъ, которымъ 1) выяснены главныя обязанности сельскаго учителя, какъ христіанина, его нравственное вліяніе на учениковъ и на всю среду, его окружающую; 2) указанъ предметъ бесѣдъ, съ цѣлю воспитать въ ученикахъ благоговѣніе къ церкви, уваженіе къ ея служителямъ, усердіе къ богослуженію; 3) указана методика веденія нравственно-религіозныхъ бесѣдъ, для чего въ образцовой школѣ дано восемь примѣрныхъ уроковъ, и 4) пополнены свѣдѣнія слушателей курсовъ касательно церкви и ея принадлежностей и исторіи христіанскаго богослуженія. Курсы, по отзыву руководителя, были посѣщаемы, кромѣ слушателей, многими лицами, заинтересованными этимъ дѣломъ.

Учительскіе курсы, бывшіе подъ руководствомъ г. Столянскаго, начались испытаніемъ лицъ, явившихся кандидатами на стипендіи отъ земства. Г. руководитель узнавалъ только подготовку лицъ, явившихся слушать курсы; члены же земства и инспекторъ народныхъ училищъ знакомились съ собравшимися лицами со всѣхъ сторонъ и обращали особенное вниманіе на нравственныя данныя, служившія ручательствомъ, что лицо останется на должности сельскаго учителя и будетъ нести эту обязанность съ должнымъ стараніемъ и любовью. Изъ всѣхъ лицъ принято было 60 челоувѣкъ стипендіатами и 18 вольнослушателями. Предъ началомъ открытія курсовъ составлена была программа занятій, которою требовалось: 1) передать слушателямъ частную методику первоначальнаго обученія письму и чтенію, при чемъ сообщить приемы для установленія толковаго чтенія; 2) передать способъ веденія предметныхъ бесѣдъ для развитія въ дѣтяхъ наблюдательности, самостоятельности и умѣнья излагать правильно и толково свои мысли; 3) показать строй и порядковъ веденія школы съ тремя отдѣлами учениковъ; 4) указать учителямъ путь и средства для заготовленія предметныхъ учебныхъ пособій для сельской школы; 5) приучить учителей сознательно и критически читать книги, и 6) пополнивъ по возможности запасъ свѣдѣній учителей, указать необходимость снизойти до дѣтскаго пониманія и имѣющіяся знанія передавать въ доступной дѣтямъ формѣ. Нѣкоторыя мѣстныя неудобства, указываемыя г. Столянскимъ въ своемъ отчетѣ, заставили его измѣнить первоначально предположенный планъ занятій и начать съ изложенія теоретическаго взгляда на учительское дѣло; но путь этотъ на дѣлѣ оказался трудно усвояемымъ для большинства: было ясно, что

слушателямъ давалась работа выше ихъ силъ, и потому руководитель долженъ былъ повторять одно и то же по нѣскольکو разъ и требовать серьезной и многообъемистой письменной работы отъ слушателей. Впрочемъ, недѣлю спустя послѣ начала курсовъ, возможно было установить занятія въ томъ порядкѣ, какъ они „должны были начаться съ перваго дня“, то-есть, сначала давался примѣрный урокъ, а потомъ шло разъясненіе частной методики.

Самимъ руководителемъ было дано 12 примѣрныхъ уроковъ. При выясненіи пріемовъ каждаго урока, имъ было замѣчено, что большинство слушателей не уясняетъ себѣ въ должной степени всей важности частной методики, а потому онъ „снова измѣнилъ свой планъ“, признавъ за полезное допускать слушателей до пробныхъ уроковъ и чрезъ очевидные для всѣхъ недостатки неопытныхъ учителей выяснять всю важность частной методики. Таковъ путь имѣлъ еще ту выгоду, что онъ давалъ возможность вызвать учителей на самонаблюденіе, заставляя отчасти критически относиться къ дѣятельности товарищей. Руководитель курсовъ увѣряетъ читателей, что „всѣ 78 слушателей усвоили на столько частную методику начальнаго обученія чтенію и письму, что каждый изъ нихъ будетъ пользоваться указанными пріемами сознательно, соответственно степени своего умственнаго развитія“. Кромѣ уроковъ руководителя, предметныя бесѣды вели и сами учителя. Матеріаломъ для этихъ бесѣдъ служили окружающіе предметы. Кромѣ того, каждымъ учителемъ былъ составленъ небольшой *сборникъ* матеріаловъ для такихъ бесѣдъ и указанъ имъ путь веденія уроковъ для развитія въ дѣтяхъ наблюдательности, самостоятельности и умѣнья правильно и толково излагать свои мысли на бумагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснена важность и необходимость такихъ уроковъ. Строй веденія школы съ *тремя отдѣлами* учениковъ, по увѣренію г. Столпянскаго, усвоенъ учителями *вполнѣ*, при чемъ учителямъ вмѣнялось въ обязанность вести журналъ ежедневныхъ классныхъ занятій. Для предметныхъ бесѣдъ *по счету* „вмѣнено въ обязанность“ каждому учителю заготовить для своей школы: аршинъ, метръ, футъ, сажень, линейку съ масштабомъ и сравнительною мѣрою, треугольникъ и кубическую четверть аршина изъ 64-хъ кубическихъ вершковъ и 8 геометрическихъ фигуръ¹⁾. Кромѣ этого,

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что г. руководитель курсовъ «вмѣнилъ въ обязанность» сельскимъ учителямъ нѣчто невыполнимое. Еще аршинъ и сажень въ деревнѣ можетъ приготовить столяръ; но что касается до 8-и геометрическихъ фигуръ (?), кубической четверти изъ 64-хъ вершковъ и проч. предметовъ, то

во время курсовъ сдѣланы были четыре экскурсіи для сбора матеріаловъ изъ окружающей мѣстности для предметныхъ бесѣдъ, и назначены по два раза въ недѣлю вечернія бесѣды для выработки программы и составленія предметныхъ уроковъ на цѣлый учебный годъ. Впрочемъ эти бесѣды не были на столько плодотворны, какъ того ожидалъ г. Столпянскій, потому, какъ онъ самъ объясняетъ, что онѣ „велись не за однимъ столомъ, за ставаномъ чая, какъ хотѣлось г. Столпянскому, а въ залѣ, за классными столами, что не давало возможности установиться болѣе тѣсной между нимъ и слушателями связи, по его мнѣнію, крайне необходимой для успѣха дѣла“.

Большинство слушателей курса, по отвѣту руководителя, умѣло заучивать книги, но не умѣло читать ихъ въ должномъ порядкѣ (?). Г. руководитель старался пріучить ихъ къ этому чрезъ разборъ книгъ для чтенія. Сравнительно малый запасъ научныхъ свѣдѣній у большинства слушателей лишилъ ихъ возможности сознательнаго чтенія; но то усердіе, съ какимъ они прочли указанныя руководителемъ книги, должно, по его мнѣнію, оставить плодотворный *слѣдъ*. Школьныя бібліотеки, съ достаточнымъ запасомъ хорошихъ книгъ, могутъ помочь этому дѣлу. Пополнить запасъ свѣдѣній слушателей не удалось руководителю въ той степени, какъ онъ предполагалъ, отчасти по недостатку времени, отчасти по „независящимъ отъ руководителя обстоятельствамъ“ (?). Кромѣ перечисленныхъ успѣховъ, почти всѣ учащіеся, по увѣренію руководителя, усвоили пѣніе по цифирной методѣ Шеве, и „имъ указанъ способъ передать дѣтямъ гамму сольфеджіо и даны достаточныя для того средства“. По закону Божию, особый законоучитель успѣлъ сдѣлать слѣдующее: 1) объяснить христіанскія обязанности учителя народнаго училища, его нравственное вліяніе на учениковъ и вообще на христіанъ, его окружающихъ; 2) указать предметъ занятій учителя съ цѣлю воспитать въ дѣтяхъ уваженіе къ храму Божию, любовь къ богослуженію, честность поступковъ при исполненіи семейныхъ и общественныхъ обязанностей; 3) дать дѣтямъ два примѣрныхъ урока; 4) указать учебныя пособія; 5) сообщить методику, какъ вести бесѣды о храмѣ Божіемъ, богослуженіи и земной жизни Іисуса Христа; при чемъ передать нѣсколько разказовъ изъ исторіи христіанской церкви тѣмъ языкомъ, какимъ учитель долженъ бесѣдовать съ дѣтьми, и 6) и составить примѣрную программу бесѣдъ съ дѣтьми низшей степени развитія о храмѣ Бо-

приготовленіе ихъ на столько цѣнно и трудно, что они и городскимъ школамъ далеко не всягдѣ доступны. *Ред.*

жіемъ, богослуженіи, праздникахъ православной церкви и разказовъ изъ церковной исторіи.

— *Рязанскія Губернскія Вѣдомости* (№ 90) сообщаютъ объ открытіи въ гор. Егорьевскѣ при бумагопрядильной фабрикѣ братьевъ Хлудовыхъ училища, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно устроеннаго. Оно просторно, тепло, свѣтло и снабжено всѣми возможными удобствами, имѣеть помѣщеніе болѣе чѣмъ для ста учениковъ и для учителя. Всѣ учебныя пособія и содержаніе учителя, братья Хлудовы взяли на свое попеченіе. Открытіе училища, имѣющаго уже 100 учениковъ, послѣдовало 8-го ноября минувшаго года.

Открытіе новаго училища.

Въ Горскомъ погостѣ Видлицкой волости Олонецкаго уѣзда, 20-го декабря 1870 года, по отслуженіи молебна, открыто, въ домѣ крестьянина Алексѣя Кутюева, одноклассное сельское училище, на средства, пожертвованныя портнымъ мастеромъ Его Императорскаго Величества Василемъ Богдановымъ, съ пособіемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. При открытіи этого училища находились: инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, преподаватели, волостной старшина и другія мѣстныя лица. Г. Богдановымъ, сверхъ пожертвованія капитала въ 3.100 рублей, для содержанія изъ процентовъ онаго училища, присланы сему училищу книги, учебныя пособія, принадлежности для письма, икона и часы, а для бѣдныхъ учениковъ 7 полушубковъ, 7 паръ сапоговъ, 7 шаповъ и 7 кушаковъ, 100 руб. на покупку хлѣба бѣднымъ ученикамъ и 20 руб. на первоначальныя нужды училища. Остается теперь выстроить домъ для училища и снабдить его классною мебелью, къ чему г. Богдановъ уже принимаетъ мѣры; крестьяне же, по бѣдности своей, отказались отъ помощи въ этомъ дѣлѣ. Въ училище поступило 18 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ коихъ по русски говорить умѣютъ только двое и то плохо, а остальные и не понимаютъ русской рѣчи. Такимъ образомъ, благодаря пожертвованіямъ г. Богданова и помощи министерства народнаго просвѣщенія, можно имѣть надежду, что и въ этой глухой корельской мѣстности распространятся русская грамотность и русскій языкъ, а съ ними и познанія православной вѣры.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1870 году. — По дѣлу о предложеніи ректора С.-Петербургскаго университета совѣту оного о содѣйствіи къ изданію книгъ, полезныхъ для учителей народныхъ училищъ. — Распоряженіе совѣта С.-Петербургскаго по предмету приготовленій къ наблюденіямъ прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца.

По примѣру прошедшихъ лѣтъ, мы познаедемъ читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ состояніемъ и дѣятельностью нашихъ университетовъ въ теченіе минувшаго 1870 года, на основаніи годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ въ министерство. Имѣя нынѣ подъ руками отчетъ университета св. Владиміра, мы съ него начнемъ наше обзорѣніе.

Университетъ св. Владиміра состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическій факультетъ раздѣляется на три отдѣленія: славяно-русской филологіи, классической филологіи и историческихъ наукъ. Физико-математическій факультетъ раздѣляется на два отдѣленія: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ. По штату университетовъ 18-го іюня 1863 года, при университетѣ св. Владиміра полагается одинъ ординарный профессоръ богословія православнаго исповѣданія для всѣхъ факультетовъ. Отдѣльно же на факультетахъ, согласно тому же штату и постановленію совѣта министра народнаго просвѣщенія, изложенному въ № 36 журнала совѣта за 1868 годъ, полагается: а) на историко-филологическомъ факультетѣ сгв, отд. 4.

культетъ: 8 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ и 4 лектора иностранныхъ языковъ; б) на физико-математическомъ факультетѣ: 11 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 3 доцента, 1 астрономъ-наблюдатель, 4 лаборанта; в) на юридическомъ факультетѣ: 9 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 6 доцентовъ; г) на медицинскомъ факультетѣ: 11 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 15 доцентовъ, 2 прозектора, 2 лаборанта, 8 ординаторовъ, въ томъ числѣ 6 при университетскихъ и 2 при госпитальныхъ клиникахъ и 1 повивальная бабка при университетской акушерской клиникѣ. А вообще по штату полагается 58 профессоровъ, въ томъ числѣ 40 ординарныхъ (считая и профессора богословія), 18 экстраординарныхъ, 31 доцентъ, 4 лектора иностранныхъ языковъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 2 прозектора, 3 помощника прозектора, 6 лаборантовъ, 8 ординаторовъ клиники и 1 повивальная бабка. Къ 1-му января 1871 года состояло на лицо — штатныхъ преподавателей: а) по историко-филологическому факультету: 3 ординарныхъ профессора, 2 экстраординарныхъ, 4 доцента, 2 лектора; б) по физико-математическому факультету: 11 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный, 2 доцента, 4 лаборанта и 2 хранителя кабинетовъ физическаго и минералогическаго; в) по юридическому факультету: 8 ординарныхъ профессоровъ, 1 исправляющій должность экстраординарнаго; г) по медицинскому факультету: 11 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 6 доцентовъ, 2 прозектора, 2 помощника прозектора, изъ коихъ одинъ при кафедрѣ судебной медицины, 6 ординаторовъ при факультетскихъ клиникахъ, 2 ординатора при госпитальныхъ клиникахъ, 1 лаборантъ и 1 повивальная бабка при акушерской клиникѣ. Итого, состояло на лицо къ 1-му января 1871 года: ординарныхъ профессоровъ 34 (считая въ томъ числѣ профессора богословія), экстраординарныхъ 7, доцентовъ 12, лекторовъ 2, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 2, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ 6, ординаторовъ госпитальныхъ клиникъ 2, лаборантовъ 5, хранителей кабинетовъ 2 и 1 повивальная бабка. Сверхштатныхъ преподавателей состояло 2: одинъ по кафедрѣ русской словесности, а другой по кафедрѣ анатоміи; оба съ званіемъ ординарныхъ профессоровъ. Приватъ-доцентомъ было 5, въ томъ числѣ: 1 по предмету всеобщей исторіи, 1 по предмету церковной исторіи, 1 по предмету русскаго права, 1 по предмету клинической діагностики и 1 по предмету офтальмологіи. Оставались не замѣщенными кафедры: а) по историко-филологическому фа-

культету — 3; сравнительной драматикѣ индо-европейскихъ языковъ, церковной исторіи, теоріи и исторіи искусствъ; б) по физико-математическому факультету — 2: физической географіи и геогноніи и палеонтологіи; в) по юридическому факультету — 4: энциклопедія права, исторія русскаго права, исторія славянскихъ законодательствъ и церковнаго законодѣнія; г) по медицинскому факультету — 2: фармакологіи и гігіены, медицинской фоліиціи, медицинской географіи и статистики. Изъ поименованныхъ кафедръ лишь кафедра фармакологіи вакантна съ 1-го мая 1870 года, а воѣ остальные не заняты съ времени учрежденія нѣхъ уставомъ 18-го іюня 1863 года; но по нѣмъ торяше изъ сихъ кафедръ преподаваніе было поручено нѣмъ инымъ преподавателямъ, о томъ будетъ упомянуто ниже. Занятія факультетовъ университета св. Владиміра состояли въ нижеслѣдующемъ: Историко-филологическій факультетъ имѣлъ 35 заведеній, физико-математическій — 38, юридическій — 26 и медицинскій 85. За нѣмъ имѣемъ штатныхъ преподавателей, изъ коихъ нижеспоменovanýchъ предметовъ поручено было, за особое вознагражденіе, на законномъ основаніи, слѣдующимъ профессорамъ и преподавателямъ, занимающимъ другія кафедры, а нѣмъ преподаваніе греческой словесности, въ первомъ полугодіи доценту по кафедрѣ философіи *Скарицыну*, а во второмъ полугодіи — ординарному профессору по кафедрѣ русской словесности *Модостову*; преподаваніе энциклопедіи права — ординарному профессору по кафедрѣ исторіи замѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ *Ременикалѣбу* въ обонъ полугодіяхъ, но въ послѣднемъ безъ вознагражденія; и преподаваніе технической химіи — ординарнымъ профессорамъ по кафедрѣ химіи *Александрову* и *Гарничь-Гарничскому*, во второмъ полугодіи. По случаю заграничной командировки ординарнаго профессора по кафедрѣ чистой математики *Ващенко-Вазарченко*, преподаваніе по сей кафедрѣ, во второй половинѣ 1870 года, было поручено второму профессору сей кафедры *Ромеру*, безъ особаго вознагражденія. По поводу выхода въ отставку заслуженнаго ординарнаго профессора хирургіи *фонъ-Губбенета*, завѣдываніе хирургическою госпитальною клинкой поручено другому профессору хирургіи — *Оклибасовскому*. Изъ числа вакантныхъ кафедръ въ 1870 году замѣщены, по ходатайству факультетовъ и совѣта, слѣдующія: 1) кафедра русской исторіи, на которую опредѣленъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, состоявшій доцентомъ по этой кафедрѣ, докторъ русской исторіи *Иконниковъ*, а на доцентуру — магистръ *Антоновичъ*; 2) кафедра исторіи

русскаго языка и русской литературы, на которую опредѣленъ штатный доцентомъ магистръ русской словесности *Хрущевъ*; 3) кафедра греческой словесности, на которую переимѣненъ, съ званіемъ доцента, доцентъ по кафедрѣ философіи *Скворцовъ*; 4) кафедра астрономіи и геодезіи, на которую переимѣненъ, съ званіемъ ординарнаго профессора, астрономъ-наблюдатель при Московскомъ университетѣ *Хандриковъ*; 5) вторая вакантная профессура химіи, на которую переимѣненъ, съ званіемъ ординарнаго профессора, профессоръ Харьковскаго университета *Гарничъ-Гарничскій*; 6) кафедра технической химіи, на которую опредѣленъ, съ званіемъ доцента, находящійся въ заграничной командировкѣ докторъ химіи *Бунге*. Совѣтъ университета, избравъ г. Бунге въ штатные доценты, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно ходатайству физико-математическаго факультета, испросилъ у начальства продолженіе г. Бунге срока командировки еще на годъ, съ тою цѣлю, чтобъ онъ могъ ближе ознакомиться съ химико-техническими производствами какъ за границею, такъ и въ Россіи, на фабрикахъ и заводахъ. 7) На кафедрѣ офтальмологіи опредѣленъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, ординаръ Кіевскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины *Ивановъ*. 8) На вакантную профессуру по кафедрѣ хирургіи переимѣненъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, числившійся ординаторомъ Одесской городской больницы, докторъ медицины *Скляресовскій*. 9) Совѣтъ университета, согласно съ предразсужденіемъ медицинскаго факультета, имѣя въ виду ту важность, которую приобрѣла въ настоящее время физика для медицинскаго образованія, и сознавая поэтому необходимость дать болѣе широкое развитіе преподаванію медицинской физики въ ряду медицинскихъ наукъ, исходатайствовала у высшаго начальства разрѣшеніе на учрежденіе при медицинскомъ факультетѣ особой, самостоятельной кафедры медицинской физики, на которую и назначенъ съ званіемъ экстраординарнаго профессора занимавшій до того времени должность доцента по упомянутому предмету, докторъ медицины *Шкляревскій*. Независимо отъ сего совѣтъ также заботился о замѣщеніи доцентуръ, положенныхъ при нѣкоторыхъ кафедрахъ по уставу 1863 года; изъ числа ихъ въ 1870 году замѣщены слѣдующія: доцентура врачебной діагностики, положенная при кафедрахъ клинической и теоретической патологіи и терапіи, на которую опредѣленъ докторъ медицины *Аванасьевъ*; положенная при тѣхъ же кафедрахъ доцентура для преподаванія женскихъ болѣзней при клиническомъ отдѣленіи Кіевскаго военнаго госпиталя, на которую опредѣленъ докторъ медицины *То-*

лочкина, и на доцентуру, причисленную къ кафедрѣ общей патологій, опредѣленъ состоявшій приватъ-доцентомъ при Харьковскомъ университетѣ докторъ меницины *Аванастьевъ*. Затѣмъ изъ кафедръ, положенныхъ по уставу 1863 года, остаются вакантными слѣдующія: а) кафедра исторіи всеобщей литературы, которая поручена штатному доценту *Диниченко*; б) кафедра сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, для замѣщенія которой историко-филологическій факультетъ имѣетъ въ виду магистра *Бодуана-де-Куртене*, съ которымъ вступилъ въ сношеніе по сему предмету; в) кафедра церковной исторіи, по которой допущенъ къ чтенію обязательныхъ для студентовъ лекцій, въ качествѣ приватъ-доцента, профессоръ Киевской духовной академіи, магистръ *Терновскій*; г) кафедра теоріи и исторіи искусствъ; д) кафедра геогнозій и палеонтологій, е) кафедра физической географіи. Такъ какъ фзяико-математическій факультетъ не имѣетъ пока въ виду лицъ, достойныхъ занять двѣ послѣднія кафедры, то по сему геогнозій и палеонтологія, входившія по уставу 1842 года въ составъ кафедры минералогій, преподаются и нынѣ профессоромъ сей послѣдней кафедры, а физическая географія, входившая въ составъ кафедры физики, преподается профессоромъ физики. е) Конкурсъ, объявленный на замѣщеніе кафедры энциклопедіи права, оказался безуспѣшнымъ. ж) Оставались вакантными еще кафедры: исторіи русскаго права, преподаваніе по которой, съ обязательными лекціями и вообще съ исполненіемъ обязанностей штатнаго преподавателя поручено приватъ-доценту, кандидату законовѣдѣнія *Соколовскому*; з) кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ; и) кафедра церковнаго законодѣнія; н) кафедра гигиены, медицинской полиціи и статистики. За неизмѣнимъ въ виду лицъ для замѣщенія означенныхъ выше двухъ кафедръ церковное законодѣніе, какъ часть богословскихъ наукъ, излагается профессоромъ богословія; а гигиена и медицинская полиція, входившія по уставу 1842 года въ составъ кафедры судебной медицины, преподаются и нынѣ профессоромъ сей послѣдней кафедры. к) Кафедра фармакологіи сдѣлалась вакантною во второй половинѣ 1870 года, по случаю смерти ординарнаго профессора *Дибковскаго*. Кромѣ того, вакантны двѣ должности доцентовъ: а) гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства и судоустройства и б) государственнаго права, важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ. Для усиленія занятій учительскихъ стипендіатовъ и вообще студентовъ историческаго отдѣла, совѣтъ университета, согласно ходатайству историко-филологическаго факультета, учредилъ историческую семинарію; съ дѣлію и сущностью

этого учрежденія мы уже познакомили нашихъ читателей (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* сент. кн. 1870 года, Современная Лѣтопись, стр. 44). Юридическій факультетъ, сознавая необходимость, для полноты спеціальнаго юридическаго образованія, ввести въ курсъ юридическихъ наукъ и судебную медицину, вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ объ учрежденіи для студентовъ юридическаго факультета особаго судебно-медицинскаго курса, который открылъ бы имъ возможность приобретать знакомство, по крайней мѣрѣ элементарное, съ судебной медициною. Судебно-медицинскій курсъ, по предположенію факультета, долженъ состоять изъ двухъ частей: изъ теоретическихъ лекцій и практическихъ упражненій. Практическими упражненіями въ судебной медицинѣ юристы не только безъ неудобства, но даже съ особенною пользою могутъ заниматься вмѣстѣ съ медиками; но посвѣщеніе студентами юридическаго факультета теоретическихъ судебно-медицинскихъ лекцій, читаемыхъ медиками, было бы и обременительно и бесполезно, вслѣдствіе медицинско-техническаго характера этихъ лекцій. Для юристовъ необходимъ особый теоретическій курсъ судебной медицины, совершенно отдѣльный отъ того, который слушаютъ медики. Такъ какъ для юристовъ требуется собственно элементарное знакомство съ судебной медициною, то для сего полугодовой теоретическій курсъ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, или годичный курсъ, при одной лекціи въ недѣлю, представляется вполне достаточнымъ. Этотъ курсъ студенты юридическаго факультета могутъ выслушивать въ теченіе 5-го и 6-го семестровъ, а затѣмъ въ 7 и 8-мъ семестрахъ, они могутъ, вмѣстѣ съ медиками, участвовать въ судебно-медицинской практикѣ. По важности судебно-медицинскихъ свѣдѣній для полноты юридическаго образованія, посвѣщеніе судебно-медицинскаго курса слѣдуетъ признать обязательнымъ для студентовъ юридическаго факультета, распространяя эту обязательность до полнаго раздѣленія факультета на студентовъ какъ собственно-юридическаго, такъ административнаго отдѣленія. При удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата законовѣдѣнія, какъ воспитанниковъ университета, такъ и постороннихъ лицъ, должна быть необходимо принимаема въ соображеніе и отмѣтка по испытанію въ судебной медицинѣ, съ тѣмъ, чтобъ отмѣтка „удовлетворительно“ считалась достаточною какъ для званія дѣйствительнаго студента, такъ и для степени кандидата. При назначеніи отмѣтокъ преподавателю предоставляется принимать въ соображеніе и практическія занятія испытуемыхъ. Совѣтъ универси-

тета вполне согласился на введение преподавания судебной медицины для юристов на вышеизложенных основаниях и вошелъ съ представлениемъ къ начальству о разрѣшеніи привести изложенную мѣру въ исполненіе сперва на одинъ годъ, съ тѣмъ чтобы потомъ, воспользовавшись указаніями опыта, факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ новыми соображеніями по сему предмету. — Для соисканія наградъ медалями назначены были на 18⁶⁸/70 учебный годъ слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета: „представить историко-критическое изслѣдованіе небольшого трактата объ обращеніи Баварцевъ и Хоруганъ — *De conversione Baioarum et Carantanorum, libellus ap. Pertz. Monum. Germ. hist. Script. Tom. XI, p. 4 — 15*“; отъ физико-математическаго факультета: „о протяженіи вообще и о протяженіи эллипсоидовъ въ особенности“; отъ юридическаго — двѣ темы: „изложить и подвергнуть критическому разбору ученіе Канта о правѣ“ и „изслѣдовать въ главныхъ чертахъ историческое развитіе и современное состояніе нашего законодательства о земскихъ повинностяхъ“; отъ медицинскаго факультета — двѣ темы: „о физиологическомъ дѣйствиіи препаратовъ марганца“ и „о связи между химическою конституціей веществъ и физиологическимъ ихъ дѣйствиемъ“. На тему физико-математическаго и трехъ темъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ предложены были три сочиненія: физико-математическаго факультета Генрихомъ *Винарскимъ*, юридическаго — Григоріемъ *Вальдескимъ* и медицинскаго — Михаиломъ *Коробининымъ*; онѣ удостоены награды золотыми медалями. Сочиненіе, представленное на тему историко-филологическаго факультета, не признано достойнымъ награды. На 18⁷⁰/71 годъ для соисканія наградъ медалями предложены слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета: „Плавтъ въ изданіи Ричля“. Требуется указать приемы Ричля въ установленіи текста, обратить вниманіе на средства, которыми онъ располагалъ или могъ располагать, опредѣлить отношеніе изданія Ричля къ предыдущимъ, и если можно, къ послѣдующимъ изданіямъ. Работа должна быть сдѣлана на основаніи изученія, по крайней мѣрѣ, двухъ комедій Плавта изъ числа изданныхъ Ричлемъ. Текстъ этихъ комедій у Ричля долженъ быть тщательно сравненъ съ текстомъ важнѣйшихъ предыдущихъ изданій и непременно съ текстомъ изданія Воте. При изученіи приемовъ Ричля, рекомендуется обратить вниманіе не только на его предисловіе, но и на *arscula philologica*; на сколько эти послѣднія относятся къ Плавту. Отъ физико-математическаго факультета — двѣ темы: по физикѣ — „лучшеиспускательная и поглощательная способ-

ность тѣмъ“ (предлагается обратить особенное вниманіе на послѣднія изслѣдованія по этому вопросу), и ботаникѣ: „анатомія вегетативныхъ органовъ растений рода *Callistemon*“. Отъ юридическаго факультета— двѣ темы: „положенія Русской Правды по гражданскому праву“ и „изслѣдовать въ главныхъ чертахъ историческое развитіе и современное состояніе нашего законодательства о земскихъ повинностяхъ“. Отъ медицинскаго факультета— „изслѣдовать распрежденіе и окончаніе нервовъ въ печени у позвоночныхъ животныхъ“ (по предмету гистологии). Въ 1870 году совѣтъ одобрилъ въ напечатанію отъ имени университета въ издаваемыхъ имъ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* оставшіяся по смерти штатнаго доцента *Лашюкова* ученныя работы, состоящія изъ монографій по русской исторіи. Изъ трехъ преподавателей, не имѣвшихъ еще требуемой уставомъ ученой степени, приобрѣлъ въ 1870 году степень доктора государственнаго права исправляющій должность экстраординарнаго профессора по этой кафедрѣ магистръ *Романовичъ-Словатинскій*; затѣмъ остаются исправляющими должность экстраординарнаго профессора два преподавателя: *Яроуцкій*—по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій и *Дядченко*—по кафедрѣ гражданскихъ законовъ. Члены университетскаго сословія, сверхъ исполненія прямыхъ обязанностей по службѣ, занимались слѣдующими учеными трудами. Сверхштатный ординарный профессоръ *Селивъ* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* (авг. кн.) свою публичную лекцію, подъ заглавіемъ: „Значеніе Острова въ исторіи русской литературы“, читанную въ залѣ торжественныхъ собраний въ день столѣтняго юбилея нашего трагика, 29 сентября, 1870 года. Ординарный профессоръ *Гогоуцкій* приготовилъ къ печати четвертый и послѣдній томъ „Философскаго лексикона“, и кромѣ того, печатаетъ „введеніе въ философію“. Ординарный профессоръ *Бильбасовъ* напечаталъ въ журналѣ *Заря* (декабр. кн.) статью: „Открытія въ испанской исторіи“. Ординарный профессоръ *Модестовъ* напечаталъ въ Берлинѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Der Gebrauch der Schrift unter den Römischen Königen“. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Яроуцкій* напечаталъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* статью: „Предварительныя понятія о языкѣ вообще, съ обращеніемъ особаго вниманія на языкъ славянскій“. Экстраординарный профессоръ *Иконниковъ* напечаталъ сочиненіе „Политическое значеніе Волоколамскаго монастыря“ и двѣ брошюры, вооруженій, подъ заглавіемъ: „Мои мнѣнія критикамъ“. Доцентъ *Антоновичъ* напечаталъ въ *Архивѣ юго-западной Россіи* „Изслѣдованіе о южно-русскихъ геродахъ 1432—

1798 г." и „Исследование о бытѣ крестьянъ въ юго-западной Россіи въ XVIII столѣтіи“; кромѣ того, подъ его редакціей изданы два тома означеннаго *Архива*. Доцентъ *Хрушовъ* помѣстилъ въ журналѣ *Семидесятилетия* вечера семь статей подъ заглавіемъ: „Бесѣды по русской литературѣ“. Приватъ-доцентъ *Драгомановъ* окончилъ печатаніе сочиненія: „Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи“. Приватъ-доцентъ *Тарновскій* принималъ участіе въ изданіи книги: „Апокрифисъ Христофора Филимона въ переводѣ на современный русскій языкъ“ и напечаталъ въ *Православномъ обозрѣніи* — „Очеркъ исторіи русской церкви“ (изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ), въ *Трудахъ Кіевской духовной Академіи* — „Участіе древне-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ въ періодъ удѣльно-вѣчевой“, въ *Руководствѣ для сельскихъ пастырей* — „Южно-русское проповѣдничество въ XVI и XVII вѣкахъ“; сверхъ того, напечаталъ отдѣльную брошюрой статью: „Русская проповѣдь при Петрѣ I-мъ“. Ординарный профессоръ *Разманновъ* началъ печатать въ *Университетскихъ Известіяхъ* „Основаніе теоретической динамики“. Заслуженный ординарный профессоръ *Ходяковъ* продолжалъ редактировать *Университетскія известія*. Ординарный профессоръ *Австариусъ* напечаталъ въ свѣтъ *Извѣстіяхъ* статью подъ заглавіемъ: „Объ электро-возбудительной силѣ термо-электрическихъ элементовъ съ точки зрѣнія механической теоріи тепла“. Ординарный профессоръ *Александровъ* продолжалъ печатать въ *Университетскихъ Известіяхъ* „Лекціи органической химіи“; кромѣ того, въ томъ же изданіи помѣстилъ: „Отчетъ о побѣдѣ за границу для осмотра химическихъ лабораторій“ и „О предстоящемъ слѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ“; въ *Журналѣ русскаго химическаго общества* помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ и въ *Трудахъ Императорскаго военно-экономическаго общества* напечаталъ статью: „Свеклосахарная промышленность на С.-Петербургской мануфактурной выставкѣ 1870 года“. Ординарный профессоръ *Халдриковъ* продолжалъ печатать въ *Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ* сочиненіе подъ заглавіемъ: „Общая теорія возмущеній“. Ординарный профессоръ *Борцовъ* напечаталъ въ *Замѣткахъ Кіевского общества естествоиспытателей* статью: „Новые виды однокѣтныхъ водорослей изъ окрестностей Кіева“. Эстраординарный профессоръ *Вальцъ* напечаталъ въ *Запискахъ* того же общества — „О зооспорахъ водорослей рода *Chamaesiphon*“ и „О водоросляхъ рода *Secnodosmus*“; въ *Botanische Zeitung von de Bary und Mohl* — „Beiträge zur Kenntniss der Saprolegnien“ и „Ueber die Entleerung der Zoosporangien“. До-

центъ *Паульсона* напечаталъ отдѣльную книжкою: „Очеркъ естественной исторіи пчелъ и краткое наставленіе о пчеловодствѣ“. Ординарный профессоръ *Бунге* напечаталъ въ *Университетскихъ Известіяхъ* „Основаніе политической экономіи“ и первую часть перевода сочиненія Вагнера „Русскія бумажныя деньги“. Ординарный профессоръ *Реннелкамидъ* напечаталъ статью: „О разработкѣ сравнительнаго правовѣдѣнія“ въ журналѣ *Заря* и „О положеніи профессорствъ юридическихъ наукъ по судебнымъ уставамъ“, сверхъ того, приготовилъ къ печати и издалъ сочиненіе *Пилляксевича* „Исторія философіи права“. Ординарный профессоръ *Кистлюковскій* напечаталъ „О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовного правосудія“, „О подсудности по закону 11-го октября 1865 года“ и „Объ отношеніи судебной реформы къ теоретическому образованію вообще и представителямъ его — профессорамъ юридическихъ наукъ“, послѣднія двѣ статьи напечатаны въ *Судебномъ Вѣстникѣ*. Ординарный профессоръ *Романовичъ Славатинскій* издалъ сочиненіе, вождь заглавленъ: „Дверянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отжившя крѣпостнаго права“. Приватъ-доцентъ *Соколовскій* напечаталъ въ *Университетскихъ Известіяхъ* свою пробную лекцію: „О договорахъ Русскихъ съ Франками“. Заслуженный сверхштатный профессоръ *Вальтеръ* издавалъ газету „*Современная медицина*“, въ которой помѣщалъ значительное число своихъ статей; напечаталъ въ *Кіевлянѣхъ* статью „По общественной гигиенѣ“ и приготовилъ къ печати два выпуска „*Курса прикладной и практической анатоміи*“. Ординарный профессоръ *Храповицскій* помѣстилъ статью „О вазомоторныхъ нервахъ“ въ *Протоколахъ заведеній общества Кіевскихъ врачей*. Ординарный профессоръ *Томса* напечаталъ: „*Zur Physiologie d. Pedunculi cerebri*“ въ *Medicinische Wochenschrift in Wien*. Ординарный профессоръ *Вемъ* напечаталъ въ *Запискахъ Кіевского общества естествоиспытателей* — статью: „Новый методъ изслѣдованія центральной нервной системы человека“ и „О группировкѣ извилинъ человеческого мозга для будущей его анатоміи“; сверхъ того, въ *Университетскихъ Известіяхъ* помѣстилъ двѣ лекціи объ анатоміи мозга, читанныя въ медицинскомъ обществѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ ученомъ комитетѣ военнаго министерства, и публичную лекцію, читанную предъ открытіемъ курса анатоміи 22-го октября 1870 года. Ординарный профессоръ *Перемешко* помѣстилъ въ *Протоколахъ общества Кіевскихъ врачей* рефератъ объ усѣнкахъ гистологін. Экстраординарный профессоръ *Склибасовскій* напечаталъ въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* „Шесть случаевъ оза-

риотоміа". Эвотрардинарный профессор *Шиллерскій* напечаталъ: въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* — „О необходимости физическаго образованія для врачей при современномъ состояніи медицины“, „Введеніе въ медицинскую оптику“, и „Двѣ вступительныя лекціи по медицинской физикѣ“; въ *Военно-медицинскомъ журналь* — „Объ амилондномъ перерожденіи“. Доцентъ *Тыломинъ* напечаталъ въ *Оудебномъ Вѣстникѣ* статью: „Оспособъ опредѣленія силы сокращенія жати во время родовъ“. Помощникъ провектора при кафедрѣ политической анатоміи *Чернышъ* напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о воспаленіи почекъ“. Ординаръ терапевтической факультетской клиники *Притчель* напечаталъ въ *Centralbl. für die Medic. Wissenschaft* статью, подъ заглавіемъ: „Vorläufige Mittheilung ueber die Endigung der Nerven in der Schleimhaut des Magens“. Въ 1870 году отъ имени университета св. Владимира читаны были публичныя лекціи: ординарными профессорами *Александровымъ* и *Гарничъ-Гарничкинымъ* — по предмету химіи; первымъ было прочтано 6 лекцій, а послѣднимъ 8; ординарнымъ профессоромъ *Ремонжамисомъ* — три лекціи о новомъ городскомъ устройствѣ; сверхштатнымъ профессоромъ *Салтыкомъ* — одна лекція о значеніи Сверова въ исторіи русской литературы; ординарнымъ профессоромъ *Эрардтомъ* — одна лекція о ногѣ и ея обуви. Сверхъ того, отъ имени общества естественныхъ наукъ читаны были публичныя лекціи: ординарнымъ профессоромъ *Вальцельмъ* — по предмету ботаники и *Бемаль* — по анатоміи.

Въ 1870 г. совѣтъ университета имѣлъ 19 засѣданій. Въ действующихъ нынѣ правилахъ для учащихся въ университетѣ св. Владимира сдѣланы, съ разрѣшенія г. почетителя Киевскаго учебнаго округа, слѣдующія измѣненія: 1) Къ § 51 сдѣлано такое прибавленіе: „Студенты физико-математическаго факультета, успѣшныя практическія занятія которыхъ засвидѣтельствованы профессоромъ, могутъ быть освобождены отъ представленія обязательныхъ сочиненій“. 2) Къ § 73 прибавлено примѣчаніе: „Испытаніе въ предметахъ годичнаго факультетскаго курса составляетъ для студентовъ, при переходѣ ихъ съ перваго курса на второй, необходимое условіе увольненія отъ платы за ученіе“. 3) Въ отношеніи къ правиламъ ошндачѣ студентамъ стипендій сдѣлано постановленіе, чтобы студентамъ, зачисляемымъ на стипендію, выдавать содержаніе съ начала той трети, въ которой состоялось постановленіе совѣта о приѣмѣ на стипендію, въ такомъ только случаѣ, когда стипендія дѣйствительно свободна съ начала

той трети. 4) § 99 правилъ для учащихся относительно производства номѣсячно содержанія стипендіатамъ медицинскаго факультета 5-го и 11-го семестровъ распространень и на стипендіатовъ прочихъ факультетовъ, обязанныхъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ за получаемую стипендію. Въ теченіе 1870 года утверждены совѣтомъ: ординарный профессоръ государственнаго права *Романовичъ-Славатинскій* и доцентъ по кафедрѣ технической химіи *Буме* въ степени доктора: первый — государственнаго права, а послѣдній — химіи. Доцентъ по кафедрѣ русской исторіи *Антоновичъ* и приватъ-доцентъ по предмету всеобщей исторіи *Драгомановъ* — въ степени магистра: первый — русской, а послѣдній — всеобщей исторіи; гѣваря: *Финкель*, *Рустинскій* и *Чернышъ* — въ степени доктора медицины. Кромѣ того удостоено: степени кандидата 32 человека, званія дѣйствительнаго студента 10, степени гѣваря 26, званія уѣзднаго врача 6, званія акушера, какъ члена врачебной управы, 1, оператора — какъ члена той же управы 2, степени провизора 15, званія зубнаго врача 3, повивальной бабки 38. По ходатайству историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ оставлены совѣтомъ университета стипендіатами для приготовленія къ профессорскому званію слѣдующія лица: кандидатъ *Мищенко* по предмету греческой словесности и кандидатъ *Тимовеевъ* — по предмету чистой математикѣ. Кромѣ того, совѣтъ университета, по ходатайству физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго факультетовъ, продолжилъ производство профессорской стипендіи: кандидату математическихъ наукъ *Ермакову* и кандидату законовѣдѣнія *Зибери*, пробывшимъ уже двухгодичный установленный срокъ въ званіи стипендіатовъ: первому еще на одинъ годъ, а послѣднему на полгода; кандидату законовѣдѣнія *Скордему* и гѣварю съ отличіемъ *Сихарскому*, пробывшимъ въ званіи стипендіатовъ годичный срокъ, еще на одинъ годъ. Стипендіатъ *Буме* нахотился въ ваграничной командировкѣ для дальнѣйшаго приготовленія къ профессорскому званію: по кафедрѣ химіи, съ производствомъ ему во время этой командировки содержанія по 1.500 руб. въ годъ изъ суммъ министерства. Въ 1870 году совѣтомъ университета было составлено нѣсколько комитетовъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ возникшихъ въ самомъ совѣтѣ, такъ и предложенныхъ на обсужденіе министерствомъ. По распоряженію министерства въ совѣтѣ были обсуждаемы слѣдующіе вопросы: 1) относительно примѣненія § 40 общ. уст. унив. къ факультетскимъ собраніямъ; 2) о томъ, слѣдуетъ ли воспрещать студентамъ вступленіе въ бракъ; 3) о томъ,

не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначаемыхъ на стипендіи и пособіе студентамъ, обратить на стипендіи и преміи учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ, отдѣливъ лишь нѣкоторую часть на одновременныя пособія въ случаяхъ исключительныхъ: бѣдъ, неожиданнаго бѣдствія и т. п.; 4) о введеніи въ университетахъ на будущее время того же порядка производства окончательныхъ экзаменовъ для студентовъ нятаго курса медицинскаго факультета, какой существуетъ на сей предметъ въ медико-хирургической академіи, то-есть, чтобы экзамены эти производились осенью, съ назначеніемъ для сего сроковъ съ 1-го сентября по 15-е октября—для устнаго испытанія, и съ 15-го октября по 1-е декабря—для нравственнаго испытанія, и 5) объ учрежденіи поликлиники при медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета. Въ самомъ совѣтѣ возникли два вопроса, для обсужденія которыхъ составленъ были комитеты, а именно: 1) объ увеличеніи размѣра вознагражденія профессоръ и преподавателей за чтеніе ими лекцій по другимъ кафедрамъ, и 2) какое именно количество суммъ слѣдуетъ выдавать на подъемъ профессорамъ и преподавателямъ, опредѣляемымъ въ университетѣ. Что касается перваго вопроса, то комитетъ пришелъ къ заключенію, что слѣдуетъ остаться при существующей нормѣ вознагражденія, то-есть, назначать за чтеніе восторонняго предмета по 200 руб. за часъ въ годъ, съ тою только разницей, чтобы высшій размѣръ вознагражденія, допускаемаго уставомъ, составлялъ половину не того жалованья, какое преподаватель получаетъ по своей кафедрѣ или мѣсту, но того, какое получалъ бы штатный преподаватель временно-вакантной профессуры или децентуры, поручаемой другому преподавателю. Мысль эта ясно выражена въ § 84 устава слѣдующими словами: „За вторую кафедру изъ присвоеннаго ей оклада онъ (преподаватель) получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ половины оклада жалованья“. Очевидно, что высшій размѣръ вознагражденія опредѣляется здѣсь не жалованьемъ, которое преподаватель получаетъ по своему мѣсту, но жалованьемъ того мѣста, которое временно ему поручается. По второму вопросу комитетъ нашелъ, что установленіе постоянныхъ, однообразныхъ нормъ неудобно, такъ какъ въ этомъ случаѣ многое зависитъ отъ дальности переезда преподавателей, отъ семейнаго положенія его, отъ состоянія университетскихъ суммъ, для сей цѣли назначенныхъ, и проч. Сумма подъемныхъ денегъ должна быть опредѣлена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по соображенію этихъ обстоятельствъ и примѣнительно къ постановленіямъ по этому :

предмету устава о службѣ гражданской. Совѣтъ университета согласился съ заключеніями комитета. Наконецъ, было учреждено еще комитетъ для обсужденія возбужденнаго въ совѣтъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли производить содержаніе деканамъ факультетовъ во время нахождения ихъ въ отпуску и командировкахъ, или же содержаніе это слѣдуетъ выдавать лицамъ, исправляющимъ ихъ должность. Комитетъ призналъ правильнымъ и полезнымъ: 1) При увольненіи въ отпуску должностныхъ лицъ университетскаго управленія строго соблюдать ст. 1213 Уст. по опр. отъ прашт. т. 3, Свода Зак., на основаніи которой, не явившійся на срокъ въ отпуску и не представившій законныхъ къ тому оправданій чиновникъ подвергается за сіе вычету изъ жалованья за все просроченное время. 2) При производствѣ содержанія сими лицамъ, во время нахождения ихъ въ отпускахъ, поступать на точномъ основаніи ст. 1217, 1219 и 1202 того же устава, при чемъ не распространять на нихъ (за исключеніемъ развѣ секретарей факультетовъ) изъятія, для вакантнаго времени допускаемаго. 3) Правила относительно отпусковъ сими лицъ распространить, съ разрѣшенія подлежащихъ властей, и на командировки онѣхъ, если командировки даются имъ собственно по званію профессоровъ. 4) Профессорамъ, не занимающимъ никакой должности по университетскому управленію, но, въ временную службу лицъ сего управленія, исправляющимъ должность ихъ, выдавать вознагражденіе, въ случаѣ производства вычета изъ содержанія тѣмъ лицъ и въ размѣрѣ этого вычета, о чемъ, равно какъ и объ источникѣ, на который могло бы быть отнесено это вознагражденіе, войти съ представленіемъ по начальству въ установленномъ порядкѣ. Совѣтъ университета, вполне согласившись съ такими заключеніями комитета, вошелъ съ представленіемъ къ г. попечителю Кіевского учебнаго округа о разрѣшеніи привести изложенія мѣры въ исполненіе. — Въ теченіе 1870 года были командированы съ ученою и другими цѣлями нижеслѣдующіе преподаватели университета св. Владимира. Ординарный профессоръ по кафедрѣ богословія, протодіаконъ *Саворговъ*, по распоряженію святѣйшаго синода, командированъ былъ въ С.-Петербургъ, на счетъ суммъ духовнаго вѣдомства, для принятія участія въ комитетѣ, учрежденномъ для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству. Ординарные профессора *Седина* и *Гогоцкий* и экстраординарный профессоръ *Вальцъ* командированы были г. попечителемъ округа для обрѣзкованія гимназій: первый — Новгородсѣверской, второй — Черниговской и третій —

Немировской. Совѣтъ университета исходатайствовала командировки за границу слѣдующимъ лицамъ: ординарному профессору *Александрову*, срокомъ на 5 недѣль, для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ Берлинской и Лейпцигской химическихъ лабораторій, дабы по возможности приобщить къ устройству въ химической лабораторіи университета св. Владимира, нестройка которой приближается уже къ концу. Ординарному профессору *Модестову*, на четыре мѣсяца, для ознакомленія какъ съ важнѣйшими памятниками древности, открытыми въ послѣднее время въ Римѣ и его окрестностяхъ, такъ и съ мѣстной литературой послѣднихъ шести лѣтъ. Ординарному профессору *Ковалевскому*, на одинъ годъ, къ берегамъ Средиземнаго моря, для окончанія на мѣстѣ начатыхъ имъ въ первую заграничную поѣздку нѣкоторыхъ зоологическихъ изслѣдованій; сверхъ того, ему было поручено приобрести для зоологическаго кабинета университета коллекцію земноводныхъ Средиземнаго моря. Ординарному профессору *Ващенко-Захарченко*, на вакаціонное время и 28 дней, для окончательной отдѣлки предпринятаго имъ труда по изданію полной теоріи эллиптическихъ функций; въ послѣдствіи ему была исходатайствована отсрочка до 1-го мая 1871 года. Ординарному профессору *Хрущевскому* и доценту *Скворцову*, съ ученою цѣлю, первому на 5 мѣсяцевъ, а послѣднему — на годъ. Заслуженному ординарному профессору *Каравеву* и экстраординарнымъ *Шклярскому* и *Иванову*, съ ученою цѣлю, на вакаціонное время и 28 дней, при чемъ г. Шклярскому поручено было приобрести нѣкоторые инструменты, необходимые для преподаванія медицинской физики. Доценту *Гейбелю*, на одинъ годъ, для усовершенствованія себя въ физиологическихъ и фармакологическихъ лабораторіяхъ. Приватъ-доценту *Драгоманову*, на два года, для дальнѣйшаго усовершенствованія по предмету всеобщей исторіи. Исправляющему должность профессора *Дювернуа*, на вакаціонное время и 28 дней, для усовершенствованія въ практическомъ преподаваніи анатоміи. Ординарнымъ профессорамъ *Авенариусу* и *Александрову* и экстраординарному профессору *Вену* въ С.-Петербургѣ, на всероссійскую мануфактурную выставку. Экстраординарному профессору *Иконникову*, завѣдывающему университетскимъ минцъ-кабинетомъ, была исходатайствована командировка два раза: въ первый разъ въ Одессу, на двѣ недѣли, для ближайшаго ознакомленія по указаніямъ членовъ существующаго въ Одессѣ археологическаго общества съ полученными въ университетѣ св. Владимира нѣсколькимикладами монетъ, найденныхъ на югѣ Россіи, а второй разъ въ С.-Пе-

тербургъ, на два мѣсяца, для собранія матеріала, и ближайшаго отношеніе къ докторской диссертациі г. Иконникова. Лаборанту *Бобринскому*, съ апрѣля по 15-е августа, къ берегамъ Чернаго моря, для составленія коллекціи моллюсковъ и гидрожедузъ для зоологическаго кабинета университета. — Въ 1870 году не было случаевъ, требовавшихъ разсмотрѣнія университетскаго суда.

За симъ извлечемъ изъ отчета университета св. Владимира нѣсколько слѣдующія свѣдѣнія о студентахъ и постороннихъ слушателяхъ. Къ 1-му января 1870 года состояло студентовъ на лицо 656, а къ 1-му января 1871 года ихъ было 784. Въ теченіе 1870 года поступило: изъ гимназій по аттестатамъ — 141, изъ гимназій по свидѣтельствамъ — 20, изъ духовныхъ семинарій — 26; бывшихъ студентовъ университета св. Владимира 89, студентовъ другихъ университетовъ 38, студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи 39, студентовъ лицея князя Безбородко 36, изъ духовныхъ академій 3; въ теченіе 1870 года выбыло: до окончанія курса 146, по окончаніи курса 88. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1870 года 51, къ 1-му января 1871 года 68. На факультетахъ студенты распределялись слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ 92, въ физико-математическомъ 113, въ юридическомъ 293, въ медицинскомъ 287, всего 784. Стипендіи получали: въ первое полугодіе 72, во второе полугодіе 65 студентовъ; пособиями пользовались: въ первое полугодіе 136, во второе 165; освобождено отъ платы за ученіе въ первое полугодіе 97, во второе 108. Поступило за слушаніе лекцій: отъ студентовъ — 15.572 руб., отъ постороннихъ слушателей — 2.030 руб. 50 коп. Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ слѣдующемъ состояніи. Въ библиотекѣ состоятъ на лицо: книгъ русскихъ 6.950 названій въ 10.798 томахъ, иностранныхъ 65.668 названій въ 111.617 томахъ; періодическихъ изданій: русскихъ 174 названія, иностранныхъ 336 названій; рукописей 643; плановъ, гравюръ и пр. 152 названія; въ студентской библиотекѣ: книгъ русскихъ 2.754 названія въ 4.529 томахъ, иностранныхъ 2.968 названія въ 6.761 томѣ; періодическихъ изданій: русскихъ 46 названій, иностранныхъ 23. Въ астрономическомъ кабинетѣ 50 номеровъ инструментовъ и снарядовъ (противъ 1869 года менѣе на 22 снаряда, которые проданы за негодностью). Въ кабинетѣ практической механики 154 номера инструментовъ, моделей и пособій для преподаванія начертательной геометріи. Въ физическомъ кабинетѣ 618 инструментовъ и снарядовъ; въ химической лабораторіи инструментовъ, аппаратовъ,

пещели и пр. 3.968, разной посуды 9.492 и препаратовъ 2.107. Въ минералогическомъ кабинетѣ: минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей 22.513 номеровъ, инструментовъ и приборовъ 68 номеровъ; въ метеорологической обсерваторіи 9 снарядовъ и инструментовъ. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений 2.300 видовъ въ 8.500 экземплярахъ; грунтовыхъ деревьевъ и кустарниковъ 780 видовъ и разновидей, грунтовыхъ травъ 3.600 видовъ и разновидей. Въ ботаническомъ кабинетѣ 293 названія книгъ въ 597 томахъ. Въ гербаріѣ состоитъ сухихъ растений: въ главной коллекціи 18.703 вида въ 49.436 экземплярахъ; пожертвованныхъ Андрашевичемъ 9.917 видовъ, вступившихъ изъ бывшей Виленской medico-хирургической академіи 174 связки, приобретенныхъ по смерти ученаго аптекаря Сечета 85 пачекъ, пожертвованныхъ г. Лундомъ 32 пачки, пожертвованныхъ г. Ельскимъ 1.000 экземпляровъ, коллекція бывшего профессора Роговича изъ 7.500 экземпляровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ 3.831 номеръ, содержащій въ себѣ 40.392 предмета; въ лабораторіи при зоологическомъ кабинетѣ 228 инструментовъ и аппаратовъ. Въ технической лабораторіи: моделей, приборовъ, инструментовъ и препаратовъ 1.452 номера. Въ зоотомическомъ кабинетѣ 40 номеровъ инструментовъ и аппаратовъ съ 95 предметами и 20 диаграммъ. Въ физической лабораторіи 326 аппаратовъ и инструментовъ. Въ 1870 году въ анатомическій театръ поступили 121 трунъ, студентовъ занималось въ немъ 239, въ томъ числѣ 3-го курса 48 человекъ, 2-го — 84 и 1-го — 107. Въ агрономическомъ кабинетѣ состояло 780 номеровъ, заключающихъ въ себѣ до 1.000 предметовъ. Въ музейъ патологической анатоміи 1.480 патологико-анатомическихъ препаратовъ, въ лабораторіи патологической анатоміи 61 номеръ микроскоповъ и снарядовъ, рабочихъ инструментовъ и разной посуды 65. Въ фармакологической лабораторіи и кабинетѣ аппаратовъ и инструментовъ 253. Въ фармацевтической лабораторіи 796 номеровъ. Въ кабинетѣ при хирургической факультетской клиникѣ состояло 577 инструментовъ, аппаратовъ и машинъ 111. Въ кабинетѣ при акушерской факультетской клиникѣ 1.274 номера аппаратовъ и инструментовъ. Въ кабинетѣ судебной медицины было 114 номеровъ; судебно-медицинскихъ вскрытій сдѣлано 56; при клиническомъ отдѣленіи освидѣтельствовано 215 человекъ, изъ коихъ соматическими болѣзнями были одержимы 166 человекъ, а психическими 49. Въ музейъ древностей и художествъ находилось предметовъ, собственно принадлежащихъ къ искусствамъ и древностямъ, 1.552. Въ собраніи монетъ и медалей

29.550 номеровъ. При терапевтической факультетской клиникѣ 105 снарядовъ и инструментовъ; къ 1-му января 1870 года больныхъ оставалось 25 человекъ. Въ теченіе года вновь поступило 196; изъ нихъ выздоровѣло 107, получили значительное облегченіе 41, умерло 21, выбыло изъ клиники 28; затѣмъ къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 24. За совѣтами обращались 150 человекъ. Въ хирургической госпитальной клиникѣ къ 1-му января 1870 года оставалось больныхъ 16; въ теченіе года вновь поступило 122, изъ нихъ выздоровѣло 92, получило значительное облегченіе и выбыло изъ клиники 17, получило облегченіе, но продолжало леченіе 25 человекъ. Сдѣлано операций 79, въ томъ числѣ съ полнымъ успѣхомъ 72, съ значительнымъ облегченіемъ 4 и окончившихся смертію 3. Приходило за совѣтами 798 человекъ, имъ сдѣлано операций 176. Въ акушерской факультетской клиникѣ къ 1-му января 1871 года было 60 случаевъ родовъ. Между родившимися смертности не было. Изъ родильницъ выздоровѣло 56, умерло 4. Операций надъ роженицами произведено 21. Кромѣ студентовъ, въ акушерской клиникѣ обучались 100 ученицъ повивальному искусству. Больныхъ за совѣтами приходило 108. При терапевтической госпитальной клиникѣ къ 1-му января 1870 года состояло больныхъ 47; въ теченіе года поступило 466; изъ нихъ выздоровѣло 586, умерло 52; затѣмъ къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 58 человекъ. Въ хирургической госпитальной клиникѣ къ 1-му января 1870 года оставалось больныхъ 47; въ теченіе года поступило 419; изъ нихъ совершенно выздоровѣло 270, получило значительное облегченіе 73, умерло 15. Затѣмъ къ 1-му января оставалось больныхъ 61 человекъ. Операций произведено 30. Въ лабораторіи при кафедрѣ общей патологіи аппаратовъ, инструментовъ и посуды было 79 номеровъ. При дерматологической клиникѣ университета св. Владиміра, учрежденной въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, состояло разныхъ аппаратовъ и инструментовъ 32; пользовалось въ ней 367 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло 246, умерло 16, переведено въ другія отдѣленія госпиталя 88, осталось впредь до выздоровленія 17. Въ лабораторіи медицинской химіи было инструментовъ, аппаратовъ и пр. 243 штуки, разныхъ мелкихъ вещей 3.035 штукъ. Въ лабораторіи при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи было микроскоповъ 13, разныхъ аппаратовъ и мебели 120 штукъ, посуды и мелкихъ вещей 1.550. Въ глазной факультетской клиникѣ къ 1-му января 1871 года состояло больныхъ 59, изъ нихъ выздоровѣло 32, получило облегченіе 16; приходившихъ за совѣтами было

650. Въ кабинетѣ при хирургической госпитальной клиникѣ было инструментовъ 242, снарядовъ 49 и препаратовъ 189.

— Комиссія, назначенная совѣтомъ С.-Петербургскаго университета для обсужденія предложеннаго г. ректоромъ вопроса о назначеніи премій за сочиненія, приуроченныя къ потребностямъ учителей народныхъ школъ (о чемъ мы сообщили нашимъ читателямъ въ Современной Литовисе февральской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, стр. 207), представила совѣту слѣдующія соображенія. Было бы вполне сообразно съ современными потребностями русскаго народа и съ достоинствомъ университета приступить къ изданію по мѣрѣ возможности сочиненій полезныхъ и необходимыхъ для народныхъ учителей. На первый разъ можно ограничиться изданіемъ книгъ по тремъ отраслямъ въ такомъ порядкѣ: 1) по общему естествознанію; 2) по русской географіи и 3) по русской исторіи. Чтобы призвать въ участію въ этомъ дѣлѣ людей просвѣщенныхъ и талантливыхъ, соединяющихъ научное знаніе предмета съ знаніемъ народа и его потребностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность наиболѣе вѣрнаго выбора, было бы полезно открыть конкурсъ. На конкурсѣ должны быть допускаемы какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія. При объявленіи о конкурсѣ должна быть приложена и краткая программа, обозначающая въ общихъ чертахъ требованія отъ сочиненій, представляемыхъ на конкурсъ. Срокъ конкурса, по крайней мѣрѣ для сочиненія по общему естествовѣдѣнію, двухгодичный. Для разсмотрѣнія сочиненій должна быть учреждена комиссія изъ преподавателей университета. Вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ сочиненій, представляемыхъ на конкурсъ, комиссія эта обязана слѣдить за книгами, выходящими въ области наукъ, по которымъ объявленъ конкурсъ, и соответствующими условіямъ программы. О подобныхъ книгахъ комиссія дѣлаетъ заявленія и можетъ присуждать имъ преміи, хотя бы авторы ихъ и не представили сами своихъ сочиненій на конкурсъ. О разсмотрѣнныхъ книгахъ комиссія входитъ съ представленіями въ совѣтъ университета, съ разрѣшенія котораго печатаются одобренныя сочиненія, и выдаются преміи. Поэтому профессора и преподаватели университета не могутъ участвовать въ конкурсѣ. За сочиненіе, удовлетворяющее требованіямъ конкурса, назначается премія въ 1.000 руб., и сверхъ того, если сочиненіе представлено въ рукописи, то оно печатается на счетъ университета въ числѣ 3.000 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы экземпляры, предоставляемые въ пользу автора, продавались имъ не выше цѣны, назначаемой университетомъ. Цѣна должна быть самая умѣренная,

чтобы назначаемыя для народныхъ учителей и школьницы могли расходиться въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ. По обсужденіи сихъ соображеній, совѣтъ университета опредѣлялъ: имѣя въ виду, что при нынѣшнемъ состояніи специальныхъ средствъ университета встрѣчается затрудненіе въ удовлетвореніи всѣхъ необходимыхъ факультетскихъ расходовъ и потому не представляется возможности отдѣлить 1.000 руб. на преміи и свыше 1.000 руб. на печатаніе сочиненій изъ означеннаго источника, не давать въ настоящее время дальнѣйшаго хода этому дѣлу. (*Журн. сов. С.-Петербургскаго ун-та.*, № 2).

— Во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и Америки дѣлаются приготовленія къ наблюденіямъ прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца, — явленіе, которое произойдетъ ^{26-го ноября} ~~8-го декабря~~ 1874 года. Оно будетъ видимо съ многихъ мѣстъ на земной поверхности, и между прочимъ, съ разныхъ точекъ, лежащихъ въ Европейской Россіи, частію же въ Сибири и Примурскомъ краѣ. Русскимъ ученымъ предстоитъ поэтому не упустить безъ вниманія одну изъ рѣдкихъ и важныхъ явленій, которое можетъ привести къ повѣржѣ нашихъ свѣдѣній о разстояніи солнца отъ земли. Академія Наукъ составила особую комиссію, на которую возложена обязанность изслѣдовать, каковымъ образомъ должны производиться наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры, и озаботиться заблаговременно заказомъ такихъ инструментовъ, которые при нынѣшнемъ состояніи науки могутъ быть употреблены съ наибольшею пользою при наблюденіяхъ этого явленія. Членъ этой комиссіи и директоръ Пулковской обсерваторіи обращался во всѣ русскіе университеты съ вопросомъ о томъ участіи, которое предполагаютъ они принять въ наблюденіи помянутаго явленія, и отъ некоторыхъ университетовъ получены уже отвѣты съ изъявленіемъ готовности принять участіе въ дѣлѣ, занимающемъ теперь всѣхъ астрономовъ. Физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, не желая обременять университетъ новыми денежными пожертвованіями, на основаніи предложенія заслуженнаго профессора *Савича*, ходатайствовалъ предъ совѣтомъ о разрѣшеніи приобрести хорошую зрительную трубу съ принадлежащимъ къ ней приборомъ для производства наблюденій. Инструментъ будетъ стоить 1.500 р., заказъ можетъ быть сдѣланъ чрезъ директора Пулковской обсерваторіи, деньги же могутъ быть уплачены по частямъ, съ употребленіемъ на сей предметъ 500 руб., ассигнуемыхъ ежегодно на астрономическій кабинетъ университета. Этотъ инструментъ останется соб-

ственностью С.-Петербургскаго университета и будетъ возвращенъ послѣ употребленія при наблюденіи прохожденія Венеры. Совѣтъ постановилъ разрѣшить профессору Савичу заказъ этой зрительной трубы чрезъ посредство директора Пулковской обсерваторіи и съ разсрочкой уплаты денегъ изъ штатной суммы астрономическаго кабинета. (*Журн. сов. С.-Петерб. унив.* 1870, № 17).

Г И М Н А З И И.

Извлеченіе изъ отчета учителя Таганрогской гимназіи Шенберга по командировкѣ его за границу для ознакомленія съ преподаваніемъ древнихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. — Распоряженіе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа относительно бывшихъ учениковъ гимназій, являющихся на испытанія изъ полного гимназическаго курса. — О введеніи въ пансіонѣ Оренбургской гимназіи обученія переплетному мастерству. — Учрежденіе Кирилло-Меодіевскаго братства для вспомошествованія бѣднымъ ученикамъ при Нижегородской гимназіи.

По распоряженію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, лѣтомъ прошлаго года былъ командированъ учитель греческаго языка Таганрогской гимназіи, магистръ *Шенбергъ*, за границу для ознакомленія съ преподаваніемъ древнихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Въ № 2 *Циркуляра* означеннаго округа помѣщенъ отчетъ г. Шенберга о результатахъ его командировки, и мы считаемъ не бесполезнымъ сдѣлать изъ него извлеченіе нѣкоторыхъ указаній по предмету преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. Первая часть отчета г. Шенберга посвящена описанію устройства приготовительныхъ классовъ Берлинской Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи, которою завѣдуетъ Ранке. Переходя затѣмъ къ преподаванію классическихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, г. Шенбергъ указываетъ на главное различіе онаго отъ занятій этими языками въ нашихъ гимназіяхъ и на то, что, по его мнѣнію, было бы приемливо къ намъ. Помѣстивъ прежде всего подробную программу латинскаго и греческаго языковъ въ каждомъ классѣ прусскихъ гимназій, г. Шенбергъ замѣчаетъ, что эта *министерская* программа часто нѣсколько измѣняется въ различныхъ гимназіяхъ, преимущественно по отношенію къ читаемымъ авторамъ, а также по отношенію къ грамматикѣ, и что вообще нѣмецкіе учителя, — особенно, если они послѣдовательно преподають въ двухъ или трехъ классахъ, — не придерживаются строго министерской программы, но измѣняютъ ее, разумѣется съ согласія совѣта, по различнымъ обстоятельствамъ. Ужъ изъ одного простаго сопоставленія

нашего семилѣтняго гимназическаго курса съ девятилѣтнимъ заграничнымъ и количества уроковъ по древнимъ языкамъ здѣсь и тамъ, мы должны прійти къ заключенію, говорить г. Шенбергъ, что нашъ VII-й классъ относительно знанія латинскаго языка равняется низшему отдѣленію терціи (III, b), а по греческому — низшему отдѣленію секунды, такъ какъ 34 урока латинскаго языка, распредѣленные у насъ по всѣмъ 7-ми классамъ, въ прусскихъ гимназіяхъ отводятся только на три съ половиною класса; слѣдовательно, чтобы достигнуть такой же твердости знанія по этимъ языкамъ, какъ за границей, намъ пришлось бы читать въ седьмомъ классѣ „Галльскую войну“ Цезаря, „Метаморфозы“ Овидія, а не Ливія и даже Горация; а по гречески — „Анабазисъ“ Ксенофонта и „Одиссею“. Но такой разчетъ былъ бы только тогда вѣренъ, если бы количество учебныхъ дней въ прусскихъ гимназіяхъ равнялась нашему, этого однакожь нѣтъ, потому что въ прусскихъ гимназіяхъ, кромѣ воскресныхъ дней и дня реформаціи, бываетъ только, 10½ недѣль неучебнаго времени, а это даже меньше нашихъ лѣтнихъ каникулъ, если прибавить къ нимъ еще время переводныхъ экзаменовъ. По поводу послѣднихъ, сказавъ нѣсколько словъ не только о бесполезности, но и о вредѣ нашихъ переводныхъ экзаменовъ въ той формѣ, какъ они у насъ производятся, г. Шенбергъ присовокупляетъ, что такихъ экзаменовъ за границей не существуетъ. Тамъ бываютъ разомъ по всѣмъ классамъ публичныя испытанія, на которыя приглашаются родители, родственники и воспитатели учениковъ; но эти испытанія продолжаются не болѣе трехъ дней, и имъ не придается никакого значенія при переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ. Въ помянутый выше разчетъ не входитъ еще отличная подготовка, полученная въ приготовительномъ классѣ вступающимъ въ VI (низшій) классъ заграничнымъ ученикомъ, которому гораздо больше возможности сосредоточиться на одномъ только латинскомъ языкѣ, нежели нашему семиклассному ученику, который, поступаая въ гимназію, часто не имѣетъ понятія о грамматикѣ, а между тѣмъ все-таки долженъ сразу заниматься тремя грамматиками, очень различными одна отъ другой — русскою, нѣмецкою или французскою и латинскою. Но это еще не все. Еще голова нашего второклассника не успѣла совершенно проясниться отъ той путаницы, какую произвели въ ней сначала эти разноязычныя грамматики, какъ вдругъ въ III-мъ классѣ ему даютъ новую очень трудную грамматику — греческую, которая въ прусскихъ гимназіяхъ вводится только въ IV-мъ классѣ (съ 6-ю уроками въ недѣлю), уже послѣ совершеннаго усвоенія ла-

тннской этимологiи, Г. Шенбергъ выражаетъ увѣренность, что и мы достигли бы большихъ успѣховъ по греческому языку, если бы съ шестью уроками въ недѣлю начали его съ IV-го класса, гдѣ уже вѣрнѣе латинскій фундаментъ, и гдѣ новый трудный языкъ не можетъ его возлелеять такъ сильно, какъ въ третьемъ классѣ, въ которомъ многопредметность уже такъ подавляетъ мальчика, что надо удивляться, какъ еще прилежный и способный ученикъ (о посредственномъ нечего и говорить) въ состоянiи успѣвать такъ, какъ онъ дѣйствительно успѣваетъ. Кромѣ этихъ главныхъ причинъ болыней успѣшности въ нѣмецкихъ гимназiяхъ сравнительно съ нашими по древнимъ языкамъ и вообще по развитiю ума, есть еще нѣсколько второстепенныхъ, указываемыхъ г. Шенбергомъ. Особенно важна хорошая группировка всѣхъ другихъ языковъ и исторiи около главнаго предмета — латинскаго языка; такъ что тамъ многопредметность не такъ чувствительна, какъ у насъ, не смотря на то, что она существуетъ тоже въ IV-мъ классѣ. Здѣсь, по распоряженiю министерства, директоры должны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ высшихъ классахъ преподаванiе латинскаго и нѣмецкаго или французскаго языковъ велось однимъ и тѣмъ же учителемъ, который въ одинаковой степени заботится объ усвоенiи учениками этихъ языковъ и на каждомъ урокѣ не упускаетъ ихъ изъ виду. Для латинской и нѣмецкой грамматикъ учителя употребляютъ одну и ту же терминологию — латинскую, что тоже нѣсколько облегчаетъ трудъ учениковъ въ низшихъ классахъ. Въ среднихъ и высшихъ классахъ, вмѣсто сочиненiй, ученики очень часто пишутъ переводы съ латинскаго или греческаго изъ какого-нибудь автора — прозаика или поэта. Въ тѣхъ же классахъ часто также находятся въ рукахъ одного и того же учителя или исторiя и одинъ изъ древнихъ языковъ, или одинъ изъ древнихъ языковъ и нѣмецкiй языкъ. Въ такихъ случаяхъ учителя стараются, сколько это нужно, дополнять на урокахъ, напримѣръ, исторiю необходима для чтенiя классиковъ свѣдѣнiя по латинской и греческой мнeологiямъ и древностямъ; а при чтенiи извѣстнаго классика распространяются, при всякомъ возможномъ случаѣ, накомъ-нибудь историческомъ эпизодѣ, мало извѣстномъ ученикамъ. Что у насъ нѣтъ такого главнаго предмета, вокругъ котораго группировались бы и шли рука объ руку другiе предметы, — это дѣло извѣстное. Отлично также дѣйствуютъ на успѣхи нѣмецкихъ учениковъ по древнимъ языкамъ повторенiя, въ началѣ cadaго вышшаго класса, всего пройденнаго въ предыдущемъ классѣ и вообще частныя повторенiя не только

по окончаніи известной части грамматики или автора, но и постоянное повтореніе предшдущаго урока въ началѣ каждаго послѣдующаго. Такому повторенію дается особенное значеніе, преимущественно въ нижнихъ классахъ — значеніе даже большее, нежели новому уроку; требуется, напимѣрь, чтобы прежній переводъ былъ совершенно складенъ и встрѣчающіяся въ немъ слова точно усвоены; между тѣмъ какъ при новомъ учитель меньше обращаетъ вниманія на ошибки ученика и даже позволяетъ ему заглядывать въ тетрадку съ выписанными имъ наканунѣ словами. И если прочитанное такимъ образомъ ставится совершенно понятнымъ для ученика, то еще разъ по крайней мѣрѣ часть его задается на слѣдующій урокъ для выученія наизусть. Заучиваніе отрывковъ изъ прочитанныхъ авторовъ идетъ съ IV-го черезъ всѣ классы. Въ первое время чтенія автора задается изъ него до пяти строкъ или стиховъ, потомъ мало по малу больше — до двадцати, и наконецъ, въ лѣтнія каникулы — повтореніе всего заученнаго. Такое приобрѣтеніе богатаго матеріала для фразеологіи весьма способствуетъ развитію памяти и вмѣстѣ съ тѣмъ свободному (письменному и устному) изложенію мыслей по латини. Вообще нѣмецкіе педагоги, въ противоположность нѣкоторымъ изъ нашихъ, не боятся притуплять умъ мальчика упражненіемъ въ нижнихъ классахъ преимущественно его памяти, и потому задаютъ выучивать наизусть очень много и словъ, и цѣлыхъ фразъ. Они очень хорошо понимаютъ, что для изученія языковъ необходимо обширный запасъ словъ, и что такой запасъ гораздо легче и охотѣе приобрѣтается въ нижнихъ классахъ, чѣмъ въ высшихъ. За то нѣмецкій гимназистъ, приступая къ чтенію автора, почти вовсе не затрудняется словами и можетъ сосредоточиться на смыслѣ рѣчи и особенностяхъ автора. Такимъ образомъ, нѣмецкій гимназистъ, относясь въ нижнихъ классахъ весело и простоудшно къ механическому заучиванію словъ и фразъ, беретъ, перейдя къ среднимъ и выснимъ классамъ, дѣйствительно съ удовольствіемъ за чтеніе богатой латинской и греческой литературы. Но такъ какъ у насъ часто сами учителя считаютъ бесполезнымъ такое механическое занятіе даже въ самыхъ нижнихъ классахъ, то не удивительно, что ученики этихъ классовъ неохотно заучиваютъ наизусть, и еще менѣе удивительно, что они неохотно при чтеніи авторовъ, дорого платятся за не сдѣланную въ свою пору работу, постоянно затрудняясь словами и самыми простыми оборотами рѣчи и поневолѣ обрекая себя, при большемъ умственномъ развитіи, на скучныя дѣйствительно и кропотливыя занятія, каково

рыть въ лексиконахъ и грамматикахъ. А между тѣмъ ученика низшаго класса всякій твердо усвоенный матеріалъ интересуетъ уже тѣмъ, что онъ владѣеть имъ. Не мало вліянія на успѣхи нѣмецкихъ гимназистовъ имѣютъ изустные и письменные переводы съ нѣмецкаго на древніе языки. На изустный переводъ съ нѣмецкаго обращается въ низшихъ классахъ такое же вниманіе, какъ и на переводъ съ латинскаго или греческаго. Въ среднихъ же и высшихъ классахъ употребляется на это по одному или по два часа въ недѣлю. Письменные переводы бывають въ формѣ эзерцицій или экстемпоралій, и на нихъ удѣляется одинъ часъ въ недѣлю. Нѣмецкими педагогами предпочитаются экстемпоралии и учитель на нихъ болѣе основываетъ сужденіе объ успѣхахъ учениковъ, чѣмъ на эзерциціяхъ, которыя потому задаются рѣже. Латинскія сочиненія на историческія темы замѣняются эзерциціями съ высшаго отдѣленія секунды, или съ низшаго отдѣленія примы. Съ этихъ же классовъ ученики начинаютъ говорить по латини, сперва отвѣчая только на латинскіе вопросы учителя, потомъ разказывая содержаніе задаваемаго урока по автору и наконецъ, — что впрочемъ рѣже, — свободно изъясняясь по латини на задания учителямъ болшею частію историческія темы. Довольно полное знакомство съ латинскою и греческою литературой въ нѣмецкихъ гимназіяхъ еще увеличивается, начиная съ секунды, такъ-называемыми Privatlectüre, то-есть, домашнимъ чтеніемъ классиковъ, помимо чтеній классныхъ. Для этихъ домашнихъ занятій болшею частію задаются статьи изъ тѣхъ же самыхъ авторовъ, которые читаются и въ классѣ, а изъ не читаемыхъ въ классѣ — только не очень трудные писатели. Для провѣрки прочитаннаго учениками обыкновенно назначается до трехъ уроковъ въ семестръ. Понятно, присовокупляетъ г. Шенбергъ, что этотъ прекрасный способъ усовершенствованія знаній учениковъ у насъ невозможенъ; по его мнѣнію, мы должны бы замѣнить его, по крайней мѣрѣ, двукратнымъ повтореніемъ въ годъ всего пройденнаго. Не малое также вліяніе на успѣхи нѣмецкихъ гимназистовъ по древнимъ языкамъ оказываютъ отличныя школьныя изданія классиковъ съ примѣчаніями, превосходныя грамматики и очень удобно составленныя книги переводовъ съ нѣмецкаго языка на одинъ изъ древнихъ. Литература этихъ книгъ, составленныхъ съ педагогическимъ тактомъ, и теперь уже огромная, растетъ съ каждымъ годомъ и много облегчаетъ занятіе учителей и учениковъ, между тѣмъ какъ у насъ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало самостоятельнаго, а переводы и передѣлки съ нѣмецкаго и рѣдки, и по боль-

ней части не удачны. Наконецъ, не малую причину успѣховъ нѣмецкихъ гимназистовъ г. Шенбергъ считаетъ отличную классную дисциплину. Конечно, поддержаніе классной дисциплины зависитъ болѣею частію отъ личности учителя, и г. Шенбергу не вездѣ случалось видѣть, чтобъ ученики сидѣли хорошо и слушали внимательно; но, по отзыву его, вообще благоправіе нѣмецкихъ гимназистовъ сравнительно съ нашими замѣчательно. Это происходитъ, вомервыхъ, оттого, что нѣмецкая семья болѣе приучаетъ дѣтей съ самыхъ малыхъ лѣтъ къ порядку и болѣе заботится объ успѣхахъ и поведеніи своего дитяти въ школѣ; во вторыхъ, отъ старательнаго приученія къ благоправію въ приготовительной школѣ, и въ третьихъ, отъ болѣе строгихъ и болѣе удобныхъ мѣръ классной дисциплины, нежели у насъ.

— Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа замѣчаетъ, что ученики, вышедшіе изъ гимназій, не окончивъ полнаго гимназическаго курса, допускаются держать окончательный экзамень годомъ, иногда и двумя, раньше своихъ товарищей. Призывая такое сокращеніе гимназическаго курса весьма вреднымъ для правильнаго хода обученія, г. попечитель предложилъ директорамъ гимназій строго наблюдать, чтобъ ученики, оставившіе гимназію съ намѣреніемъ довершить дома свое образованіе, или уволенные вслѣдствіе другой причины, допускались къ окончательному экзамену не раньше, какъ въ концѣ того учебнаго года, въ которомъ они, при нормальномъ ходѣ ихъ обученія въ гимназій, могли бы окончить курсъ VII-го класса. А дабы гимназіямъ дать возможность исполнять это требованіе, г. попечитель призналъ нужнымъ имена и фамиліи учениковъ, выбывающихъ изъ V-го и VI-го классовъ гимназій, печатать въ издаваемомъ при управленіи Одесскаго учебнаго округа *Циркуляръ* (*Цирк. Одесск. учеб. округа № 2*).

— Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, вслѣдствіе представленія директора училищъ Оренбургской губерніи, разрѣшилъ ввести въ пансіонѣ Оренбургской губерніи обученіе пансіонеровъ перешлетному мастерству, въ свободное отъ классныхъ занятій время (*Цирк. Казанскаго учебнаго округа № 2*).

— Попечитель Казанскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что 14-го марта въ Нижнемъ Новгородѣ, при церкви Покрова пресвятыя Богородицы, открыто братство, съ цѣлію содѣйствовать религіозно-нравственному воспитанію бѣдныхъ учениковъ губернской гимназій, согласно нижесложенному уставу братства. Число лицъ, изъявившихъ желаніе быть членами братства, въ день открытія его оказалось 286 человекъ и

благодѣлителей 17; суммы внесено братчикамъ 1.650 руб., благодѣлителями 50 руб. и кромѣ того 100 руб. пожертвованы Нижегородскимъ епископомъ Филаретомъ для образованія неприкосновеннаго капитала.

Уставъ братства, утвержденный мѣстнымъ преосвященнымъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Мѣсто учрежденія, названіе и цѣль братства.

§ 1. Братство святыхъ и равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія учреждается при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ¹⁾. Оно принимаетъ имя святыхъ и равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, первыхъ славянскихъ просвѣтителей.

§ 2. Цѣлю братства святыхъ Кирилла и Меѳодія будетъ содѣйствіе религиозно-нравственному воспитанію бѣдныхъ учениковъ Нижегородской губернской гимназіи чрезъ помѣщеніе не имѣющихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ родителей и сиротъ въ благонадежныхъ семействахъ, чрезъ устройство для нихъ общихъ ученическихъ квартиръ; взносомъ установленной платы за ученіе, выдачею книгъ и другихъ принадлежностей, для ученія необходимыхъ, а равно и медицинскихъ пособій.

Примѣчаніе. При усиленіи средствъ и развитіи дѣятельности братства, цѣль эта въ послѣдствіи можетъ быть распространена на бѣдныхъ учениковъ и другихъ учебныхъ заведеній въ Нижнемъ-Новгородѣ.

II. Составъ братства.

§ 3. Въ составъ братства могутъ вступать лица обоюдого пола всякаго званія и возраста.

§ 4. Желающіе вступить въ братство заявляютъ о своемъ желаніи совѣту братства или лично, или чрезъ кого-либо изъ членовъ братства.

§ 5. Вступившіе въ братство и принявшіе на себя обязательство ежегодно вносить въ пользу общаго дѣла его *не мене пяти рублей* считаются *братчиками*; жертвующіе же одновременно деньгами или вещами, по мѣрѣ средствъ и усердія, считаются *благодѣлителями*. Лицо, сдѣлавшее въ пользу братства единовременное денежное пожертвованіе въ значительномъ размѣрѣ, получаетъ, по постановленію общаго собранія братства, наименованіе *почетнаго братчика*. По постановленію общаго собранія братства, могутъ быть также признаны братчиками лица, которыя хотя и не дѣлаютъ въ кассу братства ежегоднаго денежнаго вклада, но своими дѣйствіями приносятъ дѣлу братства существенную пользу.

§ 6. Братчики имѣютъ право голоса въ собраніяхъ братства, право выбирать членовъ совѣта и быть выбранными; благодѣлители же хотя и могутъ присутствовать въ собраніяхъ съ правомъ голоса совѣщательнаго, но въ рѣшеніи дѣлъ въ оныхъ не участвуютъ.

¹⁾ Одной изъ древнѣйшихъ церквей сего города. Въ Вивліюикѣ преосвященнаго Амвросія упоминается о ней, какъ уже о существовавшей въ 1621 году.

§ 7. Членъ братства перестаетъ носить это званіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и оставляетъ свои обязанности въ отношеніи его, когда прекратитъ обязательный взносъ въ пользу дѣла братства.

§ 8. Братство состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ преосвященнаго архипастыря Нижегородскаго и г. начальника губерніи.

§ 9. Братство, по отношенію къ средствамъ своимъ и вообще по управленію дѣлами своими, дѣйствуетъ самостоятельно.

§ 10. Направленіе дѣйствій братства опредѣляется общимъ собраніемъ братчиковъ, а исполненіе и всё вообще по онымъ распоряженіямъ предоставляются совѣту братства, въ помощь которому могутъ быть избираемы изъ среды братчиковъ лица, желающія принять на себя обязанности, напимѣръ, по сбору денегъ въ пользу дѣла братства, по изысканію средствъ къ облегченію нуждъ учениковъ, по указанію имъ, въ случаѣ болѣзни, помощи и ухода за ними подъ руководствомъ доктора и тому подобныя обязанности, истекающія изъ общей цѣли братства и согласныя съ его уставомъ.

III. Общее собраніе братчиковъ и совѣтъ братства.

§ 11. Общее собраніе всѣхъ членовъ братства бываетъ одинъ разъ — 14-го февраля, въ день священныя памяти св. Кирилла и Меодія, подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго преосвященнаго или его викарія, а за отсутствіемъ обоихъ преосвященныхъ — начальника губерніи. Въ этомъ собраніи выслушивается отчетъ о дѣятельности братства въ минувшемъ году, избираются члены совѣта и обсуждаются общія мѣры и предложенія по дѣламъ братства. Въ случаѣ надобности, общее собраніе можетъ быть созываемо и чаще, по приглашенію предсѣдательствующаго.

§ 12. Совѣтъ братства состоитъ изъ *девятнадцати* членовъ, изъ коихъ шесть членовъ выборные и три непремѣнные; непремѣнные члены: директоръ, инспекторъ и врачъ гимназіи. — Первый членъ совѣта называется *предсѣдателемъ совѣта*, второй — *товарищемъ предсѣдателя*, третій — *казначеемъ*, четвертый — *секретаремъ*, а остальные всѣ — просто „членами“.

§ 13. Предсѣдателя и выборныхъ членовъ совѣта избираетъ общее число братчиковъ изъ среды своей; а члены совѣта, выборные и непремѣнные, изъ своей среды избираютъ товарища предсѣдателя, казначея, секретаря и кандидатовъ къ двумъ послѣднимъ лицамъ. На всѣ означенныя должности лица избираются на три года и ежегодно два члена изъ выборныхъ выбываютъ поочередно, по жребію. Лицо, выбывшее по жребію, можетъ быть снова избрано на слѣдующее трехлѣтіе.

§ 14. Права и обязанности *предсѣдателя* суть тѣ же самыя, какія вообще бывають въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ.

§ 15. Товарищъ предсѣдателя, кромѣ обязанности замѣщать предсѣдателя во время его отсутствія, имѣетъ особою своею обязанностію завѣдывать всѣмъ, относящимся къ устройству общихъ ученическихъ квартиръ, содержащихся на счетъ братства.

§ 16. Казначей завѣдываетъ денежною частію братства: ведетъ приходо-расходныя книги, получаетъ взносы съ членовъ братства и жертвованія отъ благотворителей, ведетъ всѣ необходимыя по дѣламъ братства выдачи и рас-

ходы денег съ разрѣшенія совѣта, которому и дается отчетъ ежемѣсячный, а для общаго собранія братчиковъ составлять годовой отчетъ по своей части.

§ 17. Секретарь совѣта братства ведетъ журналъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, докладываетъ совѣту содержаніе первыя, и согласно рѣшенію совѣта, составляетъ отвѣтныя бумаги, исходящія изъ совѣта, и составляетъ къ общему собранію братчиковъ годовой отчетъ о дѣятельности совѣта.

Примѣчаніе. Для переписки бумагъ какъ по канцелярской, такъ и по казначейской части дозволяется совѣту нѣтъ писца по найму.

§ 18. Совѣта долженъ имѣть засѣданія одинъ разъ въ мѣсяцъ, а въ случаѣ надобности и чаще, въ дни, назначаемыя по усмотрѣнію предсѣдателя. Засѣданія совѣта происходятъ въ зданіи гимназіи. Членамъ братства, не принадлежащимъ къ составу совѣта, могутъ быть въ засѣданіяхъ его безъ права голоса. Въ засѣданіе совѣта приглашаются для совѣщанія братчины, несущія на себѣ въ кругѣ дѣятельности братства особныя обязанности, о коихъ было сказано выше (§ 10).

§ 19. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Однако рѣшенія совѣта получаютъ силу только тогда, когда въ нихъ участвовало не менѣе четырехъ членовъ.

§ 20. Совѣтъ имѣть свою печать, съ изображеніемъ св. Кирилла и Меодія и съ надписью: „Нижегородское братство св. Кирилла и Меодія“.

§ 21. Совѣтъ даетъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ суммахъ только общему собранію братчиковъ и отъ него получаетъ инструкціи. Отчетъ совѣта печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

IV. Средства братства.

§ 22. Средства братства образуются: а) изъ ежегодныхъ взносовъ братчинами, б) изъ единовременныхъ жертвованій благоутверителями, присылаемыхъ на имя совѣта или вручаемыхъ членамъ братства, которые для этой цѣли, по своему желанію, получаютъ отъ совѣта книжки за подписью предсѣдателя и секретаря, и в) изъ платы учениковъ — кто изъ нихъ можетъ — за помѣщеніе на общей ученической квартирѣ.

§ 23. Ежегодные взносы производятся въ первый мѣсяцъ каждаго новаго года; братчинами же получаемыя приношенія представляются въ совѣтъ по мѣрѣ поступленія, или въ концѣ года.

§ 24. Суммы братства, потребныя на текущіе расходы, хранятся на рукахъ казначея; въ случаѣ же наемленія ихъ въ значительномъ количествѣ, онѣ, по рѣшенію совѣта, казначеимъ вносятся въ одинъ изъ Нижегородскихъ банковъ, откуда и берутся также — по опредѣленію совѣта. Совѣтъ братства повѣряетъ суммы и приходо-расходныя книги и объ оказавшемся составляетъ актъ.

§ 25. Остатки суммъ обращаются въ запасный капиталъ, на случай открытія надержекъ въ послѣдующіе года.

§ 26. Статьи прихода и расхода вносятся въ книги своевременно и скрѣпляются подписью казначея и секретаря. Приходо-расходныя книги братства

должны быть прошнурованы, скрѣплены по листамъ и въ концѣ книги утверждены подписью предсѣдателя и вѣчаго братства.

§ 27. По истеченіи каждаго братскаго года, общее собраніе, чрезъ избранныхъ изъ среды своей братчимоѣ, производитъ ревизію денежныхъ отчетовъ за истекшій годъ и повѣрку цѣлости братскаго имущества по описи. Актъ ревизіи отчетовъ и братскаго имущества кубаникуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ при отчетѣ о дѣятельности братства въ минувшемъ году.

V. Общія ученическія квартиры, содержимыя братствомъ.

§ 28. Число учениковъ, помѣщаемыхъ на одну общую квартиру, содержащую братствомъ, не должно быть на первое время болѣе 10-и человекъ.

§ 29. На квартиру, содержащую братствомъ, принимаются ученики гимназій: а) сироты и дѣти родителей, не живущихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, б) отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ и г) по возможности — одного возраста.

§ 30. Ученики помѣщаются на общую квартиру или бесплатно, или со взносомъ половинны той суммы, какая отпускается братствомъ на каждаго бесплатнаго ученика, или, наконецъ, со взносомъ въ полномъ количествѣ этой суммы, если родители, не живущіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, имѣютъ на то достаточныя средства.

§ 21. На каждаго ученика, бесплатно помѣщаемаго братствомъ на общую квартиру, отпускается приблизительно 10 руб. въ мѣсяцъ. На эти деньги должны быть оплачиваемы: наемъ квартиры, освѣщеніе, столъ, чай, прислуга, мытье бѣлья и вообще все необходимое для домашней жизни ученика, кромя платья и учебныхъ пособій.

§ 32. Непосредственное управление общею квартирой, какъ въ личномъ составѣ живущихъ въ ней учениковъ, такъ и въ дѣлѣ хозяйства, ввѣряется лицу, избираемому совѣтомъ братства. Лицо это, если оно не собственникъ квартиры, нанимаемой братствомъ, получаетъ помѣщеніе при ученической квартирѣ бесплатно, равно какъ и содержаніе вмѣстѣ съ учениками также отъ братства. Совѣтъ братства выдаетъ ему сумму, назначенную на содержаніе учениковъ, помѣсячно или по третямъ года, и въ израсходованіи получаетъ отъ него отчетъ.

§ 33. Для учениковъ младшаго возраста, помѣщаемыхъ на общей квартирѣ, избирается репетиторъ — одинъ изъ учениковъ старшихъ классовъ гимназій, который за свой трудъ пользуется помѣщеніемъ и содержаніемъ на общей квартирѣ безплатными.

§ 34. Члены братства посѣщаютъ общія ученическія квартиры и свои наблюденія по части воспитанія и хозяйства въ нихъ сообщаютъ совѣту братства или кому-либо изъ членовъ совѣта.

VI. Помѣщеніе учениковъ въ семейства.

§ 35. Кромя устройства и содержанія общихъ ученическихъ квартиръ, братство принимаетъ на свою заботу помѣщеніе бѣдныхъ учениковъ губернской гимназій, въ тѣхъ же цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія ихъ, въ семейства лицъ, извѣстныхъ совѣту братства благонадежностію своихъ

правила и жизни. Лицо, принявшее на такихъ основаніяхъ ученика гимназіи, получаетъ за содержаніе его опредѣляемую совѣтомъ братства сумму (не свыше однако отпускаемой на ученика въ общей квартирѣ, содержимой братствомъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя обязанности и ответственность за своего питомца предъ братствомъ.

VII. Взносъ установленной платы за ученіе, выдача книгъ и другихъ учебныхъ пособій, снабженіе обувью, платьемъ и другими принадлежностями, для ученика необходимыми.

§ 36. Количество расходовъ на означенныя статьи изъ средствъ братства предоставляется на усмотрѣніе совѣта братства, который въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ, соображаясь съ потребностями на удовлетвореніе первыхъ двухъ статей расхода — на общія ученическія квартиры и на плату за содержаніе учениковъ, помѣщаемыхъ въ семействахъ.

VIII. Включеніе.

§ 37. Братство оставляетъ за собою право просить тѣмъ же порядкомъ, какому подлежитъ утвержденіе сего устава, объ измѣненіи или дополненіи §§ устава, если таковыя измѣненія или дополненія потребуются въ послѣдствіи, по указаніямъ опыта и для пользы братскаго дѣла.

IX. Праздникъ братства.

§ 38. Ежегодно 14-е февраля — день священныя памяти святыхъ и равноапостольныхъ Кирилла и Меодія — будетъ считаться праздникомъ братства; въ этотъ день, назначаемый также и для общаго собранія братчиковъ, въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, предъ образомъ святыхъ Кирилла и Меодія, уже сооруженнымъ братчиками ¹⁾, должно быть совершаемо торжественное молебствіе, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ членовъ братства и учениковъ губернской гимназіи.

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

Расходы гор. Самары на содержаніе училищъ, преимущественно женскихъ. — Срѣтенскія женскія двухклассное училище и воскресная школа въ Саратовѣ. — Серафимская женская школа въ сл. Алферовкѣ, Воронежской губерніи. — Мосальское женское училище, Калужской губерніи. — Монастырскія женскія училища въ Курской губерніи. — Училище Кирилло-Меодіевскаго братства въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи. — Городищенское, Волынской, и Золотовошское, Полтавской губерніи, монастырскія училища. — Начальное женское училище въ с. Грунѣ, Зеньковскаго уѣзда. — Постановленіе Борзенскаго, Черниговской губерніи, уѣзднаго земскаго собранія. — Женскія смѣны въ Несвижѣ, Минской, и Велижѣ, Витебской губерніи. — Частная женская прогимназія въ Керчи, Таврической губерніи. — Предпо-

¹⁾ Образъ святыхъ и равноапостольныхъ Кирилла и Меодія пожертвованъ въ братство Н. В. Карамановъ и М. Д. Уагитъ.

женіе объ открытіи въ Ейскѣ, Кубанской области, женской гимназіи. — Женское двухклассное училище въ мѣстѣ Клишкювахъ, Бессарабской области. — Владикавказское, Терской области, Ольгинское женское училище. — Женское училище въ гор. Ахалцихѣ, Бутанской губерніи. — Безплатная женская школа въ Пятигорскѣ, Ставропольской губерніи. — Школа Ревельскаго благотворительнаго общества.

Въ Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 21) помѣщена вѣдомость о расходахъ гор. Самары на содержаніе училищъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Изъ этой вѣдомости видно, что въ продолженіи 20-и лѣтъ, протекшихъ со времени возведенія Самары на степень губернскаго города, на дѣло народнаго образованія было издержано городскою и общественною кассами 72.930 руб. 45 коп., изъ коихъ на первое десятилѣтіе (1851—1860) относится 10.332 р. 86 к., а на второе (1860—1870)—62.597 руб. 59 коп.; слѣдовательно, расходы послѣдняго десятилѣтія превышаютъ слишкомъ въ 6 разъ расходы предшествовавшаго ему такого же періода времени. Главною причиною быстро въ послѣднее десятилѣтіе возвышенія расходовъ города на народное образованіе служило учрежденіе въ немъ съ 1869 г. женскихъ учебныхъ заведеній. Въ первое десятилѣтіе расходъ на женское образованіе въ первый разъ встрѣчается подъ 1860 годомъ; въ суммѣ расходовъ этого года онъ занимаетъ менѣе 22% и отношеніе его къ расходамъ на мужское образованіе какъ 1:3,5; Совершенно въ другомъ видѣ представляются расходы города на народное образованіе въ десятилѣтіе 1861—1871 г. Издержки по содержанію женскихъ учебныхъ заведеній становятся въ этотъ періодъ времени не только постояннымъ, но и преобладающимъ по суммѣ расходомъ. Изъ 62.597 руб. 59 коп., отпущенныхъ городомъ въ послѣднія 10 лѣтъ на содержаніе училищъ, расходуется на женское образованіе 38.459 р. 16 к., или болѣе 60%. Преобладаніе расходовъ на женское образованіе предъ расходами на мужское выражается въ пропорціи 6:1. Но преобладаніе это будетъ еще замѣтнѣе, если взять среднюю годовую стоимость издержекъ по содержанію учебныхъ заведеній для того и другаго пола. Такъ на мужскія училища въ теченіе 20 лѣтъ издержано 32.216 р., что даетъ ежегоднаго расхода 1.630 р. 80 к., а на женскія въ 11 лѣтъ—40.713 р., или 3.701 р. ежегодно. Изъ суммъ, отпущенныхъ на народное образованіе, содержались слѣдующія заведенія: а) 4 мужскихъ приходскихъ училища; б) 4 женскихъ тоже приходскихъ училища, съ пособіемъ 1-й частной женской школы, и в) женская гимназія или училище 1-го разряда. На содержаніе этого послѣдняго заведенія было отпущено городскою и

общественною кассами, въ продолженіе 11-и лѣтъ, 24.722 руб., что составляетъ болѣе 60% суммы издержекъ на женское образованіе. Достоинно замѣчанія, что расходы на это, относительно высшее, женское учебное заведеніе, городъ производилъ уже въ то время, когда еще не содержалъ на свои средства ни одного начальнаго женскаго училища. Источники, изъ которыхъ извлекались средства на содержаніе училищъ, были слѣдующіе: изъ городскихъ доходовъ было отпущено на народное образованіе за все время 28.071 руб. 16 коп. и изъ суммъ общественныхъ 44.859 руб. 20 коп. Городъ, на счетъ своей кассы, оказывалъ пособіе только двумъ мужскимъ приходскимъ училищамъ и женской гимназіи. Затѣмъ, на счетъ общественныхъ суммъ содержались исключительно всѣ приходскія женскія училища и 2 мужскихъ, и оказывались значительныя пособія женской гимназіи и остальнымъ двумъ мужскимъ приходскимъ училищамъ. Общественный сборъ производился съ купцовъ и съ податныхъ мѣщанскихъ душъ, въ размѣрѣ, ежегодно опредѣляемомъ общественными раскладками; другія сословія, принадлежащія къ обывателямъ гор. Самары, въ сборахъ этихъ не участвовали.

— Въ *Русской Лѣтописи* (№ 30 пр. г.) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о женскомъ Анатолиевскомъ училищѣ, въ Нижне-Тагильскихъ заводахъ, *Пермской* губерніи. Училище это преобразовано въ 1853 г. изъ женскаго Входо-Іерусалимскаго, бывшаго въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства. Это заведеніе—открытое и состоитъ изъ 3-хъ классовъ. Курсъ ученія въ каждомъ классѣ продолжается два года. Предметы преподаванія: законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія, всеобщая и русская географія, ариметика и элементарныя начала геометріи, также немного естествовѣдѣнія; кромѣ того, чистописаніе, рисованіе, чтеніе и разныя рукодѣлія, пригодныя для домашняго обихода. Ученицы Анатолиевскаго училища раздѣляются на штатныхъ и вольнослушающихъ. Въ штатныя ученицы, которыхъ полагается 20, могутъ поступать лишь дочери недостаточныхъ служащихъ и рабочихъ на Нижне-Тагильскихъ заводахъ, въ награду за заслуги родителей. Онѣ получаютъ образованіе въ училищѣ бесплатно, пользуются всѣми учебными пособіями безвозмездно и въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ училищѣ получаютъ отъ заводовладѣльца: верхнюю одежду, платье, бѣлье, обувь; кромѣ того, каждой воспитанницѣ выдается ежемѣсячно на пищу денежное пособіе отъ 2 до 4 р. Дѣвицы, не принятыя въ число штатныхъ по немѣннѣю вакансіи, по-

ступаютъ въ число вольнослушающихъ также бесплатно. Постороннія лица могутъ помѣщать въ училище своихъ дочерей вольнослушающими, съ платою по 12 р. въ годъ. Учебными пособіями всѣ безъ исключенія пользуются бесплатно. Къ концу прошлаго учебнаго года въ училищѣ было 46 ученицъ, распредѣлявшихся по сословіямъ такимъ образомъ: дочерей чиновниковъ 3, духовнаго званія 3, городскихъ сословій 7, сельскаго сословія 33. Содержаніе училища обходится заводовладѣльцу г. Демидову въ 4.486 р.

— Въ *Саратовскомъ* уѣздномъ училищномъ совѣтѣ возникъ вопросъ: подлежитъ ли вѣдѣнію его Саратовское Срѣтенское женское двухклассное училище, во II-мъ классѣ котораго преподаются русская грамматика, исторія и географія — предметы, не входящіе въ программу начальныхъ народныхъ училищъ. Преподаваніе это введено временно, въ видѣ опыта, и II-й классъ названнаго училища считался, на правахъ частнаго учебнаго заведенія, не входящимъ въ составъ народныхъ училищъ. Губернскій училищный совѣтъ, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ этотъ вопросъ, разрѣшилъ его утвердительно, признавъ Срѣтенское училище подлежащимъ вѣдѣнію уѣзднаго совѣта (*Сарат. Губ. Вѣд.* № 54).

Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости (№ 1) извѣщаютъ объ открытіи первой женской воскресной школы при Срѣтенскомъ приходскомъ училищѣ. Школа обязана своимъ учрежденіемъ нѣсколькимъ изъ почетныхъ Саратовскихъ дамъ, а также учителямъ и учительницамъ нѣкоторыхъ изъ городскихъ начальныхъ училищъ, предложившимъ безвозмездно свои услуги для преподаванія. При открытіи школы происходившемъ 15-го ноября минувшаго года, явилось болѣе 50-и ученицъ, изъ коихъ многія были уже взрослыя. Ученіе началось въ тотъ же день. Сочувствіе лицъ, бывшихъ при ея открытіи, выразилось различными пожертвованіями.

— *Воронежскія Губернскія Вѣдомости* (№ 87), сообщая свѣдѣнія объ отличномъ состояніи Серафиминной женской школы, находящейся въ слободѣ Алферовкѣ, Новохоперскаго уѣзда, свидѣтельствуютъ о полномъ сочувствіи и благодарности, съ которыми относятся къ школѣ не только родители учащихся, но и вообще всѣ жители Алферовки. При условіи бесплатнаго обученія, они готовы были бы всѣ отдавать дѣтей своихъ въ школу. Зажиточные изъ родителей, еще до открытія школы, отдавали дѣтей своихъ для обученія чтенію церковно-славянскихъ книгъ такъ-называемымъ „черничкамъ“, которымъ платили за обученіе отъ 6 до 12 р. въ годъ. По малограмот-

ности черничеръ, это обученіе не приносило никакой пользы, потому что не только обучающіяся дѣти, но и сами учительницы ничего изъ прочитаннаго не понимали и объяснить не могли. Замѣчаніе, будто крестьяне считаютъ излишнимъ обучать дѣвочекъ, по отношенію къ названной мѣстности, не оправдывается: никто изъ родителей не препятствуетъ дочерямъ ходить въ школу; напротивъ того, многіе посылаютъ ихъ, и видя успѣхъ, очень довольны и относятся съ полнымъ уваженіемъ къ учительницѣ. Всѣ дѣти ходятъ въ школу и занимаются въ ней съ такою охотой, что даже безъ требованія учительницы, собираются въ школу въ праздничные дни до начала церковной службы, поютъ молитвы хоромъ, а съ началомъ службы идутъ вмѣстѣ съ учительницей въ церковь, становятся на особо отдѣленное для нихъ мѣсто, а выучившія нотному пѣнію и составляющія небольшой, довольно стройный хоръ, поютъ съ учительницей всю церковную службу. Школа дѣйствовала на дѣтей не строгими мѣрами, не наказаніями, а примѣромъ, послѣдовательностью требованій, кроткимъ и справедливымъ обращеніемъ, бесѣдами или чтеніемъ книгъ, которыя давались желающимъ и на домъ. Такъ какъ дѣти оставались съ работою, по собственному желанію, часто и на все послѣобѣденное время, и многія даже ночевали въ школѣ, то легче было наблюдать за ихъ недостатками, предрассудками и суевѣріями и способствовать ихъ уничтоженію. Вліяніе школы обнаружилось, между прочимъ, въ томъ, что всѣ дѣти другъ передъ другомъ стараются о соблюденіи чистоты и опрятности—ни грязныхъ рукъ и лица, ни нечесаныхъ головъ почти никогда не видно. Занятія распределены въ школѣ между двумя лицами: законъ Божій и пѣніе преподаетъ мѣстный священникъ В. А. Смирновъ, а остальные предметы учительница М. Ѳ. Андрющенкова, окончившая курсъ въ Московскомъ епархіальномъ институтѣ и получившая право на званіе домашней учительницы; на ней же лежитъ общее наблюденіе какъ за внѣшнимъ порядкомъ школы, такъ и за умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей. Законоучитель получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, а учительница—квартиру, готовое содержаніе и 20 р. жалованья. Всѣ учебныя пособія дѣти получаютъ отъ школы, какъ-то: бумагу, аспидныя доски, грифели, карандаши и проч. Вообще учебными пособиями школа снабжена въ достаточномъ количествѣ. Въ библиотекѣ имѣется до 170 книжекъ разнаго наименованія.

— Въ гор. Мосальскѣ, *Калужской* губерніи, во время выборовъ на должность директора городского общественнаго банка, происхо-

дившихъ въ декабрѣ прошлаго года, былъ обсуждаемъ вопросъ объ увеличеніи средствъ мѣстнаго женскаго училища. По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 40), избиратели единогласно рѣшили отчислять изъ общихъ прибылей и выдавать въ пособіе этому заведенію по 300 руб. ежегодно. Мосальское женское училище, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вполне оправдало свое назначеніе. Покойный И. С. Мамонтовъ завѣщалъ мѣстному банку 10 тыс. руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала воспитывалось нѣсколько дѣвочекъ, дѣтей бѣдныхъ родителей. Такое капитальное пожертвованіе г. Мамонтова, дающее возможность отчислять изъ его прибылей, на предметъ женскаго образованія, сумму гораздо большую ассигнованной избирателями, внушаютъ Мосальцамъ мысль преобразовать женское училище въ прогимназію.

— Въ *Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 5) находимъ нижеслѣдующія данныя о женскихъ училищахъ, учрежденныхъ при женскихъ монастыряхъ Курской епархіи, заимствованныя изъ отчетовъ этихъ училищъ. Такія училища открыты при всѣхъ трехъ женскихъ монастыряхъ Курской епархіи: при Курскомъ въ февралѣ 1869 года, при Бѣлгородскомъ въ декабрѣ того же года, и при Борисовской Тихвинской дѣвичьей пустыни въ іюлѣ 1870 г. Внутренняя организація всѣхъ этихъ училищъ, по словамъ отчета, сообразована съ современными педагогическими требованіями. Число учительницъ и надзирательницъ значительно; при обученіи и спрашиваніи употребляется способъ наглядный и изустный; учительницы заботятся не о томъ только, чтобы ученицы твердо прочли заданный урокъ, но и чтобы вполне понимали его содержаніе. Классныхъ часовъ, сравнительно съ другими начальными школами, полагается немного (утромъ отъ 9-и до 12-и часовъ для предметнаго обученія, и послѣ обѣда отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ для руководѣній). Строгихъ взысканій и наказаній не бываетъ; все ограничивается одними только выговорами, и дѣти съ любовью и довѣріемъ относятся къ своимъ учительницамъ. Учебныхъ пособій при училищахъ имѣется достаточное количество. Для оцѣнки отвѣтовъ ученицъ бывають педагогическія собранія, на которыхъ обсуждаются и другіе вопросы, касающіеся воспитательной части. Училища находятся подъ главнымъ управленіемъ игуменій, ближайшій же надзоръ ввѣряется особымъ лицамъ изъ монахинь и послушницъ. Законъ Божій преподають монастырскіе священники; остальные предметы — монахини и послушницы; всѣхъ учащихъ въ

трехъ монастыряхъ 19, изъ нихъ 9 въ Бѣлгородскомъ и по 5 въ остальныхъ (грамматика, арифметика и географія еще не преподаются въ Борисовскомъ училищѣ по причинѣ его недавняго открытія). Эти лица занимаются съ любовію и успѣшно дѣломъ обученія дѣтей. Не малая доля успѣха зависитъ отъ того, что въ каждомъ изъ училищъ назначено достаточное количество учительницъ— по одной на 4 ученицы. Учащихся въ монастырскихъ училищахъ 78, изъ разныхъ сословій: въ Бѣлгородскомъ 36, въ Курскомъ 22 и въ Борисовскомъ 20. Сообразно съ возрастомъ и познаніями; ученицы раздѣлены на два отдѣленія: младшее и старшее. Въ младшемъ дѣти обучаются русской грамотѣ, закону Божію и первымъ правиламъ арифметики; въ старшемъ — закону Божію, куда входятъ также объясненіе православнаго богослуженія и краткіе разказы изъ церковной исторіи, грамматики, арифметики и географіи. Учебныя пособия и предметы для руководѣній раздаются дѣтямъ бесплатно, и кромѣ того, въ каждомъ училищѣ по нѣскольбу бѣдныхъ сиротъ содержатся на монастырскія средства. Чтеніе назначается по преимуществу религиозно-нравственное. Въ воскресные и праздничные дни дѣти собираются къ богослуженію. Въ каждомъ училищѣ избраны по двѣ опытныхъ надзирательницы, обязанность которыхъ состоитъ въ надзорѣ за исполненіемъ ученицами своихъ обязанностей, въ наблюденіи за благопристойностію ученицъ во время классныхъ занятій, въ присмотрѣ за живущими въ училищѣ и вообще за поведеніемъ всѣхъ учащихся. Для этого надзирательницы живутъ при училищныхъ домахъ и каждый день по очереди присутствуютъ въ классѣ. Всѣ три училища содержатся исключительно на монастырскія средства и помѣщаются въ приличныхъ домахъ. На покрытіе всѣхъ расходовъ по содержанію употребляются деньги изъ неокладныхъ монастырскихъ суммъ. Въ Бѣлгородскомъ монастырѣ употреблено на содержаніе училища 450 рублей; въ Борисовскомъ 566 руб. 30 коп. Въ Курскомъ сумма расхода не показана.

— Въ отчетѣ Кирилло-Мееодіевскаго братства (въ г. Острогѣ, *Волынской губерніи*) за послѣднюю половину 1870 г. говорится, что главное учрежденіе братства—училище—расширяется. Какъ на особенно утѣшительное здѣсь явленіе, отчетъ указываетъ на то, что одна изъ ученицъ II-го класса вызвалась, между своими уроками, приходитъ въ школу для помощи надзирательницъ въ обученіи маленькихъ дѣтей, и теперь уже поступила на должность преподавательницы. Въ училищѣ живетъ, съ первыхъ чиселъ сентября, одна чешская дѣвочка, желаю-

щая присоединиться къ православной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ она беретъ уроки русскаго языка, музыки и слѣдитъ за другими уроками, на сколько понимаетъ по русски. Она ужь умѣла читать и писать по русски, когда поступила въ училище. Изъ Чеховъ многіе желаютъ помѣстить своихъ дѣтей въ училище; но братство не можетъ принимать чешскихъ дѣвочекъ въ ущербъ русскимъ; притомъ некому за нихъ платить, а сами Чехи-поселенцы еще слишкомъ обременены издержками своего экономическаго устройства, чтобы быть въ состояніи вносить по 100 руб. за каждую дѣвочку. (*Правительственный Вѣстникъ* № 24 и *Волин. Губ. Вѣд.* № 8).

— Изъ вѣдомости о состояніи Городищенскаго, той же губерніи, монастырскаго училища за вторую половину 1870 года (см. *Волин. Епарх. Вѣд.* № 1) видно, что къ концу этого года обучалось въ училищѣ 40 воспитанницъ. Изъ нихъ дочерей священно-церковно-служителей 25, чиновниковъ 3, дворянъ 4, военныхъ 3 и крестьянъ 5. Изъ этого числа 9 воспитанницъ, отъ 4-хъ до 8-лѣтняго возраста, обучаются чтенію, письму и молитвамъ; 8 воспитанницъ отъ 8-и до 10-лѣтняго возраста изучаютъ краткую священную исторію, пространнѣй катихизисъ, русскую грамматику, ариметику, и упражняются въ чистописаніи, партесномъ пѣніи и руководѣліи; 10 воспитанницъ, отъ 10-и до 12-лѣтняго возраста, занимаются чтеніемъ евангелій съ грамматическимъ разборомъ и разказомъ прочитаннаго, читаютъ Священное Писаніе, изучаютъ священную исторію, пространнѣй катихизисъ, русскую грамматику, ариметику, русскую исторію, географію, и упражняются въ томъ же, въ чемъ и ученицы предыдущаго возраста. Наконецъ 13 воспитанницъ, отъ 12-и до 16-лѣтняго возраста, занимаются чтеніемъ Св. Писанія, изучаютъ священную исторію, пространнѣй катихизисъ, церковный уставъ съ объясненіемъ церковныхъ службъ, русскую грамматику, русскую географію и ариметику, и упражняются въ составленіи собственныхъ сочиненій. Дѣвицы этого возраста, подобно воспитанницамъ двухъ предыдущихъ возрастовъ, продолжаютъ заниматься письмомъ, пѣніемъ и руководѣліями.

— Настоятельница Золотоношскаго, Полтавской губерніи, Богословскаго женскаго монастыря донесла мѣстному епархіальному преосвященному, что ею приготовлены при монастырѣ двѣ классныя комнаты для обученія дѣвочекъ начальнымъ предметамъ: чтенію и письму, закону Божию, священной исторіи, церковному пѣнію, русской грамматикѣ и необходимымъ руководѣліямъ. Для 6-и бѣднѣйшихъ ученицъ

духовнаго званія приготовлены помѣщеніе, одежда и учебники; прочія какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія принимаются за условленную плату; для преподаванія избраны законоучитель и 3 монахини. Вслѣдствіе этого донесенія игуменіи, ей разрѣшено открыть при Богословскомъ женскомъ монастырѣ училище для дѣвочекъ (*Полтав. Епарх. Вѣд.* № 2).

— Въ с. Грунѣ, Зеньковскаго уѣзда, открыто 24-го января сего года начальное женское училище, по распоряженію Зеньковскаго уѣзднаго земскаго собранія, на его средства. Училище это, до устройства особаго для него зданія, помѣщается въ домѣ священника Павловскаго, который согласился безвозмездно быть законоучителемъ вновь открытаго училища. Учительницей, съ жалованьемъ 100 руб., опредѣлена дочь священника Павловскаго, выдержавшая въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ установленный экзаменъ и получившая свидѣтельство на званіе народной учительницы. Въ училищѣ состоятъ 16 ученицъ (*Полт. Епар. Вѣд.* № 7).

— Борзенское уѣздное, *Черниговской* губерніи, земское собраніе, по выслушаніи доклада уѣздной управы о мѣрахъ къ распространенію въ уѣздѣ народнаго образованія, между прочимъ постановило: 1) состоящее при Борзенскомъ уѣздномъ училищѣ женское двухклассное послѣобъденное училище принять въ вѣдѣніе земства, и на содержаніе его въ текущемъ учебномъ году выдать изъ суммъ, ассигнованныхъ на народное образованіе, 250 р.; 2) для ближайшаго содѣйствія успѣшному развитію училища образовать особый попечительный совѣтъ; и 3) просить попечительный совѣтъ изыскать средства къ преобразованію этого училища; съ будущаго учебнаго года, въ женскую прогимназію, назвавъ ее „земскою“, и на содержаніе ея отпустить изъ суммъ земства по 700 руб. ежегодно. (*Привѣст. Вѣст.* № 83).

— Въ Несвижѣ, *Минской* губерніи, при мѣстномъ приходскомъ училищѣ открыта въ октябрѣ 1870 года женская смѣна. На первое время въ смѣну явилось 10 дѣвочекъ, изъ коихъ 7 христіанскаго и 3 еврейскаго вѣроисповѣданія (*Вилен. Вѣст.* № 123 пр. г.).

— Въ Велижѣ, *Витебской* губерніи, во время выборовъ городского головы 3-го марта сего года, законоучителемъ мѣстнаго уѣзднаго училища Высоцкимъ предложено было обществу, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 55), оказать какую-либо помощь на содержаніе женской смѣны, и общество постановило выдавать на наемъ помѣщенія ежегодно по 80 руб., кромѣ единовре-

менно сдѣланнаго пожертвованія во 100 руб. Женская смѣна основана стараніемъ законоучителя въ 1865 г. и помѣщается въ уѣздномъ училищѣ. Уроки начинаются по окончаніи мужскихъ классовъ, послѣ обѣда; ученицъ въ настоящее время болѣе 60-и. Дальнѣйшій пріемъ ихъ прекращенъ за недостаткомъ помѣщенія и по невозможности одной наставницѣ заниматься ученицами, если бы комплектъ послѣднихъ былъ увеличенъ. Дѣвочки обучаются обыкновеннымъ предметамъ начальной школы, но съ увеличеніемъ средствъ предполагается устроить два класса съ двумя наставницами.

— Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 27) заявляется о необходимости преобразовать существующую въ гор. Керчи, *Таврической губерніи*, частную женскую прогимназію въ гимназію. По мнѣнію автора статьи, необходимость эта вызывается, во-первыхъ, недостаточнымъ числомъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Керчи, коихъ, кромѣ прогимназіи, имѣется тамъ два — институтъ и приходское женское училище; во-вторыхъ, невозможностію для многихъ семействъ вносить въ институтъ требуемую правилами этого заведенія плату (315 р. въ первый годъ и 250 р. въ остальные) и ограниченностію программы приходскаго училища; в-третьихъ, стѣсненнымъ положеніемъ прогимназіи, нуждающейся и въ учебныхъ пособіяхъ и въ помѣщеніи, и наконецъ крайне слабымъ развитіемъ грамотности между женскимъ населеніемъ гор. Керчи: въ 1868 году изъ 8.738 женщинъ грамотныхъ оказалось только 1.654; притомъ въ числѣ ихъ показаны и такія грамотницы, которыя едва умѣютъ написать свое имя.

— Корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 80) сообщаетъ о предположеніи жителей гор. Ейска, *Кубанской области*, открыть въ Ейскѣ женскую гимназію, вмѣсто женскаго училища, содержимаго на городскія суммы и дающаго лишь первоначальное образованіе. Мѣстное общество съ полнымъ сочувствіемъ относится къ проекту женской гимназіи.

— Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 38) извѣщаютъ объ открытіи, въ концѣ прошлаго года, въ Ватонедскомъ имѣніи Клышковцахъ, Хотинскаго уѣзда, *Бессарабской области*, перваго народнаго женскаго двухкласснаго училища. 17-го декабря пріѣзжалъ осматривать это училище инспекторъ Бессарабскихъ народныхъ училищъ и былъ пріятно пораженъ тѣмъ, что, не смотря на недавнее открытіе училища, ученицы, числомъ до 40, выучились уже читать и разбирать прочитанное. Вечеромъ того же дня, г. инспекторъ созвалъ учителей сосѣднихъ школъ и далъ имъ указанія въ преподаваніи и обращеніи

съ дѣтьми, нѣсколько разъ, ставя имъ въ примѣръ наставнику вновь открытаго женскаго училища, г-жу Бюль. Мѣстный поссessorъ г. де-Мать, принимающій живѣйшее участіе въ распространеніи грамотности, уступилъ подъ открывающееся училище домъ, гдѣ самъ помѣщался, и открылъ на свой счетъ еще мужское училище для царанскихъ дѣтей и старается наполнить оба эти училища дѣтьми поселянъ, которыхъ не перестаетъ склонять къ этому. Почти ежедневно посѣщаетъ онъ училище и слѣдитъ за успѣхами дѣтей. Онъ пожертвовалъ также 50 руб. на книги для Зарожанскаго народнаго училища и принялъ на свой счетъ воспитаніе двухъ царанскихъ сиротъ-мальчиковъ въ этомъ училищѣ.

— Изъ протоколовъ попечительно-педагогическаго совѣта *Владикавказскаго* Ольгинскаго женскаго училища, помѣщенныхъ въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 8), видно, что всѣхъ суммъ этого училища къ 1-му января 1871 г. состояло 11.815 р. Для своевременнаго взиманія платы за право ученія (по 10 руб. съ ученицъ III-го класса и по 5 руб. съ ученицъ II-го въ годъ; кромѣ того, за обученіе французскому языку по 10 руб. за 3 недѣльныхъ урока и по 20 руб. за 6 уроковъ въ годъ) постановлено: ученицъ, не внесшихъ деньги въ первомъ полугодіи, не допускать къ ученію въ слѣдующемъ полугодіи. Между другими постановленіями совѣта укажемъ на слѣдующія: чтобы разъяснить родителямъ значеніе порядковъ заведенія и привлечь ихъ къ содѣйствію школъ въ дѣлѣ воспитанія, положено приглашать по временамъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто въ засѣданія совѣта; затѣмъ постановлено: пригласить ученицъ, окончившихъ курсъ въ прошломъ году и готовящихся къ званію начальныхъ учительницъ, помогать начальницѣ и надзирательницамъ въ надзорѣ за поведеніемъ ученицъ во время рекреаций, что дастъ имъ возможность хотя отчасти познакомиться съ своими будущими обязанностями; съ этою цѣлію обсуждаема была программа вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ совѣтѣ во время приглашенія въ оный означенныхъ лицъ, и найдено возможнымъ назначить такое засѣданіе въ одно изъ воскресеній великаго поста. Наконецъ, признано необходимымъ обратить вниманіе учащихъ на то, чтобы облегчить, на сколько возможно, ученицъ низшихъ классовъ въ домашней работѣ; всѣ же уроки стараться разучивать въ классные часы. Домашнія занятія ученицъ всѣхъ классовъ, а низшихъ обязательно, должны заключаться преимущественно въ чтеніи статей по назначенію преподавателя или преподавательницы, съ требованіемъ отъ ученицъ письменныхъ или словесныхъ отчетовъ въ

прочитанномъ. Въ пользу училища сдѣлано разными лицами нѣсколько пожертвованій, въ томъ числѣ 270 руб. на пополненіе бібліотеки.

— Въ газетѣ *Кавказъ* (№ 11) сообщаютъ объ открытіи въ прошломъ году Елисаветинскаго женскаго училища въ гор. Ахалцихѣ, Кутаисской губерніи, близъ турецкой границы. Устройство этого заведенія принадлежитъ просвѣщенной заботливости и неутомимымъ трудамъ архимандрита Сукіасъ Варзіянца. Примѣръ этотъ побудилъ мѣстныхъ гражданъ основать другое женское училище, въ старомъ городѣ. Для Елисаветинскаго училища строится новое помѣщеніе.

— Корреспондентъ газеты *Кавказъ* (№ 15) жалуется на равнодушіе Пятигорскаго, Ставропольской губерніи, городского общества къ существующей въ Пятигорскѣ женской бесплатной школѣ, тогда какъ Пятигорскъ вообще нуждается въ женскомъ учебномъ заведеніи. Упомянутая школа обязана своимъ существованіемъ единственно А. О. Смирновой, которая употребляетъ всѣ возможные способы для ея поддержанія, стараясь увеличить скудные средства школы устройствомъ благотворительныхъ спектаклей и проч. Благодаря только ея энергической дѣятельности и содѣйствію г-жи Свѣчиной, школа получила довольно значительную поддержку, такъ что въ настоящее время она имѣетъ болѣе 3.000 руб. запаснаго капитала. Среди мѣстнаго купечества появляются лица, открыто заявляющія о настоятельной необходимости для города не только школы, но и женской прогимназіи, и городская дума нѣсколько разъ поднимала объ этомъ вопросъ, но большинство членовъ высказывалось, къ сожалѣнію, противъ этого. При недостаткѣ средствъ городской думы для устройства женской прогимназіи, было бы полезно и то, если бы дума поддержала бесплатную школу; увеличивъ средства школы, она обезпечила бы постоянное ея существованіе, тогда какъ теперь, въ случаѣ отъѣзда лицъ, принимающихъ къ школѣ участіе, она легко можетъ прекратить свое существованіе.

— Въ отчетѣ Ревельскаго благотворительнаго общества за 1870 годъ, помѣщенномъ въ *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 21), находимъ слѣдующія данныя. Ревельское благотворительное общество главною цѣлію своею поставляетъ воспитаніе бѣдныхъ дѣтей православнаго исповѣданія въ Ревелѣ и главною своею заботой почитаетъ уврѣженіе въ этихъ дѣтяхъ религіозныхъ и нравственныхъ началъ и приученіе ихъ къ труду, который обезпечивалъ бы дальнѣйшее ихъ существованіе. На содержаніи общества находится женская бесплатная школа, въ которую прежде приходило 40 дѣвочекъ, то-

гда какъ нынѣ, съ увеличеніемъ средствъ общества, число учащихся возрасло до 60, и по предположеніямъ отчета, оно увеличится еще, когда школа будетъ переведена въ новый домъ, достаточно обширный для помѣщенія тройнаго противъ прежняго числа дѣтей; въ настоящее же время дѣтей, желающихъ учиться, является много, но имъ приходится отказывать по тѣсотѣ помѣщенія. Всѣ дѣти въ школѣ благотворительнаго общества раздѣлены на два класса; дѣвочки старшаго класса ужь умѣютъ довольно хорошо читать, но еще плохо пишутъ, знакомы съ началами ариметики и съ особеннымъ усердіемъ учатъ священную исторію. Въ младшемъ классѣ успѣхи еще небольшіе, такъ какъ многія дѣвочки, въ особенности принятые въ прошедшемъ году, не понимаютъ еще русской рѣчи. Относительно руководѣній, говоритъ отчетъ, нельзя достаточно нахвалиться успѣхами дѣтей; въ теченіе года онѣ заработали обществу чистой прибыли 167 руб. 50 коп. Священникъ М. Т. Иконниковъ принялъ на себя безвозмездное преподаваніе закона Божія въ школѣ. Особенную признательность общества заслуживаетъ начальница школы и сиротскаго отдѣленія О. А. Кобленцъ, которая, кромѣ прямой своей обязанности, взяла на себя трудъ учить вновь поступающихъ въ школу дѣтей русскому языку, такъ какъ большая часть этихъ дѣтей состоитъ изъ Эстонокъ православнаго исповѣданія, не знающихъ ни слова по русски. Не смотря на всю трудность этого дѣла, г-жа Кобленцъ ведетъ его, по свидѣтельству отчета, съ удивительнымъ успѣхомъ. Средства общества состоятъ изъ частныхъ пожертвованій, въ числѣ которыхъ занимаетъ первое мѣсто даръ 4.000 руб., принесенный обществу коммерціи совѣтникомъ П. І. Губонинимъ, который избранъ почетнымъ членомъ общества. Государыня Императрица, по ходатайству бывшаго Эстляндскаго губернатора М. Н. Галкина, соизволила осчастливить общество дарованіемъ ежегоднаго изъ суммъ Ея Величества денежнаго пособія.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Дѣятельность С.-Петербургскаго комитета грамотности.—С.-Петербургскія городскія училища.—Расходы Новгородскаго губернскаго земства на народное образованіе.—Постановленіе Опочецкаго, Псковской губерніи, земскаго собранія.—Московскія городскія училища.—Состояніе народнаго образованія во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ.—Одно изъ средствъ къ обезпеченію народныхъ школъ, предложенное въ Ярославской губерніи.—Открытіе школы въ с. Абызовѣ, Казанской губерніи, Ядринскаго уѣзда.—Школы для Лопарей въ Архангельской губерніи.—Ремесленное отдѣленіе при 1-мъ при-

ходскомъ училищѣ въ гор. Вяткѣ. — Положеніе народныхъ школъ въ Олонекской губерніи. — Народное образованіе въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. — Предложеніе предсѣдателя Усманскаго уѣзднаго, Тамбовской губерніи, училищнаго совѣта. — Постановленіе Пензенскаго губернскаго училищнаго совѣта о народныхъ школахъ Инсарскаго уѣзда. — Пензенское училище садоводства. — Училище въ с. Владимірскомъ, Смоленскаго уѣзда и губерніи. — Постановленіе Рязанскаго губернскаго земскаго собранія. — Дѣятельность Острогжскаго уѣзднаго, Воронежской губерніи, училищнаго совѣта. — Училища въ сс. Олень-Колодезь и Дракино, той же губерніи. — Старомерчанская школа въ Харьковской губерніи. — Вопросъ о ремесленномъ образованіи въ Черниговской земской учительской семинаріи. — Постановленіе Борзенскаго уѣзднаго, Черниговской губерніи, земскаго собранія. — Училище въ с. Ротовѣ, той же губерніи. — Постановленія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Полтавской губерніи. — Приговоры обществъ различныхъ уѣздовъ, той же губерніи, объ открытіи и поддержаніи церковно-приходскихъ школъ. — Двуклассное образцовое училище въ м. Бѣлоцерковкѣ, Хорольскаго уѣзда, той же губерніи. — Церковно-приходскія школы въ Заславскомъ уѣздѣ, Волинской губерніи, и дѣятельность мирового посредника Кравцова въ пользу народнаго образованія. — Постановленіе Александровскаго уѣзднаго, Екатеринославской губерніи, земскаго собранія. — Русско-эсто-латышская школа въ Ригѣ. — Общее состояніе народнаго образованія въ эсто-латышскомъ краѣ. — Состояніе народнаго образованія въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ. — Прибалтійское православное братство въ С.-Петербурѣ.

С.-Петербургскія Вѣдомости (№ 75) сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности С.-Петербургскаго комитета грамотности за минувшій годъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что дѣятельность комитета въ отчетномъ году нисколько не ослабѣла противу предшествовавшихъ лѣтъ; въ отношеніи же бесплатнаго снабженія книгами сельскихъ школъ она развилась особенно сильно. Къ началу настоящаго года въ комитетѣ состояло 697 членовъ, въ томъ числѣ 90 лицъ женскаго пола; однако многіе изъ этихъ членовъ вовсе не поддерживаютъ сношеній съ комитетомъ, не дѣлаютъ взносов и состоятъ въ числѣ членовъ лишь номинально. Количество пожертвованій въ минувшемъ году было значительно. По прежнему, первое мѣсто въ спискѣ жертвователей принадлежитъ Московскому купечеству: отъ него получено въ минувшемъ году 6.000 руб. (за послѣдніе четыре года всего получено комитетомъ изъ Москвы, чрезъ посредство *Ө. Ө. Рѣзанова* и *В. М. Бостанжого*, 17.000 руб.). Затѣмъ слѣдуетъ С.-Петербургское биржевое купечество, приславшее чрезъ *А. Г. Золотарева* 2.400 руб. Всего въ приходѣ за 1870 годъ было 10.114 руб., болѣе предшествовавшаго года на 6.569 руб.; въ расходѣ 6.433 руб., болѣе противу предшедшаго года на 1.590 руб.

Продажа и разсылка книгъ въ 1870 г. представляютъ цифры, много превышающія итоги прежнихъ лѣтъ. Куплено книгъ болѣе противу 1869 года на 12.252 тома; годовой итогъ пожертвованій книгами превышаетъ предшествовавшій ему на 19.198 томовъ. Бесплатное снабженіе школъ книгами дошло въ 1870 году до 56.834 томовъ, то-есть, противу 1869 года больше на 11.634 тома. Качество рассылаемыхъ книгъ все болѣе и болѣе улучшается; но въ самой пересылкѣ книгъ встрѣтилось затрудненіе по случаю закрытія конторы Самохотова, занимавшейся доселѣ этимъ дѣломъ. Это послѣднее обстоятельство, въ соединеніи съ неисправностью многихъ лицъ, получавшихъ книги на комиссію для продажи, были причиною тому, что въ минувшемъ году не было открыто ни одного склада. Высылка книгъ за деньги производилась тоже въ небольшихъ размѣрахъ и не превышала 20.000 томовъ въ годъ. Комитетъ принялъ въ обсужденію вопросъ о расширеніи книжной операціи, такъ какъ многочисленныя корреспонденціи извнутри Россіи указываютъ на постоянную нужду, встрѣчаемую въ хорошихъ книгахъ въ провинціи и невозможность полученія ихъ по немѣнью складовъ. Въ отчетный періодъ комитетъ издалъ седьмой каталогъ одобренныхъ имъ книгъ, заключающій въ себѣ 212 названій.

— Въ той же газетѣ (№ 65) напечатано извлеченіе изъ отчета особой комиссіи С.-Петербургской городской думы, въ которомъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о городскихъ училищахъ, находящихся, по словамъ отчета, въ положеніи весьма неудовлетворительномъ. Въ 1865 году въ С.-Петербургѣ считалось низшихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, частныхъ училищъ и пансіоновъ, приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, прогимназій, школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, военнаго вѣдомства, дѣтскихъ пріютовъ, патриотическаго и челоуѣколюбиваго обществъ и другихъ вѣдомствъ — 365 заведеній, въ которыхъ учащихся было 8.217 мальчиковъ и 6.847 дѣвочекъ; среднихъ же учебныхъ заведеній, а именно: казенныхъ и частныхъ гимназій, училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ, женскихъ гимназій и институтовъ было 33, а обучалось въ нихъ 3.753 мальчика и 4.198 дѣвочекъ. Такимъ образомъ, число учащихся во всѣхъ означенныхъ заведеніяхъ составляло болѣе 23.000. За тотъ же періодъ времени, дѣтей обоого пола, считая отъ рожденія до 15-лѣтняго возраста, показано въ С.-Петербургѣ 76.440, изъ нихъ мужескаго пола 29.902, женскаго 36.538. Принимая въ соображеніе, вопервыхъ, что, по исключеніи малолѣт-

нихъ, цифра дѣтей обоого пола составитъ не болѣе 50.000; во вторыхъ, что изъ этого числа много дѣтей обучается родителями на дому, въ военно-учебныхъ и другихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, и третьихъ, что если въ послѣднія пять лѣтъ увеличилось населеніе столицы, то съ тѣмъ вмѣстѣ возрасло и число учебныхъ заведеній, — коммиссія нашла, что въ настоящее время слѣдовало бы ограничиться содержаніемъ на счетъ города предполагаемыхъ 28 начальныхъ училищъ, а затѣмъ, для болѣе точнаго опредѣленія, въ какой степени образовательныя средства столицы соответствуютъ настоящей потребности столичнаго населенія, обратиться въ центральный статистическій комитетъ.

— *Новгородское* губернское земское собраніе прошлагодняго очереднаго созыва, постановленіемъ 9-го декабря, назначило уѣздамъ на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ слѣдующія пособія: Старорусскому уѣзду 1.054 руб. 57 коп., Крестецкому 1.048 руб. 58 коп., Демянскому 642 руб. 53 коп., Валдайскому 351 руб. 76 коп., Боровичскому 758 руб. 54 коп., Тихвинскому 806 руб. 59 коп., Устюжскому 647 рублей 30 коп., Череповскому 928 рублей, Кирилловскому 745 руб. 20 коп., Вѣлосерскому 907 руб. 34 коп., а всего 10-и уѣздамъ губерніи 7.891 руб. Новгородскому уѣзду губернское собраніе не назначило никакого пособія, потому что этотъ вопросъ мѣстнымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ оставленъ безъ разрѣшенія и уѣздное земство никакого пособія отъ губернскаго земства не испрашивало. (*Новгор. Губ. Вѣд.* № 12).

— Опочецкое уѣздное, *Псковской* губерніи, земское собраніе, выслушавъ докладъ уѣздной управы о незначительномъ числѣ учащихся въ сельскихъ школахъ, что объясняется удаленностью деревень отъ школъ и неимѣніемъ при школахъ достаточныхъ помѣщеній для пріюта учениковъ, а также бѣдностію ихъ родителей, которые не въ силахъ содержать дѣтей отдѣльно отъ семей, опредѣлило: назначать 1.300 руб. на устройство при лучшихъ школахъ помѣщеній для учениковъ и на расходы по снабженію бѣдныхъ изъ нихъ пищею. Сверхъ того, собраніемъ назначено 1.439 руб. на окончательное устройство открытаго въ 1870 году, при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, ремесленнаго отдѣленія и на содержаніе при немъ десяти стипендіатовъ, исключительно сиротъ. (*Прав. Вѣстн.* № 70).

— Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 70) сообщаютъ, что Московская городская дума, въ засѣданіи 16-го марта сего года, постановила отчислить изъ расхода на пособіе Московскимъ театрамъ, о сло-

женіи котораго съ города дума ходатайствуетъ, 37.000 р. на устройство и содержаніе въ Москвѣ городскихъ начальныхъ училищъ, о чемъ будутъ представлены думѣ соображенія особо, и поручила попечителямъ городскихъ училищъ обсудить вопросъ о введеніи въ эти училища хороваго пѣнія.

— Въ отчетѣ Владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта, извлеченіе изъ котораго помѣщено въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 80), находимъ слѣдующія данныя о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи въ 18^{69/70} учебномъ году. Данныя эти касаются, впрочемъ, только 7-и уѣздовъ, а относительно общаго числа училищъ въ остальныхъ 6-и уѣздахъ губерніи свѣдѣнія не доставлены. Въ 7-и уѣздахъ губерніи существовало въ отчетное время 155 училищъ. Успѣхи обученія не одинаковы въ уѣздахъ. Такъ, въ Александровскомъ уѣздѣ, по словамъ уѣзднаго училищнаго совѣта, нѣкоторыя волостныя правленія выдаютъ вознагражденіе учителямъ по числу обучающихся у нихъ учениковъ, отчего учителя заботятся лишь объ увеличеніи числа учениковъ, не обращая вниманія на самое преподаваніе. Обученіе во многихъ училищахъ уѣзда идетъ крайне неудовлетворительно; напримеръ, въ селѣ Годуновѣ ученики учатся только читать, и читаютъ плохо; писать и другимъ предметамъ не учились. Въ Шапировскомъ училищѣ старшіе ученики пишутъ порядочно, читаютъ по церковной печати плохо, а по гражданской почти не умѣютъ; законъ Божій знаютъ плохо; ариметикѣ и на счетахъ вовсе не учились,—видно, что занятія шли плохо. Объ училищѣ въ с. Бунаковѣ отчетъ говоритъ: „Ученики читаютъ только по псалтирю и часослову, и то плохо; читать по гражданской печати и ничему другому не учились; вообще ученіе весьма плохое“. По Переяславскому уѣзду народное образованіе оставляетъ желать весьма многого; въ системѣ образованія, сказано въ отчетѣ уѣзднаго училищнаго совѣта, противъ предшедшаго года не послѣдовало перемѣнъ. Тамъ, гдѣ обученіе отличалось доброю постановкой, оно такъ же и продолжалось; училища же, отличавшіяся старинными приемами обученія и медленнымъ развитіемъ учащихся, немного измѣнились къ лучшему. Въ училищахъ, вновь открываемыхъ, замѣтно стремленіе учителей вести дѣло обученія согласно современнымъ требованіямъ педагогіи. Юрьевскій уѣздный училищный совѣтъ свидѣтельствуетъ, что въ педагогическомъ отношеніи училища улучшаются, хотя и медленно. То же самое говорится и въ отчетѣ Вязниковскаго

уѣзднаго училищнаго совѣта. Впрочемъ, есть хорошіе отзывы и въ отчетахъ другихъ училищныхъ совѣтовъ; но одинъ изъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, г. фонъ-Бахъ, заявилъ губернскому земскому собранію, что онъ, повѣривъ отчеты уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ личнымъ обзорѣніемъ нѣкоторыхъ училищъ, находитъ сообщенныя ими свѣдѣнія во многихъ случаяхъ невѣрными, а состояніе училищъ вообще неудовлетворительнымъ. Члены отъ земства, по словамъ г. фонъ-Баха, не получивъ отъ губернскаго собранія никакихъ средствъ на приготовленіе учителей, вынуждены соглашаться на опредѣленіе всякаго учителя, какой явится. Губернскій гласный г. Сахаровъ предлагалъ собранію предпринять что-либо полезное для дѣла народнаго образованія, открывъ, напримѣръ, губернскую учительскую школу; но предложеніе его собраніемъ не принято. На послѣдовавшее затѣмъ предложеніе устроить нынѣшнимъ лѣтомъ хотя одинъ съѣздъ учителей въ гор. Владимірѣ, до разрѣшенія вопроса объ открытіи учительской семинаріи или педагогическихъ курсовъ, собраніе рѣшило оставить вопросъ о лѣтнемъ съѣздѣ учителей открытымъ до имѣющаго быть въ маѣ мѣсяцѣ экстреннаго собранія, не смотря на заявленіе г. фонъ-Баха, что если разрѣшеніе этого вопроса будетъ отложено до мая, то цѣлый годъ будетъ потерянь. Всего израсходовано губернскимъ земскимъ собраніемъ на народное образованіе за время съ 1867 по 1871 годъ 2.414 руб. 2½ коп.

— Въ рѣчи г. губернатора *Нижегородской* губерніи, произнесенной имъ 7-го декабря минувшаго года при открытіи Нижегородскаго губернскаго земскаго собранія, находится слѣдующій обзоръ дѣятельности мѣстнаго земства по предмету народнаго образованія за 1870 годъ (см. *Голосъ* № 1). По свѣдѣніямъ Нижегородскаго губернскаго училищнаго совѣта, сельскихъ и церковно-приходскихъ училищъ въ губерніи числилось въ 1870 году 275. Изъ этого числа самая крупная цифра падаетъ на Нижегородскій уѣздъ — 66 училищъ, и меньшая на Семеновскій, въ которомъ было только 4 училища. Нижегородское земство назначило на 1870 годъ слишкомъ 24.000 руб. на воспособленіе народному образованію, въ каковой суммѣ одинъ Нижегородскій уѣздъ даетъ болѣе 2.000 руб. Не смотря на общее желаніе земства, по возможности содѣйствовать народному образованію, въ сожалѣнію, встрѣчаются и противоположныя стремленія, какъ, напримѣръ, однимъ земскимъ собраніемъ; въ сессію 1869 года, постановлено было всѣ находящіяся въ уѣздѣ сельско-приходскія и городскія училища, въ числѣ 19-и, содержавшіяся въ теченіе прошлыхъ

трехъ лѣтъ изъ земскихъ сборовъ, передать на попеченіе города и самихъ сельскихъ обществъ, по неприводимости, будто бы, затрачиваемыхъ на содержаніе училищъ суммъ, предоставивъ земству только выдачу премій за обученныхъ бѣднѣйшихъ мальчиковъ. Послѣдствіемъ этой мѣры было то, что въ началѣ текущаго года, всѣ училища, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, закрылись, и только по настоянію предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи были открыты, одно въ городѣ и пять въ уѣздѣ. Доказательствомъ тому, до какой степени малое развитіе народнаго образованія вліяетъ даже на сохраненіе народнаго здравія, можетъ служить тотъ же уѣздъ, земское собраніе котораго, уменьшивъ число земскихъ врачей изъ трехъ на два, не смотря на растянутость уѣзда, основало это уменьшеніе на отсутствіи сочувствія въ населеніи къ медицинѣ. Губернаторъ оканчиваетъ этотъ обзоръ словами: „Полагаю, что при распространеніи на всѣ сословія отпращенія воинской повинности, льготы, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ дарованы получившимъ образованіе, какъ при производствѣ въ чины, такъ и въ сокращеніи срока службы, послужатъ сильною побудительною причиною для всѣхъ сословій не оставлять дѣтей своихъ коснѣть въ невѣжествѣ и доставятъ земскимъ учрежденіямъ возможность назначать болѣе средствъ къ распространенію народнаго образованія“.

— Инспекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи г. Шнееръ предложилъ Ярославской губернской земской управѣ воспользоваться для обезпеченія сельскихъ школъ предложеніемъ члена Московскаго комитета грамотности Н. А. Соковнина, состоящимъ въ томъ, чтобы снабжать училища сельско-хозяйственными машинами, съ уплатою за нихъ изъ заработываемыхъ денегъ. Опытъ подобнаго рода былъ произведенъ въ селѣ Васильевскомъ, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и оказался удачнымъ. Названное училище, получивъ сортировальную машину 5-го ноября, уже къ 20-му декабря получило за работу этой машины 15 четвертей хлѣба, и такимъ образомъ, работая за сороковую мѣру, почти въ одинъ мѣсяць приобрѣло возможность уплатить значительную часть стоимости машины. Крестьяне съ перваго раза поняли всю выгоду сортированія хлѣба и рѣшили засыпать въ общественные магазины посѣянные сѣмена не иначе, какъ сортированными, чѣмъ навсегда опредѣлили доходность принадлежащей училищу машины. Г. Шнееръ смотритъ на этотъ способъ, какъ на практическое средство возможно тѣснѣе связать школу съ жизнью народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно улучшить его благосостояніе.

Предложеніе г. инспектора народныхъ училищъ будетъ разсматриваться Ярославскимъ земскимъ собраніемъ въ май мѣсяцъ сего года.

— *Казанскія Епархіальная Извѣстія* сообщаютъ объ открытіи 20-го января текущаго приходской школы въ с. Абызовѣ, Ядринскаго уѣзда. Школа открыта на средства, опредѣленныя Ядринскою уѣздною земскою управой.

— По распоряженію начальника *Архангельской* губерніи, въ средѣ кочевыхъ Лопарей, въ началѣ 1871 года, открыты при мѣстныхъ церквяхъ Нотозерской, Печенгской и Ловочерской училища, на 5 мальчиковъ каждое. Сверхъ того, столько же мальчиковъ помѣщено еще въ Кольское приходское училище. Въ Нотозерскомъ приходѣ 4-го января происходило открытіе училища. Присутствовавшимъ при этомъ ученикамъ и сопровождавшимъ ихъ родителямъ сказано было нѣсколько словъ о пользѣ грамотности вообще и о необходимости ея въ средѣ Лопарей. По прибытіи въ домъ священника, ученикамъ розданы были буквари, пожертвованные Кольскимъ исправникомъ. Затѣмъ были приняты мѣры къ обезпеченію учениковъ, за отдаленностію ихъ родителей, провизією и квартирою съ прислугой, и на другой день начато ученіе, которымъ занимаются священникъ и частію причетникъ. Сообщающій это извѣстіе священникъ Георгій Терентьевъ упоминаетъ при этомъ, что лопарскія училища, кромѣ букварей, не имѣютъ учебниковъ и классныхъ принадлежностей, а Лопари, по крайней бѣдности своей, по неразвитости и незнанію пользы отъ училищъ, не могутъ на первыхъ порахъ обзавестись училище всѣмъ нужнымъ и не считаютъ это своею обязанностію. При такой не отрадной обстановкѣ открытіи въ Лапландіи училища, къ сожалѣнію, долго существовать едва-ли могутъ, если не будутъ поддержаны извнѣ. (*Провит. Вѣстн.* № 73 и *Архан. Губ. Вѣд.* № 20).

— Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1869 году начальникъ *Вятской* губерніи В. И. Чариковъ, сознавая пользу, какую можетъ принести дѣтямъ бѣдныхъ гражданъ гор. Вятки обученіе различнымъ мастерствамъ, предложилъ Вятскому уѣздному земскому собранію, не окажется ли оно матеріальное содѣйствіе къ учрежденію ремесленнаго отдѣленія при 1-мъ городскомъ приходскомъ училищѣ. На этотъ призывъ собраніе отозвалось сочувственно и назначило на содержаніе ремесленнаго отдѣленія по 200 руб. ежегодно. Отдѣленіе открыто въ февралѣ 1870 г. съ обученіемъ въ немъ на первый разъ только переплетному мастерству. Занятія этимъ мастерствомъ происходили въ послѣобѣденное время три раза въ недѣлю, отъ 3-хъ до 5-и часовъ по полудни. Число

увавшихся съ 4-го февраля 1870 по 1-е января 1871 года было 35; они заработали 220 руб. 42 коп.; вромѣ того, мальчиками были дѣлаемы тетради, какъ для себя, такъ и для товарищей. Въ началѣ 1871 года предполагалось приступить къ обученію дѣтей сапожному и башмачному мастерству (*Вят. Губ. Вѣд.* № 15).

— Въ заключеніи отчета о состояніи народнаго образованія въ *Олонецкой* губерніи за 1870 годъ, г. инспекторъ народныхъ училищъ Артемовъ представляетъ нѣсколько соображеній о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія этихъ училищъ и о средствахъ поднять ихъ общій уровень. По словамъ г. Артемова (см. *Прав. Вѣстн.* № 88), неудовлетворительное состояніе начальныхъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи и вообще слабое распространеніе ихъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ обстоятельствъ, которыя еще не скоро и не легко устранить: 1) недостатку специально-подготовленныхъ учителей и 2) слабое сочувствіе общества къ дѣлу устройства и распространенія училищъ. Въ настоящее время специально подготовленными учителями для элементарнаго обученія являются лишь окончившіе курсъ воспитанники Олонецкой духовной семинаріи, которые нынѣ занимаютъ должности учителей въ училищахъ, содержимыхъ земствомъ, и слѣдовательно, имѣющихъ нѣкоторыя средства для найма особыхъ учителей. Остальныя сельскія училища, какъ не имѣющія опредѣленныхъ средствъ содержанія, должны оставаться при преподавателяхъ изъ священно-церковно-служителей. Многіе изъ послѣднихъ вполне добросовѣстно стараются исполнять обязанности наставниковъ въ училищахъ, но при этомъ сознаются, что быть учителемъ и исполнять обязанности по приходу, безъ ущерба тому и другому дѣлу, невозможно. Сельскія общества, за исключеніемъ двухъ обществъ Вытегорскаго уѣзда, еще ничѣмъ не заявили себя по устройству училищъ. Это обстоятельство нельзя впрочемъ объяснять исключительно равнодушіемъ крестьянъ къ учебному дѣлу: крестьяне понимаютъ и сознаютъ необходимость и пользу грамотности, но при бѣдности своего экономическаго быта не могутъ пока принять особеннаго участія въ устройствѣ школъ. Поэтому и на приглашенія нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ принять участіе въ устройствѣ въ селахъ училищъ, предоставленіемъ для того денежныхъ средствъ или помѣщеній, сельскія общества отвѣчали отказомъ, опираясь на свою бѣдность и боясь новыхъ налоговъ. Не велико сочувствіе къ училищному дѣлу и со стороны городскихъ обществъ; если оно гдѣ и выражается, то не вслѣдствіе особеннаго желанія и сочувствія обывателей къ образованію, а

по инициативѣ свыше. Такимъ образомъ, забота по устройству начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи падаетъ преимущественно на правительство, земскія учрежденія и духовенство, изъ которыхъ верныя два даютъ средства на содержаніе и поддержаніе существующихъ училищъ, а послѣдніе — учителей. Въ школахъ земства, какъ обеспеченныхъ средствами, могутъ быть и наставники специально подготовленные, въ остальныхъ же сельскихъ школахъ учебное дѣло пойдетъ лучше и успѣшнѣе лишь только тогда, когда эти училища будутъ имѣть необходимыя учебныя пособія и чрезъ это наставники приобретутъ хотя нѣкоторую возможность вести дѣло обученія болѣе рационально и успѣшно. На сколько вызывается необходимостью улучшенія сельскихъ училищъ, на столько же требуютъ улучшенія и приходскія городскія училища, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ въ Повѣндѣ и Лодейномъ-Полѣ, остаются единственными учебными заведеніями для начального образованія жителей этихъ городовъ, и эти улучшенія могутъ быть достигнуты посредствомъ увеличенія средствъ этихъ училищъ. Получаемое теперь учителями городскихъ начальныхъ училищъ жалованье, въ количествѣ 170 руб., столь незначительно, что не можетъ привлечь на должности учителей лицъ съ достаточною педагогическою и научною подготовкой. Увеличеніе жалованья учителямъ этихъ училищъ по крайней мѣрѣ до 350 руб., наравнѣ съ учителями двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ образцовыхъ училищъ и вообще увеличеніе всего содержанія училищъ весьма необходимо и желательно; только достаточное обезпеченіе дастъ училищу возможность имѣть способныхъ учителей, привести чрезъ это въ лучшее состояніе обученіе и тѣмъ вызвать сочувствіе со стороны общества.

— Въ *Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 88; см. также *Русск. Лѣт.* № 52) помѣщена рѣчь предсѣдателя Буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, представляющая очеркъ состоянія народнаго образованія въ *Буинскомъ уѣздѣ*. Главное вниманіе въ этой рѣчи обращено на образованіе Чувашей, составляющихъ значительную часть населенія уѣзда. Распространеніе образованія между этими инородцами представляетъ затрудненія сколько по бѣдности и неразвитости ихъ, столько по недостатку руководствъ на чувашскомъ языкѣ и по неимѣнію хорошо подготовленныхъ учителей. Въ послѣднее время приняты однако же нѣкоторыя мѣры въ отношеніи улучшенія учебниковъ и учителей. Одинъ изъ знатковъ чувашскаго языка, священникъ села Турунова о. Добронравовъ, по предложенію епархіальнаго архіерея, перевелъ на чувашскій языкъ „Начальное ученіе для

христіанъ". Переводъ этотъ, по опредѣленію Буинскаго земскаго собранія, рѣшено напечатать на счетъ земства и распространить въ мѣстныхъ чувашскихъ школахъ. Личный составъ учителей также до нѣкоторой степени улучшается въ виду того, что въ нѣкоторыхъ школахъ, благодаря ассигнованію земствомъ необходимыхъ суммъ, учительское жалованье удвоено. Полное обрусѣніе чувашскихъ дѣтей успѣшно достигается нѣкоторыми изъ школъ; многія же училища еще далеки отъ этого результата и причина того заключается въ неумѣлости мѣстныхъ учителей. Многіе изъ нихъ, какъ показала ревизія школъ, „употребляли при обученіи чтенію буквослагательной способъ, полагая въ основаніе звуковой“. Такой смѣшанный приемъ оказался неудачнымъ и вредилъ успѣшности ученія. Недостатокъ въ учителяхъ, педагогически подготовленныхъ, восполнялся отчасти лицами, обладающими по навыку практическимъ умѣньемъ разумно обучать инородческихъ дѣтей, которыя, при неустанномъ стараніи и терпѣніи, достигаютъ часто блестящихъ результатовъ; изъ такихъ учителей предсѣдатель училищнаго совѣта указываетъ на пять. Русскія школы въ мѣстностяхъ, населенныхъ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, въ которыхъ не производится никакого сбора на учебную часть, до сихъ поръ нуждаются въ учебныхъ пособияхъ. Больше многолюдныя церковно-приходскія школы пользовались пособиями отъ земства: двѣ въ 120 руб., и одна въ 60 руб. Кромѣ того, нѣкоторые изъ богатыхъ владѣльцевъ приняли церковно-приходскія школы на свое содержаніе, давши учителямъ хорошее жалованье и помѣщеніе. С.-Петербургскій комитетъ грамотности, съ своей стороны, снабдилъ нѣкоторые изъ русскихъ училищъ достаточнымъ числомъ учебниковъ и книгъ для чтенія. Вольшая часть этихъ школъ плоха, и по словамъ предсѣдателя училищнаго совѣта, нѣкоторыя изъ нихъ не заслуживаютъ даже названія школъ; двѣ изъ нихъ закрыты по совершенной безуспѣшности и весьма малому числу учениковъ. Успѣхи училищъ Буинскаго уѣзда, какъ инородческихъ, такъ и русскихъ, сказалъ въ заключеніе. г. предсѣдатель, еще далеко не значительны. Но при оцѣнкѣ ихъ необходимо принять въ соображеніе, что развитіе народныхъ училищъ поставлено вообще въ самое неблагоприятное положеніе. Этому развитію мѣшаютъ: неумѣстное вмѣшательство крестьянъ и волостныхъ властей, неисправное посѣщеніе учащимися школы вслѣдствіе бѣдности и невѣжества родителей, непродолжительность учебнаго времени въ году, не превышающая шести мѣсяцевъ, наконецъ, та чувашская среда, въ которой живутъ ученики.

Въ чувашскихъ школахъ учителю приходится прежде всего заботиться не объ исправности чтенія и письма, но главнымъ образомъ объ извлеченіи чувашскихъ дѣтей изъ полудикаго состоянія, о возбужденіи въ нихъ хотя малѣйшаго нравственнаго сознанія, на почвѣ котораго дѣлается впервые возможнымъ плодотворное школьное ученіе. Принимая все это въ соображеніе, а также скудность наличныхъ учебныхъ силъ и средства, г. предсѣдатель приходитъ къ заключенію, что многія училища сдѣлали не мало, нѣкоторыя даже весьма много, и сдѣлали не столько сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній учащимся, сколько возбужденіемъ любознательности въ нихъ, вслѣдствіе которой особенно способные изъ учениковъ изъявляютъ желаніе продолжать ученіе, что г. предсѣдатель имѣлъ случай не разъ встрѣчать при обзорѣ училищъ.

— Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости сообщаютъ, что 17-го января нынѣшняго года предсѣдателемъ Усманскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, протоіереемъ Никольскимъ, предложено совѣту, въ видахъ сближенія училищъ съ православными храмами, устроить во всѣхъ училищахъ Усманскаго уѣзда училищный праздникъ, всего лучше 11-го мая, въ день равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Въ этотъ день могли бы быть совершаемы вѣстный ходъ и благодарственное молебствіе, при чемъ пѣніе училищнаго молебна исполняли бы учитель съ дѣтьми, подъ руководствомъ священно-церковно-служителей. Въ этотъ же день, по мнѣнію о. Никольскаго, слѣдовало бы назначить и роспускъ дѣтей на лѣтнія каникулы до 1-го сентября. „Предполагается, сказано въ предложеніи предсѣдателя, что мало дѣтей остается въ училищѣ къ 11-му мая; но дѣти, разъ завлеченныя удовольствіемъ своего праздника, непременно будутъ собираться въ этотъ день въ училище“. Въ заключеніе предсѣдатель училищнаго совѣта предложилъ изыскать средства на приобрѣтеніе иконъ св. Кирилла и Меѳодія, по количеству училищъ. Предложеніе это было одобрено совѣтомъ училища, и четыре члена въ томъ же засѣданіи изъявили готовность пожертвовать 100 руб. на приобрѣтеніе иконъ св. Кирилла и Меѳодія.

— 22-го января сего года въ Пензенскомъ губернскомъ училищномъ совѣтѣ читано было представленіе Инсарскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, въ которомъ сказано, что, какъ видно изъ отчетовъ совѣта, въ 1867 году состояло въ Инсарскомъ уѣздѣ 21 училище, изъ числа коихъ болѣе половины содержались отъ вѣнаты государственныхъ имуществъ. Въ училищахъ этихъ обучали мѣстные свя-

щенники, за что получали приличное жалованье; но какъ только общій сельскій сборъ для училищъ прекратился, жалованья священникамъ взять было негдѣ, то они стали смотрѣть на дѣло обученія холодно и занимались имъ не такъ, какъ прежде. Дабы училища не прекратили своего существованія, Инсарскій училищный совѣтъ постановилъ: просить уѣздное земское собраніе обезпечить жалованьемъ наставниковъ училищъ, ассигновать сумму въ ежегодный отпускъ, по меньшей мѣрѣ, 2.000 руб., полагая на каждое училище по 100 руб. Вслѣдствіе чего земское собраніе опредѣлило на каждое училище выдать въ ссуду по 50 руб. (1.000 рублей). При объявленіи объ этомъ обществамъ, они, по случаю неурожая хлѣба, отъ этой мѣры пособія совершенно отказались, а равно не пожелали содержать на свой счетъ наставниковъ училищъ, отчего послѣдніе перестали совершенно заниматься и училища почти всѣ закрылись, кромѣ трехъ. На лицо въ настоящее время есть еще 7 училищъ, но они, не смотря на поддержку отъ совѣта книгами и другими учебными пособиями, едва существуютъ, почему совѣтъ и опредѣлилъ: 1) просить губернской училищной совѣтъ исключительно „обратить вниманіе на училища Инсарскаго уѣзда, изыскать средства къ открытію тѣхъ училищъ, которыя существовали въ 1867 году, такъ какъ помѣщенія и власныя принадлежности въ селахъ тѣхъ есть очень хорошія; 2) если губернской совѣтъ дастъ эти средства, то допустить въ должности наставниковъ не священниковъ, а лицъ другаго званія, такъ какъ священники на дѣло образованія до того смотрятъ холодно, что для нихъ все равно, существуютъ ли училища, или нѣтъ“. Губернская училищная совѣтъ опредѣлилъ: принимая въ соображеніе: 1) что въ распоряженіи губернскаго училищнаго совѣта нѣтъ никакихъ денежныхъ средствъ къ открытію народныхъ школъ въ Инсарскомъ уѣздѣ; 2) что, на основаніи VII пун. 2 ст. под. о зем. учр., попеченіе о народномъ образованіи, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, предоставлено земству; 3) что, по 23 ст. полож. о начальныхъ народ. учил., попеченіе объ открытіи новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ и объ улучшеніи уже существующихъ составляетъ обязанность уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ; 4) что по 8 уѣздамъ Пензенской губ., и преимущественно по Нижнеомовскому, Краснослободскому, Пензенскому и Чембарскому, земство дѣлаетъ ежегодно значительныя пожертвованія на развитіе народнаго образованія, и 5) что Инсарскому уѣздному училищному совѣту тѣмъ болѣе представляется возможность къ изысканію денежныхъ средствъ на открытіе новыхъ и под-

держаніе существующихъ народныхъ школъ, что предсѣдатель со вѣта г. Литвиновъ есть въ то же время и предсѣдатель уѣздной земской управы, — просить г. Литвинова въ ближайшую сессію земскаго собранія обратиться въ оное съ ходатайствомъ о назначеніи не заимообразной ссуды, очевидно, никакой пользы не приносящей, но денежнаго пожертвованія, надобность коего вызывается необходимостію способствовать развитію народнаго образованія въ разноплеменномъ населеніи Инсарскаго уѣзда, въ семь отношеніи значительно отставшаго отъ всѣхъ прочихъ уѣздовъ. Что же касается до того, чтобы въ наставники опредѣлять не священниковъ, холодно будто бы относящихся къ дѣлу народнаго образованія, то увѣдомить Инсарскій уѣздный училищный совѣтъ: вопервыхъ, что опредѣленіе наставниковъ, на основаніи 15, 16 и 24 ст. пол. о началн. народ. училищ. и постановленія губернскаго училищнаго совѣта, отъ 3-го января 1868 г., исключительно зависитъ отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, и вторыхъ, что возводить обвиненіе на сельскихъ священниковъ въ холодности къ дѣлу народнаго образованія едва-ли есть достаточныя основанія, такъ какъ изъ заслушаннаго постановленія Инсарскаго училищнаго совѣта напротивъ видно, что до 1867 года они одни исключительно занимались преподаваніемъ въ народныхъ школахъ, и если нынѣ прекратили занятія, то потому, что училища вовсе лишились денежныхъ средствъ, какъ на учебныя пособія, такъ и на жалованье учителямъ. За симъ относительно выдачи въ пособіе 10-и существующимъ училищамъ 280 руб., исчисленныхъ по вѣдомости Инсарскаго училищнаго совѣта, и на приобрѣтеніе книгъ до 140 р. 55 коп., согласно съ исчисленіемъ г. инспектора народныхъ училищъ, губернской совѣтъ признаетъ назначеніе пособія необходимыми и проситъ г. инспектора сумму эту включить въ общее представленіе.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 207 пр. г.) помѣщено нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности Пензенскаго училища садоводства, заимствованныхъ изъ отчета о немъ, составленнаго ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея училища въ прошломъ году. Главная цѣль основанія училища заключалась въ томъ, чтобы край, имѣя предъ глазами образцовое садовое заведеніе, могъ при его посредничествѣ устраивать сады и огороды, доставляющіе не только удовольствіе, но и хозяйственную пользу. Въ распоряженіи училища состоятъ нынѣ земли 279 дес. 305 кв. саж. Къ распространенію и улучшенію садоводства и огородничества были принимаемы училищемъ въ теченіе 50-и лѣтъ слѣдующія мѣры: 1) образованіе свѣдущихъ,

практических садовниковъ; 2) приобретение и размножение улучшенныхъ породъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ и экзотическихъ растений, могущихъ акклиматизироваться, равно какъ и сѣмянъ лучшихъ породъ овощей и цвѣтовъ; 3) распространение между любителями садоводства полезныхъ свѣдѣній о правильномъ уходѣ за воздѣлываемыми растениями, и 4) устройство собственнаго сада, дабы на дѣлѣ показать поучительными примѣрами² должные приемы различныхъ культуръ, принятыхъ въ садовомъ и огородномъ искусствѣ. Одною изъ главныхъ причинъ медленнаго общаго развитія рациональнаго садоводства въ сельскомъ населеніи было крѣпостное состояніе и самый взглядъ на это дѣло землевладѣльцевъ - помѣщиковъ, заботившихся преимущественно о разведеніи однихъ только увеселительныхъ и роскошныхъ садовъ. Большимъ неудобствомъ къ развитію и распространенію садоводства въ губерніи служило самое приобретение для первоначальнаго устройства училищнаго сада разнообразныхъ сѣмянъ и растений, которыя, по неимѣнію во всѣхъ окрестныхъ губерніяхъ садовъ, нужно было выписывать изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ Россіи, а частью изъ-за границы. Пока эти растения размножались и осваивались съ климатомъ, училище терпѣливо выслушивало разныя нежеланныя замѣчанія мѣстныхъ старожилловъ, которые, по незнанію дѣла, не предвѣщали предпріятію ни малѣйшаго успѣха, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, мѣстный климатъ ни въ какомъ случаѣ не благопріятенъ развитію садоводства. Чтобы разубѣдить въ таковыхъ предразсудкахъ и возбудить у жителей охоту къ садоводству, нужно было самому училищу прежде всего заслужить довѣріе, которое приобреталось однако постепенно по мѣрѣ усовершенствованія собственнаго сада, по числу и по степени образованія выпускаемыхъ изъ училища обученныхъ садовниковъ.

— Въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Владимірскомъ, открыто, прошедшею осенью, владѣльцей этого сельца, училище на 25 крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Корреспондентъ *Голоса* (№ 8), сообщающій свѣдѣнія объ этомъ училищѣ, говоритъ, что сначала къ училищу этому крестьяне отнеслись недовѣрчиво, зная какъ плохо шло, а потомъ и закрылось въ волостное училище, и въ новооткрытое училище явилось на первый разъ очень немного дѣтей, но чрезъ нѣсколько дней комплектъ былъ полонъ, и если бы средства владѣльцы (ученіе безплатное) позволили открыть училище въ гораздо большихъ размѣрахъ, то недостатка въ учащихся не было бы. Училище имѣетъ теплое и опрятное помѣщеніе; снабжено всѣми необходимыми

учебными пособиями; обученіе въ немъ ведется по рациональной методѣ, простой и занимательной для дѣтей; съ дѣтьми обращаются въ училищѣ ласково и привѣтливо, и дѣти не только идутъ въ него охотно, но часто сами просятъ продлить съ ними время занятій, а родители ихъ сумѣли понять и оцѣнить такое доброе дѣло. Преподаваніе ввѣрено наставницѣ, а для закона Божія приглашенъ приходскій священникъ. Дѣти собираются въ 9-мъ часу утра, принося съ собою обѣдъ; въ полдень одинъ часъ полагается на обѣдъ и на отдыхъ; въ 4 часа они расходятся по домамъ. Почти каждый день сама владѣлица по нѣскольку часовъ занимается въ училищѣ съ дѣтьми, руководя наставницу, и дѣло образованія въ школахъ идетъ усиленно.

— *Рязанское* губернское земское собраніе ассигновало на нынѣшній годъ на расходы по устройству и содержанию Александровскаго училища для приготовления сельскихъ учителей 14,507 руб. 27 коп. (*Прав. Вѣстн.* № 83).

— Въ *Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 6) помѣщенъ очеркъ дѣятельности Острогожскаго уѣзднаго училищнаго совѣта со времени его открытія въ 1866 году до настоящаго времени. Извлекаемъ изъ этого отчета слѣдующія данныя:

Въ постановленіи Острогожскаго уѣзднаго земскаго собранія отъ 24-го сентабря 1866 года, сообщенномъ училищному совѣту, было признано несомнѣннымъ, что большинство сельскихъ школъ въ то время не удовлетворяло своему назначенію, и что главная причина ихъ неудовлетворительности заключалась въ недостаткѣ хорошо приготовленныхъ и опытныхъ учителей, отъ чего главнымъ образомъ зависѣло равнодушіе общества къ этимъ школамъ. Поэтому собраніе нашло основательнымъ мнѣніе двухъ своихъ членовъ о необходимости открытія педагогическихъ курсовъ при Воронежской семинаріи. Въ то же время собраніе нашло нужнымъ, для опредѣленія потребностей школъ въ помѣщеніяхъ, учебныхъ пособияхъ и т. п. и соотвѣтствующей этимъ потребностямъ цифры воспомощенія, просить училищный совѣтъ чрезъ своихъ членовъ подробно осмолрѣть училища. При этомъ возникалъ еще вопросъ о судьбѣ школъ государственныхъ крестьянъ, получавшихъ содержаніе изъ общаго сбора: собраніе не имѣло въ виду, будетъ ли этотъ сборъ продолжаемъ въ слѣдующемъ году, и слѣдовательно, будетъ ли производиться содержаніе, выдававшееся имъ до того времени; между тѣмъ это обстоятельство служило препятствіемъ въ обложанію земскихъ имуществъ казнить-либо сборомъ на предметъ народнаго образованія, чтобы, съ продолженіемъ

прежняго сбора, не подвергнуть государственныхъ крестьянъ двойному налогу. Въ августѣ 1867 года училищный совѣтъ доставилъ собранію слѣдующія свѣдѣнія: 1) на 22.241 д. населенія временно-обязанныхъ крестьянъ и собственниковъ, расположенныхъ въ 12-и волостяхъ, приходилось 15 школъ; учащихся въ нихъ 448, расхода на школы 326 руб. Изъ этого числа четыре школы имѣли безмездныхъ учителей, съ помѣщеніемъ отъ церкви или владѣльцевъ. 2) На 57.689 д. населенія государственныхъ крестьянъ въ 13-и волостяхъ—33 школы; учащихся въ нихъ 1.661, расходъ 4.380 руб. Наконецъ, 3) на 771 д. населенія колонистовъ Рибенсдорфской колоніи—1 школа, учащихся 321, расхода 60 руб. Отношеніе учащихся къ населенію у крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ какъ 2:1000, у государственныхъ крестьянъ 3:1000, у колонистовъ 44:100. Содержаніе каждой школы у первыхъ обходилось въ 22 руб., у вторыхъ въ 132 руб. 72 коп., слѣдовательно, съ души у крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ по 1 к., у государственныхъ по 7 к. Школы безмездныя возникли по освобожденіи крестьянъ, съ благотворительною цѣлю; существованіе ихъ непрочно, такъ какъ учредители встрѣчаютъ препятствія въ приобстановкѣ ученія часто на продолжительное время, за недостаткомъ топлива, учебныхъ матеріаловъ, книгъ, что отражалось на успѣхахъ дѣтей. Школы крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ страдали болѣе или менѣе тѣми же недостатками, съ тѣми же послѣдствіями; но онѣ находились въ худшихъ условіяхъ относительно учителей, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ; учителя же священники, за недостаткомъ времени, по большей части имѣли у себя помощниковъ съ ограниченными знаніями и безъ всякой методы обученія, что, по мнѣнію совѣта, не можетъ приносить пользы учащимся, вынужденнымъ твердить уроки неосмысленно, наизусть, а гдѣ священники не имѣютъ помощниковъ, тамъ дѣти часто остаются безъ надзора въ школѣ, такъ какъ священникъ бываетъ вынужденъ оставлять ихъ для исполненія требъ. Волостные писаря, взявшіе на себя обязанность учителей, также занимаются днѣш въ свободное время. Наемные учителя получаютъ слишкомъ незначительное содержаніе, а потому невозможно требовать отъ нихъ знаній, необходимыхъ учителю, какъ для пользы обученія, такъ и для возбужденія въ крестьянахъ желанія отдавать дѣтей своимъ въ ученіе, отъ котораго они могли бы осязательно видѣть пользу. Училища государственныхъ крестьянъ, существовавшія на сумми общественнаго сбора, выдаваемыхъ изъ казначейства, были

обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, но съ прекращеніемъ въ 1868 году этихъ выдачъ, должны были неминуемо закрыться. Къ такому заключенію училищный совѣтъ пришелъ на основаніи фактовъ временнаго закрытія нѣкоторыхъ училищъ въ 1867 году, когда выдача означенныхъ суммъ приостановилась по не зависящимъ отъ волостныхъ правленій обстоятельствамъ. Общества крестьянъ страшатся увеличенія окладовъ; какъ бы незначительны они ни были, не вида осязательной пользы отъ существующихъ училищъ, а потому совѣтъ призналъ невозможнымъ рассчитывать на содержаніе ихъ обществами. Крестьяне однако желаютъ посылать своихъ дѣтей въ училища тамъ, гдѣ вѣдѣются лучшіе учителя изъ воспитанниковъ семинарій; это видно изъ того, что а) въ такихъ школахъ дѣтей бываетъ болѣе 100; б) общества крестьянъ избираютъ къ такимъ школамъ изъ своей среды попечителей, специально обязанныхъ слѣдить за посѣщеніемъ дѣтьми школъ, и в) общества обращаются къ совѣту съ просьбой о выпискѣ для училищъ книгъ. По мнѣнію совѣта, дѣло народнаго образованія крайне нуждается въ поддержкѣ земства. Если принять среднюю цифру стоимости каждой школы въ 104 руб., а 18-и приходскихъ училищъ государственныхъ крестьянъ, по существующему окладу, въ 208 р. на каждое, то на всѣ училища потребно 6.868 р. Въ случаѣ согласія уѣзднаго земскаго собранія на отпускъ означенной суммы, училищный совѣтъ считалъ возможнымъ предлагать учительскія мѣста людямъ, соотвѣтствующимъ должности. Земское собраніе, въ засѣданіи 20-го сентября 1867 года, безпрекословно и безъ измѣненія, утвердило смѣту училищнаго совѣта и по ней ассигновало сумму для содержанія училищъ.

Въ первое послѣ этого постановленія засѣданіе, училищный совѣтъ опредѣлилъ сдѣлать надлежащій осмотръ училищъ и назначилъ на учебныя пособія 400 р.; но осмотръ по разнымъ обстоятельствамъ не состоялся, и вообще дѣйствія совѣта отличались нерѣшительностью и неопредѣленностью. За то во вторую половину 1868 года, съ измѣненіемъ своего личнаго состава, училищный совѣтъ съ большою энергіей приступилъ къ дѣлу. Совѣтъ рассмотрѣлъ списокъ народныхъ школъ, рѣшилъ вопросъ о жалованьѣ, выдававшемся прежде управо неравномѣрно и не всегда по заслугамъ, и обратился въ земскую управу съ ходатайствомъ дать ему право завѣдывать выдачей ассигновокъ на жалованье учителямъ, дабы такимъ образомъ поставить ихъ и въ матеріальномъ отношеніи въ зависимость отъ себя, съ чѣмъ управа и согласилась. Имѣя въ виду сдѣлать содержаніе училищъ и

вознагражденіе наставниковъ болѣе равномернымъ, совѣтъ опредѣлить за первую половину 1868 года удовлетворить училища въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они получали содержаніе отъ палаты государственныхъ имуществъ; нѣколи же, открываемыя вновь, получили по 104 руб. каждая. За вторую половину 1868 года было рѣшено выдавать то же содержаніе, но не иначе, какъ послѣ осмотра всѣхъ школъ. Осмотръ этотъ опредѣлено было произвести такъ: весь уѣздъ былъ раздѣленъ на три участка, по два стана въ каждомъ, и въ каждый участокъ было назначено по два члена съ обязанностию непременно лично посѣтить всѣ школы и доставить въ совѣтъ надлежащія свѣдѣнія. По отчету штатнаго смотрителя Рѣшиткова, представленному въ совѣтъ по осмотру училищъ, оказалось слѣдующее: изъ осмотренныхъ имъ 29-и училищъ дѣйствительно существующими оказалось только 20, остальные же девять существовали лишь въ отчетахъ волостныхъ правленій; въ двухъ училищахъ наставники рѣдко бывали и во время ревизіи отсутствовали; въ одномъ учитель-священникъ самъ просилъ увольненія отъ должности за старостью; въ двухъ хотя и было показано значительное число учениковъ, но на дѣлѣ ихъ не оказалось. Такимъ образомъ, число училищъ съ 45-и, по осмотру одного только члена, понизилось до 36-хъ, а учащихся въ нихъ считалось до 500. Лучшими оказались 4; остальные требовали нежеланнаго измѣненія ихъ организаци; нѣкоторые нуждались въ перемѣнѣ наставниковъ за неспособность ихъ къ преподаванію. Вездѣ замѣченъ общій недостатокъ въ учебныхъ принадлежностяхъ и руководствахъ. Изъ донесенія другаго члена оказалось, что изъ 5-и осмотренныхъ имъ училищъ 3 не имѣли удобнаго помѣщенія, и во всѣхъ училищахъ тотъ же недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ; учащихся въ нихъ, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, считалось 107, на дѣлѣ оказалось 77. Остальныя затѣмъ училища были осмотрены предсѣдателемъ училищнаго совѣта, и въ нихъ найдено то же самое. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ членами совѣта, оказалось училищъ въ уѣздѣ вмѣсто 45-и только 36; учащихся вмѣсто 2.168—всего 608, а наставниковъ, занимающихся своимъ дѣломъ хоть сколько-нибудь, изъ 60-и лишь 25; остальные затѣмъ изъявляли только критзанія на полученіе вознагражденія, дѣла же или не хотѣли, или не умѣли вести добросовѣстно, или же, что еще хуже, имѣли вмѣсто себя подставныхъ, наемныхъ безграмотныхъ людей, зараженныхъ предрасудками, и слѣдовательно, дурно вліяющихъ на дѣтей. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, училищный совѣтъ, съ

крайнимъ прискорбіемъ, нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ временному закрытію нѣкоторыхъ училищъ впредь до приисканія способныхъ учителей; сдѣлалъ черезъ вѣдомости приглашеніе желающихъ занять должности учителей, съ вознагражденіемъ за путевыя издержки, въ случаѣ удовлетворительной подготовки, доказанной на испытаніи въ совѣтъ, и пригласилъ мѣстныя общества къ избранію изъ среды своей особыхъ попечителей школы, на обязанность которыхъ были бы возложены наблюденіе за внѣшнимъ благоустройствомъ училища, заботы и право ходатайства о нуждахъ училища предъ училищнымъ совѣтомъ. Въ то же время сдѣлано распоряженіе о приобрѣтеніи на 200 р. нужнѣйшихъ учебныхъ пособій, для разсылки по училищамъ, а чтобы не могло произойти открытія школы безъ ясно высказаннаго сочувствія со стороны мѣстнаго общества, поставлено въ неперемѣнное условіе обществамъ, желающимъ имѣть училище, дать отъ себя помещеніе для школы, отопленіе и сторожа. Затѣмъ совѣтъ ужь имѣлъ назначить учителей съ жалованьемъ изъ суммъ отъ земства на слѣдующихъ условіяхъ: учителю въ годъ 120 руб., помощнику отъ 50 до 75 руб., законоучителю отъ 80 до 100 руб., смотря по усердію и количеству учащихся. Кроме того, убѣждаясь, что и это вознагражденіе не обезпечиваетъ учителей, вполне преданныхъ своему дѣлу, опредѣлили: лучшимъ учителямъ, заслужившимъ довѣріе мѣстнаго общества и съ особеннымъ успѣхомъ ведущимъ дѣло своей школы, выдавать единовременно вознагражденіе за годъ отъ 25 до 50 руб. Всѣ эти распоряженія совѣтъ считалъ необходимыми, дабы трата денегъ, такъ сочувственно назначенныхъ земскимъ собраніемъ на школы, производилась съ крайнею осторожностію, и каждая копейка, истраченная въ пользу народнаго образованія, приносила дѣйствительную пользу. Кроме того, совѣтъ опредѣлили: наставниковъ, допущенныхъ къ занятіямъ въ школахъ безъ всякаго права и экзамена, вытребовать лѣтомъ въ совѣтъ и подвергнуть экзамену, каковою мѣрой наставники побуждались къ занятіямъ, ибо совѣту положительно было извѣстно, что далеко не всѣ наставники заняты собственнымъ усовершенствованіемъ въ необходимыхъ для нихъ занятіяхъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ, по вызову въ совѣтъ, явились на испытаніе и опредѣлены на мѣста 13 человекъ, въ томъ числѣ 2 священника и 1 дьяконъ, и 35 училищъ какъ-бы вновь устроено съ надежными учителями. При сочувствіи земства и сельскихъ обществъ, дѣло училищнаго совѣта въ отношеніи народнаго образованія принимаетъ лучший видъ. Земство главнымъ образомъ выразило свое со-

чувствіе назначеніемъ значительной суммы на народныя училища и предоставленіемъ ея въ завѣдываніе совѣта; сельскія общества — назначеніемъ попечителей, помѣщенія и вспоможенія учителямъ, приговорами о побужденіи крестьянскихъ дѣтей въ обученію грамотѣ и заявленіемъ желанія объ открытіи новыхъ училищъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе факты: въ октябрѣ 1866 года уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ разрѣшено двухклассное училище въ слободѣ Ольховаткѣ, открытое стараніемъ управляющаго имѣніемъ г. Черткова на счетъ родителей учащихся; общество сл. Россоши приговоромъ пожертвовало одновременно 600 руб., уже внесенные на устройство своего училища, и по 400 р. ежегодно. Мѣстный владѣлецъ г. Чертовъ предложилъ съ своей стороны всевозможную помощь для устройства въ Россошѣ образцоваго двухкласснаго училища. Г. штатный смотритель исходатайствовалъ на этотъ предметъ отъ министерства народнаго просвѣщенія назначеніе по 1.000 руб. ежегоднаго пособія, съ тѣмъ, чтобъ упомянутое училище было устроено съ агрономическимъ характеромъ и служило образцомъ для другихъ сельскихъ училищъ. Устройство подобнаго училища составитъ важное событіе въ уѣздѣ приготовленіемъ будущихъ земледѣльцевъ, огородниковъ, садоводовъ изъ среды сельскихъ жителей, не отрывая дѣтей отъ ихъ семействъ, и благотворительно отразится на улучшеніи быта народа.

— Изъ села Олень-Колодезь пишутъ въ *Воронежскій Телеграфъ* (№ 22), что въ мѣстномъ училищѣ, существующемъ около трехъ лѣтъ, ученіе шло до послѣдняго времени довольно успѣшно. Всѣхъ учащихся мальчиковъ было около 130. Два смѣнившихся одинъ за другимъ учителя съ успѣхомъ вели дѣло обученія; но первый изъ нихъ, отличавшійся примѣрнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей и гуманнымъ обращеніемъ съ учениками, долженъ былъ оставить училище; второй, не смотря на успѣхи учениковъ, не понравился мѣстнымъ сельскимъ властямъ, и общество, на одной изъ сходовъ, отказало учителю на томъ основаніи, что онъ будто бы плохо занимается, а потому „пусть лучше дѣти будутъ помогать дома, нежели безъ дѣла пробудутъ въ школѣ“. Съ тѣхъ поръ, уже съ полгода, какъ въ училищѣ нѣтъ никакихъ занятій. Школа въ настоящее время помѣщается въ довольно тѣсной и потому неудобной для занятій кухнѣ просфорни, между тѣмъ у жителей Олень-Колодезя нѣтъ недостатка въ матеріальныхъ средствахъ.

Такия же неутѣшительныя извѣстія идутъ изъ села Драгина, Ко-

ротоявскаго уѣзда (*Ворон. Губерн. Вид. № 23*). Грамотность въ этомъ селѣ развита порядочно: число всѣхъ читающихъ простирается до 200 человекъ; распространеніемъ ея занимались прежде чернички, солдаты, просфорня и духовенство. Въ 1869 году въ селѣ была открыта школа; но „міроѣды“ повредили дѣлу и здѣсь: въ нынѣшнемъ году эта школа закрылась, — сельское общество, руководимое „міроѣдами“, порѣшило отказаться отъ нея, опять на томъ основаніи, что дѣтей ихъ плохо учать.

— Въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 175 пр. года) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи Старомерчанской школы въ 18^{69/70} учебномъ году. Школа эта открыта въ концѣ 1869 года г. фонъ-Мевкомъ и помѣщается въ домѣ, удовлетворяющемъ во всѣхъ отношеніяхъ педагогическимъ требованіямъ. Учащихся до конца ноября 1870 года было 40, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ. Всѣ учащіяся, за исключеніемъ одного священническаго сына, крестьяне-собственники. Учитель Калашниковъ пользуется довѣріемъ, и дѣти относятся къ нему дружески и откровенно. Преподаваніе шло успѣшно. По закону Божію съ дѣтьми, являвшимися въ школу знающими молитвы, было особенно трудно заниматься, такъ какъ они сильно коверкали слова молитвъ, вслѣдствіе чего дѣти, вовсе не знавшіе никакихъ молитвъ выучивались скорѣе знающихъ. Сначала изученіе молитвъ шло со словъ учителя, а когда дѣти научались читать, — по енигамъ; въ обоихъ случаяхъ, предъ изученіемъ учитель читалъ молитву въ русскомъ переводѣ и объяснялъ смыслъ ея. По ариметикѣ ученики, не умѣвшіе сосчитать пальцевъ на рукахъ, научились четыремъ арифметическимъ дѣйствіямъ, на счетахъ и письменно. По русскому языку употреблялся звуковой методъ; дѣти выучивались читать и писать въ 28, 16 и 10 учебныхъ дней; съ обученіемъ чтенія шло и письмо по методѣ Мессера. Обученіе церковному чтенію начато было послѣ того, какъ дѣти достаточно ознакомились съ гражданскою печатью. Чтобы показать крестьянамъ успѣхи обученія, учитель заставилъ одну осмилѣтнюю дѣвочку читать въ церкви, что очень удивило и порадовало Старомерчанъ. Обучая русскому языку, учитель старался развивать дѣтскія способности и сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія. По картинкамъ онъ объяснялъ имъ о животныхъ; сообщалъ полезныя свѣдѣнія о соли, чаѣ, сахарѣ и проч.; рассказывалъ о Харьковской губерніи, о землѣ и солнцѣ, о суевѣріяхъ съ опроверженіемъ ихъ, и проч. Дѣти приучаемы были къ письменнымъ упражненіямъ, состоявшимъ въ томъ, что они излагали свои мысли о читанномъ, видѣнномъ и

слышанномъ. Заботясь объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи учащихся, учитель не оставлялъ въ то же время безъ вниманія и физической стороны. Особенное вниманіе обращалъ онъ на чистоплотность дѣтей; являющихся въ школу мальчиковъ стригъ и постоянно напоминалъ имъ о нерадѣніи ихъ въ отношеніи рукъ, рта, головы и лица. Во время перемѣнъ дѣти исполняли нѣкоторыя гимнастическія упражненія, что очень ихъ забавляло. Школа, благодаря участію учителя, обеспечена учебными пособиями.

— Совѣтъ Черниговской земской учительской семинаріи, по заявленію одного изъ учителей, г. Бялопольскаго, входилъ въ обсужденіе вопроса о пользѣ, какая можетъ произтекать отъ обученія ремесламъ воспитанниковъ семинаріи, въ свободное отъ другихъ занятій время, въ ремесленномъ классѣ сиротскаго дома. При обсужденіи этомъ имѣлись въ виду не только нравственные и гигиеническія цѣли, но и возможность примѣнять ремесленные занятія во время педагогической дѣятельности воспитанниковъ, для приготовленія различныхъ инструментовъ и моделей, какъ необходимыхъ учебныхъ пособій, образцы которыхъ привезены изъ Петербурга. Губернская земская управа, рассмотрѣвъ затѣмъ заявленіе учительской семинаріи въ этомъ смыслѣ, признала полезнымъ и цѣлесообразнымъ устройство ремесленного класса, въ который, кромѣ стипендіатовъ земства, допускаются и посторонніе, желающіе учиться ремесламъ, и сдѣлала распоряженіе о допущеніи въ такіе занятія, въ послѣобѣденное время, воспитанниковъ земской семинаріи, подъ наблюденіемъ одного изъ учителей. С.-Петербургскій университетъ подарилъ Черниговской учительской семинаріи очень хорошую и цѣнную минералогическую коллекцію, а медико-хирургическая академія — человѣчскій скелетъ и нѣкоторые другіе предмѣты (*Правит. Вѣстн.* № 75).

— Борзенское уѣздное земское собраніе, между прочимъ, постановило: разрѣшить уѣздной управѣ содержать въ Черниговской учительской земской семинаріи до шести стипендіатовъ, полагая каждую стипендію въ 80 руб. (*Прав. Вѣстн.* № 83).

— Въ селѣ Ротовѣ была открыта въ 1860 году, по распоряженію покойнаго архіепископа Филарета, церковно-приходская школа, въ которой обучалось около 20-и поселянскихъ дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ научились порядочно читать и пѣть, отчасти и писать. Не смотря на все это, прихожане мало сочувствовали дѣлу обученія своихъ дѣтей, главнымъ образомъ потому, что не могли убѣдиться въ пользѣ

грамотности. Еще до основанія школы, между поселянами были грамотеи, умѣвшіе плохо читать и еще хуже писать, и ведшіе не безукоризненную жизнь; они-то заставили крестьянъ подозрительно смотрѣть на дѣло обученія, отчего школа не могла имѣть порядочнаго помѣщенія. Это заставило священника обратиться съ просьбою въ Глуховскій уѣздный училищный совѣтъ — оказать ему содѣйствіе въ устройствѣ помѣщенія для школы. Пока результатъ этой просьбы не извѣстенъ. (*Черн. Епарх. Изв.* № 6).

— Въ *Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1870 года (№ 20) помѣщены журналы засѣданій нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Полтавской губерніи за 1869 годъ. Извлекаемъ изъ нихъ наиболѣе интересныя данныя.

Лохвицкій уѣздный училищный совѣтъ, вслѣдствіе предложенія своего предсѣдателя о средствахъ къ открытію школъ во всѣхъ селеніяхъ Лохвицкаго уѣзда, постановилъ просить чрезъ мѣстнаго благочиннаго церковно-приходскія попечительства, а гдѣ ихъ нѣтъ, то по немедленномъ открытіи ихъ и по сношеніи съ прихожанами и священникомъ, озаботиться устройствомъ начальныхъ училищъ, при чемъ относительно содержанія училищъ и вознагражденія наставника принять на первый разъ въ примѣръ общества, уже устроившія у себя школы и принявшія за норму взноса 10 коп. со двора и отъ 30 к. до 1 руб. и болѣе съ ученика въ годъ за ученіе; на отопленіе же училища назначить сборъ съ каждаго двора по нѣскольку булей соломы; сторожа должно нанимать само общество. Кромѣ того, просить благочинныхъ предложить священникамъ, чтобъ они не отказывались отъ преподаванія закона Божія, какъ въ существующихъ училищахъ, такъ и въ тѣхъ, которыя могутъ быть открыты.

Наставникъ Брагичскаго училища, священникъ Сенько-Буланнй, донесъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени открытія училища, назначенныя приговоромъ общества деньги на училище собирались волостнымъ правленіемъ, но училище оставалось безъ средствъ, такъ какъ волость удерживала ихъ у себя, и священникъ содержалъ училище четыре года на свой счетъ. Послѣдовавшія затѣмъ продолжительныя хлопоты его по этому дѣлу въ разныхъ инстанціяхъ, не увѣнчались успѣхомъ, и священникъ вынужденъ былъ вновь обратиться къ обществу, чтобы сдѣлать болѣе прочнымъ содержаніе училища. Общество сочувственно отозвалось на это ходатайство и новымъ приговоромъ постановило жертвовать по 15 коп. съ ревизской души на жалованье законоучителю и учителю, а также на содержаніе дома и сторожа;

а, вслѣдъ затѣмъ выстроило и домъ для училища со всѣми принадлежностями; но и этотъ приговоръ остался безъ исполненія. Священникъ донесъ объ этомъ безпорядкѣ благочинному, предположивъ, что для удобнѣйшаго полученія съ общества денегъ, назначенныхъ по приговору общества въ пользу училища, слѣдовало бы взимать ихъ чрезъ сборщика податей, такъ какъ само попечительство не въ состояніи взыскивать деньги, а отъ этого училище долге существовать не можетъ. Уѣздный училищный совѣтъ сдѣлалъ необходимыя по сему предмету распоряженія. Означенное училище, по засвидѣтельствованію предсѣдателя училищнаго совѣта, оказалось въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, за что совѣтъ опредѣлилъ выдать священнику Буланому одновременно 60 руб.

Прихожане Ивашинской управы составили приговоръ объ открытіи у нихъ школы, на что опредѣлили взимать ежегодно съ каждой души по 10 коп.; но приговоръ этотъ не былъ въ точности исполненъ, такъ какъ часть собранныхъ денегъ употреблена обществомъ на другіе предметы, и даже ассигнованныя земствомъ деньги употреблялись не надлежащимъ образомъ, тогда какъ училище испытываетъ сильнѣйшій недостатокъ въ учебныхъ книгахъ, бумагъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ, отчего ученики въ теченіе двухъ лѣтъ не могли даже научиться читать. Совѣтъ постановилъ сдѣлать по сему предмету сношеніе съ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ.

Въ Миргородскомъ училищномъ совѣтѣ, по поводу предложенія Московскаго комитета грамотности объ открытіи лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, постановлено: такъ какъ учитель, ознакомившись съ лучшимъ веденіемъ преподаванія, можетъ держать многочисленный классъ въ порядкѣ и въ одно и то же время занимать всѣхъ учениковъ классною работою, чего въ настоящее время учителя не умѣютъ, то увѣдомить мѣстную земскую управу, что совѣтъ находитъ полезнымъ открытіе педагогическихъ курсовъ для учителей въ лѣтнее время, но полагаетъ, что изъ числа 39-и обучающихся лицъ, могутъ посѣщать курсы только 9 свѣтскихъ учителей. Изъ справки видно, что въ составъ народныхъ учителей 28-и школъ уѣзда входятъ 19 священниковъ, 4 діакона, 7 причетниковъ и только 9 свѣтскихъ лицъ.

Въ совмѣстномъ засѣданіи Гадячскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и земской управы членъ совѣта, штатный смотритель Бойкевичъ, заявилъ, что открытая и содержимая въ с. Крутькахъ дьячкомъ Лазурскимъ церковно-приходская школа ревностными трудами учителя поставлена въ очень хорошее состояніе и много способствуетъ къ ра-

спространенію грамотности среди мѣстнаго населенія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1869 года въ ней было учащихся 45 мальчиковъ, и всѣ они, заохоченные и обласканные Лазурскимъ, очень аккуратно и съ большимъ удовольствіемъ посѣщаютъ школу и другъ передъ другомъ усердствуютъ въ изученіи грамоты; между тѣмъ дѣлчкъ Лазурскій, не получая за труды свои никакого вознагражденія и не имѣя никакого состоянія, очень нуждается въ средствахъ къ содержанію себя съ семействомъ. Члены совѣта и управы, находя, что существованіе открытой и содержимой Лазурскимъ школы необходимо и весьма полезно для мѣстнаго населенія, и что онъ своими трудами и усердіемъ къ занятіямъ вполне заслуживаетъ вознагражденія, опредѣлили: выдать Лазурскому одновременно 25 руб. изъ суммы, назначенной земскимъ собраніемъ на содержаніе народныхъ училищъ.

Въ томъ же засѣданіи читано заявленіе священника села Венеславовки Михаила Яценко, въ которомъ онъ объяснилъ управѣ, что, сочувствуя народной грамотности и желая быть полезнымъ своимъ прихожанамъ въ этомъ отношеніи, онъ на собственный счетъ построилъ для училища домъ въ названномъ селеніи, и проситъ управу изыскать средства для содержанія школы и вознагражденія учителя на будущее время, такъ какъ прихожане его, по бѣдности, рѣшительно не могутъ жертвовать что-либо на этотъ предметъ. Одинъ изъ членовъ училищнаго совѣта при этомъ засвидѣтельствовалъ, что школа, устроенная священникомъ Яценко, находится въ хорошемъ состояніи и имѣетъ 20 учениковъ, съ которыми дѣлный годъ занимался безвозмездно учитель Малишевскій. Опредѣлено: выдать учителю Малишевскому 30 р., а о назначеніи постоянной суммы на содержаніе Венеславовской приходской школы и на вознагражденіе учителя оной представить на благоусмотрѣніе уѣднаго земскаго собранія и ходатайствовать о такомъ назначеніи, какъ о мѣрѣ весьма полезной для распространенія въ народѣ грамотности.

— *Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости* (№№ 21, 22 и 23 пр. г. и 1 и 3 настоящ.) сообщаютъ нѣсколько приговоровъ сельскихъ обществъ, коими отырываются вновь и обезпечиваются содержаніемъ сельскія школы. Такъ 1) 1-го октября 1870 года открыта школа въ м. Голтвы, Кобелявскаго уѣзда. Мѣстный священникъ В. Яснопольскій безвозмездно уступилъ подъ помѣщеніе этой школы половину своего просторнаго дома. Въ день открытія школы, поступило въ нее 20 мальчиковъ, нигдѣ дотогѣ не учившихся. 2) Существующее съ 1846 г. приходское училище въ с. Дравовѣ, Золотоношскаго уѣзда,

не имѣло удобнаго помѣщенія. По внушенію мѣстнаго старшины, прихожане согласились на постройку новаго дома для училища, съ помѣщеніемъ для учителя, на что ассигновали 300 р. 3) Училище, существующее съ того же 1846 г. въ с. Поповомъ, Кобелякскаго уѣзда, приносило существенную пользу для общества, такъ какъ изъ него вышло между прочимъ нѣсколько человѣкъ, занимающихъ при волостяхъ и экономіяхъ должности старшинъ и приказчиковъ; школа, кромѣ того, всегда имѣла удовлетворительный хоръ пѣвчихъ, въ которомъ принимаютъ участіе и женщины, имѣющія семейства. Но средства заведенія были весьма скудны, такъ что оно не могло привлечь къ себѣ вполне способнаго учителя. Нынѣ учредители школы, четверо мѣстныхъ прихожанъ, гг. Пригара и Коляновскіе, семейнымъ приговоромъ обезпечили на 4 года возможность дать учителю 100 р. ежегоднаго жалованья и снабдить школу всѣми необходимыми принадлежностями, при чемъ постановили, чтобъ ученики и ихъ родители, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, не были облагаемы никакими сборами за ученіе въ пользу учителя или школы; но если число желающихъ учиться будетъ такъ значительно, что потребуетъ усиденныхъ занятій, или найма помощника учителю, то послѣдному можетъ быть предоставлено войти въ соглашеніе съ родителями относительно особаго отъ нихъ вознагражденія, *taxitum* коего долженъ быть во всякомъ случаѣ опредѣленъ учителемъ, по соглашенію съ лицомъ, завѣдующимъ школою, изъ семейства учредителей и съ мѣстнымъ священникомъ. Учредители надѣются, что польза школы на столько будетъ признана крестьянскимъ обществомъ, что существованіе ея будетъ обезпечено независимо отъ постороннихъ пособій. 4) Прихожане Вознесенской церкви с. Поповки и дер. Паекъ приговорили открыть у себя 1-го октября 1870 г. школу, при чемъ постановили: содержаніе училища, покупку книгъ для учащихся и письменныя принадлежности отнести на свой счетъ; для отопленія училища вѣзять съ каждаго, отдающаго свое дитя въ училище, по одному возу соломы; въ вознагражденіе священнику съ помощникомъ каждый домохозяинъ, котораго дитя будетъ учиться, обязать платить по 1 р., а прочіе единообщественники съ каждаго двора по 5 к., всего же по числу учениковъ и дворовъ 45 р. въ годъ. 5) Въ м. Еремѣевкѣ, Золотоношскаго уѣзда, открыта 14-го сентября 1870 г., въ видѣ опыта, воскресная школа, въ которой объясняется прихожанамъ слово Божіе. Въ ней бываетъ слушателей отъ 10-и до 15-и человѣкъ, но благочинный надѣется, что, по значительному количеству народонаселенія м. Еремѣевки, состоя-

шаго изъ трехъ приходоѡ и 4.041 д. муж. пола, Еремѣвская воскресная школа привлечетъ достаточное число слушателей.

— 30-го августа 1870 г. послѣдовало открытіе двухъкласснаго образованаго народнаго училища въ м. Бѣлоцерковѣ, Хорольскаго уѣзда. Кромѣ отпущенныхъ единовременно на необходимыя перестройки въ училищномъ домѣ и устройство мебели 1.500 р., министерствомъ народнаго просвѣщенія отпускается ежегодно на содержаніе этого училища 915 р. Бѣлоцерковское общество уступило для помѣщенія училища каменный домъ, занимаемый прежде волостнымъ правленіемъ. Кромѣ того, оно уступило два деревянные дома для двухъ квартиръ учителей и около двухъ десятинъ земли подъ садъ и огородъ для нихъ, а также взяло на себя ремонтъ и отопленіе пожертвованныхъ домовъ, прислугу и освѣщеніе дома, занимаемаго собственно училищемъ.

По поводу открытія Бѣлоцерковскаго училища, сообщившій извѣстіе объ этомъ г. инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи А. П. Добротворскій дѣлаетъ нѣкоторыя общія замѣчанія о народныхъ школахъ губерніи. Укажемъ на слѣдующія. Говоря о скудости средствъ существованія народныхъ школъ, г. Добротворскій замѣчаетъ, что въ Полтавской губерніи есть не мало мѣстечекъ и селеній, въ которыхъ составляются довольно благоприятныя общественныя приговоры касательно содержанія мѣстныхъ училищъ; но мѣстами они вовсе не выполняются, или же подвергаются почти ежегодному измѣненію, такъ что учитель, получающій въ настоящемъ году жалованье отъ общества, никакъ не можетъ быть увѣренъ, что оно непремѣнно будетъ назначено ему и на слѣдующій годъ. Оттого въ Полтавской губерніи сельскія училища то открываются вновь, то закрываются (такъ въ Лубенскомъ уѣздѣ въ одномъ 1869 году закрылись, по недостатку содержанія, 22 народныхъ училища), то имѣютъ учителей, то на цѣлыя годы совершенно лишаются ихъ, и существованіе многихъ народныхъ училищъ поддерживается единственно безплатными трудами священно- и церковнослужителей. По одному Прилукскому уѣзду показано въ вѣдомости училищнаго совѣта за 1869 годъ такихъ безплатныхъ преподавателей 43 человѣка. Нѣкоторые крестьяне не хотятъ вносить деньги на училище, потому что въ немъ не обучаются ихъ дѣти; такъ, на примѣръ, въ с. Засулѣ, подъ гор. Ромномъ, есть готовый, вполне удобный для училища домъ, устроенный палатою государственныхъ имуществъ; но это училище закрылось 1-го октября 1867 года, по не составленію, какъ сказано въ

вѣдомости, обществомъ приговора о продолженіи сборовъ на содержаніе. А между тѣмъ въ Засульѣ до 3,000 жителей; ученіе до того тамъ необходимо, что бѣдные родители платятъ отъ 3-хъ до 4-хъ рублей за ученика въ частной школѣ, по необходимости тамъ образовавшейся. Въ этой школѣ г. инспекторъ народныхъ училищъ засталъ 15-го іюля 1870 года 32 мальчика и 15 дѣвочекъ. Приходское училище въ гор. Ромнѣ переполнено учениками оттого, что многие ходятъ туда изъ Засульи, хотя послѣднее не ближе двухъ верстъ отъ этого училища.

Вотъ еще нѣсколько замѣчательныхъ въ томъ же родѣ явленій. Еще 17-го ноября 1869 года Полтавскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ избраны мм. Соколки, Опошня, Чернухи и Смѣлое для основанія тамъ одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, съ немедленнымъ отпускомъ 226 р. отъ казны ежегодно на каждое такое училище. Съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый годъ, и ни въ одной изъ этихъ мѣстностей не составились приговоры обществъ, вполне удовлетворительные для того, чтобы можно было ходатайствовать объ открытіи тамъ предположенныхъ училищъ; а между тѣмъ отъ обществъ требовалось только одна десятина земли подъ садъ и огородъ, затѣмъ ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе и прислуга. Произошло это оттого, что нашлись люди (чаще всего волостные писаря), которые, по своекорыстнымъ разчетамъ, постарались сбить съ толку мѣстное населеніе, напугавъ его, напримѣръ, тѣмъ, что современемъ потребуютъ отъ него еще гораздо больше того, что теперь требуется, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ могло произойти только то, что одноклассное училище въ извѣстной мѣстности было бы чрезъ нѣсколько времени преобразовано въ двухклассное, и общество, вмѣсто 226 руб., получало бы ежегодно 915 р. на содержаніе этого училища. Такимъ образомъ, болѣе тысячи рублей, которые были бы отпущены на четыре одноклассныя училища въ истекшемъ году, потеряны для народныхъ училищъ Полтавской губерніи. Несомнѣнно, что не менѣе тысячи рублей отпустило бы министерство народнаго просвѣщенія, сверхъ того, на первоначальное обзаведеніе этихъ 4-хъ училищъ, или устройство помѣщеній для нихъ. А между тѣмъ во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ, особенно въ м. Смѣломъ, по значительности тамошняго народонаселенія, по количеству учениковъ и охотѣ ихъ къ ученію, такія училища не только полезны, но и необходимы. Въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ мѣстъ общество особенно опасалось потерять одну десятину земли и общественный домъ, тогда какъ и земля и домъ остались бы навсегда

собственностью того же общества, которому принадлежало бы и самое училище. Другой случай. Въ м. Карловеѣ, Константиноградскаго уѣзда, домъ общественнаго мужскаго училища пришелъ въ ветхость. Тамошнее приходское попечительство назначило 700 р. на устройство новаго дома для училища. Мало того, по ходатайству предсѣдателя попечительства Г. К. Конрадъ, главноуправляющаго экономіей Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны, изъ этой экономіи предлагаютъ еще безплатно лѣсъ для постройки училищнаго дома; обществу остается только вывезти этотъ лѣсъ и на ассигнованныя попечительствомъ деньги построить новый домъ для училища. Но общество медлитъ, желая, чтобъ экономія представила ему еще лѣсъ на мѣсто постройки собственными средствами. Такимъ образомъ можно потерять и лѣсъ, и деньги, и остаться съ одними развалинами училищнаго дома, а между тѣмъ въ училищѣ этомъ болѣе 50-и учениковъ, и жалованье двумъ преподавателямъ производится не обществомъ, а экономіей Ея Высочества.

Впрочемъ причиною холодныхъ отношеній нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ къ школѣ нерѣдко бываетъ и сама школа, такъ какъ нѣкоторые изъ преподавателей видимо не подготовлены къ своему дѣлу и не заботятся о своемъ самоусовершенствованіи, отчего преподаваніе идетъ неудовлетворительно. Другіе, при лучшемъ знаніи дѣла, исполняютъ учительскія обязанности не вполне исправно. Въ нѣкоторыхъ школахъ въ два и въ три года почти ничему не выучиваютъ; въ иныхъ мало обращаютъ вниманія на ясное, раздѣльное, толковое чтеніе, на чистописаніе и практическое рѣшеніе ариметическихъ задачъ; въ другихъ не учатъ дѣтей церковному пѣнію; въ иныхъ наконецъ, не заботятся о томъ, чтобы хорошо зарекомендовать школу предъ обществомъ, напримѣръ, приготовивъ, въ школѣ отличныхъ чтецовъ и пѣвцовъ для церкви, чѣмъ дорожить простой народъ. Оттого крестьянинъ не можетъ понять пользу школы и полюбить ее на столько чтобы жертвовать на нее своими послѣдними грошами; оттого недовольство и нареканія на школу.

— Приводимъ отзывъ преосвященнаго Агаангела, архіепископа Волынскаго, о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ *Заславскомъ* уѣздѣ, *Волынской* губерніи, которыя преосвященный посѣтилъ во время личнаго обозрѣнія епархіи въ истекшемъ году. Изъ отзыва преосвященнаго Агаангела (см. *Киев.* 1870 года № 109) видно, что въ минувшемъ году при 18-и самостоятельныхъ церквахъ 4-го благочинначескаго округа Заславскаго уѣзда было 30 церковно-приходскихъ

школъ и 3 народных училища; въ нихъ обучалось мальчиковъ и дѣвочекъ 1.701. Церковно-приходскія школы, существуя съ 1840 года, получили надлежащій видъ, правильный порядокъ и прочное устройство съ 1864 года, при энергическомъ и глубоко-патриотическомъ участіи мѣстнаго мирового посредника, г. Кравцова ¹⁾. Какъ истинный другъ народа, любитель просвѣщенія и настоящій гражданинъ отечества, говорить далѣе, преосвященный, г. Кравцовъ принялъ на себя самое дѣятельное и просвѣщенное участіе въ положеніи образованія дѣтей крестьянскаго населенія. По его личной заботливости, не только въ каждомъ приходѣ, но и во всякой деревнѣ, устроены приличные и удобные дома подъ помѣщеніе сельскихъ школъ; составлены вездѣ общественные приговоры къ обезпеченію не только настоящаго, но и будущаго существованія этихъ школъ, назначены отъ общества во всякую школу особы, испытанной честности и усердія, попечители; приходскимъ священникамъ, какъ наставникамъ сельскихъ школокъ, присланы помощники съ посылнымъ имъ отъ общества вознагражденіемъ отъ 30—80 руб., въ продолженіи 8-и учебныхъ мѣсяцевъ, смотря по заслугамъ учащихся и количеству учащихся; по его же заботливости и распорядительности покупаются ежегодно въ каждую сельскую школу разные учебники и школьныя принадлежности. Г. Кравцовъ лично, вмѣстѣ съ благочиннымъ, обзрѣваетъ школы по нѣскольку разъ въ продолженіи учебнаго періода, награждая всякій разъ учениковъ значительными подарками изъ собственныхъ средствъ, для возбужденія охоты въ учащихся. Во многихъ церковно-приходскихъ школахъ г. Кравцовъ лично съ женою своею присутствуетъ на экзаменахъ. Г-жа Кравцова принимаетъ самое живое участіе въ судьбѣ учащихся дѣвочекъ, лично поощряя ихъ къ ученію разными подарками изъ собственныхъ средствъ, и нѣсколько дѣвочекъ - сиротъ содержать въ своемъ домѣ, на собственномъ иждивеніи. Посѣщая школы, преосвященный лично видѣлъ ласковое обращеніе г. Кравцова съ дѣтьми и ту преданность, которую выражали они и ихъ отцы своему благодѣтелю.

— Александровское уѣздное, *Екатеринославской* губерніи, земское собраніе, изыскивая способы къ распространенію въ населеніи ремесленнаго образованія, постановило ходатайствовать о разрѣшеніи отчислить на устройство ремесленной школы 3.000 руб. (*Привѣст. Вѣст.* № 40). •

¹⁾ О дѣятельности г. Кравцова мы отчасти упоминали въ июльской книгѣ *Бурн. Мич. Народн. Прогр.* 1870 года. (Ом. Совр. Лѣт. стр. 138).

— 1-го ноября истекшаго года освященъ былъ въ Ригѣ куплен- ный Петропавловскимъ православнымъ братствомъ домъ для русско- эсто-латышской школы, которая и содержится на счетъ братства. Домъ устроенъ на пожертвованія, во главѣ которыхъ стоитъ пособіе въ 2.000 руб., оказанное братству Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Помѣщеніе школы устроено на 200 человекъ. Пока открыты два класса, но въ сентябрѣ нынѣшняго 1871 года предполагается открыть еще два класса, параллельные, въ которыхъ учителями будутъ воспитанники Рижской учительской семинаріи. По словамъ *Рижскаго Вѣстника* (№ 250 пр. года), къ ноябрю мѣсяцу 1870 года въ школѣ состояло: въ младшемъ классѣ 56 учениковъ, изъ которыхъ 4 Русскихъ, 2 Нѣмца, 1 Эстонецъ и 49 Латышей; въ старшемъ классѣ 35 учениковъ, изъ нихъ 10 Русскихъ, 24 Латыша и 1 Эстонецъ. Всѣхъ учениковъ 91 и ожидалось къ поступленію 10, такъ что оба класса совершенно полны, и желающимъ учиться по русски приходится опять отказывать впредь до открытія двухъ параллельныхъ классовъ, которые также должны скоро наполниться, такъ какъ и теперь уже многіе изъ Латышей записались на сентябрь 1871 года, и постоянно записываются другіе, желающіе поступить въ школу. Латыши, отдающіе дѣтей своихъ въ школу, заявляютъ о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются ими въ полученіи метрическихъ свидѣтельствъ. Они тщательно спрашиваютъ учителя, не будутъ ли дѣтей ихъ присоединять къ православію, не будутъ ли взыскивать съ нихъ какиѣ-либо денегъ за ученіе послѣ того, какъ они выйдутъ изъ школы, и отдаютъ дѣтей только тогда, когда учитель объяснитъ имъ, что всѣ подобныя слухи не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Въ младшемъ классѣ обучаютъ грамотѣ дѣтей по азбукѣ г. Крауклиса, изданной братствомъ. Успѣхъ обученія, по словамъ учителя, превосходитъ всякія ожиданія. Мальчики учатся съ величайшею охотою и никакъ не могутъ надивиться, что одними и тѣми же буквами можно читать и по латышски и по русски; еще болѣе дивятся таблицамъ со словами русскими и латышскими, которыя не только напечатаны русскими буквами, но и совершенно сходны между собою и значеніемъ, и произношеніемъ. При первоначальномъ обученіи русской грамотѣ, азбука г. Крауклиса и составленныя имъ таблицы для чтенія дали результаты, которые удивили самаго учителя. Въ самое короткое время мальчики освоились съ русскими буквами и уже читаютъ по латышски и по русски довольно бойко. Совершенный недостатокъ книгъ для чтенія мальчиковъ озабочиваетъ братство, и слышно, что оно намѣрено за-

давать для своей школы нужныя книги, какъ русскія, такъ и латышскія, напечатанныя русскими буквами.

— Общее состояніе народнаго образованія въ Эсто-латышскомъ краѣ, имѣющемъ 1.809.000 жителей, опредѣляется слѣдующими цифрами. Управленію Рижской губернской дирекціи училищъ въ 1870 году были подчинены: казенныхъ заведеній—1 гимназія съ 327-ю учениками; уѣздныхъ училищъ 5 съ 623-мя учениками; женскихъ училищъ 4 съ 200 ученицъ; начальныхъ училищъ 6 съ 364-мя учениками. Частныхъ училищъ съ гимназическимъ курсомъ 2, въ коихъ 110 учениковъ и 42 ученицы; съ уѣзднымъ курсомъ 4, въ нихъ 270 учениковъ, и съ курсомъ начальныхъ училищъ 7. Высшихъ частныхъ женскихъ училищъ 13 съ 519-ю ученицами; низшихъ 11 съ 481-ю ученицей. Частныхъ училищъ для дѣтей обоого пола 11, въ нихъ 264 мальчича и 267 дѣвочекъ; школъ 3-го разряда 15, въ нихъ 161 мальчикъ и 137 дѣвочекъ. Всего состояло въ вѣдѣніи дирекціи 70 учебныхъ заведеній, въ которыхъ было учащихся 2.119 мальчиковъ и 1.647 дѣвочекъ. Сверхъ того, въ вѣдѣніи Рижской городской училищной инспекціи находятся: 1 гимназія съ 206-ю учениками; начальныхъ училищъ 14 и въ нихъ 738 мальчиковъ и 67 дѣвочекъ; сиротскихъ школъ 2, въ нихъ 51 мальчикъ и 25 дѣвочекъ; женскихъ училищъ 6, въ нихъ 473 дѣвочки; частныхъ училищъ 2, въ нихъ 77 дѣвочекъ. Всего на счетъ города содержалось 23 училища, въ которыхъ училось 995 мальчиковъ и 642 дѣвочки.

— Въ Эстляндской губерніи состояніе народнаго образованія за 1869 годъ представляется по отчету прошлогодняго съѣзда лютеранскихъ духовныхъ лицъ (см. *Голосъ* № 51), въ слѣдующемъ видѣ. Число народныхъ школъ увеличилось съ 400 до 424 и сверхъ того имѣлось еще въ виду открытіе 17-ти школъ. Число учащихся по школамъ съ 24.708 возрасло до 25.661. Повѣрочнымъ испытаніямъ были подвергнуты въ теченіе года, кромѣ учащихся, и всѣ прочія дѣти отъ 10-и до 17-лѣтняго возраста, которыя посѣщали прежде школу или пользовались домашнимъ обученіемъ, всего 54.314 дѣтей. Изъ нихъ оказалось знающихъ только грамоту 42.462, умѣющихъ писать 14.139, знающихъ нѣсколько ариметіку 10.225; отъ 20-и до 25.000 дѣтей знали порядочно библейскую исторію и катихизисъ. Русскій и нѣмецкій языки преподаются только въ 10-и школахъ. На съѣздѣ было высказано желаніе о введеніи русскаго языка и географіи и въ другихъ школахъ, „гдѣ эти предметы оказались бы нужными“. Въ гор. Гапсалѣ находится эстонское училище докт. Гунніуса, учрежденное

на добровольныя приношенія мѣстныхъ жителей. До прошлаго года въ этомъ училищѣ не преподавалось русскаго языка, но когда на это обратилъ вниманіе г. генераль-губернаторъ, то дворянство Эстляндской губерніи ассигновало на этотъ предметъ по 100 руб. въ годъ.

— Въ Курляндской губерніи, по словамъ *Либавской газеты*, состояло въ теченіе учебнаго 18⁶⁹/₇₀ года народныхъ школъ 336 съ 19.043 зимними и лѣтними учениками; учащихъ было 365, изъ которыхъ 150 получили образованіе въ Іермлаусской семинаріи. Такъ какъ по крестьянскому уложенію Курляндской губерніи требуется по одной школѣ на каждую тысячу душъ, а населеніе губерніи простирается до 454.000 душъ, то Курляндской губерніи недостаетъ еще 118-и народныхъ школъ. Въ Ранденѣ, той же губерніи, происходилъ съѣздъ учителей латышскихъ народныхъ школъ. Разсужденіе происходило въ домѣ пастора, и между присутствующими учителями было также 5 членовъ пасторовъ. На съѣздѣ раздавались общія жалобы учителей на то, что латышскія дѣти неисправно посѣщаютъ школу. Учителя сознавались, что они безсильны бороться съ этимъ зломъ и могутъ, до изданія спеціальнаго на этотъ предметъ закона, дѣйствовать только нравственно на представителей крестьянскаго самоуправленія, побуждая ихъ принимать нѣкоторыя мѣры противъ родителей неисправныхъ дѣтей. Въ программѣ учебныхъ предметовъ, общихъ съ русскою народною школою, положено прибавить еще географію и всемірную или отечественную исторію. Относительно же русскаго языка рѣшено, что если наставникъ захочетъ преподавать этотъ языкъ (то же постановлено и относительно нѣмецкаго языка), то можетъ это дѣлать не въ урочные учебные часы, которыхъ въ недѣлю не мѣнѣе 32-хъ.

— Въ заключеніе сообщимъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Прибалтійскаго православнаго братства, уставъ котораго утвержденъ свѣтѣйшимъ синодомъ 15-го января сего года и напечатанъ въ *Духовной Бесѣдѣ* (Церк. Лѣт. №№ 13 и 14). Въ числѣ обязанностей братства находится между прочимъ забота объ устройствѣ народныхъ школъ при церквяхъ Прибалтійскаго края и объ образованіи на счетъ братства въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ наиболѣе способныхъ учениковъ народныхъ школъ, состоящихъ при церквяхъ. Школы устраиваетъ братство, руководствуясь правилами, утвержденными 26-го января 1870 г., съ тѣмъ однако же, чтобы школы эти могли быть изъяты отъ подчиненія приходскимъ училищнымъ попечительствамъ и поставлены въ непосредственную зависимость отъ со-

вѣта по дѣламъ православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній. Братство снабжаетъ школы учебниками, а также и другими необходимыми принадлежностями; приглашаетъ надежныхъ учителей; устраиваетъ при означенныхъ школахъ бібліотеки, составленныя изъ книгъ наиболѣе полезныхъ народу, а въ особенности заботится о распространеніи между учащимися русскаго языка. Преподаваніе закона Божія лежитъ на обязанности приходскихъ священниковъ.

Открытіе новыхъ училищъ.

Попечитель Казанскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что 26-го февраля текущаго года двухклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія открыто въ селѣ *Екатериновкѣ* (Самарскаго уѣзда), и что сверхъ 1.000 руб., назначенныхъ къ отпуску изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе сказаннаго училища, ассигновано на этотъ же предметъ 182 руб. отъ Еватерининскаго сельскаго общества и 250 руб. отъ Самарскаго уѣзднаго земства. Попечителемъ же училища избранъ крестьянинъ-собственникъ с. Еватериновки Пямень Ефимовъ Кочановъ.

Попечитель Одесскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что 3-го февраля текущаго года, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ Таврической губерніи, мирового судьи, полиціймейстера, городского головы, магометанскаго духовенства и почетнаго общества, происходило торжественное открытіе въ городѣ *Карасубазарѣ* татарскаго народнаго училища. По окончаніи молебствія на татарскомъ языкѣ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Попечитель того же учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что 26-го февраля текущаго года, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ Таврической губерніи, волостнаго старшины, магометанскаго духовенства, мѣстнаго и окружнаго почетнаго татарскаго общества, открыто въ *Сарайминѣ* татарское приходское училище. По совершеніи молебствія на татарскомъ языкѣ, было провозглашено многолѣтіе о здравіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Семейства.

ОБЗОРЪ УЧИЛИЩЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ МОСКВѢ.

I. Начальныя народныя училища¹⁾.

1) Приходское, при церкви Василія Кессарійскаго, что въ Тверской Ямской, училище основано въ 1863 году прихожанами означенной церкви. Училище помѣщается въ церковномъ каменномъ домѣ, и содержится доходами съ домовъ, назначенными для сей цѣли, а частью на средства училищнаго попечителя. Всего расходуетъ на училище до 1.300 руб. Непосредственное распоряженіе и надзоръ за училищемъ лежитъ на мѣстномъ священникѣ С. Никольскомъ, который преподаетъ въ немъ и законъ Божій. Кромѣ того, при училищѣ находятся слѣдующіе преподаватели: священникъ Троицкій, діаконъ Грузинскій, діаконъ Троицкій, студенты семинаріи: П. Голубевъ, С. Суворовъ и окончившій курсъ въ семинаріи по 2-му разряду М. Махаевъ; надзирательницею при дѣвочкахъ состоитъ Анна Троицкая. Учащихся въ настоящее время 214, изъ нихъ 128 мальчиковъ и 86 дѣвочекъ. Учащіеся раздѣлены на *шесть* отдѣленій: въ трехъ отдѣленіяхъ мальчики и въ трехъ дѣвочки. Преподаваніе идетъ по звуковому методу весьма успѣшно, хоровое чтеніе въ среднемъ отдѣленіи мальчиковъ ведется весьма правильно. Ариметика, хотя идетъ и слабѣе грамоты, но и она преподается довольно удовлетворительно. Ученики старшаго отдѣленія разказываютъ событія изъ русской исторіи и географіи. Законъ Божій во всѣхъ классахъ ведется хорошо. Вообще нужно сказать, что это заведеніе одно изъ лучшихъ въ Москвѣ.

¹⁾ Обзорніе училищъ города Москвы предпринято было по распоряженію г. попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ сожалѣнію, свѣдѣнія о числѣ училищъ и ихъ мѣстонахожденіи можно было добыть съ большимъ трудомъ, такъ какъ имѣвшіяся въ канцеляріяхъ Московскихъ училищныхъ совѣтовъ оказались весьма не полны. На будущее время сдѣланы надлежащія распоряженія для устраненія сего неудобства.

Преподаватели знакомы съ современными способами веденія народной школы. Свѣдѣнія изъ географіи и исторіи наставники дѣлають въ формѣ доступныхъ для дѣтей наглядныхъ разказовъ, не дѣлая изъ этихъ свѣдѣній самостоятельнаго преподаванія предмета, доступнаго только въ заведеніяхъ высшихъ разрядовъ. Изъ преподавателей особеннымъ усердіемъ отличается г. Голубевъ.

2) Смѣшанное училище, учрежденное попечительнымъ совѣтомъ при церкви св. Бориса и Глѣба, что у Арбатскихъ воротъ, открыто въ маѣ 1870 года. Постоянныхъ средствъ училище не имѣетъ, а по мѣрѣ надобности члены попечительства изыскивають матеріальныя или денежныя вспоможенія. При утвержденіи устава этого училища, уѣздный училищный совѣтъ разрѣшилъ въ немъ преподаваніе грамматики, вслѣдствіе чего сдѣлано указаніе г. предсѣдателю совѣта на то, что введеніе преподаванія грамматики не согласно съ положеніемъ объ одноклассныхъ народныхъ училищахъ. Ближайшее наблюденіе за ходомъ преподаванія поручено приходскому диакону Бухареву, который вмѣстѣ съ тѣмъ преподаетъ и законъ Божій; грамоту и ариметику преподають двѣ наставницы Волоцкая и Шмягина, которыя въ настоящее время держатъ экзаменъ на званіе учительницъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Число учащихся весьма не постоянно, но вообще можно считать отъ 60-и до 70-и. Причина измѣненія числа учащихся зависитъ отъ условій быта ихъ родителей. Въ этой мѣстности живетъ много бѣдныхъ людей, занимающихся по-денною работою, которая часто ставитъ ихъ въ необходимость брать дѣтей изъ школы для исполненія домашнихъ работъ, на время своего отсутствія изъ дома. Это училище вообще далеко еще не установилось и требуетъ большой энергіи со стороны членовъ попечительства, чтобы получить правильную внѣшнюю и внутреннюю организацію.

3) Приходское, при церкви Воскресенія на Остоженкѣ, училище для мальчиковъ и дѣвочекъ, помѣщенныхъ въ двухъ особыхъ комнатахъ. Квартира для училища дается отъ Александро-Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда; средства къ содержанію его изыскивають члены приходскаго попечительства. Законъ Божій преподаетъ приходскій священникъ Смирновъ-Платоновъ безвозмездно; грамотѣ и ариметикѣ священникъ Александровскій и причетникъ Смирновъ; въ женскомъ отдѣленіи преподаетъ окончившая курсъ въ школѣ благотворительнаго общества г-жа Рыбина. На жалованье наставникамъ выходитъ въ годъ до 350 рублей. Хотя это училище суще-

ствуется съ 1864 года, но оно далеко не имѣетъ правильно установленнаго порядка, а потому не представляетъ и успѣховъ, какіе можно видѣть въ правильно организованныхъ школахъ. Лучше другихъ предметовъ идетъ законъ Божій, но вообще развитіе учащихся идетъ довольно медленно, особенно въ младшемъ изъ трехъ отдѣленій. По программѣ своей училище не выходитъ изъ предѣловъ начальныхъ одноклассныхъ училищъ.

4) Приходское смѣшанное училище при церкви Воскресенія въ Даниловой слободѣ основано приходскимъ священникомъ Смирновымъ. Оно помѣщается въ церковномъ домѣ, отдѣланномъ стараніями священника и попечителя весьма удовлетворительно. Средства къ содержанию училища получаетъ отъ попечителя и частію отъ взносовъ съ учениковъ. Попечитель пожертвовалъ для учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ одежду, въ которой они являются въ школу. Вообще благодаря заботамъ священника Смирнова и попечителя купца Мещеряна, по внѣшнему виду, школа приведена въ очень хорошее положеніе. Что касается успѣховъ учащихся, то дѣти отличаются развитіемъ и смѣтливостію, чему способствуетъ въ особенности правильнѣйшій взглядъ на веденіе школьнаго дѣла отца Смирнова, преподающаго и въ другихъ народныхъ училищахъ. Онъ имѣетъ весьма способнаго помощника для обученія чтенію, письму и арифметикѣ въ преподавателѣ Соколовѣ, бывшемъ воспитанникѣ духовной семинаріи. Преподаваніе въ училищѣ ведется согласно съ узаконенною программой народныхъ училищъ.

5) Приходское смѣшанное, при церкви Ризположенской у Донскаго монастыря, училище содержится попечительствомъ того же прихода. Оно открыто въ 1865 году; помѣщается въ церковномъ домѣ и находится подъ наблюденіемъ мѣстнаго священника Рождественскаго; преподавателемъ закона Божія состоитъ діаконъ Соловьевъ; чтенію, письму и арифметикѣ учить домашній учитель Люминарскій; оба преподавателя вознагражденія не получаютъ. Составъ учащихся весьма неостоятеленъ, ибо родители, нуждаясь въ помощи дѣтей, часто берутъ ихъ изъ школы; но вообще въ немъ бываетъ отъ 15-й до 25-и чело-
вѣкъ. Крайняя скудость въ средствахъ не даетъ возможности учредителямъ поставить школу въ то положеніе, въ какомъ они желали бы ее видѣть. Въ настоящее же время успѣхи учениковъ весьма посредственны, но есть надежда, что училище будетъ имѣть возможность значительно улучшить свое положеніе. Въ послѣднее время приглашенъ въ школу учителемъ еще студентъ семинаріи, Русиновъ, съ

платаю по 10 руб. въ мѣсяцъ. Такъ какъ послѣдній слушалъ въ семинаріи педагогію, то въ будущемъ ожидается улучшение училища въ учебномъ отношеніи.

6) Училище, учрежденное Московскимъ почетнымъ общедѣльнымъ комитетомъ Императорскаго человеколюбиваго общества, при Набидкевской богадѣльнѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Оно основано въ 1869 году. Содержится на счетъ попечителя, г. Финляндскаго, который жертвуетъ для него до 580 рублей на жалованье преподавателямъ и на учебныя пособія. Преподавателями состоятъ священникъ Остроумовъ, имѣющій свидѣтельство на званіе учителя/ урожденной школы г. Богдановъ и причетникъ Мокшевъ. Учащихся 83 человѣка, изъ нихъ 17 дѣвочекъ. По программѣ училище отвѣчаетъ курсу народной школы; по успѣхамъ учащихся оно можетъ быть отнесено къ среднимъ училищамъ.

7) Женское начальное училище при Чернявскомъ заведеніи для дѣвицъ, учрежденномъ тѣмъ же комитетомъ человеколюбиваго общества. Оно основано въ 1869 году и содержится на средства комитета. Законъ Божій преподаетъ священникъ заведенія Тупталовъ; чтеніе, письмо и ариметику преподають окончившія курсъ въ Чернявскомъ заведеніи г-жи Шилова и Митропольская. На жалованье имъ расходуется до 250 руб. Къ развитію дѣтей приложено много старанія и потому, не смотря на недавнее существованіе школы, успѣхи по закону Божію, чтенію письму и ариметикѣ весьма удовлетворительны. Эта школа предназначена со временемъ, по введеніи въ Чернявское заведеніе полнаго гимназическаго курса, служить вспомогательнымъ учрежденіемъ для практическихъ занятій воспитанницъ, которыя будутъ посвящать себя дѣлу преподаванія. Въ настоящее время училище имѣетъ до 60-и воспитанницъ. Училище это тѣмъ болѣе полезно, что существуетъ въ той части Москвы, гдѣ вовсе нѣтъ учебныхъ заведеній для начального образованія.

8) Приходское, при церкви Пятницы Параскевы на Пятницкой, училище для мальчиковъ и дѣвочекъ основано въ 1862 году. Содержится на счетъ прихожанъ. Учителемъ состоятъ окончившій курсъ въ семинаріи г. Бударяцевъ, а дѣвочки обучаетъ баронесса Клодтъ. Учениковъ 105, изъ нихъ 65 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Женское отдѣленіе по успѣхамъ стоитъ выше мужскаго, но вообще этому училищу недостаетъ правильной и твердой организаціи, какъ относительно преподаванія, такъ и школьной дисциплины.

9) Александро-Марьинское Замоскворѣцкое училище, основанное въ 1867 году Московскимъ купеческимъ обществомъ въ память посѣщенія Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицей бывшаго городского головы Королева. Оно помѣщается въ домѣ купеческаго общества и содержится на счетъ того же общества и процентами съ капитала въ 80.000 руб., пожертвованнаго казакомъ Пушкаревымъ. Въ немъ 118 мальчиковъ и 115 дѣвочекъ въ особыхъ помѣщеніяхъ. Тѣ и другія распределены на три отдѣленія. Учебною частію завѣдуетъ инспекторъ училища, священникъ Ансеровъ; преподаютъ: законъ Божій священники Смирновъ и Петропавловскій, русскій языкъ — гг. Троицкій и Григорьевъ, арифметику — гг. Земщениновъ и Троицкій. Педагогическая часть въ училищѣ поставлена весьма хорошо. Ученики при испытаніи показали весьма ясныя и отчетливыя познанія въ ветхомъ и новомъ завітѣ, катихизисѣ и объясненіи литургій. По русскому языку хорошо и толково читаютъ, съ объясненіемъ прочитаннаго, дѣлаютъ этимологическій и синтаксическій разборъ, могутъ разказать главныя событія изъ русской исторіи и передавать свѣдѣнія географическія. Изъ арифметики дѣлаютъ задачи по четыремъ дѣйствіямъ надъ цѣлыми числами и правильно рѣшаютъ задачи на тройное правило. Это училище, по степени развитія учениковъ и по отчетливости знаній ихъ, должно отнести къ лучшимъ народнымъ училищамъ г. Москвы.

10) Училище мануфактуръ-совѣтника и почетнаго гражданина Солодовникова, основанное въ память избавленія Государя Императора отъ опасности въ 1866 году, помѣщается въ просторномъ каменномъ домѣ, для сей цѣли выстроенномъ. Число учениковъ 35, всѣ они живутъ въ училищѣ. Преподавателями состоятъ: свящ. Смирновъ, гг. Боровинъ, Блонштейнъ, Карелинъ и Градобоевъ. Ученики въ настоящее время уже прошли курсъ однокласнаго народнаго училища и теперь занимаются отчасти повтореніемъ пройденнаго, отчасти развитіемъ тѣхъ же предметовъ, въ особенности подробнымъ изученіемъ грамматики. По успѣхамъ учениковъ это заведеніе должно отнести къ очень хорошимъ заведеніямъ.

11) Училище при фабрикѣ г. Михайлова. Это заведеніе представляетъ совершенно особый типъ училищъ. Въ немъ ученіе производится только одинъ часъ въ день, по окончаніи работъ на фабрикѣ, и въ воскресные дни. Особенно замѣчательно то, что къ дѣтямъ, для которыхъ собственно основано заведеніе, совершенно по доброй волѣ присоединяются взрослые рабочіе, изъ которыхъ нѣкоторымъ далеко

за 30 лѣтъ, и занимаются они съ такою охотою и съ такимъ успѣхомъ, что невольно поражаютъ слушателя. Всѣхъ учащихся до 50-и чело-вѣкъ, раздѣленныхъ на два отдѣленія. Въ младшемъ классѣ че-тыре группы, образовавшіяся по мѣрѣ поступления учениковъ, въ старшемъ — одна. Трудная задача веденія класса въ четыре отдѣ-ленія разрѣшается здѣсь весьма удовлетворительно. Въ два года ученики научатся очень толково читать и отчасти писать. Всего болѣе содѣйствуетъ этому хорошее чтеніе, которое въ этой школѣ ве-дется правильнѣе, нежели во всѣхъ другихъ училищахъ. Оно про-должается и въ старшемъ отдѣленіи, при чемъ выборъ предметовъ таковъ, что ученики получаютъ въ окончателномъ результатѣ по-нятія объ исторіи и географіи. Законъ Божій идетъ во весь курсъ, начиная съ первыхъ уроковъ съ безграмотными, а въ старшемъ отдѣ-леніи ученики могутъ свободно излагать прочитанное. Ариетиче-скія задачи, особенно умственные, рѣшаются весьма удовлетвори-тельно. Г. Михайловъ воспользовался близостію военной семинаріи и пригласилъ для преподаванія въ школѣ ея учителей. Благодаря этому обстоятельству, при 6-и преподавателяхъ, учебное дѣло въ школѣ по-ставлено прекрасно. Все содержаніе, какъ хозяйственной, такъ и пе-дагогической части училища обходится не болѣе 1.500 рублей.

12) Частная школа г. Карповой, находящаяся въ Рогожской части 3-го квартала, существуетъ съ 1864 года; имѣетъ 6 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; содержится платой за ученіе, доходящею до 250 руб. Учительница не вполне знакома съ рациональнымъ веденіемъ школы, хотя, какъ видно, прилагаетъ къ дѣлу много старанія; успѣхи учени-ковъ весьма посредственны. Для преподаванія закона Божія, по заявле-нію г. Карповой, приглашенъ, вмѣсто бывшаго у нея законоучителя новый, но онъ еще не давалъ уроковъ.

13) Школа бывшая г. Семичевой, и въ текущемъ году, съ разрѣ-шенія Московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, переданная техни-ческому обществу, первоначально предназначалась для курса соотвѣт-ствующаго народнымъ училищамъ, но въ настоящее время обще-ство ходатайствуетъ о разрѣшеніи перевести ее въ разрядъ четырех-классныхъ училищъ, почему она должна выйти изъ разряда училищъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ.

Училища, основанія Московскою городскою думой.

14) *Николаевское* мужское училище, помѣщается у Сухаревой ба-шни. Оно открыто въ 1870 году. На содержаніе его назначено 4.900 р. Въ настоящее время оно имѣетъ 126 учениковъ, изъ коихъ 48 съ пла-

тою, которой собрано 144 рубля. Преподавателями состоятъ: священники Богоявленскій и Павловскій, учителями: кандидатъ Московскаго университета И. В. Неговоровъ, гг. Колосовъ, Сивохинъ, Жаровъ и Багрецовъ, учительница—Горбунова и смотрительница—г-жа Модерахъ. Ученики по степени развитія распределены по тремъ отдѣленіямъ. Курсъ обученія еще не вполне установленъ, но успѣхи учениковъ уже показываютъ, что училище займетъ со временемъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ спискѣ народныхъ училищъ. Въ младшемъ отдѣленіи ученики читаютъ довольно бойко и толково; въ среднемъ и въ старшемъ ученики знакомы съ грамматическими правилами; передаютъ событія изъ русской исторіи и рѣшаютъ удовлетворительно довольно сложныя задачи. По предмету закона Божія объясняютъ молитвы, знаютъ отчасти исторію ветхаго и новаго завѣта и катихизисъ. Всѣ ученики поютъ хоромъ и не давно стали заниматься черченіемъ.

15) *Лефортовское* женское училище открыто въ 1867 году. Дума отпускаетъ на него 3.000 рублей и за ученіе въ семь году собрано 87 рублей. Учащихся, какъ въ этомъ, такъ и въ остальныхъ женскихъ училищахъ, по 100 человекъ. Преподавателями состоятъ: свящ. Дроздовъ, г-жа Дьякова, она же и надзирательница, г-жи Крашенникова и Ярцова. Преподаватель черченія — г. Петровъ.

16) *Замосквортцкое* училище отъ думы получаетъ 3.000 рублей. Преподаватель—священникъ Оивейскій, учительницы г-жи Никулина, Лукашевичъ и Коновалова. Учитель черченія—г. Атовинъ. Учащихся 106 дѣвочекъ.

17) *Таганское* училище отъ думы получаетъ 3.000 рублей. Преподавателями состоятъ діаконъ Серапіонскій и г. Морозинъ, учительницы г-жи М. Воробьева, Е. Воробьева и Веніамінова. Учащихся 112 дѣвочекъ.

18) *Пръсненское* училище отъ думы получаетъ 3.000 рублей. Преподаватели — священникъ Ржаницинъ и г. Матѣевъ, учительницы — г-жи Клипина, Н. Павловская и А. Павловская. Учащихся 106 дѣвочекъ.

19) *Сушевское* училище отъ думы получаетъ 3.000 рублей. Преподаватели—священникъ Лебедевъ и г. Морозкинъ. Учительницы—г-жи Игнатьева и Цявловская. Учащихся 63. Въ настоящее время училище, по случаю пожара, помѣщается въ новомъ домѣ, и потому и въ которое время ученіе было приостановлено.

Всѣ означенныя женскія городскія училища поставлены болѣе или менѣе въ одинаковыя условія. Въ особенности единству харак-

теперь училища способствуетъ то, что всѣ наставницы слушаютъ педагогическія курсы, устроенныя думой. Въ нихъ съ нынѣшняго года въ младшихъ классахъ введенъ звуковой методъ преподаванія и затѣмъ переходятъ непосредственно къ толковому чтенію. Въ среднихъ классахъ вводится хорошее чтеніе съ объясненіемъ прочитаннаго. Арифметическія упражненія начинаются численіемъ находящихся предъ дѣтскими предметами и рѣшеніемъ легкихъ умственныхъ задачъ; потомъ переходятъ къ рѣшенію задачъ на доскѣ, при чемъ рѣшаютъ задачи съ именованными числами. Знакомство съ исторіей и географіей введено какъ особый предметъ, подъ именемъ „міровѣдѣнія“. Хотя улучшенныя способы преподаванія еще только вводятся нѣкоторыми наставницами, но успѣхъ, со времени прошлой зимы, весьма замѣтенъ. Въ особенности нельзя не обратить вниманія на то, что дѣвочки, начавшія учиться по звуковому методу, идутъ и дальше гораздо быстрѣе тѣхъ, которыя не успѣли имъ воспользоваться. Къ особенному вниманію наставницъ слѣдуетъ отнести и то, что дѣти, въ младшихъ классахъ оказывающія весьма неудовлетворительныя успѣхи, въ старшихъ отдѣленіяхъ значительно выравниваются, такъ что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, за исключеніемъ не многихъ случаевъ, принимаются и передаются довольно свободно всѣми ученицами. Школьный надзоръ кромѣ учительницъ усиленъ еще попечительницами; полезность этой мѣры весьма замѣтна, особенно въ Лефортовскомъ и Замоскворѣцкомъ училищахъ. Конечно, училища, открытыя думой, при получаемыхъ ими средствахъ, при постоянно дополняемыхъ знаніяхъ учительницъ и при постоянномъ надзорѣ и заботѣ попечительницъ, будутъ имѣть большой успѣхъ, что замѣтно и теперь, ибо число кандидатовъ во всѣ училища весьма значительно.

Въ заключеніе представленнаго обзора училищъ, считаемъ нужнымъ предложить слѣдующія общія замѣчанія: 1) Всѣ лучшія училища г. Москвы, по роду предметовъ, сообщаемыхъ ученикамъ, выходятъ изъ программы одноклассныхъ народныхъ училищъ, въ особенности же школы: Александро-Марьянская, Василіе-Кесарійская, г. Михайлова и городскія школы. Въ школѣ гг. Солодовниковыхъ хотя преподаватели стараются оставлять предметы въ рамкахъ однокласснаго училища, но это не можетъ принести особой пользы для учениковъ, такъ какъ по развитію и по суммѣ познаній, они могутъ идти дальше и удерживать ихъ на томъ, что они уже основательно изучили и знаютъ, было бы не педагогически; съ другой стороны, при повтореніи учителямъ необходимо бываетъ расширять рамки пройденнаго, чтобы

выяснить предметъ, полнѣе и поставить все изученное во взаимную связь.

2) Обращая вниманіе на то, что нѣкоторыя приходскія училища крайне нуждаются въ самомъ необходимомъ, я просилъ уѣздные училищныя совѣты обратить на это вниманіе и чрезъ своихъ членовъ отъ городской думы просить о выдачѣ изъ городскихъ суммъ вспоможеній тѣмъ училищамъ, которыя въ особенности того заслуживаютъ, что и принято совѣтами къ свѣдѣнію.

3) Убѣдись, что на известныхъ мнѣ фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ работаютъ дѣти въ томъ возрастѣ, когда имъ необходимо ученіе, за исключеніемъ двухъ, не имѣется школы и потому малолѣтніе рабочіе остаются безъ всякаго обученія грамотѣ и даже безъ наставленія въ законѣ Божіемъ, я сдѣлалъ о томъ заявленіе губернскому училищному совѣту, прося обратить на это вниманіе и изыскать средства къ побужденію фабрикантовъ давать малолѣтнимъ рабочимъ необходимое въ ихъ быту образованіе. При этомъ членъ совѣта, г. Московскій гражданскій губернаторъ, вполнѣ раздѣляя мысль о необходимости обученія малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ, на коихъ, по его заявленію, гибнуть цѣлыя поколѣнія отъ отсутствія всякаго нравственнаго вліянія, предложилъ ходатайствовать у правительства о вмѣненіи въ обязанность фабрикантамъ и заводчикамъ, при известныхъ условіяхъ ихъ заведеній, открывать школы для малолѣтнихъ рабочихъ, и это требованіе распространить не только на Москву, но и на всю губернію, что также принято совѣтомъ.

II. Воскресные классы технического рисованія.

Московское общество распространенія техническихъ знаній, съ марта мѣсяца 1870 года, положило открывать воскресные классы технического рисованія въ г. Москвѣ. Всего въ равное время открыто 10 классовъ, при одномъ уѣздномъ и 9-и начальныхъ училищахъ г. Москвы. При каждомъ изъ классовъ имѣется попечитель изъ членовъ общества и рисовальщикъ, послѣдніе всѣ изъ Строгоновскаго училища рисованія. Оригиналы и всѣ учебныя пособія доставляются попечителями. Въ три года предполагается пройти курсъ, который состоитъ изъ рисованія контуровъ, рисованія геометрическихъ фигуръ, контуровъ орнаментовъ, растушевки ихъ, черченія съ натуры геометрическихъ тѣлъ и ихъ тушевки, рисованія съ натуры орнаментовъ, съ тушевкой. Обученіе должно дать учащимся умѣнье составлять хотя простѣйшіе рисунки для тканей. Съ этою цѣлію общество начало нада-

вать „курсъ рисованія“, первая тетрадь котораго уже поступила въ продажу. Всѣхъ учениковъ было въ классахъ рисованія 830 человекъ; по преимуществу изъ учащихся или окончившихъ курсъ въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ востѣщаются классы. Но въ нѣкоторыхъ училищахъ, близькихъ къ фабрикамъ, классы востѣщаются и фабричными. Въ особенности выдаются усѣхи училищъ: *Пръсненскаго*, гдѣ кромѣ воскресенья ученіе бываетъ еще два раза въ недѣлю, *Городскаго* и *Басманнаго*, хотя послѣднія два открыты весьма недавно. Послѣдними училищами завѣдываетъ особая коммиссія изъ попечителей, подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова-Ростовскаго.

III. Педагогическіе курсы, устроенные городской думой.

Педагогическіе курсы для учительницъ начались зимой 1870 года, и послѣ промежутка лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, возобновились опять въ декабрѣ того же года. Классы эти поручены думой особому комитету, составленному для наблюденія за ея училищами. Кромѣ того, для нихъ назначена особая попечительница. Преподавателями въ курсахъ были: по обученію грамотѣ—учитель начальнаго училища Ивановъ и 6-й гимназій учитель г. Шаховской; по объяснительному чтенію — преподаватель военной гимназій г. Тихоміровъ. Ариметику преподавалъ учитель 1-й гимназій Поляковъ и г. Шаховской. Преподаваніе было соединяемо съ практикой, для чего призывались въ классы ученики знающіе и не знающіе читать. Классъ начинался, по большей части, занятіемъ съ учениками, а по уходѣ ихъ, слушательницамъ объяснялись приемы преподаванія и ихъ основанія. Въ дополненіе къ этимъ занятіямъ, слушательницы вели записки пройденнаго. Въ основаніе преподаванія звуковаго метода были приняты руководства Золотова, Главинскаго и азбука Московскаго комитета грамотности. Для объяснительнаго чтенія служило „Родное Слово“ Ушинскаго. Ариметика излагалась по методу Грубе, именно по руководству г. Паульсона. Чистописаніе преподавалъ г. Баранцевичъ, по составленному имъ руководству. Курсъ настоящей зимы пополненъ былъ изложеніемъ правилъ, какъ вести школу относительно внѣшней и внутренней ея организаціи и введеніемъ „мировѣдѣнія“, для чего приглашенъ былъ преподаватель военной учительской семинаріи г. Малининъ. Педагогическіе курсы принесли уже для городскихъ училищъ значительную пользу. До осени 1870 года въ Московскихъ школахъ не было введено ни звуковаго метода, ни общаго чтенія, ни надлежащаго выбора статей для чтенія. Въ августѣ же мѣсяцѣ 1870 года наставницы, слушавшія педа-

гогическій курсъ, начали вводить въ школы усвоенные ими педагогическіе методы и приемы обученія, а къ концу года ученицы младшихъ отдѣленій уже научились правильному и толковому чтенію. Труднѣе прививается рациональное обученіе счисленію, но это объясняется трудностію предмета и тѣмъ, что онъ отъ самихъ наставницъ требуетъ продолжительнаго упражненія и большаго навыка.

Инспекторъ народныхъ училищъ Московской губерніи

А. Краснопоѣковъ.

ПО ПОВОДУ ОТЗЫВОВЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ КОНФЕРЕНЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ О СОСТОЯНІИ ПРЕПОДАВАНІЯ МАТЕМАТИКИ И ФИЗИКИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ВЪДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ февральской книжкѣ *Военно-Медицинскаго Журнала* напечатанъ рапортъ, представленный конференціи Императорской медико-хирургической академіи профессорами оной Сорокинымъ, Хлѣбниковымъ и Заварыкинымъ по поводу усиливающейся изъ года въ годъ, по ихъ наблюденіямъ, неподготовленности, по предметамъ математики и физики, воспитанниковъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ виду сего признается неизлишнимъ сообщить нижеслѣдующія данныя, имѣющіяся по этому предмету въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

22-го ноября 1870 года г. военный министръ обратился къ г. министру народнаго просвѣщенія съ отношеніемъ, въ которомъ изъяснилъ, что „изъ повѣрочныхъ испытаній при приѣзѣ въ студенты медико-хирургической академіи конференція убѣдилась, особенно въ послѣдніе годы, въ крайней неподготовленности молодыхъ людей, поступающихъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ математику и физику“, что „недостатокъ этотъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе усиливается и становится очевиднѣе“, и что „эта бѣдность предварительной подготовки замѣчается не только у посредственныхъ, но и у лучшихъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній“, такъ что „по необходимости приходится приписать ее не столько нерадѣнію учащихся, сколько недостаточному и неправильному преподаванію математики и физики въ означенныхъ заведеніяхъ, притомъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ въ семинаріяхъ и раввинскихъ училищахъ“, и затѣмъ просилъ г. министра народнаго просвѣщенія „сдѣлать распоряженіе, чтобы въ

среднихъ учебныхъ заведеній какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и духовнаго вѣдомства, были приняты мѣры къ усиленію и улучшенію преподаванія математики и физики“.

Сообщивъ о семъ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ для свѣдѣнія и надлежащихъ съ ихъ стороны распоряженій, г. министръ народнаго просвѣщенія, дабы имѣть возможность принять ближайшія мѣры по отношенію къ тѣмъ гимназіямъ, бывшіе ученики коихъ оказали неудовлетворительныя познанія по математикѣ и физикѣ на повѣрочныхъ испытаніяхъ въ медико-хирургической академіи, обратился къ г. военному министру съ просьбой о сообщеніи ему болѣе точныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ, по формѣ, принятой для сего университетами, то-есть, въ формѣ именныхъ списковъ всѣхъ лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію въ медико-хирургической академіи, съ обозначеніемъ гимназій, въ коихъ означенныя лица обучались, и отмѣтокъ, полученныхъ ими какъ на выпускномъ экзаменѣ въ гимназіяхъ, такъ и на повѣрочномъ испытаніи въ медико-хирургической академіи, и притомъ за два послѣдніе года — 1869-й и 1870-й.

На это отношеніе, отъ 20-го января 1871 года, послѣдовала отвѣтъ отъ 16-го апрѣля сего года. Въ отвѣтѣ этомъ свѣдѣній за 1869 годъ вовсе не сообщено, ибо въ медико-хирургической академіи „за прежнее время не сохранено повѣрочныхъ испытательныхъ списковъ лицамъ, которымъ отказывалось въ приѣмѣ“; отмѣтки, полученныя на выпускномъ экзаменѣ въ гимназіяхъ, также не могли быть выставлены въ доставленныхъ спискахъ, „такъ какъ документы не приняты въ академію молодыхъ людей возвращаются имъ при отказѣ въ приѣмѣ“, и наконецъ, не показано, сколько именно лицъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, подвергалось повѣрочному испытанію въ медико-хирургической академіи, каковое показаніе было бы особенно важно для вѣрности сужденія, на сколько успѣшно или безуспѣшно идетъ преподаваніе математики и физики въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, — а сообщено только, что общее число не принятыхъ въ академію въ прошломъ году молодыхъ людей, по недостаточности свѣдѣній въ физикѣ и математикѣ, составляетъ 10% всего числа испытывавшихся; но въ этомъ общемъ числѣ не принятыхъ несомнѣнно были и молодые люди, окончившіе курсъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также приготовлявшіеся дома.

Въ доставленныхъ изъ военнаго министерства именныхъ спискахъ только тѣмъ лицамъ, которыя не выдержали испытанія въ 1870 году

из математики и физики, поименованы всего 19 лиц. Из этих 19 об одном не сказано, где он учился прежде, потому что и не может быть принято, чтобы в расчет. Из остальных 18-ти трое не выдержали экзамена из математики и из физики вообще; но из этих троех 1 обучался в Виленском равнинском училищѣ, 1 хотя и обозначенъ въ вышеупомянутыхъ спискахъ, учившійся въ Нѣжинскомъ лицей классъ Безбородко, но не считаясь, имѣющимся въ министерствѣ народного просвѣщенія, оченный курсъ въ Житомирскомъ равнинскомъ училищѣ, а въ лицей классѣ Безбородко выдержалъ только дополнительный экзаменъ изъ латинскаго языка и въ томъ же мѣсяцѣ оставилъ лицей, и только *однимъ* действительно оказался въ Виленской гимназій — Зетъ изъ одной математики не выдержалъ экзамена 8 человекъ, изъ нихъ двое — бывшіе ученики Виленскаго равнинскаго училища; 1 не былъ ученикомъ Керченской гимназій, какъ показано въ вышеупомянутыхъ спискахъ, а только подвергался въ ней, въ числѣ стороннихъ лицъ, экзамену изъ гимназическаго курса, и 1 окончилъ курсъ въ Петроваводской гимназій еще въ 1866 г., но получивъ на вынужденномъ экзаменѣ неудовлетворительную отмѣтку изъ физики, не былъ удостоенъ аттестата для поступления въ университетъ. Такимъ образомъ лишь *четыре* лица, неудовлетворительно отвѣчавшіе изъ математики на поѣздныхъ испытаніяхъ въ медико-хирургической академіи, означаются обучающимися действительно въ гимназіяхъ мѣдомства министерства народного просвѣщенія и удостоенными аттестата для поступления въ университетъ.

Изъ одной физики не выдержали экзамена 7 лицъ: изъ нихъ 1 обучался въ Виленскомъ равнинскомъ училищѣ, 1 въ Житомирскомъ равнинскомъ училищѣ, 1 не учился, а только экзаменовался въ числѣ стороннихъ лицъ въ 3-й Харьковской гимназій, и следовательно, только *четыре*, или, съ присоединеніемъ бывшаго ученика Виленской гимназій, отвѣчавшаго неудовлетворительно и изъ математики, и изъ физики — только *пять* бывшихъ учениковъ гимназій, изъ коихъ одна частная (г. Соколова въ С.-Петербургѣ), не выдержала поѣзднаго испытанія изъ физики въ медико-хирургической академіи.

Между тѣмъ въ министерство народного просвѣщенія поступило донесеніе отъ г. додочителя С.-Петербургскаго учебнаго округа по поводу сообщеннаго его свѣдѣнія князю П. И. Ливену (такъ же какъ и додочителямъ другихъ учебныхъ округовъ) заключенія вѣснаго министерства по поводу экзаменовъ въ медико-хирургической академіи.

Въ этомъ доносеніи своемъ г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа сообщаетъ собранію слѣдующія свѣдѣнія о числѣ поступившихъ изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ въ тѣ спеціальныя училища, гдѣ въ особенности необходимо знаніе математическихъ наукъ, съ своими по нимъ заключеніями. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается:

1) Что число воспитанниковъ гимназій, поступающихъ по окончаніи въ нѣкѣ курса въ высшія спеціальныя училища, съ каждымъ годомъ самѣно увеличивается. Такъ, изъ казенныхъ только гимназій С.-Петербургскаго округа поступило въ институтъ инженеровъ путей сообщенія: въ 1866 г. — 4 человека, въ 1867 г. — 6, въ 1868 г. — 7, въ 1869 г. — 9, а въ 1870 году — 16 человекъ.

2) Что нѣкоторые изъ классическихъ гимназій снабжаютъ высшія спеціальныя училища большимъ числомъ учениковъ, нежели реальныя, а именно: изъ 5-й С.-Петербургской гимназіи поступило за послѣднее время въ эти училища 13 человекъ, изъ 1-й — 12, изъ 2-й — 11, а изъ 7-й С.-Петербургской (реальной) — 10, изъ Архангельской (также реальной) — 7 человекъ, изъ чего явствуетъ, что учебный курсъ классическихъ гимназій служитъ столько же приготовленіемъ къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ и къ приобрѣтенію дальнѣйшаго высшаго образованія по направленію точныхъ наукъ, сколько и ко всѣмъ другимъ спеціальностямъ знанія. Выводъ этотъ подтверждается еще и тѣмъ, что изъ 184 успѣшно окончившихъ въ 1870 г. курсъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, кромѣ 28-и человекъ, поступившихъ въ высшія спеціальныя училища, 17 человекъ поступило въ физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, всего же 45 человекъ, или слишкомъ третья часть окончившихъ свое гимназическое образованіе пошла на физико-математическія спеціальности.

3) Что преподаваніе математики и физики идетъ успѣшно и даетъ прогрессивно все лучшіе результаты. Въ этомъ отношеніи г. попечитель С.-Петербургскаго округа указываетъ особенно на результаты повѣрочныхъ испытаній въ 1869 и 1870 годахъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Такъ, въ 1869 году изъ 83-хъ молодыхъ людей, подвергавшихся повѣрочному испытанію въ этомъ институтѣ по окончаніи курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго округа, не выдержало экзамена 7 или 21%, а въ 1870 году изъ 42-хъ не выдержало экзамена 6 или 14%, если же изъять за эти годы отдѣльно одни казенныя гимназіи, то окажется, что въ 1869 г.

не выдержавшихъ экзамена было 24% (6 изъ 25), а въ 1870 году только 7% (2 изъ 28), тогда какъ въ этомъ же году изъ училищъ и гимназій военнаго вѣдомства не выдержали экзамена въ тотъ же институтъ 6 изъ 18, или 33%.

„Неизвѣстно, — говоритъ въ заключеніе своего донесенія г. попечитель С.-Петербургскаго округа, — какой масштабъ прилагали при повѣрочныхъ испытаніяхъ изъ математики и физики поступавшимъ въ медико-хирургическую академію гг. профессора медицины наукъ; но во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи несравненно важнѣе выраженные въ числовыхъ данныхъ результаты повѣрочныхъ испытаній, произведенныхъ въ 1869 и 1870 годахъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, такъ какъ въ это спеціальное заведеніе могутъ быть принимаемы лишь молодые люди, не только обладающіе надлежащими математическими свѣдѣніями, но и математически развитые“.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

	СТРАН.
Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1869 годъ	3
Приложенія ко всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1869 годъ	117

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

1. 25-го января 1871 года. О предоставленіи правъ служащимъ въ русскихъ народномъ училищѣ и классической гимназій въ г. Гельсингфорсѣ, а также воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ сихъ заведеніяхъ	96
2. 3-го февраля 1871 года. Объ учрежденіи въ Карасубазарскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ стипендіи Турдана Первани	97
3. 3-го февраля 1871 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Бобруйской прогимназій бывшаго инспектора оной Нордвиста	98
4. 3-го февраля 1871 года. О дозволеніи почетному смотрителю Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго училища Агаджанову содержать въ пансіонѣ Астраханской гимназій одного воспитанника	99
5. 3-го февраля 1871 года. Объ учрежденіи стипендій статскаго совѣтника Иващенко при Новгородсверской гимназій	100

6. 3-ю февраля 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи имени св. Кирилла и Мееодія	101
7. 3-ю февраля 1871 года. Обь отпускѣ на расходы педагогическаго съѣзда сельскихъ учителей Архангельской губерніи 2.542 рублей	—
8. 26-ю февраля 1871 года. Обь учрежденіи педагогическихъ курсовъ въ городѣ Андреевѣ (Кѣлецкой губерніи) и въ городѣ Ленчицѣ (Калишской губерніи)	102
9. 8-ю марта 1871 года. О расходѣ на постепенное введеніе въ дѣйствіе нормныхъ штатовъ гимназій и прогимназій	103
10. 22-ю марта 1871 года. Обь измѣненіи порядка ассигнованія суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата Новороссійскаго университета до цыфры нормальнаго штата сего университета	201
11. 5-ю апрѣля 1871 года. Обь учрежденіи въ Варшавскихъ гимназіяхъ двухъ стипендій на деньги, пожертвованныя надворнымъ совѣтникомъ Розмовскимъ	202

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

29-го января 1871 года (№ 5)	104
3-го марта 1871 года (№ 6)	104
16-го марта 1871 года (№ 7)	203
16-го марта 1871 года (№ 8)	—
28-го марта 1871 года (№ 9)	—
17-го апрѣля 1871 года (№ 10)	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 27-ю февраля 1871 года. Положеніе о двухъ стипендіяхъ въ Архангельскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда, учрежденныхъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго чинами Архангельской казенной палаты, губернскаго казначейства и акцизнаго управленія въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ казенной палаты и губернскаго казначейства	106
2. 6-ю марта 1871 года. О доставленіи гг. попечителями учебныхъ округовъ въ министерство вѣдомостей о дѣйствительномъ употребленіи суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе учебныхъ заведеній	107
3. 6-ю марта 1871 года. О доставленіи гг. попечителями	

округовъ свѣдѣній о причинахъ, по которымъ ассигнованныя на содержание училищъ суммы не были своевременно израсходованы на предметъ назначенія 111

4. 6-го марта 1871 года. Объ утвержденіи въ завѣщаніи Карла Тышкерича записи въ 20.000 руб. въ пользу стипендіальнаго фонда высшаго учебнаго заведенія въ Варшавѣ 112

5. 6-го марта 1871 года. Объ утвержденіи въ завѣщаніи Адама Дипинскаго записи въ 3.000 руб. на учрежденіе стипендіи для уроженцевъ г. Варшавы —

6. 13-го марта 1871 года. О разрѣшеніи устроить въ нынѣшнемъ году съѣзды учителей начальныхъ училищъ Варшавской, Радомской, Сувальской и Сѣдлецкой учебныхъ дирекцій. —

7. 27-го марта 1871 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Саратовской гимназій 204

8. 27-го марта 1871 года. Относительно разсылки по начальнымъ народнымъ училищамъ каталоговъ книгъ для употребленія въ сихъ училищахъ, съ присоединеніемъ самого каталога —

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

27-го февраля 1871 года (№ 3) 118

20-го марта 1871 года (№ 4) 227

11-го апрѣля 1871 года (№ 5) 230

Официальныя извѣщенія.

О стипендіяхъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича при Архангельскомъ Мариинскомъ женскомъ училищѣ 233

О книгѣ: „Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ“. Изданіе комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства 234

О журналѣ *Христіанскія и русскія древности и археологія* —

Объ избраніи г. министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго членскимъ членомъ комитета политехнической выставки въ 1872 году въ Москвѣ 236

Объ работѣ рисунковъ, сделанныхъ академикомъ Солнцевымъ въ 1843 году, съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора —

ОТДѢЛЪ НАУКИ

Очеркъ жизни и дѣятельности К. Я. Эрбена. <i>Н. А. Давро- скаго</i>	1
Персидскія войны. <i>А. П. Рославскаго-Петровскаго</i>	21
Oratio ad auspiciandum munus professoris in Instituto Histo- rico-philologico a L. Muellera habita	58
Извѣстия о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.	70 и 189
Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ. <i>А. Н. Веселовскаго</i>	95
Религиозная и національная благотворительность на Востоку и среди Славянъ. <i>А. Н. Попова</i>	143

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. <i>Л. Костецко. С.-Пб. 1870. В. Г.</i>	77
— Die Volksepik der Kroaten. Von Miklosich. Wien. 1870. <i>И. А. Бодуэна-де-Куртена</i>	90
Сравнительно-критическія наблюденія надъ словесныиъ соста- вомъ народнаго русскаго эпоса. <i>Илья Муромецъ и Богатырство Кіевское. Соч. О. Θ. Миллера. Θ. И. Буслаева</i>	203
Восточное и древне-греческое искусство. (Musée Napoléon III. Choix des monuments antiques pour servir à l'histoire de l'art en Orient et en Occident. Texte explicatif par Adrien de Longpérier, membre de l'Institut, conservateur des antiques des musées impé- riaux. Paris. Livraisons 1—24.) <i>К. К. Герца</i>	239

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Значеніе Сократа, какъ философа-педагога. <i>Н. Маркса</i>	79 ✓
<i>Наша педагогическая литература.</i>	
— Опытъ систематическаго изложенія исторіи словесности. Соч. <i>П. Тимошенко. С.-Пб. 1870. К.</i>	51
Хрестоматія по древне-русской литературѣ и народной сло- весности. <i>Θ. Буслаева. Москва. 1870. А.</i>	53
Латинско-русскій и русско-латинскій лексиконъ Кроненберга. 7-е изд. <i>М. 1870</i>	59
— Нѣмецкая азбука для русскихъ дѣтей. <i>О. Урбена. Рига. 1870.</i>	59

Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. Von M. Oertel. Odessa. 1870.	63
Учебникъ французскаго языка. Сост. <i>Мильчевскимъ</i> Москва. 1869.	64
Katechismus der Prosa und der Poesie. Von <i>Sikoroki</i> . Варш. 1869.	66
Руководство къ ариметикѣ. Сост. <i>Д. Назаровъ</i> . М. 1870 .	67
Прямолинейная тригонометрія для гимназій. У. Борткевича. С.-Пб. 1870.	68
Планиметрия и стереометрія по Лежандру. Сост. <i>И. Гегель</i> . Рига. 1869 и 1870	71
Руководство къ физикѣ. Сост. <i>В. Полкомыцкій</i> . Варшава. 1870.	71

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О результатахъ повѣренныхъ испытаній въ университетахъ въ 1870 году: 1) Въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 2) Въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ . . .	1
Отчетъ о дѣятельности попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ за 1870 годъ	17
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ	20 и 93
Обзоръ училищъ для народнаго образованія въ Москвѣ. <i>А. Краснопякова</i>	170
По поводу отзывомъ, представленныхъ конференціи Императорской медико - хирургической академіи о состояніи преподаваніи математики и физики въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	181 ✓

- 3. ... (1870)
- 4. ... (1870)
- 5. ... (1870)
- 6. ... (1870)
- 7. ... (1870)
- 8. ... (1870)
- 9. ... (1870)
- 10. ... (1870)
- 11. ... (1870)
- 12. ... (1870)
- 13. ... (1870)
- 14. ... (1870)
- 15. ... (1870)
- 16. ... (1870)
- 17. ... (1870)

Содержание

- 1. ... (1870)
- 2. ... (1870)
- 3. ... (1870)
- 4. ... (1870)
- 5. ... (1870)
- 6. ... (1870)
- 7. ... (1870)
- 8. ... (1870)
- 9. ... (1870)
- 10. ... (1870)
- 11. ... (1870)
- 12. ... (1870)
- 13. ... (1870)
- 14. ... (1870)
- 15. ... (1870)
- 16. ... (1870)
- 17. ... (1870)
- 18. ... (1870)
- 19. ... (1870)
- 20. ... (1870)
- 21. ... (1870)
- 22. ... (1870)
- 23. ... (1870)
- 24. ... (1870)
- 25. ... (1870)
- 26. ... (1870)
- 27. ... (1870)
- 28. ... (1870)
- 29. ... (1870)
- 30. ... (1870)
- 31. ... (1870)
- 32. ... (1870)
- 33. ... (1870)
- 34. ... (1870)
- 35. ... (1870)
- 36. ... (1870)
- 37. ... (1870)
- 38. ... (1870)
- 39. ... (1870)
- 40. ... (1870)
- 41. ... (1870)
- 42. ... (1870)
- 43. ... (1870)
- 44. ... (1870)
- 45. ... (1870)
- 46. ... (1870)
- 47. ... (1870)
- 48. ... (1870)
- 49. ... (1870)
- 50. ... (1870)
- 51. ... (1870)
- 52. ... (1870)
- 53. ... (1870)
- 54. ... (1870)
- 55. ... (1870)
- 56. ... (1870)
- 57. ... (1870)
- 58. ... (1870)
- 59. ... (1870)
- 60. ... (1870)
- 61. ... (1870)
- 62. ... (1870)
- 63. ... (1870)
- 64. ... (1870)
- 65. ... (1870)
- 66. ... (1870)
- 67. ... (1870)
- 68. ... (1870)
- 69. ... (1870)
- 70. ... (1870)
- 71. ... (1870)
- 72. ... (1870)
- 73. ... (1870)
- 74. ... (1870)
- 75. ... (1870)
- 76. ... (1870)
- 77. ... (1870)
- 78. ... (1870)
- 79. ... (1870)
- 80. ... (1870)
- 81. ... (1870)
- 82. ... (1870)
- 83. ... (1870)
- 84. ... (1870)
- 85. ... (1870)
- 86. ... (1870)
- 87. ... (1870)
- 88. ... (1870)
- 89. ... (1870)
- 90. ... (1870)
- 91. ... (1870)
- 92. ... (1870)
- 93. ... (1870)
- 94. ... (1870)
- 95. ... (1870)
- 96. ... (1870)
- 97. ... (1870)
- 98. ... (1870)
- 99. ... (1870)
- 100. ... (1870)

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

27 Aug '69 L	
	APR 14 1975 29
LD	
APR 14 1963	
REC. CH. DEPT. ONE 1 9 75	
	NOV 17 2003
REC. CH. DEPT. ONE 1 9 75	
INTERLIBRARY LOAN	
DEC 21 1990	
UNIV. OF CALIF. BERK.	

LD 21A-50m-11, '62
(D3279a10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045453720

854547

L 451
A4
v. 154

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

